

Иммануил Валлерстайн

МИР-СИСТЕМА МОДЕРНА III

Immanuel
Wallerstein

Вторая эпоха
великой экспансии капиталистического
мира-экономики, 1730–1840-е годы

The Modern World-System III

*The Second Era of Great Expansion of
the Capitalist World-Economy, 1730s–1840s*

МИР-СИСТЕМА МОДЕРНА III

Иммануил
Валлерстайн

III

Университет Дмитрия Пожарского

МИР-СИСТЕМА МОДЕРНА III

*Вторая эпоха великой экспансии
капиталистического мира-экономики,
1730—1840-е годы*

ENCYCLOPÉDIE,
O U
DICTIONNAIRE RAISONNÉ
DES SCIENCES,
DES ARTS ET DES MÉTIERS,

PAR UNE SOCIÉTÉ DE GENS DE LETTRES.

Mis en ordre & publié par M. *DIDEROT*, de l'Académie Royale des Sciences & des Belles-Lettres de Prusse; & quant à la PARTIE MATHÉMATIQUE, par M. *D'ALEMBERT*, de l'Académie Royale des Sciences de Paris, de celle de Prusse, & de la Société Royale de Londres.

*Tantum series juncturaque pollet,
Tantum de medio sumptis accedit honoris!* HORAT.

TOME PREMIER.

A PARIS,

Chez { *BRIASSON*, rue Saint Jacques, à la Science.
DAVID l'aîné, rue Saint Jacques, à la Plume d'or.
LE BRETON, Imprimeur ordinaire du Roy, rue de la Harpe.
DURAND, rue Saint Jacques, à Saint Landry, & au Griffon.

M. D C C. L I.

AVEC APPROBATION ET PRIVILEGE DU ROY.

1

Обложка первого издания «Энциклопедии» Дидро (1751). Париж, Национальная библиотека. «Энциклопедия» Дидро считается важнейшим интеллектуальным манифестом эпохи Просвещения и долгое время символизировала для многих триумф научного рационализма как главенствующей идеологии мир-системы Модерна. Написанная Дени Дидро с помощью Жана ле Рона д'Аламбера в области математики, «Энциклопедия» была впервые опубликована в 1751—1780 годах в 35 томах ин-фолио, из которых 21 том содержал тексты, 12 томов — иллюстрации и 2 тома — таблицы, составленные П. Мушоном.

Университет Дмитрия Пожарского

Иммануил Валлерстайн

МИР-СИСТЕМА МОДЕРНА III

*Вторая эпоха великой экспансии
капиталистического мира-экономики,
1730—1840-е годы*

The Modern World-System III

The Second Era of Great Expansion of the Capitalist World-Economy, 1730s—1840s

МОСКВА

Университет Дмитрия Пожарского

2016

Рецензент:
проф. Г. М. Дерлугьян

Валлерстайн И.

В 15 Мир-система Модерна. Том III. Вторая эпоха великой экспансии капиталистического мира-экономики, 1730—1840-е годы / Пер. с англ., литер. редакт., комм. Н. Проценко. М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2016. — 528 с.

Перевод выполнен с издания: *Wallerstein, Immanuel. The Modern World-System III: The Second Era of Great Expansion of the Capitalist World-Economy, 1730s—1840s.* University of California Press, 2011, 372 pp.

ISBN 978-5-91244-154-7

Основные темы третьего тома капитального труда Иммануила Валлерстайна «Мир-система Модерна» — критика понятий «промышленная революция» и «буржуазная революция», новая интерпретация Великой Французской революции в контексте англо-французской борьбы за мировую гегемонию, включение в капиталистическую мир-систему новых территорий (в том числе России) и переселенческая деколонизация Американского континента. Первое издание книги увидело свет в 1989 году, русский перевод включает предисловие к переизданию 2011 года.

1

ОГЛАВЛЕНИЕ

<i>Благодарности</i>	ix
<i>Предисловие к изданию 2011 года</i>	xi
1. ПРОМЫШЛЕННОСТЬ И БУРЖУАЗИЯ	1
2. БОРЬБА В ЦЕНТРЕ: ФАЗА III (1763—1815)	67
3. ВКЛЮЧЕНИЕ (ИНКОРПОРАЦИЯ) В МИР-ЭКОНОМИКУ ОБШИРНЫХ НОВЫХ ЗОН (1750—1850)	157
4. ПЕРЕСЕЛЕНЧЕСКАЯ ДЕКОЛОНИЗАЦИЯ АМЕРИКИ (1763—1833)	235
<i>Комментарии переводчика</i>	313
<i>Библиография</i>	375
<i>Указатель</i>	473

*Посвящается
Беатриче*

БЛАГОДАРНОСТИ

Одну или несколько глав этой книги согласились критически прочесть ряд моих коллег. Многие из них возражали против главных ее тезисов, но, несмотря на это, каждый из них имел любезность выявить ошибки в книге или оспорить расставленные в ней акценты. Я благодарю всех коллег за их ценную помощь и освобождаю их от ответственности за все те моменты, в отношении которых я отклонил их добрые советы. Это Перри Андерсон, Сабьясачи Бхаттачарья, Рондо Кэмерон, Ференц Фехер, Уолтер Голдфрэнк, Патрис Игонне, Кейт Хитчинс, Эрик Дж. Хобсбаум, Теренс К. Хопкинс, Чарльз Иссави, Решат Касаба, Ханс-Хайнрих Нолте, Патрик К. О'Брайен, Мадхаван К. Палат, Дональд Куотерт, Джордж Руде и Чарльз Тилли.

Часть главы 2 впервые была опубликована в Thesis, XI (1986), начальная версия главы 3 — в Studies in History (1988).

Отбор иллюстраций и комментарии к ним выполнены при содействии Салли Спектор.

ПРЕДИСЛОВИЕ К ИЗДАНИЮ 2011 ГОДА

В моей трактовке периода, охватывающего временной промежуток с 1730-х по 1840-е годы, присутствуют три дискуссионных вопроса. Во-первых, для многих (а возможно, и для большинства) исследователей этот период представляет собой великий переломный момент эпохи Модерна (*modern era*) — момент, когда капитализм как система или Модерн (*modernity*) как способ существования появились на свет. Читатели первых трех томов этой книги знают, что я не согласен с этой точкой зрения, поскольку я полагаю, что данным великим переломным моментом был «долгий шестнадцатый век».

Второй дискуссионный вопрос касается понятия «включения» (*incorporation*) в капиталистический мир-экономику зон, которые до этого были частью того, что я называю «внешней сферой». Это предполагает возможность различия между мир-системой Модерна (которая является капиталистическим миром-экономикой) и прочими частями земного шара, особенно в промежутке 1500—1750-х годов. Кроме того, это же обстоятельство предполагает существенную разницу между статусом зоны за пределами капиталистического мира-экономики и статусом периферийной зоны внутри него.

Третьей проблемой является понятие циклических процессов в рамках *longue durée* [долгого времени — *фр.*] и их роль в объяснении исторических процессов. Данные циклические процессы представляют собой то, что по-французски обозначается термином *conjonctures* (и родственными словами в прочих романских, а также в германских и славянских языках; главным исключением здесь является английский язык, в котором значение слово *conjuncture* в значительной степени не совпадает с французским *conjoncture*). Главным типом экономического цикла является то, что часто называют кондратьевскими длинными волнами — это понятие используется и в настоящем томе, но сама его реальность нередко оспаривается другими авторами.

Возможно, было бы полезно еще раз представить основные аргументы в пользу всех трех названных идей: отсутствие в рассматриваемый период переломного момента, процесс включения (инкорпорации) в мир-систему Модерна и природа кондратьевских длинных волн. Это особенно важно, поскольку, как я уверен, имело место значительное непонимание того, что я пытался утверждать.

1. ВЕЛИКИЙ ПЕРЕЛОМНЫЙ МОМЕНТ

Все ученые в сфере социальных наук любят выделять некие переломные моменты — ведь это такой инструмент, чрезвычайно проясняющий сюжеты, которые они стремятся излагать. Этот инструмент становится основным строительным модулем в исследованиях тех явлений, которые они изучают. Выбор переломных моментов представляет собой базовую структуру, внутри которой действуем мы все. Однако предпочтение одних или других переломных моментов может полностью изменить логику исследования. То, что считается «переломными моментами», может с одинаковой легкостью как дезориентировать, так и прояснять.

Читая основные работы по историческим социальным наукам за последние два столетия, можно без труда увидеть, что именно промежуток 1730—1840-х годов пользуется в этой коллективной литературе значительным предпочтением, когда речь идет о главном переломном моменте за последние пять столетий (или даже пять тысячелетий). Используется ли концепция «Модерна» («современности») (modernity), или «капитализма», или «индустриализма», или «мирового господства Запада», большинство авторов относит их подлинный подъем к этому периоду, — или, по меньшей мере, эти авторы составляли большинство до последних примерно сорока лет, в течение которых данный период в качестве «великого переломного момента» все больше стал оказываться под вопросом. Вся моя книга строится именно вокруг отказа от этой доктрины в пользу «долгого шестнадцатого века» как момента создания «мир-системы Модерна» в качестве «капиталистического мира-экономики».

В некотором смысле первые три тома в целом приводят убедительные доводы в пользу данной концепции. Но позвольте мне повторить мою аргументацию в сжатом виде. Ранее мы утверждали, что принципиальный элемент капитализма как системы — это не пролетарский наемный труд, или производство для рынка, или фабричное производство, как это часто утверждается. Прежде всего, все эти явления имеют глубокие исторические корни и могут быть обнаружены во многих разновидностях социальных систем. На мой взгляд, ключевой элемент, который определяет капиталистическую систему, состоит в том, что она основана на стремлении к бесконечному накоплению капитала. Это не просто культурная ценность, но структурное требование, означающее, что внутри системы существуют механизмы, которые в среднесрочной перспективе вознаграждают действующих в ее логике и наказывают (материально) тех, кто настаивает на действиях в соответствии с иными типами логики.

Мы утверждали, что для поддержания подобной системы необходимо несколько элементов. Должно существовать осевое разделение труда, обеспечивающее возможность постоянных обменов жизненно необходимыми товарами, которые обладают низкой ценой и высокой конкурентоспособностью (т.е. периферийными товарами) на высокоприбыльную и квазимонополизированную продукцию (т.е. продукцию чего-то напоминающего центр). Чтобы позволить предпринимателям успешно действовать в такой системе, необходима, кроме того, межгосударственная система, состоящая из псевдосуверенных государств с разной степенью эффективности (силы), а также должны

существовать циклические механизмы, позволяющие постоянное создание новых квазимонополистических предприятий по производству прибыли. Следствием этого является довольно медленное, но в то же время постоянное географическое перемещение привилегированных центров данной системы.

Все это действительно происходило в мир-системе Модерна, которая изначально была локализована главным образом на территории большей части Европы (но не на всем европейском континенте) и в некоторых частях Американского континента. Это был, используя термин Броделя, *некий мир* (*a world*), но не *весь мир* (*the world*). Однако, следуя своей внутренней логике, капиталистический мир-экономика как система расширял свои рубежи. Особенно зримо он делал это в период, рассматриваемый в настоящем томе, и мы постарались изложить этот сюжет, описывая то, какие новые регионы включал данный процесс и почему они оказались подчинены этой экспансии.

Существует два способа оспорить данную позицию. Во-первых, можно говорить о процессе постепенной всемирной экспансии различных взаимосвязей (в торговле, коммуникациях, культуре, завоеваниях). Все это рассматривается как многотысячелетний процесс, и в этом случае ни долгий XVI век, ни начало XIX века не являются настолько уж драматическим моментом, чтобы выступать переломной точкой *per se* [сами по себе — *лат.*]. Если очерчивать проблему таким способом, то само понятие капитализма выпадает из обсуждения.

Во-вторых, можно утверждать, что ключевой определяющей характеристикой является появление индустриальной буржуазии и безземельных промышленных рабочих, вовлеченных в классовый конфликт друг с другом, причем данная ситуация возникает только в указанный период и лишь в нескольких странах (возможно, только в Англии) — это и делает рассматриваемый период «переломным моментом». Однако из подобного рассуждения в целом выпадают межгосударственная система и обмена между центром и периферией. Данную аргументацию можно сформулировать как на «марксистском», так и на «веберовском» языке, но любая из версий, по сути дела, устраняет идею мир-системы и ее способ сдерживающего действия.

2. ВКЛЮЧЕНИЕ (ИНКОРПОРАЦИЯ) В МИР-СИСТЕМУ

В первом томе мы провели разграничение между внешней сферой и периферийными зонами мир-системы Модерна. Хотя внешние сферы вовлечены в торговлю и другие формы взаимодействия с капиталистическим миром-экономикой, эта торговля, как мы утверждали, велась в основном «престижными» (*luxury*) товарами и поэтому не была жизненно важной для каждой из сторон. В результате эта торговля была сравнительно равной в том смысле, что каждая из сторон обменивала те предметы, которые она считала имеющими низкую ценность, на те, что считались высокоценными. Мы можем назвать эту ситуацию обоюдовыгодной (*win-win*).

Периферийная продукция, как мы предположили, обменивалась на продукцию, подобную центральной, в виде неравного обмена, в ходе которого

происходил сложный, но реальный переток прибавочной стоимости из периферийных зон в центральные. Эти обмены производились в сфере жизненно важных товаров, которые каждой из сторон требовались для самообеспечения. Эта торговля не могла быть оборвана без отрицательных последствий для одной или обеих сторон. Однако оказывалось возможным на короткий период устраивать препоны на пути свободного перемещения товаров, и мы рассматривали политические обстоятельства, в которых практиковался подобный «протекционизм».

Циклические процессы внутри капиталистического мира-экономики периодически приводили к ситуациям, в которых для поддержания низких издержек по производству периферийных товаров требовалось включать в мир-экономику новые регионы, то есть «инкорпорировать» их в рамках разделения труда.

Конечно, процесс подобной инкорпорации может встречать сопротивление. Однако, как уже было сказано, технологическое развитие капиталистического мира-экономики — сам по себе процесс, внутренний для этой системы, — со временем вело к усилению военного потенциала сильных государств мира-экономики в сравнении с военным потенциалом различных частей внешней сферы. Соответственно, скажем, если в XVI веке общеевропейская военная мощь была, возможно, недостаточна, чтобы «завоевать» Индию, то к концу XVIII века это уже было не так.

Наконец, масштаб экспансии, имевшей место в то или иное время, был производным от того, насколько значительную территорию капиталистический мир-экономика был в состоянии интегрировать в данный момент. Он также был производным от степени удаленности определенных регионов, а следовательно, от того, насколько сложно было их инкорпорировать *tapu militari* [силой — *лат.*]. Соответственно, в этом томе утверждается, что если территория, которую мы сейчас называем Индией, была инкорпорирована в ходе рассматриваемого периода, то подобное утверждение неверно применительно к Китаю, который будет инкорпорирован в более позднее время.

Далее мы утверждали, что инкорпорация имела процессуальную природу. Она происходила не за день или даже не за десятилетие, но за существенный период времени. Однако, сравнивая четыре различных региона — Россию, Индию, Османскую империю и Западную Африку, мы пытались показать, в каком смысле «периферизация» была гомогенизирующим процессом. Иными словами, несмотря на то, что в начале процесса эти четыре зоны вполне отличались друг от друга, мир-системное давление привело к тому, что по своим характеристикам они стали более схожими. Например, в некоторых зонах это давление ослабило государственные структуры, а в других — усилило, так что последние смогли оптимально функционировать в рамках модальностей мир-системы Модерна.

Вокруг указанного разграничения возникло два направления дискуссий. Во-первых, утверждалось, что процесс инкорпорации является куда более постепенным, имеющим множество стадий. Я абсолютно согласен принять эту поправку к своей концепции, если она в большей степени станет результатом эмпирического исследования предмета.

Во-вторых, было подвергнуто сомнению разграничение товаров престижного и основного спроса. Утверждалось, что товары, которые часто считаются предметами роскоши, являются товарами основного спроса, по меньшей мере, в качестве престижных вещей. Далее утверждалось, что представление о том, что считать роскошью, укоренено в культуре, и разные люди определяют эту категорию по-разному.

Я соглашусь, что это непростое разграничение. Однако тот факт, что идея роскоши является культурно укорененной, является частью и моей собственной аргументации. И хотя, к примеру, павлиньи перья для некоторых групп могут представляться необходимой вещью, я считаю, что сложно признать данную необходимость аналогичной потребности в хлебе для питания людей. Более того, хлеб — это массивный товар, а бриллианты при транспортировке занимают очень мало места. Как мне кажется, именно в этом и заключается значительная прикладная разница.

Итак, я продолжаю настаивать на том представлении, что ключевое теоретическое разграничение формируют «равные» обмены двух регионов, внешних по отношению друг к другу, и «неравные» обмены в рамках капиталистического мира-экономики. По самому своему способу функционирования капиталистический мир-экономика — это высокополяризованная система. Именно это — ее наиболее отрицательная черта и в долгосрочной перспективе один из ее фатальных изъянов. Капитализм как система чрезвычайно отличается от тех типов систем, которые существовали до долгого XVI века, поэтому исследователю не стоит терять из вида эту основополагающую реалию.

3. КОНДРАТЬЕВСКИЕ ЦИКЛЫ

Кондратьевские циклы названы в честь Николая Кондратьева, русского экономиста, описавшего их в 1920-х годах. В действительности он был не первым ученым, который описал подобные циклы, а его описание того, как эти циклы функционируют и когда они впервые возникли, больше не является широко признанным. Однако его имя продолжает использоваться для обозначения подобных циклов. Моя точка зрения на то, как они функционируют, исходит из моего понимания того, как производители в капиталистической системе извлекают прибыли из своих предприятий и тем самым оказываются способными накапливать капитал.

Капитализм — это система, *raison d'être* [смыслом существования — *фр.*] которой является бесконечное накопление капитала. Чтобы накапливать капитал, производители должны получать прибыль от своих операций. Однако подлинно существенные прибыли возможны только в том случае, если производитель способен продать свою продукцию по цене, значительно превышающей себестоимость производства. В ситуации совершенной конкуренции получить существенную прибыль абсолютно невозможно. Классическое определение совершенной конкуренции предполагает наличие трех характеристик: множества продавцов, множества покупателей и общедоступной информации

о ценах. Если бы все эти три элемента преобладали (что случается редко), то любой разумный покупатель ходил бы от продавца к продавцу до тех пор, пока не обнаружится тот из них, кто продаст с копеечной наценкой на себестоимость производства, если фактически не ниже ее.

Для получения существенной прибыли требуется монополия или, по меньшей мере, квазимонополия силы в масштабе мира-экономики. Имея монополию, продавец может требовать любую цену до тех пор, пока не выйдет за пределы, допускаемые эластичностью спроса. В любое время, когда мир-экономика значительно расширяется, можно обнаружить ряд «лидирующих» продуктов, которые сравнительно монополизированы. Именно на этих продуктах делаются огромные прибыли и могут быть накоплены большие объемы капитала. Прямые и обратные взаимосвязи этих лидирующих продуктов составляют основу расширения мира-экономики. Мы называем это фазой А кондратьевского цикла.

Проблемой для капиталистов является то, что все монополии самоликвидируемы. Это происходит потому, что существует мировой рынок, на который могут выйти новые производители, как бы хорошо в политическом отношении ни была защищена та или иная монополия. Конечно, этот вход на рынок непросто и требует времени. Однако рано или поздно кто-то сможет превзойти препятствия и окажется способным на это. В результате растет уровень конкуренции, а когда конкуренция растет, цены падают, как всегда нам говорили глашатаи капитализма. Однако в то же самое время падают и прибыли. Когда прибыли от лидирующих продуктов существенно снижаются, мир-экономика прекращает расширяться и вступает в период стагнации — мы называем это фазой В кондратьевского цикла. Эмпирически фазы А и В имели тенденцию составлять 50—60 лет, однако точная их длина варьировалась. Разумеется, после определенного времени пребывания системы в фазе В могли создаваться новые монополии и начинаться новая фаза А.

Таким образом, фазы А и В кондратьевских циклов представляются необходимой частью капиталистического процесса. Из этого логично следует, что они должны быть частью его функционирования с самого начала существования капиталистического мира-экономики. В рамках аргументации настоящей работы это означает, что кондратьевские циклы следует искать начиная с XVI века и далее. Действительно, историки экономики регулярно описывали подобные *conjonctures* на протяжении всего этого периода, что можно увидеть во многих ссылках на подобные описания и в этом, и в других томах. Конечно, упомянутые исследователи не называли то, что они описывали, кондратьевскими циклами, однако их можно обнаружить в качестве повторяющегося явления в системе в целом в тех географических пределах, которые, как мы настаиваем, являлись границами капиталистического мира-экономики.

Несколько историков экономики описали подобные циклы применительно и к позднему Средневековью в Европе, хотя это более спорное предположение. Если его принять, это даст определенную поддержку тем, кто хотел бы датировать начало мир-системы Модерна более ранним периодом, чем долгий XVI век.

1

ПРОМЫШЛЕННОСТЬ И БУРЖУАЗИЯ

Джозеф Райт из Дерби (1734—1797), хотя и начинал свою карьеру как художник-портретист, наиболее известен работами, отражающими его интерес к науке и технологии. Участие в Лунном обществе — группе просвещенных промышленников и ученых, чьи встречи происходили, когда лунного света было достаточно для шествий вдоль темных сельских дорог, — вдохновляло его на изображение интерьеров, освещенных лунным или искусственным светом. Семейный круг, изображенный на картине «**Эксперимент с воздушной помпой**» (1768)^{*}, подчеркивает эгалитаристское мироощущение: научные идеи и открытия могли быть продемонстрированы лицам за пределами лаборатории, например женщинам и детям.

^{*} Слова, помеченные звездочкой, см. в разделе **Комментарии переводчика**.

Мы привыкли организовывать наше знание вокруг некоторых основных понятий, которые принимают формы элементарных трюизмов. Подъем промышленности и подъем буржуазии, или средних классов, — вот две подобные идеи, завещанные нам историографией и социальной наукой XIX века для объяснения современного мира. Доминирующей точкой зрения стало представление о том, что в конце XVIII — начале XIX веков произошло некое качественное историческое изменение. Это была эпоха революций, когда случились и «первая»² промышленная революция в Великобритании, и «образцовая»³ буржуазная революция во Франции. Несомненно, раздавались и голоса, бросавшие вызов этому общему мнению, а отдельные детали его вызывали бесконечные софистические уловки. Тем не менее образы этих двух революций остаются глубоко укорененными и в популярной культуре, и в научной мысли⁴. Эти идеи и в самом деле выступают путеводной звездой, при помощи которой мы привыкли плыть по туманным и беспокойным водам современной исторической реальности. В действительности же, как будет показано далее, это не две путеводные звезды, а одна.

[ПОНЯТИЕ «ПРОМЫШЛЕННАЯ РЕВОЛЮЦИЯ» И ЕГО КРИТИКА]

Термин «революция» для нас созвучен с внезапным, выразительным и широким изменением — он подчеркивает прерывистость. Несомненно, именно этот смысл имеют в виду большинство из тех, кто использует понятие

¹ Kerridge (1969, 468).

² См., например, следующие работы среди многих прочих: Mathias (1969) и Deane (1979).

³ Poulantzas (1971, I, 187).

⁴ Об этом хорошо сказано у Чарльза и Ричарда Тилли: «Вера в эту промышленную революцию столь широко распространена и крепка среди нас, что можно назвать ее главной догмой и кровным правом европейских историков экономики» (Charles and Richard Tilly, 1971, 186).

«промышленная революция»⁵. Так, Д.К. Коулмен говорит о «сравнительно внезапном и насильственном изменении, которое дало старт индустриальному обществу»⁶, а Дэвид С. Лэндес — о «куда более решительном разрыве с прошлым, чем что-либо иное со времен изобретения колеса»⁷. «Если та внезапная качественная и фундаментальная трансформация, которая произошла в 1780-х годах или около того, не была революцией, тогда у этого слова нет общепринятого значения», — настойчиво утверждает Эрик Хобсбаум⁸.

Из чего, предположительно, складывалась эта революция? Арнольд Тойнби-старший (которому мы обязаны классическим исследованием промышленной революции как таковой) в своей работе 1884 года обнаруживает ее «сущность» в «приходе конкуренции на смену средневековым [производственным] регламентам»⁹. 80 лет спустя Р.М. Хартвелл определит ее «сущностный характер» несколько иначе: «Устойчивое увеличение динамики роста общего и

⁵ Анна Безансон (Bezanson, 1922, 345—346) проследила исходное употребление этого термина вплоть до сравнения с Французской революцией в 1798 году — сравнения, которое с того момента станет подразумеваемым. Реймонд Уильямс предполагает, что использование понятия «промышленная революция» в смысле учреждения нового социального порядка, а не просто технического изменения, следует возводить к Ламартину 1830-х годов (Williams, 1976, 138). В этом смысле данный термин последовательно употребляли Адольф Бланки, Фридрих Энгельс, Джон Стюарт Милль и Карл Маркс (Mantoux, 1928, 25, сн. 1). Герберт Хитон предполагает, что этот термин взял у Маркса Арнольд Тойнби-старший и ввел его «в академическое обращение» (Heaton, 1932, 3).

В то же время следует заметить, что современники, похоже, мало осознавали этот феномен. М.С. Андерсон (M. S. Anderson, 1979, 192) замечает, что в «лучшей книге того времени», «Историческом обозрении отечественной экономики Великобритании и Ирландии с древнейших до настоящих времен» Джорджа Челмера, опубликованной в Эдинбурге в 1812 году, много говорится о торговле, населении и общественных доходах, но «промышленность едва ли получает какое-либо внимание».

⁶ Coleman (1956, 20). Дж.Г. Пламб решительно заявляет в ответ на различные варианты употребления термина «промышленная революция», который он считает слишком общим: «Совершенно очевидно, что между 1760 и 1790 годами [в Британии] существовало два мира — старый и новый... Но и процесс изменения не мог быть постепенным... В сравнении с предыдущими столетиями, изменения в промышленности, сельском хозяйстве и социальной жизни во второй половине XVIII века были и насильственными, и революционными» (Plumb, 1950, 77).

⁷ Landes (1969, 42).

⁸ Hobsbawm (1962, 46).

⁹ Toynbee (1956, 58). Этот акцент на социальном или социологическом изменении выдвинул на первый план уже в 1844 году Фридрих Энгельс в работе «Положение Англии. Восемнадцатый век»: «На первый взгляд, может показаться, что век революции прошёл для Англии без больших перемен... И тем не менее с середины прошлого века в Англии произошёл переворот более значительный, чем в какой-либо другой стране, переворот, который имел тем большие последствия, чем бесшумнее он совершался, и который поэтому, по всей вероятности, скорее достигнет своей цели на практике, чем политическая революция во Франции или философская революция в Германии... Только социальная революция и является той истинной революцией, в которую должны вылиться революции политическая и философская» (Engels, 1971, 9, цит. по: К. Маркс, Ф. Энгельс. Сочинения. Изд. 2-е. М., 1955. Т. 1, с. 598).

подушевого выпуска продукции таким темпом, который был революционным в сравнении с тем, что происходило прежде»¹⁰.

Два эти акцента — свобода от «средневековых» ограничений (или социальная революция) и темп роста (или экономическая революция) — разумеется, несовместимы. В самом деле, ядром традиционной аргументации было то, что первая революция ведет ко второй. Однако в последние годы фокусом внимания стал темп роста, при этом для его объяснения использовался ряд факторов. Но и это неслучайно: продолжавшееся развитие капиталистического мира-экономики предполагало непрерывный подъем идеологии национального экономического развития как первоочередной коллективной задачи, определение подобного развития в терминах национального экономического роста и соответствующую воображаемую «аксиому... что дорога к богатству пролегает через промышленную революцию»¹¹.

Эти два «сущностных» элемента — рост и свобода — остаются слишком бессодержательными. Каждый из них должен быть переведен в более конкретные понятия. Понятие роста представляется очень тесно концептуально связанным с «применением механических принципов... к мануфактурному производству»¹², с тем, что французы часто называют термином *machinisme* [машинное производство — фр.]¹³, а «революция» механизации обычно связывалась с «букетом» (cluster) инноваций в шumpетеровском смысле данного термина¹⁴.

¹⁰ Hartwell (1967a, 8). Дэвид Кэннедайн (Cannadine, 1984) усматривает четыре различных и при этом последовательных интерпретации промышленной революции: как имеющей негативные социальные последствия (1880—1920), как циклическое колебание (1920—1950), как экономический рост (1950—1970) и как ограничитель роста (начиная с 1970 года).

¹¹ Deane (1979, 1).

¹² Hughes (1968, 253), см. тж. Dobb (1946, 258) и Landes (1969, 41). Лэндес выводит отсюда три усовершенствования: замену человеческого навыка машинами, одушевленной энергии — неодушевленной и веществ растительного или животного происхождения в качестве сырья — минеральным сырьем. Карло Чиполла называет это заменой биологических «преобразователей» энергии механическими (Cipolla, 1961, 529).

¹³ См. Ballot (1923). Переводить термин *machinisme* словом «механизм» (mechanism) — значит утрачивать его понятийный смысл.

¹⁴ Deane (1979, 106). Питер Матиас, пытаясь обосновать тезис об «уникальности» британской индустриализации, утверждает, что эта уникальность заключалась «в масштабах господства одной национальной экономики в рамках ключевой матрицы, включавшей дешевый уголь, дешевое железо, машиностроение, технологии получения энергии и минерального топлива, инженерные навыки». Причем Англия, добавляет Матиас, и в этом смысле была «первой — и поэтому уникальной» (Mathias, 1979a, 19). Справ. аналогичную точку зрения Уолта Ростоу о стечении обстоятельств (conjuncture) (Rostow, 1971, 33).

Последний аргумент доведен до логической крайности у Эдварда Энтони Ригли. Стремясь опровергнуть идею, что «модернизация» (или «рациональность») «неизбежно» ведет к «индустриализации» (или «устойчивому экономическому росту»), поскольку в таком случае Голландия, которая в XVIII веке была более «модерной», чем Англия, должна была индустриализоваться первой, Ригли настаивает, что ряд технических инноваций были «продуктом особенных, локальных обстоятельств», и определяет это как «счастливое совпадение». Из этого следует, что «объяснению подлежит не просто то, почему промышленная революция произошла в Англии раньше, чем в другом месте, но

Анализ механизации выдвигает на передний план развитие средств производства. Расширение «свободы» (или социальная революция), с одной стороны, указывает в первую очередь на производственные отношения: кто может производить и что именно, кто может работать, на кого и на каких условиях. Центральными для этой части дискуссии выступают два явления: фабрика (локус концентрации машин) и пролетарий, или наемный труженик (нанятый работник на фабрике). Утверждается, что современная фабрика «возникла в Англии в последней трети XVIII века»¹⁵. Для многих авторов именно фабрика и все, что она подразумевает в смысле организации рабочей силы, мыслится как ключевое новшество в организации труда, которое предполагает наличие рабочей силы, получающей заработную плату. Хобсбаум настаивает, что промышленная революция — это «не просто ускорение экономического роста, но ускорение роста по причине экономической и социальной трансформации — и посредством ее»¹⁶. Данная трансформация относится прежде всего к росту городского пролетариата, который, в свою очередь, сам является порождением «тотальной трансформации сельской социальной структуры».¹⁷

Однако в значительной части дискуссии о промышленной революции и процессы механизации, и процесс «освобождения»/пролетаризации считаются *само собой разумеющимися*, и вместо них многие авторы сосредотачиваются на вопросе: чем обусловлено то, что эти процессы «впервые» именно произошли в Великобритании, что обусловило ее «отрыв» („take off”)? Именно образ «отрыва» как нельзя лучше отражает базовую модель промышленной революции, сколько бы ни оказывались предметом острого спора детализированные гипотезы Ростоу или периодизация. На эти вопросы был дан ряд ответов, которые вовсе не являются взаимоисключающими, хотя разные авторы настаивали на центральном значении того или иного фактора (который другие, в свою очередь, оспаривали). Помещая их в порядке хронологической очередности и двигаясь в обратном направлении, можно назвать следующие факторы: возросший спрос

почему она вообще произошла». Ригли приходит к умозаключению, что «вполне можно иметь шанс сорвать джек-пот, скажем, 1:50, но все же сделать это» (Wrigley, 1972, 274, 259). Логически это похоже на точку зрения Хартвелла, что промышленную революцию следует рассматривать «как разрыв сам по себе, а не как остаточный итог подъема капитализма» (Hartwell, 1970b, 10).

¹⁵ Mantoux (1928, 25). Манту добавляет, что «отличительной характеристикой фабричной системы является использование машин» (р. 38). См. тж. Toynbee (1956, 63).

¹⁶ Hobsbawm (1968, 34). Кроме того, эта трансформация изначально рассматривалась как «кризис». Анри де Сен-Симон в своем обращении к королю в опубликованной в 1821 году «Индустриальной системе» писал: «Сир, поступь событий продолжает утяжелять кризис, в котором находится общество — не только во Франции, но и во всей большой нации, которую формируют народы Западной Европы». Цит. в: Febvre (1962, 514).

¹⁷ Saville (1969, 251). И вновь перед нами точка зрения об уникальности Великобритании: «Нигде, за исключением Британии, крестьянство не было фактически ликвидировано до ускорения экономического роста, которое связано с развитием промышленного капитализма; а среди многих особенностей ранней индустриализации в Британии ни одна не оказывается столь яркой, как наличие быстро растущего пролетариата в сельской местности» (р. 250).

(который, как утверждается, сделал прибыльными механизацию и пролетаризацию), доступность капитала (что, в свою очередь, сделало возможным механизацию), демографический рост (сделавший возможным пролетаризацию), сельскохозяйственная «революция» (сделавшая возможным демографический рост) и предшествующее развитие моделей землевладения (также сделавшее возможным демографический рост). Наиболее удаленный (и наиболее трудно определяемый) элемент в данном ряду — это предполагаемые умонастроения (обеспечивающие появление предпринимателей, которые таким способом используют преимущества множества благоприятных возможностей, предоставляемых революционным процессом, равно как и многие его поворотные моменты, что кумулятивный эффект оказывается «революционным»). Очевидно, что приведенная последовательность факторов несколько абстрактна, причем разные авторы приводят другие их последовательности.

Объяснение инноваций фактором спроса — старая теория («необходимость — мать изобретений»), которую ставит в центр своего исследования Лэндес: «Именно давление спроса на способ производства в значительной степени вызвало к жизни новые технологии в Британии»¹⁸. Но какой это спрос? Есть два варианта ответа: внешняя торговля и внутренний рынок. Аргументация в пользу экспорта делает центральным то обстоятельство, что рост и ускорение экспортных потоков во второй половине XVIII века были «заметно сильнее», чем аналогичные характеристики внутренней промышленности.¹⁹ Д. Эверсли выдвигает контраргумент, что в «ключевой период» 1770—1779 годов спад экспортного сегмента был «неоспоримым» — тем не менее происходило

¹⁸ Landes (1969, 77). См. тж. Plumb (1982, 284): «В конечном итоге новые промышленные методы появились в отраслях, ориентированных на потребителя — в производствах тканей, посуды, пуговиц, пряжек и булавок Болтона и Уатта». Филлис Дин развивает аргументацию в том же направлении: «Рядовые предприниматели отбросили свои традиционные технологии, лишь когда потенциальный рынок оказался достаточно велик, чтобы стало оправданным существенное увеличение выпуска продукции... Нет никаких свидетельств в пользу того предположения, что... в 1815 году большинство производителей были сколько-нибудь существеннее готовы к новшествам, чем в 1750 году» (Deane, 1979, 131). Однако Дин и ее соавтор У. Коул не уверены относительно источника этого спроса. Поместив его в сфере внешней торговли в первом издании своей книги в 1962 году, в предисловии ко второму изданию они отмечают: «Если бы мы снова писали эту книгу сегодня, то оказались бы перед искушением исходить из несколько иных оснований, в частности, скажем, по поводу роли внешней торговли в росте XVIII века» (Deane and Cole, 1967, XV).

¹⁹ Whitehead (1964, 74). Франсуа Крузе называет XVIII век «атлантической стадией европейского экономического развития», заявляя, что для дореволюционной Франции торговля с Американским континентом была «наиболее динамичным сегментом всей ее экономики» (Crouzet, 1964, 568). Пьер Буль добавляет к этому обычно не рассматриваемый локус спроса, отмечая, что в процессе работ торговли сортированные товары, которыми, как правило, платили за рабов, стали вполне стандартизированными. «Таким образом, все факторы спроса, привычно отождествляемые с началом промышленной революции — важность рынка, стандартизация торговли, премии за поставки по расписанию, — будут обнаружены в Африке» (Bouille, 1975, 312).

«зримое ускорение» индустриализации. Это усиливает тезис, согласно которому главным для индустриализации является «значительный внутренний рынок потребительских товаров массового производства»²⁰. Хобсбаум предлагает неизбежный компромисс: были необходимы и внешняя торговля, и значительный внутренний рынок, плюс «третий, часто пренебрегаемый, фактор: государство»²¹.

Но есть и те, кто сомневается в том, что спрос значительно увеличился, — скорее эти авторы делают упор на «процессы, относящиеся к предложению, а не к спросу»²². Для некоторых громадные размеры приобрел вопрос предложения капитала. Эрл Дж. Хэмилтон в работе 1942 года объяснял «революционный» характер промышленной революции «инфляцией прибыли» во второй половине XVIII века, ставшей следствием так называемого зарплатного

²⁰ Eversley (1967, 248, 211). См. тж. Bairoch (1973b, 571). Эверсли относит себя к традиции Ростоу, утверждая, что промежуток 1770—1780-х годов, в ходе которого, как уже сказано, был предпочтителен внутренний рынок, оказался «ключевым моментом в качестве „разогрева“ сразу перед взлетом [1780-х годов] на траекторию устойчивого роста» (р. 209). Однако Ростоу *опровергает* аргументы Жана Марчевского об экономическом росте Франции XVIII века, исходя из того, что *внешняя* торговля Франции была незначительна, чтобы этот взлет стал возможен: «Разница между профессором Марчевским и Ростоу проста. Оценивая эволюцию Франции, профессор Ростоу говорил о своем решении считать, ... что развитие [в этой стране] современной текстильной промышленности только для внутреннего рынка не имело существенного эффекта масштаба, чтобы выступить в качестве основы для устойчивого роста. Чтобы текстиль мог выполнять данную функцию, был также необходим лифт, который давала внешняя торговля. Это произвольное суждение привело Ростоу к отрицанию того, что производство хлопчатых тканей во Франции и Германии в начале XIX века могло выступить в качестве ведущего сегмента для взлета» (Hague, 1963, 359).

Тихомир Маркович, союзник Марчевского, переворачивает данную аргументацию, сомневаясь, что рост английской хлопковой промышленности в конце XVIII века, признаваемый им «исключительным», мог быть «центральный стержнем, который вывел британскую индустриальную машину на орбиту промышленной революции». Маркович объясняет это тем, что в 1770 году хлопковые ткани составляли лишь 5% британской текстильной продукции, а все ткани в совокупности давали только 10% национального дохода, в то время как шерсть составляла треть британского промышленного производства и была столь же значима во Франции (Markovitch, 1976a, 645). Рондо Кэмерон использует данные показатели для возражения на утверждение Хобсбаума (Hobsbawm, 1968, 40): «Мы говорим промышленная революция — подразумеваем хлопков». Кэмерон отвечает на это резкой репликой: «В той же мере, насколько это утверждение точно, оно также выявляет неадекватность и претенциозность самого термина [промышленная революция]» (Cameron, 1985, 4).

²¹ Hobsbawm (1968, 42).

²² Mokyr (1977, 1005). Критику позиции Мокира и защиту точки зрения Элизабет Джилбой об изменении вкуса как основе расширявшегося спроса см. в: Ben-Shachar (1984). Еще одним сторонником «теории предложения» является Ральф Дэвис, видящий источник импульс именно в «техническом изменении мануфактурного производства хлопчатых тканей» (Davis, 1979, 10). Точку зрения, согласно которой технологические инновации являются единственным достаточным объяснением промышленной революции, см. в: Gaski (1982); уничтожающую критику этой позиции см. в: Geary (1984).

лага, то есть разрыва между ростом цен и ростом заработков²³ — старой заготовки Хэмилтона, которую он уже использовал для объяснения экономической экспансии XVI века²⁴. Эштон обнаружил суть своего объяснения промышленной революции в «сравнительно дешевом капитале»²⁵, что было результатом падения процентной ставки. Поколение спустя Крузе, рассмотрев литературу о накоплении капитала, займет более умеренную позицию: «сравнительный избыток» капитала был «необязательным фактором» — ни необходимым, ни неизбежным, хотя исторически действительно имевшим место в Англии XVIII века²⁶.

Но так ли важен был основной капитал? Появляется все больше скептических комментаторов, полагающих, что «у ранней индустриализации была скромная потребность в капитале»²⁷. Перед лицом этих аргументов сторонники значимости капитала отступили на более твердую (поскольку менее доказуемую) почву. «В последнем исследовании, — отмечает Лэндес, — был более значим... именно приток капитала, чем основной капитал»²⁸. Вариацией этой темы является предположение, что суть дела заключалась не в «сравнительном объеме» основного капитала (то есть в объеме «в отношении к национальному доходу»), но изменение в «содержании основного капитала», в смысле поворота инвестиций «от традиционных форм накопления капитала к современным»²⁹. Акцент на притоке капитала незамедлительно ведет к проблеме источников кредитования. Стандартная точка зрения заключается в том, что Великобритания

²³ Hamilton (1953, 336). Лэндес (Landes, 1969, 74) критикует Хэмилтона, исходя из того, что инфляция прибыли в континентальной Европе в этот период была столь же высока, но промышленная революция произошла только в Британии. См. тж. Felix (1956).

²⁴ См. Wallerstein (1974, 77–84), рус. изд.: Валлерстайн, И. Мир-система Модерна I. М., 2015, сс. 90–98. В дальнейшем номера страниц в русском издании I и II тома будут указываться без выходных данных.

²⁵ Ashton (1948, 11).

²⁶ Crouzet (1972a, 68). «Свидетельства о богатстве Британии в XVIII веке присутствуют в избытке» (р. 40). Крузе тж. согласен с тем, что в этот период имели место «исключительно высокие чистые прибыли» (Crouzet, 1972b, 195, срав. Pollard, 1972a, 127–129).

²⁷ Hartwell (1976b, 67). Чэпмен также использует слово «скромный» (Charman, 1970, 252). Сидни Поллард утверждает, что скорость роста основного капитала «часто преувеличивалась» (Pollard, 1972a, 143). О низких капитальных издержках в рассматриваемом процессе см. тж. Bairoch (1974, 54–65).

²⁸ Landes (1969, 78). Похоже, Лэндес полагает, что этот выпад поразит в первую очередь марксистов. «Этого будет довольно, — добавляет он, — для озабоченных первоначальным (primitive) накоплением».

²⁹ Deane (1973b, 358–359). Поскольку это означает переход от инвестиций в землю к инвестициям в промышленность, полезным окажется предупреждение Крузе: «Ленд-лорды направили свои возможности делать займы на обеспечение безопасности своих владений путем имеющихся в их распоряжении усовершенствований транспортных коммуникаций. Однако, если брать промышленность, то возникает искушение придерживаться точки зрения Поста́на, что „удивительно малая доля“ богатств сельской Англии „нашла свой путь к новым промышленным предприятиям“» (Crouzet, 1972a, 56). Здесь имеется в виду работа М. М. Поста́на (Postan, 1972), в которой утверждается, что «если не брать узкий круг купцов и финансистов, то навыки инвестирования возникли лишь в XIX веке» (р. 75).

отличалась от других стран именно объемом кредитных средств, доступных для промышленности³⁰. Данная позиция, конечно, подразумевает, что капитальные инвестиции были очерчены государственными границами. Однако Герберт Люты уверен, что уже в середине XVIII века Западная и Центральная Европа составляли «зону обмена», которая характеризовалась «легкостью банковских транзакций и перемещения капитала», при этом Люты говорит о фактическом отсутствии препятствий для этого перемещения³¹.

Еще одна группа авторов придает большое значение демографическим сдвигам: подразумевается, что рост населения обеспечил как спрос на промышленную продукцию, так и рабочую силу для ее производства. Эти авторы утверждают, что «беспрецедентный рост населения»³² Британии был особенно примечателен, поскольку он был устойчивым, долговременным и происходил одновременно с ростом выпуска продукции³³. Пламб делает оговорку, что ключевым элементом было выживание большего количества детей у родителей из «среднего и нижнего среднего классов», поскольку «без быстро растущего нижнего среднего класса с достаточным образованием и технической подготовкой промышленная революция оказалась бы невозможной»³⁴.

Однако необходимо задать два вопроса: 1) действительно ли происходила демографическая революция? и 2) что на самом деле было причиной роста населения? (Последнее, конечно же, имеет отношение к вопросу: является ли этот

³⁰ Крузе также отмечает, что «в XVIII и даже в начале XIX века [сельское хозяйство, транспорт и строительство] аккумулировали гораздо больше капитала, чем было инвестировано в британскую промышленность» (Crouzet, 1972b, 163).

См. Gille (1973, 260): «[Источники кредитования] на континенте были гораздо скромнее — возможно, потому, что крупные банки... получали более значительную долю своих прибылей от финансирования правительств». Однако Стэнли Д. Чэпмен не уверен, что банковский капитал был так уж доступен для английской хлопковой промышленности: «Все показатели свидетельствуют о том, что до появления акционерных банков и одновременного распространения акцептных контор [в 1830-х годах] институциональная поддержка северных мануфактурщиков была слабой» (Chapman, 1979, 66).

³¹ Lüthy (1961, 25). Аналогичным образом Мишель Морино говорит об инвестиционных моделях в Европе XVIII века: «Капитализм не заботили границы» (Morineau, 1965, 233).

³² Deane & Cole (1967, 5).

³³ См. Deane (1979, 21). См. также Habakkuk (1971, 26): «Рост [населения Англии], начавшийся в 1740-х годах, не повернул вспять. Он не только оказался необратимым — он ускорился».

³⁴ Plumb (1950, 78). Джон Т. Кроз добавляет подкрепляющую это гипотезу, что среди «более бедных групп», возможно, имел место самый низкий репродуктивный уровень, в отличие от ситуации в современных периферийных странах, где в соответствующих группах этот показатель является наивысшим. Кроз признает, что данное утверждение стоит на «шаткой почве», но утверждает, что если бы западные бедняки не ограничивали размер своих семей (похоже, строго следуя доброму совету пастора Мальтуса), то «было бы трудно представить, как Запад смог бы избежать той бедности, которую мы наблюдаем сегодня в Индии» (Krause, 1969, 108). Иными словами, эмпирические данные у Кроза выводятся из теории.

рост причиной или следствием экономических изменений?) Вопрос о реальности демографической революции, в свою очередь, тоже представляет собой два вопроса: 1) были ли эти изменения «революционными» по отношению к тому, что происходило до и после? и 2) существенно ли отличалась модель Англии (или Великобритании) от Франции и других территорий? Приводя демографическую кривую, имеющую логарифмический характер, некоторые авторы не видят основания рассматривать ее сегмент, приходящийся на конец XVIII века, в качестве некоего отдельного элемента³⁵. Конечно, темп роста населения во второй половине XVIII века был выше, чем в первой половине столетия, но ведь утверждалось, что исключение представляла собой как раз его первая, а не вторая половина. Например, Дж. Такер полагает, что в случае Англии «рост населения на протяжении XVIII века в целом не слишком отличался от ожидаемого в результате экстраполяции предшествующих долгосрочных трендов»³⁶. Морино приходит к точно такому же выводу относительно Франции: демографический рост в конце XVIII века не был революционным — напротив, его следует рассматривать более скромно, как «обновление, восстановление, возобновление»,³⁷ причем Алан Милуорд и Сэмюэл Сол оборачивают данную точку зрения как раз в пользу Франции. Демографическая модель во Франции была необычной, поскольку уровень рождаемости снижался еще до сокращения уровня смертности или одновременно с ним. «Однако в условиях развития в XIX веке благодаря более медленному росту населения стало легче достичь увеличения *подушевых* доходов и тем самым обеспечить Франции преимущества, а не затруднения в торговле»³⁸.

Однако, даже если не считать рост населения (а это неоспоримый факт) революционным и даже если он не обязательно был присущ только Англии, «суть проблемы»³⁹ остается той же: рост населения был результатом экономических и социальных изменений — или наоборот? Джон Х. Хабаккук формулирует этот вопрос так: «Создавала ли промышленная революция собственную рабочую силу?»⁴⁰ Для ответа на этот вопрос нам придется рассмотреть спор о том, что именно объясняет демографический подъем: снижение уровня смертности или повышение уровня рождаемости? Большинство исследователей,

³⁵ См. McKeown (1976, 6): «Поскольку современный рост [населения с конца XVII — начала XVIII веков] является уникальным процессом [с точки зрения размера, непрерывности и длительности], не вполне удовлетворительно пытаться объяснять его начальную фазу отдельно». Морис Гарден полагает, что демографическая модель конца XVIII — начала XIX веков представляла собой «очень медленную эволюцию, а не революцию» — подлинная революция произойдет во «второй половине XX века» (Garden, 1978d, 151, 154).

³⁶ Tucker (1963, 215).

³⁷ Morineau (1971, 323).

³⁸ Milward & Saul (1973, 314).

³⁹ Drake (1969, 2).

⁴⁰ Habakkuk (1958, 500). Сам Хабаккук отвечает на этот вопрос так: «Наиболее обоснованная интерпретация роста производства сельскохозяйственной продукции в конце XVIII века заключается в том, что это был *ответ* на рост населения, а не источник этого роста» (Habakkuk, 1971, 33).

похоже, мало сомневаются в том, что основным объяснением является снижение уровня смертности, поскольку здесь присутствует очень простое соображение: «когда оба показателя высоки, гораздо легче увеличить население путем снижения уровня смертности, чем путем повышения уровня рождаемости»⁴¹ — разумеется, обратное тоже верно, когда оба показателя низки.

Почему же в таком случае уровень смертности будет снижаться? Поскольку высокий уровень смертности «главным образом связан с высокой частотой инфекционных заболеваний»⁴², существует три логически возможных объяснения снижения этого показателя: улучшение медицины (иммунизация или терапия), увеличение сопротивления инфекциям (улучшение окружающей среды) либо снижение вирулентности бактерий и вирусов. Последнюю гипотезу можно отбросить в том случае, если имеет место одновременное снижение смертности сразу от нескольких заболеваний (что, похоже, и происходило), поскольку было бы невероятным, что это могло случиться в силу «неожиданного изменения характера [болезнетворных] организмов».⁴³ В результате мы оказываемся перед лицом подлинного вопроса: улучшение медицины или улучшение социально-экономической среды? Долгое время предпочтительным было первое объяснение, и оно по-прежнему имеет серьезных сторонников, которые в качестве наиболее достоверной гипотезы о причинах снижения уровня смертности приводят «введение и использование прививок против оспы в течение XVIII века»⁴⁴. Однако данное утверждение оказалось опровергнуто, когда было тщательно и убедительно показано, что вплоть до XX века медицинское воздействие на уровень смертности было довольно несущественным, и поэтому едва ли может выступать объяснением изменений в XVIII столетии⁴⁵. Применяя метод исключения, мы остаемся с выводом, что к демографическому росту должно было привести «улучшение экономических и социальных условий», а не наоборот⁴⁶.

⁴¹ McKeown & Brown (1969, 53).

⁴² McKeown & Brown (1969, 53).

⁴³ McKeown (1976, 16).

⁴⁴ Razzell (1969, 134). Ключевая аргументация состоит в том, что английские средние и верхние страты также демонстрировали рост ожидаемой продолжительности жизни, и «объяснение этого с точки зрения увеличившегося объема питания неприемлемо». В более поздней статье Рэззелл (Razzell, 1974, 13) приходит к более обобщенной точке зрения: «Сокращение смертности между 1801 и 1841 годами произошло благодаря улучшению личной гигиены, а не изменению общественного здравоохранения».

См. тж. Armengaud (1973, 38–43). Однако Армэнго уверен, что данный фактор сочетался с более высокой производительностью в сельском хозяйстве, что вело к лучшему питанию населения, теперь более устойчивого к заболеваниям.

⁴⁵ Последовательный анализ различных болезней приводится в: McKeown (1976, 91–109). Маккиоун признает, что точная информация доступна лишь после 1838 года, однако утверждает, что если данная информация демонстрирует «незначительное влияние иммунизации и терапии на тренд смертности в столетие после [1838 года в Великобритании], то из этого, похоже, следует, что и в предшествующее столетие они явно не сделали существенного вклада» (р. 104).

⁴⁶ McKeown & Record (1962, 122). См. также Bairoch (1974, 30), Le Roy Ladurie (1975, 386–390) и Post (1976, 35).

Роль фактора рождаемости значительно выросла в монументальной истории населения Англии авторства Эдварда Ригли и Роджера Шоуфилда, которые рассматривали рост коэффициента рождаемости через снижение доли неженатых. Это связано с моделью, в которой ключевой составляющей в процессе, ведущем к возможности создания домохозяйства, является увеличение доступности продуктов питания. Информация Ригли и Шоуфилда охватывает очень длительный промежуток (1539—1873 годы), в рамках которого они обнаруживают, что, за исключением короткого интервала (1640—1709 годы), число рождений, смертей и браков увеличивается, но количество рождений всякий раз больше, чем смертей. Тем самым авторы, похоже, предъявляют долгосрочную модель английской демографической истории. Однако они также стремятся утверждать, что где-то между началом XVIII и концом XIX столетий Англия порвала с «циклом предупредительных мер [по контролю над рождаемостью]» (preventive-check cycle), при этом прекратилась связь между размером населения и ценами на питание⁴⁷.

⁴⁷ Периодизацию см. в: Wrigley & Schofield (1981, 162); об изменении демографической модели см. ту же работу (р. 478). На с. 245 авторы пытаются более точно датировать момент изменения 1751 годом, после чего, как они утверждают, имело место чистое «преобладание рождаемости [над смертностью] в изменении внутреннего темпа роста».

Джек Голдстоун стремится слегка модифицировать данный тезис, утверждая, что если в XVI веке увеличение рождаемости объяснялось ростом численности вступающих в брак, то между 1700 и 1850 годами на рост рождаемости в первую очередь влияло снижение брачного возраста. «Ключевым моментом было то, что в Англии индустриализация и рост рынков продуктов питания происходили в тесной связи с сельскохозяйственным сектором, который уже был в значительной степени пролетаризован, и этот процесс нарастал» (Goldstone, 1986, 28).

Еще один аргумент в пользу акцента на возросшей рождаемости выводится из гипотетического ирландского примера более ранних браков в 1780-х годах в силу более ранних и все более распространенных «поселений» взрослой сельской молодежи, что, в свою очередь, происходило из-за сдвига от пастбищного к пахотному земледелию. См. Connell (1969, 32—33). Переход к пахотному земледелию, конечно, сам по себе является следствием экспансии мира-экономики, что признает и сам Коннелл: «К [1780 годам] из-за роста собственного населения Англия перестала быть экспортером зерна и могла с меньшей ревностью смотреть на его производство в Ирландии».

Однако Майкл Дрейк скептически относится к аргументации относительно общего возраста вступления в брак в ирландском случае из-за возможного обратного соотношения возрастов мужчин и женщин при женитьбе. Дрейк предпочитает этому версию о распространении выращивания картофеля (Drake, 1963, 313). Коннелл в самом деле не исключает данное объяснение: если наша «неточная статистика» ошибается и рост населения в действительности начался в 1750-х или 1760-х годах, то «он вполне мог строго следовать за распространением картофельного питания» (Connell, 1969, 38).

Т. Маккиоун и Р. Браун также сомневаются, что рост населения можно объяснять снижением возраста вступления в брак, даже если для Ирландии в начале XVIII века были характерны высокий уровень смертности и низкий уровень рождаемости. Эти авторы указывают, что если более старший мужчина в период позднего вступления в брак берет в жены более молодую женщину, то влияние более ранней даты женитьбы (для мужчины) может быть невелико. Кроме того, наибольшая предполагаемая разница состоит в количестве детей на одну семью, но высокий уровень смертности, который воз-

В дополнение к противоречию в логике Ригли и Шоуфилда (долгосрочная модель как объяснение против разрыва в модели как объяснения) существует еще одна проблема. Речь идет о согласовании их акцента на росте коэффициента брачности (и/или его снижения) в качестве объяснения экономического «взлета» («отрыва») с прямо противоположной точкой зрения Дж. Хаджнала. Последний утверждал, что существует некая уникальная западноевропейская (заметим: не только английская) модель брачности первой половины XVIII века, предполагающая более поздний возраст вступления в брак и высокую долю безбрачных. Хаджнал обнаруживает, что именно эта модель более низкой фертильности (продолжающаяся до XX века) служит экономическому развитию, «стимулируя направление ресурсов на иные цели, помимо минимального самообеспечения»⁴⁸.

Наконец, еще одним демографическим фактором, не столь часто обсуждаемым, но, возможно, имеющим огромную важность, является нараставшее перемещение населения из сельских периферийных зон Европы в городские и индустриализирующиеся территории. Но это, конечно, было результатом как увеличения возможностей трудоустройства, так и улучшавшихся транспортных коммуникаций⁴⁹.

В исследованиях последних лет все больше внимания уделялось изменениям в сельскохозяйственном секторе в качестве прелюдии и предопределяющего фактора для изменений в секторе промышленном. (То, что подобный акцент подразумевает политические директивы для современных периферийных стран, не лишено связи с их возросшей озабоченностью данной проблемой и часто открыто высказывается). Так что теперь в дополнение к промышленной и демографической революциям нас призывают локализовать и объяснить революцию сельскохозяйственную — и здесь появляется большое поле для исследования. Прежде всего необходимо помнить, что даже для Великобритании и даже в течение всей первой половины XIX века именно «сельское хозяйство было главной... промышленностью»⁵⁰. Поэтому, если и имеет смысл представление, что экономическая революция вообще случилась и, в частности, что происходила сельскохозяйственная революция, то где-то (причем в итоговых показателях по какой-либо экономической единице) должен был произойти рост урожайности. Здесь перед нами сразу же возникает вопрос о том, какая именно урожайность имеется в виду: урожайность на обрабатываемый гектар (что, в свою очередь, может означать урожайность на одно посеянное зерно, урожайность на единицу затраченного труда либо урожайность на душу населения) либо общая

растает вместе с размером семьи, будет при этом иметь противодействующий эффект (McKeown & Brown, 1969, 62). А. Кроз добавляет, что, с другой стороны, «даже поздний брак может вести к чрезмерно высокой рождаемости» (Krause, 1969, 108).

⁴⁸ Hajnal (1965, 132).

⁴⁹ Эммануэль Ле Руа Ладюри формулирует данную точку зрения на материале миграций жителей Оверни и Пиренеев в Париж и другие города Северной Франции в XVIII веке (Le Roy Ladurie, 1975, 407), а К. Коннелл утверждает то же самое применительно к ирландской эмиграции в Англию (Connell, 1950, 66).

⁵⁰ Deane (1979, 246).

урожайность? Похоже, существует мало сомнений в том, что на протяжении столетия, связывающего XVIII и XIX века, в европейском мире-экономике в целом происходило увеличение общего объема сельскохозяйственной продукции⁵¹. Однако если имел место переход части рабочей силы от земледелия к другим видам производства (в особенности к промышленности), то должен был происходить, как утверждается, либо рост урожайности на одно посеянное зерно, либо рост урожайности на единицу вложенного труда (в сочетании с расширением обрабатываемой площади)⁵². Кроме того, если происходило повышение общего уровня жизни, то, как считается, должна была расти и урожайность на душу населения. Однако не существует необходимых доводов в пользу того, почему рост урожайности на душу населения должен сопровождать рост урожайности на посеянное зерно или вложенный труд, хотя именно последние два показателя являются определяющими элементами для периода экспансии мира-экономики.

Могло ли повышение урожайности произойти благодаря механизации сельскохозяйственного инструментария? Похоже, что для изготовления плугов (а также подков для лошадей) использовалось несколько больше железа⁵³, однако едва ли можно утверждать, что значительная механизация сельского хозяйства имела место до XIX века⁵⁴ — прогресс в этой сфере происходил в

⁵¹ Например, Сликер ван Бат предполагает, что весь этот период представлял собой «время сельскохозяйственного бума» (Slicher van Bath, 1963, 221) в смысле общего уровня цен (несмотря на относительный спад после 1817 года), расширения обрабатываемой площади и использования новых методик.

⁵² См., например, Bairoch (1974, 83). Байрош рассматривает рост сельскохозяйственной производительности не просто как «решающий фактор, инициировавший индустриализацию», но как нечто, в свою очередь, требующее, чтобы данный процесс начался. Однако Анджей Вычанский и Ежи Топольский как раз отрицают необходимость возросшей производительности в сельском хозяйстве для появления свободных рабочих рук для промышленности, учитывая «существенный скрытый резерв рабочей силы» в сельской местности (Wycząnski and Topolski, 1974, 22).

⁵³ Наиболее веские доводы в пользу этого приводит Байрош (Bairoch, 1973a, 490—491), утверждающий, что данные направления использования железа в совокупности с возросшим числом плугов (что стало следствием увеличения расчисток земли и сокращения паров) объясняют существенный рост совокупного спроса на железо.

⁵⁴ О'Брайен утверждает, что в целом «механизация в сельском хозяйстве происходила медленнее, чем в промышленности, поскольку сельскохозяйственные операции более рассредоточены в пространстве и времени, чем индустриальные процессы» (O'Brien, 1977, 171). Дин считает, что даже для Англии «невозможно найти основания для предположения, что существенный рост основного сельскохозяйственного капитала либо нормы его накопления имели место вплоть до конца XVIII века — и даже тогда экспансия, похоже, была скромной в сравнении с ростом сельскохозяйственных доходов в этот период» (Deane, 1972, 103). Именно ограничениями механического сельскохозяйственного оборудования Дин объясняет то, что до середины XIX века большинство новых технологий «подходили только для легких песчаных почв», а «осушать глинистые почвы и фены» было еще невозможно (Deane, 1979, 41). Дж. Чемберс и Дж. Мингей также минимизируют роль механических новшеств, указывая, что знаменитая селка Джетро Талла, позволившая производить постоянную обработку почвы, хотя и была «описана... в 1733 году и имела долгую предшествующую историю, но вошла в общее

первую очередь благодаря более интенсивной обработке почвы с использованием фуражных культур⁵⁵. Существовало две главных системы севооборота: так называемое плодосменное хозяйство (которое в то время называлось норфолкской системой)⁵⁶ и плодопеременное хозяйство (или травопольная система земледелия)⁵⁷. Оба эти варианта устраняли необходимость в паре благодаря использованию корнеплодов (турнепса, картофеля) для уничтожения сорняков и трав (клевера, люцерны, райграса) для питания почвы⁵⁸. Результатом этого стал непрерывный сбор урожая, обеспечивший зимнее питание скоту, а навоз служил дополнительным питательным веществом для почвы.

Ни одна из этих систем не была новой, однако в конце XVIII века произошло существенное расширение их использования. Несомненно, в Англии эти системы совершали громадный прогресс, но при этом вряд ли стоит утверждать, что случай Англии был исключительным. Сликер ван Бат говорит об «общем переходе от трехпольного севооборота... к плодосменному хозяйству» в Западной Европе после 1750 года, который стал реакцией на выросшие цены на пшеницу⁵⁷. Тем не менее новым в данном распространении фуражных культур было то, что оно позволяло переходить к большему объему земледелия без принесения в жертву пастбищного хозяйства, как это происходило раньше⁵⁸.

Однако Морино оспаривает даже этот успех, рассматривая его с точки зрения объема производства на душу населения. Он утверждает, что

употребление при севе зерновых только спустя приличное время после начала XIX века» (Chambers and Mingay, 1966, 2).

⁵⁵ См. Timmer (1969, 382—383): «Бобовые культуры не только напрямую повысили плодородность почвы, но и питали более многочисленные стада скота, которые давали больше навоза, причем лучшего качества».

Однако Б. Х. Сликер ван Бат напоминает, что «более интенсивная культивация не обязательно означает более высокую урожайность» (Slicher van Bath, 1963, 249—250), хотя здесь он имеет в виду урожайность на одно посеянное зерно. Получить больше урожая на обрабатываемый гектар было по-прежнему возможно путем сокращения пара. Если же брать урожайность на одно посеянное зерно, то оставалась также возможность получать более значительный результат, применяя обильное унавоживание, хотя навоз для этого приходилось в основном откуда-то привозить, в связи с чем подобный подход был в целом слишком затратным.

⁵⁶ Разница между данными системами заключалась в том, что плодосменное хозяйство можно было вести только на легких почвах. На более тяжелых (но в то же время хорошо просушенных) землях требовалось длительное количество лет избегать повреждения корней и не создавать пастбища (т. е. сохранять луга). На мокрых и холодных сутлинках ни одна из этих систем не заработает до того момента, пока в середине XIX века не появится недорогой подземный дренаж. См. Chambers and Mingay (1966, 54—62) и Deane (1979, 38—42).

⁵⁷ Slicher van Bath (1963, 249—250). См. далее: «В конце XVIII — начале XIX века просвещенные землевладельцы в разных европейских странах в том или ином виде следовали норфолкской системе» (р. 251).

⁵⁸ Чемберс и Мингей утверждают, что новые формы хозяйствования прорывали сохранявшийся со средних веков «порочный круг нехватки фуража, который вел к полному истощению почвы» (Chambers and Mingay, 1966, 6).

значительное увеличение урожайности произошло только в середине XIX века⁵⁹, и видит в сельскохозяйственном «прогрессе» конца XVIII столетия — в не меньшей степени, чем ранее, — явление, подчиняющееся «логике бедности». Как полагает Морино, нововведения в области сельскохозяйственных культур имели тенденцию совпадать с конъюнктурными падениями уровня жизни. Эти периоды спада сопровождались нехваткой продуктов питания, и поэтому внедрение новых культур «вносило свою лепту в поддержание жизненных стандартов»⁶⁰. Фокусом исследования Морино является Франция, при этом он признает точку зрения, что у Англии были над Францией определенные преимущества, однако сомневается, что до 1835 года даже в Англии имел место «существенный рост производительности»:

«Взлет западной экономики не был основан на некоей „сельскохозяйственной революции“. Не это ли понятие, которое не поддается определению даже в случае дремлющего прогресса Англии, путается первых же заморозков?»⁶¹

Допустим, что невозможно утверждать, будто изменения в земледелии не дали немедленный результат в виде сколько-нибудь заметного роста урожайности на душу населения. Но в таком случае не могли ли изменения в социальных производственных отношениях в деревне быть существенным элементом в процессе индустриализации? — либо потому, что эти изменения обеспечивали достаточное количество рабочей силы или промышленного труда (благодаря более высокой урожайности на затраченный труд, что позволяло рабочей силе

⁵⁹ См. Morineau (1971, 68—87). Морино поддерживает точку зрения Жозефа Руве, согласно которой принципиально необходимым условием увеличения урожайности на одно посеянное зерно было внедрение химических удобрений (р. 69, сн. 129). Однако далее Морино подвергает сомнению утверждение Руве, что начиная с середины XVII века урожайность на душу населения росла благодаря увеличению объема посеянного зерна (что, предположительно, стало возможным прежде всего путем сокращения пара). Аналогичные сомнения относительно роста урожайности на вложенный труд в рамках норфолкской системы можно обнаружить в: Timmer (1969, 392). В то же время Тиммер отмечает некоторый рост урожайности на одно посеянное зерно.

⁶⁰ Morineau (1971, 70—71; см. также Morineau, 1974b, 355). Ле Руа Ладюри, описывая диверсификацию сельскохозяйственного производства в коммуне Лурмарен (там выращивалась не только пшеница — накануне Французской революции половина земли была занята виноградниками, фруктовыми садами, туловыми деревьями, прочими садами и орошаемыми лугами), поясняет: «Вот где подлинная сельскохозяйственная революция, приспособленная к условиям французского Юга!» (Le Roy Ladurie, 1975, 402). Морино критикует это примечательное восклицание, обвиняя Ле Руа Ладюри в «соблазнительном умозрении», имеющем нечеткую количественную базу и являющемся «интерпретацией, экстраполяцией и невольным кругом в доказательстве» (Morineau, 1978, 383). Ле Руа Ладюри отвечает в том же духе, утверждая, что работа Морино «парадоксальная и блестящая», но все же неверная: «Я в самом деле не считаю, что кто-либо способен отрицать сельскохозяйственный прогресс XVIII века» (Le Roy Ladurie, 1978, 32). Как мы увидим, все сводится к тому, что именно понимается под прогрессом. Ле Руа Ладюри ближе к точке зрения, что диспропорции сокращались, в то время как Морино считает, что они росли.

⁶¹ Morineau (1971, 76, 85).

перетекать из одного производственного сегмента в другой, или же благодаря более высокой общей урожайности, что обусловило демографический рост), либо потому, что они были необходимым условием для технических нововведений, которые действительно приведут к более высокой урожайности на одно посеянное зерно, либо же, конечно, могли действовать оба эти фактора. Короче говоря, не являлись ли огораживания ключевым элементом во всем этом процессе?

Под термином «огораживания» понимаются три процесса, которые не являются непременно связанными друг с другом. Первый из них — ликвидация системы «открытых полей», которая предполагала, что в промежутке между сбором урожая и севом личные наделы для пахотного производства трансформировались в общинную пастбищную землю. Второй процесс — отмена «общинных прав», представлявших собой эквивалент системы «открытых полей» в отношении земли, урожай с которой собирал владелец поместья, либо в отношении «пустошей» (т.е. земель, пустовавших с точки зрения пахотного производства). Для тех, кто контролировал мало земельной собственности или не имел ее вообще, оба эти изменения сокращали или вовсе устраняли возможность содержать скот. Третьим процессом была консолидация разрозненных земельных участков, что было необходимо для осуществления экономии на масштабе производства, которую сделала возможной ликвидация открытых полей и общинных прав.

Огораживания, предположительно, сделали более прибыльным смешанное земледелие — как за счет увеличения размера земельных участков, так и потому, что они защищали тех, кто возделывал фуражные культуры, от «халявщиков» (free riders)⁶². Первоочередной целью землевладельцев был «рост рент, ставший результатом технических усовершенствований, которым способствовали огораживания и консолидация земель»⁶³. Однако не столь очевидно, действительно ли путем огораживаний удалось увеличить урожайность. Чемберс и Мингей, утверждая, что огораживания были «жизненно важным инструментом» увеличения производства, признают тем не менее, что свидетельства этого для Англии XVIII века в лучшем случае имеют «косвенный характер»⁶⁴. Еще более скептической позиции придерживается Патрик К. О'Брайен: «Больше нельзя с легкостью допускать», что массовые огораживания между 1750 и 1815 годами «имели сколько-нибудь значимое реальное воздействие на урожайность»⁶⁵.

⁶² Об увеличении размеров земельных наделов см. Chambers and Mingay (1966, 61). Однако Дж. Йеллинг считает, что «условия среды, благоприятные или неблагоприятные для крупномасштабного сельского хозяйства, не совпадают с регионами, где проводились огораживания» (Yelling, 1977, 97). О проблеме «халявщиков» см. Fussell (1958, 17).

⁶³ Dovring (1966, 628).

⁶⁴ Chambers & Mingay (1966, 34, 37).

⁶⁵ O'Brien (1977, 170). Это в некотором роде подтверждается оценкой, которую сделали Дин и Коул. По их мнению, «оказывается, что подушевое производство в британском сельском хозяйстве в XVIII веке выросло примерно на 25%, причем весь этот прогресс был достигнут до 1750 года» (Deane & Cole, 1967, 75). В сноске они даже добавляют, что «сельскохозяйственная производительность, похоже, могла действительно снизиться в третьей четверти столетия и затем восстановиться».

Конечно, огораживания начались задолго до 1750 года, но благодаря новой роли британского парламента⁶⁶ они стали более быстрыми и заметными — именно это политическое вмешательство обусловило массовый характер данного явления⁶⁶. Однако по-прежнему ошибочно полагать, что огораживания происходили только в Британии. Тщательное исследование Марка Блока демонстрирует, что в той или иной форме значительные огораживания производились и во Франции, причем там они тоже усилились после 1730 года⁶⁷. В действительности относительное усиление «аграрного индивидуализма», пользуясь термином Блока, в XVIII веке было общеевропейским феноменом⁶⁸. И если в Англии эта тенденция оказалась более успешной, чем на континенте, то разница определенно заключалась в силе британской государственной машины, которая давала крупным лендлордам орудия, менее доступные землевладельцам во Франции как до революции, так и после нее⁶⁹.

Просто огородить землю (т.е. обнести ее забором) было недостаточно, учитывая исторически сложившуюся практику разбросанных владений. Подобно огораживанию, консолидация наделов и последующий упадок мелких фермеров (будь то владельцев или арендаторов) были вековыми процессами, которые, возможно, ускорились в XVIII веке и в Британии, и во Франции⁷⁰.

⁶⁶ См. Mantoux (1928, 170—172). Э.Л. Джоунс предполагает, что история огораживаний была более постепенной, чем общепризнанно, поскольку из рассмотрения при этом исключались огораживания по взаимному согласию. «Очевидный резкий всплеск огораживаний, инициированных парламентом во второй половине XVIII века, не удастся полностью сгладить в результате привлечения других данных, однако в этом случае он окажется не столь выпуклым» (E.L. Jones, 1974b, 94). Йеллинг также предполагает, что существенный объем захвата общинных полей приходится на конец XVII — начало XVIII веков. Но он не согласен со стремлением заменить период после 1760 года на более ранний в качестве «решающей и революционной эпохи, которая порвала со средневековым прошлым». Как утверждает Йеллинг, «непохоже, что подобный апокалипсис вообще когда-либо происходил» (Yelling, 1977, 111).

⁶⁷ «В значительном числе провинций — Шампань, Пикардия, Лотарингия и Три епископства⁶⁷, Бургундия и Бресс⁶⁸, Франш-Конте, Берри, Овернь, Тулуза, Беарн — начиная с XVI и XVII веков, но особенно после 1730-го года, предпринимались такие последовательные временные меры, что всякий раз, когда случались засуха, мороз или наводнения, в последующий год доступ к открытым полям (*la vaine pâture sur les prés*) перед вторым всходом травы был если и не всегда запрещен, то, по меньшей мере, ограничен» (Bloch, 1930, 341). См. также рассмотрение различных видов огораживаний, которые постепенно вводились на различных территориях (р. 332).

⁶⁸ «Это движение было всеобщим, поскольку оно отвечало как повсеместно исповедуемому учению, так и более или менее четко ощущаемым потребностям наиболее могущественных групп среди тех, кто обрабатывал землю» (Bloch, 1930, 511).

⁶⁹ «Столкнувшись с огораживанием, деревня [в Британии] не имела выбора: парламент решил — нужно было просто подчиниться. Во Франции же крепкое устройство крестьянского землевладения представлялось несопоставимым с подобной жесткостью» (Bloch, 1930, 534).

⁷⁰ Об исчезновении английского йоменства см. Wordie (1974, 604) и Chambers and Mingay (1966). Последние утверждают: «Эта тенденция [к консолидации] стимулировалась огораживаниями, но никоим образом не зависела от них» (р. 92). О ситуации

Впрочем, то, что уплотнение земли действительно вело к существенному росту урожайности, также в большей степени предполагалось, чем наглядно демонстрировалось⁷¹.

Наконец, существует точка зрения, что социальные перестановки в сельском хозяйстве вели к устранению тех, кто трудился на земле, и вслед за этим к их появлению в качестве доступной городской промышленной рабочей силы. Именно в этом смысле, помимо прочих, утверждалось, что сельскохозяйственная революция была необходимым условием для промышленной революции. Добб, например, полагает, что огораживания в Англии в конце XVIII века «вытесняли... армию земледельцев из их последнего слабого

во Франции см. Laurent (1976a, 660) и Vovelle (1980, 60—61). Вовель отмечает очевидный упадок «средних категорий» землевладельцев в Шартре. Иными словами, если совсем точно, то речь идет об исчезновении той категории землевладельцев, чьи наделы были достаточно велики, чтобы обеспечивать пропитанием их семьи, но не более того. Однако об исключениях для Франции см. Meuvret (1971d, 196).

Довринг дает следующее объяснение этой сильной тенденции к консолидации земли: «В рамках аграрной системы, основанной на применении запряженного быками тяжелого плуга, чересполосица могла иметь некоторые технические преимущества, поскольку длина полосы была более существенна, чем компактность поля. (Этот момент не нужно переоценивать, поскольку в действительности полосы были не всегда настолько длинны, чтобы для них требовался плуг, запряженный быками, а тяжелые колесные плуги не были общим явлением даже в зонах преобладания пахотного хозяйства). Однако существовала уверенность, что новые железные плуги, которые тащили одна или две лошади, лучше функционируют на сконцентрированных участках — более широких и менее длинных, чем полосы в старой системе открытых полей, а также считалось, что на консолидированных наделах легче применять новый севооборот... Не менее важным, чем эти технические преимущества, был тот факт, что XVIII век переживал нарастающую волну увеличения населения в крестьянских деревнях Европы, что неизбежно влекло за собой все более и более интенсивную фрагментацию земли» (Dovring, 1966, 627).

⁷¹ Дж. Йеллинг, которому принадлежит одно из наиболее тщательных исследований огораживаний в Великобритании, приходит к следующему выводу: «Изменения в компактности и удобстве фермерских хозяйств были одной из центральных выгод огораживаний, которую наиболее убедительно отстаивали их сторонники и которую наименее подвергали нападкам их критики. Несмотря на это, продемонстрировать достигнутые результаты непросто... [Проблема] заключается в невозможности увидеть, каким образом то или иное преимущество обращалось в конкретные экономические показатели наподобие определенного рода улучшений производительности» (Yelling, 1977, 144). Вслед за этим Йеллинг говорит о гипотетическом потенциале для улучшений и предлагает воздержаться от его недооценки, «поскольку трудно найти существенные свидетельства, подтверждающие результаты [данных гипотетических преимуществ]» (p. 145).

О'Брайен задает другое направление. Учитывая то, что со временем в Великобритании возникли формы землевладения, отличные от многих континентальных стран, менее «феодалные» по своим установкам, утверждалось, что данные формы способствовали производительности, поощряя инвестиции и нововведения. «Однако априори нет смысла ожидать, что английская модель отношений землевладельца и арендатора с необходимостью даст заметно более высокие темпы инвестиций, нежели крестьянская собственность, прусская модель феодализма или даже определенные формы метейжа» (O'Brien, 1077, 168). Если Британия и имела преимущество, утверждает

убежища на обочине общинной земли, ... что совпало с новой эпохой промышленной экспансии»⁷². Этот стандартный марксистский тезис был много раз подвергнут опровержению, в частности, с той точки зрения, насколько данный процесс был насильственным и репрессивным⁷³ и в какой степени данное вытеснение вообще поддается количественной оценке⁷⁴. Последний аргумент имеет двоякий характер. С одной стороны, утверждается, что новая форма хозяйствования требовала «больше, а не меньше труда»⁷⁵. С другой стороны, поскольку, похоже, имели место неоспоримое сокращение процентной доли семей, занимавшихся сельским хозяйством, и увеличение соответствующего показателя в промышленности,⁷⁶ утверждается, что источником увеличения трудящегося городского населения является демографический рост⁷⁷. Конечно,

О'Брайен, то потому, что она раньше достигла географических пределов экстенсивного роста, так что «небольшие добавления в основной капитал фермерских хозяйств... могли дать вполне выраженную прибавку в объеме производства» (р. 169). При этом О'Брайен делает главный акцент на более высокой доле домашних животных на обрабатываемый акр земли.

⁷² Dobb (1946, 239).

⁷³ У. Тейт, например, заявляет, что «примечательными чертами в ходе огораживаний в XVIII веке являлись та тщательность, с которой они осуществлялись, и сравнительно небольшое количество примеров вызванного ими организованного протеста» (Tate, 1945, 137). Когда позднее Тейт представил свои воззрения в виде книги, ее рецензент Ричардсон метко назвал его «историком, который чуть не захлебнулся от возмущения, читая „Сельского труженика“ Дж. Л. и Б. Хаммондов» (Richardson, 1969, 187).

⁷⁴ Классическая точка зрения по этому вопросу содержится у Дж. Клэпхэма, который утверждает, что соотношение между семьями трудящихся и семьями предпринимателей между 1685 и 1831 годами увеличилось с 1,74:1 до 2,5:1. «Данный рост представляется небольшим, и эта [статья] не является манифестом; однако относительно более существенного роста у нас вообще нет свидетельств» (Clapham, 1923, 95). Однако Уильям Лазоник предполагает, что методика подсчета у Клэпхэма недооценивает происходившее изменение (Lazonick, 1974, 37–38).

Линии Клэпхэма следует Дж. Д. Чемберс: «Результатом движения по огораживанию было дальнейшее сокращение, но не уничтожение сохранявшегося английского крестьянства... В действительности численность населения, владеющего небольшими домами, после огораживаний, похоже, увеличилась» (Chambers, 1953, 335, 338).

⁷⁵ Deane (1979, 45). См. Chambers (1957, 37): «Для всякого знакомого с многоступенчатым и трудоемким процессом выращивания репы — тщательная подготовка почвы, посев, пикировка, посадка в лунки, сбор, нарезка, складывание в штабеля — была бы удивительна сама мысль, что он может отождествляться с какой-либо формой экономики труда». См. т.ж. Mingay (1977, 50).

Рафаэл Сэмюэл придает данной точке зрения марксистский поворот: «Осью экономического роста в сельском хозяйстве были не изобретения, а дешевый труд, поэтому изменения, озаглавленные сельскохозяйственной революцией, сопровождались громадным ростом рабочей силы, равно как и увеличением тяжести ее труда» (Samuel, 1977, 23).

⁷⁶ Это демонстрирует Матиас, сравнивая информацию, собранную Кингом в 1688-м году, Масси в 1780 году и Колкхауном в 1803 году. См. Mathias (1979d, 189, таблица 9.3), где показан очевидный сдвиг между 1760 и 1803 годами.

⁷⁷ См. Chambers (1953, *passim*).

два приведенных тезиса — принудительное выселение и демографический избыток — никоим образом несопоставимы. Однако редко отмечают то, что обе эти гипотезы работают против точки зрения о британской исключительности. Если именно демографический рост вел к увеличению городской рабочей силы, то в чем тогда заключалось особенное преимущество Великобритании в XVIII веке? А если британское преимущество объясняется принудительным лишением земледельцев их собственности, то как объяснить отсутствие свидетельств о нехватке рабочих рук в континентальной промышленности?⁷⁸ Как любят говорить французы, из двух вещей — одна. Либо в Британии все это имело иные последствия, чем на континенте (а именно «первую промышленную революцию»), что далее объясняется некоторым свойственным именно Великобритании фактором или их набором, либо же эти процессы имели более общий характер, и в этом случае мы должны более пристально взглянуть на то, насколько различались последствия. То же самое верно, если мы вернемся на шаг назад — к сельскохозяйственной революции, которая предшествует промышленной. Как уже было предположено, в этом случае мы оказываемся перед двумя вопросами: в какой степени данное явление имело место? и насколько отличалась Великобритания в рамках его выявленного масштаба?

Мы упомянули о резко скептическом отношении Морино к теме сельскохозяйственной революции во Франции XVIII века. Столь же громогласное отрицание общепринятых представлений о сельском хозяйстве Англии предпринял Эрик Керридж, предположив, что сельскохозяйственная революция там имела место гораздо раньше, в XVI—XVII веках. Керридж утверждает, что «сельскохозяйственные успехи XVIII—XIX веков в своих поистине скромных пропорциях легко оказываются во второстепенном по значимости положении в сравнении с революциями в промышленности и транспорте»⁷⁹. Однако в своем ответном выпаде Мингей (который для Керриджа служит одной из главных мишеней) странным образом выручает конец XVIII века, рассматривая

⁷⁸ См., например, Lefebvre (1972, 547) о Северной Франции: «Великой промышленности Севера было суждено рекрутировать работников (*manoeuvriers*) из сельской местности и тем самым разрешить аграрный вопрос». А рассуждения Олвена Хафтона приводят к мысли, что преимущество фактически принадлежало Франции. Говоря о социальной поляризации в Европе XVIII века в целом, Хафтон утверждает, что благодаря наличию «солидной группы средних фермеров» Великобритания имела в сельских территориях наилучший «общий социальный баланс». Франция же, предполагает Хафтон, представляла противоположную крайность: 60% сельского населения (а в некоторых регионах и 90%) «не имели средств к существованию» (Hufton, 1980, 30). Но в таком случае почему же эта деревенская беднота не была очевидным кандидатом на роль городского пролетариата?

⁷⁹ Kerridge (1969, 474). О «беспримерных достижениях» XVI—XVII веков в Англии см. Kerridge (1969, 348 и далее). См. тж. O'Brien (1977, 173): «Представляется, что с 1700 по 1850 годы в британском сельском хозяйстве не происходило никаких экстраординарных достижений». Керридж сгущает в духе Морино, утверждая, что «сегодня... миф [об английской сельскохозяйственной революции 1750—1850 годов] опровергнут. Но опровергнуть миф не значит уничтожить его» (p. 469).

этот промежуток времени как некий эпизод сельскохозяйственной революции, которая представляла собой «надолго растянувшийся процесс постепенного технологического и институционального изменения», длившийся с конца XVII до XIX века⁸⁰. Подобная точка зрения значительно обесценивает доводы в пользу «революции», которая по определению более локализована во времени.

Довринг демонстрирует аналогичный скепсис относительно Западной Европы XVIII века в целом, также не обнаруживая в сельском хозяйстве никаких изменений, «сколько-нибудь напоминающих масштаб и динамику промышленной революции». Однако у него имеется простое объяснение того, почему все поверили, что в Британии была некая сельскохозяйственная революция. Довринг предполагает, что изменения, которые действительно случились, были «лучше разрекламированы», чем изменения на континенте. «Это обстоятельство плюс соблазнительное сходство промышленной и сельскохозяйственной революций могло привести к преувеличению глубины явления не меньше, чем оригинальность происходившего»⁸¹.

Итак, своеобразие британской демографии и сельского хозяйства поставлены под сомнение в качестве факторов, объясняющих промышленную революцию, но остается еще одно довольно весомое объяснение, которое может быть выдвинуто. Речь идет о британской культуре или некоторых содержащихся в ней элементах, которые обусловили существование более мощного предпринимательского духа. Вместо подобных заявлений вкупе с беспочвенными доказательствами существования некоей незримой сферы национального характера, посмотрим на данный аспект с точки зрения его предполагаемого институционального выражения — наличия более либеральной структуры государства (исторически возникшей и считающейся результатом духовного прорыва (cultural thrust)).

Традиционная точка зрения, если можно ее так назвать, состоит в том, что промышленная революция в Великобритании «произошла спонтанно, без содействия государства»,⁸² или, тем паче, «без какой-либо помощи»⁸³. Некоторые авторы менее категоричны, стремясь признать роль государства в формировании «рыночного окружения» как такового путем создания таких необходимых условий, как политическая стабильность, административная унификация, англосаксонское право и благоприятное отношение к деловым кругам. Барри Саппл, к примеру, заключает: «Государство действительно играло важную, хотя и косвенную, роль в первой промышленной революции», но все же добавляет: «факт, впрочем, остается фактом: эта роль *была* косвенной»⁸⁴.

Более пристальный взгляд на этот подразумеваемый либерализм британского государства в XVIII веке в сравнении с другими странами (в особенности

⁸⁰ Mingay (1969, 481).

⁸¹ Dovring (1969, 182).

⁸² Deane (1979, 2).

⁸³ Crouzet (1972b, 162).

⁸⁴ Supple (1973, 316).

с Францией) приводит к двум тезисам: британское государство меньше регулировало и меньше облагало налогами. Однако значительную роль парламента в огораживаниях земли едва ли можно рассматривать как пример отсутствия государственного вмешательства в экономику. Очевидно, что именно в сельском хозяйстве британское государство добилось превосходных успехов в регулировании социальных производственных отношений. Можно допустить, что данное регулирование было направлено на устранение оков традиционных ограничений, однако здесь явно было нечто большее, чем просто жест правового попустительства в отношении рыночных взаимодействий. В равной степени это верно и применительно к устранению ограничивающей рынок роли гильдий — опять же, вмешательство государства здесь было необходимым фактором. Милуорд и Сол фактически предлагают альтернативную общую гипотезу относительно Европы в целом, согласно которой там, «где центральное правительство после 1750 года было наиболее могущественным, гильдии и корпорации были наиболее слабы»⁸⁵. И все же мы вновь видим регулирование, направленное, предположительно, на освобождение рынка.

Однако имело место и более прямое вмешательство государства — в большей степени на мировом рынке, чем на внутреннем. В Великобритании протекционизм играл немалую роль даже в производстве хлопковых тканей — этом совершенном образце новейших и более свободных отраслей промышленности (по данному вопросу вполне категорично высказывается Манту)⁸⁶. Кроме того, было бы ошибкой ограничивать регулирующую роль государства протекционистскими мерами, поскольку, когда они стали менее необходимы, все более реальным стало вмешательство во внутренний производственный процесс. Джон Б. Бребнер сомневается даже в том, что в Британии вообще когда-либо был момент подлинного *laissez faire* [невмешательства — *фр.*]: «Когда в первой половине XIX века государство убрало свои лапы из торговли, оно тут же сунуло их в промышленность и смежные отрасли»⁸⁷.

Наконец, Великобритания не тот случай, когда государство не выступало в качестве источника финансирования промышленных предприятий.

⁸⁵ Milward & Saul (1973, 36).

⁸⁶ См. Mantoux (1928, 262—263). Полвека спустя то же самое будут утверждать П. Кейн и А. Хопкинс (Cain and Hopkins, 1980, 473).

⁸⁷ Brebner (1966a, 252). См. тж. Ashton (1924, 185): «Истина заключается в том, что во все времена в промышленности и торговле существовала определенная степень соперничества — и во все времена люди стремились укротить и контролировать средоточие конкуренции».

То же самое фактически утверждает и Филлис Дин. Она говорит о «спонтанности» промышленной революции, тем не менее замечая: «Факт остается фактом: по мере протекания индустриализации государство вмешивалось в экономику более глубоко и более действенно, чем когда-либо прежде... Подлинной целью философских радикалов... оказалась не меньшая свобода от государства, а свобода от неэффективного государства. Эффективность означала действительное и целенаправленное вмешательство в экономическую систему — в отличие от вмешательства неэффективного и бесцельного» (Deane, 1979, 231—232).

Несомненно, деньги не поступали напрямую от государственных банков, однако на практике, как отметил Л. Пресснелл, «фонды частных банкиров пополнял значительный объем государственных средств, подобным косвенным образом оказав помощь в оплодотворении частных начинаний»⁸⁸.

Если британское государство в меньшей степени являло собой модель невмешательства в экономику, чем это утверждается или даже предполагается, то что следует сказать о точке зрения, согласно которой британское преимущество (опять же, в особенности над французами) объясняется сравнительно тонким слоем британской бюрократии и, следовательно, более низкой налоговой нагрузкой?⁸⁹ Эта прописная истина, некогда освященная любым учебником, недавно попала под жесткую критику по обе стороны Ла-Манша: в Великобритании это проделали Матиас и О'Брайен, а во Франции — Морино. В обоих случаях пристальный взгляд на данные в фискальной и бюджетной сферах двух стран в XVIII веке приводит к переворачиванию традиционной гипотезы. Матиас и О'Брайен обнаруживают, что на протяжении всего XVIII века английское налоговое бремя «росло быстрее, чем французское», хотя вплоть до 1790-х годов и «не столь выражено». Однако после этого налоговая нагрузка в Британии вырвалась далеко вперед.

«Таким образом, нарастающая поступь промышленного роста, урбанизации и демографического подъема после 1775 года в Британии... была процессом, происходившим в условиях резкого увеличения реального налогового бремени. А темп его роста был гораздо более быстрым, чем во Франции»⁹⁰.

Сравнение Морино, в котором используются французские данные, несколько отличающиеся от тех, которыми оперируют Матиас и О'Брайен, помещает обсуждаемое различие еще раньше, чем 1790 год. Сопоставляя две страны между 1725 и 1790 годами, Морино обнаруживает, что британские налоговые поступления увеличивались быстрее в абсолютном и относительном эквиваленте, вследствие чего

⁸⁸ Pressnell (1953, 378). Пресснелл отмечает, что «сохранение традиционных методов сбора налогов, позволявшее их сборщикам использовать собранное в собственных частных нуждах», было одним из тех элементов, которые «способствовали росту сельского (т. е. провинциального) банковского дела». Общее объяснение британского роста (в сравнении с Францией), основанное на отсутствии вмешательства государства в дела предпринимателей, см. в: Hoselitz (1955a). Уничтожительный ответ на это содержится в работе: Gerschenkron (1955).

⁸⁹ Недавняя статья, собравшая воедино все аргументы в пользу данной точки зрения: Hartmann (1978).

⁹⁰ Mathias & O'Brien (1976, 606—607). Дальнейшие свидетельства об уровне английского налогообложения с 1660 по 1815 годы см. в: O'Brien (1988). Джеймс Райли расширяет аргументацию Матиаса и О'Брайена, утверждая, что непрочность французских финансов «можно связать с неудачей... в налогообложении растущего объема материальных ценностей в экономике». Однако Райли идет еще дальше, заявляя, что во Франции налогообложение в мирное время в промежутке между 1735 и 1780 годами не только не увеличилось, «если соразмерять его с объемами производства», но еще и снизилось (Riley, 1987, 211, 236).

«подданный Соединенного Королевства еще с первой четверти XVIII века платил более высокие налоги, чем подданный христианнейшего короля — 17,6 турских ливров (после конвертации) против 8,1 (соотношение 2,17 к 1), — и *a fortiori* [тем более — *лат.*] накануне последнего десятилетия XVIII века — 46 турских ливров против 17 (соотношение 2,7 к 1)»⁹¹.

Но на этом впечатляющее разоблачение прописных истин не оканчивается. Традиционно считалось, что британское налоговое бремя в XVIII веке было не только менее тяжелым, чем французское, но и более справедливым. Эта точка зрения обосновывалась тем, что французская налоговая система придавала большее значение прямому налогообложению, которое по определению менее справедливо, поскольку менее прогрессивно. Считалось, что в особенности это было характерно для Франции, где дворяне, духовенство и даже некоторые буржуа были освобождены от тальи. Однако, как отмечает Морино, талья не имела для французской налоговой системы основного значения — на деле в XVIII веке она сокращалась и в 1788 году составляла лишь 15% всех налоговых поступлений⁹². В свою очередь, косвенные британские налоги едва ли были прогрессивными, поскольку фактически они приходились главным образом «на потребление и спрос, а не на сбережения и инвестиции»⁹³.

Какой вывод следует сделать из этого? По мнению Морино, он заключается в том, что равенства не было ни в Великобритании, ни во Франции, а еще более важно, что у двух способов налогообложения (которые Морино объясняет главным образом с точки зрения исторических возможностей) был «почти тот же уровень эффективности *mutatis mutandis* [с необходимыми поправками — *лат.*] применительно к налогооблагаемым доходам»⁹⁴. Матиас и О'Брайен склонны идти еще дальше и «выдвигают предположение», что с точки зрения как прямых, так и косвенных налогов французское налогообложение

⁹¹ Morineau (1980b, 320). См. тж. аналогичные данные применительно к 1785 году в: Palmer (1959, I, 155). Эти данные показывают, что британская ставка налогообложения была в полтора раза выше французской.

⁹² См. Morineau (1980b, 321). Морино также утверждает: «В Англии никто не осмелится быть уверенным, что земельный налог действительно платили именно землевладельцы, а не в конечном счете фактические производители — фермеры и арендаторы. В этой сфере было много мошенничеств» (p. 322).

Матиас и О'Брайен приводят несколько иную аргументацию, но приходят к тому же выводу: «Несомненно, британское прямое налогообложение было в целом „прогрессивным“ — иными словами, нет сомнений в том, почему оно формировало столь незначительную долю государственных доходов» (Mathias & O'Brien, 1976, 614).

⁹³ Mathias & O'Brien (1976, 616). В связи с этим авторы замечают: «Доводы в пользу структуры спроса, стимулирующей более быстрый рост промышленности в Англии XVIII века (в особенности тезис, подчеркивающий значимость в этом процессе „средних доходов“), должны принимать во внимание эти важные финансовые операции, предполагаемые косвенным налогообложением» (p. 621). В более ранней публикации Матиас дает общее определение британского налогообложения как «в высокой степени регрессивного», поскольку две трети доходов от косвенных налогов поступали с товаров массового спроса (Mathias, 1969, 40).

⁹⁴ Morineau (1980b, 322—323).

«по результатам исследования могло бы оказаться менее регрессивным», чем британское⁹⁵.

Если все это верно, остается один вопрос: каков источник ошибочных предположений? Главный ответ на него давался исходя из отсутствия в Великобритании формального освобождения от налогов, что «влекло за собой меньше недовольства», а также исходя из того факта, что прямые налоги «оставались „невидимыми“, когда проходили в виде составной части рентных платежей»⁹⁶. Это означает, что упомянутое заблуждение следует рассматривать как историческое по своему происхождению. Однако, возможно, оно имеет историографический характер, особенно если мы учтем допущение Довринга о параллельном заблуждении в сфере сельского хозяйства.

Итак, мы предприняли длительный экскурс в область «причин» «первой промышленной революции», но пока не уделили внимания самому этому понятию, которое тоже требует объяснений. Поэтому теперь необходимо рассмотреть природу этого явления. О какой промышленной революции идет речь? Ответ на этот вопрос, конечно же, заключается в том, что ряд нововведений привел к процветанию новой промышленности хлопковых тканей в первую очередь в Англии. Эта промышленность была основана на новых и/или улучшенных машинах и была организована в виде фабрик. Одновременно или вскоре после этого похожие процессы — расширение и механизация — произошли в черной металлургии. Утверждалось, что от предшествующих процессов, связанных с любым набором нововведений в производстве, данный процесс отличало то, что он «инициировал кумулятивное, самоподдерживающее изменение»⁹⁷. Проблема, связанная с последним понятием, заключается не только в том, что его трудно операционализировать, но и в том, что у него нет однозначной датировки. К примеру, центральным тезисом настоящей книги является утверждение, что кумулятивное, самоподдерживающее изменение в форме бесконечного стремления к накоплению было лейтмотивом капиталистического мира-экономики, начиная еще с его возникновения в XVI веке. В частности, мы утверждали, что долгая стагнация XVII века была отнюдь не перерывом в этом кумулятивном процессе, а его составной частью.

⁹⁵ Mathias & O'Brien (1976, 633).

⁹⁶ Mathias & O'Brien (1976, 636). Пьер Губер дает аналогичное объяснение собственного восприятия французами в конце XVIII века: «Расходы короля и короны были преувеличены: при Генрихе IV они были куда выше, чем при Людовике XIV, а при Людовике XIV — выше, чем при Людовике XVI. Однако в последнем случае расходы получали плохую прессу (*un autre publicité*)» (Goubert, 1973, 139).

⁹⁷ Landes (1969, 81). «Ведь осуществление промышленной революции требовало усилий, — утверждает Лэндес. — С одной стороны, были необходимы машины, которые не только заменяли рабочие руки, но и побуждали к концентрации производства на фабриках... С другой стороны, была необходима крупная промышленность, производящая товары широкого и эластичного спроса [то есть хлопковые ткани — И. В.], так что (1) механизация какого-либо одного процесса мануфактурного производства создала бы серьезное напряжение в других процессах и (2) воздействие усовершенствований в этой отрасли промышленности ощущалось бы во всей экономике».

Поэтому теперь мы рассмотрим более пристально социальную организацию, которую можно связывать с данными новшествами. Представляется, что нововведения рассматриваемой эпохи не оказали фундаментального воздействия на соотношение труда и капитала, которое существовало задолго до этого. Некоторые из этих нововведений были трудосберегающими, но многие другие сберегали капитал. Даже железные дороги, чей черед настал в самом конце рассматриваемого периода, будучи капиталоемким предприятием, сберегали капитал для экономики в целом, поскольку усовершенствования в транспорте позволяли производителям (manufacturers) сокращать складские запасы готовой продукции и тем самым «зримым образом»⁹⁸ снижать показатели капиталоемкости. Похоже, как раз это имеет в виду Дин, настаивая, что в промежутке 1750—1850 годов происходило «расширение капитала», в отличие от «углубления капитала» в производстве⁹⁹.

Что же делает возможным это расширение капитала, этот «выигрыш в валовой продукции»? Вот ответ, который предлагает Лэндес: это обеспечивается «качеством факторов производства», то есть «более высокой производительностью новых технологий и превосходными навыками и знаниями как предпринимателей, так и работников»¹⁰⁰. Несомненно, это так, однако применительно к фазе экспансии в мире-экономике всегда будет верным то, что ведущие отрасли промышленности являются высокоприбыльными именно благодаря более высокой производительности, которая трансформируется в более низкие издержки и становится возможной благодаря временной рыночной монополии на «навыки и знания». Тем не менее вопрос, имелось ли в рассматриваемый период что-либо особенное, остается открытым.

Происходил ли в тот момент научный или технологический прорыв? Историки науки редко придавали рассматриваемому нами промежутку значение поворотного момента в каком бы то ни было смысле. Более подходящими кандидатами в этом отношении оказываются XVII или XX столетия, а не 1750—1850 годы. Более того, историографический спор о роли науки и технологии в промышленной революции, похоже, завершился с значительным перевесом в пользу технологии¹⁰¹.

⁹⁸ Milward & Saul (1973, 173).

⁹⁹ «По крайней мере, до... эпохи железных дорог», добавляет Дин, определяя расширение капитала как обеспечение ресурсами, которые позволяют «увеличивать население, протяженность рынка или освоение новых и скрытых природных ресурсов», а «углубление капитала» как «внедрение более капиталоемких технологий производства» (Deane, 1973b, 364).

¹⁰⁰ Landes (1969, 80).

¹⁰¹ См. Mathias (1979b, 33): «[Критические препятствия технического характера] находились в области инженерии, а не в науке». У него же: «Если оценивать эффективность вклада науки по его результатам, *ex post facto* [постфактум], а не по затраченным усилиям, то это серьезно сокращает значимость данного фактора» (Mathias, 1979c, 58); см. тж. Gillespie (1972). Арьергардную защиту науки предпринял Альберт Э. Массон, на-

В таком случае должны были совершаться технологические прорывы. Перечень подлинных изобретений того времени известен: от рядовой сеялки Джетро Талла в 1731 году до молотилки в 1786 году; от механического челнока Кея в 1733 году до прялки «Дженни» Харгривса в 1765 году, ватермашины Аркрайта в 1769 году, мюль-машины Кромптона в 1779 году — кульминацией здесь стала полностью автоматическая мюль-машина Робертса в 1825 году; от выплавленного при помощи кокса чугуна Дерби в 1709 году до puddling Корта в 1784 году; наконец, на первом месте, возможно, стоит паровая машина Уатта (1775)¹⁰². Этот ряд изобретений представляет собой ядро аргументации в пользу британской исключительности. Перечисленные машины действительно были изобретены в Англии, а не во Франции или где-либо еще¹⁰³. Именно они объясняют британский триумф на мировом рынке хлопковых тканей и стали.

На первом месте стоит сюжет, связанный с хлопком. До конца XVIII века под текстилем понимались, прежде всего, шерсть и, во-вторых, полотно. Хлопковые ткани на мануфактурах производились, однако в рамках общего объема текстильного производства они составляли сравнительно небольшую долю, а, кроме того, значительная часть хлопковых тканей, поставлявшихся на европейский рынок, делалась в Индии. Последнее обстоятельство фактически и выступало серьезным стимулом к нововведениям в технологии производства хлопковых тканей: «машины — лишь они могли эффективно конкурировать с

стаивающий, что «прикладная наука играла существенно более значимую роль, чем это в целом осознавалось» (Mussop, 1972, 59). Лэндес же привычно использует более высокую значимость технологических изменений в качестве той дубинки, которой можно колотить французов. «Неслучайно», по его мнению, что французы прилагали усилия к «сведению технологии к математическому обобщению» в термодинамике, в то время как предприимчивые англичане продолжали «быть мировым лидером в инженерной практике и инновациях» (Landes, 1969, 104).

¹⁰² Читателя не должны смущать предложенные даты. Сравнивая ряд работ по истории технологий и более общих источников, я обнаружил, что относительно датировки того или иного изобретения существует много разногласий. Проблема заключается в том, что зачастую имела место разница между годом изобретения, годом первого использования и годом, когда был получен патент. Кроме того, когда определенный механизм имел несколько последовательных, но слегка отличающихся форм, разные авторы называют эти разные формы именно данным изобретением. Но для нашего изложения незначительное расхождение дат не слишком значимо.

¹⁰³ Однако по этому поводу существует несколько возражений — даже по вопросу о количестве и значимости изобретений. См. McCloy (1952, 4): «Франция, даже если она была позади Англии (и я вынужден думать, что так и было), была определено не далеко позади». В книге Макклоя это утверждается применительно к любой сфере, включая текстильное производство и изобретение паровых механизмов. Автор часто отмечает, каким образом беспорядки, возникшие вследствие Французской революции, прерывали указанные процессы: иногда изобретатель отправлялся в изгнание, иногда утрачивались интерес и внимание к изобретениям со стороны правительства. См. тж. Briavoigne (1839, 194) о французской реакции на британское превосходство в механических процессах: французы «немедленно ухватились за то, что еще оставалось для них, чтобы уравновесить это превосходство, — они обратились к химии».

индийскими ткачами», — утверждает Бродель¹⁰⁴. Поэтому новая технология производства хлопчатых тканей была в первую очередь трудосберегающей¹⁰⁵.

Поскольку в начале XVIII века главной отраслью промышленности в Западной Европе было производство шерстяных (а не хлопковых) тканей и поскольку сам XVIII век до 1770-х годов был периодом значительного *расширения* этой отрасли,¹⁰⁶ можно задать вопрос — и его часто задавали: почему технологические новшества первым делом не произошли в производстве шерстяных тканей?

В качестве объяснения этой загадки предлагались различные версии. Одним из традиционных объяснений является то, что хлопок (в отличие от шерсти и полотна) был более свободен от надзора гильдий¹⁰⁷. Однако, как утверждает Лэндес, «данный аргумент не достоин внимания»,¹⁰⁸ поскольку шерстяная отрасль в Англии пользовалась свободой, а хлопок был не таким уж новым материалом. Вместо этого Лэндес предлагает два других объяснения: обработку хлопка было легче механизировать,¹⁰⁹ а рынок для товаров из него был более эластичен. Однако легкость механизации противоречит гипотезе о технологическом прорыве¹¹⁰ и игнорирует то обстоятельство, что определенный прогресс

¹⁰⁴ Braudel (1984, 572). Бельгийская исследовательница Натали Бриавойн в своей примечательной книге, написанной в 1839 году, описывает это отвоевание Европой у Индии рынка хлопковых тканей как главное «политическое» последствие промышленной революции в следующем пассаже: «Столетиями Европа зависела от Индии — как от ее наиболее дорогих товаров, так и от товаров самого широкого потребления: муслинов, печатных ситцев (*indiennes*), нанковых и кашемировых тканей. Ежегодно Европа импортировала значительный объем мануфактурных товаров — за них она могла платить лишь звонкой монетой, которая навсегда оседала в областях, не имевших возможности отправить ее обратно в нашем направлении. Следствием этого было обнищание Европы.

У Индии было преимущество в виде менее затратной и более квалифицированной рабочей силы. Благодаря изменению, которое произошло в способе производства (*mode of fabrication*), положение дел теперь не такое, как прежде — баланс торговли отныне складывается в нашу пользу. Индийские рабочие больше не могут соревноваться с нашими паровыми машинами и ткацкими станками... В производстве большинства тканей Европа вытеснила индийских производителей (*manufacturers, fabricants*) с мирового рынка, где им веками принадлежало исключительное место. Англия может покупать в Индии хлопок и шерсть, которые затем продает обратно как выделанную ткань. Если в Индии ничего не изменится, то она вернет Европе все те деньги, которые ранее получила от нее. Это очевидное последствие обещает рост богатства для нашего континента» (Briavoinne, 1839, 194). Насколько это верные слова!

Далее прозрения Бриавойн (не забудем, что это написано в 1839 году) переходят в беспокойство об обратной стороне этой политической медали: «Однако если говорить о политических результатах всего сказанного, то среди них есть один, которого следует опасаться — и его уже сейчас должен предвидеть государственный муж. Труд, организованный на новой основе, освобождает тело от рабского состояния и оставляет больше свободы для размышления. Если не поторопиться предложить им в качестве ориентира серьезное образование, то именно из этого постоянного источника беспокойства однажды может возникнуть новое политическое потрясение. Опыт учит нас: рабочие, собравшись вместе, могут стать источником бунта, и большинство промышленных кризисов приобретет социальный характер. Это рассуждение заслуживает серьезного внимания».

¹⁰⁵ О значении новых машин с точки зрения улучшавшегося качества см. Мэпп (1958, 279); о том, как они экономили труд, см. Деане (1979, 88—90).

в технологии работы с шерстью в действительности был совершен еще в начале XVIII века, причем, что характерно, во Франции¹⁰⁶.

Утверждение об эластичности рынка ставит вопрос о том, почему должна была возникнуть именно такая ситуация, особенно если вспомнить, что одним из объяснений успеха английских «новых тканей» (шерстяных) в XVI веке также была эластичность их рынка¹⁰⁷. Данный термин обычно указывает на потенциальный рынок новых покупателей за более низкую цену. Однако если расширить эту идею до возможности завоевывать новые рынки путем политического устранения соперников, то вполне может быть так, что в рассматриваемое время хлопковые ткани были более «эластичными», чем шерстяные, с точки зрения не только британцев, но и всех западноевропейских производителей. Ведь если в области шерсти они конкурировали друг с другом и были вполне уверены, что те или иные новшества могут быть и будут быстро скопированы, то в сегменте хлопковых тканей

¹⁰⁶ Дин указывает, что реальный объем выпуска шерстяных тканей с 1700 по 1770 годы увеличился в Англии в 2,5 раза с темпом роста в 85% в десятилетие в 1700—1740 годах и затем 13—14% в промежутке 1741—1770 годов (Deane, 1957, 220). Маркович описывает «глобальный рост» в 145% французской шерстяной промышленности XVIII века, который, утверждает он, ближе к гипотетической отметке в 150%, содержащейся в работе Deane and Cole (1967) применительно к тому же периоду. «Поэтому французская шерстяная промышленность в XVIII веке не отставала от английской. Похоже, что в обоих случаях эта отрасль достигала совокупного среднего (геометрического) темпа роста в 1% в год» (Markovitch, 1976a, 647—648). (Если приводимая статистика не вполне последовательна, то это не вина автора настоящего труда).

¹⁰⁷ См. Hoffmann (1958, 43).

¹⁰⁸ Landes (1969, 82).

¹⁰⁹ «[Хлопок] — это растительное волокно, упругое и сравнительно однородное по своим характеристикам, в то время как шерсть является органическим, неустойчивым и коварно изменчивым в своем поведении материалом» (Landes, 1969, 83).

¹¹⁰ См. Lilley (1973, 194): «В целом можно утверждать, что, за исключением одной действительно новой идеи, а именно вытягивания волокна в длину при помощи роликов, до 1800 года изобретения в области прядения хлопковой ткани сводились, по существу, к соединению в новые комбинации тех частей прялки, которые были известны на протяжении столетий. Это были „легкие“ изобретения — в том смысле, что они не требовали каких-либо специфических квалификаций или подготовки. Они могли быть сделаны любым разумным человеком, наделенным достаточным энтузиазмом и достаточным коммерческим предвидением». Лилли утверждает, что данные изобретения не прорывали технологические барьеры и не являлись условиями для экспансии, но были «следствием новых стимулов и благоприятных возможностей, созданных более быстрой экспансией» (р. 195). См. тж. Charman (1970, 253): «Чем дольше рассматриваешь раннюю текстильную промышленность под микроскопом, тем менее революционными оказываются первые фазы ее жизненного цикла».

¹¹¹ См. Patterson (1957, 165—166). Кроме того, нововведения не единственный способ увеличения конкурентоспособности. Вторым — и вполне стандартным — методом является перенос места производства. Более того, Дэвис отмечает, что именно это и произошло в Англии с шерстяной и полотняной отраслями, где «оказалось возможным на какое-то время снизить издержки путем их перемещения в территории с низкими заработками — в Шотландию, Ирландию и на север Англии» (Davis, 1973, 307).

¹¹² См. Wallerstein (1974, 279–280, с. 346 рус. изд. первого тома).

Западная Европа (коллективно) конкурировала с Индией¹¹³ и была действительно способна обеспечить политическим образом, что инновации туда не проникнут.

Другой значительной сферой внедрения инноваций была металлургия. Конечно, производство железа, как и текстильное производство, было одной из традиционных отраслей промышленности в европейском мире-экономике, а основной сферой использования железа ранее было изготовление металлических изделий как для домашнего хозяйства, так и для вооружения. Но в конце XVIII — начале XIX веков значимость приобретают еще два дополнительных направления его потребления: машины и транспорт. Утверждается, что каждое из трех перечисленных направлений, в свою очередь, сыграло собственную роль в британской экономической экспансии. Дэвис связывает с растущим спросом североамериканских колоний на металлические изделия в первых трех четвертях XVIII века вынужденную необходимость поиска экономии на масштабе производства — однажды достигнутая, эта экономия снижала издержки и тем самым, со своей стороны, «стимулировала дальнейший спрос»¹¹⁴. Поль Байрош приводит доводы в пользу того, что этим дальнейшим спросом был рост использования железа сначала в сельском хозяйстве, а затем для текстильного оборудования¹¹⁵. И, конечно, это железные дороги, которые в 1830-х годах обеспечат основу для подлинной экспансии железа и стальной индустрии, для ее превращения в ведущую отрасль промышленности мира-экономики XIX века. Развитие железных дорог, в свою очередь, было связано с масштабным наращиванием добычи угля и железной руды, что делало оправданным¹¹⁶ масштабные капитальные инвестиции в транспортную инфраструктуру: сначала в каналы,¹¹⁷ а затем в железные дороги.

Соответственно, подъем угля как основного источника производства энергии взаимосвязан с экспансией черной металлургии и технологическими усовершенствованиями в ней. Каменный уголь тоже не являлся каким-то новшеством, но именно в XVIII веке он стал главным заменителем дров в качестве топлива. Причина этого очень проста. В предшествующие столетия европейские леса были постепенно сведены промышленным производством (и в определенной степени нуждами

¹¹³ Вальтер Хоффманн называет действия британского парламента против индийских ситцев вторым из двух факторов, объясняющим новшества — первым (как уже отмечено выше) он считает свободу от контроля гильдий (Hoffmann, 1958, 43).

¹¹⁴ Davis (1973, 303).

¹¹⁵ См. Bairoch (1974, 85—97). Манту говорит об общем соотношении между железом и машинами. Первые (главным образом деревянные) машины характеризовались «неровным ходом и быстрым износом». Однако для машины Уатта потребовались металлические цилиндры Уилкинсона «абсолютно точной формы» (Mantoux, 1928, 316).

¹¹⁶ Ригли вкратце резюмирует причины этого: «Производство [минерального сырья] является точечным; [производство овощей и сырья животного происхождения] требует территории... Первое предполагает транспортировку значительных объемов продукции по небольшому числу путей сообщения, в то время как второе предполагает обратное» (Wrigley, 1967, 101).

¹¹⁷ В случае с большинством каналов, построенных в Великобритании между 1758 и 1802 годами, «главной целью была перевозка угля» (Deane, 1979, 79), срв. Gayer et al. (1975, 417): «Первый канал герцога Бриджвотера» между Уорсли и Манчестером вдвое снизил в последнем городе цену на уголь».

отопления), и к 1750 году нехватка леса стала «главным узким местом промышленного роста»¹¹⁸. В Англии острая нехватка древесины была продолжительной, что уже в XVI веке стимулировало применение угля, а в равной степени — постоянное внимание к технологиям его добычи и использования¹¹⁹. Новые технологии требовались для того, чтобы промышленность превращалась из предприятия с высокими издержками в низкозатратное дело. Решением проблемы было «эффективное» использование угля, наряду с паровой машиной для преобразования энергии¹²⁰.

Лэндес вполне корректно утверждает, что «использование [угля и пара], по сравнению с возобновляемыми источниками энергии, было соображением издержек и удобства»¹²¹. Стремясь объяснить, почему метод коксовой плавки чугуна, изобретенный Дерби в 1709 году, не был принят в Англии никем другим еще столетия, Чарльз К. Хайд предполагает, что причина этого была простой и ясной — «издержки»¹²². Это проливает определенный свет на вопрос, почему в XVIII веке угольная технология не развивалась аналогичным образом во Франции. Лэндес, похоже, полагает, что выбор Британии был «проявлением более глубокой рациональности», в то время как Франция «непреклонно отвергала уголь — даже когда имелись сильные денежные стимулы к переходу на более дешевое топливо»¹²³. Однако Милуорд и Сол видят в этом «обоснованную реакцию» на «дорогой процесс производства железа более низкого качества», который не имел смысла до тех пор, пока Франция не сталкивалась с острой нехваткой леса, которую испытала Британия¹²⁴.

¹¹⁸ Chaunu (1966, 600).

¹¹⁹ См. Nef (1957, 78—81).

¹²⁰ См. Forbes (1958, 161): «Экономическими угрозами для металлургии XVIII века выступали нехватка древесного угля и ограниченные возможности водяной энергии. Поэтому было предпринято много попыток свергнуть тиранию дерева и воды». Очень ясное изложение технологических проблем и их исторического решения см. в: Landes (1969, 88—100). См. тж. Lilley (1973, 197—202).

¹²¹ Landes (1969, 99).

¹²² «До середины столетия дешевле было использовать в процессе плавки древесный уголь, а не кокс, поэтому металлурги резонно сторонились коксовой плавки и продолжали использовать более старые технологии. Издержки производства доменного чугуна при помощи кокса значительно сократились в первой половине столетия, в то время как издержки производства с помощью древесного угля быстро выросли в 1750-х годах, что давало коксовой плавке очевидное преимущество в стоимости» (Hyde, 1973, 398). На последующий вопрос, зачем Дерби и его семья использовали свою технологию, Хайд отвечает, что это делалось «вопреки более высоким издержкам нового процесса, поскольку за новый побочный продукт производства коксового чугуна — тонкостенное литье — они получали прибыли выше обычных». Причем данная технология отливки была «хорошо охраняемой производственной тайной» (pp. 406—407).

¹²³ Landes (1969, 54). В 1786 году Ричард Уотсон, епископ Лэндофф, был не столь жестко настроен в отношении французов в ходе дебатов в Палате лордов по поводу договора Идена, заметив, что «ни одна нация еще не начинала искать топливо под землей, пока не исчезнут ее леса» (Parliamentary History of England, XXVI, 1816, 545).

¹²⁴ Milward & Saul (1973, 173). Любопытно, что Лэндес в одном из последующих фрагментов своей книги утверждает фактически то же самое: «Даже щедрость природы наносит ущерб, поскольку относительный избыток леса, похоже, стимулировал сохранение традиционной технологии» (Landes, 1969, 126).

Один из второстепенных, но значимых споров в этом изображении двух масштабных направлений промышленной экспансии — хлопка и железа — связан с тем, какое из них является «ключевым». В двух данных отраслях и в используемых в них технологиях существуют некоторые важные структурные различия. Изобретения в сфере хлопковых тканей были по своей природе механическими и, по сути, трудосберегающими. Изобретения в производстве железа касались главным образом химических процессов и улучшали как количество, так и качество продукции, не сокращая непосредственно использование труда¹²⁵. Изменения в текстильной технологии вели к прекращению использования раздаточной системы и к появлению фабрик, однако в черной металлургии фабрики были обычным явлением уже начиная с XVI века¹²⁶.

Указанные различия связаны с тем, что именно мы считаем «революционным» в «первой промышленной революции». Подъем британской промышленности хлопковых тканей предполагал, по существу, два изменения. Во-первых, он означал крупный сдвиг в организации труда (производственных отношениях) в главной на тот момент отрасли мировой промышленности. Во-вторых, он был всецело и зримо связан со структурой мирового рынка: сырье целиком импортировалось, а продукция «в подавляющем преимуществе продавалась на внешнем рынке». Поэтому, поскольку ключевым моментом был контроль над *мировым* рынком, Хобсбаум заключает, что в данном случае имелось пространство только для одного «пионера национальной индустриализации», которым была Великобритания¹²⁷. Хлопковые ткани были ключевым моментом именно потому, что они реструктурировали мир-экономику, хотя Лилли скептически относится к той значимости, что придается хлопку. В ретроспективе, утверждает Лилли, можно «вообразить» устойчивый рост и без хлопковых тканей, однако «без экспансии железа он был бы непредставим»¹²⁸. Этот спор демонстрирует текучесть (или смутность) того, каким образом использовалось понятие промышленной революции.

Ключевым примером в данном случае является общераспространенный аргумент, согласно которому революционность промышленной революции в Британии в конце XVIII — начале XIX веков заключалась в том, что она знаменовала создание фабрики как организационной структуры промышленного труда. Тем не менее, с одной стороны, известно, что фабрики существовали и прежде (в смысле физической концентрации под одной крышей множества рабочих, которым платил наниматель)¹²⁹. А с другой стороны, масштаб внедрения

¹²⁵ См. Mantoux (1928, 304).

¹²⁶ См. Deane (1979, 103).

¹²⁷ Hobsbawm (1968, 48—49).

¹²⁸ Lilley (1973, 203). Лэндес верно предполагает, что для исследования, предметом которого является конец XVIII века, возможно, было бы анахронизмом придавать черной металлургии «больше значения, чем она заслуживает... Ни по количеству занятых, ни по инвестированному в него капиталу, ни по стоимости выпущенной продукции, ни по темпу роста железо в этот период не могло сравниться с хлопком» (Landes, 1969, 88—89).

¹²⁹ Примеров тому множество. Наиболее примечательный случай широкого использования фабрик в предшествующий период обнаруживается в итальянской шел-

фабричной системы в рассматриваемое время легко может быть преувеличен — даже для Британии¹³⁰.

Конечно, в текстильной промышленности происходило перемещение локализации производства из сельской местности в города (аналогичный сдвиг, напомним, также имел место в XVI веке, но уже в XVII столетии он повернется вспять). Более сомнительно, действительно ли в это время имело место изменение в распределении рабочей силы. Если раньше сельский рабочий уделял одну часть своего времени сельскому хозяйству, а другую — текстильному производству, то теперь происходила большая специализация. Однако «астрономическое время», которое английские рабочие затрачивали на сельское хозяйство и промышленность, могло поначалу оставаться тем же самым¹³¹. Кроме того, поскольку эти первые фабрики «не обязательно были сколько-нибудь более эффективны»,¹³² нужно задать вопрос, почему вообще произошел этот сдвиг, в особенности если учесть, что предприниматель терял значительное преимущество раздаточной системы — то обстоятельство, что рабочие, как указывает Лэндес, были не только «дешевыми», но и «необязательными»¹³³. Главное объяснение этого дает сам Лэндес. В период «долгосрочного расширения рынка» основной заботой предпринимателя было не обойтись без рабочих, а увеличить выпуск продукции, по меньшей мере, экстенсивным образом, противостоя «склонности рабочего к хищениям»,

ковой промышленности, ряд исследований на эту тему выполнил и продолжает делать Карло Пони.

Герман Фрейденберг и Фриц Редлих предпочитают называть данные структуры «протофабриками», или «централизованно контролируемые консолидированными мастерскими», которые предполагали «увеличение контроля за производством, но не обязательно увеличение разделения труда» (Freudenberg and Redlich, 1964, 394). Однако степень существенных отличий хлопковых фабрик XVIII века от аналогичных предприятий предыдущего периода является предметом, который еще толком не исследован.

¹³⁰ «Переход к фабричному производству был менее универсален, чем обычно считается» (Bergier, 1973, 421). См. тж. Crouzet (1958, 74): «Наиболее широко распространенной формой организации крупной британской промышленности в начале XIX века была надомная работа — сочетание торгового капитализма и домашнего труда; именно в этой форме происходила концентрация капитала».

См. тж. Samuel (1977, 8) о британской хлопковой промышленности: «Это теперь возможно приравнивать новый способ производства к фабричной системе... Но капиталистический рост коренился в подпочве мелких предприятий». Делая акцент на том, что, по его убеждению, является «медленным прогрессом механизации» (р. 47), Сэмюэл отмечает: «В мануфактурном производстве, как и в сельском хозяйстве и добыче полезных ископаемых, значительное количество капиталистических предприятий [в Британии начала XIX века] было организовано на основе ручного труда, а не на паровых технологиях» (р. 45).

¹³¹ См. Bairoch (1974, 108).

¹³² O'Brien & Keyder (1978, 168).

¹³³ Landes (1969, 119). Для теоретического обоснования этого Лэндес ссылается на работу Альберта Хиршмана (Hirschman, 1957), который пишет о периферийной зоне мира-экономики XX века. Отсюда мы получаем напоминание, что раздаточная система

особенно в момент, когда благодаря растущим ценам «увеличивался потенциальный доход от воровства»¹³⁴.

Теперь необходимо обратиться к центральному утверждению о «первой промышленной революции» — а именно, что она произошла в Великобритании, а не во Франции (или в каком-либо ином месте). Мировое ученое сообщество широко разделяло эту общепризнанную истину с середины XIX по середину XX века. Элегию промышленной революции в Британии опубликовал Поль Манту, а Анри Сэ писал, что в конце *Ancien Régime* [старого порядка — фр.] «механизм» во Франции был «спорадическим», «на начальной стадии», и «лишь немногие отрасли промышленности... [стали] трансформироваться»¹³⁵ — и все это в сравнении с Великобританией.

Исключительный экономический рост Британии традиционно был предметом не демонстрации, а объяснения. Архетипическая версия этого объяснения изложена у Тома Кемпа. Широкий фронт экономического роста был «обусловлен в значительной степени предрасположенностью», которую имели к этому британцы, в то время как французы даже в XIX веке продолжали страдать от «исторических пережитков» социально-экономической структуры, которые «замедляли» их движение вперед¹³⁶. Однако с недавних пор немало ученых стали бросать тень сомнения на этот трюизм о британской исключительности, начав с альтернативного трюизма, согласно которому «в XVII и XVIII веках главной промышленной державой мира была Франция»¹³⁷. Более того, утверждается, что именно во Франции объем промышленного

по-прежнему является ключевой характеристикой организации труда в капиталистическом мире-экономике.

¹³⁴ Landes (1969, 119). Для теоретического обоснования этого Лэндес ссылается на работу Альберта Хиршмана (Hirschman, 1957), который пишет о периферийной зоне мира-экономики XX века. Отсюда мы получаем напоминание, что раздаточная система по-прежнему является ключевой характеристикой организации труда в капиталистическом мире-экономике.

¹³⁵ Sée (1923a, 191, 198). Однако в том же году была посмертно опубликована книга Шарля Балло о «механизме». В предисловии к ней Анри Озер писал, что «машины в дореволюционной Франции были более широко распространены, чем обычно думают» (Ballot, 1923, viii).

¹³⁶ Kemp (1962, 328—329), срв. Cameron (1958, 11); Kranzberg (1969, 211); Henderson (1972, 75).

¹³⁷ Markovitch (1976b, 475). Маркович утверждает, что Франция при *Ancien Régime* не только «превосходила Англию в промышленной мощи» (Markovitch, 1974, 122), но и сохраняла это превосходство «даже в начале XIX века» (Markovitch, 1966c, 317). См., однако, работу Пьера Леона (Léon, 1960, 173), где содержится более осторожная формулировка: «[Промежуток 1730—1830-х годов во Франции] сам по себе, несмотря ни на что, вопреки усиливающемуся технологическому отставанию, все больше и больше определяется волной индустриализации и роста, которая пусть и не была масштабной, но, по меньшей мере, была реальной и имела высокую значимость» (срв. Garden, 1978c, 36).

См., наконец, работу Уилсона (Wilson, 1977, 151), где высказывается общая точка зрения на весь период 1500—1800 годов: «Англия не настолько сильно отклонялась от нормальной европейской модели, как некогда считали».

производства опередил объем сельскохозяйственного производства раньше, чем в Великобритании¹³⁸. Далее, если возможно использовать понятие «взлета» («отрыва»), то во Франции он произошел «ближе к середине XVIII века» или, «самое позднее, около 1799 года», но, скорее, в более раннее время¹³⁹. Вся эта линия аргументации подкреплена накоплением значительных количественных данных, которые имеют прямое отношение к рассматриваемому ключевому периоду¹⁴⁰. Исходя из этих данных, О'Брайен и Кейдер целиком отказываются от представления об «относительной отсталости» Франции и вместо этого заключают, что «индустриализация во Франции попросту происходила в рамках иной правовой, политической и культурной традиции»¹⁴¹.

Оспорить понятие «первой промышленной революции» в Великобритании можно двумя способами. Первый заключается в предположении, о котором только что говорилось, что различия между Великобританией и Францией в то время были невелики или, по крайней мере, меньше, чем требует понятие революции. Второй подход, впрочем, состоит в постановке вопроса о том, была ли промышленная революция вообще. Существует

¹³⁸ Марчевский говорит, что во Франции это произошло «до 1789 года», а в Великобритании — лишь между 1811 и 1821 годами (Marczewski, 1965, xiv). Однако он признает, что Британия в XIX веке превосходила Францию в росте натуральных производственных показателей, «особенно в сельскохозяйственном производстве» (р. cxxxv).

¹³⁹ Marczewski (1961a, 93—94). Маркович утверждает, что сложно говорить об «отрыве», поскольку вся промышленная история Франции начиная с середины XVIII века до сегодняшнего времени была «почти что непрерывным вековым экономическим ростом» (Markovitch, 1966c, 119). Милуорд и Сол относят французскую «промышленную революцию» к промежутку 1770—1815 годов, хотя утверждают при этом, что если использовать критерий «отрыва», то последний не происходил до середины XIX века (Milward & Saul, 1973, 254—255).

¹⁴⁰ См., например, работу Marczewski (1961b), где содержатся таблицы, демонстрирующие, что во Франции происходило последовательное повышение темпов роста с 1701 по 1844 годы (за исключением коротких промежутков), характерное как для сельского хозяйства, так и для промышленности. Ведущим фактором этого роста была интенсивная и экстенсивная индустриализация, направляемая колоссальным развитием промышленности хлопковых тканей.

¹⁴¹ O'Brien & Keyder (1978, 21). Есть еще один способ постулирования этого. Он предполагает утверждение, что вопрос о первенстве Англии является «превратно истолкованным» и «не имеющим ответа», поскольку на вопрос, имела ли Англия в XVIII веке «самоочевидное превосходство», единственным ответом может быть «громогласное „нет“». Вывод о превосходстве был сделан просто из «абсолютного первенства» Англии (Crafts, 1977, 434, 438—439). Н. Ф. Р. Крафтс предполагает, что «вопрос: почему Англия была первой? следует отличать от другого: почему промышленная революция произошла в XVIII веке?» (р. 431). Милуорд и Сол аналогичным образом призывают переходить от вопроса «почему Британия?» к «общеευропейской перспективе» (Milward & Saul, 1973, 30—38). См. т.ж. утверждение Броделя, что на континенте можно обнаружить «примеры, более или менее близкие к английской модели». Бродель стремится рассматривать и сельскохозяйственную, и промышленную революцию как «европейский феномен» (Braudel, 1982, 282).

предположение, что имелись и более ранние промышленные революции — в XIII¹⁴² или XVI веке¹⁴³. Есть и противоположная гипотеза, согласно которой действительно революционные изменения произошли позже — в середине XIX века или даже в XX столетии¹⁴⁴. Наиболее крайним из данных предположений является точка зрения, что технологические революции происходили в промежутке 1550—1750 годов и после 1850 года, но не в период 1750—1850 годов¹⁴⁵.

Предположение, что индустриальные революции имели место и раньше, и позже, легко встраивается в допущение, что промышленная революция была более длительной. Еще в 1929 году Х. Билз в своем обозрении источников утверждал, что расширение промышленной революции в прошлое и будущее устранило «характер катаклизма», приписываемый ей¹⁴⁶. За этим

¹⁴² См. Carus-Wilson (1954). Вильгельм Абель (Abel, 1973, 51, п. 1) пишет, что описание XIII и начала XIV веков как периода первой индустриализации в Европе было впервые сделано либо Густавом Шмоллером, либо Ф. Филиппи, который в 1909 году выпустил работу «Первая индустриализация в Германии» (Die erste Industrialisierung Deutschlands).

¹⁴³ См. Nef (1954). Хотя Кейрус-Уилсон утверждает, что промышленная революция происходила в XIII веке (т.е. появление сукновальной машины), она обходится без какого-либо сравнения ее значимости с промышленной революцией конца XVIII века. Неф, напротив, превознося период 1540—1640 годов в Великобритании, предполагает, что «степень происходивших тогда изменений была едва ли менее разительной», чем степень изменений более позднего периода (р. 88). Однако см. ответ Дин (Deane, 1973a, 166), что между двумя этими отрезками тем не менее существовала разница в «истинном масштабе промышленного развития», а также в более «обширном» влиянии его «организационных и технических перемен».

¹⁴⁴ Гарден, к примеру, предупреждает, что «не следует... поспешно смешивать XVIII век и промышленную революцию: британская „истина“ была сама по себе запоздалой и ограниченной; на протяжении XVIII века традиционные формы хозяйства повсеместно выжили — а на деле даже и развивались» (Garden, 1978a, 14). См. тж. Williamson (1984, 688). Уильямсон утверждает, что до 1820 годов британский рост был «в лучшем случае скромным».

¹⁴⁵ Морис Домэ определяет промежуток 1550—1750 годов как «фундаментальный транзит» в технологиях (Daumas, 1965, v), называя концепцию технологической революции между 1750 и 1850 годами «одной из принципиальных ошибок» в нашем понимании истории технологий (Daumas, 1963, 291). Далее он предлагает «спасти» этот отрезок, признавая его достижения вне области технологий — а именно в социальной организации хозяйства. См. Daumas (1965, xii) и Daumas & Garanger (1965, 251).

Аналогичным образом рассуждает Лилли: «Ранние стадии промышленной революции — грубо говоря, до 1800 года — были основаны главным образом на использовании средневековых технологий и их предельном расширении» (Lilley, 1973, 190). См. тж. Braudel (1984, 566): «Если и существует фактор, который утратил основание в качестве ключевого объяснения промышленной революции, то это технологии».

¹⁴⁶ «Общепринятая версия... уделяет слишком много внимания появлению великих изобретений». Х. Билз утверждает, что вместе с «более спокойным восприятием» изобретателя как «глашатая притязаний дня, [а не] их инициатора» идея промышленной революции теряет в своем «драматическом качестве,... но выигрывает в глубине и

последовал представляющийся уместным язвительный комментарий Хитона: «Революция, которая продолжалась 150 лет и оказалась подготовкой к еще, по меньшей мере, столь же протяженному периоду, явно нуждается в новой вывеске»¹⁴⁷.

Запоздалым ответом на заявление Хитона фактически выступает понятие «протоиндустриализация». Франклин Мендельс, вводя этот новый термин для «первой фазы, которая предшествовала собственно современной (modern) индустриализации и готовила ее», то есть фазы «рыночно ориентированной, в первую очередь сельской, промышленности», попытался зафиксировать специфику более узко очерченной и ограниченной во времени промышленной революции, в то же время признавая акцент на постепенности данного процесса¹⁴⁸. Мендельс даже мог утверждать, что использование понятия «протоиндустриализация» способно разрешить дискуссию о превосходстве британской промышленности над французской в данный период, сводя ее к спору о словах¹⁴⁹. Однако при помощи этого термина невозможен ответ на

человеческой значимости» (Beales, 1929, 127—128). См. тж. точку зрения Хартвелла, для которого промышленная революция не требует «объяснения», поскольку она является «кульминацией главным образом незримого процесса, следствием долгого периода медленного экономического роста» (Hartwell, 1967b, 78). Дин и Хабаккук считают «наиболее яркой характеристикой первого „отрыва“ его постепенность» (Deane and Habakkuk, 1963, 82, срв. Hartwell, 1970b).

¹⁴⁷ Heaton (1932, 5).

¹⁴⁸ Mendels (1972, 241). Мендельс объясняет переход ко второй фазе «современной, фабричной, или машинной, индустриализации» тем, что результатом протоиндустриализации становится накопление капитала в руках купцов-предпринимателей, наряду с формированием навыков, необходимых для фабричной индустриализации, а также создание рынков для сельскохозяйственной продукции, которое вело к росту географической специализации.

Луи Бержерон обращает внимание на «реинтегративный» характер понятия протоиндустриализации, которое «больше подчеркивает преемственность, а не разрывы в организации производства и труда между „пре-“, и „пост-“, периодами технологической революции» (Bergeron, 1978a, 8).

¹⁴⁹ Мендельс указывает, что проделанный Марковичем пересмотр стандартных представлений об относительной отсталости французской промышленности в середине XVIII и XIX веках (равно как и аналогичная точка зрения Крузе) зависит от включения в описываемую у Марковича категорию промышленности и ремесел «ручных производств в наиболее широком возможном смысле, даже с учетом домашнего промышленного труда для собственного потребления». Мендельс делает следующий вывод: «Таким образом, интерпретация французского экономического развития может быть решительно изменена в зависимости от того места, которое придается „доиндустриальной промышленности“» (Mendels, 1972, 259).

Пьер Жаннен в своей критической заметке о протоиндустриализации (он рассматривает более позднюю версию этого понятия в работе Kriedte *et al.* (1977)) утверждает, что данный термин является «одновременно и несколько раздутым, включающим неспецифические элементы, и слишком узким, поскольку понятие протоиндустриализации слишком специфично для второстепенных видов промышленности» (Jeannin, 1980, 64).

¹⁵⁰ Garden (1978, 14). Гарден называет это «фундаментальным вопросом».

вопрос, который формулирует Гарден: «Является ли решительность изменений в XVIII веке следствием силы промышленного сектора или же, наоборот, его структурной слабости?»¹⁵⁰.

Существуют и иные варианты возражений на аргумент о постепенности. Один из них представляет Лэндес, утверждающий, что подобное рассуждение является признаком поверхностности описаний и неизменной терминологии¹⁵¹. Второе возражение принадлежит Хобсбауму, который выделяет период «триумфа» внутри более длинного, более постепенного процесса¹⁵². Третье — Элизабет Броуди-Шумпетер, утверждающей, что здесь (как всегда) верны тезисы и о революции, и об эволюции, поскольку это просто вопрос о перспективе — микроскопической или макроскопической¹⁵³.

Однако пока остается гадать, ставит ли все это в совокупности под сомнение эвристическую ценность понятия промышленной революции. Джон У. Неф занимает в связи с этим жестко негативную позицию:

«В экономической истории едва ли существует более дезориентирующее понятие, чем то, что связывает все значимые проблемы нашей современной цивилизации с экономическими изменениями, которые представляются как имевшие место в Англии между 1760-м и 1832-м годами. Едва ли существует теория, покоящаяся на менее надежных основаниях, чем та, что обнаруживает ключ

¹⁵¹ «Не нужно принимать видимость за действительность... Если судить по статистике занятости, то британская экономика 1851 года может показаться не отличающейся от экономики 1800 года. Однако данные цифры просто дают внешний срез общества — да и то в таких единицах, которые устраняют изменение в силу использования неизменных терминологических категорий. Но под этой поверхностью происходила трансформация жизненно важных элементов, и хотя они могли быть не более чем частью целого (идет ли речь о людях или о материальных ценностях), но именно они определяли обмен веществ в целой системе» (Landes, 1969, 122). Однако остается неопределенным то, как идентифицировать эти «жизненно важные элементы» и «обмен веществ», и, что даже более важно, является ли отличие промежутка 1800—1850 годов более значимым, чем любой из предшествующих 50-летних периодов.

¹⁵² 1789—1848 годы знаменуют «триумф не „промышленности“ как таковой, но капиталистической промышленности; не свободы и равенства в целом, но среднего класса, или „буржуазного“ либерального общества... Они знаменуют не само существование этих элементов новой экономики и общества, но их триумф;... это не постепенные успехи подкопов и подрывов, но решительный захват крепости» (Hobsbawm, 1962, 17, 19). Периодизация Хобсбаума едва ли втискивается в периодизацию Маркса, который пишет о сравнительно позднем моменте этого «решительного захвата» — даже для Великобритании: «Полное господство промышленного капитала признано английским купеческим капиталом и финансовой аристократией лишь со времени отмены хлебных пошлин [1846]» (Marx, 1967, 327, цит. по рус. пер.: Карл Маркс. Капитал, том 1, гл. 20).

¹⁵³ «Революция никогда не может быть понята из самой себя, т. е. без отношения к событиям, которые привели к ней; революция подводит итог, а не инициирует нечто... [В этом] разница между микроскопической и макроскопической точками зрения: между ними столь же мало противоречий, как между тем, чтобы считать очертание леса прерывистым в одних случаях и ровным в других» (Schumpeter, 1938, 227).

к пониманию современного индустриализованного мира в рамках этих 72 лет английской экономической истории»¹⁵⁴.

Я разделяю точку зрения Нефа, что понятие «промышленная революция» и его почти неизбежный коррелят — «первая промышленная революция» в Великобритании — являются глубоко дезориентирующими. Ни растягивание во времени, ни превращение промышленной революции в двухшаговый процесс, ни различие в ней медленного количественного прироста и качественного прорыва — никакое лоскутное одеяло не окажется спасительным, поскольку понятие промышленной революции исходит из предпосылки, что «преимущество» Британии объясняется сочетанием деталей, которые являются абсолютными, в то время как нам необходимо локализовать сочетание позиций, являющихся относительными в рамках мира-экономики. Развивается во времени именно мир-экономика, а не более мелкие единицы внутри него.

Вопрос не в том, почему Великобритания опередила Францию или любую другую страну (в той степени, в которой это произошло, и в зависимости от того, как измерять это «опережение»), но, скорее, в том, почему мир-экономика как целое развивался тем или иным образом в любой отдельный момент времени (в данном случае мы берем промежуток 1730—1840-х годов). Еще один вопрос: почему в это время последовала более значительная концентрация наиболее прибыльных видов экономической деятельности внутри одних, а не других государственных границ (и почему в этих пределах накапливалось больше капитала)?

Бриавойн в 1839 году описывала происходящее проще:

¹⁵⁴ Nef (1943, 1). Еще дальше идет Колин Макэведи, утверждая, что понятие промышленной революции, «будучи безусловным достижением для исторической теории, в действительности нанесло много вреда на практике» (McEvedy, 1972, 5—6). Кэмерон (Cameron, 1982; 1985) аналогичным образом проводит точку зрения, что термин «промышленная революция» является «ошибочным».

Столь же существенное обвинение выдвигает Йозеф Шумпетер: «Автор согласен с теми современными экономическими историками, которые с неодобрением смотрят на термин „промышленная революция“. Он не только устарел, но и дезориентирует или даже является в принципе ложным в том случае, если направлен на выражение идеи, что нечто обозначаемое им было уникальным событием или рядом событий, создавших новый экономический или социальный порядок, или же идеи, будто промышленная революция внезапно явилась миру в последние два или три десятилетия XVIII века вне связи с предшествующими событиями... Мы помещаем данную промышленную революцию в один ряд, по меньшей мере, с двумя аналогичными событиями, которые ей предшествовали, и, по меньшей мере, еще двумя, которые шли вслед за ней» (Schumpeter, 1939, 253). Промежуток 1787—1842 годов Шумпетер рассматривает как кондратьевский цикл, утверждая: «Есть основания для уверенности, что эта длинная волна не была первой в своем роде» (p. 252). Шумпетеру возражает Коулмен, напоминая, что термин «промышленная революция» должен быть закреплен за таковым процессом в Великобритании в конце XVIII века. Этот процесс «в длительной исторической перспективе был сравнительно внезапным и насильственным изменением, пробудившим к жизни индустриальное общество» (Coleman, 1966, 350).

«Сфера труда расширялась; средства производства (*exécution*) находились в каждодневном процессе постепенного умножения и упрощения. Население последовательно росло благодаря сокращению уровня смертности. Сокровища, лежащие в земле, использовались лучше и в большем количестве; человек производил и потреблял больше; он становился богаче. Все эти изменения и составляют промышленную революцию»¹⁵⁵.

Если спросить у Бриавойн, что послужило причинами этой революции, то она объясняет ее тремя ключевыми изобретениями: огнестрельное оружие, компас и печатный станок¹⁵⁶. Тем самым мы оказываемся в предшествующем моменте во времени, а именно в моменте создания капиталистического мира-экономики несколькими столетиями ранее.

[ПОНЯТИЕ «БУРЖУАЗНАЯ РЕВОЛЮЦИЯ» И ЕГО КРИТИКА]

«Первая промышленная революция» и Французская революция по умолчанию указывают на события-периоды, совпадающие во времени. Это отмечалось много раз, и для обозначения данного периода иногда использовалось выражение «эпоха революций». Взаимосвязь во времени в действительности усиливается понятийной взаимосвязью, которая рассматривалась менее часто. Конечно, многие авторы отмечали, что словосочетание «промышленная революция» возникло из «вполне естественной ассоциации»¹⁵⁷ между быстрыми изменениями в промышленности с политическими изменениями Французской революции. Однако верно и обратное: наше восприятие Французской революции главным образом стало определяться нашим восприятием промышленной революции.

Французская революция воплощает все политические страсти современного мира, возможно, даже сильнее, чем Русская революция — ее единственный соперник по символической значимости события. Наверное, это единственная тема современной истории, о которой было написано так много исторических произведений, что уже настало время писать историографию историографии. В данном случае мы сосредоточимся на вопросе, который начиная со Второй мировой войны представляется центральным для всей дискуссии о Французской революции: была ли она буржуазной?¹⁵⁸

Альбер Собуль, пришедший к позиции принципиального сторонника социальной интерпретации Французской революции (каковую интерпретацию он

¹⁵⁵ Briavoinne (1839, 185—186).

¹⁵⁶ Briavoinne (1839, 188).

¹⁵⁷ Bezanson (1922, 343).

¹⁵⁸ Эберхард Шмитт (Schmitt, 1976) в своем обзоре литературы о Французской революции начиная с 1945 года называет этот вопрос в числе шести других, но остальные пять представляются мне инкарнациями этого единственного вопроса. Вот эти остальные пять вопросов. Французская революция — миф или реальность? Проблема «Атлантической революции». Была ли «феодалная реакция»? Была ли в 1789 году одна или три революции? Является ли якобинская диктатура высшей точкой Французской революции?

называет классической), заявляет, что для Жана Жореса (его Собуль считает основателем данной школы) «революция была ничем иным, как результатом долгой экономической и социальной эволюции, сделавшей буржуазию хозяйкой власти и экономики». Вслед за Жоресом, утверждает Собуль, пришли Альбер Матье и Жорж Лефевр, а затем сам Собуль и Жорж Руде.

«Таким образом, социальная интерпретация Французской революции была мало-помалу доведена до совершенства более чем вековым движением. Благодаря постоянному возвращению к всестороннему исследованию,... благодаря его критическому духу, благодаря его заявке на теоретическую рефлексию, благодаря глобальному видению революции, лишь одна эта интерпретация заслуживает считаться подлинно научной».

Это глобальное видение революции само по себе является частью глобального видения истории эпохи Модерна, в рамках которого

«Французская революция есть лишь эпизод в общем течении истории, который после революций в Нидерландах, Англии и Америке внес вклад в приход буржуазии к власти (или в ассоциацию между властью и буржуазией) и освободил развитие капиталистической экономики»¹⁵⁹.

То, что за социальной интерпретацией Французской революции, по большому счету, скрывается виговское истолкование истории (то же самое, которое породило понятие «первой промышленной революции» в Англии), можно увидеть по тому заключению, к которому приходит Лефевр в обобщении своей концепции в работе в память о 150-летней годовщине 1789 года:

«Воплощением всей революции... остается Декларация прав человека [и гражданина]... Америка и Франция, как и Англия до них, оказались одновременно зависимы от течения идей, успех которых отражает подъем буржуазии. Эти идеи составляли общий идеал, который подводит итог эволюции Западной цивилизации. С течением веков наш Запад, сформированный христианством, но также унаследовавший мысль античности, преодолевая тысячу превратностей, сосредоточил свои усилия на реализации цели освобождения человеческой личности»¹⁶⁰.

Поэтому, возможно, было бы наиболее полезно начать с изложения аргументов социальной интерпретации Французской революции в несколько более крупных деталях¹⁶¹. Данное направление выдвигает три фундаментальных

¹⁵⁹ Soboul (1974, 41–42, 44).

¹⁶⁰ Lefebvre (1939, 239–240).

¹⁶¹ Можно возразить, что в рамках данной социальной интерпретации мы слишком полагаемся на работы Собуля (или в целом на марксистскую версию), хотя взгляды Лефевра (не говоря уже о Матье) в ряде отношений отличались. Но поскольку, как заметил Марк Ферро, «[история во Франции] (равно как и история Франции) является одной из главных арен гражданской войны» (Ferro, 1981, 32), это может быть оправдано, если учесть следующее достоверное суждение Мишеля Гренона и Регины Робен (Grenon and Robin, 1976, 6): «Любопытно, что 1789 год во Франции по-прежнему

утверждения. Во-первых, революция была направлена против феодального порядка и тех, кто его контролировал — то есть против аристократии. Во-вторых, революция была существенной стадией в переходе к новому, капиталистическому, социальному порядку в интересах тех, кто будет его контролировать — буржуазии. В третьих, буржуазия могла добиться успеха в революции только благодаря обращению за поддержкой со стороны народных классов, которые, впрочем, в лучшем случае оказывались второстепенными получателями выгод от революции, а в худшем — ее жертвами. Кроме того, утверждается, что эти три постулата не только суммируют (французскую) историческую реальность, но и описывают отдельное событие-период, начавшееся в 1789 году и окончившееся в 1799 году¹⁶². Его «революционность» заключается в том, что данное событие-период знаменовало внезапную, качественную социальную трансформацию, а не просто было частью длительной вековой последовательности социального развития.

«В конце XVIII века, — сообщает нам Собуль, — структура французского общества оставалась, в сущности, аристократической». Французская революция знаменует «наступление буржуазного, капиталистического общества», поскольку она добилась «разрушения сеньориальной системы и привилегированных сословий» феодального общества¹⁶³. Любопытно, что оценка Собулем французского общества близка к оценке Лэндеса, за тем исключением, что разница, которую оба они усматривают между Британией и Францией в XVIII веке, для Лэндеса продолжает существовать и в XIX столетии (а возможно, даже и в первой половине XX века):

«Результатом действия этих сил [аристократического высокомерия, буржуазных притязаний, давления со стороны литературных и художественных

остается фундаментальной линией раскола между правыми и левыми; революция как миф все еще может пробуждать эмоции. Это происходит потому, что при написании истории два эти понятия классической интерпретации Французской революции и ее марксистская интерпретация всегда неумышленно накладывались друг на друга. Классическая интерпретация есть не что иное, как прогрессивное прочтение революции».

¹⁶² 1799 год — это крайняя дата, которую Собуль использует в своей краткой истории революции (Soboul, 1977a). Можно, конечно, выбрать и другую дату — скажем, 1793 или 1792 или же 1815 год. Можно также предпочесть и другую начальную дату, например, 1787 или 1763 год. Сделать так — значит изменить интерпретацию. Но выбрать диапазон 1789—1799 годов не обязательно означает согласиться с Собулем во всех аспектах. Морис Агульон выбирает именно эти даты, чтобы доказать, что 1830 год знаменует возвращение «революции», которая, как он утверждает, стала революцией «либерализма», в то время как промежуток 1800—1830 годов представлял собой контрреволюцию «в двух последовательных формах» — наполеоновской диктатуры и авторитарной клерикальной монархии (Aguilhon, 1980, 15).

¹⁶³ Soboul (1977a, 1, 3). Старый порядок должен именоваться «феодализмом за неимением лучшего названия» (Soboul, 1976a, 3). В самом деле, если угодно, то данная негативная сторона революции более важна, чем позитивная. Говоря об «аристократической реакции» XVIII века, Собуль утверждает: «С этой точки зрения, революция, воз-

кругов] была общая атмосфера [во Франции], которую лучше всего определить как антикапиталистическую. Средневековая идея производства для потребления, а не для прибыли, идея статичного, а не динамичного общества, никогда не теряла своей действенности»¹⁶⁴.

Во Франции XVIII века — в той Франции, которая была не просто «феодальной», но, как утверждается, переживала «аристократическую реакцию», — буржуазия ощущала себя глубоко разочарованной, особенно в смысле инвестиций в мануфактурное производство из-за ограничений, наложенных на «базовые капиталистические свободы: свободу использовать наемный труд, свободу производить и свободу покупать и продавать». Настоятельно добавим: подразумевалось, что британцы имели широкий доступ к данным свободам и воспользовались ими для старта промышленной революции. Тем самым, как утверждается, была подготовлена арена для буржуазии, чтобы обеспечить «ее вступление на революционную сцену»¹⁶⁵.

В 1789 году у французской буржуазии появился шанс бросить вызов такому положению дел, выбрав из двух возможных путей от феодализма к капитализму тот, который Маркс обозначил как «реально революционизирующий путь»¹⁶⁶. Если задаться вопросом, почему буржуазия избрала именно этот путь, то Собуль приписывает это «упрямству аристократии» (которая отказывалась идти на уступки) и «беспощадности крестьянских масс» (антифеодальные жакерии 1789—1793 годов), но отнюдь не самой буржуазии, «которая не стремилась уничтожить аристократию»¹⁶⁷. Собуль не говорит, были ли это те же причины, на основании которых английская буржуазия пошла по такому же «реально революционизирующему пути», равно как и не сообщает, были ли страны, которые пошли по другому, «прусскому», пути, осчастливлены менее упрямой аристократией или не столь беспощадным крестьянством.

Именно в этой точке изложение становится несколько туманным. Собуль вполне традиционно заявляет, что Английская революция была «куда менее радикальной», чем Французская, ставшая «наиболее драматичной» из всех буржуазных революций — в самом деле, «классической буржуазной революцией»¹⁶⁸. Утверждая так, мы остаемся наедине с «гигантским парадоксом» Хобсбаума:

можно, была не буржуазной, но определенно антиаристократической и антифеодальной» (Soboul, 1970b, 250).

¹⁶⁴ Landes (1949, 57).

¹⁶⁵ Rudé (1967, 33).

¹⁶⁶ Marx (1967, I, 334). Это путь, на котором «производитель становится торговцем и капиталистом», в отличие от того, когда «торговец устанавливает прямое господство над производством».

¹⁶⁷ Soboul (1976d, 16; 1977b, 38). Очевидно, монархия была более прозорлива, чем аристократия. Она пыталась разрешить противоречия между аристократией и буржуазией в рамках *Ancien Régime* путем создания «торговой аристократии» и «пожалования дворянства торговцам». Однако данный опыт оказался «провальным», продемонстрировав «невозможность в условиях *Ancien Régime* подлинного сплава» двух этих групп (Soboul, 1970b, 279, 282).

¹⁶⁸ Soboul (1977a, 160—161, 168).

«на бумаге» (то есть в соответствии с рассматриваемой объяснительной моделью) Франция «идеально подходила для капиталистического развития» и должна была воспарить над своими конкурентами. Однако в действительности ее экономическое развитие шло «медленнее», чем экономическое развитие других стран, в особенности Британии. У Хобсбаума есть объяснение этого: «Французская революция... руками Робеспьера забрала большинство из того, что она дала руками Учредительного собрания»¹⁶⁹. Однако если якобинцы, *par excellence* [по преимуществу — *фр.*] представители буржуазной революции, своими действиями создали «неприступную [экономически реакционную] цитадель мелких и средних крестьян-собственников, мелких ремесленников и лавочников», которые «замедляли [капиталистическую трансформацию сельского хозяйства и мелких предприятий] до черепашьего темпа»,¹⁷⁰ то остается только догадываться, в каком смысле это действительно была *буржуазная* революция, а если она была буржуазной, то в каком смысле это была революция?¹⁷¹

¹⁶⁹ Hobsbawm (1962, 212—213). Хобсбаум объясняет этот парадокс следующим образом: «Капиталистическая часть французской экономики была надстройкой, возвышавшейся над неподвижным базисом крестьянства и мелкой буржуазии. Безземельные свободные работники попросту просачивались в города; для стандартизованных дешевых товаров, которые формировали состояние прогрессивного промышленника в других местах, не хватало достаточного крупного и растущего рынка. Накапливался большой объем капитала, но почему его следовало инвестировать в собственную промышленность?» Хобсбаум (р. 381, п. 19) ссылается на «locus classicus» [классическое высказывание — *лат.*] для данной позиции — статью Жоржа Лефевра 1932 года (см. Lefebvre, 1963).

На парадокс Хобсбаума Собуль отвечает утверждением, что крестьянская революция была «незавершенной». Если бы радикальные группы крестьянства выиграли, то произошла бы «реструктуризация земельной собственности в пользу мелких производителей», результатом которой позже стала бы «концентрация», и никакого парадокса бы не было (Soboul, 1977b, 42—43). Иначе на парадокс Хобсбаума отвечает Никос Пуланцас: этот «парадокс» демонстрирует, что революционное государство «является не государством буржуазной революции, политически успешным в данный момент и в данном стечении обстоятельств, но скорее государством политически *сдерживаемой* буржуазной революции. Именно в этот момент государство на самом деле принадлежит не буржуазии-гегемону, но крестьянству и мелкой буржуазии, как верно заметил Токвиль. И это государство в любом случае оказывается не в состоянии продержаться долго» (Poulantzas, 1973, 176).

¹⁷⁰ Hobsbawm (1962, 93).

¹⁷¹ Конечно, можно ответить, что это в меньшей степени была революция в сфере экономики в узком смысле, а в большей степени революция в сфере ценностей. «Главным итогом революции во Франции было то, что она положила конец аристократическому обществу... Общество послереволюционной Франции было буржуазным по своей структуре и ценностям. Это было общество парвеню, то есть людей, сделавших себя самостоятельно» (Hobsbawm, 1962, 218, 220).

Но если это так, предполагает Джордж В. Тейлор, то это было непреднамеренное последствие. «Революционное состояние умов, выраженное в Декларации прав человека [и гражданина] и декретах 1789—1791 годов, было результатом — а не причиной — кризиса, начавшегося в 1787 году» (G. V. Taylor, 1972, 501). Это утверждение Тейлора основано на изучении *cahiers de doléance* [Наказов 1789 года — *фр.*].

¹⁷² Цит. в: Lefebvre (1932, 40).

Именно так мы подходим к наиболее тонкой части всей картины — речь идет о роли, которая приписывается народным массам. Афоризм Шатобриана — революцию начали патриции, а закончили плебеи¹⁷² — сейчас принимается за истину. Где же в таком случае появляется буржуазия? Предположительно, она выступает, спутывая планы и патрициев, и плебеев — перехватывая лидерство у аристократии в 1789 году вместе с выпрошенной поддержкой народных масс¹⁷³, но сдерживая их во время Термидора, разгромив народные восстания в III год республики, подавив заговор Равных¹⁷⁴ и, в конечном итоге (а, возможно, также), в ходе переворота 18 брюмера¹⁷⁴.

Картина классовых сил демонстрирует повсеместный политический контроль буржуазии. Жирондисты, якобинцы (последователи Дантона, или «умеренные», последователи Робеспьера, эбертисты¹⁷⁵), санкюлоты — все это были «буржуазные» силы (или, в случае санкюлотов, альянс сил во главе с мелкобуржуазными лавочниками и ремесленниками). Эти политические фракции являли нарастающую степень революционной воинственности и в ограниченной мере снижающуюся степень буржуазности¹⁷⁵.

Массы, принявшие столь активное участие в революции, делали это под предводительством (мелкой) буржуазии; это было верно не только в отношении санкюлотов, но даже в отношении крестьянства — в той мере, в какой под лидерством мелкой буржуазии имеется в виду лидерство зажиточных крестьян¹⁷⁶. С одной стороны, утверждается, что эти мелкие производители (городские и сельские) были авангардом революции, причем «бескомпромиссно антифеодальным»¹⁷⁷ (в отличие, как я предполагаю, от прочих буржуа, которые были склонны к компромиссу). С другой стороны, именно те уступки, что были сделаны для этой группы мелкой буржуазии,

¹⁷² «В 1789 году было не три революции, а одна — буржуазная и либеральная при народной (в особенности крестьянской) поддержке. В 1792 году не было ухода в сторону (*déravage*) от революции — это была решимость революционной буржуазии сохранить единство Третьего сословия путем объединения народных масс, без поддержки которых завоевания 1789 года навсегда остались бы в зоне риска» (Soboul, 1974, 56).

¹⁷⁴ Собуль утверждает, что Французская революция дважды «вышла за свои буржуазные пределы»: в революциях «крестьян и масс» II года республики и в заговоре Равных (Soboul, 1977a, 168).

¹⁷⁵ «Торговая буржуазия не была авангардом революции... Реальной силой, стоявшей за революцией, была масса мелких прямых производителей» (Soboul, 1977a, 154—155). См. тж. Karlow (1972, 163): «Как была немыслима революция без буржуазии, которая придала ей движение, так же было невозможно и появление санкюлотов без участия мастеров-ремесленников. Санкюлоты в целом не были синонимом трудящейся бедноты времен старого порядка. Скорее это была одна из промежуточных форм — в данном случае в первую очередь политическая форма, которая выросла из дезинтеграции этого режима, совершённой революцией».

¹⁷⁶ «Буржуазная революция, окончательно подавив все феодальные права декретом 17 июля 1793 года¹⁷⁷, освободила прямого производителя, а стало быть, мелкий торговец-производитель стал независим» (Soboul, 1976d, 15).

¹⁷⁷ Soboul (1977a, 168).

оказались столь долговечны, что ими можно объяснять парадокс Хобсбаума — медленную поступь промышленного развития Франции в XIX веке, а отсюда — глобальную неудачу французской буржуазии.

Эта классическая схема доставляла беспокойство многим ученым — отчасти из-за ее политических подтекстов и использования их в соответствующих целях, отчасти из-за отсутствия теоретической жесткости за фасадом прямолинейного объяснения, отчасти из-за того, что эта схема входила в противоречие с рядом эмпирических реалий. В любом случае начиная с 1950-х годов она испытала масштабные нападки со всех фронтов. Ее подвергали критике и сторонники так называемой атлантической теории (Годешо, Палмер)¹⁷⁸, и те, кто скептически относится к роли, приписываемой в революции буржуазии (Коббан, Фюре), и те, кто предпринял ревизию традиционных описаний Франции XVIII века, в частности, пересмотрев роль аристократии в функционировании экономики.

Суть атлантической теории заключается в том, что Французская революция представляет собой лишь часть более крупного целого — того «великого революционного движения, которое воздействует на весь Западный мир». Примечательно, что это целое включает не только Североамериканскую революцию, но и различные революции в Латинской Америке, революцию на Гаити и революции почти во всех европейских странах в конце XVIII века. Как утверждается, Французская революция имела «ту же природу», что и прочие названные, будучи лишь «бесконечно более масштабной»¹⁷⁸. Заявляя это, сторонники атлантической теории оказываются в меньшей степени ревизионистами по отношению к классической интерпретации революции, чем иногда об этом думают¹⁷⁹. Эта единая революция Запада определяется атлантистами как «„либеральная“, или „буржуазная“», революция,¹⁸⁰ «демократическая» революция, в которой «демократы» сражались против «аристократов»¹⁸¹. Кроме того, атлантисты обычно интерпретируют якобинскую фазу как «революционизирование революции»¹⁸² — революции, которая тем не менее была «радикальной с

¹⁷⁸ Godechot (1965, 114).

¹⁷⁹ Это не столь удивительно, если вспомнить, что Жак Годешо, главный сторонник атлантической теории, является учеником Матье и Лефевра и никогда, насколько мне известно, не отказывался от их наследия. О Лефевре Годешо говорит, что «его работы занимают главное (*capitale*) место в историографии Французской революции» (Godechot, 1965, 114). О близких отношениях Годешо с Матье см. Godechot (1959). Другой видный атлантист, Р.Р. Палмер, перевел Лефевра на английский.

¹⁸⁰ Godechot (1965, 2).

¹⁸¹ Palmer (1959, вся работа, особенно pp. 13–20).

¹⁸² Palmer (1964, 35–65). Палмер связывает этот процесс с «вливанием народного и международного революционизма» (p. 44).

¹⁸³ Palmer (1959, 446). Если Американская революция была менее революционна, чем Французская, то лишь потому, что «[Америка] не знала феодализма... Во Франции и в Европе... попытки достичь аналогичного революционного идеала натолкнулись на непримиримое противостояние классов, которых лишали собственности или же они оказывались под угрозой этого» (Godechot & Palmer, 1955, 227, 229).

самого начала»¹⁸³. Якобинский радикализм объясняется (по крайней мере отчасти) «классовой борьбой»¹⁸⁴.

Итак, атлантическая теория использует ключевые предпосылки социальной интерпретации: революция была революцией буржуазии против аристократии, а также необходимым способом транзита, причем якобинцы воплощали ее наиболее радикальную форму. Учитывая это, зададимся вопросом: почему Собуль предает эту теорию анафеме, обвиняя ее в том, что она «лишает [Французскую революцию] всего ее специфического содержания»?¹⁸⁵ При этом надо в особенности учесть, что атлантисты изображают революцию с симпатией. Ответ представляется очень простым: атлантистская версия «разъединяет» Французскую и Русскую революции, рассматривая первую как самобытную, как часть «революции в Западном мире» XVIII века, а вторую — как ведущую назад (к «отсталости»), как часть «незападной революции» XX века¹⁸⁶. Поэтому атлантизм в большей степени приходит к скрытой реинтерпретации Русской революции, нежели к интерпретации Французской революции.

Эта озабоченность Русской революцией, конечно, не лишена смысла; недалеко она и от тех, кто оспаривает само понятие «буржуазной революции». Однако атлантисты целят в более уязвимое место — как сказано, «все идет от Коббана»¹⁸⁷. Впрочем, более резонно утверждать, что все идет от основной интуиции (sense) Токвиля: «революция не перевернула, а ускорила»¹⁸⁸. Ключевой момент здесь заключается в акценте на рассмотрении более долгого, чем Французская революция, события-периода, протяженного и в прошлое, и в будущее, а именно промежутка с XVI по XIX век, который охватывает «медленное, но

¹⁸⁴ Godechot & Palmer (1955, 229). Идея классового альянса здесь также присутствует: «Крестьяне, как и „буржуа“, или высшая группа Третьего сословия, рассматривали знать как своего врага. Именно это совпадение интересов... сделало возможной Французскую революцию 1789 года» (Palmer, 1971, 60).

¹⁸⁵ Soboul (1974, 44).

¹⁸⁶ Palmer (1959, 13). Отдельное обвинение со стороны Собуля заключается в том, что атлантистская теория является следствием «Холодной войны», при этом Собуль отмечает, что она возникает в середине 1950-х годов (Soboul, 1974, 43). Это утверждение небезосновательно. Длинное совместное обращение Годешо и Палмера к Международному конгрессу исторических наук в 1955 году вращалось вокруг одного вопроса: существует ли нечто, что можно называть атлантической цивилизацией? Симпатии авторов явно оказываются на стороне данного понятия, а их доклад завершается на печальной ноте: «Америка, эта бывшая колония, похоже, в большей степени, чем Европа, уверена в действительности или возможности „атлантической цивилизации“» (Godechot & Palmer, 1955, 239).

¹⁸⁷ Mazauric (1975, 167, п. 53). См. тж. Schmitt (1976, 50): «Имя Коббана и его полемик стало подлинно нарицательным (*Reizwort*)».

¹⁸⁸ Это не цитата из Токвиля, а весьма удачное резюме его позиции у Чарльза Тилли (Tilly, 1968, 160). Сам Токвиль говорил следующее: «Внезапно, болезненным резким усилием, без перехода, без предосторожностей и без пощады Революция завершила дело, которое мало-помалу завершилось само собой» (Tocqueville, 1968, 160, цит. по рус. изд.: Токвиль, Алексис де. Старый порядок и Революция. М., 1997, с. 24). В том же духе см. у Ле Руа Ладюри (Le Roy Ladurie, 1975, 591): «Тот факт, что событие ранга Французской революции было уникальным, не делает его необходимым. Или, по меньшей мере,

революционное изменение», становящееся результатом «многовекового» развития капитализма¹⁸⁹. Франсуа Фюре высказывает соображение, что, учитывая основания, из которых исходят сторонники социальной интерпретации, они должны приветствовать эту переориентацию временной перспективы, а не противиться ей. «Если настаивать на концептуализации в терминах „способа производства“, то за объект исследования придется принять период бесконечно более обширный, чем собственно годы Французской революции»¹⁹⁰.

Центральный аргумент против того, чтобы считать Французскую революцию буржуазной, состоит в том, что к XVIII веку Франция более не была феодальной страной в сколько-нибудь значимом смысле. Так, Коббан цитирует один юридический трактат рассматриваемого периода, чтобы показать, что сеньориальные права были просто «гротескной формой собственности». Из этого следует, что стремление увеличить феодальные повинности, составлявшее наибольшую часть феодальной, или аристократической, «реакции», носило «куда более коммерческий, нежели феодальный характер»¹⁹¹.

Данная аргументация состоит из двух частей. Во-первых, утверждается, что многие сеньоры — и даже большинство — в экономической сфере действовали как буржуа, так что «едва ли будет натяжкой» определять нобилитет именно как «успешных буржуа»¹⁹². Вопреки «ложному» традиционному изображению провинциального французского дворянина как «праздного, глупого и обедневшего», его следует рассматривать скорее как «активного, деловитого и процветающего

сложно доказать, что оно было таковым... Революция есть форма поведения общества, которое оказалось доведенным до белого каления... В сельских территориях революция была прямым результатом вековых процессов расширения, причем в особенности в тот момент, когда существование этих сообществ было поставлено под угрозу экономическими сложностями 1780-х годов. Она представляет собой одновременно и разрыв, и непрерывность».

¹⁸⁹ Richet (1969, 22). В другом месте Рише утверждает, что той же траектории следует французское публичное право. Тем самым Рише стремится устранить один из ключевых аргументов Собуля и его единомышленников, что революция была существенным фактором в трансформации правовой надстройки, которая сдерживала подъем капиталистических сил. Скорее, утверждает Рише, «революция разразилась в стране, где полным ходом шел процесс законодательной модернизации» (Richet, 1973, 36). Аналогичным образом рассуждает Александр Шульгин: ограничения для роста крупных предприятий, проистекавшие из цеховых правил, значительно преувеличены, поскольку «[при *Ancien Régime*] громадная значимость сельской промышленности ограничивала влияние системы гильдий» (Choulgine, 1922, 198–199).

¹⁹⁰ Furet (1978, 158).

¹⁹¹ Cobban (1963, 155–156). См. тж. Roberts (1978, 28): «Большинство „феодальных“ форм, отмененных декретами августа [1789] года, были фикциями, просто прикрывавшими реальность наличных операций».

¹⁹² Chaussinand-Nogaret (1975, 265). «Торговый капитализм, — продолжает Шоссинан-Ногаре, — в его наиболее современных аспектах находится в большей степени в руках знати, чем буржуазии» (р. 274). Обратной стороной медали является замечание Давида Бьена, что «в 1789 году весьма значительная часть крупной буржуазии имела дворянские звания» (Bien, 1974, 531).

землевладельца»,¹⁹³ чья усовершенствующая роль в сельском хозяйстве «слишком часто недооценивалась» в сравнении с «порой переоцениваемой» ролью английского дворянина¹⁹⁴. Таким образом, во Франции имелись «дворяне, являвшиеся капиталистами», причем искать их следует в «высочайших рангах» нобилитета¹⁹⁵. При внимательном анализе бухгалтерских записей сеньоров станет заметно, что феодальные повинности, в отличие от капиталистической прибыли, «составляли *strictō sensū* [в строгом смысле — *лат.*] зачастую [лишь] малую или даже очень малую часть» их общего дохода¹⁹⁶. Действительно, согласно довольно раннему утверждению Марка Блока, действие «феодальных» привилегий экономически возобновило именно распространение капитализма в XVII—XVIII столетиях:

«В мире, где все больше и больше доминировала капиталистическая по форме экономика, привилегии, изначально подобавшие главам нескольких мелких исчезающих деревенских сообществ, мало-помалу стали принимать прежде неожиданную ценность»¹⁹⁷.

¹⁹³ Forster (1961, 33).

¹⁹⁴ Forster (1957, 241. Кроме того, «личное управление помещьем было не только лучшим способом обеспечения хорошего дохода для *gentilhomme campagnard* [сельского дворянина — *фр.*], но и признавалось в качестве подobaющего ему рода занятий и, в отличие от розничной торговли и чисто коммерческой спекуляции, считалось абсолютно уважаемым дворянским предприятием» (р. 224).

¹⁹⁵ Taylor (1967, 489). Поэтому Тейлор утверждает, что термин «буржуазия» является «неадекватным и дезориентирующим», если под буржуазией имеется в виду «незначительная группа, выполняющая капиталистическую функцию в производственных отношениях» (р. 490). Отсюда Тейлор делает следующий вывод о Французской революции: «Не существует экономического объяснения так называемой „буржуазной революции“ — нападения Третьего сословия на абсолютизм и аристократию». Кроме того, Тейлор утверждает, что революция была, «в сущности, политической революцией с социальными последствиями, а не социальной революцией с политическими последствиями» (pp. 490—491). Косвенную поддержку данной линии аргументации Тейлор получает от недавних попыток Кейна и Хопкинса переинтерпретировать промышленную революцию в Англии. Эти авторы вводят понятие «джентльменского капитализма», основанного на «земельном богатстве», и применительно к этому периоду утверждают: «Наша цель — не отрицать неотрицаемое (а именно то, что Британия индустриализировалась), а предположить, что неиндустриальные (но при этом капиталистические), виды деятельности были гораздо важнее до, во время и после промышленной революции, нежели это допускает привычная интерпретация экономической и имперской истории» (Cain and Hopkins, 1986, 503—504).

Однако как обнаруживает Мишель Вовель, выводы Тейлора о Французской революции выходят за рамки того, что допускают его «полезные замечания» о «некапиталистическом богатстве». «Вписать эту буржуазию старого стиля в ранг всецело состоявшейся элиты времен конца *Ancien Régime* — это как дергать траву за побеги, чтобы заставить ее расти». (Vovelle, 1980, 136—137).

¹⁹⁶ Le Roy Ladurie (1975, 430). Ле Руа Ладюри рассматривает феодальные привилегии, как и политическую власть в целом, в качестве «косвенного генератора финансовых доходов». Для крупных поместий «с капиталистической специализацией» французское государство выступало той же разновидностью «добраго папочки», что и для кольберовских мануфактур (р. 431).

¹⁹⁷ Bloch (1930, 517). Как указывает Блок, иногда это был вопрос нового истолкования феодальных привилегий, но в других случаях — просто вопрос их реализации.

Однако эта капиталистическая деятельность аристократии не ограничивалась сельским хозяйством. Как утверждает Губер, в XVIII веке «значительная доля» знати стала проявлять существенный интерес к мануфактурам, тем самым «рано встраиваясь в экономику будущего и подготавливая ее „взлет“»¹⁹⁸.

Второй момент в рассматриваемой точке зрения заключается в настойчивом напоминании, что «аристократическая реакция» была неправильным наименованием обозначаемого данным термином явления. То, что наблюдатели называют словом «реакция», отражает в первую очередь улучшение рыночного положения «арендодателей (*lessor, bailleurs*) по отношению к арендаторам (*lessees, preneurs*)»¹⁹⁹. Кроме того, «реакция» была результатом не отсталости, а технологического прогресса: усовершенствованные методы межевания и картографии позволяли сеньорам получать выгоду «от определенного рода улучшения технологий управления»²⁰⁰. Это было далеко не «закрытие» знати — напротив, проблема состояла в ее «открытии, слишком значительном для сохранения порядка и [тем не менее] слишком узком для длительного процветания»²⁰¹. Кроме того, для французской буржуазии рассматриваемый период отнюдь не был периодом великого разочарования — напротив, подлинной темой французской истории XVIII века стал «подъем Третьего сословия»²⁰².

Баррингтон Мур называет это «проникновением коммерческих и капиталистических практик посредством феодальных методов» (Moore, 1966, 63).

¹⁹⁸ Goubert (1969, 234; см. тж. 181—182). В действительности это совпадает с описанием Э.Л. Джоунсом английских лендлордов, которые, по его словам, «[в XVIII веке] превращали в наличные средства промышленный потенциал своих территорий» (Jones, 1967, 48).

¹⁹⁹ Le Roy Ladurie (1975, 435). См. далее у Ле Руа Ладюри: «Это верно — и здесь в действие вступает субъективный элемент: иногда у арендодателя уходило какое-то время на осознание, что рынок изменялся в пользу владельца собственности. В подобном случае, как только приходило понимание преимущества, арендодатель действовал вдвойне быстрее (*met les bouchées doubles*); он с еще большей энергией стремился способствовать *conjuncture* [обстоятельствам — *фр.*] и давить на арендаторов (*fermiers*), которых он прежде по небрежности жалел».

²⁰⁰ Goubert (1974, 381).

²⁰¹ Furet (1978, 145). Далее Фюре отмечает, что преграда находилась не между простолюдином и дворянином, а между «мелким» прирожденным дворянином (*noble of the sword*) и «крупными», но незнатного происхождения (*parvenu*) придворными дворянами, которые составляли правящий класс. Именно эти «мелкие» дворяне, утверждает Фюре, стояли за ординасом Сегюра 1781 года (*loi Ségur*) (р. 140). Годешо, чье исследование вновь близко к классической интерпретации революции, объясняет предполагаемую попытку знати монополизировать государственные посты в XVIII веке тем обстоятельством, что ей становилось трудно «жить на свои доходы, учитывая постоянный рост цен после 1730 года» (Godechot, 1965, 115).

С другой стороны, Уильям Дойл сомневается, что какая-либо монополизация постов вообще имела место: «С точки зрения социальной структуры, представляется, что по ходу столетия большинство учреждений во Франции при подборе кадров стали меньше руководствоваться принципом исключения определенных групп, а не наоборот» (Doyle, 1972, 121). К подтверждению этого аргумента стремится в своем исследовании королевских интендантов Вивиан Грудер. Сравнивая социальное про-

Здесь можно услышать возражение сторонников социальной интерпретации. Те буржуа, которые «поднимались» при *Ancien Régime*, стремились как можно быстрее «аристократизироваться» — их идеалом было *vivre noblement* [жить благородно — *фр.*]. Лишь после 1789 года возникнет новый тип буржуазии — буржуа, готовый жить за счет реинвестиций (тут же возникает искушение добавить общее место: и исполненный протестантской этики).

На это возражение можно дать три варианта ответа. Во-первых, *vivre noblement* не обязательно было несопоставимо с продолжением деятельности, ориентированной на получение прибыли²⁰³. Во-вторых, этот идеал также разделяла подразумеваемая группа для сравнения — английские буржуа (и даже английские промышленники)²⁰⁴. В-третьих, во Франции данная модель не изменилась и после революции²⁰⁵.

Если в рассматриваемое время действительно невозможно обозначить какое-либо фундаментальное расхождение между буржуазией и знатью,²⁰⁶ то что в таком случае объясняет Французскую революцию? — ведь в 1789 году

исхождение интендантов в период правления Людовика XIV с аналогичными характеристиками интендантов времен Людовиков XV и XVI, она обнаруживает, что там вовсе не было аристократической монополизации, а то и «верно обратное» (Gruder, 1968, 206). Правда, люди незнатного происхождения, получившие дворянство в XVIII веке, не поднимались «от бедности к богатству — путь вверх не начинался от дна» (р. 173). Для Грудер точной характеристикой этого правящего класса становится следующая формулировка: «аристократия, воплощающая собой плутократию» (р. 180).

²⁰² Cobban (1963, 262).

²⁰³ Такова точка зрения Пьера Буля на получивших дворянство работников из Нанта, которые оставались в коммерции (Bouille, 1972, 89).

²⁰⁴ См. Crouzet (1972b, 189): «Не следует... делать слишком большой акцент на бережливости этих первых британских промышленников. Как только они создавали собственное дело и добивались успеха, они почти всегда тем или иным образом уходили на покой, изымая из предпринятия всё больше денег и переходя к более комфортному образу жизни. Некоторые из них приобретали земельные поместья и строили себе большие особняки». См. тж. Jones (1967, 48): городские предприниматели в Англии XVIII века «искали последнее пристанище для своих денег в приобретении и украшении земельных поместий».

²⁰⁵ Коббан рассматривает, как *nouveaux riches* [нувориши, «новые богатые» — *фр.*] вытесняли «окультуренную высшую буржуазию времен *Ancien Régime*», презрительно добавляя: «Можно назвать это триумфом буржуазии, если под данным термином понимать чиновников, купивших свои должности, юристов, различных профессионалов, собственников и небольшое количество финансистов и купцов, которые вкладывали свои деньги главным образом в землю или *rentes* [ренты — *фр.*] после того, как приобретение должностей более не было доступно... В своем образе жизни они были наследниками отживающей свое *noblesse* [знати — *фр.*], а если они и были буржуа, то их целью была *bourgeois vivant noblement* [благородная буржуазная жизнь — *фр.*]» (Cobban, 1963, 251, 264–265). Конечно, подобное опровержение социальной интерпретации льет воду на мельницу аргументации в духе Лэндеса. Но это, несомненно, вовсе не беспокоит Коббана.

²⁰⁶ Lucas (1973, 91): «Средний класс времен заката *Ancien Régime* не демонстрировал каких-либо значимых функциональных отличий от знати — функциональных

определенно что-то произошло. До сих пор наше рассуждение избегало использовать классовый антагонизм в качестве объясняющего фактора, поскольку экономические роли двух социальных групп — знати и буржуа — считались в высокой степени совпадающими²⁰⁷. Токвиль устраняет в качестве объясняющего фактора и разницу в политических правах («[ни у аристократа, ни у буржуа] их не было»), а кроме того, устраняет разницу в привилегиях («привилегии буржуазии [при *Ancien Régime*] были [также] громадны»). Так что остается лишь одно различие: знать и буржуазия вели «раздельную [социальную] жизнь»²⁰⁸. Тем не менее Токвиль приходил к заключению, что революция была «естественным — и в самом деле неизбежным — порождением» различных частных аспектов *Ancien Régime*, «но столь же полностью непредвиденным, сколь и неизбежным». Революция случилась благодаря совпадению двух «главенствующих устремлений» Франции XVIII века — «неукротимой ненависти, порожденной неравенством», и «желания жить... как свободные люди»²⁰⁹.

Недавние последователи Токвиля во Франции развили данную объяснительную модель, сочетая аморфную смесь частных²¹⁰ и акцент на изменении ценностей²¹¹. Однако они предприняли одно значительное изменение в самой аргументации: революция более не рассматривалась ими как «неизбежная». Теперь она стала «случайной», результатом совпадения сложившихся

отличий в принятых им ценностях — и прежде всего не осознавал свою принадлежность к классу, экономические и социальные характеристики которого были противоположны знати».

²⁰⁷ Как утверждает Р. Р. Палмер, «одна из загадок революции заключается в том, почему это классовая вражда, или антагонизм между знатными и незнатными, должна быть столь незаметной в 1787 году и значительной уже в 1788-м» (Palmer, 1959, 457).

²⁰⁸ Tocqueville (1953, 361—362).

²⁰⁹ Tocqueville (1953, I, 203, 207—208).

²¹⁰ См. Furet & Richet (1973, 19—27). Как замечает Перри Андерсон относительно аналогичного смещения в рассуждениях Луи Альтюссера о Русской революции, подобный подход является «обычным эмпирическим плюрализмом», сводящим воедино множество обстоятельств и течений, но неспособным установить «их материальную иерархию и взаимосвязь» (Anderson, 1980, 77).

²¹¹ См. Richet (1969, 23): «Революция 1789 года стала результатом двойного осознания [во французском оригинале — *prise de conscience*, роста сознательности — И. В.] элит, к которому вел долгий путь. Прежде всего, они осознали свою автономию в отношении политического порядка, а из этого проистекало осознание потребности ограничить его власть. Это осознание разделялось всеми — и знать здесь играла роль инициатора и воспитателя, однако данный процесс стал шире с включением в него богатства, собственности и таланта. Таким было Просвещение. Но эта общая воля мгновенно потерпела неудачу на поле однородности правящей группы». Следовательно, на ум приходит последнее объяснение Токвиля.

Здесь следует отметить расхождение с Коббаном, который более враждебно относится к *целому* революции. «Можно доподлинно утверждать, что конец XVIII века стал свидетелем частичного перехода от индивидуалистского представления об обществе к коллективистскому... Революция завершает эпоху индивидуализма и открывает эпоху национализма... В конечном итоге это можно рассматривать не как осуществление Просвещения, а как разочарование им» (Cobban, 1968a, 25).

вместе в один период времени трех революций: Национального собрания, Парижа и городов. Именно «народное вмешательство трансформировало ритмы революции»²¹². Подобное смещение акцента важно в аналитическом отношении и при этом понятно в политическом аспекте. Токвиль стремился убедить консервативные силы принять революцию, которая, утверждал он, в своих последствиях была не столь плоха, как они думали, в то время как последователи Токвиля стремились убедить либеральных интеллектуалов, что в революции не все было достойным (жирондисты *si* [да], Робеспьер *no* [нет]). По утверждению самого Фюре, «на протяжении почти 200 лет история революции никогда не была чем-то иным, кроме выявления причинно-следственных связей, а стало быть, рассуждением (*discourse*) об идентичности»²¹³.

Отказываясь от понятия буржуазной революции, Фюре и Рише стремятся заменить его определением «либеральная революция» — революция, которая, как они утверждают, в 1789 году началась раньше. При этом Фюре и Рише вполне открыто обозначают наиболее значимый для них интеллектуальный вопрос, связанный с Французской революцией:

«Осмелимся задать вопрос: в результате каких случайностей либеральная революция — та революция, которая была порождена (*enfantée*) французской буржуазией в XVIII веке и будет окончательно осуществлена десятилетия спустя, — в короткой перспективе оказалась неудачной?»²¹⁴

События 10 августа 1792 года означают для Фюре и Рише начало великого *dérápé* [отклонения — *фр.*]²¹⁵ с пути либерализма, которое достигло своего апогея во время якобинского террора — в той «краткой интермедии и противотоке» в «громадном порыве либерализма», охватывающем промежуток 1750—1850 годов.

²¹² Furet & Richet (1973, 102, срв. Furet, 1963, 472). Называть роль народных революций «случайной» в контексте долгосрочной структурной эволюции, очевидно, не означает, что они не были важны, поскольку Фюре и Рише призывают «восстановить в правах сам факт революции, само *событие*, его созидательную роль в исторической дискретности» (Furet & Richet, 1978, 36).

Тем не менее мы оказываемся настолько далеко от токвилевской «неизбежности», что Фюре делает «необходимость самого события» одним из двух главных недопустимых допущений идеи буржуазной революции — другим из них оказывается «разрыв во времени» (Furet, 1978, 36).

²¹³ Furet (1978, 18–19).

²¹⁴ Furet & Richet (1973, 126).

²¹⁵ Furet & Richet (1973, 10). В английском переводе работы Фюре и Рише глава под названием *Le dérapage de la révolution* [Отклонение от курса революции — *фр.*] называется «Революция выпускает пар». Это резонный (хотя, возможно, и с уклоном в навигационную терминологию) вариант перевода, однако он неудобен тем, что превращает существительное в глагол, и поэтому в дальнейшем в английском варианте становится сложно ссылаться на само понятие *dérápé*. Например, Патрис Игонне на двух следующих друг за другом страницах переводит его по-разному — как «отклонение» (*deviation*) и «наклонная плоскость» (*slide*) (Higonnet, 1981, 4–5). Поэтому я предпочитаю сохранять в английском тексте французский термин, поскольку он представляется мне центральным во всем исследовании Фюре и Рише.

Представляется, что либерализм был ликвидирован патриотическим запалом масс²¹⁶. Фюре и Рише упрекают Собуля в том, что он рассматривает II год республики в качестве предвестника 1871 или 1917 годов,²¹⁷ однако не является ли их исследование таким же прочтением истории XX века под определенным углом? Как бы то ни было, один из выводов их исследования безупречно выдержан в духе Собуля: после II года республики буржуазия вновь открыла свои подлинные цели: «экономическую свободу, индивидуализм собственности, ограниченное право голоса»²¹⁸. Однако если суть дела в именно этом, то критика идеи буржуазной революции теряет часть своей силы. Конечно, у Фюре определенным образом отличается датировка «либеральной» революции — она оказывается несколько длиннее, чем «буржуазная» революция у Собуля. Возможно, это в меньшей степени политическая, а в большей степени «культурная» революция; кроме того, два рассматриваемых исследования глубоко расходятся в своей интерпретации II года республики, а также в них присутствуют разные выводы, связанные с изучением *Русской* революции. Однако ревизионистская и социальная интерпретации того смысла, который этот исторический поворот имел для Франции, в меньшей степени противоположны, чем весь тот шум, который может привести к уверенности в обратном.

Судя по многочисленным попыткам обнаружить способ примирения двух линий исследования, последнее утверждение становится очевидным. Эти попытки имеют общее свойство: они стремятся вобрать в себя то, что представляется корректным в критике понятия буржуазной революции, не включая при этом политические выводы, сделанные из этой критики.

Робен принимает следующий аспект критики Фюре: если исследовать изменение способа производства, то это обязательно должно быть исследование в длительной перспективе. Социальная революция не может трансформировать «ритм производительных сил — она лишь может сделать подобную трансформацию возможной». Не социальная, а промышленная революция сделала возможным переход от формального подчинения труда к реальному, а промышленная революция «очевидно шла после социальной революции»²¹⁹.

Верно также и то, что в XVIII веке различие между знатью и буржуазией, с точки зрения выполняемых ими экономических ролей, стало сравнительно незначительным. И знать, и буржуазия были «смешанными классами»²²⁰, а большинство сеньоров становились капиталистическими

²¹⁶ «Против короля, заподозренного в предательстве, против генералов, которые отказывались сражаться, против сторонников Бриссо», которые колебались между властью и оппозицией, был брошен в бой решительный народный ответ, который, по меньшей мере, обрел свое имя — патриотизм... Это вторая революция...

[10 августа 1792 года] революционный патриотизм стал религией. У него уже были свои мученики. Вскоре, после военных неудач, он обретет собственную инквизицию со своими кострами» (Furet & Richet, 1973, 129, 157).

²¹⁷ Furet & Richet (1973, 204).

²¹⁸ Furet & Richet (1973, 258).

²¹⁹ Robin (1970, 52).

²²⁰ Grenon & Robin (1976, 28).

землевладельцами. Проблема согласования долгосрочной перспективы с марксистским анализом отпадает²²¹, как только мы утверждаем, что Франция не следовала ни английским, ни «прусским» путем, но представляла собой переходный случай, находясь в типичной стадии «перехода» от феодализма к капитализму, происходившего в течение нескольких столетий *до и после* Французской революции²²².

Есть и второй способ примирения двух рассматриваемых позиций. Согласно Роберто Заппери, корректно утверждать, что распря между Третьим сословием и знатью была просто конфликтом между соревнующимися элитами, хотя обе они, по мнению Заппери, имели докапиталистический характер, а Французская революция не была буржуазной, поскольку Франция *все еще* находилась на докапиталистической стадии своей истории. Нужно иметь, полагает Заппери, «сильную дозу воображения», чтобы рассматривать «вульгарную полемику» городской торговой страты, враждующей с земельной аристократией, как классовую борьбу. Буржуазия не заслуживает приписываемого ей достоинства «революционного пути» — «на протяжении долгих веков» она достигала собственных целей путем расширения своей роли в гражданском обществе. Называть Французскую революцию социальной — значит по аналогии делать обратную проекцию пролетарской революции, в то время как буржуазия еще даже не создала того положения,

²²¹ Robin (1973, 41—43). В одной из книг под редакцией Собуля можно обнаружить полномасштабное опровержение точки зрения Робен. Ее автор Элизабет Гибер-Следзевская утверждает, что Робен ставит проблему, постулируя существование двух альтернативных способов перехода от феодализма к капитализму — либо через дезинтеграцию феодальных сил, либо через включение их в капитализм. При этом Робен полагает, что данная формулировка устраняет «фундаментальный аспект проблемы: вопрос о необходимости Французской революции». Подлинная же альтернатива иная — между «реакционным восстановлением капиталистических тенденций» со стороны феодализма и «вступлением в силу капиталистических производственных отношений в революционной Франции» (Guibert-Sledziewski, 1977, 48—50). Последнее и произошло во время революции, тем самым предотвратив вступление Франции на прусский путь (pp. 66—75). (Данная точка зрения аналогична той, что высказана в работе: Mooge, 1966, *passim*).

Наконец Гибер-Следзевская обвиняет Робен в том, что она соскальзывает к точке зрения, неотличимой от позиции Рише: «Желание [Робен] сформулировать „проблему данного перехода“ [от феодализма к капитализму] приводит ее к превращению этого перехода в специфическую стадию буржуазной революции, стадию, которая будет лишена куража 1789—94 годов, но в качестве насильственной фазы станет означать необходимость решительной конфронтации между соперничающими способами производства. Поэтому революционный „феномен“, как гласит само это наименование, оказывается просто проявлением, превратностью этой конфронтации. И какой превратностью! — осуществлением того, что Дени Рише называет „медленной, но революционной мутацией“ нарождающегося капитализма... Однако нам представляется, что любая проблематика перехода с необходимостью ведет к проблематике революции» (Guibert-Sledziewski, 1977, 68).

²²² Это подтверждается исследованиями двух ортодоксальных марксистских историков — А.З. Манфреда и М. Добба.

когда рабочий класс полностью добывал средства к существованию путем продажи своего труда. Для Заппери сценарий, который описывает Собуль, также оказывается мифом, однако этот миф в большей степени творит аббат Сийес, а не Маркс, хотя последний играл на руку «торгашеским предрассудкам»²²³.

Но существует и третий путь принять критику понятия буржуазной революции без необходимости одобрения либерализма. Он предполагает смещение буржуазии с ее пьедестала в пользу других групп, действия которых считаются более последовательными, в связи с чем сами они могут рассматриваться как определяющие подлинное историческое значение данного события-периода. Уже в 1946 году подобную точку зрения с определенной силой высказал Даниэль Герен. По его мнению, Французская революция имела «двойной характер»: она была и буржуазной революцией, и «перманентной революцией по своему внутреннему механизму», который «вращивал зародыш пролетарской революции», то есть антикапиталистической революцией²²⁴.

Герену удалось объединить против себя Собуля и Фюре. И тот, и другой отвергают подобное восприятие роли санкюлотов — это подразумеваемое прочтение истории XX века. По мнению Собуля, Герен принимает за пролетарский авангард тех, кто являлся, по большей части, «арьергардом, защищавшим свои позиции в традиционной экономике». Более того, санкюлоты, утверждает Собуль, объединялись с буржуазией «по существенным вопросам — в ненависти к аристократии и в желании победы»²²⁵.

Для Фюре и Рише санкюлоты также были главным образом силами арьергарда, которые предавались «руссоистским» реминисценциям в поисках «реакционных» утопий минувшего золотого века. И если во II год республики санкюлоты конфликтовали с правительством, то это происходило стараниями их вождей — «разновидности субинтеллигенции [мелкой буржуазии], выросшей из лавок и магазинов», которые ревностно относились

«Еще примерно в XVI веке во Франции зародился капиталистический уклад. Медленно и постепенно развиваясь в недрах феодального общества, он достиг в последней трети XVIII века развитых, зрелых форм. Новые производительные силы чем дальше, тем больше вступали в острое противоречие с господствовавшими феодальными отношениями. Эти противоречия сказывались во всем» (Manfred, 1961, 5, цит. по рус. изд.: Манфред, А. З. Великая Французская революция. М.: Наука, 1983).

«Промышленная революция требует созревания целой картины... Она требует длительного процесса сложного и продолжительного развития, которое в конечном итоге имеет предвидимый результат... Однако утверждать сосуществование определенного количества факторов не означает допускать, что этот результат является внезапным „уникальным событием“, которое оказывается „случайным“» (Dobb, 1961, 458—460).

²²³ Zapperi (1974, 13—15, 83—86, 91—92).

²²⁴ Guérin (1968, I, 17, 23, 27 и далее).

²²⁵ Soboul (1958a, 10, 1025). Джеффри Каплоу откликается на ответный удар Собуля следующим рассуждением: «[Трудящаяся] беднота не была способна сохранить свой гнев, поскольку они не помещали его — и не могли это сделать — в более широ-

к тем, кто получил положение в обществе в ходе революции. Это была далеко не классовая борьба, пусть даже в эмбриональной или иной форме, а просто борьба за власть, «вопрос соперничества между различными конкурирующими командами»²²⁶.

Теперь становится понятно, каким образом критика Герена обходит спор Собуля и Фюре противоположным способом, нежели тот, что выбирают Робен и Заппери. Последние соглашались с Фюре, что Французская революция не была буржуазной в том смысле, как думает о ней Собуль, поскольку полная социальная революция случилась или была осуществлена *после* Французской революции. Однако Герен согласен с Собулем, что II год республики не представлял собой *déravage*, потому что в действительности якобинцы не отличались от жирондистов. Но этого отличия не было не потому, что они представляли пик буржуазного радикализма, а потому, что они явились высшей точкой политического обмана масс буржуазией²²⁷. Робеспьер может и не олицетворять собой *déravage*, но в то же время он не является героем для Герена. Поэтому для его изложения событий еще большее значение, чем для Собуля (а также Кобба и Руде), приобретают санкюлоты и бабувизм²²⁸.

Позиция Герена акцентирует роль зарождавшегося пролетариата и тем самым преуменьшает ту степень, в которой Французская революция может

кий контекст. Я утверждаю, что они были не в состоянии мыслить в более широком масштабе, ... поскольку вся совокупность их ограниченных возможностей ... завела их на тупиковый путь воспроизведения (culture) бедности. ... Революционная буржуазия стала разрушать психологическое и социальное ядро этого феномена, выдвинув идею о возможности, не говоря уже о легитимности, бросить вызов установленному порядку» (Karlow, 1972, 170). Это весьма курьезное для марксиста утверждение, похоже, подразумевающее, что пролетариат может возникнуть лишь из своего ложного сознания по примеру и под опекой (революционной) буржуазии.

²²⁶ Furet & Richet (1973, 206, 212—213).

²²⁷ См. Guérin (1968, I, 411): «Робеспьер был самым популярным из всех персонажей революции, но его подлинный образ до сих пор не раскрыт. Его еще не поймали *bras nus* [голыми руками — *фр.*] *in flagrante delicto* [на месте преступления — *лат.*] по подозрению в „умеренности“ (moderationism)». То же самое утверждает Игонне. В противовес «традиционной марксистской интерпретации», согласно которой якобинская идеология представляет собой «подлинное и непосредственное выражение реальных материальных целей, объединявших несколько классов» (в первую очередь класс «революционной буржуазии»), Игонне предполагает, что «более точное объяснение истоков и функций якобинской идеологии заключается в том, что якобинское мировоззрение было, так сказать, прогрессивной формой „ложного сознания“... Уже через неделю „полного“ разрушения феодального сеньориализма члены Учредительного собрания начали по мере возможности предпринимать усилия по спасению множества феодальных повинностей во имя буржуазной собственности. Пути санкюлотов и *honnêtes gens* [почтенных людей — *фр.*] стали расходиться. Не в состоянии принять это полностью, революционная буржуазия и в особенности якобинцы оказались в ряде безвыходных ситуаций» (Higonnet, 1980, 46—48).

²²⁸ В 1968 году Герен признал, что Собуль и Руде «существенным образом пересмотрели свой робеспьеровский догматизм и стали в большей степени готовы допустить, что обезглавливающий удар по парижской коммуне — разрушение

быть определена в первую очередь как буржуазная. В то же время другие авторы аналогичным образом подчеркивают роль крестьянства — не просто как набора действующих лиц в рамках еще одной революции, происходившей бок о бок с буржуазной, но как группы, наложившей сильнейший отпечаток на ход Французской революции, которую можно определить как «первую успешную крестьянскую революцию эпохи Модерна»²²⁹. При этом утверждается, что крестьяне были единственной группой, достижения которой не были отобраны Реставрацией 1815 года.

Этот акцент использовался для критики как Собуля²³⁰, так и Фюре²³¹, однако наиболее важным моментом являются его результаты в том направлении, которое рассматривает Французскую революцию как *антикапиталистическую*. Ле Руа Ладюри задается вопросом: не лучше ли называть «революционный антисеньориализм» последних лет *Ancien Régime* «антикапиталистической реакцией»? — учитывая то, что противодействие крестьян было направлено против тех, кто занимался огораживаниями, ирригацией и модернизацией. К тому же там, где отсутствовали подобные землевладельцы, занимавшиеся усовершенствованиями хозяйства, крестьяне были пассивны, как это происходило в Бретани, где не было «глубокого проникновения» капитализма²³². Аналогичным образом Хунеке видит именно в нарастании *laissez*

демократии в ее основе — представлял собой и смертельный удар по революции» (Guérin, 1968, II, 524). Что касается Кобба, то он, пишет Герен, принял значительную часть «моей критики Робеспьера и робеспьерства», но «редко пребывает в согласии сам с собой» (р. 534). Однако в любом случае Собуль и Кобб, «как бы ни была несправедлива их критика моей работы, по умолчанию подтвердили и завершили ее» (р. 536).

О роли бабувизма см. Higonnet (1979, 780): «Очевидно, что значимость бабувизма зависит от того места, которое придается социализму и классовой войне во всемирно-исторической ситуации. Если рассматривать Французскую революцию как *Ding an sich* [вещь в себе — нем.], то Бабёф мало чего стоит. Если же рассматривать ее как первый акт драмы „Народ против Капитализма“, то его значение велико».

²²⁹ Milward & Saul (1973, 252). Срв. более умеренную версию у Баррингтона Мура: «Таким образом, верно придерживаться точки зрения, что крестьянство было арбитром революции, хотя и не ее главной движущей силой» (Moore, 1966, 77).

²³⁰ См. Mackrell (1973, 174): «Марксистская точка зрения, согласно которой революция во Франции оказалась как свержением феодализма, так и приходом капитализма, сложно согласуется, помимо прочего, с той важной ролью, которую крестьяне играли в свержении „феодализма“».

²³¹ См. точку зрения Фолькера Хунеке, который атакует историков «ревизионистов» (Коббана, Фюре и Рише) исходя из того, что крестьянская революция «больше возвещает будущее, чем помнит прошлое» (Hunecke, 1978, 315). Флоренс Готье стремится увидеть «прогрессивную» роль крестьян в развитии капитализма: «Крестьянство противостояло не капитализму в целом, а той его форме, которая была благоприятна для сеньоров» (Gauthier, 1977, 128).

²³² Le Roy Ladurie (1975, 568, 575). Обзор недавней литературы, содержащей критику точки зрения, что крестьяне были в той или иной степени «ретроградны», наряду с акцентом на их антибуржуазной роли, см. в: David Hunt (1984).

faire [невмешательства государства в экономику — *фр.*] и прекращении контроля над хлебными ценами объяснение «революционной ментальности масс», принявшей форму «оборонительной реакции» против свободы торговли и законов рынка²³³.

Тогда Скочпол, исходя из того, что центральное место принадлежало борьбе сеньора и крестьянина (в традиции Баррингтона Мура), в конечном итоге, также приходит к утверждению, что Французская революция не была «буржуазной» и что она несопоставима с Английской революцией. Напротив, она была выражением «противоречий, средоточием которых были структуры государств старого порядка». В той же большей или меньшей степени, «что и любая буржуазная революция, это была бюрократическая, включающая массы и усиливающая государство революция», и в этом смысле уместно ее сравнение с Русской и Китайской революциями XX века. Однако в таком случае Французская революция не была частью либеральной революции, поскольку политическим результатом крестьянских мятежей было «более централизованное и бюрократическое государство, а не либерально-парламентский режим»²³⁴.

О чем тогда все это рассуждение? Очевидно, что Французская революция действительно имела место и была монументальным «событием» в смысле ее разнообразных и продолжающихся последствий — и для Франции, и для всего мира. Но в то же время это еще, несомненно, и «миф» в смысле Сореля — и до сегодняшнего момента остается политически важным (причем не только для Франции) овладеть этим мифом и обуздать его.

²³³ Hunecke (1978, 319). «В центре революции крестьянской бедноты находились два требования, которые никоим образом не были антифеодальными: крестьяне хотели земли для работы на ней и восстановления общинных прав (*usi collectivi*)». Крестьяне бунтовали «не только против тех, кто обладал [феодальными] привилегиями, но и (причем, возможно, в первую очередь) против „революционной буржуазии“» (pp. 313—315). Аналогичную точку зрения см. в: Moore (1966, 69): «Радикальный порыв в поддержку революции, основой которого выступали санкюлоты и отдельные группы крестьянства, был явственно и решительно антикапиталистическим».

Коббан также рассматривает Французскую революцию как «революцию не за, а против капитализма» (Cobban, 1964, 172). Однако в его версии триумф принадлежит не только крестьянам, но и «консервативным, обладавшим собственностью и землей классам — крупным и мелким» (p. 170). У Коббана утверждается, что именно это обстоятельство в действительности и продвинуло «экономическое развитие английско-го общества... так далеко вперед по сравнению с Францией» (p. 146).

²³⁴ Skocpol (1979, 29, 41, 181). «Социальные революции... изменили государственные структуры в той же или даже в большей степени, в какой они изменили классовые отношения, общественные (*societal*) ценности и социальные (*social*) институты» (p. 29). Странная точка зрения: *социальные* революции определяются в первую очередь не *социальными* изменениями, а изменениями в главном политическом институте Модерна — государстве. Тогда что же такое *политические* революции? И если социальная революция не меняет «классовые отношения, общественные ценности и социальные институты», то не потому ли это происходит, что они меняются лишь

«Революция, — сказал в 1897 году Клемансо, — это союз». Для Коббана «настоящим заблуждением», стоящим за всеми отдельными мифами Французской революции, является идея, что существует некая одна вещь, «за или против которой вы можете быть»²³⁵. Вполне верно следующее возражение Лефевра:

«Созыв Генеральных штатов был „благой вестью” — это событие провозгласило рождение нового общества, общества в согласии с правосудием, жизнь в котором будет лучше; во II год республики тот же миф вдохновлял санкюлотов; он выжил в нашей традиции и остается таким же революционным, как и в 1789 и в 1793 годах»²³⁶.

Именно в силу такой могущественности этого мифа Коббан вместо отрицания революции как зла в духе ее оппонентов XIX века стремится подорвать этот миф, нападая на его достоверность. И даже такой защитник классической модели буржуазной революции, как Витторио Видотто, признает это нападение относительно «убедительным». Однако, как утверждает Видотто, ответ на подобную критику путем расширения дефиниций, как это делают некоторые сторонники понятия буржуазной революции, ведет к «терминологической неопределенности» и делает все объяснение невразумительным. Поэтому понятие буржуазной революции в его классической форме Видотто считает «неотчуждаемым наследием для тех, кто движется по марксистской орбите, и не только для них»²³⁷.

Но является ли это наследие неотчуждаемым для тех, кто хотел бы послать к чертям эту «благовую весть»? Как мы уже не раз видели, интерпретации Французской революции служат комментариями к событиям XX века. Однако не могут ли некоторые наши недоразумения относительно XX века быть обязаны неверной интерпретации XVIII столетия? И если это так, то увековечивать те или иные модели из тех соображений, что они представляют собой «неотчуждаемое наследие», чревато гарантированной стратегической ошибкой ради сохранения той формы умонастроений, которые некогда были полезны для коллективной сплоченности (хотя более могут и не быть таковыми). Я не уверен, что следует пытаться сохранить образ Французской революции как революции буржуазной с той целью, чтобы сохранить образ Русской революции как революции пролетарской. Но я также не уверен и в необходимости создания образа Французской революции как революции либеральной, с тем чтобы запятнать образ Русской революции как революции тоталитарной. Ни одна из этих категорий — буржуазная или либеральная — не является удовлетворительной классификацией того, что происходило в действительности.

постепенно и никогда не «революционным» путем? Возможно, в таком случае само понятие «социальная революция» нуждается в повторной проверке.

²³⁵ Cobban (1968d, 108).

²³⁶ Lefebvre (1956, 345). Фюре высмеивает этот анализ, поскольку он пропитан верой: «Несложно будет продемонстрировать, что [великий историк Лефевр] в качестве своей синтетической точки зрения представлял... не что иное, как взгляды *cartel des gauches* [картеля левых — фр.] или Народного фронта» (Furet, 1978, 22). Однако подобная позиция не представляется мне слишком весомой.

²³⁷ Vidotto (1979, 51).

«Революция, — утверждает Фюре, — воплощает иллюзию политики; она трансформирует объективную реальность (*le subi*) в субъективное сознание (*en conscient*)». Маркс, напоминая Фюре, полагал, что Термидор представлял собой «мечь реального общества»²³⁸. Отсюда Фюре делает антиволюнтаристские выводы. Однако, настаивая на новом исследовании Французской революции в контексте как долгосрочного социального изменения (наряду с преобразованием самой идеи буржуазии), так и разрыва в доминирующей политической идеологии, он ближе, чем думает, подбирается к духу исторического материализма. Порой у меня возникает искушение причислить Фюре к скрытым революционерам-марксистам, в то время как Собуль, превозносящий II год республики и превращающий (*reifying*) в [вещественные] социологические категории такие абстрактные идеи, как буржуазия и аристократия, представляется мне двойным агентом оплота буржуазного либерализма. Отвергая понятие буржуазной революции на основании текущей самих категорий, «ревизионисты» классической интерпретации могут сделать возможным само рассмотрение того, как в действительности происходит процесс классовой поляризации — через длительную, извилистую, настойчивую реструктуризацию, в ходе которой Французская революция играет определенную роль, но не является *решающим переломным моментом* (барабанная дробь!).

У Маркса была одна значительная погрешность: он слегка преувеличивал идеи Адама Смита (конкуренция — норма капитализма, монополия — его искажение) и в той же мере следовал духу Шумпетера (предприниматель — носитель прогресса). Многие марксисты XX века больше не разделяют эти предрассудки, однако они уверены, что это произошло благодаря эволюции капитализма. Но если обратить эти допущения вспять, то использование в исследовании диалектико-материалистического каркаса сразу подталкивает к совершенно иному прочтению истории XVI—XVIII веков и даже XIX столетия, нежели то, что в основном проделал сам Маркс.

Однако, разумеется, могут возразить, что Французская революция говорила на языке антифеодализма. Крепостное право было окончательно отменено, гильдии — окончательно запрещены, аристократия и духовенство окончательно перестали быть привилегированными сословиями. Да, все это более или менее верно. Понятно, что при *Ancien Régime*, во время, когда доминировала идеология «сословий», даже богатейшие из *haut-bourgeois* [высших буржуа — *фр.*] действительно испытывали социальное презрение и материальную дискриминацию из-за того, что не являлись дворянами. Но и приобретения дворянства было недостаточно: ордонанс Сегюра 1781 года установил, что для получения любого офицерского поста в армии необходимо быть дворянином в четвертом поколении. Мы никогда не узнаем, был ли это просто

²³⁸ Furet (1978, 43, 84). Но кто это — «реальное общество»? Барбер замечает, что «среди буржуазии больше всего страдали... средние буржуа, стремившиеся к юридической, политической, военной или духовной карьере... Узаконить исчезновение как крупных финансистов, так и ведущих интеллектуалов было очень сложно» (Barber, 1955, 143).

мимолетный снобизм «аристократии меча», который вскоре был бы отменен или проигнорирован. Тем не менее это вызвало яростно ощущаемое как Третьим сословием, так и недавно получившим титулы «дворянством мантии» раздражение в отношении к высшим стратам.

А затем настала Французская революция. На протяжении нескольких лет людей действительно останавливали на улицах и спрашивали: «Вы из Третьего сословия?» — и лучше было отвечать утвердительно. За этим непростым моментом последовали Термидор, Наполеон, Реставрация, и все вернулось к чему-то нормальному. *Haut-bourgeois* вновь стремились обрести дворянские титулы, по меньшей мере, до 1870 года, а после этого продолжали обретать знаки формального социального статуса, как это делали успешные буржуа, начиная с самого возникновения капитализма как мир-системы.

Но если Французская революция — это не про антифеодализм, то почему тогда именно антифеодализм стал ее языком? Великолепный ответ на этот вопрос дает Бродель:

«Так не следует ли думать, что отчасти из-за того, что пред лицом новой и вызывавшей удивление ситуации язык капиталистических выступлений еще не обрел своего лексикона, французский крестьянин прибегал к старинному, уже „обкатанному“ антифеодальному языку?»²³⁹

Но если такой ответ был характерен для крестьянства, то как можно объяснить, что тот же самый язык стали использовать нотабли Третьего сословия? Один из вариантов ответа на этот вопрос таков: шумная распря «буржуазии» и «аристократии» было гигантским отвлечением (*diversion*) в двух смыслах этого слова — с одной стороны, забавой и игрой, а с другой стороны, отвлечением внимания прочих — в данном случае крестьян и санкюлотов²⁴⁰.

Да, конечно, в 1789 году что-то действительно изменилось, а еще больше — в 1791—1793 годах. Как сказал Перри Андерсон, «трансформировался целый идеологический мир Запада»²⁴¹. Переход от феодализма к капитализму был долгим делом — вот общий тезис всей этой книги. Трансформация

²³⁹ Braudel (1982, 297), цит. по: Бродель, Фернан. Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV—XVIII вв. М., 2006, с. 292.

²⁴⁰ См. Chaussinand-Nogaret (1975, 277): «Лишь в тот момент, когда народные массы вступают на сцену по причинам, которые не имеют ничего общего с революцией, чаемой нотаблями, возникает тот промах, который фактически углубит разрыв между знатью и буржуазией. Ведь теперь встал вопрос сохранения собственной шкуры, а для этой цели любой маневр оказывается законным. Оказавшись под угрозой почти в той же мере, что и аристократия, буржуазия разыграла свой главный козырь — комедию поруганной чести; она взывала к народу и направляла на „аристократию“ ту бурю, которая грозила ее смести... А в послереволюционном обществе два порядка, примирив свои разногласия, вновь разделили власть».

²⁴¹ Anderson (1980, 36). Андерсон действительно утверждает, что данная трансформация стала результатом двух революций — Французской и Американской. См. тж. точку зрения Линн Хант, что одним из «наиболее судьбоносных последствий» Француз-

структуры государства была просто продолжением того процесса, который длился на протяжении двух столетий — и в этом смысле прав Токвиль. Таким образом, Французская революция не была ознаменована ни политической, ни экономической трансформацией — скорее, с точки зрения капиталистического мира-экономики, она была моментом, когда идеологическая надстройка окончательно совпала с экономическим базисом. Она была следствием перехода от феодализма к капитализму, а не его причиной и не моментом, когда он происходил.

Крупная буржуазия, аналог (*transposition*) аристократии в капиталистическом мире, верила в барыш, а не в либеральную идеологию. *La carrière ouverte aux talents* [Карьеры открываются для талантов — *фр.*], идеи универсальной истины и категорического императива — это прежде всего идеологические темы в узком смысле. Все это вспомогательные (*instrumental*), отвлекающие вероучения, которые не следует воспринимать всерьез всякий раз, когда они сопряжены с максимальным накоплением капитала. Тем не менее идеология *также* отражает структурные пределы капиталистического процесса — окончательное обуржуазивание высших классов, когда все преимущества будут проистекать из *текущего*, а не *прошлого* положения в экономической структуре. И провозглашение инструментальной идеологии само по себе является важным фактором в структурном разворачивании этого процесса. То, что рассматривалось как фон, со временем стало ограничением.

Кроме того, Французская революция имела еще одно значение — тот смысл, в котором она возвещала будущее. Она представляла собой первую из антисистемных революций в капиталистическом мире-экономике, которая лишь в незначительной части завершилась успешно, а в основном обернулась провалом. Однако тот «миф», которая она собой представляет, является не буржуазным, а антибуржуазным.

Идея буржуазной революции, в конечном итоге, выполняет ту же функцию, что и идея промышленной революции. Последняя предусмотрена для объяснения того, почему Великобритания в рассматриваемый нами промежуток времени захватила непропорционально большую долю мирового прибавочного продукта, в особенности в сравнении с ее главным соперником — Францией. Понятие буржуазной революции объясняет то же самое, только уже на французском, а не на английском материале, демонстрируя, почему Франция потерпела неудачу. Своя «буржуазная революция» была у Франции более чем на столетие позже, чем у Англии, а «буржуазная революция» предполагается необходимым условием «промышленной революции».

Мы никоим образом не отрицаем, что в 1730—1840 годах Великобритания (или, более точно, буржуазия, имевшая своей территориальной базой Великобританию) добилась крупного конкурентного превосходства над Францией.

ской революции было «изобретение идеологии», которая представляла собой «новую политическую культуру» (Lynn Hunt, 1984, 12, 15). Аналогичным образом Сьюэлл говорит об «идее революции как таковой», которая стала одним из «неожиданных» последствий Французской революции (Sewell, 1985, 81).

Теперь мы будем искать объяснение того, как это произошло, не возвращаясь более ни к одному из этих двух взаимосвязанных ошибочных понятий — промышленной и буржуазной революции.

2

БОРЬБА В ЦЕНТРЕ:
ФАЗА III (1763–1815)

Английский гравер **Джеймс Гилрей** (1757—1815) выпустил около 1500 сатирических гравюр на современные ему политические сюжеты.

Двумя его любимыми персонажами были Уильям Питт-младший и Наполеон. На этой выгравированной карикатуре **«Рождественский пудинг в опасности, или Государственные гурманы за легким ужином»** (опубликована 26 февраля 1805 года Х. Хамфри) Питт при помощи трезубой вилки, воткнутой в Атлантический океан, отрезает кусок земного шара от полюса до экватора к западу от Британии, прибирая к рукам Вест-Индию. Наполеон же, используя в качестве ножа свою саблю, отрезает Францию, Испанию, Швейцарию, Италию и Средиземноморье от Европы, но не трогает Швецию и Россию.

Подпись гласит: «Самого великого мира и всего, что он дарует» (Шекспир, Буря, IV, I);
слишком мало, чтобы насытить столь неумные аппетиты».

Парижский мир 1763 года предоставил Великобритании выгодное положение для завершения того, к чему она стремилась уже в течение столетия — решительно опередить Францию во всех сферах: в экономике, политике и в военном отношении¹. Однако эта задача будет выполнена только к 1815 году и окажется непростой.

Эта третья и последняя фаза продолжительной и открытой борьбы между двумя претендентами на гегемонию происходила в условиях возобновившейся экспансии мира-экономики, которая сама по себе была результатом его реструктуризации в ходе долгой стагнации XVII века (последний процесс мы рассматривали в предыдущем томе). Эта возобновившаяся экспансия сформировала тот феномен, который Камиль-Эрнест Лабрусс² назвал «великим столетием процветания... с 1730-х до почти 1820 года»³. В первую очередь Лабрусс имел в виду Францию, но в равной степени эта характеристика применима и к Великобритании, а на самом деле, как мы увидим, и к миру-экономике в целом. Конечно, всегда необходимо задаваться вопросом: для кого это столетие было столетием процветания? Кроме того, представление о длительном подъеме не исключает наличия внутри этого протяженного периода циклических фаз, которые в нашем случае в самом деле имели место. Тем не менее в рамках данного долгосрочного промежутка можно говорить о «продолжительном росте производства, цен и доходов»³.

¹ «Парижский мир 1763 года закрепил разгром Людовика XIV, так же как Пиренейский мир 1659 года закрепил разгром Филиппа II» (Dehio, 1962, 117).

² Labrousse (1954, vii). В более ранней работе Лабрусс приводит еще более точную датировку, говоря о «длинной волне процветания, наблюдаемой для Франции между 1733 и 1817 годами» (Labrousse, 1944, xi). Леон (Léon, 1966, 20) аналогичным образом говорит о «решающем» столетии между завершением периода Регентства (1723) и началом Июльской монархии (1830-е годы).

³ Soboul (1976a, 4). Патрик К. О'Брайен в личной беседе отметил, что «реальная информация относительно роста производства отсутствует — есть лишь информация о ценах». Лабрусс в своей классической работе о ценах предлагает похожие индексы для цен во Франции (1733 — 100, 1789 — 192, 1816 — 254) и в Европе (соответственно 100, 177, 269). Этот рост цен он называет «уникальным... по своей амплитуде» со времен изменения цен за 300 лет до этого (Labrousse, 1933, 143—144), а Анри Сэ называет его «повторением знаменитого роста цен в XVI веке» (Sée, 1933, viii). См. тж. Lüthy (1961, 12). Абель (Abel, 1973, 269—270) приводит такие расчеты: во Франции с 1740 по 1810 годы цены на пшеницу увеличились на 163%, в Англии — на 250%, а в целом по Европе произошло,

Морино отрицает подобное объяснение роста цен, которое, как он уверен, является «доброй сказкой», предпочитая рассматривать этот процесс не как одно долгосрочное явление, а как последовательность краткосрочных повышений цен, ставших результатом плохих урожаев и связанных между собой некой «инерцией». Последняя противодействовала снижению цен, которое следовало за каждым новым ценовым рывком (*cherté* [дороговизна — *фр.*]), «тем самым создавая кумулятивный эффект»⁴. Однако данное наблюдение не отрицает сам тренд — скорее это специфический способ его объяснения.

Чтобы более определенно понять этот сюжет, необходимо начать с так называемых *crises d'Ancien Régime* [кризисов Старого порядка — *фр.*], для какого порядка, как утверждалось, рассматриваемый период станет «последним» историческим моментом — в масштабе Европы и, возможно, всего капиталистического мира-экономики. Согласно классическому описанию Лабрусса, *crises d'Ancien Régime* были связаны с урожаями⁵, то есть носили краткосрочную природу. Механизм кризиса зависел от того центрального положения, которое зерновые занимали в рационе, а также от резкой реакции рыночных цен на изменения локального спроса, поскольку хлеб был критическим фактором для выживания массы населения, а транспорт был медленным и дорогим. Крупным производителям нехватка продовольствия обеспечивала внезапный рост цен, а следовательно, зримый рост доходов, даже если их складские запасы сокращались. Однако для массы мелких производителей та же самая ситуация приносила не доходы, а бедствия, что, на первый взгляд, кажется парадоксальным. Причина этого была следующей. Урожай мелкого производителя делился на несколько частей (разумеется, неравных): одна часть — на посев в следующем году, другая — на уплату десятины, третья (в отдельных случаях) — на натуральную ренту, четвертая — на собственное потребление, и еще одна часть — на продажу на рынке. Всякий раз, когда урожай был плох, именно эта последняя часть в основном или полностью сходила на нет (равно как и определенная часть доли на собственное потребление). Поэтому, несмотря на то, что продажные цены могли быть высокими, мелкому производителю в ситуации плохого урожая продавать было нечего. Возможно (что еще хуже), ему самому надо было покупать хлеб для питания, причем по высоким ценам⁶.

Конечно, высокие цены были в равной степени разрушительны и для прочих мелких потребителей. Их издержки внезапно росли — в тот самый момент, когда увеличивалась безработица, поскольку значительная доля наемного труда в действительности использовалась на сельскохозяйственных работах, которые

по меньшей мере, удвоение цен — таким образом, Франция оказывается одной из наименее подверженных инфляции стран. Дин и Коул (Deane and Cole, 1967, 14) говорят о «тенденции к росту уровня цен» в Великобритании «за несколько лет до середины века» и далее, но формулировку «суровые инфляционные пертурбации» они оставляют для 1790-х годов.

⁴ Morineau (1978, 386).

⁵ См. Danièle (1958, 318—319). Однако Лэндес (Landes, 1958a, 55) утверждает, что подобное воздействие урожаев на деловую активность ограничивалось «крайними» ситуациями (т. е. голодом).

предполагали частичную занятость, а необходимость в них уменьшалась как раз из-за того же плохого урожая. Кроме того, одновременно из-за сокращения краткосрочного спроса, вызванного плохим урожаем, стремились снизить выпуск производители тканей, что еще больше увеличивало безработицу⁶.

Всё это едва ли напоминает процветание — такова точка зрения Морино. Однако для XVIII века подобная ситуация не была чем-то новым. Краткосрочные кризисы урожайности всегда развивались по подобному сценарию в тех случаях, когда в аграрном секторе действовало значительное количество мелких крестьян (собственников или арендаторов), базовые продукты питания составляли основную часть рациона масс, а стоимость их транспортировки была высокой. Менее привычным было то, что в годы хороших урожаев цены оставались более или менее неподвижными. Те преимущества, которые года с плохими урожаями давали крупным землевладельцам (а также торговцам), обычно компенсировалось преимуществами для мелких крестьян в года с хорошим урожаем. Однако в действительности по мере того, как после 1730 года сельскохозяйственные цены поползли вверх, за ними устремились и «рента» — те платежи, которые мелкие производители в той или иной форме должны были выплачивать крупным землевладельцам⁷.

Чем это объясняется? Чередой лет с плохой погодой?⁸ Мы часто склонны прибегать к подобному роду «искушающих», по определению Пьера Вилара, определений. Однако подлинный вопрос, напоминает Вилар, находится «в пункте назначения — на социальной арене» (то есть в точке распределения доходов и платежей), а «не в пункте отправления — в климате»⁹. Конечно, это абсолютно верно, но настолько ли «социальная арена» изменилась с предшествующего столетия, что создала экономическую конфигурацию, отличную от более ранних времен?

В приведенном рассмотрении *crises d'Ancien Régime* была упущена одна из проблем, на которую тем не менее Лабрусс поначалу обращал внимание. Если краткосрочные повышения цен имели судорожный эффект и, в частности, были связаны с сокращением производства, то долгосрочный рост цен имел противоположное значение — «то же самое, что и сегодня»¹⁰, поскольку данный процесс вел к долгосрочному увеличению объемов производства. А это было связано с разными способами функционирования, с одной стороны, локальных рынков (вотчины по преимуществу производителя, хотя и не только его), а с другой, рынков масштаба региона или мира-экономики в целом (сфера

⁶ В работах Лабрусса и других авторов содержится много описаний этого явления. Возможно, наиболее яркое краткое изложение содержится в: Labrousse (1945, iv—v).

⁷ Конечно, в этом и состоит главное эмпирическое открытие в работе Лабрусса. В частности, см. Labrousse (1933, II, 379, 399, 444).

⁸ «Настоящий кризис французского сельского хозяйства в конце правления Людовика XV и отчасти на протяжении правления Людовика XVI [был] вызван ухудшением климатических условий» (Morigneau, 1971, 67, см. т.ж. Morigneau, 1969a, 419). Впрочем, о проблемах «хорошей погоды» еще будет сказано ниже.

⁹ Vilar (1974, 40).

в первую очередь крупного производителя). *Crises d'Ancien Régime* были феноменом локальных рынков. Производство для более крупных, более удаленных рынков было «ортодоксальным» капиталистическим феноменом, который подчинялся простому принципу: более высокие цены отражают некоторый неудовлетворенный эффективный спрос в мире-экономике и поэтому содержат в себе долгосрочный потенциальный доход для тех, кто готов расширять производство. По отношению к этой более масштабной сфере климат играл второстепенную роль — даже в сельском хозяйстве. Скорее ключевым моментом здесь был общий уровень накопления капитала.

В предыдущем томе мы уже указывали¹⁰, что реакцией стран центра мира-экономики на длительную стагнацию XVII века была попытка сконцентрировать все главные источники капиталистической прибыли в пределах своих границ. Речь идет о производстве зерновых, ориентированном на мировой рынок, о новых металлургической и текстильной отраслях, о новой транспортной инфраструктуре и перевалочных пунктах атлантической торговли. Этот процесс оказался более или менее успешным. Кроме того, в ходе борьбы между государствами центра Соединенные Провинции, которые изначально, вне сомнения, действовали лучше всех, были фактически подорваны конкуренцией со стороны англичан и французов. Борьба между Англией и Францией была соперничеством более равных оппонентов, и в начале XVIII века невозможно было утверждать, что в рамках мира-экономики одна из двух стран была сильнее другой. Медленная реструктуризация производственных процессов в пределах центра мира-экономики вела к определенному перераспределению доходов внутри каждой из этих стран таким образом, что можно говорить о некотором росте «внутреннего» спроса и первых попытках дальнейшего расширения пределов мира-экономики. Коротко говоря, большинство процессов, с которыми у нас ассоциируется промежуток после 1750 года (технологические изменения в сельском хозяйстве и промышленности, географическая экспансия, растущий спрос в пределах центра мира-экономики) уже имели место в предыдущем столетии, хотя и характеризовались более медленными темпами¹². Однако вместе с экономической экспансией в мире-экономике возобновилась географическая дифференциация производства (специализация) и возросла механизация в его центре («промышленная революция»).

С точки зрения стран центра, главным достижением «долгого» XVII века стала способность капиталистов этих стран загрэбать такие прибыли, какие представлялась возможность получать. Главным недостатком при этом был ограниченный совокупный спрос, одним из признаков которого была стагнация демографического роста. На протяжении XVII века устранение

¹⁰ Labrousse (1944, xvi).

¹¹ См. Wallerstein (1980, особенно pp. 259—275, в рус. изд. II тома сс. 315-335).

¹² «Эта привычка преуменьшать технологические изменения до середины XVIII века и, соответственно, преувеличивать их новизну во второй его половине имеет долгую историю» (Jones, 1970, 49).

неэффективных производителей вкупе с ограниченным перераспределением доходов (в первую очередь в центральных зонах) заложили основу для новой эпохи экспансии. Последняя началась где-то в первой половине XVIII века и достигла значительного уровня во второй его половине, а ее кульминация пришлась на период приносившей прибыль нестабильности — эпоху франко-британских войн 1792—1815 годов.

Традиционно с экономической экспансией (в качестве как ее свидетельства, так и следствия) коррелирует демографический подъем, и все исследователи, похоже, согласны, что он начался около 1740 года плюс-минус 10 лет¹³. В предыдущей главе мы обозначили, почему объяснение демографического роста с точки зрения социально-экономических трансформаций выглядит достоверно: будь то рост из-за снижения смертности (в рассматриваемое время в гораздо большей степени благодаря лучшей гигиене и большому количеству пищи, нежели благодаря лучшей медицине) или рост из-за увеличения рождаемости. Именно последнее объяснение ставится большинством ученых на почетное место. Показательным примером этого является утверждение Флинна, что, в то время как смертность оставалась главным образом «по ведомству Господа Бога», рождаемость была «целиком по части человека [sic]»¹⁴, при этом ключевой переменной оказывался женский возраст вступления в брак¹⁵. К свидетельствам о снижении этого возраста некоторые

¹³ Дин утверждает, что обычная датировка для Англии — это 1740-е годы, и даже если до 1780-х годов этот подъем был «скромным», то остается фактом, что «рост, происходящий с 1740-х годов до настоящего времени, был необратимым» (Deane, 1979, 214). Дж. Д. Чемберс полагает, что стандартные даты «демографической революции» в Англии — это 1750—1800 годы, и даже если прав Дж. Такер (Tucker, 1963), что это было компенсацией за «низкие темпы» 1720—1740 годов, то «последовавшие косвенные воздействия на демографическое и экономическое положение были глубокими» (Chambers, 1972, 122). Аналогичным образом Ригли и Шоуфилд (Wrigley and Schofield, 1981, 207) приводят карту, которая показывает резкий подъем начиная с 1750 года (датированный, однако, 1740 годом на сс. 210—211). Для Франции Ле Руа Ладюри дает следующий общий вывод: «После 1717 года начинается подъем (*reprise*), а вскоре и резкий рост (*essor*)» (Le Roy Ladurie, 1975, 364—365). Промежуток 1737—1745 годов Ле Руа Ладюри рассматривает как «паузу, краткосрочную стагнацию», после которой рост «возобновляется начиная с 1745—1750 годов» и вскоре «становится взрывным». Как утверждает Ж.-К. Тутен, «население [Франции] росло уже около 1720 года» (Toutain, 1963, 17).

Конечно: как напоминает Карл Хеллайнер (Helleiner, 1965, 86), этот процесс не был «уникальным», он сопоставим с более ранними демографическими экспансиями. Ригли и Шоуфилд утверждают то же самое (Wrigley and Schofield, 1981, 211), как и Морينو, вносящий ноту скепсиса относительно «демографического прогресса XVIII века — в той мере, в которой он был зафиксирован» (Morineau, 1981, 211). Флинн (Flinn, 1981, 76) демонстрирует аналогичный скепсис, делая акцент на противопоставлении всего промежутка XVI—XVIII веков и XIX столетия, когда «темпы роста в большинстве европейских стран были существенно выше».

¹⁴ Flinn (1981, 18).

¹⁵ См. Flinn (1981, 26) и Lee & Schofield (1981, 27). Однако Ригли и Шоуфилд (Wrigley and Schofield, 1981, 247—248) указывают, что если это было верно для Англии,

исследователи добавляют выведенное дедуктивным способом негативное свидетельство о снижении (предполагаемом) частоты контрацепции путем прерывания полового акта, что в XVII веке, как убежден ряд авторов, имело место в Англии и Франции в качестве реакции крестьянства на тяжелые времена¹⁶.

В результате из-за сокращения населения в предыдущем столетии те, кому удалось выжить, стали лучше питаться, а уровень «реальных заработков» благодаря этому медленно повышался. Но на самом деле эта «психология» аскетизма породила собственное отрицание. В дальнейшем, когда случилась «чередa хороших урожаев»¹⁷, что, похоже, действительно имело место в промежутке 1715—1750 годов (была ли сама эта чередa отчасти следствием усовершенствования технологий?), легко увидеть, почему этот отрезок смог пробудить к жизни уже отмеченный выше рост рождаемости.

Если в начале XVIII века Англия, возможно, отличалась несколько большей производительностью в сельском хозяйстве, то где-то во второй четверти столетия, как подчеркивается в имеющейся литературе, произошел откат назад, оказавшийся результатом именно этого преимущества. Речь идет о так называемой «сельскохозяйственной депрессии», которая стала классическим случаем ценового спада в результате хороших урожаев¹⁸. Однако следует сделать два важных замечания. Во-первых, в рассматриваемое время изменения цен, похоже, не прерывали рост выпуска сельскохозяйственной продукции ни в показателях производительности труда, ни в показателях подушевого

то в ряде других стран, таких как Швеция, главную роль играло снижение смертности. Промежуточным случаем оказывается Франция. Хабаккук (Habakkuk, 1953, 133) также утверждает, что «в доиндустриальном обществе» источником наибольшего колебания станет возраст вступления в брак, а отсюда и воздействие на уровень рождаемости.

¹⁶ См. Wrigley (1969, 181). В этой работе изложена точка зрения, основанная на работе Coyton and Chaunu (1972a, 295—296), где представлены соответствующие аргументы относительно Нормандии. Шоню при этом добавляет рассмотрение того, как неоавгустинская моральная теология благоприятствовала аскетическому мальтузианству, считая прерванный половой акт «меньшим злом».

Ле Руа Ладюри (Le Roy Ladurie, 1969, 1600) вдобавок напоминает, что существует биологическая связь между жестоким голодом (который часто имел место в XVII веке) и временным бесплодием, «как будто организм подавляет свою репродуктивную функцию, которая становится роскошью, если ценой оказывается принесение в жертву самой жизнедеятельности организма».

¹⁷ Deane (1979, 49). В существующей литературе по Франции это не признается напрямую, но действительно утверждается о прекращении нашествий голода. См. Meuvret (1971e, 275).

¹⁸ Датировка, как обычно, представляет собой предмет многочисленных споров. Мингей (Mingay, 1956, 324) относит этот период к 1730—1750 годам, но в особенности к 1745-му. Чемберс говорит о промежутке 1720—1750 годов (Chambers, 1972, 143). Литтл (Little, 1976, 5) — о «второй четверти», но также о 1730—1740-х годах. Впрочем, П. К. О'Брайен в личной беседе отметил: «Не было спада сельскохозяйственных цен — просто стабильность вплоть до 1740-х годов. Точка зрения Джона [Чемберса] не подтверждена данными».

производства¹⁹. Второе замечание, несомненно, является частичным объяснением первого, а именно общее согласие, что в 1730—1740-х годах действовала тенденция к снижению рент (вкуче с более частыми задолженностями по рентам) и «предоставлению землевладельцами различных уступок арендаторам»²⁰. Как следствие, данный период можно считать «золотым веком для сельскохозяйственного производителя»²¹.

Таким образом, одним из наиболее ярких проявлений периода низких цен на зерновые, распространявшихся по Европе начиная примерно с 1620 года и продержавшихся примерно до 1750 года, оказался конец этого промежутка. В особенности это было характерно для страны, являвшейся на тот момент крупнейшим экспортером зерна, а именно для Англии. Однако это долгосрочное падение цен само по себе помогло создать источники нового спроса (в виде лучшего распределения доходов), что дало импульс возобновлению демографического роста. Это также стимулировало сельскохозяйственных капиталистов в центре мира-экономики к поиску новых источников прибыли. Во-первых, они предприняли больше усилий, чтобы сконцентрировать в своих руках товарную продукцию и сократить долю прямых производителей. Во-вторых, они стремились овладеть новыми источниками прибыли путем внедрения инноваций в промышленности, что, в свою очередь, вело к усилению конфликта за мировые рынки. Каждый из этих сюжетов следует рассмотреть по очереди.

История сельского хозяйства в XVIII веке применительно к Франции и к Великобритании обычно излагается совершенно по-разному. Утверждается, что во Франции правление Людовиков XV и XVI было отмечено «сеньориальной реакцией», которая, в свою очередь, была одним из факторов (возможно, ключевым), объясняющим начало Французской революции. В Великобритании же начиная примерно с 1750 года, как считается, состоялась (новая) волна крупных огораживаний, которая, в свою очередь, была одним из факторов (возможно, также ключевым), объясняющим «первую» промышленную революцию. Но так ли отличалась пресловутая «сеньориальная реакция» от «волны огораживаний»? Я думаю, что нет.

Усилия по увеличению рентного дохода и расширению контроля над землей и производством, предпринятые в XVIII веке в странах центра, начались,

¹⁹ Как утверждает Крафтс (Crafts, 1981, 3), «сельское хозяйство... решительно не было предприятием, клонящимся к упадку, — в действительности во второй четверти столетия еще более сильное давление спроса на ограниченное предложение аграрного сектора сделало сельскохозяйственные цены сопоставимыми с промышленными». Аналогичным образом рассуждает Коул (Cole, 1981, 48): «Новые оценки, несомненно, дают мощные количественные свидетельства в пользу точки зрения Джона и Джоунса, ... согласно которой в начале XVIII века главным фактором роста экономики в целом был рост производительности в сельском хозяйстве». См., однако, сомнения Ричарда Ипполито (Ippolito, 1975, 311) относительно «громадного» вклада данного периода в «наступающую промышленную революцию».

²⁰ Mingay (1956, 324).

²¹ Little (1976, 18—19).

на мой взгляд, как умеренная реакция крупных сельскохозяйственных землевладельцев на снижение прибыли (такая же реакция была характерна для восточноевропейских сеньоров еще в начале XVII века). Вкупе с демографическим подъемом это само по себе и без помощи извне стало источником значительной прибыли. Иными словами, предложение, в какой-то момент оказавшееся чрезмерным, вслед за этим стало ограниченным, поэтому цены на зерно в европейском мире-экономике росли — сначала медленно, а затем по инерции повсеместно, особенно после примерно 1750 года²².

Одной из естественных реакций на недостаточное предложение обычно является стремление увеличить объем производства путем технологических усовершенствований. И действительно, как отмечает Абель, после 1750 года «сельское хозяйство столь внезапно стало центром интереса утонченной публики, что этому были удивлены даже современники»²³. Однако остается фактом, что, несмотря на усилия по развитию новых технологий производства — постоянного удобрения почв, внедрения нового севооборота и смешанного типа хозяйства²⁴, — результаты этого были куда менее заметны, чем предполагает «весьма дезориентирующий»²⁵ термин «сельскохозяйственная революция». Очевидно, нельзя утверждать, что роста производства или производительности не было вовсе. Однако очень даже могло быть так, что рост населения опережал рост предложения продуктов питания лишь настолько, чтобы обеспечить базу для значительной прибыли, но не в той мере, чтобы вмешивались традиционные «мальтузианские» барьеры. Но следствием этого, конечно же, станет снижение реальных доходов трудящихся групп, что подтверждают многочисленные свидетельства.

²² Сликер ван Бат (Slicher van Bath, 1969, 173—174) называет 1755 год «переломным моментом в ценовых соотношениях». Он отмечает, что с 1760 по 1790 годы средняя цена пшеницы в Европе была на 30—40% выше, чем с 1721 по 1745 годы, продемонстрировав «серьезный рост после необычайно долгого периода устойчивых цен начиная примерно с 1660 года (за исключением периода войны за Испанское наследство)». О'Брайен (O'Brien, 1977) датирует этот рост цен начиная с 1745 года.

²³ Abel (1973, 281). Андре Бурд (Bourde, 1967, III, 1571) относит период первого крупного «увеличения производства» учебных пособий по агрономии во Франции к 1750—1770 годам.

²⁴ См. среди прочих Deane (1979, 38).

²⁵ Hufton (1980, 23). Принципиальные возражения по данному предмету, указанные выше, содержатся в: Kerridge (1967) и Morineau (1971). Пересмотр нисходящей динамики роста производительности сельского хозяйства во Франции XVIII века у Тунена см. в: Gouy and Head-König (1969, 263); см. тж. Le Roy Ladurie (1975, 395). О'Брайен (O'Brien, 1977, 175) не находит, что британская «способность к переменам» в промежутке 1745—1820 годов была «столь уж впечатляющей», напоминая, что именно в этот период классические экономисты сформулировали закон убывающей доходности.

Тёрнер также утверждает, что подобное изменение производительности произошло главным образом до 1770 года и поэтому обусловило демографический рост, а не стало реакцией на него. Тёрнер полагает, что «[в Англии] производительность, продемонстрировав более высокие удельные показатели на одно посаженное зерно, оставалась неизменной примерно с 1770 года или ранее вплоть до периода после 1830 года, и это — во время демографической революции» (Turner, 1982, 506).

Что представляла собой так называемая сеньориальная реакция во Франции? Обычно она определялась двумя ключевыми элементами: во-первых, возобновлением принудительного внедрения сеньориальных повинностей и привилегий, которые до этого прекратили использоваться или применялись в ограниченном объеме, а во-вторых, присвоением общинных полей теми же сеньорами и/или другими местными землевладельцами. Если первое из этих мероприятий в правовых терминах апеллировало к юридической практике, доставшейся от средневекового феодального общества (в связи с чем оно, возможно, могло бы заслуживать исследовательского ярлыка «рефеодализация»), то второе напрямую шло вразрез с данной практикой²⁶. Поэтому даже при поверхностном взгляде утверждение, что сеньориальная реакция представляла собой последнюю хватку феодального режима, наталкивается на элементарное противоречие. Более того, как предположил Роберт Форстер, «реакция» на самом деле была «понята слишком узко»²⁷. Она происходила в контексте расширяющегося мирового рынка, будучи «всеобъемлющей» реакцией именно на этот процесс, включавшей в равной степени современный тип управления собственностью (например, ведение счетов, межевание, улучшенный надзор), складирование, прогнозирование, взыскания по закладным и опору на физиократическую теорию цен — короче говоря, все, что можно было ожидать от предпринимателей.

Краеугольный камень этой «реакции» находился в сфере рентных отношений. Их не следует смешивать с сеньориальными повинностями, которые в рассматриваемый период также увеличивались, но составляли лишь малую долю в общем росте доходов. Итог исследований французских регионов у Ле Руа Ладюри демонстрирует, что если сравнивать 1730-е и 1780-е годы, то наибольший реальный рост претерпела собственно земельная рента — 51% в условиях снижавшихся цен, если использовать взвешенный индекс всех сельскохозяйственных цен. Наиболее близко к этому показателю подошел рост десятин, выплачиваемых деньгами (35%). Доходы от процентов с займов также существенно росли, несмотря на значительное падение процентной ставки. Наименее значимыми сегментами увеличения сельскохозяйственных доходов (хотя каждый из них все же обеспечивал небольшой прирост) были налоги, десятины, выплачиваемые в натуре, и сеньориальные повинности²⁸.

²⁶ Не следует делать вывод, что любое новое утверждение феодальных прав было законным. Анри Сэ (Sée, 1908, 181—184) давно разъяснил, насколько этот процесс включал в себя злоупотребление правом.

²⁷ Forster (1963, 684).

²⁸ См. Le Roy Ladurie (1975, 434—437). Жан Мейер (Meyer, 1966, II, 1248) обнаруживает аналогичное положение дел даже в таком бастионе феодальных привилегий, как Бретань: «В действительности собственно сеньориальные права, на каком бы высоком уровне они ни находились, представляли собой довольно малую долю доходов знати. Значимость „феодальной“ системы в гораздо большей степени заключалась в высоких размерах нерегулярных „платежей“ (*casuels: lods et ventes, rachats* [побочные доходы: налоги, взимаемые с сеньором при переходе имущества от одного его ленника к другому; выкупы — *фр.*]), десятин, привязанных к фьефам, а больше всего — в той деспотической социальной власти, которую они сообщали держателю этих прав, будь то знатный или простой человек».

Кто обогащался на этом выраженном росте сельскохозяйственных доходов на протяжении 60-летнего периода? С точки зрения растущего уровня цен²⁹, ответ прост: победителями оказались те, кто «распоряжался востребованным рынком прибавочным продуктом», а проигравшими — те, кто «был вынужден его приобретать, хотя бы в течение части года»³⁰. Однако в дополнение к 80% выгоды, которая проистекала из роста цен, имелось еще 20%, проистекавших из «извлечения дополнительной прибавочной стоимости»³¹. И как раз эти 20% отражают процесс трансформации внутренней социальной структуры.

На вершине иерархии находились крупные землевладельцы. По большей части они были аристократами, но на самом деле для тех, кто был достаточно богат, чтобы стать крупным землевладельцем, на всем протяжении XVII—XVIII столетий во Франции отмечалась сравнительная «легкость перехода»³² от статуса простолюдина к статусу аристократа. А в особенности в рассматриваемый период: именно статус крупного землевладельца имел самую высокую стоимость в терминах реальных доходов³³.

Хотя феодальные повинности в прямом смысле играли ограниченную роль, они могли быть обращены в капиталистическую прибыль посредством косвенного механизма передачи их на откуп (*affermage*). Ведь налоговые откупщики были не только у центрального правительства — сеньоры также «сдавали в откуп» свои феодальные повинности. Это означало, что сеньоры достигали с одним из множества *fermiers* [откупщиков — *фр.*] соглашения о ежегодной уплате установленной суммы, которую *fermiers*, в свою очередь, собирали с прямых производителей натурой. В таком случае именно *fermiers* осуществляли фактическую рыночную продажу собранной подобным образом продукции, а в эпоху растущих цен это означало, что любое их повышение «было на руку *fermier*»³⁴.

²⁹ См. итоговое изложение в: Labrousse (1933, II, 361—362).

³⁰ Hufton (1980, 26, 28).

³¹ Le Roy Ladurie (1975, 434), там же приведена данная оценка.

³² Goodwin (1965a, 358). См. тж. Gruder (1968, 226, 228): «Представляется возможным, ... что в последние десятилетия [XVIII] века буржуазия (в особенности богатая, высшая буржуазия) не была отсечена ни от отношений с теми, кто находился выше ее, ни от профессионального и социального продвижения... Статус не был чем-то неизменным; рождение больше не предreshало жизненный путь. [Буржуа] мог продвигаться по избранному пути, располагая инструментами, необходимыми для успеха: способностями и деньгами. Более того, ему слишком хотелось стать аристократом».

Так ли отличалась ситуация в Англии XVIII века? Богатый простолюдин становился членом парламента и на этом основании мог надеяться на получение дворянства. «К 1784 году Палата общин рассматривалась всеми как столбовая дорога к Палате лордов» (Namiar, 1957, 14).

³³ «[Землевладельческий класс] наращивает свою силу больше, чем сеньориальная знать с ее сеньориальными правами, чем церковь с ее десятинами, чем государство с его налогами как таковыми» (Le Roy Ladurie, 1975, 584).

³⁴ Aberdan (1975, 75). Более того, поскольку *fermier* мог передать откуп еще кому-то, а затем этот откуп мог быть вновь передан, категория *fermier* была растяжимой.

Рука об руку с возраставшей рентой, которую землевладелец получал прямым и косвенным образом, шло его стремление увеличить размеры своих владений³⁵. Сначала основными усилиями здесь были попытки устранить общинное право на выпас скота на неогороженном поле (*rights of common of shack, vaine pâture*) вместе с его расширением на соседние земли (*droit de parcours*). Данные права позволяли общине обеспечивать питанием скот на жнивье после сбора урожая, а также на пару и на пустошах³⁶. Еще одним стремлением сеньоров были попытки разделить общины (*communaux* [коммуны — фр.]) и позволить огораживания.

В этих попытках, которые во Франции имели, по меньшей мере, столь же длинную историю, как в Англии³⁷, крупные французские землевладельцы после 1750 года преуспели заметно меньше их английских коллег. Весьма отличающиеся политические результаты в двух странах стали следствием более слабого государственного аппарата Франции и политически более слабого крестьянства Англии. Но и обратное тоже было верно. После 1750 года английским землевладельцам в меньшей степени удалось повысить рентные платежи, нежели их французским визави. Укорененные «права» английских арендаторов на пролонгацию своих договоров предотвращали быструю текучку арендаторов — практику, которая во Франции вошла в «легенду»³⁸.

Рассмотрим, почему происходило именно так. Одним из объяснений, вполне противоположным привычному, может быть сочетание, с одной стороны, большего распространения капиталистических ценностей во Франции (святость предпринимательского права распоряжения) и противоположного тренда, большей устойчивости традиционных ценностей в Англии (приобретенные

³⁵ И это — в дополнение к *качеству* его земель. Как указывает Леон (Léon, 1966, 18) относительно юго-восточной Франции, крупным землевладельцам принадлежали «лучшие земли для выращивания зерновых, а в особенности — лучшие виноградники и поля, ставшие средоточием наиболее существенных доходов».

Конечно всегда следует иметь в виду предостережение Марка Блоха (Bloch, 1930, 513) о намерениях сеньориального класса: «Было бы весьма большой натяжкой говорить... об аграрной политике сеньориального класса как единого блока; это придало бы его действиям некое единодушие в осознании своих интересов, уверенность во взглядах,... классовое сознание,... степень которого была далеко не та. Но можно, по меньшей мере, различать определенные всеобщие тенденции».

³⁶ Bourde (1967, I, 538, п. 1). Бурд указывает, что ключевой особенностью *droit de parcours*, предполагавшего взаимное право двух округов отправлять скот на выпас к соседям, является «расширение по взаимному согласию [двух округов] зоны *vaine pâture*». См. правовое определение в: Répertoire de jurisprudence, цит. в: Sée (1913, 265).

³⁷ См. Bloch (1930).

³⁸ Forster (1970, 1610). «В меньшей степени удалось» не означает, что ренты не росли, однако английские землевладельцы в качестве способа увеличения своих рентных доходов чаще прибегали к огораживаниям. См. Mingay (1960, 377). См. тж. Parker (1955). Паркер стремится подчеркнуть постепенность роста рентных платежей и то, насколько это было менее катастрофичное явление, чем часто утверждается.

Конечно, силы бюрократии во Франции увеличивались, но не в той же мере, что в Великобритании. Хотя французское государство (в отличие от британского) было не в состоянии обеспечить значительный объем огораживаний, оно было достаточно силь-

права пожизненного арендатора'), и, с другой стороны, меньшей возможности французского государства (в сравнении с британским) внедрять изменения. Как отмечает Форстер, попытки крупных французских фермеров-арендаторов, занимавшихся производством зерновых, обеспечить гарантированность владения, более продолжительные условия аренды и уступки по страхованию рассматривались в качестве «непозволительного вмешательства в принцип свободы заключения контрактов»³⁹.

Общая картина английских огораживаний вполне ясна. После 1750 года темпы огораживания значительно ускорились, что главным образом было достигнуто не посредством частных контрактов, а через парламентские декреты (т. е. посредством государства). Несомненно, сегодня нам понятно, что это была просто кульминация трехсотлетнего тренда⁴⁰. Кроме того, в настоящее время понятно и то, что существовавшая задолго до этого система открытых полей и разбросанных отрубов была основана не просто на упорстве иррационального безрассудства⁴¹. Тем не менее в конце XVIII века произошел дополнительный всплеск огораживаний, причем в первую очередь тех земель, которые подходили для этого *меньше*, нежели те земли, что были огорожены ранее⁴² — именно этот всплеск нам и придется объяснить. Однако есть и еще одна проблема. Как утверждает Карл Дж. Дальман, если огораживания были прежде всего результатом технологического изменения, то ранее они должны были наблюдаться меньше, чем было на самом деле. Следовательно, требуется объяснение этого с точки зрения «постепенно развивающегося элемента изменения». Дальман предлагает одно подобное объяснение: «масштаб рынка и влияние соотношения цен», что требует некоторой степени «специализации», несовместимой с

ным, чтобы перехватить множество функций, которыми ранее обосновывался сбор податей сеньором. «Дестабилизируя» тем самым роль сеньора как сборщика феодальных повинностей, государство вносило свою лепту в превращение сеньории в «бизнес» (Root, 1985, 680—681).

³⁹ Forster (1970, 1614).

⁴⁰ Дальше всех в стремлении развенчать новизну огораживаний XVIII века идет Эрик Керридж (Kerridge, 1967, 24): «В целом можно грубо обобщить, что в 1700 году в восточных и западных графствах оставалось осуществить лишь около четверти огораживаний. Досужие рассказы про величайшую значимость парламентских огораживаний надо отправить на свалку истории».

⁴¹ В отличие от общераспространенных представлений, данная система была и более «гибкой», и давала больше «преимуществ», и была подвержена все более «возрастающей дифференциации и монополизации». См. Yelling (1977, 146). Дальман разворачивает целую систему аргументации в пользу экономической рациональности этой системы при условии, что ее продукция предназначалась в первую очередь для близлежащих рынков, напоминая, что колесо является великим изобретением, но не для езды по снегу: «Система открытых полей применялась для решения проблемы производства двух разных видов продукции [пахотной и пастбищной] при наличии аналогичных ресурсов и при условии незначительных внешних изменений, а следовательно, и большей стабильности» (Dahlman, 1980, 178).

⁴² Первые огораживания произошли «в районах, наименее подходящих для земледелия» (Yelling, 1977, 58), которые в связи с этим требовали более существенных технологических и организационных усилий для производства на определенном уровне.

системой открытых полей⁴³. И если задаться вопросом, почему потребовалось парламентское вмешательство в данный процесс, то наиболее достоверный ответ обнаруживается у Дин: «Резонно предположить, что частные огораживания происходили медленнее, чем до 1760 года, поскольку стимулы противостоять лишению собственности были *сильны* в тот момент, когда стоимость продуктов питания была высокой»⁴⁴.

Подстегиваемое высокими ценами, сельскохозяйственное производство действительно двигалось вперед, хотя, возможно, и не совсем в ногу с ростом населения. Тем не менее можно считать, что в XVIII веке это был «тяжелый и медленный» сектор — отраслями, которые действительно «галопировали»⁴⁵, были скорее промышленность и торговля. В начале XVIII века промышленность Англии и Франции (соответственно, северо-восток Англии и Лангедок), а кроме того, Австрийские Нидерланды (Бельгия) и Швейцария находились в состоянии «примерного равенства» в развитии с точки зрения внутреннего соотношения (примерно 2:1) сельского хозяйства к промышленности⁴⁶. Все они являлись территориями-экспортерами, однако основная масса их промышленной продукции по-прежнему продавалась в их границах. Поэтому все данные отрасли промышленности стремились выступать в защиту протекционистских мер⁴⁷. Одновременно с производством зерновых стало расти промышленное производство, причем во Франции даже раньше (возможно, около 1715 года)⁴⁸,

⁴³ Dahlman (1980, 154). «Переход к огороженным хозяйствам состоялся, как только специализация стала прибыльной, а большая гибкость в производстве желательной» (р. 178). Несмотря на критику Дальмана, Коэн и Вайцман (Cohen and Weitzman, 1975, 321) дают в основе своей похожее объяснение: «Главной силой, стоявшей за процессом огораживания, была необходимость максимизировать прибыли, которые давала земля». Коэн и Вайцман рассматривают этот процесс как «переход от средневековых ценностей» (р. 304), который, предположительно, происходил в рассматриваемое время, однако это противоречит масштабным свидетельствам о более ранних огораживаниях. В аналогичном направлении движется и объяснение, которое дает Джоунс (E. L. Jones, 1981, 84): «Основной стимул к огораживаниям был, возможно, внешним — это довольно быстрый рост цен на фермерскую продукцию после середины [XVIII] века... Выигрыши в эффективности при этом с легкостью преувеличиваются». Наконец, с этой позицией соглашается Абель (Abel, 1973, 283—284), указывая, что «согласно единодушному мнению современников, непосредственной причиной чрезвычайного умножения огораживаний был рост цен на зерно... Та же картина наблюдается во Франции».

⁴⁴ Deane (1979, 44), см. тж. Hill (1967, 269).

⁴⁵ Labrousse (1970, 698).

⁴⁶ Hufton (1980, 31).

⁴⁷ Об английской сталелитейной промышленности начала XVIII века см., например, Ashton (1924, 104): «Таким образом, английское железо продавалось на внутреннем рынке, конкурируя с иностранной продукцией. Конкуренция ощущалась тем более остро, что спрос на железо... был в высокой степени неэластичным... Поэтому не приходится удивляться, что раздраженный английский металлург так стоял за протекционизм». Неэластичность спроса на железо изменится вместе с расширением мировой экономики.

⁴⁸ Марчевский говорит о подъеме после 1715 года (Marczewski, 1963, 137), Клод Фолен относит этот процесс к времени после 1715—1720 годов (Fohlen, 1973, 12). Леон (Léon,

чем в Англии, где наиболее привычной датой называется 1740 год⁴⁹. Понятно, что глобальная экспансия, как и следовало ожидать, в любом случае была кумулятивным процессом. Как утверждает Хартвелл, «тот процесс, которому способствовали хорошие урожаи, после 1750 года был ускорен экономической экспансией... Поэтому после 1750 года широкий фронт инвестиций — в сельском хозяйстве, промышленности, торговле и коммуникациях — заложил основу масштабного технологического прорыва 1770—1780-х годов, который создал в ключевых отраслях возможности для извлечения столь масштабной прибыли, что предприятия быстро откликнулись на это резким увеличением выпуска продукции»⁵⁰.

Впрочем, для Хартвелла, как и для многих других авторов, данное описание относится только к Англии. Поэтому необходимо более пристально рассмотреть, в какой мере эта «последовательность» была лишь английским феноменом, и благодаря какому процессу удалось этой мере достичь. Иными словами, почему после 1790 года производственные издержки в Англии действительно существенно быстро снизились, так что английские производители смогли «успешно наводнить крупные европейские рынки»? И если верно, как утверждают Хабаккук и прочие, что большинство изобретений этого времени можно «с большей достоверностью приписать давлению растущего спроса»⁵¹, чем случайному шансу, или же изменению фабричных цен, или же инноваторам в духе Шумпетера, то почему спрос не принес аналогичного результата во Франции? И действительно ли не принес?

Кроме того, экономическая экспансия означала не только рост производства, но и рост торговли. После 1715 года и Англия, и Франция расширяли свою внешнюю торговлю, но не на всех рынках равномерно. Крузе указывает, что британцы «в целом не очень хорошо чувствовали себя на европейских рынках, где они сталкивались с протекционистскими тарифами и французской конкуренцией»⁵². Эта ситуация изменится лишь около 1785 года вместе с теми новшествами, которые оказались рычагом для вхождения на этот рынок

1954, 200) называет 1732 год для Дофине' — это близко к 1733 году, который Лабрусс считает общей датой возобновления французской экономической экспансии.

⁴⁹ Главными защитниками датировки английской «промышленной революции» начиная с 1740-х годов выступили Дин и Коул (Deane and Cole, 1967, 58; тж. Deane, 1973a, 170). Их критиковали те, кто считал, что в 1740—1780 годах промышленное развитие было сравнительно незначительным, стремясь, подобно Ростоу, подчеркнуть значимость 1780-х годов как периода «отрыва». См. Whitehead (1964, 73).

⁵⁰ Hartwell (1968, 11—12).

⁵¹ Habakkuk (1955, 150).

⁵² Crouzet (1967b, 147). Данные Дэвиса (Davis, 1979, 21, таблица 10) демонстрируют постепенное снижение стоимости экспорта шерстяной продукции из Англии в северную и северо-западную Европу между 1699—1701 и 1784—1786 годами, но сразу после этого он вновь идет вверх, и все это в контексте общего роста экспорта шерсти. См. тж. Butel (1978c, 112—113) о Германии и Северной Европе как «центрах притяжения» французской внешней торговли. Дин и Коул (Deane and Cole, 1967, 86) отмечают, что в XVIII веке в британской внешней торговле происходит выраженный сдвиг: в начале столетия четыре пятых ее объема направляется в Европу, а в конце столетия — только

Британии. Но, с другой стороны, на протяжении XVIII века у британцев было куда более значительный, чем у французов, колониальный рынок, и, в отличие от французов, британцы были способны осуществлять масштабное проникновение на рынки других колониальных держав⁵³.

Преимущество британцев в колониальной торговле получило еще большую значимость благодаря усилению роли американской торговли в мировой экономике⁵⁴. Более того, именно эта колониальная торговля, насыщавшая рынок товарами, эластичными по доходу, вообще позволяла Британии расширять торговлю с Европой в период экспансии после 1750-х годов (и вплоть до более позднего экспортного прорыва товаров из хлопка после 1785 года)⁵⁵. В целом же до 1780-х годов рост английского экспорта по-прежнему не обладал «примечательной быстротой»⁵⁶. Таким образом, потребует объяснения именно этот фактический рынок.

Аналогичным образом при ближайшем рассмотрении знаменитый «внутренний рынок» может продемонстрировать меньшую разницу между Англией и Францией, чем это регулярно заявляется сторонниками данной линии аргументации. Здесь присутствуют две проблемы. Во-первых, был ли у английских производителей существенно больший в сравнении с французами «общий эффективный спрос» в пределах их границ (frontiers) — политических границ, границ, свободных от таможенных пошлин, границ низких транспортных издержек? Во-вторых, внутренний рынок (как бы его ни определяли): был ли он для какой-либо одной из этих стран или для обеих сразу существенно более значимым стимулом, чем рынок «внешний» (то есть тот, который находился за указанными «границами»)?

С точки зрения политических границ, которые, как предполагается, очерчивают пределы непосредственного действия государственной политики, известно, что территориально Франция была гораздо больше Англии или даже Великобритании (ставшей фактически единым целым после Акта

одна пятая. Причина проста — «защищенные рынки европейских соперников [Британии]». Наоборот, торговля Британии с Северной Америкой, Вест-Индией, Ирландией «представляла собой фактически закрытую систему, из которой были жестко исключены конкуренты».

⁵³ См. Davis (1973, 306). Особенно важен был рынок Британской Северной Америки, учитывая десятикратный рост ее населения между 1700 годом и началом Американской революции (1775), а также имевшиеся на тот момент высокие заработные платы в этих колониях. См. Butel (1978a, 64). Еще одним важным для Великобритании рынком, подобным Британской Северной Америке, была Ирландия. См. Davis (1969, 107).

⁵⁴ Миллорд и Сол (Milward and Saul, 1973, 104) утверждают, что «после [Утрехтского мира 1713 года] расширение торговли между Европой и другими континентами стало еще более значимым, причем эта торговля росла гораздо быстрее, чем торговля в пределах Европы».

⁵⁵ См. Deane (1979, 55).

⁵⁶ Crouzet (1980, 50). Один из элементов неопределенности в эту картину добавляет контрабандная торговля. У. А. Коул (Cole, 1969, 141—142) считает, что «легальная и нелегальная составляющие английской импортной [а экспортной? — И. В.] торговли в XVIII веке имели тенденцию двигаться в противоположных направлениях», в связи с

об Унии 1707 года), хотя если добавить к этому имперские владения, то соотношение «внутренних» рынков Франции и Великобритании сократится. С точки зрения границ, свободных от таможенных пошлин, в той мере, в какой они были значительным фактором внутренних цен (что сомнительно)⁵⁷, Англия была сопоставима с размерами Пяти больших откупов Франции. С точки зрения границ низких транспортных издержек, XVIII век для обеих стран был временем усовершенствования внутренних коммуникаций, хотя и несомненно, что в Англии этот процесс зашел дальше, чем во Франции (но насколько дальше?)⁵⁸. В любом случае улучшение внутренних транспортных возможностей в равной степени служило и «внешней» торговле, поскольку благодаря этому она в значительно меньшей степени становилась торговлей между портами.

Поэтому вопрос заключается в том, где именно присутствовала большая покупательная способность. В этом отношении следует различать, с одной стороны, размер и благосостояние средних слоев и, с другой стороны, то, в какой мере низшие слои располагали доступными для покупок наличными средствами, которые, хотя и были невелики в пересчете на одного человека, могли стать значимым вкладом, учитывая долю этой группы во всем населении.

чем контрабанда могла сглаживать зафиксированные колебания. Коул оценивает долю контрабанды в четверть или в пятую часть общей стоимости товаров, но его данные критикуют Г. Чж. и Лорна Муи (Mui and Mui, 1975). В любом случае сравнение с Францией у нас отсутствует.

⁵⁷ На основании собственных карт Бродель (Braudel, 1984, 347) делает вывод, что «к концу XVII века Франция действительно стояла на пути к появлению плотной сети, которую можно назвать собственно внутренним рынком». Аналогичным образом Луиза Тилли обнаруживает «тенденцию... к появлению национального [зернового рынка] во Франции уже в конце XVII века» (Louise Tilly, 1971, 43). Ле Руа Ладюри (Le Roy Ladurie, 1978, 389) говорит о «развитии внутреннего рынка» во Франции как о значительном элементе расширения сельского хозяйства в XVIII веке (Le Roy Ladurie, 1975, 398). Однако Морино (Morineau, 1978, 379) предупреждает, что унификация цен в меньшей степени сигнализирует о едином рынке (с учетом «сложной и дорогой транспортировки на дальние расстояния»), нежели о «блокировании транзакций, о создании населением экономически защищенных зон местных источников снабжения». См. тж. Boshier (1965, 577—578).

⁵⁸ В частности, если говорить о каналах, то в Англии их было построено значительно больше, и Англия далеко обошла Францию по длине судоходных вод как на душу населения, так и на километр водных путей. Однако французские каналы в большей степени представляли собой инженерные достижения, в особенности Лангедокский канал, заложивший «техническую основу... для широкого распространения системы каналов в Европе, которое происходило в следующий период промышленного развития» (Skempton, 1957, 468). Источники, относящиеся к Англии, делают акцент на «революции» в транспорте с точки зрения снижения издержек по хранению, уменьшения воровства из-за сокращения времени транспортировки и т. д. См. Deane (1979, 85—86), см. тж. Girard (1966, 216—217) и Bagwell (1974, 25, 43, 55). Ж. Летаконну (Letacconoux, 1909, 282—283), рассуждая о французском водном транспорте, предполагает, что эта экономия была преувеличена, а при исследовательских подсчетах часто упускались потери при транспортировке и ущерб от бандитизма.

В предшествующем рассмотрении развития событий между 1650 и 1750 годами⁵⁹ мы провели разграничение между крупными землевладельцами, успешными (средними) производителями, неуспешными (мелкими) производителями и безземельными работниками. Относительно двух средних категорий (которые, как мы отметили, невозможно отличить друг от друга с точки зрения прав собственности) мы обнаружили, что преуспевающая (средняя) группа в рассматриваемый период процветала за счет неуспешных (мелких) производителей — как в Англии, так и в северной Франции. В действительности это, возможно, *сокращало* совокупную покупательную способность: возрастающие доходы преуспевающей группы более чем уравнивались снижающимися доходами остальных. Благодаря этому изменению многие представители последней группы все больше включались в кустарную промышленность и сельский наемный труд, и в последние годы это было досконально исследовано в качестве проявления протоиндустриализации⁶⁰.

Длительный период стагнации подорвал силы более мелких производителей. Теперь же в их ряды вольются те, кто, так сказать, был сравнительно более успешен в предшествующий период, но именно по ним наиболее сильно ударили концентрация и захват земель и высокие ренты в период экономической экспансии после 1730—1740—1750-х годов. Чемберс приходит к выводу, что в Англии конца XVIII века огораживаниям «подверглась не самая мелкая разновидность землевладельцев, но их средний слой — те, кто платил более 4 шиллингов, но менее 10 фунтов — их и „проглотили”»⁶¹. Во Франции в этот период рост рент, опережавший доходы от производства и производительность, впервые заставил многих крестьян «искать вторую работу (*métier* [ремесло — *фр.*]), чтобы просто рассчитаться по ежегодным платежам за землю... Дополнительная работа в таких случаях, несомненно, едва позволяла сохранить предшествующий уровень жизни и сдержать его дальнейшее ухудшение»⁶².

К этой мрачной картине (похоже, идущей вразрез с представлениями о растущем внутреннем спросе) следует добавить дополнительную деталь — доходы в форме заработной платы, влиявшие как на сельские, так и

⁵⁹ См. Wallerstein (1980, 85—90, см. сс. 102-105 II тома рус. изд.).

Каналы и реки были предпочтительнее дорог. Л. Жирар (Girard, 1966, 223) утверждает, что стоимость перевозки по воде снизилась в диапазоне от половины до трех четвертей. Однако Ги Арбелло (Arbellot, 1973) отмечает значительное улучшение французских дорог в XVIII веке. О повсеместной революции в транспорте во Франции см. Le Roy Ladurie (1975, 397).

⁶⁰ См. обзор свидетельств о растущем объеме несельскохозяйственных работ в сельских территориях во всей Западной Европе после 1650 года в: Tilly (1983, 126—128). В результате «значительная часть сельской местности в Европе XVIII века изобиловала некрестьянами и наполнилась шумом мануфактур».

⁶¹ Chambers (1940, 119). Чемберс утверждает (р. 123), что действительно происходил рост «наиболее мелкого типа собственников», объясняя это «тем фактом, что впервые появились скваттеры и батраки, на которых не распространялась уплата земельного налога».

⁶² Morineau (1978, 385); см. тж. Le Roy Ladurie (1975, 584).

на городские территории. Представляется почти несомненным, что в промежутке 1750—1815 годов реальные заработные платы снижались, хотя насколько именно — это предмет споров⁶³. Знаменитая дискуссия Хобсбаума с Хартвеллом и прочими (речь о которой пойдет ниже) о том, повысила или понизила промышленная революция реальные заработки рабочих, в первую очередь касается периода после 1815 года. Если между 1750 и 1815 годами внутренний спрос расширялся, то наиболее вероятно, что это могло быть производным от увеличившегося населения в той же мере, что и от выросших подушевых доходов⁶⁴.

То же самое легко может оказаться верным и на уровне мира-экономики. Поэтому, несмотря на то, что Коул говорит о «беспрецедентной экспансии» британской торговли в конце XVIII века «вопреки, вместо и из-за» условий внешней торговли, он тут же добавляет, что значительная часть этого роста была обязана «резкому увеличению продаж на североамериканском рынке». Коул говорит и о том, что англичане в это время были в состоянии наводнить «сравнительно инертные рынки» остальной Европы⁶⁵.

Таким образом, когда Парижский мир завершил Семилетнюю войну, никоим образом не было очевидно, что английская экономика функционирует на уровне, существенно отличающемся от Франции. Однако представляется действительно очевидным, что каждая из двух стран имела различные преимущества в торговле. Великобритания ослабевала в конкуренции с Францией на континенте и компенсировала этот спад усилением своей относительной позиции «за океаном». Этот момент весьма отчетливо осознавал проницательный голландский автор Аккариас де Серионн⁶⁶, рассматривая в 1778 году британские затруднения с точки зрения роста внутренних цен и заработных плат, что делало британскую продукцию слишком дорогой для конкуренции с Францией (а также Голландией) на континенте. Эти трудности подталкивали Англию к «триумфу» в других местах мира, а также, конечно, и к тем новшествам, которые вскоре воссоздадут конкурентоспособное положение Британии в Европе. Но и этот «триумф» в оставшейся части мира еще следует тщательно исследовать, на чем настаивает Бродель:

«В общем, мы хорошо видим, как Англия „маргинализировала“ свою торговлю. Чаще всего она достигала в этом успеха, прибегнув к силе: она оттеснила своих соперников в Индии в 1757 году, в Канаде в 1762 году, а также на африканском

⁶³ См. Gilboy (1930, 612-613; 1975, 7, 16—17), Tucker (1975, 32), Deane (1979, 31), Labrousse (1933, II, 491, 600, 610) и Morineau (1978, 377).

⁶⁴ В самом деле, именно это и утверждает Лабрусс (Labrousse, 1944, xviii): «Если реальные заработки [в XVIII веке] снижались, то число наемных рабочих росло, а количество доступной работы увеличивалось, наряду с [расширением] массы производственного капитала».

⁶⁵ Cole (1973, 341-342; срв. Minchinton, 1969, 16—17). Сейчас стала довольно популярна «сбалансированная» точка зрения, что это был и внутренний, и внешний спрос. См. Landes (1969, 54), Cole (1981, 45) и Crafts (1981, 14). Однако вопрос по-прежнему заключается в сравнении Франции и Англии не с периферийными странами, а между собой. Что создавало различия между ними?

побережье... Высокие внутренние цены... склоняли Англию к поиску поставок сырья... из стран с низкими ценами»⁶⁶.

Именно это и стремился предотвратить Шуазель в ходе Семилетней войны — остановить установление Англией «деспотической власти над Мировым океаном»⁶⁷.

Великобритания вышла из войны победительницей, но остановилась в шаге от тотальной виктории⁶⁸. После смерти Георга II в 1760 году Питт, как и Шуазель, ясно видевший, что критическим фактором в тот момент была борьба за мировую торговлю, был смещен со своего поста. Заключенный мир был слишком поспешен для Питта и его сторонников, оплакивавших возвращение Франции Гваделупы и Мартиники, равно как и права на ловлю рыбы на Большой Ньюфаундлендской банке. Питт, поддержанный купцами Сити, бушевал в споре о Парижском мире:

«Похоже, министры потеряли из виду тот великий фундаментальный принцип, что с нашей стороны нужно грозить Франции преимущественно, если не исключительно, в лучах морской и торговой мощи»⁶⁹.

Те силы в Англии, которые сосредоточили внимание на подобающей роли государства в этой конкурентной борьбе в рамках капиталистического мира-экономики, в этот момент, похоже, были столь же разочарованы, как и соответствующие силы в ближайшее время окажутся во Франции:

«Казалось, что все в их воле, но они потерпели неудачу, поскольку у них не было политической власти. Пережив поражение, они направили свое

⁶⁶ Бродель (*Материальная цивилизация*, III, 634) цитирует Аккариаса де Серионна; см. тж. Frank (1978, 214—218). Дин (Deane, 1979, 10) косвенным образом подтверждает анализ де Серионна в сравнении уровня жизни в Англии и Франции 1770-х годов: «Похоже, остается мало сомнений, что благосостояние среднего англичанина было ощутимо выше, чем среднего француза». Эта неспособность конкурировать на континенте являлась негативной стороной того преимущества, которое было у Британии на внутреннем рынке.

⁶⁷ Цит в: Meuer (1979a, 211). Мейер утверждает, что политика Франции заключалась в требовании нейтралитета в Мировом океане в военное время. Однако такая цель, как нейтралитет, сама по себе является мерой военной слабости.

⁶⁸ «Парижский мир утвердил Британию как величайшую колониальную державу мира (за исключением Испании)... [Однако] британское колониальное и морское превосходство над Францией... все еще [не] было неоспоримым» (Anderson, 1965, 252).

⁶⁹ Цит в: Plumb (1956, 104), см. тж. Bagt (1949, 195). Если задаться вопросом, как вышло, что точка зрения Питта и купцов Сити не возобладала, то необходимо вспомнить, что в игре присутствовали и другие интересы. Как отмечает Дж. Р. Джоунс (J. R. Jones, 1980, 222), «британские купцы и собственники Вест-Индии не проявляли энтузиазма относительно аннексии территорий, завоеванных в Карибском бассейне, поскольку результатом этого была бы возросшая конкуренция на защищенном внешнем рынке. Мартиника и Гваделупа могли подкосить цены, „заряженные“ британскими плантациями, а Куба потенциально представляла собой еще более крупного производителя».

внимание в сторону институтов и методов правления. Наступал час буржуазных радикалов»⁷⁰.

И если заморская экономическая база Франции еще не была уничтожена, как надеялись Питт и его друзья, то Британия, по меньшей мере, обзавелась ключевыми стратегическими активами — Канадой, Доминикой, Сент-Винсентом, Меноркой, некоторыми частями побережья Сенегала и, конечно же, Бенгалией. Франция сразу же попыталась уменьшить последствия этого, воззвав к механизму баланса сил в европейской дипломатии⁷¹. Аннексия Корсики⁷² в 1768 году помогла исправить положение дел в Средиземноморье⁷³, однако это было несущественно для противостояния подрыву французской экономики в двух важнейших сферах — тому подрыву, который окажется причиной ее гибели.

Во-первых, Семилетняя война прервала восходящий тренд торгово-промышленных комплексов атлантического побережья Франции — то связующее звено между трехсторонней торговлей⁷⁴, работорговлей и хлопковыми мануфактурами, которое, как известно, столь успешно функционировало в Британии. В двадцатилетие, предшествовавшее Парижскому миру, именно французские портовые города, такие как Нант, находились на «переднем крае» «современного экономического развития»⁷⁵. Однако война оказалась «бедствием», блокада повлияла на «наиболее быстро растущий сектор», и в конце войны появились «более осмотрительные настроения» — таким образом, война обозначила «поворотный момент» для экономики⁷⁶.

Во-вторых, именно война фундаментально «потревожила» государственные финансы, постоянно ломая равновесие между текущими доходами и обычными расходами. Тем самым государство шло по опасному пути проживания будущих доходов, которые оно могло получить лишь путем еще больших

⁷⁰ Plumb (1950, 115).

⁷¹ См. McNeill (1982, 157) и Anderson (1965, 254 слл.) Однако поражение 1763 года существенно ослабило дипломатическое положение Франции. «Во время церемониальных мероприятий при европейских дворах британские дипломатические представители требовали и — как результат Семилетней войны — получали старшинство над Францией; порой подобная практика вела к исключительно унижительным публичным ситуациям» (Bemis, 1935, 9).

⁷² См. Ramsey (1939, 183). Однако Шуазель был отправлен в отставку в 1770 году, когда он был готов пойти на риск новой войны, но не уступить Фолклендские (Мальвинские) острова Британии, поскольку они контролировали доступ к Магелланову проливу и к мысу Горн. См. Guillermin (1981, II, 451).

⁷³ Bouffe (1972, 109). Выше (р. 93) Буль утверждает, что «благодаря работорговле в Нанте удалось обеспечить дешевизну и качество — эти два мотора современной промышленности. Доступен был и капитал, накапливаемый работорговой олигархией».

⁷⁴ Bouffe (1972, 103, 106, 108, 111). Пьер Дардель (Dardel, 1963, 52) сообщает, что аналогичный экономический разворот произошел в Руане, однако относит его к 1769 году. Луи Бергерон (Bergeron, 1978c, 349) называет «упрощением» представление, что морская экономика была маргинальным явлением для подлинной Франции, основой которой были ремесленники и крестьяне, настаивая на «множественных и живых органических связях» между двумя этими типами хозяйства в конце XVIII века. Однако из этого тем более следует, что урон, нанесенный атлантической Франции, должен был резко отозваться в других сферах.

уступок своим кредиторам⁷⁵. Оказалось, что для французского государства, как и для многих других государств в аналогичной ситуации, это создаст эффект штопора.

Период, который последовал за Семилетней войной, продемонстрировал общее замедление мировой торговли — нечто вроде кондратьевского периода В, из которого мир-экономика полностью не выйдет примерно до 1792 года⁷⁶. Однако именно Великобритания, а не Франция займет лучшее положение, для того чтобы воспользоваться преимуществами этого подъема, и уже к 1780-м годам это станет очевидным.

Теперь обратимся к тому, что происходило в сельском хозяйстве и промышленности, которые и включают в себе это схватывание преимуществ. Однако было бы неплохо иметь в виду, насколько фундаментальными для указанного подъема были те политико-стратегические преимущества, которые Англия обеспечила себе в ходе долгой борьбы с Францией за растущие заморские рынки. Импортные потоки этих рынков хорошо описывает Хабаккук:

«Ускорение английского экспорта в 1780-х годах — это, конечно, в определенной степени *результат* технических усовершенствований. Однако, по меньшей мере, в сфере хлопковых тканей эти усовершенствования в некоторой степени были результатом того обстоятельства, что в предшествующие десятилетия Англия была связана с рынками, которые... быстро росли. Континентальная текстильная промышленность... обслуживала рынки, где рост спроса был гораздо медленнее, и по этой причине она не сталкивалась с той же потребностью в усовершенствовании своих технологий и методов организации деятельности»⁷⁷.

Представляется, что именно в этой точке, в 1760-х годах, среди французских элит — интеллектуалов, бюрократов, аграрных кругов, промышленников

⁷⁵ Morineau (1980b, 298). Герберт Люты назвал воздействие Семилетней войны на французские финансы «1914 годом XVIII века». Цит. в: Bergeron (1978b, 121). См. тж. Price (1973, I, 365). Прайс рассматривает Семилетнюю войну в качестве «переломного момента в фискальной истории Франции XVIII века».

⁷⁶ Семилетняя война сама по себе была одним из двигателей предшествующей экспансии мировой торговли, поскольку существенной причиной роста экспорта стало обслуживание заморских армий. Частично этот эффект распространился и на мирное время. Дэвис (Davis, 1969, 114) задается вопросом, «в какой мере усилившийся [британский] экспорт в Америку в период после [1763 года] стал следствием спроса со стороны гарнизонов, который по-прежнему оставался на гораздо более высоком уровне, чем до войны в колониях».

В любом случае этот переходящий эффект был несущественным. В торговле произошел спад, однако имеет место определенная дискуссия относительно того, начался ли он в 1760-х годах (Cole, 1981, 39—43; Crafts, 1981, 16; Crouzet, 1980, 50—51; Fisher, 1969, 160; Frank, 1978, 170—171) либо только в 1770 году (Labrousse, 1944, xxiii; Davis, 1979, 31—32).

⁷⁷ Habakkuk (1965, 44). См. тж. Cole (1981, 41). Коул рассуждает о том, какой была бы Англия, имея она закрытую экономику: «Вместо того, чтобы уверенно идти по пути превращения в индустриальную нацию [в 1800 году], [она] бы даже не начала это движение».

и политиков — стало проявляться ощущение, что они каким-то образом оказались «позади» Великобритании. Поэтому они начали метаться в поисках путей, как ее «нагнать». В свете нашего нынешнего знания подобное ощущение было, возможно, преувеличенным, однако это не отменяет его воздействие на общественное и политическое поведение своего времени. В сельском хозяйстве это дало три крупных социально-политических результата: расчистку земель, «освобождение» цен на зерно и усовершенствование аграрных технологий.

Расчистка земель принимала две формы: раздел общинных земель и отмена коллективных сервитутов* (в частности, обязательного *vaine pâture* [права на выпас скота на неогороженном поле]). Из-за правовой слабости французского государства эту попытку реформы приходилось предпринимать от одной провинции к другой. Несмотря на эту сложность, между 1769 и 1781 годами провинциальными эдиктами было успешно санкционировано разделение общинных земель, а между 1766 и 1777 годами — прекращение права *vaine pâture*. Монархия предоставляла свою поддержку по-разному. Для расчистки пустошей предоставлялись налоговые стимулы, которые поощряли дальнейший захват земель. Марк Блок называет эти усилия «грандиозными», указывая, что отчасти это была намеренная попытка имитировать парламентские процедуры в Англии. Однако, как отмечал Блок, реформаторы столкнулись с «неожиданными сложностями», поэтому «волна нерешительности и обескураженности» быстро привела эти попытки к концу⁷⁸. Мы не рассматриваем здесь крах данных реформ⁷⁹, однако следует ли приписывать его просто культу традиции? Несомненно, эти реформы вызывали страхи, отражавшие желание сохранить «феодальные» привилегии (такие как охотничьи территории), однако главным источником противостояния определенно были оказавшиеся под угрозой материальные интересы.

Раздел общинных земель в целом поддерживался более крупными землевладельцами, которые могли приобретать треть земли посредством *droit de triage* [права триажа — *фр.*]. Безземельные работники или те, у кого было очень мало земли, также могли увидеть в разделе общинных земель определенные преимущества, однако только в том случае, если доли не были пропорциональны существующему размеру наделов. Склонность к наиболее сильному противостоянию проявляли *laboureurs* [земледельцы — *фр.*, в данном контексте — более богатые

⁷⁸ Bloch (1952, I, 226). В более ранней статье (Bloch, 1930, 381) Блок подчеркивал ту же тему: «Несомненно, доминирующей нотой аграрной политики последних лет *Ancien Régime* была нерешительность». О крестьянском сопротивлении как об одной из этих «трудностей» см. Gauthier (1977, 59–60).

⁷⁹ См. Sutton (1977, 256): «В сравнении с общей площадью пустошей и с общим объемом французского сельскохозяйственного производства добавление 300–350 тысяч гектаров смогло продемонстрировать лишь очень ограниченный успех правительственной политики расчистки земель». См. тж. Le Roy Ladurie (1975, 582), где утверждается, что в XVIII веке, в отличие от Англии и Пруссии, маленький крестьянский участок (*lorin*) оказался лишь под «частичной угрозой». Однако описания Анри Сэ (Sée, 1923b, 49, срв. Sée, 1908, 1913) указывают, что, несмотря на замедление государственного вмешательства, захваты земли со стороны сеньоров «лишь усилились по мере приближения к годам революции».

крестьяне, фермеры] в целом, поскольку та земля, которую они могли прибавить к своей, едва ли компенсировала их потери от поражения в правах на содержание скота на пастбище. Что же касается земли, которая отходила к наиболее бедным сельским элементам, то, хотя ее объемы и были невелики, этого было достаточно, чтобы создать угрозу замены бедняков на более богатых крестьян (*laboureurs*) на рынке труда. Таким образом, французский фермер (*laboureur*) продвигался по тому же пути пролетаризации, что и английский йомен. В самом деле, Ле Руа Ладюри, говоря о Франции (а не об Англии) XVIII века, утверждает, что «пролетаризация заменяла кладбище»⁸⁰.

Однако когда речь шла о подавлении коллективных прав (*vaine pâture*, *droit de parcours*), политическая конфигурация отличалась. Безземельный труженик или очень мелкий собственник ни при каких условиях не извлек бы из этого преимуществ. Устранение подобных прав просто означало бы, что он лишался земли для выпаса даже того небольшого количества скота, которое имел⁸¹. Но именно *laboureur* (в особенности имевший хорошие поля), будучи проигравшим от «взаимности» существующих установлений, мог получить выгоду от огораживаний⁸². Однако крупные землевладельцы по этому вопросу разделились. Там, где принадлежащие им участки были разбросаны, указанные коллективные права были столь же (если не более) полезны для них, сколь и для крестьян, имевших очень мало земли или вовсе безземельных. Но если земли крупных землевладельцев были сконцентрированы, то право *vaine pâture* было для них проигрышным⁸³.

Но отличается ли данное описание ситуации от того, что можно сделать применительно к Англии? Да — причем в одном фундаментальном аспекте: степень разбросанности земельных участков во Франции была гораздо больше⁸⁴, и

⁸⁰ Le Roy Ladurie (1975, 440, см. тж. pp. 415—416); см. Bloch (1952, I, 229—235).

⁸¹ Это было верно, даже если общинные земли не были разделены, поскольку, как отмечает Блок (Bloch, 1930, 523), «общинных земель почти нигде не было достаточно». См. тж. Meuvret (1971b, 179) о сомнительных преимуществах взаимного обмена на хороших полях. Поэтому «единодушные в своем сопротивлении, [работники (*manoeuvriers* [разнорабочие — *фр.*])] повсюду создавали боевые крестьянские отряды» (Bloch, 1952, I, 228, цит. по рус. изд.: Блок, Марк. Характерные черты французской аграрной истории. М.: Изд-во иностранной литературы, 1957, с. 285). См. тж. Sée (1923b, 76).

⁸² См. Bloch (1930, 531) и Meuvret (1971b, 179).

⁸³ См. Bloch (1952, I, 230). Блок отмечает, что крупные землевладельцы особенно склонялись в пользу *droit de parcours* [право пасти скот на пустошах другой коммуны]. Говоря о Франш-Конте, где крупные землевладельцы путем злоупотребления приобрели право держать почти неограниченные стада на общинных землях и землях под паром, Блок замечает: «Эти льготы оказывались тем более доходными, что перемены в экономике обеспечивали скотоводу ценные рынки сбыта и открывали ему в то же время возможности ведения капиталистического хозяйства» (Блок, Характерные черты, с. 287).

Мёвре (Meuvret, 1971d, 195—196) настаивает, что следует различать два вида *vaine pâture*: на земле под паром и на обрабатываемых полях, поскольку в действительности пар использовался для овец, а обрабатываемые поля — для рогатого скота. Подавляя *vaine pâture* на паровых землях было не в интересах крупного землевладельца, учитывая его большие стада овец и прибыльность шерсти.

⁸⁴ См. Meuvret (1971d, 196).

это, как мы видели, могло повлиять на отношение крупных землевладельцев к рассматриваемым реформам. Почему же в таком случае французские землевладельцы не стремились к простой перегруппировке земель путем законодательного эдикта? — именно такое действие часто имело место в английских актах об огораживаниях. Блок предлагает следующий вариант ответа:

«Но подобное принуждение, естественное в стране, где большинство держаний так и не стало наследственным, — было ли оно мыслимо для Франции? Экономисты и администраторы не могли даже представить себе такой возможности»⁸⁵.

Вновь выясняется, что жесткие принципы управления существующими правами собственности во Франции были ее «недостатком» в сравнении с Великобританией, где права собственности были закреплены *менее сильно*. Во Франции же указанное обстоятельство обуславливало лучшее сопротивление земельным захватам.

Обратившись к картине освобождения зерновых цен, мы обнаружим еще один иронический момент: именно Франция, а не Англия первой попыталась применить принципы «Богатства народов» Адама Смита — еще даже до того, как эта книга была опубликована. В декларации мая 1763 года и эдикте июля 1764 года французское правительство сломало традицию обеспечения определенного уровня цен⁸⁶ и ввело «зерновой либерализм». Упомянутая декларация установила свободное обращение зерна по всей Франции, а эдикт разрешил свободный экспорт зерна и муки⁸⁶. В значительной мере эти декреты были ответом на «унизительное,... деморализующее и дезорганизирующее» поражение 1763 года. Они представляли собой «сенсационное событие», обозначившее «решительный разрыв» с долгой традицией. Но этот разрыв не продлился долго, окончившись с наступлением экономических трудностей в 1770 году, когда был провозглашен декрет, вновь запретивший экспорт зерна, причем в весьма подходящий день — 14 июля⁸⁷.

Политика зернового либерализма была направлена на снижение цен, их региональное выравнивание или сокращение годовых колебаний, но в короткий промежуток своего действия эта мера не имела значимого успеха в достижении данных целей. Лабрусс объясняет ее «жалкое влияние» объективными экономическими ограничениями, вызванными транспортными «сложностями»⁸⁸. Однако это подразумевает, что в качестве политического объяснения используются утверждения физиократов⁸⁸. Впрочем, как напоминает Каплан, данная программа, хотя и удивляла своим «радикализмом», черпала поддержку в кругах очень «традиционных и консервативно мыслящих» землевладельцев, которых заботила не идеология либерализма, а немедленная

⁸⁵ Блок. Характерные черты, с. 298.

⁸⁶ Каплан (Kaplan, 1976, I, 93) цитирует именитого бретонского чиновника того времени, который на языке, выглядящем подчеркнуто авангардным, говорил, что эдикт обозначил вступление Франции в «общий рынок Европы».

⁸⁷ Kaplan (1976, I, 145, 163).

⁸⁸ Labrousse (1933, 122, 124).

прибыль от торговли зерном⁸⁹. Является ли абсолютным совпадением то, что зерновой либерализм был провозглашен именно в те годы (1763—1770), относительно которых Лабрусс заметил, что в это время преимущества в аренде земли были направлены против ее владельца и в пользу арендатора? Поэтому зерновой либерализм можно рассматривать как способ сохранения уровня прибыли путем увеличения общего объема продаж, что стало менее необходимым в 1770—1789 годах, когда ренты росли, в то время как прибыли прямых производителей снижались. Краткое возрождение зернового либерализма при Тюрго в 1774 году на сей раз встретило сильное народное недовольство, проявлением которого стала *guerre des farines* [мучная война — *фр.*]⁹⁰, и не имело необходимой политической поддержки со стороны землевладельческих классов. В 1776 году Тюрго попытался распространить свободную торговлю зерном даже на Париж, который ранее был из нее исключен, и в результате был отправлен в отставку.

Однако был ли провал реформы в этой сфере признаком мощи феодальных сил? Об этом не приходится думать, вспоминая слова Лабрусса о «счастливым земельном патрициате», чей основной доход — рентные поступления — «рос, и рос нахрапом»:

«Земельный капитализм не просто играет роль мощного защищенного сектора общества. Он атакует, он продвигается рекордным шагом, а прежде этого anomalously снижается доход крестьянина»⁹¹.

Несомненно, здесь мы должны вернуться к интересам к земельной собственности и инвестициям в землю⁹².

Насколько реальность (reality) зерновой свободы, по сравнению с правовыми нормами (legality), во Франции отличалась от ситуации в Англии? Как предполагает Морино, при «отсутствии статистики» нельзя быть действительно уверенным в сравнительных показателях зернового экспорта. Однако в любом случае, утверждает Морино, обозначенная проблема «сформулирована

⁸⁹ Kaplan (1976, II, 687). Зерновой либерализм также поддержали советники короля, которые считали, что это приведет к росту цен, а следовательно, к увеличению сбора налогов. Однако это «оказалось страшной ошибкой» (Hufton, 1983, 319).

⁹⁰ «В ответ на безумную цену на зерновые, которая регулировалась спросом и предложением (а именно этого и хотел физиократ Тюрго), масса простых рабочих (*manoeuvriers*), особенно ремесленников, требовала справедливой цены во имя „нравственной экономики толпы“» (Le Roy Ladurie, 1975, 388). Райли рассматривает зерновой либерализм (а также урезанное в мирное время налогообложение) как «эксперимент по стимулированию экономического роста» — эксперимент, оказавшийся «рискованным» (Riley, 1987, 237).

⁹¹ Labrousse (1944, xxxv). См. тж. описание того же периода в Бургундии в: Saint-Jacob (1960, 428, 569). Сен-Жакоб отмечает растущую роль *fermier* [откупщика налогов — *фр.*] — подлинного автора сеньориальной реакции. «Начиная с этого момента, в глазах крестьянина сеньория — это *fermier*». Однако именно это успешное появление на сцене незнатного капиталистического откупщика отправит сеньорию в небытие. «*Fermier*, ставший высокомерным предпринимателем во фьефе, кончил его дискредитацией».

⁹² См. Bourde (1967, III, 1609).

некорректно», если не принимать во внимание тот факт, что французские провинции с избыточным предложением (например, Бретань и Лангедок) отправляли зерно в провинции⁹³, где присутствовал его дефицит, а следовательно, одни показатели внешнеторгового оборота не являются подходящим основанием для сравнения.

Если обратиться к третьей сфере реформы — хозяйственным усовершенствованиям, то пальма первенства здесь обычно достается Великобритании. В самом деле, Андре Бурд завершает свое исследование английского влияния на французских деятелей сельского хозяйства XVIII века утверждением, что последствия этого влияния для собственно сельского хозяйства были невелики, а само это влияние является «в меньшей степени фактом экономической истории, нежели истории идей»⁹⁴. Тем не менее следует сделать три оговорки. Во-первых, несмотря на реальный прогресс английского земледелия, он в меньшей степени (как мы уже предположили) был «революцией», как это часто утверждалось⁹⁵. Во-вторых, английские почвы были лучше французских приспособлены к новым фуражным культурам⁹⁶. В-третьих, новое земледелие в Англии не повысило урожайность в расчете на одного работника, а просто увеличило урожайность на единицу обрабатываемой земли⁹⁷.

Поэтому возможны различные варианты интерпретации того, почему попытки физиократических реформ в сельском хозяйстве Франции в 1763—1789 годах оказались безуспешны. Во-первых, реальные различия между Францией и Британией преувеличены. Во-вторых, в той мере, в какой они были реальны, колебания со стороны группы французских землевладельцев / крупных *fermier* [фермеров — *фр.*] отражали рациональную озабоченность оптимизацией немедленных возможностей получения прибыли. В-третьих, низшие страты во Франции больше преуспели в противостоянии определенным

⁹³ Morineau (1971, 325—326), срв. Lefebvre (1939, 115—116).

⁹⁴ Действительно, Бурд (Bourd, 1953, 217—218) в качестве объяснения отстаивает «феодализм», утверждая, что отсталость французского сельского хозяйства продолжалась и в XIX веке. В связи с этим Бурд выдвигает гипотезу, подчиняющую «традиционную ментальность французского крестьянина» «географическим условиям, присущим Франции».

⁹⁵ Луи Бержерон (Bergeron, 1978с, 226—227) напоминает: «В конечном итоге, если „сельскохозяйственная революция“ и имела место, то была ли она английским явлением? В XVIII веке Англия в этой области просто преодолела разрыв с Фландрией и Голландией». Кроме того, после 1760 года многие аналогичные новшества, конечно же, действительно были реализованы в северной части Франции. См. Slicher van Bath (1963, 279—280).

⁹⁶ См. O'Brien and Keyder (1979, 1293—1294). Эти же авторы утверждают, что благодаря большей плотности населения во Франции больше территории отводилось под выращивание зерновых и трудозатратные технологии.

⁹⁷ См. Timmer (1969, 392). Тиммер утверждает, что «аграрная революция [в Англии], очевидно, не предоставила избыточные руки для армии промышленных рабочих. Но она действительно обеспечила продовольствие для быстро растущего населения, из которого рекрутировалась увеличивавшаяся рабочая сила в сельском хозяйстве и промышленности» (pp. 384—385).

аспектам дальнейшего расширения капиталистической эксплуатации, нежели низшие страты в Британии. Возможно, все эти три утверждения верны.

Каким образом данная картина проявилась в промышленной сфере? Здесь также существует широко распространенная точка зрения, что Франция осталась позади — точка зрения действующих лиц того времени, а с тех же пор и исследователей. Насколько точна такая позиция? Центром подобной аргументации является подъем британской хлопковой промышленности. Нужно начать с напоминания о том, что на протяжении порядочной части XVIII века эта отрасль во Франции была не только крупнее, чем в Англии, но и удвоилась в объеме в 1732—1766 годах. Мелкую английскую промышленность стимулировало к росту протекционистское законодательство 1700 года, направленное против индийских производителей*, но этот рост «ускорился лишь после середины 1760-х годов, после Семилетней войны»⁹⁸. Многие авторы отметят значительный британский рывок только в 1780-х годах⁹⁹.

Также следует помнить, что начиная с XVII века (и все еще в XIX столетии) в Европе происходило широкое распространение мелкой сельской промышленности, основанной на накоплении капитала в небольшом и среднем масштабе¹⁰⁰. Милуорд и Сол напоминают, что в 1780 году «наиболее индустриализированные пейзажи» Европы по-прежнему находились не в Британии, а в «сельских территориях вокруг Лилля, Руана, Барселоны, Цюриха, Базеля и Женевы»¹⁰¹. А Чарльз Тилли, подводя итог рассмотрению теперь уже обширной литературы по так называемой протоиндустриализации, предполагает, что с 1650 года до по крайней мере 1850 года «большие

⁹⁸ Davis (1973, 311), срв. данные по импорту хлопка и шерсти с 1697 по 1831 годы в: Rostow (1971, 54).

⁹⁹ См. Nef (1943, 5): «В Великобритании степень изменений в промышленно-сти около 1735—1785 годов была не выше, чем во Франции... В экономической истории XVIII века меньше бросаются в глаза контрасты, нежели сходства между Великобританией и континентом как в уровне экономического развития, так и в тех направлениях, по которым оно шло». Нэф (Nef, 1968, 971) также утверждает, что в промежутке 1735—1785 годов общий объем производства, особенно в черной металлургии, во Франции рос быстрее, чем в Англии. См. тж. Wadsworth & Mann (1931, 193), Bairoch (1974, 24), O'Brien & Keyder (1978, 57—60), Cole (1981, 36) и Crafts (1981, 5).

Коул и Дин (Cole and Deane, 1966, 11) заявляют, что «в начале революции (а возможно, и на протяжении всего предшествовавшего ей столетия) [Франция] отставала [от Англии] в средней производительности. Однако [добавляют авторы — И. В.] по современным масштабам данный разрыв не был велик». Более того, Коул и Дин рассматривают Францию как находившуюся в «преимущественном положении», основанном на ее «сильной научной традиции». Срв. Mathias (1979, 54—55). См. тж. Léon (1974, 407). Леон говорит, что Франция XVIII века была движима «мощными, активными силами обновления». Он утверждает, что «реальность индустриального прогресса, промышленного роста больше не требуется демонстрировать в отношении страны, которая в обеих названных сферах подтверждает притязание, помещающее ее среди ведущих европейских государств».

¹⁰⁰ См. Wallerstein (1980, 193—200, см. cc. 233—241 рус. изд. II тома).

¹⁰¹ Milward & Saul (1973, 94). См. Le Roy Ladurie & Quilliet (1981, 375) о так называемой модели Оберкампа** во Франции.

производственные единицы и крупный капитал легко могли испытывать сравнительный спад»¹⁰².

В данном контексте то, что обычно называется промышленной революцией, в действительности следует рассматривать как реурбанизацию и реконцентрацию ведущих отраслей индустрии наряду с попыткой увеличить масштаб производства. В таком случае фокусом подобной попытки по определению могла быть лишь одна из двух зон. На кону между Францией и Англией стояло то, какая из двух стран сможет преуспеть в выборе направлений этого обратного движения, выгоды от которого окажутся велики именно благодаря новой экспансии мира-экономики.

Далеко не факт, что именно Англия вообще начала этот процесс раньше Франции¹⁰³. Что касается размера промышленности, то в XVIII веке Франция, а не Британия имела больше «крупномасштабных производственных единиц»¹⁰⁴. Тем не менее в промежутке 1780—1840 годов Британия действительно оказалась способна достичь положения центрального фокуса в более крупномасштабном, сравнительно более механизированном, относительно высокоприбыльном промышленном секторе мира-экономики¹⁰⁵, причем это случилось за счет всех остальных, прежде всего — за счет Франции¹⁰⁶. Как это произошло на самом деле?

¹⁰² Tilly (1983, 130). Одной из причин этого было частичное включение раздаточной системы в новую фабричную систему. «Текстильный предприниматель мог, говоря современным языком, выступать в роли сервисной станции... Красильщики и отделщики могли работать с тканью, принадлежавшей купцам; чесальщики шерсти или прядильщики могли забирать шерсть и отдавать обратно кудель или пряжу. Тем самым раздаточная система демонстрировала примечательную силу адаптации — в качестве лица, которому раздавался материал, теперь выступал оператор мюль-машины, а не надомный ремесленник» (Heaton, 1972, 86).

¹⁰³ Рёль (Roehl, 1976) утверждает противоположное, намекая даже, что этот более ранний старт был недостатком Англии. Марчевский (цит. по Garden, 1978a, 16) в своем подсчете всех обрабатывающих отраслей промышленности утверждает, что в 1780—1790-х годах индустрия составляла 42,6% всего валового продукта Франции. Обзор недавней ревизионистской литературы о французском экономическом росте см. в: Cameron & Freedeman (1983). Промежуточную позицию между ранними авторами и ревизионистами см. в: Crafts (1984). Критику Рёля и его ответ см. в: Locke (1981) и Roehl (1976).

¹⁰⁴ Однако «в XVIII веке то, что Жиль называл „крупным капиталистическим предприятием“ было создано не в текстильном производстве, которое составляло 60—65% объема промышленности во Франции, а в горном деле, металлургии, строительстве каналов и химических производствах» (George V. Taylor, 1964, 493).

¹⁰⁵ В четвертом издании «Британники», опубликованном в 1810 году, по этому поводу звучит торжество: «Ост-Индский хлопок-сырец, превращенный в один фунт пряжи, стоит пять гиней, а когда он превращен в муслин и после этого украшен детьми с помощью пальцев, его стоимость достигает 15 фунтов, что дает доход на сырье в 5900 процентов» (Анон., 1810, 695).

¹⁰⁶ «Экспорт хлопковой продукции, почти ничтожный в 1770 году, в первой половине XIX века составлял почти половину всего объема экспорта британских товаров. Изменение роли хлопка в экспортной торговле фактически завершилось в 1800 году, заняв по времени не более одного поколения» (Davis, 1979, 14). См. тж. Crouzet (1980, 92) о разительном изменении модели британского экспорта между 1782 и 1802 годами.

Представляется очевидным, что в 1780-х годах произошел внезапный рост сравнительной эффективности производства в британской хлопковой промышленности — следствие знаменитой «волны технических новинок», которая в Британии была сильнее, чем во Франции¹⁰⁷. Если угодно, то можно приписать это большому «воображению»¹⁰⁸, но еще одним определенно способствовавшим этому фактором было то, что в тот момент у британцев было преимущество в виде доступа к рынкам¹⁰⁹. Это совпало со «вполне классическим перемещением полюса развития — от Франции к Испании, возможно, осложненным эффектом полного насыщения в определенных провинциях с устаревшим оборудованием наподобие Бретани»¹¹⁰.

Есть и еще одно соображение относительно рынков. Историки много комментировали влияние британского внутреннего рынка, и это всегда представлялось мне любопытным в двух отношениях. Почему именно этот фактор должен объяснять технологический прогресс в промышленности, которая обнаружила столь значительную часть своего рынка сбыта во внешней торговле (и была столь зависима от импорта, привязанного, в свою очередь, к той или иной продукции, которую можно было продавать взамен)? А не был ли большим или еще большим французский внутренний рынок? На вопрос о том, почему именно в этот момент случился отмеченный выше скачок английской производительности, куда более достоверным мне представляется ответ Леона:

¹⁰⁷ Эту историю пересказывали много раз. Итоговый обзор см. в: Landes (1969, 84—88). Мюль-машина Кромптона, которая, как заявляет Морис Леви-Лебойе (Lévy-Leboyer, 1964, 7), оказалась «решающей», появилась в 1779 году. О росте производительности в Британии см. тж. Hoffmann (1955, 32), Nef (1968, 967), Crouzet (1980, 65) и Crafts (1981, 8).

Мы употребляем в отношении Британии определение «сильнее», поскольку нельзя говорить, что во Франции в этот период отсутствовали какие-либо новшества. Шарль Балло (Ballot, 1923, 22) утверждает, что 1780—1792 годы стали для французской промышленности периодом «активного обновления», включая «решительное внедрение механической обработки хлопка».

¹⁰⁸ См. Lévy-Leboyer (1964, 7).

¹⁰⁹ «Обе страны в некоторой степени зависели от рынков [хлопковых товаров] в Африке и Америке, и здесь течение событий начиная с 1720 года благоприятствовало английской промышленности за счет французской» (Wadsworth & Mann, 1931, 208). «Громадная колониальная и морская экспансия Британии в XVIII веке обеспечила для хлопковых тканей более значительный колониальный рынок, чем был у Франции, и поэтому главные механические новшества возникли именно в хлопковой промышленности» (Milward & Saul, 1973, 97). Таким образом, в 1780-х годах произошло совмещение исторически полученного преимущества в виде доступа к определенным рынкам, «продукции, которая дала Британии конкурентное преимущество на крупных рынках» (Cain & Hopkins, 1980, 474), и благоприятных рыночных условий в торговой зоне, которая «до 1780 года лишь понемногу созревала» (Berrill, 1960, 358). Конец Американской войны за независимость (де-факто в 1781 году) был важным стимулом для британской внешней торговли в ее «великом броске вперед» (Perkin, 1969, 100). О сложностях, с которыми столкнулась Франция в колониальной торговле в 1780-х годах, см. Clark (1981, 139) и Stein (1983, 116—117).

¹¹⁰ Morineau (1978, 411—412).

«Нельзя ли полагать, что привлекательность [французского] внутреннего рынка со всей его силой стала выдерживать любое глубокое изменение динамики внешней торговли?»¹¹¹. Иными словами, именно благодаря уровню прибыльности на внутреннем рынке Франция испытывала меньшую необходимость быть конкурентоспособной за своими пределами — вот почему так важен был договор 1786 года, к которому мы вскоре обратимся.

Хотя «снижающиеся издержки и расширяющиеся рынки» имели, несомненно, «стратегическую значимость в [дальнейшем] продвижении технического прогресса»¹¹², у Британии было еще одно, последнее, преимущество — государственная машина, готовая активно вмешиваться в рынок. Мне ничего не остается, кроме как воспроизвести ранний и часто забываемый фрагмент из Поля Манту:

«Нет ничего менее точного, чем утверждение, что английские хлопковые мануфактуры росли без искусственной защиты перед лицом иностранной конкуренции... Импорт печатных хлопковых тканей любого места происхождения оставался запрещенным. Более полной протекции и быть не могло, ведь это давало мануфактурным производителям реальную монополию на внутреннем рынке... Причем за ними не только был зарезервирован внутренний рынок, но и были предприняты шаги, чтобы помочь им завоевать внешние рынки. За каждый экспортированный рулон ситца или муслина предоставлялась премия (21 Geo. III, с. 40 [1781] и 28 Geo. III, с. 21 [1783])... Были введены жесткие меры для предотвращения экспорта [новых машин] в зарубежные страны... И если верно, что история хлопковой промышленности может представить доводы в пользу доктрины *laissez-faire*, то их определенно нельзя обнаружить в ранний период этой истории»¹¹³.

Тем не менее даже учитывая все сказанное, британское преимущество было не настолько большим. Как отмечает Леви-Лебойе, «англичане не могли рассчитывать на очень длительное сохранение своего технологического и финансового преимущества». Но именно на это они и рассчитывали, причем дольше, чем представлялось разумным. В какой степени объяснение этого содержится в событиях Французской революции, которую Леви-Лебойе стремится рассматривать «с этой точки зрения... как национальную катастрофу»?¹¹⁴

Если взглянуть на ряд политических событий, которые вели к Французской революции, то существует широко распространенное согласие, что непосредственный процесс революции запустил созыв Генеральных штатов, а

¹¹¹ Léon (1974, 421).

¹¹² Deane & Cole (1967, 35).

¹¹³ Mantoux (1928, 262–264). См. Thompson (1978a). См. тж. Jeremy (1977, 2–5). Джереми отмечает, что период максимального законодательного запрета на технологический экспорт из Великобритании длился с 1780-х до 1824 года.

¹¹⁴ Lévy-Leboyer (1964, 25, 29). Эту точку зрения разделяет Уилма Пью (Pugh, 1939, 312), которая рассматривала «новый курс» Калонна (1783–1787) в качестве последовательных действий по развитию капитализма во Франции: «Революция прервала работу [Калонна] и позволила Англии продвинуться в промышленном развитии так далеко вперед, что Франция никогда не была способна нагнать ее».

решение собрать Генеральные штаты, в свою очередь, было результатом чего-то вроде «кризиса монархии». Прямолинейное объяснение данного кризиса предлагает Лефевр:

«Правительственный кризис восходил к войне за независимость США. Мятеж английских колоний можно считать главной прямой причиной Французской революции — как потому, что в своем призыве к правам человека он произвел огромное возбуждение во Франции, так и потому, что, оказав поддержку этому мятежу, Людовик XVI привел свои финансы в очень плохое состояние»¹¹⁵.

Подобное объяснение сразу приводит к двум вопросам. Во-первых, почему эти события не оказали такого же идеологического воздействия на Великобританию? И, во-вторых, что происходило с финансами британского государства? Здесь вновь необходимо вернуться к переломной точке 1763 года. Франция воспринимала себя как «отстающей» от Британии. В целом обсуждались два решения: укреплять французское государство — в финансовом, социальном (в противовес центробежным силам, основанным на географическом или классовом разделении) и военном отношениях — или же «открыть» страну экономически. Оба эти варианта рассматривались как «реформаторские» движения. Одно из них предлагало использовать государственные ресурсы для укрепления экономического положения Франции путем поддержки ее предпринимателей, а другое — использовать государственные ресурсы для укрепления экономического положения Франции путем принуждения французских предпринимателей к большей «конкурентоспособности». В XIX столетии подобная форма национальной полемики стала привычной — это спор между протекционистскими и «либеральными» интервенционистами. После 1763 года Франция колебалась между двумя этими направлениями — с плохими результатами и высокой вероятностью политического взрыва, что на деле и произошло.

Это колебание началось с герцога Шуазёля, который

«преследовал целью новое установление французской власти в мире и войну отмщения против Англии. Но при этом он не желал прибегать к необходимым средствам, состоявшим в восстановлении королевской власти внутри Франции и реформировании королевских финансов, без чего прочие реформы оказались бы тщетными»¹¹⁶.

За Шуазёлем последовали Вержен¹, занимавший пост министра иностранных дел с 1774 по 1786 годы, и череда лиц, контролировавших финансы Франции: Тюрго (1774—1776), Неккер² (1776—1781), Флёри³ (1781—1783) и Калонн (1783—1787). Каждый из них бился с теми же проблемами, каждый приходил к непопулярным (хотя и различным) решениям, и каждому из них не удалось усилить базовое экономическое положение Франции в мире-экономике. Если бы абсолютная монархия была более абсолютной, она была бы способна преодолеть

¹¹⁵ Lefebvre (1939, 24).

¹¹⁶ Cobban (1963, 91).

кризис, однако все проекты финансовой реформы с 1715 по 1789 годы «разбивались о скалу противостояния *parlements*» [региональных парламентов, или высших судов — *фр.*]»¹¹⁷.

Ключевой проблемой на протяжении этого периода оставались государственные финансы. Если длительная экспансия мира-экономики предполагала постепенное накопление капитала производителями-землевладельцами, в первую очередь через механизм ренты, то эта концентрация подразумевала не просто получение большей прибавочной стоимости от прямых производителей, но сокращение роли государства в качестве центра перераспределения. Между тем в XVII веке и вплоть до, по меньшей мере, 1715 года доля государственных доходов в национальном продукте последовательно росла, но начиная с 1730 года она сокращалась¹¹⁸. Положение дел ухудшала система Компании генеральных откупщиков, которая в XVIII веке (как минимум до 1774 года) была главным агентством по сбору налогов, приносившим самим сборщикам огромную прибыль¹¹⁹. «Монархия утратила свою независимость [перед этой компанией]». Неккер смог уменьшить ее роль, но чтобы уничтожить ее, требовалось не меньше, чем революция¹²⁰.

¹¹⁷ Cobban (1968с, 74). Робен (Robin, 1973, 53) также говорит о «решающей роли, которую играли судебные органы (*magistrature*) в блокировании всех возможностей, всех попыток компромисса». Как напоминает Бетти Беренс (Behrens, 1967, 177), «до конца 1780-х годов борьба за реформы никогда не шла между Третьим сословием (или какой-либо из его фракций) и знатью».

¹¹⁸ См. Le Roy Ladurie & Quilliet (1981, 387—388). Конечно, в абсолютных показателях государственные доходы увеличивались (см. Price, 1973, I, 375, таблица IV), но в гораздо меньшей степени, чем национальный продукт и правительственные расходы.

¹¹⁹ В XVIII веке через систему Генеральных откупов поступало 40% государственных доходов. Однако этот показатель не отражает полноту картины. «Повсеместно царили задержки платежей. Они были практически системным фактором, учитывая низкую степень связности [фискальной] системы, намеренно дурную волю многих лиц, реальные сложности транспортировки... и целый комплекс привычно медленного поведения» (Goubert, 1973, 147).

¹²⁰ Chaussinand-Nogaret (1970, 266). «Дело исправил Террор. 8 мая 1794 года 28 из 36 арестованных или заключенных в тюрьму генеральных откупщиков были казнены. Конфискация их имущества послужила поводом (к выгоде республики) для последней финансовой операции компании, которая стала синонимом королевских финансов».

Эти финансисты были одновременно и «буржуа», и «аристократами». Их возвышение «являло собой подъем буржуазии — той динамичной буржуазии, не отягощенной большими моральными принципами и зачастую просвещенной, которая формировалась „la marchandise“ [товаром — *фр.*]... На деле эти финансисты составляли олигархию, о которой невозможно было сказать, была ли она основана на удаче либо на чем-то унаследованном» (Chaussinand-Nogaret, 1970, 270). «Власть этих семей, основанная на деньгах, быстро заслонила их происхождение и те условия, которые повысили их статус... Финансы проникали в ряды знати, аристократы интересовались ими почти в той же степени, что финансисты и промышленники» (Soboul, 1970b, 228). Этот сплав интересов был основан на совместном накоплении капитала. Как отмечает Дж. Ф. Бошер (Bosher, 1970, 309), «Национальное собрание в большинстве своем не любило финансовую систему именно потому, что та находилась в руках извлекающих прибыль капиталистов

Однако именно Американская война за независимость трансформировала постепенный тренд в острую проблему посредством драматического роста государственных расходов в период снижения государственных доходов¹²¹. Предполагалось, что американская война послужит французским интересам, и во многих отношениях так и произошло. В конечном итоге, она привела к сессии североамериканской колониальной зоны, которая была наиболее важным потребителем экспортных товаров Великобритании. И действительно, эта война нанесла урон Британии, вызвав «резкий перерыв»¹²² в ее внешней торговле и снижение ее совокупной стоимости. Для Франции же это была «война отмщения»¹²³, а идеологические последствия игнорировались.

Несмотря на то, что Великобритания проиграла Американскую войну за независимость, французское преимущество обернулось химерой. Этот «неестественный альянс», проистекавший из идеи Шуазёля об отмщении в Новом свете, задним числом отвергает Герберт Люты, указывая, что мир был заключен не ранее, чем «англичане и американцы вновь оказались лицом к лицу, чтобы ликвидировать свои семейные распри за счет тех иноземцев (латинян и папистов), которые вмешивались в них без приглашения»¹²⁴.

(использовалось именно такое определение), и в этом смысле долг представлялся депутатам наихудшей чертой плохой системы».

¹²¹ О растущем разрыве между правительственными расходами и обычными доходами см. Guéry (1978). По мнению Морино (Morineau, 1980b, 318), источником этой проблемы была не просто война, а череда войн. «Как можно догадаться, наиболее мощное воздействие происходило от накопления долга после каждого нового периода вражды». Но даже Морино признает (р. 311), что с отставкой Неккера в 1781 году «французские финансы вошли в мучительную полосу... [Займы] пожирали обычные доходы изнутри [во французской финансовой системе различались обычные (ординарные) и экстраординарные доходы — И. В.] посредством увеличения объемов обслуживания долга (*charge des intérêts*)». Это тем более примечательно, что в ходе Американской войны за независимость французам не требовалось, как во время предшествующих франко-британских войн, содержать большие полевые армии в Европе. См. Anderson (1965, 266).

Именно по этой причине мне представляется ошибочным утверждение Теды Скочпол (Skocpol, 1979, 64), что именно «неудержимая страсть к войнам повергла монархию Бурбонов XVIII века в острый финансовый кризис». Эта «страсть» в отношении к Франции представляется мне не большей, чем в случае Британии, а возможно, и меньшей. «Кому не понять... опасения Тюрго» в момент, когда он услышал о начале американской войны? (Morineau, 1980b, 309). Анри Гранж (Grange, 1957, 29) отмечает по поводу Неккера, что именно «американская война, которую он ненавидел, помешала ему реализовать большинство его проектов». И не будем забывать, что именно Питт оплакивал Парижский мир.

¹²² Mathias (1969, 44). Дин и Коул (Deane and Cole, 1967, 47) рассматривают Американскую войну за независимость как «бедственную интерлюдия» в том процессе, который при ином развитии событий был бы «периодом быстрого роста» британской внешней торговли начиная с 1740-х годов. Эштон также говорит о «бедствии» 1775 года (Ashton, 1948, 148).

¹²³ Meyer (1979a, 187).

¹²⁴ Lüthy (1961, 592). О неоправдавшихся надеждах французов на расширение североамериканской торговли см. Godechot (1980d, 410): «Вместо активной торговли с

Почему так произошло? По большей части — по тем же причинам, которые объясняют схожий процесс возобновления торговых связей между бывшими колонизаторами и бывшими колониями после так называемых деколонизаций XX века. С точки зрения существующих торговых, социальных и культурных сетей, бывшей колонии гораздо проще возобновить старые связи (в несколько измененной форме), нежели переносить эти отношения на другие державы центра¹²⁵.

Действительно, к 1796 году проницательный французский исследователь Танги де ла Буасьер, размышляя о франко-американских торговых отношениях начиная с 1775 года, мог написать, что

«Великобритания, утратив владение своими колониальными землями, не потеряла ничего, поскольку она тут же стала владельцем их узурфрукта [права пользования чужим имуществом и доходами от него — *прим. пер.*]. Теперь у нее есть преимущества, обеспеченные обширной торговлей без издержек администрирования, как это было в прошлом... Поэтому очевидно, что Англия, едва ли понеся утрату, выиграла от сепарации 1774 года»¹²⁶.

Подобный ход мыслей был небезызвестен и в Британии. Несомненно, именно он лежал в основании оппозиции Эдмунда Бёрка политике Георга III и представлению этого короля, что пресловутое «бедствие» являлось «отходом от традиций, установленных Славной революцией 1689 года»¹²⁷. Бёрк не был одинок. Джосия Веджвуд, великий предприниматель, «типичный представитель своего времени и своего класса», также был противником этой войны. Он «благодарил свою звезду и лорда Норта», когда Америка добилась независимости»¹²⁸.

Однако это преимущество от деколонизации Британия имела в первую очередь благодаря той доминирующей позиции в мировой торговле, которой она уже достигла к 1763 году. При таких обстоятельствах удержание Британской Северной Америки в качестве колонии оказывалось бременем без достаточной сопутствующей выгоды, даже если в рассматриваемое время это непосредственно понимали не все британские чиновники. В ретроспективе (но только

Соединенными Штатами [1778—1789], которая приносила бы процветание обоим странам,... имела место стагнирующая или, что еще хуже, однонаправленная торговля, которая забирала у Франции наличные средства, не принося ей никакого дохода».

¹²⁵ Типичная ситуация обнаруживается в случае с экспортом корабельных мачт из Соединенных Штатов. Пол Бэмфорд (Bamford, 1952, 33—34) удивляется, почему французский флот лишился «значительного ресурса леса, от которого Британия долго зависела и который был свободно оставлен для использования Британией без особых помех со стороны французов». Ответ Бэмфорда на этот вопрос таков: «невежество и консерватизм многих французских морских чиновников в отношении американских ресурсов» вкупе с рядом примеров безответственности американских купцов, которые подтверждали французские предвзвешенности.

¹²⁶ Tanguy de la Boissière (1796, 19).

¹²⁷ Plumb (1950, 135).

¹²⁸ Plumb (1956, 129).

ли в ретроспективе?) становится очевидным, что «в коммерческом отношении сецессия колоний почти что шла на пользу их метрополии»¹²⁹.

Именно поэтому ценой Американской войны за независимость, которую Франция намеревалась превратить в «реквием британскому величию», стала «Французская революция»¹³⁰. В результате войны французский государственный долг удвоился¹³¹, и в течение пяти лет монархия стала «еще менее кредитоспособной»¹³². В 1788 году объем обслуживания долга достигал 50% бюджета¹³³ — государство приближалось к «банкротству»¹³⁴.

Однако было ли положение британского государства в 1780-х годах существенно лучше? На обслуживание долга Великобритании в 1782 году приходилась еще большая доля государственных доходов, чем во Франции 1788 года, не говоря уже о 1782-м. Однако разница заключалась не в том, где обе страны

¹²⁹ Dehio (1962, 122). Эти события «обманули» не только Францию. В Голландии две выступавшие против статхаудера группы, регенты (крупная либеральная буржуазия) и патриоты (радикальные демократы), «были убеждены, что британское поражение в Америке нанесет решающий удар английской торговле, а стало быть, интерес их страны заключается в том, чтобы объединиться с Францией... [Однако] торговля между Голландией и Соединенными Штатами не стала [до 1783 года] столь значимой, как на это надеялись купцы, поскольку американские порты возобновили свои связи с Англией» (Godechot, 1965, 108—109).

Франция в связи с Американской войной за независимость также понесла экономические потери в Северной Европе (как и Британия, но кто потерял больше?), поскольку из-за франко-британской борьбы на море образовался торговый вакуум, частично заполненный «нейтральной торговлей» этих стран. См. Meyer (1979a, 108—109).

¹³⁰ Cobban (1963, 122).

¹³¹ См. Morineau (1980b, 312—313). Морино утверждает, что долг достигал 1000—1300 миллионов ливров. Предметом спора является то, насколько велика была роль отчаянной продажи в ходе Американской войны за независимость пожизненных аннуитетов (*rentes viagères*) безотносительно возраста их покупателей. Джеймс Райли (Riley, 1973, 742) считает цену этого «разорительной», хотя, по мнению Роберта Д. Харриса (Harris, 1976, 256), «еще надо доказать, что данные займы были катастрофическими». Однако *rentes viagères*, в отличие от *rentes perpétuelles* [вечные ренты — *фр.*], не были «займами» в точном смысле слова. См. Taylor (1961, 959—960).

Кроме того, государственные займы предлагали «необычайные спекулятивные доходы», привлекая капитал из Женевы, Амстердама, Лондона и Генуи. В результате к 1786 году «цены и кредиты подверглись опасной инфляции». Это порождало страх неплатежеспособности государства, угрожающей «всей структуре французского торгового капитализма, не говоря уже об иностранных финансовых центрах». Связь этого процесса с революцией можно ясно увидеть в том обстоятельстве, что в 1789 году Национальное собрание сделало три прямых гарантии этих государственных займов. А «борьбу за восстановление платежеспособности государства путем национализации церковной собственности возглавил сам Талейран — епископ и биржевой спекулянт». Но, как мы знаем, это лишь отсрочило судный день — в 1793 году ассигнации^{***} и Конвент фактически «уничтожили спекулятивное богатство» (Taylor, 1961, 956—957).

¹³² Roberts (1978, 8).

¹³³ См. Le Roy Ladurie & Quilliet (1981, 386).

¹³⁴ Hobsbawm (1962, 79—80).

находились в момент мирного договора 1783 года, а в том, «что происходило позже»¹³⁵.

Внезапно франко-британский диспаритет увеличился. Прежде всего, у британцев выросли дополнительные доходы, что ощутимо снизило объем обслуживания долга¹³⁶. Однако этого было недостаточно, особенно потому, что у Британии имелась еще одна проблема, проистекавшая из последовательной репатриации голландских инвестиций в 1780-х годах¹³⁷. Иными словами, пролонгация британского долга более была невозможна. В то же время известно, что французский долг между 1783 и 1790 или 1793 годами продолжал расти, в то время как английский был в основном ликвидирован¹³⁸. Дэвис дает этому следующее объяснение: «грабеж Индии в десятилетия после Плесси». Но даже если этот грабеж и не был базой для капитальных инвестиций в промышленность, то можно было бы утверждать, что он «обеспечил средства, при помощи которых национальный долг был выкуплен у голландцев и прочих кредиторов»¹³⁹. Здесь мы вновь видим, как британское преимущество вытекало из позиции, приобретенной в 1763 году. Сравнивая счастливое десятилетие промышленного роста в Британии в 1780-х годах, кульминацией которого стал «подлинный бум 1792 года накануне [возобновившейся франко-британской] войны»¹⁴⁰, со злосчастной «предреволюцией» во Франции, необходимо поставить это сравнение в контекст весьма различного положения дел в государственных финансах. Эта финансово-фискальная разница могла

¹³⁵ Morineau (1980b, 329). Не было разницы и между французской системой *financiers* [финансистов — *фр.*] и существованием Банка Англии в Британии — разницы, которая «несколько переоценивается» (р. 332). Оба эти института служили в качестве «финансового источника» (*viviers d'argent*) (р. 332) для правительств своих стран.

¹³⁶ См. Morineau (1980b, 326). Эта ситуация отличалась от положения дел в промежутке вслед за Семилетней войной. См. Ward (1965, 549—550). Однако в этот более ранний период у Великобритании было иное преимущество над Францией, состоявшее в положительном балансе торговли с Британской Северной Америкой, что позволяло Британии «оставаться платежеспособной» в ходе Семилетней войны (Andrews, 1924, 109). В случае Франции же «непредвиденная дороговизна войны» вела к паре политических решений, которые в комплексе сформировали серьезнейшие неурядицы в государственных финансах. С одной стороны, Франция в 1755—1756 годах решила «финансировать войну посредством кредитов, а не налогов». В сущности, это произошло из-за сильной оппозиции *parlements* [региональных парламентов] более высокому налогообложению. С другой стороны, в отличие от 1714 года, в 1764 году Франция решила «сохранить неприкосновенность... долга», предпочтя ввести свободную торговлю зерном и снизить налоги. Вновь перед нами слишком много *laissez faire*. Первое из этих решений благоприятствовало значительному росту долга, в то время как второе «привело к тому, что долгу была дана неограниченная свобода воздействия на политику, экономику и финансы» (Riley, 1986, 160, 230—231).

¹³⁷ О значимости голландских авуаров в Британии XVIII века см. Eagly and Smith (1976, 210—211); см. тж. Wallerstein (1980, 279—280, см. сс. 340—342 рус. изд. II тома). Об упомянутой репатриации см. Mathias (1969, 4) и Davis (1979, 54—55).

¹³⁸ См. Morineau (1980b, 324—325).

¹³⁹ Davis (1979, 55).

¹⁴⁰ Crouzet (1965, 73).

бы быть просто «мимолетной досадой»¹⁴¹, если бы ее результатом не стал последующий революционный взрыв и, как следствие, значительное увеличение франко-британского диспаритета¹⁴².

Таким образом, дело заключалось в том, что накопленные Британией преимущества в мире-экономике, которые уже были в ее распоряжении после 1763 года, к 1780-м годам увеличились, а к 1815 году стали безусловными. Желание французского государства «нагнать» Британию в 1780-х годах было очень важным фактором появления условий для взрыва. Растущий государственный долг можно было устранить лишь путем сокращения расходов либо путем наращивания доходов — прямым или косвенным способом. Французское государство предпочло попытку увеличить доходы за счет косвенных поступлений.

¹⁴¹ 25 октября 1786 года Дэниел Хейлз, проницательный британский дипломат в Париже, переправил в Лондон следующий отчет для лорда Кармартена: «Согласно расчетам г-на Неккера, государственные долги Англии и Франции, по великой странности совпадения, в конце войны составляли примерно одну и ту же сумму. Принимая в расчет совокупность обстоятельств, война принесла Франции такие же страдания, как и Великобритании, и Франции больше нечем было себя утешить, кроме как непродуктивным удовлетворением от созерцания Америки, отделенной политически от ее материнской страны, без какого-либо увеличения своего торгового превосходства. И все это — по причинам, очевидно заложенным в неспособности Франции предоставить те товары первой необходимости, в которых Америка по-прежнему нуждается — как столь же хорошего качества, так и столь же дешевые либо под столь же длинный кредит, как предлагает Англия. Оставшись разочарованной в своих надеждах (если таковые действительно принимались в расчет) прибегнуть к рукам торговли Соединенных Штатов, Франция, как можно ожидать, обратит внимание на свое внутреннее состояние и, увидев те беды, которые она причинила себе наряду со своим врагом, предпримет определенные действенные шаги по сокращению своих расходов и залечит свои раны единственным лекарством, от которого можно ожидать успокоения, — экономией. Великобритания, сама подав такой пример, сделала подобное поведение вдвойне необходимым, поскольку каждая страна приучается, и это небезосновательно, измерять свои желания и нужды преимуществами и ресурсами своего соперника. Однако Франция в настоящий момент, кажется, полностью утратила видение подобной политики, и Ваша светлость сможет убедиться, что в ходе моего письма я подробно останавлиюсь на данных финансовых операциях, которые, как я полагал, вернее всего проливают свет на поведение, столь противное ожидаемому.

Хотя я всегда был абсолютно уверен, что системы реформ, предложенные и действительно начатые в ходе текущего правления г-ном Тюрго и г-ном Неккером, столь же непрактичны, сколь и несовместимы с правительством этой монархии, и хотя с очевидностью необходимо, что тот могущественный класс, который стоит между трон и народом, будет кормиться частью доходов этой страны, но (если можно позволить такое выражение) разумное управление мздоимством, а также экономия на коррупции и фаворитизме, что не предполагает, как в былое время, осыпать одних и тех же персон слишком большими почестями и вознаграждениями, дает очень значительные ресурсы для того, чтобы сформировать, возможно, единственное значимое и реальное превосходство блага над дурным управлением финансами. Именно при дворе, Ваша светлость, Вы должны наблюдать источник сегодняшнего зла» (Browning, 1909, 144—145).

¹⁴² Morineau (1980b, 334).

В 1776 году Людовик XVI написал на полях меморандума Тюрго: «Г-н Тюрго очень недоволен. Для любителей новизны нам нужно, чтобы Франция была больше Англией, чем сама Англия»¹⁴³. Казалось, что Людовик колеблется. Неккер попытался двигаться в противоположном направлении — в сторону увеличения доли государства в изъятии прибавочной стоимости, но ему это не удалось. 1780-е годы вновь предоставят шанс тем, кто желал «открыть» Францию свежему ветру (который оппоненты такой политики считали суровой бурей) «новизны» и конкуренции. С одной стороны, тех, кто хорошо зарабатывал на спекулятивной скупке рент, особенно в 1780-х годах, можно рассматривать как людей, «рубивших сук, на котором они сидели»¹⁴⁴. С другой стороны, монархия, вновь реагируя на свое безвыходное положение (неспособность реформировать внутреннюю налоговую систему) и поэтому прибегая к решению в виде открытых границ (а следовательно, к увеличению таможенных пошлин) в качестве источника дохода, можно сказать, присоединилась к этому процессу. Ведь тем самым монархия вынудила обратиться против себя другой сегмент капиталистических групп — тех, кто боялся фактической «полупериферизации» Франции в мире-экономике под владичеством Британии.

Первым знаком этой новой политики стал декрет от 30 августа 1784 года, открывший французские колонии для свободной внешней торговли. Это была попытка стимулировать торговлю между теперь независимыми штатами Северной Америки и французской Вест-Индией — шаг, который оказался выгоден для Британии, по меньшей мере, настолько же, насколько и для Франции¹⁴⁵.

¹⁴³ Цит. как дело №7623 в Osler (1978, 680).

¹⁴⁴ Le Roy Ladurie (1975, 422).

¹⁴⁵ Калонн и его министр колоний Кастри, который издал этот указ, не могли найти общий язык насчет того, следует ли открывать колонии для *всех* иностранцев или же только для североамериканцев. Победил в этом споре Кастри, утверждавший, что де-факто, благодаря статье указа о наиболее благоприятствуемых нациях, уступка североамериканцам означала уступку всем остальным. Поэтому Калонн стремился предоставить французским ловцам трески компенсацию в виде увеличения импортных пошлин и предоставления субсидий на экспорт трески. См. Pugh (1939, 294—295) и Nabakkuk (1965, 39).

Танги де ла Буасьер в своих записках 1796 года (р. 22) рассматривал этот декрет как результат напрасных надежд на будущие торговые отношения с Северной Америкой. «Версальский кабинет... в то время верил, что американцы проглотят всё». Буасьер (р. 5) одобрительно цитировал произведение Арну (Arnould, 1791, I, 233): «В отношении Франции американцы располагают чистым платежным балансом, при помощи которого они поражают английскую промышленность. В таком случае это оказывается *pes plus ultra* [окончательным пределом — лат.] коммерции, и надежда на это внесла свой вклад в жертву со стороны Франции сотен миллионов [ливров] и нескольких поколений». По мнению Арну, причина, по которой этот декрет себя не оправдал, была двоякой: плохое качество французских товаров и активная конкуренция на североамериканском рынке со стороны других европейских государств (см. р. 235). Даже голландцы умоляли Людовика XVI аннулировать этот декрет, утверждая, что выгоду от него за их счет (в той же мере, что и за счет Франции) получают англичане. См. Morineau (1965, 225).

Уже в этот момент во Франции настойчиво протестовали крупные портовые купцы¹⁴⁶. Одним из обоснований этой меры со стороны правительства было то, что монополии уже были подорваны обширной контрабандной торговлей. Поэтому декрет 1784 года признал реальность экономической жизни и стремился ее капитализировать¹⁴⁷. Именно эта логика вела к судьбоносному договору Идена 1786 года, который, как утверждает Бродель, не привел к поражению Франции в борьбе за гегемонию, а сам им «оказался»¹⁴⁸. Но следовало ли демонстрировать это столь вызывающе? И не было ли это во многих отношениях последним гвоздем в крышку гроба?

Что заставило Францию не просто подписать англо-французское торговое соглашение 1786 года, но и первой к нему стремиться?¹⁴⁹ Представляется вполне очевидным, что существовала надежда убить двух зайцев сразу: и разрешить финансовый кризис французского государства, сделав возможным обложение прежде контрабандной торговли (а на деле и расширение ее до мировых масштабов), и разрешить долгосрочные структурные сложности французского производства путем внедрения инноваций через давление рынка¹⁵⁰. Кроме того, существовал конъюнктурный фактор, который, с точки зрения Франции, играл на пользу ее инициативе. Имеется в виду резкое падение сельскохозяйственных

¹⁴⁶ См. Godechot (1980a, 81).

¹⁴⁷ См. Habakkuk (1965, 39).

¹⁴⁸ Braudel (1984, 379).

¹⁴⁹ Вержен и Райневаль, главные французские переговорщики, «стремились к политике „взаимных зачетов“ в духе Бриана», которая примирила бы различия, разделявшие два соседних народа. С финансовой точки зрения момент был еще более серьезен; новая война могла спровоцировать внутренний коллапс. Для восстановления трона и национальной экономики нужен был длительный мир... В одном можно было быть уверенным — переговоры были результатом настойчивости французов» (Caheп, 1939, 258). В самом деле, французская инициатива «встретила глубокое подозрение со стороны Питта-младшего, который с недоверием относился к французам, даже если те являлись с дарами» (Cobban, 1963, 111). И если британцы согласились вступить в переговоры, то, несомненно, потому, что оба государства «испытывали влияние соображений практического характера, поскольку и тем, и другим срочно требовалось увеличить свои доходы» (Henderson, 1957, 105). Кроме того, французы оказывали на британцев давление посредством декрета 17 июля 1785 года, восстановив запреты на ввоз английских мануфактурных товаров и войдя в переговоры с Голландией по поводу нового торгового союза. См. Dumas (1904, 30–35). Французы также угрожали аннулировать (Dumas, 1904, 36) Утрехтский договор 1716 года, точнее договор о навигации и торговле, подписанный в один день с этим мирным трактатом. См. Ehrman (1962, 30, п. 4). Стоит напомнить, что в 1716 году британский парламент отверг пункты VIII и IX этого договора, которые широко открывали торговлю между двумя странами, поскольку в то время французская промышленность «все еще наводила такой ужас на британских промышленников, что они ощущали свою неспособность поддерживать борьбу с ней» (Dumas, 1904, 3). Бриавойн приходит к такому же заключению в 1839 году (р. 193). Поэтому французы терпели «неудобства» статьи V (английские корабли имеют доступ во французские порты) без «преимущества» статей VIII и IX. См. жалобы Райневала в его меморандуме Калонну (Rayneval, 1784, 2066), вынуждавшем начало переговоров.

¹⁵⁰ Дюпон де Немур, общепризнанный главный интеллектуальный адвокат договора и большей свободы торговли, заявлял об этом вполне ясно. В своем наиболее

цен после 1778 года¹⁵¹, что сделало крупных землевладельцев еще более устойчивыми по отношению к любому механизму перемещения прибавочной стоимости от них к государству. В связи с этим путь увеличения таможенных пошлин должен был представляться все более привлекательным.

Договор предполагал компромисс с британцами. Грубо говоря, более свободная торговля означала появление на французском рынке большего

длинном меморандуме по данному предмету (Dupont de Nemours, 1786, 36 bis) он высказывался в пользу контролируемой взаимной торговли между Британией и Францией, которая вытеснит контрабандную торговлю, каковая, поскольку ни одна из стран оказалась неспособна ее подавить, лишала обе страны «выгод от доходов, которые были бы обеспечены от товаров, получаемых каждой из них», то есть доходов от таможенных пошлин. Два года спустя Дюпон де Немур вернулся к этой теме в своем оправдательном памфлете, жалуясь на «традиции нашей нации», которые поддерживали контрабанду, и утверждая, что упомянутый выше договор «присоединил к доходам государства... те деньги, которые ранее тратились на страховые премии, поддерживавшие нелегальную торговлю» (Dupont de Nemours, 1788, 49, 72). См. тж. Anisson-Dupéron (1847, 16).

Анализ ситуации с французской точки зрения у Дюпона де Немура вполне близок к рассуждению британского дипломата Дэниэла Хейлза: «В Великобритании министры Его Величества с необычайной мудростью, бдительностью и упорством нашли наконец средства, чтобы ввести в действие законы о налогообложении, которых так долго избегали...

Поэтому представляется вероятным, что французское правительство ощутило неспособность ввести в действие собственные запретительные законы против импорта британских мануфактурных товаров, и в этом отношении они, можно сказать, в любом случае оказались в выигрыше от договора.

Однако я полагаю, что могу взять на себя уверенность сообщить Вашей светлости, что существует еще одна, не менее принципиальная, причина склонности Франции к заключению данных торговых соглашений. Я имею в виду немедленное облегчение для Королевского казначейства благодаря росту его доходов — росту, который, как можно предполагать, окажется огромным из-за внезапного притока всех видов британских товаров, за которые платятся легальные пошлины, как только договор возымеет силу» (Депеша лорду Кармартену, написанная 25 октября 1786 года, см. Browning, 1909, 149—150).

¹⁵¹ Рене Стурм (Stourm, 1885, 31), объясняя мотивы Дюпона де Немура, Вержена и прочих, указывает, что договор был не единственным усилием в данном направлении. «Рискованное лекарство от английской конкуренции последовало за рядом мер, предпринятых с той же целью в течение предшествующих нескольких лет. Среди них — регистрация цеховых мастеров (*chefs d'atelier*) из Англии, обещания изобретателям, импорт за счет государства иностранных машин по частям, равно как и преимуществ, предоставляемые различным машиностроителям, льготы, даруемые торговле с колониями, полицейский арест, налагаемый на английских рабочих, чтобы удержать их во [Франции] на полный период их контракта, исключительно благоприятные условия, предоставляемые иностранным мануфактурщикам (*fabricants*), которые хотели поселиться во Франции, и т. д.». Лефевр (Lefebvre, 1932, 14) рассматривал это как «в принципе хорошую идею... Бесцеремонное открытие границы для английской промышленности, превосходство которой было ошеломляющим [утверждал Лефевр — И. В.], вызвало бы жестокую встряску». Эту точку зрения разделяет Лэндес (Landes, 1969, 139): договор Идена 1786 года «открыл французский рынок для английских хлопковых тканей и сделал модернизацию вопросом выживания».

количества британских хлопковых тканей (а также керамики, шерсти, металлических изделий) против увеличения поставок в Британию французского вина (и других продуктов сельского хозяйства, а также шелка, полотна и стекла). Но насколько большего количества? Ответ на этот вопрос зависел от экономических расчетов. Французские переговорщики, несомненно, недооценивали влияние британских мануфактур¹⁵² и переоценивали свою способность компенсировать французским мануфактурщикам любые потери¹⁵³.

Но хуже всего было то, что они, похоже, приветствовали новую — периферийную — роль Франции. Шаптал¹⁵⁴, говоря о договоре Идена в своем меморандуме Наполеону в 1802 году, полагал, что Франция сделала ставку на «преимущества и процветание своего сельского хозяйства», утверждая при этом, что среди плодов английской земли «не было чего-то особенного или редкого»¹⁵⁴. Тем не менее Райневаль, как считалось, похоже, был готов на любые уступки «при условии снижения пошлин на [французскую] сельскохозяйственную продукцию»¹⁵⁵. В самом деле, в 1786 году, непосредственно перед подписанием договора, Райневаль писал французскому посланнику в Лондоне г-ну Адемару:

«Несомненно, мы предоставляем Англии в первую очередь плоды нашей земли в обмен на их продукцию. Но я всегда был уверен и по-прежнему верю, что с точки зрения государства сельскохозяйственный производитель — это наиболее интересная фигура»¹⁵⁶.

¹⁵² Лабрусс (Labrousse, 1944, 417) говорит о падении на 45—50%. «Тем самым преимущество, полученное начиная с 1760 года, было утрачено».

¹⁵³ Примечательно, что, когда Питт назначил Идена главным британским переговорщиком, тогда и только тогда Вержен написал французскому поверенному в Лондоне г-ну де Бартеlemi запрос относительно столь элементарной информации, платили ли британское правительство экспортные премии. См. Ségur-Dupeyron (1873, 386—387). Райневаль был столь же некомпетентен. См. Dumas (1904, 27). И Вержен, и Райневаль вполне могли вытянуть необходимые сведения у Холкера — англичанина по рождению, ставшего генеральным инспектором французских мануфактур. 29 декабря 1785 года Холкер предупреждал Райневаля, что англичане «могут обеспечить Францию хлопковыми тканями всех типов по цене на 30 процентов меньше, чем это делаем мы» (цит. в: Boyetet, 1789, 86—87). Однако за несколько дней до прибытия Идена в Париж Холкер умер. Говорят, что манчестерские купцы, узнав о его смерти, пришли в восторг — не только потому, что это лишало Райневаля драгоценного советчика, но и потому, что они рассчитывали, что собственные хлопковые мануфактуры Холкера в Руане после его смерти прекратят существование. См. His de Butenval (1869, 65, 70).

¹⁵⁴ В открытом письме в торговую палату Нормандии, написанном в 1788 году в ответ на ее жалобы относительно воздействия договора Идена, Дюпон де Немур (Dupont de Nemours, 1788, 8) заявил, что он долго выступал за государственную поддержку французской промышленности: «Я говорил министру, писал ему, настойчиво повторял, что он должен попытаться привести в сносное и даже выгодное состояние конкуренцию, которую он считал необходимым позволить. Он признал эту необходимость... [Однако] проволоочки со стороны Собрания нотаблей, наряду с частыми изменениями внутри министерства, к сожалению, имели результатом замедление исполнения [данного намерения]».

¹⁵⁵ Chaptal (1893, 86).

¹⁵⁶ Dumas (1904, 78).

Но Райневаль не остановился и на этом, поскольку 21 мая 1786 года в качестве дальнейшего обоснования договора перед Государственным советом он заявил:

«Предположим, что результаты будут иными, чем мы предполагали — предпочтительно ли искать процветания для нескольких железных и стальных мануфактурщиков, или же лучше искать процветания для всего королевства? Увеличить число мануфактурщиков или число сельских производителей? Предположим, что нас завалили английскими металлическими изделиями — не сможем ли мы перепродать их в Испанию или куда-нибудь еще?»¹⁵⁷

Таким образом, получается, что Райневаль в самом деле с великим спокойствием рассматривал возможность того, что Франция будет играть роль приводного ремня в мире-экономике, подобно славной судьбе Испании и Португалии уже на протяжении двух столетий. Неудивительно, что Питт в ходе парламентских дебатов мог сказать в защиту договора: «В природе и сути соглашения между мануфактурной страной и страной, облагодетельствованной специфическими (*peculiar*) [*sic!* — *И. В.*] производствами, то, что преимущества сложатся в пользу первой»¹⁵⁸.

Была ли эта стратегия неизбежной для французского государства в самый момент апогея экономического роста при *Ancien Régime*?¹⁵⁹ Примечательно, что между 1785 и 1793 годами Британия пыталась заключить торговые договоры с Португалией, Испанией, Россией, Пруссией, королевством Обеих Сицилий и Голландией, наряду с ее переговорами с Францией, а также велись предварительные переговоры с Швецией, Турцией и Австрийскими Нидерландами. Поэтому в 1786 году маркиз Кармартен мог говорить о «настоящей буре торговых договоров». Но ни одни из остальных переговоров ничем не увенчались — «успех [французского договора] был уникален»¹⁶⁰. Давление на французское правительство, несомненно, было огромным — это и состояние государственных финансов, и кризис виноторговли¹⁶¹, — но таким же было и решение и в символическом, и в фактическом отношении. Казалось, что под видом реформ французское государство выбирает частичную деиндустриализацию, которая послужила бы интересам определенных сельскохозяйственных предпринимателей, но при этом поставила бы под угрозу интересы мануфактурных классов. Подобные «реформы» напоминают те, что в XX веке проповедовал Международный валютный фонд для государств, отягощенных долгами и имеющих сложности с платежным балансом.

¹⁵⁷ Обе цитаты взяты из: His de Butenval (1869, 57, 70). Понятно, почему Войлерссе определяет договор 1786 года как «блестящий успех» физиократов (Weulersse, 1985, 33).

¹⁵⁸ Cobbett (1816, 395).

¹⁵⁹ Марчевский (Marczewski, 1965, vcv) относит этот апогей к 1780—1786 годам.

¹⁶⁰ Ehrman (1962, 175). Цитату из Кармартена см. на р. 2.

¹⁶¹ См. Labrousse (1944, 78—82), Slicher van Bath (1963, 235—236). Поддержка договора Идена со стороны виноградарей была еще более сильной по прошествии определенного времени, в 1802 году, когда Совет коммерции Бордо послал министру внутренних дел Шапталю меморандум в его защиту. См. His de Butenval (1869, 107).

Поэтому вполне понятно, что британские возражения на этот договор, хотя они и были реальны, оказались легко преодолимы. Питт защищал его исходя из оснований коммерческого преимущества, а Фокс — противостоял ему по тем чисто политическим соображениям, что «Франция была естественным недругом Великобритании»¹⁶². В любом случае у британцев были различные благие и непосредственные экономические причины поддерживать договор. У них был тот же стимул, что и у французов, искать новые источники государственных доходов и тем самым легализовать контрабандную торговлю, обеспечив налогообложение франко-британских обменов¹⁶³. Британцы беспокоились относительно потенциальных потерь в пользу Франции рынков в Северной Америке (из-за послевоенного соглашения), Испании (из-за Фамильного договора¹⁶⁴) и Португалии (которая только что предоставила Франции статус «наиболее благоприятствуемой нации») и поэтому приветствовали появление рынков для своих товаров в самой Франции¹⁶⁴. Но более всего британцам было известно, что сердцем конкуренции был хлопок. Они не только были уверены в своей способности продавать его на французском рынке¹⁶⁵, но также заботились о поддержании доступа к хлопковому импорту из-за пределов британских колоний, которые на тот момент обеспечивали менее чем 30% британских потребностей¹⁶⁶. С этой точки зрения, вульгарный протекционизм бы не сработал.

¹⁶² Cobbett (1816, 398). В самом деле, оппозиционная газета «Морнинг Херальд» утверждала, что французские хлопковые мануфактуры превосходили английские, а налоги в Британии были выше. См. His de Butenval (1869, 134) и Dumas (1904, 107). Однако, как предполагает Франсуа Дюма (р. 121), это была несомненная политическая пропаганда, разработанная с целью испугать английских мануфактурщиков, — впрочем, безуспешно. Джон Эрман (Ehrman, 1962, 65) полагает, что, «возможно, именно слабость подобных [экономических] аргументов [вела оппозицию] к тому, чтобы сосредоточиться на дипломатических смыслах договора».

В некоторой степени это принимает на веру Джонатан Далл, утверждающий, что для Вержена договор был «чем-то вроде политики Никсона и Киссинджера в отношении России в реалиях XVIII века» (Dull, 1983, 11). Однако Манту уверен, что среди британских мануфактурщиков существовало разделение: более старые отрасли склонялись к протекционизму и были против договора, а сравнительно новые осознавали, что «их главный интерес заключается в получении дешевого сырья и свободных рынков для продажи их товаров» (Mantoux, 1928, 400).

¹⁶³ См. Browning (1885, 354).

¹⁶⁴ См. Dumas (1904, 14—15).

¹⁶⁵ «Влияние интересов производителей хлопковых тканей, железа и керамики... решительно сместилось в сторону поддержки правительственной политики... Ведь торговля всеми этими товарами много бы выиграла от более широкого входа на французский рынок, причем ни у одного из этих производителей не было причин бояться серьезной конкуренции со стороны французских мануфактур» (Ashton, 1924, 171).

Два манчестерских производителя печатных ситцев, Джозеф Смит и Роберт Пиль, видели преимущество английской хлопковой торговли в использовании оборудования, снижающего издержки. «Невозможно сказать, как скоро зарубежные страны смогут раздобыть эти машины, но даже тогда опыт, который мы имеем в их использовании, даст нам такое преимущество, что мне не следует бояться конкуренции» (цит. в: Edwards, 1967, 51).

¹⁶⁶ См. Bowden (1919, 25—26).

Экономические последствия договора для Франции стали ощутимы почти сразу, особенно (как показывает меморандум французского правительства 1788 года) в области «обычных», а не «хороших» тканей, то есть всех видов текстиля, которыми пользовался «народ», а не «богатые люди»¹⁶⁷. Договор привел к массивному импорту, «подлинному наплыву»¹⁶⁸ текстильной (а в равной степени и другой) мануфактурной продукции из Британии. Это была «экономическая революция»¹⁶⁹ — один из «поворотных моментов в промышленной истории Франции»¹⁷⁰. Британские товары «наводнили» французский рынок, писал Арну в 1791 году¹⁷¹, но для того, чтобы в этом убедиться, Франции не понадобилось пяти лет. Описанные эффекты почти сразу стали предметом политической дискуссии. С тех пор часто утверждалось, что имела место ошибка в массовом восприятии, поскольку экономический спад начался в 1786 году или даже в 1785-м, то есть еще до фактической даты вступления договора в силу (1 июля 1787 года)¹⁷². Мне представляется, что подобные рассуждения упускают суть дела. Объективно эффект мог быть наиболее острым после 1787 года, но тем фактором, который отчасти объясняет трудности 1786 года, было, возможно, ожидание этого договора. В любом случае политической реакцией управляло ощущение, а не реальность¹⁷³.

¹⁶⁷ А. Е. 46, 1788, 239.

¹⁶⁸ Morineau (1978, 411). В ином случае это явление известно как «внушительная конкуренция» (Furet & Richet, 1973, 26).

¹⁶⁹ Dardel (1963, 71).

¹⁷⁰ Markovitch (1966c, 130). Шарль Шмидт (Schmidt, 1913, 270) цитирует некоего *mécanicien* [механика — фр.], который в 1788 году говорил о «торговой революции, в которую мы угодили».

¹⁷¹ Arnould (1791, 181—183). См. тж. Chaptal (1819, I, 95—96), Dumas (1904, 150—151), Schmidt (1908, 91—92), Mantoux (1928, 263), Sée (1930, 308), Labrousse (1933, II, 320), Acomb (1939, 42), Guérin (1968, I, 64—65), Tilly (1968, 215—222) и Morineau (1971, 331).

Некоторые ученые утверждают, что, поскольку французская промышленность испытывала трудности еще до подписания договора, его роль не следует преувеличивать. См. Gaillardon (1909, 151) и Murphy (1966, 578). Однако мне представляется более обоснованным утверждать вслед за Марком Булуазо (Bouloiseau, 1957, liv), что, несмотря на трудности промышленности, которые существовали начиная с, по меньшей мере, 1780 года, именно договор Идена «вскрыл размах проблемы» — вскрыл размах, акцентировал и грозил превратить ее в институциональную.

¹⁷² Например, Клод Казн (Cahen, 1939, 275) утверждает, что «вся ответственность» за серьезный экономический кризис была «по недоразумению... приписана этому договору». У.О. Хендерсон (Henderson, 1957, 110) обесценивает преимущество Британии, утверждая, что удвоение британского экспорта во Францию между 1787 и 1792 годами «могло просто представлять собой переход к законным каналам торговли товарами, которые раньше ввозились контрабандой».

¹⁷³ «Современники приписывали договору 1786 года большое значение» (Lefebvre, 1939, 118). См. тж. Heckscher (1922, 22). В августе 1788 года по Парижу ходила следующая карикатура. Фигура Коммерции была повешена на площади, душащая ее веревка символизировала вексельные конторы, с ее босой ноги свисал груз с надписью «экспортные пошлины», а ее руки были связаны лентой с надписью «торговый договор». См. Schmidt (1908, 78).

Конечно, и французские мануфактурщики, и прочие признавали, что британские ткани хорошо продавались, поскольку они стоили дешевле французских на французском же рынке¹⁷⁴, — это было преимущество, полученное благодаря более высокой степени механизации, что, в свою очередь, могло обеспечить решение проблемы. Но как — и насколько быстро? Во французской энциклопедии, опубликованной в 1789 году, сказано:

«Мы только что заключили торговый договор с Англией, который может обогатить наших праправнуков, но лишил хлеба 500 тысяч рабочих королевства и подорвал 10 тысяч торговых домов»¹⁷⁵.

Тем временем Франция полагала, что британское правительство поддерживает демпинг¹⁷⁶. Французы беспокоились о последствиях, которые будет «трудно нейтрализовать», таких как эмиграция безработных квалифицированных работников¹⁷⁷. Ко времени составления *cahiers de doléance* [Наказов 1789 года] договор был столь непопулярен, что жалобы на него обнаружатся даже в *cahiers* тех провинций, которые были им «наименее затронуты»¹⁷⁸. «Общим желанием была полная отмена договора»¹⁷⁹.

То, что подобное восприятие было не истерией, а базировалось на реальных условиях, подтверждает Ж. Таррад, указывая, что, как только договор был подписан, английские мануфактурщики в ожидании дохода стали спекулировать хлопком. Это вело к «резкому» росту цен, «пагубному для французских предприятий в тот самый момент, когда им пришлось столкнуться лицом к лицу с английской конкуренцией» (Tarrade, 1972, II, 691).

¹⁷⁴ Один мануфактурщик из Глазго в своих заметках 1786 или 1787 года рассказывает о встрече с Холкером в Руане и о том, как Холкер признался, что французские мануфактуры не только платили своим работникам меньше, но и имели более низкую производительность из-за недисциплинированности, в связи с чем их издержки в действительности были выше. См. Auckland (1861, I, 516—517).

¹⁷⁵ Jacques Peuchet. *Encyclopédie méthodique* (Jurisprudence, IX, Police et Municipalités, v° agriculture), цит. в: Bloch (1900, 242, n. 1).

¹⁷⁶ «[Англичане продают свою продукцию] по очень низким ценам — даже более низким, чем те цены, по которым французские спекулянты, покупающие свои товары в Англии, могут продавать их без убытка. Это приводит меня к уверенности в том, что их *sub rosa* [тайно — *lat.*] поддерживает государство. Известно, что именно таким способом они сокрушают промышленность тех стран, в которые они обеспечили доступ своих товаров» (А. Е. 46, 236). Любопытно, что ни один из ученых более позднего периода не исследовал этот вопрос, чтобы убедиться, соответствует ли действительности французское восприятие событий того времени.

¹⁷⁷ Письмо 1788 года, цит. в: Mourlot (1911, 106).

¹⁷⁸ См. Picard (1910, 156, 161). Разумеется, «наказы *bailliages* [судебных округов — *фр.*] промышленных регионов были единодушно против договора» (Dumas, 1904, 182). Некоторые сельскохозяйственные районы, конечно, также рассматривали договор в противоположном свете.

¹⁷⁹ В работах Champion (1894, 164) и Sée (1931a, II, 950, n. 1) демонстрируется согласие с тем, что, во-первых, договор был «ужасным» (особенно страдали провинции Шампань, Пикардия и Нормандия), а во-вторых, «во Франции звучали единодушные жалобы на этот договор и против того, как его используют англичане», что можно увидеть по *cahiers*.

Ф. Мюрло в своей работе 1911 года говорил о массовом ощущении того времени: договор сделал из Франции «экономическую провинцию» Англии, это было нечто вроде «новой отмены Нантского эдикта»¹⁸⁰. В политическом отношении его воздействие также было драматическим. Мануфактурный сектор почувствовал себя брошенным государственным аппаратом именно в тот момент, когда, как полагали промышленники, они нуждались в нем больше всего. Должно быть, это выглядело так, будто люди короля были готовы принять полупериферизацию Франции под маской либерализма и покровительства конкуренции. Несомненно, в некотором смысле «игра уже была проиграна,... [и] Англия уже установила контроль над всемирной экономикой»¹⁸¹. Однако договор представлялся тем жестом, который мог сделать этот факт необратимым — данная точка зрения могла привести к более резкой реакции, особенно в свете того, насколько благоприятным казалось положение дел в Англии.

Для Англии же договор имел немедленные и «явные выгоды». Государственные доходы росли, экспортные возможности расширялись, а торговый баланс «резко менял направление» в пользу Британии¹⁸². Но было и еще кое-что. Открыв французский рынок, договор Идена обеспечил английским мануфактурщикам экономию на масштабе производства, что позволило британцам снижать цены в Соединенных Штатах (а также, очевидно, и в других местах). Уже в 1789 году британский консул отмечал, что результатом этого стало «ощутимое препятствие для прогресса хлопковой промышленности в Филадельфии»¹⁸³.

Ожидалось, что неблагоприятное положение Франции в хлопковой отрасли будет в некоторой степени компенсировано французским преимуществом в виноделии. Но этому не суждено было сбыться. Англичане хотя и стали покупать больше французского вина, но не значительно больше¹⁸⁴. «Кризис», вызванный договором Идена, предположительно, стал причиной спада на французском внутреннем рынке. Поэтому, несмотря на то, что производители вина были естественными¹⁸⁵ и искренними¹⁸⁶ сторонниками политики открытой торговли, воплощенной в договоре, их положение ощутимо не улучшилось.

Враждебное отношение к договору не прекратилось и в 1789 году — напротив! «В ситуации нищеты и беспорядков 1789—1793 годов этот договор выглядел прелюдией к хорошо скрытому заговору Питта с целью обогащения Англии за счет Франции... Преждевременная попытка 1786 года, предпринятая при старой монархии, и реакция, которую она вызвала при республике, много сделали для того, чтобы во Франции с народным правительством отождествлялись запретительная или строго протекционистская политика» (Rose, 1893, 705).

¹⁸⁰ Mourlot (1911, 105).

¹⁸¹ Braudel (1984, 381).

¹⁸² Ehrman (1962, 206).

¹⁸³ Цит. в: Cain & Hopkins (1980, 472).

¹⁸⁴ «Английский вкус к вину явственным образом не изменился,... в то время как английские металлические изделия и полотно нашли немедленные продажи во Франции» (Browning, 1885, 363).

¹⁸⁵ «Вино — это продукт открытой экономики, рыночно ориентированный продукт... Экономика вина является международной» (Labrousse, 1944, 207, 211).

¹⁸⁶ См. Labrousse (1944, 586—588).

Начиная с 1777 года цены на вино падали и в 1786 году фактически достигли нижней точки, продержавшись на низком уровне до 1791 года. Когда в 1788 и 1789 году произошли резкие скачки цен на зерновые, последствием этого стало давление на доходы виноградарей, в результате чего их покупательная способность снизилась на 40%¹⁸⁷. Стремясь облегчить свое положение, они обратились в сторону кампании против десятины и сеньориальных повинностей. Неудивительно, что «революцию спровоцирует» этот «ужасный» кризис мануфактурного сектора, совпавший с очень высокими ценами на зерно и хлеб¹⁸⁸.

Как «объясняются» «сложные» события наподобие Французской революции? Не имеет большого значения, определять ли ее как нечто произошедшее 14 июля 1789 года или как случившееся между 1789 (или 1787) и 1793 (или 1799, или 1815) годами. Какими бы ни были временные рамки данного события, никакое объяснение одного события в терминах другого никогда не может быть вполне удовлетворительным. Два события образуют последовательность, их взаимосвязь может быть достоверной, однако в эту картину, конечно же, вмешиваются и другие «события», в связи с чем всегда незамедлительно возникает вопрос: насколько существенными эти прочие события могут быть для исходной последовательности? Кроме того, было бы нерационально устранять как равнозначно невозможные иные последовательности событий, которые не случились. Утверждать, что некая последовательность событий представляет собой причинно-следственную цепочку, почти наверняка означает прибегать к аргументации в духе *post hoc ergo propter hoc* [после этого, а значит, вследствие этого — лат.].

Однако в равной степени неудовлетворительным является объяснение некоего «события» при помощи *longue durée* [«долгого» времени, долгосрочной перспективы — фр.]. Это понятие объясняет крупномасштабное, долговременное структурное изменение, но невозможно продемонстрировать, что подобное изменение могло происходить лишь через отдельные события. Между тем большинство споров о Французской революции сосредоточено именно на этом абсолютно бессмысленном уровне. Масштабное событие есть результат конъюнктуры (*conjuncture*) в английском смысле этого слова (точки схождения, стыка) нескольких *conjunctures* во французском смысле (циклических фаз средней длины), а само это событие может быть названо масштабным в большей степени по его последствиям, а не по его причинам. Именно в этом смысле Французская революция, несомненно, является «масштабным событием» для современного (*modern*) мира.

В качестве объяснения того, почему разразилась Французская революция, широко использовались две «объективные» *conjunctures*: экономическая *conjuncture*¹⁸⁹ и *conjuncture* государственного аппарата, а именно растущий дефицит государственных финансов. Из всего, что было сказано до настоящего момента, должно с очевидностью следовать, что эти *conjunctures* в самом деле существовали

¹⁸⁷ См. Labrousse (1944, 579—580).

¹⁸⁸ Dardel (1948, 62).

¹⁸⁹ Об экономике Лефевр (Lefebvre, 1947b, 89) авторитетно заявляет: «Поэтому не подлежит обсуждению то, что экономические неурядицы [*crise*] следует рассма-

и действительно играли значительную роль. Однако если бы все исчерпывалось только этими двумя *conjunctures*, то, конечно, какая-никакая Французская революция вполне бы могла произойти¹⁹⁰, но я едва ли поверю, что именно она была бы настолько принципиальным событием в истории мир-системы Модерна.

Главенствующее положение Французской революции есть следствие ключевой значимости франко-британской борьбы за гегемонию в мире-экономике. Французская революция произошла в свете осознания Францией надвигающегося поражения в этой борьбе — и в качестве следствия этого осознания¹⁹¹. А тот род влияния, которое революция оказала на мир-систему, имел место именно потому, что революция произошла в стране, проигравшей борьбу за гегемонию. Французская революция, которая, как многие надеялись, повернет вспять волну британской победы, можно сказать, напротив, была решающим моментом в ее обеспечении и упрочении. Однако именно благодаря этому геополитическому и геоэкономическому поражению французские революционеры действительно достигли своих долгосрочных идеологических целей.

В таком случае рассмотрим историю Французской революции в первую очередь с точки зрения ее последствий, а не приписываемых ей причин. Прежде всего предстоит ответить на вопрос: какую актуальную экономическую политику первые революционные правительства проводили в двух ключевых сферах: в структуре сельскохозяйственного производства и в роли государства в отношении к промышленному производству?

тривать среди непосредственных причин Французской революции». Впрочем, есть, по меньшей мере, три версии экономического кризиса: кризис «бедности» (см., *inter alia* [среди прочих — лат.], Labrousse, 1944, xlii), кризис «роста» (Le Roy Ladurie, 1976, 29—30) и «J-образный» кризис, то есть фаза восстановления, за которой последовало внезапное падение (Tocqueville, 1955, 176—177).

¹⁹⁰ Однако я действительно согласен с точкой зрения, выдвинутой Игоннэ (Higonnet, 1981), что подобное «событие» не было неизбежным, даже если оно было возможным.

¹⁹¹ Это непопулярный тезис. Как указывают Хартвелл и Энгерман (Hartwell and Engerman, 1975, 193), «историки могли бы утверждать, что Наполеоновские войны оказались результатом капиталистическо-империалистического соперничества — точно так же, как историки полагают, что Первая мировая война была следствием конкуренции империализмов. Однако они не сделали подобных утверждений».

Как бы в доказательство данной точки зрения Фюре вскоре после этого объявил: «Конечно, можно очевидным образом сделать из [войн 1792—1815 годов] кульминацию старинного франко-английского торгового соперничества. Но чтобы пойти дальше и расширить этот аспект конфликта, принципиальное содержание и „объективную“ причину этой бесконечной войны, требуется такой скачок, который не пожелал сделать ни один из историков Французской революции, за исключением Даниэля Гере́на» (Furet, 1978, 92).

Но все это отвлекающие маневры — никто и не требует делать титанические скачки. Требуется лишь просто признание того, что высказывание Людвиг Дехио о военном конфликте: «Революция вступила в великую борьбу не с ощущением собственной силы, а с храбростью отчаяния» (Dehio, 1962, 139) — применимо *mutatis mutandis* [с необходимыми уточнениями — лат.] ко всей последней фазе борьбы за гегемонию в мире-экономике.

Много лет назад Марк Блок выдвинул точку зрения, основные акценты которой идут вразрез с упрощенным представлением, что революция представляла собой крах крупного сельскохозяйственного поместья:

«Известно, как в 1789—1792 годы рухнул сеньориальный строй, увлекая за собой в своем падении и монархический порядок, отождествившийся с ним. Однако сеньор нового типа, претендовавший на то, чтобы стать господином над крестьянами, стал также — и, возможно, прежде всего — крупным предпринимателем; этот путь проделали вместе с ним и многие простые буржуа. Если бы (пусть это абсурдная гипотеза) революция разразилась около 1480 года, она, уничтожив сеньориальные права, передала бы землю почти исключительно одним только мелким хозяевам. Но с 1480 по 1789 год прошло три столетия, в течение которых была восстановлена крупная собственность. Она, несомненно, не охватила всей земли, как в Англии или в Восточной Германии. Она оставила крестьянам-собственникам обширные пространства, в целом, возможно, более обширные, чем занятые ею самой. Тем не менее она завоевала значительные пространства — с различным успехом в разных местностях. Революция не нанесла ей слишком большого ущерба. Таким образом, чтобы показать все разнообразие и основные черты сегодняшней аграрной Франции (о которой вовсе не следует говорить, как это иногда делали, что она является страной мелкой собственности, но о которой лучше сказать, что в ней бок о бок существуют и крупная, и мелкая собственность, причем соотношение их сильно изменяется в зависимости от провинции), надо прежде всего обратиться к развитию аграрной Франции XV—XVIII веков»¹⁹².

Как же в таком случае создалось впечатление, что результатом Французской революции было фактическое увеличение роли крестьянского производства? Одна из причин этого заключается в том, что несколько впечатляющих правовых актов, повлиявших на «традиционные» права сеньоров, действительно имели место. В знаменитую ночь 4 августа 1789 года Национальное Собрание в самом деле формально отменило «феодалный режим», включая десятину и определенные (но еще не все) сеньориальные права¹⁹³. Впрочем, оставшиеся будут, в свою очередь, упразднены (причем без возмещения) 17 июля 1793 года. Кроме того, Сельский кодекс, принятый 28 сентября 1791 года, действительно разрешил огораживания общинных земель, а закон от 28 августа 1792 года — их раздел. Земли духовенства были национализированы, а по факту проданы.

Однако все это было менее значимо, чем кажется. С одной стороны, революционные правительства с тем же «успехом», что и аграрные реформаторы последних десятилетий *Ancien Régime*, не отменили ни *vaine pâture* [право выпаса скота на чужих убранных полях], ни *droit de parcours* [право пасти скот на пустошах другой коммуны]. (Фактически *vaine pâture* будет упразднено только

¹⁹² Блок. Характерные черты, с. 204—205.

¹⁹³ См. Hirsch (1978). Лефевр полагает, что это упразднение десятины было «наиболее важным последствием аграрной революции» (Lefebvre, 1972, 407). Еще дальше идет Уильям Сьюэлл, рассматривая ночь 4 августа в качестве «ключевого поворотного момента революции как классовой борьбы и идеологической трансформации... [Это] было уничтожением (holocaust) привилегий» (Sewell, 1985, 69).

в 1889 году, и даже тогда это будет предметом локальных согласований¹⁹⁴. Безусловно это право было отменено только после Первой мировой войны.) А действие закона, позволяющего разделение общинных земель, было приостановлено в 1797 году.

Во-вторых (и это более важно), подобные «преимущества», полученные некоторыми крестьянами, были преимуществами в основном для тех, у кого имелось достаточно собственности, то есть для довольно зажиточных *laboueurs* [земледельцев — *фр.*]. Причем чаще всего это были преимущества, достигнутые за счет мелких арендаторов, мелких издольщиков и безземельных сельских тружеников¹⁹⁵. Кроме того, различные реформы, разумеется, сформировали во Франции некий административный порядок¹⁹⁶. Однако, как мрачно замечает Буржен, это была «администрация, гораздо более скоординированная, чем

¹⁹⁴ См. Bloch (1930, 549). Детальное исследование судьбы *vaine pâture* в XIX веке см. в: Clère (1982).

¹⁹⁵ Общая консолидация прав собственности фактически замедляла процесс огораживания, несмотря на формальное его разрешение. Как следствие, Милуорд и Сол (Milward and Saul, 1973, 263) отмечают «резкий рост доходов многих крестьян [в революционный период]». Безусловно, это объясняет то политическое последствие, которое отмечает Лабрусс (Labrousse, 1966, 62): «Революционная земельная реформа и установленная ей традиция всегда находили в сельской местности многочисленных и страстных сторонников, вопреки роялистским движениям (*les chouanneries*)».

Однако, как замечает Александр Шабер, последовавшее при Консульстве и империи аграрное процветание было более выгодно для крупных собственников (Chabert, 1949, 91). Поэтому данный процесс увеличил поляризацию в деревне, а не наоборот: «Революционные события больше, чем что-либо еще, утвердили сильных в их силе, одновременно опустошив кошельки мелких *laboueurs*, старательно стремившихся возделывать свои наделы (*clos*). Эти события как никогда увеличили разрыв между ними и крупным помещьем. Революция усилила преобладающие черты каждого регионального континуума» (Pergot, 1975a, 38—39).

Представляется оправданным и суровое заключение Блока: «Легислатуры, причем не только Учредительное собрание,... но даже и Конвент, вовсе не уничтожая... реформы, предпринятые монархией, в своей сельскохозяйственной политике шли по ее следам... В то же время дело революции действительно характеризуют новые черты. Намеренно принося в жертву безземельных работников (*тапоеврес*), подобно *Ancien Régime*, [революционные легислатуры], избавленные от необходимости успокаивать привилегированные слои, могли гораздо больше делать для интересов средних собственников» (Bloch, 1930, 544). Результат этого был особенно ужасен на севере Франции, в связи, как предполагает Собуль, с дезинтеграцией крестьянского сообщества: «Бедные крестьяне, подвергавшиеся быстрой пролетаризации, обеспечивали людскую силу, необходимую для современного сельского хозяйства и крупной промышленности» (Soboul, 1976a, 63).

Подобный ограниченный ущерб, нанесенный крупному аристократическому помещью во время революции, был более или менее устранин в Наполеоновскую эпоху, которая «стала свидетелем восстановления богатства бывшей знати, основанного на земельных активах» (Tulard, 1970, 643). См. тж. Chabert (1949, 330); Meyer (1966, II, 1254); Laurent (1976a, 643); Soboul (1976b, 126, 132) и Gauthier (1977, ch. 5 & Part III, *passim*).

¹⁹⁶ Второй новой чертой сельскохозяйственной политики во время революции, отмеченной Блоком, было то, что «менее робкая [чем *Ancien Régime*] и по природе сво-

можно себе представлять, и... помещенная на службу законодательства гораздо более консервативного, чем обычно считают»¹⁹⁷.

Лефевр приписывает наши ученые заблуждения относительно радикальности аграрных реформ во время революции «насилию» и «упорству», присущим крестьянскому мятежу, и той «шумихе», которую породила вокруг отмены феодальных прав пресловутая ночь 4 августа. Не будучи радикальной реформой, утверждает Лефевр, данное законодательство было не более чем «компромиссом». Лефевр, впрочем, добавляет, что не следует пренебрегать им, так как, хотя это законодательство и замедлило экономический прогресс, оно в то же время «причинило меньше страданий и было более гуманным», нежели британские аграрные изменения¹⁹⁸. Это один из возможных путей описания происходившего, однако, на мой вкус, он выглядит несколько волюнтаристским. Этот «компромисс», как мы увидим, был результатом жестокой классово-вой борьбы между теми, кто получал выгоды от развития капиталистического мира-экономики, и теми, кто от этого проигрывал¹⁹⁹. Упомянутая Лефевром

ей унитаристская, она осуществлялась мерами, которые внедрялись на всей территории страны» (Bloch, 1930, 540).

¹⁹⁷ Bourgin (1911, 192). «Экономические и правовые новшества служили в первую очередь упорочению положения предшествующих владельцев либо новых людей, которые, вооружившись преимуществами исключительных обстоятельств, входили в ранги нового общества» (p. 185). Еще более едко высказывается Дж. Макрелл (Mackrell, 1973, 176—177): «Как только титулы были отброшены,... феодальные и сеньориальные права получили уважение... Следовавшие друг за другом правительства всего лишь желали угнаться за приспособлением бывших повинностей к правам собственности. Феодальные права в своей новой форме не столько выживали, сколько процветали».

Х. Л. Рут в неудачной попытке сельскохозяйственной трансформации видит продолжение серии ограничений для слабого французского государства: «Революционному правительству пришлось отказаться от своей приверженности аграрной реформе исходя из фискальных приоритетов, а не из-за угрозы крестьянского сопротивления... И до, и после революции французское государство, озабоченное международными войнами, налоговым хаосом и административной слабостью, оказалось неспособным обеспечить сельскохозяйственный рост» (Root, 1987, 241).

¹⁹⁸ Lefebvre (1965, 355, 366—367). Можно отметить и еще один бесчеловечный аспект британской экономической трансформации. Переход на уголь в Британии (столь часто восхваляемый) напрямую привел к «пожизненному крепостничеству на угольных шахтах Шотландии» в XVIII веке. Шахтовладельцы «испытывали трудности с поиском рабочей силы», в связи с чем добивались от государства введения определенной формы крепостничества (Duckham, 1969, 178).

¹⁹⁹ Если рассматривать данный вопрос подобным образом, то можно легче решить острую проблему «контрреволюции» на западе Франции. Тимоти Ж. А. Ле-Гофф и Дональд Сазерленд (Le Goff and Sutherland, 1974, 101) указывают, что при *Ancien Régime* Бретань лишь поверхностно управлялась центром, от которого сельские сообщества держались на «здоровой дистанции». Революция привела к тому, что центр стал более активен. Революционные legislatures с их централизаторской установкой не принимали в расчет особенности местной системы арендного держания, известной как *domaine congéable* [аренда с возможностью расторжения договора], следствием чего было существенное усиление нестабильности в положении фермеров-арендаторов

«гуманность» последствий была результатом силы антикапиталистического лагеря²⁰⁰.

Если теперь обратиться к роли государства в стимулировании промышленного производства, то мы увидим, что достижения революции в данной сфере были как минимум столь же значимы (а возможно, и еще более), что и в области аграрной реформы. Шаптал, сравнивая в 1819 году положение дел в британском и французском промышленном производстве по состоянию на 1789 год, рассматривал Британию как страну, обладавшую четкими преимуществами с точки зрения географического охвата своего рынка, количества продаваемых товаров и более низких цен. Шаптал выдвинул несколько объяснений британского преимущества, и первым из них была «та система, которой Англия следовала более чем столетие. Она открывала доступ на британский внутренний рынок продукции только собственных предприятий и отторгала иностранных производителей путем запретов или с помощью таможенных пошлин, которые имели то же воздействие»²⁰¹.

среднего достатка. Мы уже видели, что в результате аграрной реформы именно эта группа получила выгоды в других местах Франции. По оценке ЛеГоффа и Сазерленда (Le Goff and Sutherland, 1983, 75), на западе Франции чистые последствия данных реформ в части обременений для крестьянства варьировались от нуля до *увеличения* на 40%. Поэтому авторы полагают (Le Goff and Sutherland, 1974, 109), что из работ Поля Буа, Марселя Фошо и Чарльза Тилли имеет смысл извлечь одну плохо развитую общую тему: «В целом масса бедняков, населявших французское село, получила от революции мало, если вообще что-либо, а в районах контрреволюции именно эти люди отчаянно, а иногда и силой своей численности демонстрировали недовольство и поднимались на восстания». Поэтому движение шуанов (*chouanneries*) можно интерпретировать как крестьянскую революцию (под маской народного роялизма) против базирующейся в городе власти «людей, чьи корни совпадали с классом буржуазных лендлордов, которые получили власть на выборах 1790 года и сохраняли ее впоследствии» (Le Goff and Sutherland, 1983, 86). При такой интерпретации контрреволюция выглядит подозрительно революционной. В свете данного аргумента Клод Мазорик избегает наименования «контрреволюционный», используя для определения народной оппозиции более утешительный термин «антиреволюционный» (Mazaucic, 1985, 239).

²⁰⁰ Либеральную версию, согласно которой французский «испут перед лицом очевидной благоприятной возможности» на протяжении XIX века был следствием страха крестьян, что «революционное землеустройство» может быть обращено вспять, см. в: Grantham (1980, 259). Грантхэм оплакивает (р. 527) несостоятельность французского капиталистического духа (*ethos*): «Если бы землевладение во Франции было более сконцентрированным, то индивидуальные хозяева земли определенно больше работали бы над обеспечением консолидации своих имений».

²⁰¹ Chaptal (1819, I, 90). Остальные шесть объяснений напоминают преобладающую сегодня научную литературу: отсутствие сдерживающих регуляций, механизация, избыток угля и внутренних каналов, техническое разделение труда, колониальные владения и господство на морях, благосклонное правительство, работающее над поиском внешних рынков и подавлением внутренней конкуренции (pp. 91–93). Как утверждает Крузе (Crouzet, 1981, 72), «действительно, существовало несколько факторов, предложенных сегодняшними комментаторами в качестве объяснения экономического роста Англии в течение XVIII века, из которых французские комментаторы и писатели того времени не вынесли даже мимолетного впечатления».

Возврат к протекционизму определенно был одной из непосредственных забот для значительной части тех людей, которые делали революцию и/или пришли к власти в результате ее. «Нет сомнений в непопулярности [англо-французского торгового] соглашения 1786 года среди членов [Учредительного] собрания и в стране в целом»²⁰². В 1793 году договор Идена был формально отменен Конвентом.

Это ни в коем случае не входит в противоречие с другим ключевым экономическим решением, повлиявшим на промышленное производство, — отменой внутренних таможенных тарифов, наконец воплотившей мечту Кольбера²⁰³. За этот жест (как и за упразднение гильдий) революция получает похвалы Хекшера, который приветствует ее «негативный результат» — ликвидацию «иррациональной монструозности» промышленного законодательства времен *Ancien Régime*. Хекшер называет этот шаг «гигантской реформаторской работой»²⁰⁴. В принципе, с этим должен согласиться и Собуль, поскольку он рассматривает революцию как триумф буржуазного либерализма, однако он рассуждает о различных протекционистских мерах (тарифы, *Exclusif*, Навигационный акт 1793 года²⁰⁵): «Буржуазия Учредительного собрания, столкнувшись с опасностями иностранной конкуренции, пошла на компромисс со своим торговым либерализмом». Собуль называет это «еще одним доказательством реализма людей 1789 года»²⁰⁵. Но почему это был «компромисс»? О компромиссе можно говорить только в том случае, если допустить, что капиталисты по определению благоприятствуют свободной торговле и минимальной роли государства²⁰⁶.

²⁰² Milward & Saul (1973, 167). М. Теремин, автор меморандума Форин Офис [министерства иностранных дел Великобритании] 1797 года, в котором анализировался договор 1786 года, утверждал, что британцы стремились к «взаимности», поскольку у них было два преимущества на рынке. Во-первых, в тот момент времени они были более эффективными производителями, а во-вторых, в результате соглашения они открывали английский рынок емкостью в 8 миллионов человек в обмен на французский емкостью 30 миллионов (А. Е. 46, 287). Несколькими годами спустя новый меморандум М. Арну (А. Е. 46, 331 bis) выступал против возобновления договора 1786 года по следующим соображениям: «Общественное мнение представляется крайне удовлетворенным тем, что национальные интересы были отмыты за тот ужас, который причинил [Франции] договор 1786 года, признанный бедствием, особенно нашими мануфактурщиками».

Однако Крузе (Crouzet, 1962, 217) выступает против предположения Жувенеля (Jouvenel, 1942, 127—128), что одно лишь французское экономическое сопротивление Британии вело к разрыву Бонапартом Амьенского договора 1802 года. Крузе ссылается на британский меморандум 1802 года, который предполагает сдержанное отношение к возобновлению договора 1786 года. Однако есть много причин, почему в 1802 году Британия могла быть сдержанной. Среди прочего возобновление договора могло подать неверный геополитический сигнал, а крах французской экономики мог сделать возобновление торговли не столь соблазнительным.

²⁰³ См. Cobban (1963, 176).

²⁰⁴ Heckscher (1934, I, 456—459).

²⁰⁵ Soboul (1976a, 14).

²⁰⁶ Питт, по меньшей мере, не имел подобных иллюзий относительно роли французского государства. Еще одной агрессивной акцией Франции было открытие устья Шельды, которое было заблокировано со времен Нидерландской революции в XVI

Для многих общий смысл Французской революции заключался в том, чтобы расширить, а не сократить роль государства. Кто этого хотел и почему? Руссо действительно четко сформулировал эту проблему в своем различении общей и всеобщей воли²⁰⁷, то есть общего интереса против суммы отдельных волей²⁰⁷. Современное государство в рамках межгосударственной системы как раз и является полем битвы в рамках этого бесконечного напряжения. Усиление государства очевидно означает сокращение (если не устранение) способности частных волей преобладать над некой более общей волей, которая стремится оптимизировать преимущества государства и его граждан-бенефициаров (данная группа меньше, чем все граждане) в мире-экономике относительно граждан-бенефициаров других государств. Тем самым государство становится механизмом, при помощи которого коллективные интересы буржуазии, локализованной в данном государстве, преобладают (когда это действительно происходит) над частными интересами отдельного буржуа. Конечно, это непрекращающаяся проблема, но время от времени она обостряется. Она склонна обостряться, а значит, форсировать определенное движение всякий раз, когда одно или больше прочих государств находятся на пороге рывка вперед для изменения своего положения по отношению к тому государству, о котором шла речь первоначально. Именно такой, как мы видели, и была дилемма Франции в 1780-х годах²⁰⁸.

Как замечает Герберт Люты, в юридической «путанице» *Ancien Régime* «не было ни одной установленной группы, ... не имевшей привилегий для защиты», в связи с чем любой королевской администрации XVIII века — неокольбертистской, либеральной или физиократической — «приходилось становиться революционной или же застревать». Все «прогрессивные» тенденции возлагали свои надежды на «просвещенный деспотизм»²⁰⁹. Французская революция и Наполеон обеспечили именно этот просвещенный деспотизм в смысле административной структуры государства, что признает и до определенной степени станет осуждать Токвиль, этот осмотнительный консерватор²¹⁰.

веке. См. Wallerstein (1974, 185—186; 1980, 53—54, 198, см. сс. 227-228 I тома и сс. 64, 84, 238 II тома рус. изд.). Это рассматривалось как «прямая угроза британской торговле и военной безопасности. Когда французские военные корабли форсировали реку, это означало, что Антверпен, нарицательный „пистолет“, нацеленный в сердце Англии, теперь мог использоваться в качестве антибританской базы для мореплавания или даже для вторжения. Ни одно другое действие настолько не сдвинуло тяжелого на подъем Питта с его позиции нейтралитета» (Ascheron, 1975, 90).

²⁰⁷ Rousseau (1947 [1762]), кн. II, гл. III.

²⁰⁸ Похоже, что шлюзы открывались по всем направлениям, и вопрос заключался не только в таких прямых проблемах, как экономические последствия договора Идена. Отметим описанные Лефевром (Lefebvre, 1947b, 32—33) косвенные дипломатические последствия кризиса французских финансов: «За неимением денег французскому правительству пришлось допустить прусское вторжение в Голландию» [в 1788 году] в поддержку штатгальтера против голландской буржуазии. Штатгальтер разорвал альянс с Францией и вступил в союз с Англией.

²⁰⁹ Lüthy (1961, 14—15).

²¹⁰ «Причина, повлекшая за собой столь легкое падение монархии, уже после краха последней дала возможность вершить все, что угодно... А поскольку все то, что

Однако факт заключается в том, что никакой подлинно всеобщей воли не существует — есть лишь воля государства или консенсус, основанный на более или менее стабильном политическом схождении отдельных волей. В данный момент общим местом является признание того, что слом этой «стабильности» во Франции (то есть революция) принял две различные формы: раскол среди привилегированных страт и конфликт между привилегированными и непривилегированными стратами. Если говорить об этом столь мягко, то несогласных почти не будет. Но требуется приложить определенное усилие, чтобы присоединить понятийный аппарат к этим двум схваткам, вокруг которых кипели историкографические баталии, связанные с Французской революцией (а их посредством — и основные политические битвы мир-системы Модерна).

«Классовая» терминология, которую для описания политических акторов (аристократы, буржуа, санкюлоты, крестьяне и порой пролетарии) используют в данном споре почти все, внедряется в ряд политических кодов, имевших весьма смутное отношение к реальным процессам борьбы. Поэтому я бы хотел очертить свою позицию по трем моментам дискуссии, которые я считаю ключевыми. (1) Какими были в действительности отношения между «аристократией» и «буржуазией» в этот период? (2) Каковы были подлинная роль и цели «народных масс» (городских и сельских) в Французской революции? (3) Кем были якобинцы?

Бесспорно, что при *Ancien Régime* аристократия и буржуазия были различными социально-правовыми категориями. Однако можно поспорить, являлись ли они представителями разных классов. Читатели этой книги должны помнить, насколько скептически я отношусь к тому, что подобные разновидности социально-правовых категорий могут многое сказать (если вообще что-нибудь говорят) об экономических функциях данных групп (во Франции и где угодно в другом месте) с самого момента возникновения капиталистического мира-экономики в XVI веке. И если они не отвечают на этот вопрос, а представители указанных групп в значительной мере совпадают друг с другом в качестве де-факто капиталистических предпринимателей, то в таком случае триумф (если можно его так назвать) «буржуазии» над «аристократией» в ходе Французской революции не является ни необходимым условием, ни коррелятом, ни следствием перехода от феодализма к капитализму во Франции, но скорее выражением острой внутри«элитной» (*intra-„elite”*), или, если угодно, внутрибуржуазной, борьбы вокруг устройства и основных направлений политики французского государства.

Может ли быть обоснована такая точка зрения? Для утверждения, что революция началась как внутренняя распря высшего класса, не нужно призывать на помощь Шатобриана, Лефевра или какого-то другого более позднего

ранее способствовало ограничению централизации, оставалось разрушенным, из недр нации, только что низвергнувшей королевскую власть, возникла новая власть — обширная, организованная и сильная, какой не пользовался ни один из наших королей... Властелин [Наполеон] пал, но главный дух содеянного им уцелел; его власть умерла, но администрация продолжала жить; и с тех пор каждый раз, когда французы пытались уничтожить абсолютную власть, они ограничивались тем, что к телу раба приставляли голову свободы» (Tocqueville, 1955, 205, 209, цит. по рус. изд.).

комментатора. Об этом хорошо заявил уже сам Робеспьер: «Так и вышло, что во Франции судебские, знать, клирики, богатые дали исходный толчок революции. Народ появился на сцене лишь позже»²¹¹. В самом деле, один из еще более ироничных фактов этой великой драмы состоит в том, что среди составляющих британского «образца», который во Франции привлекал внимание и вызывал восхищение в предшествовавший революции период и тем самым внес свою лепту в готовность стать на «революционный» путь, была политическая и экономическая сила британской *аристократии*²¹². Наконец, никогда нельзя забывать, что именно Великобритания, символическое средоточие (*heartland*) столь многих черт современного капитализма, была одной из тех стран, где «аристократия» как таковая в эпоху Модерна до последнего сохраняла масштабнейшую роль.

Как уже было отмечено, так называемая социальная интерпретация Французской революции (как преимущественно «буржуазной революции») в последние годы была подвергнута значительным систематическим нападкам. Однако некоторые сомнения относительно описания революции как дела буржуазии, для которой революция была структурно необходима в ее собственных интересах (в отличие от интересов феодальной аристократии), можно обнаружить и в исследованиях самих сторонников социальной интерпретации. К примеру, главная работа Альбера Матье начинается с признания того, что в 1789 году положение дел было таково, что реальная власть абсолютной монархии была ограниченной, сеньоры уступили всю публичную власть государству, крепостное право фактически уже давно исчезло, феодальные ренты стали малозначимым явлением, а буржуазия, «несмотря на оковы корпоративного режима, [была] тем не менее не настолько оппозиционной, как мы были уверены», поскольку, несмотря на все ограничения, «торговля и промышленность на протяжении [XVIII] века росли»²¹³. Где же тогда структурная необходимость в революции?²¹⁴

²¹¹ Цит. в: Cobban (1963, 137).

²¹² «В XVIII веке политическое господство и экономические успехи британской знати вызывали на континенте (особенно во Франции) такое же восхищение и зависть, как и собственно британское государственное устройство (*Constitution*)... Подобные впечатления, хотя они и были основаны на ограниченном опыте внутренних механизмов и обычаев английской политической жизни и искажались политическими предрассудками, не были целиком ошибочными» (Goodwin, 1965b, 368).

Восхищение французов ролью британской аристократии было, конечно, лишь частью более широкого ощущения неполноценности Франции в сравнении с Британией, которое имело место в этот период и охватывало практически все сферы жизни. См. обзор французской литературы XVIII века по данному вопросу в: Crouzet (1981). Это восхищение ролью британской (земельной) аристократии было неустранимо. Перкин утверждает, что именно «господство в правительстве и в обществе земельной аристократии, ревностной к короне», позволило Британии предпринять «решительный шаг в направлении индустриализма». Х. Дж. Перкин рассматривает данный фактор в качестве необходимого политического условия для британского рывка (*take-off*) (Perkin, 1969, 63—64).

²¹³ Mathiez (1923—1924, 9).

²¹⁴ Далее Матье и вправду переходит к проявлениям социальной несправедливости, от которых страдала буржуазия (Mathiez, 1923—1924, 47). Однако стремление связывать революцию с тягой к удовлетворению самолюбия (*amour propre*) не дотягивает до социальной интерпретации. Более того, Матье завершает открывающую его книгу

Лефевр, анализируя Декларацию прав человека, объясняет отсутствие в ней настоящего требования права собственности тем, что оно не представлялось авторам документа значимым, «поскольку это право Старый порядок не ставил под вопрос. Напротив, министры и чиновники XVIII века всегда говорили о собственности с уважением, в полностью буржуазной манере»²¹⁵. А Мишель Вовель и Давид Рош убедительно заявляют, что во Франции XVIII века термин «буржуа», хотя он, конечно, обозначал и простолюдина, тем не менее был «ограничен [социально] неактивными группами». На деле Французская революция вовсе не дала этой группе восторжествовать, а «нанесла смертельный удар по этому социальному классу»²¹⁶.

Но не есть ли все это «тривиальная игра слов», по выражению Баррингтона Мура? — ведь «конечным итогом» была западная парламентская демократия, а «разрушение политической власти земельной аристократии представляет собой наиболее значимый процесс, действовавший в ходе французской модернизации»²¹⁷. Совсем наоборот! — едва ли это игра слов, причем по двум причинам. Если Французскую революцию действительно и дальше интерпретировать как в первую очередь антифеодальную революцию капиталистической буржуазии, то мы и правда потратим много времени на то, чтобы объяснить, почему ей так много не удалось в деле достижения более значимой экономической трансформации, чем та, что произошла. Хобсбаум, ломая голову над этим «парадоксом», возлагает основную вину за это на крестьянство²¹⁸. Но это, конечно же, лишь ведет к следующему вопросу: зависит ли успешная «буржуазная революция» от политически слабого крестьянства? А если «классической» буржуазной революции «не удалось» осуществить ее буржуазные цели, то в чем же польза от самого понятия буржуазной революции?

В таком случае вышесказанное приводит нас ко второму соображению, по которому не приходится говорить о пресловутой игре слов. Акцент на

мизансцену следующим несколько пугающим утверждением: «Если бы Людовик XVI взобрался на своего коня [25 июня 1789 года], если бы он принял личное командование своими войсками, как это сделал бы Генрих IV, возможно, ему бы удалось удержать [войска] в подчинении и тем самым пожать плоды этой демонстрации силы. Но Людовик XVI представлял собой буржуа».

²¹⁵ Lefebvre (1947b, 175).

²¹⁶ Vovelle & Roche (1965, 26).

²¹⁷ Moore (1966, 105—106). Или же в более мягкой форме: «Кто бы ни победил в революции, проигравшим в ней был знатный землевладелец» (Forster, 1967, 86). См. аналогичные утверждения в: Rudé (1964, 288, 290), Shapiro (1967, 510), Tilly (1968, 161) и Hirsch (1980, 330).

²¹⁸ Хобсбаум говорит о «гигантском парадоксе» Франции середины XIX века (Hobsbawm, 1962, 212—213): развитие страны должно было идти наиболее быстро, поскольку Франция обладала «институтами, идеально подходившими для капиталистического развития», однако оно происходило «определенно медленнее», чем в других местах. Хобсбаум объясняет этот парадокс с точки зрения истории Французской революции: «Капиталистическая часть французской экономики была надстройкой, воздвигнутой над неподвижным базисом крестьянства и мелкой буржуазии».

центральной значении борьбы буржуазии против феодального порядка привел к очень искаженному (а в конечном итоге, и к весьма натянутому) представлению о мятеже народных классов даже (если не в особенности) среди сторонников социальной интерпретации революции, большинство из которых рассматривают себя в качестве выразителей интересов этих самых классов. И это верно, несмотря на невероятный объем научных усилий, потраченных в последнее время на изучение санкюлотов и крестьян²¹⁹.

Таким образом, необходимо перейти ко второму поставленному выше вопросу — о роли и целях этих «народных сил». Матье называет их «Четвертым сословием», и в значительном количестве эту группу составляли, конечно же, селяне. Все рассуждения об альянсе буржуазии и этих народных сил основаны на одном основополагающем факте, на который указывает Матье:

«Владеющая собственностью буржуазия внезапно убедилась в этом неприятном лице Четвертого сословия. Буржуазия не могла допустить экспроприацию знати, не опасаясь за собственную судьбу, поскольку она держала значительную часть земель знати и получала от селян сеньориальные ренты»²²⁰.

Речь не идет об альянсе: похоже, с самого начала народные классы действовали независимо, и на эти действия капиталистические группы (на какой бы стороне политической междоусобицы они ни располагались) отвечали с разной степенью жестокости или страха.

Начнем с «крестьянской революции», которая в действительности оказывается рядом схваток, происходивших — что признает даже Собуль — «в сердце Французской революции»²²¹. Если рассматривать эти столкновения, несущие в себе продолжающийся конфликт, который был растянут на всем протяжении XVIII века и просто достиг кульминации в более насыщенных насилием 1789—1793 годах²²², то представляется резонным воспринимать крестьянские волнения в качестве сопротивления «капиталистическому

²¹⁹ Я думаю, что в данном случае Фюре (Furet, 1982, 74) точно попадает в цель: «Лучше всего известно именно то, что совершенно не является буржуазным в этой революции и что тем более в ней восхищает — крестьяне и городские народные массы. Возможно, именно это и выступает доказательством того, что понятие буржуазной революции не является вполне операционным, поскольку оно не породило поле исследований для социальной истории».

²²⁰ Mathiez (1923—1924, 59).

²²¹ Soboul (1976a, 17).

²²² «Схватки и авангардные сражения между сеньорией, которая постепенно „физиократизировалась” и становилась более урбанизированной, с одной стороны, и, с другой, крестьянскими меньшинствами, как никогда образованными и отвергавшими принесение своих надежд в жертву на сеньориальном алтаре капиталистической революции в английском стиле, происходили на протяжении всего XVIII века. В 1789 году революционные события неожиданно вывели эти конфликты, ранее незначительные или подавляемые, на первый план» (Le Roy Ladurie, 1974, 22).

«Ненависть крестьян к помещику возникла не вчера... Но одной из причин того, что в 1789 году крестьяне оказались в состоянии всеобщего мятежа, необходимо считать созыв Генеральных штатов» (Lefebvre, 1947b, 143).

наступлению», используя формулировку Пьера де Сен-Жакоба²²³. Последнее во многих территориях (особенно на северо-востоке, востоке и центре-востоке Франции) имело целью приобретение, уничтожение или сокращение «коллективных прав» французских крестьян и часто в основном добивалось в этом успеха. Крестьяне же отвечали на это «оборонительными действиями»²²⁴.

За десятилетиями подобных акций последовал созыв Генеральных штатов. Кроме того, как мы знаем, это случилось в момент особенно острого продовольственного кризиса. Крайние страдания деревенских бедняков смешались и слились с опасениями (которые также были присущи группе более или менее зажиточных крестьян) по поводу их «коллективных прав». В этой борьбе против «капиталистического наступления» и зажиточные крестьяне, и деревенская беднота делали меньше различий между «аристократией» и «буржуазией», чем это были склонны делать как сами аристократы и буржуа, так и последующие ученые²²⁵. Для сельских работников и аристократы, и буржуа были частью «привилегированных классов»²²⁶.

В таком случае, если рассматривать крестьянские бунты в качестве «ключевой повстанческой составляющей»²²⁷ Французской революции, необходимо объяснить, что делало эти мятежи такими взрывными. Мне представляется, что

²²³ Saint-Jacob (1960, 572). См. тж. Lefebvre (1963, 572): «Проникновение капитализма в сельское хозяйство происходило под маской феодальных прав, которые теперь оказывались еще более невыносимы. Капитализм извращал их природу, поскольку некогда эти права преследовали целью содержание сеньора, который жил среди своих крестьян, а теперь они оказались в руках капиталистов, думавших только о том, как извлечь из них прибыль».

²²⁴ Эта формулировка Чарльза Тилли использована в его исследовании восточной Англии между 1500 и 1900 годами (Tilly, 1982, 30), однако описанное им представляется одинаково верным и применительно к Франции: «Своеобразная крестьянская версия натурального хозяйства, в рамках которой контролирующая землю домохозяйства поставляют часть своей продукции на рынок, расширялась на ранних фазах капитализма и создания государств, прежде чем пойти на спад на поздних стадиях тех же процессов» (р. 9). Во Франции XVIII и XIX веков мы обнаруживаем именно сопротивление этой более поздней фазе, причем оно оказалось более успешным во Франции, чем в Англии.

²²⁵ «Отчаявшийся от голода крестьянин был неизбежной угрозой для аристократии. Буржуазия сама по себе никоим образом не была в безопасности. Ее часть налогов также оставалась неоплаченной, у нее в распоряжении находилось значительное количество сеньорий, буржуазия поставляла хозяевам поместий судей и *intendants* [управляющих — фр.], а в качестве откупщиков налогов буржуа надзирали за сбором феодальных повинностей. Крупные землевладельцы, богатые фермеры и торговцы зерном — все они в той же мере, что и сборщики податей и сеньоры, зарабатывали на сельскохозяйственной политике короля, ограничивавшей *droits collectifs* [коллективные права — фр.], столь дорогие для крестьян, и увеличивавшей стоимость пропитания, упирая на свободу торговли. Поскольку люди не хотели умирать от голода, они не видели причин, почему богатые — вне зависимости от того, кем они могли быть, — не должны раскошелиться в интересах бедняков. Юристы, рантье, купцы, фермеры, а в Эльзасе и евреи оказывались под такой же угрозой, как и священники и дворяне. У них тоже были причины бояться» (Lefebvre, 1973, 32—33).

²²⁶ Lefebvre (1973, 40).

²²⁷ Skocpol (1979, 112—113).

здесь сходились воедино противостояние долгосрочному процессу пролетаризации вместе с краткосрочным, но очень мощным фактором — требованием хлеба²²⁸. Это не доходило не только до Марии-Антуанетты — значительная часть «революционной» буржуазии, похоже, в равной степени не понимала, что для народных масс революция была «в той же мере революцией ради хлеба, что и ради политических прав человека»²²⁹.

Динамику этих народных настроений продемонстрирует взгляд на ход событий в период «Великого страха». В сельских территориях «нарастающая анархия» 1788—1789 годов вызвала к жизни «союз дворян и буржуазии в попытке защитить свою собственность от „Четвертого сословия“». Этот альянс потрясли события 14 июля, но «в ходе последующих беспорядков он вновь возник в провинциях гораздо чаще, чем принято считать»²³⁰. После 14 июля, когда «Великий страх» распространился по обширным территориям сельской Франции, революционные буржуа осуждали «аристократический заговор», а провинциальные аристократы, в свою очередь, обвиняли революционных буржуа. Лефевр в своем детальном изображении того, что происходило на самом деле, опроверг оба этих умозрения. Ясно, что после 14 июля крестьяне начали претворять свои требования в жизнь, отказываясь платить десятины и повинности и восстанавливая утраченные коллективные права. «Крестьянское население взяло свое дело в собственные руки»²³¹. «Великий страх» как следует плеснул масла в огонь, а тем самым «сыграл свою роль в подготовке к ночи 4 августа»²³². Так называемая отмена феодализма 4 августа 1789 года не была программой революционной буржуазии — она была навязана ей восставшим крестьянством. Национальное собрание тратило силы, пытаясь ограничить реальность этой институциональной трансформации²³³.

²²⁸ «В конечном итоге, остается неизбежный вывод, что первичным и наиболее устойчивым мотивом, двигавшим революционными толпами в этот период, была забота об обеспечении дешевым и обильным хлебом» (Rudé, 1967, 208). О том, почему хлебные бунты во Франции традиционно были явлением, характерным для зоны *grande culture* [«большой» культуры — *фр.*] (от Ла-Манша до Луары, за исключением Бретани) и зоны виноградарства, но не зоны *petite culture* [«малой» культуры — *фр.*], см. Hufton (1983). Здесь имеется определенная корреляция с основными зонами поддержки Французской революции.

²²⁹ Rose (1956, 171). Критикуя «историков, благосклонных к революции», за их веру в односторонние интересы буржуазии и «народных масс», Лефевр (Lefebvre, 1937, 24) утверждает, что «голод играл более значимую роль», чем допускали это историки.

²³⁰ Lefebvre (1973, 46, 49).

²³¹ Lefebvre (1973, 101).

²³² Lefebvre (1973, 211). См. тж. Aulard (1913, 200—201).

²³³ См. рассмотрение этого в: Zapperi (1972). См. тж. Soboul (1976d, 268): «Феодализм был разрушен в своей институциональной и правовой форме — но он сохранялся как экономическая реальность». Но было ли то, что сохранялось, феодализмом — или все же это был капитализм? Как пишет Лефевр (Lefebvre, 1963, 356) в своем обзоре деятельности Национального собрания и Конвента в 1789—1793 годах, общий достигнутый итог выглядит ясно: «К стремлениям громадного большинства крестьян революция не имела отношения».

В некотором смысле этой истории суждено повториться в последующие четыре года: правительство и легислатура будут предпринимать «радикальные» меры только под прямым давлением народных масс, причем всегда в некотором смысле стремясь их ограничить²³⁴. Это можно интерпретировать, как это делают Собуль и многие другие, будто крестьяне и санкюлоты принуждали испуганных буржуа к реализации логики собственно буржуазной революции²³⁵. Мне же представляется более ясным и очевидным считать, что крестьяне и санкюлоты осуществляли собственную революцию — революцию против «привилегированных классов» (на их языке), а на моем языке — против капиталистических групп²³⁶. В промежутке 1789—1793 годов это противостояние становилось еще сильнее, а не наоборот, поскольку устранение «аристократа» и церкви в качестве получателей сельской ренты зачастую попросту делало более интенсивной классовую борьбу в деревенских территориях между сельским тружеником и получателем прибавочной стоимости²³⁷.

Знаменитый проблемный вопрос о том, как интерпретировать Вандею и восстание шуанов, с данной точки зрения становится менее затруднительным.

²³⁴ «Когда вечером 4 августа 1789 года виконт де Ноай' огласил требования коммун, предположив, что это покажет народу, что „мы не противостоим ему в том, что ему интересно сохранить“, не стремился ли он обозначить пределы народного наступления на поле „привилегий“ и феодальной системы, сохранив на несколько лет еще и привилегию собственности? Необходимо убедиться в этой угрозе, чтобы понять сам этот возглас» (Hirsch, 1980, 327—328).

Кроме того, значительная часть прав, «восстановленных» крестьянством в 1789—1792 годах путем прямого действия, станет легитимной лишь позднее, посредством законов 28 августа 1792 года и 10 июля 1793 года". См. Gauthier (1977, 149—150, 163—166), см. тж. Hunt (1983, 137).

²³⁵ «С 1789 по 1793 годы крестьянский мятеж также приобрел хроническую форму в значительной части Франции. Он представлял собой динамическую силу революции, что часто не осознается... Если Французская революция является буржуазной, это не означает, что она делалась только буржуазией» (Soboul, 1973, 86—87).

Еще дальше идет А.В. Адо (Ado, 1977, 127), делая выговор массам, что они шли впереди буржуазии: «Общая проблема, поставленная в начале данного очерка, звучала так: каковы были историческое содержание и значение этой крестьянской эгалитаристской программы в буржуазной революции в конце XVIII века? Была ли эта программа антикапиталистической и поэтому [sic! — И. В.] ретроградной, консервативной с экономической точки зрения?... В большинстве случаев ответ должен быть положительным».

²³⁶ «Разрушая *Ancien Régime*, крестьянин стремился также реагировать на тот процесс, который вел общество в направлении экономической свободы и соревновательного индивидуализма, в направлении капиталистического общества. Наряду с ремесленником, крестьянин противостоял свободной торговле хлебом и требовал контроля над ценами (*la taxation*). Повсеместно он вновь обретал обычные права, которых ранее был лишен» (Lefebvre, 1978, 242).

²³⁷ «Многие историки по умолчанию допускают, что, когда революционный альянс крестьян и буржуазии наконец низложил феодальную систему, сельские вопросы были сочтены решенными, а крестьяне хотели лишь воспользоваться вновь обретенными благами при восстановленном порядке. Ничего подобного! Устранение феодального и духовного соперника, рост цен на сельскохозяйственную продукцию — все

Даже Мазорик, близкий в своей интерпретации революции к Собулю, утверждает, что эти явления были «прежде всего антибуржуазными»²³⁸. Поль Буа возлагает главную причину этих событий на иллюзию их участников, что Французская революция не принесла никаких реальных преимуществ сельскому земледельцу: «В той или иной форме он был по-прежнему вынужден платить»²³⁹. Чарльз Тилли не только делает тот же вывод относительно крестьян²⁴⁰, но и обнаруживает, что у контрреволюционных сил была столь же значительная база среди рабочих мануфактур²⁴¹. Почему в таком случае не рассматривать Вандею как часть крестьянской антибуржуазной борьбы, развернувшейся по всей Франции?

Этот сюжет в целом не слишком отличался в городских территориях, причем наиболее примечателен он был в Париже, где санкюлоты, можно сказать, выступали городским аналогом мелких крестьян с определенным количеством земли (в частности, *laboureurs* [крестьян среднего достатка]), то есть угнетенных, но не неимущих работников. Как крестьяне боролись против

это разжигало аппетит землевладельцев. Поскольку последние чаще всего контролировали муниципалитеты, они могли легко трансформировать эти традиционно использовавшиеся крестьянами естественные оборонительные рубежи в оружие против тех, кто работал на земле» (Aberdam, 1975, 73). Далее Абердам отмечает появление выражения «буржуазная десятина» (р. 88), добавляя (р. 89): «Издольщики революции, наследники трех столетий антифеодальной борьбы, противостоя своим хозяевам, отстаивали, по сути дела, замаскированную заработную плату».

²³⁸ Mazauric (1965, 71). Мазорик приводит более детальное свидетельство этого, но далее заключает (р. 75): «В итоге крестьянские бунты (*chouannerie*) возникали всякий раз, когда буржуазия рассматривалась как паразитическая, когда она вступала в компромисс с феодальной системой вместо внедрения революционных процессов разделения труда и капитализма, когда она подавала пример исторического „провала“». Причем Мазорик опять же обвиняет (р. 66) крестьян за то, что они опережали свое время: «[Если историк] понимает Французскую революцию как знак прогресса, он не может считать восстания шуанов „легитимными“, даже если его берут за душу их народные обоснования и богатый набор примеров бедствий и личного благородства». В другом месте Мазорик (Mazauric, 1967, 364) напоминает о точке зрения Жореса: «Именно народ навязал свои взгляды и спас буржуазную революцию Просвещения». Стало быть, без «народа» буржуазная революция не удалась бы. Но когда «народ» на западе Франции противостоял революционному правительству, он тут же оказывался «нелегитимным».

²³⁹ Bois (1971, 347). «Недоворие к фактически совершенному городской буржуазией перевороту было самым глубоким в тех зонах, где было вытеснено наиболее сильное стремление стряхнуть все формы господства» (р. 344). См. Sutherland (1982) о классовой основе деревенского движения шуанов (фермеров-арендаторов, а не независимых крестьян-собственников). Хотя Сазерленд утверждает, что это не полная картина, он просто изменяет свою аргументацию в деталях. Харви Митчелл также рассматривает Вандею как «проявление народного недовольства» (Mitchell, 1974, 117).

²⁴⁰ «С начала революции [крестьяне] противостояли и возмущались попыткам буржуазии установить контроль над коммуной» (Tilly, 1968, 281).

²⁴¹ «Как оказывается при ближайшем рассмотрении, ростки очень большого количества эпизодов так называемого крестьянского мятежа 1789 года на западе Франции в действительности носили в себе полугородские рабочие, а не крестьяне... То, что три

«привилегированных классов» (включавших без различия аристократов и буржуа), так и городские рабочие боролись против «аристократии», под которой подразумевались не просто знатные люди, но

«богатые и праздные, крупные землевладельцы и капиталисты, спекулянты, жирондисты, те, кто платил рабочим недостаточное жалованье, те, кто носил длинные напудренные волосы, те, кто часто посещал священников, которые не принесли присягу верности республике, те, кто имел умеренные политические взгляды любого толка, и даже те, кто просто был равнодушен к политике»²⁴².

При подобном определении неудивительно, что санкюлоты и революционное правительство были, по меньшей мере, столь же часто не в ладах друг с другом, сколь часто они были союзниками. Санкюлоты были более всех недовольны обесцениванием ассигнаций²⁴³ и ценами на хлеб — оба эти обстоятельства обусловили подлинный «разрыв» между ними и правительством²⁴⁴. Их требование максимума [цен] было удовлетворено якобинской буржуазией не добровольно²⁴⁵, но, по утверждению Собуля, «лишь по принуждению

наиболее бурные серии народных восстаний в ходе всей революции — «сельскохозяйственные» революции в Мене и «нормандский бокаж» в 1789 году, партизанское движение шуанов в Мене, Нормандии, Бретани и на севере Анжу с 1793 года и собственно Вандея — разразились в зоне сельского текстильного производства на западе Франции может быть больше, чем просто совпадением» (Tilly, 1968, xi). Вспомним, что многие из этих работников текстильной отрасли потеряли работу, когда текстильное производство рухнуло вслед за договором Идена.

Марсель Фошо утверждает, что и городскими, и сельскими повстанцами «двигали в первую очередь материальные нужды» (Faucheux, 1964, 384). Вандея на протяжении многих лет испытывала наиболее тяжелый голод в сравнении с остальной Францией (р. 191). Андре Бенджеббар отмечает, что зоны бокажа были ориентированы на рынок, а «ассигнации уничтожили розничную торговлю мясом» (Bendjebbar, 1987, 95).

²⁴² Sewell (1980, 111). Подобное словоупотребление, по словам Сьюэлла, было «тесно связано с представлением санкюлотов о месте труда в обществе... Для санкюлотов полезный труд... выполнялся лишь теми, кто работал собственными руками».

²⁴³ Ференс Фехер (Fehér, 1987, 40), опираясь на работу Falkner (1919), вполне убедительно демонстрирует, что история ассигнаций была не случайной неудачей, а политическим выбором, при котором «постоянная девальвация придает политический и временный приоритет бюджетным нуждам — хотя и за счет тех, кто живет на заработную плату».

²⁴⁴ Soboul (1958a, 259). «Враждебность санкюлотов в отношении торгового капитала в первую очередь символизировала настойчивость их требований против валютных операций» (р. 475). Именно из-за своего недоверия к правительству они никогда «не прекращали предъявлять права на одобрение законов народом» (р. 510).

Санкюлоты настолько сильно ощущали этот антагонизм, что были готовы отделиться даже от мелкой буржуазии. «Народное насилие привело к потере движением санкюлотов симпатий массы мелких буржуа, домовладельцев, мелких лавочников, людей *ayant pignon sur rue* [имеющих свой дом — фр.], которые, принадлежа к той же социальной категории, что и верхний слой санкюлотов, были весьма обеспокоены уни-

и насильственно»²⁴⁵. Но зачем тогда говорить о «двойственной позиции санкюлотов», как это делает тот же Собуль?²⁴⁶ Гораздо более верной представляется точка зрения Фехера, который называет прямую парижскую демократию «наиболее ярким примером антикапиталистической политической воли в истории раннего Модерна»²⁴⁷. Какого иного отношения следовало ожидать к правительству, которое запрещало рабочим создавать свои организации (*loi Le Chapelier* [закон Ле Шапелье — *фр.*]) и накануне Термидора рассматривало их демонстрации и забастовки как «преступные действия»?²⁴⁸

Односторонняя постановка проблем часто создает путаницу в рассмотрении классовой борьбы между городскими работниками и буржуазией — имеется в виду подразумеваемый непролетарский характер санкюлотов. Похоже, что большинство исследователей соглашались с определением этого, по

чтожением собственности и относились к этому с отвращением... Средний якобинец не мог не отторгать любое движение, которое не выглядело предлагающим гарантий гражданского мира. *Ancien Régime* был свергнут, поскольку он был не в состоянии поддерживать внутренний порядок, но парижский лавочник, не осуждавший хищническую жестокость французских сеньоров, ... окажется перед слепой яростью полунищих женщин» (Cobb, 1959, 64).

²⁴⁵ Soboul (1958, 11).

²⁴⁶ Soboul (1954, 55). Эта «двусмысленность», как утверждает Собуль, объясняет «определенные ошибки в перспективе», подобно тем, что делает Даниэль Герен.

²⁴⁷ Fehér (1987, 82—83). Конечно, Фехер настаивает на негативной стороне этого, утверждая, что данная «антикапиталистическая политическая воля... была неразрывно связана с идеей террора». Даже если это было верно применительно к 1793 году, я не могу согласиться с любым подразумеваемым выводом, что так должно было произойти с неизбежностью.

Коре Д. Тоннессон, рассматривая восстания жерминаля и прериала III года Республики (1795), также напоминает, что «именно ненависть санкюлотов к богатым... придает этим восстаниям характер классового конфликта», добавляя, что данное отношение «было не менее осознанным по ту сторону баррикад» (Tønnesson, 1959, 347). О санкюлотах как о неимущих политических бойцах см. Burstin (1986, 45—46). О споре, следует ли рассматривать санкюлотов в первую очередь как социальный или политический феномен, см. Rudé (1962, 370—372) и Zacker (1962, 384).

²⁴⁸ Kaplan (1979, 75). См. далее: «Так ли это отличалось от выдвинутого полицией Консульства обвинения рабочей агитации в деяниях „английского комитета“? Сильно ли это отличалось от того утверждения о заговоре, которое позволило Тюрго отрицать народный и спонтанный характер „мучной войны“? То, что при Старом порядке считалось преступным неповиновением, стало благодаря практически бессознательному переносу контрреволюционным преступлением. Одно было не менее разрушительным и бесславленным, чем другое».

Более того, революция, можно сказать, отчасти даже была средством, при помощи которого буржуазия снизила классовое давление городских рабочих. Морис Гарден (Garden, 1970, 592) описывает острую «классовую борьбу» шелковых мануфактурщиков и их работников, которая достигла пика в последние годы *Ancien Régime*, однако «парадоксальным образом история революции в Лионе отмечена отступлением требований рабочих и ослаблением их позиций. Лионским рабочим потребуется много времени, чтобы восстановить свою сплоченность и силу и вновь постараться страхнуть пути зависимости, в которые их поймали купцы-мануфактурщики».

существо, политического термина через род занятий. Санкюлоты — это было «слово-гармошка»²⁴⁹, включавшее мелких лавочников, мелких торговцев, ремесленников, поденщиков, чернорабочих, бродяг и городскую бедноту²⁵⁰. Однако их «сердцем и ядром»²⁵¹ были ремесленники. Наемные рабочие были лишь меньшинством, «одним из элементов среди других»²⁵². Собуль стремится к отрицанию статуса пролетариев даже за этим меньшинством, называя их «наемными работниками старого стиля»²⁵³, что, очевидно, означает, что они работали в мелких лавках, а не на крупных фабриках.

Несомненно, в описательном плане все это верно. Однако в данном описании по умолчанию подразумевается резкий контраст с рабочими движениями в настоящих индустриализованных странах, которые имеют иную структуру. Так ли это верно? Не являлись ли сила и кадры большинства последующих рабочих движений порождением того сегмента рабочего класса, который в некотором отношении был «зажиточным», вне зависимости от того, составляли ли этот сегмент технически независимые ремесленники или более высоко оплачиваемые квалифицированные (и/или цеховые) наемные рабочие? Поиск тех, кому в самом деле было нечего терять, кроме своих цепей, привел бы во времена Французской революции к *indigents* [неимущим — *фр.*], а сегодня ведет к той группе, которая называется по-разному — субпролетариатом, люмпен-пролетариатом, неквалифицированными рабочими (часто иммигрантами), маргиналами, хронически безработными. И если мы станем утверждать, как это делает Собуль, что городским народным массам «не хватало подлинно классового духа»²⁵⁴, поскольку они следовали примеру ремесленников (даже если во время Французской революции так происходило всегда, что неверно), то что в таком случае следует сказать о классовом духе рабочих индустриализованных стран XX века?

²⁴⁹ Williams (1968, 19).

²⁵⁰ Это список см. в: Rudé (1967, 12).

²⁵¹ Williams (1968, 20). Однако Майкл Зоненшер утверждает, что в действительности санкюлоты были в большей степени поденщиками, нежели ремесленниками, и если бы их политический язык усвоил две данные категории, «то это было бы поглощение, в значительной степени основанное на понятиях, сформированных поденщиками» (Sonescher, 1984, 325).

²⁵² Tønnesson (1959, xviii). См. тж. Chaussinand-Nogaret (1981, 548).

²⁵³ Soboul (1968, 192). Контрастом к этой точке зрения выступает описание Лиона у Гардена (Garden, 1970, 595): «До 1789 года в городе, где знать играла лишь ограниченную роль, определенно имело место классовое общество, сложившееся на протяжении XVIII века, несмотря на силу традиций. Во многих отношениях общество Лиона XVIII века предвосхищает общество следующего столетия: господство буржуазии над промышленной рабочей силой уже было его основной чертой». См. тж. спор «среди историков-марксистов» об использовании термина «предпролетариат» для описания санкюлотов (Rudé, 1962, 375—377; Lotté, 1962, 387—390; Soboul, 1962, 392—395).

²⁵⁴ Soboul (1981b, 356). Тоннессон аналогичным образом говорит о том, что *indigents* становятся «политическими клиентами у патронов санкюлотов» (Tønnesson, 1959, xv).

Прежде, чем переходить к выводам, обратимся к последней дискуссии — о природе и роли якобинцев. В данном случае спор более существенно пересекается с современными политическими контекстами, чем во всех остальных случаях. Для большинства участников этого спора слово «якобинец» склонно выступать условным обозначением Третьего Коммунистического интернационала, находящегося у власти в СССР и других странах. Эта едва прикрытая кодовая дискуссия делает весьма затруднительным беспристрастный анализ той роли, которую якобинцы играли на самом деле. Тем не менее в целом имеются две позиции, которые любопытным образом идут вразрез с другими линиями. Либо якобинцы представляли собой нечто радикально отличное от тех, кто находился у власти до них — причем не только от *Ancien Régime*, но в равной степени и от жирондистов, — либо же они были еще одной вариацией той же самой правящей группы. Лагерь тех, кто верит, что данные различия были велики, объединяет Собуля и Фюре, в иных вопросах олицетворяющих резко противоположные точки зрения, а также к этой группе относится Фехер. Другой лагерь меньше, но включает столь различные фигуры, как Токвиль, Герен и Игонне.

Позицию сторонников социальной интерпретации вполне четко сформулировал Матье:

«Между жирондистами и Горой был глубокий — почти классовый — конфликт...

День 2 июня [1793 года]... был больше, чем политической революцией. Санкюлоты свергли больше, чем партию — в некотором смысле они свергли социальный класс. Вслед за аристократическим меньшинством, павшим вместе с троном, настала очередь высшей буржуазии...

Начиная с периода Учредительного собрания Робеспьер был наиболее популярным революционером среди класса ремесленников и мелких собственников, у которых он пользовался полным доверием. Он был неоспоримым лидером санкюлотов, особенно после смерти Марата»³⁵⁵.

Конечно, Фюре и Рише относят переломный момент революции в большей степени к 10 августа 1792 года³⁵⁶ (установление революционной коммуны Парижа), а не к 2 июня 1793 года (арест жирондистских депутатов)³⁵⁶. При этом они утверждают, что данный поворотный момент в большей степени был связан с политическими ценностями, чем с классовой борьбой:

«После 10 августа 1792 года война и давление парижской толпы уволокли революцию с того великого пути, который был намечен в XVIII веке интеллигенцией и капиталом (wealth) ... По ту сторону революции, которую так хорошо

³⁵⁵ Mathiez (1923—1924, 262, 383, 405). Вот почему произошла «ироническая трагедия» (р. 577), когда «дезориентированные санкюлоты» в конечном итоге повернулись против Робеспьера.

³⁵⁶ «2 июня 1793 года далеко не имеет той же значимости в истории революции, что 10 августа 1792 года», даже если эти события и означали «разрыв», «поражение парламентского правительства», а стало быть, «поражение революции» (Furet & Richet, 1973, 201—202).

понимал Жорес, находилась революция, инстинктивно ощущаемая Мишле — революция темных сил бедности и гнева.

Вынужденные вступать с ними в согласие, политики Горы уступили всем их требованиям: призыв в армию, контроль над ценами, террор. Но они сохранили то, что было значимо для них, — власть»²⁵⁷.

Несмотря на то, что для Матье якобинский период был великим позитивным аспектом революции, а для Фюре и Рише — в точности наоборот, они фактически приходят к общему мнению, что данный период глубоко отличался от «первой фазы» революции, а якобинцы и народные массы исходно находились на одной стороне.

Несколько иной поворот этой точки зрения представляет Фехер, у которого якобинцы в политическом отношении действительно представляют санкюлотов и остальные народные массы. Однако якобинцы выступают в данном качестве не как передовые представители радикальной буржуазии, а как «антибуржуа и антикапиталисты»²⁵⁸. Но для Фехера, как и для Фюре и Рише, якобинский опыт является негативным. Фюре и Рише считали его таковым, потому что он представлял собой *déravage* [уход в сторону — *фр.*] с либерального, парламентского пути — британского пути, который исповедовало Просвещение. Фехер, напротив, рассматривает не только якобинский опыт, но и стоящую за ним всю традицию мысли Просвещения как представляющую именно отрицание капитализма в британском «решении»²⁵⁹. И если для Фехера якобинский период представляется негативным, то потому, что он уверен: социализм должен быть чем-то большим, чем просто антикапитализм, а террор не может быть частью социализма²⁶⁰.

Токвиль нигде явно не рассматривает этот вопрос, однако его общий акцент на длительных структурах (*continuities*) сопоставим с любым ощущением основной поворотной точки в середине революции. Конфликтующие порывы к равенству и свободе имели место уже при *Ancien Régime*, и эта борьба просто продолжилась дальше, со своими спадами и подъемами. «Какой бы радикальной ни была революция, она ввела гораздо меньше новшеств, чем это обычно полагают». Скорее революция очень быстро завершила «дело, которое мало-помалу завершилось бы само собой»²⁶¹.

²⁵⁷ Furet & Richet (1973, 253).

²⁵⁸ Fehér (1987, 131).

²⁵⁹ Фехер (Fehér, 1987, 54—55) подчеркивает, в какой степени якобинство было сознательной попыткой исключить «британский путь развития или, по меньшей мере, британский путь развития в якобинском понимании». Он цитирует речь Робеспьера в Конвенте 10 мая 1793 года (*Oeuvres*, IX, 499): «Англия свидетель, что золото и власть монарха там постоянно склоняют чашу весов на одну и ту же сторону;... чудовищная форма правительства, публичные доблести которого — это просто скандальное шоу, в котором тень свободы уничтожает саму свободу, закон концентрирует в себе деспотизм, правами человека открыто торгуют, а коррупция бесстыдно разнуздана».

²⁶⁰ См. Fehér (1987, 149—154) об «обучении у якобинства» тому, что антикапитализм и социализм не идентичны.

²⁶¹ Токвиль. Старый порядок и Революция, с. 151. Недавнее эмпирическое исследование Мишеля Брюжьера (Brugière, 1986), подкрепляющее этот тезис, продемон-

Герен во многих отношениях является ортодоксальным представителем школы социальной интерпретации. Французская революция периода Учредительного и Законодательного собраний была буржуазной и оставалась таковой, как говорит Руде, «даже на пике якобинской демократии»²⁶². За тем исключением, что даже в этом случае она была для Герена не «демократией», а «буржуазной диктатурой»²⁶³, которая боролась против второй, самостоятельной — пролетарской — революции. Робеспьер был не агентом этой второй революции, а наиболее умным ее оппонентом. «Он сочинил дерзкий план:... пойти на уступки *bras nus* [рабочей голытьбе — *фр.*], не дав ей ничего существенного»²⁶⁴.

Игонне подходит к перечисленным вопросам с позиции, гораздо более близкой к отвержению Коббаном и Фюре самого концепта буржуазной революции (объективно, если не субъективно), а не с позиций социальной интерпретации. Однако при этом Игонне все же приходит к выводам, не столь отличным от тех, что делает Герен, поскольку Игонне рассматривает период 1792—1793 годов как промежуток «оппортунистического антинобилизма», в котором Террор был «стратегическим жестом,... предназначенным для того, чтобы впрячь „народ“ в дело буржуазной революции». В результате преследования аристократов (и жирондистами, и Горой) были «оппортунистической, тактической и демагогической» мерой, поскольку они, по сути дела, служили для отвлечения народного недовольства от его реального предмета — «буржуазного, индивидуалистического и капиталистического мирового порядка», в который уже давно были в равной степени вовлечены знать, *officiers* [чиновники — *фр.*] и буржуа²⁶⁵.

Какой вывод можно сделать относительно якобинцев? С любой точки зрения в рамках *longue durée*, мне представляется очевидным, что в «балансовой ведомости» французских политических и экономических структур господствуют «связи времен» (*continuities*), описанные Токвилем, а стало быть, Герен и Игонне больше приблизились к верной интерпретации якобинцев, чем остальные. Превращение Робеспьера в предтечу Ленина (вне зависимости от того, как воспринимать последнего) представляется мне определенно неверным прочтением той роли Робеспьера, в которой рассматривал себя он сам и его современники. Далее, мне представляется, что теория буржуазной революции не может

стрировало непрерывность в сфере французских финансов от Людовика XVI через революцию и Наполеона и далее не только в ее структурах и политических мерах, но в определенной степени и в персоналиях.

²⁶² Rudé (1954, 247).

²⁶³ Guérin (1968, II, 11).

²⁶⁴ Guérin (1968, I, 405). В опровержение точки зрения Герена часто утверждается, как это делает Маделин Ребериу (Rebérioux, 1965, 197—198), что он не принимает в расчет «невозможность подлинно социалистического выбора в 1793—1794 годах». Но даже если бы так и было, то это свидетельствует о мудрости того, к чему стремились народные массы, а не о том, чего они добивались в действительности.

²⁶⁵ Higonnet (1981, 39, 91, 112, 131). Аргументы Игонне позволяют легко объяснить жестокость ряда акций Конвента, таких как провозглашение 13 марта 1793 года смертной казни для «любого предлагающего аграрный закон» (имелось в виду насильственное перераспределение земельной собственности). См. Rose (1984, 113).

совладать с тем фактом, что реалии капитализма во Франции, как и в других местах Западной Европы, далеко предшествовали 1789 году.

Чем в таком случае была Французская революция? Много шума из ничего? Определенно нет. Она представляла собой три вещи — очень разные, но вместе с тем глубоко взаимосвязанные. Во-первых, это была сравнительно сознательная попытка разнообразных групп правящих капиталистических страт форсировать крайне необходимые реформы французского государства в свете ощутимого британского рывка вперед к позиции гегемона в мире-экономике. Как таковой этот процесс продолжился при Наполеоне, но, хотя упомянутые реформы удалось осуществить, цель предотвращения британской гегемонии осталась недостигнутой. На деле же революционный процесс во Франции, возможно, как мы увидим, даже усилил британское лидерство.

Во-вторых, революция создала ситуацию краха правопорядка, которой оказалось достаточно, чтобы запустить подъем первого значительного антисистемного (то есть антикапиталистического) движения в истории мир-системы Модерна — движения французских «народных масс». Как таковое оно, конечно, кончилось крахом, но, по сути, оказалось духовной основой для всех последующих антисистемных движений. Так произошло не потому, что Французская революция была буржуазной, а именно потому, что она ей не была.

В-третьих, революция обеспечила необходимый мир-системе Модерна в целом толчок для долгожданного приведения культурно-идеологической сферы в соответствие с экономической и политической реальностью. Первые столетия капиталистической экономики были в основном облачены в «феодальные» идеологические одежды — и это не является ни аномальным, ни неожиданным. Подобный лаг вполне нормален, а на деле структурно необходим. Однако такое положение дел не могло продолжаться вечно, и Французская революция, которая в этом смысле была лишь одной из составляющих (но при этом ключевой) «всемирной революции Запада», означала наступление момента, когда феодальная идеология наконец рухнула. Доказательство этого заключается в интеллектуальной реакции на революцию Бёрка и де Местра²⁶⁶. Потребность в защите «консервативных» идей явно появляется только тогда, когда они оказываются под принципиальным вопросом и более не принимаются большинством. До 1789 года это не было верным²⁶⁶, и революция была волнующей переменой, которая восхитила многих. Однако она означала не начало буржуазной, капиталистической эпохи, а момент ее полного созревания.

Поэтому теперь мы обратимся к истории франко-британского соперничества за гегемонию в мир-системе в этой последней, решающей фазе, длившейся с 1792 по 1815 годы. Этот период обычно отождествляется в литературе по кондратьевским циклам с фазой А — экономической экспансией²⁶⁷. В своем исследовании французской шерстяной промышленности с 1790 по 1810 годы

²⁶⁶ О британской консервативной идеологии как «продукте Французской революции» см. Western (1956, 603—605).

²⁶⁷ Относительно Великобритании см. Gayer *et al.* (1975, 486—500, 623—658 и Vol. II, *passim*); относительно Франции см. Labrousse (1965, 480—494).

Серж Шассань предупреждает, что этот период одновременно «вскрыл долговременные слабости и... ускорил неизбежные революции». Поэтому, утверждает Шассань, не надо преувеличивать случайные черты революционного периода и смешивать их с более глубокими, «структурными трансформациями», тем самым стремясь либо «возвеличить, либо очернить революцию»²⁶⁸. Однако была ли революция просто случайным фактором, даже в узко экономических терминах? До этого момента наша аргументация вела к сомнению в этом. Революция по большей части разразилась именно в ответ на структурные трансформации, происходившие в мире-экономике, и посредством своей динамики, как отмечает сам Шассань, «ускорила» эволюционные процессы²⁶⁹. Мы никогда не узнаем, были ли данные процессы в ином случае «неизбежными», — мы знаем лишь то, что они произошли.

Ключевой политической составляющей этой фазы франко-британского соперничества, которая отличалась от его предыдущих этапов, была фактически автоматическая вовлеченность обоих противоборствующих государств в любую происходившую «революционную» борьбу. Строго говоря, это отличие возникло не в 1789 году, а еще при *Ancien Régime*, в 1770-х²⁷⁰. Как мы знаем, в военном отношении Великобритании принадлежало абсолютное глобальное господство. Поэтому действительно можно утверждать, что «внутри в целом благоприятной *conjoncture* [обстановки — *фр.*] Великобритании создала политическими, а порой и военными средствами свою собственную *conjoncture*»²⁷¹. Именно эти военно-политические победы критическим образом увеличили экономический разрыв в сельском хозяйстве, промышленности, торговле и финансах.

²⁶⁸ Chassagne (1978, 164—165). См. тж. Markovitch (1976a, 484).

²⁶⁹ Это можно проиллюстрировать элементарной статистикой сравнительного роста в металлургии. Между 1720 и 1790 годами эта отрасль выросла в Англии на 100%, а во Франции — на 468%. Однако между 1720 и 1830 годами данный показатель для Англии составлял 2608%, а для Франции — всего 908%. См. Léon (1960, 179), срв. Lévy-Leboyer (1964, 326—332), Birch (1967, 47—56).

²⁷⁰ «Революционная борьба... была неотделима от борьбы между Англией и Францией. Британское правительство противостояло любым революционным усилиям... Французы, с другой стороны, и при Бурбонах, и при последующих республиканских правительствах покровительствовали фактически всем революционным потрясениям» (Palmer, 1954, 9—10).

²⁷¹ Morineau (1976b, 69). К такому же выводу приходит Хобсбаум: «Чему бы ни был обязан британский прогресс, это было не научное и не технологическое превосходство... [Британия] обладала достаточно сильной экономикой и достаточно агрессивным государством для того, чтобы захватить рынок своих соперников. В результате войны 1793—1815 годов... фактически устранили всех ее соперников из неевропейского мира, за исключением молодых США» (Hobsbawm, 1962, 47, 51).

Неф (Nef, 1957, 86) идет еще дальше, предполагая в качестве контрфактической гипотезы, что если бы Францию миновала революция, то она могла бы опередить Великобританию: «В [XVIII веке] лозунгом среди французов стало технологическое развитие в подражание Англии... К концу столетия французы во многих случаях стали совершенствовать британские достижения. И если бы не Французская революция и Наполеоновские войны, то потенциально они могли в это время вырваться вперед Ве-

Ключевое различие в сельском хозяйстве заключалось в том, что, в то время как во Франции политическая сила, продемонстрированная крестьянством в ходе революции, замедлила (и даже остановила) процесс концентрации собственности²⁷², в Великобритании военный период фактически ускорил этот процесс²⁷³. Тем самым был усилен разрыв между двумя странами и сформировано долгосрочное преимущество Британии XIX века в урожайности пахотных земель²⁷⁴.

В промышленности война также, похоже, имела явное воздействие на производство в ключевой текстильной индустрии. С одной стороны, самые последние обзоры данных по британскому экономическому росту, особенно

ликобритании даже в технологическом развитии, черпавшем свою силу в использовании угля». Однако это рассуждение, конечно, низводит политические события до области случайного, если не бессмысленного.

С другой стороны, скептическую позицию занимает Хартвелл, поскольку, по его утверждению, Англия тоже страдала. Хартвелл утверждает, что если бы не войны, то «ситуация была бы той же самой: Англия впереди, а Франция и Германия индустриализуются несколько позже» (Hartwell, 1972, 373). Со своей стороны, Макнил осмеивает представление о том, что война не играла решающей экономической роли для Британии. Он указывает на возросшие государственные расходы как фактор роста внешнего спроса, субсидии как фактор роста спроса внутреннего, не говоря уже о военных расходах, прокладывающих дорогу экспорту. Без всего этого «представляется невозможным поверить, что британское промышленное производство достигло бы чего-то подобного своему фактическому уровню» (McNeill, 1982, 211).

²⁷² См. Bergeron (1970, 490), Tulard (1970, 645—646), Milward & Saul (1973, 262—263). Крузе, полемизируя с Собулем, в качестве адвоката дьявола утверждает, что отмена феодальных повинностей «не была необходимым фактором роста», поскольку она могла уменьшить спрос. На ответ Собуля, что крестьяне в Наполеоновскую эпоху жили лучше, Крузе возражает: «Я полностью с этим согласен, но тот факт, что они жили лучше, означает рост натурального потребления, а кроме того, возможно, происходил рост накопления запасов вкупе с вниманием к приобретению земель. С точки зрения экономического анализа, это была остановка роста» (Crouzet, 1971, 556—557).

²⁷³ Коул (Cole, 1952, 42) утверждает, что благодаря войнам поступь различных сельскохозяйственных изменений, которые происходили в Британии XVIII века, «чудесным образом ускорила». А. Х. Джон (John, 1967, 30) отмечает, что более высокие цены были результатом «ускорения процессов огораживания», причем половина всех огораживаний между 1727 и 1845 годами пришлось на промежуток 1793—1815 годов. Гленн Хьюэкл (Hueschel, 1976a, 343) отмечает, что преимущества роста цен свалились на лендлордов в качестве «незаработанной прибавки» к неизменному количеству земли, в отличие от арендаторов, которые располагали только собственным трудом и капиталом. И хотя эти арендаторы могли повысить свои абсолютные доходы, инвестируя в новые технологии, «ставки доходности на капитал сверх привычного уровня были недолговечны», поскольку сельское хозяйство было «конкурентным производством».

²⁷⁴ См. O'Brien and Keyder (1978, 136—138). Авторы отмечают, что «французское замедление [XIX века]... [происходило] из-за ограниченных возможностей мелких единиц собственности и земельности по производству прибавочного продукта, достаточного для инвестирования» — данную ситуацию авторы связывают с тем, что «революция задержала восстановление крупных поместий». Джордж Грантхэм (Grantham, 1978, 311) объясняет задержку во внедрении интенсивного смешанного хозяйства в

в хлопковой промышленности, наводят на мысль, что предшествующая картина «зримого ускорения» начиная с 1780-х годов выглядит преувеличенной²⁷⁵. Вместо этого необходимо говорить о «постепенном ускорении» как в расчете на душу населения, так и в плане общей производительности²⁷⁶. Кроме того, в равной степени преувеличенными для рассматриваемого периода представляются прежние представления, что главную роль в этом ускорении сыграла крупномасштабная промышленность²⁷⁷ или паровая энергия.²⁷⁸ Наконец, Стэнли Д. Чэпмен утверждает, что известное различие между британской «массовой» продукцией и французской «модной и намеренно дизайнерской» продукцией «после 1790 года не может быть доказано»²⁷⁹.

Однако, с другой стороны, известно, что к 1815 году у Британии было «неоспоримо возросшее экономическое преимущество» в хлопковой промышленности на континенте в целом и над Францией в частности²⁸⁰. Как такое могло произойти? Артур Д. Гейер настаивает на невозможности вывода о том, что британская экспансия «в мирные времена оказалась менее быстрой»²⁸¹. Возможно, это верно, хотя война явно увеличила долю хлопковых тканей в соотношении с полотняными и шерстяными благодаря более высокой доступности источников сырья для хлопкового производства в военное время²⁸². Как представляется, дело не столько в том, что британская экспансия шла гораздо

северной Франции «медленным ростом спроса на мясо и молочную продукцию до 1840 года», однако это определено было связано (по меньшей мере, частично) с самим фактом отсутствия концентрации в сельском хозяйстве и вытекавшей из этого более высокой долей натурального производства.

Тем не менее Робер Лоран утверждает (впрочем, без сравнения с Великобританией), что с 1815 по 1880 годы во Франции постоянно улучшалась урожайность пшеницы и ржи (Laurent, 1976b, 683).

²⁷⁵ Crafts (1983, 186).

²⁷⁶ Harley (1982, 286). Удивительно, что два столь похожих обзора, «принижающих» британский экономический рост конца XVIII века — Harley (1983) и Crafts (1983), оказались опубликованными друг за другом в течение года в двух ведущих журналах по экономической истории в Великобритании и США.

²⁷⁷ Chapman (1971, 75). Чэпмен заключает: «В самом деле, чем больше мы разглядываем под микроскопом ранний период хлопковой промышленности, тем менее революционными представляются первые фазы ее жизненного цикла» (р. 76).

²⁷⁸ См. Chapman (1972, 18—19) и Crouzet (1958, 74). О непреходящей значимости гидравлического привода вплоть до 1840 года (в отличие от менее экономного парового двигателя) см. Bairoch (1983) и Endrei (1983). См. тж. Gille (1959, 28), Robinson (1974, 101), Musson (1976, 416—417) и von Tunzelmann (1978, 6).

²⁷⁹ Chapman (1972, 22).

²⁸⁰ Gayer *et al.* (1975, 649). См. количественные данные в: Godechot (1972, 370, таблица 53).

²⁸¹ Gayer *et al.* (1975, 649).

²⁸² Edwards (1967, 33). Эдвардс указывает, что преимуществу хлопка на британском внутреннем рынке в 1790-х годах способствовало появление в качестве законодателя мужской моды Красавчика Браммела с его повышенным вниманием к отбеливанию и крахмалу. «Для этих задач подходили ситцы и муслин» (р. 35), причем этому могли подражать и слуги.

быстрее, чем раньше, сколько в «примечательном замедлении» темпов французской индустриализации²⁸³.

Пристальный взгляд на хронологию точно демонстрирует, что именно произошло во Франции, а вслед за ней и в остальной части континентальной Европы, когда она оказалась под французским контролем. С точки зрения темпов роста период революции и последующих войн фактически можно разделить на три промежутка: медленный рост (с 1790 по 1800 годы), сравнительно быстрый рост (с 1800 по 1810 годы) и новый отрезок медленного роста (с 1810 по 1815 годы)²⁸⁴. Первый период был временем добровольного саморазрушения революции, третий — временем разрушения, причиненного британцами. Доблестные усилия Наполеона между ними оказались несущественными.

Еще одно различие между Британией и Францией следует отметить в связи с промышленностью хлопковых тканей. В то время как в британской текстильной индустрии это был период относительной ликвидации раздаточной системы и урбанизации ее производственной деятельности, во французской текстильной отрасли это был, напротив, промежуток фактического создания раздаточной структуры, которая просуществует до 1860 года. Шассань называет это «дуалистическим процессом индустриализации», который в 1790-х годах физически разделил «концентрированные и очень капиталистические» процессы механического прядения, основанные на гидравлической энергии, и виды деятельности в сельской местности, где осуществлялось ткачество²⁸⁵.

²⁸³ Fohlen (1973, 69). См. тж. Crouzet (1967a, 173) и Lévy-Leboyer (1968, 282). Даже Годешо, упрекающий Леви-Лебойе за преувеличение негативного воздействия Французской революции на французскую промышленность, признает «неоспоримость» того, что революция «не только задержала» достижение континентальной Европой уровня британской промышленности, «но даже усилила разрыв между ними» (Godechot, 1972, 370). В частном случае Франции Годешо утверждает, что революция «серьезно поколебала эволюцию индустриализации» (р. 362). Кроме того, отдельное воздействие испытывали различные регионы Франции. Крузе (Crouzet, 1959) утверждает, что для юго-западной Франции 1793 год стал моментом поворота от региона, индустриализованного не менее, чем другие зоны во Франции, к деиндустриализованной территории, каковой юго-запад останется и после 1815 года.

²⁸⁴ Жан Марчевский (Marczewski, 1963, 127) относит нижнюю точку спада к 1796 году, а второй перелом — к 1812-му. Собуль (Soboul, 1976a, 4) обвиняет ассигнации и инфляцию в создании «разрыва» с 1790 по 1797 годы, «что на некоторое время прервало рост и принесло с собой неизлечимые социальные последствия». Крузе (Crouzet, 1962, 214) говорит о «внезапном спаде при Директории и в начале Консульства», который он связывает с «утратой французской промышленностью внешних рынков». Бержерон (Bergeron, 1970, 504—505) утверждает, что успешные 1800—1810 годы «пришлись посередине двух бедственных эпизодов — дезорганизацией планов *Ancien Régime* в первые годы революции и войны и сравнительно неудачной политикой Континентальной блокады и последовавшим разгромом Наполеона».

²⁸⁵ Chassagne (1979, 104). Шассань отмечает, что это перемещение французской хлопковой промышленности в сельскую местность началось уже в последние годы *Ancien Régime*, однако «Революция (Revolution) ускорила этот социально-экономический „переворот“ (revolution)».

Если задаться вопросом, почему так должно было произойти, то ключ к разгадке предлагает Шарль Шмидт, и связан он именно с воздействием революции. Помня о том, что одной из задач Французской революции было угнаться за новыми преимуществами Великобритании в механическом прядении, Шмидт указывает, что для быстрого и недорогого осуществления этого требовалось использование уже имевшихся производственных зданий. Национализация церковной собственности в этом отношении представляла собой доход, свалившийся с неба: значительное количество монастырей, церковных школ и аббатств были безвозмездно либо по низкой цене переданы революционным правительством мануфактурам с целью установки там прядильных машин²⁸⁶. Однако эту собственность приходилось принимать там, где она фактически находилась, а это чаще всего были сельские территории. Вместе с тем распространилось настроение, что раздаточная система была «прекрасной гарантией социального порядка»²⁸⁷, и это само по себе было реакцией на сильное антисистемное устремление французского рабочего класса в ходе революции.

Несомненно, тем фактором, который имел наибольшее влияние и на сельское хозяйство, и на промышленность, было воздействие войн на межгосударственную торговлю — ключевой сегмент роста на тот момент. В два последних десятилетия XVIII века экспортировалось почти 60% британского «прибавочного промышленного выпуска»²⁸⁸. Именно здесь внешняя торговля Франции, сыгравшая ключевую роль в экономическом росте страны в последние десятилетия *Ancien Régime*, пережила «катастрофический спад»²⁸⁹ из-за, во-первых, революции²⁹⁰, во-вторых, из-за утраты Сан-Доминго²⁹¹, а в-третьих, из-за Наполеоновских войн.

В таком случае суть дела представляется ясной: именно войны сделали возможным «зримое изменение»²⁹² в британском экспорте хлопковых тканей,

²⁸⁶ См. Schmidt (1914, 51).

²⁸⁷ Chassagne (1979, 107).

²⁸⁸ Crafts (1983, 199).

²⁸⁹ Marczewski (1965, lx). Марчевский считает, что и к 1855 году Франция не достигнет уровня внешней торговли 1787—1789 годов.

²⁹⁰ Бродель утверждает, что «внешний крах революционной Франции, еще до испытаний 1792—1793 годов, тяжко сказался на ее судьбе» (Braudel, 1982, 219, цит. по: Бродель. Игры обмена, с. 206).

²⁹¹ Сан-Доминго в последние годы *Ancien Régime* сам по себе обеспечивал треть французской внешней торговли. «До тех пор, пока у Франции оставались „острова“ и в особенности „жемчужина Вест-Индии“ [Сан-Доминго], экономическая система Франции образца *Ancien Régime* оставалась нетронутой». Однако это была «первая часть» *Ancien Régime*, которой суждено было «схлопнуться» (Lüthy, 1961, 596). Как продолжает Бергерон, «начиная с этого момента французская экономика, подвергшаяся ампутации своего наиболее динамичного сегмента, оказалась перед искушениями рурализации, или же, по меньшей мере, требовалось встретить переход к промышленной эпохе при менее благоприятных условиях» (Bergeron, 1970, 476).

²⁹² Deane & Cole (1967, 30). См. т.ж. Schlote (1952, 42, таблица 8), Crouzet (1958, 178—192), Deane & Habakkuk (1963, 77) и Edwards (1967, 27—29). Даже такой автор, как Ральф Дэвис (Davis, 1979, 66), который в качестве фактора, объясняющего расширение произ-

одновременно «обуздав Францию»²⁹³ и тем самым создав для Британии «постоянное торговое преимущество на мировых рынках»²⁹⁴. Конечно, Наполеон пытался развернуть эту ситуацию. Действительно, в самый месяц его прихода к власти (брюмер VIII года Республики) внутренний меморандум французского

водства хлопковых тканей в Британии, подчеркивает технологии, а не спрос, отмечает, что в 1790-х годах происходил резкий рост экспорта, испытывавший, по определению Дэвиса, «искажение» моделей торговли, вызванное войнами. Термин «искажение», на мой взгляд, сам искажает реальность. Хабаккук и Дин (р. 78) более корректно утверждают, что «вклад силы английского военного флота в то расширение рынка, которое имело место в 1790-х и начале 1800-х годов, по меньшей мере, был столь же велик, что и изобретательность британских промышленников».

²⁹³ Fohlen (1973, 13). Леви-Лебойе (Lévy-Leboyer, 1964, 246—247) отмечает, что в первой половине XIX века «борьба за моря велась исключительно между англосаксами», что ранее было «едва ли предвидимым», особенно в случае с Францией. «„Отсечение“ 1793-го года» и появление новых источников предложения нанесут смертельный удар по [французской и голландской морской] торговле». См. тж. Crouzet (1962, 215): «В начале периода Консульства Франции не хватало внешних рынков, а не производственных мощностей, которые, несмотря на потери во время революции, по-прежнему главным образом недоиспользовались». Эллис (Ellis, 1981, 102) на примере Эльзаса четко подтверждает находки Крузе в его работе 1962 года о ключевой роли отсутствия рынков для французской промышленности (а не отсутствия промышленных мощностей как таковых).

²⁹⁴ Deane (1973a, 208). См. тж. O'Brien & Keyder (1978, 76). Эти два автора напоминают об объяснении Адольфа Тьера: «Мы не выиграли Трафальгарскую битву. Мы не хозяева морей, и у нас нет 200 миллионов потребителей, как у Англии. Вот и весь секрет нашей отсталости». Морино (Morgineau, 1978, 416) указывает на следующий причинно-следственный ряд: традиционные британские точки сбыта, к которым добавились новые пункты, приобретенные на континенте в результате «вынужденного воздержания Франции», и к этому еще необходимо добавить экспансию в Южной Америке. «После этого дело было на мази, игра была сделана». Крузе (Crouzet, 1980, 72) отмечает, что между 1783 и 1812 годами 60% «дополнительного экспорта» из Британии направлялось в Новый свет, а 23% — в континентальную Европу.

Даже Лэндес (Landes, 1969, 145), делающий основной акцент на том, что он называет локальными детерминантами промышленного роста, говорит о «вторичных эффектах», вызванных задержкой континентальной индустриализации в результате революционной смуты: «В частности, увеличился разрыв между континентальным и британским промышленным оборудованием, и если в теории подобная ситуация может означать более значительный стимул к модернизации, в действительности она выступала препятствием для нее». Лэндес дает два объяснения этому. Во-первых, возросшая производительность означала, что самое современное оборудование «после Ватерлоо меньше подходило для континентального рынка» (р. 146), но это, конечно, произошло потому, что теперь Британия располагалась доступом к неевропейскому рынку. Во-вторых, теперь была необходима более крупная «исходная масса инвестиций» (р. 147). Поэтому Лэндес говорит, что континентальная промышленность оказалась в состоянии «добровольного устаревания», которое, как он признает, «помогло удержать конкурентное преимущество Британии на рынках третьих стран». Однако насколько добровольной была экономическая структура, созданная в значительной части благодаря военно-политическому превосходству? В действительности Лэндес описывает ситуацию «гегемонии». См. в этом отношении Milward & Saul (1973, 307—309).

правительства гласил: «Существование Англии обязано единственно ее торговле и ее кредиту. Если разрушить одно или другое, Англия будет уничтожена и утрачена»²⁹⁵. Однако нам известно, что, несмотря на всевозможные усилия Наполеона, он никогда не смог довести внешнюю торговлю Франции до уровня 1789 года²⁹⁶.

Наполеоновская политика, конечно, реально началась не с Наполеона, а с возвращения к протекционизму в 1791 году, за которым последовал французский Навигационный акт 1793 года, запрет на английские товары, прибывающие на нейтральных судах (1798), а кульминацией стали берлинский и миланский декреты 1806—1807 годов, вводившие режим континентальной блокады²⁹⁷.

Сама по себе блокада представлялась направленной в первую очередь против британской промышленности хлопковых тканей, которой «угрожало перепроизводство из-за слишком быстрого расширения»²⁹⁸, особенно между 1799—1802 годами, когда Наполеон столкнулся со своим первым торговым кризисом²⁹⁹. Блокада была «серьезной» угрозой, поскольку Великобритания действительно была «уязвима»³⁰⁰. Наполеон надеялся воздействовать на ее торговлю по многим фронтам: закрытие точек сбыта мануфактурной продукции в Европе, блокирование импорта сырьевых материалов и ослабление британского финансового кредита (путем создания отрицательного платежного баланса, что вело к сокращению запаса драгоценных металлов, а следовательно, к исчезновению доверия к бумажным деньгам)³⁰¹.

Лишь одна из этих целей была достигнута хотя бы отчасти — закрытие точек сбыта британских товаров в Европе³⁰². Попытка не допустить импорт сырья в Великобританию заканчивалась на том обстоятельстве, что власть

²⁹⁵ А. Е. 46, f. 326. В 1847 году один германский автор писал: «Эта война [между Францией и Британией, 1792—1815 годы] — поверят ли этому потомки? — была объявлена как крестовый поход против сахара и кофе, перкаля и муслина» (Schlegel, цит. в: Lingelbach, 1914, 257).

²⁹⁶ Собыль (Soboul, 1976b, 105) утверждает, что это «вновь подчеркивает значимость крупномасштабной колониальной торговли в конце *Ancien Régime* и неисцелимые последствия ее разрушения».

²⁹⁷ См. Bergeron (1978e, 358) и Rose (1893, 704). Относительно блокады Британии Мейер утверждает, что британское давление на голландцев еще в 1778 году с целью отмены их торгового договора с Францией было «одним из отдаленных предзнаменований „континентальной“ блокады Англии во время революции и империи» (Meयर, 1979a, 213, цн.).

²⁹⁸ Crouzet (1958, I, 86).

²⁹⁹ Butel (1970). Бутель отмечает, что улучшение ситуации в 1802 году вместе с Амьенским миром быстро развернулось обратно летом 1803 года с возобновлением морской войны. Но и в этой точке британская блокада была «по-прежнему очень терпимой», поскольку британцы позволяли «обходную торговлю с колониями через нейтральных посредников, особенно американцев» (p. 546).

³⁰⁰ Crouzet (1958, I, 203).

³⁰¹ Crouzet (1958, I, 57—63, 91—97, 102, 122—123).

³⁰² Crouzet (1958, I, 126—152).

Наполеона, по едкому замечанию адмирала Мэхэна, «прекращалась, как у некоторых волшебников, там, где начиналась Вода»³⁰³. Что касается британского финансового кредита, то он оставался в хорошем состоянии, поскольку финансовые связи с континентом никогда реально не прекращались³⁰⁴, не говоря уже о том, что Британия регулярно получала драгоценные металлы, выступая в качестве гавани для бегства капиталов — сначала от революции, а затем от континентальной системы Наполеона³⁰⁵. Государственные финансы Британии были сбалансированы, прежде всего благодаря поступлениям от расширявшейся внешней торговли³⁰⁶, а затем, когда военные издержки увеличились, благодаря заимствованиям³⁰⁷ и непропорциональному увеличению налогообложения сельскохозяйственного сектора, что защищало промышленность и торговлю³⁰⁸.

Несмотря на то что Наполеон использовал власть государства для стимулирования, а фактически для субсидирования промышленности³⁰⁹, британцы лишь попросту проявляли такую же активность в поддержке собственной индустрии³¹⁰ и с определенным успехом пытались препятствовать получению необходимого сырья французской и вообще континентальной

³⁰³ Mahan (1893, II, 279). По поводу 1806 года Мэхэн говорит о «господствующем и вездесущем британском флоте, что сделало невозможным нахождение на море судов под вражеским флагом» (р. 308). Мэхэн делает следующий вывод: «Путем овладения морем и разрушения французской колониальной системы и торговли... [Британия] втянула своего врага на поле битвы континентальной системы, где его окончательный крах был предопределен» (pp. 400–401).

³⁰⁴ См. Fugier (1954, 236).

³⁰⁵ См. Lévy-Leboyer (1964, 708). Бродель говорит о «крупномасштабном бегстве капитала» из революционной Франции (Braudel, 1982, 219).

³⁰⁶ См. Sherwig (1969, 12).

³⁰⁷ «Ранняя практика займов с целью оплаты военных расходов была более прибыльной, чем обычно признается, поскольку это и поддерживало уровень занятости, и сохраняло темп экспансии в ходе, предположительно, критического периода британского экономического развития» (Anderson, 1974, 618).

³⁰⁸ См. Deane (1979, 52) и John (1967, 47).

³⁰⁹ Существовало три различные формы государственной поддержки. (1) Сдача в аренду или продажа по низкой цене церковной собственности мануфактурщикам (мы уже отмечали их причастность к формированию долговременной структуры промышленности). (2) Стимулирование правительством новой техники по образцу английских моделей. (3) Небольшие субсидии тем, кто устанавливал подобную технику (использовались для помощи тем работодателям, которым в противном случае грозило банкротство). См. Bergeron (1978b, 213–214). Фернан Лелё (Leleux, 1969, 122) утверждает, что крупные промышленники Наполеоновской империи — Дольфус, Оберкамф, Ришар-Ленуар, Терно, Бовен — «ощущали, что их понимают, им помогают и их поддерживают». См. тж. Chassagne (1980, 336).

³¹⁰ Британцы также активно защищали свое технологическое преимущество. Они приняли различные законодательные акты, которые были сведены воедино в общий акт 1795 года, запрещавший экспорт техники (включая инструменты и зарисовки либо модели машин), а также эмиграцию квалифицированных рабочих с жесткими наказаниями за нарушение этих запретов (лишение британского гражданства, конфискация имущества). Конечно, подобные меры не были полностью успешны.

промышленностью³¹¹. Крузе настаивает, что в экономическом отношении Континентальная блокада не была «неэффективной». Она в самом деле серьезно повлияла на британскую экономическую деятельность, но в силу ряда политических и военных причин Наполеон не мог долговременно применять это средство для успешного достижения своих целей³¹². С одной стороны, французы встречали политическое и националистическое сопротивление в рамках своей империи³¹³. С другой стороны, в этой благодатной атмосфере Британия покупала себе союзников путем значительных ссуд³¹⁴. В результате под этим встречным давлением Наполеон начал отступать на экономической сцене еще в 1810 году, когда он при помощи лицензий вновь открыл французские порты для колониальной продукции. Тем самым он фактически включил в государственную казну доходы контрабандистов, но это лишь усилило политическое сопротивление в Европе, поскольку данная мера оказалась скрытой экономической сделкой с британцами за счет других европейцев. И это стало еще одной составляющей, которая способствовала тому диаметрально противоположному изменению альянсов в Европе, которое вскоре произойдет³¹⁵.

Тем не менее они были эффективны и были отменены только в 1824 году, и то лишь частично — полное их упразднение произошло только в 1843 году. См. Clough (1957, 1346).

³¹¹ См. Cobban (1965, 52) и Godechot (1967b, 167—168). Бувье (Bouvier, 1970, 512) связывает французский промышленный кризис 1810—1811 годов с «трудностями в получении сырья» в результате Континентальной блокады. См. тж. Fugier (1954, 237—238).

³¹² Crouzet (1958, II, 855—860).

³¹³ См. Godechot (1967a, 180—200) о сопротивлении в Испании, Германии и Италии. Крузе (Crouzet, 1958, I, 408) отмечает, что результаты блокады в Испании были «бедственными» для Франции, которая окончательно столкнется с масштабным вытеснением своих товаров британцами на испанском рынке. См. Broder (1976, 310). См. тж. Dupin (1858, 160), где показано, что продажа британской продукции на Пиренейском полуострове с 1807 по 1812 годы выросла в 5 раз.

У националистического сопротивления Наполеону была в равной степени экономическая и политическая база. О наполеоновских намерениях см. Pollard (1981, 24): «Другим странам на стороне [Франции], в особенности Италии, пришлось стать поставщиками определенного сырья и рынками для французских мануфактур. Оставшаяся часть Европы, поскольку она также вписывалась в данную картину, должна была превратиться в зависимую территорию, наводняемую продукцией защищенной и избалованной промышленностью Франции, в то время как собственные мануфактуры этих областей не имели никакого доступа на рынок метрополии. Французская точка зрения представляла собой исключительный национализм».

³¹⁴ Этим ссудам положила начало прусская угроза 1794 года, и «под давлением обстоятельств» они становились все более щедрыми. К зиме 1806—1807 годов ссуды «раздавались... широкой рукой» (Sherwig, 1969, 181). К 1812—1814 годам подобные ссуды выросли до примерно 14% общих налоговых поступлений Британии (р. 354). Общий их объем в 1793—1816 годах «возрос до 57 миллионов фунтов» (Clapham, 1917, 495).

³¹⁵ См. Jouvenel (1942, 399—417). Джеффри Эллис (Ellis, 1981, 266) утверждает, что одним из объяснений краха экономической политики Наполеона являлась ее «намеренная односторонность» в отношении остальной континентальной Европы. Вместо про-

Итак, был ли целый комплекс усилий революционных правительств и Наполеона по нейтрализации растущего сравнительного преимущества Великобритании над Францией лишь грандиозным крахом? Возможно, не вполне так. Как утверждает Крузе, «к 1800 году Центральной Европе угрожали пасторализация и судьба Индии в XIX веке»³¹⁶. Эта угроза не воплотилась в жизнь. Тем не менее Британия в 1815 году ушла вперед значительно дальше, чем в 1793 году³¹⁷, причем именно благодаря прямым и косвенным эффектам эпохи Революции и Наполеона.

Однако есть и еще один фактор, который следует принять в расчет — ход классовой борьбы во Франции и Великобритании на государственном уровне. Мы уже рассматривали в деталях антисистемный порыв городских масс в революционные годы. Известно, что «бешеные», равно как и бабувисты, потерпели решительный крах как политические движения³¹⁸. Планируемые реформы в сфере социальной политики, которых народные массы были в состоянии добиться от революционного правительства, так никогда и не были осуществлены. Тем не менее якобинский идеал *bienfaisance* [благотворительности — фр.] — прав людей, находящихся за чертой бедности, на социальную помощь — оставил политическое наследие, которое «не следует преуменьшать»³¹⁹, и это наследие ощущалось и в Наполеоновскую эпоху.

Наполеон сохранил все правовые реформы, осуществленные революцией и действительно их кодифицировал³²⁰. Конечно, это не обязательно означало больше безопасности и прав для наемного работника, который при Наполеоне не стал более состоятельным, а возможно, его положение даже ухудшилось³²¹. Тем не менее экономическое положение народных масс при Наполеоне существенно улучшилось. Его эпоха определялась «ростом заработных плат» — это улучшение материального благосостояния было «неоспоримым», особенно после экономического спада 1817 года, когда крестьяне и городские работники вспоминали об империи как о «чем-то вроде золотого века»³²². Несомненно, упомянутая выше конъюнктура (*conjuncture*) сослужила Наполеону хорошую службу, однако это не означало автоматическую народную поддержку. Вполне уместно сравнить атмосферу во Франции с атмосферой в Великобритании при той же самой *conjuncture*.

Первоначально Французская революция вызвала значительную симпатию в тех кругах, которые в широком смысле можно назвать левой половиной

движения континентального *Zollverein* [таможенного союза — нем.] Наполеон создал «обширный „Неообщий рынок“, зависящий от французских интересов».

³¹⁶ Crouzet (1964, 579).

³¹⁷ См. Crouzet (1958, II, 872).

³¹⁸ См. Tønnesson (1959), Markov (1960), Soboul (1963), Rose (1965, 1972, 1978) и Higonnet (1979).

³¹⁹ Forrest (1981, 172).

³²⁰ См. Soboul (1970a, 335). Собуль говорит, что Бонапарт уважал «социальные завоевания» Учредительного собрания. См. т.ж. Godechot (1970, 795—796).

³²¹ Lefebvre (1969, 153).

³²² Tulard (1970, 659—661).

британского политического спектра. В то время как более умеренные сторонники революции в якобинский период стали отпадать от нее, осталась преданная группа так называемых английских якобинцев, представители которых в действительности были ближе к санкюлотам, чем собственно к якобинцам. Они имели влияние среди класса ремесленников и оставались в «радикальной оппозиции» к монархии, аристократии, государству и налогообложению³²³. Но как только началась война, участники этих народных обществ оказались политически «изолированными» со стороны основной группы вигов³²⁴.

Тем не менее правительство посчитало их наличие вполне угрожающим обстоятельством, боясь «любой формы народной самодеятельности», поскольку она, как представлялось, противостояла не только традиционной власти, но и «новой идеологии политической экономии»³²⁵. Результатом этого были серьезные и довольно действенные репрессии, так что в 1790-х годах британские радикалы «были уверены, что переживают власть террора»³²⁶, которая предполагала приостановку *habeas corpus* [права неприкосновенности личности — *лат.*].

В отношении контроля над трудом были предприняты две наиболее значимые новые меры — спинхемлендская «система пособий» 1795 года и Анतिकомбинационные акты 1799 года³²⁷. Спинхемлендская система ослабила старый Акт оседлости 1662 года, результатом которого, по утверждению Торольда Роджерса, была «привязка работника к месту его проживания и превращение его в крепостного»³²⁷. Пересмотр системы законов о бедных в результате обеспечил минимальную заработную плату (путем государственной субсидии), привязанную к стоимости жизни в совокупности с пособием на детей.

Относительно спинхемлендской системы необходимо ответить на три вопроса. Была ли она лучше для работников? Была ли она лучше для работодателей (главным образом в сельском хозяйстве)? Почему она была принята? Она определенно имела некоторые преимущества для рабочих, поскольку подразумевала, что даже в плохие годы они «могли рассчитывать, что избегают совершенной нищеты»³²⁸. Было ли это лучше для работодателей? Субсидирование того, что в действительности было «зарплатами ниже установленной

³²³ Thompson (1968, 171—172). О ведущей роли ремесленников в радикализме английского рабочего класса в данный период см. тж. Gareth Stedman Jones (1974, 484), Prothero (1979) и Calhoun (1982, 7).

³²⁴ Goodwin (1979, 26).

³²⁵ Thompson (1971, 129).

³²⁶ Emsley (1981, 155). В дополнение к казням за измену и бунт имели место масштабные «персональные репрессии» (р. 174). Лефевр (Lefebvre, 1968, 616) отмечает широкое использование того, что во Франции называлось „guillotine sèche” [сухой гильотиной — *фр.*], то есть депортации.

³²⁷ Rogers (1884, 434).

³²⁸ McNeill (1982, 309). Конечно, это производилось системой, которая устраняла все стимулы к производительности. По словам Поланьи (Polanyi, 1957, 79—80), это «привело к отмене тьюдоровского законодательства из соображений не меньшего, а большего

шкалы», в промежутке 1795—1824 годов приводило к «снижению заработков в сельском хозяйстве». Однако Марк Блог утверждает, что эти субсидии для работодателей были в итоге оплачены из их же собственного кармана за счет курсовой системы, причем между ними существовала тесная «связь»³²⁹.

В таком случае кому это было выгодно? Спинхемлендская система эффективно предотвратила безработицу путем распространения неполной занятости в стране, которая главным образом оставалась сельскохозяйственной³³⁰. Если задаться вопросом, почему это было сделано, то мотивация представляется четко и непосредственно политической: «страх народного восстания»³³¹, призрак Французской революции как революции антикапиталистической. В этом отношении спинхемлендская система оказалась успешной³³². Однако это было ее единственным достижением, поскольку она шла рука об руку с Антикомбинационными актами, и «если бы не последние, то спинхемлендская система могла бы иметь следствием повышение заработков, а не их снижение, как это произошло в действительности»³³³. Пламб указывает, что Антикомбинационные акты одновременно завершили две вещи: они удержали зарплаты на низком уровне, несмотря на рост цен на продовольствие, но также позволили государству «искоренить один из наиболее питательных источников подрывной пропаганды»³³⁴.

Таким образом, меры, предпринятые против народных масс в Великобритании, в конечном итоге оказались более жесткими, чем во Франции, возможно, благодаря тому, что антисистемный порыв во Франции оказался более действенным, хотя и был подавлен. Одним из свидетельств этого был

патернализма». В длительной перспективе, говорит Поланьи, «результат был ужасающим».

³²⁹ Blaug (1963, 162, 168, 176).

³³⁰ См. Blaug (1963, 176—177).

³³¹ Mantoux (1928, 448).

³³² См. анализ Уильяма Макнила (McNeill, 1982, 209): «При отсутствии помощи со стороны законодательства о бедных у сельских тружеников во время нехватки продуктов и в те времена года, когда работы на земле было меньше всего, не было иного выхода, кроме как бежать в города... Из-за неурожая 1788—1789 годов толпы подобных людей наводнили Париж. Однако в Англии после 1795 года подобные толпы появлялись редко». Поланьи (Polanyi, 1957, 93) отмечает убежденность Каннинга, что «законы о бедных спасли Англию от революции».

Это заставляет с долей скепсиса принять следующее заключение, сделанное в работе Chambers and Mingay (1966, 109—110): «Политика, способствовавшая выживанию избыточного сельского населения за счет доходов фермера и рент лендлорда, в основе своей была гуманной».

³³³ Polanyi (1957, 81). «Между 1793 и 1820 годами парламентом было принято более чем 60 актов, направленных на подавление коллективных действий рабочего класса. К 1799 году практически все формы объединений или коллективных действий рабочего класса были признаны незаконными либо подлежали лицензированию мировыми судьями» (Munger, 1981, 93).

³³⁴ Plumb (1950, 158). Манту (Mantoux, 1928, 456) аналогичным образом утверждает, что данные акты были инициированы «страхом революции, подобной той, что произошла во Франции».

фактический уровень заработков и обеспеченности продуктами питания в военный период. Если, как мы видели, французские рабочие ощущали, что Наполеоновская эпоха была периодом роста реальных заработных плат, то в Британии в это же время происходило их падение³³⁵.

В сочетании с временами нехватки хлеба, такими как 1809—1811 годы, сложная ситуация вела к серьезным волнениям, которые в некотором смысле были сопоставимы с теми, что произошли в предреволюционной Франции, за тем исключением, что они проявлялись не в антиправительственных настроениях, а были направлены против работодателей и машин (луддизм)³³⁶. Однако сухим остатком не был (или еще не был) революционный подъем³³⁷. Несмотря на ухудшение ситуации в военный период, британских рабочих удавалось сдерживать отчасти при помощи правительственных репрессий, отчасти, несомненно, благодаря методизму (как это часто утверждалось)³³⁸, а отчасти и благодаря эксплуатации националистических (антифранцузских) настроений ради общего дела политической стабильности³³⁹. Все, что оставалось для британского правящего класса, это начать делиться куском пирога с нижними стратами. Однако для этого нужно было дожидаться следующего цикла гегемонии (и даже тогда этот процесс шел медленно).

³³⁵ По оценке Манту (Mantoux, 1928, 436), этот спад был резким: «Из-за войны номинальный рост заработных плат... не выдерживал сравнения с ростом цен». См. тж. Foster (1974, 21), Jones (1975, 38) и von Tunzelmann (1979, 48). О'Брайен и Энгерман (O'Brien and Engerman, 1981, 169, таблица 9.1) демонстрируют примерно стабильный уровень реальных заработных плат, но при этом с впадиной посередине.

³³⁶ О голодных бунтах см. Stevenson (1974). О сопоставимости 1809—1811 годов в Англии с 1786—1789 годами во Франции см. Cunningham (1910, 75—77). О луддизме как ответе на острые страдания рабочих см. Thomis (1972, 43—46).

³³⁷ Том Нэйрн (Nairn, 1964, 43) приводит несколько иное общее впечатление: «Ранний период истории английского рабочего класса... — это история мятежа, покрывающая более, чем полстолетия, от времен Французской революции до пика чартистского движения в 1840-х годах». Я не спорю с этим, но полагаю, что французское восстание было более успешным — главным образом из-за его первых побед как антибуржуазной, антикапиталистической силы. Эта сила стала более уверенной, при этом буржуазия во Франции была несколько менее жесткой, чем ее британские визави, а французским рабочим стало более сложно сотрудничать с буржуазией, располагавшей меньшим прибавочным продуктом, при помощи которого можно было осуществлять подобное сотрудничество.

³³⁸ Наиболее полно данную точку зрения излагает Бернارد Семмел, собравший свидетельства в доказательство того, что «методизм мог помочь заблокировать жестокий английский ответ на Французскую революцию, нанеся упреждающий удар по призывам и целям этой революции» (Semmel, 1973, 7). См. тж. Kiernan (1952, 45) и Thompson (1968, 419).

³³⁹ См. Anderson (1980, 37—38): «Чувство национального сообщества, которому постоянно подыгрывало государство, вполне могло оказаться большей реальностью в Наполеоновскую эпоху, чем в любой момент предшествующего столетия... Структурная значимость [контрреволюционного национализма], общая и продолжительная, была определено выше, чем такое сравнительно локальное и ограниченное явление, как методизм». Однако есть и точка зрения Линды Колли,

С завершением войн Британия наконец стала подлинным гегемоном в мир-системе. Она консолидировала свою власть над миром, приобретая ряд морских баз, добавившихся к тем, которые уже были, — это означало, что теперь Британия взяла мир в стратегическое кольцо. Между 1783 и 1816 годами Британия получила в атлантической зоне³⁴⁰ Сент-Люсию, Тринидад, Тобаго, Батерст, Сьерра Леоне, остров Вознесения, остров св. Елены, архипелаг Тристан-да-Кунья и остров Гоф; в Индийском океане — Капскую колонию, Маврикий, Сейшелы, Лаккадивские, Мальдивские и Андаманские острова, Цейлон и Пенанг; в Австралии и Океании — Новый Южный Уэльс, Новую Зеландию, Маккуори, острова Кэмпбелла, острова Окленд, остров Лорд-Хау и архипелаг Чатем; в Средиземноморье — Мальту и Ионические острова³⁴⁰.

Кроме того, в ходе войны Британия оказалась способна покончить с последним остатком голландской гегемонии — ролью Голландии как финансового центра Европы³⁴¹. Благодаря своему господству в торговле и финансах Британия теперь начала получать масштабные «невидимые» кредиты: доходы торгового флота, торговые комиссии, переводы от зарубежных технических специалистов и колониальных чиновников, доходы от инвестиций — этого было достаточно, чтобы компенсировать продолжающийся и даже расширяющийся торговый дефицит, который существовал, несмотря на размер экспортной торговли Британии. Тем самым Британия могла поддерживать устойчиво благоприятный платежный баланс³⁴². Она также начала выполнять новую роль «учителя промышленной Европы»³⁴³, при этом, впрочем, сохраняя высокие протекционистские барьеры³⁴⁴.

В рассматриваемый период ощущение того, что Франция отстала относительно Британии, стало принятой истиной. В 1830-х годах один французский промышленник объяснял британское превосходство более значительной специализацией британской промышленности — это означало, что Британия может производить быстрее и дешевле³⁴⁵. Шаптал в это время объяснял, почему так должно было произойти, делая акцент на низких заработных платах

которая утверждает, что британское государство было достаточно сильным, чтобы не ощущать необходимости «в пропаганде и эксплуатации национального сознания» (Colley, 1986, 106).

³⁴⁰ См. Graham (1966, 5), Shaw (1970, 2) и Darby & Fullard (1970, 12—13).

³⁴¹ См. Graham (1966, 7) и Braudel (1982, 395).

³⁴² См. Imlah (1958, 40—42).

³⁴³ Henderson (1972, 212).

³⁴⁴ Британский промышленный протекционизм закончился лишь в 1842 году. См. Imlah (1958, 16, 23). Британские навигационные акты были отменены только в 1849 году. См. Clapham (1966, 169—170). См. тж. Lévy-Leboyer (1964, 213—214) и Deane (1979, 203). Конечно, французский протекционизм продлился еще дольше. См. Broder (1976, 334—335), Daumard (1976, 155—159), Léon (1976a, 479), Chassagne (1981, 51) и о Европе в целом Gille (1973, 260).

³⁴⁵ Цит. в: Gille (1959, 33). Исследование ощущения «подавляющего превосходства британской индустрии» у французских промышленников между 1820 и 1848 годами см. в: Stearns (1965, 8).

во Франции, которые не способствовали механизации³⁴⁶. Однако это выглядит сомнительно в свете недавних данных, согласно которым рабочие во французской промышленности того времени «достигли более высокого уровня производительности, чем их коллеги» в Британии³⁴⁷. Это еще более сомнительно, если вспомнить, что данные о более низких ставках заработной платы во Франции в сравнении с Британией не обязательно являются утверждением о «средних уровнях заработка», учитывая разную структуру домохозяйств, «а тем самым и утверждением [о] благосостоянии в двух странах»³⁴⁸.

Одним из явных результатов последнего британского рывка вперед и поражения Франции в войнах было возникновение в двух странах совершенно разных демографических моделей. Ле Руа Ладюри, несколько драматизируя, называет Французскую революцию «демографическим исламом»³⁴⁹ Франции, имея в виду, что из-за революции в сельской местности широко распространился контроль над рождаемостью. Рейнхард более трезво предполагает, что французская модель была просто «прототипом» того, что потом появится повсеместно³⁵⁰. Однако Макнил смотрит на это под иным углом, рассматривая Наполеоновские войны как путь к «окультуриванию социальных трений, возникших из резкого роста населения» в XVIII веке³⁵¹.

Таким образом, нельзя ли рассматривать демографическую модель после 1815 года как приспособление к экономической и политической реальности? Британцы, добившись верховенства на мировом рынке, нуждались в увеличении своей рабочей силы, чтобы максимизировать свое преимущество. Они сделали это, стимулируя высокий уровень естественного роста населения, путем иммиграции и поощрения перехода к более высокой доле наемного труда по отношению к иному³⁵². Франция, будучи не в состоянии поддерживать увеличение рабочей силы через доходы от международной торговли, иностранные инвестиции и коммерческие услуги в целом, как это могла делать Британия, довольствовалась поддержкой простого внутреннего

³⁴⁶ Chaptal (1819, II, 31). С этим согласен Лэндес (Landes, 1969, 161—164). Однако Крузе (Crouzet, 1972c, 286) называет «дешевую и способную рабочую силу» одним из немногих *преимуществ* Франции над Британией после 1815 года.

³⁴⁷ O'Brien & Keyder (1978, 174, см. т.ж. таблицу 4.3, р. 191). Авторы действительно отмечают, что это «неортодоксальная находка».

³⁴⁸ O'Brien & Keyder (1978, 74).

³⁴⁹ Le Roy Ladurie (1975, 378). Более взвешенно о том же говорит Рене Седильо, утверждая, что между 1789-м и 1815-м годами население Франции выросло на 9%, а население Великобритании — на 23%, что «внесло вклад в сокращение разрыва в численности населения и в подготовку будущего канала [для демографического оттока]» (Sédillot, 1987, 37).

³⁵⁰ Reinhard (1965, 451).

³⁵¹ McNeill (1982, 201). Эту точку зрения, похоже, разделяет Жак Дюпакье (Dupâquier, 1970, 340—341).

³⁵² См. рассмотрение этого в: Tranter (1981, 209—216). Трантер утверждает, что наибольшая доля в увеличении рабочей силы с 1780 по 1860 годы пришлась на естественный прирост. См. т.ж. Reinhard (1965, 458). О роли Ирландии в росте населения Англии см. Connell (1969, 39).

воспроизводства населения путем «ограничения рождаемости»³⁵³. В данном случае не медленный рост населения объясняет медленную механизацию³⁵⁴, а наоборот. Если бы дело обстояло именно так, то французов можно было бы простить за уверенность в том, что «успешный меркантилизм, а не фабричная система... [был] центральным фактором британского превосходства на протяжении столетия после Ватерлоо»³⁵⁵.

Именно в этом свете необходимо интерпретировать длительную дискуссию об уровне жизни британского рабочего класса. Это и в самом деле спор, развернувшийся главным образом вокруг того, что происходило между 1815 и 1840 годами. После 1945 года дискуссию начал Эштон, утверждавший, что с учетом падения цен и роста импорта в Британию «трудно поверить, будто рабочие не получили свою долю в этой выгоде». Хобсбаум, напротив, предполагает, что, учитывая рост уровня смертности и безработицы, разрозненные свидетельства «подкрепляют пессимистический взгляд, а не взгляд через розовые очки». Хартвелл, в свою очередь, допускает, что улучшения происходили «медленно в ходе войны, более быстро после 1815 года и резко после 1840 года». Однако Хобсбаум возражает, что улучшения были в сфере национального дохода, но имело ли место более равное распределение? Дискуссию продолжает Тейлор, предполагая, что «прогресс рабочего класса отставал от прогресса нации в целом»³⁵⁶.

Не представляется сложным примирить между собой изложенные подлинные эмпирические находки — кажется, их гораздо сложнее оспорить. Цены заметно снижались, хотя из-за Хлебных законов цены на хлеб падали меньше, чем могли бы в ином случае³⁵⁷. Реальные заработные платы тех, кто работал по

³⁵³ O'Brien & Keyder (1978, 75).

³⁵⁴ Данная точка зрения отражена в: Gille (1959, 40), Léon (1976a, 478) и Sewell (1980, 153).

³⁵⁵ O'Brien & Keyder (1978, 75).

³⁵⁶ Ashton (1949, 28), Hobsbawm (1957, 52), Hartwell (1961, 412), Hobsbawm (1963, 126) и Taylor (1960, 25). См. тж. Imlah (1958), Hartwell (1963; 1970a), Williams (1966), Neale (1966), Gourvish (1972), Flinn (1974), Hartwell & Engerman (1975), Hueckel (1981), O'Brien & Engerman (1981), Crafts (1983) и Lindert & Williamson (1983).

Очень интересны рассуждения Натали Бриавойн по этому вопросу в 1838 году: «Ясно, что существует материальный доход. Но результат, который на данный момент представляется менее доказанным, хотя это более и не оспаривают многие выдающиеся лица, состоит в том, чтобы узнать, стремится ли новая промышленная система вдохновлять в рабочем более уверенное ощущение его достоинства, более устойчивые рабочие навыки, более живую тягу к сбережениям, более чистую мораль. О существовании сберегательных банков уже сказано. Этим материальным свидетельствам можно легко противопоставить записи регистрации рождений и те приюты для брошенных младенцев, которые вскрывают печальное состояние разлада в семьях, а также криминальную статистику, которая показывает устойчивый рост правонарушений и тяжких преступлений. Вопрос еще не вполне созрел — пока нет достаточных данных, позволяющих четкий анализ» (Briavoinne, 1838, 98).

³⁵⁷ Дин (Deane, 1979, 208) утверждает, что между 1815 и 1846 годами Хлебные законы были «символом конфликта между бедными и богатыми».

найму, определенным образом росли. Однако не обязательно так происходило в случае сельскохозяйственного труда, а также применительно к городским безработным и частично занятым. Кроме того, это не исключает, что за увеличение реальной заработной платы наемный работник и его семья работали дольше и тяжелее, чем раньше. Иными словами, реальная заработная плата могла повышаться в годовом измерении, оставаясь той же самой в часовом эквиваленте. Наконец, очевидно, что доходы в хлопковой промышленности (и в других отраслях индустрии) находились «в хорошем состоянии», несмотря на падение цен, и одной из причин этого было то, что промышленники «использовали почти неистощимый запас низкооплачиваемой рабочей силы»³⁵⁸. В материальном отношении определенный сегмент британского рабочего класса получил несколько выросший кусок пирога. Однако, с точки зрения мира-экономики в целом, этот факт отлично соседствует с утверждением, что *в масштабах всего мира-экономики* рабочий класс получил меньшую порцию того же самого пирога.

Следует помнить, что именно в этот момент в мире-экономике происходило двойное движение. Во-первых, шел процесс масштабного включения в него новых зон, новых периферий, которые испытывали существенное *снижение* своих жизненных стандартов. Однако, с другой стороны, Западная Европа в целом (и особенно Франция, Бельгия, западная «Германия» и Швейцария), а также северные штаты США, толкаясь позади Великобритании, тем не менее переходили к «индустриализации» и в середине XIX века смогут возникнуть (или снова появиться) на сцене в качестве сильных центральных зон. Тем временем сопротивление их рабочего класса капиталистическому развитию могло принести им аналогичное *небольшое* улучшение реальных жизненных стандартов.

Оба эти направления развития будут предметом дальнейшего детального анализа. Однако здесь необходимо сделать несколько предварительных замечаний, чтобы завершить тему франко-британского сравнения. В 1815—1840 годах Франция обладала особенно благоприятной возможностью «модернизировать» свою текстильную промышленность и тем самым «преодолеть отсталость»³⁵⁹ в отношении Британии. Тем не менее обратим особое внимание на то, как это было сделано и какой рынок обслуживался. Франция обратилась к специализации на качественных тканях, наряду с уже отмеченной выше рурализацией производства. Одной из главных причин этого был размер рынка. Лишившись мирового рынка, Франция должна была восстанавливать обслуживание собственного внутреннего рынка, что она и сделает путем реструктуризации и перемещения промышленного производства³⁶⁰. Поэтому, в то время как на периферии шел период деиндустриализации, в Европе «это

³⁵⁸ Deane (1979, 99—100).

³⁵⁹ Lévy-Leboyer (1964, 144—145, 169—171, 342, 411—414).

³⁶⁰ См. Crouzet (1964, 586). Этот сдвиг от побережья в направлении внутренних территорий начался, конечно же, во время войн и включал всю бывшую Лотарингию: северо-восток Франции, Гент, Вербье, Льеж, Ахен, Эльзас.

небезызвестное зло было менее глубоким» — так происходило потому, что государства были по-прежнему достаточно сильны, чтобы своим активным вмешательством противостоять этой угрозе³⁶¹. Но не нуждалась ли сама Британия в деиндустриализации Европы? Возможно, совсем наоборот. Учитывая расширявшийся рынок периферии, Британии понадобится второй уровень индустриализующихся стран, идущих позади нее, чтобы приходить ей на смену, когда она перейдет к новым технологическим достижениям. И так будет на протяжении, по меньшей мере, 50 лет.

Однако здесь нам нужно остановить изложение на 1830/1832 годах — политическом переломном моменте. Июль 1830 года во Франции был «больше чем мятежом и определенно меньше, чем революцией»³⁶². Во многих смыслах эти события по отношению к Великой Французской революции играли ту роль, которую Славная революция выполнила в отношении Английской революции. Июль 1830 года представлял идеологический компромисс между правящими классами, которые в некотором смысле положили конец озлобленным идеологическим ссорам, возникшим из-за исключительного уровня насилия предшествующей революции. Благодаря этому обстоятельству междоусобные распри внутри верхних страт отныне будут вестись в «нормальной» (хотя и не всегда конституционной) политической форме. Тем самым июль 1830 года в действительности освободил рабочих от их идейной зависимости от буржуазных мыслителей. Рабочие «подхватили язык революции и приспособили его к своим собственным целям»³⁶³.

Французская революция 1830 года немедленно отозвалась в Великобритании и привела к Акту о парламентской реформе 1832 года³⁶⁴. В самом деле, в 1832 году всплеск насилия был «предотвращен только в самый последний момент»³⁶⁵. Акт о парламентской реформе, таким образом, оказался чем-то

³⁶¹ Lévy-Leboyer (1964, 186—191).

³⁶² Montgolfier (1980, 7).

³⁶³ Sewell (1980, 291). Сьюэлл также утверждает, что «классовое сознание впервые возникло во Франции в ходе агитации, которая последовала за революцией 1830 года». Однако, как я утверждал выше, классовое сознание уже имело место — не хватало лишь теоретического обоснования, которое теперь последует.

³⁶⁴ См. Thompson (1968, 911).

³⁶⁵ Thompson (1978b, 46—47). Томпсон добавляет следующий весьма уместный историографический комментарий: «Если бы этого не произошло, то резонно предположить, что революция ускорила бы очень быстрый процесс радикализации, пережитый через якобинский опыт и вне его. И какую бы форму ни смогли принимать контрреволюция и возможная стабилизация, непохоже, что многие институты XVIII века могли выжить — Палата лордов, государственная церковь, монархия, юридическая и военная элиты, возможно, были бы сметены, по крайней мере временно. И если бы произошло именно так, то как минимум теоретики (model-builders) были бы удовлетворены — 1832 год был бы настоящей английской буржуазной революцией, а 1640 год можно было бы не принимать в расчет как „преждевременный“ всплеск, нечто вроде сплава гугенотских войн и Фронды. В таком случае укрепились бы склонность обнаруживать что-то подобное „феодалному“ обществу, существовавшая в Британии до самого 1832 года (как свиде-

вроде идеологической коды к событиям 1688—1689 годов, включив в политическую игру промышленников, которые ранее стояли за ее пределами «не потому, что их собственность была индустриальной, а потому, что она была мелкой»³⁶⁶. Эта кода выполнила для Британии ту же функцию, что 1830 год для Франции, освободив рабочий класс в понятийном смысле (*terminologically*). Теперь британские рабочие могли приступить к обсуждению классово сознательных действий, которые они начали осуществлять задолго до этого.

)

тельство причудливого представления о проблесках с флангов некой марксистской интерпретации Французской революции, согласно которой во Франции в 1788 году господствовал „феодализм“»).

³⁶⁶ Thompson (1978b, 50).

3

ВКЛЮЧЕНИЕ (ИНКОРПОРАЦИЯ)
В МИР-ЭКОНОМИКУ
ОБШИРНЫХ НОВЫХ ЗОН
(1750–1850)

Гравюра, изображающая одну из составляющих детально разработанного процесса приема европейского посланника при османском дворе, — церемониальный обед от имени великого визиря в зале заседаний дивана после обмена верительными грамотами с великим визирем, непосредственно предшествующий представлению посланника султану. Эта гравюра была выполнена Бенуа (возможно, М.-А. Бенуа, работавшим в Париже в 1780—1810 годах) в 1785 году, завершена Дельво (возможно, Реми Дельво, 1750—1832) и появилась в качестве иллюстрации в одной из первых книг, представлявших османские традиции и историю европейской публике. Автор этой книги («Общий очерк Османской империи»)

Игнатиус Мураджа д'Оссон был шведским поверенным в Высокой Порте; сама книга была опубликована в Париже в трех томах (1787, 1790 и 1820 годы)

В ходе возобновившейся экономической экспансии (а также финансовой инфляции) в промежутке примерно 1733—1817 годов европейский мир-экономика вырвался за свои рамки, созданные в ходе долгого шестнадцатого века, и стал включать в охватываемое им фактическое разделение труда новые обширные зоны. Этот процесс начался с включения зон, которые начиная с XVI века уже были во внешней сфере европейского мира-экономики — наиболее важными и главными из них стали Индийский субконтинент, Османская империя, Российская империя и Западная Африка.

Эти включения происходили во второй половине XVIII века и первой половине XIX столетия. Как мы знаем, в то время скорость процессов в мире-экономике увеличилась, и фактически к концу XIX — началу XX века в него был втянут весь земной шар, в том числе и те регионы, которые никогда не входили даже во внешнюю сферу капиталистического мира-экономики. Модель процесса включения в уже существующий долгосрочный процесс накопления капитала была выработана именно на упомянутых четырех зонах. И хотя включение каждой из них несколько различалось в деталях, все четыре процесса происходили более или менее одновременно, демонстрируя существенное сходство в своих принципиальных особенностях.

Включение в капиталистический мир-экономику никогда не было инициативой тех, кого туда включали. Скорее данный процесс исходил из потребности мира-экономики в расширении своих рубежей — потребности, которая сама по себе была результатом внутренних воздействий в рамках мира-экономики. Кроме того, значительные и крупномасштабные социальные процессы наподобие этого включения не являются внезапными явлениями. Они возникают в ходе постоянной продолжительной долгосрочной деятельности. Поворотные точки можно ретроспективно (и приблизительно) подвергать датировке, однако они редко отчетливо выражены, а качественные изменения, которые они воплощают, являются комплексными и сложными. Тем не менее поворотные точки реальны по своему воздействию и действительно ощущаются как имевшие место.

В предыдущих томах этой книги мы стремились систематически различать те зоны, которые в ходе долгого шестнадцатого века находились на периферии мира-экономики, и те, которые формировали его внешнюю сферу.

Далее мы предположили наличие трех принципиальных отличий между тем, какое отношение Россия (находившаяся во внешней сфере) и Восточная Европа (на периферии) имели к Западной Европе: «(1) различие в природе торговли, 2) различие в силе и роли государственного аппарата и 3) различие в силе и роли местной городской буржуазии как следствие двух предшествующих пунктов»¹.

Теперь перед нами стоит вопрос о природе процесса, посредством которого некоторая зона, в определенный момент времени бывшая внешней сферой мира-экономики, в более поздний момент оказывается на его периферии. Мы полагаем, что это процесс средней протяженности, и называем данный период включением (инкорпорацией) (*incorporation*). Соответственно, используемая нами модель предполагает три последовательных момента, характерных для подобной «зоны»: нахождение во внешней сфере, включение и периферизацию. Ни один из них не является статичным — все они процессуальны.

В фундаментальном смысле включение означает, что, по меньшей мере, некоторые значимые производственные процессы в данной географической локации интегрируются в различные товарные цепочки, которые формируют устойчивое разделение труда в капиталистическом мире-экономике. Но как узнать, является ли отдельный производственный процесс «интегральным» для данного разделения труда? Производственный процесс может считаться таковым лишь в том случае, если получаемая в результате продукция в некотором смысле отвечает вечно изменчивым «рыночным условиям» данного мира-экономики (каким бы ни был источник этих изменений) с точки зрения усилий тех, кто контролирует данные производственные процессы с целью максимизации накопления капитала внутри этого рынка, — если и не в очень короткой перспективе, то, по меньшей мере, в некой обозримой среднесрочной. До тех пор, пока это не происходит в общем и целом, пока превратности отдельных производственных процессов могут объясняться иными соображениями, нежели теми, что способствуют максимальному накоплению капитала в мире-экономике, зоны, в которых размещены данные процессы, следует считать остающимися во внешней сфере этого мира-экономики, несмотря на существование торговых связей с ним, вне зависимости от того, насколько масштабной и прибыльной представляется данная текущая «торговля».

Конечно, надо понимать, что подобное определение разницы между периферией и внешней сферой может прояснить вопрос лишь теоретически и содержать мало пользы в качестве эмпирического индикатора для точного описания отдельной ситуации. Чтобы найти подобный индикатор, необходимо обратиться к некоторым практическим последствиям подобной интеграции. И здесь нужно сделать различие между моментом (впрочем, моментом длительным) «включения» и последующим моментом «периферизации».

¹ Wallerstein (1974, 302, см. с. 373 I тома рус. изд.).

² Thomas & Thomas (1928, 572).

Если можно позволить такую аналогию, то включение предполагает поимку некоторой зоны на крючок орбиты мира-экономики таким образом, что у этой зоны фактически больше не остается выхода. А периферизация предполагает последующую трансформацию мини-структур данной территории в направлениях, которые иногда называются углублением капиталистического развития.

Зададимся простым вопросом: что требуется для того, чтобы некий локальный производственный процесс в том или ином смысле отвечал вечно меняющимся условиям мирового рынка? Возможно, ответив на него, мы сможем установить необходимые критерии. Представляется очевидным, что способность на подобную реакцию на запросы мирового рынка отчасти является производной от масштаба той единицы, которая принимает решения. Более крупная единица с большей вероятностью будет иметь воздействие *на саму себя* и собственные планы по накоплению капитала, меняя свои производственные решения в свете того, что считается меняющимися условиями рынка. Отсюда следует, что для предприятий, находящихся в зоне, которая начинает подобным образом реагировать на вызовы рынка, рассматриваемая единица может увеличиваться. Появление подобных более крупных единиц принятия решений может произойти либо в месте прямого производства (например, путем создания «плантации»), либо в месте, где продукция собирается для последующей торговли, — при том условии, что лицо, осуществляющее ее сбор (т. е. торговец), обладает, в свою очередь, определенным механизмом контроля над деятельностью множества мелких производителей (например, через долговые обязательства). Во-вторых, решения, наиболее простые в части расширения или сокращения производства, должны быть обеспечены с точки зрения возможности приобретать составляющие, которые организуют производственный процесс (или избавляться от них): машины, материалы, капитал, а прежде всего — человеческий труд. Последний в некотором отношении должен быть «принудительным». В-третьих, те, кто контролирует производственные процессы, будут с большей вероятностью реагировать на запросы рынка, если подобные реакции позволяют, поощряются и субсидируются политическими институтами, имеющими достаточную власть и авторитет, нежели в том случае, если этого не происходит. Наконец, данные реакции требуют институциональной инфраструктуры — достаточной безопасности и подходящих форм финансового взаимодействия.

Отсюда следует, что для анализа того, интегрированы ли производственные процессы конкретной зоны в более крупное разделение труда в рамках всего мира-экономики, необходимо рассмотреть: (1) природу структур принятия экономических решений, (2) альтернативные способы получения трудовых ресурсов для данных производственных процессов, (3) степень, в которой имеющиеся государственные структуры соотносятся с требованиями политической надстройки капиталистического мира-экономики, и, наконец, (4) возникновение необходимой институциональной инфраструктуры или, скорее, распространение той инфраструктуры, что уже существует в

капиталистическом мире-экономике, с целью покрытия зоны, которая в него включается. Именно этому и будет посвящена настоящая глава.

Начнем с рассмотрения того, в каком отношении перечисленные четыре зоны не были включены в капиталистический мир-экономику в долгий период 1500—1750 годов, в ходе которого все они, можно сказать, имели постоянные торговые отношения с европейским миром-экономикой как часть его внешней сферы.

Прежде всего — природа этой торговли. Специфика торговли между двумя зонами, которые не находятся в рамках единого разделения труда, связана с различием, как сказали бы раньше, «богатой торговли» и торговли «простыми» и «грубыми» товарами. Сегодня мы говорим о различии между «предметами роскоши», с одной стороны, и «товарами повседневного спроса», или «предметами первой необходимости», с другой. Предметы роскоши — это, конечно, термин, операционное определение которого производно от нормативной оценки. Сегодня известно, что даже такое, казалось бы, физиологическое понятие, как минимальная потребительская корзина, или прожиточный минимум, является социально определенным. В отсутствии иных соображений так происходит потому, что необходимо сделать поправку на протяженность времени, которым измеряется выживание. Трудно предопределить и то, является или не является в некотором данном контексте экспортным предметом роскоши некий отдельный продукт — пряности, или чай, или меха, а то и рабы, не говоря уже о специфическом случае драгоценных металлов. Мы говорим об *экспорте* предметов роскоши, поскольку в экономическом смысле идея их *импорта* не имеет большого значения. Если некий предмет покупается на рынке, это происходит потому, что некто субъективно ощущает «потребность» в нем, и для исследователя было бы глупо утверждать, что эта «потребность» не являлась реальной. Согласно классической формулировке Уильяма и Дороти Томас, «если люди определяют те или иные ситуации как реальные, то они реальны и по своим последствиям»³. Конечно, некоторые товары являются дорогими в пересчете на единицу продукции, а другие нет, но для торговца имеет значение уровень возврата на общий объем проданного, помноженный на количество продаж.

Однако экспорт предметов роскоши может иметь более аналитическое определение. Речь идет об установлении для предметов, имеющих низкую социальную ценность, цен куда более высоких, чем те, что можно получить при их альтернативном использовании. Данное представление является уместным лишь в том случае, если имеется в виду торговля между двумя отдельными историческими системами, у которых в связи с этим присутствуют различные измерения социальной ценности. Соответственно, понятия «роскоши» и «внешней сферы» идут рука об руку. Если обратиться к источникам, то можно обнаружить, что многие авторы часто использовали терминологию торговли «предметами роскоши», описывая Индию и Западную Африку. Например, С. С. Кулшрестра отмечает: «„Предметами восточного торгового пути были

³ Kulshresthra (1964, 220). Сурендранатх Дасгупта особенно критикует точку

блестки и безделушки», — утверждает Гиббонс. Это особенно верно в применении к XVI и XVII столетиям³. Дэвид Нортруп, говоря о развитии атлантической торговли в дельте Нигера, отмечает, что племена аро⁴ первоначально торговали «предметами роскоши — рабами, лошадьми и скотом для использования в ритуальных целях, а также бисером»⁴, причем подобная торговля не велась на местных рынках.

Но что делает роскошь роскошью? Самир Амин обнаруживает одну ключевую переменную — незнание. Он связывает «редкость» определенных товаров в рамках «торговли на дальние расстояния» с тем фактом, что подобная торговля основана на обмене товарами, «в отношении которых для каждой из сторон торговли не имеет значения стоимость их производства»⁵. И если именно незнание является главным элементом, то сразу же становится понятно, каким образом подобная торговля предметами роскоши может быть самокупаемой. Однако по мере расширения торговли основание для незнания может исчезать. В таком случае мы приходим ко второму ключевому аргументу, который

зрения Я. К. ван Лёра, согласно которой до 1750 года торговля в Индийском океане велась именно предметами роскоши. Дасгупта утверждает, что этот аргумент «несостоятелен», поскольку, несмотря на определенное место «роскоши» в торговле, данная ее часть была «маргинальной в сравнении с массовой торговлей тканями, преимущественно их грубыми разновидностями» (Das Gupta, 1974, 103). Однако здесь стоит быть внимательным в отношении системных границ. Дасгупта говорит о торговле внутри Индийского океана, которую мы не обсуждаем в данный момент, а не о торговле между зоной Индийского океана и европейским миром-экономикой.

См. аналогичную точку зрения Тапана Рейчодхури о межрегиональной торговле, под которой он, впрочем, понимает торговлю между разными регионами Индийского «субконтинента»: «Несмотря на высокие издержки наземного транспорта, ... торговля продуктами питания и широким ассортиментом текстильной продукции (некоторые виды последней определенно нельзя назвать предметами роскоши) были наиболее значимыми компонентами межрегиональной торговли [до 1750 года]» (Raychaudhuri, 1982b, 329). Однако когда речь заходит о том, что Рейчодхури называет «международной торговлей» текстилем, он отмечает, что европейские закупки были «просто определенной долей в общем объеме торговли» (Raychaudhuri, 1982b, 331).

⁴ Northrup (1972, 234).

⁵ Amin (1972b, 508). Дуглас Норт (North, 1985) определил бы подобное незнание как возросшие «транзакционные издержки», которые являются уходом от конкурентных рынков.

Кристофер Чемберлин (Chamberlin, 1979, 421) противопоставляет «крупнотоннажную (bulk) экспортную торговлю» в Западной Африке, которая, по его словам, была сферой так называемой законной торговли, и «экспортную торговлю предметами роскоши», определяя последние как «товары с высокой стоимостью на меру веса». Если отношение веса к цене работает в большинстве случаев, это не значит, что оно является существенным. В некоторых частях света и в определенных контекстах экспорт слонов для придворных церемоний был важнейшей (quintessential) «роскошной» продукцией — затратной, вспомогательной, собираемой в виде дани, а не производимой, редкой, но тем не менее вполне значимой.

⁶ Arnold (1957a, 174).

выдвинул Карл Поланьи, показательно применив его к Дагомее XVIII века. Речь идет о понятии «торгового порта»⁷, которое можно переосмыслить в качестве политического механизма, гарантирующего «незнание».

Как поясняет Розмари Арнольд, ключевым моментом в функционировании Уиды⁸, «торгового порта» Дагомеи⁶, было «решительное институциональное разделение торговой и военной организаций» в этом королевстве. Институциональное — и в равной степени пространственное: поскольку войны имели место «во внутренних территориях», а торговля велась на берегу, и это означало, что военные цели королевства, включая набеги для захвата рабов, можно было преследовать «без вмешательства торговцев, будь то европейских или дагомейских»⁷. Но о каком вмешательстве идет речь? Определенно Арнольд рассуждает не о военном, а об экономическом вмешательстве, а последнее подразумевает знание рыночных условий.

Для поддержания этой монополии на знание идея «торгового порта» связывается с торговой монополией правителя, то есть с купцами, которые просто служат его наемными работниками или агентами⁸. Остен добавляет к упомянутому физическому разделению и королевской монополии третий элемент — «систему сбора товаров, продаваемых на международном рынке, которая оставалась отдельной от производства товаров для внутреннего использования в Африке»⁹. Это предполагает (и не может не быть верным), что инфраструктурная база этого «сбора» (в отличие от «производства») значительно тоньше, а стало быть, издержки, необходимые для увеличения и сокращения собираемых благ, существенно меньше, чем те, которые требуются для производственной деятельности.

Конечно, аргументация Поланьи и Арнольд не осталась неоспоримой применительно к эмпирическому описанию королевства Дагомея. В частности, похоже, что королевская монополия на работоторговлю не была тотальной. Однако У.Дж. Аргайл, первым предпринявший критику изложенной концепции, фактически отмечает, что власть короля была настолько велика, что от африканских охотников за рабами и европейских купцов требовалось делать бизнес сначала с королем, а затем с кем-то еще, продавать королю товар по «фиксированным ценам» и покупать у него по более высоким ценам, чем те, которые «они предоставляли другим дилерам»¹⁰. Возможно, более уместную критику предлагает Мэннинг, допуская, что модель Поланьи — Арнольд

⁷ Arnold (1957a, 175).

⁸ Polanyi (1966). См. тж. Elwert (1973, 74, *passim*).

⁹ Austen (1970, 268).

¹⁰ Argyle (1966, 103). Робин Ло (Law, 1977, 556) развивает точку зрения Аргайла, согласно которой работоторговля была разделена между королем и прочими продавцами, называя понятие королевской торговой монополии «по сути дела, мифологическим». Однако далее Ло отмечает: «Непохоже, что короли Дагомеи позволяли торговцам из внутренних государств вступать в прямые контакты с европейскими купцами в Уиде» (р. 564). Поэтому вместо понятия королевской монополии, стоящей между работоторговцами и европейскими торговцами и физически разделяющей их, Ло предлагает понятие монополии, разделенной между королем и дагомейскими частными торговцами.

является «искаженной и неисторичной»¹¹, поскольку в ней смешаны три разных столетия. Поэтому предлагаемое в ней описание может быть верным лишь для самого раннего периода. Кроме того, наличие торгового порта, созданного для предотвращения интеграции, могло тем не менее привести к иным, в равной степени интегрирующим способам зависимости. Ведь торговый порт требовал более сильной государственной формы — той характерной особенности включения Западной Африки в работорговлю, которая часто отмечалась и к которой мы еще вернемся. А само выживание более сильного государства могло оказаться зависящим от поддержания торговых связей¹².

Сила государственного аппарата во внешней сфере оказывается критической переменной, влияние которой на включение в мир-экономику при

Однако в смысле блокирования информационного потока это не вносит существенной разницы. См. Peukert (1978, xiii—xiv). Пойкерт также акцентирует роль частных дагомейских торговцев, но стремится уравновесить критическую точку зрения на Дагомею как «самостоятельную экономику» у Поланьи с одинаково решительным отказом от «европоцентричного всемирно-исторического анализа» (p. 224).

¹¹ Manning (1982, 42). Однако в конечном итоге Мэннинг сам ссылается на отсутствие исторических данных: «До сих пор невозможно сказать, до какой степени государство было способно регулировать и защищать работорговлю и в какой мере оно действительно осуществляло сбор и сбыт рабов. Например, если большинство рабов захватывались во время войны, то должен был существовать механизм их передачи от государства, которое, предположительно, предъявляло на них претензии после поимки, в руки торговцев, которые их вывозили. По этому поводу и относительно ключевых деталей данного процесса современные европейские исследователи хранят молчание» (p. 43).

¹² Рассмотрим, что происходило в поздний период истории королевства Дагомея. В конце XVIII века дагомейские власти сократили работорговлю. Это было сделано отчасти для сокращения зависимости от рынка, который рассматривался как застойный и нестабильный (предположительно, подобным рассуждениям способствовало наличие «торгового порта»), а отчасти для умиротворения королевства Ойо, которое в тот момент было номинальным сюзереном Дагомеи и одновременно ее конкурентом в поставках рабов. Однако это умиротворение имело существенные негативные последствия для различных групп в королевстве, в результате чего в 1818-м году там произошло нечто вроде государственного переворота, приведшего к власти короля Гезо, который сегодня рассматривается фактически как один из великих исторических лидеров Дагомеи. Что же он сделал? «Гезо оживил стагнирующую работорговлю, что ознаменовало эпоху территориальной экспансии и экономического роста... Экономике его королевства стимулировали труд невольников, которых заставляли работать на плантациях Дагомеи, доходы от продажи рабов на рынке в Уиде и торговая монополия, которую Дагомея установила над вновь завоеванными территориями» (Yoder, 1974, 423—424). Этот специфический способ вовлечения в мир-экономику (а именно такой смысл имел данный процесс), похоже, напрямую вырос из сильной государственной структуры, созданной, чтобы предотвратить это вовлечение. Все это кончилось лишь благодаря активной британской блокаде работорговли в Уиде в 1843 году.

Впрочем, Ло скептически относится к тому, что дагомейские власти вообще когда-либо сокращали работорговлю. Однако Ло рассматривает сильное государство как нечто созданное в качестве «разрешения проблем порядка, установленного работорговлей» (Law, 1986, 266).

этом более сложное, нежели мы имеем обыкновение признавать. В рамках первоначального контакта с другой мир-системой сильные государственные аппараты могут обеспечить ведение торговли как равного обмена между сферами, которые являются внешними по отношению друг к другу. Сам процесс подобной торговли может усиливать тот или иной государственный аппарат с обеих сторон, что, как известно, и произошло в рассматриваемом историческом случае. Выросшая сила некоторых государств во внешней сфере тем самым провоцировала власть предрержащих в европейском мире-экономике вкладывать в данные отношения еще больше сил, чтобы сломать этот «монополистический» барьер для включения данных территорий. В некотором смысле государства во внешней сфере проделали путь от сильных к еще более сильным, а затем к относительной слабости.

Ханс-Хайнрих Нольте выдвигает аргумент против ранее высказанной мною точки зрения о различии между Польшей, уже включенной в мир-экономику и имевшей статус его периферии в XVI—XVII веках, и Россией, которая, как я утверждаю, в то время по-прежнему находилась во внешней сфере. Нольте действительно признает, что «процесс интеграции» России начался позже, чем в случае с Польшей, однако это случилось, утверждает он, «в большей степени по политическим и социальным соображениям, нежели по экономическим»¹³. Но ведь именно в этом и состоит моя точка зрения¹⁴.

Не должны обманывать и простые культурные заимствования. Правление османского султана Ахмеда III (1718—1730) стало известно как «эпоха тюльпанов» из-за известного страстного увлечения двора тюльпанами, ввозимыми из Голландии. Маршалл Ходжсон закликает воспринимать это западное культурное заимствование Османской империи не в качестве «демонстрации экзотической роскоши» (это совпадает с нашим настоятельным утверждением, что импортируемые товары никогда не являются предметами роскоши для их экспортеров), но скорее в качестве попытки османских правителей «восстановить абсолютизм», направленной против происходившей в тот момент

¹³ Nolte (1982, 47).

¹⁴ Кроме того, я полностью согласен со следующим выводом Нольте: «Более того, открытым остается вопрос, являлась или не являлась преимуществом в долгосрочной перспективе задержка включения России в мир-систему. В экономическом смысле эта задержка вела к развитию в России собственных мануфактур. В политическом отношении у нее, с точки зрения царя, также имелись преимущества, поскольку борьба против Швеции легитимировала абсолютизм» (р. 48). Опять-таки именно об этом я и говорю. В конечном итоге аргументация Нольте сводится к ответу на вопрос, была ли Россия «включена» после 1750-го года (символически при Екатерине II) или она уже была включена при Петре Великом, а то и, возможно, еще раньше. Ниже мы рассмотрим данную проблему датировки.

См., например, оценку Петра Великого в работе Blanc (1974, 29): «Петр был убежденным протекционистом... Правительства его преемников были порой более либеральны, чем его кабинет. Тарифы 1731 года или даже привилегии, пожалованные англичанам вслед за договором 1734 года, служат признаком определенного продвижения в этом направлении, которое подчеркивает неоспоримый „меркантилизм“ Петра Великого».

региональной децентрализации. А когда оппоненты этого абсолютизма апеллировали к ценностям ислама для нападок на «языческие (но коммерчески конкурентоспособные) роскошества двора», они, по словам Ходжсона, преднамеренно метили в те торговые связи с Западом, «которые могли увеличить власть двора»¹⁵.

Аналогичным образом недавние исследования эпохи европейской экспансии в Индийском океане склонны уменьшать, а не увеличивать наше представление о португальском океанском господстве в XVI веке. (Хотя прежде уверенность в значительном наземном превосходстве одной из европейских держав на Индийском субконтиненте до второй половины XVIII века никогда не ставилась под какое-либо сомнение). Португальцы, отмечает Дигби, «лишь с умеренным успехом» соревновались за долю в так называемой сельской (то есть внутрорегиональной) торговле, и чтобы получить даже эту долю, им приходилось достигать «договоренностей с другими держателями власти» в регионе¹⁶.

Наконец, перед нами знакомая история появления в процессе работорговли новых держав и усиления старых в тех зонах, которые находились вдоль западного и центрального побережья Африки или непосредственно примыкали к ним. Результатом этого была главным образом ситуация, «в которой тон задавали

¹⁵ Hodgson (1974, II, 139—140). Дэнкуорт Растов (Rustow, 1970, I, 677) указывает, что «идиллия эпохи тюльпанов в Стамбуле была грубо разрушена русско-турецкими войнами 1782—8 / 1768—74 годов», но не до того. «По Кючук-Кайнарджийскому мирному договору султан был вынужден уступить Крым — первую мусульманскую территорию, которую османы получили от христиан». «Эпоха тюльпанов» была «недолговечной», утверждает Хейд (Heyd, 1970, I, 363). Это утверждение вполне верно, но данный период следует рассматривать как последнюю попытку противостоять силам, способствовавшим включению в мир-экономику.

Иногда в качестве свидетельства слабости Османской империи и по умолчанию в качестве доказательства ее включения в мир-экономику до 1750—1850-х годов указывается вытеснение португальцами османских игроков с занимаемой ими роли в торговле в Индийском океане. Однако Эндрю Хесс (Hess, 1970, 191—1918) утверждает, что это слишком португалоцентричная точка зрения: «По стандартам [XVI] века и в соответствии с институтами, которые формировали их общество, османы успешно отвечали на внешние морские вызовы на своих границах... Главными рубежами для османского флота в XVI веке были контуры Средиземноморья, а не открытые просторы Индийского океана».

¹⁶ Digby (1982, 150). См. тж. Marshall (1980, 19): «В западной части Индийского океана португальская морская мощь в основном встречала сопротивление при отсутствии действительного противостояния; далее на восток она все больше оспаривалась».

Печально известно, как Япония в 1637-м году оказалась способна прекратить всю западную торговлю, за исключением небольшого ее объема, проходившего через «торговый порт» в Нагасаки в середине XVII века. «После того как порядок исключения был насильно внедрен, бакуфу, или государство сегунов,... превратилось в организованную бюрократию под руководством совета старейшин. Таким образом, вместе с восстановлением мира после долгого периода внутренних усобиц и появлением сильного центрального правительства Япония оказалась в состоянии без страха встретиться с миром лицом к лицу» (Panikkar, 1953, 87). Аналогичным образом «смещение неспособной к действию династии Мин' доблестной новой династией усилило Китай в очень важный период времени».

африканцы»¹⁷, особенно в смысле появления общих принципов функционирования торговой системы в Западной Африке, — речь, конечно, идет о тех африканцах, которые правили этими посредническими королевствами, а не теми регионами, которые подвергались грабежу. Впрочем, необходимо иметь в виду, что сила этих королевств шла рука об руку с силой местного торгового класса¹⁸.

Четвертая поразительная особенность торговли внешних сфер с европейским (и капиталистическим) миром-экономикой заключается в устойчиво долгосрочном торговом дисбалансе¹⁹. Неоднократно отмечалось такое явление, как отток золота на Индийский субконтинент до 1750 года. Чодхури называет «парадоксом» тот факт, что даже рост индийского спроса на европейский импорт в 1660—1760-х годах был незначительным для того, чтобы превзойти «этот фундаментальный структурный дисбаланс»²⁰. Об этом явлении можно рассуждать двояко. Можно рассматривать его в качестве приобретения рассматриваемыми территориями необходимого им товара — драгоценных металлов, что, в свою очередь, оказывается признаком не их принадлежности к внешней сфере, а как раз наоборот — их интеграции в европейский мир-экономику. Именно по этому пути движется Чодхури, утверждая, что данный факт был «существенным образом обязан увеличению объема ликвидности, возникшему благодаря функционированию американских золотых и серебряных рудников»²¹, что создало «относительную разницу в международных производственных издержках и ценах»²². Еще дальше идет Фрэнк Перлин, утверждая, что импорт драгоценных металлов был «торговлей товаром широкого потребления, которая, используя терминологию Пьеро Сраффа, является составной частью... в производстве всех товаров»²³. Аналогичную линию

¹⁷ Martin (1972, 14). Данное описание относится к побережью Лоанго, но аналогичное утверждение можно легко сделать и о других территориях. Мартин указывает на два основных условия, которые делали это верным: «одним из них была интенсивная европейская конкуренция, а другим то, что ни один европеец не мог получить на берегу постоянную точку опоры» (р. 115). Конечно, второе условие фактически нарушалось основанием фортов в Западной Африке, а также предпринимались попытки снизить конкуренцию. Однако до того, как события в Европе не приобретут иной оборот (скажем, к 1815-му году), эта конкуренция по-прежнему не могла быть существенно ограничена.

¹⁸ О роли так называемых лузо-африканцев, особенно в XVI—XVII веках, см. Boulègue (1972).

¹⁹ Об оттоке серебра в Индию, Османскую империю и Россию в XVII веке см. мое предыдущее рассмотрение во втором томе настоящей книги (с. 128—134 русского издания).

²⁰ Chaudhuri (1978, 159). «Основание ост-индской торговли, осуществляемой морскими нациями северо-западной Европы, покоилось главным образом на обмене западных драгоценных металлов на азиатские мануфактурные товары» (р. 97).

²¹ Chaudhuri (1981, 239).

²² Chaudhuri (1978, 456). Чодхури утверждает, что западноевропейцы были вынуждены платить за индийские товары драгоценными металлами, поскольку они «были неспособны продавать европейские товары по тем ценам, которые создавали бы на них большой спрос». Но едва ли это убедительный аргумент. В таком случае каким образом США сегодня продают компьютеры в Индию?

²³ Perlin (1983, 65).

аргументации использует Нольте применительно к драгоценным металлам, направлявшимся в Россию: «Они были необходимы для денежного обращения»²⁴.

Но откуда тогда взялась вся эта суета вокруг оттока драгоценных металлов? Если они на самом деле являются лишь еще одним товаром, то в таком случае совершенно невозможно значимое различие между торговлей внутри отдельно взятой мир-системы и торговли между двумя разными мир-системами (то есть отдельными и, возможно, разными экономическими структурами). И почему в таком случае рассматриваемый отток столь зримо изменился в случае Индии («импорт драгоценных металлов... прекратился после 1757 года»)??²⁵

Альтернативный способ интерпретации оттока драгоценных металлов — рассматривать этот процесс с точки зрения европейского мира-экономики как утечку необязательного прибавочного продукта (соответственно, это и был экспорт «предметов роскоши») в ходе длительного сжатия европейского мира-экономики в XVII веке (когда и происходила основная утечка драгоценных металлов). Но в момент возобновления экспансии европейского мира-экономики после приблизительно 1730—1750 годов данный отток перестал быть несущественным. Следовательно, с точки зрения европейского мира-экономики, связи с данными внешними сферами следовало либо трансформировать, либо обрезать. Поскольку имелись и прочие мотивы, которые подтолкнули включение внешней сферы в качестве решения проблемы, данный процесс был запущен.

С точки зрения внешних для европейского мира-экономики зон (Индийского субконтинента, Османской империи, России), тот факт, что в результате они настаивали на получении драгоценных металлов, означает, что прочая европейская продукция их не слишком привлекала. Последнее можно истолковать таким образом, что данные территории не были включены в интегрирующие связи, которые формировали товарные цепочки капиталистического мира-экономики. О сложностях европейцев с продажей своих товаров, в отличие от покупки чужих, известно давно. Например, сначала португальцам, а затем голландцам и англичанам приходилось включаться в «провинциальную» (или «морскую») торговлю в Индийском океане, чтобы финансировать свои колониальные приобретения²⁶. В равной степени это исходно оказывается верным и в случаях Османской империи²⁷ и Западной Африки²⁸.

²⁴ Nolte (1982, 44).

²⁵ Datta (1959, 318).

²⁶ Представляется несомненным, что в 1730-х годах «росли только английские морские перевозки» (Furber, 1965, 45).

²⁷ «Спрос балканских народов [в XVIII веке] на европейские товары был меньше, чем спрос Запада на товары с Балкан» (Stoianovich, 1960, 300). Европейская морская торговля продолжалась в Османской империи и на протяжении значительной части XIX века. См. Issawi (1966, 1980a).

²⁸ «Чтобы добыть золото и слоновую кость (а также перец), которые требовались им для внутреннего рынка, португальцам пришлось тратить немало энергии в качестве посредников, перевозивших грузы вдоль западного побережья Африки» (Northrup, 1978, 22). Нортруп делает вывод, что «появление португальцев... не повлекло за собой каких-либо внезапных изменений в торговой жизни региона [дельты Нигера]; вместо

Примерно около 1750 года все эти процессы стали резко меняться, и в результате Индийский субконтинент, Османская империя (или, по крайней мере, Румелия, Анатолия, Сирия и Египет), Россия (или, по меньшей мере, ее европейская часть) и Западная Африка (или, по крайней мере, ее более близкие к берегу территории) были включены в уже существующий ряд взаимосвязанных производственных процессов (так называемое разделение труда) в капиталистическом мире-экономике. Данный процесс инкорпорации был завершен к 1850 году (хотя в Западной Африке, возможно, несколько позже). С точки зрения производственных процессов, произошло три основных изменения, которые мы рассмотрим поочередно. Во-первых, возникла новая модель «экспорта» и «импорта»; во-вторых, в перечисленных четырех зонах были созданы более крупные экономические «предприятия» (или структуры, принимающие экономические решения); в-третьих, значительно увеличилась степень принуждения рабочей силы.

Новая модель «экспорта» и «импорта» воспроизведет дихотомию центра и периферии, которая формирует осевое разделение труда в капиталистическом мире-экономике. По сути дела, в рассматриваемое время это подразумевало обмен периферийных сырьевых материалов на производимые в центре мануфактурные товары. Для того чтобы периферийные зоны сконцентрировались на экспорте сырьевых материалов, в их производственных процессах должны были произойти перемены в двух направлениях. Во-первых, это создание или значительное расширение товарного сельского хозяйства (и аналогичных форм первичного производственного сектора), продукция которого предназначена для продажи на рынке капиталистического мира-экономики, а во-вторых, сокращение или устранение местных мануфактурных видов деятельности. Более ранним по времени и, возможно, по значимости был первый из двух процессов, однако второй фактически должен был происходить в равной мере. В свою очередь, создание товарного сельскохозяйственного (и аналогичного ему) экспорта предполагало нечто большее, чем формирование ряда земельных участков, на которых выращивались отдельные культуры, например хлопок. Если данные земли использовались под хлопок, то в целом это означало, что они больше не использовались для продовольственных культур. Отсюда следовало, что по мере того, как все большая доля земель специализировалась на выращивании специфических культур на «экспорт», другие участки нужно было специализировать на выращивании продовольствия для рабочих, занятых на первом типе земель. А с рациональным продвижением хозяйства в направлении создания иерархической системы трудовых ресурсов (возможно, под надзором собственников недвижимости) прочие территории также начинали специализироваться на экспорте людей для работы на землях обоих указанных типов. Появление подобной трехуровневой пространственной специализации внутри некоторой зоны — «экспортные» товарные культуры, продовольственные культуры для «локального рынка» и «культуры» рабочих-мигрантов — было красноречивым признаком включения прежде внешней сферы в продолжающееся разделение труда в капиталистическом мире-экономике.

После 1750 года торговля и Великобритании, и Франции — двух главных экономических центров капиталистического мира-экономики того времени — значимым образом расширялась во всех четырех зонах, которые мы рассматриваем в настоящей главе. Наполеоновские войны стали препятствием в этой торговле для обеих стран, и после 1815 года роль Франции стала существенно меньше, чем роль Великобритании, но все же не исчезла полностью (за исключением, возможно, Индии). Экспорт четырех рассматриваемых зон в Западную Европу везде увеличивался более быстрыми темпами, чем импорт, однако платежный баланс более не закрывался посредством экспорта драгоценных металлов из Западной Европы. Последующий краткий обзор подтвердит, насколько последовательной была эта картина.

Несомненно, наиболее известна история Индийского субконтинента. Столетием ранее рассматриваемого периода (1650—1750) значимость более старых центров океанской торговли — Масулипатнама, Сурата и Хугли — снизилась, они стали уступать место новым центрам, связанным с европейской торговлей, таким как Калькутта, Бомбей и Мадрас²⁹. Промежуток 1750—1850 годов примерно ограничен двумя политическими событиями, имевшими прямое воздействие на модель торговли. С 1757 по 1813-й годы — неконтролируемый политический и экономический контроль над Индией осуществлялся Ост-Индской компанией. Тем не менее Чодхури утверждает, что в данный период торговля «продолжала идти по традиционным каналам» и обладала той же структурой³⁰. С этим согласен К.К. Датта, хотя он относит переломный момент к 1793 году (закон Корнуоллиса о постоянном землеустройстве (заминдари)'''), что представляется более достоверной датировкой³¹.

Однако между промежутком 1757—1793 годов и более ранним периодом уже было одно огромное отличие: в Индию теперь не экспортировалось золото³². Существовало два способа покрытия разрыва в торговом балансе без экспорта золота из Европы. Первый предполагал использование вновь обретенных государственных доходов Бенгальского президентства, которые представлялись в тот период достаточными для покрытия расходов на управление Бенгалией, издержек по британскому завоеванию и управлению в других местах полуострова. К тому же это еще и оставляло определенные средства на приобретение товаров, которые экспортировались в Британию³³.

²⁹ Watson (1980a, 42). Иэн Уотсон также отмечает, в какой мере частные английские торговцы вытесняли часть туземного купеческого класса. Но «по-прежнему остается вопросом», утверждает Уотсон, выжили ли именно те, кто сотрудничал с англичанами, как это предполагает Ашин Дасгупта (Das Gupta, 1970).

³⁰ Chaudhuri (1983a, 806).

³¹ Результатом появления постоянного заминдари стало устранение барьеров по превращению земли в «товар, который можно продавать и покупать на рынке» (Cohn, 1961, 621).

³² См. Datta (1959, 317—318).

³³ См. Bagchi (1976c, 248), Ganguli (1965), Arasaratnam (1979, 27). «Серебряный запас, имевшийся в Бенгалии в 1757 году, не только не был пополнен, но большая часть его утекала в разных направлениях» (N.K. Sinha, 1956, 14).

Вторым способом была так называемая залоговая система (hypothecation), восходящая к 1765 году. Ост-Индская компания продавала в Лондоне векселя на индийские президентства³⁴ и покупала в Индии векселя на Англию. Индийские товары, которые поставлялись через компанию английским торговым домам, «закладывались» в качестве добавочного обеспечения займов компании в Англии, при помощи которых она приобретала британские товары для экспорта в Индию. Тем временем компания авансировала средства продавцам товаров в Индии, и эти займы выплачивались товарами, которые выступали в качестве индийского экспорта в Британию. В подобных случаях не требовались потоки драгоценных металлов, а компания вдобавок получала прибыль от морской перевозки плюс разницу между более высокими процентными ставками по своим лондонским займам и индийским ссудам³⁴.

Пока грабеж, осуществляемый Бенгальским президентством, мог выступать в качестве переходного звена, можно говорить об инкорпорации только вместе с «выраженным расширением» после 1757 года торговли вдоль Ганга, связанной через Калькутту с капиталистическим миром-экономикой³⁵, и параллельной экспансией в южной Индии после 1800 года³⁶.

К первой половине XIX века в индийском экспорте преобладали четыре сырьевых товара, составлявшие около 60% его общего объема: индиго, шелк-сырец, опиум и хлопок³⁷. В то время как первые два товара направлялись на запад, в Европу, хлопок и опиум на тот момент главным образом предназначались для Китая. Ниже мы рассмотрим причины этого и значимость (так называемой) индо-китайско-британской трехсторонней торговли.

Похоже, что непосредственным импульсом для первых европейских фабрик по производству индиго, основанных в 1778 или 1779 году, была Американская революция, отрезавшая Британию от ее привычных североамериканских поставок³⁸. Этот недостаток предложения на уровне мира-экономики позднее усилится в связи с прекращением поставок из Сан-Доминго, где произошла революция³⁹, а также из-за того, что в Испанской Америке выращивание индиго в конце XVIII века было практически заброшено⁴⁰. Таким образом, производство индиго, уже имевшее коммерческое значение в Индии эпохи Великих Моголов, при британском владычестве увеличилось в абсолютных цифрах в три-четыре раза⁴¹.

³⁴ См. Sinha (1970, 28–29), Chaudhuri (1966, 345–346).

³⁵ Kessinger (1983, 252). «К концу XVIII века на определенные товарные культуры, такие как сахарный тростник, опиум и индиго, установились высокие цены и растущий спрос» (Cohn, 1961, 621).

³⁶ Bhattacharya (1983, 359).

³⁷ Chaudhuri (1983a, 844). Чодхури приводит дальнейшие детали в: Chaudhuri (1966, 348–349). См. тж. Sovani (1954, 868–870).

³⁸ См. Marshall (1976, 153).

³⁹ См. Dutt (1956, 280).

⁴⁰ Sinha (1970, 1).

⁴¹ См. Habib (1963, 44).

Хлопок также был давним предметом индийского производства, в первую очередь в Гуджарате. Но до 1770 года гуджаратский хлопок никогда не экспортировался, кроме как в Синд⁴², Мадрас и Бенгалию⁴³, причем на протяжении столетия его производство сокращалось⁴³. Экспортную торговлю хлопком из Индии в Китай британцы начали в 1775 году⁴⁴, а после 1793 года вместе с войной в Европе рынок для индийского хлопка появился и там, хотя в сравнении с североамериканскими поставками это было «незначительное предприятие»⁴⁵. Представляется, что именно возросший мировой спрос стал фактором аннексии Сурата в 1800 году⁴⁶. Расширение производства шелка также было связано с наполеоновской Континентальной системой, которая лишила британский рынок итальянских поставок⁴⁷. Лишь увеличение производства опиума не имело прямых связей с изменением производственных моделей в других зонах мира-экономики, но было скорее производным от потребностей Ост-Индской компании в торговле с Китаем⁴⁸. В долгосрочной перспективе ни один из перечисленных четырех товаров не продержится долго в качестве основного вклада Индии в разделение труда в рамках мира-экономики (хотя хлопок сохранял свою значимость в экспортном производстве Индии на протяжении очень долгого времени), однако именно эти товары обусловили тот способ, которым Индия могла быть включена в его рамки в 1750—1850 годах.

Похожая история произошла с Османской империей, объем торговли которой внезапно вырос около 1750 года. Для примера, французская торговля, преобладавшая на османской арене на протяжении XVIII века, во второй половине столетия увеличилась вчетверо⁴⁹. На протяжении того же периода происходил последовательный сдвиг в экспорте от «мануфактурных или частично обработанных товаров [к] сырым материалам»: мохеровая пряжа вместо камлотовых тканей, шелк-сырец вместо шелковых изделий, хлопок вместо хлопковой пряжи⁵⁰.

⁴² См. Guha (1972, 2).

⁴³ См. Habib (1963, 39—40).

⁴⁴ См. Nightingale (1970, 128). Эта торговля исходно велась из западной и северной части центральной Индии. Южная Индия начала экспортировать хлопок в Китай в 1803 году. См. Ludden (1985, 137—138).

⁴⁵ Harlow (1964, II, 292). Асия Сиддики (Siddiqi, 1973, 154) связывает упадок производства хлопка после 1820 года с конкуренцией США. К 1850 годам «хлопок в Индии был второстепенной культурой, которая выращивалась главным образом для внутреннего потребления» (Tripathi, 1967, 256). Хлопок мгновенно взлетел в цене во время американской Гражданской войны (1861—1865), но даже тогда английская политика по отношению к его выращиванию оставалась «равнодушной» (p. 262).

⁴⁶ См. Nightingale (1970, 128).

⁴⁷ См. Sinha (1970, 2).

⁴⁸ Guha (1976, 338—339) Dutt (1956, 272—285).

⁴⁹ См. Frangakis (1985, 152). См. тж. Davis (1970, 204).

⁵⁰ Frangakis (1985, 241—242), срв. Karpat (1972, 246). О расширении экспортно ориентированного производства шелка на юге Сирии и в Палестине см. Owen (1981, 7).

Наиболее заметное расширение производства первичной продукции происходило на Балканах⁵¹, в особенности производство зерновых после 1780 года — здесь рост был назван «зримым»⁵². Хлопок теперь также был важной статьёй производства на Балканах⁵³, равно как и в западной Анатолии. В конце XVIII века этот регион был ключевым источником сырьевых материалов для французской хлопковой промышленности — настолько значимым, что торговая палата Марселя в 1782 году могла утверждать, что «назначение Леванта — питать... французскую промышленность»⁵⁴. В это же время «была установлена прочная связь между производством в Анкаре и внешним экспортом в Измире»⁵⁵.

В XIX веке французов в качестве основных торговых партнеров Османской империи вытеснили британцы и австрийцы. Анатолийский хлопок играл все меньшую роль, столкнувшись (как и в случае Индии) с американской конкуренцией⁵⁶, а в равной степени и с конкуренцией со стороны Египта⁵⁷. Тем не менее хлопковый экспорт также переживет новый временный взлет цен во время Гражданской войны в США⁵⁸. Более того, относительный упадок анатолийского хлопкового экспорта в Британию в тот же самый период был более чем компенсирован устойчивым ростом экспорта пшеницы с оттоманских Балкан в Британию и Австрию, причем в качестве экспортной зоны Балканы конкурировали с южной Россией⁵⁹.

Торговля России с Западной Европой тоже испытала «значительный подъем» в промежутке 1750—1850 годов⁶⁰. В этот период состав российского

⁵¹ См. McGowan (1981a, 32). Автор отмечает, что этот процесс начинается как внутриосманская торговля.

⁵² Stoianovich (1976, 189). Кейт Хитченс в личной беседе высказала сомнение, что это верно для Валахии и Молдавии до 1830-х годов.

⁵³ Stoianovich (1983, 349). О «значительном расширении» балканского экспорта хлопка также утверждает Вирджиния Паскалева (Paskaleva, 1968, 275).

⁵⁴ См. далее: «Мы берем оттуда только сырье; мы используем Левант с помощью мануфактурных товаров нашего королевства». Цит. по: Masson (1911, 431—432). Массон утверждает, что Левант в то время играл для Франции ту же роль, что Манту приписывает Ост-Индии в отношении Англии (см. p. 434).

⁵⁵ Frangakis (1985, 248).

⁵⁶ См. Issawi (1966, 67).

⁵⁷ См. Richards (1977, 17). Египтяне в этот момент вырвались вперед с длинноволокнистым хлопком, который имел много преимуществ.

⁵⁸ В 1862 году Дж. Л. Фарли писал: «В настоящий момент... будущие поставки этой важной статьи [хлопка] рассматриваются с очень большой тревогой; не будет неуместным направить интерес заинтересованных лиц на те возможности, которые существуют для роста и улучшения данной культуры в Османской империи» (Farley, 1862, 55).

⁵⁹ См. Pureyar (1935, I; см. тж. pp. 132—139, 180—226). Пурейяр отмечает, что ближе к концу этого периода британцы все больше отдалялись от российской пшеницы по политическим соображениям, а значит, все больше переходили на балканскую пшеницу (см. pp. 215—217, 227).

⁶⁰ Gille (1949, 154). О быстром росте англо-российской торговли после 1750 года см. Newman (1983, 96).

экспорта также вполне впечатляюще менялся, в результате чего первичная продукция стала занимать в его структуре 95%⁶¹. Основными российскими экспортными статьями в этот момент времени были пенька и лен — «жизненно важное сырье для британских мануфактурных отраслей промышленности»⁶², а поначалу и для французских⁶³. Столь полезной российскую пеньку делали качество, к которому «с почтением относились» ее производители, а также «медленная и тщательная» обработка — Альфред Кросби связывает данные свойства с «дешевым трудом и недорогой технологией производства работ» в России⁶⁴.

В конце XVIII века по-прежнему важной статьей экспорта было и российское железо (т. е. производимое в России), поскольку Россия (одна вместе со Швецией) обладала двумя принципиальными элементами для получения качественной продукции с использованием технологии, основанной на древесном угле, — большими лесами и богатыми рудниками⁶⁵, а кроме того, как мы увидим, послушной рабочей силой. Но когда в начале XIX столетия новая британская технология привела к коллапсу российской экспортной металлургии XVIII века, на смену железу пришел другой основной экспортный продукт — пшеница⁶⁶. К 1850 году экспорт пшеницы достиг 20% ее среднего урожая. В первую очередь Россия экспортировала дорогостоящие сорта пшеницы, «которые едва ли попадали на национальный стол»⁶⁷. Конечно, Россия реагировала на последовательный рост мировых цен на пшеницу (по меньшей мере, до 1820-х годов)⁶⁸, но затем ее основной продавец, российская знать, оказался настолько вовлечен в процесс производства, что у него оставалось мало выбора⁶⁹.

⁶¹ Как демонстрирует Бертран Жиль, с 1778—1780 по 1851—1853 годы доля «первичного», а также «продовольственного» экспорта выросла с 71 до 95%, в то время как экспорт мануфактурных товаров снизился с 20 до 2,5% (Gille, 1949, 156).

⁶² Kahan (1979, 181), см. далее: «Оправданно сделать вывод, что масштабный российский экспорт сырьевых материалов для расширения британской промышленности значительным образом помог поддержать рост и спрос на рабочую силу» (р. 182). Такова же была в определенной степени обусловленная личным интересом точка зрения современника, агента Российской компании г-на Фостера, который в 1774 году свидетельствовал в парламенте, что без российского импорта «нашему флоту, нашей торговле, нашему сельскому хозяйству настанет конец». Цит. по: Dukes (1971, 374). Впрочем, российскому экспорту в Великобританию стала мешать Континентальная система Наполеона, но британцы обнаружили, что все вышеназванные статьи импорта, за исключением пеньки, в целом были заместимы либо несущественны. См. Anderson (1967, 73—74).

⁶³ См. Besset (1982, 207—208).

⁶⁴ Crosby (1965, 20—21).

⁶⁵ Crosby (1965, 16).

⁶⁶ До второй половины XVIII века действовали ограничения российского правительства на экспорт пшеницы. Когда Екатерина II приобрела черноморские порты, «экспорт зерновых стал расти» (Blum, 1961, 287). Позже, после отмены британских Хлебных законов в 1846 году, произошел еще один значительный рывок.

⁶⁷ Regemorter (1971, 98).

⁶⁸ См. Confino (1963, 22, сн. 1).

⁶⁹ О зависимости российского дворянства от внешней торговли для поддержания своего стиля жизни см. Crosby (1965, 36).

Стоит отметить, что основными торговыми партнерами России в это время были не только Англия (а в конце XVIII века Франция), но и две периферийные зоны, которые смогли укрепиться за счет инкорпорации России в европейский мир-экономику, а именно Шотландия и США. В первом случае «подлинно впечатляющий» экономический прогресс конца XVIII века был «особенно» отмечен ростом торговли с Россией — последняя к 1790-м годам становилась «ведущим континентальным экспортером» в Шотландию⁷⁰. В случае США их экономика «ощутимо... процветала, поскольку они имели доступ к бесконечным трудовым ресурсам и грубой силе русского мужика»⁷¹.

Что касается Западной Африки, то здесь, как и в других местах, инкорпорация в капиталистический мир-экономику не была некоей целью, к которой стремились те, кого туда включали. По словам Уолтера Родни, «исторически инициатива исходила от Европы»⁷². Часто утверждается, что эта инкорпорация была вызвана переходом от работорговли к так называемой законной торговле. Это не верно — изначальным импульсом была сама по себе экспансия торговли. В ходе этого процесса работорговля перешагнула барьер между обеспечением экспорта предметов роскоши в виде собранного «придаточного продукта» и подлинно прибыльным производственным предприятием, включавшимся в уже существующую систему разделения труда в рамках капиталистического мира-экономики⁷³. Можно считать, что данный сдвиг произошел в XVIII веке вместе с последовательным ростом стоимости рабов⁷⁴, что отражало в совокупности возрастающий спрос на них, растущую конкуренцию среди

⁷⁰ Macmillan (1979, 168—169). В более ранней статье Макмиллан рассматривает использование шотландцами «долгосрочных кредитов русским купцам и промышленникам» для стимулирования этой торговли, делая вывод, что важность ее для роста Шотландии «невозможно отрицать» (Macmillan, 1970, 431, 441).

⁷¹ Crosby (1965, 24). Между 1783 и 1807 годами американская торговля с Россией превратилась в «немаловажное дело». Американцы главным образом приобретали железо и пеньку, причем «их закупки определенным образом воздействовали на цены в Санкт-Петербурге» (Rasch, 1965, 64).

⁷² Rodney (1970, 199).

⁷³ Например, Генри Джемери и Ян Хогендорн (Gemery and Hogendorn, 1978, 252—253) отмечают технологическое изменение в том, что они называют товарной логистикой (merchandizing): переориентацию и регуляризацию сети взаимосвязей на дальних расстояниях, создание транзитных лагерей и складов, новые корабли, использование рабов в качестве носильщиков, что удваивало их численность.

⁷⁴ Филип Куртен говорит о «крутом взлете реальных цен на рабов в XVIII веке» (Curtin, 1979a, 165). Отмена работорговли в начале XIX столетия из-за повышения издержек постоянной торговли взвинтила цены еще выше. См. Argyle (1966, 42) о Дагемее после прихода к власти Гезо в 1818 году: «Некоторое количество кораблей работорговцев все еще прорывались в Уиду. Те, кому это удавалось, платили за рабов очень высокую цену, так что прибыль от этого была не меньшей, даже несмотря на то, что в количественном отношении экспорт рабов стал меньше». См. т.ж. Le Veen (1974, 54): «[Роль британского военного флота] спровоцировала двукратный рост цен на вновь ввозимых рабов в Бразилию и на Кубу в сравнении с той ценой, которая была бы без вмешательства англичан». Конечно, по мере того, как спрос на рабов прекращался, «цены на них существенно снижались» (Manning, 1981, 501), но это, возможно, произойдет гораздо позже.

европейских работорговцев и нараставшие сложности в увеличении предложения рабов тем же темпом, что и ранее⁷⁵, — все это типичные явления для общей экспансии в мире-экономике. Представляется, что пик работорговли пришелся на десятилетие до 1793 года⁷⁶, после чего франко-британские войны стали причиной ее спада, как и в случае с остальными видами океанской торговли. Далее достижению показателями работорговли прежних высот препятствовали совокупное воздействие отмены рабства и революции на Гаити, хотя данные показатели оставались существенными, по меньшей мере, до начала 1840-х годов⁷⁷.

Одним из более любопытных, хотя и хуже поставленных вопросов, который не давал покоя дискуссии о работорговле в данный период, является утверждение о ее так называемой «прибыльности». Можно подумать, что любая торговля, процветающая на протяжении длительного периода времени, должна быть прибыльной для кого-либо, иначе сложно представить, чтобы частные торговцы продолжали бы это делать без какого-либо законодательного принуждения к занятию этим ремеслом. Упомянутый спор возник в качестве упражнения в культурной деколонизации. Столкнувшись со стандартным и традиционным изображением британских аболиционистов как великих гуманистов, наиболее примечательное из которых можно обнаружить в классической работе Реджинальда Каупленда (Coupland, 1964, первое издание — 1933 год), Эрик Уильямс постарался разоблачить эту чрезвычайно самодовольную картину, утверждая, что за запретом работорговли скрывались экономические мотивы. Тезис Уильямса заключался в том, что в значительной степени благодаря Американской войне за независимость и промышленной революции британские сахарные колонии становились «все менее значимы для британского капитализма»⁷⁸. Это вело британских капиталистов к

⁷⁵ См. Martin (1972, 113). Конечно, имели место годовичные колебания, главным образом связанные с «наличием фактора войны» (Lamb, 1976, 98).

⁷⁶ На побережье Лоанго пик работорговли пришелся на период 1763—1793 годов. См. Martin (1972, 86). Работорговля в Нанте по европейским меркам была «особенно значимой» в промежутке 1783—1792 годов, «превзойдя — и намного — масштабный всплеск процветания в 1748—1754 годах» (Meyer, 1960, 122). Благодаря росту мирового рынка сахара французское правительство во второй половине XVIII века предложило премии для работорговческих кораблей и дополнительные платежи, если эти корабли останавливались во французской Вест-Индии. См. Hopkins (1973, 91). Нортруп утверждает, что «лишь в середине XVIII века работорговля достигла главенствующего положения в торговле бухты Биафра» (Northrup, 1978, 50). Куртен (Curtin, 1978, 50) относит общий пик атлантической работорговли к 1790 годам.

⁷⁷ См. Eltis (1977), Manning (1979) и Northrup (1976). Действительно, как утверждает Дж. Флинт, благодаря спросу со стороны Бразилии, Кубы и США «работорговля [в Западной Африке] фактически выросла с 1807 по 1830 годы, несмотря на ее отмену англичанами и французами» (Flint, 1974, 392), хотя, возможно, и не достигла пиковых показателей 1790-х годов.

⁷⁸ Williams (1944, 132). Однако можно упомянуть и критику этой точки зрения у Сеймура Дрешера, чья линия аргументации заключается в том, что «аболиционизм шел не по пятам тенденций, неблагоприятных для рабства, но наперекор трендам, которые

успешному внедрению последовательной трехшаговой реформы: против работорговли в 1807 году, против рабства в 1833 году и против сахарных пошлин в 1846 году. По утверждению Уильямса, «эти три события были неотделимы друг от друга»⁷⁹. Причиной данных действий было то, что с утратой Британской Вест-Индией «монополии» и сравнительного преимущества основной проблемой стало «перепроизводство» сахара, и основным ее решением оказались указанные законодательные акты⁸⁰.

На самом деле этот нарочито главный тезис книги Уильямса, который был подвергнут почти уничтожающей формалистской атаке⁸¹, был не единственным поводом для столь сильных эмоций. Ведь еще более фундаментальный тезис заключался в том, что главным источником накопления капитала для так называемой промышленной революции в Британии были именно работорговля и сахарные плантации, на которых использовался рабский труд. Это заявление, конечно же, представляет собой раннюю версию идей теории зависимости — в большей мере смело высказанную, нежели солидно обоснованную. Однако Энсти в своих расчетах, направленных против Уильямса, приходит к выводу, что вклад работорговли в формирование британского капитала был «смехотворным»⁸². Р.П. Томас и Р.Н. Бин идут еще дальше, утверждая, что теоретически, с учетом фактора совершенной конкуренции на рынке работорговли, работорговцы были «ловцами человеков». Как и в случае с рыбной ловлей, прибыли в работорговле неизбежно оказывались слишком

ему благоприятствовали» (Drescher, 1976a, 171). С другой стороны, Джонсон Асиегбу утверждает, что «события в Вест-Индии в 1807 году, когда колонисты присоединились к метрополии, подписав Аболиционный акт, главным образом объясняются большими надеждами на масштабные преимущества в трудовых ресурсах над соперниками [Британии], которые сулила плантаторам международная отмена рабства» (Asiegbu, 1969, 38).

⁷⁹ Williams (1944, 136).

⁸⁰ Williams (1944, 154–168). У.К. Хэнкок также рассматривает эти факторы как взаимосвязанные, но по ошибке: «Однако левая рука британского идеализма слишком мало осознавала то, что делает правая. Результатом отмены сахарных пошлин, которая последовала за отменой рабства, стало то, что сахар Вест-Индии оказался под уничтожающим ударом сахара Кубы, который выращивался рабами. Кубинский спрос на африканский труд увеличил прибыльность [опять эта прибыль! — И.В.] контрабандной работорговли и тем самым привел к новому интенсивному экспорту рабов из Западной Африки. Неудивительно, что „законная торговля“ рухнула» (Hancock, 1942, 160).

⁸¹ Наиболее прямолинейная атака на Уильямса со стороны Роджера Энсти завершается более рассудительно, чем можно предположить: «И кроме того, даже если применительно к 1833 году экономическая аргументация может оказаться убедительной, то в отношении 1807 года она очевидно уязвима и остается недоказанной» (Anstey, 1968, 316).

⁸² Anstey (1974, 24). Седрик Робинсон критикует Энсти за то, что его исследование прибылей ограничено теми, кто «вполне буквально транспортировал рабов... [Похоже, он не] понимает, что прибыли могут извлекаться из спекуляций товарами, из обращения денег, из мультипликаторов расширения кредитной эмиссии, из проектов, демонстрировавших эффективность рабства, и из множества других форм капитала (например, из страхования)» (Robinson, 1987, 134–135).

низкими, цены на рабов тоже, а стало быть, низкой была и цена на плантационные товары. Единственными бенефициарами этого очевидно абсурдного с экономической точки зрения предприятия оказывались «потребители табака, сахара, индиго, риса, хлопка и т. д.»⁸³

У этой остроумной аргументации есть лишь три изъяна: работорговля, как мы увидим далее, была далека от совершенной конкуренции; главными «потребителями» сырья были европейские мануфактурщики (что усиливало, а не ослабляло работорговлю — о чем и говорит Уильямс); наконец, в середине XVIII века работорговля имела столь значительную привлекательность, что отвлекала некоторых инвесторов от текстильного производства⁸⁴.

Однако подлинный ответ на приведенные возражения заключается в том, что точный подсчет не является важным фактором. Как мы попытались продемонстрировать, конец XVIII века был периодом глобальной экспансии капиталистического мира-экономики. Каждый вид продукции из отдельно взятой зоны мог быть лишь небольшой долей целого. А целое, в свою очередь, было в высшей степени прибыльно и действительно вело к значительному накоплению капитала, который в самом деле концентрировался по уже рассмотренным причинам, — причем в большей степени в Британии, чем во Франции или в другом месте Западной Европы. Нет необходимости доказывать, что доходы от работорговли были исключительно велики⁸⁵, чтобы сделать вывод, что именно они являлись центральной частью общей картины и составляли, так сказать, вклад Западной Африки в глобальное накопление в данный период⁸⁶.

⁸³ Thomas & Bean (1974, 912). Эта статья Томаса и Бина оказалась в фокусе ряда нападений и защит: Inikori (1981), Anderson & Richardson (1983), Inikori (1983), Anderson & Richardson (1985) и Inikori (1985).

⁸⁴ См. Boule (1975, 320—321): «Спад текстильного производства в Руане в 1763—1783 годах, за исключением *indennes* [набивных ситцев — фр.] [которые экспортировались в Западную Африку в обмен на рабов — И. В.], мог быть в меньшей степени результатом банкротств, нежели следствием намеренного переноса капитала из отрасли, переживавшей спад, в другую, более обещающую прибыль. В таком случае можно утверждать, что работорговля позволила Руану и его окрестностям совершить еще один шаг в направлении промышленной революции». Как указывает Перри Вайлз, «работорговля... рассматривалась [во Франции] как более прибыльный вариант торговли с Вест-Индией» (Viles, 1972, 534).

⁸⁵ Буль указывает, что высокие прибыли от успешного путешествия могли сокращаться, принимая во внимание продолжительность времени на реализацию добычи, что делало эти прибыли «не слишком отличными от тех, которые извлекались из инвестиций, не связанных с морскими предприятиями, хотя так не кажется на первый взгляд» (Boule, 1972, 83). См. тж. точку зрения Дэвида Ричардсона, утверждающего, что после всех необходимых подсчетов норма прибыли «была пусть и не впечатляющей, но... основательной и очевидно резонной» Richardson (1975, 305).

В любом случае, как полагает Уильям Дэрити, «существенным моментом в теории Уильямса были не прибыльности работорговли или доходы от нее, а то, что американские колонии не могли развиваться без рабства» (Darity, 1985, 703).

⁸⁶ Терминология данной аргументации была отчетливо представлена в споре Ричарда Шеридана и Роберта П. Томаса. «Не будучи бременем на шее метрополии, коло-

Тот факт, что в отмене англичанами работорговли присутствовали экономические мотивы, можно несколько более беспристрастно увидеть, взглянув на датские и французские споры. Датчане в действительности (и намеренно) предвидели этот шаг британцев. Тогдашний датский министр финансов в 1791 году назначил совещательную комиссию, и главным, что обнаружила комиссия и что привело министра к предложению аболиционного эдикта, было то, что по прошествии переходного периода и после введения определенных социальных улучшений, рабы в Вест-Индии могли самостоятельно содержать себя без новых поставок⁸⁷. Во французском случае работорговля была отменена во время революции⁸⁸, затем восстановлена и объявлена вне закона по Венским соглашениям 1815 года. Тем не менее фактическое сопротивление этому было громадным⁸⁹, и причина тому была проста. Французы рассматривали запрет на работорговлю как «макиавеллиевское изобретение Англии, желавшей уничтожить наши колонии, лишив их послушной людской силы, необходимой для их процветания»⁹⁰. Таким образом, анализ того времени предвосхищал исследование Эрика Уильямса на 125 лет.

нии Вест-Индии, таким образом, стали жизненно важной частью британской экономики XVIII века... [Они] делали немалый вклад в рост экономики метрополии», утверждал Шеридан (Sheridan, 1965, 311).

Томас отвечает на это: «Вклад колонии... в экономический рост всего хозяйства заключается именно в разнице (положительной или отрицательной), полученной при использовании задействованных там ресурсов в соотношении с тем, что можно было бы заработать на этих ресурсах при их лучшем альтернативном использовании... [Это может быть] просто громадным неправильным размещением ресурсов» (Thomas, 1968b, 31).

На это Шеридан возражает, что «Томас в результате рассуждает о том, что случилось бы в том случае, если произошло бы что-нибудь еще, что не могло произойти» (Sheridan, 1968, 60).

В ответ Томас настаивает, что если Шеридан не «может показать, каким образом общие доходы Великобритании существенно превосходили ее расходы для покрытия возврата на капитал, инвестированный в Вест-Индию, при его вложении в следующую по выгодности альтернативу, то Шеридан оказывается не в состоянии вплотную подойти к вопросу, который он исходно задает» (Thomas, 1968b, 47).

⁸⁷ См. Green-Pedersen (1979, 418).

⁸⁸ См. Quinney (1972) о нежелании Учредительного собрания голосовать за отмену рабства и Resnick (1972, 561) о проплантаторской позиции *Comité des Colonies* [комитета по колониям — *фр.*]. В последней работе показано, что даже для *Société des Amis des Noirs* [Общества друзей негров — *фр.*] «рабство оставалось... весьма второстепенным понятием». См. тж. Dubois and Terrier (1902, 29). В 1789 году даже незначительная забота этого общества об отмене рабства привела к тому, что его обвинили в исполнении роли «инструмента иностранной державы» (т.е. Англии), который стремился «подорвать» устойчивость Французской империи. Цит. в: Vignols (1928a, 6).

⁸⁹ Распад французской колониальной системы не столько покончил с французской работорговлей, сколько модифицировал ее. Формально эта торговля была запрещена законом в 1814–1815 годах, но в действительности она продолжалась до второй половины XIX века» (Stein, 1979, 98). См. тж. Daget (1975, 131–132).

⁹⁰ Debbasch (1961, 315–316). «Отмена рабства была навязана [победителем] побежденному» (Daget, 1971, 57). В 1838 году Шатобриан в записках о Веронском конгрессе 1822 года заметил: «Все эти тори, которые на протяжении 30 лет оппонировали пред-

Тем не менее верно, что отмена работорговли действительно возымела результат. Экспорт рабов шел на спад — на смену ему шел экспорт сырьевых материалов. Этот сдвиг произошел главным образом в 1800—1850 годах, хотя два данных вида экспортной торговли не были сами по себе взаимоисключающими. Как напоминает Родни, «рабы никогда не были единственным экспортным товаром Западной Африки»⁹¹. Подлинным изменением в данный период было то, что впервые стали экспортироваться не «складируемые» товары (такие как слоновая кость, золото, камедь, красильное дерево и, конечно, рабы), но сельскохозяйственная продукция — такие «заурядные, с низкими транспортными издержками» вещи, как пальмовое масло и арахис⁹². И если общая стоимость этих видов экспорта по-прежнему оставалась низкой (после 1817 года мир-экономика вступил в дефляционный период), то их объем был более впечатляющим — рост в самом деле был «ошеломляющим», «с коэффициентом шесть или семь»⁹³.

В общем приближении модель экспорта из Западной Африки в европейский мир-экономику в ходе периода инкорпорации прошла три фазы. (1) Рост и продолжающаяся концентрация экспорта рабов в абсолютном и, возможно, относительном измерении примерно с 1750 (в особенности) и до 1793 года. (2) Сохранение значительного экспорта рабов вместе с устойчивым ростом так называемой законной торговли с 1790-х по 1840-е годы. (3) Фактическое устранение атлантической работорговли и устойчивый рост экспорта первичной продукции (в особенности пальмового масла и арахиса) с 1840-х годов до начала полномасштабной колониальной эпохи в 1880-е годы.

Важно помнить еще об одном обстоятельстве. Несмотря на то, что в долгосрочной перспективе охота на рабов и товарное производство действительно несопоставимы, поскольку их сочетание склонно создавать неразрешимый конфликт вокруг использования рабочей силы, в краткосрочной перспективе ситуация была противоположной: оба данных вида экспорта могли процветать одновременно, что и происходило на протяжении примерно 30—40 лет. В самом деле, как утверждает Нортруп, одним из тех самых факторов, которые объясняют быстроту роста производства пальмового масла (учитывая, конечно, непременный (и новый) европейский спрос на жиры и масло для промышленных смазок, личной гигиены и освещения),

ложению Уилберфорса', [но внезапно] стали страстными сторонниками свободы для негров... Секрет этих противоречий лежит в частных интересах и коммерческом гении Англии». Цит. по: Escoffier (1907, 53—54).

⁹¹ Rodney (1970, 152).

⁹² Munro (1976, 48). См. тж. Coquery-Vidrovitch & Moniot (1974, 297—298).

⁹³ Newbury (1971, 92). См. тж. последующие комментарии этого автора: «Наиболее примечательной чертой западноафриканской торговли начала XIX века является рост импорта и экспорта товаров массового спроса при сравнительно низком исходном уровне. „Официальными“ оценками британской и французской торговой статистики торговли с Африкой до 1850-х годов следует пренебречь как заниженными; более надежно полагаться на количество мануфактурных экспортных товаров» (Newbury, 1972, 82).

был предшествующий мощный рост работорговли. Последний стимулировал африканский спрос на иностранные товары, расширил сеть торговых сообществ и (что часто упускается из виду) «экономическую инфраструктуру рынков, дорог и валют»⁹⁴. Кроме того, рабов можно было напрямую использовать в производстве «дозволенных» (legitimate) товаров — прежде всего, в качестве носильщиков в обоих направлениях⁹⁵, а во-вторых, как работников на плантациях (наиболее заметен этот процесс был в Дагомее в 1830—1860-х годах)⁹⁶. Оба эти способа применения рабов снижали производственные издержки⁹⁷.

Но все же пальмовое масло действительно стало замещать охоту на рабов в качестве основной производственной активности. Расширение его производства началось с 1770-х годов в регионе дельты Нигера⁹⁸, а к 1830-м годам уже существовал постоянно растущий товарооборот вдоль побережья, «несмотря на колебания цен»⁹⁹. Конечно, повсеместная коррекция цен на европейском рынке после 1840-х годов придала ему дальнейший экономический стимул¹⁰⁰.

В отличие от британцев, немцев и американцев, французы поначалу проявляли культурное сопротивление продукции из пальмового масла, однако оно прекратилось с обнаружением химического метода отбеливания желтого

⁹⁴ Northrup (1976, 361). См. тж. Manning (1982, 12): «Работорговля сдерживала систему обмена товарами из-за того, что несла с собой войну и экспорт рабов; с другой стороны, она расширяла систему обмена товарами посредством обращения импортируемых мануфактурных товаров и денег». Однако А.Дж.Х. Лэтхэм исходит из сопоставимости экспорта рабов и производства пальмового масла на том основании, что последнее требовало небольшого количества рабочей силы, а стало быть, «лишь небольшого послабления в пользу свободного времени» (Latham, 1978, 218).

⁹⁵ См. Adamu (1979, 180) и Martin (1972, 118).

⁹⁶ См. Manning (1982, 13). См. Reynolds (1973, 311) об использовании рабского труда на датских плантациях Золотого берега в начале XVIII века.

⁹⁷ Мэннинг утверждает, что «степень экономии, достигнутая [на плантациях], возможно, была больше связана с более продолжительным рабочим временем рабов, чем с возросшей технической эффективностью» (Manning, 1982, 13). Какая разница! Эффективность есть эффективность.

⁹⁸ См. Northrup (1978, 182). Разумеется, именно этого некоторые и боялись. В 1752 году британское министерство торговли отказало Компании купцов, торгующих с Африкой, начать выращивание сахара на этом континенте, утверждая, что «неизвестно, чем это может кончиться. Африканцы, которые сейчас добывают себе пропитание путем войны, станут плантаторами». Цит. в: Rawley (1981, 424). Министерство торговли понимало, что контролировать сахарные плантации в Западной Африке будет более сложно, чем в Вест-Индии, поскольку в Африке англичане «были лишь временными владельцами той земли, которую взяли по доброй воле туземцев».

⁹⁹ Metcalfe (1962, 116). В данной работе приводится пример Кейп-Коста и прилегающих территорий.

¹⁰⁰ См. Newbury (1961, 43). Уже в 1817 году Англия снизила доселе высокие пошлины.

мыла в 1852 году¹⁰¹. В самом деле, истоки торговли арахисом лежат именно в этом сопротивлении французских потребителей желтому мылу. В первой половине XIX века марсельские мыловары открыли, что арахисовое масло вместе с оливковым дают голубое мраморное мыло¹⁰². Торговля арахисом началась в 1830-х годах и подтвердила решение французов остаться в Сенегале, несмотря на завершение работорговли — этого «экономического базиса для дальнейшего развития», что совпало с различными внутренними французскими стимулами к «более активной» колониальной политике¹⁰³.

Прежде связь между товарным производством и расширением рыночно ориентированного производства продуктов питания главным образом отвергалась, особенно с точки зрения того процесса, который мы называли инкорпорацией. Представляется, что по-прежнему необходимы некоторые свидетельства данного процесса, которые наблюдались в случаях Индии и Западной Африки. Ирфан Хабиб обнаруживает, что критическая разница в условиях сельскохозяйственного производства между Индией при Моголах и британцах была меньше в плане «производства для удаленных рынков», нежели в аспекте «значительной географической концентрации отдельных культур на определенных участках», что позволяло использовать землю в тех целях, для которых она «лучше всего подходила»¹⁰⁴. Самообеспечение региона уступало место самообеспечению мира-экономики. Кэтлин Гуф исследует, каким образом в Мадрасе в первой половине XIX века, наряду с зонами товарного производства (для хлопка, индиго, перца, табака), другие территории стали специализироваться на выращивании зерна для регионального рынка¹⁰⁵, в то время как третьи зоны стали поставлять законтрактованных рабочих — сначала в южную Индию, а фактически на Цейлон, в Бирму, Малайю, Маврикий и наконец в Вест-Индию¹⁰⁶. А Бейли делает важное замечание, что новая экспансия «хрупкой» городской экономики возникла в зонах товарного производства индиго и хлопка в результате обеспечения жильем «сетей посредников, зависящих от небольшой группы товаропроизводителей»¹⁰⁷.

¹⁰¹ См. Schnapper (1961, 118—128). О более ранних безуспешных попытках французского министерства колоний в конце 1820-х годов стимулировать товарное производство см. Hardy (1921, 215—216, 231—249). В промежутке между этими двумя датами французы продолжали извлекать деньги из торговли камедью, используя рабский труд для ее сбора. См. Charles (1977, 29) и Hardy (1921, 353—354).

¹⁰² Martin A. Klein (1968, 36—37).

¹⁰³ Klein (1972, 424). Клейн относит начало производства арахиса к 1833 году для Британской Гамбии и к 1841 году для Французского Сенегала. Брукс (Brooks, 1975, 32) утверждает, что арахис был впервые коммерциализирован в Гамбии в 1829 или 1830 годах.

¹⁰⁴ Habib (1963, 56, 75).

¹⁰⁵ Gough (1978, 32).

¹⁰⁶ Gough (1978, 35).

¹⁰⁷ Rodney (1968, 282). См. тж. Johnson (1976, 26). По словам Нортрупа, «утверждается, что к началу XIX века в Бонни' полностью прекратилось выращивание [продовольственных] культур» (Northrup, 1978, 89). Это происходило из-за полного

Что касается Западной Африки, то Родни напоминает об отсутствии «серьезного отношения» к «снабжению продовольствием» кораблей работорговцев¹⁰⁸. Однако очевидно, что это требовало громадного количества продуктов питания, и поэтому многих рабов использовали в их местном производстве, чтобы кормить других рабов по пути на Американский континент. Лэтхэм, к примеру, отмечает, что между 1805 и 1846 годами существовало большое поселение рабов к востоку от Калабара¹⁰⁹ (которые, кстати, не участвовали в производстве пальмового масла), в связи с чем Лэтхэм рассуждает, что они, возможно, «выращивали продовольствие для Калабара»¹⁰⁹. Наконец, Ньюбери отмечает тесную связь «перевалочных центров» с ростом местных рынков продовольствия в связи с существенной миграцией в эти новые средоточия торговых связей¹¹⁰.

Вторая часть реконструкции модели экспорта-импорта, внедрявшейся при инкорпорации, предполагает упадок мануфактурного сектора в тех зонах, которые включались в мир-экономику. Эта тема столь долго ассоциировалась с опытом Индийского субконтинента, что в некотором смысле окажется открытием, что это было свойственно вовсе не одной лишь Индии. Тем не менее начнем именно с этого случая. Очевидно, что до 1800 года Индийский субконтинент по мировым меркам был главным средоточием текстильного производства. Действительно, как утверждает Чодхури, Индия была, «предположительно, крупнейшим мировым производителем хлопковых тканей»¹¹¹. Упадок был катастрофическим. Несмотря

включения данной территории в работорговлю. Очевидно, в продовольствие таком случае приходилось где-то закупать. Нортруп упоминает основанное на рабском труде производство продовольствия для территорий, производивших пальмовое масло (p. 220).

¹⁰⁸ Rodney (1968, 282). См. тж. Johnson (1976, 26). По словам Нортрупа, «утверждается, что к началу XIX века в Бонни* полностью прекратилось выращивание [продовольственных] культур» (Northrup, 1978, 89). Это происходило из-за полного включения территории в работорговлю. Очевидно, в продовольствие таком случае приходилось где-то закупать. Нортруп упоминает основанное на рабском труде производство продовольствия для территорий, производивших пальмовое масло (p. 220).

¹⁰⁹ Latham (1973, 92). См. тж. Dike (1956, 156). Дальнейшее использование специализации на продовольственных культурах носило политический характер. Лэтхэм утверждает, что представители народа эфик, торговавшие пальмовым маслом, «инвестировали доходы от нового вида торговли [пальмовым маслом] в рабов, которых они селили на вновь основанных сельскохозяйственных территориях, чтобы те выступали в качестве самостоятельно обеспечивающих себя вассалов, необходимых их повелителям для безопасности во внутренней политике» (p. 140).

¹¹⁰ Newbury (1971, 96).

¹¹¹ Chaudhuri (1974, 127). Дэвид Моррис утверждает, что это кажущееся преувеличение: «Существует широко распространенное представление, что Индия была великой доиндустриальной мануфактурной нацией. Однако гораздо более вероятно, что в XVIII веке Индия просто достигла технологии, сопоставимой по уровню производительности с Европой позднего Средневековья... Хотя Индия производила ткани

на то, что в первые годы Наполеоновских войн действительно имел место непродолжительный экспортный бум, Берлинский декрет в купе с английской конкуренцией «означали завершение экспорта в Лондон ткани в кусках из Сурата»¹¹². Что касается аналогичной продукции из Бенгалии, то она «практически исчезла» из экспортного списка Ост-Индской компании примерно в 1820 году, а вскоре после этого — и из списков частных торговцев¹¹³. Некоторое время сохранялась (или начиналась) экспортная текстильная торговля Индии с Китаем, однако и она вскоре исчезла, так что статистика демонстрирует продолжительный упадок, при этом экспортная стоимость кусковых хлопковых тканей снизилась еще на 50% между 1828 и 1840 годами от уже значительно уменьшившейся базовой цены¹¹⁴. Кроме того, наблюдая в XIX веке резкий спад в производстве в Бихаре, на территории, которая никогда не экспортировала продукцию в Европу, мы видим влияние данного процесса в равной степени и на «внутренний» рынок¹¹⁵.

Одно из объяснений этого заключается в простом технологическом, а стало быть, и конкурентном преимуществе Британии. Нил Смелсер приписывает заслугу в «окончательном завоевании» индийского рынка сельфактору, или прядильной машине периодического действия¹¹⁶. В таком случае можно только догадываться, почему, если это так, британцы тем не менее должны были прибегать к политическим мерам, чтобы гарантировать свое рыночное превосходство. В 1830 году Чарльз Марджорибэнкс свидетельствовал в Палате общин:

и отдельные образцы выдающихся ремесленных изделий, не следует принимать шноровку в ручном труде за производительность, а также считать, будто эта шноровка предполагала наличие усложненных инструментов и технологий обработки. На самом деле верным было обратное» (Morris, 1968, 5—6).

Ответ Моррису см. в Raychaudhuri (1968, 85): «Подобная точка зрения не отрицает тот факт, что Индия была крупнейшим поставщиком текстиля — не просто тонких тканей, но повседневной одежды для массового потребителя — во всей Юго-Восточной Азии, Иране, арабских странах и Восточной Африке... [Кроме того], за исключением незначительного количества предметов роскоши,... Индия до XIX века не импортировала металлическую продукцию». Тем не менее Рейчодхури действительно признает, что «разительным контрастом преимуществу Индии как экспортера мануфактурных товаров выступало состояние ее технологий, которые были примечательно отсталыми в сравнении с другими прогрессивными цивилизациями того времени, особенно в сравнении с Европой и Китаем» (Raychaudhuri, 1982a, 291). См. далее: «Уровень навыков ручного труда, граничивший с фантастикой, выступал заменой усложнению технологий и инструментов» (p. 294).

¹¹² Nightingale (1970, 233).

¹¹³ Sinha (1970, 4). Экспортная стоимость снизилась от 6,1 млн рупий в 1792—1793 годах до 1,4 млн в 1819 году и 0,3 млн в 1823 году (p. 3).

¹¹⁴ Chaudhuri (1968, 34). В то же время импорт хлопковой пряжи вырос на 80%, а товаров из хлопка — на 55%.

¹¹⁵ См. Bagchi (1976a, 139—141).

¹¹⁶ Smelser (1959, 127, см. 5). Однако см. Mann (1958, 290): «Сельфактор был объявлен почти идеальной машиной, но он не распространялся быстро. К 1839 году доходы от него не превышали 7 тысяч фунтов».

«Мы не пустили индийские мануфактуры в Англию посредством высоких запретительных пошлин и введения всяческих поощрительных мер для внедрения наших собственных мануфактур в Индию. Благодаря нашей монопольной (я употребляю это слово с возмущением) политике мы выбили из строя мануфактуры Дакки и других мест и наводнили их страну своими товарами»¹¹⁷.

Марджорибэнкс также объяснял, почему торговля с Китаем шла не так хорошо: «Мы не обладаем той же властью над китайцами, которая у нас есть над Индийской империей». В 1848 году парламентский комитет утверждал об отсутствии «необходимости» импорта тканей из Индии, оправдывая тем самым снятие пошлин на импорт сахара в Британию, в следующих словах: «Если вы ошибочно принимаете рынок Индии за ее сахар, то вы в той же, а то и в большей мере разрушаете рынок Англии за счет индийских мануфактурных товаров»¹¹⁸. В любом случае довольно трудно отрицать известный тезис о намеренной деиндустриализации Индии, если сам председатель британской Ассоциации Восточной Индии и Китая щеголял этим еще в то время. В 1840 году некто Джордж Дж. де Х. Лэмперт докладывал:

«Эта компания различным образом, при поощрении и содействии наших великих производственных вдохновения и навыка, преуспела в превращении Индии из страны-мануфактурного производителя в страну, экспортирующую сырьевую продукцию»¹¹⁹.

Османская империя, в отличие от Индийского субконтинента, в этот период не стала британской колонией. Тем не менее история ее инкорпорации примечательным образом параллельна Индии, причем по времени это произошло даже раньше. В первой половине XVIII века Османская империя все еще в Европу экспортировала шелковые ткани и хлопковую пряжу. Но в 1761 году французы установили высокую защитную пошлину на импортируемую оттуда хлопковую пряжу, и эта пошлина вкупе с английским машинным прядением закрыла для Османской империи западноевропейский рынок¹²⁰. Мехмет Генч относит пиковый уровень рассматриваемого промышленного сегмента к 1780-м годам, утверждая, что после этого ранее

¹¹⁷ Цит. в: Sinha (1970, 11). Собственная точка зрения Синхи состоит в том, что пошлины на хлопчатые ткани в кусках, которые экспортировались в «инострannую Европу» и в США, а также внутренние таможи, «возможно, помогли убить индийскую хлопковую промышленность более быстро и действенно, нежели это смогла бы сделать конкуренция дешевых британских товаров» (р. 7).

Отметим также в отношении к производству шелка, что, когда в 1830-х годах запрет на индийский экспорт во Францию на короткое время был снят, британский экспорт во Францию почти исчез, в то время как индийский экспорт ощутимо вырос. См. таблицу на с. 12.

¹¹⁸ British Parliamentary papers (BPP), Reports from Committees (1848b, 10).

¹¹⁹ British Parliamentary papers (BPP), Reports from Committees (1840b, 24).

¹²⁰ Issawi (1966, 41).

параллельные пути европейского и османского текстильного производства разошлись. В Османской империи оно стало приходить в упадок, причем не только в плане экспорта, но и с точки зрения «того уровня производства, которого оно достигло в своем прошлом»¹²¹. Несмотря на целый ряд политических и экономических контрмер, предпринятых Высокой Портой, начиная с тех, что ввел Селим III в 1793—1794 годах¹²², к 1856 году один английский автор говорил о том, что мануфактурная отрасль в Турции пребывала «в значительном упадке» и что Турция экспортировала сырьевые материалы, которые затем возвращались к ней в мануфактурной форме¹²³. В 1862 году еще один британский автор делает комментарий в еще более решительном тоне: «Турция больше не мануфактурная страна»¹²⁴.

Ту же самую историю мы увидим, переведя взгляд из анатолийского хартленда в лежащие за его пределами Египет и Сирию. Несмотря на попытку «форсированной индустриализации»¹²⁵ Египта со стороны Мухаммеда Али¹²⁶, она провалилась. Не в последнюю очередь причиной этого было то обстоятельство, что в 1841 году Мухаммеда Али заставили принять условия англо-турецкого торгового соглашения, что «обратило его фактории на Ниле в ржавчину и руины»¹²⁶. Что касается Сирии, то здесь «катастрофический упадок» мануфактур начался уже в 1820-х годах¹²⁷, и к 1840-м годам этот процесс был завершён в Алеппо и Дамаске¹²⁸.

А что же Россия? — были ли у нее некие преимущества, чтобы стать на пути этой волны? Нечто подобное у России имелось, но оказалось недостаточным. Высшей точкой для российской промышленности была первая половина XVIII века. С 1716 года начался период быстрого расширения уральской металлургии¹²⁹, а при Елизавете Петровне, особенно с 1745 по 1762 годы, произошел «второй всплеск индустриализации», достигший «золотого века» при Екатерине II¹³⁰, когда «энергично» вырос экспорт в

¹²¹ Genç (1976, 260—261). Чарльз Иссави (Issawi, 1966, 49) относит поворотный момент к 1815—1820 годам. Ойя Кёймен (Köymen, 1971, 52) утверждает, что кризис начался в 1825 году.

¹²² Они перечислены в: Clark (1974), хотя у Кларка нет достойного объяснения окончательного коллапса к 1850-м годам. Фактически походя Кларк отмечает, что вместе с англо-турецким Балталиманским торговым соглашением в 1838 году от османского правительства потребовалось отменить все формы контроля над экспортом и импортом.

¹²³ Высказывание М.А. Убичини¹²³ в его книге «Письма о Турции» (Лондон, 1856), цит. по: Issawi (1966, 43). Убичини говорит не только о товарах из хлопка, но и о стали и оружии, а также о шелке, золотой пряже, выдубленной коже, керамике, седлах и всех видах текстиля.

¹²⁴ Farley (1862, 60).

¹²⁵ Issawi (1961, 6).

¹²⁶ Clark (1974, 72).

¹²⁷ Smilianskaia in Issawi (1966, 238). См. тж. Chevallier (1968, 209).

¹²⁸ Polk (1963, 215).

¹²⁹ См. Koutaisoff (1951, 213); см. тж. Goldman (1956, 20).

¹³⁰ Coquin (1978, 43, 48).

Англию¹³¹. Неудивительно, что российский историк Евгений Тарле утверждал в своем учебнике 1910 года, что в XVIII веке «российская отсталость не выглядела слишком значительной в общеевропейском контексте»¹³².

Однако после 1805 года Россия начала отставать от Англии в производстве чугуна, и как только преобладающей технологией стала коксовая выплавка, российское производство потеряло свое преимущество¹³³. Кроме того, при Николае I (1825—1855) высшие чиновники стали «равнодушны» или даже «враждебны» к промышленному росту, опасаясь социальных волнений. Тем не менее, несмотря на резкий спад экспорта главного промышленного продукта, доменного чугуна, русские начиная с 1830-х годов были в состоянии удерживать внутренний рынок для своих тканей путем сочетания высокого протекционистского тарифа с импортом определенных технологий. Они также смогли создать сахарную промышленность на базе переработки сахарной свеклы¹³⁴. Эта ограниченная способность противостоять полной деиндустриализации при немаловажном дополняющем факторе в виде по-прежнему относительно сильной русской армии отчасти объясняет способность русских играть отличную от Индии или Турции роль в мире-экономике начала XX века.

Наконец, мы редко вспоминаем о том, что своя промышленность была и в Западной Африке. Ткани в этот регион действительно импортировались уже в XVIII веке¹³⁵, но не следует преувеличивать. Как отмечает Родни, до 1750 года местные хлопковые ткани побережья Гвинеи «выдерживали конкуренцию» с английскими мануфактурами¹³⁶. А Нортруп, говоря о дельте Нигера в XVIII веке, отмечал, что такие виды импорта, как полосовое железо, по-прежнему требовали значительной обработки и «тем самым

¹³¹ Portal (1950, 307). Определенное содействие этому оказали Американская война за независимость вместе с Наполеоновскими войнами. «Российское металлургическое производство в фазе своей масштабной экспансии после 1750 года... в значительной степени ориентировалось на экспорт» (р. 373).

¹³² Цит. в: Dukes (1971, 375).

¹³³ См. Baykov (1974, 9—13).

¹³⁴ См. Falkus (1972, 36—39). Первый бум сахарного производства начался в 1820-х годах.

¹³⁵ В действительности индийские ткани отправлялись туда через европейских торговцев уже в XVII веке. См. Furber (1965, 12). Буль (Bouille, 1975, 325) даже утверждает, что в середине XVIII века рынок Западной Африки имел «громоздкое значение» (*de taille*) для английского и французского экспорта. Например, в 1760-х годах из всех экспортированных английских тканей 45% отправлялись в Африку и только 39% — на Американский континент. Джордж Меткальф указывает, что ткани были более привлекательным импортом, чем огнестрельное оружие, причем это был текстиль «для массового потребления, а не тонкие ткани для элит» (Metcalf, 1987, 385).

¹³⁶ Rodney (1970, 182).

¹³⁷ Northrup (1978, 149).

¹³⁸ Northrup (1978, 175). См. тж. Johnson (1978, 263). Куртен (Curtin, 1975a, 326) относит этот процесс для Сенегала и Гамбии к несколько более позднему периоду (1830-е годы).

имели мультипликативный эффект для внутреннего хозяйства»¹³⁷. Лишь после Наполеоновских войн и прекращения работорговли на британских судах в 1807 году «природа и качество импорта меняются»¹³⁸. Это верно не только применительно к текстилю, но и к металлургической продукции: кузнечное дело и выплавка металла в Западной Африке были «разрушены» дешевым европейским импортом начала XIX века¹³⁹.

Крупномасштабное, ориентированное на экспорт производство первичной продукции, как мы уже объяснили, может эффективно существовать в том случае, если оно способно отвечать на требования рынка, а это возможно лишь тогда, когда принимающие фактические решения структуры настолько велики, что изменения их производственных и сбытовых решений могут действительно повлиять на их собственные прибыли. Собственный интерес незначительного игрока не обязательно предполагает «корректировку» рынка, либо же в любом случае он далеко не обладает такой же способностью, как крупный игрок.

Существует два ключевых пункта, в которых можно создавать крупные узлы принимающих решения структур. Во-первых, можно группировать первичное производство в крупные единицы — такое решение можно назвать «плантационным». Либо же, во-вторых, можно создавать крупные узлы на стадии, следующей за первоначальными производственными зонами в товарной цепочке. Например, некоторые крупные «купцы» (те, которых французы называют негоциантами (*négociants*), в отличие от просто торговцев (*traitants*) или коммерсантов (*commerçants*)) могут располагаться в бутылочном горлышке товарных потоков. Однако в таком случае недостаточно создания квазимонополии или олигополии в сбыте — в данном случае для подобного, скажем так, крупного торговца (или торговца-банкира) крайне важно создать зависимость от него массы мелких производителей. Наиболее простым и, возможно, наиболее эффективным способом сделать это является долговая крепость. В этом смысле, когда крупный торговец стремится «приспособиться» к мировому рынку, он может быстро чередовать модели производства таким образом, какой он считает прибыльным¹⁴⁰. Создание подобных крупномасштабных экономических единиц — как плантаций, так и «узких мест» под контролем крупных торговцев — является главной особенностью инкорпорации.

Основой индийского экспорта в рассматриваемый период были четыре

¹³⁷ Flint (1974, 387).

¹⁴⁰ «Авансовый контракт» также минимизирует способность мелкого производителя контролировать цены и позволяет крупному купцу стабилизировать свои рыночные поставки (Chaudhuri, 1978, 143).

¹⁴¹ См. Furber (1951, 290—291).

¹⁴² Siddiqi (1973, 151).

¹⁴³ Чодхури утверждает, что это «европейское» понятие «затемняет суть дела в той же степени, что и раскрывает ее» (Chaudhuri, 1974, 259). Возможно, так и есть, но в таком случае давайте искать другой термин. С. Арасаратнам с одобрением цитирует этот фрагмент у Чодхури, но тем не менее ему приходится признать следующий существенный момент данной системы в отношении сообщества ткачей:

главные культуры — индиго, хлопок, шелк и опиум. В наибольшей степени плантационно ориентированным из них было индиго. В последней четверти XVIII века, реагируя на колебания предложения в Западном полушарии, многие английские частные торговцы стали создавать плантации¹⁴¹, а кроме того, они предоставляли кредит мелким производителям. «При первых же признаках рецессии» они требовали погашения этого кредита, что вело к изъятию земель и дальнейшей их концентрации¹⁴². Ключевая в данном процессе раздаточная система¹⁴³ стала использоваться в производстве индиго лишь в этот период¹⁴⁴. В иных случаях — прямое производство или система авансов мелким производителям — плантаторы индиго держали основные производственные решения в своих руках, используя для достижения своих целей либо «ограниченное подавление», либо «долговую зависимость»¹⁴⁵.

Аналогичным образом в производстве хлопка-сырца, когда оно стало более экспортно ориентированным, возникла «нарастающая хватка ростовщичества и торгового капитала над производством», по мере того как «реальные обременения ренты и процента становились... все более тяжелыми»¹⁴⁶. В случае же опиума дело заключалось в том, что торговая монополия государства (через Ост-Индскую компанию) служила тем же целям контроля над количеством и качеством производства, установления уровня цен и действительного надзора за международной конкуренцией на китайском рынке¹⁴⁷. В 1848 году Ф. У. Придо [секретарь по доходам Индийского офиса в Лондоне — *прим. пер.*] докладывал особому комитету Палаты общин, что «в Индии ничего не выращивается без авансовых платежей, а именно: сахар, индиго и вообще все, что культивируется на экспорт из этой страны»¹⁴⁸. Однако, несмотря на отсутствие по большей части европейских «плантаторов», как это было в Вест-Индии тем не менее верно, как утверждает Клэпхэм, что большинство этих экспортных товаров имели «нечто от того, что называется плантацией, или характерным признаком колонии старого типа»¹⁴⁹. Дитмар Ротермунд усматривает сдвиг от внешней сферы к инкорпорации именно в изменении

«Несмотря на то, что они могли свободно размещать свою конечную продукцию, ограничительная природа доступа на рынок и почти монопольные условия приобретения товаров, которые существовали во многих удаленных деревнях, занимавшихся ткачеством, приводили к тому, что эта свобода практически утрачивала смысл» (Arasaratnam, 1980, 259).

¹⁴⁴ См. Raychaudhuri (1965, 756), см. т.ж. Raychaudhuri (1962, 180—181).

¹⁴⁵ Fisher (1978, 115). Далее (р. 118) Фишер оценивает негативные стороны каждой из систем: прямая культивация была более дорогостоящей, а система авансов с большей вероятностью могла вызвать недовольство крестьян.

¹⁴⁶ Guha (1972, 18, 28).

¹⁴⁷ См. Richards (1981, 61). Государственная монополия использовала ту же систему, что и крупные частные торговцы для другой продукции: «Весь процесс — от подготовки почвы для посадки [опиума] до завершающего аукциона в Калькутте — был основан на тщательно проработанной системе авансовых платежей» (Owen, 1934, 26).

¹⁴⁸ BPP, Reports from Committees (1848a, 21).

¹⁴⁹ Clapham (1940, 232).

описанных им функций (торговой) фактории. Последняя переходила от закупок товаров и их продажи на борт кораблей к размещению специальных заказов, чтобы финансировать эти заказы путем авансирования, а затем к использованию данных авансов для стимулирования производства и далее к организации производства при помощи раздаточной системы и управления мастерскими¹⁵⁰.

Что касается Османской империи, то в данном случае предметом дискуссии некоторое время был рост чифтликов плантационного типа. Чифтлик — это правовой термин, обозначающий определенную форму землевладения. Происхождение этого слова имеет отношение к понятию «чифт» (т.е. пара) быков, то есть чифтлик — это количество земли, которую пара быков может вспахать за день¹⁵¹. Но затем возникло определенное смешение, поскольку в первую очередь именно те чифтлики, которые были гораздо больше, чем собственно «чифт», и тем самым оказывались ближе к привычному значению понятия «плантация», представлялись прямо связанными с экспортно ориентированным товарным производством.

Траян Стоянович напрямую связывает распространение чифтликов (в особенности их крупных форм — так называемых *хасса-чифтликов*) с «проникновением на Балканы культивации новых колониальных продуктов — хлопка и кукурузы» начиная с 1720-х годов¹⁵². Христо Гандев аналогичным образом рассматривает их выращивание в северо-западной Болгарии в качестве возникновения крупномасштабных товарных земельных единиц, которые являлись субъектом инвестирования и накопления капитала¹⁵³. Питер Шугэр

¹⁵⁰ См. Rothermund (1981, 76).

¹⁵¹ См. Gandev (1960, 209), Stoianovich (1953, 401) и Busch-Zantner (1938, 81).

¹⁵² Stoianovich (1953, 403). «Новым текстильным фабрикам Австрии, Саксонии, Пруссии и Швейцарии требовались шерсть и хлопок из Македонии и Фессалии, а растущий французский, немецкий и итальянский спрос вызвал утроение производства хлопка в Македонии между 1720 и 1800 годами» (Stoianovich, 1960, 263). См. тж. Stoianovich (1976, 184).

¹⁵³ См. Gandev (1960, 210—211).

¹⁵⁴ См. Sugar (1971, 211—221).

¹⁵⁵ McGowan (1981a, 79). Однако Макгоуэн предупреждает, что «тот сегмент сельского хозяйства Османской империи, который был направлен на экспорт, на протяжении [XVII—XVIII веков] должен... был показывать лишь медленный рост» (р. 170). А «средний балканский чифтлик был рентным предприятием, гораздо более близким по своей природе и размерам к прежнему *Grundherrschaft* [традиционному помещичьему хозяйству феодального типа — нем.], из которого он вырос, нежели к характеру *Gutherrschaft* [помещичьему имению капиталистического типа — нем.], которым часто представлялся чифтлик» (р. 79). Тем не менее Макгоуэн различает более крупные чифтлики, ориентированные на внешнюю торговлю, и чифтлики среднего размера, которые с меньшей вероятностью участвовали в ней, см. McGowan (1981b, 62).

¹⁵⁶ İnalçik (1983, 116). В западной Анатолии именно «высокая производительность и высокая стоимость земли... объясняли меньший размер чифтликов» (р. 117). Приобретение прав на землю в результате ее рекультивации уже является особенностью классического периода Османской империи, не имевшей правовой связи с размером земель-

также подчеркивает их рыночную ориентацию, выращивание новых культур и долговую крепость их поселенцев¹⁵⁴. Брюс Макгоуэн отмечает, что такие единицы размещались неподалеку от моря, а их развитие в поздней Османской империи было «почти всегда связано... с внешней торговлей сырьевыми товарами»¹⁵⁵. Наконец, Халиль Инальчик также связывает крупные чифтлики с рыночной ориентацией и «структурами, подобными плантациям», которые, по его утверждению, особенно распространились в связи с рекультивацией земель и окультуриванием пограничных пустошей (*miri*)¹⁵⁶.

Что же касается Египта, то очевидно, что подъем производства хлопка в течение XIX века здесь был напрямую связан с созданием крупных поместий¹⁵⁷. Уже в 1840 году Джон Бауринг в своем заявлении в Палате общин объяснял, почему это происходит, говоря о том, что феллахи опасаются производить хлопок, опасаясь быть обманутыми и боясь налогообложения, поскольку хлопок предполагал только один урожай в год. Каким же было решение?

«В последнее время многие массивы земли перешли к обладателям капитала (*capitalists*), которые согласились выплачивать долги и, как следствие, используют феллахов в качестве поденных работников, забрав у них ответственность за выплату земельного налога и за сокращение установленного количества продукции по ценам, назначенным пашой»¹⁵⁸.

В России, конечно, уже произошла определенная концентрация земель в руках аристократии. А в ходе инкорпорации этот процесс усилился, а его связь с товарным производством стала более интенсивной. Как отмечает Джером Блум, сеньоры были, «несомненно, главными поставщиками на рынок», производившими, к примеру, до 90% рыночного зерна¹⁵⁹. Именно в этот период внедряется масштабное новшество в земледелии — трехпольный севооборот¹⁶⁰.

Таким образом, в конце XVIII века «сельская экономика приобрела еще более рыночный характер»¹⁶¹. Изменение модели крепостничества — переход от оброка (или платежей в натуре или деньгами) к барщине (или платежей в трудовой форме)¹⁶², который мы рассмотрим ниже с точки зрения принуждения к труду, — также следует рассматривать в качестве способа концентрации

ной единицы, которая подвергалась рекультивации. Однако теперь это использовалось для создания крупных чифтликков.

¹⁵⁷ См. Baer (1983, 266—267).

¹⁵⁸ Цит. в: Issawi (1966, 387).

¹⁵⁹ Blum (1961, 391—392).

¹⁶⁰ См. Confino (1969, 39). В особенности это касалось северного и центрального Нечерноземья и северной части черноземных земель.

¹⁶¹ Kizevetter (1932, 637).

¹⁶² О разнице между ними см. Confino (1961b, 1066, сн. 2). Переход к барщине начался уже в середине XVII века, но растянулся до середины XVIII столетия, особенно в нечерноземной зоне. Отчасти противовесом этому было снижение доли крестьян в частных поместьях, поскольку государственные или коронные крестьяне обычно платили оброк.

земель. Концентрировалась не сама собственность (это уже произошло), а процедуры в принятии производственных решений, что и было ключевым моментом для коммерческого сельского хозяйства. А в тех поместьях, где сохранялся оброк, сеньоры часто поощряли и защищали крестьян, которые становились торговыми предпринимателями (несмотря на правовые ограничения), поскольку это не просто позволяло таким крестьянам выплачивать более крупный оброк, но и давало сеньорам возможность использовать их в качестве «гарантов для менее успешных членов сельской общины»¹⁶³.

Ситуация Западной Африки вновь несет большее сходство, чем можно было бы случайно предположить. Начнем с рынка рабов, который, далеко не стимулируя бесконечную конкуренцию, вел к появлению торговых «узких мест». Существование «ограничительных торговых ассоциаций и практик — иногда официальных, иногда частных, а иногда предполагающих взаимодействие между ними» — обнаруживается повсеместно¹⁶⁴. Кроме того, смещение в сторону товарных культур наподобие пальмового масла сопровождалось попытками создания плантационных структур. В действительности данные меры прямо поддерживали сами аболиционисты в качестве средства, как они полагали, придания законной торговле солидной экономической базы¹⁶⁵. Плантации имели первоначальный успех в Дагомее и Йорубаленде¹⁶⁶. Сочетание сильных монархий, рабского труда и, по всей видимости, капитала означало, что монархи могли экспортировать пальмовое масло с существенного расстояния внутри страны, что в иной ситуации было бы слишком дорого¹⁶⁶. Но там, где транспорт не был большой проблемой, технология производства пальмового масла (а также арахиса) делала это производство доступным для мелких фермеров¹⁶⁷.

¹⁶³ Blum (1961, 289). Многие из этих предпринимателей рекрутировались из преследуемых староверов. Их идеология могла быть не всецело «протестантской», но фактор преследования вел к необходимости чтения определенных текстов, нужде в деньгах для защиты себя и потребности в секретных писаниях — все это, конечно, было значимой школой для купеческого класса. См. Gerschenkron (1970, 35—37).

¹⁶⁴ Lovejoy & Hogendorn (1979, 232). Далее Ян Хогендорн отмечает: «Захват рабов был дорогостоящим предприятием, направленным против людей, которые знали, как защитить себя. Это напоминало, как если бы рыба [см. выше образ работорговли как рыбалки у Томаса и Бина — И. В.] могла дать сдачи» (Hogendorn, 1980, 480). Эту тему усиливает Ларс Сундстрём: «Один из наиболее поразительных аспектов африканской внешней торговли заключается в сильной позиции посредников, нередко достигавших монопольного положения... Торговая монополия была отчасти основана на исключительном контроле речного сообщения» (Sundström, 1974, 254—255). См. тж. van Danzig (1975, 264), где подчеркивается капиталоемкость работорговли, а следовательно, тенденция к крупномасштабным операциям.

¹⁶⁵ См. Ajayi & Oloruntimehin (1976, 211). О датских попытках основания плантаций после отмены рабства см. Nørregård (1966, 172—185). Биргит Мюллер (Müller, 1985, 58) утверждает, что, по меньшей мере, среди народа игбо экспортное производство пальмового масла в плотно населенных территориях началось в зоне, которая уже «производила масло и другие предметы для обмена».

¹⁶⁶ См. Manning (1969, 287)

Однако, как отмечает Лоу, говоря о размывании господствующего положения короля и военных вождей в производственном процессе, когда вожди в конечном итоге перешли от работоторговли к пальмовому маслу, «среди тех, кто получал выгоду от этого процесса, были, впрочем, и значительные купцы, и мелкие фермеры»¹⁶⁸. Иными словами, средоточие концентрации просто сместилось от одной точки сбора продукции к другой — мы упустили этот момент, если сосредоточимся на сравнительно небольшой производственной единице, необходимой для получения пальмового масла. В самом деле, в ходе периода инкорпорации связь между государственной властью и торговой концентрацией была особенно значительной. Это явление отчетливо представляет Колин Ньюбери:

«Торговые государства Дагомеи и дельты Нигера... [являют собой хороший] пример того, как африканские правители обеспечивали доходы от торговли... Правители наподобие Джаджи из Опобо и Наны из Варри' были дальновидными купцами, а не африканскими бюрократами, которые доили торговцев»¹⁶⁹.

Для понимания происходившего необходимо осознать факт появления многоярусной структуры торговцев. В атлантических портах присутствовали купцы, или экспортеры-импортеры, которые представляли европейские фирмы и были, как правило, европейцами. Эти купцы, в свою очередь, имели дело с крупными брокерами или посредниками (по-французски обозначаемыми термином *négociants*), которые взаимодействовали с прочими посредниками — странствующими торговцами (по-французски *traitants*), причем именно они обычно вступали в сделки с прямыми производителями. Как правило, именно на уровне брокеров и происходила концентрация везде, где имелось в наличии мелкомасштабное производство. Именно этих брокеров позже включают в свою структуру и заместят европейские фирмы, когда рассматриваемые территории окажутся под колониальным господством¹⁷⁰.

Как мы утверждали, процесс инкорпорации вел к созданию тех или иных разновидностей сравнительно крупных центров принятия решений, непосредственно заинтересованных в том, чтобы реагировать на меняющиеся требования мирового рынка. Размер этих единиц отчасти выступал

¹⁶⁷ См. Hopkins (1973, 125). Однако Марк Оже (Augé, 1971, 161), описывая производство пальмового масла на юге Берега слоновой кости во второй половине XIX века, отмечает сложности в вербовке работников в нескольких поколениях и, следовательно, возврат к насильно захваченной рабочей силе. Это также предполагало несколько более крупные производственные единицы.

¹⁶⁸ Law (1977, 572).

¹⁶⁹ Newbury (1969, 74—75).

¹⁷⁰ Об этой многоуровневой структуре см. Chamberlin (1979, 422—423) и Newbury (1971, 100). О разнице между *négociants* и *traitants* см. Hardy (1921). В это время нижний уровень странствующих торговцев в целом не регулировался, он был конкурентным и конфликтным. Три территории, где этого не происходило: бассейн реки Кросс" (Ста-

мотивирующим их фактором, поскольку изменения, которые они производили, имели существенное влияние на их возможности накопления, но отчасти в равной степени эти изменения служили и увеличению их способности реагировать на вызовы рынка, поскольку указанные единицы контролировали достаточные объемы капитала и товаров, чтобы самостоятельно оказывать определенное воздействие на мировой рынок. Остается последний элемент для рассмотрения в плане способности отвечать на вызовы рынка, а именно способность получать достаточное количество рабочей силы по цене, которая сделает конечный продукт конкурентоспособным.

Для работника, особенно в сфере сельского хозяйства, включение в товарное производство (в частности, в структуры типа плантаций, но не только в них) имело невысокую внутреннюю привлекательность, поскольку это неизбежно сокращало время и физическую возможность для всех типов практик самообеспечения, которые давали гарантии выживания и даже относительного благополучия. Поэтому не следует удивляться, что, по меньшей мере, поначалу и еще долго в последующий период трудовые ресурсы, необходимые для рыночных производителей в зонах, переживавших инкорпорацию, приходилось принуждать (прямым или косвенным образом) к работе в надлежащих местах и в надлежащем ритме. Это принуждение предполагало два момента, которые следует различать концептуально: те способы, которыми рабочего заставляли работать более интенсивно (и более эффективно) и дольше (в день, в год, за всю жизнь), и формальные права или юридический статус работника и, следовательно, степень его возможностей выбора по отношению к своей работе.

Индия Великих Моголов выступает одной из немногих территорий, относительно которых имеются определенные данные о жизненном уровне трудящихся страт до ее инкорпорации в мир-экономику. Существуют четыре

рый Калабар), дельта Нигера (Опобо) и Дагомея — были зонами политической концентрации и максимального производства на экспорт. См. Chamberlin (1979, 434).

¹⁷¹ См. Habib (1969, 35).

¹⁷² См. Spreag (1965, II, 47) и далее: «Подводя итог, отметим, что в Индии Великих Моголов с населением примерно 100 млн человек на протяжении полутора столетий существовал уровень жизни, в целом сопоставимый с современной ей Европой... У крестьянина было немного больше еды, а у торговца меньше возможностей тратить деньги».

¹⁷³ Desai (1972, 61). Эта точка зрения поддержана в: Moosvi (1973, 189). Ее опровержение приведено в работе: Heston (1977), где утверждается, что пересчет количественных данных «определенно ослабляет точку зрения [Десаи], согласно которой реальные заработные платы снижались, начиная с Акбара» (р. 394). Десаи, в свою очередь, опровергает позицию Хестона, производя аналогичный пересчет и делая вывод, что в сравнении с 1960-ми годами во времена Акбара имели место и «более высокая урожайность», и «более высокая покупательная способность городских заработков в пересчете на продовольственное зерно» (Desai, 1972, 61).

¹⁷⁴ См. рассмотрение этого в: Sinha (1962a, II, 217—218). Синха указывает, что с учетом плодородной почвы трех месяцев тяжелого труда и еще нескольких рабочих недель на уборке урожая было достаточно, чтобы снять один урожай

типа сравнения. Хабиб утверждает, что в 1600 году сельскохозяйственное производство на душу населения в Индии было не меньшим, чем в 1900 году, а также не меньшим, чем в Западной Европе в 1600 году¹⁷¹. Персиваль Спизер же полагает, что среднестатистический обитатель Могольской Индии жил лучше, чем в Европе¹⁷². Ашок Десаи собрал количественные данные, подкрепляющие утверждение, что «средний стандарт потребления продовольствия в империи Акбара [был] ощутимо выше, чем в Индии 1960-х годов»¹⁷³. Однако, как только после 1750 года начинается инкорпорация Индии, стали раздаваться (британские) жалобы по поводу «праздности» бенгальского крестьянина¹⁷⁴. На эту «праздность» вскоре была найдена управа в виде системы «авансов», к которой мы уже обращались. Это внезапно возникшее во всех зонах товарного производства явление мы рассматриваем в качестве основного механизма принуждения.

В это время развились две системы землевладения — *заминдари* и *райатвари*. Обе они определялись или, точнее, переопределялись как собственность с законными (*quiritary*) правами. Это направление развития форм землевладения является признаком включения в капиталистический мир-экономику, поскольку законные права являются неотъемлемым элементом коммерциализации земли, что само по себе есть необходимый элемент либерализации всех факторов, делающих возможным бесконечное накопление капитала. Система *заминдари* была установлена в Бенгалии законом 1793 года¹⁷⁵. В рамках данной системы *райаты* (или крестьяне), живущие на своей земле, рассматривались как арендаторы *заминдаров*, а стало быть, им можно было повышать ренты или выгонять. В результате «ренты росли, а сгон с земли стал повсеместным»¹⁷⁶. Но в то же время выращивались новые культуры и появлялись новые работники¹⁷⁷.

Напротив, система *райатвари*, предположительно, устраняла *заминдара* как посредника, предоставляя законные права на землю самому *райату*. Эту систему расхваливали как «теоретически более весомую, а практически удобную и выгодную и находящуюся в большем соответствии с местными

риса, который поддерживал нормальный уровень жизни. Однако этого объема труда не было достаточно для производства товарной продукции для мирового рынка.

Ситуация в Бенгалии и последующее представление о «праздности» крестьян были определенно обострены «катастрофическим» голодом 1770 года, который сделал нехватку рабочей силы еще более значительной, что, несомненно, поставило выживших в более выгодное положение при переговорах с работодателями. См. B. B. Chaudhuri (1976, 290—292).

¹⁷⁵ Конечно, *заминдари* существовали и в правление Великих Моголов, но у них не было законных прав на землю, и в любом случае их роль в системе аграрной эксплуатации, за исключением функции «денежных мешков», была «второстепенной» (Moosvi, 1977, 372).

¹⁷⁶ Neale (1962, 69).

¹⁷⁷ Об использовании племенного труда бенгальскими *заминдарами* см. Bhattacharya (1983, 308). Б. Б. Чодхури (B. B. Chaudhuri, 1976, 290—292) также описывает наем иммигрантов, как племенных, так и мусульманских.

институтами, традициями и нравами людей»¹⁷⁸. Изначально система райатвари применялась в Мадрасе и часто считалась южноиндийской, однако ее в равной степени использовали и на севере Индии, даже в Бенгалии. В действительности райат, который получал законные права, в большинстве случаев оказывался кем-то из сельских вождей из более высшей касты. Конечно, такие райаты были земледельцами, но они также выступали в роли посредников (хотя и более мелких, чем заминдары), поскольку во многих случаях вели надсмотр за прямыми производителями из низших каст¹⁷⁹.

Важно заметить, что в обеих системах сочетание законных прав с системой авансов сделало возможным значительное принуждение. Как говорилось в отчете британского парламента о производстве индиго в 1861 году,

«там, где плантатор имеет права заминдара, райат, скорее всего, обладает меньшими возможностями... Это воздействие, возможно, лучше всего описать как моральное принуждение и боязнь применения физической силы»¹⁸⁰.

Впрочем, индиго в действительности гораздо чаще выращивали при системе райатвари, но для непосредственного производителя это не было чем-то лучшим:

«Даже в лучшие сезоны выращивание индиго редко оплачивалось на том уровне, который устанавливали плантаторы... Райатов принуждали к получению авансов [со стороны плантаторов], и они не могли обработать квоты земли, требуемые для выращивания индиго... Не будет ошибкой описать систему выращивания индиго как особый род рабства»¹⁸¹.

Неудивительно, что плантаторы индиго были «на виду благодаря своему угнетению»¹⁸².

Положение ткачей в хлопковой промышленности было не многим лучше положения крестьян, выращивавших индиго. В Уставе для ткачей, обнародованном в Бенгалии в июле 1787 года, утверждалось, что, как только ткач получал аванс от Ост-Индской компании, ему требовалось предоставить компании ткань, а продажа ткани какой-либо третьей стороне объявлялась незаконной. Компании предоставлялось право приставлять к ткачам стражу для наблюдения за тем, как они выполняют свои контракты¹⁸³. Результатом этого было, конечно, «заметное ухудшение их экономического положения», и ткачи фактически оказывались «доведенными до нищеты своим занятием»¹⁸⁴. Далее Ост-Индская компания распространила

¹⁷⁸ S. C. Gupta (1963, 126).

¹⁷⁹ См. Mukherjee & Frykenberg (1969, 220).

¹⁸⁰ BPP, Accounts of Papers (1861, xv).

¹⁸¹ Sinha (1970, 21—22).

¹⁸² Sinha (1956, I, 199).

¹⁸³ См. Embree (1962, 105—108).

¹⁸⁴ Hossain (1979, 324, 330). Хоссейн добавляет, что со временем «нарастало давление на производственную организацию с усилением иерархической структуры, которой способствовал этот процесс» (p. 345).

упомянутую политику и на юго-восточную Индию. Как только в 1770-х годах компания оказалась в состоянии не пускать на рынок голландских и французских конкурентов, она заставила своих купцов «заключать жесткие сделки с ткачами»¹⁸⁵. Реальные доходы рабочих в плане прямых поступлений падали, а кроме того, это происходило потому, что при новых условиях работники не могли заниматься ткачеством «наравне с обработкой собственных полей»¹⁸⁶. Что касается собственно выращивания хлопка, то имеется показательное свидетельство Дж. А. Тернера из Торговой ассоциации Манчестера, который утверждал, что «Индия с ее дешевым трудом во все времена будет способна конкурировать с рабским трудом Америки»¹⁸⁷.

Еще хуже были условия существования работника на производстве соли. Учитывая скудную оплату и условия труда, было «очевидно», что соляные мануфактуры не могут функционировать «без принуждения». Использование системы авансов здесь приняло дополнительный оборот. Как только человек устраивался на такое производство, даже на добровольной основе, он становился «незащищенным от прикрепления» к нему в будущем; более того, его потомки тоже оказывались в «вечной» крепости. При таких обстоятельствах можно представить, с какой неохотой принимались авансы. Поэтому последние часто «подбрасывали под дверь» потенциальному работнику. «Один только вид денег приводил к тому, что человека отправляли на солеварни вдоль Бенгальского залива (*aurangs*)»¹⁸⁸. Аналогичное принуждение к авансам для рабочих упоминается при производстве селитры в Бихаре после 1800 года¹⁸⁹. В целом эта система авансов приводила к долгосрочному принуждению. Как утверждает Дхарма Кумар, одной из причин того, что «крепостничество» оказалось «столь длительным на практике», было «бремя долгов», порожденных этими авансами¹⁹⁰.

В России, как мы уже отметили, наиболее угнетательская форма крепостничества, барщина, выросла за счет *оброка* (*quit-rent obligation*), а не наоборот (как слишком готовы были полагать раньше), особенно в промежутке между 1780—1785 и 1850—1860 годами¹⁹¹. Мишель Конфино в качестве

¹⁸⁵ Arasaratnam (1980, 271).

¹⁸⁶ Arasaratnam (1980, 262). «Изменения, которые внедряла английская компания, вели к превращению ткача в наемного работника» (р. 280).

¹⁸⁷ BPP, Report from the Committees (1848a, 83).

¹⁸⁸ Serajuddin (1978, 320—321).

¹⁸⁹ Singh (1974, 283).

¹⁹⁰ Kumar (1965, 75—76). Кумар добавляет, что другим фактором, объясняющим эту длительность, была, конечно же, кастовая система. Однако она не объясняет, почему в таком случае крепостная зависимость нарастала именно в это время, а также почему аналогичные процессы имели место в других местах, где не было кастовой системы. Возможно, та форма, которую кастовая система приобрела в этот период и позже, была следствием, а не причиной этой крепостной зависимости.

¹⁹¹ См. Confino (1963, 197). Конфино ссылается на 20 губерний европейской России. Барщина увеличилась с 50% в 1790-х годах до 70% в 1850-х годах. См. Yaney (1973, 151) и Kizevetter (1932, 636). Как утверждает Пол Дьюкс (Dukes, 1977), подобное крепостное право в России начала XIX века было в действительности сопоставимо

объяснения этого сдвига в сторону барщины приводит именно фактор развития капиталистического рынка и капиталистической доктрины, несмотря на то, что, на первый взгляд, с ней более сопоставим именно оброк. Конфино считает ключевым переломным моментом 1762 год, когда дворянство стало возвращаться на свои земли* (а после 1775 года это происходило в ускоренном темпе) — это явление было напрямую связано с ростом зерновых цен на мировом рынке. Похоже, что в большинстве случаев барщина несла «больше преимуществ» землевладельцу, производящему товарную продукцию, чем оброк¹⁹². Еще один фактор, благоприятствовавший барщине, отмечает Аркадиус Кэхэн: «вестернизация» мелкого дворянства (*gentry*) вела к значительному росту импорта, что требовало «существенного увеличения» реальных доходов аристократии, а стало быть, вело к увеличению давления знати на крепостных¹⁹³. Рост барщины позволял расширить поместные земли за счет крестьянских участков, сделав поместные земли «более гибкими и более способными получать краткосрочные выгоды от изменения ситуации на рынке»¹⁹⁴.

Нельзя утверждать, что барщина становилась единственной формой сельского труда. В самом деле, Конфино приводит аргументы в пользу достоинств смешанных обязательств (барщина-оброк), которые обеспечивали помещику уверенность в наличии рабочей силы в его владениях наряду с

с рабством в США в этот же период: в моральном, политическом и экономическом смысле.

¹⁹² Confino (1963, 229). Блум относит этот сдвиг к несколько более раннему периоду: «правители усиливали закрепощение крестьян» (Blum, 1961, 277) начиная с Петра Великого. Барщина была особенно распространена в черноземной полосе России, Белоруссии, Украине, Поволжье и восточных степях. Конец XVIII века стал «пиком развития крепостной экономической системы». В это время «она поглощала подавляющую часть рабочего времени крепостного [т.е. от 5 до 6 дней в неделю], оставляя ему незначительную долю времени на обеспечение собственного существования» (Lyashchenko, 1970, 277, 314).

¹⁹³ Kahan (1966, 46).

¹⁹⁴ Kahan (1966, 54). Что касается сокращения крепостных повинностей, которое Кэхэн отмечает с 1730-х по 1790-е годы, то Филип Лонгворт утверждает, что даже в этот период имеющаяся картина «неудовлетворительна», поскольку расчеты основаны только на оброке и подушной подати, «не принимая в расчет трудовые повинности, косвенное налогообложение, земельные ресурсы, казнокрадство, а также накопление задолженностей по подушной подати» (Longworth, 1975b, 68, сн. 14).

Но даже в этом случае позиция Кэхэна сохраняет свою силу. Оброк и подушная подать сокращались, но именно это вело к реакции: «К 1760-м годам землевладельцы почувствовали себя в тисках: цены на зерно и стоимость жизни росли, в то время как доходы оставались стабильными либо снижались пропорционально покупательной способности. Землевладельцы были уверены, что выход из этого положения заключается в большей доступности зерна, то есть требовалось либо снизить закупочные цены, либо обеспечить рыночный сельскохозяйственный прибавочный продукт для увеличения прибыли... Землевладельцы полагали, что одним из способов увеличения доходов было заставить крестьян оставаться в сельской местности

определенными ликвидными поступлениями от оброка в годы плохого урожая. Данная смешанная форма действительно стала наиболее распространенной в рассматриваемый период¹⁹⁵, но это был вопрос приоритетов. Учитывая тот факт, что поместья приобретали характер «экономического предприятия», недостатки оброчной системы представлялись более значительными, чем достоинства. Когда землевладельцы стремились увеличить ренты для оброчного крестьянина, последнему часто приходилось искать работу в другом месте, чтобы выполнить обязательства по оброку. Таким образом, к концу XVIII века крестьянин-оброчник больше рассматривался как землепашец, в связи с чем само слово «оброчник» часто «употреблялось в оскорбительном значении „бродяга”»¹⁹⁶. А для производства пшеницы, которая оставалась основным источником дохода землевладельцев, им требовалась барщина.

Кроме того, нужно избавиться от мифа, что барщинный труд был неизбежно неэффективным¹⁹⁷. В действительности та зона, которая испытала наибольший рост барщины, т.е. Черноземье, также приобрела и наибольшие новшества в земледелии (например, внедрение картофеля как огородной культуры). В любом случае и расширение пахотной земли, и рост урожайности имели место в первую очередь в поместьях, а не на землях оброчных крестьян¹⁹⁸.

Наконец, необходимо помнить, что рассматриваемая интенсификация принудительного труда была не случайностью, а результатом политических решений. Рост производства зерновых был ускорен отменой внутренних таможен в 1754 году и разрешением зернового экспорта в 1766-м. Дальнейшим стимулом для зернового экспорта, а следовательно, и для интеграции в мир-экономику стало присоединение южных степей и портов Черного моря. А манифест 1762 года, освободивший помещиков от бюрократической службы, сформировал у них склонность к превращению в сельскохозяйственных капиталистических предпринимателей¹⁹⁹.

Кроме того, процессу нарастающей концентрации земли существенно способствовала земельная опись, заказанная Екатериной II, поскольку государство, утверждая все существующие границы земель, за исключением оспариваемых в особом порядке, соглашалось с предыдущими захватами как государственных земель, так и пустующих участков и «ратифицировало ограбление свободных крестьян и мелких крепостных владельцев»²⁰⁰. Джон ле Донн рассматривает создание губерний — великую административную реформу Екатерины — как формирование «аппарата, способного ускорить

и заниматься земледелием в ущерб любым другим видам деятельности» (Raef, 1971a, 97).

¹⁹⁵ См. Confino (1961b, 1079, 1094—1095).

¹⁹⁶ Laran (1966, 120).

¹⁹⁷ Уместную критику см. в: Blum (1961, 343).

¹⁹⁸ См. Kahan (1966, 50).

¹⁹⁹ См. Confino (1963, 21—22).

²⁰⁰ Raef (1971b, 168).

предельную эксплуатацию крепостного труда»²⁰¹. Кроме того, при Екатерине окончательно состоялась полная правовая категоризация крепостного права, что подтвердило фактически имевшуюся ситуацию, но при этом лишило почти всех крестьян так называемого личного правового статуса. В результате де-факто свободные крестьяне стали «потенциальными крепостными и могли превратиться в них в любой момент, когда правительство хотело их использовать»²⁰².

Одним из наиболее интересных аспектов инкорпорации России было то, в каком отношении мануфактурное производство железа сыграло переходную роль на пути к более стандартному акценту на товарном экспорте, что в некотором роде представляло собой параллель к роли работорговли в Западной Африке и экспорту тканей в Индии. Значительный рост уральской мануфактурной металлургической промышленности произошел в середине XVIII века и был обязан своим подлинным взлетом выросшему спросу, вызванному европейскими войнами 1754—1762 годов, в результате чего крупными каналами сбыта стали закупки российского правительства и английский рынок²⁰³. Но этому мануфактурному экспорту не суждено было закрепиться на длительную перспективу, а кроме того, он был основан на принудительном труде.

Труд на уральских фабриках был тяжелым и плохо оплачиваемым. Для многих работников «условия труда и обращение с ними зачастую были гораздо хуже, чем то, что испытывали крепостные крестьяне»²⁰⁴. Конечно, это в особенности касалось неквалифицированных подмастерий и «горняцкой молодежи», то есть очень юных подростков, вовлекаемых во вспомогательные работы²⁰⁵. Квалифицированные рабочие отчасти были иностранцами (можно предположить, что завербованными на привлекательных условиях), отчасти металлургами, набранными в центральной России, и отчасти местными ремесленниками²⁰⁶. Это были промышленные наемные работники. Квалифицированные рабочие получали не только наличное жалование, но и во многих случаях — небольшой участок земли, который часто приносил такой же доход, как и заработки на фабрике²⁰⁷.

²⁰¹ Le Donne (1982, 164).

²⁰² Yaney (1973, 135).

²⁰³ См. Portal (1950, 131, сн. 1 и далее, 131—174). Конечно, истоки этой промышленности были заложены в 1716 году, когда Петр Великий основал промышленные предприятия на далеком Урале, поскольку Северная война отрезала его от предшествующего поставщика, Швеции, с которой он вел войну. Однако вскоре правительство утратило интерес к этой промышленности, и ее выживание было обязано частным предпринимателям, в особенности Никите Демидову. См. Portal (1950, 26, 34, 52—130).

²⁰⁴ Falkus (1972, 25).

²⁰⁵ Соотношение квалифицированных и неквалифицированных рабочих составляло 1:3, то есть на каждых 12 специалистов и 20 квалифицированных рабочих приходилось 50 подмастерий и 50 юных подсобных рабочих. См. Portal (1950, 258—259).

²⁰⁶ Portal (1950, 44).

²⁰⁷ См. Portal (1950, 251—252). П. И. Лященко (Lyashchenko, 1970, 288) указывает, что многие мануфактуры состояли из рассредоточенных производственных единиц и

Неквалифицированными же рабочими выступали «приписные» крестьяне, которые выполняли многочисленные вспомогательные работы: лесоповал, выжиг древесного угля и транспортировку как сырья, так и готовой продукции. Изначально «приписные» крестьяне были обычными местными жителями, выполнявшими эти работы в зачет своих налогов²⁰⁸. Однако их было недостаточно. Закон 1721 года позволил владельцам фабрик покупать целые деревни крепостных, впоследствии известных как посессионные крестьяне, прикрепленные к фабрике, а не к ее владельцу²⁰⁹. Кроме того, присутствовали беглецы из государственных поместий, которые нанимались на фабрики и затем реинтегрировались в феодальную систему в качестве посессионных крепостных²¹⁰. Наконец, на фабриках имелись также оброчные крестьяне, хотя в большей степени это было характерно для текстильных, а не для металлургических предприятий. Эти крестьяне были «обособлены» от своих деревень и пользовались относительно большей свободой, чем другие крепостные рабочие, располагая лучшими возможностями для торга с владельцем фабрики²¹¹. Все это складывалось в систему, которая, с точки зрения хозяев предприятий, обеспечивала «гибкую и дешевую рабочую силу»²¹², но, с точки зрения рабочего, была «невыносимой»²¹³.

Учитывая угнетающие условия труда, хозяевам приходилось прибегать к определенным силовым воздействиям; например, они сохраняли частные

предполагали возможность частичной работы на дому кустарей (или мелких домохозяев).

²⁰⁸ См. Koutaisoff (1951, 254).

²⁰⁹ См. Falkus (1972, 24–25), Portal (1950, 47). Эти посессионные крестьяне составляли до 30% от общей массы. Декретом 1736 года они были «навек» прикреплены к фабрикам. См. Koutaisoff (1951, 255). В 1734 году царица Анна Иоанновна провозгласила, что любой, кто начинает железоделательный завод, получит на каждую доменную печь 100–150 семей и на каждый горн 30 семей государственных крестьян, приписанных к предприятию. См. Blum (1961, 309). Бланк говорит о «последовательном подчинении труда во второй четверти XVIII века» (Blanc, 1974, 364).

По мере того, как значимость промышленности возрастала, положение рабочих продолжало ухудшаться. См. Portal (1950, 366). В 1797 году Павел I придал идее посессионных рабочих дальнейшее правовое освящение. В 1811 году министерство финансов формально разделило частные предприятия и посессионные фабрики, при этом последние имели право получать от государства либо крестьян, либо землю, леса и рудники. См. Confino (1960a, 276–277).

²¹⁰ Это было, по словам Портала, просто «временное завоевание свободы путем бегства — завозование, которому государство быстро положило конец» (Portal, 1950, 233). См. тж. Blum (1961, 311).

²¹¹ См. Portal (1950, 236–237).

²¹² Tscherkassowa (1986, 26).

²¹³ Формально эта система обеспечивала крестьянину возможность выставить вместо себя замену, но данная возможность могла быть реализована только на южном Урале, где в качестве потенциального заместителя крестьян имелось свободное башкирское население. См. Portal (1950, 272–273). «Высокие размеры компенсаций, которые крестьяне соглашались платить за свое замещение, являются убедительным подтверждением их отвращения к работе на фабриках» (p. 277).

тюрьмы для наказания пьяниц, драчливых элементов и даже ленивых и некомпетентных рабочих²¹⁴. Вряд ли стоит лишний раз говорить, что принудительный труд, плохие условия и дисциплинарные наказания в совокупности провоцировали мятежи. Беспорядки начались на Урале уже в середине XVIII века²¹⁵, а когда в 1773 году свое великое восстание начнет Пугачев, его поддержат и промышленные крестьяне Урала, и крепостные, занятые в сельском хозяйстве²¹⁶, и, как мы увидим, не только они.

Существование «рабства» в Западной Африке было предметом многочисленных споров, в которых произошло смешение датировок и определений, а следовательно, и социальных причин и смысла данного явления. Рабство оказывается понятием, эмпирическое содержание которого представляет собой столь же широкий спектр, как и понятие наемного труда. Если взять самое минимальное определение рабства как определенного рода бесконечно длящихся трудовых обязательств одного лица перед другим, от которых работник не может освободить себя в одностороннем порядке (и, по меньшей мере, в этом отношении раб находится во власти своего хозяина), тогда несомненно, что в Западной Африке (или как минимум в некоторых ее частях) на протяжении долгого времени определенные формы рабства действительно существовали. Во многих регионах определенно имели место некоторые виды так называемого домашнего рабства, которое можно рассматривать как явление, предполагающее принудительную интеграцию неродственников в сравнительно низкостатусную семейную роль псевдородственников. Но это явление представляется существенно отличающимся от процесса порабощения для продажи другим лицам или от использования рабов в качестве «полевых» работников. Даже в последнем случае термин «рабство» использовался для обозначения не только плантационных рабов, но и лиц, которые должны были выплачивать своему хозяину натуральную или трудовую ренту. В данном случае термин «рабство» использовался довольно широко, поскольку в европейском контексте указанные лица исторически назывались крепостными (*serfs*), а не рабами. Здесь не место пытаться разобраться в этом понятийном хитросплетении — вместо этого мы сосредоточимся на рассмотрении тенденций, имевших место в тот момент, когда Западная Африка впервые вошла во внешнюю сферу Европы, а затем была последовательно инкорпорирована в капиталистический мир-экономику.

Представляется вполне очевидным наличие определенной последовательности, которая более или менее полно прослеживалась везде. На первом

²¹⁴ См. Portal (1950, 243).

²¹⁵ См. Portal (1950, 290). Непосредственными причинами этого было сочетание внезапного ухудшения условий жизни крестьян в результате переопределения (в сторону повышения) феодальных прав, увеличения доли крестьян, приписанных к фабрикам (где к тому же жалования для посессионных и других приписных крепостных были ниже, чем для контрактных рабочих, выполняющих ту же работу), усиления надзора и роста цен на продукты питания. См. Portal (1950, 278—290) и Lyashchenko (1970, 279—280).

²¹⁶ См. Blum (1961, 313) и Portal (1950, 337—341).

этапе преобладала определенная форма домашнего рабства (если фактически оно не было его единственным видом), причем даже не повсеместно. Для второго периода преобладающим явлением стала охота на рабов (и далее эти рабы продавались через коммерческие сети), а затем происходил переход к третьему периоду, когда все больше рабов использовалось на производственных предприятиях в самой Западной Африке. Первоначально охота на рабов приобрела значимость, когда Западная Африка была внешней сферой капиталистического мира-экономики, и продолжилась (и даже стала более важной) в качестве способа инкорпорации, уступив в ходе этого процесса форме так называемой легальной торговли. Последняя на практике предполагала определенный труд рабов на товарных производствах в самой Западной Африке — явление, которое лишь мало-помалу сойдет на нет. Таким образом, в конце XVIII — XIX веках в Западной Африке было много рабов по одной причине: потому, что те, кто продавал пленников, «держал некоторых из них для собственных надобностей»²¹⁷. Как коротко и ясно утверждает Игорь Копытофф, «после африканского прецедента подобное использование труда лиц, взятых в неволю, увеличивается, когда растет возможность получать прибыль от такого труда»²¹⁸. Однако, как мы видели, подобный феномен был присущ не только Африке.

Итак, первый переход имел место, когда африканцы начали воспринимать «рабов» не как лиц, отданных в крепость за преступления или по причине «острой необходимости», а стало быть, как псевдородственников в новой семье, а как «торгуемый товар» — представляется, что данное понятие возникло вместе с экспортной работорговлей²¹⁹. Кроме того, похоже, существовала четкая корреляция между продажей и использованием рабов тем или иным народом, причем подобная параллель возникала во времени не раз.

²¹⁷ Rodney (1967, 18). О переходе от домашнего рабства к работорговле и далее к товарной форме рабства в Западной Африке см. Aguessy (1970, 76) и Meillassoux (1971a, 20—21, 63—64). Как подчеркивает Агесси, данные три периода не были «радикально отделены друг от друга» (p. 90).

²¹⁸ Kopytoff (1979, 65—66).

²¹⁹ Johnson (1976, 38, 31; срв. Martin, 1972, 104). Однако Дж.Д. Фейдж настаивает, что внутреннее рабство шло в ногу с развитием государства и «уже хорошо оформилось до того, как в XV веке началась европейская морская торговля с Западной Африкой» (см. Fage, 1969, 397). Впрочем, как подчеркивает Дж.Н. Узоигве, мощный класс невольников (serfs), который стал расти из-за работорговли, был новизной. Несмотря на то, что подобные рабы были известны и раньше, «их численность прежде была незначительной» (Uzoigwe, 1973, 205). Пол Лавджой в некотором смысле идет еще дальше, настаивая, что уже в XVII—XVIII веках, «несмотря на рост порабощения, экспорта рабов и домашнего рабства, территории, где рабы занимали центральное место в хозяйстве и обществе, по-прежнему были сравнительно ограничены» (Lovejoy, 1979, 36). См. аналогичную точку зрения у Мэннинга (Manning, 1981, 525—526): «Огромный размах рабства в XIX веке почти для всего континента был недавним явлением, которое нельзя распространять на более далекое прошлое». Наконец, Уолтер Родни настаивает, что «ситуация конца XVIII века в верхней части Гвинейского побережья количественно и качественно отличалась» от домашнего рабства (Rodney, 1975a, 293—294).

Последовательность этих процессов неопределенна, но более вероятно, что продажа предшествовала использованию, а не наоборот²²⁰.

По мере начала перехода к большему акценту на товарных культурах, особенно в десятилетия, которые последовали за британской декларацией об отмене рабства, ведущие работорговлю государства столкнулись с экономическими сложностями, теряя некоторые точки сбыта своих рабов, а кроме того, некоторые торговые доходы от перепродажи европейской продукции. Там, где эффект от этого отсрочить было невозможно, ответным действием становилось «обращение рабов, которых нельзя было продать, в производителей альтернативных культур». Соответственно, настаивает Дж. Ф. Аджайи, в действительности отмена рабства вела напрямую к «более широкому и интенсивному использованию домашних рабов»²²¹.

Именно этот, более масштабный и более интенсивный тип использования рабов в Западной Африке является признаком ее включения в мир-экономику, в связи с чем он демонстрирует более решительный, трансформационный перелом, нежели рост работорговли сам по себе²²². Помимо того, что

²²⁰ Альберт ван Данциг напоминает, что в целом народы были либо производителями рабов (то есть объектами набегов за рабами), либо похитителями рабов, либо их продавцами. «Как только то или иное государство становилось хищническим или втягивалось в продажу рабов, его будущее представлялось гарантированным» (van Dantzig, 1975, 267). Одним из следствий этого был рост населения такого государства — благодаря процветанию, отсутствию потерь людей, забранных в рабство, а также, возможно, благодаря «иммиграции» в преуспевающую территорию и, очень возможно, благодаря порабощению. Работорговля не была «паллиативным средством от перенаселения» (р. 266), как это, например, предполагает Фейдж (Fage, 1975, 19) — напротив, территории, продававшие рабов, в результате этого занятия имели высокую плотность населения.

См. тж. Rodney (1966, 434): «Поразительно, что племена манде и фульбе, крупнейшие агенты атлантической работорговли в верхней части Гвинейского побережья, были теми самыми племенами, которые последовательно продолжали сохранять внутреннюю работорговлю, а их общество стало включать значительное количество лиц, лишенных привилегий и работающих под принуждением».

²²¹ Ajayi (1965, 253). Однако я полагаю, что определение *домашний* вводит в некоторое заблуждение, поскольку в действительности перед нами такие виды деятельности, как производство гумы или пальмового масла. См. работу Catchpole and Akinjogbin (1984, 53), где отмечена высокая корреляция между «экспортными товарами» и подобным «домашним рабством». Аналогичным образом во Фритауне и Батерсте, которые рано оказались под успешным давлением с целью прекращения участия в атлантической работорговле, Кристофер Файф отмечает, что «внутренняя работорговля по-прежнему нуждалась в поставках трудовых ресурсов для обеспечения производства овощей. Рабов теперь не экспортировали через Атлантику для работы напрямую на европейцев, но продавали внутри прибрежной Западной Африки для косвенной работы на европейский рынок» (Fyfe, 1976, 186).

Мартин Клейн и Пол Лавджой, отвечая на мою статью 1976 года, утверждают: «Мы пересматриваем тезис Валлерстайна, чтобы принять во внимание интенсивное использование рабов в Западной Африке. Это предполагает, что процесс „периферизации“ продвинулся в XVIII—XIX веках дальше, чем допускает Валлерстайн» (Klein and Lobejoy, 1979, 211, сн. 103). Смысл той статьи уловлен верно, за тем исключением, что я бы назвал происходивший процесс «инкорпорацией», а не «периферизацией».

²²² См. аналогичную точку зрения в: Aguessy (1970, 89).

рабы предназначались для продажи в качестве работников на предприятиях, интегрированных в товарные цепочки мира-экономики, они становились также объектом финансовых инвестиций — инвестиционным товаром, средством сбережения и предметом спекуляций²²³.

Это возмраставшее принуждение к товарному производству в Западной Африке принимало ту же самую форму, что и в других местах, а именно форму долговой привязки. Сначала европейские корабли предоставляли авансы африканским брокерам²²⁴, а затем эта практика переместилась в глубь материка от брокеров к бродячим торговцам. Например, в период резкого расширения работоторговли в середине XVIII века в дельте Нигера возникает тайное общество Экпе, выполнявшее роль сборщика долгов. По словам А. Дж. Х. Лэтхэма, Экпе было «элементарным капиталистическим институтом»²²⁵. Предпринять следующий шаг было легко: это был европейский импорт, предоставлявший авансом в кредит «под периодическое обеспечение товарами основного спроса». Ньюбери рассматривает это как «крупное структурное новшество, вырастающее из нового типа торговли большегрузными товарами»²²⁶.

Если в литературе по Османской империи рост трудовых обязательств в это время рассматривается меньше, то это может быть просто результатом ученого неведения. Некоторые догадки в рамках данной темы в самом деле имеются. Стоянович, говоря об османской налоговой структуре, предполагает, что во второй половине XVIII века крестьянин Пелопоннеса был вынужден затрачивать, «по меньшей мере, на 50% больше труда», чем французский крестьянин того же времени²²⁷. Макгоуэн отмечает, что Македония оказывалась в зависимости от нараставшего пеонажа — закрепление через долг, через урожай с огорода. Макгоуэн применительно к Румынии и южному Подунавью также говорит о тех способах, которыми правительства сотрудничали с местными господами, «чтобы привести весь крестьянский класс, *clacasi*, к полному подчинению в результате последовательного принятия на законодательном уровне все более угнетающих условий барщины»²²⁸. А Иссави применительно к Сирии отмечает превращение крестьян-собственников в издольщиков, указывая, что товарное

²²³ См. Latham (1971, 604).

²²⁴ «Для христиан преимущества займов африканцам, несмотря на все риски [учитывая то, что эти займы поначалу делались за пределами культурных границ и юрисдикции «цивилизованных» государств — И. В.], были не только процентными платежами, но в действительности подобные займы давали заимодавцу конкурентное преимущество перед другими покупателями. Практика займов с целью обеспечения квазимонополии над предприятиями должников была предложена форпостом Королевской Африканской компании в Гамбии еще в 1688 году» (Curtin, 1975a, 303). См. тж. Martin (1972, 103).

²²⁵ Latham (1973, 29). Б.К. Дрейк фактически приписывает дельте Нигера способность обеспечивать широкую внутреннюю сеть для ее кредитной системы, созданной на базе организации Экпе, «которая, хотя и была традиционной по своему происхождению, очевидно, оказывалась способной выступать в качестве агентства по сбору долгов» (Drake, 1976, 149).

²²⁶ Newbury (1971, 97—98), см. тж. Newbury (1972, 85).

²²⁷ Stoianovich (1976, 177).

²²⁸ McGowan (1981a, 72—73).

производство вело землевладельцев к нарастающему использованию барщинного труда²²⁹. Издольщина была привычным явлением и в Анатолии.

Мы попытались выдвинуть гипотезу, что инкорпорация в мир-экономику предполагала интеграцию производственной сферы в товарные цепочки капиталистического мира-экономики, а в периоды инкорпорации эта интеграция, в свою очередь, имела тенденцию требовать создания более крупных инстанций принятия экономических решений (включая — часто, но не всегда — плантации), а также растущего принуждения рабочей силы к труду. Впрочем, иногда предлагаются сбивающие с толку контрпримеры, которые не обязательно имеют отношение к сути дела. Так происходит потому, что параллельно имело место одно второстепенное явление, которое часто в недостаточной мере отличали от инкорпорации.

Когда та или иная зона инкорпорируется в мир-экономику, это зачастую ведет к тому, что примыкающая к ней следующая зона оказывается в положении его внешней сферы, как будто существует некая рассеянная рябь экспансии. Когда была включена Индия, частью внешней сферы стал Китай. Когда были включены Балканы, Анатолия и Египет, в рамки внешней сферы вошли части территории Плодородного полумесяца. Когда была включена европейская часть России, во внешнюю сферу вступила Центральная Азия (и даже Китай). Когда была включена Западная Африка, внешней сферой стала зона западноафриканской саванны.

С точки зрения капиталистического мира-экономики, внешняя сфера была зоной, от которой капиталистический мир-экономика хотел получать товары, но которая сопротивлялась (возможно, в культурном аспекте) импорту мануфактурных товаров в обмен на свою продукцию и была достаточно сильна в политическом отношении, чтобы сохранять свои преференции. Европа закупала чай в Китае с начала XVIII века, но не находила никакой иной приемлемой формы оплаты за него, кроме серебра. Инкорпорация Индии дала Британии определенные альтернативы, которые были для нее более выгодны и при этом приемлемы для Китая. Таков был исток той схемы, которая получит название индийско-китайско-британской трехсторонней торговли.

Трехсторонняя торговля была изобретением Ост-Индской компании. Еще в 1757 году она начала поставлять бенгальское серебро для приобретения чая в Китае²³⁰. На протяжении следующих 70 лет закупки компании в Китае (90% которых составлял чай) увеличились впятеро²³¹. Их стоимость в серебре была бы слишком высока, и компания оказалась в ситуации, когда обстоятельства вынуждали ее каким-то образом избежать этого²³². Имелось решение,

²²⁹ Issawi (1966, 236).

²³⁰ Sinha (1956, I, 222). В этот момент (в 1772—1774 годах) британцы также стали проникать в Тибет, «чтобы держать открытым наземный путь в Китай» (Hyam, 1967, 124). Это было необходимо, поскольку его закрытию угрожали гуркхи. См. Marshall (1964a, 17).

²³¹ Chung (1974, 412).

²³² «Амбициозных владельцев [британских] мануфактур раздражало, что индийские и китайские товары импортируются в Лондон в большом количестве наряду с

которое одновременно убивало двух зайцев. С одной стороны, как мы уже видели, в Индии сокращалось мануфактурное производство хлопковых тканей, которые прежде нашли для себя рынки в Западной Европе и, конечно, в различных частях Индийского субконтинента. Теперь эти ткани замещались английским текстильным импортом. Однако этот процесс породил проблему: что делать с индийским производством хлопковых тканей? — ведь в тот момент отправлять их в Европу было действительно невыгодно экономически. Однако оказалось, что Китаю требовалось больше хлопка-сырца, причем, в отличие от индийских мануфактур, китайские не экспортировали свою продукцию в Европу и поэтому не представляли из себя конкурентной угрозы. Тем самым индийский хлопковый экспорт в Китай обеспечивал подходящий рыночный канал сбыта²³³ с точки зрения Британии и одновременно устранял необходимость в вывозе в Китай британского серебра²³⁴.

Тем не менее экспорт хлопка создавал определенную проблему, поскольку Китай сам производил хлопок, так что импорт из Индии был просто дополнением к собственным объемам. Цена на индийский хлопок в Китае варьировалась в зависимости от объема собственного ежегодного урожая. Это делало доходы от импорта хлопка нестабильными и вело к тому, что в Китае Ост-Индская компания предпочитала действовать как комиссионный агент, а не как принципал, и перемещать экономическое бремя колебания урожаев на китайскую купеческую гильдию (Хонг) посредством долгосрочных контрактов. Особенно трудными были 1820-е годы, поскольку китайский спрос снижался²³⁵.

Но затем британцы нашли замену хлопку — опиум, который выращивался в Малве и Бенгалии. Хотя теоретически китайский император запрещал его импорт, сочетание «корруппированной мандаринской бюрократии и слабого флота» открывало китайские порты для опиумной торговли²³⁶. Уровень импорта стал столь высок, что исходная ситуация оказалась диаметрально противоположной: Китай начал *экспортировать* серебро, чтобы платить за

соответствующим экспортом, и вина за это возлагалась исключительно на лондонскую штаб-квартиру Ост-Индской компании» (Harlow, 1964, II, 489). Многие были убеждены, что монополистические практики компании ограничивали расширение коммерческих связей частными торговцами.

²³³ «К 1789 году экспорт хлопка-сырца из Гуджарата в Бенгалию прекратился в любых количествах, но вместо этого он направился в больших объемах в Китай. Масштабный рост этой торговли начался около 1784 года, когда питтовский Коммутационный акт [о пошлинах на чай] вынудил Ост-Индскую компанию значительно увеличить закупки чая в Кантоне» (Nightingale, 1970, 23). См. тж. Mui & Mui (1963, 264).

²³⁴ Если Синха (Sinha, 1956, I, 222) относит прекращение экспорта серебра в Китай примерно к 1790-м годам, то Майкл Гринберг (Greenberg, 1951, 10) приводит другую дату — 1804 год. Маршалл утверждает, что к концу XVIII века рост индийской торговли [с Британией стал] необъясним без соотношения со спросом и возможностями, которые создавал Кантон (Marshall, 1964a, 16).

²³⁵ См. Greenberg (1951, 80—81, 88).

²³⁶ Greenberg (1951, 111). В то время как прибыли от торговли хлопком были низкими и нестабильными, «ни один товар не мог быть столь же прибыльным, как опиум, который требовал мало капиталовложений» (Chung, 1974, 422). См. тж. Sinha (1970,

опиум. В 1836 году император попытался ввести запрет на опиум более серьезными мерами, что привело к Опиумной войне 1840 года, и вместе с мирным договором 1842 года Китай сам стал на путь включения в мир-экономику²³⁷. Хотя это уже другая история.

Инкорпорация Индии в мир-экономику произвела изменения в ее производственных моделях (упадок хлопковых мануфактур), что создало проблемы для производителей хлопка в Гуджарате, которые были разрешены путем нахождения канала сбыта во внешней сфере (в Китае). То же самое произошло в Западной Африке (в конечном итоге это привело к прекращению работорговли), что создало проблемы для территорий, продающих рабов. Некоторые из них перепрофилировались на производство товарной продукции, которая продавалась в капиталистическом мире-экономике, другие же в тот момент времени по различным причинам оказались неспособны сделать это и нашли для себя новые каналы сбыта для новой продукции в новой внешней сфере — саванне Западной Африки.

Под сахарской торговлей понимается торговля в саванне, или зоне Сахеля, в Западной Африке — к югу от Магриба и к северу (западу) от лесной и прибрежной зон Западной Африки. Между 1820 и 1875 годами объем сахарской торговли претерпевал «возрождение» и «быстрый рост»²³⁸. Ашанти, в конце XVIII века крупное работорговое государство в лесной зоне, существенно увеличило свой экспорт ореха колы на север, в территории племен хауса, в качестве «реакции правительства Ашанти на упадок атлантической работорговли в начале XIX века»²³⁹. Однако наиболее значимое изменение происходило в самой зоне саванны — оно было отмечено двумя главными явлениями: заметным расширением крупных движений исламского реформизма и экспансионистского государствовоительства (наиболее примечательными примерами были Усман дан Фодио, Эль-Хадж Омар и Самори⁴⁰) и в равной степени заметным ростом рабства.

В случае исламских движений история, по сути дела, начинается с возрождения суфийских орденов во всем исламском мире в конце XVIII века, что, несомненно, было связано с ощущением угрозы, которую несли

27). К 1821 году опиум опередил чай в качестве главной статьи трехсторонней торговли (Chung, 1974, 420), а к 1840 году индийский экспорт опиума в Китай более чем в три раза превосходил индийский экспорт хлопка (Fay, 1940, 400). См. тж. Owen (1934, 62).

²³⁷ См. Greenberg (1951, 141, 198—206, 214).

²³⁸ Meillassoux (1971a, 13, 57). Этот процесс достиг пика в 1870-х годах. В стоимостном выражении объем сахарской торговли был равен объему торговли пальмовым маслом в прибрежной Западной Африке в 1860-х годах. См. Newbury (1966, 245).

²³⁹ Wilks (1971, 130). Связи хауса с побережьем начались еще в начале XVIII века (Colvin, 1971, 123), но в XIX веке они значительно усилились.

²⁴⁰ См. Martin (1976, 2—3).

²⁴¹ Например, Шарль Бекер и Виктор Мартен, описывая ситуацию в Кайоре и Боале (на территории современных Сенегала и Мали), отмечают: «Существовала сильная связь между работорговлей и беспорядками во внутренних районах, которые настойчиво описываются в источниках» (Becker & Martin, 1975, 272). См. далее: «Изучение этого

европейская (христианская) экспансия, и упадком трех исламских политических образований того времени — империй Великих Моголов, Сефевидов и Османов²⁴⁰. В Западной Африке последующую основу этому ощущению беспокойства, несомненно, придала продолжавшаяся дестабилизация ее внутренних территорий, вызванная атлантической работорговлей²⁴¹. Крупные религиозные движения не могли ограничиваться просто инструментальной политикой, как на этом настаивали столь многие комментаторы²⁴². Однако очевидно и то, что политические трансформации (а именно это несли с собой религиозные движения) можно объяснить только в более масштабном контексте социальных и экономических трансформаций. Чуть ниже мы рассмотрим эти изменения сами по себе, а пока сосредоточимся на экономических изменениях.

Почему рабство столь заметно разрасталось в саванне именно в это время? Ответ в некотором смысле прост. Спрос на рабов увеличивался как в прилегающих регионах (и к северу, и к югу), так и в самой саванне²⁴³. Источники этого спроса к югу от зоны саванны уже описаны выше. Рост крупномасштабного производства создавал «трудоемкие экономики, которые опирались на возрастающее количество рабов»²⁴⁴. Экспорт рабов на север, в Триполи и далее — в Египет, Кипр и Константинополь, в сравнении с XVIII веком удвоился. Это происходило благодаря «бумовой» экономической природе XIX века. Тем не менее эта торговля в основном шла рабами женского пола, тем самым

крестьянского сопротивления... демонстрирует, что прежде всего это был не вопрос внутренних политических проблем, а специфические реакции на последствия участия вождей в атлантической работорговле. Целью этих восстаний было покончить с «маро-дерством» и охотой за рабами» (pp. 291—292, сн. 31).

²⁴² Мэрилин Уолдмен (Waldman, 1965) описывает, как Усман дан Фодио привлекал поддержку, собирая воедино много разных мотивов, лишь одним из которых был фактор сопротивления угнетенным рабам, который акцентирует Томас Ходжкин (Hodgkin, 1960, 80). Мюррей Ласт (Last, 1974, 10) настаивает, что крестьяне и торговцы были «слабо вовлечены» в джихад. Однако Мервин Хискетт (Hiskett, 1976, 136—139) перечисляет социальные и экономические основания джихада, в том числе «насильственный процесс порабощения» и обесценивание раковин каури, вызванное притоком на побережье европейских раковин.

Что касается Эль-Хадж Омара, который появился 75 лет спустя, то Б. Олорунтимехин (Oloruntimehin, 1974, 351—352) критикует утверждение Жана Суре-Каналея (Suret-Canale, 1961, 191—192), что этот лидер мобилизовал своих последователей на основе антиаристократической борьбы, настаивая на «религиозном факторе». Напротив, Ласт утверждает, что борьба Эль-Хадж Омара с французами «не была центральным моментом для джихада» (Last, 1974, 21). Хискетт вновь более терпимо относится к социальному аргументу, но лишь в некоторой степени. Джихад, по его словам, «происходил на высокой волне французского колониального проникновения в Западную Африку и, как следствие, часто представлялся движением африканского сопротивления против европейского колониализма. Подобную интерпретацию нельзя считать совсем непродуктивной, однако она слишком проста» (Hiskett, 1976, 155).

²⁴³ См. Lovejoy (1979, 42).

²⁴⁴ Tambo (1976, 204). В качестве главного источника рабов для Бенинского залива и Биафры в это время Тамбо рассматривает халифат Сокото.

приобретение рабов по-прежнему сохраняло характер расходов на домашние предметы роскоши²⁴⁵.

Наконец, значительное количество рабов сохранялось для использования в зоне саванн на новых плантационных территориях, где велось производство для региональной экономики²⁴⁶. В некотором смысле цепная реакция на инкорпорацию прибрежной Западной Африки в зоне саванн в XIX веке стала причиной того же самого явления, которое имело место на побережье, когда оно в начале XVIII века все еще было частью внешней сферы: рост работорговых государств и расширение использования рабов для локально-регионального производства.

Инкорпорация в мир-экономику необходимым образом означает включение соответствующих политических структур в межгосударственную систему. Это означает, что «государства», которые уже существуют в данных территориях, должны либо сами трансформироваться в «государства внутри межгосударственной системы», либо им на смену придут новые политические структуры, которые примут данную форму или же будут поглощены другими государствами — уже внутри межгосударственной системы. Тонкое действие интегрированного разделения труда не может функционировать без определенных гарантий возможности постоянных трансграничных потоков товаров, денег и людей. Эти потоки не обязательно должны быть «свободными» — в действительности они едва ли вообще бывают такими. Однако речь идет о том, что государства, налагающие ограничения на эти потоки, действуют в рамках определенных правил, которые в определенном смысле насильственно внедрены коллективом государств-членов межгосударственной системы (хотя на практике всего лишь несколькими более сильными государствами).

С точки зрения существующей межгосударственной системы, идеальной ситуацией в территории, которая претерпевает инкорпорацию, является наличие государственных структур, которые ни слишком сильны, ни слишком слабы. Если они слишком сильны, то они могут оказаться способными предотвращать необходимые трансграничные потоки, исходя из иных соображений,

См. тж. Klein & Lovejoy (1979, 197): «В лесных зонах крупномасштабное производство в XIX веке также было повсеместным. Плантации располагались вокруг Кумаси в Ашанти, многие тысячи рабов использовались в золотых рудниках... В государствах Дагомея и Йоруба правительства в равной степени были вовлечены в крупномасштабное производство, которое зависело от рабского труда и в сельском хозяйстве, и в торговле... В новых сельскохозяйственных землях на северо-востоке страны Игбо повсеместно распространились плантации батата. В то время как в центральной Игбо произрастали пальмовые деревья, северные рубежи этой страны становились важным источником продовольствия. Аналогичная модель возникала в ближайшем хинтерланде Калабара».

²⁴⁵ Austen (1979, 60—61, таблица 2.7). А. Боахен (Boahen, 1964, 128) оценивает долю женщин среди рабов в 60%, а детей до 10 лет в 10%, утверждая, что мужчины использовались в основном в качестве внуков. См. тж. M'Bokolo (1980).

²⁴⁶ См. Lovejoy (1979, 1267—1268; см. тж. Lovejoy, 1978). Об аналогичном явлении далее на запад в зоне саванн сообщает Клод Мельясу (Meillassoux, 1971b, 184—186).

нежели накопление капитала в мире-экономике. А если они слишком слабы, то они могут оказаться не в состоянии препятствовать другим агентам вмешиваться в эти потоки на своей территории. В конце процесса инкорпорации можно ожидать появления таких государств, которые включены в нормальные дипломатические и финансовые взаимосвязи существующей межгосударственной системы — внутренне (если их бюрократии достаточно сильны, чтобы определенным образом напрямую влиять на производственные процессы) и внешне.

Предполагаемая данным процессом трансформация блестяще уловлена Мельясу в его описании отношений государств Западной Африки к торговцам в XIX веке:

«Торговля [не была] признана каким-либо явным образом чем-то, что повсеместно поощрялось существующими государственными системами. Милитаризм последних противостоял пацифизму торговцев... Путешественники XIX века отмечают, что самые опасные регионы, которых избегали караваны, находились на территории наиболее централизованных государств из-за войн, которые они вели друг с другом...

Государство начинает играть положительную роль в продвижении торговли, когда средства его администрации (транспорт, валюта, общественный порядок) сами становятся средствами торговли. Эта тенденция ведет к интеграции торговца в качестве подданного государства и ликвидирует его статус „чужестранца“. Главным образом этот феномен обнаружится на побережье Гвинейского залива, где преобладала работорговля»²⁴⁷.

Когда определенная зона оказывается включенной в мир-экономику, ее трансграничная торговля становится для последней «внутренней» и прекращает быть «внешней» по отношению к ней. В результате торговля превращается из громадного риска в нечто поощряемое и защищаемое межгосударственной системой. Именно об этом сдвиге мы и говорим.

Конечно, предшествующая политическая ситуация в четырех рассматриваемых регионах вполне различалась. Поэтому детали прочих необходимых политических трансформаций были существенно иными. Тем не менее, как мы увидим, результаты в конце процесса инкорпорации оказались менее отличающимися, чем его исходные точки, хотя частные особенности каждого региона полностью никогда не стирались.

Начнем анализ рассматриваемого периода с Османской империи. Уже начиная с неудачной осады Вены в 1683 году она оказалась под постоянным давлением со всех сторон. Череда войн, в первую очередь с Австрией и Россией, на протяжении XVIII, а затем и XIX века привела к медленной, но последовательной утрате территорий (окончательным результатом этого процесса станет появление Турецкой Республики в ее нынешних границах, которые главным образом свелись к Анатолии, первоначальному ядру Османской империи). На протяжении долгого времени уступка территорий Османской империей сопровождалась постоянным ослаблением ее способности политически

²⁴⁷ Meillassoux (1971a, 74).

контролировать свои владения при помощи тех институтов, которые были созданы в период ее экспансии. В частности, османское государство испытало серьезное сокращение возможностей контролировать средства производства, обращения, насилия и управления²⁴⁸.

Конец территориальной экспансии империи был суровым ударом по краеугольному камню ее структуры — системе тимаров, в рамках которой новоприобретенные земли распределялись между чиновниками среднего звена (сипахами), выступавшими в качестве местных представителей центральной власти, в частности, в качестве сборщиков налогов. В то же самое время, когда государство теряло способность награждать своих вассалов земель, происходил длительный упадок еще одной его функции — поддерживать уровень своих доходов. Отчасти это происходило в результате инфляции цен (под воздействием пребывания во внешней сфере капиталистического мира-экономики в качестве получателя из него притока серебра), а отчасти в результате изменения некогда доходных торговых путей (в силу роста новых сетей европейского мира-экономики в Атлантическом и Индийском океанах в XVI—XVII веках). Для решения данной проблемы османское государство обратилось к откупу налогов, что в конечном итоге вылилось в квазиприватизацию имперской земли.

Одновременно происходило снижение детального контроля над торговой активностью через специальный свод установлений, так называемую хисбу. Способность государства контролировать все торговые транзакции с целью первоочередного обеспечения центра империи привела к установлению системы, в рамках которой в империи легко обращались европейские валюты и широко распространилось заимствование денег бюрократией.

В военной сфере империя стала отставать от европейцев еще в конце XVII века. Чтобы справиться с этим, центральное правительство поручило управляющим провинций создавать наемные воинские подразделения (так называемые *секбаны*) и увеличивало собственные наемные силы (янычаров). Учитывая растущие финансовые трудности, рост наемных воинских подразделений в долгосрочной перспективе попросту означал рост численности их служащих — сложно контролируемых и беспокойных.

Наконец, империя столкнулось с растущей мощью провинциальных чиновников и местных нотаблей (*аянов*), поскольку откуп налогов давал им доходы, а подразделения секбанов — военную силу²⁴⁹. К моменту подписания «катастрофического мирного договора»²⁵⁰ в Кючук-Кайнарджи в 1774 году, который последовал за поражением в войне с Россией, аяны стали «фактическими правителями различных территорий» и оказались в состоянии «оспаривать власть»²⁵¹.

²⁴⁸ Гораздо более детально этот предмет рассмотрен в: Wallerstein & Kasaba (1983, 338—345).

²⁴⁹ О подъеме аянов как процессе, производном от упадка тимаров, см. Sucéska (1966).

²⁵⁰ Heyd (1970, 355).

²⁵¹ Karpat (1972, 355).

Этот подъем региональных властей происходил внутри Османской империи повсеместно — в Румелии (Балканы), на территории Плодородного полумесяца, в Египте и в Северной Африке. Наиболее выраженную форму он принял в Египте, который фактически отделился при Мухаммеде Али — его де-факто новое государство возникло после вторжения Наполеона. Однако автономия Египта была не просто производной от внутреннего упадка Османской империи, ставшего необходимым условием этого. Если бы имел место только этот фактор, Мухаммед Али преуспел бы в создании новой мощной контримперии. В контексте процесса инкорпорации это отделение стало исходно возможным благодаря мировой войне между Британией и Францией, однако позже Британия на протяжении более чем 40 лет ограничивала способность Мухаммеда Али консолидировать эту новую имперскую структуру²⁵².

Поразителен и подъем фактических «автономий» на Балканах. К концу XVIII века османский контроль над балканскими провинциями стал «чисто номинальным»²⁵³. Такие фигуры, как Пазваноглу Осман-паша в Сербии и Али-паша в Янине²⁵⁴, стали «полунезависимыми». Конечно, их главной опорой был класс крупных землевладельцев, однако в равной степени они получали поддержку от местных торговых классов, которые «были всячески заинтересованы в создании сильной государственной структуры, способной сдерживать анархию, что более была не в состоянии делать Высокая Порта»²⁵⁴. Однако возникающие сильные структуры создавались в рамках единиц среднего размера, более крупных, чем имперские санджаки²⁵⁵.

Реформы султана Махмуда II имели целью прекращение этой фрагментации центральной власти — в конечном итоге, султан оказался в состоянии упразднить и аянов, и янычаров²⁵⁵. Его достижение заключалось в том, что он «основал абсолютную монархию, поддержанную централизованной бюрократией, и государственную армию, набранную из простолюдинов и сформированную с новой светской и прогрессивной ориентацией»²⁵⁶. Однако у этой консолидации была своя цена. В длительной перспективе Махмуд II в некотором смысле действительно добился успеха, создав современное «государство в рамках межгосударственной системы», но лишь внутри зоны, меньшей по размерам, чем предыдущая Османская империя.

²⁵² См. Abir (1977, 295, 309): «Во второй половине XVIII — начале XIX века авторитет и власть центральной османской администрации быстро сокращались... Мухаммед Али в Египте был исключением среди тех вали, которые пытались консолидировать свою автономию за счет центрального правительства... Его экспансию стимулировали слабость и неопределенность, которые господствовали в Османской империи. Но, к несчастью для Мухаммеда Али, это совпало с растущими британскими интересами в регионе».

²⁵³ Skiotis (1971, 219). Аяны теперь представляли «самый опасный вызов османскому государству» (Jelavich & Jelavich, 1977, 16). Об аналогичном явлении на территории Плодородного полумесяца см. Hourani (1957, 93—95).

²⁵⁴ Buda (1972, 102). Об аналогичном общем основании местной власти (землевладельцы и торговцы) в Дамаске, Алеппо и Святой земле см. Hourani (1968, 52—54).

²⁵⁵ См. Karpas (1972, 243—256).

²⁵⁶ Berkes (1964, 92).

Попытки реформ и децентрализации, предпринятые Махмудом II в начале XIX века, стали «непосредственной причиной греческого восстания»²⁵⁷, первого успешного примера полного отсоединения от Османской империи. Несмотря на то, что греческий случай фактически примет классическую националистическую форму, выстроенную вокруг общего языка и вероисповедания²⁵⁸, его более широкую базу — сопротивление османской децентрализации — можно оценивать по той важной роли, которую «болгары» играли на раннем этапе этого процесса, как в греческой войне за независимость, так и в политическом сопротивлении в Румынии²⁵⁹.

Именно в этом контексте (попытки сдерживания упадка централизованной власти и предотвращения военного давления) Османская империя стала «первой нехристианской страной, принявшей участие в европейской государственной системе и первой страной, безусловно принявшей ее формы дипломатии»²⁶⁰. Хотя первый западный дипломат, англичанин Уильям Харборн, прибыл в Стамбул еще в 1583 году²⁶¹, в то время османская обособленность и презрение к европейским государствам все еще были неукротимы и в целом сохранялись таковыми до конца XVIII века. Тем не менее Карловацкий

²⁵⁷ Braude & Lewis (1982, 19). См. далее: «В конце XVIII — начале XIX веков греческие морские и торговые сообщества впечатляюще процветали. В некоторые решающие годы Революционных и Наполеоновских войн османский флаг оставался нейтральным, что давало им значительные коммерческие преимущества. Рыхлая и децентрализованная администрация Османской империи в этот период дала им благоприятную возможность управлять своими собственными административными, политическими и даже военными институтами. Местные правители и династии, управлявшие большей частью Греции, были в основном мусульманами. Однако они управляли главным образом греческими княжествами, их обслуживали греческие министры и посредники, они даже набирали греческие войска. Поэтому попытки Махмуда II восстановить прямую власть османского центрального правительства в итоге представляли собой резкое сокращение свобод, которыми греки уже пользовались».

Следует отметить, что Махмуду II потребовалось некоторое время, чтобы воплотить свои реформистские схемы. Поскольку в момент его прихода к власти в 1807 году большую роль сыграл рушукский аян Алемдар Мустафа-паша, Махмуд II фактически начал свое правление с издания в 1808 году Хартии об альянсе ("Senedi İttifak"), которая предоставляла аянам значительную свободу в их владениях в Румелии и Анатолии. Кемаль Карпат рассматривает этот документ как «жест унижительной уступки» (Karpat, 1974, 245).

²⁵⁸ См. Dakin (1973, 56).

²⁵⁹ См. Todorov (1965, 181).

²⁶⁰ Hurewitz (1961a, 455—456; 1961b, 141). См. далее: «Поэтому осознание Османами полной дипломатической взаимозависимости с Европой представляло собой значительный шаг в направлении трансформации европейской государственной системы в мировую систему».

²⁶¹ См. Anderson (1984, xv).

²⁶² Участник Карловацких переговоров венецианец Карло Руццини отмечал специфические изменения в методах ведения переговоров османской стороной. Он подчеркивал признание ими «равенства участников», их стремление подчинять различия «методу» и их «осмотрительность в переговорных формальностях». Однако это был не

мир 1699 года, ставший первым шагом османского территориального отступления в Европе, обозначил начало, по меньшей мере, эпизодических уступок в торговых отношениях и признании определенных правил, а следовательно, и в новом подходе Османов к дипломатии²⁶².

Аналогичную эволюцию начинала претерпевать роль «консула». Изначально так называемые капитуляции представляли собой привилегии, дарованные иностранным нациям, принадлежащим к немусульманскому религиозному сообществу (*миллету*), представителем которого был консул. Еще в 1634 году султан «назначил» французского посла без ожидания согласия Парижа. Однако, как только в 1683 году началось территориальное отступление Османов, капитуляции стали предметом торговли Высокой Порты за «дипломатическую поддержку» со стороны одних европейских держав против других²⁶³. В 1740 году французы получили именно такое вознаграждение за помощь в мирных переговорах с русскими в Белграде в 1739 году²⁶⁴, что привело к значительному росту французской торговли с Османской империей²⁶⁴.

Однако в этом новом соглашении с Францией более важно то, что Османы переопределили смысл «капитуляций», расширив свидетельства защиты (*бераты*) за рамки иностранных граждан на немусульманских османских подданных, которые теперь оказывались под эгидой иностранного консула²⁶⁵. Результатом этого станет глубокое изменение общего социального состава торговых классов — от ситуации, когда мусульмане были «либо большинством, либо малочисленным меньшинством» в большинстве регионов, к такому положению дел, когда в финансах, промышленности и внешней торговле первенство получают немусульмане (греки, армяне, евреи, левантийцы), связанные через капитуляции с иностранными консулами²⁶⁶.

идеальный образ Османов. Они стремились «убедиться в том, что ни один из союзников не сможет объявить изменения в „старинных“ процедурах переговоров о предписании условий» (Abou-el-haj, 1974, 131, 134).

Согласно Карловацкому договору, Османы оставляли Венгрию и Трансильванию, признавали завоевание Мореи и Далмации, возвращали Подолье и (в 1702 году) Азов (см. Sugar, 1977, 200). Это означало необходимость демаркации границ — данный процесс завершился к 1703 году. Подвижные рубежи больше не были легитимны, а «стабилизация» границ требовала готовности со стороны [османского] государства налагать прямые ограничения на отдельные части фронта [крымцев (Tatar)] до тех пор, пока не произойдет изменение их образа жизни» (Abou-el-haj, 1969, 475).

²⁶² İnalçik (1971, 1180, 1185).

²⁶⁴ См. Paris (1957, 93—101). Однако, когда в 1768—1789 годах Франция больше не могла оказывать действенную поддержку против австро-российского наступления, торговые связи с ней сократились, а в качестве торгового партнера начала выдвигаться Англия (см. pp. 104—106).

²⁶⁵ См. Hodgson (1974, III, 142).

²⁶⁶ Issawi (1982, 262). Миллеты были важны даже в сельском хозяйстве, несмотря на главенство мусульман (турок в Анатолии, арабов в Западной Азии), особенно в выращивании хлопка, который стал «наиболее быстро растущим сегментом сельского хозяйства» (p. 263).

Когда Кючук-Кайнарджийский мирный договор навязал Османам тот «горький факт», что они больше были не способны к самостоятельной военной защите без чьей-либо помощи, они «сделали очевидный вывод», что им необходимо интегрироваться в «сложный механизм» европейской межгосударственной системы²⁶⁷. В правление Селима III (1789—1807) Османская империя проделала первый «эксперимент с взаимной дипломатией»²⁶⁸, в то же самое время стремясь «сократить злоупотребления» в управлении капитуляциями. Однако последнему усилию успешно противостояли европейские посланники и консулы, «видевшие в каждой реформе лишь новую попытку сократить доходы», которые они и защищаемые ими купцы получали благодаря этим «злоупотреблениям»²⁶⁹.

Эта новая атмосфера не удержала европейские державы от предоставления поддержки децентрализующим тенденциям внутри империи. Бонапарт вторгся в Египет, тем самым определенно покончив с запасом терпения *Ancien Régime*, который опасался, что подобное вмешательство лишь поспособствует преимуществу России и Британии²⁷⁰ (чем в действительности эта акция и

²⁶⁷ Heyd (1970, I, 356). Х. Джибб и Харольд Боуэн утверждают, что до этого времени лидеры правящего класса Османской империи не ощущали своей причастности к Европе: «Лишь пережитый опыт двух бедственных войн (1767—1774 и 1788—1792 годов) привел к изменению этого отношения» (Gibb & Bowen, 1950, 19).

Помимо военных последствий Кючук-Кайнарджийского мира, Карпат напоминает о его экономических результатах: «Открытие Черного моря для русских в результате Кючук-Кайнарджийского и Ясского договоров 1774 и 1792 годов, помноженное на утрату территории вдоль северного побережья Черного моря, лишило османское государство его масштабной экономической базы. Черное море было исключительно османской торговой зоной, которая компенсировала французское и британское превосходство в средиземноморской торговле» (Karpat, 1972, 246).

²⁶⁸ Hurewitz (1961a, 460). В 1792 году было отправлено первое заграничное посольство — логичным выбором была Франция. «Однако, по размышлению, это пугало тем, что данный шаг оскорбит те европейские государства, которые находились с Францией в состоянии войны и поэтому могли отказаться принять османских посланников» (Naff, 1963, 303). Так что вместо этого посольство было открыто в Лондоне, а вслед за этим в Вене (1794), Берлине (1795) и, наконец, в Париже (1796). См. тж. Shaw (1971, 187—189, 247—248).

Дипломатическая взаимность предполагала также прекращение дурного обращения османов с послами во время аудиенций у султана. Британский посол сообщал в 1794 году, что «вместо той надменной и презрительной гордости, с которой, как говорят, прежние султаны давали аудиенцию министрам коронованных особ, я встретил со стороны правителя такой же великодушный и приятный прием, какой мог ожидать от любого государя в Европе» (цит. в: Hourani, 1957, 116).

Дипломатическая взаимность между Западной Европой и Китаем начнет реально действовать лишь в 1875 году, с Японией — в 1870 году, с Персией — в 1862 году. «Напротив, все крупные европейские державы и значительное количество более мелких держали дипломатическую миссию в Стамбуле еще до завершения XVIII века» (Hurewitz, 1961b, 144—145).

²⁶⁹ Shaw (1971, 178—179).

²⁷⁰ В 1784 году Вержен дал инструкцию французскому посланнику графу Шуазелю-Гуфьеру предложить туркам военную миссию, чтобы помочь им в «обновлении своей армии» (Roche, 1985, 84—85).

обернулась)²⁷¹. А британцы де-факто будут поддерживать греческую борьбу за независимость, которая станет лебединой песней лорда Байрона²⁷².

Реформы Селима оказались тщетными, поскольку у османской дипломатии отсутствовал организационный базис в смысле постоянной специализированной бюрократии. Это будет еще одним достижением правления Махмуда II (1808—1839)²⁷³. Как только Британия обрела отчетливый статус державы-гегемона, она сменила Францию в качестве защитника османской целостности, которая рассматривалась Британией как фактор, сдерживающий австрийские и российские амбиции и обеспечивающий жизненно важный канал коммуникации с Индией, к тому времени ставшей для британцев первоочередной заботой²⁷⁴. Однако самое главное заключалось в том, что Великобритания теперь была в состоянии навязывать Османам свои условия в качестве платы за оказание протекции их империи. Эти условия были существенными. В 1838 году, в самом конце правления Махмуда II, Британия и Османская империя подписали англо-турецкую Балталиманскую торговую конвенцию, которой непосредственно предшествовало провозглашение Мухаммедом Али в августе 1838 года независимости Египта и Сирии. Британия помогла Османской империи свести эту акцию на нет²⁷⁵, но взамен торговая конвенция «навечно» подтвердила все предшествующие привилегии в рамках капитуляций и ограничила права Османов налагать таможенные пошлины *ad valorem* [на стоимость — лат.] выше, чем 3% на импортную и транзитную торговлю и 12% на экспорт. Все монополии были прекращены, а британцы получили статус наиболее благоприятствуемой нации²⁷⁶. Британские импортеры также согласились платить 2% в пользу прочих внешних пошлин. Результатом этого была поддержка османского центра против потенциальных сецессионистов наподобие Египта.

Как соглашаются все наблюдатели, этот договор представлял собой «фактическое признание Османами свободной торговли»²⁷⁷. Его негативное

²⁷¹ «Наиболее непосредственным результатом экспедиции Бонапарта был переход Порты на сторону врагов Франции — Великобритании и России... Так что опрометчивая игра Бонапарта стоила Франции ее положения и активов на Среднем Востоке, которые создавались столетиями» (Shaw, 1971, 262—263).

²⁷² Такую же позицию займут и Соединенные Штаты. См. Earle (1927).

²⁷³ См. Findley (1980, 126—140). Тем не менее в другой работе (Findley, 1972, 399—400) Файндли воздает должное «недолговечным» новшествам Селима, поскольку они заложили последующую основу. О вкладе Махмуда II, «которому еще предстоит воздать должное», см. Berkş (1964, 92).

²⁷⁴ См. Jelavich & Jelavich (1977, 22).

²⁷⁵ Тем самым они также устраняли какую-либо дальнейшую необходимость для Османов искать помощи от России, и это подорвало Ункяр-Искелесийский договор 1833 года, который предоставил русским право требовать закрытия Дарданелл в случае войны. См. Pureyar (1935, гл. 3).

²⁷⁶ См. Pureyar (1935, 123—125).

²⁷⁷ Findley (1980, 341). Иналчик (İnalçik, 1971, 1187) говорит, что этот договор превратил Османскую империю в «полностью открытый рынок как раз в то время, когда европейская механизированная промышленность находилась в поисках точек

воздействие было огромным²⁷⁸. Помимо того, что он влиял на производственную структуру (упадок османских мануфактур), он также серьезно сокращал доходы османского государства, что в 1854 году привело к превращению Османской империи в заимствующую державу. Кульминацией этого в конечном итоге стали провал 1878 года и последующая долговая опека²⁷⁹. После 1838 года Турция стала четвертым по размеру покупателем британских товаров, а к 1846 году лорд Пальмерстон²⁸⁰ мог сообщить парламенту, что больше «нет зарубежной страны, с которой мы ведем торговое взаимодействие, где тарифы были бы столь же низкими и столь же либеральными, как в Турции»²⁸⁰.

Последний этап данного процесса озаменовали политические и административные реформы Танзимата в Гюльханейском рескрипте²⁸¹ на заре правления нового султана Абдулмеджида I — «ворота на Запад были распахнуты настежь»²⁸¹. К 1872 году инкорпорация была настолько полной, что британский подданный Дж. Льюис Фарли, служивший консулом Высокой Порты в Бристоле, мог утверждать, что *поскольку* Турция «вполне вступила в содружество наций», и *поскольку* ее административная система была «переделана», и *поскольку* она признала верховенство универсализма над сектантскими притязаниями, *постольку*, возможно, теперь некоторые из капитуляций могут быть пересмотрены²⁸². Короче говоря, они попросту больше не требовались.

На Индийском субконтиненте пересоздание политических механизмов следовало по траектории, довольно отличавшейся от той, по которой двигалась Османская империя. В последнем случае результатом к 1850 году было государство, внутренне более сильное, чем в 1750 году, но внешне более слабое и территориально меньшее по масштабам. В конечном итоге его территория окажется еще более разделенной, но при этом все государства-наследники

сбыта для своей продукции. В следующие десять лет местная индустрия пережила коллапс». Карпат (Kagrat, 1972, 247) утверждает, что конвенция дала Британии «неоспоримое сравнительное первенство в отношении местных мануфактур», что привело к фактическому коллапсу османской государственной экономики. Иссави напоминает, что возникновение этой «фактически свободной торговой зоны» было процессом в рамках одной и той же модели: «Британское правительство, а точнее, лорд Пальмерстон,... страстно стремилось спустить Мухаммеда Али с небес на землю. Более того, оно применило в Турции ту же политику, которая последует в Иране в 1841 году, в Китае в 1842-м и в Марокко в 1856-м — так называемый „империализм свободной торговли“» (Issawi, 1980b, 125).

²⁷⁸ См. Kançal (1983), однако к этому скептически относится Орхан Курмус (Kurmus, 1983).

²⁷⁹ См. Pureyar (1935, 104—105): «Мухаммед Али был прав: в долгосрочной перспективе англо-турецкая торговая конвенция больше ударяла по Турции, чем по Египту».

²⁸⁰ Цит. в: Köymen (1971, 50).

²⁸¹ Berkes (1964, 137). См. тж. Findley (1980, 163): «Похоже, что к концу 1830-х годов у реформаторов было довольно четкое понимание тех пределов, в рамках которых новаторские реформы предполагали движение в направлении рационально-правового порядка... [Свидетельством тому] — одновременное представление Мустафы Решид-паши о поддержке европейцами империи против Мухаммеда Али как о вопросе вхождения османского государства в „dans le droit européen“ [европейское право — фр.]».

²⁸² Farley (1872, 161).

Османской империи окажутся полностью участвующими в межгосударственной системе и ощущающими ее рамки. Напротив, империя Великих Моголов в 1750 году подошла к завершению процесса дезинтеграции, который продвинулся гораздо дальше, чем аналогичный процесс в Османской империи (причем несомненно, что империя Великих Моголов никогда не была такой же внутренне связанной и географически обширной, как Османская империя). Итогом инкорпорации станет полное упразднение Могольской империи к 1857 году, наряду с прочими, более мелкими политическими структурами, которые существовали на Индийском субконтиненте, и их общее замещение единой (но при этом сложной) административной единицей — Индией, которая, однако, не имела суверенитета. Именно это образование затем пойдет к независимости в XX веке в форме двух (а затем и трех) суверенных государств. Тем не менее историческая эволюция двух рассматриваемых зон между 1750 и 1850 годами демонстрирует определенные четкие параллели в (пере)создании государственных структур, которые не являлись слишком сильными или слишком слабыми и при этом полностью встроенными в межгосударственную систему.

В индийской историографии неоднократно предлагалось объяснение слабости Могольской империи в XVII—XVIII веках. Две основные версии выдвинули Ирфан Хабиб и Сатиш Чандра. Хабиб, в сущности, утверждает, что центральная администрация стремилась настолько увеличить поступления от крестьянства, чтобы можно было обеспечить военную мощь, но при этом и оставить возможности для выживания самих крестьян. Однако империя Великих Моголов, как и все подобные структуры, при сборе податей должна была полагаться на определенные группы посредников, которые существенно отличались от центральной администрации — в данном случае речь идет о так называемых *джагирдарах*²⁸³. Поскольку интересы посредников вполне отличались от интересов центральной администрации, с течением времени прослеживалась тенденция к тому, что посредники были склонны постоянно повышать уровень извлечения прибавочного продукта, чтобы больше оставлять себе. По словам Хабиба, это было «безрассудством», поскольку вело (причем, надо добавить, не только в Могольской империи, но и в других местах) к бегству крестьян с земли, вооруженному сопротивлению, сокращению земледелия, что в длительной перспективе подрывало экономическую базу имперской структуры²⁸³.

Сатиш Чандра излагает свою гипотезу несколько иначе. Он утверждает, что система совершенствовалась перед лицом «основной проблемы», состоявшей в том, что доступный прибавочный продукт был «недостаточен для оплаты издержек администрации, войн того или иного типа и обеспечения для правящего класса уровня жизни в соответствии с его ожиданиями»²⁸⁴. Атхар Али усматривает противоречие между аргументами Чандры и Хабиба, утверждая, что последний полагает, будто система мансабдарства²⁸⁵ работала слишком

²⁸³ См. Habib (1963, 319—338).

²⁸⁴ S. Chandra (1972, xvi).

хорошо, а Чандра уверяет в противоположном. Лично я не вижу здесь противоречия: процесс, который описывает Хабиб, вел к той ситуации, которую описывает Чандра. Единственный вопрос заключается в том, был ли этот процесс существенно ускорен присутствием в Азии европейцев. Ответ Атхара Али таков: учитывая отсутствие расширения производства, европейский спрос на азиатские товары способствовал росту реальных цен на данные товары на азиатских же рынках, тем самым вызывая «серьезные неполадки» в их экономиках и усиливая «финансовые сложности» правящих классов²⁸⁵. Далее этим частично объясняется усилившееся давление, о котором говорит Хабиб, что повлияет не только на прямых производителей, но и на тех, кто находился на ступеньку выше в социальной структуре. В результате, утверждает Гупта, все это привело к оттоку местного капитала, так что лицам, контролировавшим землю на местах и оказавшимся не в состоянии платить империи «запредельные суммы», часто приходилось передавать свои права на сбор податей путем их продажи или залога, хотя все это было незаконным. Таким образом, утверждает Гупта, «в последние дни правления Великих моголов возникли... необходимые условия функционирования земельного рынка в Индии»²⁸⁶.

Военная дезинтеграция Могольской империи, расширяющиеся военные действия на Индийском субконтиненте и подъем новых автономных зон к 1740-м годам, несомненно, убедили европейские торговые компании в «политических возможностях, которые открывались для дальнейшего продвижения их экономических интересов»²⁸⁷. Впрочем, одно лишь наличие «благоприятных возможностей» не означает, что они задействованы, поскольку такие возможности имеют свою цену. Политическое завоевание и прямое управление имеют много преимуществ, однако они требуют значительных финансовых расходов. Очевидно, что в связи с этим не только в 1740-х годах, но и половину столетия и даже целое столетие спустя в Великобритании было много влиятельных лиц, которые считали благоразумным уклоняться от подобных расходов. Однако, как мы знаем, они были сделаны.

Свою роль сыграла и Семилетняя война, в ходе которой Индия была важным центром франко-британского военного противостояния. Как утверждает Спизер, она дала европейцам новую «уверенность в превосходстве их вооруженных сил в индийских условиях»²⁸⁸. Кроме того, во времена

²⁸⁵ Athar Ali (1975, 388).

²⁸⁶ Gupta (1963, 28).

²⁸⁷ K. N. Chaudhuri (1982, 395). Конечно, вполне прав Фрэнк Перлин, подчеркивающий, в какой степени «благоприятные возможности» сами по себе были творением европейцев: «То состояние анархии и беспорядка, как на границах, так и в недавно приобретенных территориях, которое стимулировало британцев к столь сильному моральному раздражению и в конечном итоге оправдывало военные действия, было результатом агрессивного движения, частью которого было само это состояние — как в долгосрочной, так и в краткосрочной перспективе» (Perlin, 1974, 181). См. т.ж. Watson (1978, 63—64).

²⁸⁸ Spear (1965, 79). См. далее: «Таким образом, сила основного индийского войска была централизована, а баланс, как в классическую эпоху, приведен к небольшому чис-

Роберта Клайва мог распространяться и расширяться миф об Индии как о «земле невероятного богатства»²⁸⁹, что затмевало реальность издержек на военные и административные цели. Местными правителями того времени осознавалась связь между нарастающим включением в производственные сети мира-экономики и следующим за этим реструктурированием политических сетей — это иллюстрирует анекдот о купце из Малабара, который в 1784 году путешествовал в Каликут. Рассказывают, что он

«видел на своем пути, что все сандаловые деревья и заросли перца были срезаны. Ему сказали, что набоб [т.е. Типу Султан] строго распорядился об их уничтожении, поскольку именно из-за этих товаров с ним хотели воевать европейцы»²⁹⁰.

Как настаивает Маршалл и как демонстрирует эта история, Индия, безусловно, была «инертной жертвой, созревшей для завоевания любым европейским государством, которое решилось бы утвердить там свою непреодолимую силу»²⁹¹. А кроме того, в XVIII веке ни британское правительство, ни совет директоров Ост-Индской компании не декларировали сколько-нибудь сильного желания использовать военную силу²⁹². Однако «парадоксальным образом», как утверждает Харлоу²⁹³, действительным результатом этого было

лу отлично обученной пехоты». Конечно, в торговле в Индийском океане долго преобладала европейская морская мощь. Португальцы в XVI веке сломили мусульманскую монополию своей превосходящей военной силой, см. Boxer (1969, 46) и Chaudhuri (1981, 230). Чодхури подчеркивает «насищенность методов лузитанских экспедиций». Сэр Джошуа Чайлд в XVII веке пояснял, что Моголы не могли вступить в войну с англичанами, поскольку последние могли затем «обрушить их торговлю со всеми европейскими нациями», и тем самым Моголы обрекли бы себя на нищету и смерть (цит. в: Woodruff, 1955, 73). Ом Пракаш указывает, что голландцы могли навязать индийским торговцам систему «паспортов» (разрешений на торговлю в определенных портах и защиту от морских нападений) из-за «почти полного отсутствия у могольской Индии морской мощи» (Prakash, 1964, 47). Однако всей этой морской мощи было недостаточно, чтобы трансформировать как производство, так и политические структуры Индийского субконтинента.

²⁸⁹ Butel (1978b, 102).

²⁹⁰ Das Gupta (1967, 113). Более того, султан был абсолютно прав. Когда в 1789-м году Типу Султан напал на Траванкор, лорд Корнуоллис, выступавший за мир и упразднение Бомбейского президентства (то есть за отказ от западной Индии), изменил свою точку зрения, и к 1790-му году «эти довольно смутные идеи [Корнуоллиса] о возвращении западной Индии к ее состоянию до возвышения Майсура уступили твердой и определенной политике аннексии» (Nightingale, 1970, 58).

²⁹¹ Marshall (1975b, 30).

²⁹² «К политическим или имперским предприятиям в Индии Ост-Индская компания у себя дома относилась неодобрительно по той же самой причине, по которой в более ранний период не приветствовала открытие новых факторий, поскольку они имели тенденцию увеличивать непроизводственные издержки, не давая немедленных финансовых результатов» (K. N. Chaudhuri (1981, 230). Кроме того, как утверждает Ротермунд, «вмешательство европейских факторий в индийскую экономику было достаточно эффективным и без власти над территорией» (Rothermund, 1981, 88).

²⁹³ Harlow (1964, 1).

приобретение крупнейшей, наиболее населенной земли, когда-либо до или после предназначенной для колонизации.

Одним из соображений для этой колонизации было то, что на индийской сцене было не два, а три главных действующих британских лица. Помимо британского правительства и совета директоров Ост-Индской компании, это были частные торговцы. Более того, существовало, по меньшей мере, две их разновидности: те, которые сами были подчиненными компании, и те, которые таковыми не являлись²⁹⁴. Очевидно, что те, кто работал на компанию, оказывались в ситуации конфликта интересов: их частные интересы получали широкие возможности благодаря фактору больших расстояний и исключительной сложности действенного централизованного контроля. Кроме того, представляется очевидным, что реализация этих частных экономических интересов зачастую приводила подчиненных компании к использованию своей власти для политического давления на индийские государства. Как утверждает Маршалл, «они стремились использовать [свое военное господство] для извлечения уступок у индийских правителей, и в результате накопление подобных уступок приведет к ослаблению и фактическому разрушению этих государств»²⁹⁵.

Это движение к политическому контролю не обходилось без значительных споров в рамках самой компании. В 1770—1780-е годы именно это и было ядром разногласий между так называемыми фракциями Хейстингса и Френсиса²⁹⁶. Однако на деле даже те силы, которые были против участия в политическом контроле, относились к этому не без двусмысленности. Например, две указанные фракции, конечно же, выступали за аннексию Ауда²⁹⁷, относившегося к внутренним территориям Индии, что, наконец, и проделал Уэлсли²⁹⁸ в 1801 году. Однако у противников интеграции были экономические планы, не менее четкие, чем у тех, кто стремился присоединить Индию. Как утверждает Маршалл,

«свободная торговля — это игра, которая требует больше игроков, чем один. Если бы европейцы хотели отбросить свое политическое влияние, чтобы подерживать свою торговлю, они бы поняли, что визирия [Ауда] необходимо убедить ликвидировать те условия, которые, по их мнению, делали необходимым использование политического воздействия»²⁹⁹.

В конечном итоге, между компанией и торговцами установились компромиссные отношения. Последним часто требовалось прибегать к «национальной протекции», а в равной степени им требовалось подтверждение

²⁹⁴ В действительности картина является еще более сложной. Уотсон (Watson, 1980a, 81) различает пять типов частных торговцев: чиновники самой Ост-Индской компании, командиры и моряки индийско-европейских кораблей, свободные купцы-резиденты на Востоке, посредники и индийские банкиры и купцы, нанятые компаний.

²⁹⁵ Marshall (1975b, 43).

²⁹⁶ См. Embree (1962, 62). Фракция Хейстингса, конечно, обладала политической силой не только в Индии, но и в Британии. См. Philips (1961, 23—24).

²⁹⁷ Marshall (1975a, 470).

кредитоспособности (credit rating), которое предоставлялось самим фактом присутствия компании. Впрочем, они, в свою очередь, использовали инфраструктуру компании, платили пошлины и стимулировали торговлю. «Доход, получаемый от таких „невидимых“ статей, как дисконты на переведенные активы, платежи за разрешения, заявленный ущерб, фрахт и пошлины на запрещенные товары, — все это помогало обнулять возникавшие время от времени эксцессы». Все это складывалось в «сложные» и «амбивалентные» отношения²⁹⁸. Поэтому данные интересы частных торговцев могли исчезнуть лишь в том случае, если бы сначала компания, а затем британское правительство взяли на себя невыполнимые обязательства.

Но по-прежнему остается только догадываться, почему в определенные ключевые моменты тормозные рычаги не использовались более жестко. Я полагаю, что мы можем рассмотреть данный вопрос применительно к двум промежуткам — с 1757 по 1793 годы и начиная с 1793 года. Факт заключается в том, что политическое приобретение Бенгалии оказалось вполне прибыльным непосредственно в обсуждаемый период. Отток драгоценных металлов из Бенгалии прекратился, а поскольку кусковой хлопок и другие товары по-прежнему поступали в Британию, понятно, что за них платились некие суммы, и этими суммами должны были выступать государственные доходы. В самом деле, как мы знаем, бенгальское серебро стало утекать в другие президентства и финансировать их завоевание и управление²⁹⁹. Поскольку это происходило в момент значительного финансового напряжения британского государства (как и французского) в период после Американской революции, вливание доходов с Индийского субконтинента не могло не приветствоваться или остаться незамеченным. Эту ситуацию вполне удачно обобщают Кейн и Хопкинс: «Грабеж после Плесси не стал началом промышленной революции, но действительно помог Британии выкупить у голландцев национальный долг»³⁰⁰. Короче говоря, обоснование прямой колонизации краткосрочными факторами имело тенденцию перевешивать те негативные моменты в среднесрочной перспективе, которые в ином случае могли направлять принятие политических решений в Лондоне.

Ключевым фактором было соперничество с Францией. Несомненно, отчасти это была вражда в прямом смысле слова, которая обычно и имеется в виду, то есть конкуренция за контроль над новой периферийной зоной мира-экономики. Однако в данном случае необходимо подчеркнуть, что это было более справедливо для Британии, чем для Франции, учитывая их различные геополитические стратегии в мире-экономике, особенно после

²⁹⁸ Watson (1980a, 179, 189). Далее Уотсон указывает, что английский «национальный интерес всегда присутствовал» в торговле Ост-Индской компании с самого ее начала. «Значительное публичное участие в Ост-Индской компании после 1708 года отразало силу этой убежденности в Англии» (p. 361).

²⁹⁹ См. Bagchi (1976c, 248), Ganguli (1965) и Arasaratnam (1979, 27). Н.К. Синха утверждает, что «серебряный запас Бенгалии 1757 года не только не был пополнен, но его большая часть утекла различными способами» (Sinha, 1956, 14).

³⁰⁰ Cain & Hopkins (1980, 471).

1763 года³⁰¹. Однако соперничество, по большей части, возможно, было ключевым фактором лишь косвенным образом — оно позволяло Британии разрешить финансовый кризис 1780-х годов, а Франция, наоборот, преодолеть его не смогла — этот факт мы уже рассматривали с точки зрения его связи с Французской революцией. Как мы видели, окончательный итог третьего раунда англо-французского соперничества вел к окончательному освящению британского экономического первенства.

Поэтому дилемма, перед которой оказались и совет директоров Ост-Индской компании, и британское правительство, была очевидной. Не будучи в восторге от ползучего политического господства, к которому шло дело, они в то же время удерживались от того, чтобы ударить по тормозам, придя к пониманию, что у британского правительства был только один выбор — переходить к более прямолинейному действию. Именно таким было решение Питта, которое и было реализовано в действительности. Как утверждает Харлоу, сотрудники Ост-Индской компании, выйдя из-под контроля, представляли «угрозу для компании», поэтому их необходимо было «трансформировать в квазичиновников»³⁰². Нравилось это или не нравилось (а в действительности именно не нравилось), совет директоров компании не мог сделать это самостоятельно, и в процесс пришлось включиться британскому государству. Четкую цель на тот момент сформулировал лорд Стормонт: «сильное правительство в Индии, подчиненное проверке и контролю со стороны еще более сильного правительства метрополии»³⁰³. И британцы это получили. Вместе с Актом Питта об Индии 1784 года³⁰⁴ и реформами лорда Корнуоллиса в последующем

³⁰¹ Эту разницу улавливает Люты, описывая отношения французской Индийской компании с французским правительством: «Для французских политиков Индия представляла собой просто отвлечение средств, от которого можно было легко отказаться, если оно не было успешным либо оказывалось слишком дорогостоящим... Конечно, начиная с войны за Австрийское наследство и вплоть до Наполеоновских войн, когда игра для Франции уже давно была проиграна, в каждом новом конфликте возникали французские агенты, чиновники и кондотьеры, которые вступали в альянсы с индийскими князьями и вновь начинали войны в Индии. Именно эта постоянно возобновляемая угроза сделала английское завоевание необратимым, удерживая англичан от того, чтобы отпустить Индию, даже если они и хотели это сделать... Именно обязательства на Европейском континенте были для англичан отвлечением их средств» (Lüthy, 1960, 860—861). См. т.ж. Mukherjee (1955, 85).

³⁰² Harlow (1964, 18). См. Bolton (1966, 196): «Навабы Ост-Индской компании оказались для ряда британских правительств столь же большим обременением, как англо-ирландские и американские колонисты. Стремясь к власти в заморском сообществе, они рассчитывали на британское попустительство, и обуздать их могло только расширение власти Уайтхолла, с которым они боролись на каждом шагу».

³⁰³ Цит. в: Harlow (1940, 142).

³⁰⁴ Питт более явно обозначил свои цели в речи по случаю принятия Акта об Индии: «Первой и принципиальной задачей является забота о предотвращении амбиций правительства и его помешательства на завоеваниях... Нашей целью была торговля, и вместе с новым взглядом на ее расширение должна возобладать система мира, система защиты и примирения». Поэтому надзор за советом директоров

десятилетия чиновники компании исчезли со сцены в качестве независимых действующих лиц³⁰⁵.

Конечно, как и предполагали мудрые и осторожные, издержки по управлению, прямые и косвенные, оказались больше, чем ожидалось. Проблема «баланса платежей» вернулась, и начался новый отток серебра. Более того, продолжался отток серебра и в направлении другой крупной торговой зоны на Востоке — Китая. Чтобы разрешить эту проблему, Британия теперь могла обратить свое возникающее политическое превосходство во благо. Спизэр так оценивает положение дел в конце XVIII века:

«Торговля Ост-Индской компании в Индии больше не была прибыльной, поскольку ее доходы в действительности поглощались издержками администрирования, а не увеличивались благодаря поступлениям от Бенгалии. Ее прибыли приходили из Китая... Убедительным экономическим доводом в пользу гегемонии в Индии было сохранение китайской торговли»³⁰⁶.

Поскольку компания контролировала Индию, она могла выращивать экспортные культуры, которые нашли бы рынок в Китае, где компания еще не могла навязывать реструктуризацию производственных процессов.

Компромисс, заключающийся в том способе, каковым в 1793 году были возобновлены привилегии компании, хорошо служил этим интересам. Британское правительство усилило контроль над компанией, а та при этом сохраняла свою монополию в торговле с Китаем и некоторые монополии в Индии. Однако частные торговцы получили новые законные притязания на определенный объем перевозок. Этот компромисс совмещал стабильность (поскольку Британия вступала в череду долгих войн с Францией)³⁰⁷, от которой будут получать выгоду сами торговцы³⁰⁸, с гарантиями того, что компания будет вести агрессивную торговлю с Китаем. Тем временем в 1793 году был также принят закон Корнуоллиса о постоянном землеустройстве — это была

Ост-Индской компании поручался специальному контрольному бюро. «Дни буканьеров в Индии, насколько это могло предрешишь законодательство, были сочтены» (Nightingale, 1970, 8).

³⁰⁵ См. Sinha (1956, 219).

³⁰⁶ Spear (1965, 113). Спизэр добавляет еще два мотива для осуществления владения: «надежда на большие поступления» и личные выгоды. Как утверждает Тан Чанг, «чай обеспечивал индийские интересы хорошим инструментом для превращения британских денег в Индии в британские деньги дома» (Chung, 1974, 416).

³⁰⁷ Двиджендра Трипати называет это «единственно возможным [отношением] в 1793 году», то есть «на грани величайшей из войн, в которой когда-либо участвовала Британия». Далее Трипати добавляет: «Новая система могла легко подвергнуть риску само существование компании в обмен на все еще призрачное (chimerical) преимущество» (Tripathi, 1974, 416).

³⁰⁸ См. Philips (1961, 99): «Начало войны с Францией в 1793 году породило волнение в мире торговли... В Восточных морях французские каперы, действуя с островов Бурбон' и Маврикий, захватили значительное количество построенных в Индии частных кораблей, особенно между 1803 и 1809 годами, и не могло быть сомнений, что если бы в 1793 году индийская торговля была открыта для британских частных торговцев, то

кульминация процесса правовой и административной реформы, следствием которой было устранение барьеров для рассмотрения земли в качестве «товара, продаваемого и покупаемого на рынке»³⁰⁹.

С окончанием Наполеоновских войн, наступившим в 1813 году, британское правительство смогло пойти дальше в обеспечении прямого контроля, когда компания вновь заговорила о пересмотре привилегий. Тем временем частные торговцы успешно расширили свою торговлю и были раздражены сдерживающими их обстоятельствами, равно как и потерями на переводах, осуществлявшихся через компанию. К этому времени в игру также вступили мануфактуры Ланкашира, которые очень стремились расширить собственные рынки в Индии. Соответственно, новая хартия покончила со всей монополией компании в Индии, но на 20 лет продлила ее монополию в Китае. Эта хартия также обеспечила полное разделение территориальных и коммерческих расчетов, тем самым подготовив почву для собственно колониальной всеохватной администрации³¹⁰. «К 1837 году англичане не были просто *некоей* властью в Индии. Они были *именно* властью над Индией»³¹¹.

Инкорпорация России, впрочем, представляла собой совсем другой сюжет. Даже в XX веке вопрос о том, была ли Россия частью Европы (а стало быть, и европейской межгосударственной системы) в XVI—XVII веках, был и остается для некоторых предметом споров, однако не может быть сомнений, что СССР сегодня является полным участником (теперь всемирной) межгосударственной системы. При этом я утверждаю, что Россия стала полностью интегрированным членом (в тот момент европейской) межгосударственной системы лишь в XVIII веке.

Как напоминает Людвиг Дехио, с одной стороны, «русские, в отличие от турок, были дальними родственниками западных народов как этнически, так и ментально», однако, с другой стороны, «молодой Лейбниц все еще говорил о России, Персии и Абиссинии в одном тоне»³¹². В любом случае, если использовать критерий наличия взаимных дипломатических связей, то их основы обнаруживаются лишь с правлением Петра Великого (1689—1725)³¹³.

они бы понесли жестокие убытки». Торговлю же Ост-Индской компании охраняли конвои.

³⁰⁹ Cohn (1961, 621). Об условиях закона см. Wright (1954, 212). Райт цитирует наброски к упомянутому закону: «Чтобы упростить требования землевладельца к райату, или земледельцу, необходимо начать с закрепления требования правительства к землевладельцу». Гупта утверждает, что наиболее важной целью, помимо обеспечения прибыли, было «обеспечить расширение обработки обширных полос неиспользуемой земли и тем самым стимулировать торговлю в провинциях» (Gupta, 1963, 72).

³¹⁰ См. Tripathi (1950, 132—136). Это, конечно, было усилено тем, что Памела Найтингейл называет «империализмом частного торговца» (Nightingale, 1970, 127). Об интересах мануфактур см. Nightingale (1970, 236—237).

³¹¹ Frykenberg (1965, 24).

³¹² Dehio (1962, 94—95, см. тж. pp. 93—107, *passim*).

³¹³ См. Sumner (1949, 59) и Anderson (1978, 77—78).

Это совпадало с значительным расширением внешней торговли и «постепенным устранением политической и культурной изоляции России от остальной Европы»³¹⁴.

Петр представлял себя великим «западником» (*Westernizer*), или, говоря сегодняшним языком, «модернизатором», и многие — как в России, так и за ее пределами, тогда и сейчас, разделяют это мнение. Эта же роль *mutatis mutandis* [со всеми необходимыми поправками — *лат.*] приписывается Мухаммеду Али в Египте или, с меньшей славой, султану Махмуду II. Петр, несомненно, запустил процесс формирования централизованной бюрократии вместе с созданием сената в 1711—1722 годах³¹⁵. Он также трансформировал армию, сделав воинскую службу дворянства обязательной и постоянной³¹⁶. Кроме того, общепризнано, что именно силами этой модернизированной армии было заложено «положение России как важной части европейской политической системы»³¹⁷.

³¹⁴ Kahan (1974a, 222). Как утверждает Кэхэн, «одним из наиболее выдающихся факторов расширения внешней торговли [была] необходимость поддержки активной внешней политики Петра Великого, результатом которой стали почти непрекращающиеся боевые действия, в том числе Северная война с Швецией и войны с Османской империей и Персией» (р. 223). Тем самым Кэхэн подразумевает такую последовательность: военные нужды ведут к росту налогов, которые, в свою очередь, приводят к увеличению товарного производства. Однако откуда взялись эти «военные нужды»? Конечно, Северная война предполагала озабоченность шведов тем, чтобы попытки Петра интегрироваться в мир-экономику не происходили за их счет в долгосрочной перспективе. См. Wallerstein (1980, 218—222, см. сс. 262-266 II тома рус. изд.). А войны с Османской империей и Персией преследовали цель обеспечения более сильной роли России в мире-экономике. Кэхэн отмечает (pp. 224—225) один из факторов, которые ограничивали эту попытку. Российские купцы были неспособны конкурировать за кредит с купцами Западной Европы при ведении торговли между ними. Европейские купцы имели более легкий доступ к рынкам капитала, более низкие страховые и транспортные расходы и т.д. Однако в торговле с Османской империей, Персией и Китаем русские купцы процветали. Поэтому Россия входила в мир-экономику в типично полупериферийной позиции. См. Foust (1961).

³¹⁵ См. Yaney (1973, 7). Яни перечисляет последующие шаги при Екатерине II и далее, вплоть до XIX века.

³¹⁶ См. Raeff (1966, 38—47). Этому действию приписывается больше изменений, чем созданию армии. Как утверждает Раефф, «служба в модернизированном рациональном и бюрократическом учреждении вселяла в дворян идею, что четкая цепь командования, иерархической субординации и абсолютного подчинения представляли собой суть хорошей администрации» (р. 49). См. тж. Yaney (1973, 61): «В армии русские джентри могли работать вместе с русскими крестьянами в рамках *систематической* организации».

Наиболее важный подтекст этого опыта обозначает Роджер Портал: «[Дворяне] привнесли эти военные и политические идеи в управление своими поместьями. Это была политика попечительства, навязанная крестьянству и деформирующая сравнительно свободные институты, теоретическим символом которых был *мир*. Выборные лидеры этого сообщества становились агентами сеньора» (Portal, 1963, 10).

³¹⁷ Anderson (1978, 6). В еще более сильных выражениях этот тезис формулирует Хью Сетон-Уотсон: «Однако не может быть сомнений, что Российская империя [титул,

Однако недавние исследования оказались более скептически в отношении масштабов достижений Петра Великого, если сравнивать с тем, на что он надеялся или что провозглашал. Как утверждает Джеймс Крейкрафт, петровский миф может, возможно, иметь «большее историческое значение, чем любое из достижений петровского режима»³¹⁸. А Ханс Торк называет внедренные Петром административные изменения «крайне преувеличенными», утверждая, что Петр в этом смысле «почти ничего» не завершил. Подлинным «переломным моментом», полагает Торк, был 1762 год, или вступление на престол Екатерины II³¹⁹.

В определенном смысле Петр проделал переходную работу, направив дворянство в армию на регулярной основе и равным образом включив армию в административную систему. Тем самым он обуздал децентрализующие тенденции, поглотив все свободное время дворянства и используя дворян для взаимного принуждения к обеспечению более значительных внутренних потоков прибавочного продукта. Екатерине (1762—1796) оставалось покончить с обязательной пожизненной военной службой дворянства, создав вместо нее гражданский аппарат, который, помимо прочего, имел то достоинство, что оставлял дворянам время для превращения в рыночных предпринимателей. Екатерина упразднила старые провинции, разделив Россию примерно на 50 губерний (подразделенных на уезды), каждая из которых имела коллегиальные административные структуры, состоящие отчасти из чиновников, назначенных из центра, а отчасти из представителей, выбранных на месте³²⁰. Тем самым Екатерина фундаментально трансформировала российское правительство «от иерархии сбора дани к гражданской администрации, служители которой, как и военные, осознавали общие цели»³²¹. В 1766 году Екатерина подписала англо-российское торговое соглашение, которое установило низкие пошлины на экспорт сырья, что благоприятствовало Британии³²². Именно в этом контексте следует оценивать довольно агрессивную военную политику Екатерины, восторжествовавшей над Османской империей, участвовавшей в разделе Польши и давшей «ошеломляющее впечатление... русского динамизма»³²³. Однако ситуация обстояла так, словно данная внешняя политика была призвана компенсировать внешнюю торговую политику и дать Екатерине возможность

придуманной Петром] теперь была одной из великих держав Европы» (Seton-Watson, 1967, 10). См. тж. Fedorov (1979, 137).

³¹⁸ Cracraft (1980, 544).

³¹⁹ Torke (1971, 457—458). Джон Кип (Кеер, 1972) критикует точку зрения Торка, на что последний дал ответ (Torke, 1972). Большинство советских ученых полагают, что «капиталистическая система была основана» в России именно в 1760-х годах (Druzhinina, 1975, 219). См. тж. Baron (1972, 717) о важном сборнике 1965 года «Переход от феодализма к капитализму в России».

³²⁰ См. Yaney (1973, 69). Дэвид Гриффитс подчеркивает представление Екатерины и ее советников о том, что Россия «существенно отставала» от передовых наций Западной Европы и что путем мудрого законодательства можно было преодолеть этот разрыв и сделать отсталость «транзитной» (Griffiths, 1979, 471).

³²¹ Yaney (1973, 59).

³²² См. Clendenning (1979, 145—148, 156).

³²³ Dyck (1980, 455).

всерьез рассматривать «организацию внутреннего пространства [России]» путем ее административных реформ³²⁴.

Помимо прочего, эта внутренняя реорганизация, конечно же, означала и увеличение действенного угнетения рабочей силы, о чем уже говорилось выше³²⁵. А эти репрессии, в свою очередь, вели к «массовому бегству» русского крестьянства на восток — за Волгу, на Урал и даже в Сибирь³²⁶, а также к народным восстаниям, связанным с «ухудшающимися... экономическими условиями»³²⁷. По мере усиления включения в мир-экономику это «развитие» все больше наталкивалось на некогда далеких и свободных приграничных казаков³²⁸. Их недовольство, связанное с недовольством новых промышленных крепостных и недовольством от усиления крепостничества в работающих на рынок поместьях (что мы уже объяснили), наряду с оппозицией староверов³²⁹, породило гремучую смесь, которая достигла своего апогея в ходе восстания Пугачева, как раз в эпоху Екатерины. Лежащей в его основе идеологической темой была память крестьян, «восходящая к тем временам, когда их предки были свободными людьми»³³⁰, или, по меньшей мере, более свободными, чем в ситуации включения в капиталистический мир-экономику.

Тем не менее Екатерина сохраняла прочные позиции, подавляя крестьян и поддерживая свободную торговлю. Но эта политика имела существенно негативные последствия, что вынудило ее преемников принять позицию «откровенных протекционистов» — советников типа М.Д. Чулкова, которые продвигали идею большей взаимности в русско-британских отношениях. Атака протекционистов на «давно негодующих британских торговцев» достигла пика, когда император Павел порвал отношения с Британией в 1800 году, наложил эмбарго на британские товары и конфисковал британские суда³³¹.

Однако Россия оказалась в ловушке межгосударственной системы, обнаружив, что свобода ее действий очень ограничена. Уже в 1780-х годах попытки России увеличить пространство маневров в отношениях с Британией путем развития торговых связей с Францией разбились о противоположные интересы двух стран в отношении Османской империи³³². Россия рассчитывала на свою экспансионистскую роль на «Востоке» — и в

³²⁴ Эту фразу Гарретта Мэттингли Джон Ле Донн (Le Donne, 1983, 434) использует для определения внутренней политики Екатерины. Справедливости ради стоит сказать, что она действительно посвятила «огромную энергию... поощрению национального торгового судоходства» (Ahlström, 1983, 156).

³²⁵ Александр Гершенкрон прослеживает это начиная с Петра Великого, чья политика «очень конкретным образом усилила эффективность крепостной системы» (Gerschenkron, 1970, 91).

³²⁶ Portal (1966, 37).

³²⁷ Longworth (1975b, 68).

³²⁸ См. Longworth (1969, 26—27, 88).

³²⁹ См. Gerschenkron (1970, 28—29).

³³⁰ Longworth (1979, 269).

³³¹ Macmillan (1979, 171, 176—177).

³³² См. Sirotkin (1970, 71).

политическом, и в экономическом отношении, чтобы закрепить свою инкорпорацию в качестве полупериферийного государства, а не периферийной зоны. И триумф над Османами, закрепленный Кючук-Кайнарджийским договором, действительно сигнализировал о «квантовом скачке в международном положении России»³³³. Ее способность добиться этого, несомненно, была обязана тому, что в 1783-м году Франция и Великобритания погрязли в борьбе, связанной с Американской войной за независимость, и мало что могли сделать, чтобы осуществить «открытое противостояние российской аннексии Крыма»³³⁴.

Однако эта игра имела свою цену. На Ближнем Востоке России требовался благосклонный нейтралитет, по меньшей мере, одной из великих держав Западной Европы. Поскольку Франция в конце XVIII века поддерживала Османов дипломатически, Россия понимала, что ей придется сохранять связи с Британией. Поэтому павловские демарши 1800—1801 годов не могли умиротворить ситуацию, особенно учитывая долгосрочные притязания Наполеона, и Россия была вынуждена переместиться обратно в лагерь Британии. С одной стороны, Россия оказалась связана и ограничена попытками консолидировать свои владения и влияние в юго-восточной Европе, на Черном море и на Кавказе, а с другой, отвоевать более сильную позицию в отношении к Западной Европе³³⁵. Чтобы достигнуть первой цели, Россия принесла в жертву вторую, и тем самым вошла в капиталистический мир-экономику способом, гарантировавшим и обеспечивавшим пресловутую российскую «отсталость», о которой будут писать более поздние авторы. Однако Россия по-прежнему обладала менее слабым межгосударственным положением, нежели другие инкорпорированные зоны, и этот факт в конечном итоге разрешится в самой возможности осуществления Русской революции.

Наконец, Западная Африка отличалась от трех других зон тем, что по состоянию на 1750 год там не было мира-империи, по масштабу организации сопоставимой с Российской, Османской и Могольской. Вместо этого существовало большое количество сильных работорговых государств и множество мелких образований, слабых в военном и политическом отношении.

Мы уже утверждали, что для инкорпорации в мир-экономику необходимы государства, которые не являются слишком сильными или слишком слабыми, то есть такие, которые способны реагировать на «правила игры» межгосударственной системы. Часто утверждается, что одной из причин политического давления западноевропейских государств в этих зонах было восстановление «порядка» в территориях, где «анархия» делала невозможной мирную торговлю. Мы уже отмечали, что данное объяснение сомнительно для Индийского субконтинента, где «порядок», восстановленный британцами

³³³ Davison (1976, 464).

³³⁴ Fisher (1970, 137).

³³⁵ См. Dojnov (1984, 62—63).

после 1750 года, служил лекарством от «анархии», в самом создании которой западное вмешательство сыграло значительную роль в предшествующие столетия. Суть дела в том, что капитализм нуждается не в «порядке», а в «благоприятном порядке». Стимулирование «анархии» часто служит тому, чтобы низложить «неблагоприятный порядок», то есть такой порядок, который способен противостоять включению в капиталистический мир-экономику.

Одна из хорошо известных тем в историографии Западной Африки — так называемый цикл «рабы — ружья». Жесткая связь между приобретением огнестрельного оружия и рабов представляется в целом вполне очевидной: «для профессиональных захватчиков рабов огнестрельное оружие представляло собой важный ресурс»³³⁶. Как настаивает У.А. Ричардс, эта «высокая корреляция» обнаруживается уже в 1658—1730 годах и затем ведет к «наиболее заметным переменам» на западноафриканской политической сцене³³⁷. Ведь именно в этот период оформились крупные работорговые государства, такие как Дагомея и Ашанти. Несомненно, эти государства полагали, как утверждает Поланьи, что они создают изолированность от влияния мирового рынка. Однако также верно, что, «однажды оказавшись в порочном круге войны за захват рабов, их зависимость могла лишь усиливаться»³³⁸. Однако с точки зрения экономических сил мира-экономики, эти растущие работорговые структуры создавали «анархию» в других зонах, тем самым ломая «неблагоприятный порядок», то есть источник того, что Исаак Акинджогбин называет «величайшим парадоксом» работорговли:

«В начале XVIII века политика Аджа' стала хаотичной из-за роста торговли. В конце столетия королевство Дагомея оказалось на грани нестабильности из-за сокращения торговли»³³⁹.

Однако новый «благоприятный порядок» работорговых государств зависел от слишком ограниченного определения экономической деятельности. Когда основной фокус включения Западной Африки в мир-экономику сместился от экспортной работорговли к смешанному экспорту и далее, в еще более поздний период, к фактическому прекращению экспорта рабов (этот процесс мы уже описали), сравнительно небольшие «карманы» работорговых государств посреди более крупной, более «анархичной» зоны стали не столь полезны. Тогда потребовались новые государства, в большинстве случаев более крупные, чем существующие, однако такие государства, которые опять же не были слишком слабыми или слишком сильными.

Прэтому британские купцы Золотого берега открыто стали на сторону государств племен фанти", которые сопротивлялись экспансии ашанти,

³³⁶ Inikori (1977, 351), см. далее: «Торговая зона Бонни [в 1750—1807 годах] не только ввозила больше ружей в абсолютном количестве, чем другие части Западной Африки, но также она ввозила гораздо больше ружей в пересчете на каждого экспортированного раба» (p. 381).

³³⁷ Richards (1980, 57).

³³⁸ A. Norman Klein (1968, 221).

³³⁹ Akinjogbin (1967, 209).

«будучи убеждены, что если можно будет уничтожить мощь ашанти, то для них откроется широкое торговое поле»³⁴⁰. Исламское движение XIX века, как мы видели, было рывком в направлении «крупномасштабной политической интеграции нескольких небольших государств и мелких княжеств»³⁴¹. А там, где, как в стране Игбо, не существовало государственной формы, выросла «частично государственная формация», известная как Арочукву³⁴².

Помимо прочего, можно интерпретировать британское движение против работорговли в качестве стремления сломать «неблагоприятный порядок» более мелких государственных образований в интересах воссоздания более крупных образований. Конечно, целью этого было ослабление позиций французов и других экономических конкурентов³⁴³. Если в этот период еще нельзя говорить о взаимном дипломатическом обмене, то возникновение более структурированных политических объединений действительно заметно, и именно эти объединения и стали гарантировать потоки появляющейся товарной продукции для мира-экономики.

Мы настаивали на том, что данный процесс инкорпорации происходил примерно в 1750—1850-х годах (или, в случае Западной Африки, ориентировочно в 1750—1880-х годах). Является подобная периодизация единственно возможной? Очевидно, что нет, и по поводу датировки идет эмпирическая дискуссия. К сожалению, многие из ее участников совсем не обладают ясной моделью процесса или, по меньшей мере, не используют ту же модель, что и мы: внешняя сфера — инкорпорация — периферийная (или полупериферийная) зона. В рамках же данной модели заметно, что некоторые авторы сдвигают датировку инкорпорации назад к тем временам, когда рассматриваемые зоны стали частями внешней сферы. Другие авторы, напротив, не считают некую территорию включенной в мир-экономику до тех пор, пока она не начнет функционировать как ее периферийная зона. Ни одна из этих двух групп авторов не рассматривает «инкорпорацию» как отдельный процесс в том ключе, как это сделали мы.

Стандартный способ формулировки в этой дискуссии состоит в рассуждении о дате, когда начался «капитализм». Некоторые настаивают, что с широким развитием торговли на дальние расстояния в предшествующий период истории «внешней сферы» перед нами уже капитализм или, по крайней мере,

³⁴⁰ Gynn (1971, 28). Главным достижением мирного договора 1831 года между Ашантихене и Джорджем Маклином (представлявшим Комитет купцов Кейп-Коста) было требование для Ашантихене «признать объединенные племена [фанти] независимыми от его контроля» (Metcalf, 1962, 140).

³⁴¹ Oloruntimehin (1971—1972, 34).

³⁴² Stevenson (1968, 190), срв. Dike (1956, 38). Однако к подобному определению сдержанно относится Нортруп (Northrup, 1978, 141—142).

³⁴³ «Как только британцы, которые контролировали наибольшую долю [работы] торговли в XVIII веке, решили от нее отказаться, в их интересах было убедить остальных поступить точно так же» (Ajayi & Oloruntimehin, 1976, 207).

Остров Горé, основная торговая база французов в Западной Африке, был настолько ослаблен после 1815 года, что мог выживать, лишь трансформировавшись в порт

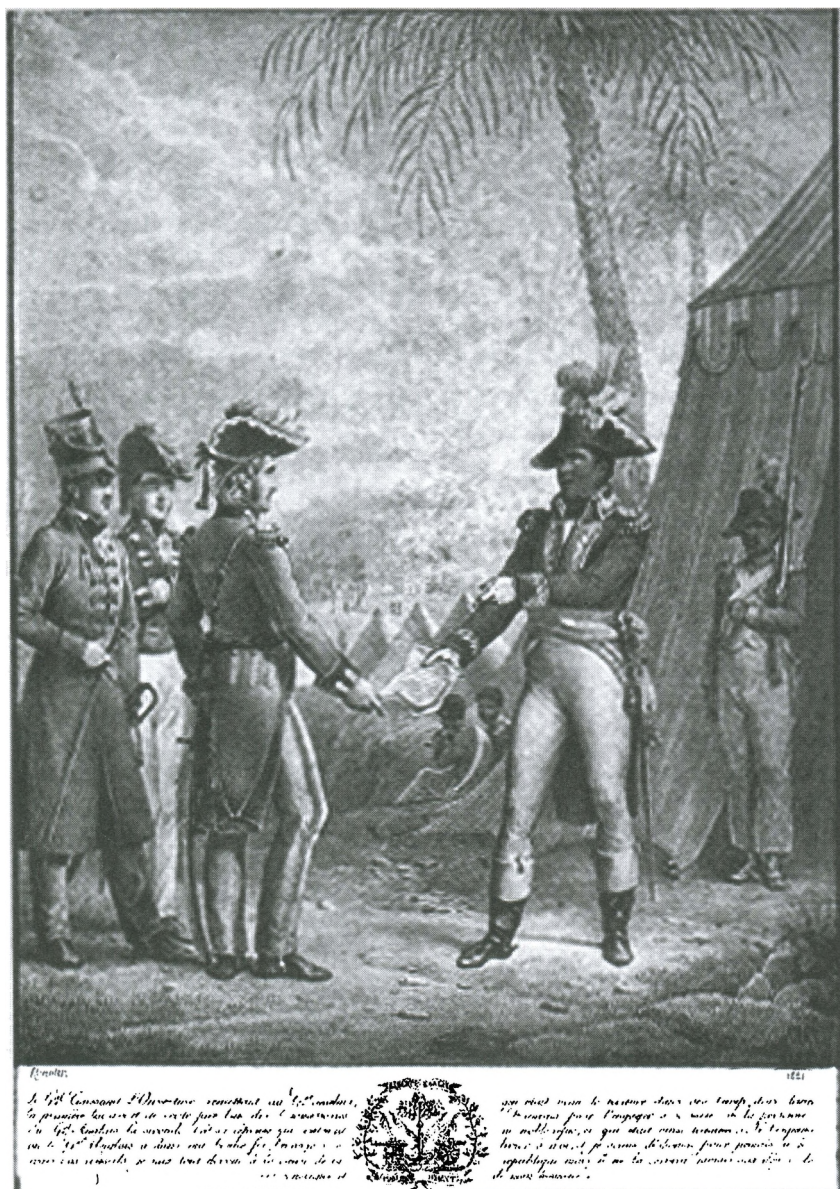
протокапитализм. Это часто сопровождается утверждением о «туземных» корнях капитализма или о том, что этот процесс был «прерван» европейским вмешательством. Другие настаивают, что самый ранний «капиталистический» период случился много позже — в крайних случаях некоторые даже утверждают, что он едва ли существует и сегодня. Мы же настаивали на том, что не существует множества капиталистических государств, а есть одна капиталистическая мир-система, и чтобы быть ее частью, необходимо быть минимально интегрированным в ее производственные сети или товарные цепочки и находиться среди государств, которые участвуют в межгосударственной системе, формирующей надстройку этого капиталистического мира-экономики. В данном случае инкорпорация определяется именно как период такой интеграции.

1

свободной торговли. См. Zuccarelli (1959). В целом *Exclusif* [исключительное право французских купцов поставлять товары во французские колонии и торговать их продукцией], хотя он и был восстановлен в 1817 году, к 1868 году был упразднен. См. Schnapper (1959, 150—151, 198).

4

ПЕРЕСЕЛЕНЧЕСКАЯ ДЕКОЛОНИЗАЦИЯ АМЕРИКИ (1763–1833)

Франциск-Мартен-Франсуа Грень де Сен-Мартен (1793—1867),
 французский художник и автор литографий,

ученик Давида, специализировался на исторических темах. Этот эстамп, выполненный в 1821 году, изображает генерала Туссен-Лувертюра*, передающего два письма генералу, командиру английскими экспедиционными силами во время их пребывания на Гаити в 1798 году. В этих бумагах содержатся требование французских комиссаров захватить английского генерала и отказ Туссена сделать это на том основании, что он не пойдет против чести, нарушив данное слово. «Благородный отказ», — комментирует Грень. В нижней части эстампа помещен герб Гаити с надписью „Liberté Egalité” [свобода, равенство — фр.].

В середине XVIII века более половины территории Американского континента состояло, с юридической точки зрения, из колоний европейских государств: в первую очередь Великобритании, Франции, Испании и Португалии. Остальная территория обеих Америк находилась за пределами межгосударственной системы капиталистического мира-экономики. К середине XIX века практически все эти колонии трансформировались в независимые суверенные государства (после определенных слияний и разделений предшествующих административных образований). Более того, к тому времени эти новые государства предъявили требования на юрисдикцию над всеми оставшимися территориями своего полушария.

Это было примечательное изменение внешнего вида межгосударственной системы. «Деколонизация» Американского континента происходила под эгидой европейских переселенцев, что исключало из данного процесса не только индейское население, но и привезенных африканцев, несмотря на то, что во многих из новых суверенных государств индейцы и чернокожие составляли значительную часть (а то и большинство) населения. Впрочем, было и одно исключение — Гаити, и этот случай, как мы увидим, сыграет важную историческую роль. В любом случае эта деколонизация разительно отличалась от второй великой «деколонизации» мир-системы Модерна, которая произошла в XX веке. Разница между ними заключалась именно в том, какая группа населения получила контроль над возникшими суверенными государствами.

Традиционно (и это верно) история первой деколонизации начинается с 1763 года — великого переломного момента¹. В результате Семилетней войны Великобритания фактически вытеснила Францию из Западного полушария, и одного этого было достаточно, чтобы для Испании и Португалии стала невозможной попытка извлечь выгоду из возобновившегося расширения мира-экономики и (вновь) утвердить экономический контроль над своими американскими колониями. Однако именно этот триумф Великобритании остро — и впервые для Американского континента — поставил вопрос о распределении доходов внутри элиты. Как известно, именно этот спор приведет переселенцев — сначала в Британской Северной Америке, а затем и в Испанской Америке и Бразилии — к образованию отдельных государственных структур.

Проблемы, с которыми столкнулась Великобритания в 1763 году, хорошо демонстрирует одно важное дипломатическое событие. В ходе дискуссий в преддверии Парижского мира одним из главных вопросов было то, над какой

¹ Andrews (1924, 122).

французской территорией получит контроль Великобритании: над Канадой или над Гваделупой? Изначально признавалось, что Британия не может получить обе эти территории, но у нее есть выбор между ними. Те британцы, которые выступали за удержание Гваделупы, указывали, что небольшой сахарный остров был куда богаче мрачной Канады, поэтому его приобретение будет для Британии благом, а для Франции большой потерей. Разумеется, именно этого боялись сахарные плантаторы британской Вест-Индии, которые рассматривали сахар Гваделупы как нежелательного конкурента, и их позиции в конечном итоге возобладали².

Помимо этой строго экономической аргументации, присутствовал и геополитический спор. Сторонники удержания Гваделупы указывали, что защита Канады ложилась на Францию длительным и опустошающим бременем, ведь французский флот был не настолько силен для подобной имперской войны. Но еще более важным фактором, чем влияние Канады на французскую стратегию, было ее потенциальное воздействие на британских поселенцев в Северной Америке. Еще 9 мая 1761 года герцог Бедфорд писал герцогу Ньюкаслскому³:

«Я не знаю, не было ли соседство французов с нашими северными колониями величайшей гарантией их зависимости от метрополии (Mother Country). Последней, я опасаясь, они будут пренебрегать, когда их страхи перед французами исчезнут»⁴.

Эта точка зрения оказалась очень прозорливой. Более того, по отношению к подобной позиции у британских переселенцев имелся свой контраргумент: «Похоже, что [колонии] хотят видеть Канаду французской — это сделало их чем-то важным [для британцев]»⁴.

И если этот геополитический аргумент (оставить Канаду французам) не преобладал, то так происходило потому, что, помимо весомых интересов в Лондоне сахарозаводчиков Вест-Индии, существовали определенная британская гордость за территориальные завоевания и безразличие британцев к

² См. Nicolas (1967), см. тж. Whitson (1930, 74) и Hacker (1935, 289—290).

³ Цит. в: Namier (1930, 320). В Квебеке аналогичные взгляды в это время высказывал генерал Мюррей⁵: «Если мы мудрые люди, то мы не возьмем [Канаду]. Новой Англии нужно закусить удила, и мы ей эти удила предоставим, чтобы она не сидела сложа руки, не устанавливая контроль над этой страной». Цит. в: Ryerson (1960, 197). С этим соглашались последующие ученые: «Завоевание Канады угрожало главной материальной связке колоний с Великобританией и создавало политическую возможность их независимости» (Beer, 1907, 172—173).

Ту же самую точку зрения уже в 1749 году выразил француз Пьер Кольм: «Без французов у ворот американцы быстро сломали бы связи, которые объединяли их с Британией». Цит. в: Vignols (1928b, 790). К 1758 году старший чиновник морского министерства Франции действительно отстаивал необходимость прекращения французского присутствия в Канаде для достижения этой цели. См. Eccles (1971, 21, сн. 96). Хорошо известно, что именно это предсказывал Шуазель в качестве последствия Парижского мирного договора.

⁴ Джон Уоттс — генералу Монктому⁶, 16 мая 1764 года, цит. в: Namier (1930, 327).

поселенцам, чьи «взаимные ревности» рассматривались в качестве гарантии сохранения их зависимости от метрополии. Но, несомненно, самый сильный аргумент был связан с государственными финансами:

«Британия избежит значительных расходов, поскольку не будет обязана держать большое количество регулярных сил, которые потребуется обеспечить, даже если ничтожный клочок земли на этом континенте останется за французами»⁵.

Как уже утверждалось, способность британцев осуществлять лучший контроль над своими государственными финансами, чем это делали французы, станет ключевым элементом в последней фазе их борьбы за гегемонию. В таком случае последний аргумент был, возможно, столь же прозорливым, как и остальные.

Перед Британией давно стояла проблема, каким способом создать очень сильное государство — как внутри собственных границ, так и в рамках межгосударственной системы, не навлекая на себя негативных последствий в виде слишком тяжкого бремени государственных финансов. Семилетняя война значительно обострила эту проблему⁶. «Раздувшийся Левиафан государства», воздвигнутого Уолполом на базе «широкого консенсуса» Славной революции, уже оказался под ударом, будучи «отягощенным коррупцией, покладистым и наращивающим свою власть»⁷. Представлялось, что после Парижского мира новое глобальное *rapport de force* [соотношение сил — *фр.*] предлагает британцам две выгоды в этом отношении: более низкие военные расходы из-за ослабления Франции и возможность переместить часть налоговой базы с метрополии на британских поселенцев в Северной Америке.

Однако если посмотреть на эту ситуацию с точки зрения самих британских поселенцев, то Парижский мир имел почти противоположный смысл. Теперь поселенцы были «избавлены» от страхов перед французами (а также испанцами) и поэтому могли тратить свою энергию и ресурсы на планы по «значительному увеличению власти и богатства наряду с... экспансией в западном направлении»⁸. Таким образом, хотя и собственно британцы, и поселенцы в Северной Америке «наслаждались плодами победы»⁹, она породила у них противоположные ожидания. Британцы ожидали «упорядочения» (*rationalization*) империи и поэтому стремились «ужесточить контроль». Переселенцы, с другой стороны, ожидали «ослабления тисков»¹⁰. То, что британцам представлялось просто ощутимой целью, а именно необходимость в «более совершенной... имперской организации»¹¹, для переселенцев выглядело «масштабным

⁵ Письмо графа Мортон^а графу Хардвику, 15 января 1760 года, цит. в: Namier (1930, 323).

⁶ «Семилетняя война удвоила [Британский] национальный долг, а ежегодная стоимость американских колоний возросла в пять раз» (Brebner, 1966, 44).

⁷ Bailyn (1973, 8—9).

⁸ Gipson (1950, 102).

⁹ Brebner (1966, 32).

¹⁰ Meinig (1986, 295).

¹¹ Christie & Labaree (1976, 274).

наступлением на устоявшийся моральный порядок внутри империи»¹². Столкновение — хотя пока и не сецессия — было неизбежным.

Значительная часть исторической литературы по революции в Британской Северной Америке озабочена объяснением ее истоков предшествующими долгосрочными тенденциями: экономическими, социальными и/или идеологическими, кульминацией которых, утверждают разные историки, стали события 1765—1776 годов и которые поэтому позволяют дать подлинную характеристику «Американской революции». Большинство из сказанного верно, однако порядочная часть представляет объяснения, не имеющие отношения к делу. Все значительные политические события имеют глубокие корни, хотя эти корни зачастую проще разглядеть постфактум, нежели в тот момент, когда происходят те или иные события. Однако редко когда эти долгосрочные тренды могут привести лишь к тому результату, который имел место в действительности (даже если брать этот результат в широком смысле). Не то чтобы данный результат с логической точки зрения является случайным — скорее, по мере все большего уточнения конкретного результата нам требуется принимать в расчет все больше специфических факторов, и многие из них с неизбежностью оказываются конъюнктурными¹³, а не структурными.

В нашем случае наиболее важным общим конъюнктурным изменением была возобновившаяся в XVIII веке экспансия капиталистического мира-экономики наряду со способностью Британии выиграть у Франции борьбу за гегемонию. Однако существовали и конъюнктурные тренды, более специфические для ситуации в Британской Северной Америке. Начиная с 1720 года ее общее экономическое состояние улучшалось — сначала постепенно, а после 1745 года более резко¹⁴. Но экспансия, конечно, не означала равного

¹² Greene (1973a, 79).

¹³ Конъюнктурными в том смысле, в каком этот термин используется Броделем (Braudel, 1958) и в целом теми европейскими экономическими историками, которые пишут не по-английски.

Чарльз М. Эндрюс (Andrews, 1924, 28) в своих классических лекциях по Американской революции дал такое объяснение ее истоков, которое я считаю структурным, а не конъюнктурным: «Таким образом, основные характеристики британской истории можно суммировать как процессы „экспансии“ и „централизации“, которые проявлялись в постоянно расширяющихся сферах торговли, колоний и господства в океанах. Британская политика в отношении плантаций предполагала формирование более спаянной и эффективной колониальной администрации в интересах торговли британских купцов. В то же время обитатели колоний, хотя и принимали на себя обязательства в качестве лояльных подданных короны, рано стали стремиться к большей свободе действий, нежели та, которой они располагали в качестве колонистов в строго правовом смысле этого термина».

Однако Кёртис Неттельс настаивает, что до 1763 года «британский империум серьезно не противостоял колонистам в целом,... [хотя] после 1763 года ситуация меняется» (Nettels, 1952, 113—114). Доходы колонистов снижались, а потребности британцев (налоги, наложение ограничений и т.д.) значительно увеличивались.

¹⁴ См. Egnal & Ernst (1972, 11). Дэвид Клингеман, например, обнаруживает между 1740 и 1770 годами 35-процентный рост в табачных колониях, ставший следстви-

распределения доходов. С одной стороны, она вела к «внезапному росту концентрации богатства»¹⁵ в колониях, что легко объясняет очевидный парадокс: колониальное общество стало «в одно и то же время менее взаимосвязанным и более жестким»¹⁶. С другой стороны, экспансия также вела к обострению соперничества между интересами частного бизнеса в Англии и колониях. Роль английского капитала нарастала, нанося вред даже более богатым купцам и плантаторам в колониях. «Агенты» британских фирм вытесняли колониальных купцов. На протяжении полувека «норма прибыли сокращалась, а возможности локального развития уходили в песок»¹⁷.

В этот период нарастающие трудности колониальных купцов приводят к «неувядающему»¹⁸ вопросу о том, насколько обременительны для колонистов Северной Америки были Навигационные акты. Впрочем, «неувядающим» данный вопрос был для последующих поколений историков Северной Америки, но был ли он таковым для людей того времени? Как утверждает Джек Грин, «масштаб уступок колонистов» меркантилистским предписаниям Великобритании подразумевал «очень высокую степень приспособляемости» к системе. Этот аргумент достоверен при условии, если считать степень их уступчивости высокой. К этому Грин добавляет, что, учитывая уровень процветания колоний, у многих имелся «серьезный денежный интерес» в сохранении связей с британцами. Опять же, это достоверно, если предположить,

ем сочетания экспорта табака и пшеницы (Klingaman, 1969, 278). Джеймс Шеферд и Гэри М. Уолтон настаивают, что еще более важным, чем доходы от «товарного производства», был возросший доход от морских перевозок и прочей торговой деятельности (Shepherd & Watson, 1972, 158). См., однако, противоположную точку зрения Терри Л. Андерсона, утверждающего, что в долгосрочной тенденции к росту в Северной Америке от первоначальной колонизации до сегодняшнего дня «единственным мрачным периодом... были первые 80 лет XVIII века» (Anderson, 1979, 256).

¹⁵ Lockridge (1973, 416). Обратной стороной концентрации богатства был рост бедности. Нэш утверждает, что в то время в состоянии хронической бедности пребывали 20% домохозяйств портовых городов (Nash, 1976b, 574), и это вело к «растущей волне классовых антагонизмов и политического сознания» (Nash, 1976a, 18). Элис Хэнсон Джоунс в своем исследовании неравномерного распределения богатства за 150 лет, предшествовавших Американской революции, утверждает, что неравенство действительно выросло, хотя и «не ярко выраженным образом» (Jones, 1980, 269). Еще более скептическое отношение к значимости неравномерного обогащения см. в: Brown (1955b) и Warden (1976).

Роуленд Бертхофф и Джон М. Муррин, с другой стороны, предлагают аналогию с одновременно происходившим «феодальным возрождением» в Европе. «К 1730 году более старые колонии стали достаточно населенными территориями для того, чтобы старинные феодальные претензии оказались невероятно выгодны... Старые привилегии... возродились лишь потому, что они приносили доход. Как и во Франции, эти требования возбуждали негодование в колониях, поскольку они отделяли погоню за прибылью от какого-либо более значительного чувства общего блага» (Berthoff & Murrin, 1973, 265—267).

¹⁶ Greene (1973b, 10).

¹⁷ Egnal & Ernst (1972, 3).

¹⁸ Egnal (1975, 192).

что степень упомянутого процветания была высокой¹⁹. Подразумеваемое «бремя» меркантилистских предписаний было предметом длительных споров вокруг количественных показателей с тех пор, как первые данные предложил Лоуренс Харпер, причем, как и в большинстве подобных споров, еще надо ответить на вопросы, что именно следует считать и что значит «слишком много». Исходное заключение Харпера состояло в том, что даже если меркантилистские законы «безупречно честно» применялись администрацией, производящей баланс средств, то решения принимались в далекой Англии и от этого «колонии оказывались в невыгодном положении»²⁰. Не касаясь последующего саркастического спора о качестве данных Харпера²¹, следует сказать, что в значительной мере упомянутая дискуссия была связана с подсчетами той разницы, которая могла быть (или не быть), если бы независимость была достигнута раньше, — по принципу так называемого контрфактического исходного условия.

Работам, использующим подобную аргументацию, положил начало в 1965 году Роберт Пол Томас, и с тех пор их появление не прекращается. Томас намеревался продемонстрировать, что пресловутое «бремя составило бы самое большее чуть выше 1% национального дохода»²², а значит, было несущественным. Однако Джейкоб М. Прайс полагал, что даже этот низкий показатель Томаса преувеличен, поскольку «значимой единицей экономической жизни» была фирма, а не сделка (transaction), а фирмы принимают в расчет больше факторов, чем просто продажная цена разовой сделки. Фирмы имеют дело с тем, что Прайс называл балансом «общего обмена» (например, подсчитывая издержки по кредиту), и поэтому они могли обнаружить «весомые деловые соображения» в пользу тяготения к традиционным перевалочным пунктам даже при отсутствии меркантилистских ограничений²³. Позиция Прайса была направлена на еще большее ослабление точки зрения Харпера, но в действительности она усилила ее, напоминая (в особенности адептам клиометрии), что реальные экономические калькуляции прибыли следует производить в более значительных пространственных и временных масштабах²⁴.

¹⁹ Greene (1973a, 47, 50).

²⁰ Harper (1939, 31). См. тж. подсчеты и продуманную оценку в: Harper (1942).
Оливер М. Дикерсон в своей полемике с Харпером значительно преувеличивает обвинения в его адрес, предполагая, что Харпер был уверен, будто Навигационные акты «последовательно доводили американцев до состояния безнадежной бедности» (Dickerson, 1951, 55).

²¹ «Никакое великодушие не позволяет дать количественным методикам Харпера какое-либо иное название, кроме бессмыслицы» (McClelland, 1973, 679).

²² Thomas (1965, 638).

²³ Price (1965, 659).

²⁴ Питер Д. Макклелланд в своей критике Томаса корректно отмечает, что «пока [контрфактическая гипотеза] остается ограниченной тринадцатью годами [1763—1775], возможность динамических воздействий, значительно увеличивающих... долю [колонийского ВВП, ушедшего в песок из-за английского вмешательства в заморскую торговлю], представляется довольно маловероятной» (McClelland, 1969, 376).

Далее в дискуссию вступил Роджер Л. Рэнсом, указавший, что совокупные подсчеты для Северной Америки могут не отражать различные последствия Навигационных актов для отдельных ее регионов, притом что особенно негативное их воздействие ощутили южные штаты²⁵. Томас в своем ответе Рэнсому согласился с его позицией, признав, что подобные аргументы могут оправдывать «экономическую интерпретацию» истоков Американской революции, поскольку данные диспропорции могли вести к появлению «пассионарного меньшинства» („passionate minority”), которое будет бороться именно за такой политический результат. Томас даже заметил, что достоверность подобной интерпретации придают многие из событий того времени, например, протесты против закона о денежном обращении и Гербового акта²⁶. Именно здесь, возможно, и кроется суть дела. Как отметил Фрэнк Броуиз в своем комментарии к этой дискуссии, несмотря на то, что новая экономическая история может внести свою лепту в подсчет реального экономического роста (и сам Броуиз отнюдь не враждебно относится к подобным предприятиям), она ничего не может сказать о «субъективной составляющей», такой как «бремя», ощущаемое людьми. Ощущение историком того, что чувствовали действующие лица истории, «может быть получено и понято лишь из того, что они писали и делали»²⁷. Ответ на вопрос о реальной стоимости Навигационных актов может оказаться «крайне скучным занятием»²⁸, однако вопрос о коллективных мотивациях остается центральным.

Итак, мы подобрались к экономической конъюнктуре 1760-х годов и к тому, как она была воспринята на Американском континенте. После окончания Семилетней войны наступил спад²⁹, который сменил «беспрецедентное процветание»³⁰ военных лет и негативно повлиял почти на все сегменты североамериканской экономики: купцов, плантаторов, мелких фермеров и работников.

Артур М. Шлезингер в своем классическом исследовании, посвященном североамериканским купцам, исходит из того, что столетие,

²⁵ Рэнсом утверждает, что экспорт южных плантаторов мог «без ограничений превышать 67%», а общий доход Юга мог быть выше на 2,5% — «небезосновательная цифра» (Ransom, 1968, 433—434). Вспомним, что для Томаса показатель в 1% не являлся чем-то значимым.

²⁶ Thomas (1968a, 438).

²⁷ Broeze (1973, 678).

²⁸ Krooss (1969, 385).

²⁹ Карл Брайденбо фактически отсчитывает спад от 1760 года — «пикового» для торговых классов колониальных городов (Bridenbaugh, 1955, 282). Об индексах цен в Британской Северной Америке см. тж. Rothenberg (1979, 981).

³⁰ Луис М. Хэкер указывает, что «расширяющийся рынок Вест-Индии, огромные траты британских квартирмейстеров, нелегальная и контрабандная торговля с вражескими силами — все это обеспечивало постоянную занятость рабочим и выгодные каналы сбыта продукции мелких фермеров» (Hacker, 1935, 293). Окончание войны привело к безработице, банкротству мелких торговцев и сжатию рынка для мелких фермеров. «Кроме того, был закрыт путь для бегства в пограничные территории — обычное последнее убежище обездоленных» (pp. 293—294).

предшествовавшее Парижскому миру, было их «золотым веком»³¹. Поэтому, когда обычные для послевоенных лет спад и преобразования «значительно продлились» в результате попыток британцев реорганизовать свою империю и «придать колонистам более зависимый статус»³², торговые классы получили «пищу для трезвой рефлексии»³³. Именно купцы более, чем кто-либо другой, были удивлены и огорчены «новыми правилами игры после 1763 года»³⁴. Стремясь защитить себя, они стали искать выход в отказе от импорта британских товаров³⁵.

В то же самое время и южные плантаторы столкнулись с проблемами, связанными с их хронической задолженностью перед шотландскими посредниками. В 1762 году произошел кредитный крах, потрясший плантаторов Мэриленда и Виргинии³⁶. Правительства колоний финансировали свои текущие расходы при помощи так называемой системы «наличных финансов» (*currency finance*), которая предполагала выпуск бумаг под ожидание будущих налоговых поступлений³⁷. Расширение этого процесса вело к тому, что британские купцы озаботились страхованием долгов и принятием закона о денежном обращении 1764 года, который предложил компромисс: бумажные деньги остаются легальным средством для публичных, но уже не для частных долгов. Больше всего от этого проиграли колониальные плантаторы, которые в результате «обратились к политике»³⁸. За кризисом 1762 года последовал еще более худший кризис 1772 года. В общем контексте напряженных отношений между метрополией и колонистами «психологический эффект» закона о денежном обращении был очень важен, выступая «постоянным напоминанием»³⁹ о колониальной

³¹ Schlesinger (1917, 15).

³² Bridenbaugh (1955, 251).

³³ Schlesinger (1917, 91).

³⁴ Walton & Shepherd (1979, 175). У этих авторов складывается определенное ощущение, будто это демонстрирует, что проблемы носили не экономический характер, но представляли собой угрозы «уже установленной свободе» (р. 153). Однако риторика свободы часто входит в противоречия с реалиями кошелька.

³⁵ Это, утверждают Марк Эгнал и Джозеф Эрнст, «лишь по совпадению замышлялось для принуждения парламента к отмене оскорбительных законов» (Egnal & Ernst, 1972, 17). Возможно, и так, но акцент на политических требованиях, по меньшей мере, задаст их беспокойству конкретную реализуемую цель.

³⁶ См. Egnal & Ernst (1972, 28).

³⁷ См. Ernst (1973a, 22), см. тж. Ferguson (1953).

³⁸ Ernst (1973a, 360). Эрнст говорит о «квантовом скачке американского долга» (р. 356), но Уолтон и Шеферд (Walton & Shepherd, 1979, 108) утверждают, что долг «накануне революции не был масштабным». Эндрю соглашается с тем, что данная проблема не была серьезной до 1770 года, когда «оргия» закупок в колониях и продаж в Англии увеличила задолженность примерно на 3 миллиона фунтов и «привела к короткому промежутку чрезмерного потребления и инфляции. Крах наступил быстро» (Andrews, 1924, 109). Затем это привело к острому кризису платежного баланса 1772 года и резкой «нехватке кредита», которая имела взрывоопасный характер (Sheridan, 1960, 186).

³⁹ Greene & Jellison (1961, 518). Эрнст (Ernst, 1976) утверждает, что кризис 1772 года обозначил переход от реформистского протестного движения к движению за независимость.

зависимости от экономических приоритетов имперского правительства в ущерб колонистам.

Общая ситуация обостряла отношения между мелкими фермерами и плантаторской элитой. В то самое время, когда более крупные плантаторы тем или иным образом бросали вызов британскому правительству, мелкие фермеры предпринимали деревенские акции, результатом которых станет «вызов и подрыв авторитета провинциальных институтов»⁴⁰, контролируемых местными элитами. В некоторых территориях по мере вовлечения мелких фермеров в политическую агитацию они радикализировали «патриотическую» деятельность⁴¹, однако в других местах обратились против нее⁴². Было ясно, что мелкие фермеры, по меньшей мере, в той же степени озабочены борьбой с плантаторами, сколь те были озабочены борьбой против британцев.

Наконец, не была пассивной и городская беднота. После 1763 года «неравенство быстро выросло» в городских центрах⁴³, особенно в Бостоне — «крупном городе, который меньше всего наслаждался процветанием» с 1765 по 1775 годы. Поэтому не было случайным, что как раз Бостон в эти годы был «наиболее радикальным городом»⁴⁴. Нэш полагает, что именно из этого недовольства вышла «большая часть тех общественных сил, которые видели в революции возможность создания нового социального порядка»⁴⁵.

Однако для Великобритании 1763 год стал переломным моментом, более значимым, чем просто послевоенный спад — он означал завершение второй фазы франко-британской борьбы за гегемонию. Тем не менее в этой схватке, в принципе выигранной Великобританией в 1763 году, потребуются еще один — последний — крупный спазм, пришедшийся на 1763—1815 годы, до того момента, пока гегемония больше не будет оспариваться Францией. Выше мы попытались поместить этот окончательный триумф Британии в контекст возобновления экономической экспансии капиталистического мира-

⁴⁰ Countryman (1976a, 57). Баркер говорит, что борьба против системы собственности в Мэриленде была «школой революции» (Barker, 1940, 375).

⁴¹ «Революция больше не была исключительной собственностью [городских интеллектуалов и торговцев, заслуживших титул радикалов], если она вообще когда-либо была таковой. А поскольку так случилось, она все более становилась революцией» (Countryman, 1976a, 61).

⁴² Ряд авторов отмечают двойственную роль правительственных чиновников в западных частях Северной Каролины (Greene, 1943; Kay, 1976) и других «революционеров поневоле» (Hoffman, 1976). С другой стороны, как утверждает Джон Шлебекер, тот факт, что во время революционной войны британцам приходилось отправлять в Америку продовольствие и фураж для своих армий, демонстрировал поддержку революции мелкими фермерами (Schlebecker, 1976, 21).

⁴³ Kulikoff (1971, 409). См. тж. Nash (1979, 253). Нэш утверждает, что в Бостоне, Нью-Йорке и Филадельфии начавшиеся в 1763 году экономические бедствия вели к «быстрому росту группы подлинно разоренных» среди трудящихся классов.

⁴⁴ Price (1976, 708—709).

⁴⁵ Nash (1984, 250). Более скептической точки зрения придерживается Прайс: «Это еще вопрос, имели ли зависимые бедняки... что-либо общее с революционной деятельностью» (Price, 1976, 709).

экономики (фаза А), которое мы отсчитываем приблизительно от 1730-х годов до (условно) 1817 года.

Как уже было показано на голландском примере XVII века (том II, глава 2) гегемония представляет собой такое состояние, при котором ведущая держава не опасается экономической конкуренции со стороны других государств центра. Поэтому такая держава стремится способствовать максимальной открытости мира-экономики. Некоторые историки называли подобную политику неформальной империей (то есть не колониальным, а фактически даже анти-колониальным империализмом). В частной ситуации британских имперских институтов именно это является структурной основой того, что Винсент Харлоу определял как основание «второй» Британской империи. Харлоу отмечает, что после Парижского мира 1763 года Британия осуществила «длительный прорыв в области морских открытий», единственной параллелью которым была эпоха Тюдоров. Целью этого было создание «сети коммерческого обмена» на всей территории Тихого и Индийского океанов, основанной на цепочке торговых портов и морских баз, но не на колониях. Исключением из этой модели суждено было стать Индии, и выше мы уже рассмотрели, почему так произошло.

Какое место в этой схеме занимали «старые» колонии, то есть колонии «первой» Британской империи? Главным образом они находились на Американском континенте, и, как отмечает Харлоу, в течение XVIII века, по мере обострения ссоры с американскими колонистами, «радикальные экономисты в Англии проповедовали невероятную доктрину, что их политическое отделение было бы желанной целью»⁴⁶. Но была ли подобная точка зрения действительно широко распространена среди реальных политических игроков (*policy makers*)? Свидетельств того, что именно так и было, немного — особенно в начале процесса. Не исключено, что можно домыслить, будто именно такая позиция лежала в основе аргументов Эдмунда Бёрка по поводу Американской революции⁴⁷. Однако в целом политики редко являются дерзкими и прозорливыми новаторами — как и большинство капиталистов. Инвесторы в то время подавали немного сигналов об «убежденности в необходимости выбора» между восточной торговой империей и колониальной системой Западного

⁴⁶ Harlow (1952, 3—5).

⁴⁷ Феликс Коэн в отчете британской колониальной комиссии 1949 года ставил этот вопрос следующим образом: «Почему именно эта реакционная сила во внутренней политике (два примечательных примера — Эдмунд Бёрк и У.Р. Хёрст) часто бросалась на поддержку независимых движений подчиненных народов? Ответ на оба эти вопроса, я полагаю, следует искать в признании того факта, что экономический империализм не обязательно зависит от политического, причем последний иногда даже выступает помехой для первого. Там, где возникают такие препятствия, устранить политическую фазу колониализма — в интересах империализма экономического» (Cohen, 1949, 103). С другой стороны, стоит, по меньшей мере, принять во внимание наблюдения Намьера (Namier, 1930, 45): «Если бы во время Американской революции Бёрк находился при должности», нам бы просто пришлось датировать его контрреволюционный консерватизм в духе тори (*Toryism*) примерно на 20 лет раньше».

полушария. Скорее они инвестировали «везде, где представлялась вероятность получить прибыль»⁴⁸.

Однако проблема заключается не в предвидении — структурные изменения своим чередом, медленно, но решительно меняют настроения и политику. Причина беспокойства американских переселенцев, несомненно, была комплексной, однако британское правительство в своей реакции на эти процессы оказалось в ситуации, когда рост его мощи в мире-экономике вынуждал его принимать в расчет более обширный набор интересов, чем раньше. Это ставило новые вопросы, и в данном случае, как отмечает Питер Маршалл, «вопросы предшествовали бедствиям»⁴⁹ или, по меньшей мере, тому, что казалось бедствиями поначалу.

Первый из этих вопросов заключался в нахождении политических решений, способных примирить требования, которые начинали выдвигать далекие белые поселенцы, с теми требованиями, которые были необходимы для сохранения внутреннего политического баланса в метрополии. В предыдущем томе мы уже рассматривали политическое значение Славной революции 1688—1689 годов как основы консенсуса между властью предержащими в Англии, а после Акта об унии 1707 года — в Великобритании⁵⁰. Институциональный ключ к этому компромиссу заключался в основополагающем верховенстве парламента при ограниченной роли монарха, которая по прошествии столетий стала еще более ограниченной. Любое требование переселенцев узаконить децентрализацию законодательной власти угрожало не только централизованному контролю британского государства над колониями, но и внутреннему основополагающему компромиссу в Великобритании, который уже был оплачен «присоединением Шотландии в 1707 году и коррупцией в парламенте при Уолполе и Георге III»⁵¹. Требование от короля употребить власть за пределами контроля английского парламента представлялось, по словам Намьера, «опасным и неконституционным возвратом к „исключительному праву“»⁵² — монаршей прерогативе.

Однако для Британии было по-прежнему рано даже думать о таком выходе из ситуации, характерном для XIX—XX столетий, как Содружество (не говоря уже о том, чтобы принимать такое решение), — именно потому, что британский монарх был еще слишком силен у себя дома, в Британии. Британия

⁴⁸ Marshall (1964a, 21).

⁴⁹ Marshall (1964b, 145).

⁵⁰ См. Wallerstein (1980, главы 3 и 6). Грин (Greene, 1968a, 168) говорит о «важном соглашении о фундаментальных принципах» в британской политической культуре XVIII века, основанных на святости договоренностей 1688—1714 годов. Это было тем более верно, что Семилетняя война положила полный конец якобитству. «В 1760 году *Scots Magazine* подсчитал, что в период войны каждый четвертый шотландец служил в британской армии и флоте; многие из этих рекрутов после войны оставались в Англии или часто женились на англичанках перед возвращением домой» (Colley, 1986, 100).

⁵¹ Innis (1943, 321).

⁵² Namier (1930, 42).

⁵³ Kammen (1970, 95, 113). «Современники считали жемчужинами империи владения в Вест-Индии, а не ее континентальные колонии» (Ragatz, 1935, 8). См. тж. Palmer

теперь вступала в «эпоху групп интересов», когда множество групп влияния ожидали от парламента ответа на свои действия в порядке осуществления его властных полномочий, и в этом контексте североамериканские поселенцы обладали меньшей мощью, чем множество соперничающих кругов. «Политическое влияние Северной Америки никак не соответствовало ее экономической значимости»⁵³.

Именно это, с точки зрения британских переселенцев в Северной Америке, и было проблемой. Одной из первых мер, предпринятых британским правительством после 1763 года, было внедрение договорных обязательств перед индейцами долины Огайо, которые оно взяло на себя в 1758 году. Соглашение предполагало, что если индейцы прекращают поддерживать французов, то им будут «гарантированы их собственные земли»⁵⁴. 7 октября 1763 года британцы издали прокламацию, объявлявшую, что долина Огайо закрепляется в качестве заповедной территории индейцев и поэтому является закрытой для переселенцев. Однако внушительный рост численности переселенцев в предшествующие два десятилетия был основан именно на «дешевой и легкодоступной земле»⁵⁵, поэтому создание «прокламационной линии» оказывалось закрытием этой двери.

Почему британцы создали эту линию? Да, они подписали договор с индейцами, но одного этого едва ли было достаточно, чтобы объяснить их действия. Представляется, что британская победа над французами открыла «северо-запад» двум группам, которые очень хотели эксплуатировать эту территорию: прежде всего, это охотники за пушниной из Новой Англии, ранее не допускаемые сюда французами, а следом за ними — потенциальные поселенцы и спекулянты землей. Прямолинейная «жестокость»⁵⁶ новых следопытов в отношении индейцев и общие опасения последних по поводу Парижского мира⁵⁷ привели к крупному восстанию, известному как заговор Понтиака, в котором участвовала значительная военная организация нескольких групп индейцев. Восстание было разгромлено путем «войны на полное уничтожение»⁵⁸, однако британцы получили из этого скорый урок.

(1959, 173): «Следует признать, что британскому правительству приходилось иметь в виду много групп интересов, от которых американцы отмахивались как от иностранных», а именно интересы сахарных плантаторов Вест-Индии, франкоканадцев, американских индейцев и Ост-Индской компании, не говоря уже о британском налогоплательщике.

Как добавляет Дж Болтон, аналогичные требования о привилегиях без налогообложения в это время выдвигались повсеместно. «Рассмотренная в этом контексте, Американская революция представляет собой просто наименее успешную попытку решить эти проблемы» (Bolton, 1966, 200).

⁵³ Gipson (1950, 94).

⁵⁵ Meinig (1986, 289).

⁵⁶ Chaunu (1964, 170).

⁵⁷ «Новость, что территории к западу от Аппалачей уступлены, взбудоражила индейцев» (Jennings, 1976, 334).

⁵⁸ Rich (1960, II, 4). Рич утверждает, что британский командующий генерал Амхерст «даже думал о распространении оспы среди недружественных племен и относился к индейцам скорее как к скоту, а не как к людям».

Королевская прокламация разделила Новую Францию. На севере было провозглашено новое государственное образование Квебек (но при этом Лабрадор и Антикости́ были присоединены к Ньюфаундленду). Однако тот же документ обратил все территории к западу от Аллеганских гор⁵⁹ в резервации, находящиеся под защитой индейцев на королевской службе (Indian Service)⁶⁰. Британские купцы быстро перехватили функцию французов в Монреале, в течение десяти лет создав «организацию, имевшую черты, удивительно схожие с аналогичной организацией при французском режиме»⁶¹. В результате по мере установления британских порядков торговля пушниной стала фактически «дотируемым ремеслом»⁶², поскольку индейцы теперь получали припасы из двух источников: путем покупки их у торговцев, которым платили мехами, и за счет предоставления тех же предметов в виде бесплатных подарков британского правительства.

Таким образом, упомянутая выше прокламация подчеркивала «масштабное расхождение интересов» между британцами и их поселенцами в Северной Америке. Британцы стремились «остановить западную экспансию своих колоний» и использовать территорию по ту сторону Аппалачей в качестве источника извлечения доходов от мирной торговли с безопасным туземным населением — подобную политику диктовали и «коммерческие причины, [и] соображения экономии»⁶².

В то же время британцы стали заставлять переселенцев понемногу оплачивать издержки империи и начали деятельно внедрять меркантилистские торговые установления. Это вело к десятилетнему противостоянию, в ходе которого колониальной оппозиции удалось добиться того, что британское правительство де-факто снова и снова капитулировало. Речь идет, например, о введении и последующей отмене Гербового акта и законов Тауншенда⁶³, причем за этими капитуляциями всегда следовали новые попытки британцев проводить такую же политику. В ходе этих событий обе стороны все больше «шли на принцип» или же становились все более идеологически мотивированными. В 1766 году, когда парламент отменил Гербовый акт, он одновременно принял Декларативный акт⁶⁴, подтверждавший формальное право облагать колонии налогами. В результате за десять лет колонисты, прежде возражавшие против отдельных актов, превратились в людей, в принципе отрицающих за британским парламентом это формальное право — «никаких налогов без представительства».

⁵⁹ См. Ryerson (1960, 201), см. тж. Chaunu (1964, 171). Шоню утверждает, что британцы «проводили политику защиты индейцев, тем самым проматывая громадный капитал симпатий, приобретенных ими на Западе» во время Семилетней войны.

⁶⁰ Innis (1956, 176). Иными словами, торговые дома в Монреале связывали лондонские торговые дома с более мелкими купцами в западных городах наподобие Мишилимакино и Детройта, которые, в свою очередь, имели дело с мелкими мобильными торговцами, путешествовавшими вместе с индейцами (французы называли их *coureurs de bois* [лесными посыльными — *фр.*]). Британцы продолжали использовать французских торговцев, хотя теперь в игру вступили различные выходцы из Англии, Шотландии и Ирландии. Эта группа участвовала в масштабных кредитных операциях с индейцами, которые расплачивались по кредитам охотничьей добычей. См. Stevens (1926, 122—124, 145).

Это было своего рода ускорением конфликта или усилением его градуса, ведь «за десятилетие противостояния не удалось разрешить единственную главную проблему»⁶³. Однако в ретроспективе эти проблемы не кажутся настолько уж неразрешимыми, а равно и столь уж новыми. Бернард Нолленберг утверждает, что они восходят к 1759 году⁶⁴, а Грин относит этот момент еще к 1748 году⁶⁵. Похоже, есть мало причин сомневаться, что без резкого экономического спада все противостояние в целом могло свестись к кратковременной буре⁶⁶.

Но существует и другая точка зрения, которую впервые высказал Бернард Бейлин. Она заключается в том, что фундаментальные проблемы колонистов носили не экономический, а «идеологический» характер, и Бейлин определяет их как борьбу между властью и свободой⁶⁷. В данном представлении

«неконституционное налогообложение, вмешательство чинуш, ослабление правосудия, совмещение должностей, Уилкс⁶⁸, регулярная армия — таковы были главные свидетельства намеренного покушения власти на свободу»⁶⁸.

Именно Чайный акт 1773 года, утверждает Бейлин, был переломным моментом для колонистов, от гнева которых нельзя было «легко отделаться, рассматривая его просто как канал для более фундаментальных экономических вопросов»⁶⁹.

⁶³ Stevens (1926, 161).

⁶⁴ Harlow (1952, 179, 184).

⁶⁵ Smith (1964, 6).

⁶⁶ Нолленберг (Knollenberg, 1960, 1) рассматривает реакцию на закон о денежном обращении как «колонияльное восстание 1765—1766 годов», на грани которого колонисты оказались в результате череды «провокационных британских мер» между 1759 и 1764 годами. Среди них: Акт о двух пенни в Виргинии, отклоненный в 1759 году Тайным советом, общие распоряжения о содействии таможенной службе 1761 года⁷⁰, запрет губернаторам в 1761 году давать поручения, не подлежащие отзыву королем, и попытки иерархов англиканской церкви усилить свои позиции.

⁶⁷ Решение колониальных властей в Британии «отказаться от уолполовской политики приспособления и попытаться привести колонии под более жесткий контроль... было не внезапно принято в 1763 году,... но принималось постепенно в течение десятилетия начиная с 1748 года» (Greene, 1973a, 65). Таким образом, то, что Нолленберг рассматривает как новые меры, для Грина было «просто возобновлением и расширением предыдущей программы реформ» (p. 74).

⁶⁸ Формулировка Чарльза Баркера в отношении Мэриленда представляется мне верной и в более широком контексте: «Без длительного спада торговли табаком ни политическое недовольство, ни связи между колониями не стали бы столь заметны. Конституционная борьба не могла вырасти лишь из английской традиции, равно как и из правосознания — громадную динамику ей придавали экономические потребности» (Barker, 1940, 376).

⁶⁹ Не я, а Бейлин придает этой проблеме антропоморфные черты: «Высший смысл агрессивности власти придадо то, что объектом ее природной дикости, ее необходимой жертвой были свобода, или закон, или право» (Bailyn, 1967, 57).

⁶⁸ Bailyn (1967, 117).

⁶⁹ Это утверждение Меррилла Дженсена 1963 года Бейлин одобрительно цитирует в: Bailyn (1967, 118, сн. 26).

Однако Бейлин опровергает собственное утверждение о первенстве идеологических мотиваций, обращаясь к борьбе на другом фронте. Отвечая тем, кто осмелится спорить, что значимость Американской революции состояла в социальной революционной борьбе, которая увенчалась свержением «*ancient régime*», Бейлин стремится подчеркнуть, что де-факто великая революционная цель «равного статуса перед законом» в Британской Северной Америке была давно достигнута на практике. Именно на практике, но не в теории, признает Бейлин: «Многие ощущали, что эти изменения... представляли собой отклонение от нормы, что им не хватало, попросту говоря, легитимности». Здесь возникало «расхождение между умственным навыком и верой, с одной стороны» (данные навыки, утверждает Бейлин, оставались «аристократическими» в том смысле, что колонисты «уступили классам благородных и богатых право отправления публичных должностей»), и «опытом и поведением, с другой стороны». Это расхождение прекратилось вместе с революцией: «Этим осознанием и даром, наряду с высокой моральной целью утверждения основ, смешением элементов социального и политического изменения... и была Американская революция»⁷⁰.

Однако Бейлин не может совместить обе точки зрения. Если мотивация, которая двигала колонистами, была в первую очередь идеологической, то они в целом не могли этого не осознавать; их движущей силой не могли выступать просто «основания, смешивавшие элементы социального и политического изменения»⁷¹. Прежде всего, как утверждает Артур Шлезингер, точка зрения, что революция была «великим судебным процессом по поводу абстрактных государственных прав, не выдерживает ближайшего рассмотрения». Именно по этой простой причине идеологический аргумент никогда последовательно не выдвигался на первый план:

«В лучшем случае выдвижение на первый план политических тем антипарламентской партией являлось основанием для ее отступления с одной стратегической позиции на другую. Отвергая точку зрения, согласно которой их свободы были основаны на дарованных правах, они апеллировали к своим конституционным правам как англичане, и когда эта позиция стала непригодной, они воспользовались доктриной прав человека»⁷².

Конечно, в идеологическом смысле колонисты метались между разными требованиями. В ходе серьезной политической схватки все мы стремимся использовать те аргументы, которые у нас есть под рукой, и иногда, несомненно,

⁷⁰ Bailyn (1962, 348, 350—351).

⁷¹ В целом пронизательную критику взглядов Бейлина на идеологию и ее роль в Американской революции см. в: Ernst (1973b). Настойчивый акцент Бейлина на идеологических воздействиях Американской революции странным образом отразился у Герберта Аптекара, который пишет с позиций исторического материализма: «Пропаганда народного суверенитета... как единственного легитимного базиса государственной власти была в основе своей революционным событием... Революция представляла собой... фундаментальный слом теории государства» (Aptheker, 1960, 233—234).

⁷² Schlesinger (1919, 76).

начинаем страстно верить в их подлинность. А далее мы склонны думать, что всегда считали именно так, к чему пришли в результате, но для исследователя это сомнительная практика — делать что-либо большее, чем признавать пост-фактум (aposteriori) использование идеологических позиций. Факт же состоит в том, что на протяжении того периода, когда колонисты продолжали пользоваться «осязаемыми преимуществами империи», они не были мятежниками, но когда «итоги Семилетней войны радикально изменили ситуацию»⁷³, их политическая, а стало быть, и идеологическая позиция стала меняться.

Однако перед нами по-прежнему остается вопрос: почему они не были более «терпеливы»? Иэн Кристи и Бенджамин Лабейри утверждают, что беспокойство колонистов относительно «появления имперских практик, похоже, выдает их опрометчивое нежелание видеть воздействие текущих демографических трендов». Авторы заявляют, что если бы поселенцы подождали меньше двух поколений, то они оказались бы в таком положении, когда «спорить с Великобританией можно было с позиции материального превосходства»⁷⁴. Однако обвинять поселенцев в «опротечивой слепоте» — значит проявлять исследовательское высокомерие. Почему бы не избрать более простое объяснение? Тем, кто противостоял Гербовому акту 1765 года и пошлинам Тауншенда 1767 года, прежде всего пришлось столкнуться с их непосредственным финансовым воздействием — как прямым, в виде налогов, так и косвенным, в смысле их влияния на баланс торговли. При этом и колонисты, и их друзья в Великобритании боялись, что все эти меры «убьют курицу, несущую золотые яйца»⁷⁵. К тому же, как и в большинстве экономических кризисов, негативные моменты накапливались. Например, череда плохих урожаев в Англии, начавшаяся в 1764 году, вела к росту спроса на экспорт зерновых из Средних колоний. Для некоторых это, несомненно, было хорошей новостью, но, учитывая высокий уровень безработицы и бедности в городах, последовавший резкий рост цен на продовольствие в Британской Северной Америке вел к требованиям запретить экспорт⁷⁶. Накопление недовольства достигло той точки, когда небольшого взрыва представлялось достаточно, чтобы подтолкнуть каждую из сторон к еще более воинственной позиции. Таковы были соображения, исходя из которых британцы становились все менее и менее гибкими, а белые переселенцы-колонисты — все более и более раздраженными. «Радикальные» элементы, которые сеяли требования о независимости, выглядели все менее и менее безрассудно. Именно в такой атмосфере

⁷³ Ernst (1976, 172).

⁷⁴ Christie & Labaree (1976, 276). Интересно, что демографические тренды, на которые они намекают, — это главным образом численность белых переселенцев. Но при этом они игнорируют другую демографическую тенденцию: с 1670 по 1770 годы доля чернокожих в населении Британской Северной Америки выросла с 4 до 20%, а между 1700 и 1775 годами численность ввезенных африканских рабов была равна численности европейских мигрантов. См. Walton & Shepherd (1979, 56—57). Это также был «зачаточный, смешанный элемент социального... изменения», который мог сформировать часть латентного сознания переселенцев.

⁷⁵ Andrews (1924, 139).

⁷⁶ См. Sachs (1953, 284—290), Ernst (1976, 180—181) и Nash (1979, viii).

британцы выступили с блестящим, но неблагоприятным маневром — Актом о Квебеке⁷⁷, принятым 22 июня 1774 года в качестве конституции этой провинции.

У этого акта было два аспекта. Во-первых, вопрос о том, какую форму правительства получит Квебек, а это было проблемой, учитывая конфликт между более ранними, франкоговорящими (и к тому же католиками), поселенцами и более поздними, англоговорящими и протестантскими, колонистами. Во-вторых, расширение границ Квебека с целью присоединения к его территории долину реки Огайо, что предполагало конфликт за контроль над этой долиной между кругами, вовлеченными в добычу пушнины, и сельскохозяйственными поселенцами⁷⁷.

Англоговорящие протестантские поселенцы в Квебеке с момента завоевания этой провинции Великобританией стремились к автономному местному правительству, причем к такому, из которого были бы исключены франкоговорящие «паписты». Британские власти и особенно губернатор Карлтон⁷⁸ противостояли их требованиям под ответным нажимом франкоговорящего сообщества. Этот спор продолжался с 1764 года. Британские чиновники в конечном итоге убедили колеблющегося Георга III удовлетворить ключевые требования франкоканадцев: свободу католического богослужения в рамках широко трактуемого «главенства» Церкви Англии, повторное установление французского (то есть римско-голландского) гражданского права, разрешение католической церкви собирать десятину и отмена требования к гражданским чиновникам приносить антипапистскую клятву⁷⁸.

В то же время частью Квебека стала долина Огайо, где у франкоговорящего крестьянства не было особых интересов. Однако для охотников за пушниной это была ключевая территория. Конечно, можно гадать, почему основанная в 1763 году система индейского резерва оказалась неэффективной. Хильда Нитби утверждает, что потребность в более прямой форме управления на этой территории сформировал сам успех пушной торговли, ее расширение, «предполагавшее более сложные отношения с индейцами». Подобное управление могло вестись либо из Монреаля, либо из Олбани⁷⁹ — двух перевалочных центров пушной торговли. Учитывая это, «выбор Квебека был очевиден». Однако для тех, кому требовалась земля, ситуация теперь стала еще более «угнетающей»⁷⁹, не говоря уже о разочаровании торговцев пушниной, которые базировались в Олбани⁸⁰.

По ряду причин это решение взбудоражило прибрежные колонии. Во-первых, им казалось, «что плоды Семилетней войны были принесены в жертву, а страх оказаться в окружении индейцев и французов с севера и запада легко

⁷⁷ Квебекский акт также восстановил принадлежность провинции Лабрадор Мадленских островов⁷⁷ и острова Антикости.

⁷⁸ См. Lanctot (1965, 21—38).

⁷⁹ Neatby (1966, 134—135).

⁸⁰ «Акт о Квебеке... признал первенство пушнины в канадской экономике, равно как и контроль Монреаля над западными территориями... [Он] заложил основу для новой попытки экспансии» (Ouellet, 1971, 102). Уэллс отмечает, что до этого базировавшиеся в Монреале торговцы бобровым мехом осуществляли лишь «медленное завоевание»,

возродился»⁸¹. Во-вторых, колонисты «боялись абсолютистского правительства, сформированного по соседству [и] католической религии, которая ассоциировалась у них с нетерпимостью и инквизицией»⁸². В-третьих, их особенно страшило то, что законы, по которым управлялась долина Огайо, примут «столь нехарактерную для Англии форму землевладения»⁸³. Наконец, Акт о Квебеке был принят в то же время, что и Невыносимые законы⁸⁴, и поэтому был «опорочен ассоциацией с ними». В связи с этим колонисты «естественным образом, хотя и не критически», рассматривали Акт о Квебеке «как систематическое восстановление старой северной угрозы для прибрежных колоний — на сей раз в британских целях»⁸⁴.

Тем самым делегаты Континентального конгресса⁸⁵ в Филадельфии оказались перед дилеммой — как одержать победу над Квебеком в своих целях, одновременно отменив Квебекский акт? Было найдено следующее решение: Континентальный конгресс провел «искусную» кампанию, в которой подчеркивалась проблема налогов и утверждалось, что Квебекский акт, по сути, был триумфом альянса духовенства и земельных сеньоров⁸⁵. Это заявление не осталось без отклика простых франкоговорящих жителей сельской местности⁸⁶.

Что же касается купцов, то «канадский торговый класс» с огромной осторожностью реагировал на стремление Континентального конгресса «к любым возможным уступкам, чтобы расположить его к себе»⁸⁷. С одной стороны, купцы были расстроены Актом о Квебеке, который отобрал у них английское

но теперь могла возникнуть преуспевающая элита. В то же время «1774—1775 годы были отмечены снижением роли Олбани как в экспорте пушнины, так и в перенаправлении торговых статей на запад».

⁸¹ Van Alstyne (1960, 38). Как отмечает Иннис, «в чрезвычайно значительной степени Американская революция и падение Новой Франции были фазами борьбы оседлого образа жизни против пушнины» (Innis, 1956, 178). Иннис усматривает параллель между французской оккупацией долины Огайо в 1754 году в качестве непосредственного пролога к франко-индейской войне 1754—1763 годов и Актом о Квебеке в отношении к событиям 1776 года.

⁸² Trudel (1949b, 16).

⁸³ Knollenberg (1975, 124).

⁸⁴ Brebner (1966b, 54).

⁸⁵ Это не было ошибкой. Как отмечает Фернан Уэллс, «в 1774 году все вело духовенство и сеньоров к тому, чтобы оказаться на стороне правительства. Вера в абсолютную монархию была основана на священном праве, которое приобрело еще большую значимость, поскольку буржуазия не требовала парламентского правления и не предлагала новую систему ценностей для общества» (Ouellet, 1971, 118).

⁸⁶ Lanctot (1965, 87—88). Уэллс указывает, что реакция франкоговорящего крестьянства была «более сложной, чем считалось в те времена». Она включала страх за свою безопасность из-за военной слабости британских властей, но в то же время крестьянство сопротивлялось волонтерской военной службе, поскольку начиная с 1760 года крестьяне убедились, что «английское правительство хотело призвать [их] в армию лишь для того, чтобы лучше организовать массовую депортацию» (Ouellet, 1971, 122).

⁸⁷ Stevens (1926, 49).

гражданское и торговое право (равно как и суд присяжных и принцип *habeas corpus* [неприкосновенности личной свободы — лат.]). С другой стороны, они напрямую конкурировали с купцами Новой Англии⁸⁸.

В сентябре 1774 года Континентальный конгресс направил «послание канадскому народу», где подчеркивалось отсутствие в статьях Акта о Квебеке принципа демократического правительства, цитировались труды Монтескье о народной свободе и превозносился пример Швейцарской конфедерации протестантских и католических кантонов. Конгресс даже напечатал это послание на французском, и две тысячи его копий были широко распространены⁸⁹. Однако в то же время в Великобританию был отправлен адрес с протестом против Акта о Квебеке, где говорилось, что неблагочестивые и фанатичные католики несут Англии кровопролитие. Губернатор Карлтон распространил это письмо в Квебеке, где эту двойную игру не оценили⁹⁰. Тем не менее, когда Континентальная армия вступила в эту провинцию осенью 1775 года, многие франкоговорящие крестьяне относились к ней как к «подлинной армии-освободительнице»⁹¹, несмотря на угрозы духовенства, которое сплотилось на британской стороне, а тем, кто отказывался бороться с захватчиками, оно угрожало отлучением от причастия и даже анафемой⁹².

Поначалу военная акция была успешной (Монреаль пал), но затем провалилась. Мятежные колонисты сохраняли нерешительность, а Декларация независимости все еще была делом будущего⁹³. Протестантский купеческий класс решил, что его «глубочайшие потребности», то есть «близкие связи с Лондоном и неограниченная торговля с индейцами на дальнем западе», были именно тем, чего не могли допустить мятежные колонисты⁹⁴. А франкоговорящие *habitants* [жители — фр.] осознали, что их просят подписаться под еще более радикальными целями, чем американских колонистов, поскольку цели последних были «по своему характеру либеральными и протестантскими».

⁸⁸ Ouellet (1971, 120). Кроме того, они боялись, что «пушная торговля окажется в руках [франкоговорящих] канадцев» (Lanctot, 1969, 51). Следовательно, «можно почти не сомневаться, что их интересы затрагивали тех, кто включался в пушную индустрию, чтобы сохранить лояльность Великобритании» (Stevens, 1926, 49). См. тж. Clark (1959, 118): «Именно нежелание монреальских купцов отказаться от британского рынка привело к тому, что они отвергли предложение отправить делегатов на Континентальный конгресс».

⁸⁹ Ryerson (1960, 208—209).

⁹⁰ См. Trudel (1949b, 25—31).

⁹¹ Clark (1959, 101).

⁹² См. Ryerson (1960, 208—210).

⁹³ Стэнли Райерсон полагает, что именно это и сыграло решающую роль: «Главным, ради чего канадцы могли восстать в союзе с американцами, был вопрос национальной независимости от чужеземного правления. Однако американские колонисты еще не заняли позицию в пользу открытой независимости — их Декларация независимости была принята только после вторжения в Канаду. „Если бы эта декларация состоялась девятью месяцами раньше, — с сожалением заметил... Сэмюэл Адамс, — то Канада сегодня была бы наша”» (Ryerson, 1960, 214).

⁹⁴ Creighton (1937, 64).

Вызов был брошен не только авторитету государства, но и в равной степени «авторитарному церковному порядку». Поэтому первоначальная симпатия *habitants* превратилась в более масштабный антагонизм⁹⁵. В конечном итоге, по утверждению Дехио, Британия удерживала Канаду «по той самой причине, что там не было английских поселенцев». А местные католики полагали, что их пуританские соседи более фанатичны, нежели «неосмотрительно толерантный лондонский режим»⁹⁶.

По мере этого нарастания воинственности американских колонистов социальная база поддержки движения, как это часто случается в революционных ситуациях, стала определенным образом меняться. Социально консервативные элементы нередко оказываются испуганы той движущей силой, которую создают их же протесты в своих собственных интересах. Слова Шлезингера о купцах северных колоний, возможно, справедливы и в более широком контексте:

«Опыт 1764—1766 годов дал купеческому классу пищу для иных размышлений. У него имелось намерение обратить дело в собственную пользу, но в своем рвении оно превзошло само себя, когда на помощь были призваны непокорные элементы населения... Купцы смутно начинали улавливать гнев пробудившихся и осознавших себя групп радикальных элементов»⁹⁷.

Несмотря на то что до 1774 или 1775 года революционное движение, как отмечает Дженсен, не было демократическим или радикальным, «за исключением отдельных недосмотров», народная мобилизация определенным образом изменила положение дел и в большей степени выдвинула вперед популярные требования⁹⁸. Изменилась ли эта ситуация до такой степени, когда борьбу уже нельзя было не называть в первую очередь «народной войной»⁹⁹, то есть такой войной, в которой «сила революционной партии главным образом заключена в обыкновенных людях, а не в аристократии»?¹⁰⁰

Возможно! Представляется очевидным, что «у современников не было сомнений в том, что война за независимость сопровождалась борьбой за то, кто должен править у себя дома»¹⁰¹. Однако подобное развитие радикализации вызвало два ответных действия. Первое из них заключалось в полном прекращении поддержки движению за независимость, и кто-то поступил именно так¹⁰², а второе было направлено на возвращение лидерства в борьбе, чтобы

⁹⁵ Clark (1959, 117).

⁹⁶ Dehio (1962, 122).

⁹⁷ Schlesinger (1917, 91—92).

⁹⁸ Jensen (1957, 326). Из этого Дженсен делает вывод, что «Американская революция была демократическим движением не по своим истокам, а по своему результату» (р. 341).

⁹⁹ Aptheker (1960, 59).

¹⁰⁰ Jameson (1926, 25).

¹⁰¹ Lynd (1961, 33). См. далее: «Одно только опасение подобной внутренней революции заставляло Роберта Л. Ливингстона долго колебаться на грани независимости».

¹⁰² «Многие купцы... побуждаемые более широким пониманием классовых интересов, [в 1775—1776 годах] открыто связали свою судьбу с метрополией» (Schlesinger, 1917, 604).

трансформировать классовые цели в чисто национальные»¹⁰³. Имели место обе эти реакции, что и объясняет раскол между революционерами и лоялистами среди более состоятельных социальных групп. Те, кто, присоединяясь к движению за независимость, стремились к более умеренному политическому результату, исторически оказались более значимы, нежели тори, и в длительной перспективе смогли достичь своих целей, поскольку «радикальные элементы... в действительности по-прежнему составляли меньшинство колониального населения»¹⁰⁴.

При этом также важно отметить, что группы, готовые реагировать на недовольство британским правительством, побеждали не везде. После 1763 года на Американском континенте было 30 британских колоний, и все они подчинялись торговым и навигационным актам. Поэтому, как утверждает Лоуренс Харпер, подлинное объяснение Американской войны за независимость «должно продемонстрировать, почему к мятежу присоединились только 13 колоний, в то время как 17 сохраняли лояльность»¹⁰⁵. Такая постановка вопроса особенно верна, поскольку 13 колоний предпринимали различные усилия, чтобы обеспечить присоединение к движению за независимость остальных.

Попытка втянуть в революцию Квебек оказалась бесплодной. Однако Квебек был особой территорией, учитывая то, что большинство его жителей оказались под британским правлением лишь недавно и не считали себя «британцами». Похожим специфическим случаем также была Восточная Флорида¹⁰⁶. Однако на североамериканском континенте присутствовала еще одна британская колония, которая была потенциальным кандидатом на присоединение к

¹⁰³ «Похоже, что большинство лидеров вигов за пределами Новой Англии рассматривали войну с Британией не как средство достижения независимости, а как альтернативу революции и даже как гарантию от нее. Война... дала временное единство целей всем американцам, за исключением законченных тори, а также направила против британцев энергию, которая в противном случае могла обратиться против сложившегося в колониях социального порядка» (Nelson, 1961, 117).

См тж. Hoerder (1976, 265—266): «Санкционируя некоторые спонтанные мятежи уже после того, как они случились, виговская элита выступала в качестве лидеров, даже когда она пыталась обуздать толпы... Риторика общих интересов и покровительство лидеров направляли народные требования в иное русло».

¹⁰⁴ Schlesinger (1919, 75).

¹⁰⁵ Harper (1942, 24). Цифра 30, приводимая Харпером, возможно, занижена. В первом томе Атласа Новой кембриджской истории я насчитал 39 колоний. Несомненно, вопрос заключается в том, как считать различные территории Вест-Индии.

¹⁰⁶ Восточная Флорида была приобретена у Испании в 1763 году. Там было немного британских поселенцев, которые стремились воспроизвести структуру плантационного хозяйства Южной Каролины, однако неудача с разведением риса и медленное развитие посадок индиго выступали «очевидным тормозом для заселения этой территории» (Chesnutt, 1978, 14).

На этих плантациях использовался труд батраков из Южной Европы. Около 1400 работников, в основном с Менорки, а также 100 итальянцев из Ливорно и несколько греков, были завербованы в Новую Смирну'. «Эта однородная группа стала

движению за независимость, поскольку она была населена в основном «новыми» англичанами, — а именно Новая Шотландия. Согласно формулировке Джона Б. Бребнера, если бы на североамериканском континенте существовало географическое ядро колоний, где в 1774 году ярко горел «огонь неизбежной революции», то по мере смещения к краям его жар становился все меньше. Джорджия, Вермонт, Мэн и Новая Шотландия «висели на волоске»¹⁰⁷, но в результате только Новая Шотландия не оказалась в одной компании с остальными.

В это время между Новой Шотландией и Новой Англией существовали тесные, фактически семейные связи. Более того, подобно южным плантаторам, жители Новой Шотландии в это время были «отягощены долгами» и могли испытывать искушение желанием бунта, чтобы отказаться от долгов¹⁰⁸. Несмотря на это, в ответ на предложение активной солидарности они демонстрировали «апатию»¹⁰⁹ и вместо солидарности заявляли о позиции «нейтралитета»¹¹⁰. Одним из значимых факторов их нежелания затевать мятеж была военная слабость: Новая Шотландия представляла собой незащищенный полуостров с очень разбросанными поселениями¹¹¹. Другим фактором было то, что Новая

чрезмерным бременем для скудных ресурсов колонии, и спустя два месяца после высадки [в 1768 году] начался мятеж, который возглавили греки и итальянцы». Несмотря на то что этот мятеж был подавлен, а два его лидера казнены, беспорядки продолжались. «С началом Американской революции выходцы с Менорки, прежде наиболее мирная часть колонистов, вступили, как считалось, в заговор с испанцами в Гаване» (Morris, 1946, 178–180). Похоже, что между плантаторами-лоялистами и ориентированными на испанцев выходцами с Менорки оставалось мало места для сторонников Американской революции.

¹⁰⁷ Brebner (1966b, 56–57). Что касается Ньюфаундленда, то он был слишком скудно населен и экономически слаб даже для одной возможности восстания, он «еще не был способен проводить самостоятельный курс».

¹⁰⁸ Brebner (1937, 293).

¹⁰⁹ Brebner (1937, 353). Как утверждает Бребнер, «то, что... [Новая Шотландия] не могла даже позволить себе полное представительство в собственной ассамблее, можно объяснить бедностью, а почти в равной степени и географическими барьерами». См. тж. Kerr (1932a, 101): «Не подлежит сомнению, что по отношению к восстанию британские переселенцы из Новой Шотландии лелеяли пассивную симпатию, но очевидно и то, что они не могли начать восстание всерьез».

¹¹⁰ «Притязание на нейтральную позицию выступало способом защиты связей с соседними революционными колониями, избегая при этом открытого разрыва с Британией» (Clark, 1959, 105).

¹¹¹ «В 1776 году на пути успешного присоединения Новой Шотландии к революционным колониям... стояли только британские флот и армия... Провал революции был главным образом обусловлен британскими успехами в ведении войны в тех территориях, которые можно было окружить или взять в блокаду морскими силами. Американское революционное движение было континентальным» (Clark, 1959, 102). См. тж. Rawluk (1963, 380). Роулик обнаруживает, что нежелание Новой Шотландии присоединиться к восстанию, несмотря на «широко распространенную симпатию к революционным принципам», наиболее удовлетворительно объясняется тем, что у нее не было военно-морского флота.

Англия направила свою «экспансионистскую» энергию в направлении Квебека и не считала Новую Шотландию достаточно важной, чтобы рисковать ради нее своей военной силой¹¹².

Но все же обитатели Новой Шотландии жили на границе и, «как и все народы фронта, были сепаратистами»¹¹³. Однако они оказались слишком слабы, чтобы вести политическое (то есть, в данном случае, военное) сопротивление, и в связи с этим (или, по крайней мере, так представляется) они нашли выход в религиозном движении Великого пробуждения. Небольшие поселения Новой Шотландии были населены главным образом сторонниками конгрегационализма, опасавшимися возвращения «угрозы епископства», которое навязывали им Лондон и Галифакс (столица Новой Шотландии). Когда, вдобавок к этому, они оказались в ситуации давления на себя и нежелания делать выбор между своей родней в Новой Англии и лояльностью короне, возрождение религии «давало одновременно и выход, и поддержку»¹¹⁴.

Ривайвелистское движение, известное как Новый свет, выросло из «тех же условий социального беспокойства и неудовлетворенности»¹¹⁵, что и революционные движения в других местах, однако для британцев оно было очевидно более приемлемым в политическом отношении. Кроме того, оно давало жителями Новой Шотландии «новое чувство идентичности», так что к 1783 году казалось, будто эта территория стала «витальным центром христианского мира»¹¹⁶. Тем самым Новая Шотландия ушла с орбиты Соединенных Штатов в самом процессе их создания. Для будущего США это не имело экономической значимости, а Новой Шотландии, возможно, принесло выгоду в краткосрочной перспективе¹¹⁷. Однако в долгосрочной перспективе это имело крупные геополитические последствия, поскольку, если бы Новая Шотландия стала четырнадцатым штатом, то не возникает особых сомнений, что Англии было бы трудно удержать ее в составе Канады, поэтому в результате Англия, возможно, была бы «выдавлена» из Америки¹¹⁸. Если бы это случилось, то весь процесс переселенческой деколонизации мог бы принять иной поворот.

Иначе выглядели отношения колоний с Британией в Карибском бассейне. В отличие от Британской Северной Америки, которая переживала период

¹¹² Rawlyk (1973, 230). Роулик утверждает, что продвижение войск Массачусетса в Новую Шотландию в 1776 году не удалось из-за их слабости. «Сложно предположить, что в 1776 году Массачусетсу была безразлична судьба Новой Шотландии» (p. 240).

¹¹³ Clark (1959, 70).

¹¹⁴ Armstrong (1946, 54).

¹¹⁵ Clark (1959, 111).

¹¹⁶ Rawlyk (1973, 250–251).

¹¹⁷ «С разрывом торговых отношений с Новой Англией... стратегическое военное положение Галифакса придало ему новую значимость как центра торговли... Экономические преимущества, которыми Новая Шотландия пользовалась как часть Британской империи при отстранении от участия в торговле „старых колоний“, постепенно себя оправдали» (Clark, 1959, 110–111).

¹¹⁸ Weaver (1904, 52).

экономической депрессии, Вест-Индия вступила в эпоху сахарного бума, причем сахар был ее главным экспортным продуктом¹¹⁹. Кроме того, Акт о свободном порте 1766 года успешно противодействовал торговой депрессии в Вест-Индии, истоки которой уходили еще в 1751 год. Дело в том, что более чем на протяжении столетия торговля в Вест-Индии имела значительный контрабандный компонент — в результате именно контрабанда стала главным способом торговли между Великобританией и Испанской Америкой. Но около 1751 года в этой торговле произошло «радикальное изменение»¹²⁰. Вместо британских кораблей, торгующих в испанских портах, в британские порты зачастили испанские корабли. В условиях действия Навигационных актов это, конечно, было совершенно незаконно, но поначалу местные британские власти проявляли попустительство. Однако в 1763—1764 годах в качестве части общей политики закручивания гаек, инициированной Гренвилем¹²¹, были приняты новые акты, в которых провозглашалось, что иностранные корабли, находящиеся вблизи британских портов, подлежат конфискации¹²¹.

С приходом кабинета Рокингема в 1765 году для успокоения североамериканцев был отменен Гербовый акт, а для купцов Вест-Индии с аналогичной целью был принят Акт о свободном порте. Исходная мотивация этих мер была связана с сахаром французских островов. Британские колонисты были против приобретения Гваделупы, поскольку они опасались конкуренции. Однако продукция британских островных колоний, хотя ее и хватало для обеспечения Великобритании, не могла удовлетворить спрос на реэкспорт на континент. Открывая порты Британской Вест-Индии для нелегального экспорта с французских островов, чей сахар затем проследует через Британию и далее будет продаваться на континенте, Британия в результате могла не только получить свой кусок, но и съесть его, пожиная прибыль и от торговли, и транспортировки без политических издержек колониальной администрации.

Когда Акт о свободном порте был принят, оказалось, что он направлен не только на получение сахара с французских островов, но и на оживление торговли с Испанской Вест-Индией, в особенности через Ямайку. И если первоначально этот процесс был медленным, то в более длительной перспективе он окажется очень успешным. В любом случае это ускоряло непосредственную реакцию Испании на Акт о свободном порте¹²², которая, впрочем, составляла лишь малую часть более значительной проблемы, перед которой оказалась Испания. В длительной перспективе Парижский мир для Испанской Америки имел столь

¹¹⁹ Пэйрз (Pares, 1960, 40) называет годы между Парижским миром и началом Американской революции «серебряным веком сахара».

¹²⁰ Armytage (1953, 22).

¹²¹ Пункт XXIII Сахарного закона^{***} (4 Geo. III, с. 15) предполагал конфискацию иностранных судов в британских портах. «Именно с этой формулировкой... ямайские купцы связывали упадок испанской торговли» (Christelow, 1942, 320). Об Акте о свободном порте в качестве попытки компенсировать последствия захвата испанских судов см. Williams (1972, 378—379).

¹²² «И испанцы, и французы были преисполнены обиды на англичан за те методы, которые они использовали, чтобы сломать монополию, практикуемую каждой

же важные последствия, что и для британских колоний, по одной очень простой причине. С устранением Франции в качестве крупного игрока на американской сцене «Испания на следующие два десятилетия осталась в одиночестве перед лицом английской угрозы»¹²³. А основная проблема Испании оставалась той же, что и, по меньшей мере, за столетие до этого. Как насмешливо заметил немецкий публицист XVII века Самуэль Пуфендорф, «Испания держала корову, а молоко пила остальная Европа»¹²⁴. Теперь же даже содержание коровы казалось поставленным под вопрос.

Эта угроза, конечно же, возникла еще до Парижского мира. Британские купцы, базировавшиеся на Ямайке, уже в 1740-х годах стремились полностью миновать перевалочный узел в Кадисе¹²⁵. В 1762 году британцы захватили Гавану и Манилу и угрожали Веракрусу. Хотя по Парижскому миру Гавана вернулась испанцам, и даже несмотря на то, что Франция, кроме того, уступила Испании Луизиану в качестве компенсации за ее помощь во время Семилетней войны, британская угроза тем не менее представлялась очень реальной. В 1765 году король Испании Карл III инициировал знаменитые реформы, которые ассоциируются с его правлением, — внедрение *comercio libre*, или свободной торговли.

Свободная торговля, несомненно, была «стратегией»¹²⁶ Карла III, но необходимо отчетливо представлять, что в данной ситуации само словосочетание «свободная торговля» имело довольно ограниченный смысл. В действительности политика испанцев представляла собой «лишь либерализацию торговли *внутри* имперской структуры»¹²⁷. Черета декретов 1765, 1778 и 1789 годов в целом обеспечивала три вещи: значительную свободу торговли испанских колоний между собой, отмену монополии Севильи и Кадиса на Пиренейском полуострове¹²⁸ и разрешение испанским колонистам самостоятельно доставлять товары из колоний в испанские порты¹²⁹. Главной целью этой внутримперской либерализации было «отмстить Великобритании»¹²⁹.

Эту месть предполагалось осуществить двумя способами. Во-первых, планировалось снизить привлекательность широко распространившейся

из этих двух наций в своей колониальной империи. В испанском случае за открытием британских свободных портов последовало несколько попыток усилить барьер, защищавший испанскую монополию» (Argmytage, 1953, 48). См. тж. Hammett (1971, 27). Эта ответная мера испанцев попросту стимулировала стремление британцев сделать Вест-Индию «перевалочным пунктом для торговли с запрещенными территориями» (Goebel, 1938, 289).

¹²³ Brown (1928, 187). См. тж. Savelle (1939, 162).

¹²⁴ Цит. в: Christelow (1947, 3).

¹²⁵ См. Stein & Stein (1970, 95–96).

¹²⁶ Avelino (1978, 83).

¹²⁷ Stein & Stein (1970, 100).

¹²⁸ См. Arcila (1955, 94–95). Второй из этих аспектов реформ был, конечно, в равной степени и внутренней проблемой континентальной Испании и представлял собой «триумф испанских периферийных зон над монополистическим централизмом Кадиса». Однако, как добавляет Васкес де Прада (Vázquez de Prada, 1968, 220), «в еще большей степени это был триумф американской экономики над испанской».

¹²⁹ Navarro García (1975, 137).

контрабандной торговли с британцами (и прочими нациями), сделав более прибыльной для колонистов торговлю с континентальной Испанией. Тем самым предполагалось свести на нет все то, что было призвано усилить британский Акт о свободном порте. Второй же способ должен был иметь более прямую направленность. Предполагалось, что обратной стороной либерализации внутриимперской торговли окажется куда более существенное управление империей со стороны метрополии. При Габсбургах дух испанской колониальной бюрократии заключался в формулировке *Obedezco pero no cumpro* («Повинуюсь, но не исполняю»). Бурбонам, начиная с Карла III, суждено предпринять попытку изменить эту ситуацию. Поэтому «либерализация», которая на поверхности, казалось, означает большую свободу, в действительности предполагала «меньше свободы де-факто,... поскольку [американские колонисты] теперь были подчинены более действенной монополии, в частности, лишившись тех преимуществ, которые были расширены для испанцев»¹³⁰. Этот кажущийся парадокс проистекал из следующего факта. В то самое время, когда испанское правительство сокращало разницу в торговых правах резидентов Пиренейского полуострова и колонистов, оно де-факто увеличивало разницу в правах между резидентами Пиренейского полуострова на территории колоний и креолами.

Принципиально важно отметить, что уже в 1763 году британцы и испанцы столкнулись с аналогичными проблемами в двух сферах. Во-первых, законы, управлявшие их колониальной торговлей, «почти безнаказанно» нарушались их же собственными гражданами, а если они не нарушались, то это происходило в большей степени благодаря «удобству и уступчивости, [нежели] страху принуждения»¹³¹. В ответ после 1763 года и британское, и испанское правительства стали двигаться именно в направлении более значительного принуждения¹³².

Второй общей проблемой для двух государств был рост финансового бремени государственного аппарата. Поэтому после 1763 года и Британия, и Испания стремились увеличить налогообложение колоний, причем в обоих случаях колонисты реагировали на это одинаковым образом. Британские колонисты в 1770 году выбрасывали чай в Бостонский залив, а испанские в 1781 году выливали ром (*aquardiente*) в Сокорро³, а также сжигали табак. Тем не менее это не остановило британское/испанское стремление к установлению порядка, что вызвало одновременное противодействие в обеих колониальных зонах, причем в обоих случаях — во имя предшествующей традиции

¹³⁰ Lynch (1973, 13).

¹³¹ Это утверждение Кристи и Лейбейри (Christie and Labaree, 1976, 27) в отношении британцев в равной степени верно применительно к Испанской Америке. По оценке Пьера Шоню, в XVIII веке контрабандная торговля *превышала* легальную монопольную торговлю Кадиса, хотя к концу столетия благодаря либерализации «монопольная торговля росла быстрее, чем контрабандная» (Chaunu, 1963, 409, сн. 14).

¹³² Однако существовало различие в степени использования принуждения. «То, чего англичане отчасти собирались достичь ужесточением торговых актов, испанцы отчасти планировали добиться их ослаблением» (Humphreys, 1952, 215).

децентрализации. Единственным отличием, как отмечает Джон Л. Филан, было то, что предшествующая децентрализация Британской империи главным образом относилась к представительным органам, а в Испанской империи — к бюрократии¹³³.

Семилетняя война заставила отступить и Португалию. Маркиз де Помбал, в 1750 году ставший секретарем иностранных дел, инициировал политику, целью которой была большая экономическая независимость Португалии. Это осуществлялось путем создания такого положения дел, при котором «доходы американских владений оставались бы главным образом, если не полностью, у лиц португальской нации»¹³⁴. Основным механизмом в данном случае было усиление «государственного контроля» над колониальной экономикой — Помбал фактически рассматривал это в качестве «основания» своей политэкономической концепции¹³⁵. Определенным образом его устремления, несомненно, подкреплялись теми средствами, которые оказались в распоряжении страны вместе со значительным ростом добычи золота в Бразилии¹³⁶. В результате Португалия в то время имела фактически более высокий душевой доход, чем Франция — Бродель предлагает здесь аналогию с Кувейтом во второй половине XX века¹³⁷.

Помбал не стремился оспорить исторически сложившийся альянс Португалии с Британией — он просто хотел использовать преимущество «большого пространства для маневра», которое предоставляла Португалии новая ситуация в мире-экономике. Однако испанское вторжение в Португалию в 1762 году было «сокрушительным вызовом исходным представлениям [Помбала]». А сохранение испанской угрозы на Американском континенте после 1763 года «сделало принципиальным для Португалии сохранение британского благорасположения»¹³⁸. Ценой, назначенной за это со стороны Британии, станет отказ Португалии от своих претензий, и наследники Помбала повернут его

¹³³ См. Phelan (1978, 34).

¹³⁴ Christelow (1947, 9).

¹³⁵ Reis (1960, I [2], 327). Почему внутренние реформы в Португалии, вдохновленные Просвещением и усилившие меркантилистскую политику в колониях, были «лишь по видимости противоречием», объясняет Фернанду Новаиш: «их навязывала сама отсталость» (Novais, 1979, 223).

¹³⁶ См. Navarro Garcia (1975, 249).

¹³⁷ См. Braudel (1984, 304). Однако источник доходов этого «Кувейта» находился в первую очередь в колониях. «То, что Португалии [в этот период] удавалось сохранять положительный торговый баланс, было производным от экспорта бразильской продукции» (Novais, 1979, 223). Уже в 1738 году португальский посол в Париже дон Луиш да Кунья писал: «Богатства Бразилии нужны королю для сохранения Португалии больше, чем богатства самой Португалии» (цит. в: Silva, 1984, 469). Однако Мириам Перейра (Pereira, 1986) считает, что это высказывание значительно переоценивает «расчлененность» португальской экономики в XVIII веке и является верным только для периода, наступившего после 1808 года.

¹³⁸ Maxwell (1973, 22, 33, 38). О призыве Помбала к английской помощи после разгрома Португалии Испанией в Южной Америке в 1763 году см. в: Silva (1984, 484—485).

политику вспять. Но для полного осуществления этого понадобится какое-то время¹³⁹, а пока политика Помбала существенно сокращала португальскую (а значит, и бразильскую) торговлю с Британией¹⁴⁰ и вызывала серьезную негативную реакцию со стороны купцов в Бразилии¹⁴¹.

Именно поэтому к 1763 году не только Великобритании, но и в равной степени Испании с Португалией пришлось столкнуться с растущим недовольством своих поселенцев на Американском континенте. Следует сказать, что Испания и Португалия в действительности провоцировали серьезное недовольство переселенцев своими небезуспешными попытками восстановить собственную силу в рамках мир-системы посредством стимуляции административного единства обеих империй, усиления армий и придания центральным правительствам гораздо более твердой финансовой базы.

Для усиления способности испанского государства вести дела с метрополией (континентальной Испанией), с ее колониальными территориями в обеих Америках и с миром в целом король Карл III действовал по многим направлениям. Его конкретные политические шаги, хотя они и были наполнены идеологией *Ilustración* — испанской версии Просвещения, разрабатывались для (вос)создания в Испании абсолютистского государства, ослабления силы церкви и формирования королевской администрации на базе более профессиональной наемной бюрократии — как военной, так и гражданской. Эти меры были направлены на то, чтобы добиться расширения экономической деятельности путем реформ торгового регулирования и поощрения колониального экспорта, а затем благодаря новой эффективной бюрократии предполагалось «пожать налоговый урожай». Первоначально экономический (а также налоговый) успех этих мер был «экстраординарным»¹⁴², но этот масштабный подъем испанской мощи, как оказалось, покоится на «хрупком

¹³⁹ «Обратное движение маятника [британской торговли с Португалией] ускорила Французская революция. Как и прежде, война с Францией свела Англию и Португалию вместе» (Manchester, 1933, 53).

¹⁴⁰ Торговля с Португалией «скатилась от „самой прибыльной“, какую Англия „где-либо вела“, до унижительного шестого места среди тех наций, которые покупали товары в Англии» (Manchester, 1933, 46).

¹⁴¹ «Наиболее сильной была реакция колонистов на политику Помбала по национализации португало-бразильской торговли. Бразильский купец слишком уж часто ощущал, что его интересы принесены в жертву интересам короны и купцам метрополии, как это было в случае с мерами Помбала по учреждению монополистических „привилегированных компаний“ для Бразилии» (Russell-Wood, 1975, 28–29).

¹⁴² Brading (1984, 408). С самого XVI века правление Карла III было «наименее ранимым для национальной гордости» (Whitaker, 1962a, 2). Шоню называет промежуток 1770—1800 годов временем «восстановления Испании» (Chaunu, 1963, 417). Антонио Гарсия-Бакеро Гонсалес говорит о периоде после 1778 года как о «фазе впечатляющего расширения» кадисской торговли (García-Baquero, 1972, 127). Но в равной степени это верно и относительно Каталонии, см. Delgado (1979, 25–26). Наконец, Джон Фишер называет фритредерскую политику Карла III «поразительным успехом, особенно в ее влиянии на экономическую жизнь Испанской Америки. В то же время ее воздействие на экономику метрополии было несколько более скромным» (Fisher, 1985, 62).

равновесии»¹⁴³, которое не могло сохраняться долго из-за наличия в мире-экономике сил, находившихся вне контроля испанского государства. Именно к этому сюжету теперь необходимо обратиться.

Поскольку «катализатором изменений» была Семилетняя война, в ходе которой Испания испытала неприятные военные провалы (наиболее заметным из них, но не единственным было падение Гаваны), первым шагом в реформах Карла III была военная реформа, причем именно военным предназначалось сыграть центральную роль в административной революции, которая даже была определена как «Реконкиста Америки»¹⁴⁴. Однако наиболее радикальные перемены были в гражданской администрации. Они предполагали возрождение института *visita general* [генерального инспектора] — направляемого из Мадрида чиновника с полномочиями расследовать и действовать на высочайшем уровне. Дон Хосе де Гальвес, ключевое лицо в ходе реформ Карла III, впервые появляется на сцене именно в качестве первого из таких генеральных инспекторов (в Новой Испании с 1765 по 1767 годы).

Однако наиболее важной реформой было введение института интендантов — этого классического кольберовского механизма централизации государства. Интенданты были призваны заместить районных магистратов, известных как старшие алькальды (*alcaldes mayores*) и коррехидоры (*corregidores*), которые выполняли функции сборщиков индейской дани, рекрутеров и вербовщиков индейцев на работы. На протяжении более чем столетия эти должности продавались, поэтому их обладатели использовали свои посты (а также власть собирать налоги) для частной коммерческой выгоды. Но в 1768 году Гальвес и вице-король Новой Испании де Круа¹⁴⁵ предложили полностью упразднить эту категорию чиновников, которые одновременно угнетали индейцев и прибирали к рукам наибольшую часть налоговых доходов короны. Когда Гальвес в 1776 году был назначен министром Индий, он стал олицетворять «реформистское крыло правительства Бурбонов»¹⁴⁶ и наконец, в 1786 году, протолкнул свою реформу. Последнее можно воспринимать как вознаграждение его настойчивости, но в равной степени и как доказательство того, насколько сложно продвигались реформы в атмосфере «неподвижности метрополии»¹⁴⁶.

Долгосрочный эффект реформ Гальвеса заключался в трансформации политической географии, воплощенной им в жизнь, — трансформации,

¹⁴³ Brading (1984, 439). См. тж. Humpheys (1952, 213): «При Карле III и в первые годы правления Карла IV [Испания], как представляется в ретроспективе, наслаждалась последними лучами процветания. А то, что было верно применительно к Испании, было верно и в отношении ее империи».

¹⁴⁴ Brading (1984, 399—400).

¹⁴⁵ Navarro Garcia (1975, 160).

¹⁴⁶ Stein (1981, 28). Стейн довольно саркастически оценивает успехи Гальвеса: «Спустя 18 лет после того, как Гальвес предложил план для интендантов в Новой Испании, спустя 10 лет после того, как он был назначен министром Индий, спустя 6 лет после того, как крупное восстание индейцев под предводительством Тупака Амару¹⁴⁷ началось в Центральных Андах, и спустя два года после того, как Перу получила свой ордонанс, — 4 декабря 1786 года Гальвесу наконец удалось пробить свой долго лелее-

которой суждено иметь значительное влияние на будущий процесс деколонизации. В 1776 году одним из его первых актов в качестве министра Индий было основано вице-королевство Ла-Плата. В XVI веке существовало лишь два вице-королевства — Новая Испания и Перу. Третье, Новая Гранада, было сформировано в 1739 году. Почему Гальвес в 1776 году создал четвертое вице-королевство (равно как и определенное число более мелких административных единиц, таких как генеральные капитанства и аудиенсии)? 1776 год не был случайной датой. Началась война за независимость Британской Северной Америки, и это, казалось, был самый подходящий момент, чтобы выступить против Великобритании и ее союзника Португалии. Последняя, помимо прочего, осуществляла экономическое проникновение в находившиеся под испанским контролем индейские зоны Южной Америки посредством нелегальной торговли по маршруту Сакраменто — Буэнос Айрес. Поэтому Карл III стремился создать сильную администрацию, которая пресекла бы это проникновение — и подобной структурой должно было стать вице-королевство Ла-Плата, включавшее нынешние Аргентину, Уругвай, Парагвай и Боливию. «В обычных обстоятельствах Англия не потерпела бы реализацию подобных намерений»¹⁴⁷, но сейчас обстоятельства не были обычными. Возобновившееся укрепление испанских вооруженных сил оправдало себя. Экспедиция, состоявшая из 8500 человек, в 1776 году пересекла реку Ла-Плата и захватила Сакраменто «в третий и последний раз»¹⁴⁸. Эта победа испанцев будет закреплена в 1778 году в мирном договоре в Сан Ильдефонсо¹⁴⁹, а португальским притязаниям на территорию Ла Банда Ориенталь (нынешний Уругвай) будет навсегда положен конец.

Борьба в Северной Америке привела к постоянному давлению на Испанскую Америку, что придало «пожарный характер»¹⁴⁹ реформаторскому движению, результатом чего стала вторая серия фритредерских декретов в 1778 году. В 1779 году Испания оказалась под огромным давлением с целью вступления в войну против Британии вслед за Францией, которая уже сделала это в 1777 году. В некотором смысле подобное решение Франции было вполне очевидным: французы стремились уменьшить силу Великобритании на Американском континенте еще с 1763 года. Уходя в отставку в 1770 году, герцог де Шуазель оставил меморандум, где вновь перечислил пять необходимых элементов подобной политики: избегать войны, объединяться с Испанией и Голландией, ослаблять

мый ордонанс для Новой Испании. А через несколько месяцев он умер» (р. 13). И почти сразу же де Круа, соавтор его оригинального плана, теперь ставший вице-королем Перу, рекомендовал восстановить в этой колонии *repartimiento de mercancías* [распределение товаров — исп.] — главное зло старой системы коррехидоров.

¹⁴⁷ Céspedes del Castillo (1946, 865).

¹⁴⁸ Bradling (1984, 401). Новое усиление армии еще раз продемонстрирует свои плоды несколько лет спустя, когда Испания вступит в войну в Северной Америке, захватив Пенсаколу. В 1783 году Британия уступила Пенсаколу¹⁵⁰ и восточную Флориду Испании — это произошло в то же самое время, когда испанцы окончательно изгнали британцев с Берега москитов (ныне в восточной части Никарагуа).

¹⁴⁹ Rodríguez (1976, 23).

британский финансовый кредит, стимулировать независимость британских колоний в Америке и сокращать торговлю между Британией и колониями Испании и Португалии. Вержен, заняв пост Шуазёля в 1774 году, возродил его политику¹⁵⁰. И теперь американские колонии, начав войну, укрепили позиции французов.

Сначала французы ограничивались тайной помощью североамериканским революционерам, но французский кабинет разделился: Тюрго был уверен, что войны следует избегать как «величайшего из зол»¹⁵¹. К тому же вовсе не было уверенности, что североамериканцы могут продержаться очень долго — в конечном итоге они проиграли бой за Лонг-Айленд 27 августа 1776 года. Поэтому разгром генерала Бургойна при Саратогe 16 октября 1777 года произвел громадное воздействие на Францию и Испанию¹⁵². Франция внезапно стала опасаться, что еще хуже, чем британская победа, окажется победа мятежных сил без французской поддержки, то есть она опасалась самой возможности появления независимых и недружественных Соединенных Штатов¹⁵³. 6 февраля 1778 года Франция подписала с ними соглашение и открыто вступила в войну.

Теперь давление оказывалось на Испанию, а испанцы были очень упорны. Испания колебалась делать что-либо, что могло хотя бы показаться легитимацией мятежа в колониях. Кроме того, Испания торговалась за свой нейтралитет в обмен на уступку Британии Гибралтара и Менорки — сделку, в которой

¹⁵⁰ См. Savelle (1939, 164—165).

¹⁵¹ Van Tyne (1916, 530).

¹⁵² «16 октября 1777 года генерал Бургойн сдался в Саратогe генералу Гейтсу. Нам сложно осознать, что означала эта новость в то время. Доселе эта война, по словам автора английского памфлета 1776 года, рассматривалась в Европе как „высокомерие“ „лидеров ослепленных колонистов, амбициозных демагогов“, которые „шаг за шагом вели вперед темный народ — до тех пор, пока их восстание из пепла стало бы затруднительным, если не невозможным“. И вдруг этот темный народ разбил одну из лучших армий Старого света, одну из самых качественных в военной истории» (Madariaga, 1948, 300).

¹⁵³ «С 1776 года у Вержена была навязчивая идея, что в результате американской борьбы за независимость Франция и Испания утратят свои владения в Вест-Индии» (Van Tyne, 1916, 534). В 1776 году Сайлес Дин, делегат Континентального конгресса в Париже, «обеспокоил французов, что без существенной помощи американцы будут вынуждены вновь объединиться с британцами. Напротив, независимая Америка сделала бы Францию преемником Британии в первенстве в мировой торговле» (Kaplan, 1977, 138—139). 23 июля 1777 года Вержен направил Людовiku XVI меморандум, в котором сообщал: «Если Англия не сможет быстро сокрушить американский мятеж, она должна будет пойти на уступки. Тех, кого ей не удалось удержать в подчинении, она сможет сделать союзниками по совместному нападению на богатства Перу и Мексики, а также французских сахарных островов» (Цит. в: Corwin, 1915, 34).

Сохранявшееся недоверие Франции к подлинным намерениям Соединенных Штатов выступило значительным фактором, обусловившим давление Франции в ходе состоявшихся позже мирных переговоров в Париже в 1782—1783 годах. Предметом этого давления было разрешение Британии удерживать Канаду. Уже в 1778 году Континентальный конгресс попросил французов принять на себя обязательство способствовать завоеванию колонистами Канады (а также Новой Шотландии и Флориды). Однако Вержен в инструкциях Конраду-Александрю Жерару, своему дипломату в Соединенных

британцы не ощущали необходимости. Французов же получение испанской поддержки беспокоило больше, и они оплатили за испанцев цену Аранхуэсского договора 1779 года¹⁵⁴. Этой ценой было совместное вторжение в Англию, что Испания рассматривала как путь к окончанию войны прежде, чем будет атакована ее «слишком протяженная и уязвимая колониальная империя»¹⁵⁴. Договор с Францией подписала Испания, а не Соединенные Штаты¹⁵⁵, и ее вполне явной целью было не только возвращение Менорки и Гибралтара, но и «свержение англичан со всех их позиций в Карибском бассейне (Луизиана, Берег москитов, Ямайка и Малые Антильские острова)»¹⁵⁶.

Испания заплатила высокую цену «кровью и сокровищами»¹⁵⁷. Итогом войны стал первый случай из серии фактически успешных разрывов связей между Испанией и Испанской Америкой. Компания Каракаса¹⁵⁸ была уничтожена, государственное казначейство не получало доходов от Американского континента, страдала каталонская хлопковая промышленность¹⁵⁸. А торговля кадисских купцов, по-прежнему самой значимой группы, «оказалась в наибольшем замешательстве, что с неизбежностью способствовало выгоде контрабандной торговли, которая теперь вступила в пору своего величайшего развития»¹⁵⁹.

Но самым большим ущербом, возможно, был начавшийся инфляционный цикл, хотя еще в 1774 году граф Кампоманес¹⁶⁰ заявлял, что свобода Испании от инфляции бумажных денег — это «великий национальный актив». Однако военные расходы вместе с сократившимся потреблением опустошали королевское казначейство, и такая же схема повторится и после 1793 года.

Штатах, писал 29 марта 1778 года, что британское «владение тремя этими территориями (*contrées*) или, по меньшей мере, Канадой создало бы для американцев полезный принцип неопределенности и настороженности. Это придаст им ощущение большей необходимости в дружбе и союзе Его величества, и не в его интересах, чтобы такое положение дел было уничтожено» (Репринт в: Frégault & Trudel, 1963, 153). В 1779 году в Люцерне Вержен утверждал, что у Франции не было интереса «видеть Северную Америку играющей сильную роль и способной создавать беспокойство среди ее соседей». Когда же дело дошло до Парижских соглашений, Британия действительно была готова уступить больше, чем этого хотелось бы французам (например, права на рыболовство в реке Св. Лаврентия и, что еще более важно, более протяженные границы, чем колонисты имели в 1775 году). Стоит ли говорить, что отношение Франции не вызвало положительную оценку американцев? См. Trudel (1949b, 213—214).

¹⁵⁴ Dull (1985, 108).

¹⁵⁵ «Во время англо-американской революции Испания [была] союзником Франции, но никак не Соединенных Штатов, независимость которых она не признавала, пока это не сделала Великобритания» (Bemis, 1943, 16).

¹⁵⁶ Navarro García (1975, 141). В действительности все приобретения Испании ограничились Флоридой и Берегом москитов, и за это ей в результате пришлось пожертвовать Белизом. Испания также получила Менорку, но не Гибралтар.

¹⁵⁷ Hamilton (1944, 40).

¹⁵⁸ Herr (1958, 145—146).

¹⁵⁹ García-Baquero (1972, 43). Предпочтительным способом контрабанды было „*hacerse el sueco*“ [«сделано в Швеции» — *исп.*], или плавание под нейтральным шведским флагом.

Поскольку издержки были реальными, испанскому государству приходилось как-то их восполнять. В результате «американские колонисты подверглись налогообложению в обмен на бумажные деньги»¹⁶⁰. То же самое, конечно, происходило и в метрополии. В конечном итоге эта инфляция стало одной из причин и наполеоновского завоевания Испании, и движений за независимость.

Поэтому «безразличное» участие Испании в Американской войне за независимость получило «отзвуки в Испанской Америке и стало для нее такими отзвуками»¹⁶¹. Именно в этот момент произошло два крупных восстания: Тупака Амару в Перу и Комунерос в Новой Гранаде¹⁶². Первое из них настолько потрясло Американский континент, что сама его цель остается предметом масштабных споров. Был ли это первый боевой клич движения за независимость или же едва ли не наоборот?

Некоторые рассматривают индейское восстание в Андах во главе с Тупаком Амару (которое, не забудем, было просто кульминацией длинного ряда восстаний, но имело самое большое воздействие)¹⁶³ «первым крупным достижением непокоренных индейцев»¹⁶⁴. Именно такой была точка зрения многих официальных лиц того времени — в худшем случае восстание рассматривалось как примитивный отказ принять цивилизованные правила, в лучшем — как «социальный вопль»¹⁶⁵, в связи с чем его можно понять, если не одобрить или потерпеть. Этому лагерю противостоят те, кто стремился сделать историю индейских восстаний в Андах составной частью «пролога к независимости». Однако подобные попытки некоторых более поздних перуанских историков были опровергнуты Шоню, который утверждал, что это «полная бессмыслица (*contresens*)». Шоню считает, что эти индейские восстания вовсе не подразумевали мятеж Америки против Европы, а были восстаниями индейцев против «их единственного врага... — угнетения со стороны креолов»¹⁶⁶. В данной версии событий значительный акцент делается на том факте, что Тупак Амару представлял свое движение «лоялистским»¹⁶⁷ — в отношении короля, но не его слуг. Однако лоялизм служил двойную службу. Одним из результатов восстания Тупака Амару было то, что часть белого населения стала ощущать, что колониальный порядок был «лучшей защитой их собственной гегемонии и единственной защитой

¹⁶⁰ Hamilton (1944, 41, 48).

¹⁶¹ Liss (1983, 137).

¹⁶² Как проникательно замечает Изабель де Мадарьяга, «мятежи напоминают за-
разу... По любым меркам значимо то, что революционное движение, связанное с вос-
станием Тупака Амару Кондорканки, длилось до 1783 года, то есть до заключения Вер-
сальского мира» (Madariaga, 1948, 302—303).

¹⁶³ См. Bonilla (1972, 17).

¹⁶⁴ Harlow (1964, 636).

¹⁶⁵ Valcárcel (1960, 358). Валкарсель полагает, что единственная альтернатива —
рассматривать это восстание в качестве «движения за политическую независимость с
целью основания нового государства», но это, утверждает Валкарсель, было бы «бес-
смысленным».

¹⁶⁶ Chaunu (1964, 194).

¹⁶⁷ Valcárcel (1957, 241).

от уничтожения руками более многочисленных коренных и смешанных групп (castes)»¹⁶⁸.

Однако есть и третья точка зрения, согласно которой Тупак Амару был не лоялистом, враждовавшим с креолами, и не первым борцом за независимость, а социальным революционером. При этом упомянутые восстания имеют смысл только в том случае, если поместить их в рамки циклической фазы (или *conjuncture*) мира-экономики. На этот счет есть три соображения. Во-первых, нам известно об общем экономическом спаде после 1763 года, результатом которого к 1776 году стали революционные события в Британской Северной Америке, а в 1779 году к действиям против британцев присоединилась Испания. Во-вторых, мы знаем о реформаторском движении, начатом Карлом III, которое получило второй значительный импульс в 1778 году. В-третьих, в Андах имел место эффект спада сельскохозяйственных цен: оказывается, что 1779—1780 годы «довольно точно соответствуют одному из глубочайших спадов столетия» — цены находились на самом низком уровне с 1725—1727 годов. Кроме того, 1779—1780 годы были лишь наиболее показательной нижней точкой нисходящего цикла, который начался в 1779—1780 годах¹⁶⁹.

Рассматриваемые восстания отнюдь не представляли собой примитивное сопротивление — они прежде всего были вызваны вовлечением индейцев в капиталистический мир-экономику, которое лишь незадолго до этого обрело большую эффективность посредством различных попыток «усилить влияние центральной администрации»¹⁷⁰. Перу стало нарицательным обозначением коррупции и злоупотреблений коррумпированных. Когда Хосе Габриэль Кондорканки, объявивший себя Тупаком Амару II Инкой, вышел на сцену в 1780 году, то в качестве главной темы он эксплуатировал «плохое государство», разрушавшее экономику и угнетавшее индейцев слишком высокими налогами.

В действительности совсем ни к чему разгадывать личные социальные мотивации Тупака Амару — важна та социальная реакция, которую он пробудил. Ядро восстания обнаружится среди индейского сельского населения, но не везде в одинаковой степени. Некоторые грубые, но убедительные подсчеты приводит Юрген Гольте, установивший для каждой провинции индекс общего дохода на душу населения (который очевидным образом варьировался в зависимости от почвенных условий, объема экспортного производства и возможностей заработка наемным трудом в рудниках). Из этого Гольте выводит средний уровень фактически налагаемой дани (законным и незаконным способом), обнаруживая почти точную корреляцию между нижним уровнем того, что оставалось после изъятия дани, и степенью участия в восстании¹⁷¹. Жан Пиль корректно указывает

¹⁶⁸ Halperin-Donghi (1972, 118) Сам Шоню рассматривает восстание Тупака Амару как «одну из основных причин перуанского лоялизма», см. Чаупи (1963, 406).

¹⁶⁹ Tandeter & Wachtel (1983, 231—232). В данном случае авторы проводят параллели с тем сценарием, который Лабрусс обрисовывает для Французской революции.

¹⁷⁰ Cornblit (1970, 131). Как утверждает Корнблит, «последствием решительного проекта модернизации... было то, что конфликты приобретали всеобщий характер».

¹⁷¹ См. Golte (1980, 176—179).

на множество параллелей между восстанием Тупака Амару и происходившим почти одновременно восстанием Пугачева, которое мы рассматривали выше. Это и претензии на титул «царя» или «великого инки», и бунт крестьян в крупных земельных наделах, и масштабные горнодобывающие промыслы, частично основанные на принудительном труде. В общем, речь идет о масштабном принуждении к труду для рыночно ориентированной деятельности¹⁷².

Тупак Амару искал поддержки креолов. В самом деле, поначалу власти подозревали, что вождя восстания вдохновляли коррехидоры, недовольные грядущими последствиями реформ, и в пользу этого, возможно, имелись определенные свидетельства¹⁷³. Однако интересы двух групп расходились в противоположных направлениях. Креольская «гордость крови» по отношению к индейцам, чернокожим, метисам и мулатам была не просто исходным социальным фактом Испанской Америки — фактически она выросла на протяжении XVIII века¹⁷⁴. К тому же ощущение социальной дистанции было взаимным¹⁷⁵.

Демографическая картина выглядит отчетливо. В 1780 году индейцы составляли 60% населения Перу, но лишь немногие из них жили в Лиме. Только 12% были испанцами (креолами либо приезжими с Пиренейского полуострова), остальные составляли так называемые касты — главным образом чернокожие, метисы и мулаты¹⁷⁶. Для индейцев самым непосредственным врагом были те, кто контролировал экономическую и социальную жизнь, и «в целом это были креолы», а не выходцы с Пиренейского полуострова¹⁷⁷. Кроме того, Тупак Амару обещал освободить рабов и выдвинул «подозрительные» взгляды на собственность, например, уничтожая принадлежавшие креолам мастерские *obrajes* (текстильные мануфактурные предприятия). Столкнувшись с восстанием подобного толка, «креолы быстро нашли точки соприкосновения с испанцами»¹⁷⁸. В целом в Испанской Америке, как утверждает Болеслао Левин, в то время было

¹⁷² См. Piel (1975, 205, сн. 22).

¹⁷³ См. Fisher (1971, 409—410).

¹⁷⁴ Konetzke (1946, 232).

¹⁷⁵ «Креол, белый сын испанцев и европейцев, хотел бы не иметь ничего общего с индейцем, а индеец, преданный своей расе и традиции, не имел контактов с креолом, которого он игнорировал или ненавидел» (Gandia, 1970, 10).

¹⁷⁶ См. Golte (1980, 42—43). Конечно, это была не единственная демографическая модель на Американском континенте. Аналогичные пропорции присутствовали в Мексике, Гватемале и Боливии. Однако в Новой Гранаде метисский элемент был значительно больше, чем индейский. В Бразилии и Карибском бассейне численно преобладали черные, а в Северной Америке — белые. См. карты Гумбольдта 1820 года, воспроизведенные Шоню (Chaunu, 1964, 196). О категориях, используемых в расовой системе Испанской Америки, см. McAlister (1963).

¹⁷⁷ Fisher (1971, 421).

¹⁷⁸ Humphreys & Lynch (1965a, 28). «Освобождение чернокожих рабов в Тунгасуа, разрушение в ходе восстания креольских мануфактур и прежде всего потенциальная опасность, неотъемлемая от мобилизации индейского населения в поддержку независимости, были более чем достаточными причинами для расхождения во мнениях, а затем и для того, чтобы креолы сначала порвали с индейцами и после этого обратились против них» (Bonilla, 1972, 19).

два разных революционных движения — креольское и индейское. «Иногда их пути пересекались,... а иногда они шли отдельными путями»¹⁷⁹.

Восстание Тупака Амару удалось победить сочетанием уступок (запрещение репартимьенто)¹⁸⁰ и военной силы. Однако значимость этого восстания заключается в его политических последствиях для Испанской Америки. Индейцы «определенно потеряли какую-либо инициативу в осуществлении новых значительных восстаний»¹⁸¹, и причина этого заключалась в том, что размах, первые успехи и ожесточенность восстания Тупака Амару как следует испугали белых. «Присоединения» к подобным восстаниям белых и близких к ним групп после 1780 года больше не произойдет¹⁸² — наоборот, с этого момента креолы сами присвоят лидерство в революциях. Но и после этого общим правилом оставалось то, что глубина приверженности сепаратизму и независимости по-прежнему была «обратно пропорциональна доле подвластных индейцев и чернокожих»¹⁸³, причем в ходе войн за независимость, в особенности в Перу, индейцы страдают от обеих сторон — «их грабили все армии»¹⁸⁴.

В близлежащем вице-королевстве Новая Гранада первоначальные успехи Тупака Амару вдохновили движение, известное как Комунерос¹⁸⁵. Оно также было манифестацией «великого революционного процесса», который воспламенили реформы Бурбонов (но при этом не были его причиной)¹⁸⁶. Успех Тупака Амару также держал креолов столицы Новой Гранады Санта Фе де Богота и других городских центров в состоянии «постоянного беспокойства»¹⁸⁷.

Непосредственной причиной восстания Комунерос 16 мая 1781 года было негодование по поводу ужасающих новых порядков генерала-инспектора Хуана Франсиско Гутьерреса де Пиньереса¹⁸⁸ и возросшего налога с продаж (*алькабалы*). Центральная проблема заключалась в том, «кому принадлежала власть вводить новые налоговые изъятия»¹⁸⁸. Таким образом, это был основополагающий вопрос, поставленный одновременно с поселенцами в Британской Северной Америке. Разница заключалась в том, что в Новой Гранаде существовало значительное индейское население, менее заинтересованное в децентрализации фискальной власти и куда более обеспокоенное злоупотреблениями этой властью, такими как чрезмерная дань или захват *resguardos*

¹⁷⁹ Lewin (1957, 143—144).

¹⁸⁰ См. Golte (1980, 202) и Fisher (1971, 411).

¹⁸¹ Bonilla (1972, 16).

¹⁸² Campbell (1981, 693).

¹⁸³ Chaunu (1963, 408). Доля белых была наиболее высокой в Венесуэле и Ла Плате — двух центрах революции, следующей была Новая Гранада, а за ней — Новая Испания и Перу (р. 408, сн. 13).

¹⁸⁴ Lynch (1973, 276).

¹⁸⁵ «Жители Сокорро [где был локализован мятеж] были опьянены кажущимся успехом Тупака Амару» (Phelan, 1978, 68).

¹⁸⁶ Liévano Aguirre (1968, 467). Этот автор также отмечает, что восстание Тупака Амару «имело решающее влияние на ход революции Комунерос» (р. 470).

¹⁸⁷ Cárdenas Acosta (1960, I, 88).

¹⁸⁸ Phelan (1978, xviii).

[резерваций — *исп.*] — общинных индейских земель, которые продавались с молотка крупным креольским землевладельцам (*hacendados*), равно как и более мелким покупателям, главным образом метисам. Положение дел ухудшалось из-за упадка местной текстильной промышленности, что опять же было результатом общих экономических проблем мира-экономики¹⁸⁹.

В то время как в Перу подожженный социальный пороховой погреб оказался в руках индейских лидеров (хотя это и были касики, объявившие о своем происхождении от старой аристократии инков), в восстании в Новой Гранаде с самого начала присутствовал очень значительный метисский элемент, а лидерство захватил креол Хуан Франсиско Бербео, который был владельцем асьенды (*hacendado*), хотя и небольшой. Поэтому в Новой Гранаде фактически было два восстания под более или менее единым руководством — метисо-креольское с центром в Сокорро и индейское в льяносах Касанаре.

Мятежники выступили на Санта Фе, где в неразберихе власть временно захватил архиепископ Антонио Кабальеро-и-Гонгорра, проводивший тонкую и примиряющую линию. Бербео «сдерживал армию мятежников»¹⁹⁰ и вступил в переговоры с Кабальеро. Результатом этого стали компромиссные соглашения в Сипакире (8 июня 1781 года), согласно которым были снижены налоги, был обеспечен более широкий доступ к должностям испанцам, не являвшимся резидентами Пиренейского полуострова, а индейцам были предоставлены некоторые послабления. Однако последние в целом рассматривали эти соглашения как «предательство»¹⁹¹, как способ удержать индейцев от вступления в Санта Фе за счет умиротворения креольских и метисских элементов восстания. Индейцы намеревались продолжать борьбу в одиночку, но были сокрушены при помощи своих бывших союзников.

В итоге временный альянс части элиты, недовольной Испанией, и «плебса», «обездоленных» оказался невозможен¹⁹². Первые вдохновлялись восстанием своих собратьев — поселенцев Северной Америки¹⁹³, а вторые — примером Тупака Амару, поэтому в результате креольские землевладельцы «не только не поддерживали их, но и открыто дали им отпор и объединились с властями»¹⁹⁴. Однако элиты Новой Гранады, учитывая несколько иную демографическую ситуацию, быстро усвоили урок восстания Тупака Амару. Захватив главенство в восстании Комунерос и обескровив его изнутри, они гораздо лучше сохранили свои возможности на будущее с точки зрения реализации собственных интересов по отношению к Испании. Боливару суждено будет появиться именно в

¹⁸⁹ См. Loy (1981, 255).

¹⁹⁰ Lynch (1985, 34).

¹⁹¹ Lynch (1985, 36), см. тж. Arciniegas (1973), глава XIX этой работы так и называется «Предательство».

¹⁹² Liévano Aguirre (1968, 447).

¹⁹³ См. Cárdenas Acosta (1960, I, 88).

¹⁹⁴ Izard (1979, 134). Был и еще один фактор, который следовало принимать в расчет, а именно чернокожие рабы. Тупак Амару испугал креолов, провозгласив конец рабства. Несмотря на то, что в ходе восстания Комунерос этот вопрос не поднимался прямо, он лежал в его основе. Венесуэла долгое время была территорией, где процветали

Новой Гранаде, а в Перу в 1820-х годах ему придется столкнуться с очень неоднозначным восприятием.

Таким образом, теперь стремление креолов к независимости обрело двойной стимул — во-первых, это было недовольство креолов в отношении метрополии, а во-вторых, страх, который и креолы, и испанцы испытывали перед небелыми низшими группами. В историографии позднеколониального периода истории Испанской Америки (и в меньшей степени — Бразилии) фактически преобладал именно первый аспект — предмет соперничества между креолами и испанцами метрополии. Креолы по определению были потомками испанцев Пиренейского полуострова. Во все моменты истории Испанской Америки, как и почти во всех переселенческих колониях, одновременно существовала группа поселенцев, родившихся в колонии, и группа мигрантов из метрополии. Среди последних одни были новыми поселенцами, а другие временно мигрировали, чтобы занять ту или иную должность с последующим намерением вернуться в метрополию. Некоторые исполняли этот замысел, а другие нет. Но в любом случае, даже если выходец из метрополии возвращался обратно, было более чем возможно, что в колонии у него были дети, которые предпочитали остаться там.

Упомянутая дискуссия в определенном смысле прошла через две стадии. Классическая точка зрения заключается в том, что в XVIII веке креолы не допускались к колониальным должностям, которые получали резиденты метрополии, что и было поводом для недовольства креолов¹⁹⁵. Но начиная с 1950-х годов эта позиция оказалась подвержена критике. Например, Хайме Эйзагирре утверждает, что креолы по-прежнему сохраняли «неоспоримое первенство в рядах бюрократии», однако проблема заключалась в том, что они стремились трансформировать свое большинство в «исключительный» доступ к официальным должностям¹⁹⁶. Ревизионисты полагают, что известная последовательность — реформы Бурбонов привели к недовольству креолов — на самом деле была обратной: именно контроль креолов над должностями в колониях причинял «беспокойство» официальной Испании¹⁹⁷, так что реформы Бурбонов были «следствием, а не причиной притязаний креолов»¹⁹⁸.

значительные сообщества беглых рабов, так называемые симарроны [*cimarrones*, букв. «беглецы» — исп.]. Многие из них были вовлечены в «социальный бандитизм» и вступали в тайный сговор с рабами на плантациях, позволяя последним в процессе получения уступок от рабовладельцев грозить им местью со стороны симарронов. «Венесуэла не была идиллическим, мирным местом» (Dominguez, 1980, 48). Затяжное восстание индейцев определенно могло разжечь мятеж чернокожих.

¹⁹⁵ Такова была позиция либеральных историков XIX века. Ее вновь воспроизвели работы Diffie (1945, 488) и Haring (1947, 136, 194). Саймон Колльер (Collier, 1963, 19) утверждает, что это преувеличенная, но все же реальная точка зрения. Эраклио Бонилья (Bonilla, 1972, 58) считает ее верной применительно к 1776—1787 годам. Рассмотрение историографии см. в: Campbell (1972a, 7) и Burkholder (1972, 395).

¹⁹⁶ Eyzaguirre (1974, 54, 57). Этот акцент на доминирующей роли креолов в администрации разделяет Жак Барбьер (Barbier, 1972, 434).

¹⁹⁷ Campbell (1972a, 20).

¹⁹⁸ Marzahl (1974, 637).

Представляется очевидным, что, какими бы ни были последовательность развития событий и степень ее реальности в ощущениях, сама тема «места», которое собственно испанцы занимали в Испанской Америке, стала «более острой», то есть более публичной. Кроме того, ясно, что в споре об этом месте колониальная администрация помещала «весь свой вес» на сторону собственно испанцев¹⁹⁹, и это в меньшей степени был вопрос нового законодательства, нежели внедрения старого²⁰⁰. Обозначенная проблема обострилась еще и потому, что, с одной стороны, происходил значительный рост численности креолов²⁰¹, а с другой, имел место существенный новый приток иммигрантов — как раз из-за испанских усилий по «реконкисте» Американского континента и экономической экспансии²⁰².

Ситуация, несомненно, обострялась «произволом» властей метрополии, как это виделось креолам²⁰³, и «некомпетентностью и подозрениями в нелояльности» креолов, как это виделось испанским властям²⁰⁴. Взаимные подозрения нарастали в точности, как это было в Британской Северной Америке, — возможно, медленно, но последовательно. Но было и еще одно затруднение — расизм. В Британской Северной Америке ситуация была очерчена относительно ясно: там были черные и были белые, расовый барьер был сильным. Индейцев презирали, но они в основном находились за рамками экономической системы. Мулаты относились к черным, а среди белых различия проходили в основном по четким классовым линиям, которые не слишком осложняла этничность, хотя, конечно, были и такие переселенцы, чьи корни были не британскими, а, например, германскими. Но, какие бы антагонизмы здесь ни существовали, они почти не играли роли в политических беспорядках. В Британской Северной Америке были лоялисты и патриоты, а различие между собственно испанцами и креолами для нее не имело значения.

В Испанской Америке, равно как и в португальских и французских колониях, расовые контуры были гораздо более сложными. Вместо простого разделения на белых и черных (или небелых) здесь существовала комплексная иерархическая градация. Реалии сексуальных практик на протяжении предшествующих трех столетий предполагали, что «чисто белыми» были собственно испанцы, а креолы были «белыми в большей или меньшей степени». Как указывает Линч, в действительности многие креолы имели темную и грубую кожу, толстые губы — «вполне как сам Боливар»²⁰⁵.

¹⁹⁹ Halperin-Donghi (1972, 127).

²⁰⁰ См. Konetzke (1950).

²⁰¹ См. количественные данные в: Chaunu (1964, 195).

²⁰² «Бюрократы и купцы наводнили колонии в поисках нового мира — мира, подходящего для испанцев, где им по-прежнему оказывались преференции на высоких административных постах и где *comercio libre* [свободная торговля — исп.] уже предполагала гарантии для монополистов с Пиренейского полуострова» (Lynch, 1973, 16).

²⁰³ Liévano Aguirre (1968, 439).

²⁰⁴ Campbell (1976, 55). Кэмпбелл отдельно ссылается на реакцию Гальвеса на роль креольского ополчения в восстании Тупака Амару.

²⁰⁵ Lynch (1973, 19).

Несомненно, сам факт наличия смешанной крови (в двух из трех случаев, согласно Шоню²⁰⁶) в рамках социальной структуры, где высоко ценилась «белокожесть», приводил многих креолов к истолкованию своего высокого (хотя и слегка окрашенного двусмысленностью) статуса «потомков» в качестве классового превосходства над новоприбывшими. Группа креолов, состоявшая главным образом из тех, кто прибыл в XVI—XVII веках из Андалусии, Эстремадуры и Кастилии, рассматривала прибывших в XVIII веке не как испанцев, а как лиц, среди которых было непропорционально много выходцев из гор Кантабрии и Галисии. «Антигачупинский фольклор [словом *gachupin* насмешливо именовали выходцев с Пиренейского полуострова — И. В.] вполне напоминает „антикантабрийский“, а еще больше „антигалисийский“ фольклор Севильи»²⁰⁷. Также креолы называли собственно испанцев словом *godos*, то есть «готы», очевидно, имея в виду параллель с потомками «варварских» готов в римской Испании²⁰⁸. Испанцы отвечали на это, аттестуя креолов определением «праздные»²⁰⁹. Действительно, поселенцы из числа жителей Пиренейского полуострова часто были бедняками, которые двигались вверх по социальной лестнице²¹⁰. Креолы же нередко казались «узниками движущегося вниз экономического эскалатора»²¹¹. И креолы, и собственно испанцы действительно принимали эти статусы всерьез, но лишь до определенного момента. Когда решающий момент политической борьбы наконец наступил, напоминает Энрике де Гандиа, ярлыки часто отражали не семейную историю, а текущий политический выбор: «Курьез заключался в том, что эти предполагаемые креолы часто оказывались не креолами, а испанцами — и наоборот»²¹². Ключевые соображения при этом часто находились в сфере экономики. «Противостояние между купцами и землевладельцами было конфронтацией не между жителями метрополии и креолами, а между производителями и покупателями», утверждает Мигель Исард в отношении Венесуэлы²¹³. Доказательством этого, по его мнению, было то, что конфликты продолжались и после достижения независимости, когда все купцы с Пиренейского полуострова исчезли со сцены.

Представляется очевидным, что реформы Бурбонов кристаллизовали проблемы. Попытка вновь утвердить центральную власть, эта «отчаянная арьергардная акция»²¹⁴, столь необходимая, если Испания собиралась положить предел нависающему над ней финальному рывку британских экономических интересов в Испанской Америке, была безнадежной игрой. Если бы Карл III и его агент Гальвес потерпели поражение, то выиграли бы британцы. Правда, поражение они не потерпели — им, например, вполне удалось обуздать церковь:

²⁰⁶ Chaunu (1964, 197).

²⁰⁷ Chaunu (1963, 412—413). Шоню отмечает, что эти трения усилятся во время Карлистских войн в XIX веке.

²⁰⁸ См. Chaunu (1964, 197).

²⁰⁹ Brading (1971, 213).

²¹⁰ См. Congreso Hispánicoamericano (1953, 273).

²¹¹ Brading (1973b, 397).

²¹² Gandia (1970, 27).

²¹³ Izard (1979, 54).

²¹⁴ Brading (1984, 438).

изгнание иезуитов было достигнуто с примечательной легкостью, что разрешило различные финансовые и властные проблемы испанского государства. Однако в процессе происходили мучительные злоупотребления лояльностью креолов, поскольку более тысячи американских иезуитов, отплывших в Европу, в действительности были «подлинным цветом креольской элиты»²¹⁵, так что ценой этой политики было «отчуждение» оставшихся²¹⁶. Именно это «отчуждение» — из-за иезуитов, из-за замены коррехидоров интендантами, из-за более высоких и более эффективно собираемых налогов — поведет элиты в направлении независимости, особенно в условиях меняющегося политического климата мир-системы. Уже в 1781 году Маркос Марьеро Валенсуэла написал Карлу III меморандум, где предсказывалось, что именно так и произойдет²¹⁷.

Таким образом, менее чем за 20 лет после Парижского мира 1763 года обе Америки, то есть весь Американский континент, похоже, неизбежно становились на путь создания ряда независимых переселенческих государств. Следующие 50 лет были просто развертыванием той модели, общие линии которой уже были обрисованы, хотя и не прочерчены в деталях. Причины того, почему происходило именно так, возможно, заключаются не столько в героике некой приверженности «свободе» со стороны переселенцев или же в каких-то «ошибках» в правосудии со стороны властей метрополий (таковы две излюбленные линии аргументации), сколько в последовательном накоплении оценок издержек и выгод (причем со всех сторон) в контексте вновь возникающего британского миропорядка. Конечно, не все эти расчеты делались с холодной головой. Однажды появившись, стремление переселенцев к независимости создаст свой собственный импульс, который приведет к результатам, зачастую выходящим за рамки узких расчетов коллективных интересов. Окончательный итог этого процесса окажется по-разному выгодным одновременно и для британцев, и для переселенцев на Американском континенте — как на его севере, так и на юге. Разумеется, степень и качество этих выгод были разными. Главными же проигравшими были пиренейские государства и небелое население обеих Америк. Это было неравное столкновение, и задним числом его исход может показаться очевидным. Состоявшийся де-факто долгосрочный альянс победителей был конструкцией, предполагавшей немедленную политическую стабильность мир-системы, тем самым оптимальную для всемирного накопления капитала.

В 1781 году вооруженные силы Соединенных Штатов разгромили британцев при Йорктауне. Это событие выглядело грандиозным поражением Великобритании и, несомненно, отрезвило британцев. Однако мир не будет установлен до подписания Версальского договора в 1783 году. Объяснение того, почему произошло именно так, задает определенную перспективу для тогдашней военной ситуации в мире, ведь Великобритания воевала не только со своими

²¹⁵ Brading (1984, 402). См. тж. Bauer (1971, 80—85). Изгнание иезуитов обозначило еще один поворот от политики Габсбургов к политике Бурбонов: «Там, где Габсбурги задерживали священников, Бурбоны использовали солдат» (Brading, 1971, 27).

²¹⁶ Brading (1984, 403).

²¹⁷ См. Muñoz Oraá (1960).

колониями. Она также вела войну с Францией, Испанией и Нидерландами, так что фактически против британцев объединилась большая часть Европы. За два года (1781—1783) британский флот окончательно разгромил французский в Вест-Индии в Доминикском сражении, а франко-испанское нападение на Гибралтар оказалось безрезультатным. Эти успехи британцев против их европейских врагов перевешивали поражение при Йорктауне и означали, что после 1783 года Британия продолжит править морями, даже несмотря на потерю своих тринадцати континентальных колоний²¹⁸.

С точки зрения британцев, события 1783 года означали не мир, а перемирие в боевых действиях — движение Британии к гегемонии не было прервано. Во второй главе уже рассматривалось, каким образом после этого французы решили вести дела с британцами: договор Идена, революция, революционные войны, наполеоновская экспансия и Континентальная блокада. Но теперь нам нужно вернуться к сюжету о том, как переселенцы стремились защитить свои интересы. Три ключевыми «моментами», которые после 1783 года потрясли баланс сил в этой борьбе переселенцев, были революция на Гаити, вторжение Наполеона в Испанию и окончательный коллапс Франции в 1815 году. Попробуем проследить всю эту историю с точки зрения Американского континента в рамках трех указанных магистральных сюжетов.

После 1783 года получившие независимость Соединенные Штаты стремились воплотить в жизнь плоды своей победы, но сделать это оказалось сложнее, чем ожидалось. В частности, выполнение двух их главных экономических задач — значительного расширения экспорта в Европу, Карибский бассейн и другие места, а также получения доступа к пограничным территориям североамериканского континента и контроля над ними — никоим образом не гарантировалась просто окончанием британского владычества. Кроме того, война пробудила многие социальные конфликты, которые угрожали стабильности нового государства и, соответственно, его способности достичь те экономические цели, которые ставили перед собой переселенцы.

Во время войны за независимость Континентальный конгресс, разумеется, прервал экономические связи с Великобританией. На международном уровне Конгресс еще в 1776 году занял сильную фритредерскую позицию, которая сохранялась на протяжении всей войны²¹⁹. Отсечение британских мануфактур было частично компенсировано ростом внутренних мануфактур и возросшим импортом из Франции, Нидерландов и Испании. Последний в незначительной степени окупался экспортом, а по большей части — субсидиями и займами, а также тем обстоятельством, что поддержку производственному сектору оказывали расходы французских экспедиционных сил. Однако в общем война не оказала «революционных воздействий» на экономику, в частности, на мануфактурный сектор²²⁰.

²¹⁸ Gottschalk (1948, 7). См. тж. Anderson (1965, 267—268).

²¹⁹ См. Bemis (1935, 45—46) и Nettels (1962, 1—6).

²²⁰ Nettels (1962, 44), см. тж. Walton & Shepherd (1979, 181—182). Шотландии, напротив, Американская война за независимость оказала хорошую службу в этом от-

Кроме того, во время торговой депрессии, начавшейся сразу же после войны, Великобритания (проигравшая сторона), похоже, чувствовала себя лучше, чем Соединенные Штаты и Франция (победители). В сущности, США оставались в довольно зависимом от Великобритании положении²²¹, что было предметом определенного разочарования и в самих США, и во Франции. Имеющаяся на данный момент информация позволяет определить вполне очевидную причину этого. Возможности британских перевалочных пунктов были убедительными и недорогими для Соединенных Штатов, а самое главное, у американских купцов были «давно установлены торговые связи» с ними, что означало доступность долгосрочных кредитов. Не следует забывать и значимость общего языка и культуры²²². Более того, после 1783 года британские купцы «энергично взялись за отвоение американской торговли». Им помогало британское правительство, предлагая купцам те же возвратные пошлины, освобождения от сборов и субсидии, которые они получали, когда Соединенные Штаты еще были британской колонией²²³. Напротив, для французских купцов развитие торговли с США означало создание новых коммерческих каналов, а учитывая те потери, которые портовые купцы понесли во время войны, в 1783 году они не могли «позволить себе роскошь серьезных новшеств»²²⁴.

Таким образом, торговля Соединенных Штатов вновь оказалась в руках британцев, и хотя ее общий объем теперь был ниже²²⁵, две страны при этом находились «в неравном положении». Ведь «как бы ни была ценна американская торговля для Англии, для Америки английская торговля была жизненно важной»²²⁶. Неудивительно, что в 1789 году Артур Юнг в беседе с аббатом Рейналем смог осознать, что это было «самое экстраординарное событие в

ношении. Из-за войны Глазго перестал играть роль перевалочного пункта, и это спровоцировало перестройку структуры экономических приоритетов. «Пока Глазго сохранял свою монополию в торговле табаком из Северной Америки, ее мануфактурам — даже хлопковым — суждено было оставаться в подчиненном торговле положении» (Robertson, 1956, 131).

²²¹ «Для Британии поражение [в войне] было более серьезным с точки зрения престижа, нежели материальных интересов: степень экономической независимости Соединенных Штатов была далеко не сопоставима с достижением национального суверенитета и распоряжением им» (Marshall, 1964a, 23).

²²² Clauder (1932, 16).

²²³ Nettels (1962, 47). Неттельс отмечает также, что «британские купцы, имея избыточный капитал, предоставляли кредиты под товары на срок от 12 до 18 месяцев» (р. 231).

²²⁴ Meyer (1979, 181). О том, почему французские купцы упустили свой «уникальный шанс изгнать британцев с североамериканского рынка», см. тж. Fohlen (1979, 98).

²²⁵ «Внешняя торговля, если судить по экспортным поставкам в Британию в 1780-х годах, не достигала и двух третей от дореволюционного уровня» (Jeremy, 1981, 14).

²²⁶ Benians (1940, 16). Сэмюэл Бемис также утверждает, что в это время англо-американская торговля «была жизненно необходима для национального существования Соединенных Штатов... [В 1789 году] 90% американского импорта поступало из Великобритании, а доходы США формировались главным образом за счет тарифов на импорт. Внезапное обрушение торговых связей с Великобританией... означало бы

мировой политике», поскольку нация потеряла свою империю и «выиграла от этой потери»²²⁷.

Территорией, где США наиболее очевидным образом могли рассчитывать на расширение своей торговли, был Карибский бассейн, с которым североамериканские колонии торговали уже давно. Но и там 1780-е годы оказались тяжелым временем. К Американской войне за независимость не присоединился ни один из островов Британской Вест-Индии, несмотря на различные выражения симпатии и определенные меры скрытой поддержки колонистов²²⁸. Причина этого, предположительно, была двоякой: демографической (чернокожие, в основном рабы, составляли около 7/8 населения)²²⁹ и военной (уязвимость небольших островов для британской морской мощи)²³⁰.

Однако за несколько десятилетий до начала революции связь континентальных колоний с Британской Вест-Индией значительно выросла — как раз потому, что растущее монокультурное производство сахара вело к огромной потребности в импорте на острова Вест-Индии продуктов питания. Препятствия, возникшие в ходе войны, повлекли за собой «резкую краткосрочную дезорганизацию» этого торгового маршрута и тем самым увеличили издержки сахарного производства²³¹, придав обитателям Вест-Индии значительную мотивацию возобновить старые связи как можно скорее. Однако после 1783 года британцы не допускали североамериканские корабли в свои вест-индские колонии (равно как и в колонии Испании)²³². Это была плохая новость не только

крах трех четвертей американской внешней торговли. Как позднее скажет Александр Гамильтон, это срезало бы наш кредит под корень» (Bemis, 1923, 35—36).

Более того, в то время британцы осознавали свое преимущество. Лорд Шеффилд, выступая против ослабления навигационных законов, утверждал: «Мы действительно могли бы относиться к ним дружественно и с хорошим расположением, но мы должны ждать, а не пытаться форсировать события... и при благоразумном управлении [Великобритания] получит такую долю торговли [Соединенных Штатов], какая будет в ее желательных интересах» (цит. по: Stover, 1958, 405).

²²⁷ Юнг продолжает свое рассуждение в духе умудренного опытом имперского деколонизатора XX века, сомневаясь, что государства-колонизаторы смогли бы когда-нибудь отпустить свои колонии по собственной воле, даже если бы «освободить их было бы мудрым решением». «Франция цепляется за Санто-Доминго, Испания — за Перу, а Англия — за Бенгалию», — сокрушается Юнг (цит. в: Lokke, 1932, 155). Но, как известно, первые две державы уже были на грани утраты способности удержаться за указанные колонии.

²²⁸ См. Brathwaite (1971, 68-71) и Kerr (1936, 61).

²²⁹ См. данные в: Knollenberg (1960, 298). Двумя территориями, которые наиболее активно поддерживали 13 колоний, были Бермудские острова и Багамы — единственные места, где белые переселенцы составляли большинство.

²³⁰ См. Brown (1974, 20). Конечно, это было и одним из главных объяснений, также предлагавшихся относительно того, почему войну за независимость не смогла поддержать Новая Шотландия.

²³¹ Knight (1983, 243, 246—247).

²³² См. Walton & Shepherd (1979, 181—182). Объясняя, какие соображения стояли за правительственным декретом декабря 1783 года, который запрещал доступ в вест-индские колонии кораблям Соединенных Штатов, Джудит Уильямс предполагает, что

для американцев, но и в равной степени для владельцев сахарных плантаций: «с 1783 года начался коллапс малорентабельных плантаций»²³³.

Перспективы внешней торговли на тот момент представлялись новому переселенческому государству туманными, однако там считали, что возможно, по меньшей мере, расширить свое экономическое развитие на континенте, колонизируя зоны «фронтира». Но ни у Британии, ни у Испании не было ни малейших намерений способствовать этим амбициям, которые напрямую противоречили их интересам. Восточную половину Северной Америки можно представить в виде прямоугольника, в границах которого Соединенные Штаты в 1783 году представляли собой бокс внутри бокса. Хотя их восточная граница совпадала с границей большого бокса — Атлантическим океаном, на севере они были окружены Канадой, находившейся за рамками их юрисдикции, на юге все северное побережье Мексиканского залива (от Луизианы до Флориды) было под испанской юрисдикцией, а на западе США были ограничены обширной территорией между Миссисипи и Аппалачами, юрисдикция над которой была спорной.

В процессе обсуждения условий мирного договора в Версале вопрос о том, получают ли Соединенные Штаты Канаду, не рассматривался — им уже не удалось добиться этого военными либо политическими средствами во время войны, причем в этом отношении у США определенно не было дипломатической поддержки Франции²³⁴. Британцы же, если угодно, относились к Канаде

это решение было основано на самонадеянном допущении, будто США не смогут ответить тем же: «Преобладали интересы... морских перевозчиков. Они настаивали, что Британии на американском рынке мануфактурных товаров не нужно опасаться ни иностранной, ни внутренней конкуренции...

Похоже, последующие события быстро подтвердили догадку, что британское командное положение на американском рынке было безопасным» (Williams, 1972, 220, 222).

Американцы также потеряли защиту со стороны британских военных кораблей в средиземноморской торговле, что привело к проблемам с берберскими пиратами. Что касается Ирландии, то прямая торговля с ней «в колониальный период была незначительной», а затем не расширилась (Nash, 1985, 337).

Единственным светлым пятном, причем единственно значимым в долгосрочной перспективе, было открытие китайской торговли, что стало «прямым следствием революции» (Ver Steeg, 1957, 366).

²³³ Крейтон (Craton, 1974, 240) продолжает утверждать, что даже «70-процентный рост [сахарного производства] между 1783 и 1805 годами не был показателем высокой прибыльности, а скорее наоборот: этот рост представлял собой попытку восстановить прибыль путем увеличения производства, что дало инфляционные результаты» (pp. 245—246).

Утрата поставок продовольствия из США дополнялась беспрецедентной серией ураганов в 1780—1786 годах, которые уничтожали растительность. Результатом этого, утверждает Шеридан (Sheridan, 1976a, 615), был «кризис на грани выживания».

²³⁴ См. Trudel (1949b, 131) о преемственности французской политики в этом направлении от Шуазёля до Вержена. В 1778 году Шуазель, уже будучи в отставке, направил Вержену меморандум, где утверждалось, что Франции следует стремиться к независимости США по итогам войны, но при этом Канада, Новая Шотландия и обе Каролины должны остаться у британцев. Вержен, в свою очередь, объяснял Жерару [французскому поверенному в делах в Данциге], что подобный исход приведет к тому, что колонии,

более беспечно, чем французы²³⁵. Вопросом большей значимости для них было то, будет ли Соединенным Штатам позволено вести экспансию в западном направлении. Договор 1783 года предусматривал передачу Великобритании так называемых западных портов — восьми рубежных постов на американской стороне пограничной линии от озера Мичиган до озера Шамплейн²³⁶. Но британцы медлили. Оправданием с их стороны было то, что Соединенные Штаты отказывались от реституции конфискованной собственной лоялистов, возражая на разрешение эмигрировать в Канаду, предоставленное британцами для тысяч бывших чернокожих рабов (что, стало быть, тоже не было «реституцией собственности»). В действительности же британцы просто стремились дать канадским торговцам пушниной достаточно времени, «чтобы реорганизовать свое дело и изъять свою собственность»²³⁷. Этот вопрос не будет урегулирован вплоть до Договора Джея 1796 года²³⁸. Однако конфликт будет фактически улажен британцами именно потому, что они рассчитывали на сохранение Соединенными Штатами роли экономического сателлита²³⁹. Кроме того, британцы,

получив независимость, «на неопределенный срок продлят свой разрыв с Англией к выгоде Франции».

²³⁵ «Ту небрежность, с которой, как представляется, лорд Шелбурн и его поверенный Ричард Освальд весной 1782 года приготовились передать всю Канаду независимым Соединенным Штатам в виде бесплатного прибавления, можно объяснить [их взглядами на свободную торговлю]. Грубо говоря, их идея заключалась в том, что Великобритания обладала таким превосходством над Соединенными Штатами в промышленности и торговле, что бывшей Британской Северной Америке придется по-прежнему быть богатым и расширяющимся рынком, причем неважно, независимым или нет. Реальной же целью было как можно более основательно исключить из этого процесса Францию» (Brebner, 1966b, 62).

²³⁶ Jones (1965, 508). См. тж. Burt (1931). Как предполагает Дж. Риппи, у нежелания британцев уступать порты был еще один мотив — опасение, что это позволит Соединенным Штатам «угрожать Канаде» (Rippy, 1929, 23—24).

Французов не расстраивало промедление британцев, см. Trudel (1949a, 195). Канада же не имела единой позиции по этому вопросу. Крупные купцы понимали, что соглашение 1783 года уничтожило старую торговую империю в бассейне реки Св. Лаврентия, и продолжали давление с целью пересмотра границ вплоть до 1815 года. Однако 1783 год также был отмечен прибытием в Канаду лоялистов из ныне независимых колоний. В первую очередь это были фермеры, которые несли за собой «экспортное производство в самом сердце примитивного государства, торгующего пушниной» (Creighton, 1937, 89).

Что касается США, то доступ на Запад казался чем-то вроде «воздаяния», которое позволило бы им рассчитаться с государственным долгом и предоставить значительному числу людей благоприятную возможность «вновь обрести удачу» (Henderson, 1973, 187). А стало быть, промедление британцев представлялось необходимым.

²³⁷ «В первые два десятилетия после 1783 года благодаря экономическому партнерству Англии с Соединенными Штатами роль [Канады и Ньюфаундленда] стала незначительной» (Graham, 1941, 56). См. тж. Brebner (1966, 85). Бребнер обнаруживает «контраст между британской неуступчивостью [в отношении США] по морским вопросам и покладистостью по сухопутным».

похоже, скептически относились к тому, что правительство вновь образованных Соединенных Штатов сможет преодолеть реальное препятствие к экспансии в западном направлении — сильное стремление к сепаратизму части обитателей фронта²³⁸.

Ситуация на северо-западе была сложной. Собственные интересы, помимо Соединенных Штатов и Великобритании, имели и отдельные штаты США, и торговцы пушниной, и земельные спекулянты, и белые обитатели фронта, и коренные американцы (так называемые индейцы).

С точки зрения нового государства, проблема включала два следовавших друг за другом вопроса: сначала упорядочение взаимных претензий тринадцати колоний восточного побережья Северной Америки, а затем улаживание споров между восточным побережьем (в некоторых территориях именуемым термином Тайдуотер) и фронтиром (главным образом, но не целиком по ту сторону Аппалачей).

Первый из этих вопросов вращался вокруг предполагаемых старинных прав. Шесть штатов — Массачусетс и Коннектикут на севере и Виргиния, обе Каролины и Джорджия на юге — заявляли, что их учредительные документы (charters), распространявшиеся «от моря до моря», позволяли им неограниченную западную экспансию. Штаты, расположенные между названными северными и южными колониями (в особенности Пенсильвания, Мериленд, Делавэр и Нью-Джерси) не имели подобной статьи в своих учредительных документах и поэтому окажутся за рамками лихорадочной земельной спекуляции. Они стремились к организации частных компаний (например, Индианской компании и Компании Иллинойса-Уобаша) и для этого обратились за помощью к вновь образованным Соединенным Штатам, как прежде обращались к британцам²³⁹. Итогом этого был компромисс — Северо-Западный ордонанс 1787 года. Те штаты, которые имели притязания «от моря до моря», уступили их Соединенным Штатам, разрешив продажу земли (и тем самым сократив долг США), но только лотами по 640 акров (что «демократическим образом» устраивало крупных земельных спекулянтов).

²³⁸ Харлоу (Harlow, 1964, 603) утверждает, что в британских правительственных кругах того времени преобладала позиция, согласно которой «представлялось возможным, что западный фронт Соединенных Штатов останется у подножия Аллеганских и Аппалачских гор. Считалось нереалистичным, что федеральное правительство на атлантическом побережье сможет распространить свой суверенитет на обширные дикие места по ту сторону этих гор».

²³⁹ См. Jensen (1936, 28-30, см. тж. Jensen, 1939). Планы экспансии были перечеркнуты Американской войной за независимость. Созданная сразу перед войной Компания Вандалии была сформирована путем слияния компаний Индианы и Огайо. В 1773 году эта компания добилась от лордов-комиссионеров торговли и плантаций рапорта, рекомендующего предоставление ей в концессию территории, приблизительно охватывающей сегодняшние Западную Виргинию и восток Кентукки, которая получила название Вандалии. «Несмотря на то, что все процессы передачи этих территорий, за исключением нескольких формальностей, были выполнены, начало Американской революции остановило эту концессию» (Turner, 1895, 74).

Однако ордонанс 1787 года содержал еще одну оговорку: возможность создания новых штатов в северо-западном регионе. Этот пункт, опять-таки в равной мере исключавший весь «империализм» восточного побережья, действительно разрешил напряженность между Тайдуотером и обитателями глухих мест, которая раздирала Континентальный конгресс в ходе революции, — враждебность «регуляторов» в Северной Каролине и двойственное отношение Вермонта к делу революции²⁴⁰. В целом «западники», особенно в новых территориях Кентукки и Теннесси, рассматривали контроль со стороны Конгресса как «избавление от роли прибрежных графств в легислатурах»²⁴¹. Обитатели фронта считали себя продолжателями схватки 1776 года, по-прежнему рассматривая себя «утнетенными колонистами», причем теперь роль «тирана, ранее исполнявшуюся Георгом III», играли правительства штатов восточного побережья²⁴². Кроме того, экономическая география сложившейся ситуации была такова, что колонистам западного фронта было легче доставлять свою продукцию по внутренним водным путям в территории под контролем британцев на северо-востоке либо под контролем испанцев на юго-западе, нежели сухопутным путем в штаты восточного побережья²⁴³.

Северо-Западные ордонансы смягчили это негодование, установив различие между центральным правительством Соединенных Штатов и правительствами восточных штатов. Однако существовала и вторая проблема, которая предотвращала сепаратизм, искушавший пограничные территории, а именно индейцы. Британцы играли в свою обычную игру, пытаясь создать «нейтральное барьерное государство индейцев» внутри Соединенных Штатов²⁴⁴, а обитатели фронта в основном помогали «неуступленным» индейским землям. Именно здесь им могли помочь Соединенные Штаты, особенно после 1789 года, когда было создано федеральное правительство, а внимание Великобритании отвлекли Французская революция и последовавшие за ней события. «Европейские бедствия были преимуществом для Америки»²⁴⁵, точнее преимуществом для белых поселенцев, а не для коренных американцев. Для последних

²⁴⁰ Итан Аллен в американских учебниках является революционным героем. В действительности же он и его братья в 1777 году основали независимое содружество и торговались с британцами за признание независимости Вермонта, причем этот процесс продолжался еще в 1789 году, когда Леви Аллен отправился в Лондон, чтобы предложить сделку Георгу III. После ряда дальнейших переговоров со штатом Нью-Йорк (который в 1790 году отказался от некоторых земельных требований) Вермонт в 1791 году «вступил» в состав США в качестве четырнадцатого штата. См. Brebner (1966b, 66—67). «Независимость» Мэна от Массачусетса предполагала те же самые вопросы. См. Greene (1943, 408—409).

²⁴¹ Turner (1896, 268).

²⁴² Whitaker (1962a, 92).

²⁴³ См. Bemis (1916, 547).

²⁴⁴ Bemis (1923, 109). Стивенс (Stevens, 1926, 14—15) утверждает, что успех британцев в ситуации с индейцами позволил им сохранить торговое превосходство на северо-западе до Англо-американской войны 1812 года. См. тж. Wright (1975, 35).

²⁴⁵ Bemis (1943, 18).

«американский президент был человеком, которого следовало бояться, — прямым аналогом царя, императора и султана. Для криков, чероки, чикасо, шони, виннебаго и многих других племен новый город Вашингтон был как Санкт-Петербург для финнов, Пекин для мяо' или Константинополь для сербов — престолом капризной и тиранической власти»²⁴⁶.

Великобритания относилась к пограничной экспансии Соединенных Штатов как подобает державе-гегемону, столкнувшейся с, в сущности, небольшой, хотя и беспокоящей проблемой. А вот испанцам приходилось воспринимать этот вопрос более серьезно. Они защищали свою американскую империю, которая уже оказалась под ударом, и не могли допустить ни экономического успеха Соединенных Штатов, ни распространения их политической модели. 3 сентября 1783 года были подписаны британо-американские и британо-испанское мирные соглашения, однако они противоречили друг другу в ключевом пункте, который затрагивал всю долину Миссисипи. Соглашение с Соединенными Штатами предоставляло им свободную навигацию по этой реке и закрепляло южную границу по 30 параллели. В соглашении с Испанией навигация по Миссисипи не упоминалась, но при этом оговаривалось, что Испания должна сохранить за собой Западную Флориду, которая, согласно правительственному декрету 1764 года, включала речной порт Натчес' и всю территорию к северу до отметки 32 градуса 26 минут северной широты²⁴⁷.

Сначала испанцам было сложно делать различия между своим привычным врагом, Англией, и его побочной ветвью, Соединенными Штатами, которые они называли «англо-американцами»²⁴⁸. Однако такое различие все же стало происходить, причем не в пользу США. Возможно, испанцы были знакомы с проницательным прогнозом, который Жак Аккариас де Серионн сделал еще в 1766 году:

«Новую Англию, возможно, следует бояться больше, чем старую, в смысле утраты Испанией своих колоний. Население и свобода англо-американцев представляются отдаленной заявкой на захват богатейших территорий Америки и основание англичанами новой империи, независимой от Европы»²⁴⁹.

Испанцы обнаружили, что во вновь приобретенных портах Сент-Огастин, Мобил и Пенсакола британские купцы отдавали им предпочтение перед торговцами из Соединенных Штатов, с которыми у испанцев были «острые распри». Однако за это испанцы заплатили свою цену, проистекавшую из их собственной экономической слабости: «Чтобы предотвратить торговлю американцев [из

²⁴⁶ Meinig (1986, 369—370). Шоню (Chaunu, 1964, 183) полагает, что торговцы пушниной и переселенцы наполовину отвоевали пространство у индейцев: «Передовая линия следопытов шла впереди подлинного фронта, на котором находились фермеры (с огнем и топором), оттеснявшие индейцев, которые уже были покорены виски, ромом и, самое верное, огнестрельным оружием».

²⁴⁷ См. Whitaker (1962a, 11).

²⁴⁸ Whitaker (1962a, 33—34).

²⁴⁹ Accarias de Sérionne (1766, I, 73).

США] с их индейскими соседями, [Испании] пришлось позволить англичанам торговать с ними через ее собственные порты»²⁵⁰.

В деле защиты торговца пушниной от земельного спекулянта из Соединенных Штатов Испания на юго-западе могла преуспеть еще меньше, чем Британия в данной роли на северо-западе, особенно учитывая большую роль лиц неиспанского происхождения в региональной экономике Луизианы и Флориды. Испания никогда не была способна интегрировать эти зоны (к тому же недавно приобретенные) в свою колониальную систему, и это предопределило утрату обеих колоний (соответственно, в 1815 и 1819 годах) в пользу США²⁵¹.

Новообразованные Соединенные Штаты были не только новой державой на Американском континенте, реализующей собственные экономические интересы, — это был также символ независимости переселенцев. США поддерживали принцип республиканизма, но что представляла собой эта республика? Многим представлялось, что речь идет об идеологии свободной торговли, свободных людей и равенства. Мы уже видели, что в 1780-х годах США, продвигая свободную торговлю, оказались в не слишком хорошей ситуации. Действительно, как отмечает Дрю Р. Маккой, торговый кризис 1780-х годов «для того пути, на котором американцы видели себя и свое общество, имел эффект, глубоко нарушающий спокойствие»²⁵². Неудачи во внешней торговле, несомненно, были одним из тех элементов, которые привели к конституционному кризису 1783—1791 годов, когда выживание нового государства как единого политического организма было под вопросом. Однако в долгосрочной перспективе, поскольку США представляли себя образцом независимости для переселенцев и рассматривались в таковом качестве, для мир-системы более важным оказалось то, как Соединенные Штаты в этот период разрешали вопросы свободы и равенства людей.

Вопрос о свободе не был связан с коренными американцами. Они находились за рамками государства (и конституционно оставались в Соединенных Штатах на этом положении до 1924 года). Переселенцы хотели вытеснить индейцев с их земли, а не включить их в свою экономическую деятельность в качестве рабочей силы²⁵³. Чернокожие, главным образом рабы, за рамки государства

²⁵⁰ Whitaker (1962a, 37, 43). См. тж. Williams (1972, 57—59). Это оказалось прецедентом. Когда испанцы отобрали фактический контроль над Луизианой у французов с прибытием генерала О'Рейли в Новый Орлеан в 1769 году, они выдворили оттуда учреждение английских купцов. Но когда в 1770 году О'Рейли, вернувшись в Гавану, запретил экспорт луизианского табака плохого качества, представлявшего угрозу кубинскому экспорту, англичане вернулись — де-факто как контрабандные торговцы. См. Clark (1970, 170—180).

²⁵¹ См. Whitaker (1928, 198) и Clark (1970, 220).

²⁵² McCoy (1980, 105).

²⁵³ Об ограниченном значении для индейцев даже Акта о гражданстве 1924 года см. Ласу (1985, 91 слл.). Споры о Статьях Конфедерации, касающихся индейцев, шли вокруг соотношения роли центрального правительства и роли штатов. Победа центра в действительности была победой идеологии исключения индейцев из корпуса политики. «Укрепилась идея Индейской территории». Это была не только территория, лежащая

не выносились — они выступали составной, а фактически центральной частью производственного процесса. В 1774 году население Тринадцати колоний (за исключением индейцев) составляло 2,3 миллиона человек. 20% из них были чернокожие рабы и еще 1% — свободные черные²⁵⁴. В XVIII веке ввоз рабов на Американский континент постоянно увеличивался²⁵⁵. Среди главных причин этого были быстрый упадок и фактическое исчезновение системы контрактного труда. В XVII веке контрактные работники в Британской Северной Америке были главным образом англичанами, однако в следующем столетии этнические модели изменились, и теперь наибольшая их доля приходилась на немцев, швейцарцев, шотландцев, лиц шотландско-ирландского происхождения, ирландцев и т.д.²⁵⁶ Последние два десятилетия колониальной эпохи для большинства северных городов были временем «отказа от контрактного труда». Конечно, отчасти это было связано с экономическими трудностями и фактически вело к «недовольству конкуренцией с рабским трудом» со стороны ремесленников и нападениям на рабство²⁵⁷. Однако более долгосрочным соображением было то, что с растущим спросом на труд эластичность предложения рабов значительно превосходила эластичность предложения контрактных рабочих, а стало быть, стоимость последних росла относительно стоимости рабов²⁵⁸.

Когда Джефферсон стремился включить в Декларацию независимости раздел, осуждающий Георга III за сворачивание усилий по запрету работорговли, он столкнулся с «горячими возражениями» не только со стороны делегатов Джорджии и Южной Каролины, где было множество рабов, но и со стороны делегатов Массачусетса, Коннектикута и Род-Айленда, где работорговля оставалась важным бизнесом²⁵⁹. Рабство существовало даже в северных штатах,

по ту сторону линии границы и запрещенная для посещения переселенцев и торговцев без соответствующей лицензии, но и территория, на которую распространялась федеральная власть. Федеральные законы, управляющие индейцами и торговлей с ними, имели действие только на Индейской территории, а за ее пределами они не работали» (Prucha, 1970, 31).

Подобное отношение обозначило переход от раннего колониального периода, когда считалось, что индейцы могут «интегрировать [европейский путь] в собственную жизнь» (McNickle, 1957, 8).

²⁵⁴ А. Н. Jones (1980, 39, таблица 2.4). Джексон Мейн приводит данные на 1760 год, согласно которым чернокожие рабы составляли 23% населения, причем 4/5 из них приходились на южные штаты (Main, 1965, 271).

²⁵⁵ См. Curtin (1969, 216, таблица 6.5), где приводится оценка, демонстрирующая их удвоение на протяжении столетия.

²⁵⁶ См. Morris (1946, 315—316).

²⁵⁷ Nash (1979, 320—321).

²⁵⁸ См. Galenson (1981b, 175). Среди соображений, которые в то время приводились в Джорджии в публичную защиту рабства, было то, что «рабов можно кормить, одевать и предоставлять им кров примерно за четверть стоимости содержания белых слуг». Кроме того, утверждалось, что рабы трудятся лучше, чем белые слуги, «набранные из отбросов общества, непривычных к сельской работе, отказывающихся от самой мысли о тяжелом труде, уязвимых к „жаре“ и „морозам“ Джорджии и склонных к успешным побегам от своих хозяев» (Gray & Wood, 1976, 356).

где по-прежнему являлось «общей и невозбращаемой практикой», хотя в количественном отношении его масштабы там были «сравнительно невелики»²⁶⁰. Американская война за независимость поставила вопрос ребром, поскольку и британцы, и колонисты рассматривали возможность использования чернокожих в качестве солдат. Хотя даже в Англии эта идея не была популярной, «война принесла свои реалии». Сначала негров рекрутировали британцы, а затем, с еще большей неохотой, это проделали Континентальный конгресс и большинство северных штатов, предоставляя неграм свободу как «вознаграждение за преданную службу»²⁶¹.

Чернокожие (свободные и рабы) маневрировали как могли. Те, кто стал лоялистами, были «меньше настроены в пользу британцев, чем в пользу черных», рассматривая себя как «сторонников освобождения чернокожих»²⁶². Другие присоединялись к делу революции и тем самым вносили вклад в процесс искоренения рабства, который к концу войны был запущен в северных штатах, за исключением Нью-Йорка и Нью-Джерси²⁶³. Идейное содержание этого процесса в лучшем случае было отчетливо разношерстным, такой же оставалась и его послевоенная модель. Северо-Западные ордонансы 1787 года действительно наложили запрет на рабство в этом регионе, а вопрос работорговли немало обсуждался в Филадельфийском конвенте²⁶⁴. Важным побочным эффектом знаменитого компромисса — полной отмены работорговли, вступающей в силу 20 лет спустя, в 1808 году, — было оттеснение рабства «еще глубже на Юг»²⁶⁴. 70 лет спустя, в 1857 году, генеральный прокурор США Роджер Тейни провозгласит в

В 1774 году французы формально отменили систему *engagés* (контрактного труда), тем самым положившись на рабство как «единственное решение проблемы колониального труда» (Vignols, 1928a, 6).

²⁵⁹ Aptheker (1960, 101). Работорговля в особенности концентрировалась в руках купцов Род Айленда, которые между 1725 и 1807 годами контролировали от 60 до 90% ее объема. См. Coughtry (1981, 6, 25).

²⁶⁰ Zilversmit (1967, 7).

²⁶¹ Quarles (1961, 100, 198) См. тж. Berlin (1976, 352—353). Борьба британцев и колонистов за поддержку чернокожих была, возможно, инициирована губернатором Виргинии лордом Данмором, в ноябре 1775 года обещавшим свободу рабам, которые соберутся под его знамена и возьмут оружие. «Британцы старались не начать революцию, а покончить с мятежом. Их основной политикой было *status quo ante bellum* [довоенное положение дел — *лат.*]» (Robinson, 1971, 105). Когда в конце войны британские войска покидали Соединенные Штаты, они забрали с собой «тысячи» чернокожих — в Великобританию, Канаду, Вест-Индию и даже в Западную Африку (Berlin, 1976, 355). Как мы уже отмечали, это стало подлинным источником разногласий с правительством США.

²⁶² Walker (1975, 53, 66).

²⁶³ См. Zilversmit (1967, 137, 146—152) и Litwack (1961, 3—4). Тем не менее этот процесс шел медленно. Полностью отменили рабство лишь два штата — Вермонт (1777) и Массачусетс (1783). Другие предпринимали частичные шаги в этом процессе, который тянулся в северных штатах до 1846 года, когда Нью-Джерси последним из их числа наконец полностью отменил рабство.

²⁶⁴ Freehling (1972, 89). Кроме того, следует отметить, что лишение прав индейцев было тесно связано с расширением включения в правовое поле черных рабов. «Амери-

решении по делу Дреда Скотта, что на 1787 год чернокожие «не имели прав, которые полагалось уважать». Как утверждает Литвак, это был «в меньшей степени сигнал морального бессердечия, нежели важная историческая правда»²⁶⁵. «Неотчуждаемые права» колонистов еще не распространялись на черных.

В таком случае остается вопрос: были ли, по меньшей мере, равны все белые переселенцы? Не вполне. Известно, что в период перед войной за независимость неравенство усиливалось. Вопрос состоит в том, имела ли сама война сколько-нибудь существенное влияние на степень экономической поляризации и на формирующуюся политическую идеологию. Исходно в Британской Северной Америке раскол между теми, кто был лоялен империи, и мятежниками в меньшей степени определялся восприятием британской политики (которая, по распространенному мнению, была ошибочной), нежели тем, как к ней относиться. Виги полагали, что они были мятежниками во имя британских национальных идеалов, а тори считали, что следует сохранять лояльность короне, несмотря на безрассудства правительства. Реальное действие в виде создания новой нации появится позже. Именно «поступь событий революции необратимо подтолкнула американцев к формированию образа нации»²⁶⁶. Это важно помнить, поскольку динамика возникающего национализма существенно влияла на социальное восприятие неравенства.

Для понимания происходившего нужно обратить внимание на тех, кто прохладно относился к революции. Следует постоянно помнить, что здесь, как и в большинстве революционных ситуаций, в самом начале лишь меньшинство было сильно привержено обоим путям. Большинство же было «сомневающимся, боящимся, неопределенным, нерешительным»²⁶⁷. Представляется, что идеология тори (или, по меньшей мере, лоялизм) имела наиболее сильную поддержку в трех зонах. Первую из них формировали приморские регионы срединных колоний, где идеология тори получила вид социального консерватизма. Ее разделяли те, кто боялся активистов Новой Англии как «радикальных уравнилителей»²⁶⁸, рассматривая себя в качестве участников великого сражения за то, «какого рода институты должна иметь Америка». Если сравнивать этих тори с патриотами, то можно говорить о «гражданской войне», в которой патриоты были партией движения против тори как партии порядка²⁶⁹. Такова основа мифологии Американской революции как социальной революции — мифологии, обладающей некоторой степенью достоверности.

Но были и другие тори. Вторую их крупную группу составляли обитатели фронта от Джорджии до Вермонта — наиболее примечательным здесь было движение регуляторов в западной части Северной Каролины. «Везде, где

канская революция освободила южных рабовладельцев от различных имперских ограничений, открыв путь для устранения индейцев и экспансии рабства на запад» (Davis, 1983, 273).

²⁶⁵ Litwack (1987, 316).

²⁶⁶ Savelle (1962, 916).

²⁶⁷ Shy (1973, 143).

²⁶⁸ Henderson (1973, 180).

²⁶⁹ Nelson (1961, 1).

моряки и рыбаки, следопыты и торговцы количественно превосходили фермеров и плантаторов, тори получали численное преимущество над вигами»²⁷⁰. Эти тори были лоялистами, которые рассматривали британское правительство в качестве сдерживающего фактора в отношении ненасытных земельных спекулянтов восточного побережья. Как уже было показано, этот страх был реальным и оправданным, а победа патриотов-переселенцев была приговором для упомянутых обитателей фронта. Возможно, они в любом случае были «приговорены», но Американская революция, несомненно, ускорила поступь этого процесса. Для этой группы лоялистов патриоты представлялись консервативной, а не радикальной силой.

Но был и третий узел сопротивления — «культурные меньшинства», и все они, похоже, демонстрировали более высокий уровень лоялизма. Эта группа, пересекавшаяся с обитателями фронта, больше сталкивалась с нищетой. Внутренние графства от Пенсильвании до Джорджии были «обильно населены» шотландцами, ирландцами и немцами. Разница в происхождении между теми, кто жил во внутренних территориях, и жителями побережья была наиболее выраженной в двух Каролинах, где в действительности и произошли наиболее серьезные столкновения²⁷¹. Религиозные, равно как и этнические, меньшинства (конечно, часто это было одно и то же) также склонялись к лоялизму. Сторонники епископальной церкви в северных колониях, пресвитериане в южных колониях, а пиеисты и баптисты повсеместно не были склонны к делу революции²⁷². Все эти люди скептически относились к тому, что новое национальное и националистическое большинство примет в расчет их интересы, опасаясь, что акцент на индивидуальных приоритетах уничтожит их групповые интересы.

Поэтому с точки зрения защиты социальных привилегий существовали лоялисты, которые были таковыми, поскольку они опасались эгалитаристских тенденций, и лоялисты, оказавшиеся в этом лагере по прямо противоположной причине. В конечном итоге вполне справедливо выглядит оценка Палмера: «Патриотами были те, кто видел в разрыве с Британией расширение благоприятных возможностей, а лоялистами в значительной степени те, кто имел выгоды от связей с Британией». Или же, можно добавить, по меньшей мере, те, кто не видел оснований полагать, что получит выгоду от разрыва этих связей²⁷³.

И еще одно — последнее — соображение. Почему более сильно не проявило себя то направление, которое можно назвать левым крылом тори (к нему относились те, кто не стал патриотами именно из опасений неэгалитарного большинства)? Ведь если бы эта группа была политически сильнее, то переселенцы, возможно, никогда бы не выиграли войну с британцами. Морган

²⁷⁰ Nelson (1961, 88).

²⁷¹ Greene (1943, 158).

²⁷² Nelson (1961, 90). Однако католики и евреи были «исключением». Потому ли, что они чувствовали себя «для собственной безопасности обязанными следовать тому, что представлялось мнением большинства», или же потому, что у них не было причин верить, что британцы будут защищать их? В Ирландии католики вели себя иначе.

²⁷³ Palmer (1959, I, 201).

отмечает, насколько отличалась интенсивность этого классового конфликта в 1676 году, во времена восстания Бэкона²⁷⁴, и в 1776 году. В этом временном промежутке, утверждает Морган, «подъем рабства обуздал рост свободного, но угнетенного низшего класса и, соответственно, увеличил социальные и экономические возможности белых»²⁷⁵.

Двусмысленность социального воздействия Американской войны за независимость сохранялась и после 1783 года. Реальная поляризация в действительности усиливалась. Например, в Бостоне, сердце радикального движения революции, резкое неравенство имело и до нее, но после революции там возникло «общество еще большего неравенства»²⁷⁶. После 1783 года купцы Новой Англии, оказавшись в качестве возмездия со стороны британцев отлученными от Вест-Индии, восполняли свои экономические трудности «сбором долгов». И когда зароптали мелкие фермеры на западе Массачусетса, следствием этого стало репрессивное законодательство, «подвигшее многих из них к прямому действию» — восстанию Шейса²⁷⁷ в 1786 году²⁷⁷, которое было подавлено.

Именно в этом двусмысленном контексте создавался проект Конституции 1787 года и именно в этом смысле обладает достоинством интерпретация Чарльза Бёрда²⁷⁸, которую много раз оспаривали во время американских торжеств 1950—1960-х годов. Если социальные революционеры играли значительную роль в развязывании революции, а некоторые из их радикальных порывов обрели силу в ходе самого революционного процесса, то представляется очевидным, что Филадельфийский конвент был попыткой дать отпор этому движению. Выдающиеся народные лидеры 1776 года полностью отсутствовали в конвенте 1787 года, а большинство его участников «осуждали демократию и соглашались, что для избавления от зол, с которыми благодаря демократии столкнулась нация, требовалось сильное центральное правительство»²⁷⁹. Это было настолько явным, что практически торпедировало процесс ратификации Конституции и привело к уступкам 1791 года с принятием первых поправок к ней — Билля о правах²⁸⁰.

²⁷⁴ См. документы в: Middlekauff (1964).

²⁷⁵ Morgan (1973, 296).

²⁷⁶ Kulikoff (1971, 376).

²⁷⁷ Szatmary (1980, 92).

²⁷⁸ См. Beard (1913; 1915). Недавнюю по времени уточненную защиту точки зрения Бёрда см. в: McGuire and Obsfeldt (1984, 577). Эти авторы предполагают, что распределение голосов избирателей Конституционного конвента подкрепляют узкую интерпретацию Бёрда, согласно которой «единственными значимыми экономическими интересами станут те, где на кону напрямую окажется существенный финансовый интерес». Однако при этом голоса ратифицирующих конвентов²⁷⁹ подкрепляют «широкую интерпретацию Бёрда», согласно которой все экономические интересы будут иметь значение вне зависимости от степени их влияния.

²⁷⁹ Jensen (1974, 172).

²⁸⁰ Однако эти попытки консерваторов противостоять «дестабилизирующим» эффектам революции не прекратились. «Старая окопавшаяся элита» продолжала воздвигать «бастионы... для обеспечения прав денежной собственности и сохранения статус-кво» (Bruchey, 1987, 309).

Если для Соединенных Штатов мирный договор 1783 года открывал период большой неопределенности, то для Испанской Америки в долгосрочной перспективе он имел еще более серьезные последствия, поскольку Испании теперь приходилось иметь дело не только с собственным населением и европейскими соперниками, как это было прежде, но и в равной мере с США²⁸¹. В определенном смысле это было золотое время испанской колониальной экономики. Между 1782 и 1796 годами (в 1796 году между Испанией и Великобританией началась очередная война, в связи с чем британская морская блокада вновь нарушила торговлю) среднегодовой экспорт из Испании в Испанскую Америку был вчетверо выше, чем в 1778 году (незадолго до того, как Испания и Великобритания начали войну). Особенно «массивная экспансия» торговли пришлось на 1784—1785 годы²⁸². Отчасти это было обусловлено тем, что Испания оказалась в состоянии серьезно сократить объемы контрабандной торговли — ее способность к этому постоянно увеличивалась с 1760 года²⁸³.

Конечно, этому золотому веку суждено было продлиться «недолго», и торговая экспансия Испании в промежутке между декларацией *comercio libre* [свободы торговли — исп.] 1778 года и британской морской блокадой 1796 года представляется «куда менее впечатляющей», если рассматривать ее в контексте общего роста мира-экономики²⁸⁴. Стэнли и Барбара Стейны даже говорят о «скромных результатах» испанских (а также португальских) усилий в области экономического национализма. Пиренейская колониальная торговля попросту «подпирала „готическое сооружение“, но как раз не в этом заключался способ подготовить его к масштабному кризису»²⁸⁵. Либерализация торговли испанцами «подвергла опасности»²⁸⁶ локальное ремесленное и мануфактурное производство в Испанской Америке, но это даст испанской метрополии лишь кратковременную выгоду, поскольку Испания не могла конкурировать с Великобританией как производитель товаров и экспортер капитала. Поэтому именно там, где иностранное проникновение было наиболее глубоким, а именно в Каракасе и Ла-Плате, некоторые колонисты стали думать, что, возможно, «перед ними вырастут золотые горы, если они смогут свергнуть

²⁸¹ «Мир 1783 года был самым провальным мирным договором, который когда-либо заключался,.... ведь этот договор не определил отношения между старейшей и новообразованной империями в Америке, Испанией и Соединенными Штатами, и не ограничил их соперничество» (Whitaker, 1962a, 1).

²⁸² Fischer (1981, 32). Наварро Гарсия (Navarro García, 1975, 173) полагает, что в этот период Новая Испания достигла «степени процветания, доселе ей неизвестной».

²⁸³ «Похоже, что в 1792—1795 годах доля контрабандной торговли снизилась менее чем до трети официального объема торговли между метрополией и колониями, что представляло собой принципиально противоположную ситуацию в сравнении с предшествующими периодами (за исключением XVI века)» (Bousquet, 1974, 21).

²⁸⁴ Brading (1984, I, 413, 418).

²⁸⁵ Stein & Stein (1970, 104). Артур Уайтэкер (Whitaker, 1962a, 16) употребляет выражение «американский больной».

²⁸⁶ Bousquet (1974, 42). Об упадке мануфактур (*obrajes*) в Мексике в этот период см. Greenleaf (1967, 240) и Salvucci (1981, 199).

испанское иго»²⁸⁷. Тем временем положение британских купцов, которые базировались в Кадисе (а также в Лиссабоне), «выглядело успешным и удачным», поскольку они могли получать непосредственную выгоду от отмены монополий²⁸⁸. Кроме того, относительные успехи испанцев в борьбе с посредниками могли сами по себе оказаться негативным фактором для Испании в политическом отношении, поскольку раньше эти британские посредники, «обеспечивая потребности испанско-американских колоний, сдерживали их преждевременное восстание против испанского правления»²⁸⁹.

Тем не менее в ходе этой краткой интерлюдии 1780-х годов в Испанской Америке царило спокойствие, а Соединенные Штаты были поглощены собственными проблемами. Нарушителем этого спокойствия выступила Французская революция, начавшаяся в 1789 году. Но еще большее беспокойство создавало то обстоятельство, что начало революции во Франции запустило череду событий в Сан-Доминго, которые приведут к созданию первой в мире системе Модерна «черной» республики. Жестокое рождение Гаити было более критическим фактором в истории Американского континента, чем обычно принято полагать. Этому событию следует отдать должное за ускорение и прояснение модели независимости переселенцев в других местах, поскольку революция на Гаити действительно была, как полагает ученый-расист Т. Лотроп Стоддарт, «первым большим ударом по идеалам превосходства белых и расового неравенства»²⁹⁰.

Трудности начались в экономической сфере. Сан-Доминго был бриллиантом французской короны — главным экспортером сахара на Американском континенте, и вся прибыль от этого шла Франции. Однако договор Идена 1786 года и франко-американское соглашение 1787 года «пробили широкую брешь» в *Pacte Colonial* [колониальном пакте — *фр.*]²⁹¹, что, в свою очередь, убедило французских плантаторов в том, что теперь им требовалось активно заботиться о своих интересах на политической арене. Поэтому, когда в 1787 году Людовик XVI объявил о созыве Генеральных штатов, немедленно состоялся спор о том, должен ли Сан-Доминго требовать там свое представительство. Победили сторонники этой позиции, и Сан-Доминго попал в водоворот парижских событий²⁹².

²⁸⁷ Whitaker (1928, 202).

²⁸⁸ Christelow (1947, 8).

²⁸⁹ Pantaleão (1946, 275). Это подразумевает, что «невероятный масштаб» (Villalobos, 1965, 10) испанской торговли с Испанской Америкой был менее желателен, нежели казалось.

²⁹⁰ Stoddard (1914, vii). Книга Стоддарда, несмотря на свою тенденциозность, представляет собой ясную, пошаговую экспозицию всей политической истории Гаитянской революции.

²⁹¹ Stoddard (1914, 18). Габриэль Дебьен (Debien, 1953, 52) объясняет позицию белых переселенцев в 1786 году тем, что они отказывались и дальше играть роль золушки. «Они одновременно ощущали некомпетентность метрополии и собственную способность вести свои дела, прежде всего коммерческие».

²⁹² Людовик XVI не предвидел этого требования колониального представительства, а значит, оно представляло собой «революционное действие» (Césaire, 1961, 37).

Белые переселенцы практически сразу обнаружили противостояние своим интересам в Национальном собрании Франции, основанное на двух разных позициях. Во-первых, это было сопротивление самой идее колониальной автономии, а во-вторых, сопротивление со стороны тех, кто стремился предоставить права личности (а стало быть, и часть контроля в рамках любой потенциальной автономии) так называемым «свободным цветным» (правовая категория) и даже подумывал об освобождении рабов²⁹³. Реакция на это была быстрой. 15 апреля 1790 года в Сен-Марке Генеральная ассамблея французской части Сан-Доминго отвергла полученное предложение статуса колонии. Президент ассамблеи Бакон де ла Шевалери поставил вопрос так: «Какие многоумные соображения привели к тому, что свободные и независимые завоеватели оказались под самым невероятным деспотическим ярмом?»²⁹⁴ (в этом чувствуются отзвуки 1776 года). «Цветному» же населению Шевалери немедленно объявил, что оно будет вытеснено за свою демаркационную линию (отзвуки 1787 года).

Различие заключалось в том, что во Франции революция провозгласила своей целью ликвидацию правовых привилегий, в то время как белые переселенцы Сан-Доминго притязали на самоуправление на основании «отсутствия политического статуса для прочих свободных лиц и... политического и гражданского небытия рабов». Короче говоря, вместо отмены правовых привилегий они требовали получить постоянный правовой статус «правлящей касты»²⁹⁵. Но им не удалось достичь этой цели.

В 1790 году французское Учредительное собрание двусмысленно предоставило право голоса мулатам Сан-Доминго, имевшим собственность. Но когда их политический лидер вернулся обратно и попытался мятежным путем реализовать это право, его схватили, пытали и казнили. Обеспокоенное Национальное собрание приняло другой, менее двусмысленный декрет. Тогда белые переселенцы восстали и против французов, и против мулатов — и посреди этого внезапно начинается первое восстание черных рабов. Вместо «классового альянса» правительства, плантаторов и богатых мулатов против белых бедняков, мулатов и черных рабов, как это случилось в других французских колониях, таких как Иль-де-Франс и Иль-де-Бурбон, началась «расовая война»²⁹⁶.

Белые переселенцы желали вовсе не этого, когда стремились к чистой расовой автономии. Не хотели расовой войны и французские революционеры

²⁹³ Согласно официальной переписи 1788 года, численность белого населения Сан-Доминго составляла 28 тысяч человек, численность «свободных цветных» — 22 тысячи, а рабов — 405 тысяч. Две оценки, сделанные интендантами в 1789 году, дают несколько более высокие показатели для первых двух групп и, возможно, являются более точными, но разница была невелика. См. Stoddard (1914, 8—9).

²⁹⁴ Цит. в: Debien (1953, 215). Об основе этого чувства «американского патриотизма» среди белых переселенцев даже до 1786 года см. Debien (1954). О более раннем восстании на кофейных плантациях в 1769 году см. Trouillot (1981). О французском восприятии и двусмысленности тенденций к «деколонизации» до 1789 года см. Sée (1929) и Lokke (1932).

²⁹⁵ Saintoyant (1930, II, 75—76, 423).

²⁹⁶ См. Stoddard (1914, 97—99).

в Париже, поскольку для них сохранял свою силу принцип «сохранения территории»²⁹⁷. Не хотели этой войны и «свободные цветные», зачастую богатые и владеющие рабами мулаты, предъявляя требования о равноправии. Однако эту войну начали сами чернокожие рабы в ходе последующих событий, которые можно рассматривать лишь как самое успешное восстание рабов в истории капиталистического мира-экономики. Теперь в Сан-Доминго начался период «трехсторонней гражданской войны»²⁹⁸, ставшей результатом трех последовательных восстаний — «фронды влиятельных белых, мятежа мулатов и негритянской революции»²⁹⁹.

Эта ситуация тревожила, ужасала и не устраивала все четыре державы Карибского региона: Францию, Великобританию, Соединенные Штаты и Испанию. Отношение к ней в Национальном собрании и затем в Конвенте было смешанным и, возможно, беспорядочным. Но в целом Конвент склонялся на сторону мулатов в качестве той группы, которая гарантировала цивилизованный переход к новому состоянию. Как утверждает Сезар, знаменитое Общество друзей чернокожих (*Société des Amis des Noirs*) в Париже было «прежде всего организацией мулатов»³⁰⁰.

Что касается британцев, то, как только в феврале 1793 года началась война между Великобританией и Францией, белые переселенцы воззвали к британской помощи и вступили с британцами в тайный союз³⁰¹. Последние рассматривали это как хорошую возможность развалить французскую торговлю. Британцы отправили на Сан-Доминго экспедицию, но их оккупация встретила жестокий отпор, оказавшись «среди величайших неудач в британской военной истории»³⁰². В самом деле, британское вмешательство, создав конкуренцию среди французских, испанских и британских войск за поддержку рабов, «заметно расширило границы восстания [рабов], в тот момент шедшего на спад, и спасло его от возможного утасания»³⁰³.

²⁹⁷ Saintoyant (1930, I, 376). Сентоян также утверждает, что Конвент мог рассматривать Гаитянскую революцию лишь как «еще большую угрозу существованию не только режима, но и самой Франции», чем различные восстания, окружавшие революционный режим с шести сторон, в том числе в Вандее (Saintoyant, 1930, I, 233).

²⁹⁸ Ott (1973, 51).

²⁹⁹ Césaire (1961).

³⁰⁰ Césaire (1961, 85). В главе «Границы Французской революции» Сезар пишет: «Что таить греха: французские собрания много говорили о неграх и очень мало сделали в их интересах» (р. 159). Как отмечает Луи Сала-Молен, «[4 февраля 1794 года] Конвент отменил рабство для чернокожих не за красивые глаза, а потому, что его вынудили к этому мятежники, а также из-за того, что английская и испанская политика в Навстренных островах в тот момент грозила подорвать единую и неделимую республику» (Sala-Molins, 1987, 262).

³⁰¹ См. Debien (1954, 53—54).

³⁰² Geggus (1981, 285). «Ни одно полковое знамя не потерпит слова „Сан-Доминго“. Ни один министр или генерал не хотел сохранять в своих мемуарах историю его оккупации. Это был эпизод, о котором лучше забыть и о котором XIX век не имел нужды вспоминать» (Geggus, 1982, 387).

³⁰³ Geggus (1982, 389). На тот момент все это было благоприятно для процветания Британской Вест-Индии. В промежутке между гражданской войной в Сан-Доминго и

Соединенные Штаты, как и Великобритания, опасавшиеся, что «вирус свободы заразит рабов в их собственных владениях», тем не менее «не проявляли никакого энтузиазма» по поводу британского вторжения, которое грозило отгородить их торгового партнера Сан-Доминго «барьером Навигационной системы»³⁰⁴. Поэтому США очень усердно пытались сохранять и расширять свою роль поставщика продовольствия в Сан-Доминго, избегая при этом любых политических отношений³⁰⁵.

Испанцы, конечно, были столь же осторожны. Восточная половина острова являлась их колонией Санто-Доминго. Черная революция там фактически не распространилась, разве что в момент завоевания. Экономика этой колонии отличалась от западной части острова (выращивание скота и натуральное сельское хозяйство вместо сахарных плантаций). Поэтому и демографическая картина там была иной: белые, *libertos* [вольноотпущенники — исп.] (главным образом мулаты, но и некоторые черные) и чернокожие рабы в равных пропорциях. Наконец, отличалась социальная структура. *Libertos* не представляли собой значимую экономическую силу, как мулаты в Сан-Доминго, поэтому испанская администрация была в состоянии держать их под более строгим контролем³⁰⁶. Первоначальная испанская интервенция в Сан-Доминго была не более успешной, чем британская.

захватом голландских колоний в 1796 году «Британия внезапно стала почти единственным поставщиком [сахара] в Европу» (Checkland, 1958, 461). Но эта «последняя фаза» процветания продлится лишь до 1799 года.

Британцы также извлекли уроки из поражения в Сан-Доминго для своих владений в «черной» Вест-Индии. Начиная с 1795 года они формировали из чернокожих вест-индские полки и тем самым обеспечили контроль над белыми переселенцами и черными рабами, поскольку теперь у британцев были рабы, «которые надзирали за громадной рабовладельческой империей в Карибском бассейне» (Buckley, 1979, 140).

³⁰⁴ Perkins (1955, 106). Уитроп Джордан утверждает, что для США «Сан-Доминго представлял собой нечто вроде ужасающего вулкана насилия», угрожавшего вновь поднять «закрытую тему» рабства. Кроме того, переселенцы, бежавшие с Гаити, привозили в Соединенные Штаты рабов, выступавших «переносчиками бунтарской заразы». По словам Джордана, это рассматривалось «с самого начала... как угроза американской безопасности» (Jordan, 1968, 380—386).

Однако это уравнивалось, как отмечает Томас Отт, второй линией, «порой несоразмерно большей» в сравнении с линией, защищавшей рабовладельческое общество южных штатов. Эта вторая линия интересов для купцов Новой Англии заключалась в «сохранении Сан-Доминго как торговой базы», и эта линия «обычно означала поддержку властей предержавших» (Ott, 1973, 53—54). В 1798—1800 годах, когда Соединенные Штаты вели «квазивойну» с Францией, Джон Адамс даже вступил в «квазиальянс» с Великобританией и Туссен-Лувертюром, которому было предоставлено «квазипризнание» (Logan, 1941, 68).

³⁰⁵ См. Trendley (1961).

³⁰⁶ См. Franco (1968). Но испанские власти сохраняли беспокойство. В 1791 году граф де Флоридабланка советовал вице-королям Мексики и Санта Фе и губернаторам Гаваны, Пуэрто-Рико, Санто-Доминго, Тринидада и Картახены убедиться в том, что «вирус восстания не просачивается в испанские владения, и в особенности рекомендовал правительству Санто-Доминго для достижения этой цели сформировать

Туссен Лувертюр был способен извлечь преимущество из франко-британской войны для консолидации своей администрации и создания дисциплинированной армии. Он сохранил функционирование плантаций, прикрепив к ним черных работников, но передал им четвертую часть продукции. Однако, как только европейцы вскоре прекратили борьбу между собой, они обратили свой гнев против черной республики, предприняв новую попытку обезглавить ее. В 1802 году наполеоновские войска арестовали Туссена, а Испания, США и Великобритания молчаливо потворствовали Франции в этой попытке реколонизации³⁰⁷. Несмотря на то, что остров оставался независимым, вскоре оказавшись разделенным на два государства, признание этого факта со стороны четырех держав еще какое-то время оставалось «немыслимым»³⁰⁸.

В ретроспективе, наверное, можно утверждать, что негритянская революция в Сан-Доминго замедлила движение к независимости в Испанской Америке, несмотря на дружеские, но двусмысленные связи Симона Боливара и Александра Петитона, президента одного из двух государств Гаити, а именно его южной части, где преобладали мулаты. События в Сан-Доминго внушили огромную осторожность не только европейским державам, но прежде всего белым переселенцам на Американском континенте³⁰⁹.

войсковой кордон на границе» (цит. по: Verna, 1984, 747). О воздействиях революции в Сан-Доминго на испанскую часть острова см. Dilla Alfonso (1982, 83—90). Испанское правительство разоблачило антирабовладельческие заговоры в Луизиане в 1785 году, в Мартинике и Гваделупе в 1794 году, в Терраферме в 1795 году и в Гватемале в 1797 году.

³⁰⁷ См. Lokke (1928). В это время президент Томас Джефферсон говорил о стремлении «довести Туссена до истощения» и называл Гаити «вторым Алжиром» (р. 324).

Экспедиция Бонапарта, несмотря на смерть Туссен Лувертюра, обернулась бедствием. Наибольшую выгоду от этого получила не Франция, а США. Общеизвестно, что этот опыт заставил Наполеона уступить (продать) Луизиану Соединенным Штатам. См. Léger (1934, 17), Sloane (1904, 514), Logan (1941, 142—144) и Whitaker (1962b, 234—236). О предшествующих обширных социальных связях Луизианы и Сан-Доминго см. Baur (1970, 401—404). О том, почему Джефферсон в связи с этим опасался Луизианы в результате победы Наполеона, см. pp. 411—412. Однако, как отмечает Джордан, «Соединенные Штаты ни тогда, ни после не были охвачены благодарностью за помощь со стороны Гаити, поскольку к 1804 году американцы будут видеть в новой республике не многим более, чем образец правления негров» (Jordan, 1968, 377).

³⁰⁸ Logan (1941, 152). Льевано Агирре говорит о «кордоне безопасности, воздвигнутом с целью изолировать Гаити» (Liévano Aguirre, 1968, 954). Франция признаёт Гаити только в 1825-м году, Великобритания — в 1833 году (год освобождения рабов), Соединенные Штаты — лишь значительно позже (в 1865 году). См. Logan (1941, 76—77) и Jordan (1968, 378, сн. 2). Даже республики Испанской Америки будут держать Гаити на расстоянии. Колумбия в 1824 году первой поставила вопрос о недопущении Гаити к участию в Панамском конгрессе. См. Verna (1969, 477—495) и Baur (1970, 410). Ни одна из стран Латинской Америки не признает Гаити до того, как это делает Бразилия в 1865 году, а Мексика признает это государство лишь в 1934 году.

После смерти Туссена «черный цвет» Гаити, похоже, был акцентирован еще сильнее. Его непосредственный последователь Дессалин запретил нечерным иметь собственность, сделав исключение только для французов, которые поддерживали независимость, и для немецких и польских беглецов, присоединившихся к Гаитянской ре-

Именно в этот период подошли к концу ожидания революции в Ирландии, которая, как изначально представлялось, произойдет на той же волне, что подхватила Британскую Северную Америку, но затем стала приобретать форму социальной революции. Ведь именно Ирландия сыграла главную роль в качестве катализатора британского имперского кризиса 1760-х годов. В некотором смысле в Северной Америке Великобритания повторяла свое отношение к ситуации в Ирландии и осуществляла ту же политику, которая уже была применена там³¹⁰. Сама по себе Ирландия во многих отношениях фактически находилась в более затруднительном положении, чем Британская Северная Америка, поскольку британские протестантские переселенцы утвердили свою власть над католическим населением Ирландии с большой плотностью поселений, а не над разбросанными группами племен, живших главным образом охотой. Структурно эта ситуация была больше схожа с Перу или центральной Мексикой, нежели с Тринадцатью колониями³¹¹.

Однако полное отсутствие политических прав у католиков (по Лимерикскому договору 1691 года) означало, что «всю силу ревностного отношения англичан к торговле» ощутили на себе как раз протестантские переселенцы. Именно поэтому данный «доверенный „гарнизон“ рассматривался как коммерческая угроза»³¹². Протестантским переселенцам даже не позволялось иметь

волюции (Verna, 1969, 64; Nicholls, 1978, 179). О поляках см. Pachonński & Wilson (1986). После убийства Дессалина Гаити разделилось на Северное королевство под властью черных под управлением Анри Кристофа и Юго-западную республику с преобладанием мулатов под руководством Александра Петитона, позднее друга Боливара. Две эти части объединились в 1811 году. Об этом периоде, в особенности о земельной реформе в Гаити, см. Lacerte (1975); см. тж. Lundhal (1984). Мишель-Рольф Труильо (Trouillot, 1971) считает, что результатом этого процесса был триумф тех, кого он называет черными креолами. Аналогичную точку зрения см. в: Joachim (1970).

³⁰⁹ См. Madariaga (1948, 324—325) и Sheridan (1976b, 237). Это обстоятельство имело особенное воздействие на Кубу, которая теперь могла заместить Сан-Доминго в качестве поставщика сахара. Восстание рабов в Сан-Доминго на Кубе послужило «ужасающим предостережением» для креолов и в равной степени для испанцев (Humphreys & Lynch, 1965a, 19). Это было достаточно серьезным предупреждением, добавляет Хью Томас, «чтобы удержать кубинских плантаторов даже от малейших уступок своим рабам примерно на сто лет» (Thomas, 1971, 77). См. тж. Knight (1970, 25) и Corwin (1967, 22). Корвин также отмечает, что «когда в ноябре 1791 года пришли вести о крупном восстании рабов на Гаити, [Франсиско де] Аранга [-и-Паррено, видный представитель кубинских сахарных кругов] увидел в этом не угрожающий пример для Кубы, где рабов было сравнительно мало, а прекрасную возможность пожить за счет Французского Гаити (pp. 13—14).

³¹⁰ Например, вызвавший большое раздражение американцев Декларационный акт Рокингема, принятый после отмены Гербового акта в 1766 году, был «почти слово в слово списан с Ирландского акта 1720 года, с которым были знакомы и британцы, и колониальные лидеры» (James, 1973, 296).

³¹¹ Это специфическое сопоставление см. в: Harlow (1952, 503). Харлоу отмечает, что в XVI веке «Ирландия и ирландцы в значительной мере рассматривались по аналогии с тем, как тевтонские рыцари относились к диким туземцам, жившим между Одером и Вислой». См. тж. James (1973, 289—290).

³¹² Harlow (1952, 505—506).

свое кораблестроение (которое было у переселенцев в Новой Англии), а Ирландии не было разрешено служить перевалочным пунктом между Американским континентом и Европой. Действительно, одно из явных опасений Северной Америки в то время заключалось в том, что ее могут довести до «несчастливого состояния Северной Ирландии»³¹³.

Соответственно, с поражением французов в Семилетней войне возник «англо-ирландский колониальный национализм»³¹⁴, причем по тем же причинам, что и в Северной Америке. В ирландском парламенте появилась группа реформистов, известных как патриоты. В тот самый момент, когда Чарльз Тауншенд стремился навязать Британской Северной Америке Гербовый акт, он отправил в Ирландию своего старшего брата Джорджа в качестве лорда-лейтенанта, «чтобы усилить прямой британский контроль, а также принудить ирландцев платить за более значительный объем имперской защиты»³¹⁵. В связи с этим становится очевидным, почему североамериканские и ирландские переселенцы ощущали общее недовольство и общие цели. Именно поэтому многие ирландцы в 1775 году «естественным образом» симпатизировали североамериканцам, точнее, многие ирландские протестанты, поскольку католики склонялись к поддержке британской политики в Америке³¹⁶.

В действительности Американская революция ухудшила экономическую ситуацию в Ирландии. Поражение британцев стимулировало ирландские требования, и в 1782 году британцы намеревались дать ирландцам больше политической автономии. Питт даже предложил экономические уступки, но на условии, что ирландцы примут участие в имперских расходах на оборону³¹⁷. Но как только в 1783 году был подписан мирный договор с Францией, британская линия стала еще жестче³¹⁸, а ирландские патриоты по-прежнему не были готовы бороться за независимость, поскольку они не были способны создать «всеобщую партию» и не являлись «целиком национальным движением»³¹⁹. Страх внутренней социальной революции удерживал их тогда так же, как и в XX веке.

Французская революция имела большое воздействие на Ирландию, открыв новые возможности: католики и пресвитерианские сектанты стали

³¹³ Savelle (1953, 207).

³¹⁴ Palmer (1959, I, 165).

³¹⁵ Doyle (181, 152).

³¹⁶ McDowell (1979, 241). О том, как британцы рекрутировали среди католиков солдат для отправки в Северную Америку, см. Kraus (1939, 343—344).

³¹⁷ См. Kraus (1939, 346) и Harlow (1952, 495).

³¹⁸ См. Godechot (1965, 145).

³¹⁹ Doyle (181, 157). И поэтому они не могли получать выгоды даже от той ограниченной автономии, которой они добились. Иллюстрацией неспособности Ирландии контролировать свою коммерческую жизнь были тщетные попытки заключить торговый договор с Португалией между 1770 и 1790 годами, см. Lammey (1986, 40).

Протестанты действительно искали поддержки у католиков. Однако протестанты не желали давать католикам представительство в ирландском парламенте. «Католики будут представлены „виртуально“ — именно на этом пункте ирландская революция вскоре провалилась» (Harlow, 1952, 511).

объединять свои мятежные республиканские намерения. Католики требовали самоопределения, а католические арендаторы земли также стали бунтовать против угнетения со стороны землевладельцев (протестантов). Именно в этот момент, в 1795 году, для противостояния требованиям католиков был сформирован секретный протестантский Оранжевый орден. В 1796 году лидер националистского движения Объединенных ирландцев Вольф Тон приехал из Соединенных Штатов в Париж, чтобы помочь французам спланировать экспедицию в Ирландию. Он убедил Директорию в том, что Ирландия «созрела для революции»³²⁰, рассчитывая на поддержку не только со стороны католиков, но и от пресвитериан Ольстера, у которых была долгая республиканская традиция и чьи лидеры оправдывали свое воззвание к французской помощи «прецедентом» 1688 года³²¹.

Но вторжение французов в Ирландию провалилось — погода и морская команда оказались дурными. Французы плохо выбрали территорию для вторжения — залив Бентри, зону, где Объединенные ирландцы пользовались наименьшей поддержкой. Впрочем, французам почти удалось осуществить свои замыслы — на тот момент британское господство в Ирландии держалось на «крайне ненадежном землевладении»³²². Однако поражение при Бентри стало переломным моментом, и последствия этого для мир-системы были огромны. Как утверждает Эдвард Томпсон, вполне можно утверждать, что Франция потеряла Европу не у стен Москвы, а еще в 1797 году, когда между ними стоял только охваченный мятежом британский флот³²³, а Ирландия была на грани восстания³²⁴.

Мятеж Объединенных ирландцев продолжился в 1798 году. К этому времени вера ольстерских пресвитериан во Французскую революцию охладилась, а оранжевые ложи усилились. Британцы не давали мятежникам пощады. Наполеон отказался от второго вторжения в Ирландию, повернув свои войска на завоевание Египта; позднее он скажет, что пожалел об этом решении. Крах революционеров в равной степени ударил по позициям умеренных реформаторов в ирландском парламенте, таких как Генри Граттан³²⁵. Британцы решились на давление с целью отмены реформ 1782 года, и в 1800 году Питт протолкнул Акт об унии. Ирландского парламента больше не было. В результате протестантские переселенцы оставили (их к этому вынудили) все перспективы автономии, поскольку они опасались, что это будет автономия, которую они не смогут контролировать, которая окажется слишком демократичной³²⁶.

³²⁰ Lecky (1972, 309).

³²¹ Lecky (1972, 388).

³²² Lecky (1972, 313). Генерал Лейк, верховный командующий в Ольстере, говорил в своем рапорте вице-королю лорду Кэмдену весной 1797 года: «Низшие слои народа и большинство среднего класса являются решительными республиканцами — они впитали французские принципы и не будут удовлетворены чем-то меньшим, чем революция» (р. 315). Лейк рекомендовал принять «принудительные меры в самой сильной степени».

³²³ Thompson (1968, 470).

³²⁴ «Ради уничтожения достижений 1782 года господство (ascendancy) [протестантов] было затем сведено на нет путем обмана, запугивания, оболыбления и убежде-

Таким образом, в 1790-х годах произошло два крупных поражения белых переселенцев — в Сан-Доминго и в Ирландии, хотя при этом отличались и исторические контексты, и конечные результаты — черная республика-изгой Гаити и реинтеграция в метрополию Ирландии. Однако оба эти сюжета послужили сигналом, предупреждавшим белых поселенцев на Американском континенте, что путь к переселенческой республике будет непростым и наполненным рисками, а пример Тринадцати колоний окажется сложно воспроизвести, если стремиться к желаемым результатам. К тому же по времени события на Гаити и в Ирландии шли за восстаниями Тупака Амару и Комунерос в 1780-х годах. Независимость была решительно рискованным делом.

Поэтому неудивительно, что деятели типа Миранды³²⁵ и Боливара, которые проповедовали революцию, по большей части воспринимались с осторожностью. Но затем политическую ситуацию изменило одно событие: вторжение Наполеона в Испанию в 1808 году. Однако прежде чем приступить к рассмотрению того, почему это событие смогло кристаллизовать и дать новую жизнь делу независимости переселенцев на Американском континенте, следует напомнить, что происходило до этого в единственной на тот момент существующей переселенческой республике.

Для молодых Соединенных Штатов 1793—1807 годы были «временем необычайного процветания». В той схеме, которая ретроспективно представляется долгосрочной моделью экономического роста США, данный период выглядит особенно «выпуклым»: в это время Соединенные Штаты оказались в состоянии воспользоваться преимуществом своего «нейтрального» положения в франко-британских войнах, получив существенную долю трансатлантической торговли³²⁵.

Это стало возможным благодаря стратегическому решению США в 1794 году склонить свой «нейтралитет» в сторону фактического победителя и державы-гегемона — своего бывшего колониального повелителя, Великобритании. В действительности это решение, принявшее форму договора Джея 1794 года, было подготовлено началом войны в 1793 году. Великобритания отказалась признавать претензии США на полные торговые права с островами

ния, а отчасти и подкупа. В 1800 году Акт об унии установил, что Ирландия и Британия становятся одним королевством с парламентом в Лондоне. После 1782 года протестантское господство в некотором смысле демонстрировало неспособность понять значение собственной победы — то, что национальность должна стать политикой» (Doyle, 1981, 179).

³²⁵ North (1974, 69, 73). См. тж. Nettels (1962). Клодия Гольдин и Фрэнк Льюис сдержанно относятся к утверждению, что этот следовавший из нейтралитета «существенный стимул» для торговли и экспортной промышленности США в самом деле значительно увеличил доходы на душу населения (Goldin and Lewis, 1980, 22). См. аналогичную точку зрения в: David (1967, 154, 188—194) и Adams (1980, 714, 734). Однако Хавьер Куэнка Эстебан явно поддерживает Норта, делая особый акцент на важности торговли с испанским миром, которая была «временной сверхприбылью и жизненно важным восстановлением в тот период, когда... международная задолженность приближалась к точке дефолта» (Cuenca, 1984, 540). См. тж. George Rogers Taylor (1964, 437).

Французской Вест-Индии во время войны. Соединенные Штаты молчаливо уступили по этому вопросу в обмен на возвращение западных портов (наконец-то! ведь они были легальным владением США начиная с 1783 года) и некоторые новые торговые права в Британской Вест-Индии³²⁶. В целом эти условия были плохи для США, но последние опасались войны с Великобританией еще больше, чем она сама. В сущности, договор Джея «способствовал отсрочке взаимной враждебности» до 1812 года, то есть до того момента, который окажется более благоприятным для США³²⁷. Тем временем британцы рассматривали этот договор как гарантию свободы торговли с Соединенными Штатами, благоприятной для британской промышленности³²⁸.

Представляется, что за этим стратегическим выбором стояли два масштабных направления экономического давления на Соединенные Штаты. Специфика транспортного положения по-прежнему обрекала США на получение значительной части своих доходов от внешней торговли, хотя позднее, после 1820 года, эта ситуация изменится³²⁹. Вторым фактором была возможность возрождения сельского хозяйства, которую юг США получил благодаря изобретению хлопкоочистительной машины в 1793 году. Революционная война нанесла довольно серьезный урон сельскому хозяйству на Дальнем Юге³³⁰, а растущие рынки для его главных культур — индиго и риса, похоже, отсутствовали³³¹. В 1790-х годах Юг «остро нуждался в новой товарной культуре»³³¹, и ею стал хлопок, который требовался Великобритании, его крупному потребителю³³².

Конечно, эта геополитико-экономическая сделка США с Великобританией будет иметь негативную сторону для более слабого партнера. Она замедлила развитие американских мануфактур, которые не были конкурентоспособны как объект инвестиций, учитывая те «высокие прибыли, которые

³²⁶ См. Nettels (1962, 324—325). Результатом этого стала «квазивойна» с Францией.

³²⁷ Bemis (1923, 270). Бёрд утверждает, что в 1794 году разрыв торговых отношений с Великобританией означал бы «невосполнимый ущерб для американских купцов» и обесценение публичного и частного кредита. С другой стороны, состояние мира предполагало, «по меньшей мере, временное облегчение для южных кредиторов и повсеместное отсутствие серьезных сложностей для фермеров» (Beard, 1915, 274—275). См. тж. Williams (1972, 228).

³²⁸ См. Graham (1941, 91).

³²⁹ «Во времена Американской революции одну тонну товаров можно было перевести по воде на 300 миль от Европы до Америки за те же деньги, что и на 30 миль по суше в новом государстве» (North, 1965, 213). Внутренние транспортные издержки США резко снизятся с появлением пароходов в 1816 году и сооружением системы каналов начиная с 1825 года. См. тж. Cochran (1981, 44—48).

³³⁰ См. Bjork (1964, 557).

³³¹ Nettels (1962, 184).

³³² В 1787 году больше половины британского импорта хлопка поступало из Вест-Индии (подвластной всем европейским державам), а еще четверть — из Османской империи. К 1807 году Соединенные Штаты поставляли 171 из 282 тысяч бейлов³³². См. North (1966, 41).

можно было получить во внешней торговле» после 1793 года³³³. В 1808 году американец Джеймс Читхем гордился тем, что Соединенные Штаты стали, «как по волшебству, успешным соперником величайшей торговой нации на свете»³³⁴. Возможно, счастливым совпадением для США было то, что возобновившиеся распри в Европе проткнули этот наивный пузырь. 11 ноября 1807 года Великобритания наложила полный запрет на торговлю Соединенных Штатов с теми европейскими портами, которые находились под контролем Наполеона. Президент Томас Джефферсон стремился оказывать давление на Великобританию и Францию при помощи эмбарго для обеих стран, но Акт об эмбарго 1808 года действовал всего год и оказался саморазрушительным³³⁵, хотя фактически он привел к возобновлению конфликта с Великобританией в 1812 году, к которому мы еще вернемся. Однако его подлинный смысл заключался в том, что он возобновил роль Соединенных Штатов в равной степени как соперника и как сотрудника Великобритании в деколонизации Американского континента³³⁶.

Об идеологическом воздействии Американской и прежде всего Французской революции на образ мышления креолов в Испанской Америке написано немало. Несомненно, все это верно, по меньшей мере, в отношении определенных групп. Но слишком легко преувеличить значение подобного проникновения идей *ex post facto* [задним числом — *лат.*] в тех случаях, когда значимость подобных выводов становится достоверной благодаря достигнутым политическим результатам. Вывод, к которому приходит Эйзагирре в отношении Чили, в действительности может быть более широким: «Нельзя продемонстрировать, что Французская революция была катализатором для сепаратистских идей; возможно, даже наоборот — она могла предоставить креолам случай вновь подтвердить свою верность монархии»³³⁷.

С 1793 по 1796 годы Испания находилась в состоянии войны с революционной Францией. Однако в 1796 году испанский министр Мануэль де Годой создал с Францией альянс, заключив договор в Сан-Ильдефонсо. Великобритания ответила на это, обрезав морские связи Испании с Американским

³³³ Bruchey (1965, 90—91). Об экономических препятствиях для создания в Соединенных Штатах текстильной промышленности, которая была бы конкурентоспособной на мировом рынке, см. Jeremy (1981, 34—35). Подъем мануфактур, вызванный торговым спадом 1786—1792 годов, был подавлен торговым бумом после 1793 года. См. Nettels (1962, 125).

³³⁴ Читхем написал об этом в своей книге «Мир или война?» (р. 20), цит. в: Clauder (1932, 134).

³³⁵ «Акт об эмбарго сломила его собственная жесткость» (Fitton, 1958, 313). Несмотря на то, что в экономическом отношении он ударил по Британии сильнее, чем по США, этот акт привел к острым внутривнутриполитическим разногласиям. См. Frankel (1982, 309). Френкель настаивает, что эмбарго было в значительной степени «хорошо реализованным» и «эффективным».

³³⁶ См. Rippey (1929, vi—vii).

³³⁷ Eyzaguirre (1957, 79). О двух взглядах на независимость Испанской Америки (как третий акт Атлантической революции и как последствие событий 1808 года) см. Bradling (1983).

континентом³³⁸. Однако в этот момент Британия колебалась относительно того, предоставлять ли какую-либо серьезную поддержку зарождавшемуся движению переселенцев за независимость³³⁹.

Как бы то ни было, общий экономический эффект экономических реформ Карла III (неопротекционизм в сочетании с внутриимперским либерализмом, которые привели к возрождению процветания Испании) между 1797 и 1814 годами был «полностью обращен вспять»³⁴⁰. Воздействие этого обстоятельства было в равной степени значительно и на отдельных территориях Испанской Америки. С особенными экономическими трудностями к 1797 году столкнулась Венесуэла. Одним из ответов на них была легализация контрабанды³⁴¹. Резкая инфляция цен в Мексике усилила экономическую поляризацию и вела к недовольству среди менее привилегированных классов³⁴². Однако подобные сложности имели циклический характер и при иных геополитических обстоятельствах несли бы за собой мало крупных политических последствий.

В 1806 году несанкционированный британский экспедиционный корпус оккупировал Буэнос-Айрес. Однако местное население выразило лояльность Испании и успешно разгромило британцев, продемонстрировав «нежелание менять одного имперского хозяина на другого»³⁴³. В том же году провалилась небольшая экспедиция Миранды по освобождению Венесуэлы, погубленная (по меньшей мере отчасти) обманчивым впечатлением поддержки со стороны

³³⁸ См. Chaunu (1964, 193, 205).

³³⁹ «Если раньше Британия колебалась между грабежом колоний Испанской Америки и торговлей с ними, то теперь [1796—1808 годы] она колебалась между их завоеванием и независимостью» (Humphreys, 1952, 225). Однако не понадобилось ни то, ни другое, поскольку, как утверждает Шоню, с 1797 по 1810 годы «пиренейская Америка стала... самой прекрасной британской колонией» (Chaunu, 1964, 210). Конечно, в Британии имелись отдельные лица наподобие Томаса Паунзелла, которые выступали за создание независимой группы американских наций, объединенных с Британией в Атлантическую федерацию. См. Schutz (1946, 264). И уже в 1785 году, как сообщал французский посол в Испании, испанский министр иностранных дел Флоридабланка выражал опасения, что британцы будут стремиться компенсировать утрату своих тринадцати колоний одновременной потерей колоний Испании. См. Ségur-Depeyrou (1873, 376, сн.). Однако в действительности Великобритания двигалась наиболее осмотрительным путем.

³⁴⁰ Bousquet (1974, 14). «После Французской революции 1789 года тенденция к финансовому коллапсу в Испании ускорилась» (Rodríguez, 1976, 23), и это имело значительные внутренние последствия. Конфликты Испании с Францией (1793—1795), а затем Великобританией (1796—1808) были затратными предприятиями. Чтобы обеспечить достаточно доходов для «оттягивания банкротства», Испания в 1801 году открыла свои порты для нейтрального судоходства (так называемая *comercio neutral* [нейтральная торговля — исп.]) (Barbier, 1980, 37). Это предполагало «отказ от националистических принципов, лежавших в основе доктрины (*reglamento*) 1778 года» (Fisher, 1985, 63). «В процессе пришлось пожертвовать той единой экономикой, которую стремились создать Бурбоны; тем самым под эгидой монархии началась дезинтеграция, которая будет окончательно закреплена независимостью» (Barbier, 1980, 21—22).

³⁴¹ См. Izard (1979, 27—41).

³⁴² См. Garner (1972) и Florescano (1969, 188—194).

³⁴³ Lynch (1985, 25).

Гаити³⁴⁴. Отсутствие энтузиазма в отношении независимости, даже в Венесуэле и Аргентине (которые вскоре станут лидерами в этом процессе), было очевидным.

Но внезапно все изменится. В 1807 году Наполеон вынудил Испанию присоединиться к завоеванию Португалии, а король Жуан VI бежал в Бразилию. Разрешение вступить в Испанию по пути в Португалию, которое Годой дал французским войскам, привело к националистическому противодействию в стране и его смещению. Карл IV был низложен своим сыном Фердинандом VII. Вызванный в Байонну Наполеоном, Фердинанд затем вернул трон Карлу, который немедленно отрекся в пользу Жозефа Бонапарта, а Фердинанд также отказался от своих прав. Внезапно в Испанской империи не оказалось легитимной власти. Центральная хунта, принявшая власть в Севилье, подписала с британцами соглашение, провозгласив, что американские земли не являются колониями, и пригласив их к участию в кортесах. Однако французы вынудили хунту бежать в Кадис, после чего она распалась. Смута распространилась и по всей Испанской Америке. Региональные и местные хунты повсеместно принимали на себя полномочия под предлогом поддержки Фердинанда VII, во многих случаях вытесняя испанские власти. Креолы теперь де-факто осуществляли самоуправление под знаменем лоялизма³⁴⁵. В Каракасе в 1810 году местная хунта пошла еще дальше: во имя лояльности Фердинанду VII она открыто отвергла власть нового испанского Совета регентства (преемника хунты в Кадисе). За этим последовали мятежи в Аргентине, Чили и Мексике — все эти территории провозгласили, что их порты открыты для свободной торговли. В 1810 году Боливар отправился в Лондон и был принят секретарем по иностранным делам лордом Уэлсли, который «посоветовал ему сохранять лояльность Испании как наилучший способ получить британскую поддержку»³⁴⁶.

Наиболее радикальной в социальном отношении оказалась революция в Мексике. Когда в 1810 году местный приходской священник Мигель Идальго-и-Костилья в своей речи *Grito de Dolores* [«Клич Долорес» — *исп.*] (не скопировал ли он это название с французских *Cahiers de doléance* [Наказов Генеральным штатам — *фр.*]) призвал навсегда покончить с вице-королями, он объединил против себя и весь креольский истеблишмент, и испанские власти. Восстание

³⁴⁴ См. Lubin (1968, 304—305) и Lynch (1985, 48—49).

³⁴⁵ Эти новые хунты провозглашали себя мирными, основанными на собственной легитимности правительствами. «Насколько искренним было подобное представление революционеров о себе?» — задается вопросом Тулио Альперин-Донги. По его мнению, не следует забывать, что в 1810 году они «рассматривали себя не мятежниками, а наследниками павшей (возможно, навсегда) власти. У них не было причин выражать несогласие с тем политико-административным наследством, которое они теперь считали своим и намеревались использовать в собственных целях» (Halperin-Donghi, 1972, 129).

³⁴⁶ Kaufmann (1951, 50—51). Тем временем Великобритания использовала этот момент слабости Испании для установления «прочных коммерческих отношений» с ее несколькими главными колониальными портами (Cuenca, 1981, 419). См. тж. Rippey (1959, 18—19).

Идальго пронеслось по центральной Мексике, «распространяя страх и трепет». «Практически безоружным» индейцам удалось достичь столицы, в процессе к ним присоединились 20 тысяч человек и было казнено 2 тысячи гачупинов (испанцев) из общей их численности примерно в 15 тысяч. Восстание Идальго было подавлено превосходящими силами креольского войска Новой Испании. Один из заместителей Идальго, Хосе Мария Морелос, также бывший священником, подхватил знамя борьбы и на сей раз создал «превосходно организованную и эффективную армию» с четкой политической программой, включавшей радикальные социальные реформы. Вторую стадию восстания в большей степени поддерживали метисы, чем индейцы. Морелоса оказалось нелегко сокрушить, но его военная мощь скоро пошла на спад, как только [Чильпансингский] креольский конгресс воспринял его программу, провозгласив независимость в 1813 году³⁴⁷.

Теперь на сцену финальной стадии борьбы за независимость переселенцев Центральной Америки выходят три эпизода: англо-американская война 1812 года (которая в действительности имела место в 1812—1814 годах), реставрация Фердинанда VII на испанском престоле в 1813 году и Венский конгресс 1815 года.

Война 1812 года была в той или иной степени последним актом в истории переселенческой деколонизации Соединенных Штатов. Отношения США с Великобританией были непростыми еще с 1783 года, но реально никогда не прерывались. Великобритания хотела, чтобы Соединенные Штаты были ее рынком, а не конкурентом, а США стремились улучшить свое положение в мире-экономике. Франко-британские войны для Соединенных Штатов были и хорошей возможностью, и раздражающим фактором. Поскольку морское положение Британии оставалось неоспоримым, американцев все сильнее озлобляли британские ограничения их торговли. Когда на континенте вновь разразилась война, у США появилась возможность надавить на Великобританию и, возможно, захватить Канаду³⁴⁸. В некотором смысле дела у Соединенных Штатов в этой войне шли неважно. Теперь и среди франкоканадцев, и среди англоканадцев было мало энтузиазма по поводу вхождения в состав США³⁴⁹. Канада оставалась британской, важность торговли пушниной

³⁴⁷ См. Анна (1978a, 64, 76 и вся гл. 3) и Анна (1985, 67—68). Шонно считает, что Мексика познала «свое восстание Тупака Амару с задержкой на 30 лет» (Chaunu, 1964, 207).

³⁴⁸ «Если бы Англия и Франция сохранили мир, то... непохоже, что в 1812 году между Англией и Америкой произошла бы война» (Horsman, 1962, 264). См. тж. Gibbs (1969, 88—89): «Согласно Джону Квинсу Адамсу, главной причиной войны 1812—1814 годов была именно настойчивость [британцев] в вопросе права розыска [нейтральных кораблей], хотя корень проблемы, возможно, заключался в требовании завоевания Канады».

³⁴⁹ Морские провинции Канады обнаружили точку соприкосновения с Новой Англией в «противостоянии антибританской политике федеральных правительств [Соединенных Штатов]» (Clark, 1959, 240). Что касается франкоканадцев, то их симпатии к Французской революции и ее «революционному пафосу» охладели, и новый альянс между США и Францией не пробудил их вновь (р. 244). О последней группе см. Ouellet (1971, 230).

снижалась³⁵⁰, а британцы не делали никаких реальных уступок в своем жестком навигационном кодексе для морской торговли³⁵¹. Все уступки Великобритании по Гентскому договору сводились к неявному признанию права Соединенных Штатов на экспансию в западном и южном направлениях³⁵² и их собственного мнения (по крайней мере на правах младшего партнера) в грядущих событиях в рамках деколонизации Американского континента. Но, конечно же, именно это и было ключевым моментом³⁵³.

Война между Великобританией и США произошла в критический момент для Испании. С поражением Наполеона Фердинанд VII в 1814 году вернулся на трон, аннулировал либеральную конституцию 1812 года и стремился восстановить *status quo ante* [предшествующее положение дел — *лат.*], в том числе в Испанской Америке. В течение года большинство восстаний там было подавлено его войсками. Сам Боливар писал, что если бы не война 1812 года, то «Венесуэла восторжествовала бы без посторонней помощи, а Южная Америка не была бы ни жестоко опустошена испанцами, ни подвергнута разрухе революционной анархией»³⁵⁴.

Боливар, возможно, был прав лишь в очень короткой перспективе, хотя в действительности реставрация в Испании лишь ненадолго отодвинула независимость Испанской Америки. Возвращение Фердинанда VII дало и США, и Великобритании свободу для реализации их склонности к поддержке движений переселенцев³⁵⁵, а Гентский договор умерил их взаимное ощущение необходимости опасаться, что эта независимость окажется благоприятной для оппонента.

³⁵⁰ См. Ouellet (1971, 37).

³⁵¹ См. Graham (1941, 197, 218): «Во всех взлетах и падениях британской политики после Американской революции монополия перевозок — этот фундаментальный принцип навигационного кодекса — никогда не была поколеблена... Когда Великобритания вышла победителем из затяжной борьбы с Наполеоном, принцип колониальной монополии сохранил фундаментальную неприкосновенность».

³⁵² Фактически британцы прекратили оказывать поддержку Испании во Флориде. Еще в 1811 году Конгресс Соединенных Штатов принял так называемую Резолюцию о недопустимости передачи, направленную на аннексию Западной Флориды (которая была завершена в 1813 году) и предостерегающую Великобританию от попыток вновь отобрать у Испании Восточную Флориду. См. Bemis (1943, 28—30) и Nettels (1962, 322—324). К 1819 году США добились крупной «дипломатической победы», заставив Испанию уступить Флориду (хотя Техас остался испанским) и признать «неоспоримые права Соединенных Штатов на территорию вплоть до Тихого океана» (Bemis, 1943, 37—38).

³⁵³ Анализ того, что получили стороны по Гентскому договору, см. в: Perkins (1964, 137—138).

³⁵⁴ Цит. в: Liss (1983, 209).

³⁵⁵ См. Halperin-Donghi (1972, 144): «Британское правительство, вплоть до [испанской реставрации] сохранявшее предусмотрительно двусмысленное отношение [к движениям за независимость], теперь если и не планировало выступать в поддержку дела революции, то проявляло менее настороженное отношение к потоку добровольцев (и, что более важно, оружия) для армий, сражавшихся против [испанцев].

Наконец, Венский конгресс, установивший в Европе мир на базе поддержки легитимности и абсолютизма, неожиданным образом ослабил претензии Испании на Испанскую Америку. Крупные европейские державы опасались, что предпринятые Испанией репрессивные меры были «едва ли эффективны» и что революции, ведущие к независимости Испанской Америки, «воодушевят либеральных революционеров» в Европе. Соответственно, они предпочитали, чтобы Испания предоставила колониям некие «уступки»³⁵⁶. Это еще сильнее развязывало руки Великобритании для преследования своих коммерческих интересов в Латинской Америке, особенно теперь, когда последняя стала для Великобритании масштабной территорией для расширения продаж хлопковых тканей³⁵⁷.

Все, что оставалось переселенцам, это убедиться, что независимость, для которой теперь не было значительных препятствий, действительно окажется в их руках, а не в руках других групп. Так начался второй раунд борьбы. Основные различия в формах борьбы в разных колониях были следствием разного *rapport de force* [соотношения сил — *фр.*] между креольским элементом и чернокожими, индейцами и метисско-мулатскими (*pardo*) группами. Действительно, та степень, в которой креольские элиты выступали за немедленную независимость, против нее или относились к ней двойственно, в значительной мере зависела от их оценки «условий, необходимых для сдерживания реального или потенциального бунтарства масс»³⁵⁸. Как только начался процесс дезинтеграции Испанской империи, многие креолы, которые

Со своей стороны, и Соединенные Штаты... с этого момента демонстрировали более благосклонное отношение к патриотам, а следовательно, там стало еще проще закупать оружие и рекрутировать корсаров». В действительности же последний аспект помощи Соединенных Штатов движениям в Испанской Америке — более легкий наем корсаров — сказался на самих США. В промежутке между 1810 и 1823 годами в Вест-Индии широко распространилось пиратство, став «главной помехой для торговли» между Соединенными Штатами и этим регионом (Chandler, 1924, 482).

³⁵⁶ Waddell (1985, 205).

³⁵⁷ См. Bousquet (1978, 57). В первой четверти XIX века только в Латинской Америке и Западной Европе наблюдался значительный рост британского текстильного экспорта.

³⁵⁸ Andrews (1985, 128). См. Fisher (1979, 257): «Восстание в Куско в 1814—1815 годах было революционной борьбой за независимость, которая в южной части Перу получила широкую поддержку и белых, и индейцев. Если бы его поддержали жители Лимы и побережья, то оно почти наверняка оказалось бы успешным. Отсутствие поддержки с их стороны следует объяснять их врожденным консерватизмом и боязнью индейцев». К 1821 году в Перу сохранился «немного признаков народной мобилизации» в поддержку независимости во главе с креолами (Bonilla & Spalding, 1972, 108). См. тж. Ladd (1976, 89) о Мексике: «Опасение масс было критически значимым фактором в приручении недовольства элит».

Конечно, это был не единственный фактор. Тщательное исследование сочетания экономических факторов (наличие зон, специализирующихся на сельскохозяйственном экспорте, возможность их расширения, природа конкуренции), которые объясняют разную степень поддержки креольскими элитами движений за независимость, см. в: Bousquet (1974).

раньше скептически относились к независимости, ощутили необходимость прыгнуть в последний вагон — в первую очередь не затем, чтобы принять власть у испанцев, а «прежде всего чтобы не допустить к ней мулатов (*pardos*)»³⁵⁹. Чтобы удостовериться в этом, нет необходимости рассматривать вынужденные, запоздалые и несколько консервативные движения за независимость в Перу и Мексике — с определенной ясностью это можно увидеть уже на примере радикальных авангардных движений за независимость в Ла-Плате и Венесуэле.

Ла-Плата была колонией с особенной высокой долей креолов, которые, возможно, составляли половину ее населения. В Ла-Плате легко могла получить поддержку революция, основу которой составляли креолы, причем такая революция, которая могла оказаться «либеральной» в отношении индейцев и чернокожих, метисов и мулатов (*pardos*). Как и ранее в Британской Северной Америке, в Ла-Плате и колониальный правитель, и революционер-поселенец стремились, «поначалу колеблясь», рекрутировать в свои армии солдат-чернокожих и мулатов (*pardo*), обещая им полное освобождение³⁶⁰. Причем, как и в Британской Северной Америке, чернокожие извлекли из этого некоторое небольшое преимущество, но ценой серьезных жертв. Индейцы были освобождены от энкомьенды, но лишь для того, чтобы оказаться нанятыми на сахарные плантации в качестве пеонов. А гаучо (метисов) заставят трудиться на эстансиях.

В Венесуэле с ее огромными латифундиями проблема рабства и пеонажа была еще сильнее, чем в Ла-Плате. Белые составляли лишь 20% населения, причем многие из них относились к так называемым *blancos de orilla* — белым беднякам, зачастую канарского происхождения. Когда Боливар вновь начал борьбу в 1816 году, он прибыл с Гаити и увидел «потребность в слиянии восстаний креолов, пардо и рабов в одно великое движение»³⁶¹. Боливар обещал освободить рабов в Венесуэле и других местах³⁶², но не в его силах было заставить это сделать своих союзников среди *hacendados* [владельцев асьенд — исп.], поэтому чернокожие рабы стали относиться к независимости с меньшим энтузиазмом, отойдя на нейтральные позиции³⁶³. Полная отмена рабства состоится гораздо позже — в

³⁵⁹ Humphreys & Lynch (1965a, 24).

³⁶⁰ Rout (1976, 165). Отношение к этому креольских лидеров было далеко не благосклонным. Генерал Бельграно, командир второй аргентинской экспедиции в Верхнее Перу, отмечал, что «негры и мулаты — это трусливая и кровожадная толпа;... единственное утешение — в том, что на их пути стоят белые офицеры» (цит. в: Lynch, 1973, 85).

³⁶¹ Lynch (1973, 210).

³⁶² См. Bierck (1953, 365). Испанцы использовали это обещание против него и преувеличивали степень военной помощи со стороны Гаити. См. Verna (1983, 146).

³⁶³ На Испано-американском конгрессе 1953 года венесуэльский историк Кристобаль Мендоса принизил роль метисов (а также чернокожих) в движении за независимость, предположив, что «его начали именно высшие классы, креолы» (Congreso Hispánicoamericano, 1953, 51). Несомненно, он был прав, но почему? О том, почему креолы не могли получить массовую поддержку, см. Liévano Aguirre (1968, 947—948). О роли *hacendados* (крупных землевладельцев) см. Izard (1979, 50—51). О борьбе за независимость как «гражданской войне» см. Bagú (1979, 13). О сохранении латифундий (хотя и не всех латифундистов) см. Brito (1966, I, 219—220) и Izard (1979, 163).

1854 году³⁶⁴. А сам Боливар оплатит Гаити за первоначальную поддержку, отказавшись признать это государство или поддержать его приглашение на Панамский конгресс 1826 года. Фактически «страх создания второго Гаити... повлиял на решение не вторгаться на Кубу»³⁶⁵.

Теперь испано-американские государства одно за другим устремились к независимости в ходе двусмысленных, или насильственных, или консервативных революций³⁶⁶. Они шли друг за другом, но мечта Боливара о воспроизведении формулы единства, достигнутой Тринадцатью колониями, потерпела крах. Территория Испанской Америки была, конечно, более рассредоточенной, а стало быть, здесь не было возможности объединения военной борьбы, что было важным фактором при создании Соединенных Штатов. Собранный Боливаром в июне 1826 года Панамский конгресс кончился полным крахом.

Окончательным решением проблемы стал 1823 год, когда британский государственный секретарь Джордж Каннинг и президент США Джеймс Монро соперничали по поводу того, кто сможет завоевать репутацию страны, давшей окончательное благословение независимости Испанской Америки³⁶⁷. Тем временем в Испании французское вторжение в апреле 1823 года позволило Фердинанду VII избавиться от «конституционалистов» и проводить политику «неограниченной реакции» — промежуток 1823—1833 годов стал известен как «мрачное десятилетие»³⁶⁸. Однако триумф Фердинанда у себя дома означал, что все надежды Испании на Американском континенте теперь были обречены³⁶⁹.

Бразильская история в основном повторяла историю Испанской Америки: это были одновременная деколонизация (1789—1831) и британское

³⁶⁴ Lombardi (1971, 46).

³⁶⁵ Ott (1973, 194). Соединенные Штаты очень беспокоились по поводу Кубы: в 1822 году Джон К. Кэлхун призывал к ее аннексии. Два опасения США заключались в том, что Куба «может оказаться в руках Великобритании» или «быть революционизирована неграми» (Rippy, 1929, 80—81).

³⁶⁶ Именно такие определения использует Джон Линч (Lynch, 1973) для описания, соответственно, Перу, Венесуэлы и Мексики.

³⁶⁷ См. Rippy (1929, 112—124) и Temperley (1925a, 53). О признании независимости латиноамериканских стран Соединенными Штатами см. Robertson (1918b, 261).

³⁶⁸ Carr (1969, 452).

³⁶⁹ «Система Фердинанда... сыграла значительную роль в утрате Америки» (Аппа, 1978b, 357). Альперин-Донги демонстрирует явную связь между событиями в Испании и позицией Каннинга-Монро: «Благодаря реставрации абсолютизма в Испании [в 1823 году] британский нейтралитет более определенно склонялся в сторону революции в Испанской Америке... В то же время Соединенные Штаты с приобретением Испанской Флориды в 1822 году [договор был подписан в 1819 году, но ратифицирован Испанией лишь в 1822 году], потеряв последние причины заботиться о том, как бы не обидеть фердинандовскую Испанию, открыто присоединились к политике Британии» (Halperin-Donghi, 1972, 146). См. т.ж. Waddell (1985, 213—223).

³⁷⁰ См. Mota (1973, 76). О британском первенстве в Бразилии см. Manchester (1933, гл. IX и X).

проникновение в бразильскую экономику (1810—1827)³⁷⁰. Эпоха после Помбала породила в Бразилии два «заговора» — так называемые *Inconfidência mineira* в Минас-Жерайсе в 1788—1789 годах и *Conjuração Bahia* в Баия в 1798 году³⁷¹. Оба они были первыми попытками достижения независимости. Первый из этих заговоров, возглавленный креольскими элитами, которые протестовали против налогообложения, был «предвестьем»³⁷², а второй заговор был городским и более радикальным, «нацеленным на вооруженное восстание мулатов, свободных чернокожих и рабов»³⁷³. Он был в особенности вдохновлен Французской революцией в своей направленности на «полную революцию» с целью создания общества «без различия между белыми, черными (*preta*) и мулатами (*parda*)»³⁷⁴.

В Бразилии Наполеон также торопил события, вынудив бежать туда принца-регента дон Жуана. Конечно, это породило ситуацию, отличавшуюся от упомянутых отречений от престола в Испании. Португальский король мог обеспечить легитимный переход к фактической независимости, и в 1815 году вместо возвращения в Португалию дон Жуан повысил Бразилию до статуса равного ей королевства, причем теперь центр этой дуальной монархии находился именно в Бразилии. В результате Португалия управлялась в Лиссабоне Советом регентства, который, в свою очередь, возглавлял англичанин, маршал Бересфорд, главнокомандующий португальской армии, вновь занявшей страну и оставшейся в ней.

В 1820—1821 годах в Португалии разразился либеральный мятеж, была принята новая конституция. Мятеж распространился на Бразилию, где так называемая Бразильская партия, представлявшая креольские элиты, «добилась первенства», в то время как народные массы не могли «достичь выполнения своих требований»³⁷⁵. Устремлениям бразильских креолов помогали португальцы. Португальский депутат Жозе Жоакин Феррейра де Моура защищал отставку войск в Баию в 1821 году на основании того аргумента, что бразильский народ, «состоящий из негров, мулатов и белых креолов, а также разнообразных европейцев», находится под влиянием «волнительных чувств» и нуждается в помощи для восстановления порядка³⁷⁶. Дон Жуан вернулся в Португалию, и теперь бразильцы опасались, что они получают нечто меньшее, нежели полное равенство. Поэтому их лояльность перешла с короля Жуана VI на принца-регента

³⁷¹ Два других — в Рио-де-Жанейро в 1794 году и в Пернамбуку в 1801 году — были тут же разгромлены.

³⁷² Luz (1960, I, часть 2, 405). В ходе этого заговора проблема рабства рассматривалась как «возможное препятствие», решением которого могло быть освобождение мулатов (sic!) (р. 399). Новаиш (Novais, 1979, 179) также использует слово «предвестье».

³⁷³ Bethell (1985, 166). См. тж. Mota (1967, 103—194) о различии между двумя мятежами. Максвелл указывает, что опасения креолов по поводу расового восстания вели к «примечательному схождению их позиций... [с] британским правительством» (Maxwell, 1973, 238).

³⁷⁴ Эти формулировки приводятся по: Novais (1979, 171).

³⁷⁵ Prado (1957, 48).

³⁷⁶ Цит. в: Tavares (1977, 57).

дона Педру, которого убедили остаться. Вскоре после этого, в 1722 году, дон Педру I стал императором Бразилии — с благословения и под защитой Великобритании³⁷⁷.

Таким образом, за 50 лет белые переселенцы мало-помалу создали по всему Западному полушарию свои государства, ставшие членами межгосударственной системы. Все они тем или иным образом оказались под политико-экономическим патронажем новой державы-гегемона — Великобритании, хотя Соединенные Штаты были способны выделиться в роли ее помощника, а стало быть, потенциального и действительного соперника Британии.

Единственным исключением было Гаити, но Гаити оказалось в положении изгоя. Франция, Испания и Португалия были фактически отодвинуты от выполнения какой-либо роли, но в таком же положении оказались и чернокожие вместе с индейцами. Мечта Морелоса найти такую республику, которая была бы создана по лекалам европейских конституционалистских теорий, но при этом провозгласила «ацтекскую древность как подлинный корень нации», была задушена на корню³⁷⁸. Новый национализм был «почти полностью лишен социального содержания»³⁷⁹.

Ни одна из великих революций конца XVIII века — так называемая промышленная революция, Французская революция или борьба за независимость переселенцев Американского континента — не представляла собой фундаментальных вызовов для мировой капиталистической системы. Наоборот, эти революции были ее дальнейшими консолидацией и углублением. Народные силы были подавлены, а их потенциал фактически был ограничен политическими трансформациями. В XIX веке эти силы (или, скорее, их наследники) осознают свои провалы и создадут полностью новую стратегию борьбы — стратегию, которая будет гораздо более организованной, системной и наделенной самосознанием.

³⁷⁷ Mota (1972, 71—72).

³⁷⁸ Phelan (1960, 768). См. тж. Griffin (1962, 20).

³⁷⁹ Lynch (1973, 340).

КОММЕНТАРИИ ПЕРЕВОДЧИКА

ГЛАВА I

- К стр. 4, сн. 5: ' — *Адольф Бланки* (1798—1854) — французский политэкономист, брат социалиста Луи-Огюста Бланки.
- К стр. 4, сн. 5: " — *Арнольд Тойнби-старший* — имеется в виду Арнольд Тойнби (1852—1883), дядя знаменитого историка Арнольда Джозефа Тойнби, английский историк-экономист, который ввел в активное употребление термин «промышленная революция» («промышленный переворот»).
- К стр. 7, сн. 18: ' — *Болтон и Уатт* — Мэттью Болтон (1728—1809) — английский промышленник, деловой партнёр знаменитого шотландского инженера Джеймса Уатта (1736—1819), «отца» паровой машины. В последней четверти XVIII века они выпустили сотни паровых машин под маркой «Болтон и Уатт», появление которых сделало возможной механизацию заводов и фабрик.
- К стр. 10, сн. 30: ' — *распространение акцептных контор* — акцептная контора представляет собой финансовый институт, предоставляющий кредиты под вексельное обеспечение. Исторически акцептные конторы возникли из крупных коммерческих фирм, занимавшихся международной торговлей. Поскольку переводные вексели (тратты), акцептованные крупными фирмами, охотнее принимались к учету банками, эти компании перестали вести торговлю и переключились на акцептные операции за вознаграждение, став посредниками между векселедержателями и депозитными банками.
- К стр. 15, сн. 54: ' — *Джетро Талл* (1674—1741) — английский агротехник и изобретатель, один из первых научных теоретиков сельского хозяйства. В 1701 году значительно усовершенствовал рядовую селлку — устройство для равномерного распределения семян в свежераспаханых бороздах.
- К стр. 16: ' — *норфолкская система* — система севооборота, пришедшая на смену трехполью в связи с появлением в Англии новых культур (картофель, сахарная свекла, подсолнечник, табак и др.). Это потребовало создания так называемой плодосменной

системы земледелия, ранний вариант которой получил название норфолкской системы. Ее основной принцип заключался в отказе от пара и переходе к четырехполью. В первый год производилась пшеница, во второй — корнеплоды, особенно турнепс, служащий зимним кормом прежде всего для овец, на третий год — опять зерновая культура, например, ячмень, на четвертый — бобовая (клевер), дающая возможность восстанавливать плодородие почвы перед посевом пшеницы на следующий год. Переход к плодосмену был революционным событием в земледелии и означал перерастание чисто зерновых хозяйств в смешанные с развитым на базе включения в посевной клин корнеплодов и бобовых трав животноводством. Англия стала не только славиться улучшенными породами коров и свиней, но и добилась решительного подъема урожайности хлебов (например, по пшенице до 13—13,5 ц/га), что вдвое превышало уровень, характерный для трехполья. Именно благодаря норфолкской системе Англия в течение первой половины XVIII века превратилась в крупного экспортера зерна.

К стр. 16: " —

травопольная система — система земледелия, при которой часть пашни в полевых и кормовых севооборотах используется под многолетние травы, являющиеся кормовой базой и главным средством поддержания и повышения плодородия почв.

К стр. 17, сн. 60: ' —

Лурмарен — коммуна во французском департаменте Воклюз региона Прованс — Альпы — Лазурный Берег.

К стр. 18: ' —

система открытых полей — одна из систем землепользования в средневековой Европе, наиболее характерная для Англии; впервые упоминается в VII веке. В рамках данной системы пахотные земли сельского поселения делились на наделы крестьян, которые не огораживались. В пределах одного поля каждый крестьянин имел одну или несколько полос пахоты, которые чередовались с полосами других крестьян и феодала, при этом, однако, сохранялось единство пахотного пространства, а поле обрабатывалось совместными усилиями всех жителей. После снятия урожая на поля выпускался скот, который мог кормиться на всей площади пахоты. К концу средних веков система открытых полей под влиянием роста товарности сельского хозяйства и наступления феодалов на общинные и крестьянские земли начала вытесняться системой компактных огороженных участков, обрабатываемых их владельцами или наёмными рабочими.

К стр. 19: ' —

новой роли британского парламента — с 1760-х годов процесс огораживания регулировался актами парламента, и это, согласно традиционной точке зрения, уже к началу XIX века

привело к исчезновению английского крестьянства как класса.

К стр. 19, сн. 67: " — *Три епископства* — провинция в дореволюционной Франции внутри региона Лотарингия, включавшая княжества епископства Верден, Мец и Туль.

К стр. 19, сн. 67: "' — *Бресс* — возвышенная местность в Бургундии между Домбом, Юрой, реками Сона и Ду.

К стр. 20, сн. 71: ' — *формы метейжа* — см. Том 1, стр. 123—129.

К стр. 21, сн. 73: ' — «*Сельского труженика*» Дж. Л. и Б. Хаммондов — Хаммонд, Джон Лоренс (1872—1949) — английский историк и журналист либерального направления. Автор ряда работ по социальной и экономической истории Англии XVIII—XIX веков, написанных совместно с женой Барбарой (1873—1961). Хаммонды хвалили деятельность капиталистов как организаторов производства, но признавали, что рост производительных сил сопровождается прогрессирующим обнищанием трудящихся. Средством ликвидации нищеты авторы считали установление ограниченного государственного контроля над промышленностью, развитие системы фабричного законодательства и расширение сферы деятельности профсоюзов. Книга «Сельский труженик, 1760—1832: исследование правительства Англии до Билля о реформе» вышла в 1911 году.

К стр. 29: ' — *Перечень подлинных изобретений того времени известен...*
челнок Кея — Суконщик Джон Кей (1704—1764) в 1733 году предложил механический (самолетный) челнок для ручного ткацкого станка. Это изобретение освободило ткача от необходимости вручную пробрасывать челнок через зев и позволило производить широкие ткани на станке, обслуживаемом одним работником (раньше для этого требовалось два человека).
прялка «дженни» Харгривса — Джеймс Харгривс (умер в 1778 году) в 1765 году построил изобретённую им прядельную машину периодического действия (названную в честь дочери Дженни) и в 1770 году получил на нее патент. Благодаря простоте конструкции и дешевизне изготовления машина Харгривса получила широкое распространение.
ватермашина Аркрайта — Предприниматель Ричард Аркрайт (1732—1792) построил первые в Англии прядельные фабрики с водяными двигателями (ватермашины) и ввел в прядельное производство ряд усовершенствований, направленных на механизацию процесса.
мюль-машина Кромптона — Прядельщик и ткач Сэмюэл Кромптон (1753—1827) в 1779 году создал прядельную «мюль-машину», которая сыграла большую роль в развитии прядельного дела, позволив вырабатывать более тонкую пряжу, чем существовавшими ранее механизмами.

полностью автоматическая мюль-машина Робертса — Изобретение Кромптона имело крупное значение в прядильном деле, однако получившие большое распространение мюль-машины требовали содействия рабочих рук и не могли утнаться за появившимся паровым ткацким станком. Поэтому в 1825 году Ричард Робертс автоматизировал «мюль-дженни» — новое устройство получило название сельфактор.

чугун Дерби — Metallург Абрахам Дерби (1677—1717) в начале XVIII века начал эксперименты по производству железа в плавильной печи, применяя не древесный уголь, а кокс. В 1709 году он арендовал старую домну в Колбрукдейле и усовершенствовал способ изготовления кокса, заменив им часть древесного угля при доменной плавке. Благодаря экспериментам Дерби уголь стал завоевывать позиции важного источника энергии.

пудлингование — металлургический процесс преобразования чугуна в мягкое малоуглеродистое железо, предполагающий перемешивание расплавленного чугуна с обдуванием его воздухом. Технологический процесс пудлингования был разработан английским металлургом Генри Кортон (1740—1800), получившим патент в 1784 году. Почти сто лет после этого, до возникновения более совершенных процессов, пудлингование оставалось основным способом переработки чугуна в сталь.

цилиндр Уилкинсона — Джон Уилкинсон (1728—1808) — английский инженер и изобретатель, который одним из первых в Великобритании стал выпускать чугун в промышленных масштабах. В 1774 году запатентовал способ сверления, при котором вращался ствол, а не сверло, что увеличило точность сверления и уменьшило число ружей, которые взрывались при выстреле. Также этот патент был важен для производства цилиндров для паровых машин, которые совместно выпускали Мэттью Болтон и Джеймс Уатт.

К стр. 32, сн. 117: — *первый канал герцога Бриджуотера между Уорсли и Манчестером* — Фрэнсис Эгертон, 3-й герцог Бриджуотер (1736—1803) — крупный английский землевладелец, основоположник каналостроения, был владельцем угольных шахт и с целью удешевления транспортировки угля финансировал прокладку канала от Уорсли до Манчестера. Этот проект, завершённый в 1772 году, положил начало новому методу сооружения каналов, открыв великую эпоху английского каналостроения 1770—80-х годов.

К стр. 33, сн. 123: — *договор Идена* — имеется в виду англо-французского торговое соглашение, подписанное в 1786 году, которое открыло французский рынок для британских промышленных товаров.

Британским уполномоченным, проводившим переговоры о подписании договора, был руководитель английской секретной службы Уильям Иден. Этот договор Валлерстайн рассматривает в качестве одного из главных событий, спровоцировавших Великую Французскую революцию (подробнее см. в гл. 2).

К стр. 38, сн. 142: * — *Густав Шмоллер* (1838—1917) — немецкий экономист, яркий представитель «другого канона» политэкономии, выступавший сторонником активной промышленной политики государства.

К стр. 39: * — *протоиндустриализация* — термин введен Ф. Мендельсом в 1972 году в его докладе на коллоквиуме ЮНЕСКО, посвященном 10-летию смерти А. Эйнштейна и П. Тейяр-де-Шардена.

К стр. 40, сн. 152: * — *отмены хлебных пошлин [1846]* — Пошлины на ввоз пшеницы в Англию впервые были введены в 1660 году и после окончания Наполеоновских войн превратились в инструмент, обеспечивавший высокий уровень доходов земельной аристократии. Эта ситуация не устраивала промышленников, которые были заинтересованы в дешевом хлебе, что позволило бы им существенно снизить расходы на оплату труда рабочих, а тем самым добиться низкой себестоимости своей продукции, продаваемой на мировом рынке. В 1838 году в Манчестере, главном промышленном центре Англии того времени, была основана Лига против Хлебных законов, исповедовавшая идеологию свободной торговли, и в 1846 году хлебные пошлины были отменены парламентом. Более подробно этот сюжет будет разобран в IV томе.

К стр. 46: * — *Учредительное собрание*, или Национальная конституционная ассамблея (*Assemblée nationale constituante*) — первое собрание представителей французского народа, организованное депутатами Генеральных штатов 17 июня 1789 года. После его самороспуска на заседании 30 сентября 1791 года в силу вступила Конституция Франции, на основе которой стало действовать Законодательное собрание.

К стр. 46, сн. 171: * — *cahiers de doléance* [Наказы] (буквально «жалобные тетради») — в дореволюционной Франции своды жалоб и челобитных, подававшихся депутатам при отправлении тех в Генеральные штаты. Наказы 1789 года фактически представляли собой политическую программу Великой Французской революции и являются важным источником для ее историков.

К стр. 47: * — *разгромив народные восстания в III год республики* — имеются в виду крупные восстания в Париже против термидорианского Конвента 1—2 апреля и 20—23 мая 1795 года. В ходе второго выступления было захвачено здание Конвента, но восстание удалось подавить, несколько тысяч человек были арестованы,

- осуждены и сосланы, а 6 депутатов-якобинцев были приговорены к гильотине и покончили с собой.
- К стр. 47: " — *заговор Равных* — Весной 1796 года новое народное выступление против термидорианского режима готовил Гракх (Франсуа Ноэль) Бабёф, который возглавил «Тайную повстанческую директорию». Однако в результате предательства одного из участников движения все его руководители были арестованы, Бабёф по приговору суда был казнён.
- К стр. 47: "" — *эбертисты* — крайне левое крыло революции, последователи Жака Эбера (1757—1794), требовавшие введения «максимума цен» и расширения террора. После того, как эбертисты на страницах своей газеты «Пер Дюшен» в начале марта 1794 года открыто призывали к свержению якобистов, Эбер и его приверженцы были арестованы и казнены.
- К стр. 47, сн. 176: "" — *декретом 17 июля 1793 года* Конвент отменил без вознаграждения все повинности, в том числе и те, которые по более ранним декретам подлежали выкупу. Статьи 6—9 этого декрета требовали, чтобы все владельцы феодальных документов под страхом пятилетнего тюремного заключения выдали их муниципальным властям для сожжения. Следствием декрета 17 июля 1793 года стало сокращение аграрных беспорядков.
- К стр. 48: ' — *сторонников атлантической теории (Годешо, Палмер)* — Жак Годешо и Роберт Палмер в 1955 году в Риме представили доклад о проблематике «атлантической истории», одним из феноменов которой они рассматривали Великую Французскую революцию.
- К стр. 49: ' — *«Все идет от Коббана»* — Коббан, Альфред (1901—1968) — английский историк, один из главных ревизионистов истории Великой Французской революции, полагавший, наряду с Франсуа Фюре, что она не внесла каких-либо значимых изменений во французское общество.
- К стр. 52, сн. 201: ' — *ордонанс Сегюра 1781 года* — 22 мая 1781 года военный министр Франции маркиз де Сегюр (1724—1801) издал ордонанс, который запрещал лицам недворянского происхождения занимать офицерские должности.
- К стр. 55: ' — *10 августа 1792 года* произошло восстание в Париже, в ходе которого был захвачен и разграблен дворец Тюильри, а Людовик XVI был свергнут и заключен под стражу. В результате восстания монархия во Франции была фактически ликвидирована (формально упразднена 21 сентября), а к власти пришла партия жирондистов.
- К стр. 56: ' — *переход от формального подчинения труда к реальному* — формулировка марксистской политэкономии, введенная Марксом в «Экономических рукописях 1863 года». Формальное подчинение труда капиталу характерно для мануфактурного периода,

когда наемные рабочие еще не были окончательно прикованы к капиталистическим предприятиям, например, благодаря сохранению связи с землей или возможности стать самостоятельными производителями. С переходом к машинной индустрии рабочий превращается в придаток к машине и не может создавать товары, получать средства для существования вне работы на капиталистическом предприятии, т.е. подчинение труда капиталу становится реальным.

К стр. 56, сн. 216: “ — *сторонников Бриссо* — Бриссо, Жак-Пьер (1754—1793), деятель Великой Французской революции, лидер жирондистов. После свержения монархии и прихода к власти жирондистов открыто требовал прекращения революции, возглавив в Конвенте борьбу против якобинцев. После парижского восстания 31 мая — 2 июня 1793 года бежал в провинцию, но вскоре был арестован и по приговору революционного трибунала казнён вместе с 20 своими соратниками.

К стр. 58: “ — *аббат Сийес* — Эммануэль-Жозеф Сийес (1748—1836) — один из немногих ключевых деятелей Великой Французской революции, переживших 1789—1794 годы и продолживший политическую карьеру в последующий период. В 1788 году, когда Сийес состоял депутатом от духовенства в провинциальном собрании в Орлеане, он опубликовал ряд брошюр по поводу предстоявшего созыва Генеральных штатов, оказавших огромное влияние на общественное мнение, прежде всего «Эссе о привилегиях» и памфлет «Что такое третье сословие?» В 1789 году Сийес стал одним из наиболее деятельных членов Национального собрания, приняв участие в организации Национальной гвардии, новом распределении налогов, устройстве муниципалитетов, разделении территории Франции на департаменты и т.д. Именно Сийес составил клятву, данную депутатами 20 июня 1789 года, — не расходиться, пока Франции не будет дана новая конституция; им же было предложено принять для Генеральных штатов название Национального собрания, президентом которого Сийес был в 1790 году. Избранный в Конвент, Сийес в январе 1793 года подал голос за казнь короля, но во время террора не принимал активного участия в политике и сумел избежать гильотины. После падения Робеспьера он стал членом Комитета общественного спасения, в 1797 году был президентом Совета пятисот. Во время приготовлений к перевороту 18 брюмера Сийес стоял на стороне Наполеона Бонапарта, которому оказал существенную поддержку своим влиянием на депутатов; он же составил проект новой конституции. После переворота Сийес стал одним из трёх временных консулов, но не имел никакой действительной власти. Бонапарт назначил его сенатором и дал

ему доходное государственное имение и ряд титулов. После второй реставрации Сийес, изгнанный из Франции как царевубийца, поселился в Брюсселе и вернулся в Париж лишь после революции 1830 года.

К стр. 61: * —

«миф» в смысле Сореля — имеется в виду теория мифа французского социолога Жоржа Сореля (1847—1922), который выступил с критикой всех форм рационального познания и обоснования социально-политических программ (включая марксизм), противопоставив им анархо-синдикалистское учение о социальном мифе («Размышления о насилии», 1906). Миф, по Сорелю, есть нечто интуитивно цельное, символически образное, не поддающееся разложению, необходимый элемент мироприятия любой социальной группы, выражение воли к власти группы или класса, возглавляющего социальное движение.

К стр. 62, сн. 236: * — *картель левых* — союз левых партий (кроме Коммунистической партии) во Франции, в который вошли главным образом представители радикалов и социалистов; существовал в 1924—1926 годах и в начале 1932 года.

Народный фронт — имеется в виду коалиция левых сил во Франции в 1935—1937 годах. Процитированный пассаж намекает на симпатии Анри Лефевра к Французской коммунистической партии.

К стр. 65: * —

La carriere ouverte aux talents — фраза, приписываемая Наполеону.

ГЛАВА II

К стр. 68: * —

Самогó великого мира и всего, что он дарует — в оригинале *The great globe itself, and all which it inherit*, не совсем точная реплика Просперо из «Бури» Шекспира (*The great globe itself, Yea, all which it inherit*). Расширенный контекст в русском переводе М. Донского: «Вот так, подобно призракам без плоти, / Когда-нибудь растают, словно дым, / И тучами увенчанные горы, / И горделивые дворцы и храмы, / И даже весь — о да, весь шар земной».

К стр. 69, сн. 1: * —

В 1763 году Парижский мир закрепил разгром Людовика XIV так же, как в 1659 году Пиренейский мир закрепил разгром Филиппа II — По условиям Парижского мира 10 февраля 1763 года Франция отказалась от всяких притязаний на Канаду, Новую Шотландию и все острова залива Святого Лаврентия, а также уступала Англии долину Огайо и всю свою территорию на восточном берегу Миссисипи, за исключением Нового Орлеана. Кроме того, Франция уступила Испании Луизиану к западу от Миссисипи, теряла земли в Сенегале и отказывалась от претензий на политическое влияние в Индии.

Пиренейский мир 7 ноября 1659 года завершил войну Франции с Испанией, которая отдавала Франции ряд территорий в Испанских Нидерландах (большая часть Артуа, часть Фландрии и др.), на пиренейской границе (Руссильон, Конфлан; новой границей между обоими государствами должны были служить Пиренеи). Также договором подтверждались права Франции на Наварру и был оговорен брак Людовика XIV с испанской инфантой Марией Терезией, получавшей в приданое 500 тысяч золотых экю. Неуплата этих денег истощённой войной Испанией явилась впоследствии предлогом для претензий Франции на владения испанских Габсбургов и испанский престол.

К стр. 69: " —

Камиль-Эрнест Лабрусс (1895—1988) — французский историк, близкий к школе «Анналов», считается основоположником «квантитативной истории» во Франции.

К стр. 70: ' —

crises d'Ancien Régime были связаны с урожаями — Традиционное объяснение причин Великой Французской революции таково. В первой половине XVIII века во Франции наблюдался экономический бум, но затем наступил застой: мануфактуры производили товаров больше, чем потребляло население. 1780-е годы оказались неурожайными, запасов зерновых хватило всего на несколько лет. Многие мануфактуры свернули производство, тысячи горожан остались без работы, начались массовые волнения. Государственный долг в эти годы вырос в несколько раз, для финансирования займов властям пришлось вводить дополнительные налоги, заручившись поддержкой созванных впервые за много лет Генеральных штатов в 1789 году. Экономический кризис привел к политическому коллапсу, и в итоге началась революция.

К стр. 73: ' —

рождаемость была «целиком по части человека» — в английском тексте двусмысленность, т.к. слово *man* означает не только «человек», но и мужчина, поэтому Валлерстайн сопровождаёт цитату ироническим [sic!].

К стр. 76, сн. 25: ' —

закон убывающей доходности гласит, что каждый фактор производства (труд, земля, капитал) имеет определенное предельное значение, сверх которого дальнейшее его наращивание не приводит к сопоставимому увеличению прибыли.

К стр. 80: ' —

право пожизненного арендатора (*right of a sitting tenant*) предполагает, что лицо, арендующее недвижимость, имеет на это право вплоть до смерти с возможностью его последующей передачи другому члену своей семьи.

К стр. 82, сн. 48: ' —

Дофине — историческая область Франции, включающая нынешние департаменты Изер, Верхние Альпы, большую часть департамента Дром и небольшую часть департамента Воклюз. Главный город — Гренобль.

- К стр. 86: ' — *Аккариас де Серионн*, Жак (1706—1792) — французский юрист, предприниматель и экономист, оппонент идей физиократов. Его авторству приписывается сочинение «Богатство Голландии», изданное в Лондоне в 1778 году, на которое ссылается Валлерстайн.
- К стр. 87: ' — *Шуазель*, Этьен Франсуа (1719—1785) — в годы Семилетней войны министр иностранных дел, а затем военный и морской министр Франции, ставленник маркизы де Помпадур.
- К стр. 87: " — *Питт*, Уильям Старший (1708—1778), в британском парламенте был одним из руководителей виговской группировки «патриотов» — сторонников проведения крайне экспансионистской внешней политики с целью захвата новых колоний. В 1756 году сосредоточил в своих руках руководство иностранным и военным ведомством, стал лидером вигов в Палате общин, в 1757—1761 годах был фактически руководителем кабинета. Сыграл крупную роль в развязывании Семилетней войны, в результате которой Великобритания захватила почти все французские владения в Индии и Северной Америке, но подал в отставку вследствие расхождений с новым королём Георгом III и его окружением.
- К стр. 88: ' — *Сент-Винсент* — остров Малого Антильского архипелага, открыт Колумбом. С 1719 года французы начали выращивать на нем кофейное дерево, табак, индиго и хлопчатник. В 1763 году остров (а также ближайший архипелаг Гренадины) захватили англичане, а с 1783 года Сент-Винсент и Гренадины по Версальскому мирному договору стали британской колонией. Англичане продолжали интенсивно создавать там плантации и завозить рабов.
- К стр. 88: " — *аннексия Корсики* — согласно Версальскому договору, подписанному 15 мая 1768 года с Генуэзской Республикой, последняя продала Корсику Франции, чтобы погасить свои долги.
- К стр. 90: ' — *трехсторонняя торговля* — см. том II, с. 288.
- К стр. 90: " — *сервитут* — ограниченное право пользования чужим имуществом, в том числе земельным.
- К стр. 92: ' — *триаж* (от фр. *trier* — отделять, отбирать) — во Франции обычай и право, согласно которым сеньор мог требовать выделения ему части (как правило, 1/3) общинных угодий. Отменен Великой Французской революцией.
- К стр. 92: ¹ — *традицию обеспечения определенного уровня цен* — до введения свободных цен на зерно в 1763 году французское правительство в целях противодействия возможному голоду много лет использовало серию мер, направленных на предотвращение роста цен на хлеб. Помимо непосредственного ограничения цен, существенно ограничивались право на складирование зерна (оно должно было сразу поступать в продажу) и зерновой экспорт.

- К стр. 92: "" — *в качестве политического объяснения мы берем утверждения физиократов* — Физиократы, подвергнув критике меркантилизм, считали, что внимание правительства должно быть обращено не на развитие торговли и накопление денег, а на создание изобилия «произведений земли», в чём и заключается подлинное благоденствие нации. Полагая, что прибавочная стоимость создаётся только в земледелии, единственной её формой физиократы признавали земельную ренту. Накопление денег они считали вредным, поскольку оно изымает деньги из обращения и лишает их единственной полезной функции — служить обмену товаров.
- К стр. 93: ' — *Тюрго, Робер-Жак (1727—1781) — французский политический деятель и экономист, представитель школы физиократов. В 1774 году — министр финансов, издал декрет о свободе торговли хлебом во Франции, в 1776 году уничтожил дорожные повинности и цеховую организацию. Тюрго имел много врагов, в том числе и королеву Марию-Антуанетту, что вызвало его быструю отставку.*
- К стр. 93: "" — *«мучная война» — устоявшееся название событий весны 1775 года, когда после введения свободных цен толпы людей стали громить рынки и хлебные лавки, разворовывая хлеб либо насильственно устанавливая на него «справедливые» цены. «Мучная война» была жестоко подавлена войсками, но уже в мае 1776 года Тюрго был отправлен в отставку.*
- К стр. 95: ' — *протекционистское законодательство 1700 года, направленное против индийских производителей* — Поскольку качество английского ситца первоначально было невысоким и он не мог конкурировать с индийской текстильной продукцией, в 1700 году в Англии был принят закон, запрещающий импорт тканей из Индии, Китая, Персии. Это привело к строительству новых хлопчатобумажных предприятий, которые работали на привозном сырье из Азии. В результате импорт хлопка за 1700—1764 годы вырос почти в четыре раза.
- К стр. 95, сн. 101: "" — *модель Оберкампа* — речь идет о Кристофе-Филиппе Оберкампе (1738—1815), французском промышленнике немецкого происхождения, который основал королевскую мануфактуру печатных хлопчатых тканей в Жуа-ан-Жоза в 19 км от Парижа. В 1770-х годах на предприятии была проведена механизация производства, а в 1785 году Оберкамп изобрел машину для печатания обоев. Во время революции его мануфактура продолжала процветать и была вторым по значимости промышленным предприятием Франции после стекольной мануфактуры Сен-Гобен.
- К стр. 98: ' — *жесткие меры, для предотвращения экспорта [новых машин]* — Запрет на экспорт машин из Англии был введён в 1774 году и продержался до 1842 года.

К стр. 98, сн. 114: " — *Калонн*, Шарль-Александр (1734—1802), французский государственный деятель, в 1783—1787 годах генеральный контролёр финансов. Пытался пополнить истощённую государственную казну с помощью займов под высокие проценты, перечекалкой золотой монеты, повышением налогов. Перед угрозой финансового краха правительства по примеру Тюрго и Неккера в 1786 году предложил проект реформ: увеличить налоговое обложение привилегированных сословий, учредив единый поземельный налог, отменить королевскую дорожную повинность, продать часть королевских имений и сократить расходы на королевский двор. Однако созванное по его инициативе в 1787 году собрание нотаблей отклонило эти предложения. Калонн вынужден был уйти в отставку и уехать в Великобританию, после чего, уже во время Великой Французской революции, стал одним из руководителей контрреволюционной эмиграции.

К стр. 99: " — *Вержен*, Шарль-Гравье (1717—1787), был министром иностранных дел Франции в годы войны за независимость английских колоний в Северной Америке. Вержен считал главным врагом Франции Англию и оказывал помощь американцам. После победы американцев под Саратогой и особенно в связи с намечавшимся успехом англо-американских переговоров о мире Вержен заключил франко-американский договор 1778 года, стремясь этим сорвать переговоры между Англией и колониями, затянуть войну и истощить силы обеих воюющих сторон. В 1780 году, несмотря на союз Франции с колониями, Вержен сделал Англии тайные предложения о мире, но его планы разделить совместно с Испанией и Англией Северную Америку были вовремя разгаданы американскими дипломатами, которые поспешили договориться с Англией без участия Франции и подписать Версальский мирный договор 1783 года.

К стр. 99: " — *Неккер*, Жак (1732—1804) — уроженец Женевы, с 1750 года жил в Париже, где сколотил огромное состояние на банковских операциях. Приобрёл известность рядом произведений, направленных против физиократов, в особенности против Тюрго, где Неккер обосновывал необходимость государственного регулирования хлебной торговли. В 1776 году он был назначен директором королевской казны, а в 1777 году генеральным директором (министром) финансов. Неккер стремился преодолеть острейший финансовый кризис государства частичными реформами, задевавшими интересы двора и придворной знати (ограничение расходов двора, некоторые преобразования в системе сбора налогов и др.). Опубликованный Неккером финансовый отчёт, сообщавший об огромных суммах, полученных придворными из казны, произвёл большое впечатление, особенно в рядах Третьего сословия, но в 1781 году король дал

Неккеру отставку. Однако дальнейшее углубление финансового кризиса вынудило двор вновь в августе 1788 года призвать его на пост министра финансов, на котором Неккер надеялся ослабить остроту финансового кризиса жёстким контролем над расходованием государственных средств. Неккер также сыграл большую роль в подготовке созыва Генеральных штатов в 1789 году, но уже в сентябре 1790 года он вышел в отставку и в дальнейшем политической роли не играл.

К стр. 99: "" —

Флёри, Жоли де, Жан-Франсуа (1718—1802), генеральный контролер финансов в 1781—1783 годах.

К стр. 100: ' —

разбивались о скалу противостояния parlements — К моменту начала революции во Франции насчитывалось 14 основных парламентов (включая парижский) и еще 3 дополнительных. Данный институт возник в результате постоянного расширения территории французского государства, что заставило королей Франции приступить к созданию верховных суверенных (то есть таких, на которые не было апелляции) судебных палат в провинциях. Это должно было облегчить задачу Парижского парламента (высшего суда), который был слишком завален делами. В некоторых провинциях местные высшие суды, созданные еще до присоединения их к королевскому домену, были преобразованы в парламенты по образцу парижского, в других местах парламенты были созданы вновь. Однако начиная с XVI века французские короли вели регулярное наступление на парламенты, видя в их притязаниях на участие в управлении государством покушение на свои верховные права. Парламенты же стали воспринимать себя в качестве охранителей установившегося во Франции порядка и защитников интересов страны, главным образом Третьего сословия, из которого выходило большинство их членов. Под влиянием общего недовольства правительством во французском обществе все более утверждался взгляд на парламенты как на последних защитников интересов нации и законности. Борьба, начатая Рейнским парламентом по поводу новых налогов, вызвала вмешательство Парижского и других парламентов, оказавшихся солидарными в противодействии правительству. В 1771 году Людовик XV уничтожил парламенты, но уже в 1774 году восстановил их, после чего парламенты до самого начала революции выступали на стороне привилегий и тормозили проекты необходимых реформ.

К стр. 102: ' —

Танги де ла Буасьер, Клод-Корентен, французский публицист из Сан-Доминго (ныне — Доминиканская Республика), откуда он после восстания рабов в 1793 году переехал в Филадельфию и издавал там газету «Американская звезда».

К стр. 102: "" —

оппозиции Эдмунда Бёрка политике Георга III — Эдмунд Бёрк (1729—1797), известный английский публицист, считающийся

основателем идеологии консерватизма, выступал за более терпимое отношение к английским колониям в Америке и настаивал на отмене правительством Акта о гербовом сборе, который стал одним из поводов для войны колоний за независимость. Кроме того, Бёрк критиковал английское правление в Ирландии, особенно за дискриминацию католиков, и был против попыток Георга III усилить королевскую власть, доказывая необходимость создания политических партий, которые могли бы отстаивать определенные принципы.

К стр. 102: "" —

Джосия Веджвуд (1730—1795) — основатель известной английской компании по производству керамики, происходил из семьи потомственных гончаров, был дедом Чарльза Дарвина.

К стр. 102: "" —

благодарил свою звезду и лорда Норта — имеется в виду Фредерик Норт (1732—1792), 12-й премьер-министр Великобритании (1770—1782), при котором произошла Война за независимость США.

К стр. 103, сн. 129: " —

две выступавшие против статхаудера группы — Речь идет о периоде правления Вильгельма V Оранского (1748—1806), последнего статхаудера (штатгальтера) Нидерландов (с 1751 года), который проводил политику, зависимую от соседних держав. Сначала он ориентировался на Англию, с правителями которой был связан узами близкого родства, но в 1782 году англичане под надуманным предлогом развязали против голландцев очередную войну. Военные неудачи привели к расколу голландского общества на сторонников штатгальтера (оранжистов) и оппозицию, в которой наиболее видное место принадлежало партии патриотов, потребовавшей от Вильгельма немедленных государственных преобразований. Не желая идти на уступки, штатгальтер в конечном итоге обратился за помощью к своему шурина, королю Пруссии Фридриху Вильгельму II, который в 1787 году направил в Голландию 26 тысяч солдат. Патриотам пришлось покинуть Голландию и бежать на север Франции, но уже в 1794 году они примкнули к французской революционной армии, вступившей в Голландию. Вильгельм V бежал в Англию, после чего на его наследных землях была создана Батавская республика.

К стр. 103, сн. 131: "" —

rentes viagères ne были «займами» в точном смысле слова, в отличие от rentes perpetuelles — Аннуитет представляет собой вид государственного займа, по которому кредитор периодически получает определённый доход (ренту), устанавливаемый с расчётом на постепенное погашение капитальной суммы долга и процентов по нему. Пожизненный аннуитет (*rentes viagères*) предполагает, что право получения дохода принадлежит только непосредственному кредитору, а выплата ренты прекращается со смертью владельца. В 1778, 1779 и 1781 годах во Франции были выпущены пожизненные аннуитеты со

ставкой 10% вне зависимости от возраста подписчика. В отличие от пожизненного аннуитета, вечный аннуитет (*rentes perpetuelles*) не предполагает срока для прекращения платежа процентов на занятый капитал, проценты с этих сумм переходят по наследству.

К стр. 103, сн. 131: "" — *ассигнации* — После неудачного эксперимента с системой Лоу в 1719—1720 годах во Франции не было бумажных денег, но в последние годы Старого порядка катастрофическое финансовое положение вновь заставило прибегнуть к этому инструменту. Накопившийся к 1788 году государственный долг приблизительно в 5 млрд ливров принуждал выплачивать проценты в 310 млн ливров, что было почти равно остальным расходам государства. Именно необходимость введения новых налогов вынудила короля созвать Генеральные штаты, но революция еще более ухудшила состояние финансов, поскольку не поступали ни новые, ни старые налоги — население не торопилось платить, ожидая перемен. С целью пополнения казны епископ Отенский Талейран предложил передать в распоряжение нации церковные земли и затем пустить их в продажу; 2 ноября 1789 года был принят соответствующий закон. Для практической его реализации с января 1790 года начали выпуск государственных процентных бумаг (ассигнаций) на общую сумму 400 млн ливров. По ассигнациям выплачивался доход 5% годовых (с апреля 1790 года — 3%), с их помощью предполагалось покрыть значительную часть внутреннего государственного долга. Однако общий долг продолжал возрастать. Продажа национализированной собственности, стоимость которой превышала 3 млрд ливров, шла недостаточно быстро, а деньги нужны были немедленно. Поэтому в Учредительном собрании был поставлен вопрос о дополнительной эмиссии ассигнаций, которым предлагалось придать функции бумажных денег. Предложение вызвало острую дискуссию, в которой главным сторонником эмиссии выступил Мирабо. В сентябре 1790 года Учредительное собрание приняло решение о выпуске бумажных денег (папье-моннэ) на сумму 800 млн ливров. Чтобы повысить доверие к ассигнациям, правительство не препятствовало их обмену на монету. Сначала ценность ассигнаций в металлических деньгах составляла 91% их нарицательной стоимости — уже этого было достаточно, чтобы металлическая монета, в том числе мелкая, исчезла из обращения. После этого предприниматели, а затем администрации и банки начали выпускать условные знаки оплаты из металла, картона и кредитные билеты местного значения. В январе 1792 года рыночный курс ассигнаций составлял в Париже 63% от номинальной стоимости, что привело к росту цен на предметы первой необходимости. Возрождение

продуктов стало причиной продовольственного кризиса, который охватил всю Францию и вызвал волнения в Париже и во многих департаментах. К осени 1792 года, когда произошли свержение Людовика XVI, провозглашение республики и созыв Конвента, общая сумма напечатанных ассигнаций достигла 3,2 млрд ливров, а их курс упал до 40% от номинала. При этом начавшиеся революционные войны требовали резкого увеличения государственных расходов. В этих условиях возобладал взгляд, что для спасения революции хороши любые средства, и были декретированы новые выпуски ассигнаций. К середине 1794 года, времени падения якобинцев, общая сумма выпущенных бумажных денег достигла по номинальной стоимости 11 млрд ливров. В декабре 1794 года Конвент отменил законы о твердых ценах, поскольку их можно было поддерживать только террором, но для обеспечения государственных расходов был вновь пущен в ход печатный станок. В 1795 году было напечатано ассигнаций на 30 млрд ливров — в три раза больше, чем за все предыдущие годы вместе взятые. Наплыв бумажных денег вызвал новое повышение цен, страдания бедноты стали нестерпимыми, что привело к двум восстаниям весной 1795 года (упоминаемые в прим. 257 *Жерминаль* и *Прериаль*). К осени 1795 года ассигнации уже практически ничего не стоили и оценивались всего в 1% от номинала. В феврале 1797 года было объявлено о полном отказе от бумажных денег и переходе на металлическую валюту, но ликвидация бумажных денег сопровождалась длительным расстройством хозяйственной жизни страны. Государственная финансовая система пришла в относительное равновесие лишь к 1801 году (См. Юровский В.Е. Бумажные деньги Великой Французской революции // Вопросы истории, 1998, № 8, с. 151—158).

К стр. 104: * —

десятилетия после Плесси — имеется в виду сражение у берегов реки Бхагиратхи в Западной Бенгалии, в котором 23 июня 1757 года британский полковник Роберт Клайв, представлявший интересы Британской Ост-Индской компании, нанёс сокрушительное поражение войскам бенгальского наваба Сирадж уд-Даула, на стороне которого выступала Французская Ост-Индская компания. Эта победа предопределила английское завоевание Бенгалии, поэтому именно с неё принято начинать отсчёт британского владычества на Индийском субконтиненте.

К стр. 105, сн. 141: * —

лорд Кармартен — Фрэнсис Годольфин Осборн, пятый герцог Лидс (1751—1799), в 1783 году был избран послом во Франции, но вместо этого занял пост государственного секретаря иностранных дел в кабинете Уильяма Питта-младшего и оставался в этой должности до 1791 года.

- К стр. 106: ' — казалось, что Людовик колеблется — точка зрения Валлер-стайна довольно спорна, поскольку дальше Людовик написал: «Система г-на Тюрго — только прекрасный сон, утопия благонамеренного человека, но низвергающая установленные порядки. Идеи г-на Тюрго опасны, и их новизна требует отпора».
- К стр. 106, сн. 145: " — *Кастри* — Шарль-Эжен-Габриэль де ла Круа, маркиз де Кастри (1727—1801) — маршал Франции, в 1780—1787 годах государственный секретарь военно-морского флота.
- К стр. 106, сн. 145: "" — *Арну, Амбруаз-Мари* (1757—1812) — французский политический деятель и автор нескольких сочинений по политэкономии, был членом Конвента, Трибуната и государственным контролером. Основные сочинения: «О балансе торговли» (1791), «Система морской политики» (1797), «Общая история финансов во Франции» (1806) и др.
- К стр. 107, сн. 149: ' — *Райневаль* — Жозеф-Маттей-Жерар де Райневаль (1736—1812), подсекретарь при графе де Вержене, автор меморандума «Размышления о ситуации в Америке». В 1782 году совершил несколько секретных миссий в Англию с целью подписания мира с американскими колониями.
- К стр. 107, сн. 149: " — *стремились к политике „взаимных зачетов“ в духе Бриана* — имеется в виду французский политический деятель Аристид Бриан (1862—1932), 11 раз возглавлявший кабинет министров Франции. После Первой мировой войны Бриан пытался создать систему коллективной безопасности при помощи серии договоров между крупнейшими мировыми державами, наиболее известным из которых стал пакт Бриана-Келлога, содержавший идею отказа от войны как орудия национальной политики и подписанный в 1928 году 15 странами. За свои миротворческие усилия Бриан был награжден Нобелевской премией мира, но события 1930-х годов продемонстрировали их тщетность.
- К стр. 107, сн. 150: "" — *Дюпон-де-Немур, Пьер-Самуэль* (1739—1817) — один из представителей экономической школы Франсуа Кенэ. В 1767—1768 годах издал в двух томах собрание его сочинений под общим названием «Физиократия», и с этого момента термин стал общепринятым для группы экономических писателей, разделявших главные воззрения Кенэ. Дюпон-де-Немур принимал деятельное участие в заключении франко-английского торгового договора 1786 года; в 1792 году, после того как его типография была разрушена толпой, переселился в США.
- К стр. 109, сн. 153: ' — *Питт* — имеется в виду Уильям Питт-младший (1759—1806), премьер-министр Великобритании в 1783—1801 и 1804—1806 годах.
- К стр. 109, сн. 153: " — *Холкер, Джон* (1719—1786) — уроженец Манчестера, якобит, мануфактурщик. Бежав из английской тюрьмы, обосновался во Франции, где передал правительству ряд секретов изготовления

шерстяных тканей. Наладил во Франции работу по переманиванию из Англии лучших технических кадров. Считается изобретателем джинсов.

К стр. 109: "" —

Шанталь, Жан-Антуан-Клод (1756—1832), граф Шантелу. Французский химик и государственный деятель, по профессии врач. Сразу стал на сторону революции, в 1800 году назначен министром внутренних дел. На этом посту Шанталь стремился покровительствовать промышленности и торговле, содействовал улучшению путей сообщения, но в 1804 году вышел в отставку из-за разногласий с Наполеоном.

К стр. 111: ' —

Фокс, Чарльз Джеймс (1749—1806) — английский парламентарий и политический деятель, оппонент короля Георга III, идеолог либерализма, лидер радикального крыла партии вигов.

К стр. 111: "" —

Семейный договор — соглашение, заключенное 15 августа 1761 года по инициативе Шуазёля между Францией и Испанией, троны которых в то время занимали представители династии Бурбонов Людовик XV и Карл III. Целью договора было подорвать могущество Англии. Обе державы вступили в оборонительный и наступательный союз и гарантировали друг другу целостность своих владений. После этого Испания приняла участие в Семилетней войне. На основании этого же договора Испания в 1793 году объявила войну Французской республике.

К стр. 117: ' —

В знаменитую ночь 4 августа 1789 года — имеется в виду заседание Учредительного собрания Франции, которое, как принято считать, положило конец феодальному строю, отменив привилегии двух правящих классов, духовенства и дворянства.

К стр. 118, сн. 195: ' —

вопреки роялистским движениям (les chouanneries) — имеется в виду т. н. восстание шуанов 1793—1800 годов, начавшееся близ Лавала в нынешнем департаменте Майенн. Вождь восстания Жан Коттро был горячим приверженцем Людовика XVI и после свержения монархии поднял Нижний Мен. К крестьянам Коттро присоединились их соседи, потом другие округа, в итоге восстание было окончательно подавлено только при Наполеоне.

К стр. 121, сн. 202: ' —

разрыву Бонапартом Амьенского договора 1802 года — мирный договор, заключенный 25 марта 1802 года в Амьене между Францией, Испанией и Батавской республикой, с одной стороны, и Англией — с другой. Завершил войну между Францией и Англией 1800—1802 годов и зафиксировал распад второй антифранцузской коалиции. Однако этот договор оказался лишь кратким перемирием. Англия отказывалась выполнять условия договора, в частности, покинуть Мальту, на чём особенно настаивал Наполеон, и это стало поводом для возобновления войны. 13 марта 1803 года на приёме в Тюильри Наполеон закончил резкий разговор с английским послом лордом Витвортом восклицанием: «Мальта или война!» Последовавшие затем

двухмесячные переговоры были безрезультатны, и 22 мая Англия объявила войну Франции.

К стр. 121: " —

Exclusif — имеется в виду утвержденное созданным в ходе революции комитетом по колониям исключительное право французских купцов поставлять товары во французские колонии и торговать их продукцией.

К стр. 121: "' —

Навигационный акт 1793 года был принят по инициативе Робеспьера, который, в отличие от жирондистов, стоявших на позициях фритредерства, видел в Англии главного врага Франции. После большой речи Робеспьера от имени Комитета общественного спасения Конвент принял Навигационный акт, запрещавший доступ во Францию английским судам. В дальнейшем, уже после падения якобинцев, принципы Навигационного акта были распространены на все завоеванные Францией области, а Наполеон превратил их в идею Континентальной блокады Англии.

К стр. 122: ' —

Руссо действительно четко сформулировал эту проблему в своем различении общей и всеобщей воли — в сочинении «Об общественном договоре» Ж.-Ж. Руссо рассматривал «всеобщую волю» как волю верховной власти. Каждый член общества участвует во всеобщей воле в качестве гражданина, но он может также в качестве индивидуума обладать индивидуальной волей, которая приходит в столкновение со всеобщей волей. Общественный договор предполагает, что всякий, кто отказывается подчиниться всеобщей воле, должен быть принужден сделать это. Однако, по Руссо, всеобщая воля как воля, принадлежащая государству как таковому, которая всегда права и всегда стремится к общественной выгоде, не идентична с волей большинства или даже с волей всех граждан («общей волей», или «волей всех»).

К стр. 122, сн. 208: " —

французскому правительству пришлось допустить прусское вторжение в Голландию — В 1787 году прусский король Фридрих-Вильгельм II вмешался в беспорядки в Голландии, вызванные противостоянием оранжистов и оппозиции (см. выше, прим. к стр. 103, сн. 129), и послал туда армию для защиты штатгальтера Вильгельма V, своего зятя. Пруссаки без сопротивления дошли до Амстердама и восстановили порядок, после чего Пруссия, Англия и Голландия заключили между собой договор.

К стр. 125, сн. 214: ' —

25 июня 1789 года — День признания Людовиком XVI Национального собрания как единого представительства трех сословий. 17 июня 1789 года собрание Третьего сословия провозгласило Генеральные штаты Национальным собранием. 20 июня депутаты собрались в зале, служившем ранее для игры в мяч, и приняли клятву не расходиться до тех пор, пока не будет выработана и принята конституция. 23 июня на созванном королем заседании

трех сословий Людовик XVI объявил все постановления Национального собрания недействительными и предложил сословиям снова разделиться по палатам, сохраняя прежнюю обособленность. После этого Людовик XVI и первые два сословия покинули зал заседаний. Однако ученый-астроном Байи, избранный председателем Национального собрания, объявил это заседание открытым, затем по предложению Мирабо собрание провозгласило неприкосновенность личности депутатов, а попытки покушения на эти права постановило считать государственным преступлением. Уже 24 июня значительная часть духовенства и дворянства поспешили присоединиться к Национальному собранию, после чего король был вынужден уступить.

К стр. 128, сн. 228: * — *grande culture... petite culture* — два типа хозяйствования и аграрных производственных отношений, свойственных для разных частей Франции. Основу свойственной для севера Франции *grande culture* составляли крупные фермеры-арендаторы, использовавшие лошадей, технику и трехпольную систему и имевшие доступ к капиталу; в основе характерной для юга Франции *petite culture* лежали издольщина (метейж), использование быков в полевых работах и двухпольного севооборота при неэффективном налогообложении. Основная идея физиократов заключалась в том, чтобы везде, где это возможно, трансформировать *petite culture* в *grande culture*.

К стр. 128: ** — *Великий страх* — период всеобщей паники во Франции с 19 июля по 6 августа 1789 года. После захвата Бастилии в провинциях вспыхивали бунты и восстания крестьян и бедноты в обстановке слухов об «аристократическом заговоре» короля и его приближенных. Крестьяне восставали против землевладельцев, нападали на дворцы аристократов и уничтожали феодальные документы. Для умирения крестьян Национальное собрание объявило отмену феодального правления и представило Декларацию прав человека и гражданина.

К стр. 129, сн. 234: * — *Виконт де Ноай*, Луи-Мари (1756—1804) — шурин маркиза де Лафайета, участвовал в Американской войне за независимость. В 1789 году он был избран в Генеральные штаты от дворянства, но вечером 14 июля предложил отменить привилегии аристократов, его речь была встречена народным ликованием. В 1791 году де Ноай возглавил Учредительное собрание, но после начала Террора в мае 1792 года эмигрировал в Англию, а в затем в США.

К стр. 129, сн. 234: ** — *посредством законов 28 августа 1792 года и 10 июля 1793 года* — аграрный закон 28 августа 1792 года отменял параграф 4-й главы 25-го ордонанса о водах и лесах 1669 года, а также все подзаконные акты, которые позволяли обязательный выдел одной трети угодий в пользу сеньора. 10 июня 1793 года был принят декрет, возвращавший крестьянским общинам

захваченные дворянством земельные угодья и предусматривающий возможность раздела общинных земель в том случае, если за это выскажется одна треть жителей. Поделенная земля становилась собственностью крестьян.

К стр. 131, сн. 241: ' — *нормандский бокаж* — имеются в виду аграрные беспорядки в Нижней Нормандии, для которой характерен тип ландшафта, известный как бокаж (пастбища, поля и луга отделены друг от друга и окружены земляными насыпями, увенчанными живой изгородью, рядами деревьев, лесопосадками или подлеском).

К стр. 131: " — *требование максимума [цен] было удовлетворено якобинской буржуазией не добровольно* — 1 мая 1793 года в Конвент явилась депутация от Версаля, требовавшая установить максимальные цены на хлеб, 3 мая под давлением народных угроз был принят соответствующий декрет. Он предполагал, что все владельцы хлеба обязаны заявить об имеющихся у них его количествах, а продавать хлеб можно лишь на общественных рынках, в присутствии особых надсмотрщиков. В каждом департаменте устанавливался максимум цены, выведенный из средней рыночной стоимости хлеба с 1 января по 1 мая 1793 года. Следующий декрет, от 11 сентября, также изданный под давлением парижской бедноты, устанавливал единообразный максимум для всей Франции до 1 октября 1794 года (14 ливров за квинтал). Из-за подорожания всех товаров декрет от 29 сентября 1793 года установил цены на все предметы первой необходимости; за нарушение его назначались штраф и занесение в список подозрительных. В то же время декрет 1 ноября 1793 года устанавливал прибыль оптового торговца в 5%, а розничного в 10% и определял вознаграждение за провоз; разорившимся купцам назначалось пособие от государства. Однако в действительности максимум не соблюдался, рынки стали пустеть, контрабанда сделалась почти всеобщей, и уже после свержения якобинцев 24 декабря 1794 года Конвент отменил все законы о максимуме.

К стр. 132: ' — *закон Ле Шпелье* — закон о запрете стачек и рабочих коалиций, принятый Учредительным собранием 14 июня 1791 года по инициативе якобинца Исаака-Рене-Ги Ле Шпелье (1754—1794). Действовал до 1864 года.

К стр. 132, 248: " — *в деяниях „английского комитета“* — имеется в виду один из многочисленных заговоров против Наполеона, в которых небезосновательно усматривали «английский след». Например, один из вождей шуанов Жорж Кадудаль регулярно перемещался между Францией и Англией, контактируя там с роялистами-эмигрантами. В 1803 году вместе с несколькими заговорщиками он отправился из Лондона в Париж для нападения на Наполеона, но был арестован и казнен..

- К стр. 134: ' — 2 июня [1793 года] — день свержения жирондистского правительства и начала якобинской диктатуры.
- К стр. 134: " — 10 августа 1792 года произошло восстание в Париже, в ходе которого Людовик XVI был свергнут и заключен под стражу. Поводом для восстания стали слухи о возможном вторжении австрийских армий и сговоре с ними короля. В результате монархия во Франции была фактически ликвидирована (формально упразднена 21 сентября), к власти пришла партия жирондистов, а монархисты были изгнаны из парламента.
- К стр. 135: ' — По ту сторону революции, которую так хорошо понимал Жорес, находилась революция, инстинктивно ощущаемая Мишле — В данном случае противопоставляются два различных подхода к французской истории, один из которых олицетворяет лидер французских социалистов Жан Жорес (1859—1914), автор шеститомной истории Французской революции, а другой — Жюль Мишле (1798—1874), последовательный антисоциалист.
- К стр. 136: ' — Французская революция периода Учредительного и Законодательного собраний — Имеется в виду промежуток от 17 июня 1789 года до 21 сентября 1792 года. До 30 сентября 1791 года высшим представительным органом революционной Франции было Учредительное (Национальное) собрание (Конституционная ассамблея), преемником которого после принятия Конституции 1791 года стало Законодательное собрание. Последнее после восстания 10 августа 1792 года и свержения монархии уступило место Национальному Конвенту, избранному всеобщим голосованием.
- К стр. 137: ' — интеллектуальной реакции на революцию Бёрка и де Местра — Эдмунд Бёрк (1729—1797) крайне негативно воспринял события революции, считая их ужасной демонстрацией власти толпы. В книге «Размышления о Французской революции», опубликованной в 1790 году, Бёрк утверждал, что свобода может быть только в рамках закона и порядка и что реформы должны осуществляться эволюционным, а не революционным путём. В итоге взгляды Бёрка возобладали и убедили большинство вигов поддерживать решение правительства консерваторов (тори) Уильяма Питта-младшего вступить в войну с Францией. Французский философ Жозеф де Местр (1753—1821) в работе «Размышления о Франции» (1796) назвал причиной революции божественный замысел, цель которого состояла в очищении Франции от элементов, виновных в «покушении, совершённом на верховную власть во имя нации». Такими элементами де Местр считал выродившиеся либеральное дворянство и духовенство, которые попали под влияние философов Просвещения.
- К стр. 140, сн. 282: ' — Красавчик Браммел — Джордж Брайан Браммел (1778—1840) — английский денди, законодатель моды в эпоху Регентства.

Среди прочего, ввел в моду современный мужской черный костюм с галстуком, ставший деловой и официальной одеждой.

К стр. 142: * —

утрата Сан-Доминго — Имеется в виду западная часть острова Гаити, или Санто-Доминго (по-французски Сан-Доминго, или Сен-Домен). В 1697 году по Рисвикскому миру Испания официально признала французской территорией западную треть острова, где к тому времени уже обосновались французские буканьеры и колонисты. К 1789 году Сан-Доминго была одной из самых важных европейских колоний, производящей 40% сахара в мире. На Гаити насчитывалось, по меньшей мере, 500 тысяч чернокожих рабов — около половины от общего числа рабов на островах Карибского моря. Ведущее положение в обществе занимали 40 тысяч французских белых колонистов, а также на острове было 28 тысяч свободных «цветных», многие из которых разбогатели и владели плантациями. В 1789—1790 годах богатый плантатор-мулат Венсан Оже побывал в Париже, где истолковал принятые Учредительным собранием Франции законы как дающие равные права белым и богатым мулатам. Вернувшись, Оже потребовал предоставить мулатам избирательное право, но был казнен. Это спровоцировало масштабное восстание рабов под предводительством Туссен-Лувертюра, которое вскоре охватило весь остров Гаити. В июле 1801 года колониальное собрание приняло конституцию, согласно которой Сан-Доминго оставалось владением Франции, но получало автономию, рабство отменялось, а Туссен-Лувертюр провозглашался пожизненным губернатором. Наполеон отказался признать конституцию и отправил на остров войска. Французам удалось обманом взять в плен Туссен-Лувертюра, но в конце 1803-го году их армия потерпела поражение, после чего в западной части острова была провозглашена Республика Гаити, а восточная вернулась под испанский контроль. Более подробно об этих событиях см. главу 4.

К стр. 143, сн. 293: * — *«отсечение» 1793 года* — имеются в виду действия английского флота, наносившие огромный ущерб французской океанской торговле и колониям, которые начались после объявления Францией войны Великобритании и Голландии в феврале 1793 года.

К стр. 146, сн. 314: * — *прусская угроза 1794 года* — имеется в виду национально-освободительное восстание в Польше, начавшееся 12 марта 1794 года в городе Пултуске в Мазовии, который в ходе разделов Польши был присоединен к Пруссии. Восстание в Польше продлилось до ноября 1794 года, оттянув на себя значительную часть сил антифранцузской коалиции, что облегчило положение Франции в самый напряженный период революции.

К стр. 147: * —

«бешеные» — одна из наиболее радикальных фракций Великой Французской революции, представлявшая интересы городской бедноты. До переворота 31 мая — 2 июня 1793 года находились в

тактическом союзе с якобинцами против жирондистов. Требования «бешеных» включали закон о всеобщем максимуме цен, смертную казнь за спекуляцию, массовый революционный террор против всех врагов революции, удаление бывших привилегированных лиц со всех должностей в военной и гражданской администрации, взятие в качестве заложников членов семей эмигрантов и т.д. 4—5 сентября 1793 года под влиянием народных волнений масс якобинцы были вынуждены частично принять многие требования плебейских масс, сформулированные от их имени «бешеными». Однако в дальнейшем якобинцам удалось изолировать лидеров «бешеных» и расправиться с ними; лидер фракции Жак Ру покончил с собой в феврале 1794 года, не дожидаясь суда.

К стр. 148: ' —

спинхемлендская «система пособий» и антикомбинационные акты 1799 года — Спинхемлендская система названа по имени деревни Спинхемленд, где собрались 6 мая 1795 года мировые судьи графства Беркшир, чтобы выработать программу борьбы с бедностью, поскольку существовавшие в Англии законы о бедных к тому времени устарели. Спинхемлендская система подразумевала выплату пособий лицам и семьям, чей доход был ниже суммы, достаточной для покупки хлеба, необходимого для поддержания жизни всех членов семьи. Если рыночная стоимость хлеба возрастала, пособие тоже должно было вырасти. Право на получение пособий имели также работающие бедняки, что подтолкнуло работодателей к резкому сокращению заработных плат и привело к распространению неполной занятости. Под Антикомбинационными актами имеются в виду два закона, направленных против объединения (combination) рабочих для защиты своих прав. Первый из них («Акт, предотвращающий незаконное объединение рабочих») был принят в 1799 году, за ним последовал дополнительный акт 1800 года.

К стр. 149, сн. 332: ' — *Каннинг, Джордж (1770—1827)* — английский политический деятель, представитель либерального крыла партии тори, министр иностранных дел (1807—1809, 1822—1827), премьер-министр Великобритании (1827).

К стр. 151: ' —

Между 1793 и 1816 годами Британия получила в атлантической зоне

Сент-Люсия — остров, входящий в Наветренные острова Вест-Индии, расположен между островами Сент-Винсент и Мартиника. Долгое время был сценой непрекращающегося конфликта между Англией и Францией, переходил из рук в руки 14 раз, привлекая своей удобной бухтой Кастри. В 1803 году Сент-Люсию в очередной раз захватили англичане, и в 1814 году она, в соответствии с Парижским договором, отошла к Великобритании.

Тринидад — крупный остров у берегов нынешней Венесуэлы, является основной территорией государства Тринидад и-Тобаго. Изначально принадлежал Испании, но испанцы почти забросили всяческие попытки развить эту колонию, и в 1797 году остров перешел под юрисдикцию британской короны. *Тобаго* — небольшой остров в Атлантическом океане, к северо-востоку от острова Тринидад. Окончательно перешел под английский контроль в 1797 году.

Батерст — ныне столица Гамбии Банджул; основан в 1816 году как британский торговый пост и центр поставки рабов. Населенный пункт был назван в честь Генри Батерста, секретаря британского министерства по делам колоний; современное название город получил в 1973 году.

Сьерра Леоне — Территория на атлантическом побережья Западной Африки, ныне государство, граничащее с Гвинеей и Либерией. В конце XVIII века участок местного побережья был куплен англичанами для поселения бывших рабов, получивших свободу за участие в Американской войне за независимость против Великобритании. Общими силами освобождённых рабов здесь было основано поселение Фритаун («город свободных»), управление которым перешло в руки английской колониальной Компании Сьерра-Леоне. В 1808 году Фритаун и его окрестности официально перешли под власть британской короны, после чего в течение XIX века британцы постепенно заняли всю территорию современного государства Сьерра-Леоне, преодолев сопротивление французов.

Остров Вознесения — расположен в южной части Атлантического океана, посередине между Африкой и Южной Америкой, оставался необитаемым вплоть до 1815 года, когда там разместился небольшой британский гарнизон. После 1821 года стал базой, снабжающей провиантом суда, препятствовавшие работорговле на западноафриканском побережье.

Остров св. Елены — одна из старейших британских колоний в Атлантике, был захвачен у голландцев в 1659 году, после чего на острове разместились пункт снабжения водой и продовольствием морских судов на пути в Индию и военная база.

Тристан-да-Кунья — архипелаг в южной части Атлантики, первая высадка на него была осуществлена французскими моряками в 1767 году. В 1815 году Великобритания аннексировала эти острова, и до открытия Суэцкого канала они имели стратегическое значение при путешествии из Европы и Восточной Америки в Индийский океан.

Гоф — небольшой вулканический остров в южной части Атлантического океана в составе архипелага Тристан-да-Кунья.

Капская колония — первая голландская переселенческая колония в районе мыса Доброй Надежды с центром в городе Капстад, который был переименован в Кейптаун после того, как в 1806 году колонию захватила Великобритания.

Маврикий — остров в юго-западной части Индийского океана, к северу от Мадагаскара. С 1715 года принадлежал Франции как колония Иль-де-Франс. В 1810 году после победы, одержанной английскими войсками над французскими гарнизонами, остров перешёл во владение Британии и в 1814 году по Парижскому договору официально стал британской колонией.

Сейшелы — англичане первыми из европейцев высадились на Сейшельский архипелаг еще в 1609 году, но его освоение начали французы, которые с 1756 года стали создавать там плантации корицы, гвоздики и ванили и дали островам название по имени министра финансов Франции Моро де Сешелля. В 1794 году архипелаг захватила Британия, и в 1814 году он окончательно вошел в состав Британской империи по Парижскому миру.

Лаккадивские острова — архипелаг в Индийском океане, рядом с юго-западным побережьем Индостана. После третьей войны англичан с султаном Майсора 1789—1792-го годов перешли к Британии.

Мальдивские острова — До 1760 года на Мальдивах находился французский военный гарнизон, защищавший острова от вторжений, затем официальными защитниками Мальдивских островов стали голландцы, а в 1796 году им на смену голландцам пришли англичане. Официально протекторат Британии над архипелагом был установлен только в 1885 году.

Андаманские острова — архипелаг в восточной части Индийского океана между Индией и Мьянмой. В 1789 году архипелаг был завоёван англичанами под командованием лейтенанта Арчибалда Блэра, однако впоследствии колонизаторам пришлось бороться с многочисленными восстаниями.

Цейлон — В 1796 году голландские владения на острове были полностью завоёваны англичанами, в 1802 году Британский Цейлон был объявлен колонией Британской империи, а в 1815 году было ликвидировано последнее сингальское королевство.

Пенанг — остров в северо-западной части Малайзии, близ границы с Таиландом. В Европе стал известен благодаря английскому капитану и торговцу Фрэнсису Лайту, который в 1786 году от имени Ост-Индской компании приобрёл его у султана Кедаха в обмен на защиту от Сиам и Бирмы. В 1805 году Пенанг стал управляться из Бенгалии.

Новый Южный Уэльс — штат на юго-востоке Австралии, самая старая и густонаселённая административно-территориальная единица страны. Основан в январе 1788 года в момент высадки

английских поселенцев, которые основали здесь первое европейское поселение Сидней.

Новая Зеландия — Явный анахронизм. Несмотря на то что формально большая часть территории Новой Зеландии, открытой Джеймсом Куком в 1768 году, относилась к австралийской колонии Новый Южный Уэльс, первое европейское поселение здесь было образовано только в 1814 году. В 1827 году в Новой Зеландии был назначен первый аглийский губернатор Уильям Хобсон, который подписал с местными племенами маори так называемый договор Вайтанги, согласно которому Новая Зеландия признавалась принадлежащей Великобритании.

Маккуори — остров в южной части Тихого океана (около 1500 км к юго-востоку от Тасмании). Открыт в 1810 году капитаном шхуны Фредериком Хасселборо, назван в честь генерал-губернатора британской колонии Новый Южный Уэльс Лаклана Маккуори.

острова Кэмпбелла — вулканический архипелаг в Тихом океане, расположен примерно в 600 км к югу от Южного острова Новой Зеландии. Открыт в 1810 году капитаном Фредериком Хасселборо и получил своё название в честь предпринимателя Роберта Кэмпбелла.

Окленд — необитаемый остров к югу от Новой Зеландии, самый крупный остров одноимённого архипелага, открыт в 1806 году.

остров Лорд-Хау — небольшой вулканический остров к востоку от побережья штата Новый Южный Уэльс. Был открыт 17 февраля 1788 года британским кораблём под командованием лейтенанта Лидгберда, плывшим с заключёнными на борту из Австралии на остров Норфолк. Первые поселенцы прибыли на остров из Новой Зеландии в 1834 году.

Чатем — архипелаг, расположенный приблизительно в 800 км к востоку от основной части Новой Зеландии. Открыт в 1791 году, назван в честь Джона Питта, первого лорда Адмиралтейства, второго графа Чатема.

Мальта — В 1798 году остров был захвачен Наполеоном, направлявшимся в Египет. Наполеон упразднил власть рыцарского ордена, но его власть продлилась недолго, поскольку 5 сентября 1800 года англичане заняли столицу Мальты Валлетту. По условиям Парижского мира 1814 года Мальта отошла Великобритании. Англичане превратили её в свою колонию и военно-морскую базу.

Ионические острова — группа островов в западной и юго-западной части Греции (Корфу, Паксос, Левкада, Фиакки (Итака), Кефалония, Закинф, Китира). В 1797 году генерал Наполеон Бонапарт, покорив Венецию, захватил и эти острова, которые

присоединил к Франции, тогда как Венеция была уступлена Австрии. Через три года флоты Турции и России отняли архипелаг у Франции, после чего император Павел I образовал там республику Семи Островов под покровительством султана и русского императора. В 1807 году по Тильзитскому миру острова были уступлены Франции, но уже через два года англичане захватили их, кроме Корфу, который был отдан им по Парижскому миру (1814). На основании Второго Парижского мира (20 ноября 1815 года) острова были преобразованы в полусамостоятельное государство под покровительством Англии.

К стр. 142, сн. 359: * —

вклад в сокращение разрыва в численности населения и в подготовку будущего канала [для демографического оттока] — В 1800 году население Франции составляло около 28 млн человек, а Великобритании (включая Ирландию) — около 16 млн человек. Сто лет спустя показатели почти сравнялись (около 41 млн человек). Из-за быстрого демографического роста на протяжении всего XIX века и вплоть до 1930-х годов из Великобритании происходил отток населения, превосходивший иммиграционные потоки.

К стр. 154, сн. 360: * — *Верве* (фр. Verviers, валлон. Vervi) — пограничный с Германией город в Бельгии (Валлония), провинция Льеж.

К стр. 155: * —

Акт о парламентской реформе — Под влиянием Французской революции 1830 года в Англии активизировали свою деятельность сторонники парламентской реформы. В июне 1832 года после двухлетней напряжённой борьбы был утвержден Билль о реформе, ликвидировавший так называемые «гнилые местечки», которые фактически без борьбы давали места в парламенте аристократам. Новые избирательные округа были созданы преимущественно в промышленных городах, ранее не имевших представительства в парламенте, но трудящиеся избирательных прав не получили. Реформа 1832 года означала политический компромисс между земельной аристократией и крупной буржуазией, которая, по определению Маркса, была «признана господствующим классом и в политическом отношении». Более подробно Валлерстайн рассматривает эту реформу в томе IV.

3

К стр. 163: * —

ГЛАВА III

аро — подгруппа народности игбо (ибо), проживающей в юго-восточной части современной Нигерии. В конце XVII века организовали так называемую Конфедерацию аро в дельте реки Нигер, которая стала видным центром экспорта рабов и пальмового масла. Конфедерация прекратила свое существования после окончательного поражения от англичан только в 1902 году.

- К стр. 164: ' — *Дагомея* — Первые сведения о королевстве Дагомея в Западной Африке относятся к началу XVII века. В эпоху правления короля Агаджи (1708—1732) Дагомея сумела завоевать другое прибрежное королевство — Алладу, из которой происходила её правящая элита, получив прямой доступ к побережью. В рассматриваемый период Дагомея стала главным центром поставки рабов для латиноамериканских колоний. Продавая европейцам рабов, ее короли закупали огнестрельное оружие, с помощью которого проводили политику экспансии во внутренние территории.
- К стр. 164: " — *речь идет о понятии «торгового порта»* — В статье «Торговые порты в ранних обществах» (Polanyi K. Ports of Trade in Early Societies // Journal of Economic History. Т. 23. №1. March 1963, pp. 30—45, русский перевод опубликован в журнале «Историко-экономические исследования», 2004, №3) Карл Поланьи определяет «торговый порт» как институт или организацию, способные обеспечивать безопасность торговли в условиях ранней государственности, где «администрирование превалировало над „экономической“ процедурой конкуренции». В силу высоких рисков торговый порт был необходим для организации нейтральной зоны, а «архаическая особенность торговли заключалась в том, что она осуществлялась по установленным ценам и при помощи административных средств». Среди многочисленных примеров торговых портов Поланьи приводит африканские королевства Вайда и Дагомея на берегу Верхней Гвинеи, королевство Ангола на побережье Нижней Гвинеи.
- К стр. 164: "' — *Уида* — королевство, существовавшее на побережье Гвинейского залива в Западной Африке на территории современного государства Бенин. После первых посещений европейцами королевства в 1692—1700 годах оно стало продавать им рабов (в среднем 1000 человек каждый месяц) из внутренних областей Африки. В 1725 году Уида была захвачена Дагомеей и быстро приобрела репутацию столицы Невольничьего берега.
- К стр. 165, сн. 12: ' — *Ойо* — государство народа йоруба, существовавшее на юго-западе современной Нигерии в XV—XIX веках. Примерно со второй половины XVII столетия это государство вело завоевательные войны. Ойо-дагомейские войны 1726—1730-х годов закончились договором 1730 года, по которому Дагомея стала подданной частью Ойо, а территории к востоку от границы по озеру Ноке, рекам Зу и Веме были непосредственно поставлены под контроль Ойо. По договору 1748 года повысились налоги для Дагомеи, она потеряла контроль над работорговыми портами к востоку от города Джакин.
- К стр. 165, сн. 12: " — *король Гезо* взошёл на дагомейский престол в 1818 году, свергнув своего старшего брата Адандозана. В период правления

Гезо в стране процветала работорговля. Каждый год во время сухих сезонов король разворачивал успешные военные кампании против соседних африканских племён, в результате которых захватывалось большое количество военнопленных, впоследствии продаваемых в качестве рабов. Главным советником Гезо и монополистом на внешнюю торговлю был бразильский авантюрист Франсиску ди Соза. При Гезо окончательно прекратилась выплата Дагомеей дани государству Ойо, но в 1858 году Гезо погиб в бою с армией йоруба.

К стр. 166, сн. 14: " — *тарифы 1731 года* — Протекционистская таможенная политика Петра I не нашла последователей среди его преемников. В частности, вскоре после смерти Петра был поставлен вопрос о том, насколько полезен тариф 1724 года, установивший высокие покровительственные пошлины. Комиссия Правительствующего Сената, куда были переданы жалобы иностранных купцов, пришла к выводу, что внутреннее производство России не развивалось настолько, чтобы стоило в его интересах стеснять привоз иностранных продуктов. Кроме того, стала развиваться контрабанда. В результате тариф 1731 года фактически отменил систему, которая благоприятствовала российской промышленности. Согласно этому тарифу, на товары, не производившиеся в стране, вводилась умеренная пошлина от 4 до 10%, а на производившиеся — до 20%.

К стр. 166, сн. 14: " — *привилегии, пожалованные англичанам вслед за договором 1734 года* — Переговоры о заключении англо-русского торгового договора велись ещё в царствование Петра I. Во всех случаях, когда царь пытался склонить английское правительство к политическому союзу с Россией против Швеции, оно немедленно выдвигало предложение о предварительном заключении торгового договора, ссылаясь на привилегии, которыми английская Московская компания пользовалась в России ещё со времен Ивана Грозного и которые были отняты у неё в 1649 году. После разрыва англо-русских отношений в 1719 году переговоры прекратились и были возобновлены лишь в 1731 году, когда под давлением Бирона договор наконец был заключен. Англичане получили право наибольшего благоприятствования, значительные таможенные льготы при ввозе своего основного товара, сукна, и разрешение на транзитную торговлю с Ираном. Однако транзитная торговля Англии через Россию продолжалась всего несколько лет и была прекращена в конце 1740-х годов, поскольку Россия была сама слишком заинтересована в развитии экономических связей с Востоком.

К стр. 167, сн. 16: " — *смещение неспособной к действию династии Мин доблестной новой династией* — Упадок династии Мин стал очевиден в связи с засухами, неурожаями, экономическим кризисом, коррупцией

и произволом чиновников и войной с маньчжурами (1618—1644). В апреле 1644 года Пекин покорился восставшим крестьянам; последний минский император Чунчжэнь покончил жизнь самоубийством. После этого маньчжурская армия разбила восставших крестьян, заняла Пекин и провозгласила императором юного Айсиньгёро Фулиня (Шуньчжи) из новой династии Цин.

К стр. 168, сн. 17: ' — *Лоанго* — королевство на побережье Атлантического океана на территории современных Республики Конго и Демократической Республики Конго. Появилось в XIV веке как часть королевства Конго, от которого затем, между 1512 и 1570 годами, отделился народ фиоте, населявший королевство Лоанго. В XVIII веке Лоанго становится крупным торговым центром Западной и Центральной Африки, в 1883 году королевство было превращено в протекторат Франции.

К стр. 168, сн. 18: "" — *лузо-африканцев* — имеются в виду португальцы, родившиеся или постоянно проживающие в Африке.

К стр. 170: ' — *Румелия* (тур. Rumeli, от арабского названия Византии — Рум) — после завоевания Византии турками-османами турецкое название эялета (провинции), включавшего страны Балканского полуострова.

К стр. 170: "" — *Масулипатнам* (Мачхалипаттанам) — город в Индии, в штате Андхра Прадеш, порт на побережье Бенгальского залива, в дельте реки Кришна. Здесь была построена первая фактория Ост-Индской компании, в XVII веке Масулипатнам выступал в качестве торгового порта для французов, британцев и голландцев. *Сура́т* — город на западе Индии, в штате Гуджарат, где в 1613 году была основана первая английская торговая фактория в Индии. *Хугли* — город на северо-западе Индии, на берегу одноименной реки, в 40 километрах к северу от Калькутты.

К стр. 170: "" — *с 1757 по 1813 годы* — В 1757 году в битве при Плесси войска Британской Ост-Индской компании во главе с Робертом Клайвом одержали знаковую победу над бенгальским правителем Сираджа-уд-Доула — всего несколько залпов британской артиллерии обратили его войско в бегство. После победы при Буксаре (1764) компания получает право на правление Бенгалией, Бихаром и Ориссой, полный контроль над навабством Бенгалия и конфискует бенгальскую казну (изъято ценностей на сумму в 5,26 млн фунтов стерлингов). Экспансия британцев принимала две основные формы. Первой было использование так называемых субсидиарных договоров, когда местные правители передавали компании ведение иностранных дел и обязывались выплачивать «субсидию» на содержание армии компании, причем в случае невыплат территория аннексировалась британцами. Кроме того, местный правитель обязывался содержать британского чиновника («резидента») при своём дворе. Таким образом,

компания признавала «туземные государства» во главе с индустскими махараджами и мусульманскими навабами. Второй формой британской экспансии было прямое правление. В результате к 1813 году Ост-Индская компания захватила контроль над всей Индией, исключая Пенджаб, Синд и Непал.

К стр. 170: "" —

закон Корнуоллиса о постоянном землеустройстве (заминдари) — введен в 1793 году генерал-губернатором Индии Чарльзом Корнуоллисом (1738—1805) с целью поправить финансовые дела Ост-Индской компании и создать английским колониальным властям социальную опору в Индии. Корнуоллис издал указ о введении в Бенгалии так называемого постоянного обложения земли. Представителям старой феодальной знати (заминдарам) и откупщикам налогов было предоставлено наследственное право собственности на землю, с которой они должны были собирать фиксированный раз и навсегда налог. Единый размер налога позволял новым земельным собственникам путем расширения запашки и разными другими способами увеличивать ту часть ренты, которая оставалась у них (приблизительно 10% собираемого налога) и таким способом обогащаться. Заминдары часто увеличивали свои доходы путем сдачи в аренду крестьянам пустующих земель (как правило, на условиях ипольщины) либо предоставляя право сбора части налога субарендаторам. Последнее в свою очередь передавали его более мелким субарендаторам и т.д. В результате создания и поддержания такого сложного механизма англичане получили в Индии достаточно прочную социальную опору для усиления колониального господства.

К стр. 172: ' —

президентства — В середине XVII века для удобства управления фактории Ост-Индской компании были разделены на три группы, которыми управляли президенты (подчиняющиеся губернатору), размещавшиеся в Мадрасе, Бомбее и Калькутте. Так образовались Мадрасское (1640), Бомбейское (1687) и Калькуттское (1690), позднее Бенгальское, президентства. В конце 1750-х годов наваб Бенгалии Мир Касим передал компании право сбора налогов в нескольких богатейших округах своих владений, а Аллахабадский договор 1765 года юридически оформил зависимость от англичан Ауда, после чего из торгового предприятия Ост-Индская компания стала политической силой.

К стр. 173: ' —

Гуджарат — штат и историческая область Индии на северо-западе полуострова Индостан, у побережья Аравийского моря, крупнейший город — Ахмадабад.

К стр. 173: "" —

Синд — историческая область на северо-западе Индостана, ныне провинция Пакистана, в бассейне реки Инд, у Аравийского моря.

К стр. 174, сн. 58: ' —

Фарли, Джеймс Льюис (1823—1885) — ирландский банкир, дипломат и автор ряда книг, посвященных странам Востока.

Цитируемый фрагмент взят из его книги «Ресурсы Турции» (1862), где рассматривались вопросы прибыльного инвестирования капитала в Османской империи.

- К стр. 177, сн. 76: ' — *Биафра* — часть Гвинейского залива от устья реки Нигер до мыса Лопес (нынешний Габон). В 1972 году после гражданской войны в Нигерии за отделение государства Биафра залив был переименован правительством Нигерии в залив Бонни (по названию расположенного на побережье залива города) с целью ликвидировать сепаратистский топоним. В российской географии продолжает использоваться название Биафра.
- К стр. 180, сн. 88: ' — *Société des Amis des Noirs* — Общество друзей чернокожих, созданное в 1788 году Жаком Бриссо, членом масонской ложи Верности из Шартра и будущим лидером жирондистов, в котором состояли также аббат Сийес и Мирабо. Помимо отмены рабства, члены общества были сторонниками парламентской монархии английского типа.
- К стр. 180, сн. 90: " — *Веронский конгресс 1822 года* — последний дипломатический конгресс Священного союза, в ходе которого обострились отношения между его членами и Великобританией, а также внутри самого союза.
- К стр. 181, сн. 90: ' — *Уилберфорс*, Уильям (1759—1833) — английский филантроп. Еще в 1789 году внес в парламент законопроект против работорговли и всю жизнь посвятил борьбе за освобождение рабов. Билль о полном освобождении негров в британских колониях был принят парламентом через два дня после его смерти.
- К стр. 182, сн. 98: ' — *Компания купцов, торгующих с Африкой* (Африканская купеческая компания) — британская привилегированная компания, работавшая на территории Золотого берега, населенной народом фанти (территория нынешней Ганы). Была основана в 1752 году в качестве преемницы Королевской Африканской компании, существовавшей с 1660 года.
- К стр. 182, сн. 99: " — *Кейп-Кост* — главный город народа фанти, ныне столица Центрального региона Ганы. Основан португальцами в XV веке, в 1664 году захвачен англичанами, которые отсюда управляли делами колонии Золотой Берег до тех пор, пока не перенесли столицу в Аккру в 1877 году. В Кейп-Косте содержалось множество чернокожих рабов перед их отправкой в Новый Свет.
- К стр. 184, сн. 108: ' — *Бонни* — средневековое королевство в южной части нынешней Нигерии, к востоку от устья реки Нигер. Основано в XIV веке, в дальнейшем известно как центр торговли. Окончательно поглощено Великобританией в 1886 году.
- К стр. 184: " — *Калабар* — город на юге нынешней Нигерии, у границы с Камеруном. Основан в XV веке португальскими мореплавателями на землях народности эфик. Начиная с конца XVII века Калабар становится крупнейшим рынком рабов в Африке, через

который проходили от четверти до трети всех отправлявшихся в Америку рабов.

К стр. 185: * —

Берлинский декрет — имеется в виду документ об основах Контиентальной системы, подписанный Наполеоном I в Берлине 21 ноября 1806 года после разгрома прусской армии под Иеной и Ауэрштедтом. Декрет воспрещал вести торговые, почтовые и иные отношения с Британскими островами, блокада распространялась на все подвластные Франции, зависимые от неё или союзные ей страны. Любой англичанин, обнаруженный на территории, подвластной Франции, объявлялся военнопленным, а товары, принадлежащие британским подданным, конфисковались. Ни одно судно, следующее из Англии или её колоний или заходившее в их порты, не допускалось во французские порты под угрозой конфискации.

К стр. 185: ** —

Чарльз Марджорибэнкс (1794—1833) — шотландский либеральный политик, член Палаты общин с 1832 года.

К стр. 187: * —

Несмотря на целый ряд политических и экономических контрмер, предпринятых Высокой Портой, начиная с тех, что ввел в 1793—1794 годах Селим III — В 1792—1793 годах султан Селим III начал политику реформ, известных как «низам-ы джедит» («новое устройство», или «новый порядок»). Основные усилия были сосредоточены на создании нового воинского корпуса по европейскому образцу, который комплектовался исключительно добровольцами. При помощи иностранных инструкторов был построен новый военный флот, насчитывавший 23 линейных корабля, были созданы пороховые заводы и другие мануфактуры, обслуживавшие армию и флот. Однако эти реформы не нашли поддержку ни элит, ни широких масс, для которых новый курс означал резкое увеличение налогов, и вызвал многочисленные восстания в Анатолии. В результате Селим был свергнут в 1807 году восставшими янычарами, а через год убит.

К стр. 187, сн. 122: ** —

англо-турецкое Балталиманское торговое соглашение 1838 года — торговый договор, подписанный между Великобританией и Османской империей в Балталимане (близ Стамбула) отменял большинство ограничений на торговлю для британских коммерсантов. Пошлины устанавливались в размере 3% на импорт и экспорт, 9% на транзитный экспорт и 2% на транзитный импорт. Османы также согласились отменить все монополии. Появление на внутреннем рынке Османской империи британских торговцев быстро привело к тому, что коммерсанты-мусульмане были отодвинуты на задний план.

К стр. 187, сн. 123: *** —

Убичини, Жан Анри Абдолоним — французский путешественник, посетивший Турцию и Грецию в 1846 году и оставивший мемуары, имевшие большую популярность среди современников.

- К стр. 187: "" — *Мухаммед Али* (1769—1849) выдвинулся из мамлюков и в 1805 году был назначен пашой и хедивом (наместником) Египта. В 1807 году в ходе англо-турецкой войны разбил и выгнал из Египта 5-тысячный британский корпус. Далее он окружил себя французами, приступил к реформам в Египте почти одновременно с султаном-реформатором Махмудом II, преемником Селима III, и достиг в своих начинаниях значительно больших успехов. Еще во время русско-турецкой войны 1829—1830 годов Мухаммед Али перестал платить дань Махмуду II, а в 1831 году открыто восстал, желая создать из Египта независимое наследственное государство. В 1833 году в Кутайе был заключен договор, по которому Мухаммед Али получал во временное пользование Сирию и Аданский округ. В 1839 году после крупной победы над турецкой армией при Низибе Мухаммед Али потребовал от преемника Махмуда II, Абдул-Меджида, наследственной власти над Египтом, Сирией, Аданой и Кандией. Европейские страны, в том числе и Франция, в целях поддержания мира предложили султану рассмотрение этого вопроса на суд европейских кабинетов. После согласия султана в Лондоне собралась конференция из представителей пяти ведущих держав, которая присудила передать Мухаммеду Али южную часть Сирии и предоставить наследственную власть в Египте с условием признания им беспрекословного подчинения султану и продолжения выплаты дани. Мухаммед Али отверг решение конференции, после чего объединенный англо-австрийский флот подступил к Александрии и принудил его признать итоги конференции. В результате Мухаммед Али удержал за собой только Египет и был вынужден снова начать выплачивать дань Порте (1840).
- К стр. 192: ' — *Джон Бауринг* (1792—1872) — британский колониальный чиновник и экономист, путешественник, лингвист, член Палаты общин. В 1854—1859 годах занимал пост губернатора Гонконга, его агрессивная политика спровоцировала Вторую Опиумную войну.
- К стр. 193: ' — *игбо* — народ, проживающий в основном на юго-востоке Нигерии.
- К стр. 193: "" — *Йорубаленд* — традиционные области расселения народа йоруба расположены на юго-западе нынешней Нигерии, на плато, ограниченном с севера и востока рекой Нигер.
- К стр. 194: ' — *Джаджа из Опобо* (ум. 1891) — бывший раб, ставший главой торгового дома «Анна Пеппл» в Бонни в дельте реки Нигер, который играл роль делового посредника между прибрежными рынками и внутренними районами Нигерии. В 1869 году образовал собственное государство в Опобо на побережье Гвинейского залива и препятствовал проникновению конкурентных товаров на побережье. Затем выступил против усилившегося влияния Великобритании в регионе, в 1887 году был депортирован в Вест-Индию.

Нана из Варри — Город Варри расположен в западной части дельты реки Нигер. В начале 1850-х годов здесь по настоянию британского консула был создан пост «губернатора Реки», в круг обязанностей которого входил сбор пошлин с европейских судов и общий надзор за коммерческой деятельностью в качестве «главного торговца нации». В 1884 году на пост «губернатора реки Бенин» был избран Нана, сын предыдущего губернатора Олону. Нана вел весьма активную политическую и коммерческую деятельность, под его началом находилось от 3 до 20 тысяч бойцов, примерно 100 боевых каноэ и более 200 торговых каноэ. Но в начале 1890-х годов после введения англичанами таможенных пошлин его военно-торговая монополия была разрушена. В 1894 году Нана был смещен с поста, в качестве «отступного» ему стали выплачивать пенсию в размере 200 фунтов в год; умер в 1916 году.

К стр. 194, сн. 170: " — *Кросс* — река в Западной Африке, берёт начало в Камеруне, течёт через департамент Манью на запад в Нигерию. Поворачивая на юг и отделяя нигерийский штат Кросс-Ривер от более западных Эбоньи и Аква-Ибом, впадает в Гвинейский залив.

К стр. 195, сн. 173: " — *Акбар* — Абуль-Фатх Джалалуддин Мухаммад Акбар, или Акбар Великий (1542—1605) — третий падишах империи Великих Моголов, внук основателя династии Бабура. Акбар укрепил могущество Могольской династии и путём завоеваний значительно расширил границы государства. К концу его правления империя Великих Моголов охватывала бо́льшую часть Северной и Центральной Индии.

К стр. 199: " — 1762 год, когда дворянство стало возвращаться на свои земли — имеется в виду указ Петра III от 18 февраля (1 марта) 1762 года «О даровании вольности и свободы всему российскому дворянству» (Манифест о вольности дворянства), освободивший дворян от обязательной 25-летней службы.

К стр. 202, сн. 209: " — В 1797 году Павел I придал идее посессионных работников дальнейшее правовое освещение — само название «посессионные крестьяне» впервые упомянуто в указе Павла I 1797 года.

К стр. 205, сн. 220: " — *манде* — народность, относящаяся к нигеро-конголезской группе языков, одна из основных этнических групп современной Буркина-Фасо.

фульбе — народ нигеро-кордофанской макросемьи языков, проживающий на обширной территории в Западной Африке, от Мавритании, Гамбии, Сенегала и Гвинеи на западе до Камеруна и Судана на востоке.

К стр. 205, сн. 221: " — *Фритаун* — столица нынешней Сьерра-Леоне. В XVII—XVIII веках на месте города находился рынок рабов, которые вывозились затем для работы на плантациях Нового Света. В 1787 году из Лондона сюда прибыли первые 400 бывших

чернокожих рабов, сражавшихся на стороне англичан в Американской войне за независимость и получивших за это свободу (отсюда название города).

К стр. 207, сн. 230: ' — *гуркхи* — условное название народностей, населяющих центральные и юго-западные районы Непала.

К стр. 208: ' — *Малва* — регион в Северной Индии, расположенный на одноимённом вулканическом плато в западной части штата Мадхья-Прадеш.

К стр. 209: ' — *Усман дан Фодио* (1754—1817) — африканский религиозный учитель, писатель и распространитель ислама, основатель так называемого халифата Сокото (1809) на территории современных Нигерии и Камеруна. В 1903 году это государство было захвачено Великобританией, а в 1914 году включено в состав британской колонии Нигерия.

Эль-Хадж Омар (1797—1864) — западноафриканский мусульманский лидер. В 1852 году он объявил джихад всем, кто откажется принять ислам, и за десять лет завоевал территорию от истоков Нигера до Тимбукту, создав империю Тиджания, которая просуществовала более чем 20 лет после его смерти до ее колонизации Францией.

Самори (Самори Туре) (около 1830—1900) — основатель империи Вассулу, исламского государства на территории нынешнего государства Мали. Выдвинулся из числа военачальников после убийства Эль-Хадж Омара и к 1882 году создал собственное государство. Самори располагал дисциплинированной армией из 30—35 тысяч пехотинцев, объединённых во взводы и полки по европейскому образцу, а также 3 тысяч кавалеристов, но его войско оказалось неспособно долго противостоять французской экспансии. В 1898 году Самори был взят в плен и сослан в Габон.

К стр. 213: ' — *тимар* — условное наследственное земельное владение в Османской империи в средние века. Тимары раздавались из фонда государственных земель за несение военной службы. Держатель тимара (тимариот) был обязан участвовать в военных походах турецкой армии с вооружёнными конными войсками, по одному на каждые 3 тысячи акче (мелкая серебряная монета) дохода. В 1830-х годах система тимаров была ликвидирована, поскольку фактически земли были присвоены их владельцами, которые отказывались от несения военной службы.

К стр. 213: " — *сипахи* (от перс. *serāh* — «войско») — разновидность турецкой тяжелой кавалерии. Наряду с янычарами, вплоть до середины XVIII века были основным военным подразделением, используемым в Османской империи.

К стр. 213: "" — *хисба* — контроль за соблюдением норм шариата в различных сферах общественной жизни. В более узком значении означает контроль за торгово-ремесленной деятельностью (качеством

товаров, правильностью мер и весов и т. п.), а также поведением людей в общественных местах.

К стр. 214, сн. 252: * — *вали* — должность в администрации исламских стран, соответствующая должности наместника провинции.

К стр. 214: ** — *Пазваноглу Осман-паша* (1758—1807) — правитель Видинского санджака на территории Болгарии в среднем течении Дуная, происходил из богатого янычарского семейства. Стал фактически независимым владельцем в 1793 году при ослаблении центральной власти в империи. Султан Селим III предпринял против Видина три похода, дважды безуспешно осаждал город, но Пазваноглу одержал ряд над правительственными войсками.

К стр. 214: *** — *Али-паша в Янине* (1741—1822) — в конце XVIII — первой четверти XIX века фактический правитель Албании и части северо-западной Греции, выходец из Янины, нома в области Эпир со столицей в одноимённом городе. К 1812 году Али-паше была подвластна территория с населением до 1,5 млн человек, на которой процветали торговля и ремесла, правитель активно контактировал с европейскими державами. В 1820 году султан Махмуд II решил положить конец его владычеству и направил в Албанию войска, которые принудили Али к сдаче, после чего он был казнён.

К стр. 214: **** — *санджак* — в Османской империи административная единица средних размеров. Санджак делился на несколько уездов, или кадылыков, в свою очередь, несколько санджаков образовывали провинцию, или вилайет.

К стр. 215, сн. 257: * — *Алемдар Мустафа-паша* (1755—1808), он же Мустафа Байрактар (знаменосец), богатый помещик, был одним из аянов города Рушук в Румынии. В 1807 году после янычарского бунта в Стамбуле и низложения султана Селима III возглавил тайный политический кружок «Рушукские друзья», в который входили сторонники Селима III, стремившиеся путём реформ предотвратить распад Османской империи. В июле 1808 года, войдя со своими войсками в Стамбул, заставил нового султана Мустафу IV назначить его генералиссимусом. Однако султану, которого Байрактар хотел вынудить отречься от власти, удалось убить Селима III, за что он был арестован соратниками Байрактара. 28 июля 1808 года по инициативе Байрактара султаном был провозглашён Махмуд II, а сам Байрактар стал при нём визирем. На этом посту Байрактар пытался проводить в жизнь некоторые реформы, в том числе создание нового войска по европейскому образцу, но уже в ноябре 1808 года был убит при восстании янычар.

К стр. 215, сн. 257: ** — *Хартия об альянсе*, подписанная 29 сентября 1808 года, рядом историков рассматривается в качестве османской аналогии английской Великой хартии вольностей. В частности, имперские

власти признали владения аянов наследственными и обещали консультироваться с ними по вопросам налогообложения. Однако действие этого документа оказалось недолгим: после убийства Алемдара Мустафа-паши ни один последующий великий визирь не стал его подписывать.

К стр. 216: ' —

миллет — в мусульманских державах группа людей одной веры, имеющих автономные административные учреждения (суды, школы, больницы и т. д.), расположенные в специально отведённом для этого квартале города. Термин получил широкое распространение в Османской империи для классификации её народов по религиозному признаку.

К стр. 216: "" —

мирные переговоры с русскими в Белграде в 1739 году — Белградский мирный договор завершил русско-турецкую войну 1735—1739 годов, которая складывалась для России весьма успешно. В августе — сентябре 1739 года русские войска под командованием фельдмаршала Миниха нанесли османской армии поражение под Ставучанами и заняли Хотин и Яссы, однако союзница России Австрия потерпела ряд поражений и была вынуждена заключить сепаратный мир, уступив Турции области в Сербии и Валахии, включая Белград. Это осложнило положение России и вынудило её начать переговоры о мире, которые проходили при посредничестве французского представителя маркиза де Вильнёва. По условиям Белградского мира Россия приобрела Азов (при условии срытия укреплений), небольшие территории на Правобережной Украине вдоль среднего течения Днепра и право построить крепость на донском острове Черкасе (а Турция — в устье Кубани). Большая и Малая Кабарда были объявлены независимыми и должны были играть роль барьера между державами. Однако России запрещалось иметь военный флот на Азовском и Черном морях, торговля с Турцией могла вестись только с использованием турецких кораблей. Поэтому Белградский мир был в целом невыгоден для России, его условия были пересмотрены лишь Кючук-Кайнарджийским мирным договором 1774 года.

К стр. 216: "" —

берат — жалованная грамота османского султана, предоставлявшая кому-либо особые права и преимущества.

К стр. 218, сн. 275: ' —

Ункяр-Искелесийский договор о мире, дружбе и оборонительном союзе между Россией и Османской империей был подписан 26 июня (8 июля) 1833 года в местечке Ункяр-Искелеси близ Стамбула после того, как Россия оказала военную поддержку султану в борьбе с его непокорным вассалом Мухаммедом Али Египетским. Договор предусматривал военный союз между двумя странами в случае, если одна из них подвергалась нападению. Секретная дополнительная статья договора разрешала Турции не посылать войска, но требовала закрытия Босфора

для кораблей любых стран (кроме России). Договор вызвал обеспокоенность Франции и Англии, воспринявших его как угрозу своему влиянию в Средиземном море, так как положения договора позволяли беспрепятственный выход российских кораблей из Чёрного моря в Средиземное, в то же время давая России возможность заблокировать прохождение военных судов третьих стран в обратном направлении. Поэтому в 1841 году после истечения срока действия Ункяр-Искелесийского договора под давлением европейских держав была подписана Лондонская конвенция о проливах, лишившая Россию права блокировать вход военных кораблей третьих стран в Чёрное море.

К стр. 219, сн. 277: " —

ту же политику, которая последует в Иране в 1841 году, в Китае в 1842 и в Марокко в 1856-м — Англо-персидский договор 1841 года предоставил англичанам право экстерриториальности и освобождение от уплаты внутренних таможенных пошлин, ввозная пошлина на английские товары не могла превышать 5% стоимости товара. В 1845 году такие же привилегии были предоставлены Персией Франции, а затем другим европейским державам. Нанкинский договор 1842 года завершил Первую Опиумную войну между Великобританией и Китаем, это был первый неравноправный договор, навязанный китайскому правительству иностранной державой силой оружия и положивший начало «открытию» Китая для иностранного торгово-экономического и политического проникновения. Торговый договор между Великобританией и Марокко, подписанный в 1856 году, предполагал, что во всех марокканских портах назначается британский консул.

К стр. 219: " —

в 1854 году привело к превращению Османской империи в заимствующую державу. Кульминацией этого в конечном итоге стали крах 1878 года и последующая долговая опека — Еще в 1854 году османское правительство не имело практически никакого внешнего долга, но после Крымской войны султаны начали занимать деньги у западных банкиров. Уже к середине 1870-х годов долг перед европейскими держателями облигаций достиг почти миллиарда долларов, и в 1875 году было объявлено частичное государственное банкротство. К 1876 году было получено 14 займов, задолженность по которым превысила 6 млрд французских франков, около половины государственного бюджета приходилось на выплату процентов по долгам и их погашению. Османское правительство фактически утратило контроль над финансами страны, а начавшееся восстание в Боснии и последующая война с Россией поставили империю на грань финансового краха. В 1881 году, уже после Парижского мира, в империи под иностранным контролем было создано

Управление османского государственного долга, на которое возложили ответственность за выплаты по европейским облигациям. В течение нескольких лет было восстановлено доверие к финансовой стабильности империи, что способствовало участию иностранного капитала в строительстве таких крупных объектов, как Анатолийская железная дорога, связавшая Стамбул с Багдадом.

К стр. 219: “” —

лорд Пальмерстон, Генри Джон Темпл (1784—1865) — знаменитый английский государственный деятель, в 1855—1865 годах (с перерывами) 35-й премьер-министр Великобритании, в 1846 году занимал пост министра иностранных дел. Первоначально Пальмерстон симпатизировал греческой борьбе за независимость, но затем одной из главных задач его политики стала поддержка Турции, поскольку он боялся утверждения России на Босфоре, а Франции на Ниле. Результатом этого курса стало подписание в 1841 году Лондонской конвенции о проливах.

К стр. 219: “” —

Танзимат («упорядочение», «уложение») — название модернизационных реформ и самого периода их проведения в Османской империи с 1839 по 1876 годы. Основные принципы реформ были изложены в так называемом Гюльханейском хатт-и-шерифе (священном указе), изданном султаном Абдул-Меджидом 3 ноября 1839 года при вступлении на престол. В отличие от прежних реформ, главное место в Танзимате занимали не военные, а социально-экономические преобразования. В качестве основных целей преобразований Гюльханейский хатт-и-шериф провозгласил обеспечение безопасности жизни, чести и имущества для всех подданных империи вне зависимости от религиозной принадлежности; правильное распределение и взимание налогов; упорядочение рекрутского набора и сокращение срока военной службы. Идеологом реформ выступил выдающийся османский государственный деятель Мустафа Решид-паша (1800—1858), хорошо знакомый с политическим устройством европейских держав (он дважды исполнял обязанности посла в Париже и Лондоне).

К стр. 220: “ —

в форме двух (а затем и трех) суверенных государств — имеется в виду разделение Британской Индии на Индию и Пакистан в 1947 году, а затем отделение от Пакистана государства Бангладеш в 1971 году.

К стр. 220: “ —

джагирдар — держатель джагира (на фарси букв. «держущий место»), земельного надела, формально принадлежащего падишаху, хотя фактически полновластным правителем в нем являлся именно джагирдар. Взамен он был обязан содержать определённый отряд наёмной конницы, численность которой

(а также размер надела) соответствовала рангу военачальника. В эпоху расцвета Могольской державы при Аурангзебе (1658—1707) число джагирдаров доходило до 4 тысяч. Первоначально джагир выдавался на незначительный срок (как правило, до трёх лет) и не переходил по наследству, однако к XVIII веку завершилась трансформация джагиров в наследственное владение.

К стр. 220: "" —

мансабдарство (от араб. мансаб — «должность» и перс. дар — «имеющий») — в Могольской империи система деления военачальников-феодалов (мансабдаров) согласно их чинам и должностям, введенная Акбаром в 1574 году.

К стр. 222: ' —

Роберт Клайв (1725—1774) — британский генерал и чиновник, утвердивший господство Британской Ост-Индской компании в Южной Индии и в Бенгалии. После победы при Плесси получил титул барона с победным эпитетом «Плессийский».

К стр. 222: "" —

Типу Султан (1750—1799) — фактический правитель княжества Майсур на юго-западе Индии, известный также как Тигр Майсура, ученый, поэт. Одержал победы в двух войнах с англичанами, но затем потерпел от них поражение в третьей войне (в которой английские войска возглавлял Уильям Корнуоллис), после чего попытался создать антиосманскую коалицию с Францией и Османской империей. Во время Четвертой англо-майсурской войны против объединенных сил британской Ост-Индской компании и низама Хайдарабада был убит.

К стр. 223: ' —

фракциями Хейстингса и Френсиса — Хейстингс (Гастингс), Уоррен (1732—1818) — первый английский генерал-губернатор Индии (в 1773—1785 годах), расширивший владения Ост-Индской компании, организовавший управление и увеличивший доходы компании. Фрэнсис, Филип, сэр (1740—1818) — английский политический деятель, представитель партии вигов, главный оппонент Уоррена Хейстингса, который в 1785 году под давлением Фрэнсиса был отрешен Палатой лордов от должности генерал-губернатора Индии. После этого Фрэнсис инициировал против Хейстингса кампанию с участием министров и публицистов во главе с Эдмундом Берком. В 1795 году Хейстингс был оправдан по всем пунктам обвинения, но в политику уже не вернулся.

К стр. 223: "" —

Ауд — историческая область в северной Индии, по среднему течению реки Ганг. После поражения в битве с англичанами при Буксаре в 1764 году Ауд стал вассалом Ост-Индской компании. В 1801 году наваб Ауда Саадат Али Хан уступил половину своих владений Ост-Индской компании и распустил свои войска в обмен на создание большой армии под британским управлением. В 1856 году Ауд был аннексирован компанией под

предлогом дурного управления княжеством последним из навабов Ваджид Али Шахом, что стало одной из главных причин восстания в Индии 1857—1859 годов, которое привело к окончательному превращению территории страны в британскую колонию.

К стр. 223: "" —

Уэлсли — Ричард Колли, 1-й маркиз Уэлсли, лорд Морнингтон (1760—1842) — британский государственный деятель. Назначенный в 1797 году генерал-губернатором британских владений в Индии, он начал упорную борьбу с майсорским правителем Типу Султаном; в 1799 году взял приступом его столицу Серингапаттам. Затем Уэлсли обратился против маратхов, завоевал земли между реками Гангом и Джамной, принудил к покорности Синд и раджу Берара (1803). За эти победы Уэлсли получил титул маркиза и право включить в свой герб знамя Типу Султана. Однако в 1805 году он был обвинён в расхищении казны и отозван.

К стр. 225: ' —

лорд Стормонт — Дэвид Мюррей (1727—1796), виконт Стормонт, в рассматриваемый момент занимал пост лорда-председателя Сессионного суда Шотландии, а также лорда-председателя Тайного совета.

К стр. 225: "" —

Акт Питта об Индии 1784 года имел полное название «Акт о лучшем регулировании и управлении делами Ост-Индской компании и британскими владениями в Индии, а также об установлении беспристрастного суда для более быстрого и эффективного разбора дел с участием лиц, обвинённых в деяниях, совершённых в Восточных Индиях». Предпосылкой для его принятия стал провал так называемого Регулирующего акта 1773 года, согласно которому британское правительство регулировало работу Ост-Индской компании, но не брало власть в Индии в свои руки. Однако оказалось, что этот акт не работает, а компания оказалась в бедственном положении. Поэтому в 1784 году была образована управляющая комиссия из шести членов, которая обладала властью над всем, что касалось гражданской, военной и доходной деятельности компании. Двое из членов комиссии представляли кабинет министров, а остальные — Тайный совет; председатель комиссии фактически являлся министром по делам Ост-Индской компании.

К стр. 226, сн. 308: ' — *Бурбон* — в 1649—1793 годах название острова Реюньон в западной части Индийского океана.

К стр. 229, сн. 319: ' — «*Переход от феодализма к капитализму в России*» — имеется в виду масштабная дискуссия между советскими историками, начавшаяся в 1965 году. В ходе этой дискуссии противостояли две концепции. В основе первой лежало представление о XVII и большей части XVIII веков как о периоде

времени поступательного развития феодальной формации, что нашло выражение в огромном росте крупного феодального землевладения, увеличении льгот и привилегий дворянского сословия, усилении крепостнической зависимости и эксплуатации, утверждении абсолютизма как диктатуры крепостников-помещиков. По мнению приверженцев этой концепции, появившиеся начиная с XVII века отдельные элементы капитализма занимали подчиненное положение в господствующей феодально-крепостнической системе, бесспорно, влияя на нее, но до возникновения капиталистического уклада они не были достаточно сильны и устойчивы, чтобы ее подорвать. Вторая концепция, напротив, постулировала, что еще с XVII века в России происходит появление зачатков капиталистических отношений в сфере производства, что стало основой формирования всероссийского рынка. По мнению ее сторонников, именно новые явления — развитие мелкотоварного производства и товарно-денежных отношений, найма рабочей силы, отходничества и т. д. — и стали определяющими для экономики страны.

К стр. 230: * —

Чулков, Михаил Дмитриевич (1743—1792) — русский издатель, писатель, историк. Основу его экономических воззрений составляла мысль об исторически прогрессивном развитии отечества, которое он неразрывно связывал с расширением и укреплением промышленности и торговли, рациональным использованием природных ресурсов и привлечением наёмной рабочей силы. Специальное внимание он уделял проблемам подъёма хозяйственного развития окраинных земель. Чулков был сторонником введения прогрессивного подоходного налога и ограничения дворянских привилегий, его идеалом был Пётр I, учитывавший интересы торгово-предпринимательских кругов и стремившийся к экономической и политической независимости России.

К стр. 232: * —

Аджа — группа народностей, которые еще в XII—XIII веках, согласно устной традиции, заселили южную часть современного Бенина. Около 1600 года три брата, Кокпон, До-Аклин и Те-Агданлин, разделили эту территорию между собой и основали три города, в том числе Абомей, будущую столицу Дагомеи. Таким образом, в данном случае под термином «Аджа» имеется в виду Дагомея.

К стр. 232: ** —

фанти — народ, проживающий в современной Гане, а также в Либерии. В период расцвета работорговли в Африке (XVII—XVIII века) фанти активно занимались посреднической деятельностью, снабжая работорговцев захваченными представителями соседних племен. Работорговля вызывала вооруженные конфликты между самими африканскими племенами,

в частности, фанти соперничали с соседним народом ашанти (ныне проживает на территории Ганы), между ними велись многочисленные войны. В некоторых из них активно участвовали англичане, использовавшие в своих интересах ту или иную воюющую сторону. В 1844 году английский губернатор заключил соглашение с вождями фанти, результатом которого стало создание протектората Золотой Берег.

К стр. 233: ' —

Арочукву — город в современной Нигерии, вокруг которого в конце XVII века сформировалась так называемая Конфедерация аро, организованная одноименной группой народности игбо. В XVIII—XIX веках влияние этого образования распространялось на регионы Восточной Нигерии, включая дельту реки Нигер. Арочукву являлся экономическим, политическим и религиозным центром, в нём располагались резиденция короля аро и храм Ибини Укпаби (оракула всего народа игбо). Конфедерация аро прекратила свое существование в 1902 году после вторжения англичан в Нигерию.

К стр. 233, сн. 343: " —

Горе' — небольшой остров в Сенегале, к югу от Дакара. В XV—XIX веках был одним из крупнейших центров работорговли в Западной Африке.

ГЛАВА IV

К стр. 237: ' —

Туссен Лувертюр, Франсуа-Доминик (1743—1803) — лидер Гаитянской революции, в результате которой Гаити стало первым независимым государством Латинской Америки.

К стр. 238: ' —

Гваделупа — остров в восточной части Карибского моря общей площадью 1628 кв. км. Остров был официально объявлен собственностью французской короны в 1674 году, однако затем Гваделупой несколько раз пытались овладеть англичане. В 1759 году им наконец удалось захватить остров, но по Парижскому мирному договору 1763 года Гваделупа была возвращена Франции. В ответ на признание Соединённым Королевством Гваделупы французским владением Франция отказывалась от территориальных притязаний в Канаде.

К стр. 238: " —

герцог Бедфорд — Джон Рассел, 4-й герцог Бедфорд (1710—1771), английский политический деятель, в упоминаемое время входил в оппозицию Питту-старшему, которая настаивала на скорейшем завершении Семилетней войны. После отставки Питта в октябре 1761 года Бедфорд занял должность лорда-хранителя Малой печати в кабинете Джона Стюарта, 3-го графа Бьюта, и вскоре отбыл в Париж для участия в переговорах о заключении мира.

К стр. 238: "" —

герцог Ньюкаслский — Генри Пелэм-Клинтон (1720—1794),

2-й герцог Ньюкасл-андер-Лайн, в описываемый период занимал должности лорда-распорядителя Вестминстера и таможенного контролера Лондонского порта.

К стр. 238, сн. 3: "" — *генерал Мюррей* — Джеймс Мюррей (1721—1794) — первый губернатор провинции Квебек (с 1764 года). Мюррей пытался управлять бывшей Новой Францией, уважая франкоканадское большинство, из которого почти исключительно состояло её население, а также католическую церковь. Такая позиция не устраивала британских купцов, которые после отставки Питта-старшего и прихода к власти вигов в 1763 году развязали против Мюррея кампанию в Лондоне. В апреле 1766 года он был отозван, и хотя затем с него были сняты все обвинения, и Мюррей сохранял пост губернатора Квебека до 1768 года, он уже никогда не вернулся в Канаду.

К стр. 238, сн. 4: "" — *генерал Монктон*, Роберт (1726—1782), в годы Семилетней войны британский военачальник в Северной Америке, заместитель командующего в решающем англо-французском Квебекском сражении 13 сентября 1759 года, организатор депортации франкоговорящих колонистов из английской колонии Новая Шотландия и французской колонии Акадия. После войны — губернатор провинции Нью-Йорк. В честь него назван город Монктон в юго-западной части Канады.

К стр. 239, сн. 5: ' — *граф Мортон*, Джеймс Дуглас, 14-й граф Мортон (1702—1768), шотландский ученый, с 1764 года — президент Королевского общества (британской Академии наук).

К стр. 242: ' — *клиометрия* — в общем смысле количественный подход к изучению истории. Подобный подход также называется Новой экономической историей (упоминается далее в тексте) по названию статьи американского экономиста Роберта Уильяма Фогеля «Новая экономическая история: ее находки и методы», опубликованной в декабре 1966 года в журнале *Economic History Review*. В этой статье Фогель, в частности, отмечал, что «новая экономическая история», иногда именуемая экономической историей, или клиометрией, не слишком часто практикуется в Европе, однако в американской экономической истории попытки применять статистические и математические методы выходят на первый план. В 1993 году Фогель и Дуглас Норт (основной соавтор упоминаемого в данной части книги Валлерстайна Роберта Пола Томаса) были удостоены Нобелевской премии по экономике «за возрождение исследований в области экономической истории благодаря приложению к ним экономической теории и количественных методов, позволяющих объяснять экономические и институциональные изменения». В следующем абзаце Валлерстайн вполне определенно высказывает свое отношение к данному направлению в науке.

- К стр. 243: * — закон о денежном обращении (Currency Act) 1764 года запретил выпуск бумажных денег как законного платежного средства в Новой Англии. Выпуск собственных банкнот начался еще в 1690 году в Массачусетсе, за ним последовали и другие колонии, чьи бумажные деньги стали использоваться исключительно во внутренней торговле и при выплате налогов и не подлежали обмену на металлические деньги. Однако в 1764 году во всех без исключения британских колониях в Северной Америке выпуск бумажных денег был запрещен.
- Гербовый акт* — закон о налогообложении («гербовом сборе») в британских колониях в Северной Америке, принятый английским парламентом в 1765 году. Налогом облагались брачные документы, торговые сделки, деловые бумаги, печатные издания и т.д. Состоявшийся в Нью-Йорке в октябре 1765 года межколонияльный конгресс объявил решение английского парламента незаконным, так как колонисты не имели в парламенте своих представителей. Борьба колонистов, в частности, бойкот британских товаров, заставила английское правительство уже в 1766 году отменить Гербовый акт.
- К стр. 246, сн. 47: * — Козн, Феликс Соломон (1907—1953) — американский юрист и ученый, которому принадлежит значительный вклад в законодательство США об индейцах.
- К стр. 246, сн. 47: ** — Эдмунд Бёрк и У.Р. Хёрст — Идеолог английского консерватизма Эдмунд Бёрк сочувствовал Американской революции, видя в ней естественную эволюцию английских свобод. В частности, Бёрк выступал за более терпимое отношение к английским колониям в Америке и настаивал на отмене правительством Акта о гербовом сборе. Газета New York Morning Journal американского медиамагната Уильяма Рэндольфа Хёрста (1863—1951) в 1898 году поддержала освободительное движение на Кубе против Испании и всячески подталкивала руководство США к объявлению войны Испании. Когда 15 февраля 1898 года в порту Гаваны взорвался американский броненосец «Мэн» (что и стало поводом для объявления войны), ходили слухи, что Хёрст приложил руку к организации этого взрыва. Через две недели после взрыва «Мэна» тираж New York Morning Journal вырос до 5 млн экземпляров.
- К стр. 246, сн. 47: *** — Если бы во время Американской революции Бёрк находился при должности — В 1774 году Эдмунд Бёрк был избран депутатом парламента от Бристоля, на тот момент второго по величине города Англии, крупного порта. За этим последовало несколько его выступлений, призывавших к мирному разрешению конфликта с североамериканскими колонистами. Однако лишь в 1782 году, когда исход Американской войны за независимость был уже фактически предрешен, Бёрк

получил должность казначея вооруженных сил, причем без места в правительстве, но покинул ее в 1783 году после прихода к власти кабинета Уильяма Питта-младшего.

К стр. 248: ' —

Понтиак (ок. 1720—1769) — вождь индейского племени отава из группы алгонкинов. В 1760-х годах возглавил подготовку восстания против английских колонизаторов, к созданному Понтиаком союзу присоединились все индейские племена восточной части Северной Америки. В мае 1763 года индейцы под руководством Понтиака начали наступление на британские крепости и одержали ряд побед. После длительной осады Детройта Понтиак был вынужден в 1766 году заключить мир с англичанами и признать власть английского короля, а затем был убит при неясных обстоятельствах.

К стр. 249: ' —

Антикости (в переводе с одного из индейских языков — «место, где охотятся на медведей») — крупнейший остров провинции Квебек, расположен в заливе Святого Лаврентия.

К стр. 249: " —

Аллеганские горы в системе Аппалач расположены на территории штатов Виргиния, Западная Виргиния, Мэриленд и Пенсильвания.

К стр. 249: "' —

законы *Тауншенда* (1767) были приняты английским правительством после того, как не удалось поднять прямые доходы в американских колониях с помощью Акта о гербовом сборе. Столкнувшись с нежеланием парламента утверждать бюджет, министр финансов Чарльз Тауншенд ввел пошлины на ввоз в Америку краски, бумаги, стекла и чая. Собираемые средства предполагалось использовать для выплаты жалования чиновникам колониальной администрации, что позволило бы сделать их независимыми от колониальных ассамблей. Однако американские колонисты воспротивились введению этих налогов, и все они, за исключением налога на чай, в 1770 году были отменены.

К стр. 249: "" —

Декларативный акт, или Американский закон о колониях 1766 года, подтвердил приоритет власти британского парламента над колониями во всех делах. В нем утверждалось, что парламент обладает в американских колониях той же самой властью, что и в Британии, и полномочен принимать законы, обязательные для исполнения в колониях. Текст акта был практически скопирован с Ирландского Декларативного закона 1719 года, который превратил Ирландию в бесправную колонию Великобритании.

К стр. 250, сн. 64: ' — *Акт о двух пенни* был впервые принят колониальной ассамблеей Виргинии в 1755 году в ожидании низкого урожая табака, вызванного засухой. Данный документ предполагал, что все обязательные платежи будут оплачиваться табаком

по низкой ставке, два цента за фунт. В 1758 году, после трех неурожайных лет, ассамблея приняла аналогичный акт, предполагавший, что священники Англиканской церкви, чье жалованье рассчитывалось в табачном эквиваленте, в течение года будут получать его по ставке два цента за один фунт табака, что составляло примерно треть от их обычного жалованья. Это вызвало недовольство англиканского духовенства Виргинии, которое в 1759 году обжаловало акт в британском правительстве, и он был отменен.

К стр. 250, сн. 64: “ — *распоряжение о содействии таможенной службе* — согласно этому документу, накладывался арест на товары американских колонистов, за которые не были уплачены таможенные пошлины.

К стр. 250: “ — *Уилкс, Джон (1725—1797)* — английский радикальный журналист и политик, активно выступавший в поддержку американских колонистов. В 1764 году, будучи депутатом парламента, был вынужден эмигрировать во Францию; по возвращению в 1768 году вновь выиграл выборы, но был помещен в тюрьму по давним обвинениям. Заключение Уилкса вызвало массовые протесты в Англии и серию акций поддержки в североамериканских колониях.

К стр. 252: ‘ — *Средние колонии* — до Американской революции общее название будущих штатов Делавэр, Нью-Йорк, Нью-Джерси и Пенсильвания.

К стр. 253: ‘ — *Акт о Квебеке 1774 года* — парламентский закон, устанавливавший процедуры управления в провинции Квебек. Территория провинции была расширена и стала включать часть Индейской резервации, в том числе значительную часть территории современной канадской области Южная Онтарио, а также территорию современных Иллинойса, Индианы, Мичигана, Огайо, Висконсина и частично Миннесоты. При этом франкоканадцам гарантировалось свободное исповедание католицизма, было восстановлено использование французского гражданского права в частных вопросах. Это вызвало недовольство английских колонистов, которые посчитали Акт о Квебеке ограничением своих политических свобод.

К стр. 253, сн. 77: “ — *Мадленские острова* — архипелаг из девяти островов и большого количества малых островков, песчаных мелей и кос в центре залива Св. Лаврентия. В 1755 году на нем нашли пристанище французы, изгнанные из колонии Акадия британскими войсками. В 1774 году по Квебекскому акту острова были переданы Квебекской администрации.

К стр. 253: “ — *Карлтон, Гай (1724—1808)* — второй губернатор Квебека (с 1766 года) и первый генерал-губернатор Британской Северной Америки. В отличие от своего предшественника

- Мюррея, Карлтон пользовался значительной политической поддержкой в Великобритании, в том числе со стороны торговцев. По его инициативе был принят Акт о Квебеке.
- К стр. 253: " — последнее могло вестись либо из Монреаля, либо из Олбани — Пост для торговли пушниной на острове Монреаль, на месте слияния Петит Ривьер и реки Святого Лаврентия, был основан еще в 1611 году. Олбани (ныне административный центр штата Нью-Йорк) был основан как форт Нассау в 1614 году и являлся первым голландским постом по торговле пушниной.
- К стр. 254, сн.81: " — франко-индейская война 1754—1763 годов — имеется в виду последний конфликт между Англией и ее колониями, с одной стороны, и Францией и союзными с ней индейскими племенами, с другой, ставший особым театром Семилетней войны. В результате военных действий Франция лишилась всех своих колониальных владений в Северной Америке (Новая Франция).
- К стр. 254: " — Невыносимые законы — название, которое жители тринадцати американских колоний Великобритании дали пяти законам, принятым британским парламентом в 1774 году. Эти акты в основном были направлены на усиление роли Великобритании в управлении американскими колониями, причем четыре из пяти законов были ответом на Бостонское чаепитие. Однако эти меры только усугубили ситуацию, поскольку колонисты сочли их деспотическим нарушением своих прав. «Невыносимые законы» стали толчком для созыва первого Континентального конгресса, целью которого было принятие мер для противодействия политике, проводимой метрополией.
- К стр. 254: " — Континентальный конгресс (5 сентября — 26 октября 1774) — первый съезд депутатов от североамериканских колоний Великобритании. В его работе принимали участие 56 представителей от всех американских колоний Великобритании, за исключением Джорджии, Канады, Бермудских, Багамских островов и островов Карибского моря. В ходе работы конгресса была издана Декларация прав и жалоб, которая содержала заявление о правах американских колоний на «жизнь, свободу и собственность». Кроме того, в ответ на блокаду Бостона английским флотом было принято решение об объявлении торгового бойкота метрополии — запрещена как покупка английских товаров, так и продажа американских товаров англичанам.
- К стр. 255, сн. 93: " — Сэмюэл Адамс (1722—1803) — американский государственный деятель и философ. В качестве политического лидера колонии Массачусетс создал тайную антибританскую организацию «Сыны свободы», одной из акций которой было Бостонское чаепитие. Впоследствии один из лидеров Американской революции и авторов Декларации независимости.

- К стр. 256, сн. 101: ' — *Роберт Ливингстон* (1746—1813) — американский юрист, политик, дипломат, один из отцов-основателей США, в течение 25 лет занимавший должность канцлера Нью-Йорка.
- К стр. 257, сн. 106: ' — *Новая Смирна* — город в американском штате Флорида на берегу Атлантического океана.
- К стр. 259: ' — *конгрегационализм* — форма организации управления христианской церковью, в основу которой положен принцип независимости каждой поместной общины верующих (конгрегации) от светских или церковных властей и полная их самостоятельность. Конгрегационалистские общины получили особенное распространение в Англии, а после основания Плимутской колонии (1620) на территории нынешнего штата Массачусеттс тысячи приверженцев конгрегационализма отправились в Северную Америку. В XVIII веке конгрегационалисты стали самой многочисленной христианской конфессией в Америке, однако в дальнейшем конгрегационализм не смог успешно конкурировать с новыми конфессиями и движениями, возникшими на волне так называемого Второго Великого пробуждения — крупного ривайвелистского движения, возникшего около 1790 года.
- К стр. 259: " — *ривайвелистское движение* (от revival — возрождение, пробуждение) возникло в XVIII веке в ответ на постепенное превращение протестантизма в официальное моральное учение. Главной особенностью ривайвелизма было экзальтированное переживание личной встречи с Богом и приближающегося конца света. Ривайвелисты первоначально не имели организации и представляли собой стихийные молитвенные группы и кружки по изучению Библии, в которых ведущая роль принадлежала харизматическим лидерам и странствующим проповедникам. Церковные обряды и иерархия при этом отходили на второй план или вовсе переставали существовать.
- К стр. 260: ' — *Акт о свободном порте 1766 года* открывал для свободной торговли Ямайку и Доминику (один из Малых Антильских островов, ставший владением Великобритании по Парижскому миру). Его принятие позволило реорганизовать торговлю в карибском бассейне, сделав ее центром Ямайку.
- К стр. 260: " — *Гренвиль, Джордж* (1712—1770) — британский государственный деятель, в 1762—1763 годах занимал должность Первого лорда Адмиралтейства, затем стал 8 премьер-министром Великобритании (1763—1765).
- К стр. 260, сн. 121: "" — *Сахарный закон* (Sugar Act), принятый английским парламентом в 1764 году, был направлен на пресечение контрабанды сахара и патоки из французских и нидерландских колоний в Вест-Индии, что позволило бы повысить доходы метрополии. Этот акт заменил оказавшийся неэффективным закон о патоке (Molasses Act) 1733 года и предусматривал усиление

таможенного контроля при импорте рафинированного сахара и патоки в американские колонии. Тем самым фактически монопольное положение на американском рынке получили плантаторы из Британской Вест-Индии. Принятие Сахарного закона нанесло значительный ущерб внешней торговли колоний, особенно судовладельцам, поскольку закон позволял конфискацию грузов в случае неуплаты таможенных пошлин или нарушения каких-либо правил. Под давлением колонистов в 1766 году Сахарный закон был отменен.

К стр. 261: ' —

Веракрус — портовый город и муниципалитет на юге Мексики, на побережье Мексиканского залива.

К стр. 261: " —

отмена монополии Севильи и Кадиса на Пиренейском полуострове — до серии указов Карла III о свободе торговли Кадис был единственным испанским портом, куда могли приходить корабли из Америки. Еще в XVII веке из-за обмеления реки Гвадалкивир Кадис стал оттягивать на себя значительную часть торговых потоков Севильи. В 1680 году он получил разрешение вести торговлю с колониями наравне с Севильей, а в 1717 году в Кадис переехала резиденция Торговой палаты Севильи.

К стр. 262: ' —

Сокорро — город на северо-востоке нынешней Колумбии. Описываемый эпизод произошел в ходе крупного восстания Комунерос, о котором Валлерстайн подробно пишет ниже.

К стр. 263: ' —

Помбал, Себастьян Жозе, маркиз (1699—1782) — наиболее известный представитель «просвещённого абсолютизма» в Португалии, фактически правивший страной при короле Жозе I (1750—1777).

К стр. 263: " —

испанское вторжение в Португалию в 1762 году — В начале мая 1762 года франко-испанская армия численностью около 40 тысяч человек вторглась в Португалию и овладела районом Миранда, а также городами Браганса и Шавиш. Для отражения испанского наступления на помощь Португалии был направлен британский экспедиционный корпус. Однако крупных сражений в ходе испано-португальской войны 1761—1763 годов не состоялось, из-за чего она известна в португальской истории под названием «фантастической». В 1763 году Парижский мирный договор восстановил между Испанией и Португалией вооружённый мир в довоенных границах, но за испанцами остался ряд захваченных во время войны португальских владений в Южной Америке. При португальском дворе это породило глубокое разочарование и идеи реванша, которые 13 лет спустя привели к новой испано-португальской войне.

К стр. 265: ' —

де Круа, Теодоро (1730—1792), занимал пост вице-короля Перу в звании генерал-лейтенанта в 1783—1790 годах; в этот период он принял ряд мер по децентрализации власти, организовал в Перу 9 интенденсий.

- К стр. 265, сн. 146: " — *Тупак Амару II* (настоящее имя Хосе Габриэль Кондорканки Ногера) (1738—1781) — организатор и руководитель крупнейшего восстания коренных народов Перу против испанских колониальных властей, начавшегося в 1780 году. Взял имя в честь своего предка по женской линии, последнего правителя государства инков в середине XVI века, казненного испанцами. После казни Тупака Амару II восстание продолжалось еще два года.
- К стр. 266, сн. 146: ' — *repartimiento de mercancías* — система закабаления коренного населения Латинской Америки, основанная на навязывании индейцам товаров, которые им были либо не нужны, либо обладали слишком высокой стоимостью. Эти товары индейцы должны были оплачивать либо трудом, либо землей или деньгами. Система репартименто возникла в XVII веке и стала особенно обременительной столетие спустя, в период расцвета контрабандной торговли. Из-за этого у купцов, которые вели легальную торговлю, оставались большие запасы товаров, которые они навязывали индейцам.
- К стр. 266, сн. 148: " — *Пенсакола* — город, ныне расположенный в американском штате Флорида; носит название «города пяти флагов», поскольку в разное время он принадлежал Испании, Франции, Великобритании, США и Конфедерации южных штатов. В испанский период носил название Сан-Карлос, затем перешел в руки британцев, которые дали поселению имя обитавшего неподалеку индейского племени пенсакола.
- К стр. 266: "' — *мирный договор в Сан Ильдефонсо* завершил испано-португальскую войну 1776—1777 годов и был посвящен урегулированию территориальных споров в районе залива Ла-Плата. Согласно условиям договора, Испания передала Португалии ряд территорий, вошедших в состав Бразилии, в обмен на возвращение контроля над Уругваем (в то время эта территория называлась Банда Ориенталь), островом Фернандо-По и частью африканского побережья между устьями рек Нигер и Огове. Португалия отказывалась от прав на так называемые Восточные миссии (колонии иезуитов на восточном берегу реки Уругвай), колонию Сакраменто на юго-западе нынешнего Уругвая на берегу Ла-Платы, а также Филиппинские и Марианские острова.
- К стр. 268: ' — *Аранхуэсский договор 12 апреля 1779 года* между Испанией и Францией предполагал, что в случае военного конфликта Франции с Великобританией Испания выступит на французской стороне. Этот договор стал для Испании основанием для вступления в войну с Великобританией в рамках Американской войны за независимость.
- К стр. 268: " — *Компания Каракаса* (Real Compañía Guipuzcoana de Caracas)

- существовала с 1728 по 1785 годы и обладала монополией на торговлю с Венесуэлой. После упразднения была переименована в Филиппинскую компанию.
- К стр. 268: "" — *граф Кампоманес*, Педро Родригес (1723—1802) — один из ключевых государственных деятелей Испании эпохи Карла III, в последние годы его правления (1788—1793) занимал пост председателя совета Кастилии.
- К стр. 271: ' — *касты* — термин «каста» (*casta*) использовался в XVI—XVIII веках в Испанской Америке и на Филиппинах для обозначения лиц смешанного расового происхождения.
- К стр. 272: ' — *Гутьеррес де Пиньерес* (1732 — около 1790) — глава аудиенсии в Санта Фе де Богота с 1777 года. 16 марта 1781 года по его приказу на базарной площади города Сокорро было вывешено постановление «О мерах по взиманию налога на содержание Карибского флота», включавшее распоряжение о 15 различных налогах. Это мгновенно спровоцировало недовольство, переросшее в восстание Комунерос. Де Пиньерес попытался сбить накал недовольства, освободив Сокорро и ряд других населенных пунктов от уплаты налогов на хлопок и лен, но это не остановило развитие восстания, и де Пиньересу пришлось бежать из Санта Фе в Картахену.
- К стр. 276: ' — *gachupin* — буквально «человек со шпорами», презрительный термин для обозначения уроженцев метрополии в Испанской Америке, которые составляли привилегированный слой колониального общества. К началу XIX века их насчитывалось порядка 15 тысяч человек.
- К стр. 279: ' — *Артур Юнг* (1741—1820) — английский писатель, в книге «Путешествий по Франции» давший широкую картину этой страны накануне и в начале революции. Книгой Юнга активно пользовался Алексис де Токвиль при написании своей знаменитой работы «Старый порядок и революция».
- К стр. 279: "" — *Аббат Рейналь*, Гийом Тома Франсуа (1713—1796) — французский историк и социолог, главный труд — «Философическая и политическая история о заведениях и коммерции европейцев в обеих Индиях».
- К стр. 280, сн. 226: ' — *Александр Гамильтон* (1755/1757—1804) — видный деятель Американской войны за независимость, автор программы ускоренного торгово-промышленного развития страны и первый министр финансов США.
- К стр. 280, сн. 226: "" — *лорд Шеффилд* (1735—1821), Джон Бейкер Холройд, первый граф Шеффилд — британский политик, один из «архитекторов» торговой политики Великобритании. В 1783 году инициировал ряд ограничений, направленных против торговли США (в частности, закрытие Британской Вест-Индии для американских товаров), что существенно замедлило рост

торговли США в первые два десятилетия после войны за независимость.

К стр. 282, сн. 232: * — *лорд Шелбурн*, Уильям Петти-Фицморис (1737—1805) — член партии вигов, 14-й премьер-министр Великобритании (1782—1783). Еще в 1766—1768 годах, занимая пост статс-секретаря по делам колоний, пытался вести примирительную политику в отношении Америки, но не встретил одобрения остальных членов правительства и ушёл в отставку.

К стр. 282: ** — *Шамплейн* — крупное озеро на границе США и Канады, на большей части своей 172-километровой длины составляющее границу между штатами Вермонт и Нью-Йорк.

К стр. 282: *** — *договор Джея* — англо-американский договор о дружбе, торговле и мореплавании, подписанный в Лондоне 19 ноября 1794 года особым уполномоченным США Джоном Джеем и британским министром иностранных дел лордом Гренвилем. Инициатором заключения договора был секретарь казначейства США Александр Гамильтон. Условия договора были не вполне равноправными. В частности, американские корабли не получили права входа в гавани и реки британских владений в Северной Америке или английской Компании Гудзона залива, но британские суда имели право входить во все морские и речные порты США. Американцам разрешалось вести торговлю с Британией, которая нуждалась в американском хлебе и сырье, но торговля американцев с Вест-Индией разрешалась только на судах вместимостью не более 70 т, причём статья XII договора запрещала американцам ввоз и вывоз ряда товаров (хлопка, патоки, сахара и др.). На торговлю американцев с британской Ост-Индией накладывались некоторые ограничения (например, запрещалось каботажное плавание американских судов).

К стр. 283: * — *Компания Иллинойса-Уобаши* была основана в 1779 году путем слияния Компании Иллинойса и Компании Уобаши (по названию одного из округов Иллинойса). Целью компании было приобретение земель у индейцев для графства Иллинойс, которое перешло к Великобритании после Парижского мира 1763 года.

К стр. 283: ** — *Северо-Западный ордонанс*, или Законоположение о Северо-Западной территории, в 1787 году законодательно оформил регион вокруг Великих озер, на территории которого позднее будут образованы штаты Огайо, Индиана, Висконсин, Иллинойс, Мичиган и Миннесота. Этот ордонанс, регулировавший правила распределения земель на Северо-Западе и последующего образования там новых штатов, стал прецедентом для аналогичного порядка освоения всех остальных территорий, присоединенных к США впоследствии. В 1789 году Северо-Западный ордонанс стал частью Конституции США.

К стр. 283: ' —

640 акров — почти 260 га.

К стр. 284: ' —

«регуляторы» — участники восстания бедноты в Северной Каролине, начавшегося в 1768 году. Так называемая «война регуляторов» продолжалась до 1771 года, когда восставшие были подавлены британскими войсками. Многие участники восстания затем переселились на запад, сыграв значительную роль в освоении Теннесси.

К стр. 284, сн. 240: ' — *Итан Аллен* (1738—1789) — фермер, уроженец Коннектикута. Еще в конце 1760-х годов он приобрел землю в Нью-Гэмпшире, но втянулся в правовые споры с окрестными территориями. Потерпев неудачу на правовом поле, Аллен сформировал неформальную вооруженную организацию «Парни с Зелёных гор», которая шантажировала нью-йоркских поселенцев, чтобы вынудить их покинуть свои участки. Когда началась Война за независимость, Аллен и его «парни» быстро включились в нее на стороне колонистов и 10 мая 1775 года захватили форт Тикондерога. Однако уже в сентябре 1775 года Аллен был взят в плен при неудачной попытке захватить Монреаль. После освобождения Аллен вернулся в Нью-Гэмпшир, который объявил о независимости в 1777 году, и возобновил здесь политическую деятельность. Продолжая сопротивление попыткам Нью-Йорка установить контроль над этой территорией, он активно поддерживал руководство провозглашенной в 1777 году Республики Вермонт в его усилиях по получению признания Конгрессом их территории как отдельного штата, а также участвовал в спорных переговорах с британцами о возможности превращения Вермонта в новую британскую провинцию. В историю США Аллен вошел прежде всего именно как один из основателей штата Вермонт, вошедшего в состав США в 1791 году.

К стр. 284, сн. 240: ' — «независимость» *Мэна от Массачусетса* — После войны за независимость территория будущего штата Мэн на крайнем северо-востоке США была присоединена к Массачусеттсу. Однако граница между Мэном и канадскими провинциями Квебек и Нью-Брансвик не была четко зафиксирована, что с высокой долей вероятности предполагало новую войну. В результате во время англо-американской войны 1812 года территория Мэна пострадала от британских войск наиболее сильно, а Массачусеттс фактически не предоставил ей никакой поддержки. Это предопределило выделение Мэна в отдельный штат в 1820 году, но территориальные споры с Великобританией были окончательно урегулированы только в 1842 году.

К стр. 285: ' —

мяо, или хмонги — группа народов, проживающих в настоящее время в южном Китае, северном Вьетнаме, Лаосе, Таиланде, Мьянме. Политика пекинских властей в отношении

мя вызвала кровопролитное восстание этого народа в 1735—1739 годах.

К стр. 285: " — *Натчез* — город, ныне расположенный на юго-западе штата Миссисипи на берегу одноименной реки.

К стр. 286, сн. 250: ' — *О'Рейли, Александр (Алехандро) (1722—1794)* — уроженец Ирландии на испанской службе, второй испанский губернатор Луизианы (1769—1770).

К стр. 286, сн. 253: " — *Статьи Конфедерации и вечного союза* — первый конституционный документ США, принятый на Втором континентальном конгрессе 15 ноября 1777 года в Йорке (Пенсильвания) и ратифицированный всеми тринадцатью штатами. Согласно этим статьям, Конфедерация решала вопросы войны и мира, дипломатии, западных территорий, денежного обращения и государственных займов, в то время как остальные вопросы оставались за штатами. Критика Статей Конфедерации и необходимость «образования более совершенного Союза» привели к принятию в 1787 году Конституции США, которая заменила Статьи Конфедерации.

К стр. 286, сн. 253: "" — *идея Индейской территории* была впервые выдвинута еще в колониальный период. Согласно Королевской прокламации 1763 года, передвижение белых поселенцев было ограничено востоком Аппалачей. Однако установленная прокламацией граница неоднократно отодвигалась в сторону индейцев — сначала при британской администрации, затем после войны за независимость США, после чего Индейская территория сократилась до земель к западу от реки Миссисипи. Со временем Индейская территория сжалась до размеров современного штата Оклахома и в 1907 году полностью прекратила свое существование.

К стр. 288: ' — *Филадельфийский конвент* 1787 года был созван для пересмотра Статей Конфедерации. Изначально он был задуман только для исправления и уточнения существующих законов, но в ходе дискуссий участники конвента перешли к созданию нового документа — Конституции США.

К стр. 289: ' — *дело Дреда Скотта* — нашумевший судебный процесс в США в середине XIX века. Его главным фигурантом был чернокожий раб Дред Скотт, который много лет пытался добиться свободы для себя и своей семьи через суды различных инстанций. В 1854 году в одном из федеральных судов штата Миссури было вынесено решение в пользу Скотта, но затем дело оказалось в Верховном Суде США, который отказал ему в удовлетворении иска на том основании, что негр не имеет прав гражданина.

К стр. 291: ' — *восстание Бэкона* 1676 года в Виргинии было направлено против британского губернатора Уильяма Беркли. Поводом для восстания стал конфликт с индейцами, против которых Беркли

не желал принимать карательных мер, поскольку вел с ними выгодную торговлю пушниной. Тогда поход против индейцев по своей инициативе возглавил плантатор Натаниэл Бэкон, двоюродный брат жены губернатора, и его отряд быстро обратил оружие против Беркли. Однако после внезапной смерти Бэкона от лихорадки восстание потеряло энергию и было быстро подавлено.

К стр. 291: " —

восстание Шейса произошло в Филадельфии в 1786—1787 годах под руководством капитана Даниэла Шейса, ветерана Войны за независимость США, этнического ирландца. Повстанцы требовали отмены всех долгов, равного распределения земель и имущества, справедливого судопроизводства и принятия налоговых и законодательных мер.

К стр. 291, сн. 278: "" —

ратифицирующие конвенты — через несколько дней после принятия 17 сентября 1787 года Конституции США Континентальный конгресс направил ее законодательным собраниям штатов с тем, чтобы они представили ее на рассмотрение конвентов, состоящих из делегатов, избранных в каждом штате в соответствии с решениями Конвента. На протяжении последующих двух с половиной лет Конституция была ратифицирована конвентами, избранными в каждом штате.

К стр. 293: ' —

Лотрон Стоддард, Теодор (1883—1950) — известный американский писатель и публицист, много писавший по вопросам расы и расовых отношений. Рассматривал США в качестве основного резервуара нордической расы.

К стр. 293: "" —

колонияльный пакт — система торговли, которую Франция навязывала своим колониям; предполагала, что колонии имеют право торговать только с метрополией.

К стр. 294: ' —

Иль-де-Франс — название острова Маврикий в период его принадлежности Франции в 1715—1810 годах.

К стр. 296: ' —

Черная революция там фактически не распространилась, разве что в момент завоевания — В 1801 году Сан-Доминго был захвачен вооруженными отрядами гаитянских революционеров, но после изгнания французов и провозглашения независимости острова Гаити в 1804 году испанцы все же оставили за собой право владения его восточной частью и прочно обосновались в Сан-Доминго, который в дальнейшем стал столицей Доминиканской Республики.

К стр. 296, сн. 304: "" —

Джон Адамс (1735—1826) — американский политик, видный деятель Войны за независимость США, первый вице-президент и второй президент США (1797—1801).

К стр. 296, сн. 306: "" —

Флоридабланка, Хосе Моньино-и-Редондо, граф (1728—1808) — испанский государственный деятель эпохи Карла III. Получил известность как автор доклада 1767 года, приведшего к

изгнанию иезуитов; в 1772 году был отправлен послом к папе Клименту XIV и спустя год убедил его упразднить этот орден. В 1777—1792 годах занимал пост государственного секретаря Испании.

К стр. 297, сн. 306: * — *Терраферма* — часть Испанской Америки, которая охватывала территории современных Панама и Колумбии.

К стр. 297, сн. 307: ** — *называл Гаити «вторым Алжиром»* — имеется в виду так называемая Первая берберийская, или Триполитанская, война между США и государствами Магриба (независимым султанатом Марокко и тремя вассалами Османской империи — Алжиром, Тунисом и Триполитанией) в 1801—1805 годах. Поводом для конфликта стали требования алжирских пиратов выплачивать крупную дань в обмен на гарантии свободного плавания американских кораблей в Средиземноморье, которые США приходилось удовлетворять после того, как их торговые суда лишились защиты британского военного флота. В 1801 году новоизбранный президент Томас Джефферсон начал войну, которая шла с переменным успехом четыре года. В 1805 году американцам удалось захватить стратегически важный город Дерна, который открывал путь на Триполи, и навязать противнику мирный договор. Триполитанская война сильно повысила престиж армии США, но не решила проблему пиратства. Только после Второй берберийской (Алжирской) войны 1815 года США окончательно отказались платить откуп пиратам.

К стр. 297, сн. 308: *** — *Панамский конгресс 1826 года* — первая безрезультатная попытка объединения латиноамериканских государств в единый союз, в которой участвовали Перу, Колумбия, Мексика и Соединённые Штаты Центральной Америки.

К стр. 298: * — *Лимерикский договор* был подписан в 1691 году в городе Лимерик после победы Вильгельма III Оранского над участниками ирландского восстания 1688—1691 годов, направленного против английского колониального господства. Упорное сопротивление повстанцев заставило англичан пойти на заключение договора на сравнительно льготных и даже почетных для ирландцев условиях, однако англичане не собирались его выполнять. Уже в 1690-х годах в Ирландии были проведены новые широкие конфискации земель и введены так называемые «карательные законы», которые лишили католиков и протестантов, не принадлежащих к Англиканской церкви, свободы вероисповедания, права на образование, голосование и государственную службу.

К стр. 300: * — *«прецедент» 1688 года* — После свержения английского короля Иакова II в ходе Славной революции он нашел поддержку в Ирландии, где началось антианглийское восстание. На стороне Иакова выступила также Франция, которая направила

в Ирландию экспедиционный корпус. Однако в сражении на реке Бойн англичане одержали победу, после чего был заключен Лимерикский договор, на много лет вперед определивший судьбу Ирландии как британской колонии.

К стр. 300: " —

залив Бентри находится в юго-западной части Ирландии, на его берегу расположен город Корк.

К стр. 300: "' —

охваченный мятежом британский флот — Весной 1797 года на английском флоте произошли крупные выступления моряков, требовавших увеличения жалованья, но из-за разногласия между восставшими они были быстро подавлены.

К стр. 300: "'' —

Генри Граттан (1746—1820) — лидер ирландской либеральной оппозиции английскому правительству, с 1775 года выступал в ирландской палате общин как выразитель интересов протестантской части англо-ирландского населения, недовольной колонизаторской политикой Англии в Ирландии. Был одним из лидеров «Вигского клуба», желавшего смягчить наиболее радикальные тенденции в национальном ирландском движении умеренно-либеральными требованиями и стремившегося к поиску компромисса с английским правительством. К республиканской программе радикалов, левого крыла общества «Объединённые ирландцы», относился резко отрицательно.

К стр. 300, сн. 324: "''' — *господство (ascendancy)* — термин для обозначения политического, экономического и социального доминирования в Ирландии небольшой группы крупных землевладельцев и протестантского духовенства, принадлежавших к Церкви Ирландии в качестве провинции Церкви Англии. Впервые этот термин был употреблен в речи ирландского политика Бойла Роша в 1782 году: «Когда на карту поставлены земельная собственность королевства и протестантское господство, я не могу хранить молчание».

К стр. 301: ' —

Миранда (Себастьян Франсиско де Миранда-и-Родригес) (1750—1816) — руководитель борьбы за независимость испанских колоний в Южной Америке, национальный герой Республики Венесуэла. Участвовал во Французской революции, затем перебрался в Англию, где вел переговоры с правительством Питта по вопросу организации борьбы за независимость Венесуэлы. Не добившись положительных результатов, уехал в США и начиная с 1806 года с отрядами добровольцев несколько раз высаживался на Венесуэльском побережье с целью поднять освободительное восстание. 5 июня 1811 года Миранда провозгласил независимость Венесуэлы, но после поражения венесуэльской армии от испанцев был арестован и выслан в Пуэрто-Рико, а затем в Испанию, где умер в тюрьме.

- К стр. 302: ' — *возвращение западных фортов* — имеются в виду пограничные форты на территориях, отошедших к США на основе Парижского мирного договора 1783 года, из которых Англия обязывалась вывести войска к 1 июня 1796 года.
- К стр. 302: " — *Дальний Юг, или Хлопковые штаты* — собирательный термин для обозначения штатов Алабама, Джорджия, Луизиана, Миссисипи и Южная Каролина; в некоторых случаях относится к Техасу, Флориде и Теннесси.
- К стр. 302, сн. 332: "" — *бейл* (англ. bale — тюк) равен 500 фунтам, т. е. около 227 кг.
- К стр. 304, сн. 339: ' — *Томас Паунэлл (1722—1805)* — британский колониальный государственный деятель, с 1757 по 1760 годы губернатор Массачусетса. Во время Семилетней войны был противником военного вмешательства в колониальные дела, в частности, попыток расквартировывать британских солдат в частных домах, и сохранял хорошие отношения с колониальной ассамблеей. Вернувшись в Англию, Паунэлл продолжал отстаивать права колонистов, хотя и без особого успеха, однако поддержал ведение боевых действий против сепаратистов в Американской войне за независимость. После образования США продвигал идеи о сокращении или полном устранении торговых барьеров и установлении прочных связей между Британией и Соединёнными Штатами.
- К стр. 307: ' — *Гентский договор* 25 декабря 1814 года завершил англо-американскую войну 1812—1814 годов. Он предусматривал установление мира и сохранение границ, установленных Версальским мирным договором 1783 года, хотя и не решил всех спорных вопросов между Великобританией и США.
- К стр. 307, сн. 352: "" — *Резолюция о недопустимости передачи* была основана на одноименной доктрине (No transfer theory), выдвинутой Томасом Джефферсоном после присоединения Луизианы, которая первоначально принадлежала Испании. Опасаясь, что другие колониальные территории Испании в Вест-Индии будут захвачены более сильными европейскими державами, руководство США настаивало на сохранении статус-кво и исключении в них европейского влияния. 3 января 1811 года президент Джеймс Мэдисон направил Конгрессу специальное секретное послание, с тем чтобы правительству было предоставлено право вступить во временное владение любой частью Флориды посредством соглашений с испанскими властями или без них в случае, если эти власти будут свергнуты и возникнет опасность оккупации этой территории другой иностранной державой. Через несколько дней конгресс принял Резолюцию о недопустимости передачи, в которой указывалось, что при особых обстоятельствах существующего

кризиса Соединенные Штаты не могут «без серьезного беспокойства видеть переход любой части территории Флориды в руки какой-либо иностранной державы». Конгресс разрешил президенту США использовать вооруженные силы и оккупировать полностью или частично территорию восточной части Флориды. Под предлогом восстания в городе Батон-Руж, поднятого американскими поселенцами, президент Мэдисон направил туда свои войска, после чего американские вооруженные силы оккупировали западную Флориду, расположенную между реками Миссисипи и Пердидо, эти земли были включены в состав штатов Луизиана и Миссисипи. Одновременно американские войска под командованием генерала Мэтьюза оккупировали и восточную Флориду. В этих условиях испанское правительство решило передать Флориду другой державе, которая могла бы дать отпор американской экспансии, например, Великобритании или даже России. Однако в результате США добились от Испании уступки Флориды в свою пользу.

К стр. 310, сн. 365: ' — Кэлхун, Джон Колдвелл (1782—1850) — американский политик, главный идеолог рабовладельческой политики южных штатов и лоббист их интересов в федеральном правительстве, где занимал должности военного министра (1817—1824) и вице-президента (1825—1832). Кэлхун выступал последовательным защитником интересов южных плантаторов от посягательств северян и против централизации государственной власти. В случае пренебрежения интересами отдельных штатов со стороны федерального правительства признавал возможность их сепарации, что было использовано южными штатами в преддверии Гражданской войны.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Abel, Wilhelm* (1973). Crises agraires en Europe (XIIIe—XXe siècle). Paris: Flammarion.
- Aberdam, Serge* (1975). La Révolution et la lutte des métayers // *Etudes rurales*, No. 59, 73—91.
- Abir, M.* (1977). Modernization, Reaction and Muhammad Ali's «Empire» // *Middle Eastern Studies*, XIII, 3, 295—313.
- Abou-el-Haj, Rifa'at Ali* (1967). Ottoman Diplomacy at Karlowitz // *Journal of the American Oriental Society*, LXXXVII, 4, 198—512.
- Abou-el-Haj, Rifa'at Ali* (1969). The Formal Closure of the Ottoman Frontier in Europe: 1699—1703 // *Journal of the American Oriental Society*, LXXXIX, 3, 467—475.
- Abou-el-Haj, Rifa'at Ali* (1974). Ottoman Attitudes toward Peace Making: The Karlowitz Case // *Der Islam*, LI, 1, 131—137.
- Abrey, Jan* (1975). Feminism in the French Revolution // *American Historical Review*, LXXX, 43—62.
- Accarias de Sérionne, Jacques* (1766). Intérêts des nations de l'Europe développés relativement au commerce, I. Paris: Desain.
- Acomb, Frances* (1939). Unemployment and Relief in Champagne, 1788 // *Journal of Modern History*, XI, 1, 41—48.
- Adams, Donald R., Jr.* (1970). Some Evidence on English and American Wage Rates // *Journal of Economic History*, XXX, 3, 199—520.
- Adams, Donald R., Jr.* (1980). American Neutrality and Prosperity, 1793—1808: A Reconsideration // *Journal of Economic History*, XL, 4, 713—737.
- Adamu, Mahdi* (1979). The Delivery of Slaves from the Central Sudan to the Bight of Benin in the Eighteenth and Nineteenth Centuries // H. A. Gemery & J. S. Hogendorn, eds., *The Uncommon Market*. New York: Academic Press, 163—180.
- Ado, A.* (1977). Le mouvement paysan et le problème de l'égalité (1789—1794) // A. Soboul, dir., *Contribution à l'histoire paysanne de la Révolution française*. Paris: Ed. Sociales, 119—138.
- Aguessy, Honorat* (1970). Le Dan-Homê du XIXe siècle était-il une société esclavagiste? // *Revue française d'études politiques africaines*, No. 50, 71—91.
- Agulhon, Maurice* (1980). 1830 dans l'histoire du XIXe siècle français // *Romantisme*, X, 28/29, 15—27.
- Ahlström, G.* (1983). Aspects of the Commercial Shipping between St. Petersburg and Western Europe, 1750—1790 // W. J. Weringa et al., eds., *The Interactions of Amsterdam and Antwerp with the Baltic Region, 1400—1800*. Leiden: Martinus Nijhoff, 153—160.
- Aiton, Arthur S.* (1932). Spanish Colonial Reorganization under the Family Compact // *Hispanic American Historical Review*, XII, 3, 269—280.
- Ajayi, J. F. Ade* (1965). West African States at the Beginning of the Nineteenth Century // in J. F. Ade Ajayi & I. Espie, eds., *A Thousand Years of West African History*. London: Nelson, 248—261.

- Ajayi, J.F. Ade & Oloruntimehin, B.O.* (1976). *West Africa in the Anti-Slave Trade Era* // Cambridge History of Africa, V: John. E. Flint, ed., From c. 1790 to c. 1870. Cambridge, Engl: At the University Press, 200—221.
- Akinjogbin, I.A.* (1967). *Dahomey and Its Neighbours, 1708—1818*. Cambridge, Engl: At the University Press.
- Albion, Robert Greenhalgh* (1926). *Forest and Sea Power: The Timber Problem of The Royal Navy, 1652—1852* // Harvard Economic Studies, Vol. XXIX. Cambridge, MA: Harvard University Press.
- Alden, Dauril* (1961a). *The Undeclared War of 1773—1777: Climax of Luso-Spanish Platine Rivalry* // Hispanic American Historical Review, XLI, I, 55—74.
- Alden, Dauril* (1961b). *The Marquis of Pombal and the American Revolution* // The Americas, XVII, 4, 369—382.
- Alden, Dauril* (1976). *The Significance of Cacao Production in the Amazon Region during the Late Colonial Period: An Essay in Comparative Economic History* // Proceedings of the American Philosophical Society, CXX, 2, 103—135.
- Aldrich, Robert* (1987). *Late-Comer or Early Starter? New Views on French Economic History* // Journal of European Economic History, XVI, I, 89—100.
- Alexander, John T.* (1970). *Recent Soviet Historiography on the Pugachev Revolt: A Review Article* // Canadian-American Slavic Studies, IV, 3, 602—617.
- Almeida Wright, Antônia Fernanda P. de* (1973). *Os Estados Unidos e a independência do Brasil (revendo a posição norte-americana)* // Revista de História, XLVI, 94, 369—382.
- Almqvist, Eric L.* (1929). *Pre-famine Ireland and the Theory of European Proto-industrialization: Evidence from the 1841 Census* // Journal of Economic History, XXXIX, 3, 699—718.
- Ambrose, Gwilym* (1931). *English Traders at Aleppo (1658—1756)* // Economic History Review, III, 2, 246—266.
- Amin, Samir* (1971). *La politique coloniale française à l'égard de la bourgeoisie commerçante sénégalaise (1820—1960)* // C. Meillassoux, ed., *The Development of Indigenous Trade and Markee in West Africa*. London: Oxford University Press, 361—376.
- Amin, Samir* (1972a). *Preface to B. Barry, Le Royaume de Waalo*. Paris: Maspero, 7—54.
- Amin, Samir* (1972b). *Underdevelopment and Dependence in Black Africa — Origins and Contemporary Forms* // Journal of Modern African Studies, X, 4, 503—524.
- Anderson, B.L. & Richardson, David* (1983). *Market Structure and Profits of the British African Trade in the Late Eighteenth Century: A Comment* // Journal of Economic History, XVII, 3, 713—721.
- Anderson, B.L. & Richardson, David* (1985). *Market Structure and the Profits of the British Africa Trade in the Late Eighteenth Century: A Rejoinder Rebutted* // Journal of Economic History, XLV, 3, 705—707.
- Anderson, J.L.* (1972). *Aspects of the Effects on the British Economy of the War against France, 1793—1815* // Australian Economic History Review, XII, 1, 1—20.
- Anderson, J.L.* (1974). *A Measure of the Effect of British Public Finance, 1793—1815* // Economic History Review, 2nd ser., XXVII, 4, 610—619.
- Anderson, M.S.* (1952). *Great Britain and the Russian Fleet, 1769—70* // Slavonic and East European Review, XXXI, No. 16, 148—163.
- Anderson, M.S.* (1954). *Great Britain and the Russo-Turkish War of 1768—74* // English Historical Review, LXIX, No. 270, 39—58.
- Anderson, M.S.* (1965). *European Diplomatic Relations, 1763—1790* // New Cambridge Modern History, VIII: A. Goodwin, ed., *The American and French Revolutions, 1763—93*. Cambridge, Engl.: At the University Press, 252—278.
- Anderson, M.S.* (1967). *The Continental System and Russo-British Relations during the Napoleonic Wars* // K. Bourne & D.C. Watt, eds., *Studies in International History*. London: Longmans, 68—80.

- Anderson, M. S., ed. (1970). *The Great Powers and the Near East, 1774–1923*. London: Edward Arnold.
- Anderson, M. S. (1978). *Peter the Great*. London: Thames & Hudson.
- Anderson, M. S. (1979). *Historians and Eighteenth-Century Europe, 1715–1789*. Oxford: Clarendon Press.
- Anderson, M. S. (1984). Preface to A. I. Bağış, *Britain and the Struggle for the Integrity of the Ottoman Empire*. Istanbul: Isis.
- Anderson, Perry (1964). Origins of the Present Crisis // *New Left Review*, No. 23, 26–54.
- Anderson, Perry (1980). *Arguments within English Marxism*. London: New Left Books.
- Anderson, R. L. & Richardson, David (1983). Market Structure and Profits of the British African Trade in the Late Eighteenth Century: A Comment // *Journal of Economic History*, XVII, 3, 713–721.
- Anderson, Terry L. (1979). Economic Growth in Colonial New England: «Statistical Renaissance» // *Journal of Economic History*, XXXIX, 1, 243–257.
- Andrews, Charles M. (1924). *The Colonial Background of the American Revolution: Four Essays in American Colonial History*. New Haven, CT: Yale University Press.
- Andrews, Charles M. (1926). *The American Revolution: An Interpretation* // *American Historical Review*, XXXI, 2, 219–232.
- Andrews, George Reid (1985). Spanish American Independence: A Structural Analysis // *Latin American Perspectives*, XII, 1, 105–132.
- Anisson-Dupéron, Etienne-Alexandre-Jacques (1847). Essai sur les traités de commerce de Methuen et de 1786 dans leur rapports avec la liberté commerciale // *Journal des économistes*, 6e année, XVII, 1–17.
- Anna, Timothy F. (1974). Economic Causes of San Martin's Failure at Lima // *Hispanic American Historical Review*, LIV, 4, 657–681.
- Anna, Timothy E. (1975). The Peruvian Declaration of Independence: Freedom by Coercion // *Journal of Latin American Studies*, VII, 2, 221–248.
- Anna, Timothy E. (1978a). *The Fall of the Royal Government in Mexico City*. Lincoln, NE: University of Nebraska Press.
- Anna, Timothy E. (1978b). The Buenos Aires Expedition and Spain's Secret Plan to Conquer Portugal, 1814–1820 // *The Americas*, XXXIV, 3, 356–379.
- Anna, Timothy E. (1983). *Spain and the Loss of America*. Lincoln, NE: University of Nebraska Press.
- Anna, Timothy E. (1985). The Independence of Mexico and Central America // *Cambridge History of Latin America*, III: L. Bethell, ed., From Independence to c. 1870. Cambridge, Engl.: Cambridge University Press, 51–94.
- Anon. (1810). Cotton // *Encyclopedia Britannica*, 4th ed., Edinburgh.
- Anstey, Roger (1968). Capitalism and Slavery: A Critique // *Economic History Review*, 2nd ser., XXI, 2, 307–320.
- Anstey, Roger (1974). The Volume and Profitability of the British Slave Trade, 1761–1807 // S. L. Engerman & E. D. Genovese, eds., *Race and Slavery in the Western Hemisphere: Quantitative Studies*. Princeton, NJ: Princeton University Press, 3–31.
- Anstey, Roger (1975). *The Atlantic Slave Trade and British Abolition, 1760–1810*. London: Macmillan.
- Anstey, Roger (1976a). The Historical Debate on the Abolition of the British Slave Trade // R. Anstey & P. E. H. Hair, eds., *Liverpool, The Slave Trade, and Abolition*. Bristol, Engl.: Western Printing Service, 157–166.
- Anstey, Roger (1976b). The British Slave Trade, 1751–1807: A Comment // *Journal of African History*, XVII, 4, 606–607.
- Anstey, Roger (1977). The Slave Trade of the Continental Powers, 1760–1810 // *Economic History Review*, 2nd ser., XXX, 2, 259–268.

- Appleby, Joyce* (1984). *Capitalism and a New Social Order: The Republican Vision of the 1790*. New York: New York University Press.
- Aptheker, Herbert* (1960). *The American Revolution, 1763—1783*. New York: International Publ.
- Arasaratnam, S.* (1978). Indian Commercial Groups and European Traders, 1600—1800: Changing Relationships in Southeastern India // *South Asia*, n.s., I, 2, 42—53.
- Arasaratnam, S.* (1979). Trade and Political Dominion in South India, 1750—1790. Changing British-Indian Relationships // *Modern Asian Studies*, XIII, I, 19—40.
- Arasaratnam, S.* (1980). Weavers, Merchants and Company: The Handloom Industry in South-Eastern India, 1750—1790 // *Indian Economic and Social History Review*, XVII, 3, 257—281.
- Arbellot, Guy* (1973). La grande mutation des routes en France au milieu du XVIIIe siècle // *Annales E.S.C.*, XXVIII, 2, 764—791.
- Archer, Christon I.* (1974). Pardos, Indians and the Army of the New Spain: Interrelationships and Conflicts, 1780—1810 // *Journal of Latin American Studies*, VI, 2, 231—255.
- Archer, Christon I.* (1977). *The Army in Bourbon Mexico, 1760—1810*. Albuquerque, NM: University of New Mexico Press.
- Archer, Christon I.* (1981). The Royalist Army in New Spain: Civil-Military Relationships, 1810—1821 // *Journal of Latin American Studies*, XIII, 1, 57—82.
- Archer, Christon I.* (1982). The Officer Corps in New Spain: The Martial Career, 1759—1821 // *Jahrbuch für Geschichte von Staal, Wirtschaft und Gesellschaft Lateinamerikas*, XIX, 137—158.
- Archives de la Ministère des Affaires Etrangères (France)* (1788—1789, 1797). *Mémoires et Documents, Angleterre*, No. 46: *Mémoires sur le Commerce, le Finance, etc.*, 1713 à 1811 (Arch. A.E. 46): 21. fo 239—243 [ca. 1788—1789], 3e mémoire, Recherche sur ce qui est relatif aux étoffes de laines; 29. fo 287—297, may 1797, Remarques sur le traité de commerce entre la France et l'Angleterre de l'an 1786, par Theremin; 37. fo 326—328, Brumaire an VIII. Moyens d'attaquer l'Angleterre dans la source de sa prospérité; 38. fo 329—334, Paris, 29 nivose an 8, Arnould, membre du tribunal au ler consul Bonaparte, sur la Paix: De la Paix avec l'Angleterre sous les rapports de la marine et du commerce de la France.
- Arcila Farias, Eduardo* (1955). *El siglo ilustrado en América. Reformas economicas del siglo XVIII en Nueva España*. Caracas: Ed. del Ministerio de Educación.
- Arciniegas, German* (1973). *Los Comuneros*. Medellin: Ed. Bedout.
- Ardant, Gabriel* (1975). Financial Policy and Economic Infrastructure of Modern States and Nations // Charles Tilly, ed., *The Formation of National State in Western Europe*. Princeton, NJ: Princeton University Press, 164—242.
- Argyle, W.J.* (1966). *The Fon of Dahomey: A History and Ethnography of the old Kingdom*. Oxford: Clarendon Press.
- Armengaud, Andre* (1973). Population in Europe, 1700—1914 // C.M. Cipolla, ed., *Fontana Economic History of Europe, III: The Industrial Revolution*. London: Collins/Fontana, 22—76.
- Armstrong, Maurice W.* (1946). Neutrality and Religion in Revolutionary Nova Scotia // *New England Quarterly*, XIX, I, 50—62.
- Armytage, Frances* (1953). *The Free Port System in the British West Indies: A Study in Commercial Policy, 1766—1822*, Imperial Studies Series, Vol. XX. London: Longmans, Green.
- Arnold, Rosemary* (1957a). A Port of Trade: Whydah of the Guinea Coast // K. Polanyi et al., eds., *Trade and Market in the Early Empires*. New York: Free Press, 154—176.
- Arnold, Rosemary* (1957b). Separation of Trade and Market: Great Market of Whydah // K. Polanyi et al., eds., *Trade and Market in the Early Empires*. New York: Free Press, 177—187.

- Arnould, Ambroise-Marie* (1791). De la balance du commerce et les relations commerciales extérieures de la France dans toutes les parties du globe, particulièrement à la fin du règne de Louis XIV et au moment de la Révolution, 2 vols. Paris: Buisson.
- Artola, Miguel* (1952). Campillo y las reformas de Carlos III // *Revista de Indias*, XII, 50, 685–714.
- Ascherson, Neal, ed.* (1975). *The French Revolution: Extracts from The Times, 1789–1794*. London: Times Books.
- Asdrubal Silva, Hernan* (1978). The United States and the River Plate: Interrelationships and Influences between Two Revolutions // S. Tulchin, ed., *Hemispheric Perspectives on the United States*. Westport, CT: Greenwood Press, 22–36.
- Ashton, T.S.* (1924). *Iron and Steel in the Industrial Revolution*. Manchester, Engl.: Manchester University Press.
- Ashton, T.S.* (1948). *The Industrial Revolution, 1760–1810*. London: Oxford University Press.
- Ashton, T.S.* (1949). The Standard of Life of the Workers in England, 1790–1830 // *Journal of Economic History*, Suppl. IX, 19–38.
- Ashton, T.S.* (1959). *Economic Fluctuations in England, 1700–1800*. Oxford: Clarendon Press.
- Asiegbu, Johnson U.J.* (1969). *Slavery and the Politics of Liberation, 1787–1861*. London: Longmans.
- Athar Ali, M.* (1975). The Passing of Empire: The Mughal Case // *Modern Asian Studies*, IX, 3, 385–396.
- Auckland, William* (1861–1862). *The Journal and Correspondence of William, Lord Auckland*, 4 vols. London: Richard Bentley.
- Auffray, Daniele; Baudouin, Thierry; Collin, Michele & Guillermin, Alain* (1980). *Feux et lieux: Histoire d'une famille et d'un pays face à la société industrielle*. Paris: Galilée.
- Aufhauser, R. Keith.* (1974). Profitability of Slavery in the British Caribbean // *Journal of Interdisciplinary History*, V, I, 45–67.
- Augé, Marc* (1971). L'organisation du commerce pré-colonial en Basse Côte d'Ivoire et ses effets sur l'organisation sociale des populations côtières // C. Meillassoux, ed., *The Development of Indigenous Trade and Markets in West Africa*. London: Oxford University Press, I, 3–167.
- Aulard, A.* (1913). La nuit du 4 août // *La Révolution française*, XLIV, 200–215.
- Austen, Ralph A.* (1970). The Abolition of the Overseas Slave Trade: A Distorted Theme in West African History // *Journal of the Historical Society of Nigeria*, V, 2, 257–274.
- Austen, Ralph A.* (1979). The Trans-Saharan Slave Trade: A Tentative Census // H.A. Gemery & J.S. Hogendorn, eds., *The Uncommon Market*. New York: Academic Press, 23–76.
- Avelino, Ivone Dias.* (1978). Instituição do «comercio livre» na mudança estrutural do sistema colonial espanhol // *Revista de historia do América*, No. 85, 59–83.
- Avrich, Paul* (1973). *Russian Rebels, 1600–1800*. London: Allen Lane.
- Ayandele, E.A.* (1967). Observations in Some Social and Economic Aspects of Slavery in Pre-colonial Northern Nigeria // *Nigerian Journal of Economic and Social Studies*, IX, 3, 329–338.
- Azevedo, João Lucio d'* (1922). *O Marques de Pombal e a sua época*, 2a ed. con emendas. Rio de Janeiro: Anuario do Brasil.
- Bâ, Amadou Hampaté & Daget, Jacques* (1962). *L'empire peul de Macina, I: (1818–1853)*. Paris & La Haye: Mouton (originally published in *Etudes Soudanaises*, III, 1955).
- Baer, Gabriel* (1983). Landlord, Peasant and the Government in the Arab Provinces of the Ottoman Empire in the 19th and Early 20th Century // J.L. Bacqué-Grammont & P. Dumont, dirs., *Économie et sociétés dans l'Empire ottoman (fin du XVIIIe – début du XXe siècle)*, Colloques Internationaux du CNRS, No. 601. Paris: Ed. du CNRS, 261–274.

- Bagchi, Amiya Kumar* (1976a). De-Industrialization in India in the Nineteenth Century: Some Theoretical Implications // *Journal of Development Studies*, XII, 2, 135–164.
- Bagchi, Amiya Kumar* (1976b). De-Industrialization in Gangetic Rihar, 1809–1901 // *Essays in Honour of Professor Susobhan Chandra Sarkar*. New Delhi: People's Public House, 499–522.
- Bagchi, Amiya Kumar* (1976c). Reflections in Patterns of Regional Growth in India during the Period of British Rule // *Bengal Past and Present*, XCV, Part I, No. 180, 247–289.
- Bagchi, Amiya Kumar* (1979). A Reply // *Indian Economic and Social History Review*, XVI, 2, 147–161.
- Bagış, A. I.* (1984). Britain and the Struggle for the Integrity of the Ottoman Empire: Sir Robert Ainslie's Embassy to Istanbul, 1776–1794. Istanbul: Isis.
- Bagú, Sergio* (1979). Prólogo // *M. Izard, El miedo a la revolución*. Madrid: Ed. Tecnos, 13–17.
- Bagwell, Philip S.* (1974). *The Transport Revolution from 1770*. London: B. T. Batsford.
- Baillargeon, Georges E.* (1968). La survivance du régime seigneurial a Montréal. Un régime qui ne veut pas mourir. Ottawa: Le Cercle du Livre de France.
- Bailyn, Bernard* (1962). Political Experience and Enlightenment Ideas in Eighteenth Century America // *American Historical Review*, LXVII, 2, 339–351.
- Bailyn, Bernard* (1967). *Ideological Origins of the American Revolution*. Cambridge, MA: Belknap Press of Harvard University Press.
- Bailyn, Bernard* (1969). A Comment // *American Historical Review*, LXXV, 2, 361–363.
- Bailyn, Bernard* (1973). The Central Themes of the American Revolution: An Interpretation // S. G. Kurtz & J. H. Hutson, eds., *Essays on the American Revolution*. Chapel Hill, NC: University of North Carolina Press, 3–31.
- Bailyn, Bernard* (1986a). *The Peopling of British North America: An Introduction*. New York: Knopf.
- Bailyn, Bernard* (1986b). *Voyagers to the West: A Passage in the Peopling of America on the Eve of the Revolution*. New York: Knopf.
- Bairoch, Paul* (1973a). Agriculture and the Industrial Revolution, 1700–1914 // C. M. Cipolla, ed., *Fontana Economic History of Europe, III: The Industrial Revolution*. London: Collins/Fontana, 452–506.
- Bairoch, Paul* (1973b). Commerce international et genèse de la révolution industrielle anglaise // *Annales E. S. C.*, XXVIII, 2, 545–553.
- Bairoch, Paul* (1974). *Révolution industrielle et sous-développement*, 4e ed. Paris & La Haye: Mouton.
- Bairoch, Paul* (1983). La place de l'énergie hydraulique dans les sociétés traditionnelles et au cours des XIXe et XXe siècles, paper delivered at XV Settimana di Studio, 1st. Int. di Storia Economica "Francesco Datini," Prato, 15–20 apr., mimeo.
- Ballot, Charles* (1923). *L'introduction du machinisme dans l'industrie française*. Paris: Comité des travaux historiques, section d'histoire moderne (depuis 1715) et d'histoire contemporaine, fasc. IX. Lille: O. Marquant.
- Bamford, Paul Walden* (1952). France and the American Market in Naval Timber and Masts, 1776–1786 // *Journal of Economic History*, XII, 1, 21–34.
- Barber, Elinor* (1955). *The Bourgeoisie in Eighteenth-Century France*. Princeton, NJ: Princeton University Press.
- Barbier, Jacques A.* (1972). Elites and Cadres in Bourbon Chile // *Hispanic American Historical Review*, LII, 3, 416–435.
- Barbier, Jacques A.* (1977). The Culmination of the Bourbon Reforms, 1787–1792 // *Hispanic American Historical Review*, LVII, 1, 51–68.
- Barbier, Jacques A.* (1980). Peninsular France and Colonial Trade: The Dilemma of Charles IV's Spain // *Journal of Latin American Studies*, XII, 1, 21–37.

- Barel, Yves (1968). Le développement de la Russie tsariste. Paris & La Haye: Mouton.
- Barkan, Ömer Lütfi (1954). La «Méditerranée» de F. Braudel vue d'Istamboul // *Annales E. S. C.*, IX, 2, 189—200.
- Barkan, Ömer Lütfi (1956). Le Servage existait-il en Turquie? // *Annales E. S. C.*, XI, I, 54—60.
- Barker, Charles Albro (1940). The Background of the Revolution in Maryland. New Haven, CT: Yale University Press.
- Barnave, Antoine (1960). Introduction a la Révolution française // *Cahiers des Annales*, No. 15. Texte établi sur la manuscrit original et présenté par Fernand Rude. Paris: Armand Colin.
- Baron, Samuel H. (1972). The Transition from Feudalism to Capitalism in Russia: A Major Soviet Historical Controversy // *American Historical Review*, LXXVII, 3, 715—729.
- Baron, Samuel H. (1973). The Fate of the Gosti in the Reign of Peter the Great // *Cahiers du monde russe et soviétique*, XIV, 4, 488—512.
- Baron, Samuel H. (1974). Who were the Gosti? // *California Soviet Studies*, VII, 1—40.
- Barr, Stringfellow (1949). The Pilgrimage of Western Man. New York: Harcourt, Brace.
- Barrow, Thomas C. (1968). The American Revolution as a Colonial War for Independence // *William and Mary Quarterly*, 3rd ser., XXV, 3, 452—464.
- Barry, Boubacar (1972). Le royaume de Waalo: Le Sénégal avant la conquête. Paris: Maspéro.
- Barthélemy, Edouard (1848). Notice historique sur les établissements des Côtes occidentales d'Afrique. Paris: Arthus Bertrand.
- Bartlett, Roger P. (1979). Human Capital: The Settlement of Foreigners in Russia, 1792—1804. Cambridge, Engl.: Cambridge University Press.
- Bathily, Abdoulaye (1986). La traite atlantique des esclaves et ses effets économiques et sociaux en Afrique: Le cas de Galam, royaume de l'hinterland sénégalais au dix-huitième siècle // *Journal of African History*, XXVII, 2, 269—293.
- Bauer, Arnold J. (1971). The Church and Spanish American Agrarian Structure, 1765—1865 // *The Americas*, XXVIII, I, 78—98.
- Bauer, Arnold J. (1983). The Church in the Economy of Spanish America: Censos and Deposits in the Eighteenth and Nineteenth Centuries // *Hispanic American Historical Review*, LXIII, 4, 707—734.
- Bauer, John E. (1970). International Repercussions of the Haitian Revolution // *The Americas*, XXVI, 4, 394—418.
- Baykov, Alexander (1974). The Economic Development of Russia // W. Blakewell, ed., *Russian Economic Development from Peter the Great to Stalin*. New York: New Viewpoints, 5—20 (originally published in *Economic History Review*, n. s., VII, 1954).
- Bayly, C. A. (1975). Town Building in North India, 1740—1830 // *Modern Asian Studies*, IX, 4, 483—504.
- Bayly, C. A. (1985). State and Economy in India Over Seven Hundred Years // *Economic History Review*, 2nd ser., XXXVIII, 4, 583—596.
- Bayly, C. A. (1986). The Middle East and Asia during the Age of Revolutions, 1760—1830 // *Itinerario*, X, 2, 69—84.
- Bazant, Jan (1964). Evolución de la industria textil poblana (1544—1845) // *Historia Mexicana*, XII, 4, 473—516.
- Beales, H. S. (1929). Historical Revisions: The «Industrial Revolution» // *History*, n. s., XIV, No. 54, 125—129.
- Bean, Richard (1974). A Note on the Relative Importance of Slaves and Gold in West African Exports // *Journal of African History*, XV, 3, 351—356.
- Beard, Charles A. (1913). An Economic Interpretation of the Constitution of the United States, New York: Macmillan.

- Beard, Charles A.* (1915). *Economic Origins of Jeffersonian Democracy*. New York: Macmillan.
- Béaur, Gérard* (1984). *Le marché foncier à la veille de la révolution*. Paris: Ed. de l'E. H. E. S. S.
- Beck, Thomas* (1981). *The French Revolution and Nobility: A Reconsideration* // *Journal of Social History*, XV, 2, 219–233.
- Becker, Charles & Martin, Victor* (1975). *Kayor et Baol, royaumes sénégalais et traite des esclaves au XVIIIe siècle* // *Revue française d'histoire d'Outre-Mer*, LXII, 226/227, 270–300.
- Beckett, J. V.* (1977). *English Landownership in the Later Seventeenth and Eighteenth Centuries: The Debate and the Problems* // *Economic History Review*, 2nd ser., XXX, 4, 567–581.
- Beer, George Louis* (1907). *British Colonial Policy, 1754–1765*. New York: Macmillan.
- Behrens, Betty* (1965). «Straight History» and «History in Depth»: The Experience of Writers on Eighteenth-Century France // *Historical Journal*, VIII, 1, 117–126.
- Behrens, Betty (C. B. A.)* (1967). *The Ancien Régime*. New York: Harcourt, Brace Jovanovich.
- Behrens-Abouseif, Doris* (1982). *The Political Situation of the Copts, 1798–1923* // B. Braude & B. Lewis, eds., *Christians and Jews in the Ottoman Empire, II: The Arabic-Speaking Lands*. New York: Holmes & Meier, 185–205.
- Belaunde, Victor Andres* (1938). *Bolivar and the Political Thought of the Spanish American Revolution*. Baltimore, MD: Johns Hopkins University Press.
- Bell, Herbert C.* (1916). *British Commercial Policy in the West Indies, 1785–93* // *English Historical Review*, XXXI, No. 123, 429–441.
- Bemis, Samuel Flagg* (1916). *Relations between the Vermont Separatists and Great Britain, 1789–1791* // *American Historical Review*, XXI, 3, 547–560.
- Bemis, Samuel Flagg* (1923). *Jay's Treaty: A Study in Commerce and Diplomacy*. New York: Macmillan.
- Bemis, Samuel Flagg* (1935). *The Diplomacy of the American Revolution*. New York: Appleton-Century.
- Bemis, Samuel Flagg* (1943). *The Latin American Policy of the United States: An Historical Interpretation*. New York: Harcourt, Brace.
- Bemis, Samuel Flagg* (1949). *John Quincy Adams and the Foundations of American Foreign Policy*. New York: Knopf.
- Bemis, Samuel Flagg* (1956). *John Quincy Adams and the Union*. New York: Knopf.
- Bendjebbar, André* (1987). *Les problèmes des alliances politiques, sociales et économiques dans la Contre-Révolution angevine (1787–1799)* // F. Lebrun & R. Dupuy, eds., *Les résistances à la Révolution*. Paris: Imago, 87–96.
- Benians, K. A.* (1940). *The Beginnings of the New Empire, 1783–1793* // J. H. Rose et al., eds., *The Cambridge History of the British Empire, II: The Growth of the New Empire, 1783–1870*. Cambridge, Engl.: At the University Press, 1–35.
- Ben-Shachar, Ari Y.* (1984). *Demand versus Supply in the Industrial Revolution: A Comment* // *Journal of Economic History*, XLIV, 3, 801–805.
- Bent, J. Theodore* (1890). *The English in the Levant* // *English Historical Review*, V, No. 20, 654–664.
- Berend, Ivan T. & Rañki, Gyorgy* (1982). *The European Periphery and Industrialization, 1780–1914*. Cambridge, Engl.: Cambridge University Press.
- Bergeron, Louis* (1970). *Problèmes économiques de la France napoléonienne* // *Revue d'histoire moderne et contemporaine*, XVII, 3, 469–505 (Discussion, 630–638).
- Bergeron, Louis* (1978a). *Introduction* // Pierre Léon, dir., *Histoire économique et sociale du monde, III: Louis Bergeron, dir., Inerties et révolutions, 1730–1840*. Paris: Lib. Armand Colin, 7–9.

- Bergeron, Louis (1978b). Les réseaux de la finance internationale // Pierre Léon, dir., Histoire économique et sociale du monde, III: Louis Bergeron, dir., Inerties et révolutions, 1730—1840. Paris: Lib. Armand Colin, 119—135.
- Bergeron, Louis (1978c). La révolution agricole en Angleterre // Pierre Léon, dir., Histoire économique et sociale du monde, III: Louis Bergeron, dir., Inerties et révolutions, 1730—1840. Paris: Lib. Armand Colin, 226—232.
- Bergeron, Louis. (1978d). La révolution industrielle anglaise // Pierre Léon, dir., Histoire économique et sociale du monde, III: Louis Bergeron, dir., Inerties et révolutions, 1730—1840. Paris: Lib. Armand Colin, 317—345.
- Bergeron, Louis (1978e). L'économie française sous le feu de la révolution politique et sociale // Pierre Léon, dir., Histoire économique et sociale du monde, III: Louis Bergeron, dir., Inerties et révolutions, 1730—1840. Paris: Lib. Armand Colin, Pierre Léon, dir., Histoire économique et sociale du monde, III: Louis Bergeron, dir., Inerties et révolutions, 1730—1840. Paris: Lib. Armand Colin, 347—369.
- Bergeron, Louis (1978f). Banquiers, négociants et manufacturiers parisiens du Directoire à l'Empire. Paris & La Haye: Mouton.
- Bergier, J. F. (1973). The Industrial Bourgeoisie and the Rise of the Working Class, 1700—1914 // C. M. Cipolla, ed., Fontana Economic History of Europe, III: The Industrial Revolution. London: Collins/Fontana, 397—451.
- Berkes, Niyazi (1964). The Development of Secularism in Turkey. Montreal: McGill University Press.
- Berlin, Ira (1976). The Revolution in Black Life // A. F. Young, ed., The American Revolution: Explanations in the History of American Radicalism. DeKalb, IL: Northern Illinois University Press, 349—382.
- Bernstein, Harry (1945). Origin of Inter-American Interest, 1700—1812. Philadelphia, PA: University of Pennsylvania Press.
- Berov, Ljuben (1974). Changes in Price Conditions in Trade Between Turkey and Europe in the 16th-19th Centuries // Etudes balkaniques, II, 2/3, 168—178.
- Berrill, K. E. (1960). International Trade and the Rate of Economic Growth // Economic History Review, 2nd ser., XII, 3, 351—359.
- Bertaud, Jean-Paul (1975). Voies nouvelles pour l'histoire militaire de la révolution // Annales historiques de la Révolution française, XXVII, No. 219, 66—94.
- Berthoff, Rowland & Murrin, John M. (1973). Feudalism, Communalism, and the Yeoman Freeholder: The American Revolution Considered as a Social Accident // S. G. Kurtz & J. H. Hutson, eds., Essays on the American Revolution. Chapel Hill, NC: University of North Carolina Press, 256—288.
- Besset, Giliane (1982). Les relations commerciales entre Bordeaux et La Russie au XVIIIe siècle // Cahiers du monde russe et soviétique, XXIII, 2, 197—219.
- Bethell, Leslie (1969). The Independence of Brazil and the Abolition of the Brazilian Slave Trade: Anglo-Brazilian Relations, 1822—1826 // Journal of Latin American Studies, I, 2, 115—147.
- Bethell, Leslie (1985). The Independence of Brazil // Cambridge History of Latin America, III: L. Bethell, ed., From Independence to c. 1870. Cambridge, Engl.: Cambridge University Press, 157—196.
- Bezanson, Anna (1922). The Early Use of the Term Industrial Revolution // Quarterly journal of Economics, XXXVI, 2, 343—349.
- Bhattacharya, Neeladri (1986). Colonial State and Agrarian Society // S. Bhattacharya & R. Thapar, eds., Situating Indian History. Delhi: Oxford University Press, 106—145.
- Bhattacharya, Sabyasachi (1983). Regional Economy: Eastern India // D. Kumar, ed., Cambridge Economic History of India, II: c. 1757 — c. 1970. Cambridge, Engl.: Cambridge University Press, 270—332.

- Bhattacharya, Sukumar* (1954). *The East India Company and the Economy of Bengal from 1704 to 1740*. London: Luzac.
- Bien, David D.* (1974). La réaction aristocratique avant 1789: l'exemple de l'armée // *Annales E. S. C.*, XXIX, 1, 23–48; XXIX, 2, 505–534.
- Bierck, Harold C., Jr.* (1953). The Struggle for Abolition in Gran Colombia // *Hispanic American Historical Review*, XXXIII, 3, 365–386.
- Bils, Mark* (1984). Tariff Protection and Production in the Early U.S. Cotton Textile Industry // *Journal of Economic History*, XLIV, 4, 1033–1045.
- Birch, Alan* (1967). *The Economic History of the British Iron and Steel Industry, 1784–1879*. London: Frank Cass.
- Birmingham, David* (1966). *Trade and Conflict in Angola: The Mbundu and their Neighbours under the Influence of the Portuguese*. Oxford: Clarendon Press.
- Birmingham, David* (1970). Early African Trade in Angola and Its Hinterland // R. Gray & D. Birmingham, eds., *Pre-Colonial African Trade*. London: Oxford University Press, 163–173.
- Bjork, Gordon C.* (1964). The Weaning of the American Economy: Independence, Market Changes, and Economic Development // *Journal of Economic History*, XXIV, 1, 511–560.
- Blanc, Simone* (1964). Aux origines de la bourgeoisie russe // *Cahiers du monde russe et soviétique*, X, 3, 294–301.
- Blanc, Simone* (1969). Tatišev et la pratique du mercantilisme // *Cahiers du monde russe et soviétique*, X, 3/4, 353–370.
- Blanc, Simone* (1974). The Economic Policy of Peter the Great // W. Blakewell, ed., *Russian Economic Development from Peter the Great to Stalin*. New York: New Viewpoints, 23–49 (transl. from *Cahiers du monde russe et soviétique*, III, 1962).
- Blaug, Mark* (1963). The Myth of the Old Poor Law and the Making of the New // *Journal of Economic History*, XXIII, 2, 151–184.
- Blaug, Mark* (1964). The Poor Law Report Reexamined // *Journal of Economic History*, XXIV, 2, 229–245.
- Bloch, Camille* (1900). Le traité de commerce de 1786 entre la France et l'Angleterre // *Etudes sur l'histoire économique de la France (1760–89)*. Paris: Alphonse Picard et fils, 239–269.
- Bloch, Camille* (1901). *Memoire sur le Traité de Commerce de 1786 entre la France et l'Angleterre, d'après la correspondance du plenipotentiaire anglais*. Paris: Imprimerie Nationale (extract from *Bulletin des sciences économiques et sociales du Camille des Travaux historiques et scientifiques*, 1900, 257–269).
- Bloch, Marc* (1930). La lutte pour l'individualisme agraire clans la France du dix-huitième siècle // *Annales d'histoire économique et sociale*, II, 329–383; 511–556.
- Bloch, Marc* (1952, 1956). *Les caractères originaux de l'histoire rurale française*, 2 vols. Paris: A. Colin.
- Bloch, Marc* (1966). *French Rural History*. Berkeley & Los Angeles: University of California Press.
- Blum, Jerome* (1960). Russian Agriculture in the Last 150 Years of Serfdom // *Agricultural History*, XXXIV, 1, 3–12.
- Blum, Jerome* (1961). *Lord and Peasant in Russia from the Ninth to the Nineteenth Century*. Princeton, NJ: Princeton University Press.
- Boahen, A. Adu* (1964). *Britain, the Sahara, and the Western Sudan, 1788–1861*. Oxford: Clarendon Press.
- Bois, Paul* (1971). *Paysans de l'Ouest*. Paris: Flammarion.
- Bolton, G. C.* (1966). The Founding of the Second British Empire // *Economic History Review*, 2nd ser., XIX, 1, 195–200.

- Bondois, Paul-M.* (1933). L'organisation industrielle et commerciale sous l'Ancien Régime: Le privilège exclusif au XVIIIe siècle // *Revue d'histoire économique et sociale*, XXI, 2/3, 140—189.
- Bonilla, Heraclio* (1972). Clases populares y Estado en el contexto de la crisis colonial // *La Independencia en el Perú*, *Perú Problema*, No. 7. Lima: Instituto de Estudios Peruanos, 13—69.
- Bonilla, Heraclio & Spalding, Karen* (1972). La Independencia en el Perú: las palabras y los hechos // *La Independencia en el Perú*, *Perú Problema*, No. 7. Lima: Instituto de Estudios Peruanos, 70—114.
- Bosher, J. F.* (1965). French Administration and Public Finance in Their European Setting // *New Cambridge Modern History*, VIII: A. Goodwin, ed., *The American and French Revolutions, 1763—93*. Cambridge, Engl.: At the University Press, 565—591.
- Bosher, J. F.* (1970). French Finances 1770—1795: From Business to Bureaucracy. Cambridge, Engl.: Cambridge University Press.
- Boulègue, Jean* (1972). Les Luso-africains de Sénégal, XVIe—XIXe siècles. Dakar: Université de Dakar, Faculté des Lettres et Sciences Humaines, Département d'Histoire.
- Boulle, Pierre H.* (1972). Slave Trade, Commercial Organization and Industrial Growth in Eighteenth-Century Nantes // *Revue française d'histoire d'outre-mer*, LIX, 1er trimestre, No. 214, 70—112.
- Boulle, Pierre H.* (1975). Marchandises de traité et développement industriel dans la France et l'Angleterre du XVIIIe siècle // *Revue française d'histoire d'outre-mer*, LXII, 1er et 2e trimestres, Nos. 226/227, 309—330.
- Bouloiseau, Marc* (1956). Aspects sociaux de la crise cotonnière dans les campagnes rouennaises en 1788—1789 // *Actes du 81e Congrès national des Sociétés savantes Rouen-Caen: Section d'histoire moderne et contemporaine*. Paris: Imprimerie Nationale, 403—428.
- Bouloiseau, Marc* (1957). Cahiers de doléances du Tiers Etat du Baillage de Rouen pour les Etats généraux de 1789. I: La Ville. Paris: Presses Universitaires de France.
- Bouloiseau, Marc* (1960). Cahiers de doléances du Tiers Etats du Baillage de Rouen pour les Etats généraux de 1789. II: La baillie principal. Rouen: Imprimerie administrative de la Seine-Maritime.
- Bouloiseau, Marc* (1983). The Jacobin Republic, 1792—94. Cambridge, Engl.: Cambridge University Press.
- Bourde, André J.* (1953). The Influence of England on the French Agronomes, 1750—1789. Cambridge, Engl.: At the University Press.
- Bourde, André J.* (1967). Agronomic et agronomes en France au XVIIIe siècle, 3 vols. Paris: S.E.V.P.E.N.
- Bourgin, Georges* (1908). Les communaux et la Révolution française // *Nouvelle revue historique de droit français et étranger*, 3e ser., XXXII, 6, 690—751.
- Bourgin, Georges* (1911). L'agriculture, la classe paysanne et la Révolution française (1789 — an IV) // *Revue d'histoire économique et social*, IV, 155—228.
- Bourgin, Hubert* (1904—1905). L'histoire économique de la France de 1800 à 1830 // *Revue d'histoire moderne et contemporaine*, VI, 22—37.
- Bousquet, Nicole* (1974). La dissolution de l'empire espagnol au XIXe siècle et son contexte économique, unpublished M. A. thesis, McGill University.
- Bousquet, Nicole* (1978). La carrière hégémonique de l'Angleterre au sein de l'économie mondiale et le démantèlement des empires espagnol et portugais en Amérique au début du XIXe siècle, unpublished Ph. D. thesis, McGill University.
- Boutier, Jean* (1979). Jacquerie en pays croquant: Les Revoltes paysannes en Aquitaine (décembre 1789 — mars 1790) // *Annales E. S. C.*, XXXIV, 4, 760—786.
- Bouvier, Jean* (1970). A propos de la crise de 1805. Les crises économiques sous l'Empire // *Revue d'histoire moderne et contemporaine*, XVII, juil.-sept. 506—513.

- Bowden, Witt* (1919). The English Manufacturers and the Commercial Treaty with France // *American Historical Review*, XXV, 1, 18—35.
- Boxer, C. R.* (1969). The Portuguese Seaborne Empire, 1415—1825. New York: Knopf.
- Boyetet, M.* (1789). Recueil de divers memoires relatifs au traité de commerce avec l'Angleterre, faits avant, pendant et après les négociations. Versailles: Baudouin.
- Brading, David A.* (1970). Mexican Silver-Mining in the Eighteenth Century: The Revival of Zacatecas // *Hispanic American Historical Review*, L, 4, 665—681.
- Brading, David A.* (1971). Miners and Merchants in Urban Mexico, 1763—1810. Cambridge, Engl.: At the University Press.
- Brading, David A.* (1973a). La estructura de la producción agrícola en el Bajío de 1700 a 1850 // *Historia Mexicana*, XXIII, 2, 197—237.
- Brading, David A.* (1973b). Government and Elites in Late Colonial Mexico // *Hispanic American Historical Review*, LIII, 3, 389—414.
- Brading, David A.* (1983). Classical Republicanism and Creole Patriotism: Simon Bolívar (1783—1830) and the Spanish American Revolution. Cambridge, Engl.: Centre of Latin American Studies, Cambridge University.
- Brading, David A.* (1984). Bourbon Spain and its American Empire // *Cambridge History of Latin America*, I: Leslie Bethell, ed., Colonial Latin America. Cambridge, Engl.: Cambridge University Press, 389—439.
- Brading, David A. & Wu, Celia* (1973). Population Growth and Crisis: Leon, 1720—1860 // *Journal of Latin American Studies*, V, 1, 1—36.
- Brathwaite, Edward* (1971). The Development of Creole Society in Jamaica, 1770—1820. Oxford: Clarendon Press.
- Braude, Benjamin* (1979). International Competition and Domestic Cloth in the Ottoman Empire, 1500—1650: A Study in Underdevelopment // *Review*, II, 3, 437—451.
- Braude, Benjamin & Lewis, Bernard* (1982). Introduction // B. Braude & B. Lewis, eds., Christians and Jews in the Ottoman Empire, I: The Central Lands. New York: Holmes & Meier, 1—34.
- Braudel, Fernand* (1958). Histoire et sciences sociales: La longue durée // *Annales E.S.C.*, XIII, 4, 725—753.
- Braudel, Fernand* (1979). Civilisation matérielle, économie et capitalisme, XVe — XVIIIe siècle, I: Les structures du quotidien, II: Les jeux de l'échange, III: Le temps du monde. Paris: Lib. Armand Colin.
- Braudel, Fernand* (1980). L'empire turc est-il une économie-monde? // *Memorial Ömer Lüfi Barkan*, Bibliothèque de l'Institut Français d'Etudes Anatoliennes d'Istanbul, Vol. XXVIII. Paris: Lib. d'Amérique et d'Orient A. Maisonneuve, 39—51.
- Braudel, Fernand* (1982). Civilization and Capitalism, 15th-18th Century, II: The Wheels of Commerce. New York: Harper & Row.
- Braudel, Fernand* (1984). Civilization and Capitalism, 15th-18th Century, III: The Perspective of the World. New York: Harper & Row.
- Brebner, John Bartlett* (1937). The Neutral Yankees of Nova Scotia: A Marginal Colony during the Revolutionary Years. New York: Columbia University Press.
- Brebner, John Bartlett* (1966a). Laissez-faire and State Intervention in Nineteenth-Century Britain // in E. M. Carus-Wilson, ed., Essays in Economic History, Vol. III. New York: St. Martin's Press, 252—262 (originally published in *Journal of Economic History*, 1948).
- Brebner, John Bartlett* (1966). North Atlantic Triangle: The Interplay of Canada, the United States and Great Britain. Toronto: McClelland & Stewart.
- Briavoinne, Natalis* (1838). Sur les inventions et perfectionnements dans l'industrie, depuis la fin du XVIIIe siècle jusqu'à nos jours // *Mémoire couronné le 8 mai 1837. Mémoire couronné par l'academie royale des Sciences et Belles-Lettres de Bruxelles*, XIII, 5—187.

- Briavoinne, Natalis* (1839). De l'industrie en Belgique, causes de décadence et de prospérité, sa situation actuelle, Vol. I. Bruxelles: Eugene Dubois.
- Bridenbaugh, Carl* (1955). *Cities in Revolt: Urban Life in America, 1743—1776*. New York: Oxford University Press.
- Briggs, Asa* (1960). The Language of «Class» in Early Nineteenth-Century England // A. Briggs & J. Saville, eds., *Essays in Labour History*. London: Macmillan, 43—73.
- British Parliamentary Papers (BPP), Reports from Committees* (1832). X, Parts I & II. Minutes of Evidence taken before the Select Committee on the Affairs of the East India Company, II: Finance and Accounts-Trade, ordered by the House of Commons to be printed on August 16.
- British Parliamentary Papers (BPP), Reports from Committees* (1840a). VII. Report from the Select Committee on East India Produce, ordered by the House of Commons to be printed on July 21.
- British Parliamentary Papers (BPP), Reports from Committees* (1840b). VII. Report from the Select Committee of the House of Lords appointed to consider the petition of the East India Company for Relief, ordered by the House of Commons to be printed on June 4.
- British Parliamentary Papers (BPP), Reports from Committees* (1818a). IX. Report from the Select Committee on the Growth of Cotton in India, ordered by the House of Commons to be printed on July 17.
- British Parliamentary Papers (BPP), Reports from Committees* (1848b). XXIII, Part IV. Supplement No. 1 to the Eighth Report from the Select Committee on Sugar and Coffee Planting, ordered by the House of Commons to be printed on May 29 (361—II-Suppl. N.o. 1).
- British Parliamentary Papers (BPP), Accounts and Papers* (1861). XLIV. Report of the Indigo Commission, ordered by the House of Commons to be printed on March 4.
- Brito Figueroa, Federico* (1966). *Historia económica y social de Venezuela*, 2 vols. Caracas: Universidad Central de Venezuela.
- Broder, Albert* (1976). Le commerce extérieur: L'échec de la conquête d'une position internationale // Fernand Braudel & Ernest Labrousse, dirs., *Histoire économique et social de la France*, III: L'avènement de l'ère industriel (1789 — années 1880). Paris: Presses Universitaires de France, 305—346.
- Broeze, Frank J.A.* (1973). The New Economic History, the Navigation Acts, and the Continental Tobacco Market, 1770—90 // *Economic History Review*, 2nd ser., XXVI, 4, 668—678.
- Brooks, George E.* (1975). Peanuts and Colonialism: Consequences of the Commercialization of Peanuts in West Africa, 1830—70 // *Journal of African History*, XVI, 1, 29—54.
- Brooks, Philip Coolidge* (1936). Spanish Royalists in the United States, 1809—1821 // A.C. Wilgus, ed., *Colonial Hispanic America*. Washington, DC: George Washington University Press, 559—572.
- Brown, Jonathon C.* (1979). *A Socioeconomic History of Argentina, 1776—1860*. Cambridge, Engl.: Cambridge University Press.
- Brown, Murray* (1965). Towards an Endogenous Explanation of Industrialization // *Social Research*, XXXIII, 2, 295—313.
- Brown, Robert E.* (1955a). Economic Democracy before the Constitution // *American Quarterly*, VII, 3, 257—274.
- Brown, Robert E.* (1955b). *Middle-Class Democracy and the Revolution in Massachusetts, 1691—1780*. Ithaca, NY: Cornell University Press.
- Brown, Vera Lee* (1922). Anglo-Spanish Relations in America in the Closing Years of the Colonial Era // *Hispanic American Historical Review*, V, 3, 325—483.

- Brown, Vera Lee* (1928). Contraband Trade: A Factor in the Decline of Spain's Empire in America // *Hispanic American Historical Review*, VIII, 2, 178—189.
- Brown, Vera Lee* (1929—1930). Studies in the History of Spain in the Second Half of the Eighteenth Century // *Smith College Studies in History*, XV, 112, 3—92.
- Brown, Wallace* (1974). The American Colonies and the West Indies // *American History Illustrated*, IX, 2, 12—23.
- Browning, Oscar* (1885). The Treaty of Commerce between England and France in 1786 // *Transactions of the Royal Historical Society*, n. s., II, 319—364.
- Browning, Oscar, ed.* (1909, 1910). Despatches from Paris, 1784—1790, I: (1784—1787), Camden Third Series, XVI, 1909; II: (1788—1790), Camden Third Series, XIX, 1910. London: Offices of the Royal Historical Society.
- Bruchey, Stuart* (1958). Success and Failure Factors: American Merchants in Foreign Trade in the Eighteenth and Early Nineteenth Centuries // *Business History Review*, XXXII, 3, 272—292.
- Bruchey, Stuart* (1965). The Roots of American Economic Growth, 1607—1861: An Essay in Social Causation. New York: Harper & Row.
- Bruchey, Stuart* (1987). Economy and Society in an Earlier America // *Journal of Economic History*, XLVII, 2, 299—319.
- Brugière, Michel* (1986). *Gestionnaires et profiteurs de la Révolution: L'administration des finances françaises de Louis XVI à Bonaparte*. Paris: Olivier Orban.
- Brunet, Michel* (1959). The British Conquest: Canadian Social Scientists and the Fate of the Canadians // *Canadian Historical Review*, XL, 2, 93—107.
- Buckley, Roger Norman* (1979). *Slaves in Red Coats: The British West India Regiments, 1795—1815*. New Haven, CT: Yale University Press.
- Buda, Aleks* (1972). Problèmes de l'histoire de l'Albanie des VIIIe—XVIIIe siècles dans les recherches de la nouvelle historiographie albanaise // *Actes du IIe Congrès International des Etudes du Sud-Est Européen*, Athènes, 7—13 mai 1970, I: *Chronique du Congrès, Rapports*. Athènes: Comité Hellénique d'Organisation, 87—103.
- Bullion, John L.* (1983). *A Great and Necessary Measure: George Greenville and the Genesis of the Stamp Act, 1763—1765*. Columbia, MO: University of Missouri Press.
- Burckhardt, Jacob* (1965). *Fragments historiques*. Genève: Lib. Droz.
- Burkholder, Mark A.* (1972). From Creole to Peninsular: The Transformation of the Audiencia de Lima // *Hispanic American Historical Review*, LII, 3, 395—415.
- Burkholder, Mark A.* (1976). The Council of the Indies in the Late Eighteenth Century: A New Perspective // *Hispanic American Historical Review*, LVI, 3, 404—423.
- Burstin, Haim* (1986). I sanculotti; un dossier da riaprire // *Passato e presente*, No. 10, genn.-apr., 23—52.
- Burt, A. L.* (1931). A New Approach to the Problem of the Western Posts // *Report of Annual Meeting of Canadian Historical Association*, Ottawa, May 26—27. Ottawa: Department of Public Archives, 61—75.
- Busch-Zantner, R.* (1938). *Agrarverfassung, Gesellschaft und Siedlung in Südösteuropas in besonderer Berücksichtigung der Türkenzeit*. Leipzig: Otto Harrasowitz.
- Bushnell, David* (1985). The Independence of Spanish South America // *Cambridge History of Latin America*, III: I. Bethell, eds., *From independence to c. 1870*. Cambridge, Engl.: Cambridge University Press, 95—156.
- Butel, Paul* (1970). Crise et mutation de l'activité économique à Bordeaux sous le Consulat et Empire // *Revue d'histoire moderne et contemporaine*, XVII, juil. — sept., 540—558.
- Butel, Paul* (1978a). Les Amériques et Europe // *Pierre Léon, dir., Histoire économique et sociale du monde*, III: Louis Bergeron, dir., *Inerties et révolutions, 1730—1840*. Paris: Lib. Armand Colin, 53—92.

- Butel, Paul* (1978b). La richesse des Indes // Pierre Léon, dir., Histoire économique et sociale du monde, III: Louis Bergeron, dir., Inerties et révolutions, 1730—1840. Paris: Lib. Armand Colin, 93—109.
- Butel, Paul* (1978c). Marchés européens, traditions et renouvellements // Pierre Léon, dir., Histoire économique et sociale du monde, III: Louis Bergeron, dir., Inerties et révolutions, 1730—1840. Paris: Lib. Armand Colin, 109—119.
- Cadot, Michel & Van Regemorter, Jean-Louis* (1969). Le commerce extérieur de la Russie en 1784, d'après le journal de voyage de Baert du Hollant // Cahiers du monde russe et soviétique, x, 3/4, 371—391.
- Cahen, Leon* (1939). Une nouvelle interpretation du traite franco-anglais de 1786—1787 // Revue historique, 64 année, CLXXXV, 2, 257—285.
- Cain, P.J. & Hopkins, A.G.* (1980). The Political Economy of British Expansion Overseas, 1750—1914 // Economic History Review, 2nd ser., XXXIII, 4, 463—491.
- Cain, P.J. & Hopkins, A.G.* (1986). Gentlemanly Capitalism and British Expansion Overseas. The Old Colonial System, 1688—1850 // Economic History Review, 2nd ser., XXXIX, 4, 501—525.
- Calhoun, Craig* (1982). The Question of Class Struggle: Social Foundations of Popular Radicalism during the Industrial Revolution. Chicago, IL: University of Chicago Press.
- Callahan, William* (1968). A Note on the Real y General Junta de Comercio, 1679—1814 // Economic History Review, 2nd ser., XXI, 3, 519—528.
- Callender, Guy S.* (1902). The Early Transportation and Banking Enterprises of the States in Relation to the Growth of the Corporation // Quarterly Journal of Economics, XVII, 1, 111—162.
- Cameron, Rondo E.* (1956). Some French Contributions to the Industrial Development of Germany, 1840—1870 // Journal of Economic History, XVI, 3, 281—321.
- Cameron, Rondo E.* (1958). Economic Growth and Stagnation in France, 1815—1914 // Journal of Modern History, XXX, 1, 1—13.
- Cameron, Rondo* (1982). The Industrial Revolution: A Misnomer // The History Teacher, XV, 3, 377—384.
- Cameron, Rondo* (1985). A New View of European Industrialization // Economic History Review, 2nd ser., XXXVIII, 1, 1—23.
- Cameron, Rondo* (1986). Was England Really Superior to France? // Journal of Economic History, XLVI, 4, 1031—1039.
- Cameron, Rondo & Freedeman, Charles E.* (1983). French Economic Growth: A Radical Revision // Social Science History, VII, 1, 3—30.
- Campbell, Leon G.* (1972a). A Colonial Establishment: Creole Domination of the Audiencia of Lima during the Late Eighteenth Century // Hispanic American Historical Review, LII, 1, 1—25.
- Campbell, Leon G.* (1972b). Black Power in Colonial Peru: The 1779 Tax Rebellion of Lambayeque // Phylon, XXXIII, 2, 140—152.
- Campbell, Leon G.* (1976). The Army of Peru and the Tupac Amaru Revolt, 1780—1783 // Hispanic American Historical Review, LVI, 1, 31—57.
- Campbell, Leon G.* (1979). Recent Research on Andean Peasant Revolts, 1750—1820 // Latin America Research Review, XIV, 1, 3—49.
- Campbell, Leon G.* (1981). Social Structure of the Tupac Amaru Army in 1780—81 // Hispanic American Historical Review, LXI, 4, 675—693.
- Campbell, R.H.* (1967). The Industrial Revolution in Scotland: A Revision Article // Scottish Historical Review, XLVI, 1, 141, 37—55.
- Cannadine, David* (1984). The Past and the Present in the English Industrial Revolution, 1880—1980 // Past and Present, No. 103, May, 131—172.

- Cárdenas Acosta, Pablo E.* (1960). El movimiento comunal de 1781 en el Nuevo Reino de Granada (Reivindicaciones históricas), 2 vols. Bogotá: Ed. Kelly.
- Carr, Raymond* (1969). Spain and Portugal, 1793 to c. 1840 // *New Cambridge Modern History*, IX: C.W. Crawley, ed., War and Peace in an Age of Upheaval, 1793–1830. Cambridge, Engl.: At the University Press, 439–461.
- Carrera Damas, Germán* (1963). A propósito de los hipótesis de Charles C. Griffin: Cuestiones económicos-sociales de la emancipación // *Crítica contemporánea*, No. 10, marzo-abril, 13–21.
- Carriere, Charles* (1973). *Négociants marseillais au XVIIIe siècle*. Marseilles: Institut Historique de Provence.
- Carus-Wilson, E.M.* (1954). An Industrial Revolution of the Thirteenth Century // E.M. Carus-Wilson, ed., *Essays in Economic History*, Vol. I. London: Edward Arnold, 41–60 (originally published in *Economic History Review*, 1941).
- Castaneda, C.E.* (1929). The Corregidor in Spanish Colonial Administration // *Hispanic American Historical Review*, IX, 4, 446–470.
- Catchpole, Brian & Akinjogbin, I.A.* (1984). *A History of West Africa in Maps and Diagrams*. London: Collins Educational.
- Cavanaugh, Gerald J.* (1972). The Present State of French Revolutionary Historiography: Alfred Cobban and Beyond // *French Historical Studies*, VII, 4, 587–606.
- Cazals, Rémy* (1983). *Les révolutions industrielles à Mazamet, 1750–1900*. Paris & Toulouse: La Découverte-Maspéro, Privat.
- Cesaire, Aime* (1961). *Toussaint Louverture: La Révolution française et le problème colonial*. Paris: Présence africaine.
- Céspedes de Castillo, Guillermo* (1946). Lima y Buenos Aires: repercusiones económicas y políticas de la creación del Virreinato del Río de la Plata // *Anuario de Estudios Americanos*, III, 667–874.
- Chabert, Alexandre* (1945). *Essai sur les mouvements des prix et des revenus en France de 1798 à 1820*. Paris: Lib. de Médecis.
- Chabert, Alexandre* (1949). *Essai sur le mouvement des revenus et de l'activité économique en France de 1798 à 1820*. Paris: Lib. de Médecis.
- Chalmin, Pierre* (1968). La querelle des Bleus et des Rouges dans l'Artillerie française à la fin du XVIIIe siècle // *Revue d'histoire économique et sociale*, XLVI, 4, 465–505.
- Chaloner, W.H.* (1957). The Agriculture Activities of John Wilkinson, Ironmaster // *Agriculture History Review*, V, I, 48–51.
- Chaloner, W.H.* (1964). Hazards of Trade with France in Time of War, 1776–1783 // *Business History*, VI, 2, 79–92.
- Chamberlin, Christopher* (1979). Bulk Exports, Trade Tiers, Regulation, and Development: An Economic Approach to the Study of West Africa's „Legitimate Trade” // *Journal of Economic History*, XXXIX, 2, 419–438.
- Chambers, J.D.* (1940). Enclosure and the Small Landowner // *Economic History Review*, X, 2, 118–127.
- Chambers, J.D.* (1953). Enclosure and Labour Supply in the Industrial Revolution // *Economic History Review*, 2nd ser., V, 3, 319–343.
- Chambers, J.D.* (1957). The Vale of Trent, 1670–1800, a Regional Study of Economic Change // *Economic History Review*, Suppl. N.o. 3. London: Cambridge University Press.
- Chambers, J.D.* (1972). *Population, Economy, and Society in Pre-Industrial England*. London: Oxford University Press.
- Chambers, J.D. & Mingay, G.E.* (1966). *The Agricultural Revolution, 1750–1880*. London: B. T. Batsford.
- Chambre, Henri.* (1964). Posoškov et le mercantilisme // *Cahiers du monde russe et soviétique*, IV, 4, 335–365.

- Champion, Edne.* (1897). *La France d'après les cahiers de 1789*. Paris: Armand Colin.
- Chandler, Charles Lyon* (1924). United States Commerce with Latin America at the Pro-mulgation of the Monroe Doctrine // *Quarterly Journal of Economics*, XXXVIII, 3, 466—486.
- Chandra, Bipan* (1968). Reinterpretation of Nineteenth Century Indian Economic History // *Indian Economic and Social History Review*, V, 1, 35—75.
- Chandra, Satish* (1966). Some Aspects of the Growth of a Money Economy in India during the Seventeenth Century // *Indian Economic and Social History Review*, III, 4, 321—331.
- Chandra, Satish* (1972). *Parties and Politics at the Mughal Court, 1707—1740*, 2nd ed. New Delhi: People's Publishing House.
- Chandra, Satish* (1974). Some Aspects of Indian Village Society in Northern India during the 18th Century — The Position and Role of the khud-kásht and páhi-kásht // *Indian Historical Review*, I, 1, 51—64.
- Chapman, Stanley D.* (1965). The Transition to the Factory System in the Midlands Cotton-Spinning Industry // *Economic History Review*, 2nd ser., XVIII, 3, 526—543.
- Chapman, Stanley D.* (1970). Fixed Capital Formation in the British Cotton Industry, 1770—1815 // *Economic History Review*, 2nd ser., XXIII, 2, 235—266.
- Chapman, Stanley D.* (1971). Fixed Capital Formation in the British Cotton Manufacturing Industry // J.P.P. Higgins & S. Pollard, eds., *Aspects of Capital Investment in Great Britain, 1750—1850: A Preliminary Survey*. London: Methuen, 57—107.
- Chapman, Stanley D.* (1972). *The Cotton Industry in the Industrial Revolution*. London: Macmillan.
- Chapman, Stanley D.* (1979). Financial Restraints on the Growth of Firms in the Cotton Industry, 1790—1850 // *Economic History Review*, 2nd ser., XXXII, 1, 50—69.
- Chaptal, Jean-Antoine* (1819). *De l'industrie française*, 2 vols. Paris: A. A. Renouard.
- Chaptal, Jean-Antoine-Claude* (1893). Un projet de traité de commerce avec l'Angleterre sous le Consulat // *Revue d'économie politique*, VII, 2, 83—98.
- Charles, Eunice A.* (1977). *Precolonial Senegal: The Kingdom, 1800—1890*. Boston, MA: African Studies Center, Boston University.
- Chassagne, Serge* (1978). L'industrie lainière en France à l'époque révolutionnaire et impériale (1790—1810) // A. Soboul, dir., *Voies nouvelles pour l'histoire de la Révolution française*, Commission d'histoire économique et sociale de la Révolution française, Mémoires et Documents, Vol. XXXV. Paris: Bibliothèque Nationale, 143—167.
- Chassagne, Serge* (1979). La diffusion rurale de l'industrie cotonnière en France (1750—1850) // *Revue du Nord*, LXI, No. 240, 97—111.
- Chassagne, Serge* (1980). *Oberkampf: Un entrepreneur capitaliste au Siècle des Lumières*. Paris: Aubier Montaigne.
- Chassagne, Serge* (1981). Aspects des phénomènes d'industrialisation et de désindustrialisation dans les campagnes françaises au XIXe siècle // *Revue du Nord*, LXIII, No. 248, 35—58.
- Chaudhuri, Binoy Bhushan* (1976). Agricultural Growth in Bengal and Bihar, 1770—1860. Growth of Cultivation since the Famine of 1770 // *Bengal Past and Present*, XCV, 1, No. 180, 290—340.
- Chaudhuri, K. N.* (1966). India's Foreign Trade and the Cessation of the East India Company's Trading Activities, 1828—1840 // *Economic History Review*, 2nd ser., XIX, 2, 45—363.
- Chaudhuri, K. N.* (1968). India's International Economy in the Nineteenth Century: A Historical Survey // *Modern Asian Studies*, II, 1, 31—50.
- Chaudhuri, K. N.* (1971). Introduction // K. N. Chaudhuri, ed., *The Economic Development of India under the East India Company, 1814—58. A Selection of Contemporary Writings*. Cambridge, Engl.: At the University Press, 1—50.

- Chaudhuri, K. N.* (1974). The Structure of the Indian Textile Industry in the Seventeenth and Eighteenth Centuries // *Indian Economic and Social History Review*, XI, 2/3, 127—182.
- Chaudhuri, K. N.* (1978). The Trading World of Asia and the English East India Company, 1660—1760. Cambridge, Engl.: Cambridge University Press.
- Chaudhuri, K. N.* (1979). Markets and Traders in India during the Seventeenth and Eighteenth Centuries // K. N. Chaudhuri & Clive J. Dewey, eds., *Economy and Society: Essays in Indian Economic and Social History*. Delhi: Oxford University Press, 143—162.
- Chaudhuri, K. N.* (1981). The World-System East of Longitude 20°: The European Role in Asia, 1500—1750 // *Review*, V, 2, 219—245.
- Chaudhuri, K. N.* (1982). Foreign Trade: European Trade in the India // T. Raychaudhuri & I. Habib, eds., *Cambridge Economic History of India*, I. c.1200 — c.1700. Cambridge, Engl.: Cambridge University Press, 382—407.
- Chaudhuri, K. N.* (1983a). Foreign Trade and Balance of Payments (1757—1947) // D. Kumar, ed., *Cambridge Economic History of India*, II: c.1757 — c.1970. Cambridge, Engl.: Cambridge University Press, 804—877.
- Chaudhuri, K. N.* (1983b). The Trading World of Asia and the English East India Company, 1660—1760: A Review of Reviews // *South Asia Research*, III, 1, 10—17.
- Chaunu, Pierre* (1954). Pour une histoire sociale: de l'Amérique espagnole coloniale // *Revue historique*. 78e année, CCXI, 2, 309—316.
- Chaunu, Pierre* (1963). Interprétation de l'indépendance de l'Amérique latine // *Bulletin de la Faculté des Lettres de Strasbourg*, LXI, 8, TILAS III, 103—421.
- Chaunu, Pierre* (1961). L'Amérique et les Amériques. Paris: Lib. Armand Colin.
- Chaunu, Pierre* (1966). La civilisation de l'Europe classique. Paris: Arthaud.
- Chaunu, Pierre* (1972a). Les enquêtes du Centre de Recherches d'Histoire Quantitative de Caen: Réflexions sur l'échec industriel de la Normandie // Pierre Léon et al., dirs., *L'industrialisation en Europe au XIXe siècle*, Colloques Internationaux du CNRS, No. 540. Paris: Ed. du CNRS, 285—299 (with Discussion, 300—304).
- Chaunu, Pierre* (1972b). Interpretación de la independencia de América // *La Independencia en el Perú*, *Perú Problema*, No. 7. Lima: Instituto de Estudios Peruanos, 167—194.
- Chaussinand-Nogaret, Guy* (1970). Le financiers du Languedoc au XVIIIe siècle, Paris: S. E. V. P. E. N.
- Chaussinand-Nogaret, Guy* (1975). Aux origines de la Révolution: noblesse et bourgeoisie // *Annales E. S. C.*, XXX, 2/3, 265—278.
- Chaussinand-Nogaret, Guy* (1981). La ville jacobine et balzacienne // G. Duby, dir., *Histoire de la France urbaine*, III: E. Le Roy Ladurie, dir., *La ville classique de la Renaissance aux Révolutions*. Paris: Seuil, 537—621.
- Chaussinand-Nogaret, Guy* (1985). L'identité nationale et le problème des élites: la France du XVIIIe siècle // *Commentaire*, No. 31, aut., 856—863.
- Checkland, S. G.* (1958). Finance for the West Indies, 1780—1815 // *Economic History Review*, 2nd ser., X, 3, 461—469.
- Chesnutt, David R.* (1978). South Carolina's Impact upon East Florida, 1763—1776 // S. Proctor, ed., *Fifteenth-Century Florida and the Revolutionary South*. Gainesville, FL: University Presses of Florida, 5—14.
- Chevallier, Dominique* (1968). Western Development and Eastern Crisis in the MidNineteenth Century: Syria Confronted with the European Economy // W. R. Polk & R. L. Chambers, eds., *Beginnings of Modernization in the Middle East*. Chicago, IL: University of Chicago Press, 205—222.
- Chicherov, A. I.* (1971). India, Economic Development in the 16th-18th Centuries. Moscow: Nauka.

- Choulgine, Alexandre (1922). L'organisation capitaliste de l'industrie existait-elle en France à la veille de la Révolution? // *Revue d'histoire économique et social*, X, 2, 184—218.
- Christelow, Allan (1942). Contraband Trade Between Panama and the Spanish Main, and the Free Port Act of 1766 // *Hispanic American Historical Review*, XXII, 2, 309—343.
- Christelow, Allan (1947). Great Britain and the Trades from Cadiz and Lisbon to Spanish America and Brazil, 1759—1783 // *Hispanic American Historical Review*, XXVII, I, 2—29.
- Christie, Ian R. & Labaree, Benjamin W. (1976). *Empire or Independence, 1760—1776*. New York: W. W. Norton.
- Chung, Tan (1974). *The British-China-India Trade Triangle (1771—1840)* // *Indian Economic and Social History Review*, XI, 4, 411—431.
- Cipolla, Carlo (1961). Sources d'énergie et histoire de la humanité // *Annales E.S.C.*, XVI, 3, 521—534.
- Cipolla, Carlo M. (1973). Introduction // C. M. Cipolla, ed., *Fontana Economic History of Europe*, III: The Industrial Revolution. London: Collins/Fontana, 7—21.
- Clapham, J. H. (1917). Loans and Subsidies in Time of War, 1793—1914 // *Economic Journal*, XXVII, No. 108, 495—501.
- Clapham, J. H. (1920). Europe after the Great Wars, 1816 and 1920 // *Economic Journal*, XXX, No. 120, 423—435.
- Clapham, J. H. (1923). The Growth of an Agrarian Proletariat, 1688—1832: A Statistical Note // *Cambridge Historical Journal*, I, I, 92—95.
- Clapham, J. H. (1940). Industrial Revolution and the Colonies, 1783—1822 // J. Holland Rose, A. P. Newton & E. A. Benians, eds., *The Cambridge History of the British Empire*, II: The Growth of the New Empire, 1783—I 870. Cambridge, Engl.: At the University Press, 217—240.
- Clapham, J. H. (Sir John) (1944). *The Bank of England: A History*. Cambridge, Engl.: At the University Press.
- Clapham, J. H. (1966). The Last Years of the Navigation Acts // E. M. Carus-Wilson, ed., *Essays in Economic History*, Vol. III. New York: St. Martin's Press, 144—178 (originally published in *English Historical Review*, 1910).
- Clark, Edward C. (1974). The Ottoman Industrial Revolution // *International Journal of Middle East Studies*, V, I, 65—76.
- Clark, G. N. (1953). *The Idea of the Industrial Revolution*. Glasgow: Jackson, Son & Co., 1953.
- Clark, J. C. D. (1985). *English Society, 1688—1832: Ideology, Social Structure, and Political Practice during the Ancien Régime*. Cambridge, Engl.: Cambridge University Press.
- Clark, J. C. D. (1986). *Revolution and Rebellion: State and Society in England in the Seventeenth and Eighteenth Centuries*. Cambridge, Engl.: Cambridge University Press.
- Clark, John G. (1970). *New Orleans, 1718—1812: An Economic History*. Baton Rouge, LA: Louisiana State University Press.
- Clark, John G. (1981). *La Rochelle and the Atlantic Economy during the Eighteenth Century*. Baltimore & London: Johns Hopkins University Press.
- Clark, S. D. (1959). *Movements of Political Protest in Canada, 1640—1840*. Toronto: University of Toronto Press.
- Clark, Victor S. (1916). *History of Manufactures in the United States, 1607—1800*. Washington, DC: Carnegie Institution.
- Clarkson, Jesse Dunsmore (1970). Some Notes on Bureaucracy, Aristocracy, and Autocracy in Russia, 1500—1800 // G. A. Ritter, hrsg., *Entstehung und Wandel der modernen Gesellschaft*. Berlin: Walter de Gruyter, 187—220.
- Clauder, Anna C. (1932). *American Commerce as Affected by the Wars of the French Revolution and Napoleon, 1793—1812*. Philadelphia: University of Pennsylvania Thesis.

- Clendenning, P.H. (1972). Eighteenth Century Russian Translation of Western Economic Works // *Journal of European Economic History*, 1, 3, 745—753.
- Clendenning, P.H. (1979). The Background and Negotiations for the Anglo-Russian Commercial Treaty of 1766 // A.G. Cross, ed., *Great Britain and Russia in the Eighteenth Century: Contrasts and Comparisons*. Newton, MA: Oriental Research Partners, 145—163.
- Clère, Jean-Jacques (1982). La vaine pâture au XIXe siècle: un anachronisme? // *Annales historiques de la Révolution française*, LIV année, No. 244, 113—128.
- Clogg, Richard (1973). Aspects of the Movement for Greek Independence // R. Clogg, ed., *The Struggle for Greek Independence*. London: Macmillan, 1—40.
- Clough, Shepard B. (1957). The Diffusion of Industry in the Last Century and a Half // *Studi in onore di Armando Saporì*, Vol. II. Milano: Istituto Ed. Cisalpino, 1341—1357.
- Coale, A.J. & Hoover, E.M. (1969). The Effects of Economic Development on Population Growth // Michael Drake, ed., *Population in Industrialization*. London: Methuen, 11—20 (originally published in 1958).
- Coats, A. W. (1958). Changing Attitudes of Labour in Mid-Eighteenth Century // *Economic History Review*, 2nd ser., XI, 1, 35—51.
- Cobb, Richard (1959). The People in the French Revolution // *Past and Present*, No. 15, 60—72.
- Cobb, Richard & Rudé, George (1955). Le dernier mouvement populaire de la Révolution à Paris: Les journées de germinal et de prairial, an III // *Revue historique*, LXXIX, No. 219, 250—281.
- Cobban, Alfred (1954). British Secret Service in France, 1784—1792 // *English Historical Review*, LXIX, No. 271, 226—261.
- Cobban, Alfred (1956). The Vocabulary of Social History // *Political Science Quarterly*, LXXI, 1, 1—17.
- Cobban, Alfred (1958). Historians and the Causes of the French Revolution, Historical Association, Pamphlet No. 2. London: Routledge & Kegan Paul.
- Cobban, Alfred (1963). *A History of Modern France, I: Old Regime and Revolution, 1715—1799*, 3rd ed. Hammondsorth, Engl.: Penguin.
- Cobban, Alfred (1964). *The Social Interpretation of the French Revolution*. Cambridge Engl.: Cambridge University Press.
- Cobban, Alfred (1965). *A History of Modern France, II: From the First Empire to the Second Empire, 1799—1871*, 2nd ed. Hammondsorth, Engl.: Penguin.
- Cobban, Albert (1967). The French Revolution, Orthodox & Unorthodox: A Review of Reviews // *History*, LII, No. 175, 149—159.
- Cobban, Alfred (1968a). The Enlightenment and the French Revolution // *Aspects of the French Revolution*. New York: George Braziller, 18—28 (originally published in 1965).
- Cobban, Alfred (1968b). Historians and the Causes of the French Revolution // *Aspects of the French Revolution*. New York: George Braziller, 29—67 (originally published in 1958).
- Cobban, Alfred (1968c). The Parlements of France in the Eighteenth Century // *Aspects of the French Revolution*. New York: George Braziller, 68—82 (originally published in *History*, 1950).
- Cobban, Alfred (1968d). The Myth of the French Revolution // *Aspects of the French Revolution*. New York: George Braziller, 90—111 (originally published in 1955).
- Cobbett, William, ed. (1816). *The Parliamentary History of England from the Earliest Period to the Year 1803*, XXVI: 15 May 1786 to 8 Feb. 1788. London: T. C. Hansard.
- Cochran, Thomas C. (1981). *Frontiers of Change: Early Industrialism in America*. New York: Oxford University Press.

- Coelho, Philip R.P. (1973). The Profitability of Imperialism: The British Experience in the West Indies, 1768–1772 // *Explorations in Economic History*, X, 3, 253–280.
- Cohen, Felix (1949). Appendix XIV to United Kingdom, Colonial Office, Gold Coast: Report to His Excellency the Governor by the Committee on Constitutional Reform, Colonial No. 250. London: HMSO, 100–104.
- Cohen, Jon S. & Weitzman, Martin L. (1975). A Marxian Model of Enclosures // *Journal of Development Economics*, I, 4, 287–336.
- Cohn, Bernard S. (1961). From Indian Status to British Contract // *Journal of Economic History*, XXI, 4, 613–628.
- Cole, Arthur H. (1959). The Tempo of Mercantile Life in Colonial America // *Business History Review*, XXXIII, 3, 277–299.
- Cole, G. D. H. (1952). *Introduction to Economic History, 1750–1950*. London: Macmillan.
- Cole, W. A. (1969). Trends in Eighteenth-Century Smuggling // W. E. Minchinton, ed., *The Growth of English Overseas Trade in the Seventeenth and Eighteenth Centuries*. London: Methuen, 1969, 121–113 (originally published in *Economic History Review*, 1958).
- Cole, W. A. (1973). Eighteenth-Century Economic Growth Revisited // *Explorations in Economic History*, X, 4, 327–318.
- Cole, W. A. (1981). Factors in Demand, 1700–80 // R. Floud & D. N. McCloskey, eds., *The Economic History of Britain Since 1700, I. 1700–1860*. Cambridge, Engl.: Cambridge University Press, 36–65.
- Cole, W. A. & Deane, Phyllis (1966). The Growth of National Incomes // H. J. Habakkuk & M. Postan, eds., *Cambridge Economic History of Europe, VI: The Industrial Revolutions and After: Incomes, Population and Technological Change*. Cambridge, Engl.: Cambridge University Press, 1–55.
- Coleman, D. C. (1956). Industrial Growth and Industrial Revolutions // *Economica*, n.s., XXIII, No. 89, 1–22.
- Coleman, D. C. (1964). Industrial Revolution // Julius Gould & William L. Kolb, eds., *A Dictionary of the Social Sciences*. London: Tavistock, 326–327.
- Coleman, D. C. (1966). Industrial Growth and Industrial Revolutions // E. M. Carus Wilson, eds., *Essays in Economic History, Vol. III*. New York: St. Martin's Press, 334–352 (originally published in *Economica*, 1956).
- Coleman, D. C. (1983). Proto-Industrialization: A Concept Too Many // *Economic History Review*, 2nd ser., XXXVI, 3, 435–448.
- Colley, Linda (1984). The Apotheosis of George III: Loyalty, Royalty and the British Nation, 1760–1820 // *Past and Present*, No. 102, 94–129.
- Colley, Linda (1986). Whose Nation? Class and National Consciousness in Britain, 1750–1830 // *Past and Present*, No. 113, 97–117.
- Collier, Simon (1963). *Ideas and Politics of Chilean Independence, 1808–1813*. Cambridge, Engl.: At the University Press.
- Collins, E. J. T. (1975). Dietary Change and Cereal Consumption in Britain in the Nineteenth Century // *Agricultural History Review*, XXIII, Part II, 97–115.
- Colvin, Lucie G. (1971). The Commerce of Hausaland, 1780–1833 // D. McCall & N. Bennett, eds., *Aspects of West African Islam, Boston University Papers on Africa, Vol. V*. Boston, MA: Boston University African Studies Center, 101–135.
- Comadrán Ruiz, Jorge (1955). En torno al problema del indio en el Rio de la Plata // *Anuario de Estudios Americanos*, XII, 39–74.
- Comninel, George C. (1985). The Political Context of the Popular Movement in the French Revolution // F. Krantz, ed., *History From Below: Studies in Popular Protest and Popular Ideology in Honour of George Rudi*. Montreal: Concordia University, 143–162.

- Comninel, George C. (1987). *Rethinking the French Revolution*. London: Verso.
- Confino, Michael (1960a). Maîtres de forge et ouvriers dans les usines métallurgiques de l'Oural aux XVIIIe-XIXe siècles // *Cahiers du monde russe et soviétique*, I, 2, 239—284.
- Confino, Michael (1960b). La politique de tutelle des seigneurs russes envers leurs paysans vers la fin du XVIIIe siècle // *Revue des études slaves*, XXXVII, fasc. 1—4, 39—69.
- Confino, Michael (1961a). La compatabilité des domaines privés en Russie dans la seconde moitié du 18 de siècle (d'après les «Travaux de Société Libre d'Économie» de St. Petersbourg) // *Revue d'histoire moderne et contemporaine*, VIII, 1, 5—34.
- Confino, Michael (1961b). Problèmes agraires, le système des redevances mixtes: Dans les domaines privés en Russie (XVIIIe — XIXe siècles) // *Annales E.S.C.*, XVI, 6, 1066—1095.
- Confino, Michael (1963). *Domaines et seigneurs en Russie vers la fin du XVIIIe siècle: Etude de structure agraires et de mentalités économiques*. Paris: Institut d'Etudes Slaves de l'Université de Paris.
- Confino, Michael (1969). *Systèmes agraires et progrès agricole: L'assolement triennal en Russie aux XVIIIe — XIXe siècles*. Paris & La Haye: Mouton.
- Confino, Michael (1986). The Limit of Autocracy: Russia's Economy and Society in the Age of Enlightenment // *Peasant Studies*, XIII, 3, 149—170.
- Congreso Hispánicoamericano de Historia (1953). *Causas y caracteres de la independencia hispanoamericana*. Madrid: Ed. Cult. Hispánica.
- Connell, K. H. (1950). The Colonization of Waste Land in Ireland, 1780—1845 // *Economic History Review*, 2nd ser., III, 1, 44—71.
- Connell, K. H. (1969). Some Unsettled Problems in English and Irish Population History, 1750—1845 // Michael Drake, ed., *Population in Industrialization*. London: Methuen, 30—39 (originally published in *Irish Historical Studies*, 1951).
- Conrotte, Manuel (1920). *La intervención de España en la Independencia de los Estados Unidos de la América del Norte*. Madrid: Lib. General de Victoriano Suarez.
- Cooper, Frederick (1979). The Problem of Slavery in African Studies // *Journal of African History*, XX, 1, 103—125.
- Coquery-Vidrovitch, Catherine (1971). De la traite des esclaves à l'exportation de l'huile de palme et des palmistes au Dahomey: XIXe siècle // C. Meillassoux, ed., *The Development of Indigenous Trade and Markets in West Africa*. London: Oxford University Press, 107—123.
- Coquery-Vidrovitch, Catherine & Moniot, Henri (1974). *L'Afrique noire de 1800 à nos jours* // *Nouvelle Clio*, No. 46. Paris: Presses Universitaires de France.
- Coquin, François-Xavier (1978). En Russie: l'initiative étatique et seigneuriale // Pierre Léon, dir., *Histoire économique et sociale du monde*, III: Louis Bergeron, dir., *Inerties et révolutions, 1730—1840*. Paris: Lib. Armand Colin, 39—50.
- Cornblit, Oscar (1970). Levantamiento de masas en Perú y Bolivia durante el siglo dieciocho // *Revista latinoamericana de sociología*, VI, 1, 100—141.
- Corwin, Arthur F. (1967). *Spain and the Abolition of Slavery in Cuba, 1817—1886*. Austin, TX: University of Texas Press.
- Corwin, Edward S. (1915). The French Objective in the American Revolution // *American Historical Review*, XXI, 1, 33—61.
- Corwin, Edward S. (1916). *French Policy and the American Alliance of 1778*. Princeton, NJ: Princeton University Press.
- Costeloe, Michael P. (1981). Spain and the Latin American Wars of Independence: The Free Trade Controversy, 1810—1820 // *Hispanic American Historical Review*, LXI, 2, 209—234.
- Cottret, Monique (1986). *La Bastille à prendre: histoire et mythe de la forteresse royale*. Paris: Presses Universitaires de France.

- Coughtry, Jay* (1981). *The Notorious Triangle: Rhode Island and the African Slave Trade, 1700—1807*. Philadelphia, PA: Temple University Press.
- Countryman, Edward* (1976a). «Out of the Bounds of the Law»: Northern Land Rioters in the Eighteenth Century // A.F. Young, ed., *The American Revolution: Explorations in the History of American Radicalism*. DeKalb, IL: Northern Illinois University Press, 36—69.
- Countryman, Edward* (1976b). *Consolidating Power in Revolutionary America: The Case of New York, 1775—1783* // *Journal of Interdisciplinary History*, VI, 4, 645—677.
- Coupland, (Sir) Reginald* (1964). *The British Anti-Slavery movement*. London: Frank Cass (original edition 1933).
- Cracraft, James* (1980). More «Peter the Great» // *Canadian-American Slavic Studies*, XIV, 4, 535—541.
- Craeybeckx, Jan* (1968). *Les débuts de la révolution industrielle en Belgique et les statistiques de la fin de l'Empire* // *Mélanges offerts à G.Jacquemyns*. Bruxelles: Université Libre de Bruxelles, Ed. de l'Institut de Sociologie, 115—144.
- Crafts, N.F.R.* (1976). English Economic Growth in the Eighteenth Century: A Re-Examination of Deane and Cole's Estimates // *Economic History Review*, 2nd ser., XXIX, 2, 226—235.
- Crafts, N.F.R.* (1977). Industrial Revolution in England and France: Some Thoughts on the Question, «Why was England First?» // *Economic History Review*, 2nd ser., XXX, 3, 429—441.
- Crafts, N.F.R.* (1978). Entrepreneurship and a Probabilistic View of the British Industrial Revolution // *Economic History Review*, 2nd ser., XXXI, 4, 613—614.
- Crafts, N.F.R.* (1981). The Eighteenth Century: A Survey // R. Floud & D.N. McCloskey, eds., *The Economic History of Britain Since 1700, 1700—1860*. Cambridge, Engl.: Cambridge University Press, 1-16.
- Crafts, N.F.R.* (1983). British Economic Growth, 1700—1831: A Review of the Evidence // *Economic History Review*, 2nd ser., XXXVI, 2, 177—199.
- Crafts, N.F.R.* (1984). Economic Growth in France and Britain, 1830—1910: A Review of the Evidence // *Journal of Economic History*, XLIV, 1, 49—67.
- Crafts, N.F.R.* (1985). English Workers' Real Wages during the Industrial Revolution: Some Remaining Problems // *Journal of Economic History*, XLV, 1, 139—144.
- Craton, Michael* (1974). *Sinews of the Empire: A Short History of British Slavery*. New York: Anchor Press.
- Creighton, Donald* (1937). *The Commercial Empire of the St. Lawrence, 1760—1850*. Toronto: Ryerson Press.
- Crosby, Alfred W.* (1965). *America, Russia, Hemp, and Napoleon: American Trade with Russia and the Baltic, 1783—1812*. Columbus: Ohio State University Press.
- Crouzet, François* (1958). *L'économie britannique et le blocus continental (1806—1813)*, 2 vols. Paris: Presses Universitaires de France.
- Crouzet, François* (1959). Les origines du sous-développement économique du Sud-Ouest // *Annales du Midi*, LXXI, No. 45, 71—79.
- Crouzet, François* (1962). Les conséquences économiques de la Révolution: A propos d'un inédit de Sir Francis d'Ivernois // *Annales historiques de la Révolution française*, XXXIV, 2, 168, 182—217; No. 169, 336—362.
- Crouzet, François* (1964). Wars, Blockade, and Economic Change in Europe, 1792—1815 // *Journal of Economic History*, XXIV, 4, 567—590.
- Crouzet, François* (1965). Bilan de l'économie britannique pendant les guerres de la Révolution et de l'Empire // *Revue historique*, 92e année, CCXXXIV, I, No. 234, 71—110.
- Crouzet, François* (1966). Le charbon anglais en France au XIXe siècle // L. Trenard, dir., *Charbon et Sciences humaines, Actes du colloque, Lille, mai 1963*. Paris & La Haye: Mouton, 173—206.

- Crouzet, François (1967a). Agriculture et Révolution industrielle: quelques réflexions // *Cahiers d'histoire*, XII, 1/2, 67–85.
- Crouzet, François (1967b). England and France in the Eighteenth Century: A Comparative Analysis of Two Economic Growth // R.M. Hartwell, ed., *The Causes of the Industrial Revolution in England*. London: Methuen, 139–174 (translated from *Annales E. S. C.*, 1966).
- Crouzet, François (1970). Essai de construction d'un indice annuel de la production industrielle française au XIXe siècle // *Annales E. S. C.*, XXV, I, 56–99.
- Crouzet, François (1971). Discussion of paper by Albert Soboul // *L'abolition de la «féodalité» dans le monde occidental*, Colloque de Toulouse, 12–16 nov. 1968, 2 vols. Paris: Ed. du CNRS, II, 556–558.
- Crouzet, François (1972a). Introduction // F. Crouzet, ed., *Capital Formation in the Industrial Revolution*. London: Methuen, 1–69.
- Crouzet, François (1972b). Capital Formation in Great Britain during the Industrial Revolution // F. Crouzet, ed., *Capital Formation in the Industrial Revolution*. London: Methuen, 162–222 (originally published in Second International Conference of Economic History, II, 1965).
- Crouzet, François (1972c). Encore la croissance économique française au XIXe siècle // *Revue du Nord*, LIV, No. 214, 271–288.
- Crouzet, François (1980). Toward an Export Economy: British Exports during the Industrial Revolution // *Explorations in Economic History*, XVII, 1, 48–93.
- Crouzet, François (1981). The Sources of England's Wealth: Some French Views in the Eighteenth Century // P.L. Cottrell & D. H. Aldcroft, eds., *Shipping, Trade and Commerce: Essays in memory of Ralph Davis*. Leicester, Engl.: Leicester University Press, 61–79.
- Crouzet, François (1985). De la supériorité de l'Angleterre sur la France — l'économie et l'imaginaire, XVIIe-XXe siècles. Paris: Lib. Académique Perrin.
- Crummey, Robert O. (1977). Russian Absolutism and the Nobility // *Journal of Modern History*, XLIX, 3, 456–468.
- Cuenca Esteban, Javier (1981). Statistics of Spain's Colonial Trade, 1792–1820: Consular Duties, Cargo Inventories, and Balances of Trade // *Hispanic American Historical Review*, LXI, 3, 381–428.
- Cuenca Esteban, Javier (1984). Trends and Cycles in U.S. Trade with Spain and the Spanish Empire // *Journal of Economic History*, XLIV, 2, 521–543.
- Cunningham, Audrey (1910). *British Credit in the Last Napoleonic War*. Cambridge, Engl.: At the University Press.
- Cuno, Kenneth M. (1984). Egypt's Wealthy Peasantry, 1740–1820: A Study of the Region of al-Mansura // T. Khalidi, ed., *Land Tenure and Social Transformation in the Middle East*. Beirut: American University of Beirut, 303–332.
- Currie, R. & Hartwell, R. M. (1965). The Making of an English Working Class? // *Economic History Review*, 2nd ser., XVIII, 3, 633–643.
- Curtin, Philip D. (1950). The Declaration of the Rights of Man in Saint-Domingue, 1788–1791 // *Hispanic American Historical Review*, XXX, 2, 157–175.
- Curtin, Philip D. (1969). *The Atlantic Slave Trade: A Census*. Madison, WI: University of Wisconsin Press.
- Curtin, Philip D. (1974). Measuring the Atlantic Slave Trade // S.L. Engerman & E.D. Genovese, eds., *Race and Slavery in the Western Hemisphere: Quantitative Studies*. Princeton, NJ: Princeton University Press, 104–128.
- Curtin, Philip D. (1975a). *Economic Change in Precolonial Africa: Senegambia in the Era of the Slave Trade*. Madison, WI: University of Wisconsin Press.
- Curtin, Philip D. (1975b). *Economic Change in Precolonial Africa: Supplementary Evidence*. Madison, WI: University of Wisconsin Press.

- Curtin, Philip D. (1976). Measuring the Atlantic Slave Trade Once Again: A Comment // *Journal of African History*, XVII, 4, 595–605.
- Curtin, Philip & Vansina, Jan (1964). Sources of the Nineteenth-Century Atlantic Slave Trade // *Journal of African History*, V, 2, 185–208.
- Cvetkova, Bistra A. (1960). L'évolution du régime féodal turc de la fin du XVIe jusqu'au milieu du XVIIIe siècle // *Etudes historiques, à l'occasion du XIe Congrès International des Sciences Historiques* — Stockholm, août. Sofia: Académie des Sciences de Bulgarie, 171–206.
- Cvetkova, Bistra (1969). Quelques problèmes du féodalisme ottomane à l'époque du XVIe–XVIIIe siècles // *Actes du Premier Congrès International des Etudes Balkaniques et Sud-est Européennes*, Sofia, 26 août — 1 septembre 1966, III: Histoire (Ve–XVe ss.; XVe–XVIIIe ss.). Sofia: Ed. de l'Académie Bulgare des Sciences, 709–721.
- Cvetkova, Bistra (1970). Les *celep* et leur rôle dans la vie économique des Balkans à l'époque ottomane (XVe–XVIIIe siècles) // M. A. Cook, ed., *Studies in the Economic History of the Middle East*. London: Oxford University Press, 172–192.
- Daget, Serge (1971). L'abolition de la traite des noirs en France de 1814 à 1831 // *Cahiers d'études africaines*, XI, 1, 14–58.
- Daget, Serge (1975). Long cours et négriers nantais du trafic illégal (1814–1833) // *Revue française d'histoire d'outre-mer*, LXII, 1e et 2e trimestres, Nos. 226/227, 90–134.
- Daget, Serge (1979). British Repression of the Illegal French Slave Trade: Some Considerations // H. A. Gemery & J. S. Hogendorn, eds., *The Uncommon Market*. New York: Academic Press, 419–442.
- Dahlman, Carl J. (1980). *The Open Field System and Beyond*. Cambridge, Engl.: Cambridge University Press.
- Dakin, Douglas (1973). The Formation of the Greek State, 1821–33 // R. Clogg, ed., *The Struggle for Greek Independence*. London: Macmillan, 156–181.
- Daniel, Korman (1966). *Islam. Europe and Empire*. Edinburgh: Edinburgh University Press.
- Daniels, George W. (1915–1916). The Cotton Trade during the Revolutionary and Napoleonic Wars // *Transactions of the Manchester Statistical Society*, 53–84.
- Daniels, George W. (1917–1918). The Cotton Trade at the Close of the Napoleonic War // *Transactions of the Manchester Statistical Society*, 1–29.
- Danière, André (1958a). Feudal Incomes and Demand Elasticity for Bread in Late Eighteenth-Century France // *Journal of Economic History*, XVIII, 3, 317–331.
- Danière, André (1958b). Rejoinder // *Journal of Economic History*, XVIII, 3, 339–341.
- Darby, H. C. & Fullard, Harold (1970). *New Cambridge Modern History*, XIV: Atlas. Cambridge, Engl.: At the University Press.
- Dardel, Pierre (1948). Crises et faillites à Rouen et dans la Haute-Normandie de 1740 à l'an V, // *Revue d'histoire économique et sociale*, XXVII, 1, 53–71.
- Dardel, Pierre (1963). Navires et marchandises dans les ports de Rouen et du Havre au XVIIIe siècle. Paris: S. E. V. P. E. N.
- Darity, William, Jr. (1985). The Numbers Game and the Profitability of the British Trade in Slaves // *Journal of Economic History*, XLV, 3, 693–703.
- Das Gupta, Ashin (1967). *Malabar in Asian Trade, 1740–1800*. Cambridge, Engl.: At the University Press.
- Das Gupta, Ashin (1970). Trade and Politics in 18th-Century India // D. S. Richards, ed., *Islam and the Trade of Asia: A Colloquium*. Oxford, Engl.: Bruno Cassirer & Philadelphia, PA: University of Pennsylvania Press, 181–211.
- Das Gupta, Ashin (1974). Presidential Address («The Maritime Merchant, 1500–1800»), *Proceedings of the Indian History Congress, Thirty-Fifth Session, Jadavpur (Calcutta)*, 99–111.

- Das Gupta, Ashin* (1979). Indian Merchants and the Decline of Surat c. 1700—1750. Wiesbaden: Franz Steiner Verlag.
- Datta, K. K.* (1959). India's Trade in the Europe and America in the Eighteenth Century // *Journal of the Economic and Social History of the Orient*, II, Pan 3, 313—323.
- Daumard, Adeline* (1976). L'état libéral et le libéralisme économique // F. Braudel & E. Labrousse, dirs., *Histoire économique et social de la France*, III: L'avènement de l'ère industriel (1789 — années 1880). Paris: Presses Universitaires de France, 137—159.
- Daumard, Adeline & Furet, François* (1961). Structures et relations sociales à Paris au milieu du XVIIIe siècle // *Cahier des Annales*, No. 18. Paris: Armand Colin.
- Daumas, Maurice* (1963). Le mythe de la révolution technique // *Revue d'histoire des sciences et de leurs application*, XVI, 4, 291—302.
- Daumas, Maurice* (1965). Introduction // M. Daumas, dir., *Histoire générale des techniques*, II: Les premières étapes du machinisme. Paris: Presses Universitaires de France, v—xix.
- Daumas, Maurice & Garanger, André* (1965). Le machinisme industriel // M. Daumas, dir., *Histoire générale des techniques*, II: Les premières étapes du machinisme. Paris: Presses Universitaires de France, 251—288.
- David, Paul A.* (1967). The Growth of Real Product in the United States Before 1840: New Evidence, Controlled Conjectures // *Journal of Economic History*, XXVII, 2, 151—197.
- Davidson, Basil* (1961). *Black Mother: The Years of the African Slave Trade*. London: Victor Gollancz.
- Davidson, Basil* (1971). Slaves or Captives? Some Notes on Fantasy and Fact // D. I. Huggins et al., eds., *Key Issues in the Afro-American Experience*, Vol. I. New York: Harcourt, Brace, Jovanovich, 54—73.
- Davies, Alan* (1958). The New Agriculture in Lower Normandy, 1750—1789 // *Transactions of the Royal Historical Society*, 5th ser., VIII, 129—146.
- Davies, K. G.* (1957). *The Royal African Company*. London: Longmans, Green.
- Davis, David Brion* (1975). *The Problem of Slavery in the Age of Revolution, 1770—1823*. Ithaca, NY: Cornell University Press.
- Davis, David Brion* (1983). American Slavery and the American Revolution // I. Berlin & R. Hoffman, eds., *Slavery and Freedom in the Age of the American Revolution*. Charlottesville, VA: University of Virginia Press, 262—280.
- Davis, Ralph* (1969). English Foreign Trade, 1700—1774 // W. F. Minchinton, ed., *The Growth of English Overseas Trade in the Seventeenth and Eighteenth Centuries*. London: Methuen, 99—120 (originally published in *Economic History Review*, 1962).
- Davis, Ralph* (1970). English Imports from the Middle East, 1580—1780 // M. A. Cook, ed., *Studies in the Economic History of the Middle East*. London: Oxford University Press, 193—206.
- Davis, Ralph* (1973). *The Rise of the Atlantic Economies*. London: Weidenfeld & Nicolsen.
- Davis, Ralph* (1979). *The Industrial Revolution and British Overseas Trade*. Leicester, Engl.: Leicester University Press.
- Davison, Roderic H.* (1976). Russian Skill and Turkish Imbecility: The Treaty of Kuchuk Kainardji Reconsidered // *Slavic Review*, XXXV, 3, 463—483.
- De, Barun* (1964). Some Implications and Political and Social Trends in the 18th Century India // O. P. Bhatnagar, ed., *Studies in Social History (Modern India)*. Allahabad, India: St. Paul's Press Training School, 203—271.
- Deane, Phyllis* (1957). The Output of the British Woollen Industry in the Eighteenth Century // *Journal of Economic History*, XVII, 2, 207—223.
- Deane, Phyllis* (1972). Capital Formation in Britain before the Railway Age // F. Crouzet, ed., *Capital Formation in the Industrial Revolution*. London: Methuen, 94—118 (originally published in *Economic Development and Cultural Change*, 1961).

- Deane, Phyllis (1973a). Great Britain // Carlo Cipolla, ed., Fontana Economic History of Europe, IV: The Emergence of Industrial Societies. London: Collins/Fontana, Part One, 161—227.
- Deane, Phyllis (1973b). The Role of Capital in the Industrial Revolution // Explorations in Economic History, X, 3, 349—364.
- Deane, Phyllis (1979). The First Industrial Revolution, 2nd ed. Cambridge, Engl.: Cambridge University Press.
- Deane, Phyllis & Cole, W.A. (1967). British Economic Growth, 1688—1959, 2nd ed. Cambridge, Engl.: At the University Press.
- Deane, Phyllis & Hubakkuk, H.J. (1963). The Take-Off in Britain // W.W. Rostow, ed., The Economics of Take-Off into Sustained Growth. London: Macmillan, 63—82.
- Debbasch, Yvan (1961). Poésie et traité, opinion française sur le commerce négrier au début du XIXe siècle // Revue française d'histoire d'outre-mer, XLVIII, Nos. 172/173, 3e et 4e trimestres, 311—352.
- Debien, Gabriel (1953). La Société coloniale aux XVIIe et XVIIIe siècles. II: Les colons de Saint-Domingue et la Revolution. Essai sur le club Massia (Août 1789 — Août 1792). Paris: Lib. Armand Colin.
- Debien, Gabriel (1954). Esprit colon et esprit d'autonomie à Saint-Domingue au XVIIIe siècle, 2e ed., Notes d'histoire coloniale, XXV. Paris: Larose.
- DeClercq, Jules (1864). Recueil des Traités de la France, 1713—1802. Paris: Aymot.
- De Gregori, Thomas R. (1969). Technology and the Economic Development of the Tropical African Frontier. Cleveland, OH: Press of Case Western Reserve University.
- Dehio, Ludwig (1962). The Precarious Balance. New York: Knopf.
- Delcourt, André (1952). La France et les établissements française au Sénégal entre 1713—1763: La compagnie des Indes et de Sénégal. Dakar: Institut français d'Afrique noire.
- Delgado, Jose Maria (1979). Comerç colonial i reformisme borbònic: els decrets de lliure comerç // L'Avenç, No. 15, 24—28.
- Desai, Ashok V. (1972). Population and Standards of Living in Akbar's Time // Indian Economic and Social History Review, IX, 1, 42—62.
- Desai, Ashok V. (1978). Population and Standards Living in Akbar's Time. A Second Look // Indian Economic and Social History Review, XV, 1, 53—79.
- Devine, T.M. (1976). The Colonial Trades and Industrial Investment in Scotland, c. 1700—1815 // Economic History Review, 2nd ser., XXIX, 1, 1—13.
- Devlashouwer, Robert (1970). Le Consulat et l'Empire, période de «take off» pour l'économie belge? // Revue d'histoire moderne et contemporaine, XVII, 610—619.
- Deyon, Pierre & Guignet, Philippe (1980). The Royal Manufactures and Economic Progress in France before the Industrial Revolution // Journal of European Economic History, IX, 3, 611—632.
- Dhondt, Jean (1955). L'industrie cotonnière gantoise à l'époque française // Revue d'histoire moderne et contemporaine, II, 4, 233—279.
- Dhondt, Jean & Bruwier, Marinette (1973). The Industrial Revolution in the Low Countries, 1700—1914 // C. Cipolla, ed., The Fontana Economic History of Europe, IV: The Emergence of Industrial Societies, Part 1. London: Collins, 329—366.
- Dickerson, Oliver M. (1942). Discussion of Professor Harper's and Professor Root's Papers // Canadian Historical Review, XXIII, 1, 29—34.
- Dickerson, Oliver M. (1951). The Navigation Acts and the American Revolution. Philadelphia: University of Pennsylvania Press.
- Diffie, Bailey W. (1945). Latin American Civilization: Colonial Period. Harrisburg, PA: Stackpole Sons.
- Digby, Simon. (1982). The Maritime Trade of India // T. Raychaudhuri & I. Habib, eds., Cambridge Economic History of India, I. c. 1200 — c. 1700. Cambridge, Engl.: Cambridge University Press, 125—159.

- Dike, K. Onwika. (1956). Trade and Politics in the Niger Delta, 1830—1885. Oxford: Clarendon Press.
- Dilla Alfonso, Haroldo (1982). La evolución histórica dominicana y sus relaciones con Haiti, 1492—1844 // Santiago, No. 48, 65—119.
- Dipper, Christof (1971). Die Bauern in der Französischen Revolution: Zu einer aktuellen Kontroverse // Geschichte und Gesellschaft, VII, 1, 119—133.
- Disney, Anthony (1978). Commentary on the Papers by S. Arasaratnam and Bruce Watson // South Asia, n.s., I, 2, 65—66.
- Dmytryshyn, Basil (1960). The Economic Content of the 1767 Nakaz of Catherine II // American Slavonic & East European Review, XIX, 1, 1—9.
- Dobb, Maurice (1946). Studies in the Development of Capitalism. London: Routledge & Kegan Paul.
- Dobb, Maurice (1961). Alcune considerazioni sulla rivoluzione industriale // Studi Storici, II, 3/4, 457—464.
- Dodgshon, Robert A. (1976). The Economics of Sheep Farming in the Southern Uplands during the Age of Improvement, 1750—1833 // Economic History Review, 2nd ser., XXIX, 4, 551—569.
- Doerflinger, Thomas M. (1976). The Antilles Trade of the Old Regime: A Statistical Overview // Journal of Interdisciplinary History, VI, 3, 397—415.
- Dojnov, Stefan (1984). La Russie et le Mouvement de Libération Nationale Bulgare au XVIIIe siècle // Etudes historiques, XII, à l'occasion du Verne Congrès International des Etudes Balkaniques du Sud-Est Europeennes — Belgrade, Sofia: Ed. de l'Academic Bulgare des Sciences, 37—67.
- Dominguez, Jorge F. (1980). Insurrection or Loyalty, the Breakdown of the Spanish American Empire. Cambridge, MA: Harvard University Press.
- Doniol, Henri (1886—1899). Histoire de la participation de la France à l'établissement des Etats-Unis d'Amérique, 6 vols. Paris: Imprimerie Nationale.
- Doubout, Jean-Jacques (1974). Problèmes d'une période de transition. De Saint-Domingue à Haiti 1793—1806 // La Pensee, No. 174, 67—80.
- Dovring, Folke (1966). The Transformation of European Agriculture // H.J. Habakkuk & M. Postan, eds., Cambridge Economic History of Europe, VI: The Industrial Revolution and After: Incomes, Population and Technological Change. Cambridge, Engl.: At the University Press, 604—672.
- Dovring, Folke (1969). Eighteenth-Century Changes in European Agriculture: A Comment // Agricultural History, XLIII, I, 181—186.
- Doyle, David Noel (1981). Ireland, Irishmen and Revolutionary America, 1760—1820. Dublin: Mercier Press.
- Doyle, William (1972). Was There an Aristocratic Reaction in Pre-Revolutionary France? // Past and Present, No. 57, 97—122.
- Doyle, William (1980). Origins of the French Revolution. London: Oxford University Press.
- Drake, B. K. (1976). The Liverpool — African Voyage c. 1790—1807: Commercial Problems // R. Anstey & P.E.H. Hair, eds., Liverpool, The Slave Trade, and Abolition. Bristol, Engl.: Western Printing Service, 126—156.
- Drake, Michael (1963). Marriage and Population Growth in Ireland, 1750—1845 // Economic History Review, 2nd ser., XVI, 2, 301—313.
- Drake, Michael (1969). Introduction // Michael Drake, ed., Population in Industrialization. London: Methuen, 1—10.
- Drescher, Seymour D. (1976a). Capitalism and Abolition: Values and Forces in Britain, 1783—1814 // R. Anstey & P.E.H. Hair, eds., Liverpool, The Slave Trade, and Abolition, Bristol, Engl.: Western Printing Service, 167—195.

- Drescher, Seymour (1976b). Le «declin» du système esclavagiste britannique et l'abolition de la traite // *Annales E.S.C.*, XXXI, 2, 414—435.
- Drew, Ronald F. (1959). The Emergence of an Agricultural Policy for Siberia in the XVII and XVIII Centuries, // *Agricultural History*, XXXIII, 1, 29—39.
- Dreyfus, François-G. (1978). Le nouveau démarrage industriel des Allcmagnes // Pierre Leon, dir., *Histoire économique et sociale du monde*, III: Louis Bergeron, dir., *Inerties et revolutions, 1730—1840*. Paris: Lib. Armand Colin, 36—39.
- Druzhinin, Michail Nikolaevic (1973). Besonderheiten der Genesis des Kapitalismus in Russland // P. Hoffmann & H. Lemke, hrsg., *Genesis und Entwicklung des Kapitalismus in Russland*. Berlin: Akademie Verlag, 26—62.
- Druzhinina (Droujinina), E. I. (1975). Les rapports agraires en Russie aux XVIIe et XVIIIe siècles // *Le Village en France et en URSS: des origines à nos jours*, Colloque franco-soviétique organisé à Toulouse du 24 au 29 mai 1971. Toulouse: Université de Toulouse-Le Mirail, Service des Publications, 209—221.
- Dubinovsky de Bueno, Adela (1985). Los orígenes de la República en Chile // *Cuadernos Hispanoamericanos*, No. 418, 111—120.
- Dubois, Marcel & Terrier, Auguste (1902). Un siècle d'expansion coloniale, 1800—1900, Collection, *Les Colonies françaises*, Tome I. Paris: Augustin Challamel.
- Dubuc, Alfred (1967). Les classes sociales au Canada // *Annales E.S.C.*, XXII, 4, 829—844.
- Duckham, Baron F. (1969). Serfdom in Eighteenth-Century Scotland // *History*, LIV, No. 181, 178—197.
- Duignan, Peter & Clendennen, Clarence (1963). *The United States and the African Slave Trade, 1619—1862*. Stanford, CA: Hoover Institution on War, Revolution, and Peace, Stanford Cnivcrsity.
- Dukes, Paul (1967). *Catherine the Great and the Russian Nobility*. Cambridge, Engl.: At the University Press.
- Dukes, Paul (1971). Russia and the Eighteenth Century Revolution // *History*, LVI, No. 188, 371—386.
- Dukes, Paul (1977). Catherine II's Enlightened Absolutism and the Problem of Serfdom // W. E. Butler, ed., *Russian Law: Historical and Political Perspectives*. Leiden: A. W. Si-jthoff, 93—115.
- Dukes, Paul (1984). *The Making of Russian Absolutism, 1613—1800*, 2nd impr. ed. London & New York: Longman.
- Dull, Jonathan R. (1983). France and the American Revolution Seen as Tragedy // N. L. Roelker & C. K. Warner, eds. *Two Hundred Years of Franco-American Relations*. Worcester, MA: Hefferman Press, 1—22.
- Dull, Jonathan R. (1985). *A Diplomatic History of the American Revolution*. New Haven, CT: Yale University Press.
- Dumas, François (1904). *Etude sur le Traité de Commerce de 1786 entre la France et l'Angleterre*. Toulouse: E. Privat.
- Dumbell, Stanley (1923). Early Liverpool Cotton Imports and the Organization of the Cotton Market in the Eighteenth Century // *Economic Journal*, XXXIII, No. 131, 362—373.
- Dunham, Arthur Louis (1955). *The Industrial Revolution in France, 1815—1848*. New York: Exposition Press.
- Dupâquier, Jacques (1970). Problèmes démographiques de la France napoléonienne // *Revue d'histoire moderne et contemporaine*, XVII, 339—358.
- Dupâquier, Jacques (1972). La non-révolution agricole du XVIIIe siècle // *Annales E.S.C.*, XXVII, 1, 80—84.
- Dupin, Baron Charles (1858, 1859, 1860). Force productive des nation, depuis 1800 jusqu'à 1851. Introduction aux rapports de la commission française instituée par la jury

- international de l'exposition universelle à Londres, en 1851. 4 vols. Paris: Imprimerie Impériale, I : 1 : 1—2, 1858; I : 2, 1859; I : 3, 1860.
- Dupont de Nemours* (1786). Observations sur la Note concernant la Base du Traité de Commerce, communiqué par Monsieur le Comte de Vergennes à Monsieur le contrôleur Général // Archives des Affaires Étrangères (Paris): Angleterre, No. 65: 1786: Mémoires sur le projet de traité de Commerce. Dix pièces, 34—234.
- Dupont de Nemours* (1788). Lettre à la Chambre de Commerce de Normandie sur le Mémoire qu'elle a publié relativement au traité de commerce avec l'Angleterre. Rouen & Paris: Moutard.
- Dutt, Romesh Chunder* (1956). The Economic History of India under the Early British Rule, 8th impr. London: Routledge & Kegan Paul (originally published in 1901).
- Dyck, Harvey L.* (1980). Pondering the Russian Fact: Kaunitz and the Catherinian Empire in the 1770 // Canadian Slavonic Papers, XXII, 4, 451—469.
- Eagly, Robert V. & Smith, V. Kerry* (1976). Domestic and International Integration of the London Money Market, 1731—1789 // Journal of Economic History, XXXVI, 1, 198—212.
- Earle, Edward Meade* (1927). American Interest in the Greek Cause, 1821—1827 // American Historical Review, XXXIII, 1, 44—63.
- East, Robert A.* (1946). The Business Entrepreneur in a Changing Colonial Economy, 1763—1795 // Journal of Economic History, Suppl. VI, 16—27.
- Eça, Raul d'* (1936). Colonial Brazil as an Element in the Early Diplomatic Negotiations between the United States and Portugal, 1776—1808 // A. A. Wilgus, ed., Colonial Hispanic America. Washington, DC: George Washington University Press, 551—558.
- Eccles, W.J.* (1971). The Social, Economic, and Political Significance of the Military Establishment in New France // Canadian Historical Review, LII, 1, 1—22.
- Edwards, Michael M.* (1967). The Growth of the British Cotton Trade, 1780—1815. Manchester, Engl.: Manchester University Press.
- Eeckante, Denise* (1965). Les brigands en Russie du XVIIe au XIXe siècle: mythe et réalité // Revue d'histoire moderne et contemporaine, XII, 3, 161—202.
- Egnal, Mark.* (1975). The Economic Development of the Thirteen Continental Colonies, 1720—1775 // William and Mary Quarterly, 3d ser., XXXII, 2, 191—222.
- Egnal, Mark & Ernest, Joseph A.* (1972). An Economic Interpretation of the American Revolution // William and Mary Quarterly, 3d ser., XXIX, 1, 3—32.
- Egret, Jean* (1962). La pré-Révolution française (1787—1788). Paris: Presses Universitaires de France.
- Ehrman, John* (1962). The British Government and Commercial Negotiations with Europe, 1783—1793. Cambridge, Engl.: At the University Press.
- Eisenstein, Elizabeth L.* (1965). Who Intervened in 1788? A Commentary on the Coming of the French Revolution // American Historical Review, LXXI, 1, 77—103.
- Eisenstein, Elizabeth L.* (1967). A Reply // American Historical Review, LXXII, 2, 514—522.
- Ellis, Geoffrey* (1978). Review Article: The „Marxist Interpretation” of the French Revolution // English Historical Review, XCIII, No. 367, 353—376.
- Ellis, Geoffrey* (1981). Napoleon's Continental Blockade: The Case of Alsau. Oxford: Clarendon Press.
- Ellison, Thomas* (1862, 1863). The Great Crises in the History of the Cotton Trade: A Retrospect of Prices and Supply, 1790 to 1862 // Exchange, a home and colonial review of commerce, manufactures, and general politics (London), I, 306—315 (1862); II, 45—54 (1863).
- Eltis, David* (1977). "The Export of Slaves from Africa, 1821—1843," Journal of Economic History, XXXVII, 2, 409—433.

- Elwert, Georg* (1973). Wirtschaft und Herrschaft von «Däxome» (Dahomey) im 18. Jahrhundert: Ökonomie des Sklavenraubs und Gesellschaftsstruktur, 1724 bis 1818. München: Kommissionsverlag Klaus Renner.
- Embree, Ainslee T.* (1962). Charles Grant and British Rule in India. New York: Columbia University Press.
- Embree, Ainslee T.* (1964). Landholding in India and British Institutions // R. E. Frykenberg, ed., Land Control and Social Structure in Indian History. Madison, WI: University of Wisconsin Press, 33–52.
- Emsley, Clive* (1981). An Aspect of Pitt's «Terror»: Prosecutions for Sedition during the 1790s // *Social History*, VI, 2, 155–184.
- Endrei, Walter* (1983). Energie hydraulique et revolution industrielle, paper delivered at XV Settimana di Studio, Ist. di Storia Economica «Francesco Datii», Prato, 15–20 apr., mimeo.
- Engels, Frederick* (1971). The Position of England: The Eighteenth Century // Karl Marx & Frederick Engels, Articles on Britain. Moscow: Progress Publishers, 9–31 (originally published in 1844).
- Engerman, Stanley L.* (1972). The Slave Trade and British Capital Formation in the Eighteenth Century: A Comment on the Williams Thesis // *Business History Review*, XLVI, 4, 430–443.
- Engerman, Stanley L.* (1975). Comments on Richardson and Boule and the «Williams Thesis» // *Revue française d'histoire d'outre-mer*, LXII, 1e et 2e trimestres, Nos. 226/227, 331–336.
- Engerman, Stanley L.* (1976). Some Economic and Demographic Comparisons of Slavery in the United States and the British West Indies // *Economic History Review*, 2nd ser., XXIX, 2, 258–275.
- Engerman, Stanley L.* (1981). Notes on the Patterns of Economic Growth in the British North American Colonies in the Seventeenth, Eighteenth and Nineteenth Centuries // P. Bairoch & M. Lévy-Leboyer, eds., Disparities in Economic Development since the Industrial Revolution. New York: St. Martin's Press, 46–57.
- Engerman, Stanley L.* (1986). Slavery and Emancipation in Comparative Perspective: A Look at Some Recent Debates // *Journal of Economic History*, XLVI, 2, 317–339.
- Ernst, Joseph Albert* (1973a). Money and Politics in America, 1755–1775: A Study in the Currency Act of 1764 and the Political Economy of Revolution. Chapel Hill, NC: University of North Carolina Press.
- Ernst, Joseph Albert* (1973b). Ideology and the Political Economy of Revolution // *Canadian Review of American Studies*, IV, 2, 137–148.
- Ernst, Joseph Albert* (1976) // «Ideology» and an Economic Interpretation of the Revolution // A. F. Young, ed., The American Revolution: Explorations in the History of American Radicalism. DeKalb, IL: Northern Illinois University Press, 159–185.
- Escoffier, Maurice* (1907). La Restauration, l'Angleterre et les colonies // *Revue d'histoire diplomatique*, XXI, 40–56.
- Evans, Laurence* (1983). Gulliver Bound: Civil Logistics and the Destiny of France // *Historical Reflections*, X, 1, 19–44.
- Eversley, D. E. C.* (1967). "The Home Market and Economic Growth in England, 1750–80," in E. L. Jones & G. E. Mingay, eds., Land, Labour and Population in the Industrial Revolution. London: Edward Arnold, 206–259.
- Eyzaguirre, Jaime* (1957). Ideario y ruta de la emancipación Chilena. Santiago, Chile: Editorial Universitaria.
- Fage, J. D.* (1969). Slavery and the Slave Trade in the Context of West African History // *Journal of African History*, X, 3, 393–404.
- Fage, J. D.* (1975). The Effect of the Export Slave Trade on African Populations // R. P. Moss & J. A. R. Rathbone, eds., The Population Factor in African Studies, 15–23.

- Fage, J. D.* (1980). Slaves and Society in Western Africa, c. 1445 — c. 1700 // *Journal of African History*, XXI, 3, 289–310.
- Falkner, S. A.* (1919). *Bumazhnia djengi frantzuzkoj revoljucii (1789–1797)*. Moscow: Redakcionno-Izdatelskogo Otdjela V.S.N. H.
- Falkus, M. E.* (1972). *The Industrialization of Russia, 1700–1914*. London: Macmillan.
- Fanfani, Amintore* (1963). Osservazione sul significato del 1700 nella storia economica // *Economia e storia*, X, 1, 9–20.
- Farley, J. Lewis* (1862). *The Resources of Turkey Considered with Especial Reference to the Profitable Investment of Capital in the Ottoman Empire*. London: Longman, Green, Longman & Roberts.
- Farley, J. Lewis* (1872). *Modern Turkey*. London: Hurst & Blackett.
- Faucheux, Marcel* (1964). *L'insurrection vendéenne de 1793: Aspects économiques et sociaux* // *Commission d'histoire économique et sociale de la Révolution, Mémoires et Documents*, XVII. Paris: Imprimerie Nationale.
- Fay, C. R.* (1940). The Movement Towards Free Trade, 1820–1853 // *J. Holland Rose, A. P. Newton, & E. A. Benians, eds., The Cambridge History of the British Empire, II: The Growth of the New Empire, 1783–1870*. Cambridge, Engl.: Cambridge University Press, 388–414.
- Feavearyear, A. E.* (1931). *The Pound Sterling: A History of English Money*. Oxford: Chircndon Press.
- Febvre, Lucien* (1962). *Civilisation: Evolution d'un mot et d'un groupe d'idées* // *Pour une Histoire à part entière*. Paris: S. E. V. P. E. N., 481–528 (originally published in 1930).
- Fedorov, A. S.* (1979). Russia and Britain in the Eighteenth Century: A Survey of Economic and Scientific Links // *A. G. Cross, ed., Great Britain and Russia in the Eighteenth Century: Contrast and Comparison*. Newton, MA: Oriental Research Partners, 137–144.
- Feher, Ferenc* (1987). *The Frozen Revolution: An Essay on Jacobinism*. Cambridge, Engl.: Cambridge University Press.
- Feinstein, C. H.* (1981). Capital Accumulation and the Industrial Revolution // *R. Floud & D. N. McCloskey, eds., The Economic History of Britain Since 1700. I: 1700–1860*. Cambridge, Engl.: Cambridge University Press, 128–142.
- Felix, David* (1956). Profit Inflation and Industrial Growth: The Historic Record and Contemporary Analogies // *Quarterly Journal of Economics*, LXX, 3, 441–463.
- Ferguson, E. James* (1953). Currency Finance: An Interpretation of Colonial Monetary Practices // *William and Mary Quarterly*, 3rd ser., X, 2, 153–180.
- Ferguson, E. James* (1954). Speculation in the Revolutionary Debt: The Ownership of Public Securities in Maryland, 1790 // *Journal of Economic History*, XIV, 1, 35–45.
- Fernández de Avila, Rafael Camón* (1975). La emancipación y el comercio catalan con America // *Revista de Indias*, XXXV, Nos. 139/142, 229–260.
- Ferro, Marc* (1981). Tentation el peur de l'histoire // *Le monde diplomatique*, 28e année, No. 323, 32.
- Findley, Carter V.* (1970). The Legacy of Tradition of Lo Reform: Origins of the Ottoman Foreign Ministry // *International Journal of Middle East Studies*, I, 4, 334–357.
- Findley, Carter V.* (1972). The Foundation of the Ottoman Foreign Ministry: The Beginnings of Bureaucratic Reform under Selim III & Mahmud II // *International Journal of Middle East Studies*, III, 4, 388–416.
- Findley, Carter V.* (1980). *Bureaucratic Reform in the Ottoman Empire: The Sublime Porte, 1789–1922*. Princeton, NJ: Princeton University Press.
- Finer, Samuel E.* (1975). State- and Nation-Building in Europe: The Role of the Military // *Charles Tilly, ed., The Formation of National States in Western Europe*. Princeton, NJ: Princeton University Press, 84–163.
- Firminger, W. K.* (1962). Historical Introduction to the Bengal Portion of the Fifth Report. Calcutta: Indian Studies, Past and Present (originally published in 1917).

- Fisher, Alan W. (1970). *The Russian Annexation of the Crimea, 1772–1783*. Cambridge, Engl.: At the University Press.
- Fisher, Colin M. (1978). *Planters and Peasants: The Ecological Context of Agrarian Unrest on the Indigo Plantations of North Bihar. 1820–1920* // C. Dewey & A. C. Hopkins, eds., *The Imperial Impact: Studies in the Economic History of Africa and India*. London: Athlone, 114–131.
- Fisher, H. E. S. (1969). *Anglo-Portuguese Trade, 1700–1770* // W. E. Minchinton, ed., *The Growth of English Overseas Trade in the Seventeenth and Eighteenth Centuries*. London: Methuen, 144–164 (originally published in *Economic History Review*, 1963).
- Fisher, J. R. (1971). *La rebelión de Tupac Amaru y el programa de la Reforma Imperial de Carlos III* // *Anuario de estudios americanus*, XXVIII, 405–421.
- Fisher, John (1979). *Royalism, Regionalism and Rebellion in Colonial Peru, 1808–1815* // *Hispanic American Historical Review*, LIX, 2, 232–257.
- Fisher, John (1981). *Imperial «Free Trade» and the Hispanic Economy, 1778–1796* // *Journal of Latin American Studies*, XIII, 1, 21–56.
- Fisher, John (1985). *The Imperial Response to «Free Trade»: Spanish Imports from Spanish America, 1778–1796* // *Journal of Latin American Studies*, XVII, I, 33–78.
- Fisher, Lillian Estelle (1966). *The Last Inca Revolt, 1780–1783*. Norman, OK: University of Oklahoma Press.
- Fitton, R. S. & Wadsworth, A. P. (1958). *The Strutts and the Arkwrights, 1758–1830*. Manchester, Engl.: Manchester University Press (Part Two by R. S. Fitton alone).
- Flinn, M. W. (1958). *The Growth of the English Iron Industry, 1660–1760* // *Economic History Review*, 2nd ser., XI, 1, 144–153.
- Flinn, M. W. (1961). *The Poor Employment Act of 1817* // *Economic History Review*, 2nd ser. XIV, 1, 82–92.
- Flinn, M. W. (1970). *British Population Growth, 1700–1850*. London: Macmillan.
- Flinn, M. W. (1974). *Trends in Real Wages, 1750–1850* // *Economic History Review*, 2nd ser., XXVII, 3, 395–413.
- Flinn, M. W. (1978). *Technical Change as an Escape from Resource Scarcity: England in the Seventeenth and Eighteenth Centuries* // A. Mączak & W. N. Parker, eds., *Natural Resources in European History, Research Paper R-13*. Washington, DC: Resources for the Future, 139–159.
- Flinn, M. W. (1981). *The European Demographic System, 1500–1820*. Baltimore, MD: Johns Hopkins University Press.
- Flint, J. E. (1974). *Economic Change in West Africa in the Nineteenth Century* // J. F. A. Ajayi & M. Crowder, eds., *History of West Africa, Vol. II*. London: Longman, 380–401.
- Florescano, Enrique (1969). *Precios del maíz y crisis agrícolas en México (1708–1810)*. Mexico: El Colegio de México.
- Floyd, Troy S. (1961). *The Guatemalan Merchants, the Government, and the Provincianos, 1750–1800* // *Hispanic American Historical Review*, XLI, 1, 90–110.
- Fohlen, Claude (1973). *France, 1700–1914* // C. M. Cipolla, ed., *Fontana Economic History of France, IV: The Emergence of Industrial Societies, Part 1*. London: Collins/Fontana, 7–75.
- Fohlen, Claude (1979). *The Commercial Failure of France in America* // N. L. Roelker & C. K. Warner, eds., *Two Hundred Years of Franco-American Relations*. Worcester, MA: Hefferman Press, 93–119.
- Foner, Laura (1970). *The Free People of Color in Louisiana and St. Domingue* // *Journal of Social History*, III, 4, 406–430.
- Forbes, R. J. (1958). *Power to 1850* // C. Singer et al., *A History of Technology, IV: The Industrial Revolution, c. 1750 to c. 1850*. Oxford: Clarendon Press, 118–167.

- Ford, Franklin L. (1953). *Robe and Sword: The Regrouping of the French Aristocracy after Louis XIV*. Cambridge, MA: Harvard University Press.
- Ford, Franklin L. (1963). The Revolutionary Napoleonic Era: How Much of a Watershed? // *American Historical Review*, LXIX, 1, 18–29.
- Ford, Lacy K. (1985). Self-Sufficiency, Cotton, and Economic Development in the South Carolina Upcountry, 1800–1860 // *Journal of Economic History*, XLV, 2, 261–275.
- Forrest, Alan (1981). *The French Revolution and the Poor*. Oxford: Basil Blackwell.
- Forster, Robert (1957). The Noble as Landlord in the Region of Toulouse at the End of the Old Regime // *Journal of Economic History*, XVII, 2, 224–244.
- Forster, Robert (1960). The Nobility of Toulouse in the Eighteenth Century: A Social and Economic Studies, Johns Hopkins University, Studies in the Historical and Political Sciences, LXXVIII.
- Forster, Robert (1961). The Noble Wine Producers of the Bordelais in the Eighteenth Century // *Economic History Review*, 2nd ser., XIV, 1, 18–33.
- Forster, Robert (1963). The Provincial Noble: A Reappraisal // *American Historical Review*, LXVIII, 3, 681–691.
- Forster, Robert (1967). The Survival of the Nobility during the French Revolution // *Past and Present*, No. 37, 71–86.
- Forster, Robert (1970). Obstacles to Agricultural Growth in Eighteenth-Century France // *American Historical Review*, LXXV, 6, 1600–1615.
- Foster, John (1974). *Class Struggle and the Industrial Revolution: Early Industrial Capitalism in Three English Towns*. London: Weidenfeld & Nicolson.
- Foust, Clifford M. (1961). Russian Expansion to the East through the Eighteenth Century // *Journal of Economic History*, XXI, 4, 469–482.
- Foust, Clifford M. (1969). *Muscovite and Mandarin: Russia's Trade with China and Its Setting, 1727–1805*. Chapel Hill, NC: University of North Carolina Press.
- Franco, Franklin J. (1968). Gérmenes de una burguesía colonial en Santo Domingo, siglos XVI al XVIII // *Revista de ciencias sociales*, XII, 4, 527–539.
- Frangakis, Helen (1985). *The Commerce of Izmir in the Eighteenth Century (1695–1820)*, unpublished Ph.D. dissertation, King's College, London University.
- Frank, André Gunder (1978). *World Accumulation, 1492–1789*. New York: Monthly Review Press.
- Frankel, Jeffrey A. (1982). The 1807–1809 Embargo against Great Britain // *Journal of Economic History*, XVI, 2, 291–308.
- Freehling, William W. (1972). The Founding Fathers and Slavery // *American Historical Review*, LXXVII, 1, 81–93.
- Frégault, Guy & Trudel, Marcel (1963). *Histoire du Canada par les textes, I: 1534–1854*, ed. revue et augmentée. Ottawa: Ed. Fides.
- Freudenberg, Herman & Redlich, Fritz (1964). The Industrial Development of Europe: Reality, Symbols, Images // *Kyklos*, XVII, 3, 372–403.
- Froidevaux, Henri (1918). Desintéressement de la France à l'égard du Canada entre 1775 et 1782 // *Revue de l'histoire des colonies françaises*, VI, 4e trimestre, 485–491.
- Frykenberg, Robert Eric (1965). *Guntur District, 1788–1848: A History of Local Influence and Central Authority in South India*. Oxford: Clarendon Press.
- Fugier, André (1954). *La Révolution française et l'empire napoléonien*, Vol. IV of Pierre Renouvin, dir., *Histoire des relations internationales*. Paris: Hachette.
- Furber, Holden (1938). The Beginnings of American Trade with India, 1784–1812 // *New England Quarterly*, XI, 235–265.
- Furber, Holden (1951). *John Company at Work: A Study of European Expansion in India in the Late Eighteenth Century*. Cambridge, MA: Harvard University Press.

- Furber, Holden* (1965). *Bombay Presidency in the Mid-Eighteenth Century*. London: Asia Publ. House.
- Furber, Holden* (1976). *Rival Empires of Trade in the Orient, 1600—1800*. Minneapolis, MN: University of Minnesota Press.
- Furet, François* (1963). Pour une définition des classes inférieures à l'époque modern // *Annales E. S. C.*, XVIII, 3, 459—474.
- Furet, François* (1978). *Penser la Révolution française*. Paris: Gallimard (includes, pp. 113—172, expanded version of «Le catéchisme révolutionnaire», originally in *Annales E. S. C.*, 1971).
- Furet, François* (1983). Entretien: Faut-il célébrer le bicentenaire de la Révolution française? // *L'Histoire*, No. 52, 71—77.
- Furet, François* (1986a). *La gauche et la Révolution française au milieu du XIXe siècle: Edgar Quinet et la question du jacobinisme (1865—1870)*. Paris: Hachette.
- Furet, François* (1986b). *Marx et la Révolution française // Textes de Marx présentés, réunis, traduits par Lucien Calvié*. Paris: Flammarion.
- Furet, François & Ozouf, Jacques* (1977). *Lire et écrire: L'alphabétisation des français*. Paris: Minuit.
- Furet, François & Richet, Denis* (1973). *La Révolution française*, nouv. éd. Paris: Fayard.
- Fussell, G. E.* (1958). *Agriculture: Techniques of Farming // C. Singer et al., A History of Technologies, c. 1750 to c. 1850*. Oxford: Clarendon Press, 13—43.
- Fussell, G. E. & Compton, M.* (1939). *Agricultural Adjustments after the Napoleonic Wars // Economic History Review*, X, No. 14, 181—204.
- Fyfe, Christopher* (1976). *Freed Slave Colonies in West Africa // in Cambridge History of Africa, vol. V: J. E. Flint, ed., From c. 1790 to c. 1870*. Cambridge, Engl.: Cambridge University Press, 170—199.
- Fynn, J. K.* (1971). *Ghana-Asante (Ashanti) // M. Crowder, ed., West African Resistance*. London: Hutchison, 19—52.
- Gaillardon, Charles* (1908, 1909). *L'industrie et les industriels en Normandie, au moment de la convocation des Etats-Généraux de 1789 // Revue d'études normandes, 3e année, I, 22—33 (1908); 3e année, 3/1, 138—153 (1909); 3e année, 7, 258—269 (1909)*.
- Gaissinovitch, A.* (1938). *La revolte de Pougatchev*. Paris: Payot.
- Galenson, David W.* (1981a). *White Servitude and the Growth of Black Slavery in Colonial America // Journal of Economic History*. XLI, 1, 39—48.
- Galenson, David W.* (1981b). *White Servitude in Colonial America: An Economic Analysis // Cambridge, Engl.: Cambridge University Press*.
- Galenson, David W. & Menard, Russell R.* (1980). *Approaches to the Analysis of Economic Growth in Colonial British America // Historical Methods*, XIII, 1, 3—18.
- Gallagher, John & Robinson, Ronald* (1953). *The Imperialism of Free Trade // Economic History Review*, 2nd ser., VI, 1, 1—15.
- Gandev, Christo* (1960). *L'apparition des rapports capitalistes dans l'économie rurale de la Bulgarie du nord-ouest au cours du XVII le siècle // Études historiques, à l'occasion du XIe Congrès International des Sciences Historiques — Stockholm, août, 1960. Sofia, Académie des Sciences de Bulgarie*, 207—220.
- Gandia, Enrique de* (1970). *Genesis y descubrimiento de la conciencia nacional en America // Drs Ensayos de Enrique de Gawlia. Caracas: Tip. Vargas*, 3—59.
- Ganguli, B. N.* (1965). *Dadabhai Naoroji and the Drain Theory*. Bombay: Asia Publ. House.
- Garavaglia, Juan Carlos* (1985). *Economic Growth and Regional Differentiation: The River Plate Region at the End of the Eighteenth Century // Hispanic American Historical Review*, LXV, 1, 51—89.
- García-Baquero González, Antonio* (1972). *Comercio colonial y guerras revolucionarias. La decadencia económica de Cádiz a raíz de la emancipación americana*. Sevilla: Publ. de la Escuela de Estudios Hispano-Americanos de Sevilla.

- Garden, Maurice* (1970). *Lyon et les Lyonnais au XVIIIe siècle*. Paris: Societe d'Édition «Les Belles Lettres».
- Garden, Maurice* (1978a). *Rappel du système économique pré-industriel* // Pierre Léon, dir., *Histoire économique et sociale du monde, III: Louis Bergeron, dir., Inerties et révolutions, 1730–1840*. Paris: Lib. Armand Colin, 13–20.
- Garden, Maurice* (1978b). *Un exemple régional: l'industrie textile des Pays-Bas autrichiens* // Pierre Léon, dir., *Histoire économique et sociale du monde, III: Louis Bergeron, dir., Inerties et révolutions, 1730–1840*. Paris: Lib. Armand Colin, 20–27.
- Garden, Maurice* (1978c). *Images industrielles dans l'Europe occidentale* // Pierre Léon, dir., *Histoire économique et sociale du monde, III: Louis Bergeron, dir., Inerties et révolutions, 1730–1840*. Paris: Lib. Armand Colin, 28–36.
- Garden, Maurice* (1978d). *L'évolution démographique* // Pierre Léon, dir., *Histoire économique et sociale du monde, III: Louis Bergeron, dir., Inerties et révolutions, 1730–1840*. Paris: Lib. Armand Colin, 137–171.
- Garner, Richard L.* (1972). *Problèmes d'une ville minière mexicaine à la fin de l'époque coloniale: Prix et salaires à Zacatecas (1760–1821)* // *Cahiers des Amériques Latines*, No. 6, 75–112.
- Garnier, Richard L.* (1985). *Price Trends in Eighteenth-Century Mexico* // *Hispanic American Historical Review*, LXV, 2, 279–325.
- Garrett, Mitchell Bennett* (1918). *The French Colonial Question, 1789–1791*. Ph.D. dissertation, University of Michigan.
- Gaski, John F.* (1982). *The Cause of the Industrial Revolution: A Brief «Single-Factor» Argument* // *Journal of European Economic History*, XI, 1, 227–233.
- Gauthier, Florence* (1977). *La voie paysanne dans la Révolution française: L'exemple de la Picardie*. Paris: Maspéro.
- Gayer, Arthur D., Rostow, W.W. & Schwartz, Anna Jacobson* (1975). *The Growth and Fluctuation of the British Economy, 1790–1850*, 2 vols., new ed. New York: Barnes & Noble.
- Geary, Frank* (1984). *The Cause of the Industrial Revolution and «Single-Factor» Arguments: an Assessment* // *Journal of European Economic History*, XIII, I, 167–173.
- Geggus, David* (1981). *The British Government and the Saint Domingue Slave Revolt, 1791–1793* // *English Historical Review*, XCVI, No. 379, 285–305.
- Geggus, David* (1982). *Slavery, War, and Revolution: The British Occupation of Saint Domingue, 1793–1798*. Oxford: Clarendon Press.
- Geggus, David* (1987). *The Enigma of Jamaica in the 1790s: New Light on the Causes of Slave Rebellions* // *William and Mary Quarterly*, 3rd ser., XLIV, 2, 274–299.
- Gemery, Henry & Hogendorn, Jan S.* (1974). *The Atlantic Slave Trade: A Tentative Economic Model* // *Journal of African History*, XV, 2, 223–246.
- Gemery, Henry & Hogendorn, Jan S.* (1978). *Technological Change, Slavery and the Slave Trade* // C. Dewey & A.G. Hopkins, eds., *The Imperial Impact: Studies in the Economic History of Africa and India*. London: Athlone, 243–258.
- Gemery, Henry A. & Hogendorn, Jan S.* (1979). *The Economic Costs of West African Participation in the Atlantic Slave Trade: A Preliminary Sampling for the Eighteenth Century* // H.A. Gemery & J.S. Hogendorn, eds., *The Uncommon Market*. New York: Academic Press, 143–161.
- Genç, Mehmet* (1976). *A Comparative Study of the Life Term Tax Farming Data and the Volume of Commercial and Industrial Activities in the Ottoman Empire during the Second Half of the 18th Century* // N. Todorov et al., dirs., *La révolution industrielle dans le Sud-est Europe-XIXe siècle*. Sofia: Institut d'Etudes Balkaniques, 243–280.

- Georgescu, Valentin (1976). La terminologie: modernisation et européanisation de l'Empire ottoman et du sud-est de l'Europe, à la lumière de l'expérience roumaine // N. Todo-rov et al., dirs., La révolution industrielle dans le Sud-est Europe — XIXe siècle. Sofia: Institut d'Etudes Balkaniques, 113—139.
- Georgiades, Dimitrios (1885). Smyrne et l'Asie Mineure att point de vue économique et commerciale. Paris: Impr. Chaix.
- Gerschenkron, Alexander (1952). An Economic History of Russia // Journal of Economic History, XII, 2, 146—159.
- Gerschenkron, Alexander (1955). Comment // National Bureau of Economic Research, Capital Formation and Economic Growth. Princeton, NJ: Princeton University Press, 373—378.
- Gerschenkron, Alexander (1962). Economic Backwardness in Historical Perspective. Cambridge, MA: Harvard University Press.
- Gerschenkron, Alexander (1970). Europe in the Russian Mirror: Four Lectures in Economic History. Cambridge, Engl.: At the University Press.
- Gerschenkron, Alexander (1971). Soviet Marxism and Absolutism // Slavic Review, XXX, 4, 853—869.
- Gibb, H. A. R. & Bowen, Harold (1950, 1957). Islamic Society and the West, Vol. 1, 2 Parts. London: Oxford University Press.
- Gibbs, N. H. (1969). Armed Forces and the Art of War, A: Armies // New Cambridge Modern History, IX: C. W. Crawley, ed., War and Peace in an Age of Upheaval, 1793—1830. Cambridge, Engl.: At the University Press, 60—76.
- Gilboy, Elizabeth Waterman (1930). Wages in Eighteenth-Century England // Journal of Economic and Business History, II, 4, 603—629.
- Gilboy, Elizabeth Waterman (1932). Demand as a Factor in the Industrial Revolution // A. H. Cole et al., Facts and Factors in Economic History. Cambridge, MA: Harvard University Press, 620—639.
- Gilboy, Elizabeth Waterman (1975). The Cost of Living and Real Wages in Eighteenth Century England // Arthur J. Taylor, ed., The Standard of Living in Britain in the Industrial Revolution. London: Methuen, 1—20 (originally published in Review of Economic Statistics, 1936).
- Gill, Conrad (1961). Merchants and Marines of the Eighteenth Century. London: Edward Arnold.
- Gille, Bertrand (1947). Les origines de la grande industrie métallurgique en France. Paris: Ed. Domat Montchrestien.
- Gille, Bertrand (1949). Histoire économique et sociale de la Russie du moyen âge au XXe siècle. Paris: Payot.
- Gille, Bertrand (1959). Recherches sur la formation de la grande entreprise capitaliste (1815—1848). Paris: S. E. V. P. E. N.
- Gille, Bertrand (1961). Recherches sur le problème de l'innovation. Perspectives historiques dans le cas français // Cahiers de l'I. S. E. A., Suppl. N. o. 111 (Série AD, No. 1), 134—168.
- Gille, Bertrand (1973). Banking and Industrialisation in Europe, 1730 — 1914 // C. M. Cipolla, ed., Fontana Economic History of Europe, III: The Industrial Revolution. London: Collins/Fontana, 255—300.
- Gillespie, Charles C. (1972). The Natural History of Industry // A. E. Musson, ed., Science, Technology, and Economic Growth in the Eighteenth Century. London: Methuen, 121—135 (originally published in Thesis, 1957).
- Gipson, Lawrence Henry (1950). The American Revolution as an Aftermath of the Great War for the Empire, 1754—1763 // Political Science Quarterly, LXV, 1, 86—104.
- Girard, L. (1966). Transport // Cambridge Economic History of Europe, VI: H. J. Habakkuk & M. Postan, eds., The Industrial Revolution and After: Incomes, Population and Technological Change. Cambridge, Engl.: At the University Press, 212—273.

- Gleave, M. B. & Prothero, R. M. (1971). Population Density and «Slave Raiding» — A Comment // *Journal of African History*, XII, 2, 319—321.
- Godechot, Jacques (1956). *La grande nation: L'expansion révolutionnaire de la France dans le monde, 1789—1799*, 2 vols. Paris: Aubier.
- Godechot, Jacques (1958a). The Business Classes and the Revolution Outside France // *American Historical Review*, LXIV, 1, 1—13.
- Godechot, Jacques (1958b). Les relations économiques entre la France et les Etats-Unis de 1778 à 1789 // *French Historical Studies*, I, 1, 26—39.
- Godechot, Jacques (1959). Mes souvenirs d'Albert Mathiez // *Annales historiques de la Révolution française*, XXI, No. 156, 97—109.
- Godechot, Jacques (1965). Les révolutions (1770—1799) // *Nouvelle Clio*, No. 36. Paris: Presses Universitaires de France.
- Godechot, Jacques (1967a). L'Europe et l'Amérique à l'époque napoléonienne // *Nouvelle Clio*, No. 37. Paris: Presses Universitaires de France.
- Godechot, Jacques (1967b). L'historiographie française de Robespierre // *Actes du Colloque Robespierre, XIIe Congrès International des Sciences Historiques*, Vienne, 3 sept. 1965. Paris: Société des Etudes Robespierriennes, 167—189.
- Godechot, Jacques (1970). Sens et importance de la transformation des institutions révolutionnaires à l'époque napoléonienne // *Revue d'histoire moderne et contemporaine*, XVII, 795—813.
- Godechot, Jacques (1972). L'industrialisation en Europe à l'époque révolutionnaire // Pierre Léon et al., dirs., *L'industrialisation en Europe au XIXe siècle, Colloques Internationaux du CNRS*, No. 540, Lyon, 7—10 oct. 1970. Paris: Ed. du CNRS, 359—371 (with Discussion, 371—377).
- Godechot, Jacques (1974). *Un jury pour la Révolution*. Paris: Ed. Robert Laffont.
- Godechot, Jacques (1980a). La France et les problèmes de l'Atlantique à la veille de la Révolution // *Regards sur l'époque révolutionnaire*. Paris: Privat, 69—83 (originally published in *Revue du Nord*, 1954).
- Godechot, Jacques (1980b). Sens et importance de la transformation des institutions révolutionnaires à l'époque napoléonienne // *Regards sur l'époque révolutionnaire*. Paris: Privat, 182—196 (originally published in *Annales historiques de la Révolution française*, 1970).
- Godechot, Jacques (1980c). Révolution «française» ou Révolution occidentale? // *Regards sur l'époque révolutionnaire*. Paris: Privat, 199—217 (originally published in *Information historique*, 1960).
- Godechot, Jacques (1980d). Les relations économiques entre la France et les Etats-Unis de 1778 à 1789 // *Regards sur l'époque révolutionnaire*. Paris: Privat, 409—418 (originally published in *French Historical Studies*, 1958).
- Godechot, Jacques & Palmer, R. R. (1955). Le problème de l'Atlantique du XVIIIe au XXe siècles // *X Congresso Internazionale di Scienze Storiche*, Roma, 4—11 sett., 1955. Relazioni, V: *Storia contemporanea*. Firenze: G. G. Sansoni, 173—239.
- Goebel, Dorothy Burne (1938). British Trade to the Spanish Colonies, 1796—1823 // *American Historical Review*, XLIII, 2, 288—320.
- Goetzmann, William H. (1978). The United States: Revolution, Independence and Interdependence // T. S. Tolchin, ed., *Hemispheric Perspectives in the United States*. Westport, CT: Greenwood Press, 3—13.
- Gokhale B. G. (1964—1965). Capital Accumulation in XVIII Century Western India // *Journal of the Asiatic Society of Bombay*, n. s., XXXIX/XL, 51—60.
- Goldin, Claudia D. & Lewis, Frank D. (1980). The Role of Exports in American Economic Growth during the Napoleonic Wars, 1793—1807 // *Explorations in Economic History*, XVII, 1, 6—25.
- Goldman, Marshall (1956). The Relocation and Growth of the Pre-Revolutionary Russian Ferrous Metal Industry // *Explorations in Entrepreneurial History*, IX, 1, 19—36.

- Goldstone, J. A. (1986). The Demographic Revolution in England: A Re-examination // *Population Studies*, XLIX, 1, 5—33.
- Golte, Jürgen (1980). *Repartos y rebeliones: Túpac Amaru y las contradicciones de la economía colonial*. Lima: Instituto de Estudios Peruanos.
- Gongora, Mario (1975). *Studies in the Colonial History of Spanish America*. Cambridge, Engl.: Cambridge University Press.
- Goodwin, Albert (1965a). The Social Structure and Economic and Political Attitudes of the French Nobility in the Eighteenth Century // XIIe Congrès International des Sciences Historiques, Vienne, 29 août — 5 sept., 1965. Rapports, I: Grands thèmes. Horn/Wien: Verlag Ferdinand Berger & Sohne, 356—368.
- Goodwin, Albert (1965b). The Landed Aristocracy as a Governing Class in XIX Century Britain // XIIe Congrès International des Sciences Historiques, Vienne, 29 août — 5 sept., 1965. Rapports, I: Grands thèmes. Horn/Wien: Verlag Ferdinand Berger & Sohne, 368—374.
- Goodwin, Albert (1979). *The Friends of Liberty: The English Democratic Movement in the Age of the French Revolution*. Cambridge, MA: Harvard University Press.
- Gottschalk, Louis (1948). *The Place of the American Revolution in the Causal Pattern of the French Revolution*, Easton, PA: The American Friends of Lafayette.
- Goubert, Pierre (1969, 1973). *L'Ancien Régime, I: La société*. Paris: Lib. Armand Colin, 1969; II: Les pouvoirs. Paris: Lib. Armand Colin, 1973.
- Goubert, Pierre (1974). *Sociétés rurales françaises du XVIIIe siècle: vingt paysanneries contrastées, quelques problèmes* // *Conjoncture économique, structures sociales*. Paris & La Haye: Mouton, 378—387.
- Gough, Kathleen (1978). *Agrarian Relations in Southeast India, 1750—1976* // *Review*, II, 1, 25—53.
- Gourvish, T. R. (1972). The Cost of Living in Glasgow in the Early Nineteenth Century // *Economic History Review*, 2nd ser., XXV, 1, 65—80.
- Goy, Joseph & Head-Konig, Anne-Lise (1969). Une expérience: les revenus decimaux en France méditerranéenne, XVIe—XVIIIe siècles // Goy & E. Le Roy Ladurie, dirs., *Les fluctuations du produit de la dime*. Paris & La Haye: Mouton, 255—272.
- Graham, Gerald S. (1941). *Sea Power and British North America, 1783—1820: A Study in British Colonial Policy*. Cambridge, MA: Harvard University Press.
- Graham, Gerald S. (1966). The British Empire in Relation to the European Balance of Power at the End of the Napoleonic Wars // *Bilan du Monde en 1815: Rapports Conjointes*, XIIe Congrès International des Sciences Historiques, Vienne, 29 août — 5 sept. 1965. Paris: Ed. du CNRS, 5—13.
- Gran, Peter (1979). *Islamic Roots of Capitalism: Egypt, 1760—1840*. Austin, TX: University of Texas Press.
- Grange, Henri (1957). Turgot et Necker devant le problème des salaires // *Annales historiques de la Révolution française*, XXIX, No. 146, 19—33.
- Grant, William L. (1912). Canada versus Guadeloupe: An Episode of the Seven Years' War // *American Historical Review*, XVII, 4, 735—743.
- Grantham, George W. (1978). The Diffusion of the New Husbandry in Northern France, 1815—1840 // *Journal of Economic History*, XXXVIII, 2, 311—337.
- Grantham, George W. (1980). The Persistence of Open-Field Farming in Nineteenth Century France // *Journal of Economic History*, XL, 3, 515—531.
- Gray, Ralph & Wood, Betty (1976). The Transition from Indentured to Involuntary Servitude in Colonial Georgia // *Explorations in Entrepreneurial History*, XIII, 4, 353—370.
- Green, W. A. (1973). The Planter Class and Production, Before and After Emancipation // *Economic History Review*, 2nd ser., XXVI, 448—463.

- Greenberg, Michael* (1951). *British Trade and the Opening of China, 1800–42*. Cambridge, Engl.: At the University Press.
- Greene, Evarts B.* (1943). *The Revolutionary Generation, 1763–1790*. New York: Macmillan.
- Greene, Jack P.* (1962). The Flight from Determinism: A Review of Recent Literature on the Coming of the American Revolution // *South Atlantic Quarterly*, LXI, 2, 235–259.
- Greene, Jack P.* (1968a). The Plunge of Lemmings: A Consideration of Recent Writings on British Policies and the American Revolution // *South Atlantic Quarterly*, LXVII, I, 141–175.
- Greene, Jack P.* (1968b). The Reappraisal of the American Revolution in Recent Historical Literature // J. P. Greene, ed., *The Reinterpretation of the American Revolution, 1763–1789*. New York: Harper & Row, 2–74.
- Greene, Jack P.* (1969a). Political Nemesis: A Consideration of the Historical and Roots of Legislative Relations in the British Colonies in the Eighteenth Century // *American Historical Review*, LXXV, 2, 337–360.
- Greene, Jack P.* (1969b). Reply // *American Historical Review*, LXXV, 2, 364–367.
- Greene, Jack P.* (1973a). An Uneasy Connection: An Analysis of the Preconditions of the American Revolution // S. G. Kurtz & J. H. Hutson, eds., *Essays on the American Revolution*. Chapel Hill, NC: University of North Carolina Press, 32–80.
- Greene, Jack P.* (1973b). The Social Origins of the American Revolution: An Interpretation // *Political Science Quarterly*, LXXXVIII, 1, 1–22.
- Greene, Jack P. & Jellison, Richard M.* (1961). The Currency Act of 1764 in Imperial Colonial Relations, 1764–1766 // *William and Mary Quarterly*, 3rd ser., XVIII, 4, 485–518.
- Greenleaf, Richard E.* (1967). The Obraje in the Late Mexican Colony // *The Americas*, XXIII, 3, 227–250.
- Green-Pedersen, Svend E.* (1979). The Economic Considerations behind the Danish Abolition of the Negro Slave Trade // H. A. Gemery & J. S. Hogendorn, eds., *The Uncommon Market*. New York: Academic Press, 399–418.
- Grenon, Michel & Robin, Regine* (1976). A propos de la polémique sur l'Ancien Régime et la Révolution: pour une problématique de la transition // *La Pensée*, No. 187, 5–30.
- Griffin, Charles C.* (1937). *The United States and the Disruption of the Spanish Empire, 1810–1822*. New York: Columbia University Press.
- Griffin, Charles C.* (1949). Economic and Social Aspects of the Era of Spanish-American Independence // *Hispanic American Historical Review*, XXIX, 2, 170–187.
- Griffin, Charles C.* (1962). *Las temas sociales y económicos en la época de la Independencia*. Caracas: Publicación de la Fundación John Boulton y la Fundación Eugenio Mendoza.
- Griffiths, David M.* (1979). Eighteenth-Century Perceptions of Backwardness: Projects for the Creation of a Third Estate in Catherinean Russia // *Canadian-American Slavic Studies*, XIII, 4, 452–472.
- Grochulska, Barbara* (1980). Programme de modernisation de la République dans le seconde moitié du XVIIIe siècle, paper delivered at 1er Colloque Franco-Polonais, Antibes, 6–9 novembre.
- Grubb, Farley* (1985a). The Market For Indentured Immigrants: Evidence on the Efficiency of Forward Labor Contracting in Philadelphia, 1745–1773 // *Journal of Economic History*, XLV, 4, 855–868.
- Grubb, Farley* (1985b). The Incidence of Servitude in Trans-Atlantic Migration, 1771–1804 // *Explorations in Economic History*, XXII, 3, 316–339.
- Cruder, Vivian R.* (1968). *The Royal Provincial Intendants. A Governing Elite in Eighteenth-Century France*. Ithaca, NY: Cornell University Press.
- Cruder, Vivian R.* (1984). A Mutation in Elite Political Culture: The French Notables and the Defense of Property and Participation, 1787 // *Journal of Modern History*, LVI, 4, 598–634.

- Guerci, Luciano (1980). Furet e la Rivoluzione francese // Studi storici, XXI, 2, 227—240.
- Guérin, Daniel (1958). Bataille autour de notre mère // La nouvelle réforme, I, 2, 195—217.
- Guérin, Daniel (1968). La lutte de classes sous la Première République: Bourgeois et "bras nus" (1793—1797), nouv. ed. revue et augmentée, 2 vols. Paris: Gallimard.
- Guéry, Alain (1978). Les finances de la monarchie française sous l'Ancien Régime // Annales E. S. C., XXXIII, 2, 216—239.
- Guha, Amalendu (1972). Raw Cotton of Western India: Output, Transport, and Marketing, 1750—1850 // Indian Economic and Social History Review, IX, 1, 1—42.
- Guha, Amalendu (1976). Imperialism of Opium: Its Ugly Face in Assam (1773—1921) // Proceedings of the Indian History Congress, Thirty-Seventh Session, Calicut, 338—346.
- Guibert-Sledziewski, E. (1977). Du féodalisme au capitalisme. Transition révolutionnaire ou système transitoire? // A. Soboul, dir., Contribution à l'histoire paysanne de la Révolution française. Paris: Ed. Sociales, 47—71.
- Guilhaumou, Jacques (1980). Les discours jacobins (1792—1794) // Mots, No. 1, 219—225.
- Guillerm, Alain (1981). L'Etat et l'espace de la guerre: Fortifications et marine, 2 vols., unpublished Ph.D. dissertation, Université de Paris-VIII.
- Gupta, Sulekh Chandra (1963). Agrarian Relations and Early British Rule in India. Bombay: Asia Publ. House.
- Guttridge, G. H. (1933). Adam Smith on the American Revolution: An Unpublished Memorial [Feb., 1778] // American Historical Review, XXXVIII, 4, 714—720.
- Guy, Camille (1900). La mise en valeur de noire domaine colonial. Collection, les Colonies françaises, Tome III. Paris: Augustin Challamel.
- Habakkuk, H. J. (1953). English Population in the Eighteenth Century // Economic History Review, 2nd ser., VI, 2, 117—133.
- Habakkuk, H. J. (1955). The Historical Experience of the Basic Conditions of Economic Progress // L. H. Dupriez, ed., Economic Progress: Papers and Proceedings of a Round Table held by the International Economic Association. Louvain: Institut de Recherches Économiques.
- Habakkuk, H. J. (1958). The Economic History of Modern Britain // Journal of Economic History, XVIII, 4, 486—501.
- Habakkuk, H. J. (1965). Population, Commerce and Economic Ideas // New Cambridge Modern History, VIII: A. Goodwin, ed., The American and French Revolutions, 1763—93. Cambridge, Engl.: At the University Press, 25—54.
- Habakkuk, H. J. (1971). Population Growth and Economic Development since 1750. Leicester, Engl.: Leicester University Press.
- Habib, Irfan (1963). The Agrarian System of Mughal India (1556—1702). New York: Asia Publ. House.
- Habib, Irfan (1969). Potentialities of Capitalistic Development in the Economy of Mughal India // Journal of Economic History, XXIX, 1, 32—78.
- Habib, Irfan (1985). Studying a Colonial Economy — Without Perceiving Colonialism // Modern Asian Studies, XIX, 3, 355—381.
- Hacker, Louis M. (1935). The First American Revolution // Columbia University Quarterly, Part I, 259—295.
- Hague, D. C. (1963). Summary Record of the Debate // W. W. Rostow, ed., The Economics of Take-Off into Sustained Growth. London: Macmillan, 301—476.
- Hair, J. E. H. (1965). The Enslavement of Koelle's Informants // Journal of African History, VI, 2, 193—203.
- Hajnal, J. (1965). European Marriage Patterns in Perspective // D. V. Glass & D. C. E. Eversley, eds., Population in History. London: Edward Arnold, 101—143.
- Hall, Gwendolyn M. (1971). Social Control in Plantation Societies: A Comparison of St. Domingue and Cuba. Baltimore, MD: Johns Hopkins University Press.

- Halperin-Donghi, Tulio* (1972). *La crisis de Independencia // La independencia en el Perú*, Perú Problema, No. 7. Lima: Instituto de Estudios Peruanos, 115–166.
- Halperin-Donghi, Tulio* (1975). *Politics, Economics, and Society in Argentina in the Revolutionary Period, 1776–1860*. Cambridge, Engl.: Cambridge University Press.
- Hamill, Hugh M., Jr.* (1966). *The Hidalgo Revolt: Prelude to Mexican Independence*. Gainesville, FL: University of Florida Press.
- Hamilton, Earl J.* (1940). *Growth of Rigidity in Business during the Eighteenth Century // American Economic Review, Supplement, XXX, 1, 298–305*.
- Hamilton, Earl J.* (1944). *Monetary Problems in Spain and Spanish America, 1751–1800 // Journal of Economic History, IV, 1, 21–48*.
- Hamilton, Earl J.* (1953). *Profit Inflation and the Industrial Revolution, 1751–1800 // Frederic C. Lane & Jelle C. Riemersma, eds., Enterprise and Secular Change*. Homewood, IL: Richard D. Irwin, 322–336 (originally published in *Quarterly Journal of Economics*, 1942).
- Hamnett, Brian R.* (1971). *Politics and Trade in Southern Mexico, 1750–1821*. Cambridge, Engl.: At the University Press.
- Hamnett, Brian R.* (1980). *Mexico's Royalist Coalition: The Response to Revolution, 1808–1821 // Journal of Latin American Studies, XII, 1, 55–86*.
- Hampson, Norman* (1963). *A Social History of the French Revolution*. Toronto: Toronto University Press.
- Hancock, W.K.* (1942). *Survey of British Commonwealth Affairs, II: Problems of Economic Policy, 1918–1939, Part 2*. London: Oxford University Press.
- Hardy, Georges* (1921). *La mise en valeur du Sénégal de 1817 à 1851*. Paris: Emile Larose.
- Haring, Clarence H.* (1947). *The Spanish Empire in America*. New York: Harcourt, Brace & World.
- Harley, C. Knick.* (1982). *British Industrialization before 1841: Evidence of Slower Growth during the Industrial Revolution // Journal of Economic History, XLII, 2, 267–289*.
- Harlow, Vincent T.* (1940). *The New Imperial System, 1783–1815 // J. Holland Rose, A.P. Newton & E.A. Benians, eds., The Cambridge History of the British Empire, II: The Growth of the New Empire, 1783–1870*. Cambridge, Engl.: At the University Press, 129–187.
- Harlow, Vincent T.* (1952). *The Founding of the Second British Empire, 1763–1793, I: Discovery and Revolution*. London: Longmans, Green.
- Harlow, Vincent T.* (1964). *The Founding of the Second British Empire, 1763–1793, II: New Continents and Changing Values*. London: Longmans, Green.
- Harper, Lawrence A.* (1939). *The Effects of the Navigation Acts on the Thirteen Colonies // R.B. Morris, ed., The Era of the American Revolution*. New York: Columbia University Press, 3–39.
- Harper, Lawrence A.* (1942). *Mercantilism and the American Revolution // Canadian Historical Review, XXIII, 1, 1–15*.
- Harris, Charles H., III.* (1975). *A Mexican Family Empire: The Latifundo of the Sanchez Navarros, 1765–1867*. Austin, TX: University of Texas Press.
- Harris, J.R.* (1976a). *Skills, Coal and British Industry in the Eighteenth Century // History, LXI, No. 202, 167–182*.
- Harris, J.R.* (1976b). *Technological Divergence and Industrial Development in Britain and France before 1800 // Fifth International Conference of Economic History, Leningrad, 1970*. The Hague: Mouton, VII, 31–41.
- Harris, Robert D.* (1976). *French Finances and the American War, 1777–1783 // Journal of Modern History, XLVIII, 2, 233–258*.
- Harsin, Paul* (1930). *De quand date le mot industrie? // Annales d'histoire économique et sociale, II, 6, 235–242*.

- Harsin, Paul* (1954). La révolution liégeoise de 1789. Bruxelles: La Renaissance du Livre.
- Hartmann, Peter Clause* (1978). Die Steuersysteme in Frankreich und England am Vorabend der Französischen Revolution // E. Hinrichs et al., hrsg., Vom Ancien Régime zur Französischen Revolution. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 43–65.
- Hartwell, R. M.* (1961). The Rising Standard of Living in England, 1800–1850 // *Economic History Review*, 2nd ser., XIII, 3, 397–416.
- Hartwell, R. M.* (1963). The Standard of Living // *Economic History Review*, 2nd ser., XVI, 1, 135–146.
- Hartwell, R. M.* (1967a). Introduction // R. M. Hartwell, ed., *The Causes of the Industrial Revolution in England*. London: Methuen, 1–30.
- Hartwell, R. M.* (1967b). The Causes of the Industrial Revolution: An Essay in Methodology // R. M. Hartwell, ed., *The Causes of the Industrial Revolution in England*. London: Methuen, 53–79 (originally published in *Economic History Review*, 1965).
- Hartwell, R. M. ed.* (1968). *The Industrial Revolution in England*, rev. ed. London: The Historical Association.
- Hartwell, R. M.* (1970a). The Standard of Living Controversy: A Summary // R. M. Hartwell, ed., *The Industrial Revolution*. Oxford: Basil Blackwell, 167–171.
- Hartwell, R. M.* (1970b). The Great Discontinuity: Interpretations of the Industrial Revolution // *Historical Journal* (New South Wales), 1, 3–16.
- Hartwell, R. M.* (1972). Discussion of J. Godechot, L'industrialisation en Europe à l'époque révolutionnaire // Pierre Léon, et al., dirs., L'industrialisation en Europe du XIXe siècle, Colloques Internationaux du CNRS, No. 540, Lyon, 7–10 oct. 1970. Paris: Ed. du CNRS, 372–373.
- Hartwell, R. M. & Engerman, S.* (1975). Modes of Immiseration: the Theoretical Basis of Pessimism // Arthur J. Taylor, ed., *The Standard of Living in Britain in the Industrial Revolution*. London: Methuen, 189–213.
- Hartwell, R. M. & Higgs, Robert* (1971). Good Old Economic History // *American Historical Review*, LXXVI, 2, 467–474.
- Haskett, Richard C.* (1954). Prosecuting the Revolution // *American Historical Review*, LIX, 3, 578–587.
- Hasquin, Hervé* (1971). Une mutation: le «Pays de Charleroi» aux XVIIe et XVIIIe siècles: Aux origines de la Révolution industrielle en Belgique. Bruxelles: Ed. de l'Institut de Sociologie.
- Hauser, Henri* (1923). «Avant-propos» to Charles Ballot, L'introduction du machinisme dans l'industrie française. Lille: O. Marquant, v–ix.
- Hawke, G. R. & Higgins, J. P. P.* (1981). Social Overhead Capital // R. Floud & D. N. McCloskey, eds., *The Economic History of Britain Since 1700, I: 1700–1860*. Cambridge, Engl.: Cambridge University Press, 227–252.
- Heaton, Herbert* (1932). Industrial Revolution // *Encyclopedia of the Social Sciences*, Vol. VIII. New York: Macmillan, 3–13.
- Heaton, Herbert* (1941). Non-Importation, 1806–1812 // *Journal of Economic History*, I, 2, 178–198.
- Heaton, Herbert* (1972). Financing the Industrial Revolution // F. Crouzet, ed., *Capital Formation in the Industrial Revolution*. London: Methuen, 84–93 (originally published in *Bulletin of Business History Society*, 1937).
- Heavner, Robert O.* (1978). Indentured Servitude: The Philadelphia Market, 1771–1773 // *Journal of Economic History*, XXXVIII, 3, 701–713.
- Heckscher, Eli P.* (1922). *The Continental System: An Economic Interpretation*. Oxford: Clarendon Press.
- Heckscher, Eli F.* (1934). *Mercantilism*, 2 vols. London: George Allen & Unwin.

- Helleiner, Karl F.* (1965). The Vital Revolution Reconsidered // in D.V. Glass & D.C.E. Eversley, eds., *Population in History*. London: Edward Arnold, 79–86 (originally published in *Canadian Journal of Economical and Political Science*, 1957).
- Hellie, Richard* (1967). The Foundations of Russian Capitalism // *Slavic Review*, XXVI, 1, 148–154.
- Hellie, Richard* (1971). *Enserfment and Military Change in Muscovy*. Chicago, IL: University of Chicago Press.
- Henderson, Archibald* (1914). The Creative Forces in Westward Expansion: Henderson and Boone // *American Historical Review*, XX, 1, 86–107.
- Henderson, H. James* (1973). The Structure of Politics in the Continental Congress // S.G. Kurtz & J.H. Hutson, eds., *Essays on the American Revolution*. Chapel Hill, NC: University of North Carolina Press, 157–196.
- Henderson, W.O.* (1957). The Anglo-French Commercial Treaty of 1786 // *Economic History Review*, 2nd ser., X, 1, 104–112.
- Henderson, W.O.* (1961). *The Industrial Revolution on the Continent*. London: Frank Cass (also entitled *The Industrial Revolution in Europe*).
- Henderson, W.O.* (1972). *Britain and Industrial Europe, 1750–1870*, 3rd ed. Leicester, Engl.: Leicester University Press.
- Henderson, W.O.* (1976). The Labour Force in the Textile Industries // *Archiv für Sozialgeschichte*, XVI, No. 76, 283–324.
- Herr, Richard* (1958). *The Eighteenth-Century Revolution in Spain*. Princeton, NJ: Princeton University Press.
- Hertzberg, Arthur* (1968). *The French Enlightenment and the Jews. The Origins of Modern Anti-Semitism*. New York: Columbia University Press & Philadelphia, PA: Jewish Publ. Society of America.
- Hess, Andrew C.* (1970). The Evolution of the Ottoman Seaborne Empire in the Age of the Oceanic Discoveries, 1453–1525 // *American Historical Review*, LXXV, 7, 1892–1919.
- Heston, Alan W.* (1977). The Standard of Living in Akbar's Time: A Comment // *Indian Economic and Social History Review*, XIV, 3, 391–396.
- Heuvel, Gerd van den* (1982). *Grundprobleme der framosischen Bauernschaft, 1730–1794*. München & Wien: Oldenbourg.
- Heyd, Uriel* (1961). The Ottoman 'Ulemâ and Westernization in the Time of Selim III and Mahmud II // *Scripta Hierosolymitana*, IX: U. Heyd, ed., *Studies in Islamic History and Civilization*, 63–96.
- Heyd, Uriel* (1970). The Later Ottoman Empire in Rumelia and Anatolia // P.M. Holt et al., *The Cambridge History of Islam, I: The Central Islamic Lands*. Cambridge, Engl.: At the University Press, 354–373.
- Heywood, Colin* (1981). The Launching of an «Infant Industry»? The Cotton Industry of Troyes under Protectionism, 1793–1860 // *Journal of European Economic History*, X, 3, 553–581.
- Higonnet, Patrice* (1979). Babeuf: Communist or Proto-Communist? // *Journal of Modern History*, LI, 4, 773–781.
- Higonnet, Patrice* (1980). The Politics of Linguistic Terrorism and Grammatical Hegemony during the French Revolution // *Social History*, V, 1, 41–69.
- Higonnet, Patrice* (1981). *Class, Ideology, and the Right of Nobles during the French Revolution*. Oxford: Clarendon Press.
- Higonnet, Patrice* (1986). Le sens de la Terreur dans la Révolution française // *Commentaire*, No. 35, 436–445.
- Hill, Christopher* (1967). *Reformation to Industrial Revolution* // *Pelican Economic History of Britain*, Vol. II. London: Penguin.

- Hill, Christopher (1980). A Bourgeois Revolution? // J. G. A. Pocock, ed., *Three British Revolutions: 1641, 1688, 1776*. Princeton, NJ: Princeton University Press, 109–139.
- Hirsch, Jean-Pierre, ed. (1978). *La nuit du 4 août*, Collection Archives. Paris: Gallimard-Juilliard.
- Hirsch, Jean-Pierre (1979). Un fil rompu? A propos du crédit à Lille sous la Révolution et l'Empire // *Revue du Nord*, LXI, No. 210, 181–192.
- Hirsch, Jean-Pierre (1980). Note critique: Pensons la Révolution française // *Annales E. S. C.*, XXXV, 2, 320–333.
- Hirschman, Albert (1957). Investment Policies and „Dualism” in Underdeveloped Countries // *American Economic Review*, XLVII, 5, 550–570.
- His de Butenval, Charles Adrien (Comte) (1869). *Précis historique et économique du traité du commerce entre la France et la Grande-Bretagne signé à Versailles, le 26 septembre 1786*. Paris: Dentu.
- Hiskett, Mervyn (1962). An Islamic Tradition of Reform in the Western Sudan from the Sixteenth to the Eighteenth Century // *Bulletin of SOAS*, XXV, 3, 577–596.
- Hiskett, Mervyn (1976). The Nineteenth-Century Jihads in West Africa // J. E. Flint, ed., *Cambridge History of Africa*, V: From c. 1790 to c. 1870. Cambridge, Engl.: Cambridge University Press, 125–169.
- Hobsbawm, E. J. (1952). The Machine-Breakers // *Past and Present*, No. I, Feb., 57–70.
- Hobsbawm, E. J. (1957). The British Standard of Living, 1790–1850 // *Economic History Review*, 2nd ser., X, I, 46–68.
- Hobsbawm, E. J. (1962). *The Age of Revolution, 1789–1848*. New York: Mentor.
- Hobsbawm, E. J. (1963). The Standard of Living during the Industrial Revolution: A Discussion // *Economic History Review*, 2nd ser., XVI, I, 120–134.
- Hobsbawm, E. J. (1968). *Industry and Empire* // *The Pelican Economic History of Britain*, Volume III. Harmondsworth, Engl.: Penguin.
- Hobsbawm, E. J. (1975). Essays in Postscript: The Standard of Living Debate // Arthur J. Taylor, ed., *The Standard of Living in Britain in the Industrial Revolution*. London: Methuen, 179–188.
- Hodgkin, Thomas (1960). Uthman dan Fodio // *Nigeria Magazine*, A Special Independence Issue, Oct., 75–82.
- Hodgson, Marshall (1974). *The Venture of Islam: Conscience and History in a World Civilization*, 3 vols. Chicago, IL: University of Chicago Press.
- Hoerder, Dirk (1976). Boston Leaders and Boston Crowds, 1765–1776 // A. F. Young, ed., *The American Revolution: Explorations in the History of American Radicalism*. DeKalb, IL: Northern Illinois University Press, 233–271.
- Hoffman, Ronald (1976). The „Disaffected” // *Revolutionary South* // A. F. Young, ed., *The American Revolution: Explorations in the History of American Radicalism*. DeKalb, IL: Northern Illinois University Press, 273–316.
- Hoffmann, Peter (1973). Zur Problematik der sogenannten ursprünglichen Akkumulation in Russland // P. Hofman & H. Lemke, hrsg., *Genesis and Entwicklung des Kapitalismus in Russland*, Berlin: Akademie-Verlag, 154–177.
- Hoffmann, Walther G. (1955). *British Industry, 1700–1950*. Oxford: Basil Blackwell. Hoffmann, Walther G. (1958). *The Growth of Industrial Economies*. Manchester, Engl.: Manchester University Press.
- Hogendorn, Jan S. (1977). The Economics of Slave Use on Two «Plantations» in the Zaria Emirate of the Sokoto Caliphate // *International Journal of African Historical Studies*, X, 3, 369–383.
- Hogendorn, Jan S. (1980). Slave Acquisition and Delivery in Precolonial Hausaland // B. K. Schwartz, Jr. & R. Dumett, eds., *West African Culture Dynamics: Archaeological and Historical Perspectives*. The Hague: Mouton, 477–494.

- Holderness, B. A.* (1971). Capital Formation in Agriculture // J. P. P. Higgins & S. Pollard, eds., *Aspects of Capital Investment in Great Britain, 1750–1850: A Preliminary Survey*. London: Methuen, 159–183.
- Holderness, B. A.* (1974). The English Land Market in the Eighteenth Century: The Case of Lincolnshire // *Economic History Review*, 2nd ser., XXVII, 4, 557–576.
- Hone, J. Ann* (1982). *For the Cause of Truth: Radicalism in London 1796–1821*. Oxford: Clarendon Press.
- Hopkins, A. G.* (1973). *An Economic History of West Africa*. London: Longmans.
- Hoppit, Julian* (1986). Financial Crises in Eighteenth-Century England // *Economic History Review*, 2nd ser., XXXIX, I, 39–58.
- Horsman, Reginald* (1962). *The Cause of the War of 1812*. Philadelphia, PA: University of Pennsylvania Press.
- Horton, W. R. G.* (1954). The Ohu System of Slavery in a Northern Ibo Village-Group // *Africa*, XXIV, 4, 311–336.
- Hoselitz, Bert F.* (1955a). Entrepreneurship and Capital Formation in France and Britain since 1700 // *National Bureau of Economic Research. Capital Formation and Economic Growth*. Princeton, NJ: Princeton University Press, 291–337.
- Hoselitz, Bert F.* (1955b). Reply // *National Bureau of Economic Research, Capital Formation and Economic Growth*. Princeton, NJ: Princeton University Press, 385–393.
- Hossain, Hameeda* (1979). The Alienation of Weavers: Impact of the Conflict between the Revenue and Commercial Interests of the East India Company, 1750–1800 // *Indian Economic and Social History Review*, XVI, 3, 323–345.
- Hourani, Albert* (1957). The Changing Face of the Fertile Crescent in the XVIIIth Century // *Studia Islamica*, VIII, 89–122.
- Hourani, Albert* (1968). Ottoman Reform and the Politics of Notables // W. R. Polk & R. L. Chambers, eds., *Beginnings of Modernization in the Middle East*. Chicago, IL: University of Chicago Press, 41–68.
- Houtte, François-Xavier van* (1949). L'évolution de l'industrie textile en Belgique et dans le monde de 1800 à 1939, Université de Louvain, Collection de l'Ecole des Sciences Politiques et Sociales, No. 141. Louvain: E. Nauwelaerts.
- Hueckel, Glenn* (1973). War and the British Economy, 1793–1815: A General Equilibrium Analysis // *Explorations in Economic History*, X, 4, 365–396.
- Hueckel, Glenn* (1976a). English Farming Profits during the Napoleonic Wars, 1793–1815 // *Explorations in Economic History*, XIII, 3, 331–345.
- Hueckel, Glenn* (1976b). «Relative» Prices and Supply Response in English Agriculture during the Napoleonic Wars // *Economic History Review*, 2nd ser., XXIX, 3, 401–414.
- Hueckel, Glenn* (1981). Agriculture during Industrialisation // R. Floud & D. N. McCloskey, eds., *The Economic History of Britain Since 1700, I. 1700–1860*. Cambridge, Engl.: Cambridge University Press, 182–203.
- Hufton, Olwen* (1980). Europe: Privilege and Protest, 1730–1789, Vol. X of *Fontana History of Europe*. London: Harvester.
- Hufton, Olwen* (1983). Social Conflict and the Grain Supply in Eighteenth-Century France // *Journal of Interdisciplinary History*, XIV, 2, 303–331.
- Hughes, H. B. L.* (1944). British Policy towards Haiti, 1801–1805 // *Canadian Historical Review*, XXV, 4, 397–408.
- Hughes, J. R. T.* (1968). Industrialization: I. Economic Aspects // *International Encyclopedia of the Social Sciences*, Vol. VII. New York: Macmillan & Free Press, 252–263.
- Hughes, J. R. T.* (1969). Discussion // *American Economic Review*, LIX, 2. Papers and Proceedings, 382–384.
- Humboldt, Alexander von* (1972). *Political Essay on the Kingdom of New Spain*, the John Black translation (abridged). New York: Knopf.

- Humphreys, R. A.* (1952). The Fall of the Spanish American Empire // *History*, n.s., XXXVII, 213—227.
- Humphreys, R. A.* (1965). *Tradition and Revolt in Latin America, and other essays*. London: Weidenfeld & Nicolson.
- Humphreys, R. A. & Lynch, John* (1965a). The Origins of the Latin American Revolutions, 1808—1826. New York: Alfred A. Knopf, 3—27.
- Humphreys, R. A. & Lynch, John* (1965b). The Emancipation of Latin America // *XIIe Congrès International des Sciences Historiques, Rapports, III: Commissions, Vienne*, 29 août — 5 sept., 1965. Wien: Ferdinand Berger & Sohne, 39—56.
- Hunecke, Volker* (1978). Antikapitalistische Strömungen in der Französischen Revolution. Neuere Kontroversen der Forschung // *Geschichte und Gesellschaft*, IV, 3, 291—323.
- Hunt, David* (1979). The People and Pierre Dolivier: Popular Uprisings in the Seine-et-Oise Department (1791—1792) // *French Historical Studies*, XI, 2, 184—214.
- Hunt, David*, (1983). Theda Skocpol and the Peasant Route // *Socialist Review*, XIII, 4, 121—144.
- Hunt, David* (1984). Peasant Politics in the French Revolution // *Social History*, IX, 3, 277—299.
- Hunt, E. W. & Bothan; E. W.* (1987). Wages in Britain during the Industrial Revolution // *Economic History Review*, 2nd ser., XL, 3, 380—399.
- Hunt, H. G.* (1959). Landownership and Enclosure, 1750—1850 // *Economic History Review*, 2nd ser., XI, 3, 497—505.
- Hunt, Lynn* (1984). *Politics, Culture, and Class in the French Revolution*. Berkeley, CA: University of California Press.
- Hurewitz, J. C.* (1956). *Diplomacy in the Near and Middle East, I: A Documentary Record, 1535—1914*. Princeton, NJ: Van Nostrand.
- Hurewitz, J. C.* (1961a). The Europeanization of Ottoman Diplomacy: The Conversion from Unilateralism to Reciprocity in the Nineteenth Century // *Türk Tarih Kurumu Bülteni*, XXV, No. 99, 455—466.
- Hurewitz, J. C.* (1961b). Ottoman Diplomacy and the European State System // *Middle East Journal*, XV, 2, 141—152.
- Huttenback, R. A.* (1961). The French Threat to India and British Relations with Sind, 1799—1809 // *English Historical Review*, LXXVI, No. 301, 590—599.
- Hyam, Ronald* (1967). British Imperial Expansion in the Late 18th Century // *Historical Journal*, X, 1, 113—124.
- Hyde, Charles K.* (1973). The Adoption of Coke-Smelting by the British Iron Industry, 1709—1790 // *Explorations in Economic History*, X, 3, 397—418.
- Hyde, Francis E.; Parkinson, Bradbury B. & Marriner, Sheila* (1953). The Nature and Profitability of the Liverpool Slave Trade // *Economic History Review*, 2nd ser., V, 3, 368—377.
- Hyslop, Beatrice Fry* (1934). *French Nationalism in 1789 According to the General Cahiers*. New York: Columbia University Press.
- Imbart de la Tour, J.; Dorvault, F. & Lecomte, H.* (1900). *Régime de la propriété; Régime de la main d'œuvre; L'agriculture aux colonies*, Collection, Les Colonies françaises, Tome V. Paris: Augustin Challamel.
- Imlah, Albert H.* (1958). *Economic Elements in the Pax Britannica*. Cambridge, MA: Harvard University Press.
- İnalçık, Halil* (1955). Land Problems in Turkish History // *The Muslim World*, XLV, 3, 221—228.
- İnalçık, Halil* (1969). Capital Formation in the Ottoman Empire // *Journal of Economic History*, XXIX, 1, 97—140.
- İnalçık, Halil* (1971). İmriyâzât, ii — The Ottoman Empire // B. Lewis et al., eds., *The Encyclopaedia of Islam*, new ed., Vol. III. Leiden: E. J. Brill, 1179—1189.

- İnalçık, Halil* (1980). Military and Fiscal Transformations in the Ottoman Empire, 1600—1700 // *Archivum Ottomanicum*, VI, 283—337.
- İnalçık, Halil* (1983). The Emergence of Big Farms, Çiftlik: State Landlords and Tenants // J. L. Bacqué-Grammont & P. Dumont, eds., *Contribution a l'histoire économique et sociale de l'Empire ottoman*, Collection Turcica, Vol. III. Leuven: Ed. Peeters, 104—126.
- Indova, E. I.* (1964). Les activités commerciales de la paysannerie dans les villages de la région de Moscou (première moitié du XVIIIe siècle) // *Cahiers du monde russe et soviétique*, V, 2, 206—228.
- Inikori, J. E.* (1976a). Measuring the Atlantic Slave Trade: An Assessment of Curtin and Anstey // *Journal of African History*, XVII, 2, 197—223.
- Inikori, J. E.* (1976b). Measuring the Atlantic Slave Trade: A Rejoinder // *Journal of African History*, XVII, 4, 607—627.
- Inikori, J. E.* (1977). The Import of Firearms into West Africa, 1750—1807: A Quantitative Analysis // *Journal of African History*, XVIII, 3, 339—368.
- Inikori, J. E.* (1981). Market Structures and the Profits of the British African Trade in the Late Eighteenth Century // *Journal of Economic History*, XLI, 4, 745—776.
- Inikori, J. E.* (1983). Market Structure and the Profits of the British African Trade in the Late Eighteenth Century: A Rejoinder // *Journal of Economic History*, XLIII, 3, 723—728.
- Inikori, J. E.* (1985). Market Structure and Profits: A Further Rejoinder // *Journal of Economic History*, XLV, 3, 708—711.
- Innis, Harold A.* (1943). Decentralization and Democracy // *Canadian Journal of Economics and Political Science*, IX, 3, 317—330.
- Innis, Harold A.* (1956). *The Fur Trade in Canada: An Introduction to Canadian Economic History*, rev. ed. Toronto: University of Toronto Press.
- Ippolito, Richard A.* (1975). The Effect of the «Agricultural Depression» on Industrial Demand in England: 1730—1750 // *Economica*, n. s., XLII, No. 167, 298—312.
- Issawi, Charles* (1961). Egypt since 1800: A Study in Lopsided Development // *Journal of Economic History*, XXI, I, 1—25.
- Issawi, Charles* (1966). *The Economic History of the Middle East, 1800—1914: A Book of Readings*, edited and with introductions. Chicago, IL: University of Chicago Press.
- Issawi, Charles* (1980a). *The Economic History of Turkey, 1800—1914*. Chicago, IL: University of Chicago Press.
- Issawi, Charles* (1980b). Notes on the Negotiations Leading to the Anglo-Turkish Commercial Convention of 1828 // In *Mémorial Ömer Lütfi Barkan*, Bibliothèque de l'Institut Français des Etudes Anatoliennes d'Istanbul, Vol. XXVIII. Paris: Lib d'Amérique et d'Orient A. Maisonneuve, 119—134.
- Issawi, Charles* (1982). The Transformation of the Economic Position of the Millets in the Nineteenth Century // B. Braude & B. Lewis, eds., *Christians and Jews in the Ottoman Empire, I: The Central Lands*, New York: Holmes & Meier, 261—285.
- Itzkowitz, Norman* (1962). Eighteenth Century Ottoman Realities // *Studia Islamica*, XVI, 73—94.
- Izard, Miguel* (1979). El miedo a la revolución. La lucha para la libertad en Venezuela (1777—1830). Madrid: Ed. Tecnos.
- James, C. L. R.* (1963). *The Black Jacobins; Toussaint L'Ouverture and the San Domingo Revolution*. New York: Vintage Books.
- James, Francis Goodwin* (1973). *Ireland in the Empire, 1688—1770*. Cambridge, MA: Harvard University Press.
- James, James Alton* (1917). Spanish Influence in the West during the American Revolution // *Mississippi Valley Historical Review*, IV, 2, 193—208.
- Jameson, J. Franklin* (1926). *The American Revolution Considered as a Social Movement*. Princeton, NJ: Princeton Univ. Press.

- Jeannin, Pierre* (1980). La protoindustrialisation: développement ou impasse? (Note critique) // *Annales E. S. C.*, XXXV, 1, 52–65.
- Jelavich, Charles & Barbara* (1977). The Establishment of the Balkan National States, 1804–1920. Seattle, WA: University of Washington Press.
- Jennings, Francis* (1975). The Invasions of America: Indians, Colonization, and the Cant of Conquest. Chapel Hill, NC: University of North Carolina Press.
- Jennings, Francis* (1976). The Indians' Revolution // A. F. Young, ed., The American Revolution: Explorations in the History of American Radicalism. DeKalb, IL: Northern Illinois University Press, 319–348.
- Jensen, Merrill* (1936). The Cession of the Old Northwest // *Mississippi Valley Historical Review*, XXIII, 1, 27–48.
- Jensen, Merrill* (1939). The Creation of the National Domain, 1781–1784 // *Mississippi Valley Historical Review*, XXVI, 3, 323–342.
- Jensen, Merrill* (1957). Democracy and the American Revolution // *Huntington Library Quarterly*, XX, 4, 321–341.
- Jensen, Merrill* (1974). The American Revolution Within America. New York: New York University Press.
- Jeremy, David J.* (1977). Damming the Flood: British Efforts to Check the Outflow of Technicians and Machinery, 1780–1843 // *Business History Review*, LI, 1, 1–34.
- Jeremy, David J.* (1981). Transatlantic Industrial Revolution: The Diffusion of Textile Technologies between Britain and America, 1790–1830s. Cambridge, MA: M. I. T. Press.
- Joachim, Bénéoit* (1970). La structure sociale en Haïti et le mouvement d'indépendance au dix-neuvième siècle // *Cahiers d'histoire mondiale*, XII, 3, 452–465.
- Joachim, Benoit* (1971). Le néo-colonialisme à l'essai: La France et l'indépendance d'Haïti // *La Pensée*, No. 156, 35–51.
- John, A. H.* (1967). Farming in Wartime: 1793–1815 // E. L. Jones & G. E. Mingay, eds., *Land, Labour, and Population in the Industrial Revolution*. London: Edward Arnold, 28–47.
- Johnson, Christopher H.* (1983). Response to J. Ranciere, The Myth of the Artisan // *International Labor and Working Class History*, No. 24, 21–25.
- Johnson, Marion* (1970). The Cowrie Currencies of West Africa // *Journal of African History*, XI, 1, 17–49; XI, 3, 331–353.
- Johnson, Marion* (1976). The Atlantic Slave Trade and the Economy of West Africa // R. Anstey & P. E. H. Hair, eds., *Liverpool, The Slave Trade, and Abolition*. Bristol: Western Printing Service, 14–38.
- Johnson, Marion* (1978). Technology, Competition and African Crafts // C. Dewey & A. G. Hopkins, eds., *The Imperial Impact: Studies in the Economic History of Africa and India*. London: Athlone, 259–270.
- Johnson, Marion* (1980). Polanyi, Peukert and the Political Economy of Dahomey // *Journal of African History*, XXI, 3, 395–398.
- Jones, Alice Hanson* (1980). *Wealth of a Nation to Be: The American Colonies on the Eve of the Revolution*. New York: Columbia University Press.
- Jones, E. H. Stuart* (1950). *The Invasion that Failed: The French Expedition to Ireland, 1796*. Oxford: Basil Blackwell.
- Jones, E. L.* (1967). Industrial Capital and Landed Investment: The Arkwrights in Herefordshire, 1809–43 // E. L. Jones & G. E. Mingay, eds., *Land, Labour, and Population in the Industrial Revolution*. London: Edward Arnold, 48–71.
- Jones, E. L.* (1968a). The Development of English Agriculture, 1815–1873. London: Macmillan.
- Jones, E. L.* (1968b). Agricultural Origins of Industry // *Past and Present*, No. 40, 58–71.
- Jones, E. L.* (1970). English and European Agricultural Development, 1650–1750 // R. M. Hartwell, ed., *The Industrial Revolution*. Oxford: Basil Blackwell, 42–76.

- Jones, E. L.* (1974a). Agriculture and Economic Growth in England, 1660—1750: Agricultural Change // *Agriculture and the Industrial Revolution*. Oxford: Basil Blackwell, 67—84 (originally published in *Journal of Economic History*, 1965).
- Jones, E. L.* (1974b). Agriculture and Economic Growth in England, 1750—1815 // *Agriculture and the Industrial Revolution*. Oxford: Basil Blackwell, 85—127 (originally published in 1967).
- Jones, E. L.* (1974c). The Agricultural Labour Market in England, 1793—1872 // *Agriculture and the Industrial Revolution*. Oxford: Basil Blackwell, 211—233 (originally published in *Economic History Review*, 1964).
- Jones, E. L.* (1974d). The Constraints on Economic Growth in Southern England, 1650—1850 // *Third International Conference of Economic History*, Munich, 1965. Paris & La Haye: Mouton, V, 423—430.
- Jones, E. L.* (1977). Environment, Agriculture, and Industrialization in Europe // *Agricultural History*, LI, 3, 491—502.
- Jones, E. L.* (1981). Agriculture, 1700—80 // R. Floud & D. N. McCloskey, eds., *The Economic History of Britain Since 1700, I: 1700—1860*, Cambridge, Engl.: Cambridge University Press, 66—86.
- Jones, G. I.* (1963). *The Trading States of the Oil Rivers: A Study of Political Development in Eastern Nigeria*. London: Oxford University Press.
- Jones, Gareth Stedman* (1974). Working-Class Culture and Working-Class Politics in London, 1870—1890: Notes on the Remaking of a Working Class // *Journal of Social History*, VIII, 4, 460—508.
- Jones, Gareth Stedman* (1975). Class Struggle and the Industrial Revolution // *New Left Review*, No. 90, 35—69.
- Jones, J. R.* (1980). *Britain and the World, 1649—1815*. Glasgow: Fontana.
- Jones, M. A.* (1965). American Independence in its Imperial, Strategic and Diplomatic Aspects // A. Goodwin, ed., *New Cambridge Modern History*, VIII: *The American and French Revolutions, 1763—93*. Cambridge, Engl.: At the University Press, 480—508.
- Jones, Robert Leslie* (1946). Agriculture in Lower Canada, 1792—1815 // *Canadian Historical Review*, XXVII, I, 33—51.
- Jones, Stuart* (1981). The First Currency Revolution // *Journal of European Economic History*, X, 3, 583—618.
- Jordan, Winthrop D.* (1968). *White over Black: American Attitudes Toward the Negro, 1550—1812*. Chapel Hill, NC: Univ. of North Carolina Press.
- Jouvenel, Bertrand de* (1942). *Napoléon et économie dirigée. Le Blocus Continental*. Bruxelles & Paris: La Toison d'Or.
- Juglar, Clément* (1891). Des crises commerciales et de leur retour périodique en France, en Angleterre, et aux Etats-Unis. Paris: A. Picard.
- Kahan, Arcadius* (1962). Entrepreneurship in the Early Development of Iron Manufacturing in Russia // *Economic Development and Cultural Change*, X, 4, 395—422.
- Kahan, Arcadius* (1966). The Costs of «Westernization» in Russia: The Gentry and the Economy in the Eighteenth Century // *Slavic Review*, XXV, I, 40—66.
- Kahan, Arcadius* (1974a). Continuity in Economic Activity & Policy during the Post-Petrine Period in Russia // W. Blakewell, ed., *Russian Economic Development from Peter the Great to Stalin*. New York: New Viewpoints, 53—70 (originally in *Journal of Economic History*, XXV, 1965).
- Kahan, Arcadius* (1974b). Observations on Petrine Foreign Trade // *Canadian-American Slavic Studies*, VIII, 2, 222—236.
- Kahan, Arcadius* (1979). Eighteenth-Century Russian-British Trade: Russia's Contribution to the Industrial Revolution in Great Britain // A. G. Cross, ed., *Great Britain and*

- Russia in the Eighteenth Century: Contrasts and Comparisons. Newton, MA: Oriental Research Partners, 181—189.
- Kahan, Arcadius, with the editorial assistance of Richard Hellie (1985). *The Plow, the Hammer, and the Knout — An Economic History of Eighteenth-Century Russia*. Chicago, IL: University of Chicago Press.
- Kamendrowsky, Victor & Griffiths, David M. (1978). The Fall of the Trading Nobility Controversy in Russia: A Chapter in the Relationship between Catherine II and the Russian Revolution // *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas*, XXVI, 2, 198—221.
- Kammen, Michael (1970). *Empire and Interest: The American Colonies and the Politics of Mercantilism*. Philadelphia, PA: J. P. Lippincott.
- Kançal, Salgur (1983). La conquête du marché interne ottoman par le capitalisme industriel concurrentiel (1838—1881) // J. L. Bacqué-Grammont & P. Dumont, dirs., *Économie et Sociétés dans l'Empire Ottoman (fin du XVIIIe — début du XXe siècle)*, Colloques Internationaux du CNRS, No. 601. Paris: Ed. du CNRS, 355—409.
- Kaplan, Lawrence S. (1972). *Colonies into Nation: American Diplomacy, 1763—1801*. New York: Macmillan.
- Kaplan, Lawrence S. (1977). Towards Isolationism: The Rise and Fall of the FrancoAmerican Alliance, 1775—1801 // L. S. Kaplan, ed., *The American Revolutions and «A Candid World»*. Kent, OH: Kent State University Press, 134—160.
- Kaplan, Steven L. (1976). Bread, Politics, and Political Economy in the Reign of Louis XV, 2 vols. The Hague: Martinus Nijhoff.
- Kaplan, Steven L. (1979). Réflexions sur la police du monde du travail, 1700—1815 // *Revue historique*, CCLXI, 1, No. 529, 17—77.
- Kaplan, Steven L. (1982). The Famine Plot Persuasion in Eighteenth-Century France // *Transactions of the American Philosophical Society*, LXXII, 3.
- Kaplow, Jeffry (1967). On «Who Intervened in 1788?» // *American Historical Review*, LXXII, 2, 497—502.
- Kaplow, Jeffry (1972). *The Names of Kings*. New York: Basic Books.
- Karpat, Kemal H. (1972). The Transformation of the Ottoman State, 1789—1908 // *International Journal of Middle East Studies*, III, 3, 243—281.
- Karpat, Kemal H. (1974). The Social and Economic Transformation of Istanbul in the Nineteenth Century. Part I: Istanbul During the First Half of the Century // *Bulletin de l'Association International d'Etudes du Sud-Est Européen*, XII, 2, 269—308.
- Kaufmann, William W. (1951). *British Policy and the Independence of Latin America, 1804—1828*. New Haven, CT: Yale University Press.
- Kay, Marvin L. Michael (1965). An Analysis of a British Colony in Late Eighteenth Century America in the Light of Current American Historiographical Controversy // *Australian Journal of Politics and History*, XI, 2, 170—184.
- Kay, Marvin L. Michael (1976). The North Carolina Regulation, 1766—1776: A Class Conflict // A. F. Young, ed., *The American Revolution: Explorations in the History of American Radicalism*. DeKalb, IL: Northern Illinois University Press, 71—123.
- Keene, Charles A. (1978). American Shipping and Trade, 1798—1820: The Evidence from Leghorn // *Journal of Economic History*, XXXVIII, 3, 681—700.
- Keep, John (1972). Light and Shade in the History of the Russian Administration // *Canadian-American Slavic Studies*, VI, 1, 1—9.
- Kellenbenz, Hermann (1970, 1971). Marchands en Russie aux XVIIe et XVIIIe siècles // *Cahiers du monde russe et soviétique*, XI, 4, 516—620 (1970); XII, 1/2, 76—109 (1971).
- Kellenbenz, Hermann (1973). The Economic Significance of the Archangel Route (from the late 16th to the late 18th Century) // *Journal of European Economic History*, II, 3, 541—581.
- Kemp, Tom (1962). Structural Factors in the Retardation of French Economic Growth // *Kyklos*, XV, 2, 325—352.

- Kennedy, Michael L. (1984). The Best and the Worst of Times: The Jacobin Club Network from October 1791 to June 2, 1793 // *Journal of Modern History*, LVI, 4, 635—666.
- Kenyon, Cecelia M. (1962). Republicanism and Radicalism in the American Revolution: An Old-Fashioned Interpretation // *William and Mary Quarterly*, XIX, 2, 153—182.
- Kenyon, Gordon (1961). Mexican Influence in Central America, 1821—1823 // *Hispanic American Historical Review*, XLI, 1, 175—205.
- Kerr, Wilfred Brenton (1932a). The Merchants of Nova Scotia and the American Revolution // *Canadian Historical Review*, XIII, 1, 20—36.
- Kerr, Wilfred Brenton (1932b). Nova Scotia in the Critical Years, 1775—6 // *Dalhousie Review*, XII, 97—107.
- Kerr, Wilfred Brenton (1936). Bermuda and the American Revolution: 1760—1783. Princeton, NJ: Princeton University Press.
- Kerridge, Eric (1967). *The Agricultural Revolution*. London: George Allen & Unwin.
- Kerridge, Eric (1969). The Agricultural Revolution Reconsidered // *Agricultural History*, XLIII, 4, 463—475.
- Kessel, Patrick (1969). La nuit du 4 août 1789. Paris: Arthaud.
- Kessinger, Tom G. (1983). Regional Economy: North India // D. Kumar, ed., *Cambridge Economic History of India*, II: c.1757 — c. 1970. Cambridge, Engl.: Cambridge University Press, 242—270.
- Keyder, Çağlar (1976). The Dissolution of the Asiatic Mode of Production // *Economy and Society*, V, 2, 178—196.
- Keyder, Çağlar & İslamoğlu, Huri (1977). Agenda for Ottoman History // *Review*, I, 1, 31—55.
- Kicza, John E. (1982). The Great Families of Mexico: Elite Maintenance and Business Practices in Late Colonial Mexico City // *Hispanic American Historical Review*, LXII, 3, 429—457.
- Kiernan, Victor (1952). Evangelicism and the French Revolution // *Past and Present*, No. 1, Feb., 44—56.
- Kilson, Marion Dusser de Barenne (1971). West African Society and the Atlantic Slave Trade, 1441—1865 // N. I. Huggins et al., eds., *Key Issues in the Afro-American Experience*, Vol. I. New York: Harcourt, Brace, Jovanovich, 39—53.
- Kindleberger, Charles (1975). Commercial Expansion and the Industrial Revolution // *Journal of European Economic History*, IV, 3, 613—654.
- Kirchner, Walther (1966). *Commercial Relations between Russia and Europe, 1400—1800: Collected Essays*. Bloomington, IN: Indiana University Press.
- Kisch, Herbert (1959). The Textile Industries in Silesia and the Rhineland: A Comparative Study in Industrialization // *Journal of Economic History*, XIX, 4, 541—564.
- Kisch, Herbert (1962). The Impact of the French Revolution on the Lower Rhine Textile Districts—Some Comments on Economic Development and Social Change // *Economic History Review*, 2nd ser., XV, 2, 304—327.
- Kizevetter, M. (1932). Paul Ier et l'état intérieur de la Russie a la fin du XVIIIe siècle // Paul Milliukov, dir., *Histoire de la Russie*, II: Les successeurs de Pierre le Grand: de l'autocratie appuyée sur la noblesse à l'autocratie bureaucratique. Paris: E. Leroux, 629—655.
- Klein, A. Norman (1968). Karl Polanyi's Dahomey: To Be or Not to Be a State? A Review Article // *Canadian Journal of African Studies*, II, 2, 210—223.
- Klein, Herbert S. (1978). The English Slave Trade to Jamaica, 1782—1808 // *Economic History Review*, 2nd ser., XXXI, 1, 25—45.
- Klein, Marlin A. (1968). *Islam and Imperialism in Senegal: Sine-Saloum, 1847—1914*. Stanford, CA: Stanford University Press.
- Klein, Martin A. (1972). Social and Economic Factors in the Muslim Revolution in Senegambia // *Journal of African History*, XIII, 3, 419—441.

- Klein, Martin & Lovejoy, Paul E.* (1979). Slavery in West Africa // H.A. Gemery & J.S. Hogenborn, eds., *The Uncommon Market*. New York: Academic Press, 181–212.
- Klingaman, David* (1969). The Significance of Grain in the Development of the Tobacco Colonies // *Journal of Economic History*, XXIX, 2, 268–278.
- Knight, Franklin W.* (1970). *Slave Society in Cuba during the Nineteenth Century*. Madison, WI: University of Wisconsin Press.
- Knight, Franklin W.* (1977). Origins of Wealth and the Sugar Revolution in Cuba, 1750–1850 // *Hispanic American Historical Review*, LVII, 2, 231–253.
- Knight, Franklin W.* (1983). The American Revolution and the Caribbean // I. Berlin & R. Hoffman, eds., *Slavery and Freedom in the Age of the American Revolution*. Charlottesville, VA: University of Virginia Press, 237–261.
- Knollenberg, Bernhard* (1960). *Origin of the American Revolution: 1759–1766*. New York: Macmillan.
- Knollenberg, Bernhard* (1975). *Growth of the American Revolution, 1766–1775*. New York: Free Press.
- Kochanowicz, Jacek* (1980). Le paysan et la modernisation: Le Royaume de Pologne dans la première moitié du XIXe siècle, paper delivered at 1er Colloque Franco-Polonais, Antibes, 6–9 novembre.
- Konetzke, Richard* (1946). El mestizaje y su importancia en el desarrollo de la población hispano-americana durante la época colonial // *Revista de Indias*, VII, No. 23, 7–44; VII, No. 24, 216–237.
- Konetzke, Richard* (1950). La condición legal de los criollos y las causas de la Independencia // *Estudios americanos*, II, 5, 31–54.
- Kopytoff, Igor* (1979). Commentary One [on Lovejoy] // M. Craton, ed., *Roots and Branches: Current Direction in Slave Studies*. Toronto: Pergamon, 62–77.
- Kopytoff, Igor & Miers, Suzanne* (1977). African «Slavery» as an Institution of Marginality // S. Miers & I. Kopytoff, eds., *Slavery in Africa: Historical and Anthropological Perspectives*. Madison, WI: University of Wisconsin Press, 3–81.
- Koulischer, Joseph* (1931). La grande industrie aux XVIIe et XVIIIe siècles: France, Allemagne, Russie // *Annales d'histoire économique et sociale*, III, No. 9, 11–46.
- Koutaissoff, E.* (1951). The Ural Metal Industry in the Eighteenth Century // *Economic History Review*, 2nd ser., IV, 2, 252–255.
- Köymen, Oya* (1971). The Advent and Consequences of Free Trade in the Ottoman Empire // *Etudes balkaniques*, VII, 2, 47–55.
- Kranzberg, Melvin* (1969). Industrial Revolution // *Encyclopedia Britannica*, Vol. XII. Chicago & London: Encyclopedia Britannica, 210–215.
- Kraus, Michael* (1939). America and the Irish Revolutionary Movement in the Eighteenth Century // R.B. Morris, ed., *The Era of the American Revolution*. New York: Columbia University Press, 332–348.
- Krause, John T.* (1958). Changes in English Fertility and Mortality, 1781–1850 // *Economic History Review*, 2nd ser., XI, I, 52–70.
- Krause, John T.* (1967). Some Aspects of Population Change, 1690–1770 // E.G. Jones & G.E. Mingay, eds., *Land, Labour and Population in the Industrial Revolution*. London: Edward Arnold, 187–205.
- Krause, John T.* (1969). Some Neglected Factors in the English Industrial Revolution // Michael Drake, ed., *Population in Industrialization*. London: Methuen, 103–117 (originally published in *Journal of Economic History*, 1959).
- Kriedte, Peter* (1983). *Peasants, Landlords and Merchant Capitalists: Europe and the World Economy, 1500–1800*. Cambridge, Engl.: Cambridge University Press.
- Kriedte, Peter; Medick, Hans & Schlumbohm, Jürgen* (1977). *Industrialisierung vor der Industrialisierung*. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht.

- Kroeber, Clifton B. (1957). *The Growth of the Shipping Industry in the Rio de la Plata Region, 1794–1860*. Madison, WI: University of Wisconsin Press.
- Krooss, Herman E. (1969). Discussion // *American Economic Review*, LIX, 2, Papers and Proceedings, 384–385.
- Kulikoff, Allan (1971). The Progress of Neutrality in Revolutionary Boston // *William and Mary Quarterly*, 3rd ser., XXVIII, 3, 375–412.
- Kulshreshtha, S. S. (1964). *The Development of Trade and Industry under the Mughals (1526 to 1707 A.D.)*. Allahabad, India: Kitab Mahal.
- Kumar, Dharma (1965). *Law and Caste in South India*. Cambridge, Engl.: At the University Press.
- Kumar, Dharma (1985). The Dangers of Manichaeism // *Modern Asian Studies*, XIX, 3, 383–386.
- Kurmuş, Orhan (1983). The 1838 Treaty of Commerce Reexamined // J.-L. Bacqué-Grammont & P. Dumont, dirs., *Économie et Sociétés dans l'Empire Ottoman (fin du XVIIIe — début du XXe siècle)*, Colloques Internationaux du CNRS, No. 601. Paris: Ed. du CNRS, 411–417.
- Labrousse, C.-E. (1933). *Esquisse de mouvement des prix et des revenus en France au XVIIIe siècle*, 2 vols. Paris: Lib. Dalloz.
- Labrousse, C.-E. (1944). *La crise de l'économie française à la fin de l'Ancien Régime et au début de la révolution*, Vol. I. Paris: Presses Universitaires de France.
- Labrousse, C.-E. (1945). Préface // A. Chabert, *Essai sur les mouvements des prix et des revenus en France 1798 à 1820*. Paris: Lib. des Médicis, i-ix.
- Labrousse, C.-E. (1948). Comment naissent les révolutions // *Actes du Congrès historique du Centenaire de la Révolution de 1848*. Paris: Presses Universitaires de France, 1–29.
- Labrousse, C.-E. (1954). Preface // Pierre Léon, *La naissance de la grande industrie en Dauphiné (fin du XVIIIe siècle — 1869)*. Paris: Presses Universitaires de France, v–xiv.
- Labrousse, C.-E. (1955). Voies nouvelles vers une histoire de la bourgeoisie occidentale aux XVIIIe et XIXe siècles (1700–1850) // *X Congresso Internazionale di Scienze Storiche*, Roma, 4–11 settembre, 1955. Relazioni, IV: *Storia moderna*. Firenze: G. C. Sansoni, 365–396.
- Labrousse, C.-E. (1965). *Eléments d'un bilan économique: la croissance dans la guerre* // XIIe Congrès International des Sciences Historiques, Vienne, 29 août — 5 sept. Rapports, I: *Grands thèmes*. Horn/Wein: Ferdinand Berger & Sohne, 473–497.
- Labrousse, C.-E. (1966). The Evolution of Peasant Society in France from the Eighteenth Century to the Present // E. M. Acomb & M. L. Brown, Jr., eds., *French Society and Culture Since the Old Regime*. New York: Holt, Rinehart & Winston, 44–64.
- Labrousse, C.-E. (1970). Dynamismes économiques, dynamismes sociaux, dynamismes mentaux // Fernand Braudel & Ernest Labrousse, dirs., *Histoire économique et social de la France*, II: *Des derniers temps de l'âge seigneurial aux préludes de l'âge industriel (1760–1789)*. Paris: Presses Universitaires de France, 691–740.
- Lacerte, Robert K. (1975). The First Land Reform in Latin America: The Reforms of Alexandre Pétion, 1809–1814 // *Inter-American Economic Affairs*, XXVIII, 4, 77–85.
- Lacy, Michael G. (1985). *The United States and American Indians: Political Relations* // V. Deloria, Jr., ed., *American Indian Policy in the Twentieth Century*. Norman, OK: University of Oklahoma Press, 83–104.
- Ladd, Doris M. (1976). *The Mexican Nobility at Independence, 1780–1826*. Austin, TX: University of Texas Press.
- Lamb, D. P. (1976). Volume and Tonnage of the Liverpool Slave Trade, 1772–1807 // R. Anstey & P. E. H. Hair, eds., *Liverpool, The Slave Trade, and Abolition*. Bristol, Engl.: Western Printing Service, 91–112.

- Lammey, David (1986). The Irish-Portuguese Trade Dispute, 1770—90 // *Irish Historical Studies*, XXV, No. 97, 29—45.
- Lanctot, Gustave (1965). *Le Canada et la Révolution américaine*. Montréal: Lib. Beauchemin.
- Landes, David S. (1949). French Entrepreneurship and Industrial Growth in the Nineteenth Century // *Journal of Economic History*, IX, 1, 45—61.
- Landes, David S. (1950). The Statistical Study of French Crises // *Journal of Economic History*, X, 2, 195—211.
- Landes, David S. (1958a). Reply to Mr. Danière and Some Reflections on the Significance of the Debate // *Journal of Economic History*, XVIII, 3, 331—338.
- Landes, David S. (1958b). Second Reply // *Journal of Economic History*, XVIII, 3, 342—341.
- Landes, David S. (1969). *The Unbound Prometheus: Technological Change and Industrial Development in Western Europe from 1750*. Cambridge, Engl.: At the University Press.
- Langer, W. L. (1975). American Foods and Europe's Population Growth, 1750—1850 // *Journal of Social History*, VIII, 2, 51—66.
- Lanning, John Tate (1930). Great Britain and Spanish Recognition of the Hispanic American States // *Hispanic American Historical Review*, X, 4, 429—456.
- Laran, Michael (1966). Nobles et paysans en Russie de l'âge d'or' du servage à son abolition (1762—1861) // *Annales E. S. C.*, XXI, I, 111—140.
- Laslett, Peter (1965). *The World We Have Lost*. London: Methuen.
- Last, Murray (1974). Reform in West Africa: The Jihad Movements of the Nineteenth Century // J. F. A. Ajayi & M. Crowder, eds., *History of West Africa*, Vol. II. London: Longman, 1—29.
- Latham, A. J. H. (1971). Currency, Credit and Capitalism on the Cross River in the Pre-Colonial Era // *Journal of African History*, XII, 4, 599—605.
- Latham, A. J. H. (1973). *Old Calabar, 1600—1891: The Impact of the International Economy upon a Traditional Economy*. Oxford: Clarendon Press.
- Latham, A. J. H. (1978). Price Fluctuations in the Early Palm Oil Trade // *Journal of African History*, XIX, 2, 213—218.
- Laufenberger, Henri (1925). L'industrie cotonnière du Haut Rhin et la France // *Revue politique et parlementaire*, CXXV, 387—415.
- Laurent, Robert (1976a). Les cadres de la production agricole; propriété et modes de production // in Fernand Braudel & Ernest Labrousse, dirs., *Histoire économique et social de la France*, III: l'avènement de l'ère industrielle (1789 — années 1880). Paris: Presses Universitaires de France, 629—661.
- Laurent, Robert (1976b). L'utilisation du sol; La rénovation des méthodes de culture // Fernand Braudel & Ernest Labrousse, dirs., *Histoire économique et social de la France*, III: l'avènement de l'ère industrielle (1789 — années 1880). Paris: Presses Universitaires de France, 663—684.
- Law, Robin (1977). Royal Monopoly and Private Enterprise in the Atlantic Trade: The Case of Dahomey // *Journal of African History*, XVIII, 4, 555—577.
- Law, Robin (1986). Dahomey and the Slave Trade: Reflections on the Historiography of the Rise of Dahomey // *Journal of African History*, XXVII, 2, 237—267.
- Lazonick, William (1974). Karl Marx and Enclosures in England // *Review of Radical Political Economics*, VI, 2, 1—59.
- Lebrun, Pierre (1948). L'industrie de la laine à Verviers pendant le XVIIIe et le début du XIXe siècles: Contribution à l'étude des origines de la révolution industrielle. Liege: Faculté de Philosophie et Lettres, fasc. CXIV.
- Lebrun, Pierre (1960). Croissance et industrialisation: L'expérience de l'industrie drapière verviétoise, 1750—1850 // *First International Conference of Economic History: Contributions and Communications*, Stockholm, August. Paris & La Haye: Mouton, 531—568.

- Lebrun, Pierre* (1961). La rivoluzione industriale in Belgio: Strutturazione e destrutturazione delle economie regionali // Studi storici, II, 3/4, 548—658.
- Lecky, W.E.H.* (1972). A History of Ireland in the Eighteenth Century. Chicago, IL: University of Chicago Press, 1972 (originally published in 1892).
- Le Donne, John P.* (1982, 1983). The Territorial Reform of the Russian Empire, 1775—1796. I: Central Russia, 1775—1784 // Cahiers du monde russe et soviétique, XXIII, 2, 147—185 (1982); II: The Borderlands, 1777—1796, XXIV, 4, 411—457 (1983).
- Lee, R.D. & Schofield, R.S.* (1981). British Population in the Eighteenth Century // R. Floud & D.N. McCloskey, eds., The Economic History of Britain Since 1700, I. 1700—1860. Cambridge, Engl.: Cambridge University Press, 17—35.
- Leet, Don R. & Shaw, John A.* (1978). French Economic Stagnation, 1700—1960: Old Economic History Revisited // Journal of Interdisciplinary History, VIII, 3, 531—544.
- Lefebvre, Georges* (1929). La place de la Révolution dans l'histoire agraire de la France // Annales d'histoire économique et sociale, I, 4, 506—523.
- Lefebvre, Georges* (1932). La grande peur de 1789. Paris: Lib. Armand Colin.
- Lefebvre, Georges* (1937). Le mouvement des prix et les origines de la Révolution française // Annales historiques de la Révolution française, XIV, No. 82, 288—329.
- Lefebvre, Georges* (1939). Quatre-vingt-neuf. Paris: Maison du Livre Français.
- Lefebvre, Georges* (1947a). Review of Daniel Guérin, La lutte de classes sous la première République // Annales historiques de la Révolution française, XIX, No. 106, 173—179.
- Lefebvre, Georges* (1947b). The Coming of the French Revolution. Princeton, NJ: Princeton University Press.
- Lefebvre, Georges* (1956). Le mythe de la Révolution française // Annales historiques de la Révolution française, XXVIII, No. 145, 337—345.
- Lefebvre, Georges* (1963). La Révolution française et les paysans // Études sur la Révolution française, 2e ed. revue. Paris: Presses Universitaires de France, 338—367 (originally published in Cahiers de la Révolution française, 1933.)
- Lefebvre, Georges* (1968). La Révolution française // Vol. XIII of Peuples et civilisations, 6th ed. Paris: Presses Universitaires de France.
- Lefebvre, Georges* (1969). Napoleon from 18 Brumaire to Tilsit, 1799—1807. New York: Columbia University Press.
- Lefebvre, Georges* (1972). Les paysans du nord pendant la Révolution française, nouv. éd. Paris: Lib. Armand Colin.
- Lefebvre, Georges* (1973). The Great Fear of 1789. New York: Pantheon.
- Lefebvre, Georges* (1978). Les historiens de la Révolution française // Réflexions sur l'histoire. Paris: Maspéro, 223—243 (originally in Bulletin de la faculté des lettres de Strasbourg, 1929—1930).
- Lefebvre, Henri* (1975). What is the Historical Past? // New Left Review, No. 90, 27—34.
- Lefort, Claude* (1980). Penser la Révolution dans la Révolution française // Annales E.S.C., XXXV, 2, 334—352.
- Leger, Jacques* (1934). Le rôle de Toussaint Louverture dans la cession de la Louisiane aux États-Unis // La Relève, II, 16—18.
- LeGoff, T.J.A.* (1981). Vannes and its Region: A Study of Town and Country in Eighteenth-Century France. Oxford: Clarendon Press.
- LeGoff, T.J.A. & Sutherland, D.M.G.* (1974). The Revolution and the Rural Community in Eighteenth-Century Brittany // Past and Present, No. 62, 96—119.
- LeGoff, T.J.A. & Sutherland, D.M.G.* (1983). The Social Origins of Counter-Revolution in Western France // Past and Present, No. 99, 65—87.
- Leleux, Fernand* (1969). A l'aube du capitalisme et de la révolution industrielle: Liévin Bauwens, industriel Gaulois, Paris: S. E.V.P.E.N.

- Léon, Pierre* (1954). La naissance de la grande industrie en Dauphiné, fin du XVIIe siècle — 1869, 2 vols. Paris: Presses Universitaires de France.
- Léon, Pierre* (1960). L'industrialisation en France, en tant que facteur de croissance économique du début de XVIIIe siècle à nos jours // First International Conference of Economic History, Stockholm, August. Paris & La Haye: Mouton, 163—205.
- Léon, Pierre* (1966). Introduction générale: Les structures rurales de la France du Sud-Est, problèmes et premières interprétations // P. Léon, dir., Structures économiques et problèmes sociaux du Sud-Est (fin du XVIe siècle — 1835). Paris: Soc. d'Ed. «Les Belles Lettres», 7—32.
- Léon, Pierre* (1974). Structure du commerce extérieur et évolution industrielle de la France à la fin du XVIIIe siècle // Conjoncture économique, structures sociales: Hommage à Ernest Labrousse. Paris & La Haye: Mouton, 407—432.
- Léon, Pierre* (1976a). L'impulsion technique // Fernand Braudel & Ernest Labrousse, dirs., Histoire économique et social de la France, III: L'avènement de l'ère industrielle (1789 — années 1880). Paris: Presses Universitaires de France, 475—501.
- Léon, Pierre* (1976b). Les nouvelles repartitions // Fernand Braudel & Ernest Labrousse, dirs., Histoire économique et social de la France, III: L'avènement de l'ère industrielle (1789 — années 1880). Paris: Presses Universitaires de France, 543—580.
- Léon, Pierre* (1976c). La dynamisme industriel // Fernand Braudel & Ernest Labrousse, dirs., Histoire économique et social de la France, III: L'avènement de l'ère industrielle (1789 — années 1880). Paris: Presses Universitaires de France, 581—616.
- Le Roy Ladurie, Emmanuel* (1969). L'Aménorrhée de famine (XVIIe — XXe siècles) // Annales E. S. C., XXIV, 6, 1589—1601.
- Le Roy Ladurie, Emmanuel* (1974). Révoltes et contestations rurales en France de 1675 à 1788 // Annales E. S. C., XXIX, 1, 6—22.
- Le Roy Ladurie, Emmanuel* (1975). De la crise ultime à la vraie croissance, 1660—1789 // Georges Duby, dir., Histoire de la France rurale, II: E. Le Roy Ladurie, dir., L'Âge classique des paysans, 1340—1789. Paris: Seuil, 355—599.
- Le Roy Ladurie, Emmanuel* (1976). La crise et l'historien // Communications, No. 24, 19—33.
- Le Roy Ladurie, Emmanuel* (1978). L'histoire immobile // Le territoire de l'historien, Vol. II. Paris: Gallimard, 7—34 (originally published in Annales E. S. C., 1974).
- Le Roy Ladurie, Emmanuel* (1983—1984). Sur la Révolution française: Les «révisions» d'Alfred Cobban // Commentaire, VI, No. 24, 834—837.
- Le Roy Ladurie, Emmanuel & Goy, Joseph* (1969a). Présentation // J. Goy & E. Le Roy Ladurie, eds., Les fluctuations du produit de la dîme. Paris & La Haye: Mouton, 9—24.
- Le Roy Ladurie, Emmanuel, with Goy, Joseph* (1969b). Première esquisse d'une conjoncture du produit décimal et domanial, fin du Moyen Âge — XVIIIe siècle // J. Goy & E. Le Roy Ladurie, eds., Les fluctuations du produit de la dîme. Paris & La Haye: Mouton, 334—374.
- Le Roy Ladurie & Goy, Joseph* (1982). Tithe and Agrarian History from the Fourteenth to the Nineteenth Centuries. Cambridge, Engl.: Cambridge University Press & Paris: Ed. de la Maison des Sciences de l'Homme.
- Le Roy Ladurie, Emmanuel, with Quilliet, Bernard* (1981). Baroque et lumières // G. Duby, dir., Histoire de la France urbaine, III: E. Le Roy Ladurie, dir., La ville classique de la Renaissance aux Révolutions. Paris: Seuil, 287—535.
- Letacommoux, J.* (1908, 1909). Les transports intérieurs en France au XVIIIe siècle // Revue d'histoire moderne et contemporaine, XI, 97—114 (1908); 259—292 (1909).
- LeVeen, E. Phillip* (1974). A Quantitative Analysis of the Impact of British Suppression Policies on the Volume of the Nineteenth Century Atlantic Slave Trade // S. L. Engerman & E. D. Genovese, eds., Race and Slavery in the Western Hemisphere: Quantitative Studies. Princeton, NJ: Princeton University Press, 51—81.

- Levene, Ricardo*, ed. (1941). *Historia de la Nación Argentina*, 2a ed., V: La Revolución de Mayo hasta la Asamblea General Constituyente, 2 secciones. Buenos Aires: Lib. y Ed. «El Ateneo».
- Levy, Avigdor* (1971). The Officer Corp in Sultan Mahmud's New Army, 1826—39 // *International Journal of Middle East Studies*, II, 1, 21—39.
- Lévy-Bruhl, Henri* (1933). La Noblesse de France et le commerce à la fin de l'ancien Régime // *Revue d'histoire moderne*, n.s., II, No. 8, 209—235.
- Lévy-Leboyer, Maurice* (1964). Les banques européennes et l'industrialisation internationale, dans la première moitié du XIXe siècle. Paris: Presses Universitaires de France.
- Lévy-Leboyer, Maurice* (1968). Les processus d'industrialisation: Le cas de l'Angleterre et de la France // *Revue historique*, 92e année, CCXXXIX, 2, 281—298.
- Lewin, Boleslao* (1957). La rebelion de Túpac Amaru y los origenes de la emancipación americana. Buenos Aires: Lib. Hachette.
- Lewis, Bernard* (1953). The Impact of the French Revolution in Turkey: Some Notes on the Transmission of Ideas // *Cahiers d'histoire mondiale*, I, 1, 105—125.
- Lewitter, L. R.* (1973). Ivan Tikhonovich Pososhkov (1652—1726) and «The Spirit of Capitalism» // *Slavonic and East European Review*, II, No. 125, 524—553.
- Liévano Aguirre, Indalecio* (1968). Los grandes conflictos sociales y económicos de nuestra historia, 3a ed. Bolivia: Ed. Tercer Mundo.
- Lilley, Samuel* (1973). Technological Progress and the Industrial Revolution, 1700—1914 // C. M. Cipolla, ed., *Fontana Economic History of Europe*, III: The Industrial Revolution. London: Collins/Fontana, 187—254.
- Lindert, Peter H. & Williamson, Jeffrey G.* (1983). English Workers' Living Standards during the Industrial Revolution: A New Look // *The Economic History Review*, XXXVI, 1, 1—25. Lindert, Peter H. & Williamson, Jeffrey G. (1985). English Workers' Real Wages: Reply to Crafts // *Journal of Economic History*, XLV, 1, 145—153.
- Lingelbach, W. E.* (1914). Historical Investigation and the Commercial History of the Napoleonic Era // *American Historical Review*, XIX, 2, 257—281.
- Lipski, Alexander* (1959). Some Aspects of Russia's Westernization during the Reign of Anna Ioannovna, 1730—1740 // *American Slavonic and East European Review*, XVIII, 1, 1—11.
- Lis, C. & Soly, H.* (1977). Food Consumption in Antwerp between 1807 and 1859: A Contribution to the Standard of Living Debate // *Economic History Review*, 2nd ser., XXX, 3, 460—486.
- Liss, Peggy K.* (1983). *Atlantic Empires: The Network of Trade and Revolution, 1713—1826*. Baltimore, MD: Johns Hopkins University Press.
- Little, Anthony* (1976). *Deceleration in the Eighteenth-Century British Economy*. London: Croom Helm.
- Littlefield, Daniel C.* (1981). Plantations, Paternalism, and Profitability: Factors Affecting African Demography in the Old British Empire // *Journal of Southern History*, XLVIII, 2, 167—182.
- Litwack, Leon F.* (1961). *North of Slavery: The Negro in the Free States, 1790—1860*. Chicago, IL: University of Chicago Press.
- Litwack, Leon F.* (1987). Trouble in Mind: The Bicentennial and the Afro-American Experience // *Journal of American History*, LXXIV, 2, 315—337.
- Lloyd, Christopher* (1965). *Armed Forces and the Art of War*, 1: Navies // *New Cambridge Modern History*, VIII: A. Goodwin, ed., *The American and French Revolutions, 1763—93*. Cambridge, Engl.: Cambridge University Press, 174—190.
- Lloyd, Peter C.* (1971). *The Political Development of Yoruba Kingdom in the Eighteenth and Nineteenth Centuries*. London: Royal Anthropological Institute of Great Britain and Ireland, Occasional Paper, No. 31.

- Locke, Robert R. (1981). French Industrialization: The Roehl Thesis Reconsidered // *Explorations in Economic History*, XVIII, 4, 415–433.
- Lockridge, Kenneth A. (1973). Social Change and the Meaning of the American Revolution // *Journal of Social History*, VI, 4, 403–449.
- Logan, Rayford W. (1941). *The Diplomatic Relations of the United States with Haiti, 1776–1891*. Chapel Hill, NC: University of North Carolina Press.
- Logan, Rayford W. (1968). *Haiti and the Dominican Republic*. New York: Oxford University Press.
- Lokke, Carl Ludwig (1928). Jefferson and the Leclerc Expedition // *American Historical Review*, XXXIII, 2, 322–328.
- Lokke, Carl Ludwig (1930). French Dreams of Colonial Empire: under Directory and Consulate // *Journal of Modern History*, II, 2, 237–250.
- Lokke, Carl Ludwig (1932). *France and the Colonial Question: A Study of Contemporary French Opinion, 1763–1801*. New York: Columbia University Press.
- Lombardi, John V. (1971). *The Decline and Abolition of Negro Slavery in Venezuela, 1820–1854*. Westport., CT: Greenwood.
- Longworth, Philip (1969). *The Cossacks*. New York: Holt, Rinehan & Winston.
- Longworth, Philip (1973). The Last Great Cossack Peasant Rising // *Journal of European Studies*, III, 1, 1–35.
- Longworth, Philip (1974). The Pugachev Revolt. The Last Great Cossack Peasant Rising // A. Landsberger, ed., *Rural Protest: Peasant Movements and Social Change*. London: Macmillan, 194–256.
- Longworth, Philip (1975a). The Pretender Phenomenon in Eighteenth-Century Russia // *Past and Present*, No. 66, 61–83.
- Longworth, Philip (1975b). Peasant Leadership and the Pugachev Revolt // *Journal of Peasant Studies*, II, 2, 183–205.
- Longworth, Philip (1979). Popular Protest in England and Russia: Some Comparisons and Suggestions // A. G. Cross, ed., *Great Britain and Russia in the Eighteenth Century: Contrasts and Comparisons*. Newton, MA: Oriental Research Partners, 263–278.
- Loschky, David J. (1973). Studies of the Navigation Acts: New Economic Non-History? // *Economic History Review*, 2nd ser., XXVI, 4, 689–691.
- Lotte, Sophie A. (1962). A propos de l'article de George Rudé // *Critica storica*, I, 1, 387–391.
- Lough, John (1987). *France on the Eve of Revolution: British Travellers' Observations, 1763–1788*. Chicago, IL: Dorsey Press.
- Lovejoy, Paul E. (1978). Plantations in the Economy of the Sokoto Caliphate // *Journal of African History*, XIX, 3, 341–368.
- Lovejoy, Paul E. (1979). Indigenous African Slavery // M. Craton, ed., *Roots and Branches: Current Directions in Slave Studies*. Toronto: Pergamon, 19–61.
- Lovejoy, Paul E. (1982). The Volume of the Atlantic Slave Trade: A Synthesis // *Journal of African History*, XXIII, 4, 473–501.
- Lovejoy, Paul E. & Hogendorn, Jan S. (1979). Slave Marketing in West Africa // H. A. Gemery & J. S. Hogendorn, eds., *The Uncommon Market*. New York: Academic Press, 213–235.
- Lowenthal, David (1952). Colonial Experiments in French Guiana, 1760–1800 // *Hispanic American Historical Review*, XXXII, I, 22–43.
- Loy, Jane M. (1981). Forgotten Comuneros: The 1781 Revolt in the Llanos of Casanare // *Hispanic American Historical Review*, LXI, 2, 235–257.
- Lubin, Maurice A. (1968). Les premiers rapports de la nation haïtienne avec l'étranger // *Journal of Interamerican Studies*, X, 2, 277–305.
- Lucas, Colin (1973). Nobles, Bourgeois and the Origins of the French Revolution // *Past and Present*, No. 60, Aug., 84–126.

- Lucas, Colin (1979). Violence thermidorienne et société traditionnelle // *Cahiers d'histoire*, XXXIV, 4, 3—43.
- Ludden, David (1985). *Peasant History in South India*. Princeton, NJ: Princeton University Press.
- Lundhal, Mats (1984). Defense and Distribution: Agricultural Policy in Haiti during the Reign of Jean-Jacques Dessalines, 1804—1806 // *Scandinavian Economic History Review*, XXXII, 2, 77—103.
- Lutfalla, Michel (1966). Saint-Just, analyste de l'inflation révolutionnaire // *Revue d'histoire économique et sociale*, XLIV, 2, 242—255.
- Lüthy, Herbert (1960). Necker et la Compagnie des Indes // *Annales E. S. C.*, XV, 5, 852—881.
- Lüthy, Herbert (1961). La banque protestante en France de la Révocation de l'Edit de Nantes à la Révolution, II: De la banque aux finances (1710—1794). Paris: S. E. V. P. E. N.
- Luz, Nícia Vitela (1960). Inquietações revolucionarias no sul: conjuração mineira // *S. Buarque de Holanda, dir., Historia Geral da Civilização Brasileira*, Tomo I, 2º Vol. São Paulo: Difusão Européia do Livro, 394—405.
- Lyashchenko, Peter I. (1970). *History of the National Economy of Russia to the 1917 Revolution*. New York: Octagon.
- Lynch, John (1969). British Policy and Spanish America, 1783—1808 // *Journal of Latin American Studies*, I, 1, 1—30.
- Lynch, John (1973). *The Spanish American Revolutions, 1808—1826*. New York: W. W. Norton.
- Lynch, John (1985). The Origins of Spanish American Independence // *Cambridge History of Latin America*, III. L. Bethell, ed. From Independence to c. 1870. Cambridge, Engl.: Cambridge University Press, 3—50.
- Lynd, Staughton (1961). Who Shall Rule at Home? Dutchess County, New York, in the American Revolution // *William and Mary Quarterly*, 3d ser., XVIII, 3, 330—359.
- Lynd, Staughton (1967). *Class Conflict, Slavery, and the United States Constitution: Ten Essays*. Indianapolis, IN: Bobbs-Merrill.
- McAlister, L. N. (1963). Social Structure and Social Change in New Spain // *Hispanic American Historical Review*, XLIII, 3, 349—379.
- McCallum, John (1980). *Unequal Beginnings: Agriculture and Economic Development in Quebec and Ontario until 1870*. Toronto: University of Toronto Press.
- McCary, B. D. (1928). *The Causes of the French Intervention in the American Revolution*. Toulouse: Edward Privat.
- McClelland, Peter D. (1969). The Cost to America of British Imperial Policy // *American Economic Review*, LIX, 2, Papers & Proceedings, 370—381.
- McClelland, Peter D. (1970). On Navigating the Navigation Acts with Peter McClelland: Reply // *American Economic Review*, LX, 5, 956—958.
- McClelland, Peter D. (1973). The New Economic History and the Burdens of the Navigation Acts: A Comment // *Economic History Review*, 2nd ser., XXVI, 4, 679—686.
- McCloskey, Donald N. (1972). The Enclosure of Open Fields: Preface to a Study of Its Impact on the Efficiency of English Agriculture in the Eighteenth Century // *Journal of Economic History*, XXXII, 1, 15—35.
- McCloskey, Donald N. (1981). The Industrial Revolution, 1780—1860: A Survey // R. Floud & D. N. McCloskey, eds., *The Economic History of Britain Since 1700*, I: 1700—1860. Cambridge, Engl.: Cambridge University Press, 103—127.
- McCloy, Shelby T. (1952). *French Inventions of the Eighteenth Century*. Lexington, KY: University of Kentucky Press.
- McCoy, Drew R. (1974). Republicanism and American Foreign Policy: James Madison and the Political Economy of Commercial Discrimination, 1789—1794 // *William and Mary Quarterly*, 3rd ser., XXXI, 4, 633—646.

- McCoy, Drew R. (1980). *The Elusive Republic: Political Economy in Jeffersonian America*. Chapel Hill, NC: University of North Carolina Press.
- McCulloch, J.R. (1827). *Rise, Progress, Present State, and Prospects of the Cotton Manufacture* // *Edinburgh Review*, XLVI, No. 91, 1—39.
- McDonald, Forrest (1960). *Rebuttal* // *William and Mary Quarterly*, 3rd ser., XVII, 1, 102—110.
- Macdonald, Stuart (1980). *Agricultural Response to a Changing Market during the Napoleonic Wars* // *Economic History Review*, 2nd ser., XXXIII, 1, 59—71.
- McDowell, R.B. (1979). *Ireland in the Age of Imperialism and Revolution, 1760—1801*. Oxford: Clarendon Press.
- McEvedy, Colin (1972). *The Penguin Atlas of Modern History (to 1815)*. London: Penguin.
- McGowan, Bruce (1981a). *Economic Life in Ottoman Europe*. Cambridge, Engl.: Cambridge University Press.
- McGowan, Bruce (1981b). *The Study of Land and Agriculture in the Ottoman Provinces within the Context of an Expanding World Economy in the 17th and 18th Centuries* // *International Journal of Turkish Studies*, II, 1, 57—63.
- McGuire, Robert A. & Ohsfeldt, Robert L. (1984). *Economic Interests and the American Constitution: A Qualitative Rehabilitation of Charles A. Beard* // *Journal of Economic History*, XLIV, 2, 509—519.
- Mackay, D.L. (1974). *Direction and Purpose in British Imperial Policy, 1793—1801* // *Historical Journal*, XVII, 3, 487—501.
- McKeown, Thomas (1976). *The Modern Rise of Population*. New York: Academic Press.
- McKeown, Thomas C. & Brown, R.G. (1969). *Medical Evidence Related to English Population Changes in the Eighteenth Century* // M. Drake, ed., *Population in Industrialization*. London: Methuen, 40—72 (originally published in *Population Studies*, 1955).
- McKeown, T., Brown, R.G. & Record, R.G. (1972). *An Interpretation of the Modern Rise of Population in Europe* // *Population Studies*, XXVI, Part 3, 345—382.
- McKeown, T. & Record, R.G. (1962). *Reasons for the Decline of Mortality in England and Wales during the Nineteenth Century* // *Population Studies*, XVI, Part 2, 94—122.
- Mackesy, Piers (1964). *The War for America, 1775—1783*. Cambridge, MA: Harvard University Press.
- Mackrell, J.Q.C. (1973). *The Attack on «Feudalism» in Eighteenth-Century France*. London: Routledge & Kegan Paul.
- Macmillan, David S. (1970). *The Scottish-Russian Trade: Its Development, Fluctuations, and Difficulties, 1750—1796* // *Canadian-American Slavic Studies*, IV, 3, 426—442.
- Macmillan, David S. (1973). *Paul's «Retributive Measures» of 1800 against Britain: The Final Turning-Point in British Commercial Attitudes towards Russia* // *Canadian-American Slavic Studies*, VII, 1, 68—77.
- Macmillan, David S. (1979). *Problems in the Scottish Trade with Russia in the Eighteenth Century: A Study in Mercantile Frustration* // A.G. Cross, ed., *Great Britain and Russia in the Eighteenth Century: Contrasts and Comparisons*. Newton, MA: Oriental Research Partners, 164—180.
- McNeill, William H. (1964). *Europe's Steppe Frontier, 1500—1800*. Chicago, IL: University of Chicago Press.
- McNeill, William H. (1976). *Plagues and Peoples*. Garden City, NY: Anchor Press.
- McNeill, William H. (1982). *The Pursuit of Power*. Chicago, IL: University of Chicago Press.
- McNickle, D'Arcy (1957). *Indian and European: Indian-White Relations from Discovery to 1887* // *Annals of the A.A.P.S.S.*, CCCXI, May, 1—11.
- McPhee, Allan (1926). *The Economic Revolution in British West Africa*. London: Geo. Routledge & Sons.
- Macedo, Jorge de (1954). *Portugal e a economia «pombalina»: temas e hipóteses* // *Revista de Historia*, IX, 81—99.

- Madariaga, Isabel de* (1962). Britain, Russia, and the Armed Neutrality of 1780. New Haven, CT: Yale University Press.
- Madariaga, Isabel de* (1974). Catherine II and the Serfs: A Reconsideration of Some Problems // Slavonic and East European Review, LII, No. 126, 31–62.
- Madariaga, Salvador de* (1948). The Fall of the Spanish American Empire. New York: Macmillan.
- Mahan, Capt. Alfred T.* (1893). The Influence of Sea Power upon the French Revolution and Empire, 1793–1812, 2 vols. London: Sampson Low, Marston.
- Maier, Pauline* (1971). Revolutionary Violence and the Relevance of History / Journal of Interdisciplinary History, II, 1, 119–136.
- Maier, Pauline* (1972). From Resistance to Revolution: Colonial Radicals and the Development of American opposition to Great Britain, 1765–1776. New York: Alfred A. Knopf.
- Main, Gloria L.* (1983). The Standard of Living in Colonial Massachusetts // Journal of Economic History, XLIII, 1, 101–108.
- Main, Jackson Turner* (1960). Charles A. Beard and the Constitution: A Critical Review of Forrest McDonald's «We the People» // William and Mary Quarterly, 3rd ser., XVIII, 1, 86–102.
- Main, Jackson Turner* (1961). The Antifederalists' Critics of the Constitution, 1781–1788. Chapel Hill, NC: University of North Carolina Press.
- Main, Jackson Turner* (1965). The Social Structure of Revolutionary America. Princeton, NJ: Princeton University Press.
- Manchester, Alan K.* (1931). The Rise of the Brazilian Aristocracy // Hispanic American Historical Review, XI, 2, 145–168.
- Manchester, Alan K.* (1933). British Preeminence in Brazil: Its Rise and Decline. Chapel Hill, NC: University of North Carolina Press.
- Manchester, Alan K.* (1957). The Recognition of Brazilian Independence // Hispanic American Historical Review, XXXI, I, 80–96.
- Manfred, Alfred Z.* (1961). La Grande Révolution française du XVIIIe siècle. Moscow: Ed. en Langues étrangères.
- Mann, Julia de Lacy* (1958). The Textile Industry: Machinery for Cotton, Flax, Wool, 1760–1850 // C. Singer et al., A History of Technology, IV: The Industrial Revolution, c. 1750 to c. 1850. Oxford: Clarendon Press, 277–307.
- Manning, Patrick* (1969). Slaves, Palm-Oil, and Political Power on the West African Coast // African Historical Studies, II, 2, 279–288.
- Manning, Patrick* (1979). The Slave Trade in the Bight of Benin, 1640–1890, in H. A. Gemery & J. S. Hogendorn, eds., The Uncommon Market. New York: Academic Press, 107–141.
- Manning, Patrick* (1981). The Enslavement of Africans: A Demographic Model // Canadian Journal of African Studies, XV, 3, 499–526.
- Manning, Patrick* (1982). Slavery, Colonialism and Economic Growth in Dahomey, 1640–1960. Cambridge, Engl.: Cambridge University Press.
- Mansuy, Andie* (1974). L'impérialisme britannique et les relations coloniales entre le Portugal et le Brésil: un rapport de l'Amiral Campbell au Foreign Office (14 août 1804) // Cahiers des Amériques Latines, Nos. 9110, 131–191.
- Mantoux, P.* (1928). The Industrial Revolution in the Eighteenth Century, 2nd rev. ed. London: Jonathan Cape.
- Mantran, Robert* (1959). L'évolution des relations entre la Tunisie et l'empire ottoman du XVIe au XIXe siècle // Cahiers de Tunisie, VII, 2–3e trimestres, Nos. 26/27, 319–333.
- Mantran, Robert* (1962). Istanbul dans la seconde moitié du XVIIe siècle, Bibliothèque Archéologique et Historique de l'Institut Français d'Archéologie d'Istanbul. Paris: Lib. A. Maisonneuve.

- Mantran, Robert* (1984). L'empire ottoman du XVIe au XVIIIe siècle. Administration, économie, société. London: Variorum Reprints.
- Manuel, Frank E.* (1938). The Luddite Movement in France // *Journal of Modern History*, X, 2, 180—211.
- Marczewski, Jean* (1961a). Y a-t-il eu un "take off" en France? // *Cahiers de l'I. S. E. A.*, Suppl. au No. 111, (Série A-D, No. 1), 69—94.
- Marczewski, Jean* (1961b). Some Aspects of the Economic Growth of France, 1660—1958 // *Economic Development and Cultural Change*, IX, 2, 369—386.
- Marczewski, Jean* (1963). The Take-Off Hypothesis and French Experience // *W. W. Rostow, ed., The Economics of Take-Off into Sustained Growth*. London: Macmillan, 119—138.
- Marczewski, Jean* (1965). Le produit physique de l'économie française de 1789 à 1913 (comparaison avec l'Angleterre) // *Cahiers de l'I. S. E. A.*, AF (4), No. 163, vii-div.
- Mardin, Serif* (1969). Power, Civil Society and Culture in the Ottoman Empire // *Comparative Studies in Society and History*, XI, 3, 258—281.
- Margadant, Ted W.* (1983). Local Elites and the Revolutionary Reconstruction of the French State, paper delivered at Fourth International Conference of Europeanists, Washington, DC, Oct. 13—15, mimeo.
- Markov, Walter* (1960). Les «Jacquesroutins» // *Annales historique de la Révolution française*, XXXII, avr.-juin, 163—182.
- Markovitch, Tihomir J.* (1965, 1966a-c). L'industrie française de 1789 à 1964 // *Cahiers de l'I. S. E. A.*, AF, 1, No. 163, juil. (1965); AF, 5, No. 171, mars (1966a); AF, 6, No. 174, juin (1966b); AF, 7, No. 179, nov. (1966c).
- Markovitch, Tihomir J.* (1968). L'industrie française au XVIIIe siècle: L'industrie lainière à la fin du règne de Louis XIV et sous la Régence // *Économies et sociétés*, II, 8, 1517—1697.
- Markovitch, Tihomir J.* (1974). La révolution industrielle: le cas de la France // *Revue d'histoire économique et sociale*, LII, 1, 115—125.
- Markovitch, Tihomir J.* (1976a). La croissance industrielle sous l'Ancien Régime // *Annales E. S. C.*, XXXI, 3, 644—655.
- Markovitch, Tihomir J.* (1976b). Histoire des industries françaises, I: Les industries lainières de Colbert à la Révolution, *Travaux de Droit, d'Économie, de Sociologie et de Sciences Politiques*, No. 104. Genève: Lib. Droz.
- Marshall, J. D.* (1968). *The Old Poor Law, 1795—1834*. London: Macmillan.
- Marshall, Peter J.* (1962). Radicals, Conservatives, and the American Revolution // *Past and Present*, No. 23, 44—56.
- Marshall, Peter J.* (1964a). The First and Second British Empires: A Question of Demarcation // *History*, XLIX, No. 165, 13—23.
- Marshall, Peter J.* (1964b). The British Empire and the American Revolution // *Huntington Library Quarterly*, XXVII, 2, 135—145.
- Marshall, Peter, J., ed.* (1968). *Problems of Empire: Britain and India, 1757—1813*. London: George Allen & Unwin.
- Marshall, Peter J.* (1975a). Economic and Political Expansion: The Case of Oudh // *Modern Asian Studies*, IX, 4, 465—482.
- Marshall, Peter J.* (1975b). British Expansion in India in the Eighteenth Century: A Historical Revision // *History*, LX, No. 198, 28—43.
- Marshall, Peter J.* (1976). *East Indian Failures: The British in Bengal in Eighteenth Century*. Oxford: Clarendon Press.
- Marshall, Peter J.* (1980). Western Arms in Maritime Asia in the Early Phases of Expansion // *Modern Asian Studies*, XIV, 1, 13—28.
- Martin, Bradford G.* (1976). *Muslim Brotherhoods in Nineteenth-Century Africa*. Cambridge, Engl.: Cambridge University Press.

- Martin, Gaston* (1930). Capital et travail à Nantes au cours du XVII le siècles // *Revue d'histoire économique et social*, XVIII, 1, 52—85.
- Martin, Gaston* (1931). Nantes au XVIIIe siècle: L'ère des négriers (1714—1774). Paris: Lib. Felix Alcan.
- Martin, Gaston* (1948). Histoire de l'esclavage dans les colonies françaises. Paris: Presses Universitaires de France.
- Martin, Phyllis W.* (1972). The External Trade of the Loango Coast, 1576—1870: The Effects of Changing Commercial Relations on the Vili Kingdom of Loango. Oxford: Clarendon Press.
- Marwick, W.H.* (1924). The Cotton Industry and the Industrial Revolution in Scotland // *Scottish Historical Review*, XXI, 207—218.
- Marx, Karl* (1967). Capital, 3 vol. New York: International Publishers (originally published in 1894).
- Marzahl, Peter* (1974). Creoles and Government: The Cabildo of Popayán // *Hispanic American Historical Review*, LIV, 4, 636—656.
- Mason, Michael* (1969). Population Density and «Slave Raiding» — The Case of the Middle Belt of Nigeria // *Journal of African History*, X, 4, 551—564.
- Mason, Michael* (1971). Population Density and «Slave Raiding» — A Reply // *Journal of African History*, XII, 2, 324—327.
- Masson, Paul* (1911). Histoire du commerce français dans le Levant au XVIIIe siècle. Paris: lib. Hachette.
- Mathias, Peter* (1969). The First Industrial Nation. London: Methuen.
- Mathias, Peter* (1973). Capital, Credit and Enterprise in the Industrial Revolution // *Journal of European Economic History*, II, 1, 121—113.
- Mathias, Peter* (1979a). British Industrialization: Unique or Not? // The Transformation of England. London: Methuen, 3—20 (originally published in *Annales E.S.C.*, 1972).
- Mathias, Peter* (1979b). Skills and the Diffusion of Innovations from Britain in the Eighteenth Century // The Transformation of England. London: Methuen, 21—44 (originally published in *Transactions of the Royal Historical Society*, 1975).
- Mathias, Peter* (1979c). Who Unbound Prometheus? Science and Technical Change, 1600—1800 // The Transformation of England. London: Methuen, 45—71 (originally published in 1972).
- Mathias, Peter* (1979d). The Social Structure in the Eighteenth Century: A Calculation by Joseph Massie // The Transformation of England. London: Methuen, 171—189 (originally published in 1957).
- Mathias, Peter* (1986). British Trade and Industry, 1786—1986 // S. Foreman, ed., *Striking a Balance. The Board of Trade, 1786—1986*, London: HMSO, 1—21.
- Mathias, Peter & O'Brien, Patrick* (1976). Taxation in Britain and France, 1715—1810 // *Journal of European Economic History*, V, 3, 601—650.
- Mathiez, Albert* (1923—1924). La Révolution française. Paris: Armand Colin.
- Mathiez, Albert* (1931). Les corporations ont-elles été supprimés en principe dans la nuit du 4 août 1789? // *Annales historiques de la Révolution française*, VIII, No. 45, 252—257.
- Matsui, Toru* (1968). On the Nineteenth-Century Indian Economic History — A Review of a «Reinterpretation» // *Indian Economic and Social History Review*, I, 1, 17—33.
- Matthewson, Timothy M.* (1979). George Washington's Policy toward the Haitian Revolution // *Diplomatic History*, III, 3, 321—336.
- Mattoso, Katia M. de Queiros* (1970). Conjoncture et société au Bresil à la fin du XVIIIe siècle // *Cahiers des Amériques Latines, Série «Sciences de l'Homme»*, No. 5, janv.-juin, 33—53.
- Mauro, Frédéric* (1972). A conjuntura atlântica e a Independência do Brasil // C. G. Mota, org., 1822: Dimensões, Sao Paulo: Ed. Perspectiva, 38—47.

- Maxwell, Kenneth R. (1968). Pombal and the Nationalization of the Luso-Brazilian Economy // *Hispanic American Historical Review*, XLVIII, 4, 608–631.
- Maxwell, Kenneth R. (1973). *Conflicts and Conspiracies: Brazil and Portugal, 1750–1808*. Cambridge, Engl.: At the University Press.
- Mayer, Margit & Fay, Margaret A. (1977). The Formation of the American Nation-State // *Kapitalistate*, No. 6, Fall, 39–90.
- Mazauric, Claude (1965). Vendée et chouannerie // *La Pensée*, n. s., No. 124, 54–85.
- Mazauric, Claude (1967). Réflexions sur une nouvelle conception de la Révolution française // *Annales historiques de la Révolution française*, XXXIX, No. 189, 339–368.
- Mazauric, Claude (1969). Bilan et perspectives de recherches: L'histoire du XVIIIe siècle et de la Révolution française // *Annales historiques de la Révolution française*, XLI, 4, No. 198, 667–685.
- Mazauric, Claude (1970). Sur la Révolution française. Contributions à la révolution bourgeoise. Paris: Ed. Sociales.
- Mazauric, Claude (1975). Quelques voies nouvelles pour l'histoire politique de la Révolution française // *Annales historiques de la Révolution française*, XLVII, No. 219, 134–173.
- Mazauric, Claude (1985). Autopsie d'un échec: La résistance à l'anti-Révolution et la défaite de la Contre-Révolution // F. Lebrun & R. Dupuy, eds., *Les résistances à la Révolution*. Paris: Imago, 237–244.
- M'Bokolo, Elikia (1980). De l'abolition de la traite à la conquête continentale, 1800–1870. Paris: Centre d'études africaines, mimeo.
- Meillassoux, Claude (1971a). Introduction // *The Development of Indigenous Trade and Markets in West Africa*. London: Oxford University Press, 3–86.
- Meillassoux, Claude (1971b). Le commerce pré-colonial et le développement de l'esclavage à Gûbu du Sahel (Mali) // C. Meillassoux, ed., *The Development of Indigenous Trade and Markets in West Africa*. London: Oxford University Press, 182–195.
- Meinig, D. W. (1986). *The Shaping of America: A Geographical Perspective on 500 Years of History*, I: Atlantic America, 1492–1800. New Haven, CT: Yale University Press.
- Mendels, Franklin (1972). Proto-industrialization: The First Phase of the Industrialization Process // *Journal of Economic History*, XXXII, 1, 241–261.
- Metcalfe, George (1987). A Microcosm of Why Africans Sold Slaves: Akan Consumption Patterns in the 1770s, // *Journal of African History*, XXVIII, 3, 377–394.
- Metcalfe, G. E. (1962). *MacLean of the Gold Coast: The Life and Times of George MacLean, 1801–1847*. London: Oxford University Press.
- Mettas, Jean (1975). La traite portugaise en Haute Guinée, 1758–1797: Problèmes et méthodes // *Journal of African History*, XVI, 3, 343–363.
- Meuvret, Jean (1971a). Les oscillations des prix des céréales aux XVIIe et XVIIIe siècles en Angleterre et dans les pays du bassin parisien // *Études d'histoire économique*. Paris: Lib. Armand Colin, 113–124 (originally published in *Revue d'histoire moderne et contemporaine*, 1969).
- Meuvret, Jean (1971b). L'agriculture en Europe aux XVIIe et XVIIIe siècles // *Études d'histoire économique*. Paris: Lib. Armand Colin, 163–181 (originally published in *Relazioni del X Congresso Internazionale di Scienze Storiche*, 1955).
- Meuvret, Jean (1971c). Domaines ou ensembles territoriaux? // *Études d'histoire économique*. Paris: Lib. Armand Colin, 183–191 (originally published in *Première conférence internationale d'histoire économique*, 1960).
- Meuvret, Jean (1971d). La vaine pâture et le progrès agronomique avant la Révolution // *Études d'histoire économique*. Paris: Lib. Armand Colin, 193–196 (originally published in *Revue d'histoire moderne et contemporaine*, 1969).

- Meuvret, Jean* (1971e). Les crises de subsistance et la démographie de la France d'Ancien Régime // *Études d'histoire économique*. Paris: Lib. Armand Colin, 271—278 (originally published in *Population*, 1946).
- Meyer, Jean* (1960). Le commerce négrier nantais (1774—1792) // *Annales E. S. C.*, XV, 1, 120—129.
- Meyer, Jean* (1966). La noblesse bretonne au XVIIIe siècle, 2 vols. Paris: S. E. V. P. E. N.
- Meyer, Jean* (1969). L'armement nantais dans la deuxième moitié du XVIIIe siècle. Paris: S. E. V. P. E. N.
- Meyer, Jean* (1979a). La guerre d'indépendance américaine et les problèmes navals européens. Rapports de force et influence sur le conflit // *La Révolution américaine et l'Europe*, Colloques Internationaux du CNRS, No. 577. Paris: Ed. du CNRS, 187—217.
- Meyer, Jean* (1979b). Les difficultés de commerce franco-américain vues de Nantes (1776—1790) // *French Historical Studies*, XI, 2, 159—183.
- Meyers, Allan* (1971). Slavery in the Hausa-Fulani Emirates // D. McCall & W. Bennett, eds., *Aspects of West African Islam*, Boston University Papers on Africa, Vol. V. Boston, MA: Boston University African Studies Center, 173—184.
- Michalet, Charles-Albert* (1968). Economie et politique chez Saint-Just. L'exemple de l'inflation // *Annales historiques de la Révolution française*, LV, No. 191, 60—110.
- Michoff, Nicolas V.* (1970). Contribution à l'histoire du commerce de la Turquie et de la Bulgarie, VI: Auteurs français, allemands et anglais. Sofia: Bulg. Akad. na nauke.
- Middlekauff, Robert, ed.* (1964). *Bacon's Rebellion*, Berkeley Series in American History. Chicago, IL: Rand McNally.
- Miller, Alexandre* (1926). Essai sur l'histoire des institutions agraires de la Russie centrale du XVIe au XVIIIe siècles. Paris: Marcel Giard.
- Milward, Alan S. & Saul, S. B.* (1973). *The Economic Development of Continental Europe, 1780—1870*. London: George Allen & Unwin.
- Minchinton, Walter, E.* (1969). Introduction // Walter E. Minchinton, ed., *The Growth of English Overseas Trade in the Seventeenth and Eighteenth centuries*. London: Methuen, 1—63.
- Minchinton, Walter, E.* (1973). Patterns of Demand, 1750—1914 // C.M. Cipolla, ed., *Fontana Economic History of Europe, III: The Industrial Revolution*. London: Collins/Fontana, 77—186.
- Minchinton, Waller, E.* (1979). The Triangular Trade Revisited // H.A. Gemery & J.S. Hogen-dorn, eds., *The Uncommon Market*. New York: Academic Press, 331—352.
- Mingay, G. E.* (1956). The Agricultural Depression, 1730—1750 // *Economic History Review*, 2nd ser., VIII, 3, 323—338.
- Mingay, G. E.* (1960). The Large Estate in Eighteenth-Century England // First International Conference of Economic History, Stockholm. Paris & La Haye: Mouton, 367—383.
- Mingay, G. E.* (1963). The «Agricultural Revolution» in English History: A Reconsideration // *Agricultural History XXXVII*, 3, 123—133.
- Mingay, G. E.* (1969). Dr. Kerridge's «Agricultural Revolution»: A Comment // *Agricultural History*, XLIII, 4, 477—481.
- Mingay, G. E., ed.* (1977). *The Agricultural Revolution: Changes in Agriculture, 1650—1880*. London: Adam & Charles Black.
- Misra, B. B.* (1959). *The Central Administration at the East India Company, 1773—1831*. Manchester, Engl.: Manchester University Press.
- Mitchell, Harvey* (1968). The Vendée and Counter-Revolution: A Review Essay // *French Historical Studies*, V, 4, 405—429.
- Mitchell, Harvey* (1974). Resistance to the Revolution in Western France // *Past and Present*, No. 63, 94—131.
- Mitchison, Rosalind* (1959). The Old Board of Agriculture (1793—1822) // *English Historical Review*, LXXIV, No. 290, 41—69.

- Mokyr, Joel* (1974). The Industrial Revolution in the Low Countries in the First Half of the Nineteenth Century: A Comparative Case Study // *Journal of Economic History*, XXXIV, 2, 365–391.
- Mokyr, Joel* (1977). Demand vs. Supply in the Industrial Revolution // *Journal of Economic History*, XXXVII, 1, 981–1008.
- Mokyr, Joel* (1984). Demand versus Supply in the Industrial Revolution: A Reply // *Journal of Economic History*, XLIV, 3, 806–809.
- Mokyr, Joel & Savin, N. Eugene* (1976). Stagflation in Historical Perspective: The Napoleonic Wars Revisited // P. Uselding, ed., *Research in Economic History*, Vol. I. Greenwich, CT: Greenwood Press, 198–259.
- Montgolfier, Bernard de* (1980). Il y a cent cinquante ans ... Juillet 1830. Paris: Musée Carnavalet.
- Moore, Barrington, Jr.* (1966). *Social Origins of Dictatorship and Democracy*. Boston: Beacon Press.
- Moosvi, Shireen* (1973). Production, Consumption, and Population in Akbar's Time // *Indian Economic and Social History Review*, X, 2, 181–195.
- Moosvi, Shireen* (1977). Note on Professor Alan Heston's «The Standard of Living in Akbar's Time»: A Comment // *Indian Economic and Social History Review*, XIV, 3, 359–374.
- Moreaux, Philippe* (1968). Truck-System et revendications sociales dans la sidérurgie luxembourgeoise du XVIIIe siècle // *Mélanges offerts à Jacquemyns*. Bruxelles: Université Libre de Bruxelles, 527–530.
- Morgan, Edmund S.* (1967). The Puritan Ethic and the American Revolution // *William and Mary Quarterly*, 3rd ser., XXIV, I, 3–43.
- Morgan, Edmund S.* (1973). Conflict and Consensus in the American Revolution // S. G. Kurtz & J. H. Hutson, eds., *Essays on the American Revolution*. Chapel Hill, NC: University of North Carolina Press, 289–309.
- Morgan, Edmund S.* (1977). *The Birth of the Republic, 1763–1789*, rev. ed. Chicago, IL: University of Chicago Press.
- Morgan, Edmund S. & Helen M.* (1953). *The Stamp Act Crisis: Prelude to Revolution*. Chapel Hill, NC: University of North Carolina Press.
- Morgan, Valerie* (1971). Agricultural Wage Rates in Late Eighteenth-Century Scotland // *Economic History Review*, 2nd ser., XXIV, 2, 181–201.
- Morin, Victor* (1949). La «république canadienne» de 1838 // *Revue d'histoire de l'Amérique française*, II, 4, 483–512.
- Morineau, Michel* (1965). Le balance du commerce franco-néerlandais et le resserrement économique des Provinces-Unies au XVIIIe siècle // *Economisch-Historisch Jaarboek*, XXX, 170–233.
- Morineau, Michel* (1969a). Histoire sans frontière: Prix et «révolution agricole» // *Annales E. S. C.*, XXIV, 2, 403–423.
- Morineau, Michel* (1969b). Réflexions tardives et conclusions prospectives // J. Goy & E. Le Roy Ladurie, eds., *Les fluctuations de la dime*. Paris & La Haye: Mouton, 320–333.
- Morineau, Michel* (1971). Les faux-semblants d'un démarrage économique: agriculture et démographie en France au XVIIIe siècle. Paris: Lib. Armand Colin.
- Morineau, Michel* (1972a). L'ankylose de l'économie méditerranéenne au XVIIIe et au début de XIXe siècles: le rôle de l'agriculture // *Cahiers de la Méditerranée*, sér. spéc., No. I, journées d'études des 12 et 13 mai, Nice, 95–105.
- Morineau, Michel* (1972b). Budgets populaires en France au XVIIIe siècle // *Revue d'histoire économique et sociale*, L, 2, 203–237; L, 4, 449–481.
- Morineau, Michel* (1974a). A la Halle de Charleville: Fourniture et prix des grains ou les mécanismes du marché (1647–1821) // *Actes du 95e Congrès National des Sociétés Savantes*, Reims, 1970, Section d'histoire moderne et contemporaine. Paris: Bibliothèque Nationale, II, 159–222.

- Morineau, Michel* (1974b). Révolution agricole, Révolution alimentaire, Révolution démographique // *Annales de démographie historique*, 335—371.
- Morineau, Michel* (1976a). Le rose et le vert // *Annales E. S. C.*, XXXI, 2, 467—510.
- Morineau, Michel* (1976b). Les problèmes de la modernisation des structures économiques et sociales dans une économie multisectorielle // *Fifth International Conference of Economic History*, Leningrad, 1970. The Hague: Mouton, VII, 42—72.
- Morineau, Michel* (1978). Trois contributions au colloque de Göttingen // E. Hinrichs et al., eds., *Von Ancien Régime zur Französischen Revolution*. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 374—419.
- Morineau, Michel* (1980a). La dîme et l'enjeu // *Annales historiques de la Révolution française*, LII, 2, No. 240, 161—180.
- Morineau, Michel* (1980b). Budgets de l'Etat et gestion des finances royales en France au dix-huitième siècle // *Revue historique*, CCLXIV, 2, No. 536, 289—336.
- Morineau, Michel* (1985). Raison, Révolution et Contre-Révolution // F. Lebrun & R. Dupuy, eds., *Les résistances à la Révolution*. Paris: Imago, 284—291.
- Morris, Morris David* (1968). Towards a Re-interpretation of the 19th Century Indian Economic History // *Indian Economic and Social History Review*, V, 1, 1—16.
- Morris, Morris David & Stein, Burton* (1961). The Economic History of India: A Bibliographic Essay // *Journal of Economic History*, XXI, 2, 179—207.
- Morris, Richard B.* (1946). *Government and Labor in Early America*. New York: Columbia University Press.
- Morris, R. J.* (1979). *Class and Class Consciousness in the Industrial Revolution, 1780—1850*. London: Macmillan.
- Mota, Carlos Guilherme* (1967). *Idéia de revolução no Brasil no final do século XVIII*. São Paulo: Universidade de São Paulo.
- Mota, Carlos Guilherme* (1972). *Europeus no Brasil à Epoca da Independência: Um Estudo* // C. G. Mota, ed., 1822: *Dimensões*. São Paulo: Ed. Perspectiva, 56—73.
- Mota, Carlos Guilherme* (1973). Efectos dos movimentos sociais brasileiros no política metropolitana: a «revolução» nordestina de 1817 // *Luso-Brazilian Review*, X, I, 76—85.
- Mourlot, F.* (1911). La Crise de l'industrie drapière à Sedan, en 1788 // *Revue historique ardennaise*, XVIII, mai-juin, 104—106.
- Mouser, Bruce L.* (1973). Trade, Coasters, and Conflict in the Rio Pongo from 1790—1808 // *Journal of African History*, XIV, 1, 45—64.
- Mouyabi, Jean* (1976). *La Piste des Esclaves et des Portages* // *Memoire de D.E.A., Dep. d'Histoire*, Université de Brazzaville.
- Mouyabi, Jean* (1979). Essai sur le commerce précolonial et protocolonial au Congo méridional (XVIIe — début XXe siècle) // *These 3e cycle*; E. H. E. S. S., Paris.
- Mui & Mui, Lorna H.* (1963). The Commutation Act and the Tea Trade in Britain, 1784—1793 // *Economic History Review*, 2nd ser., XVI, 2, 234—253.
- Mui & Mui, Lorna H.* (1975). Trends in Eighteenth Century Smuggling' Reconsidered // *Economic History Review*, 2nd ser., XXVIII, 1, 28—43.
- Mukherjee, Nolmani* (1962). *The Ryotwari System in Madras, 1792—1827*. Calcutta: Firma K. L. Mukhopadhyay.
- Mukherjee, Nolmani & Frykenberg, Robert Eric* (1969). The Ryotwari System and Social Organization in the Madras Presidency // R. E. Frykenberg, ed., *Land Control and Social Structure in Indian History*. Madison, WI: University of Wisconsin Press, 217—226.
- Mukherjee Rarnkrishna* (1955). *The Rise and Fall of the East India Company*. Berlin: VEB Deutscher Verlag der Wissenschaften.
- Mukherjee, Rudrangshu* (1982). Trade and Empire in Awadh, 1765—1804 // *Past and Present*, No. 94, 85—102.

- Muller, Birgit (1985). Commodities as Currencies: The Integration of Overseas Trade into the Internal Trading Structure of the Igbo of South-East Nigeria // *Cahiers d'études africaines*, XXV, 1, No. 97, 57–77.
- Mullet, Ch. F. (1946). The Cattle Distemper in Mid-Eighteenth Century England // *Agricultural History*, XX, 3, 144–165.
- Munger, Frank (1981). Contentious Gatherings in Lancashire, England, 1750–1830 // Louise A. Tilly & Charles Tilly, eds., *Class Conflict and Collective Action*. Beverly Hills, CA: Sage, 73–109.
- Muñoz Oraa, Carlos E. (1960). Pronóstico de la independencia de América, y un proyecto de Monarquías en 1781 // *Revista de historia de América*, No. 50, 439–473.
- Munro, J. Forbes (1976). *Africa and the International Economy, 1800–1960*. London: J.M. Dent & Sons.
- Murphy, James & Higonnet, Patrice (1973). Les députés de la noblesse aux Etats généraux de 1789 // *Revue d'histoire moderne et contemporaine*, XX, 2, 230–247.
- Murphy, Orville T. (1966). DuPont de Nemours and the Anglo-French Commercial Treaty of 1786 // *Economic History Review*, 2nd ser., XIX, 3, 569–580.
- Musson, A. E. (1972). Introduction // A. E. Musson, ed., *Science, Technology and Economic Growth in the Eighteenth Century*. London: Methuen, 1–68.
- Musson, A. E. (1976). Industrial Motive Power in the United Kingdom, 1800–70 // *Economic History Review*, 2nd ser., XXIX, 3, 4–15–439.
- n. a. (1960). Conference Report: The Origins of the Industrial Revolution // *Past and Present*, No. 17, 71–81.
- Naff, Thomas (1963). Reform and the Conduct of Ottoman Diplomacy in the Reign of Selim III, 1789–1807 // *Journal of the American Oriental Society*, LXXXIII, 3, 295–315.
- Nairn, Tom (1964). The English Working Class // *New Left Review*, No. 24, 43–57.
- Namier, Lewis B. (1930). *England in the Age of the American Revolution*. London: Macmillan.
- Namier, Lewis B. (1957). *The Structure of Politics at the Accession of George III*, 2nd ed., London: Macmillan.
- Naqui, N. K. (1968). *Urban Centres and Industries in Upper India, 1556–1803*. New York: Asia Publ. House.
- Nash, Gary B. (1976a). Social Change and the Growth of Prerevolutionary Urban Radicalism // A. F. Young, ed., *The American Revolution: Explorations in the History of American Radicalism*. DeKalb, IL: Northern Illinois University Press, 3–36.
- Nash, Gary B. (1976b). Urban Wealth and Poverty in Pre-Revolutionary America // *Journal of Interdisciplinary History*, VI, 1, 515–584.
- Nash, Gary B. (1979). *The Urban Crucible: Social Change, Political Consciousness, and the Origins of the American Revolution*. Cambridge, MA: Harvard University Press.
- Nash, Gary B. (1984). Social Development // Jack P. Greene & J. R. Pole, eds., *Colonial British America: Essays in the New History of the Early Modern Era*. Baltimore, MD: Johns Hopkins University Press, 233–261.
- Nash, Gary B. (1986). *Race, Class, and Politics: Essays on American Colonial Revolutionmy Society*. Urbana, IL: University of Illinois Press.
- Nash, R. S. (1985). Irish Atlantic Trade in the Seventeenth and Eighteenth Centuries // *William and Mary Quarterly*, 3rd ser., XLII, 3, 329–356.
- Nathan, James A. (1980). The Heyday of the Balance of Power: Frederick the Great and the Decline of the Old Regime // *Naval War College Review*, XXXIII, 4, Seq. 280, 53–67.
- Navarro Garcia, Luis (1975). *Hispanoamirica en el siglo XVIII*. Sevilla: Publ. de la Universidad de Sevilla.
- Neale, R. S. (1966). The Standard of Living, 1780–1844: A Regional and Class Study // *Economic History Review*, 2nd ser., XIX, 3, 590–606.

- Neale, Walter, C. (1962). *Economic Change in Rural India: Land and Tenure and Reform, 1800—1955*. New Haven, CT: Yale University Press.
- Neatby, Hilda (1966). *Quebec: The Revolutionary Age, 1760—1791*. Toronto: McClelland & Stewart.
- Nef, John U. (1943). The Industrial Revolution Reconsidered // *Journal of Economic History*, III, 1, 1—31.
- Nef, John U. (1954). The Progress of Technology and the Growth of Large-Scale Industry in Great Britain, 1540—1610 // E. M. Carus-Wilson, ed., *Essays in Economic History*, Vol. I. London: Edward Arnold, 88—107 (originally published in *Economic History Review*, 1934).
- Nef, John U. (1957). Coal Mining and Utilization // C. Singer et al., *A History of Technology*. III: From the Renaissance to the Industrial Revolution, c. 1500 — c. 1750. Oxford: Clarendon Press, 72—88.
- Nef, John U. (1968). Industrie: I. La civilisation industrielle // *Encyclopedia Universalis*, Vol. VIII. Paris: Encyclopedia Universalis France, 966—972.
- Nelson, William H. (1961). *The American Revolution*. Oxford: Clarendon Press.
- Nelson, William H. (1965). The Revolutionary Character of the American Revolution // *American Historical Review*, LXX, 4, 998—1014.
- Nettels, Curtis P. (1952). British Mercantilism and the Economic Development of the Thirteen Colonies // *Journal of Economic History*, XII, 2, 105—114.
- Nettels, Curtis P. (1962). The Emergence of a National Economy 1775—1815, Vol. II of the *Economic History of the United States*. New York: Holt, Rinehart, & Winston.
- Neumann, William L. (1947). United States Aid to the Chilean Wars of Independence // *Hispanic American Historical Review*, XXVII, 2, 204—219.
- Newbury, Colin W. (1961). The Western Slave Coast and Its Rulers: European Trade and Administration among the Yoruba and Adja-speaking Peoples of South-Western Nigeria, Southern Dahomey and Togo. Oxford: Clarendon Press.
- Newbury, Colin W. (1966). North African and Western Sudan Trade in the Nineteenth Century: A Re-evaluation // *Journal of African History*, VII, 2, 233—246.
- Newbury, Colin W. (1969). Trade and Authority in West Africa from 1850 to 1880 // L. H. Gann & P. Duignan, eds., *Colonialism in Africa, I: The History and Politics of Colonialism, 1870—1914*. Cambridge, Engl.: At the University Press, 66—99.
- Newbury, Colin W. (1971). Price and Profitability in Early 19th Century West African Trade // C. Meillassoux, ed., *The Development of Indigenous Trade and Markets in West Africa*. London: Oxford University Press, 91—106.
- Newbury, Colin W. (1972). Credit in Early Nineteenth Century West African Trade // *Journal of African History*, XIII, 1, 81—95.
- Newman, K. (1983). Anglo-Dutch Commercial Co-operation and the Russian Trade in the Eighteenth Century // W. T. Wieringa et al., *The Interactions of Amsterdam and Antwerp with the Baltic Region, 1400—1800*. Leiden: Martinus Nijhoff, 95—104.
- Nicholls, David (1978). Race, couleur et indépendance en Haïti (1804—1825) // *Revue d'histoire moderne et contemporaine*, XXV, 2, 177—212.
- Nicholas, Maurice (1967). A propos du traité de Paris, 1763: Arpents de neige ou îles à sucre? // *Revue Historique de l'Armée*, XXIII, 3, 73—77.
- Nightingale, Pamela (1970). *Trade and Empire in Western India, 1784—1806*. Cambridge: Engl. At the University Press.
- Nolde, Boris (1952—1953). La formation de l'empire Russe; études, notes et document // *Collection historique de l'institut d'études slaves*, XV, 2 vols. Paris: Institut d'Études Slaves.
- Nolte, Hans-Heinrich (1981). *Der Aufstieg Russlands zur europäischen Grossmacht*. Stuttgart: Ernst Klett.

- Nolte, Hans-Heinrich (1982). The Position of Eastern Europe in the International System in Early Modern Times // *Review*, IV, 1, 25–84.
- Nørregård, Georg (1966). *Danish Settlements in West Africa, 1658–1850*. Boston, MA: Boston University Press.
- North, Douglass C. (1960). The United States Balance of Payments, 1790–1860 // *National Bureau of Economic Research, Trends in the American Economy in the Nineteenth Century: Studies in Income and Wealth*, Vol. XXIV of the Conference on Research in Income and Wealth. Princeton, NJ: Princeton University Press, 573–627.
- North, Douglass C. (1965). The Role of Transportation in the Economic Development of North America // *Les grandes voies maritimes dans le monde, XVe–XIXe siècles*. Paris: S.E.V.P.E.N., 209–246.
- North, Douglass C. (1966). *The Economic Growth of the United States, 1790–1860*. New York: W.W. Norton.
- North, Douglass, C. (1968). Sources of Productivity Changes in Ocean Shipping, 1600–1850 // *Journal of Political Economy*, LXXVI, 5, 953–970.
- North, Douglass C. (1974). *Growth and Welfare in the American Past: A New Economic History*, 2nd ed. Englewood Cliffs, NJ: Prentice-Hall.
- North, Douglass C. (1985). Transaction Costs in History // *Journal of European Economic History*, XIV, 3, 557–576.
- Northrup, David (1972). The Growth of Trade among the Igbo before 1800 // *Journal of African History*, XIII, 2, 217–236.
- Northrup, David (1976). The Compatibility of the Slave and Palm Oil Trades in the Bight of Biafra // *Journal of African History*, XVII, 3, 353–364.
- Northrup, David (1978). *Trade without Rulers: Pre-colonial Economic Development in SouthEastern Nigeria*. Oxford: Clarendon Press.
- Novais, Fernando A. (1979). *Portugal e Brasil na Crise do Antigo Sistema Colonial (1777–1808)*. São Paulo: Ed. Hucitec.
- Nussbaum, Frederick L. (1925). American Tobacco and French Politics, 1783–89, " *Political Science Quarterly*, XL, 4, 497–5 lfi.
- Nussbaum, Frederick L. (1933). The Formation of the New East India Company of Calonne // *American Historical Review*, XXXVII, 3, 475–497.
- O'Brien, Bickford (1955). Ivan Pososhkov: Russian Critic of Mercantilist Principles // *American Slavonic and East European Review*, XIV, 4, 503–511.
- O'Brien, Patrick K. (1959). British Incomes and Property in the Early Nineteenth Century // *Economic History Review*, 2nd ser., XII, 2, 255–267.
- O'Brien, Patrick K. (1977). Agriculture and Industrial Revolution // *Economic History Review*, 2nd ser., XXX, I, 166–181.
- O'Brien, Patrick K. (1983). The Impact of the Revolutionary and Napoleonic Wars, 1793–1815, on the Long Run Growth of the British Economy // *Princeton University, Davis Center Seminar*, mimeo.
- O'Brien, Patrick K. (1988). The Political Economy of British Taxation: 1660 to 1815 // *Economic History Review*, 2nd ser., XLI, I, 1–32.
- O'Brien, Patrick K. & Engerman, S.L. (1981). Changes in Income and Its Distribution during the Industrial Revolution // R. Floud & D.N. McCloskey, eds., *The Economic History of Britain Since 1700, I: 1700–1860*. Cambridge, Engl.: Cambridge University Press, 164–181.
- O'Brien, Patrick K. & Keyder, Caglar (1978). *Economic Growth in Britain and France, 1780–1914*. London: George Allen & Unwin.
- O'Brien, Patrick K. & Keyder, Caglar (1979). Les voies de passage vers la société industrielle en Grande-Bretagne et en France (1780–1914) // *Annales E.S.C.*, XXXIV, 6, 1284–1303.

- Okoye, F. Nwabueze (1980). Chattel Slavery as the Nightmare of the American Revolutionaries // William and Mary Quarterly, 3rd ser., XXXVII, 1, 3—28.
- Okyar, Osman (1987). A New Look at the Problem of Economic Growth in the Ottoman Empire // Journal of European Economic History, XVI, I, 7—49.
- Oliver, Roland & Atmore, Anthony (1981). The African Middle Ages, 1400—1800. Cambridge, Engl.: Cambridge University Press.
- Olivier, Pierre (1936). Les antécédents d'une révolution: Études sur le développement de la société française de 1715 à 1789. Paris: Lib. Marcel Riviere.
- Oloruntimehin, B. Olatunji (1971—1972). The Impact of the Abolition Movement on the Social and Political Development of West Africa in the Nineteenth and Twentieth Centuries // African Notes, VII, I, Third Term, 33—58.
- Oloruntimehin, B. Olatunji (1974). The Western Sudan and the Coming of the French, 1800—1893 // J.F.A. Ajayi & M. Crowder, eds., History of West Africa, Vol. II. London, Longman, 344—379.
- Osler, Pierre, dir. (1978). Dictionnaire de citations français. Paris: Usuels de Robert.
- Ospina Vasquez, Luis (1955). Industria y protección en Colombia, 1810—1930. Medellín: Bibi. Colombiana de Ciencias Sociales FAES.
- Ott, Thomas O. (1973). The Haitian Revolution, 1789—1804. Knoxville, TN: University of Tennessee Press.
- Ouellet, Fernand (1971). Histoire économique et sociale du Québec, 1760—1850: Structures et conjoncture, 2 vols. Montreal: Ed. Fides.
- Ouellet, Fernand & Hamelin, Jean (1962). La crise agricole dans le Bas-Canada (1802—1837) // Études rurales, no. 7, 36—57.
- Owen, David Edward (1934). British Opium Policy in China and India. New Haven, CT: Yale University Press.
- Owen, Roger (1981). The Middle East in the World Economy, 1800—1914. London: Methuen.
- Ozouf, Mona (1984). War and Terror in French Revolutionary Discourse (1792—1794) // Journal of Modern History, LVI, 4, 579—597.
- Pachonski, Jan & Wilson, Reuel K. (1986). Poland's Caribbean Tragedy: A Study of Polish Legion in the Haitian War of Independence, 1802—1803. Boulder, CO: East European Monographs. Palmer, R.R. (1954). The World Revolution of the West, 1763—1801 // Political Science Quarterly, LXIX, 1, 1—14.
- Palmer, R.R. (1959, 1964). The Age of the Democratic Revolution: A Political History of Europe and America, 1760—1800, 2 vols. Princeton, NJ: Princeton University Press.
- Palmer, R.R. (1967). Polémique américaine sur le rôle de la bourgeoisie dans la Révolution française // Annales historiques de la Révolution française, XXXIX, No. 189, 369—380.
- Palmer, R.R. (1971). The World of the French Revolution. New York: Harper & Row.
- Pandey, Cayan (1981). Economic Dislocation in Nineteenth Century Eastern U.P.: Some Implications of the Decline of Artisanal Industry in Colonial India, Occasional Paper No. 37. Calcutta: Centre for Studies in Social Sciences.
- Panikkar, Kavalam Madhava (1953). Asia and Western Dominance: A Survey of the Vasco da Gama of Asian History, 1498—1915. London: George Allen & Unwin.
- Pantaleão, Olga. (1946). A penetração commercial da Inglaterra na América Espanhola de 1773—1783, Boletim LXII. Univ. de São Paulo, Faculdade de Filosofia, Ciências e Letras.
- Pares, Richard (1953). Review of V.T. Harlow, The Founding of the Second British Empire, 1763—1793, Vol. I, in English Historical Review, LXVIII, No. 266, 282—285.
- Pares, Richard (1960). Merchants and Planters, Economic History Review, Suppl. 4. Cambridge, Engl.: At the University Press.
- Paret, Peter (1964). Colonial Experience and European Military Reform at the End of the Eighteenth Century // Bulletin of the Institute of Historical Research, XXXVII, No. 95, 17—59.

- Paris, Robert (1957). *Le Levant de 1660 à 1789*, Vol. V of G. Rambert, dir., *Histoire du Commerce de Marseille*. Paris: Pion.
- Parker, Harold T. (1979). *The Bureau of Commerce in 1781 and Its Policies with Respect to French Industry*. Durham, NC: Carolina Academic Press.
- Parker, R. A. C. (1955). *Coke of Norfolk and the Agrarian Revolution* // *Economic History Review*, 2nd ser., VII, 2, 156—166.
- Parker, W. H. (1959). *A New Look at Unrest in Lower Canada in the 1830's* // *Canadian Historical Review*, XL, 3, 209—218.
- Parkinson, C. Northcote (1937). *Trade in the Eastern Seas, 1793—1813*. Cambridge, Engl.: At the University Press.
- Paskaleva, Virginia (1965). *Einige Probleme auf der Geschichte der Orientfrage in der Ersten Hälfte des 19. Jahrhunderts* // in *Études historiques, à l'occasion du XIIe Congrès International de Sciences Historiques — Vienne, août-septembre*. Sofia: Académie des Sciences de Bulgarie, II, 185—205.
- Paskaleva, Virginia (1968). *Contribution aux relations commerciales des provinces balkaniques de l'Empire ottoman avec les états européens au cours du XVIIIe et la première moitié du XIXe s.* // *Études historiques, à l'occasion du VIe Congrès International des Études Slaves-Prague*. Sofia: Académie des Sciences de Bulgarie, IV, 265—292.
- Patch, Robert W. (1985). *Agrarian Change in Eighteenth-Century Yucatan* // *Hispanic American Historical Review*, LXV, 1, 21—49.
- Patterson, R. (1957). *Spinning and Weaving* // C. Singer et al., eds., *A History of Technology*, III: *From the Renaissance to the Industrial Revolution, c. 1500 — c. 1750*. Oxford: Clarendon Press, 151—180.
- Payen, Jacques (1969). *Capital et machine à vapeur au XVIIIe siècle: Les frères Périer et l'introduction en France de la machine à vapeur de Watt*. Paris & La Haye: Mouton.
- Pearson, M. N. (1972). *Political Participation in Mughal India* // *Indian Economic and Social History Review*, IX, 2, 113—131.
- Pereira, Miriam Halpern (1986). *Portugal and the Structure of the World Market in the XVIth & XIXth Centuries* // W. Fischer et al., eds., *The Emergence of a World Economy, 1500—1914*, Part 1: 1500—1850. Wiesbaden: Franz Steiner Verlag, 279—300.
- Pereira Sales, Eugenio (1971). *Los primeros contactos entre Chile y los Estados Unidos, 1778—1809*. Santiago: Ed. Andres Bello.
- Pérez Rojas, Reyes Antonio (1978). *The Impact of the American Revolution on the Independence of Guatemala* // J. S. Tulchin, ed., *Hemispheric Perspectives on the United States*. Westport, CT: Greenwood Press, 14—21.
- Perkin, H. J. (1968). *The Social Causes of the British Industrial Revolution* // *Transactions of the Royal Historical Society*, 5th ser., XVIII, 123—143.
- Perkin, H. J. (1969). *The Origins of Modern English Society, 1780—1880*. London: Routledge & Kegan Paul.
- Perkins, Bradford (1955). *The First Rapprochement: England and the United States, 1795—1805*. Philadelphia, PA: University of Pennsylvania Press.
- Perkins, Bradford (1963). *Prologue to War: England and the United States, 1805—1812*. Berkeley, CA: University of California Press.
- Perkins, Bradford (1964). *Castlereagh and Adams: England and the United States, 1812—1823*. Berkeley, CA: University of California Press.
- Perkins, Dexter (1927). *The Monroe Doctrine, 1823—1826*. Cambridge, MA: Harvard University Press.
- Perlin, Frank (1974). *Society in Crisis: Early 19th Century Western India in Demographic and Institutional Perspective*, paper delivered at IVth European Conference on Modern South Asian Studies, Sussex, England, 173—193.

- Perlin, Frank* (1978). Of White Whale and Countrymen in the Eighteenth Century Maratha Deccan: Extended Class Relations, Rights, and the Problem of Rural Autonomy under the Old Regime // *Journal of Peasant Studies*, V, 2, 172–237.
- Perlin, Frank* (1979). To Identify Change in an Old Regime Polity: Agrarian Transaction and Institutional Mutation in 17th to Early 19th Century Maharashtra // *Asie du Sud: Traditions et changements*, Sèvres, 8–13 juillet 1978, *Colloques Internationaux du CNRS*, No. 582. Paris: Ed. du CNRS, 197–204.
- Perlin, Frank* (1980a). Precolonial South Asia and Western Penetration in the Seventeenth to Nineteenth Centuries: A Problem of Epistemological Status // *Review*, IV, 2, 267–306.
- Perlin, Frank* (1980b). A History of Money in Asian Perspective // *Journal of Peasant Studies*, VII, 2, 235–244.
- Perlin, Frank* (1981). The Precolonial State in History and Epistemology: A Reconstruction of Societal Formation in the Western Deccan from the Fifteenth to the Early Nineteenth Centuries // H. Claessen & P. Skonik, eds., *The Study of the State*. The Hague: Mouton, 275–302.
- Perlin, Frank* (1983). Proto-industrialization and Pre-colonial South Asia // *Past and Present*, No. 98, 30–95.
- Perlin, Frank* (1984). Growth of Money Economy and Some Questions of Transition in Late Pre-colonial India // *Journal of Peasant Studies*, VI, 3, 96–107.
- Pérotin-Dumon, Anne* (1986). Ambiguous Revolution in the Caribbean: The White Jacobins, 1789–1800 // *Historical Reflections*, XIII, 2/3, 499–516.
- Perrot, Jean-Claude* (1975a). Voies nouvelles pour l'histoire économique de la Révolution // *Annales historiques de la Révolution française*, XLVII, No. 219, 30–65.
- Perrot, Jean-Claude* (1975b). Gèneses d'une ville moderne. Caen au XVIIIe siècle, 2 vols. Paris & La Haye: Mouton.
- Perrot, Jean-Claude* (1976). L'âge d'or de la statistique régionale (an IV–1804) // *Annales historiques de la Révolution française*, XLVII, No. 224, 215–276.
- Perrot, Jean-Claude* (1981). Le présent et la durée dans l'oeuvre de F. Braudel // *Annales E.S.C.*, XXXVI, 1, 3–15.
- Petrosian, Juri* (1976). Die Ideen «Der Europäisierung» in dem sozialpolitischen Leben des Osmanischen Reiches in der Neuzeit (ende des 18. Anfang des 20. Jh.) // N. Todorov, et al., réd., *La révolution industrielle dans le sud-est Europe XIXe siècle*. Sofia: Institut d'Études Balkaniques, 61–75.
- Peukert, Werner* (1978). Der atlantische Slavenhandel von Dahomey, 1740–1797. Wiesbaden: Franz Steiner Verlag.
- Phelan, John Leddy* (1960). Neo-Aztecism in the Eighteenth Century and the Genesis of Mexican Nationalism // S. Diamond, ed., *Culture in History: Essays in Honor of Paul Radin*. New York: Columbia University Press, 760–770.
- Phelan, John Leddy* (1978). The People and the King: The Comunero Revolution in Colombia, 1781. Madison, WI: University of Wisconsin Press.
- Philips, C. H.* (1961). *The East India Company, 1784–1834*, 2nd ed., reprinted with minor corrections. Manchester, Engl.: Manchester University Press.
- Piault, Marc-Henri* (1975). Captifs de pouvoir et pouvoir des captifs // C. McIllassoux, ed., *L'esclavage en Afrique précoloniale*. Paris: Maspéro, 321–350.
- Picard, Roger* (1910). *Les Cahiers de 1789 au point de vue industriel et commercial*. Paris: Marcel Rivière.
- Piel, Jean* (1970). The Place of the Peasantry in the National Life of Peru in the Nineteenth Century // *Past and Present*, No. 46, 108–133.
- Piel, Jean* (1975). Capitalisme agraire au Pérou, I: Originalité de la société agraire péruvienne au XIXe siècle. Paris: Ed. Anthropos.

- Pietraszek, Bernardine* (1955). British and Direct Spanish American Trade, 1815—1825 // *Mid-America*, XXXVII (n. s. XXVI), 2, 67—100.
- Pinchbeck, Ivy* (1930). *Women Workers and the Industrial Revolution, 1750—1850*. London: Routledge (reprinted Frank Cass, 1977).
- Pinkney, David* (1950). Paris, capitale du coton sous la Première Empire // *Annales E.S.C.*, V, I, 56—60.
- Pinter, Walter McKenzie* (1967). *Russian Economic Policy under Nicholas I*. Ithaca, NY: Cornell University Press.
- Pinter, Walter McKenzie* (1980). The Evolution of Civil Officialdom, 1755—1855 // W. M. Pinter & D. K. Rowney, eds., *Russian Officialdom from the 17th to 20th Century: The Bureau cratization of Russian Society*. Chapel Hill, NC: University of North Carolina Press, 190—226.
- Pluchon, Pierre* (1979). *Toussaint Louverture de l'esclavage au pouvoir*. Paris: Ed. de l'Ecole.
- Plumb, J. H.* (1950). *England in the Eighteenth Century*, *Pelican History of England*, Vol. 7. Harmondsworth, Engl.: Penguin.
- Plumb, J. H.* (1956). *The First Four Georges*. London: Fontana/Collins.
- Plumb, J. H.* (1982). Commercialization and Society // N. McKendrick, J. Brewer & J. H. Plumb, *The Birth of a Consumer Society*. London: Europa Publications Ltd., 265—335.
- Pocock, J. G. A.* (1972). Virtue and Commerce in the Eighteenth Century // *Journal of Interdisciplinary History*, III, I, 119—134.
- Polanyi, Karl* (1957). *The Great Transformation*. Boston, MA: Beacon Press (originally published in 1944).
- Polanyi, Karl, in collaboration with Abraham Rotstein* (1966). *Dahomey and the Slave Trade*. Seattle, WA: University of Washington Press.
- Polk, William R.* (1963). *The Opening of South Lebanon, 1788—1840*. Cambridge, MA: Harvard University Press.
- Pollard, Sidney* (1963). Factory Discipline in the Industrial Revolution // *Economic History Review*, 2nd ser., XVI, 2, 254—271.
- Pollard, Sidney* (1964). The Factory Village in the Industrial Revolution // *English Historical Review*, LXXIX, No. 312, 513—531.
- Pollard, Sidney* (1965). *The Genesis of Modern Management. A Study of the Industrial Revolution in Great Britain*. Cambridge, MA: Harvard University Press.
- Pollard, Sidney* (1972a). Capital Accounting in the Industrial Revolution // F. Crouzet, ed., *Capital Formation in the Industrial Revolution*. London: Methuen, 119—144 (originally published in the *Yorkshire Bulletin of Social and Economic Research*, 1962).
- Pollard, Sidney* (1972b). Fixed Capital in the Industrial Revolution in Britain // F. Crouzet, ed., *Capital Formation in the Industrial Revolution*. London: Methuen, 145—161 (originally published in *Journal of Economic History*, 1964).
- Pollard, Sidney* (1973). Industrialization and the European Economy // *Economic History Review*, 2nd ser., XXVT, 4, 636—648.
- Pollard, Sidney* (1981). *The Integration of the European Economy since 1815*. London: George Allen & Unwin.
- Portal, Roger* (1949). Manufactures et classes sociales en Russie au XVIIIe siècle // *Revue historique*, 73e année, CCI, avr.—juin, 161—185; CCII, juil.—sept., 1—23.
- Portal, Roger* (1950). L'Oural au XVIIIe siècle: Étude d'histoire économique et sociale, *Collection historique de l'institut d'études slaves*, Vol. XIV. Paris: Inst. d'Études Slaves.
- Portal, Roger* (1961). Aux origines d'une bourgeoisie industrielle en Russie // *Revue d'histoire moderne et contemporaine*, VIII, I, 35—60.
- Portal, Roger* (1963). Préface // M. Confino, *Domaines et seigneurs en Russie vers la fin du XVIIIe siècle*. Paris: Inst. d'Études Slaves, 9—13.

- Portal, Roger* (1966). *L'Empire russe de 1762 à 1855*. Paris: Centre du Documentation Universitaire.
- Post, John D.* (1976). Famines, Mortality, and Epidemic Disease in the Process of Modernization // *Economic History Review*, 2nd ser., XXIX, 1, 14–37.
- Postan, M.* (1972). The Accumulation of Capital // F. Crouzet, ed., *Capital Formation in the Industrial Revolution*. London: Methuen, 70–83 (originally published in *Economic History Review*, 1935).
- Postma, Johannes* (1972). The Dimension of the Dutch Slave Trade from Western Africa // *Journal of African History*, XIII, 2, 237–248.
- Poulantzas, Nicos* (1971). *Pouvoir politique et classes sociales*, 2 vols. Paris: Maspéro (Petite Collection 77).
- Poulantzas, Nicos* (1973). *Political Power and Social Classes*. London: New Left Books.
- Prado, Caio, Jr.* (1957). *Evolução política do Brasil e outros estudos*, 2a ed. São Paulo: Ed. Brasiliense.
- Prakash, Om* (1964). The European Trading Companies and Merchants of Bengal, 1650–1725 // *Indian Economic and Social History Review*, I, 3, 37–63.
- Pratt, E. J.* (1931). Anglo-American Commercial and Political Rivalry on the Plata, 1820–1830 // *Hispanic American Historical Review*, XI, 3, 302–335.
- Pratt, Julius W.* (1935). Fur Trade Strategy and the American Left Flank in the War of 1812 // *American Historical Review*, XL, 2, 246–273.
- Pressnell, L. S.* (1953). Public Monies and the Development of English Banking // *Economic History Review*, 2nd ser., V, 3, 378–397.
- Pressnell, L. S.* (1960). The Rate of Interest in the Eighteenth Century // L. S. Pressnell, ed., *Studies in the Industrial Revolution: Presented to T. S. Ashton*. London: University of London, Athlone Press, 178–214.
- Price, Jacob M.* (1965). Discussion // *Journal of Economic History*, XXV, 4, 655–659.
- Price, Jacob M.* (1973). *France and the Chesapeake: A History of the French Tobacco Monopoly, 1674–1791, and of its Relationship to the British and American Tobacco Trades*, 2 vols. Ann Arbor, MI: University of Michigan Press.
- Price, Jacob M.* (1976). Quantifying Colonial America: A Comment on Nash and Warden // *Journal of Interdisciplinary History*, VI, 4, 701–709.
- Priestly, Herbert Ingram* (1916). *Jose de Galvez, Visitor-General of New Spain (1765–1771)*. Berkeley, CA: University of California Press.
- Priestley, Margaret* (1969). *West African Trade and Coast Society: A Family Study*. London: Oxford University Press.
- Prothero, I. J.* (1979). *Artisans and Politics in Early Nineteenth Century London*: John Gast and His Times. Folkestone, Engl.: Dawson.
- Prucha, Francis Paul* (1970). *American Indian Policy in the Formative Years: The Indian Trade and Intercourse Acts, 1790–1834*. Lincoln, NE: University of Nebraska Press.
- Pugh, Wilma J.* (1939). Calonne's «New Deal» // *Journal of Modern History*, XI, 3, 289–312.
- Puryear, Vernon J.* (1935). *International Economics and Diplomacy in the Near East*. Stanford, CA: Stanford University Press.
- Quarles, Benjamin* (1961). *The Negro in the American Revolution*. Chapel Hill, NC: University of North Carolina Press.
- Quimby, Robert S.* (1957). *The Background of Napoleonic Warfare: The Theory of Military Tactics in Eighteenth-Century France* // *Columbia Studies in the Social Sciences*, No. 596. New York: Columbia University Press.
- Quinney, Valerie* (1972). The Problem of Civil Rights for Free Men of Color in the Early French Revolution // *French Historical Studies*, VII, 4, 544–557.
- Rae, J.* (1883). Why Have the Yeomanry Perished? // *Contemporary Review*, XXXIV, 2, 546–556.

- Raeff, Marc (1966). *Origins of the Russian Intelligentsia: The Eighteenth-Century Nobility*. New York: Harcourt, Brace & World.
- Raeff, Marc (1971a). *Imperial Russia, 1682—1825: The Coming of Age of Modern Russia*. New York: Knopf.
- Raeff, Marc (1971b). Pugachev's Rebellion // R. Forster & J. P. Greene, eds., *Preconditions of Revolution in Early Modern Europe*. Baltimore, MD: Johns Hopkins University Press, 161—202.
- Raeff, Marc (1975). The Well-Ordered Police State and the Development of Modernity in Seventeenth- and Eighteenth-Century Europe: An Attempt at a Comparative Approach // *American Historical Review*, LXXX, 5, 1221—1244.
- Raeff, Marc (1979). The Bureaucratic Phenomena of Imperial Russia, 1700—1905 // *American Historical Review*, LXXXIV, 2, 399—411.
- Ragatz, Lowell J. (1928). *The Fall of the Planter Class in the British Caribbean, 1763—1833*. New York: Century.
- Ragatz, Lowell J. (1935). The West Indian Approach to the Study of American Colonial History // *American Historical Association*, pamphlet series. London: Arthur Thomas.
- Ragsdale, Hugh (1970). A Continental System in 1801: Paul I and Bonaparte // *Journal of Modern History*, XLII, 1, 70—89.
- Ram, N. (1972). Impact of Early Colonisation on Economy of South India // *Social Scientist*, I, 4, 47—65.
- Ramsey, John Fraser (1939). *Anglo-French Relations, 1763—1770: A Study of Choiseul's Foreign Policy* // *University of California Publications in History*, Vol. XVII, No. 3. Berkeley, CA: University of California Press, i—x & 143—264.
- Ranciere, Jacques (1983). The Myth of the Artisan: Critical Reflections on a Category of Social History // *International Labor and Working Class History*, No. 24, Fall, 1—16.
- Ransom, Roger L. (1968). British Policy and Colonial Growth: Some Implications of the Burden from the Navigation Acts // *Journal of Economic History*, XXVIII, 3, 127—435.
- Rao, G. N. (1977). Agrarian Relations in Coastal Andhra under Early British Rule // *Social Scientist*, VI, I, No. 61, 19—29.
- Rasch, Aage (1965). American Trade in the Baltic, 1783—1807 // *Scandinavian Economic History Review*, XIII, I, 31—64.
- Rawley, James A. (1980). The Port of London and the Eighteenth Century Slave Trade: Historians, Sources, and a Reappraisal // *African Economic History*, No. 9, 85—100.
- Rawley, James A. (1981). *The Transatlantic Slave Trade: A History*. New York: W. W. Norton.
- Rawlyk, George A. (1963). The American Revolution and Nova Scotia Reconsidered // *Dalhousie Review*, XLIII, 3, 379—394.
- Rawlyk, George A. (1968). *Revolution Rejected, 1774—1775*. Scarborough, Ont.: Prentice-Hall of Canada.
- Rawlyk, George A. (1973). *Nova Scotia's Massachusetts: A Study of Massachusetts — Nova Scotia Relations, 1630—1784*. Montreal: McGill-Queen's University Press.
- Ray, Indrani (1980). The Multiple Faces of the Early 18th Century Indian Merchants, Occasional Paper No. 29, Calcutta: Centre for Studies in Social Sciences.
- Ray, Ratnalekha (1979). *Change in Bengal Agrarian Society, 1760—1850*. New Delhi: Manohar.
- Raychaudhuri, Tapan (1962). Jan Company in Coromandel, 1605—1690, *Verhandelingen van het Koninklijk Instituut voor Taal-, Land-, en Volkenkunde*, Vol. XXXVIII. SGravenhage: Martinus Nijhoff.
- Raychaudhuri, Tapan (1965). Some Patterns of Economic Organization and Activity in Seventeenth Century India: A Comparative Study // *Second International Conference of Economic History*, Aix-en-Provence, 1962, II: Middle Ages and Modern Times. Paris: Mouton, 751—760.

- Raychaudhuri, Tapan* (1968). A Re-interpretation of Nineteenth Century Indian Economic History? // *Indian Economic and Social History Review*, V, 1, 77—100.
- Raychaudhuri, Tapan* (1969). Permanent Settlement in Operation: Bakarkar District, East Bengal // R. E. Frykenberg, ed., *Land Control and Social Structure in Indian History*. Madison, WI: University of Wisconsin Press, 163—174.
- Raychaudhuri, Tapan* (1982a). Non-Agricultural Production: Mughal India // T. Raychaudhuri & I. Habib, eds., *Cambridge Economic History of India*, I: c. 1200 — c. 1700. Cambridge, Engl.: Cambridge University Press, 261—307.
- Raychaudhuri, Tapan* (1982b). Inland Trade // T. Raychaudhuri & I. Habib, eds., *Cambridge Economic History of India*, I, c. 1200 — c. 1700. Cambridge, Engl.: Cambridge University Press, 325—359.
- Rayneval, Gérard de* (1784). Aperçu sur le Traité de Commerce à conclure avec la Cour de Londres, Envoyé copie à M. de Calonne le 29 avril 1784 // *Archives des Affaires Etrangères* (Paris): Angleterre, No. 46: Memoires sur le Commerce, le Finance, etc. 1713 à 1811, 202—220.
- Razzell, P. E.* (1969). Population Change in Eighteenth Century England: A Re-Appraisal // M. Drake, ed., *Population in Industrialization*. London: Methuen, 128—156 (originally published in *Economic History Review*, 1965).
- Razzell, P. E.* (1974). An Interpretation of the Modern Rise of Population in Europe — a Critique // *Population Studies*, XXVIII, Part I, 5—17.
- Rebérioux, Madeline* (1965). Jaurès et Robespierre // *Actes du Colloque Robespierre, XIIe Congrès international des Sciences historiques*, Vienne, 3 septembre. Paris: Société des Robespierriistes, 191—204.
- Recht, Pierre* (1950). Les biens communaux du Namurois et leur partage à la fin du XVIIIe siècle. Bruxelles: E. Bruylant.
- Regemorter, J.-L. van* (1963). Commerce et politique: préparation et négociation du traité franco-russe de 1787 // *Cahiers du monde russe et soviétique*, IV, 3, 230—257.
- Regemorter, Jean-Louis van* (1971). Le déclin du servage, 1796—1855, Vol. I of R. Portal, dir., *Histoire de la Russie*. Paris: Hatier.
- Reid, Joseph D., Jr.* (1970). On Navigating the Navigation Acts, with Peter D. McClelland: Comment // *American Economic Review*, LX, 5, 949—955.
- Reid, Marjorie G.* (1925). The Quebec Fur Traders and Western Policy, 1763—1774 // *Canadian Historical Review*, VI, 1, 15—32.
- Reinhard, Marcel* (1916). La Révolution française et le problème de la population // *Population*, I, 3, 419—427.
- Reinhard, Marcel* (1965). Bilan démographique de l'Europe: 1789—1815 // *XIIe Congrès International des Sciences Historiques*, Vienne, 29 août — 5 sept., *Rapports*, I: Grands thèmes. Horn/Wein: Ferdinand Berger & Sohn, 451—471.
- Rémond, Andre* (1957). Trois bilans de l'économie française au temps des théories physiocratiques // *Revue d'histoire économique et sociale*, XXXV, 4, 416—456.
- Reis, Arthur César Ferreira* (1960). O Comércio colonial e as companhias privilegiadas // S. Buarque de Rolanda, dir., *Historia Geral da Civilização Brasileira*, Tomo I, 2 vols. São Paulo: Difusão Europeia do Livro, 311—339.
- Resnick, Daniel P.* (1972). The Société des Amis des Noirs and the Abolition of Slavery // *French Historical Studies*, VII, 4, 558—569.
- Reubens, E. P.* (1955). Comment // *National Bureau of Economic Research, Capital Formation and Economic Growth*. Princeton, NJ: Princeton University Press, 378—380.
- Reynolds, Edward* (1973). Agricultural Adjustments on the Gold Coast after the End of the Slave Trade, 1807—1874 // *Agricultural History*, XLVII, 4, 308—318.
- Rich, E. E.* (1955). Russia and the Colonial Fur Trade // *Economic History Review*, 2nd ser., VII, 3, 307—328.

- Rich, E. E. (1960). *Hudson's Bay Company, 1670—1870*, 3 vols. Toronto: McClelland & Stewart.
- Richards, Alan (1977). Primitive Accumulation in Egypt, 1798—1882 // *Review*, I, 2, 3—49.
- Richards, E. S. (1973). Structural Change in a Regional Economy: Sutherland and the Industrial Revolution, 1780—1830 // *Economic History Review*, 2nd ser., XXVI, 1, 63—76.
- Richards, J. F. (1981). The Indian Empire and Peasant Production of Opium in the Nineteenth Century // *Modern Asian Studies*, XV, T, 59—82.
- Richards, W. A. (1980). The Import of Firearms into West Africa in the Eighteenth Century // *Journal of African History*, XXI, 1, 43—59.
- Richardson, David (1975). Profitability in the Bristol-Liverpool Slave Trade // *Revue française d'histoire d'outre-mer*, LXII, 1e et 2e trimestres, Nos. 226/227, 301—308.
- Richardson, David (1979). West African Consumption Patterns and Their Influence on the Eighteenth-Century English Slave Trade // H. A. Gemery & J. S. Hogendorn, eds., *The Uncommon Market*, New York: Academic Press, 303—330.
- Richardson, Thomas L. (1969). Review of W. E. Tate, *The Endosure Movement* // *Agricultural History*, XLIII, I, 187—188.
- Richet, Denis (1968). Croissance et blocages en France du XVe au XVIIIe siècles // *Annales E. S. C.*, XXIII, 4, 759—787.
- Richet, Denis (1969). Amour des origines idéologiques lointaines de la Révolution française: Elites et despotism // *Annales E. S. C.*, XXIV, I, 1—23.
- Richet, Denis (1973). *La France moderne: L'esprit des institutions*. Paris: Flammarion.
- Ridings, Eugene W. (1985). Foreign Predominance among Overseas Traders in Nineteenth-Century Latin America // *Latin America Research Review*, XX, 2, 3—27.
- Riley, James C. (1973). Dutch Investment in France, 1781—1787 // *Journal of Economic History*, XXXIII, 4, 732—760.
- Riley, James C. (1986). *The Seven Years' War and the Old Regime in France: The Economic and Financial Toll*. Princeton, NJ: Princeton University Press.
- Riley, James C. (1987). French Finances, 1727—1768 // *Journal of Modern History*, LIX, 2, 209—243.
- Rippy, J. Fred (1929). *United States and Great Britain over Latin America (1808—1830)*. Baltimore, MD: Johns Hopkins Press.
- Rippy, J. Fred (1959). *British Investments in Latin America, 1822—1949*. Minneapolis, MN: University of Minnesota Press.
- Rippy, J. Fred & Debo, Angie (1924). The Historical Background of the American Policy of Isolation // *Smith College Studies in History*, IX, 3/1, 69—165.
- Roberts, J. M. (1978). *The French Revolution*. Oxford: Oxford University Press.
- Roberts, M. W. (1966). Indian Estate Labour in Ceylon during the Coffee Period (1830—1880) // *Indian Economic and Social History Review*, III, 1, 1—52; III, 2, 101—136.
- Roberts, P. E. (1968). The East India Company and the State, 1772—86 // *Cambridge History of India*, V: H. H. Dodwell, ed., *British India, 1197—1858*, third Indian reprint. Delhi: S. Chand, 181—204.
- Roberts, Richard (1980). Long Distance Trade and Production: Sinsani in the Nineteenth Century // *Journal of African History*, XXI, 2, 169—188.
- Robertson, M. L. (1956). Scottish Commerce and the American War of Independence // *Economic History Review*, 2nd ser., IX, 1, 123—131.
- Robertson, William Spence (1915). South America and the Monroe Doctrine, 1824—1828 // *Political Science Quarterly*, XXX, 1, 82—105.
- Robertson, William Spence (1918a). The Recognition of the Spanish Colonies by the Motherland // *Hispanic American Historical Review*, I, 1, 70—91.
- Robertson, William Spence (1918b). The Recognition of the Hispanic American Nations by the United States // *Hispanic American Historical Review*, I, 3, 239—269.

- Robertson, William Spence* (1926). The Policy of Spain toward Its Revolted Colonies, 1820—1823 // *Hispanic American Historical Review*, VI, 1/3, 21—46.
- Robertson, William Spence* (1939). France and Latin-American Independence. Baltimore, MD: Johns Hopkins Press.
- Robertson, William Spence* (1941). Russia and the Emancipation of Spanish America, 1816—1826 // *Hispanic American Historical Review*, XXI, 2, 196—221.
- Robin, Régine* (1970). La société française en 1789: Semur-en-Auxois. Paris: Pion.
- Robin, Régine* (1971). Fief et seigneurie dans le droit et l'idéologie juridique à la fin du XVIIIe siècle // *Annales historiques de la Révolution française*, Lill, 4, No. 206, 554—602.
- Robin, Régine* (1973). La nature de l'Etat à la fin de l'Ancien Régime: Formation sociale, Etat et Transition // *Dialectiques*, Nos. 1/2, 31—54.
- Robinson, Cedric J.* (1987). Capitalism, Slavery and Bourgeois Historiography // *History Workshop*, No. 23, Spring, 122—140.
- Robinson, Donald L.* (1971). Slavery in the Structure of American Policies, 1768—1820. New York: Harcourt, Brace, Jovanovich.
- Robinson, Cedric H.* (1974). The Early Diffusion of Steam Power // *Journal of Economic History*, XXXIV, I, 91—107.
- Roche, Max* (1985). La présence française en Turquie (1764—1866) // *Annales du Levant*, No. 1, 83—95.
- Roche, Patrick A.* (1975). Caste and the British Merchant Government in Madras, 1639—1748 // *Indian Economic and Social History Review*, XIII, 4, 381—407.
- Rodney, Walter* (1966). African Slavery and Other Forms of Social Oppression on the Upper Guinea Coast in the Context of the Atlantic Slave Trade // *Journal of African History*, VII, 3, 431—443.
- Rodney, Walter* (1967). West Africa and the Atlantic Slave-Trade, Historical Assn. of Tanzania, Paper No. 2. Nairobi: East African Publ. House.
- Rodney, Walter* (1968). Jihad and Social Revolution in Futa Djallon in the Eighteenth Century // *Journal of the Historical Society of Nigeria*, IV, 2, 269—284.
- Rodney, Walter* (1970). A History of the Upper Guinea Coast, 1545—1800. London: Oxford University Press.
- Rodney, Walter* (1975a). The Guinea Coast // *Cambridge History of Africa*, IV: Richard Gray, ed., From c. 1600 to c. 1790. Cambridge, Engl.: Cambridge University Press, 223—324.
- Rodney, Walter* (1975b). Africa in Europe and the Americas // *Cambridge History of Africa*, IV: Richard Gray, ed., From c. 1600 to c. 1790. Cambridge, Engl.: Cambridge University Press, 578—622.
- Rodrigues, José-Honório* (1977). A revolução americana e a revolução brasileira da independência (1776—1822) // *Revista de história de America*, No. 83, enero-junio, 69—91.
- Rodríguez, Mario* (1976). La revolución americana de 1776 y el mundo hispanico: Ensayos y documentos. Madrid: Ed. Tecnos.
- Roehl, Richard* (1976). French Industrialization: A Reconsideration // *Explorations in Economic History*, XIII, 3, 233—281.
- Roehl, Richard* (1981). French Industrialization: A Reply // *Explorations in Economic History*, XVIII, 4, 434—435.
- Rogers, James E. Thorold* (1884). Six Centuries of Work and Wages, with a new preface by G. D. H. Cole in 1949. London: George Allen & Unwin.
- Rogger, Hans* (1960). National Consciousness in Eighteenth-Century Russia. Cambridge, MA: Harvard University Press.
- Romano, Ruggiero* (1960). Movements des prix et développement économique. L'Amérique du sud au XVIIIe siècle // *Annales E.S.C.*, XVIII, 1, 63—74.
- Root, Hilton Lewis* (1985). Challenging the Seigneurie: Community and Contention on the Eve of the French Revolution // *Journal of Modern History*, LVII, 4, 652—681.

- Root, Hilton Lewis (1987). *Peasants and King in Burgundy: Agrarian Foundation of French Absolutism*. Berkeley, CA: University of California Press.
- Root, Winfred Trexler (1942). The American Revolution Reconsidered // *Canadian Historical Review*, XXIII, I, 16—29.
- Roover, Raymond de (1968). Un contraste: La structure de la banque anglaise et celle de la banque continentale au XVIIIe siècle // in *Third International Congress of Economic History*, Munich, 1965. Paris & La Haye: Mouton, V, 623—627.
- Rose, J. Holland (1893). Napoleon and English Commerce // *English Historical Review*, VIII, No. 32, 704—725.
- Rose, J. Holland (1908). The Franco-British Commercial Treaty of 1786 // *English Historical Review*, XXIII, No. 92, 709—724.
- Rose, J. Holland (1929a). The Political Reactions of Bonaparte's Eastern Expedition // *English Historical Review*, XLIV, No. 173, 48—58.
- Rose, J. Holland (1929b). British West India Commerce as a Factor in the Napoleonic War // *Cambridge Historical Journal*, III, I, 31—46.
- Rose, M. E. (1981). Social Change and the Industrial Revolution // R. Floud & D. N. McCloskey, eds., *The Economic History of Britain Since 1700: 1700—1860*. Cambridge, Engl.: Cambridge University Press, 253—275.
- Rose, R. B. (1956). The French Revolution and the Grain Supply: Nationalization Pamphlets in the John Rylands Library // *Bulletin of the John Rylands Library*, XXXIX, I, 171—187.
- Rose, R. B. (1959). 18th-century Price-riots, the French Revolution, and the Jacobin Maximum // *International Review of Social History*, IV, 3, 432—445.
- Roe, R. B. (1961). Eighteenth Century Price Riots and Public Policy in England // *International Review of Social History*, VI, 2, 277—292.
- Rose, R. B. (1965). *The Enragés: Socialists of the French Revolution?* Melbourne: Melbourne University Press.
- Rose, R. B. (1972). Babeuf, Dictatorship and Democracy // *Historical Studies*, XV, No. 58, 223—236.
- Rose, R. B. (1978). *Gracchus Babeuf, the First Revolutionary Communist*. Stanford, CA: Stanford University Press.
- Rose, R. B. (1984). The Red Scare of the 1790s: The French Revolution and the «Agrarian Law» // *Past and Present*, No. 103, 113—130.
- Rosen, Howard (1975). Le système Gribauval et la guerre modern // *Revue historique des armées*, II, 112, 29—36.
- Rosenberg, Nathan (1967). Anglo-American Wage Differences in the 1820's // *Journal of Economic History*, XXVII, 2, 221—229.
- Rostow, W. W. (1941). Business Cycles, Harvests, and Politics, 1790—1850 // *Journal of Economic History*, I, 2, 206—221.
- Rostow, W. W. (1971). *The Stages of Economic Growth*, 2nd ed. Cambridge, Engl.: At the University Press.
- Rostow, W. W. (1973). The Beginnings of Modern Growth in Europe: An Essay in Synthesis // *Journal of Economic History*, XXXIII, 3, 547—580.
- Rostow, W. W. (1978). No Random Walk: A Comment on «Why was England First?» // *Economic History Review*, 2nd ser., XXXI, 4, 610—612.
- Rothenberg, Winifred B. (1979). A Price Index for Rural Massachusetts, 1750—1855 // *Journal of Economic History*, XXXIX, 4, 975—1001.
- Rothenberg, Winifred B. (1981). The Market and Massachusetts Farmers, 1750—1855 // *Journal of Economic History*, XLI, 2, 283—314.
- Rothenberg, Winifred B. (1985). The Emergence of a Capital Market in Rural Massachusetts, 1730—1838 // *Journal of Economic History*, XLV, 4, 781—808.
- Rothermund, Dietrich (1981). *Asian Trade in the Age of Mercantilism*. New Delhi: Manohar.

- Rousseau, Jean-Jacques (1947). *The Social Contract*. New York: Hafner (originally published in 1762).
- Rousseaux, Paul (1938). *Les mouverttentf de fond de l'économie anglaise, 1800—1913*. Bruxelles: Ed. Universelle & Paris: Desclée, De Brouwer & Cic.
- Rout, Leslie B., Jr. (1976). *The American Experience in Spanish America: 1502 to the Present Day*. Cambridge, Engl.: Cambridge University Press.
- Roux, Ren (1951). *La Révolution française et l'idée de lutte de classes* // *Revue d'histoire économique et sociale*, XXIX, 3, 252—279.
- Rozman, Gilbert (1976). *Urban Networks in Russia 1750—1800, and Pre-Modern Periodization*. Princeton, NJ: Princeton University Press.
- Rudé, George (1954). *The French Revolution* // *Mancist Quarterly*, I, I, 242—251.
- Rudé, George (1956). *La taxation populaire de mai 1775 à Paris et dans la région parisienne* // *Annales historiques de la Révolution française*, XXVIII, No. 143, 139—179.
- Rudé, George (1961a). *Interpretations of the French Revolution*. London: The Historical Association.
- Rudé, George (1961b). *La taxation populaire de mai 1775 en Picardie, en Normandie, et dans le Beauvaisis* // *Annales historique de la Révolution française*, XXXIII, No. 165, 305—326.
- Rudé, George (1962). *Quelques réflexions sur la composition, le rôle, les idées et les formes d'action des sans-culottes dans la Révolution française* // *Critica storica*, I, 4, 369—383.
- Rudé, George (1964). *Revolutionary Europe, 1783—1815*. New York: Harper & Row.
- Rudé, George (1967). *The Crowd in the French Revolution*. Oxford: Oxford University Press.
- Russell-Wood, A. J. R. (1974). *Local Government in Portugese America: A Study in Cultural Divergence* // *Comparative Studies in Society and History*, XVI, 2, 187—231.
- Russell-Wood, A. J. R. (1975). *Preconditions and Precipitants of the Independence Movement in Portugese America* // A. J. R. Russell-Wood, ed., *From Colony to Nation: Essays on the Independence of Brazil*. Baltimore, MD: Johns Hopkins University Press, 3—40.
- Rustow, Dankwart A. (1970). *The Political Impact of the West* // P. M. Holt et al., eds., *The Cambridge History of Islam: The Central Islamic Lands*. Cambridge, Engl.: At the University Press, 673—697.
- Ruwet, Joseph (1967). *Avant les révolutions: Le XVIIIe siècle* // *Études d'histoire wallonne*, Vol. IX. Bruxelles: Fondation Charles Plisnier.
- Ryan, A. N. (1959). *The Defense of British Trade with the Baltic, 1808—1813* // *English Historical Review*, LXXIV, No. 292, 443—466.
- Ryan, A. N. (1958). *Trade with the Economy in the Scandinavian and Baltic Ports during the Napoleonic War: for and against* // *Transactions of the Royal Historical Society*, 5th ser., XII, 123—140.
- Rydjord, John (1941). *British Mediation Between Spain and Her Colonies: 1811—1813* // *Hispanic American Historical Review*, XXI, I, 29—50.
- Ryerson, Stanley B. (1960). *The Founding of Canada: Beginnings to 1815*. Toronto: Progress Books.
- Ryerson, Stanley B. (1973). *Unequal Union: Roots of Crisis in the Canadas, 1815—1873*, 2nd ed. Toronto: Progress Books.
- Sachs, William A. (1953). *Agricultural Conditions in the Northern Colonies before the Revolution* // *Journal of Economic History*, XIII, 3, 274—290.
- Saint-Jacob, Pierre de (1960). *Les paysans de la Bourgogne du Nord au dernier siècle de l'Ancien Régime*. Paris: Les Belles-Lettres.
- Saint Lu, André (1970). *Condition coloniale et conscience créole au Guatémala (1524—1821)*. Paris: Presses Universitaires de France.
- Saintoyant, J. (1929). *La représentation coloniale pendant la Révolution* // *Revue d'histoire des colonies françaises*, XVII, 4, 353—380.

- Saintoyant, J.* (1930). *La colonisation française pendant la Révolution (1789—1799)*, 2 vols. Paris: La Renaissance du Livre.
- Salaman, Redcliffe N.* (1949). *The History and Social Influence of the Potato*. Cambridge, Engl.: At the University Press.
- Sala-Molins, Louis* (1987). *Le Code noir, ou le calvaire de Canaan*. Paris: Presses Universitaires de France.
- Salvucci, Richard J.* (1981). Enterprise and Economic Development in Colonial Mexico: the Case of the Obrajes // *Journal of Economic History*, XLI, 1, 197—199.
- Samuel, Raphael* (1977). Workshop of the World: Steam Power and Hand Technology in Mid-Victorian Britain // *History Workshop*, No. 3, Spring, 6—72.
- Savelle, Max* (1939). The American Balance of Power and European Diplomacy, 1713—78 // R. B. Morris, ed., *The Era of the American Revolution*. New York: Columbia University Press, 140—169.
- Savelle, Max* (1953). United States: Colonial Period. Instituto Panamericano de Geografia e Historia, Publ. N.o 159. Mexico: Ed. Cultura S.A.
- Savelle, Max* (1962). Nationalism and Other Loyalties in the American Revolution // *American Historical Review*, LXVII, 4, 901—923.
- Savelle, Max* (1974). *Empires to Nations: Expansionism in America, 1713—1824*. Minneapolis, MN: University of Minnesota Press.
- Saville, John* (1969). Primitive Accumulation and Early Industrialization in Britain // *The Socialist Register*, 1969. London: Merlin Press, 217—271.
- Schellenberg, T. R.* (1934). Jeffersonian Origins of the Monroe Doctrine // *Hispanic American Historical Review*, XIV, 1, 1—32.
- Schlebecker, John T.* (1976). Agricultural Marketing and Markets in the North, 1774—1777 // *Agricultural History*, L, 1, 21—36.
- Schlesinger, Arthur M., Sr.* (1917). The Colonial Merchants and the American Revolution, 1763—1776. New York: Columbia University Press.
- Schlesinger, Arthur M., Sr.* (1919). The American Revolution Reconsidered // *Political Science Quarterly*, XXXIV, 1, 61—78.
- Schlote, Werner* (1952). *British Overseas Trade from 1700 to the 1930's*. Oxford: Basil Blackwell.
- Schmidt, Charles* (1908). La crise industrielle de 1788 en France // *Revue historique*, 33e année, XCVII, 1, fasc. 192, 78—94.
- Schmidt, Charles* (1913, 1914). Les débuts de l'industrie cotonnière en France, 1706—1806 // *Revue d'histoire économique et financière*, VI, 3, 261—298; VII, 1, 26—55.
- Schmidt, S. O.* (1966). La politique intérieure du tsarisme au milieu du XVIIIe siècle // *Annales E. S. C.*, XXI, 1, 95—110.
- Schmitt, Eberhard* (1976). *Einführung in die Geschichte der Französischen Revolution*. München: Verlag C. H. Beck.
- Schnapper, Bernard* (1959). La fin du Régime de l'Exclusif: Le commerce étranger dans les possessions français d'Afrique tropicale (1817—1870) // *Annales africaines*, VI, 149—200.
- Schnapper, Bernard* (1961). La politique et le commerce français dans le Golfe de Guinée de 1838 à 1871. Paris & La Haye: Mouton.
- Schremmer, Eckart* (1981). Proto-Industrialization: A Step towards Industrialization? // *Journal of European Economic History*, X, 3, 653—670.
- Schumpeter, Elizabeth Brody* (1938). English Prices and Public Finance, 1660—1822 // *Review of Economic Statistics*, XX, 1, 21—37.
- Schumpeter, Joseph* (1939). *Business Cycles*, 2 vols. New York: McGraw-Hill.
- Schutz, John A.* (1946). Thomas Pownall's Proposed Atlantic Federation // *Hispanic American Historical Review*, XXVI, 2, 263—268.

- Schuyler, Robert L. (1945). *The Fall of the Old Colonial System: A Study in British Free Trade, 1770–1870*. New York: Oxford University Press.
- Schwartz, Stuart D. (1970). *Magistracy and Society in Colonial Brazil* // *Hispanic American Historical Review*, L, 4, 715–730.
- Scott, James Brown (1928). Introduction // G. Chinard, ed., *The Treaties of 1778 and Allied Documents*. Baltimore, MD: Johns Hopkins Press, x-xxv.
- Scott, Samuel F. (1970). The Regeneration of the Line Army during the French Revolution // *Journal of Modern History*, XLII, 3, 307–330.
- Scott, Samuel F. (1978). *The Response of the Royal Army to the French Revolution: The Role and Development of the Line Army, 1787–93*. Oxford: Clarendon Press.
- Seckinger, Ron L. (1976). *South American Power Politics during the 1820's* // *Hispanic American Historical Review*, LVI, 2, 241–267.
- Sedillot, René (1987). *Le coût de la Révolution française*. Paris: Lib. Academique Perrin.
- Sée, Henri (1908). La portée du Régime seigneurial au XVIIIe siècle // *Revue d'histoire moderne et contemporaine*, X, 171–191.
- Sée, Henri (1913). Une enquête sur la vaine pâture et le droit de parcours à la fin du règne de Louis XV // *Revue du dix-huitième siècle*, I, 3, 265–278.
- Sée, Henri (1923a). Les origines de l'industrie capitaliste en France à la fin de l'Ancien Régime // *Revue historique*, 48e année, CXLVIII, No. 287, 187–200.
- Sée, Henri (1923b). Le partage des biens communaux à la fin de l'Ancien Régime // *Nouvelle revue historique du droit française et étranger*, 4e sér., II, I, 47–81.
- Sée, Henri (1923c). La mise en valeur des tenes incultes à la fin de l'Ancien Régime // *Revue d'histoire économique et sociale*, XI, I, 62–81.
- Sée, Henri (1926). Commerce between France and the United States // *American Historical Review*, XXXI, 1, 732–737.
- Sée, Henri (1929). Les économistes et la questions coloniale an XVIIe siècle // *Revue de l'histoire des colonies françaises*, XVII, 4, 381–392.
- Sée, Henri (1930). The N'ormandy Chamber of Commerce and the Commercial Treaty of 1786 // *Economic History Review*, II, 2, 308–313.
- Sée, Henri (1931a). Introduction et notes // Arthur Young, *Voyages en 1787–1788–1789*, 3 vols. Paris: Armand Colin.
- Sée, Henri (1931b). The Economic Origins of the French Revolution // *Economic History Review*, III, 1, 1–15.
- Sée, Henri (1933). Préface // C.-E. Labrousse, *Esquisse du mouvement des prix et des revenus en France au XVIIIe siècle*. Paris: Lib. Dalloz, vii-xi.
- Ségur-Dupeyron, P.de. (1873). *Histoire des negotiations commerciales et maritimes de la France aux XVIIe et XVIIIe siicles*, III: *Fragments historiques: Negotiation du traité de commerce conclu en 1786 entre la France et l'Angleterre*. Paris: Ernest Thorin.
- Semmel, Bernard (1973). *The Methodist Revolution*. New York: Basic Books.
- Serajuddin, A. M. (1978). The Salt Monopoly of the East India Company's Government in Bengal // *Journal of the Economic and Social History of the Orient*, XXI, Part 3, 304–322.
- Seton-Watson, Hugh (1967). *The Russian Empire, 1801–1917*. Oxford: Clarendon Press.
- Sewell, William H., Jr. (1980). *Work and Revolution in France: The Language of Labor from the Old Regime to 1848*. Cambridge, Engl.: Cambridge University Press.
- Sewell, William H., Jr. (1983). Response to J. Rancière, «The Myth of the Artisan» // *International Labor and Working Class History*, No. 24, Fall, 17–20.
- Sewell, William H., Jr. (1985). Ideologies and Social Revolutions: Reflections on the French Case // *Journal of Modern History*, LVII, 1, 57–85.
- Shalhope, Robert E. (1972). Toward a Republican Synthesis: The Emergence of an Understanding of Republicanism in American Historiography // *William and Mary Quarterly*, 3d ser., XXIX, I, 49–50.

- Shapiro, Gilbert (1967). The Many Lives of Georges Lefebvre // *American Historical Review*, LXXII, 2, 502–514.
- Shapiro, Seymour (1974). The Structure of English Banking and the Industrial Revolution // *Third International Conference of Economic History*, Munich, 1965. Paris & La Haye: Mouton, V, 229–235.
- Shaw, A. G. L. (1970). Introduction // A. G. L. Shaw, ed., *Great Britain and the Colonies, 1815–1868*. London: Methuen, 1–26.
- Shaw, Stanford J. (1962). *The Financial and Administrative Organization and Development of Ottoman Egypt, 1517–1798*. Princeton, NJ: Princeton University Press.
- Shaw, Stanford J. (1963). The Ottoman View of the Balkans // Charles Jelavich & Barbara Jelavich, eds., *The Balkans in Transition*. Berkeley, CA: University of California Press, 56–80.
- Shaw, Stanford J. (1971). *Between Old and New: The Ottoman Empire under Sultan Selim III, 1789–1807*. Cambridge, MA: Harvard University Press.
- Shelton, Walter J. (1973). *English Hunger and Industrial Disorders*. Toronto: University of Toronto Press.
- Shepherd, James F. & Walton, Gary M. (1969). Estimates of «Invisible» Earnings in the Balance of Payments of the British North American Colonies, 1768–1772 // *Journal of Economic History*, XXIX, 2, 230–263.
- Shepherd, James F. & Walton, Gary M. (1972). *Shipping, Maritime Trade, and the Economic Development of Colonial North America*. Cambridge, Engl.: At the University Press.
- Sheridan, Richard B. (1958). The Commercial and Financial Organization of the British Slave Trade, 1750–1807 // *Economic History Review*, 2nd ser., XI, 2, 249–263.
- Sheridan, Richard B. (1960). The British Credit Crisis of 1772 and the American Colonies // *Journal of Economic History*, XX, 2, 155–186.
- Sheridan, Richard B. (1965). The Wealth of Jamaica in the Eighteenth Century // *Economic History Review*, 2nd ser., XVIII, 2, 292–311.
- Sheridan, Richard B. (1968). The Wealth of Jamaica in the Eighteenth Century: A Rejoinder // *Economic History Review*, 2nd ser., XXI, I, 46–61.
- Sheridan, Richard B. (1976a). The Crisis of Slave Subsistence in the British West Indies during and after the American Revolution // *William and Mary Quarterly*, 3d ser., XXXIII, 4, 615–664.
- Sheridan, Richard B. (1976b). «Sweet Malefactor»: The Social Costs of Slavery and Sugar in Jamaica and Cuba, 1807–54 // *Economic History Review*, 2nd ser., XXIX, 2, 236–257.
- Sherwig, John M. (1969). *Guineas and Gunpowder: British Foreign Aid in the War with France, 1793–1815*. Cambridge, MA: Harvard University Press.
- Shy, John (1973). The American Revolution: The Military Conflict Considered as a Revolutionary War // S. G. Kurtz & J. H. Hutson, eds., *Essays on the American Revolution*. Chapel Hill, NC: University of North Carolina Press, 121–156.
- Siddiqi, Asiya (1973). *Agrarian Change in a North Indian State: Uttar Pradesh, 1819–1833*. Oxford: Clarendon Press.
- Siddiqi, Asiya (1981). Money and Prices in the Earlier Stages of Europe: India and Britain, 1760–1840 // *Indian Economic and Social History Review*, XVIII, 3/4, 231–262.
- Silberling, Norman J. (1923). British Prices and Business Cycles, 1779–1850 // *Review of Economic Statistics*, V, Suppl. 2, 219–261.
- Silberling, Norman J. (1924). Financial and Monetary Policy in Great Britain during the Napoleonic Wars // *Quarterly Journal of Economics*, XXXVII, 2, 214–233; 3, 397–439.
- Silva, Andréa Mansuy-Diniz (1984). Portugal and Brazil: Imperial Re-organization, 1750–1808 // in *Cambridge History of Latin America*, I: Leslie Bethell, ed., *Colonial Latin America*. Cambridge, Engl.: Cambridge University Press, 469–508.

- Singh, N. P.* (1974). The Deplorable Conditions of Saltpetre Manufacturers of Bihar (1773—1833) // Proceedings of the Indian History Congress, Thirty-Fifth Session, Jadavpur (Calcutta), 280—285.
- Sinha, Narendra Krishna* (1956, 1962a). The Economic History of Bengal from Plassey to the Permanent Settlement, 2 vols. Calcutta: Firma K. L. Mukhopadhyay.
- Sinha, Narendra Krishna* (1962b). Foreword // N. Mukerjee, The Ryotwari System in Madras, 1792—1827. Calcutta: Firma K. L. Mukhopadhyay, iii-iv.
- Sinha, Narendra Krishna* (1970). The Economic History of Bengal, III: 1793—1848. Calcutta: Firma K. L. Mukhopadhyay.
- Sinzheimer, G. P. G.* (1967). Les industries «kustar»: un chapitre de la revolution industrielle en Russie // Cahiers du monde russe et soviétique, VII, 2, 205—222.
- Sirotkin, V. G.* (1970). Le renouvellement en 1802 du traité de commerce franco-russe de 1787 // La Russie et l'Europe, XVIe-XXe siècles. Paris: S. E. V. P. E. N., 69—101.
- Sivakumar, S. S.* (1978). Transformation of the Agrarian Economy in Tandaimandalam, 1760—1900 // Social Scientist, VI, 10, No. 70, 18—39.
- Six, G.* (1929). Fallait-il quatre quartiers de noblesse pour être officier à la fin de l'Ancien Régime? // Revue d'histoire moderne, IV, No. 19, 47—56.
- Skempton, A. W.* (1957). Canals and River Navigation before 1750 // C. Singer et al., eds., A History of Technology, III: From the Renaissance to the Industrial Revolution, c. 1500 — c. 1750. Oxford: Clarendon Press, 438—470.
- Skiotis, Dennis* (1971). From Bandit to Pasha: First Steps in the Rise to Power of Ali of Tepe- len, 1750—1784 // International Journal of Middle East Studies, II, 3, 219—244.
- Skocpol, Theda* (1979). States and Social Revolutions. Cambridge, Engl.: Cambridge University Press.
- Skocpol, Theda* (1985). Cultural Idioms and Political Ideologies in the Reconstruction of State Power: A Rejoinder to Sewell // Journal of Modern History, LVII, 1, 86—96.
- Slavin, Morris* (1984). The French Revolution in Miniature: Section Droits-de-l'Homme, 1789—1795. Princeton, NJ: Princeton University Press.
- Sticher van Bath, B. H.* (1963). The Agrarian History of West Europe, A.D. 500—1850. London: Edward Arnold.
- Sticher van Bath, B. H.* (1969). Eighteenth-Century Agriculture on the Continent of Europe: Evolution or Revolution, Agricultural History, XLIII, 1, 169—179.
- Sloane, William M.* (1904). The World Aspects of the Louisiana Purchase // American Historical Review, IX, 3, 507—521.
- Smelser, Neil* (1959). Social Change and the Industrial Revolution. Chicago, IL: University of Chicago Press.
- Smith, H. F. C.* (1961). A Neglected Theme of West African History: The Islamic Revolutions of the 19th Century // Journal of the Historical Society of Nigeria, II, 1, 169—185.
- Smith, Paul H.* (1964). Loyalists and Redcoats: A Study in British Revolutionary Policy. Chapel Hill, NC: University of North Carolina Press.
- Smith, Robert S.* (1959). Indigo Production and Trade in Colonial Guatemala // Hispanic American Historical Review, XXXIX, 2, 181—211.
- Smith, Walter B. & Cole, Arthur* (1935). Fluctuations in American Business, 1790—1860. Cambridge, MA: Harvard University Press.
- Soboul, Albert* (1954). Classes et luttes de classes sous la Révolution française // La Pensee, No. 53, janv.-fevr., 39—62.
- Soboul, Albert* (1956). The French Rural Community in the Eighteenth and Nineteenth Centuries // Past and Present, No. 10, 78—95.
- Soboul, Albert* (1958a). Les sans-culottes parisiens en l'An II. La Roche-sur-Yon, Fr.: Imp. Henri Potier.

- Soboul, Albert* (1958b). *Classi e lotte delle classi durante la Rivoluzione francese* // Saitta, a cura di, *Sanculotti e contadini nella Rivoluzione francese*. Bari: Laterza (originally published in *Movimento Operaio*, 1953).
- Soboul, Albert* (1962). A propos des réflexions de George Rudé sur la sans-culotterie // *Critica storica*, I, 4, 391—395.
- Soboul, Albert* (1963). *Personnel sectionnaire et personnel babouviste* // *Babeuf et les problèmes de babouvisme*, Colloque International de Stockholm. Paris: Ed. Sociales, 107—131.
- Soboul, Albert* (1965). *Esquisse d'un bilan social en 1815* // XIIe Congrès International des Sciences Historiques, Vienne, 29 août — 5 sept., Rapports, I: Grands thèmes. Horn/Wien: Verlag Ferdinand Berger & Sohne, 517—545.
- Soboul, Albert* (1968). *Aux origines de la classe ouvrière industrielle française (fin XVIIIe-début XIXe siècle)* // Third International Conference of Economic History, Munich, 1965. Paris & La Haye: Mouton, 187—192.
- Soboul, Albert* (1970a). *Le héros et l'histoire* // *Revue d'histoire moderne et contemporaine*, XVII, 333—338.
- Soboul, Albert* (1970b). *La Civilisation de la Révolution française, I: La crise de l'Ancien Régime*. Paris: Arthaud.
- Soboul, Albert* (1973). *Sur le mouvement paysan dans la Révolution française* // *Annales historiques de la Révolution française*, XLV, 1, No. 211, 85—101.
- Soboul, Albert* (1974). *L'historiographie classique de la Révolution française. Sur des controverses récentes* // *La Pensée*, No. 177, oct., 40—58.
- Soboul, Albert* (1976a). *Le choc révolutionnaire, 1789—1797* // Fernand Braudel & Ernest Labrousse, dirs., *Histoire économique et social de la France, III: L'avènement de l'ère industrielle (1789—années 1880)*. Paris: Presses Universitaires de France, 3—64.
- Soboul, Albert* (1976b). *La reprise économique et la stabilisation sociale, 1797—1815* // Fernand Braudel & Ernest Labrousse, dirs., *Histoire économique et social de la France, III: L'avènement de l'ère industrielle (1789 — années 1880)*. Paris: Presses Universitaires de France, 65—133.
- Soboul, Albert*. (1976c). *Sur l'article de Michel Grenon et Robin* // *La Pensée*, No. 187, juin, 31—35.
- Soboul, Albert* (1976d). *Problèmes paysans de la Révolution (1789—1848). Études d'histoire révolutionnaire*. Paris: Maspéro.
- Soboul, Albert* (1977a). *A Short History of the French Revolution, 1789—1799*. Berkeley & Los Angeles, CA: University of California Press (original publication in French, 1965).
- Soboul, Albert* (1977b). *Problèmes agraires de la Révolution française* // A. Soboul, dir., *Contributions à l'histoire paysanne de la Révolution française*. Paris: Ed. Sociales, 9—43.
- Soboul, Albert* (1979). *Alla luce della Rivoluzione: problema contadino e rivoluzione Borghese* // A. Groppi et al., *La Rivoluzione francese*. Milano: Franco Angeli Ed., 99—128.
- Soboul, Albert* (1981a). *Le maximum des salaires parisiens et le 9 thermidor* // *Comprendre la Révolution*. Paris: Maspéro, 127—145 (originally published in *Annales historiques de la Révolution française*, 1954).
- Soboul, Albert* (1981b). *La Révolution française dans l'histoire du monde contemporain* // *Comprendre la Révolution*. Paris: Maspéro, 349—380 (originally in *Studien über die Revolution*, 1969).
- Soboul, Albert* (1981c). *Trois notes pour l'histoire de l'aristocratie (Ancien Régime Révolution)* // B. Köpeczi & E.H. Balázs, eds., *Noblesse française, noblesse hongroise, XVIe—XIXe siècles*. Budapest: Akadémiai Kiadó & Paris: Ed. du C.N.R.S., 77—92.
- Socolow, Susan Migden* (1978). *The Merchants of Buenos Aires, 1778—1810: Family and Commerce*. Cambridge, Engl.: Cambridge University Press.

- Sonenscher, Michael (1984). The sans-culottes of the Year II: Rethinking the Language of Labour in Pre-revolutionary France // *Social History*, IX, 3, 301–328.
- Sorel, Albert (1885–1904). *L'Europe et la Révolution française*, 8 vols. Paris: Pion.
- Sovani, N.B. (1954). British Import in India before 1850–57 // *Cahiers d'histoire mondiale*, I, 4, 857–882.
- Spear, Percival (1965). *History of India*, Vol. II. Harmondsworth, Engl.: Penguin.
- Spodek, Howard (1974). Rulers, Merchants, and Other Groups in the City-States of Saurashtra, India, around 1800 // *Comparative Studies in Society and History*, XVI, 4, 448–470.
- Stagg, J. C. A. (1981). James Madison and the Coercion of Great Britain: Canada, the West Indies, and the War of 1812 // *William and Mary Quarterly*, 3d ser., XXXVIII, 1, 3–34.
- Stanley, George F. G. (1968). *New France: The Last Phase, 1744–1760*. Toronto: McClelland & Stewart.
- Stavrianos, L. S. (1952). Antecedents to the Balkan Revolutions of the Nineteenth Century // *Journal of Modern History*, XXIX, 4, 335–348.
- Stearns, Peter (1965). British Industry through the Eyes of French Industrialists (1820–1848) // *Journal of Modern History*, XXXVII, 1, 50–61.
- Stein, Robert Louis (1978). Measuring the French Slave Trade, 1713–1792/3 // *Journal of African History*, XIX, 4, 515–521.
- Stein, Robert Louis (1979). *The French Slave Trade in the Eighteenth Century: An Old Régime Business*. Madison, WI: University of Wisconsin Press.
- Stein, Robert Louis (1983). The State of French Colonial Commerce on the Eve of the Revolution // *Journal of European Economic History*, XII, 1, 105–117.
- Stein, Stanley J. (1981). Bureaucracy and Business in the Spanish Empire, 1759–1804: Failure of a Bourbon Reform in Mexico and Peru // *Hispanic American Historical Review*, LXI, 1, 2–28.
- Stein, Stanley J. & Barbara H. (1970). *The Colonial Heritage of Latin America: Essays on Economic Dependence in Perspective*. New York: Oxford University Press.
- Stern, Walter M. (1964). The Bread Crisis in Britain, 1795–96 // *Economica*, n. s., XXXI, No. 122, 168–187.
- Stevens, Wayne Edson (1926). *The Northwest Fur Trade, 1763–1800*. University of Illinois Studies in the Social Sciences, Vol. XIV, No. 3. Urbana, IL: University of Illinois Press.
- Stevenson, John (1971). The London «Crimp» Riots of 1794 // *International Review of Social History*, XVI, 40–58.
- Stevenson, John (1974). Food Riots in England, 1792–1818 // J. Stevenson & R. Quinault, eds., *Popular Protest and Public Order*, London: George Allen & Unwin, 33–74.
- Stevenson, Robert F. (1968). *Population and Political Systems in Tropical Africa*. New York: Columbia University Press.
- Stewart, John Hall, ed. (1967). *The French Revolution: Some Trends in Historical Writing, 1945–1965*. Washington, DC: American Historical Association.
- Stewart, Watt (1930). Argentina and the Monroe Doctrine, 1824–1828 // *Hispanic American Historical Review*, X, 1, 26–32.
- Stoddard, T. Lothrop (1914). *The French Revolution in San Domingo*. Boston, MA: Houghton Mifflin.
- Stoianovich, Traian (1953). Land Tenure and Related Sectors of the Balkan Economy, 1600–1800 // *Journal of Economic History*, XIII, 4, 398–411.
- Stoianovich, Traian (1960). The Conquering Balkan Orthodox Merchant // *Journal of Economic History*, XX, 2, 234–313.
- Stoianovich, Traian (1962). Factors in the Decline of Ottoman Society in the Balkans // *Slavic Review*, XXI, 4, 623–632.

- Stoianovich, Traian* (1963). The Social Foundations of Balkan Politics, 1750—1941 // C. Jelavich & B. Jelavich, eds., *The Balkans in Transition*. Berkeley, CA: University of California Press, 297—345.
- Stoianovich, Traian* (1976). Balkan Peasants and Landlords and the Ottoman State: Familial Economy, Market Economy and Modernization // N. Todorov et al., eds., *La Révolution industrielle dans le Sud-Est Européen-XIXe siècle*. Sofia: Institut d'Études Balkaniques, Musée National Polytechnique, 164—204.
- Stoianovich, Traian* (1983). Commerce et industrie ottomans et maghrébins: poles de diffusion, aires d'expansion, // J. L. Bacqué-Grammont & P. Dumont, eds., *Contributions à l'histoire économique et sociale de l'Empire ottoman*, Collection Turcica, Vol. III. Leuven: Ed. Peeters, 329—352.
- Stoianovich, Traian & Haupt, Georges C.* (1962). Le maïs arrive dans les Balkans // *Annales E. S. C.*, XVII, 1, 84—93.
- Stokes, Eric* (1975). Agrarian Society and the Pax Britannica in Northern India in the Early Nineteenth Century // *Modern Asian Studies*, IX, 4, 505—528.
- Stourm, René* (1885). *Les Finances de l'Ancien Régime et de la Révolution*, Vol. II. Paris: Guillaumin.
- Stover, John F.* (1958). French-American Trade during the Confederation, 1781—1789 // *North Carolina Historical Review*, XXXV, 4, 399—414.
- Sučeska, Avdo* (1966). Bedeutung und Entwicklung des Begriffes A'yan in Osmanischen Reich // *Südost-Forschungen*, XXV, 3—26.
- Sugar, Peter F.* (1977). *Southeastern Europe under Ottoman Rule, 1354—1804*. Seattle, WA: University of Washington Press.
- Sumner, B. H.* (1949). *Peter the Great and the Ottoman Empire*. Oxford: Basil Blackwell.
- Sumner, B. H.* (1951). *Peter the Great and the Emergence of Russia*. London: English Universities Press.
- Sundstrom, Lars* (1974). *The Exchange Economy of Pre-Colonial Tropical Africa*. London: C. Hurst (previously published as *The Trade of Guinea*, 1965).
- Supple, Barry* (1973). *The State and the Industrial Revolution, 1700—1914* // C. M. Cipolla, ed., *Fontana Economic History of Europe, III: The Industrial Revolution*. London: Collins/Fontana, 301—357.
- Suret-Canale, Jean* (1961). *Afrique noire, occidentale et centrale*, 2e éd. revue et mise à jour, I: Géographie, Civilisation, Histoire. Paris: Ed. Sociales.
- Suret-Canale, Jean* (1980a). Contexte et conséquences sociales de la traite africaine // in *Essais d'histoire africaine (de la traite de Noirs au néo-colonialiste)*. Paris: Ed. Sociales, 73—96 (originally in *Présence africaine*, 1964).
- Suret-Canale Jean* (1980b). La Sénégalie à l'ère de la traite // *Essais d'histoire africaine (de la traite des Noirs au néo-colonialisme)*. Paris: Ed. Sociales, 97—112 (originally in *Canadian Journal of African Studies*, 1977).
- Sutherland, Donald* (1982). *The Chouans: The Social Origins of Popular Counter-Revolution in Upper Brittany, 1770—1796*. Oxford: Clarendon Press.
- Sutton, Keith* (1977). Reclamations of Wasteland during the Eighteenth and Nineteenth Centuries // H. D. Clout, ed., *Thèmes in the Historical Geography of France*. New York: Academic Press, 247—300.
- Svoronos, Nicolas G.* (1956). *Le commerce de Salonique au XVIIIe siècle*. Paris: Presses Universitaires de France.
- Swai, Bonawenture* (1979). East India Company and Moplah Merchants of Tellichery: 1694—1800 // *Social Scientist*, VIII, I, No. 85, 58—70.
- Sweezy, Paul M.* (1938). Monopoly and Competition in the English Coal Trade, 1550—1850, *Harvard Economic Studies*, Vol. LXVII. Cambridge, MA: Harvard University Press.

- Szatmary, David P. (1980). *Shay's Rebellion: The Making of an Agrarian Insurrection*. Amherst, MA: University of Massachusetts Press.
- Szeftel, Mark (1975). La monarchie absolue dans l'Etat Moscovite et l'Empire russe (fin XVe s. — 1905) // *Russian Institutions and Culture up to Peter the Great*. London: Variorum Reprints, 737—757 (originally in *Recueils de la Société Jean Bodin*, XXII, 1969).
- Szeftel, Mark (1980). Two Negative Appraisals of Russian Pre-Revolutionary Development // *Canadian-American Slavic Studies*, XIV, 1, 74—87.
- Tambo, David C. (1976). The Sokoto Caliphate Slave Trade in the Nineteenth Century // *International Journal of African Historical Studies*, IX, 2, 187—217.
- Tandeter, Enrique (1901). Trabajo forzado y trabajo libre en el Potosí colonial tardío // *Desarrollo Económico*, XX, No. 80, 511—548.
- Tandeter, Enrique & Watchel, Nathan (1983). Precios y producción agraria. Potosí charcas en el siglo XVIII // *Desarrollo Económico*, XXIII, No. 90, 197—232.
- Tanguy de La Boissiere, C.-C. (1796). *Memoire sur la situation commerciale de la France avec les Etats-Unis d'Ambique depuis l'année 1775 jusques et y compris 1795. Suivi d'un sommaire d'observations sur les Etats-Unis de l'Amérique*. Paris.
- Tann, Jennifer (1978). Marketing Methods in the International Steam Engine Market: The Case of Boulton and Watt // *Journal of Economic History*, XXXVIII, 2, 363—391.
- Tansill, Charles Callan (1938). *The United States and Santo Domingo, 1798—1873: A Chapter in Caribbean Diplomacy*. Baltimore, MD: Johns Hopkins Press.
- Tarlé, Eugene (1926). Napoléon I et les intérêts économiques de la France // *Napoléon: la revue du XIXe siècle*, 15e année, XXVI, 1/2, 117—137.
- Tarrade, J. (1972). Le commerce colonial de la France à la fin de l'Ancien Régime. L'évolution du Régime de "L'Exclusif" de 1763 à 1789. 2 vols. Paris: Presses Universitaires de France.
- Tate, W.E. (1945). Opposition to Parliamentary Enclosure in Eighteenth-Century England // *Agriculture History*, XIX, 3, 137—142.
- Tavares, Luís Henrique Dias (1973). A independencia como decisão da Unidade do Brasil // *Revista brasileira de cultura*, V, No. 17, 89—96.
- Tavares, Luis Henrique Dias (1977). *A Independência do Brasil na Bahia*. São Paulo: Civilização Brasileira.
- Taylor, Arthur J. (1960). Progress and Poverty in Britain, 1780—1850: A Reappraisal // *History*, XLV, No. 153, 16—31.
- Taylor, Arthur J. (1972). *Laissez faire and State Intervention in Nineteenth-century Britain*. London: Macmillan.
- Taylor, George Rogers (1964). American Economic Growth before 1810: An Exploratory Essay // *Journal of Economic History*, XXIV, 4, 427—444.
- Taylor, George V. (1961). The Paris Bourse on the Eve of the Revolution, 1781—1789 // *American Historical Review*, LXVII, 4, 951—977.
- Taylor, George V. (1963). Some Business Partnerships at Lyon, 1785—1793 // *Journal of Economic History*, XXIII, 1, 46—70.
- Taylor, George V. (1964). Types of Capitalism in Eighteenth-Century France // *English Historical Review*, LXXIX, No. 312, 478—497.
- Taylor, George V. (1967). Noncapitalist Wealth and the Origins of the French Revolution // *American Historical Review*, LXXII, 2, 469—496.
- Taylor, George V. (1972). Revolutionary and Nonrevolutionary Content in the Cahiers of 1789: An Interim Report // *French Historical Studies*, VII, 4, 479—502.
- Temperley, Harold (1925a). French Designs on Spanish America in 1820—5 // *English Historical Review*, XL, No. 157, 34—53.
- Temperley, Harold (1925b). *The Foreign Policy of Canning, 1822—1827*. London: G. Bell & Sons.

- Thomas, Hugh (1971). *Cuba: The Pursuit of Freedom*. New York: Harper & Row.
- Thomas, Robert Paul (1965). A Quantitative Approach to the Study of the Effects of British Imperial Policy upon Colonial Welfare: Some Preliminary Findings // *Journal of Economic History*, XXV, 4, 615–638.
- Thomas, Robert Paul (1968a). British Imperial Policy and the Economic Interpretation of the American Revolution // *Journal of Economic History*, XXVIII, 3, 436–440.
- Thomas, Robert Paul (1968b). The Sugar Colonies of the Old Empire: Profit or Loss for Great Britain? // *Economic History Review*, 2nd ser., XXI, 1, 30–45.
- Thomas, Robert Paul & Bean, Richard Nelson (1974). The Fishers of Men: The Profits of the Slave Trade // *Journal of Economic History*, XXXIV, 4, 885–914.
- Thomas, Robert Paul & McCloskey, D. N. (1982). Overseas Trade and Empire, 1700–1860 // R. Floud & D. N. McCloskey, eds., *The Economic History of Britain Since 1700*, I: 1700–1860. Cambridge, Engl.: Cambridge University Press, 87–102.
- Thomas, William I., & Thomas, Dorothy Swaine (1928). *The Child in America*. New York: Knopf.
- Thomis, Malcolm I. (1972). *The Luddites: Machine-Breaking in Regency England*. New York: Schocken.
- Thompson, Edward P. (1968). *The Making of the English Working Class*, rev. ed. Harmondsworth, Engl.: Pelican.
- Thompson, Edward P. (1971). The Moral Economy of the English Crowd in the Eighteenth Century // *Past and Present*, No. 50, 76–136.
- Thompson, Edward P. (1978a). Eighteenth-Century English Society: Class Struggle without Class? // *Social History*, III, 2, 133–165.
- Thompson, Edward P. (1978b). The Peculiarities of the English // *The Poverty of Theory and Other Essays*. London: Merlin Press, 35–91 (originally published in *The Socialist Register*, 1965.)
- Thuillier, Guy (1967). Pour une histoire monétaire du XIXe siècle: la crise monétaire de l'automne 1810 // *Revue historique*, 91e année, CCXXXVIII, juil.-sept., 51–84.
- Tilly, Charles (1968). *The Vendée*, 2nd printing with preface. Cambridge, MA: Harvard University Press.
- Tilly, Charles (1982). Proletarianization and Rural Collective Action in East Anglia and Elsewhere, 1500–1900 // *Peasant Studies*, X, I, 5–34.
- Tilly, Charles (1983). Flows of Capital and Forms of Industry in Europe, 1500–1900 // *Theory and Society*, XII, 2, 123–142.
- Tilly, Charles & Tilly, Richard (1971). Agenda for European Economic History in the 1970s // *Journal of Economic History*, XXXI, 1, 184–198.
- Tilly, Louise A. (1971). The Food Riot as a Form of Political Conflict in France // *Journal of Interdisciplinary History*, II, 1, 23–57.
- Timmer, C. Peter (1969). The Turnip, the New Husbandry, and the English Agricultural Revolution // *Quarterly Journal of Economics*, LXXXIII, 3, 375–395.
- Tinker, Hugh (1978). *A New System of Slavery. The Export of Indian Labour Overseas, 1830–1920*. London: Oxford University Press.
- Tocqueville, Alexis de (1953). *L'Ancien Régime et la Révolution: Fragments et notes inédites sur la Révolution*, texte établi et annoté par André Jardin. Paris: Gallimard.
- Tocqueville, Alexis de (1955). *The Old Regime and the French Revolution*. Garden City, NY: Doubleday Anchor.
- Todorov, Nikolai (1963). Sur quelques aspects du passage du féodalisme au capitalisme dans les territoires balkaniques de l'Empire ottoman // *Revue des études sud-est européennes*, Nos. 1/2, 103–136.
- Todorov, Nikolai (1965). La coopération interbalkanique dans le mouvement grec de libération nationale à la fin du XVIIIe et au début du XIXe siècle — Son idéologie et

- son action // Études historiques, a l'occasion du XIIe Congrès International des Sciences Historiques — Vienne, août-sept. Sofia: Académie des Sciences de Bulgarie, II, 171—184.
- Todorov, Nikolai* (1977). La ville balkanique sous Les Ottomans (IX—XIXe s.). London: Variorum Reprints.
- Todorova, Maria* (1976). The Europeanization of the Ruling Elite of the Ottoman Empire during the Period of Reforms // N. Todorov et al., reds., La révolution industrielle dans le sud-est Europe — XIXe siècle, Sofia: Institut d'Études Balkaniques, 103—112.
- Tolles, Frederick B.* (1954). The American Revolution Considered as a Social Movement: A Re-Evaluation // *American Historical Review*, LX, I, 1—12.
- Tønnesson, Kåre D.* (1959). La défaite des sans-culottes: Mouvement populaire et réaction bourgeoise en l'an III. Oslo: Presses Universitaires & Paris: Lib. R. Clavreuil.
- Torke, Hans J.* (1971). Continuity and Change in the Relations between Bureaucracy and Society in Russia, 1613—1861 // *Canadian Slavic Studies*, V, 4, 457—476.
- Torke, Hans J.* (1972). More Shade than Light // *Canadian-American Slavic Studies*, VI, I, 10—12.
- Toutain, J.-C.* (1961). Le produit de l'agriculture française de 1700 à 1958. I. Estimation du produit au XVIIIe siècle // *Cahiers de l'I.S.E.A.*, sér. AF, no. 1, No. 115, 1—216; II. La Croissance, sér. AF, no. 2, Suppl. N.o. 115.
- Toutain, J.-C.* (1963). La population de la France de 1700 à 1959 // *Cahiers de l'I.S.E.A.* Ser. AF, 3, no. Suppl. N.o. 133.
- Toynbee, Arnold* (1956). The Industrial Revolution. Boston: Beacon Press (originally published in 1884).
- Tranter, N. L.* (1981). The Labour Supply, 1780—1860 // R. Floud & D. N. McCloskey, eds., The Economic History of Britain Since 1700, I: 1700—1860. Cambridge, Engl.: Cambridge University Press, 204—226.
- Trendley, Mary* (1916). The United States and Santo Domingo, 1789—1866 // *Journal of Race Development*, VII, I, 83—145; 2, 220—274.
- Tribe, Keith* (1981). Genealogies of Capitalism. London: Macmillan.
- Tripathi, Amales* (1956). Trade and Finance in the Bengal Presidency, 1793—1833. Calcutta: Orient Longmans.
- Tripathi, Dwijendra* (1967). Opportunism of Free Trade: Lancashire Cotton Famine and Indian Cotton Cultivation // *Indian Economic and Social History Review*, IV, 3, 255—263.
- Trouillot, Hénock* (1971). La guerre de l'indépendance d'Haïti: Les grandes prêtres du Vodou contre l'armée française // *Revista de Historia de America*, No. 72, julio-dic., 259—327.
- Trouillot, Hénock* (1972). La guerre de l'indépendance d'Haïti: II. Les hommes des troupes coloniales contre les grands prêtres de Vodou // *Revista de Historia de America*, Nos. 73174, enero-dic., 75—130.
- Trouillot, Michel-Rolph* (1981). Peripheral Vibrations: The Case of Saint-Domingue's Coffee Revolution // R. Robinson, ed., *Dynamics of World Development, Political Economy of the World-System Annuals*, Vol. 4. Beverly Hills, CA: Sage, 27—41.
- Trouillot, Michel-Rolph* (1982). Motion in the System: Coffee, Color, and Slavery in Eighteenth-Century Saint-Domingue // *Review*, V, 3, 331—388.
- Trudel, Marcel* (1949a). Le traité de 1783 laisse le Canada à l'Angleterre // *Revue d'histoire de l'Amérique française*, III, 2, 179—199.
- Trudel, Marcel* (1949b). Louis XIV, le Congrès Américain et le Canada, 1774—1789. Québec: Publ. de l'Université Laval.
- Tscherkassowa, A. S.* (1986). Quellen der Arbeitskräftebildung des Urals im XVIII. Jahrhundert. Grossmetallurgie, paper delivered at XVIIIa Settimana di Studio, Ist. Int. di Storia Economica "Francesco Datini", Prato, mimeo.

- Tucker, G. S. L. (1963). English Pre-Industrial Population Trends // *Economic History Review*, 2nd ser., XVI, 2, 205—218.
- Tucker, R. S. (1975). Real Wages of Artisans in London, 1729—1935 // Arthur J. Taylor, ed., *The Standard of Living in Britain in the Industrial Revolution*. London: Methuen, 21—35 (originally published in *Journal of the American Statistical Association*, 1936).
- Tulard, Jean (1970). Problèmes sociaux de la France napoléonienne // *Revue d'histoire moderne et contemporaine*, XVII, juil.-sept., 639—663.
- Turgay, A. Üner (1983). Ottoman-British Trade Through Southeastern Black Sea Ports During the Nineteenth Century // J.L. Bacqué-Grammont & P. Dumont, eds., *Économie et Sociétés dans l'Empire Ottomane (fin du XVIIIe — début du XXe siècle)*, Colloques Internationaux du CNRS, No. 601. Paris: Ed. du C.N.R.S. 297—315.
- Turner, Frederick J. (1895, 1896). Western State-Making in the American Revolutionary Era // *American Historical Review*, I, 1, 70—87 (1895); I, 2, 251—269 (1896).
- Turner, Michael (1982). Agricultural Productivity in England in the Eighteenth Century: Evidence from Crop Yields // *Economic History Review*, 2nd ser., XXXV, 4, 489—510.
- Unwin, G. (1922). Transition to the Factory System // *English Historical Review*, XXXVI, No. 146, 206—218; XXXVI, No. 147, 383—397.
- Uzoigwe, G. N. (1973). The Slave Trade and African Societies // *Transactions of the Historical Society of Ghana*, XIV, 2, 187—212.
- Valcárcel, Carlos Daniel (1957). Tupac Amaru, fidelista y precursor // *Revista de Indias*, XVII, 68, 241—253.
- Valcárcel, Carlos Daniel (1960). Perú Borbónico y emancipación // *Revista de Historia de America*, No. 50, dic., 315—438.
- Valensi, Lucette (1969). *Le Maghreb avant la prise d'Alger (1790—1830)*. Paris: Flammarion.
- Van Alstyne, Richard W. (1960). *The Rising American Empire*. Oxford: Basil Blackwell.
- Van Dantzig, Albert (1975). Effects of the Atlantic Slave Trade on Some West African Societies // *Revue française d'histoire d'outre-mer*, LXII, 1e et 2e trimestres, Nos. 226/227, 252—269.
- Vandenbroeke, C. & Vanderpijpen, W. (1978). The Problem of the «Agricultural Revolution» in Flanders and in Belgium: Myth or Reality? // H. van der Wee & E. van Cauwenberghe, eds., *Productivity of Land and Agricultural Innovation in the Low Countries (1250—1800)*. Leuven: Leuven University Press, 163—170.
- Van Tyne, Claude H. (1916). Influences Which Determined the French Government to Make the Treaty with America, 1778 // *American Historical Review*, XXI, 3, 528—541.
- Van Tyne, Claude H. (1925). French Aid Before the Alliance of 1778 // *American Historical Review*, XXXI, I, 20—40.
- Vargas Ugarte, Rubén (1971). *Historia General del Perú*, 2a ed., V: Postrimerías del poder español (1776—1815); VI: Emancipación (1816—1825). Lima: Ed. Carlos Milla Batres.
- Vázquez de Prada, Valentín (1968). Las rutas comerciales entre España y América en el siglo XVIII // *Anuario de estudios americanos*, XXV, 197—241.
- Venturi, Franco (1979). From Scotland to Russia: An Eighteenth Century Debate in Feudalism // A.G. Cross, ed., *Great Britain and Russia in the Eighteenth-Century: Contrasts and Comparisons*. Newton, MA: Oriental Research Partners, 2—24.
- Verhaegen, Paul (1922—1929). *La Belgique sous la domination française, 1792—1814*, 5 vols. Bruxelles: Goemaere & Paris: Pion.
- Verna, Paul (1969). Pétion y Bolívar. Caracas: Oficina Central de Información.
- Verna, Paul (1983). Bolívar «El Haitiano»: Revolucionario integral y libertador social // *Revista nacional de cultura*, XLIV, No. 250, 145—159.
- Verna, Paul (1984). La revolución haitiana y sus manifestaciones socio-jurídicas en el Caribe y Venezuela // *Boletín de la Academia Nacional de la Historia*, LXVII, No. 268, 741—752.

- Vernadsky, George (1945). On Some Parallel Trends in Russian and Turkish History // Transactions of the Connecticut Academy of Arts and Sciences, XXXVI, July, 25—36.
- Ver Steeg, Clarence L. (1957). The American Revolution Considered as an Economic Movement // Huntington Library Quarterly, XX, 4, 361—372.
- Vicziany, Marika (1979). The Deindustrialization of India in the Nineteenth Century: A Methodological Critique of Amiya Kumar Bagchi // Indian Economic and Social History Review, XVI, 2, 105—146.
- Vidalenc, Jean (1969). La traite négrière en France, 1814—1830 // Actes du 91e Congrès National des Sociétés Savantes, Rennes, 1966, Section d'histoire moderne et contemporaine, Tome I: Histoire maritime et coloniale. Paris: Bibliothèque Nationale, 197—229.
- Vidotto, Vittorio (1979). Il recente dibattito storiografico sulla Rivoluzione francese // A. Groppi et al., La Rivoluzione francese: problemi storici e metodologici. Milano: Franco Angeli Ed., 11—68.
- Viennet, Odette (1947). Napoléon et l'industrie française; la crise de 1810—1811. Paris: Pion.
- Vignols, Léon (1928a). Études négrières de 1774 à 1928. Introduction. Pourquoi la date de 1774 // Revue d'histoire économique et sociale, XVI, I, 5—11.
- Vignols, Léon (1928b). La mise en valeur du Canada à l'époque française // Revue d'histoire économique et sociale, XVI, 4, 720—795.
- Vilar, Pierre (1974). Réflexions sur la «crise de l'ancien type»: «inégalité des récoltes» et «sous-développement» // Conjoncture économique, structure sociales. Paris & La Haye: Mouton, 37—58.
- Viles, Perry (1972). The Slaving Interest of the Atlantic Ports, 1763—1792 // French Historical Studies, VII, 4, 529—543.
- Villalobos R., Sergio (1962). El comercio extranjero a fines de la dominación española // Journal of Inter-American Studies, IV, 4, 517—544.
- Villalobos R., Sergio (1965). Comercio y contrabando en el Río de la Plata y Chile. Buenos Aires: Eudeba.
- Von Tunzelmann, G. N. (1978). Steam Power and British Industrialization to 1860. Oxford: Clarendon Press.
- Von Tunzelmann, G. N. (1979). Trends in Real Wages, 1750—1850, Revisited // Economic History Review, 2nd ser., XXXII, I, 33—49.
- Von Tunzelmann, G. N. (1981). Technical Progress during the Industrial Revolution // R. Floud & D. N. McCloskey, eds., The Economic History of Britain Since 1700, I: 1700—1860. Cambridge, Engl.: Cambridge University Press, 143—163.
- Vovelle, Michel (1972). La chute de la monarchie, 1787—1792. Paris: Seuil.
- Vovelle, Michel (1980). Ville et campagne au 18e siècle (Chartre.1 et It; Beauce). Paris: Ed. Sociales.
- Vovelle, Michel (1984). The Fall of the French Monarchy, 1787—1792. Cambridge, Engl.: Cambridge University Press.
- Vovelle, Michel & Roche, David (1965). Bourgeois, Rentiers, and Property Owners // Jeffry Kaplan, ed., New Perspectives on the French Revolution. New York: Wiley, 25—46 (translated from Actes du Quatre-Vingt-Quatrième Congrès National de Sociétés Savantes, 1959.)
- Waddell, D. A. G. (1985). International Politics and Latin American Independence // L. Bethell, ed., Cambridge History of Latin America, III: From Independence to c. 1870. Cambridge, Engl.: Cambridge University Press, 197—228.
- Wadsworth, Alfred P. & Mann, Julia de Lacy (1931). The Cotton Trade and Industrial Lancashire, 1600—1780. Manchester, Engl.: Manchester University Press.
- Waldman, Marilyn Robinson (1965). The Fulani Jihad: A Reassessment // Journal of African History, VI, 3, 333—355.

- Walker, James W. St. G. (1975). Blacks as American Loyalists: The Slaves' War for Independence // *Historical Reflections*, II, 1, 51–67.
- Wallerstein, Immanuel (1974). *The Modern World-System, I: Capitalist Agriculture and the Origins of the European World-Economy in the Sixteenth Century*. New York: Academic Press.
- Wallerstein, Immanuel (1980). *The Modern World-System, II: Mercantilism and the Consolidation of the European World-Economy, 1600–1750*. New York: Academic Press.
- Wallerstein, Immanuel & Kasaba, Reşat (1983). Incorporation into the World-Economy: Changes in the Structure of the Ottoman Empire, 1750–1839 // J.L. Bacqué-Grammont & P. Dumont, eds., *Économie et société dans l'empire ottoman*. Paris: Ed. du C.N.R.S., 335–354.
- Walsh, Lorena S. (1983). Urban Amenities and Rural Sufficiency: Living Standards and Consumer Behavior in the Colonial Chesapeake, 1643–1777 // *Journal of Economic History*, XLIII, I, 109–117.
- Walton, Gary M. (1967). Sources of Productivity Change in American Colonial Shipping, 1675–1775 // *Economic History Review*, 2nd ser., XX, 1, 67–78.
- Walton, Gary M. (1971). The New Economic History and the Burdens of the Navigation Acts // *Economic History Review*, 2nd ser., XXIV, 4, 533–512.
- Walton, Gary M. (1973). The Burdens of the Navigation Acts: A Reply // *Economic History Review*, 2nd ser., XXVI, 4, 687–688.
- Walton, Gary M. & Shepherd, James F. (1979). *The Economic Rise of Early America*. Cambridge, Engl.: Cambridge University Press.
- Ward, J. R. (1978). The Profitability of Sugar Planting in the British West Indies, 1650–1834 // *Economic History Review*, 2nd ser., XXXI, 2, 197–213.
- Ward, W. R. (1965). The Beginning of Reform in Great Britain: Imperial Problems: Politics and Administration, Economic Growth // *New Cambridge Modern History*, VIII: A. Goodwin, ed., *The American and French Revolutions, 1762–1793*. Cambridge, Engl.: At the University Press, 537–564.
- Warden, G. B. (1976). Inequality and Instability in Eighteenth-Century Boston: A Reappraisal // *Journal of Interdisciplinary History*, VI, 4, 585–620.
- Warner, Charles K. (1975). Soboul and the Peasants // *Peasant Studies Newsletter*, IV, 1, 1–5.
- Watson, Ian Bruce (1978). Between the Devil and the Deep Blue Sea: Commercial Alternatives in India, 1707–1760 // *South Asia*, n.s., I, 2, 54–64.
- Watson, Ian Bruce (1980a). *Foundation for Empire: English Private Trade in India, 1659–1760*. New Delhi: Vikas.
- Watson, Ian Bruce (1980b). Fortifications and the «Idea» of Force in Early English East India Company Relations with India // *Past and Present*, No. 88, 70–88.
- Weaver, Emily P. (1904). Nova Scotia and New England during the Revolution // *American Historical Review*, X, 1, 52–71.
- Webster, C. K. (1912). Castlereagh and the Spanish Colonies. I. 1815–1818 // *English Historical Review*, XXVII, No. 105, 78–95.
- Wee, Herman van der (1980). La dette publique aux XVIIIe et XIXe siècles // *Actes du 9e Colloque International*, Spa, 12–16 Sept. 1978. Bruxelles: Credit Commercial de Belgique, 13–21.
- Weiss, Roger W. (1970). The Issue of Paper Money in the American Colonies, 1720–1774 // *Journal of Economic History*, XXX, 4, 770–784.
- Weiss, Roger W. (1974). The Colonial Monetary Standard of Massachusetts // *Economic History Review*, 2nd ser., XXVII, 4, 577–592.
- Western, J. R. (1956). The Volunteer Movement as an Anti-Revolutionary Force, 1793–1801 // *English Historical Review*, LXXI, No. 281, 603–614.

- Western, J. R.* (1965). *Armed Forces and the Art of War. 2: Armies* // *New Cambridge Modern History*, VIII: A. Goodwin, ed., *The American and French Revolutions, 1763–93*. Cambridge, Engl.: Cambridge University Press, 190–217.
- Weulersse, Georges* (1985). *La Physiocratie à l'aube de la Révolution, 1781–1792*. Paris: Ed. de l'E. H. E. S. S.
- Whitaker, Arthur P.* (1928). *The Commerce of Louisiana and the Floridas at the End of the Eighteenth Century* // *Hispanic American Historical Review*, VIII, 2, 190–203.
- Whitaker, Arthur P.* (1941). *The United States and the Independence of Latin America, 1800–1830*. Baltimore, MD: Johns Hopkins Press.
- Whitaker, Arthur P.* (1960). *Causes of Spanish American Wars of Independence: Economic Factors* // *Journal of Inter-American Studies*, II, 2, 132–139.
- Whitaker, Arthur P.* (1962a). *The Spanish-American Frontier: 1783–1795. The Westward Movement and the Spanish Retreat in the Mississippi Valley*. Gloucester, MA: Peter Smith (originally published in 1927).
- Whitaker, Arthur P.* (1962b). *The Mississippi Question, 1795–1803: A Study in Trade, Politics, and Diplomacy*. Gloucester, MA: Peter Smith (originally published in 1932).
- Whitehead, Donald* (1964). *History to Scale? The British Economy in the Eighteenth Century* // *Business Archives and History*, IV, 1, 72–83.
- Whitehead, Donald* (1970). *The English Industrial Revolution as an Example of Growth* // R. M. Hartwell, ed., *The Industrial Revolution*. Oxford: Basil Blackwell, 3–27.
- Whitson, Agnes M.* (1930). *The Outlook of the Continental American Colonies on the British West Indies, 1760–1775* // *Political Science Quarterly*, XLV, 1, 56–86.
- Wicker, Elmus* (1985). *Colonial Monetary Standards Contrasted: Evidence from the Seven Years War* // *Journal of Economic History*, XLV, 4, 869–884.
- Wilks, Ivor* (1971). *Asante Policy towards the Hausa Trade in the Nineteenth Century* // C. Meillassoux, ed., *The Development of Indigenous Trade and Markets in West Africa*. London: Oxford University Press, 124–141.
- Wilks, Ivor* (1975). *Asante in the Nineteenth Century: The Structure and Evolution of a Political Order*. London: Cambridge University Press.
- Williams, Eric* (1944). *Capitalism and Slavery*. London: Andre Deutsch (1966 reprint.)
- Williams, Gwyn A.* (1968). *Artisans and Sans-culottes: Popular Movements in France and Britain during the French Revolution*. London: Edward Arnold.
- Williams, J. E.* (1966). *The British Standard of Living, 1750–1850* // *Economic History Review*, 2nd ser., XIX, 3, 581–589.
- Williams, Judith Blow* (1934). *The Establishment of British Commerce with Argentine* // *Hispanic American Historical Review*, XV, 1, 43–64.
- Williams, Judith Blow* (1972). *British Commercial Policy and Trade Expansion, 1750–1850*. Oxford: Clarendon Press.
- Williams, Raymond* (1976). *Keywords*. New York: Oxford University Press.
- Williams, William Appleman* (1962). *Fire in the Ashes of Scientific History* // *William and Mary Quarterly*, 3d ser., XIX, 2, 274–287.
- Williamson, Jeffrey G.* (1984). *Why Was British Growth So Slow during the Industrial Revolution?* // *Journal of Economic History*, XLIV, 3, 687–712.
- Wilson, Charles* (1977). *The British Isles* // C. Wilson & G. Parker, eds., *An Introduction to the Sources of European Economic History, 1500–1800, I: Western Europe*. London: Weidenfeld & Nicolson, 115–154.
- Wilson, R. G.* (1966). *Transport Dues as Indices of Economic Growth, 1775–1820* // *Economic History Review*, 2nd ser., XIX, 1, 110–123.
- Winsor, Justin* (1896). *Virginia and the Quebec Bill* // *American Historical Review*, I, 3, 436–413.
- Wood, A. C.* (1925). *The English Embassy at Constantinople, 1660–1762* // *English Historical Review*, XL, No. 160, 533–561.

- Wood, Gordon S. (1966). Rhetoric and Reality in the American Revolution // William and Mary Quarterly, 3d ser. XXIII, 1, 3—32.
- Woodruff, Philip (1953). The Men Who Ruled India, I: The Founder. London: Jonathan Cape.
- Woodward, Margaret I. (1968). The Spanish Army and the Loss of America, 1810—1821 // Hispanic American Historical Review, XLVIII, 4, 586—607.
- Woodward, Ralph Lee, Jr. (1968). The Merchants and Economic Development in the Americas, 1750—1850: A Preliminary Study // Journal of Inter-American Studies, X, 1, 134—153.
- Woodward, Robert Lee, Jr. (1965). Economic and Social Origins of the Guatemalan Political Parties (1773—1823) // Hispanic American Historical Review, XLV, 4, 544—566.
- Wordie, J. R. (1974). Social Change on the Leveson-Gower Estates, 1714—1832 // Economic History Review, 2nd ser., XXVII, 4, 593—606.
- Woronoff, Denis (1984a). L'industrie sidérurgique en France pendant la Révolution et l'Empire. Paris: Ed. de l'E. H. E. S. S.
- Woronoff, Denis (1984b). The Thermidorean Regime and the Directory, 1791—1799. Cambridge, Engl.: Cambridge University Press.
- Wright, H. R. S. (1954). Some Aspects of the Permanent Settlement in Bengal // Economic History Review, 2nd ser., VII, 2, 204—215.
- Wright, H. R. S. (1955). Free Trade and Protection in the Netherlands, 1816—30: A Study of the First Benelux. Cambridge, Engl.: At the University Press.
- Wright, H. R. S. (1959). The Abolition by Cornwallis of the Forced Cultivation of Opium in Bihar // Economic History Review, 2nd ser., XII, 1, 112—119.
- Wright, J. F. (1965). British Economic Growth, 1688—1959 // Economic History Review, 2nd ser., XVIII, 2, 397—412.
- Wright, J. Leitch, Jr. (1975). Florida in the American Revolution. Gainesville, FL: University of Florida Press.
- Wrigley, C. C. (1971). Historicism in Africa: Slavery and State Formation // African Affairs, LXX, No. 279, 113—124.
- Wrigley, E. A. (1967). The Supply of Raw Materials in the Industrial Revolution // R. M. Hartwell, ed., The Causes of the Industrial Revolution in England. London: Methuen, 97—120 (originally published in Economic History Review, 1962).
- Wrigley, E. A. (1969). Family Limitation in Pre-Industrial England // M. Drake, ed., Population in Industrialization. London: Methuen, 157—194 (originally published in Economic History Review, 1966).
- Wrigley, E. A. (1972). The Process of Modernization and the Industrial Revolution in England // Journal of Interdisciplinary History, III, 2, 225—259.
- Wrigley, E. A. & Schofield, R. S. (1981). The Population History of England, 1541—1871: A Reconstruction. Cambridge, MA: Harvard University Press.
- Wyczanski, Andrzej & Topolski, Jerzy (1974). Peasant Economy before and during the First Stage of Industrialization: General Report // Sixth International Congress of Economic History, Copenhagen, 19—23 August, Five Themes. Copenhagen: Institute of Economic History, University of Copenhagen, 11—31.
- Yaney, George L. (1973). The Systematization of Russian Government: Social Evolution in the Domestic Administration of Imperial Russia, 1711—1905. Urbana, IL: University of Illinois Press.
- Yanov, Alexander (1978). The Drama of the Time of Troubles, 1725—30 // Canadian American Slavic Studies, XII, 1, 1—59 (corrigenda: XII, 4, 593.)
- Yares, Leo (1956). The Problem of Periodization // C. E. Black, ed., Rewriting Russian History. New York: Vintage Books, 32—77.
- Yelling, J. A. (1977). Common Field and Enclosure in England, 1450—1850. London: Macmillan.
- Yoder, John C. (1974). Fly and Elephant Parties: Political Polarization in Dahomey // Journal of African History, XV, 3, 417—432.

- Youngson, A. J. (1966). The Opening Up of New Territories // H. J. Habakkuk & M. Postan, eds., Cambridge Economic History of Europe, VI: The Industrial Revolutions and after: Incomes, Population and Technological Change. Cambridge, Engl.: At the University Press, 139—211.
- Zacker, Jacques (1962). Quelques mots sur les sans-culottes de la Révolution française à propos de l'article de George Rudé // Critica storica, I, 4, 384—387.
- Zaozerskaja, E. I. (1965). Le salariat dans les manufactures textiles russes au XVIIIe siècle // Cahiers du monde russe et soviétique, VI, 2, 188—222.
- Zapperi, Roberto (1972). Siècles et l'abolition de la féodalité en 1789 // Annales historiques de la Révolution française, XLIV, No. 209, 321—351.
- Zapperi, Roberto (1974). Per la critica del concetto di rivoluzione borghese. Bari: De Donato.
- Závala, Silvio (1967). El mundo americano en la época colonial, 2 vols. Mexico: Ed. Porrúa.
- Zeller, Gaston (1955). Les temps modernes, II: De Louis XIV à 1789, Vol. III of Pierre Renouvin, dir., Histoire des relations internationales. Paris: Hachette.
- Zilversmit, Arthur (1967). The First Emancipation: The Abolition of Slavery in the North. Chicago, IL: University of Chicago Press.
- Zimmerman, A. F. (1931). Spain and its Colonies, 1808—1820 // Hispanic American Historical Review, XI, 4, 439—463.
- Zuccarelli, François. (1959). L'entrepôt fictif de Gorée entre 1822 et 1852: Une exception au Régime de l'Exclusif // Annales africaines, VI, 261—282.

УКАЗАТЕЛЬ

В настоящем указателе пункты, имеющие отношения к определенным политическим юрисдикциям, несмотря на произошедшие с течением времени изменения, были сгруппированы вместе и приведены под теми наименованиями, которые употреблялись в конце рассматриваемого в данном томе периода. Например, Новую Францию следует искать под названием Квебек, Ла Плату — под названием Аргентина, а Австрийские Нидерланды — под названием Бельгия. Разумеется, границы соответствующих образований не всегда были идентичны, однако при составлении указателя были предприняты усилия, чтобы максимизировать связность группировки терминов при минимальном их рассеивании — например, «греки» указаны в пункте «Греция», «ирландцы» — в пункте «Ирландия» и т. д.

А

Абдулмеджид I, османский султан — 219

Абель, Вильгельм — 38, 69, 76, 81

Абердам, Серж — 130

Абир, М. — 234

Абиссиния — 227

Абу-эль-Хадж, Рифаат Али — 216

Авансовые платежи, см. Кредит

Австралия — 151

Австрия — 174, 191, 212

Авелину, Ивоне Диаш — 261

Агесси, Онорат — 205

Аграрный индивидуализм — 19

Агульон, Морис — 44

Адамс, Джон — 296

Адамс, Джон Квинси — 306

Адамс, Дональд Р. мл. — 301

Адамс, Сэмюэл — 255

Адаму, Махди — 182

Аджа — 232

Аджайи, Дж. Ф. Аде — 193, 205, 233

Адо, А. — 129

Азия — 216, 221

— Западная, см. Левант

— Центральная — 207

— Юго-Восточная — 185

Азов — 216

Акбар (могольский султан — 195, 196

Акинджогбин, И.А. — 205, 232

Аккариас де Серионн, Жак — 86, 87, 285

Акомб, Фрэнсис — 112

Акт об Унии, см. Великобритания

Алемдар, Мустафа Паша — 215

Алеппо — 187, 214

Алжир — 297

Али, Атхар — 220, 221

Али-паша — 214

Аллеганские горы — 249, 283

Аллен, Итан — 284

Аллен, Леви — 284

Альперин-Донги, Тулио — 270, 275, 305, 307, 310

Альстрём, Г. — 230

Альтюссер, Луи — 54

Америка (Американский континент, обе Америки) — xiii, 7, 43, 48, 89, 97, 185, 188, 198, 237, 243, 246, 257, 263, 264, 266–269, 271, 275, 277, 278, 285–287, 292, 293, 299, 301, 303, 307, 312
— торговля с Америкой, см. Торговля, колониальная

Америка, Испанская (Латинская, Южная) — 48, 143, 172, 237, 260, 262–277, 292, 293, 297, 301, 303–312
— революционная борьба за независимость — 270–272, 274, 276, 277, 297, 301, 303–312

Америка, Северная (Британская), см. Соединенные Штаты Америки (США)

— американские индейцы, см. Коренные американцы

Амин, Самир — 163

- Амстердам — 103
 Амхерст, Джеффри Амхерст, барон (генерал) — 268
 Анатолия — 170, 174, 187, 191, 207, 212, 215, 216
 Англиканская церковь, см. Епископальные церкви
 Англия, см. Великобритания
 Англо-французский торговый договор 1786 года, см. Договоры (соглашения), Договор Идена (Иденский договор)
 Андалусия — 276
 Андаманские острова — 151
 Андерсон, Б. Л. — 179
 Андерсон, Дж. Л. — 145
 Андерсон, М. С. — 4, 87, 88, 101, 175, 215, 227, 228, 278
 Андерсон, Перри — ix, 54, 64, 151
 Андерсон, Терри Л. — 79, 241
 Анды — 265, 269, 270
 Анжу — 131
 Аниссон-Дюперон, Этьен-Александр Жак — 108
 Анкара — 174
 Анна Иоанновна, императрица российская — 202
 Анна, Тимоти Э. — 306, 310
 Антверпен — 122
 Антикомбинационное законодательство, см. Великобритания
 Антикости — 249, 253
 Античность — 43
 Аппалачи — 248, 249, 281, 283
 Аптекер, Герберт — 251, 256, 288
 Арабские страны — 185
 Аранга-и-Паррено, Франсиско де — 298
 Арасаратнам, С. — 171, 190, 198, 224
 Арахис — 181, 191, 193
 Арбелло, Ги — 85
 Аргайл, У.Дж. — 164, 176
 Аргентина — 266, 305, 309
 Аристократия, см. тж. Землевладельцы; Класс (классы), высший — 40, 44, 45, 47—49, 51—54, 57, 58, 63—65, 78, 100, 123, 125, 127—129, 131, 136, 148, 192, 199, 256, 273
 — аристократическая реакция — 44, 45, 52
 Аркрайт, Ричард, сэр — 29
 Арменго, Андре — 12
 Армидж, Фрэнсис — 260, 261
 Армия (вооруженные силы) — 20, 63, 89, 94, 101, 135, 188, 214, 217, 228, 229, 245, 247, 250, 254, 255, 258, 264, 266, 267, 272, 273, 297, 306, 307, 309, 311
 Армстронг, Морис У. — 259
 Армяне — 216
 Арнольд, Розмари — 163, 164
 Арну, Амбруаз-Мари — 107, 112
 Арочукву — 233
 Арсила Фариас, Эдуардо — 261
 Арсинигас, Герман — 273
 Асиегбу, Джонсон У.Дж. — 178
 Ассигнации (*Assignats*), см. Франция, Французская (Великая) революция
 Астрономическое время — 35
 Асьенда — 273, 309
 Атлантическая доктрина, см. Франция, Французская (Великая) революция
 Атлантический океан — 69, 205, 213, 281
 Атхар Али, М. — 220, 221
 Ауд — 223
 Африка — 7, 86, 97, 164, 181, 182, 185, 188, 204
 — Восточная — 185
 — Западная (а также Центральная) — xiv, 159, 162, 163, 165, 167—170, 176—179, 181—184, 188, 189, 193, 201, 203—207, 209—212, 231—233, 288
 — зона саванн — 207, 209—211
 — Северная — 214
 Ахмед III, османский султан — 166
 Ахен — 154
 Ацтеки, см. тж. Коренные американцы (индейцы), Мексика — 312
 Ашанти — 209, 211, 232, 233
 Аяны, см. Османская империя
- ## Б
- Бабёф, Франсуа Ноэль, «Гракх», бабувизм, см. Франция, Французская (Великая) революция, заговор Равных
 Багамские острова — 280
 Багчи, Амия Кумар — 171, 185, 224
 Багу, Серхио — 309
 Базель — 95
 Баия — 311
 Байков, Александр — 188
 Байонна — 305
 Байрон, Джордж Гордон Ноэль, 6-й барон, лорд — 218
 Байрош, Поль — 8, 9, 12, 15, 32, 35, 95, 140
 Бакли, Роджер Норман — 296
 Бакон де ла Шевалери, Жан-Жак — 294
 Балканы, см. Румелия
 Балло, Шарль — 5, 36, 97
 Бандитизм — 84, 274
 Банк Англии, см. Великобритания
 Банкиры — 25, 189, 223
 Баптисты — 290
 Барбер, Элинор — 63
 Барбьер, Жак А. — 274, 304
 Баркер, Чарльз Элброу — 245, 250
 Барр, Стрингфеллоу — 87

- Барселона — 95
 Бартеlemi, Франсуа де, маркиз — 109
 Барщина, см. Россия
 Батат — 211
 Батерст — 151, 205
 Бауринг, Джон — 192
 Бауэн, Харольд — 217
 Бауэр, Арнольд Й. — 277
 Башкиры — 202
 Баэр, Гэбриэл — 192
 Беарн — 19
 Бедные (бедняки), бедность, нищета, см. Классы, низшие
 Бедфорд, Джон Рассел, 4-й герцог — 238
 Безансон, Анна — 4, 42
 Бейли, Кристофер Алан — 183
 Бейлин, Бернард — 239, 250, 251
 Бекер, Чарльз — 209
 Белиз — 268
 Белоруссия — 199
 Бельгия — 81, 154
 Бельграно, Мануэль, генерал — 309
 Белые (белокожие) — 247, 252, 271, 272, 275, 280, 283, 284, 287, 289, 291, 293—297, 301, 308, 309, 311, 312
 — *blancos de orilla* (белые бедняки в Испанской Америке) — 309
 Бемис, Сэмюэл Флэгг — 88, 278, 279, 281, 284, 302
 Бен-Шахар, Ари И. — 8
 Бенгалия — 88, 171—173, 185, 196—198, 209, 225, 227, 280
 Бенджеббар, Андре — 131
 Бенианс, Э.А. — 279
 Бенинский залив — 210
 Бентри, залив — 300
 Бенуа, М.-А. — 178
 Бересфорд, Уильям Карр, виконт (маршал) — 311
 Бербео, Хуан Франсиско — 273
 Берберские пираты — 281
 Берег москитов — 266, 268
 Берег слоновой кости — 194
 Беренс, К.Б.А. — 100
 Бержерон, Луи — 39, 88, 94, 139, 141, 142, 144, 145
 Бержье, Ж.Ф. — 35
 Беркес, Ниязи — 214, 218, 219
 Берлин — 217
 — Берлинские декреты, см. Континентальная блокада
 Берлин, Ира — 288
 Бермудские острова — 280
 Берри — 19
 Беррилл, К.Э. — 97
 Бертхофф, Роулэнд — 241
 Бессе, Жильян — 175
 Бетелл, Лесли — 311
 Бешенные (*enragés*), см. Франция, Французская (Великая) революция
 Бёрд, Чарльз А. — 291, 302
 Бёрк, Эдмунд — 102, 137, 246
 Бёрстин, Хайм — 132
 Бёрт, А.Л. — 282
 Бёрч, Алан — 138
 Биафра, залив — 177, 210
 Билз, Х.С. — 38, 39
 Бин, Ричард Нельсон — 178, 179, 193
 Бирк, Харольд К., мл. — 309
 Бирма — 183
 Бихар — 185, 198
 Бизр, Джордж Льюис — 238
 Блан, Симон — 202
 Бланки, Адольф — 4
 Блог, Марк — 149
 Блок, Камиль — 113
 Блок, Марк — 19, 521 79, 90—92, 117—119
 Блум, Джером — 175, 192, 193, 199, 200, 202, 203
 Боал — 209
 Боахен, А. Аду — 211
 Бовен, Ливен — 145
 Боксер, Ч.Р. — 222
 Болгария, болгары — 191, 215
 Болезни, см. Гигиена
 Боливар, Симон — 273, 275, 297, 298, 301, 305, 307, 309, 310
 Боливия, см. Перу, Верхнее
 Болтон, Дж.К. — 225, 248
 Бомбей — 171, 222
 Бонапарт, Жозеф — 305
 Бонапарт, Наполеон, см. Наполеон
 Бонилья, Эраклио — 269, 271, 272, 274, 308
 Бонни — 183, 184, 232
 Бор, Джон Э. — 297
 Бордо — 110
 Бостон — 245, 262, 291
 Боуден, Уитт — 111
 Боуэн, Харольд — 217
 Бошер, Дж.Ф. — 84, 100
 Бразилия — 176, 177, 237, 263, 264, 271, 274, 297, 305, 310—312
 — *Conjuração Bahia* [заговор в Баия 1798 года] — 311
 — *Inconfidência mineira* [заговор в Минас-Жерайсе 1788—1789 годов] — 311
 Брайденбо, Карл — 243, 244
 Браки, см. Демография
 Браун, Вера Ли — 261
 Браун, Р.Г. — 12—14
 Браун, Роберт Э. — 241

Браун, Уоллес — 280
 Браунинг, Оскар — 105, 108, 111, 114
 Бребнер, Джон Бартлетт — 24, 239, 254, 258, 282, 284
 Брейдинг, Дэвид А. — 264, 265, 276, 277, 292
 Бресс — 19
 Бретань — 60, 77, 94, 97, 119, 128, 131
 Бретуэйт, Эдуард — 280
 Бриавойн, Натали — 29, 30, 42, 153
 Бриджуотер, 1-й герцог, Джон Эгертон — 32
 Бристольт — 219
 Британия, см. Великобритания
 Брито Фигероа, Федерико — 309
 Брод, Бенджамин — 215
 Бродель, Фернан — xiii, 30, 37, 64, 84, 86, 87, 107, 142, 145, 240, 263
 Броудер, Альберт — 146, 151
 Броуиз, Фрэнк Дж. А. — 243
 Бружьер, Мишель — 135
 Брукс, Джордж Э. — 183
 Бручи, Стюарт — 291, 303
 Брюмер (18-е брюмера), см. Франция, Французская (Великая) революция
 Буа, Поль — 120, 130
 Буайете, М. — 109
 Бувье, Жан 144, 146
 Буда, Алекс — 214
 Булег, Жан — 168
 Булазо, Марк — 112
 Буль, Пьер — 7, 53, 80, 88, 179, 188
 Бурбон, остров (Иль-де-Бурбон) — 226, 294
 Бурбоны — 101, 138, 262, 272, 274, 276, 277, 304
 Бургойн, Джон, генерал — 267
 Бургундия — 19, 93
 Бурд, Андре-Ж. — 76, 79, 93, 94
 Буржен, Жорж — 118, 119
 Буржуазия — xiii, 3, 26, 43—59, 61, 63—65, 78, 100, 103, 117, 121—136, 150, 160, 264
 — буржуазная революция 45—51, 55—63, 65, 66, 124—126, 129, 130, 136, 137, 155
 — мелкая буржуазия — 46, 47, 58, 131
 Буркхолдер, Марк А. — 274
 Буске, Николь — 292, 304, 308
 Бутель, Поль — 82, 83, 144, 222
 Буш-Цантнер, Р. — 191
 Буэнос-Айрес — 226, 234
 Бхаттачарья, Сабьясачи — 172, 196
 Бьен, Давид Д. — 50
 Бьорк, Гордон К. — 302
 Бэгуэлл, Филип С. — 84
 Бэмфорд, Пол Уолден — 102
 Бэрон, Сэмюэл Х. — 229
 Бюрократия — 25, 61, 79, 89, 167, 194, 200, 208, 212—214, 218, 228, 262—264, 274, 275

В

Вайлз, Перри — 179
 Вайцман, Мартин Л. — 81
 Валахия — 174
 Валкарсель, Карлос Даниэль — 269
 Валлерстайн, Иммануил — 9, 31, 72, 85, 95, 104, 122, 160, 205, 213, 228, 247
 Ван Алстине, Ричард В. — 254
 Ван Данциг, Альберт — 193, 205
 Ван Лёр, Я. К. — 163
 Ван Тине, Клод Х. — 253, 267
 Вандалия, Компания Вандалии — 283
 Вандея, см. тж. Французская (Великая) революция, «контрреволюция» — 129—131, 295
 Васкес де Прада, Валентин — 261
 Вахтель, Натан — 270
 Вашингтон (город) — 285
 Веджвуд, Джосия — 102
 Великий страх, см. Французская (Великая) революция
 Великобритания (Британия, британцы) — 3, 4, 6—12, 14, 19, 20, 22—27, 29, 32—41, 44—46, 51, 65, 68—70, 75, 79, 82—84, 86—90, 92, 94, 99, 101—114, 116, 119—122, 124, 135, 137—156, 171—183, 185, 186, 207, 208, 214, 217—219, 221—227, 229, 233, 237—241, 244—264, 266—268, 270, 276—293, 295—312
 — Акт о (парламентской) реформе 1832 года — 55
 — Акт о свободном порте — 260, 263
 — Акт об Индии (1784) — 225
 — Акт об оседлости (1662) — 148
 — Акт об Унии (1707) — 83, 84, 247
 — Акт об Унии (1800) — 300, 301
 — Английская революция — 45, 61, 155
 — Антикомбинационное законодательство — 148, 149
 — Банк Англии — 104
 — Британская Северная Америка, см. Канада, Соединенные Штаты Америки (США)
 — вест-индские полки — 296
 — законы о бедных 148, 149
 — лорды-комиссионеры торговли и плантаций — 283
 — луддизм — 150
 — министерство (бюро) торговли — 182
 — Навигационные акты — 121, 151, 243, 257, 260
 — парламент — 19, 20, 22, 78, 80, 81, 90, 107, 110, 149, 155, 175, 186, 197, 219, 244, 247—249, 251, 254, 301

- Сахарный закон — 260
- Сити — 87
- Славная революция (1689) — 86, 155, 239, 247
- спинхемлендская система — 148, 149
- тайный совет — 250
- Хлебные законы (пошлины) — 140, 153, 175
- чартизм — 150
- Великое пробуждение, см. Новая Шотландия
- Вена — 212, 217
 - Венский конгресс, см. Договоры (соглашения)
- Венгрия — 216
- Венесуэла — 272—274, 276, 304, 305, 307, 309, 310
- Венеция — 215
- Веракрус — 261
- Вервье — 154
- Вержен, Шарль-Гравьер де, граф 99, 107—109, 111, 217, 267, 268, 281
- Вермонт — 258, 284, 288, 289
- Верна, Пол — 297, 298, 309
- Веронский конгресс — 180
- Версаль — 106
 - Версальский мирный договор, см. Договоры (соглашения)
- Вест-Индия (Вест-Индии), см. тж. Карибский бассейн, Малые Антильские острова — 68, 83, 87, 106, 142, 177—180, 182, 183, 190, 238, 243, 247, 248, 257, 260, 267, 280, 288, 291, 295, 296, 302
 - Британская — 178, 248, 260, 280, 295, 302
 - Голландская — 296
 - Датская — 180
 - Испанская — 247, 260, 267
 - Французская — 106, 142, 177, 267, 302
- Виги — 148, 257, 289, 290
 - виговское истолкование истории — 43
- Видотто, Витторио — 62
- Вилар, Пьер — 71
- Вильялобос, Р. Серхио — 293
- Виннебаги — 285
- Вино — 109, 110, 114, 115
- Виноградники — 17, 79, 128
- Виньоль, Леон — 180, 238, 288
- Виргиния (Вирджиния) — 244, 250, 283, 288
 - Виргинский акт (Акт о двух пенни) — 250
- Висла — 298
- Внешняя сфера мира-экономики — xi, xiii—xv, 159, 160, 162, 165, 166, 168—170, 190, 203, 204, 207, 209, 211—213, 233
- Вовель, Мишель — 20, 51, 125
- Водяная энергия, см. Энергия
- Военно-морской флот — 143, 176, 238, 247, 258, 278, 300
- Вознесения, остров — 151
- Воинский призыв — 135
- Войлерсс, Жорж — 110
- Войны (межгосударственные) — 101, 104, 105, 119, 139, 212, 218, 226, 267, 278, 296, 297, 301, 302, 303, 306
 - Война 1812 года (англо-американская) — 284, 306, 307
 - Война за Австрийское наследство — 225
 - Война за Испанское наследство — 76
 - Вторая мировая война — 42
 - Опиумные войны — 209
 - Первая мировая война — 116, 118
 - Революционные и Наполеоновские войны (1792—1815) — 73, 104, 116, 138, 140—144, 148, 150—154, 171, 173, 185, 215, 225—227, 278, 295
 - Русско-турецкие войны — 167, 213, 228
 - Северная война — 201, 228
 - Семилетняя война — 86—89, 95, 104, 201, 221, 237, 239, 243, 247, 249, 252, 253, 261, 263, 265, 299
 - Франко-индейская война, см. Войны, Семилетняя война
- Волга — 230
- Вооружение (оружие) — 32, 42, 187, 188, 232, 285, 307, 308
- Восточная Англия — 127
- Вуд, Бетти — 264, 287
- Вудрафф, Филипп — 222
- Высокая Порта, см. Османская империя
- Вычаньский, Анджей — 15
- Г**
- Габсбурги — 262, 277
- Гавана — 258, 261, 265, 286, 296
- Гаити — 236, 237, 293, 296—298, 301, 305, 309, 310, 312
 - Гаитянская революция — 148, 177, 278, 293, 295, 297
- Галисия — 276
- Галифакс — 259
- Гальвес, дон Хосе де — 265, 266, 275, 276
- Гальярдон, Шарль — 112
- Гамбия — 183, 188, 206
- Гамильтон, Александр — 280
- Ганг — 172
- Гангули, Б. Н. — 171, 224
- Гандев, Христо — 191
- Гандиа, Энрике де — 271, 276
- Гаранжер, Андре — 38
- Гарден, Морис — 11, 36, 38, 39, 96, 132, 133
- Гарнер, Ричард Л. — 305

- Гарсия-Бакеро Гонсалес, Антонио — 263—265, 268
 Гаски, Джон Ф. — 8
 Гаучо — 309
 Гваделупа — 87, 238, 260, 297
 Гватемала — 271, 297
 Гвинея (Гвинейский залив, Гвинейское побережье) — 188, 204, 205, 212
 Гегемония — 46, 69, 107, 116, 137, 143, 150, 151, 218, 226, 239, 240, 245, 246, 269, 278, 285, 301, 312
 Гезо, король Дагомеи — 165, 176
 Гейер, Артур Д. — 32, 137, 140
 Гейтс, Горацио, генерал — 267
 Генеральные штаты, см. Франция, Французская (Великая) революция
 Генрих IV, король Франции — 27, 125
 Гент — 154
 Генуя — 103
 Генч, Мехмет — 187
 Георг II, король Великобритании — 87
 Георг III, король Великобритании — 102, 247, 253, 284, 287
 Герен, Даниэль — 58—60, 112, 136
 Гери, Ален — 101
 Германия — 4, 8, 82, 139, 146
 — восточная — 117
 — западная — 154
 Гершенкрон, Александр — 25, 193, 230
 Гёбель, Дороти Бёрн — 261
 Гиббонс, Эдуард — 163
 Гибер-Следзевский, Э. — 57
 Гибралтар — 267, 269, 278
 Гигиена — 12, 73, 181
 Гиллеспы, Чарльз С. — 28
 Гилрей, Джеймс — 230
 Гильдии — 24, 30, 32, 50, 63, 121, 208
 Гильерм, Ален — 88
 Глазго — 113, 279
 Годешо, Жак — 40, 48, 49, 52, 101, 103, 107, 140, 141, 146, 147, 151, 299
 Годой, Мануэль де — 303, 305
 Гой, Джозеф — 76
 Голдстоун, Джек А. — 13
 Голландия — 5, 86, 94, 103, 107, 110, 122, 151, 166, 266
 Голд, см. Урожай
 Гольдин, Клодия Д. — 301
 Гольдман, Маршалл — 187
 Гольте, Юрген — 270
 «Гора», см. Франция, Французская (Великая) революция, якобинцы
 Горн, мыс — 88
 Горé, остров — 233
 Государство — xii, xiv, 19, 23—26, 46, 61, 65, 78—80, 87—90, 100, 101, 103, 105—110, 113, 116, 119, 122—124, 127, 138, 145, 148—150, 155, 161, 165, 166, 194, 200, 202, 204—206, 209, 210, 212—220, 222—225, 231—234, 237, 239, 249, 251—256, 264, 265, 269, 270, 277, 278, 280—284, 286, 297, 302, 312
 — государственные финансы — 88, 99—101, 103—105, 110, 111, 114, 115, 139, 145, 146, 171, 224, 239
 — государственный аппарат, см. тж. Бюрократия — 79, 98, 114, 115, 160, 165, 166, 214, 262
 — роль в экономике — 8, 23—25, 61, 81, 82, 90, 120—122, 212—214
 Готтшалк, Луис — 278
 Готы — 276
 Готье, Флоренс — 60, 118, 129
 Гоф, остров — 151
 Граттан, Генри — 300
 Грей, Ральф — 287
 Гренвиль, Джордж — 260
 Гренон, Мишель — 43, 56
 Греция — 215, 218
 Грин, Джек П. — 240—242, 244—247, 280, 284, 290
 Грин-Педерсен, Свенд Э. — 280
 Гринберг, Майкл — 208, 209
 Гринлиф, Ричард И. — 292
 Гриффин, Чарльз Кэрролл — 312
 Гриффитс, Дэвид М. — 229
 Грудер, Вивиан Р. — 53, 78
 Грэндж, Генри — 101
 Грэнтхэм, Джордж У. — 120, 139
 Грэхэм, Джеральд — 151, 282, 302, 307
 Гу, Кэтлин — 183
 Губер, Пьер — 27, 52, 100
 Гудвин, Альберт — 78, 124, 148
 Гуджарат — 173, 208, 209
 Гума — 205
 Гумбольдт, Александр фон — 271
 Гупта, Селекх Чандра — 197, 221, 227
 Гурвиш, Т. Р. — 153
 Гуревич, Дж. С. — 215, 217
 Гуркхи — 207
 Гутьеррес де Пинедес, Хуан — 272
 Гуха, Амаленду — 173
 Гэленсон, Дэвид У. — 287
- ## Д
- Давид, Жак-Луи — 236
 Дагомея — 164, 165, 176, 182, 203—205, 211, 222
 Д'Адемар, Жан Балтазар, граф — 109
 Дажé, Серж — 180
 Дайк, К. Онвука — 184, 233
 Дакка — 186

- Дакхем, Бэрн Ф. — 119
Далл, Джонатан Р. — 111, 268
Далмация — 216
Дальман, Карл Й. — 80, 81
Дамаск — 187, 214
Дания — 180, 182, 193
Данмор, Джон Мюррей, 4-й граф — 288
Даниэр, Андре — 70
Дарби, Х. С. — 151
Дардель, Пьер — 88, 112, 115
Дасгупта, Ашин — 163, 171, 222
Датт, Ромеш Чандер — 172, 173
Датта, К. К. — 169, 171
Деббаш, Иван — 180
Дебьен, Габриэль — 293—295
Деиндустриализация — 110, 141, 154, 155, 186, 188
Дейкин, Дуглас — 215
Декларация прав человека, см. Франция, Французская (Великая) революция
Деколонизация — 102, 177, 245— 312
Делавэр — 283
Дельво, Реми — 168
Дельгадо, Хосе Мария — 264
Демидов, Никита — 201
Демография — 7, 10—14, 18, 21—23, 25, 72, 73, 75, 76, 152, 252, 271, 273, 280, 296
— демографическая революция — 10, 11, 14, 73, 76
— рождаемость (фертильность) — 11—13, 15, 73, 74, 152, 153
— смертность — 11, 13, 42, 73, 74, 153
Деньги (валюта) — 25, 30, 53, 77, 78, 100, 108, 122, 144, 178, 182, 183, 192, 193, 211—213, 226, 244, 268, 269
Дерби, Абрахам — 29, 33
Дерево (дрова, древесина) — 32, 33, 211, 222
— в качестве топлива — 33, 152
— корабельные мачты 102
Десаи, Ашок В. — 195
Дессалинь, Жан-Жак — 297, 298
Десятины — 70, 77, 78, 115, 117, 128, 130, 253
Детройт — 249
Дехио, Людвиг — 69, 103, 116, 227, 256
Джагирдары — 220
Джаджа из Опобо — 194
Джеггус, Дэвид — 295
Джеймс, Фрэнсис Гудмен — 298
Джеймсон, Дж. Франклин — 266
Джеллисон, Ричард М. — 244
Джемери, Генри — 176
Дженнингс, Фрэнсис — 248
Дженсен, Меррилл — 256, 283, 291
Джереми, Дэвид Дж. — 98, 279, 303
Джефферсон, Томас — 287, 297, 303
Джея, договор, см. Договоры (соглашения)
Джибб, Х. А. Р. — 217
Джиббс, Н. Х. — 306
Джилбой, Элизабет Уотермен — 86
Джипсон, Лоренс Генри — 239, 248
Джири, Фрэнк — 8
Джон, А. Х. — 75, 139, 145
Джонсон, Мэрион — 183, 184, 189, 204
Джордан, Уинтроп Д. — 296, 297
Джорджия — 258, 283
Джоунс, Гэрет Стедман — 148, 150
Джоунс, Дж. Р. — 87
Джоунс, И. Л. — 19, 52, 53, 62, 75, 81
Джоунс, М. А. — 282
Джоунс, Элис Хэнсон — 241, 287
Дигби, Саймон — 167
Дидро, Дени — ii
Дик, Харви Л.
Дикерсон, Оливер М. — 242
Дилья Альфонсо, Арольдо — 297
Дин, Сайлес — 267
Дин, Филлис — 3, 5, 7, 9, 10, 14—16, 18, 21, 23, 24, 28, 30—32, 34, 38, 39, 70, 73, 74, 76, 80—84, 86, 87, 95, 98, 101, 142, 143, 145, 151, 153, 154
Дипломатия, см. Межгосударственная система
Диффи, Бейли У. — 274
Добб, Морис — 5, 21, 58
Довринг, Фоулк — 18, 20, 23
Договоры (соглашения)
— Амьенский (1802) — 121
— Англо-китайский (1842) — 209, 219
— Англо-русский торговый договор (1766) — 229
— Англо-турецкая Балталиманская торговая конвенция (1838) — 187, 218
— Аранхуэсский (1779) — 268
— Ашантихене и Джорджа Маклина (1831) — 233
— Белградский (1739) — 216
— Венский (1815) — 180
— Версальский (1783) — 269, 277, 281
— Гентский (1814) — 307
— Идена (англо-французский торговый договор 1786 года) — 33, 107—110, 112, 114, 121, 122, 131, 278, 293
— Карловацкий (1699) — 215, 216
— Кючук-Кайнарджийский (1774) — 167, 213, 217, 231
— Парижский (1763) — 69, 86—88, 101, 237—239, 244, 246, 248, 260, 261, 268, 277
— Пиренейский (1659) — 69

- Сан Ильдефонский (1778) — 266
- Ункяр-Искелесийский (1833) — 218
- Утрехтский (1716) — 107
- Фамильный договор (франко-испанский) — 111
- Франко-американская конвенция (1787) — 293
- Ясский (1792) — 217
- Дойл, Дэвид Ноэль — 299, 301
- Дойл, Уильям — 52
- Дойнов, Стефан — 231
- Долговая крепость — 189, 192
- Дольфус, Даниэль — 145
- Домá, Морис — 38
- Домар, Аделин — 151
- Домингес, Хорхе Ф. — 274
- Доминика — 88, 278
- Доминикское сражение — 278
- Дороги, см. Транспорт
- Дофине — 82
- Драгоценные (благородные) металлы, см. тж. Золото, Серебро — 114, 145, 162, 168, 169, 171, 172, 224
- Древесный уголь — 33, 175, 203
- Дред Скотт — 289
- Дрейк, Б. К. — 206
- Дрейк, Майкл — 11, 13
- Дрешер, Сеймур Д. — 178
- Дружинина, Е. Л. — 229
- Дунай (Подунавье) — 206
- Духовенство (клир) — 26, 63, 117, 124, 254, 255
- Дьюкс, Пол — 175, 188, 198
- Дэвид, Пол А. — 301
- Дэвис, Дэвид Брайан — 289
- Дэвис, Ральф — 8, 31, 32, 82, 83, 89, 95, 96, 104, 142, 143, 173
- Дэвисон, Родерик Х. — 231
- Дэрити, Уильям, мл. — 179
- Дюбуа, Марсель — 180
- Дюма, Франсуа — 107, 109, 111, 113
- Дюпакье, Жак — 152
- Дюпен, Шарль, барон — 146
- Дюпон де Немур, Пьер Самюэль — 108, 109
- Е**
- Евреи — 127, 216, 290
- Европа (Западная Европа, европейцы) — xiii, xvi, 6, 9, 10, 14, 16—18, 20—22, 30—32, 38, 48, 49, 68—70, 73, 75, 76, 82—86, 88, 92, 95, 101, 137, 141, 143, 144, 146, 151, 154, 155, 160, 167—169, 171—174, 176, 179, 184—186, 195, 196, 203, 205, 207, 208, 215—219, 221—223, 225, 227—229, 231, 237, 241, 261, 267, 269, 271, 277, 278, 285, 296, 297, 299, 300, 302, 303, 308, 311
- Восточная — 160
- Северная — 82, 103
- Центральная — 10, 147
- Южная, юго-восточная — 231, 257
- Египет — 166, 175, 183, 200
- Екатерина II, российская императрица — 201, 228—230
- Елавич, Барбара и Чарльз — 214, 218
- Елизавета Петровна, российская императрица — 187
- Епископальные церкви — 290
- Ж**
- Жаннен, Пьер — 39
- Железные дороги, см. Транспорт
- Железо — 5, 15, 20, 32, 34, 81, 110, 111, 175, 176, 188, 201, 202
- Женева — 95, 103
- Жерар, Конрад-Александр — 267, 271
- Жиль, Бертран — 10, 140, 151, 153, 174, 175
- Жирар, Л. — 84, 85
- Жирондисты, см. Франция, Французская (Великая) революция
- Жиры — 181
- Жоаким, Бенуа — 298
- Жорес, Жан — 43, 130, 135
- Жуан VI, король Португалии — 305, 311
- Жувенель, Бертран де — 121, 146
- З**
- Заговор Понтиака — 248
- Заговор Равных, см. Франция, Французская (Великая) революция
- Закер, Жак — 132
- Закон Ле Шателье, см. Франция, Французская (Великая) революция
- Закон сокращения прибыли — 76
- Залоговая система (покрытия разрыва в торговом балансе) — 172
- Заминдары, система заминдари — 196, 197
- Западная Азия, см. Левант
- Западная Виргиния — 283
- Западное полушарие, см. Америка (Американский континент, обе Америки)
- Западный мир, см. Европа
- Заппери, Роберто — 58, 128
- Заработные платы (зарботки) — 6, 9, 31, 83, 85, 86, 130, 131, 147—154, 195, 270
- реальные заработные платы (реальные доходы) — 76, 78, 86, 150, 153, 154, 195, 198, 199

Земледелие — 13, 15—18, 80, 94, 139
 — плодопеременное — 16
 — плодосменное (норфолкская система) — 16
 — смешанное («новое») — 18, 76, 139, 200
 Земли за Аппалачами, *см.* Соединенные Штаты Америки, запад
 Зерно (зерновые) — 16, 70, 72, 75, 76, 79—81, 92—94, 104, 115, 127, 174, 175, 195, 199, 200, 252
 Зерновой либерализм — 90, 92, 93
 Зильверсмит, Артур — 288
 Знать (нобилитет), *см.* Аристократия
 Золото — 135, 168, 169, 171, 181, 211, 263
 Золотой берег — 182
 Зоненшер, Майкл — 133
 Зуккарелли, Франсуа — 234

И

И де Бутенваль, Шарль-Адриен, граф — 109—111
 Ибо (территория в Африке) — 233
 Игбо — 193, 211
 Игли, Роберт В. — 104
 Игоннэ, Патрис — 55, 59, 60, 116, 136, 147
 Идальго-и-Кастильо, Мигель — 305, 306
 Иден, Уильям, 1-й барон Окленд, *см. тж.* Договоры (соглашения), договор Идена — 109
 Иезуиты — 277
 Изард, Мигель — 273, 276, 304, 309
 Измир — 174
 Изобретения — 7, 21, 29, 31, 33, 34, 38, 42, 80, 82, 302
 Иль-де-Франс, остров — 294
 Имла, Альберт — 151, 153
 Империя Великих Моголов, *см. тж.* Индия — 172, 183, 195, 196, 210, 220—222, 231
 Импорт, *см.* Торговля, внешняя
 Инальчик, Халил — 191, 216, 218
 Инвестиции, *см.* Капитал
 Индейцы (американские индейцы), *см.* Коренные американцы
 Индиана — 283, 288
 Индивидуализм — 54, 56, 129, 136
 Индиго — 172, 179, 183, 190, 197, 257, 302
 Индийский океан — 151, 163, 167, 213, 222, 246
 Индия (Индийский субконтинент), *см. тж.* Империя Великих Моголов — xiv, 10, 29, 30, 32, 86, 104, 147, 159, 162, 168—174, 183—186, 188, 190, 195—198, 201, 207—209, 218—227, 231, 246
 — постоянное землеустройство — 171, 226
 — частные торговцы — 222, 226
 — южная 172, 173, 183, 197
 Индустриализация, *см. тж.* Деиндустриализация, Протоиндустриализация — 5, 6, 8, 9, 13—15, 17, 24, 34, 36—39, 41, 51, 124, 141, 143, 154, 187

Иникори, Дж. И. — 179, 232
 Инкорпорация (включение), *см.* Мир-экономика
 Иннис, Харольд А. — 247, 249, 254
 Инновации (новшества) — 5—8, 15, 19, 22, 28, 30—32, 82, 86, 94, 97, 192, 200, 206, 279
 Интеллектуалы — 55, 63, 89, 245
 Интенданты, *см. тж.* Бюрократия — 53, 54, 265, 277
 Инфляция и дефляция, *см.* Мир-экономика
 Ионические острова — 151
 Ипполито, Ричард А. — 75
 Иран, *см.* Персия
 Ирландия 4. — 13, 14, 31, 83, 152, 249, 281, 287, 290, 298—301
 — Акт 1720 года — 295
 — протестантское господство над Ирландией — 300
 — Ирландская революция — 299
 — оранжистские общества — 300
 — Объединенные ирландцы — 300
 — парламент — 299, 300
 — патриоты 299
 — Северная (Ольстер) — 300
 Ислам — 151, 167, 209, 210, 233
 Испания — 68, 87, 97, 110, 111, 146, 237, 257, 260—278, 280, 281, 284, 286, 292, 293, 295—298, 301, 303, 310
 — выходцы в Америке (*gachupin*) — 276
 — Карлистские войны — 276
 — наполеоновское вторжение — 278, 301
 — совет Регентства — 305
 Издольщина, издольщики — 118, 130, 206, 207
 Иссави, Чарльз — 169, 174, 186, 187, 192, 204, 216, 219
 Исторический конгресс по Испанской Америке — 276, 309
 Италия — 34, 68, 145, 257, 258

Й

Йеллинг, Дж. А. — 18—20, 80
 Йодер, Джон С. — 165
 Йомены, *см. тж.* Крестьяне (крестьянство) — 19, 91
 Йорктаун — 277, 278
 Йорубаленд — 193, 211

К

Кабальеро-и-Гонгорра, Антонио (архиепископ) — 273
 Кавказ — 231
 Каган, Аркадиус — 175, 199, 200, 228
 Кадис — 261, 262, 264, 268, 276, 293, 305
 Казаки, *см.* Россия

- Кайор — 209
 Калабар — 184, 195, 211
 Калонн, Шарль-Александр де — 98, 99, 106, 107
 Калхун, Крейг — 148
 Калькутта — 171, 172, 190
 Кампоманес, Педро Родригес де, граф — 268
 Канада — 86, 88, 238, 253—256, 259, 267, 268, 281, 282, 288, 306
 — морские провинции — 306
 — франкоканадцы, см. Квебек
 Каналы, см. Транспорт
 Канарские острова — 309
 Каннинг, Джордж — 149, 310
 Каннингем, Одри — 150
 Кантабрийские горы — 276
 Кантон — 208
 Кантримен, Эдвард — 245
 Канчал, Салгур — 219
 Капитал — xii, xv, xvi, 7—10, 28, 34, 35, 39—41, 46, 65, 72, 88, 95, 96, 100, 103, 131, 134, 139, 145, 159—161, 178—180, 190—193, 195, 196, 212, 221, 228, 241, 249, 277, 279, 292
 — инвестиции — 9, 10, 20, 26, 32, 45, 46, 53, 82, 93, 104, 139, 143, 151, 152, 179, 206, 302
 — накопление — xii, xv, xvi, 9, 15, 27, 39, 65, 68, 95, 100, 159—161, 178, 179, 191, 196, 212, 277
 — основной — 9, 21
 — предложение — 8
 Капитализм, см. *тж.* Мир-экономика — xi, xii, xiii, xv, xvi, 6, 10, 35, 45, 50—52, 57, 58, 60, 61, 63—65, 93, 95, 98, 103, 123—131, 229, 232—234
 Капиталисты — xvi, 51, 72, 75, 100, 121, 127, 128, 131, 177, 246
 Каплан, Лоуренс — 277
 Каплан, Стивен Л. — 92, 93, 132
 Капская колония — 151
 Каракас — 268, 292, 305
 Карденас Агоста, Пабло Э. — 272, 273
 Карибский бассейн, см. *тж.* Вест-Индия — 87, 259, 268, 271, 278, 280, 295, 296
 Карл III, король Испании — 261, 262, 264—266, 270, 276, 277, 304
 Карл IV, король Испании — 305
 Карлтон, губернатор (Гай Карлтон, 1-й барон Дорчестер) — 53
 Кармартен, маркиз, Фрэнсис Осборн — 105, 108, 110
 Каролины, Северная и Южная, см. *тж.* Северная Каролина, Южная Каролина — 245, 257, 281, 283, 284, 287, 289, 290
 Карпат, Кемаль — 173, 213—215, 217, 219
 Карр, Реймонд — 310
 Картахена — 296
 Картофель — 275
 Касаба, Решат — 213
 Касанаре — 273
 Касты (в Индии) — 197, 198
 Касты (в Латинской Америке) — 271, 294
 Кастилия — 276
 Кастри, Шарль-Эжен-Габриэль де ла Круа, маркиз — 106
 Каталония — 264, 268
 Католики, католическая церковь — 253—256, 290, 298—300
 Каупленд, Реджинальд, сэр — 177
 Каури — 210
 Кауфменн, Уильям У. — 305
 Кауфтри, Джей — 288
 Казн, Леон — 107, 117
 Квебек — 238, 249, 253—255, 257, 259
 — Акт о Квебеке — 253—255
 Квинни, Валери — 180
 Кей, Джон — 29
 Кей, Марвин М. Майкл — 245
 Кейдер, Чаглар — 35, 94, 95, 139, 143, 152, 153
 Кейн, П. Дж. — 24, 51, 97, 114, 224
 Кейп-Кост — 182, 233
 Кейпфлю, Джеффри — 47, 59
 Кейрус-Уилсон, Э. М. — 38
 Кемп, Том — 36
 Кентукки — 283—284
 Керамика (гончарные изделия) — 109, 111, 187
 Керр, Уилфред Брентон — 258, 280
 Керридж, Эрик — 3, 22, 76, 80
 Кессинджер, Том Дж. — 172
 Кёймен, Оя — 187, 219
 Кизеветтер, М. — 192, 198
 Киллие, Бернар — 95, 100, 103
 Кинг, Грегори — 21
 Кип, Джон — 229
 Кипр — 210
 Кирнан, Виктор — 150
 Киссинджер, Генри — 111
 Китай — 167, 172, 173, 186, 190, 207—209, 226, 281
 — Китайская революция — 61
 — купеческая гильдия (Хонг) — 208
 Клайв, Роберт (барон Плесси) — 222
 Кларк, Джон Дж. — 97, 286
 Кларк, С. Д. — 255, 256, 258, 259, 306
 Кларк, Эдуард — 187
 Классовая борьба — xiii, 48, 49, 54, 57, 60, 117, 119, 129, 132, 134, 147, 241, 291
 Классы (страты) — 47, 56—58, 59, 61, 63, 99, 102, 105, 110, 123, 125, 130, 133, 134, 155, 168, 171, 193, 204, 206, 216, 257, 275, 276, 294
 — высшие, см. *тж.* Аристократия, Крупные землевладельцы (лендлорды) — 12, 52, 53,

- 64, 65, 78, 79, 120, 123, 127, 129, 131, 137, 150, 155, 214, 217, 220, 251, 304, 309
 — низшие (бедные, простонародные) — 10, 44, 47, 58, 61, 91, 94, 95, 120, 126, 127, 133, 134, 142, 148—150, 153, 154, 156, 195, 214, 245, 291, 309
 — средние, см. *тж.* Буржуазия — 3, 10, 12, 20, 22, 40, 53, 63, 84, 85, 118, 243, 244, 256, 300
- Клевер — 16
- Клейн, А. Норман — 232
- Клейн, Герберт С. — 205, 211
- Клейн, Мартин А. — 183
- Клемансо, Жорж-Бенжамен — 62
- Кленденнинг, П. Х. — 229
- Клер, Жан-Жак — 118
- Климат — 71, 72
- Клингеман, Дэвид — 241, 252
- Клодер, Анна С. — 279, 303
- Клу, Шепард Б. — 146
- Клэпхэм, Дж. Х. — 21, 146, 151, 190
- Кобб, Ричард — 132
- Коббан, Альберт — 50, 53, 54, 61, 62, 99, 100, 103, 104, 121, 146
- Коббетт, Уильям — 110, 111
- Койтон — 74
- Кожа, кожаные изделия — 187, 275
- Кокен, Франсуа-Ксавье — 187, 307
- Кокери-Видрович, Катрин — 181
- Кокс — 29, 33, 188
- Кола (орехи) — 209
- Колвин, Люси Дж. — 209
- Колитон — 74
- Колкхаун, Патрик — 21
- Колли, Линда — 151
- Колонисты, см. Переселенцы
- Колумбия — 297
- Кольбер, Жан-Батист — 51, 121, 122, 265
- Кольер, Саймон — 274
- Кольм, Пьер — 238
- Комбит — 270
- Коммерция, см. Торговля
- Компания Генеральных откупщиков — 100
- Компания Иллинойса-Уобаша — 283
- Компания Индианы — 283
- Компания Каракаса — 268
- Компания купцов, торгующих с Африкой — 182
- Компания Огайо — 283
- Комунерос, восстание — 269, 272, 273, 301
- Кон, Бернард С. — 171, 172
- Конвент, см. Франция, Французская (Великая) революция
- Конгрегационалисты — 289
- Кондорканки, Хосе Габриэль, см. Тупак Амару
- Кондратьевские циклы — xi, xiv, xvi, 41, 89, 137
- Конещке, Рихард — 271, 275
- Коннектикут — 283, 287
- Коннел, К. Х. — 13, 14, 152
- Консолидация земель, см. Огораживания
- Константинополь, см. Стамбул
- Континент, см. Европа
- Континентальная блокада (система) — 144—146, 173, 175, 278
- Континентальный конгресс, см. Соединенные Штаты Америки
- Контрабанда, см. Торговля
- Контрактный труд — 183, 203, 287, 288
- Контроль над ценами — 61, 129, 135, 189
- Конфино, Майкл — 175, 192, 198—200, 202
- Копытофф, Игорь — 204
- Корабельные мачты, см. Дерево (древесина)
- Корабли, кораблестроение (судостроение) — 107, 122, 176, 177, 184, 191, 206, 223, 226, 260, 280, 281, 299, 306
- Корвин, Артур Ф. — 298
- Коренные американцы (индейцы) — 237, 248, 249, 253—255, 265, 266, 269—275, 283—289, 306, 308, 309, 312
- Корнблит, Оскар — 270
- Корнуоллис, Чарльз, 1-й маркиз — 171, 222, 225, 226
- Королевская Африканская компания — 206
- Корпорации, см. Гильдии
- Коррехидоры — 265, 266, 270, 271, 277
- Корсика — 88
- Корвин, Эдуард С. — 267
- Корт, Генри
- Коул, Дж. Д. Х. — 139
- Коул, У. А. — 7, 10, 18, 21, 31, 70, 75, 82, 83, 86, 89, 95, 98, 101, 142
- Коулмен, Д. С. — 4, 41
- Кофе — 144, 294
- Кочрен, Томас — 302
- Коэн, Джон С. — 81
- Коэн, Феликс — 246
- Крайстлоу, Аллан — 260, 261, 263, 293
- Кранцберг, Мелвин — 36
- Красавчик Браммел — 140
- Красильное дерево — 181
- Крафтс, Н. Ф. Р. — 37, 75, 86, 89, 95—97, 140, 141, 153
- Кредит — 9, 10, 89, 93, 103—105, 144, 145, 152, 176, 178, 190, 206, 224, 228, 242, 244, 249, 267, 279, 280, 302
- Крейкрафт, Джеймс — 229
- Крейтон, Майкл — 281
- Креолы — 262, 269—277, 303, 305, 306, 308, 309, 311
- Крепостные, крепостное право — 63, 119, 120, 130, 148, 192, 198—204

- посессионные — 202, 203
 - приписные — 202, 203
 - Крестьяне — 6, 19—21, 45—47, 49, 60, 61, 64, 71, 74, 79, 85, 88, 90, 91, 93, 94, 117—120, 123, 125, 126, 130, 139, 147, 190, 192, 193, 195—197, 199—203, 206, 210, 220, 228, 230, 253—255, 271
 - крестьянская революция (крестьянские восстания) — 46, 60, 61, 90, 91, 120, 126, 127, 129, 130, 210
 - Кридте, Питер — 39,
 - Кризис Старого порядка, см. Урожайи
 - Крики (индейцы) — 285
 - Кристи, Иэн Р. — 239, 252, 262
 - Кристоф, Анри — 298
 - Критон, Дональд — 255, 282
 - Кроз, Джон Т. — 10, 14
 - Кромптон, Сэмюэл — 29
 - Кроосс, Херман Э. — 243
 - Крос, Майкл — 299
 - Кросби, Альфред У. — 175, 176
 - Кросс, река — 194
 - Круа, Карлос Франсиско де, маркиз — 265, 266
 - Крузе, Франсуа — 7, 9, 10, 23, 35, 53, 82, 83, 89, 96, 97, 104, 120, 121, 124, 139, 140—144, 146, 147, 152, 154
 - Крупные землевладельцы (лендлорды) — 9, 19, 51, 71, 78, 79, 85, 90—94, 108, 120, 125, 127, 131, 139, 149, 214, 273, 309
 - Крым — 167, 216, 231
 - Куба — 87, 176—178, 286, 298, 310
 - Кувейт — 263
 - Кукуруза — 191
 - Куликофф, Алан — 291
 - Кульсрешта, С.С. — 162
 - Кумар, Дхарма — 198
 - Кумаси — 211
 - Кунья, дон Луиш да — 263
 - Куорлс, Бенджамин — 288
 - Купцы (торговцы) — 9, 33, 39, 40, 43, 45, 47, 53, 57, 87, 96, 102, 103, 106, 107, 109, 110, 127, 133, 161, 162, 164, 165, 168, 171, 176, 177, 185, 188—190, 193—195, 198, 206, 208, 210, 212, 214, 217, 222—224, 226—228, 230, 232—234, 240, 241, 243—245, 249, 253—256, 260, 261, 265, 268, 275, 276, 279, 282, 283, 285—288, 290, 291, 293, 296, 302
 - Курмуш, Орхан — 219
 - Куртен, Филип — 176, 177, 188, 206, 297
 - Куско, восстание — 308
 - Кутайсов, Е. — 187, 202
 - Куэнка Эстебан, Хавьер — 301
 - Кэннадайн, Дэвид — 5
 - Кэмден, 2-й граф и 1-й маркиз, Джон Прэтт, вице-король Ирландии — 300
 - Кэмерон, Рондо Э. — 8, 36, 41, 96
 - Кэммен, Майкл — 247
 - Кэмпбелл, Леон Дж. — 272, 274, 275
 - Кэмпбелла, острова — 151
 - Кэчпоул, Брайан — 205
- Л**
- Ла Банда Ориенталь — 266
 - Ла Плата, река — 272
 - Лабрадор — 249
 - Лабрусс, Камиль-Эрнест — 69—71, 72, 78, 81, 86, 89, 92, 93, 109, 110, 112, 114—116, 118, 137, 270
 - Лавджой, Пол И. — 193, 204, 205, 210, 211
 - Лавочники — 46, 47, 131—133
 - Ладден, Дэвид — 173
 - Лазоник, Уильям — 21
 - Лаккадивские острова — 151
 - Ламартин, Альфонс Д. 4
 - Лангедок — 81, 84, 94
 - Ланкашир — 227
 - Ласт, Мюррей — 210
 - Латифундисты, см. Крупные землевладельцы (лендлорды)
 - Ле Веен, Э. Филип — 176
 - Ле Донн, Джон П. — 201, 230
 - Ле Рон д'Аламбер, Жан — ii
 - Ле Руа Ладжори, Эммануэль — 12, 14, 17, 49, 51, 52, 60, 73, 74, 76—78, 84, 85, 90, 91, 93, 95, 101, 103, 106, 116, 152
 - Левант — 174, 216
 - Леви-Лебойе, Морис — 97, 98, 138, 141, 143, 145, 151, 154, 155
 - Левин, Болеслав — 271, 272
 - ЛеГофф, Тимоти Ж.А. — 119, 120
 - Лежер, Жак — 297
 - Лейбейри, Бенджамин У. — 239, 252, 262
 - Лейбниц, Вильгельм Готфрид — 227
 - Лейк, Джерард, 1-й виконт, генерал — 300
 - Лейрэн, Майкл — 300
 - Лейсерт, Роберт К. 298
 - Лейси, Майкл Дж. — 186
 - Леки, У.И.Х. — 300
 - Лелё, Фернан — 145
 - Ленин, В.И. — 136
 - Леон, Пьер — 36, 69, 79, 81, 95, 98, 138, 151, 153
 - Летаконну, Ж. — 84
 - Лефевр, Жорж — 22, 43, 46, 62, 94, 99, 108, 115, 117, 119, 122, 125—129, 147, 148
 - Лён — 175
 - Ли, Р.Д. — 73
 - Ливингстон, Роберт Р. — 256
 - Ливорно — 257
 - Лилли, Сэмюэл — 31, 33, 34, 38
 - Лилль — 95
 - Лима — 271, 308

Лингельбах, В. Э. — 144
 Линд, Стафтон — 256
 Линдерт, Питер Х. — 153
 Линч, Джон — 262, 271—273, 275, 298, 304, 305, 309, 310, 312
 Лион — 132, 133
 Лисс, Пегги К. — 269, 307
 Лиссабон — 293, 311
 Литвак, Леон — 288, 289
 Литтл, Энтони — 74, 75
 Ло, Робин — 164, 194
 Лоанго, побережье — 168, 177
 Лой, Джейн М. — 273
 Локк, Роберт Р. — 96
 Локке, Карл Людвиг — 280, 294, 297
 Локридж, Кеннет А. — 241
 Ломбарди, Джон В. — 310
 Лонг-Айлендская битва — 267
 Лонгворт, Филип — 199
 Лондон — 103, 105, 109, 172, 185, 187, 190, 208, 217, 224, 238, 249, 255, 256, 259, 284, 301, 305
 Лоран, Робер — 20, 118, 140
 Лорд-Хоу, остров — 151
 Лотарингия — 19, 154
 Лотте, Софи-А. — 133
 Лоуген, Рейфорд У. — 296, 297
 Лошади — 15, 20, 163
 Лоялисты (американские), см. Тори
 Луддизм, см. Великобритания
 Луз, Ниция Витела — 311
 Лузоафриканцы — 168
 Луизиана — 261, 268, 281, 286, 297
 Лукас, Колин — 53
 Лундаль, Матс — 298
 Лунное общество — 2
 Лурмарен — 17
 Льевано Агирре, Индалесио — 272, 273, 275, 297
 Льеж — 154
 Льюис, Бернард — 215
 Льюис, Фрэнк Д. — 301
 Лэдд, Дорис М. — 308
 Лэмб, Д. П. — 177
 Лэмми, Дэвид — 299
 Лэпперт, Джордж Дж. де Х. — 186
 Лэндес, Дэвид — 4, 7, 9, 27—29, 31, 33—36, 40, 45, 70, 86, 97, 108, 143, 152
 Лэнкхот, Густав — 253—255
 Лэтхэм, А. Дж. — 177, 206
 Любин, Морис А. — 305
 Людовик XIV, король Франции — 27, 53, 69
 Людовик XV, король Франции — 53, 71, 75
 Людовик XVI, король Франции — 27, 53, 71, 75, 99, 106, 125, 136, 267, 293

Люты, Герберт — 10, 69, 101, 122, 142, 225
 Люцерн — 268
 Люцерн — 16
 Лященко, Петр И. — 199, 201, 203

М

Маврикий — 151, 183, 226
 Магелланов пролив — 188
 Магриб, см. Африка, Северная
 Мадарьяга, Сальвадор де — 267, 269, 298
 Мадлен, острова — 253
 Мадрас — 171, 173, 183, 197
 Мадрид — 265
 Мазорик, Клод — 49, 120, 130
 Майних, Д. У. — 239, 248, 285
 Макалистер, Л. Н. — 271
 Макгайр, Роберт А. — 291, 303
 Макгоуэн, Брюс — 191, 192, 184, 206
 Макдауэлл, Р. Б. — 299
 Македония — 191, 206
 Макиавелли, Никколо — 180
 Маккиоун, Томас — 11—14
 Макклелланд, Питер Д. — 242
 Макклой, Шелби Т. — 29
 Маккой, Дрю Р. — 286
 Макрелл, Дж. Кв. С. — 60, 119
 Маккуори, острова — 151
 Маклин, Джордж — 233
 Макмиллан, Дэвид С. — 176, 230
 Макникл, д'Арсис — 287
 Макнил, Уильям — 88, 139, 148, 149, 152, 287
 Максвелл, Кеннет Р. — 263, 311
 Макэведи, Колин — 41
 Малабар — 222
 Малайя — 183
 Мали — 209
 Малые Антильские острова — 261
 Мальдивские острова — 151
 Мальта — 151
 Мальтус, Томас — 10
 Манде — 205
 Манила — 261
 Манн, Джулия де Лейси — 30, 95, 97, 185
 Манроу, Дж. Форбс — 181
 Манту, Поль — 4, 6, 19, 24, 32, 34, 98, 111, 112, 149, 150
 Манфред, Альфред — 3, 57, 58
 Манчестер — 32, 101, 109, 198
 Манчестер, Алан Ю. — 210, 264
 Марат, Жан-Поль — 134
 Марджорибэнкс, Чарльз — 185, 186
 Мария-Антуанетта — 128
 Марков, Вальтер — 147
 Маркович, Тихомир Й. — 8, 31, 36, 37, 112, 138

- Маркс, Карл — 4, 40, 41, 45, 58, 63
 — марксисты — 9, 57, 133
- Марокко — 49, 59, 63
- Марсель — 174, 183
- Мартин, Филлис М. — 165, 177, 182, 204, 206, 209
- Мартиника — 87, 297
- Марцаль, Питер — 274
- Марчевский, Жан — 378, 81, 110, 141, 142
- Маршалл, Питер Дж. — 167, 172, 207, 208, 222, 223, 247, 279
- Марьеро Валенсуэла, Маркос — 277
- Массачусеттс — 259, 283, 284, 287, 288, 301
- Масси, Джозеф
- Массон, А. И. — 29, 140
- Массон, Поль — 174
- Массы, см. Класс(ы), низшие
- Масулипатнам — 171
- Матиас, Питер — 3, 5, 21, 25, 26—28, 95, 101, 104
- Матье, Альбер — 124, 126, 134
- Махмуд II, османский султан — 214, 215, 218, 228
- Машины (механизмы) — 5, 6, 27, 29, 30, 32, 33, 36, 38, 96—98, 111, 142, 145, 150, 161, 185, 186, 302
 — гидравлические — 140, 145
 — паровые — 29, 30, 33, 35, 140, 141
- М'Боколо, Эликия — 211
- Межгосударственная система — xii, xiii, 122, 142, 211, 212, 214, 217, 220, 227, 230, 231, 234, 237, 239, 312
 — гегемония — 218, 240, 245, 278, 285, 301, 311
 — дипломатия — 88, 105, 212, 215—218, 227, 233
- Международный валютный фонд — 110
- Мейер, Жан — 77, 87, 101, 103, 118, 144, 177
- Мейн, Джексон Тёрнер — 287
- Мексика — 267, 268, 292, 296—298, 304—306, 308—310
- Мексиканский залив — 281
- Мелкая буржуазия, см. Буржуазия
- Мельясу, Клод — 204, 209, 211, 212
- Мен (Франция) — 131
- Мендельс, Франклин — 39
- Мендоса, Кристоаль 309
- Менорка — 88, 257, 258, 267, 268
- Меркантилизм — 153, 166, 241, 242, 249, 263
- Местр, Жозеф де, граф — 137
- Металл, металлические изделия — 27, 32, 34, 72, 81, 95, 96, 109, 110, 138, 175, 185, 187—189
- Металлургия, см. *тж.* Металл, металлические изделия — 27, 32—34, 72, 81, 95, 96, 138, 175, 187—189, 202, 203
- Метейаж, см. Издольщина
- Метисы — 271, 273, 306, 308, 309
- Меткальф, Дж. И. — 182, 233
- Меткальф, Джордж — 188
- Методизм — 150
- Меха (пушнина), торговля мехом (пушниной), охотники за мехом (пушниной) — 249, 253—255, 282, 283, 295, 296, 300
- Механизация — 6, 17, 15, 27, 30, 35, 62, 96, 113, 120, 152, 153
- Механизм (доктрина) — 5, 36
- Мёвре, Жан — 20, 74, 91
- Мёррин, Джон М. — 252
- Мёрфи, Орвилл Т. — 112
- Миграция, см. Демография
- Миддлкауфф, Роберт — 291
- Миланские декреты, см. Континентальная блокада (система)
- Милль, Джон Стюарт — 4
- Милуорд, Алан С. — 11, 24, 28, 33, 37, 60, 83, 95, 97, 118, 121, 139, 143
- Мин, династия — 167
- Минас-Жерайс — 311
- Мингей, Дж. И. — 15, 16, 18, 19, 21—23, 74, 75, 79, 149
- Минчинтон, Уолтер И. — 86
- Миранда, Франсиско де — 301, 304
- Мир-экономика, капиталистический (европейский) — xi—xvi, 5, 13, 15, 28, 32, 34—36, 41, 42, 65, 69—72, 76, 81, 83, 86, 87, 89, 96, 99, 100, 105, 106, 110, 116, 119, 122, 123, 137, 138, 154, 159—163, 165—177, 179, 181, 183, 184, 188, 195, 196, 200, 203—207, 209, 211—213, 222, 224, 228, 230—235, 241, 246, 247, 263, 265, 270, 273, 292, 295, 306
 — инкорпорация (включение) — xi, xiii, xiv, 159—234
 — инфляция и дефляция — 8, 9, 70, 103, 159, 181, 213, 244, 268, 269, 281
 — конкуренция — xv, xvi, 24, 31, 46, 65, 72, 81—83, 86, 87, 97—99, 106, 108, 109, 111—114, 116, 120, 121, 139, 143, 163, 168, 173, 174, 176, 185, 186, 188, 190, 193—195, 198, 206, 208, 224, 233, 238, 246, 260, 281, 287, 295, 302, 303, 306, 308
 — периферия — xi—xiv, 10, 14, 15, 36, 86, 154, 155, 159—161, 166, 170, 205, 224
 — полупериферия — 106, 109, 114, 176, 228, 231, 233
 — предложение — 8, 75, 76, 93, 94, 143, 172, 190, 287
 — разделение труда — xii, xiv, 35, 120, 130, 159—162, 170, 173, 176, 211
 — спрос — xv, xvi, 6—8, 10, 15, 26, 27, 32, 71, 72, 75, 81—83, 85, 86, 89, 93, 139, 140, 143, 162, 168, 169, 172, 173, 175—178, 181, 182, 201, 206, 208, 210, 221, 252, 260, 287
 — центр (ядро) — xii—xiv, 69—156, 170, 171, 246

— цены — xii, xv, xvi, 9, 13, 15, 16, 31, 36, 52, 61, 69—72, 74—82, 84, 86, 87, 90, 92, 93, 103, 108, 109, 113—115, 120, 129, 131, 135, 139, 149, 150, 153, 154, 162—164, 168, 172—176, 179, 182, 185, 189, 190, 192, 195, 199, 203, 208, 213, 214, 221, 243, 252, , 270, 304

— экономическая свобода — 5, 30, 32, 35, 37, 56, 61, 80, 73, 74, 93, 104, 106—108, 111, 121, 129

— экономический рост — 5, 6, 21, 36, 37, 39, 93, 110, 120, 139, 140, 165, 180, 243, 301

Миссисипи, долина и река — 281, 285

Митчелл, Харви — 130

Мичиган, озеро — 282

Мишилимакино — 249

Мишле, Жюль — 135

Мобил — 285

Модели землевладения, см. Сельское хозяйство

Модернизация — 5, 60, 108, 125, 143, 228, 270

Мокир, Джоэл — 8

Молдавия — 174

Монархия — 44, 45, 90, 99—101, 103, 105, 106, 114, 117, 118, 122, 124, 135, 148, 155, 193, 214, 247, 254, 303, 304, 311

Монгольфье, Бернар де — 155

Монио, Генри — 181

Монктон, Роберт, генерал — 238

Монреаль — 251, 253, 255

Монро, Джеймс — 310

Монтескьё, Шарль Секондат де, второй барон де ла Бред — 255

Морган, Эдмунд С. — 291

Морелос, Хосе Мария — 306, 312

Морея — 216

Морино, Мишель — 10, 11, 17, 26, 70, 71, 73, 76, 84, 86, 94, 100, 101, 103—106, 138

Моррис, Моррис Дэвид — 185

Моррис, Ричард Б. — 258, 287

Мортон, 14-й граф, Джеймс Дуглас — 239

Москва — 300

Мота, Карлос Гильерме — 310—312

Моура, Хосе Жоакин Феррейра де — 311

Муи, Го-Чжэн и Лорна Х. — 84, 208

Мулаты — 271, 274, 294—298, 308, 309, 311

Мунгер, Франк — 149

Муньос Ораа, Карлос Э. — 277

Мур, Баррингтон — 52, 57, 60, 61, 125

Мураджеа д'Оссон, Игнатиус — 158

Мурло, Ф. — 113, 114

Мусви, Шайрин — 195

Мусульмане, см. Ислам

Мухаммед Али, правитель Египта — 187, 214, 218, 219, 228

Мухерджи, Нолмани — 197

Мухерджи, Рамкришна — 225

Мушон, П. — iii

Мыло — 183

Мэн (США) — 258, 284

Мэннинг, Патрик — 165, 174—176, 177, 182, 193, 194, 204

Мэриленд — 244, 245, 250

Мэттингли, Гарретт — 230

Мэхэн, Альфред Тайер, адмирал — 145

Мюллер, Биргитта — 193

Мюррей, Джеймс, генерал — 238

Мяо — 285

Н

Наварро Гарсия, Луис — 261, 263, 268, 292

Наветренные острова — 295

Навигационные акты, см. Великобритания

Навоз, см. Сельское хозяйство, удобрения

Нагасаки — 167

Надомная промышленность, см. Промышленность, раздаточная

Наемные работники, см. Пролетариат

Найт, Фрэнклин У. — 280, 298

Найтингейл, Памела — 173, 185, 208, 222, 226, 227

Налогообложение, см. тж. Государственные финансы

Намьер, Л. Б. — 78, 238, 239, 246, 247

Нана из Варри — 194

Нант — 53, 88, 177

Нантский эдикт, отмена — 114

Наполеон (Бонапарт) — 54, 64, 68, 109, 118, 122, 123, 136—147, 150, 231, 278, 297, 300, 301, 303, 305, 307, 311

Население, см. Демография

Наука — ii, xii, 2, 3, 28, 29, 43, 49, 95, 138

Национальное Собрание, см. Франция, Французская (Великая) революция

Натчес — 286

Негры, см. Чернокожие

Нейтралитет (на морях) — 87, 103, 122, 144, 268, 304, 306

Нейтральная торговля, см. Нейтралитет

Неккер, Жак — 99—101, 105, 106

Нельсон, Уильям Х. — 257, 289, 290

Неттельс, Кёртис П. — 260, 278, 279, 301—303, 307

Неф, Джон У. — 33, 38, 41, 95, 97, 138

Нечерноземье, см. Россия

Нигер, дельта — 163, 169, 182, 188, 194, 195, 206

Нидерланды — 278

— Австрийские — 81, 110

— Нидерландская революция — 43, 121

Никарагуа — 266

Николай I, российский император — 188
 Николлс, Дэвид — 298
 Николя, Морис — 238
 Никсон, Ричард М. — 111
 Нил, Уолтер С. — 153, 196
 Ноай, Луи-Мари де, виконт — 129
 Новайш, Фернанду А. — 263, 311
 Новая Англия — 238, 248, 255, 257—259, 289, 291, 296, 299, 306
 Новая Гранада — 266, 269, 271—274
 Новая Зеландия — 151
 Новая Испания — 265, 266, 272, 292, 305
 Новая Смирна — 257
 Новая Франция, *см.* Квебек
 Новая Шотландия — 258, 259, 267, 280, 281
 — Великое пробуждение (Новый свет) — 259
 Новая экономическая история — 243
 Новый Орлеан — 286
 Новый свет, *см.* Америка (Американский континент, обе Америки)
 Новый Южный Уэльс — 151
 Нолленберг, Бернард — 250, 254, 280
 Нольте, Хайнс-Хайнрих — 166, 169
 Нормандия — 74, 109, 113, 131
 Норрегард, Георг — 193
 Норт, Дуглас С. — 163, 301, 302
 Норт, Фредерик, лорд — 102
 Нортруп, Дэвид — 163, 169, 177, 181—184, 188, 233
 Норфолкская система, *см.* Земледелие, плодосменное
 Нью-Джерси — 283, 288
 Нью-Йорк — 245, 284, 288
 Ньюбери, Колин У. — 181, 182, 184, 194, 206, 209
 Ньюкасл, Томас-Пелхэм-Коллес, 1-й герцог — 238
 Ньюмен, К. — 174
 Ньюфаундленд — 87, 249, 258, 282
 Нэйрн, Том — 150
 Нэфф, Томас — 217
 Нэш, Гэри Б. — 241, 245, 252, 281, 287

О

О'Брайен, Патрик К. — ix, 15, 18, 20—22, 25—27, 35—37, 69, 74, 76, 94, 95, 139, 143, 150, 152, 153
 О'Рейли, Алехандро, генерал — 286
 Обеих Сицилий, королевство — 110
 Оберкампф, Кристоф Филипп
 Оброк, *см.* Россия
 Общество друзей чернокожих, *см.* Франция, Французская (Великая) революция
 Общинные права, *см.* Сельское хозяйство, открытые поля

Общины, общинные земли, *см.* Сельское хозяйство
 Овернь — 14, 19
 Огайо, долина — 248, 253, 254, 283
 Огнестрельное оружие — 42, 188, 232, 285
 Огораживания — 18—21, 24, 60, 75, 79—81, 85, 91, 92, 117, 118, 139
 — консолидация — 18—20, 118, 120
 — лишение собственности — 22, 81
 — раздел общинных земель — 79, 90, 101, 117, 118
 — укрупнение — 91
 Одер — 298
 Оже, — Марк 194
 Озер, Анри — 36
 Ойо — 165
 Окленд, остров — 151
 Окленд, Уильям Иден, 1-й барон, *см.* Иден, Уильям — 113
 Олар, А. — 128
 Олбани — 253, 254
 Оливковое масло — 183
 Олорунтимехин, В. Олатунджи — 193, 210, 233
 Опиум — 172, 173, 190, 208, 209
 Опобо — 194, 195
 Ордонанс Сегюра, *см.* Франция
 Освальд, Ричард — 282
 Ослер, Пьер — 106
 Османская империя — xiv, 158, 159, 166—170, 173, 184, 186, 187, 191, 192, 206, 210, 212—220, 228—229
 — англо-турецкое Балталиманское торговое соглашение, *см.* Договоры (соглашения)
 — аяны — 213—21
 — капитуляции — 216—219
 — консулы — 216, 217, 219
 — миллет — 216
 — секбан — 213
 — сипахи — 213
 — Танзимат — 219
 — тимар — 213
 — хисба — 213
 — Эпоха тюльпанов — 166, 167
 — янычары — 213, 214
 Оспа — 12, 248
 Ост-Индская компания, британская — 171—173, 185, 186, 190, 197, 198, 207, 208, 222—227
 Остен, Ральф А. — 164, 211
 Открытые поля, *см.* Сельское хозяйство
 Откуп налогов — 78, 93, 100, 127, 213
 Отмена рабства, *см.* Рабство
 «Отрыв» (take-off), концепция экономического роста — 6, 10, 37, 39, 82

Отт, Томас О. — 295, 296, 310

Оуэн, Роджер — 173, 209, 217

П

Павел I, российский император — 202, 230

Пазваноглу, Осман-паша — 214

Палата лордов, *см.* Великобритания, парламент

Палата общин, *см.* Великобритания, парламент

Палестина — 73

Палмер, Р.Р. — 26, 38, 48, 49, 54, 247, 290, 299

Пальмерстон, 3-й виконт (лорд), Генри Джон

Темпл — 219

Пальмовое масло — 181, 182, 184

Панамский конгресс (1824) — 297, 310

Паниккар, Кавалам Мадхава — 167

Панталей, Ольга — 293

Пар, *см.* Сельское хозяйство

Парагвай — 266

Париж — ii, 14, 55, 93, 105, 109, 112, 130, 132, 134, 149, 158, 216, 217, 263, 267, 293, 295, 300

Паркер, Р.А.С. — 79

Парламент, *см.* Великобритания, парламент

Пароходы — 302

Паскалева, Вирджиния — 174

Пастбищное хозяйство, *см.* Сельское хозяйство

Патриоты — 103, 275, 289, 290, 299

— американские, *см.* Виги

— ирландские, *см.* Ирландия

Паттерсон, Р. — 31

Паунэлл, Томас — 304

Пахоньский, Ян — 290

Педру I, император Бразилии — 312

Пекин — 285

Пелопоннес — 206

Пенанг — 151

Пенсакола — 266, 285

Пенсильвания — 283, 290

Пенька — 175, 176

Пеонаж — 206, 309

Перевалочные пункты — 72, 184, 242, 253, 261, 279, 299

Передача налогов в откуп, *см.* *Ferriers*

Перейра, Мириам Альперн — 263

Переселенцы (поселенцы), колонисты, *см.* *тж.*

Креолы — 178, 209, 225, 236—312

Переход от феодализма к капитализму — 57, 64, 65, 123, 229

— «реальный революционизирующий путь» (английский) — 45, 55

— «прусский путь» — 45, 55, 57, 67

Перец — 169, 183, 222

Перкин, Х.Дж. — 97

Перкинс, Брэдфорд — 296

Перлин, Фрэнк — 221

Пернамбуку — 311

Перро, Жан-Клод — 118

Персия — 217, 227, 228

Перу — 65, 266, 267, 269, 274, 290, 298, 308—310

— Верхнее — 309

Петтион, Александр — 297, 298

Петр I Великий, российский царь и император — 166, 199, 201

Пиетисты — 290

Пикар, Рожер — 113

Пикардия — 19, 113

Пиль, Жан — 270

Пиль, Роберт — 111

Пиренеи, *см.* Франция, южная

Пиренейский полуостров — 146, 261, 262, 271, 273—277

Питт, Уильям, младший — 68, 107, 109—111, 114, 121, 122, 208, 225, 299, 300

Питт, Уильям, старший — 87, 88, 101

Пламб, Дж.Х. — 4, 7, 10, 87, 88, 102, 149

Плантаторы, *см.* Крупные землевладельцы (ленд-лорды)

Плантации — 87, 161, 165, 178, 179, 182, 189—193, 195, 203, 207, 240, 257, 274, 281, 283, 294, 296, 297, 309

Плесси — 104

Плодородный полумесяц — 207, 214

Плути — 15, 20

Подолье — 216

Пойкерт, Вернер — 165

Поланьи, Карл — 148, 149

Поллард, Сидни — 9, 146

Полуострова — 146, 171, 258, 262, 271, 273—275

Польша — 166, 229, 282

Помбал, маркиз, Себастьян Жозе де Карвалью-э-Мелью — 263, 264, 311

Поместья, крупные, *см.* Крупные землевладельцы (лендлорды), Плантации

Пони, Карло — 35

Портал, Роджер — 188, 201—203, 228, 230

Португалия — 110, 111, 167, 169, 222, 237, 263, 264, 266, 267, 275, 292, 299, 305, 311, 312

— регентский совет — 311

Посредники, *см.* *тж.* Торговля, контрабандная — 144, 169, 183, 193, 194, 196, 197, 215, 220, 223, 244, 293

Пост, Джон Д. — 12

Постан, М.М. — 9

Поук, Уильям Р. — 187

Почвы — 15, 16, 21, 76, 94, 190, 195, 270

Почтовый акт, *см.* Соединенные Штаты Америки

Право голоса — 56

Право на жилище, *см.* Сельское хозяйство, система открытых полей

- Прадо, Кайо, мл. — 311
 Прайс, Джейкоб М. — 89, 100, 242, 245
 Пракаш, Ом — 222
 Предметы роскоши, см. Торговля, предметами роскоши
 Предприниматели, см. Капитал (Капиталисты)
 Пресвитериане — 290, 299, 300
 Пресснелл, Л. С. — 25
 Прибавочная стоимость — xiv, 78, 100, 106, 108, 129
 Прибыль, см. *тж.* Капитализм — xii, xiii, xv, xvi, 7—10, 18, 28, 33, 41, 45, 51, 53, 72, 73, 75, 76, 78, 81, 82, 91, 93, 94, 96, 98, 100, 127, 145, 160, 172, 176—179, 189, 199, 204, 214, 218, 215, 224, 226, 227, 241, 242, 247, 260, 262, 264, 276, 281, 293, 301, 302, 309
 Принудительный труд, см. Долговая крепость, Контрактный труд, Крепостные, Пеонаж, Рабство
 Продовольствие (продукты питания, пища) — xv, 13, 14, 16, 17, 20, 62, 70, 71, 73, 76, 79, 81, 94, 127, 149, 150, 163, 170, 175, 182—184, 195, 196, 203, 211, 244, 245, 253, 256, 266, 280
 Производительность
 — в промышленности — 95, 97, 113, 152, 184, 185
 — в сельском хозяйстве, см. Сельское хозяйство, урожайность
 — общая — 28, 75, 76, 140, 143, 148
 Производство — xii—xvi, 4—8, 10, 11, 13, 15, 18, 21, 24, 25, 27—35, 37, 39, 42, 45, 60, 51, 56, 57, 69, 71, 72, 75, 76, 80—82, 85, 86, 90, 95—97, 107, 110, 114, 116, 117, 120, 121, 131, 139—144, 153, 154, 160, 161, 163, 164, 168, 170, 172—176, 178, 179, 181—201, 204—213, 219, 221, 222, 226, 228, 234, 241, 270, 278, 280—282, 287, 291
 — производственные отношения — 6, 17, 24, 34, 51, 57
 — способ производства — 7, 30, 35, 50, 56, 57
 Пролетариат, см. *тж.* Классы, низшие — xii, 6, 22, 59, 123, 132, 133
 — пролетарская революция — 57, 58, 62
 — субпролетариат — 133
 Пролетаризация — 6, 7, 13, 91, 118, 128
 Промышленники — 2, 46, 53, 89, 101, 107, 114, 143, 145, 151, 154, 156, 176
 Промышленность (индустрия) — 3—42, 46, 50, 72, 75, 81, 82, 85, 88, 89, 94—98, 104, 106—109, 112—114, 118, 124, 137—146, 151, 152, 154, 174, 175, 186—188, 197, 201, 202, 216, 218, 219, 268, 273, 282, 301—303
 — промышленная революция — 3—42, 45, 51, 56, 58, 65, 72, 82, 96, 177—179, 224, 312
 — «первая» промышленная революция — 3, 23, 27, 34, 36, 37, 42, 43
 — раздаточная — 34—36, 96, 141, 142, 190, 191
 Просвещение — 11, 64, 130, 135, 263, 264
 Простолюдины, простонародье — 52, 78, 125, 214
 Протекционизм — xiv, 24, 81, 82, 95, 99, 111, 114, 121, 144
 Протеро, Р. М. — 148
 Протестанская этика — 53, 193
 Протестанты — 253, 255, 298—301
 Протоиндустриализация — 39, 85
 Протокапитализм — 234
 Процент — 9, 77, 172, 190, 206
 Пруссия — 90, 110, 122, 146
 «Прусский путь», см. Переход от феодализма к капитализму
 Пруча, Фрэнсис Пол — 287
 Прямые производители, см. Сельское хозяйство
 Пряности (Специи) — 162
 Пугачев, Е. И. — 203, 230, 271
 Пуланзас, Никос — 3, 46
 Пурейяр, Вернон Ж. —
 Пуритане, см. Протестанты
 Пустоши, пустые земли, см. Сельское хозяйство
 Пуфендорф, Сэмюэл — 261
 Пуэрто-Рико — 296
 Пшеница — 16, 17, 69, 76, 140, 174, 175
 Пью, Уилма Дж. — 98, 106
 Пэйрз, Ричард — 260
 Пэрис, Роберт — 216
 Пюше, Жак — 113
- Р**
- Работники, сельскохозяйственные (безземельные) — 46, 85, 90, 91, 118, 130, 243
 Рабочая сила — 6, 10, 11, 15, 17, 21, 27, 28, 30, 35, 94, 119, 152, 154, 170, 175, 181, 182, 194—196, 198, 199, 201, 203, 207, 230, 286
 Работники (промышленные, городские), рабочие, рабочий класс — xiii, 6, 20, 22, 34, 35, 58, 86, 93, 94, 108, 113, 130—133, 142, 145, 147—156, 164, 170, 183, 195, 198, 201—203, 243
 Рабство — 177—180, 197, 199, 203—205, 219, 220, 273, 287—289, 291, 296, 309, 311
 — домашнее — 203—205
 — отмена — 177, 178, 180, 193, 205, 288, 295, 309
 — охота на рабов — 174, 181, 182, 204, 210
 — работорговля — 7, 53, 88, 165, 165, 176—184, 189, 193, 194, 201, 204—206, 209—212, 231—233, 287, 288

- Рагац, Лоуэлл Дж. — 247
Раефф, Марк — 200, 228
Раздаточная система, см. Промышленность
Райатвари (система землепользования), райаты — 196, 197, 227
Райграс — 16
Райерсон, Стэнли Б. — 238, 249, 256
Райли, Джеймс С. — 25, 93, 103, 104
Райневаль, Жерар де — 107, 109, 110
Райт, Дж. Лейч, мл. — 284
Райт, Джозеф, из Дерби — 2
Райт, Х. Р. С. — 227
Рантье — 127
Рассел-Вуд, А. Дж. Р. — 264
Растоу, Данкуорт А. — 167
Раут, Лесли Б., мл. — 309
Раш, Аге — 176
Реберу, Марсель — 136
Революция, см. соответствующие пункты в: Буржуазия, Демография, Крестьянство, Пролетариат, Промышленность, Сельское хозяйство, Технологии, Торговля (коммерция), Транспорт
Регуляторы — 284, 289
Редлих, Фриц — 35
Режемортер, Жан-Луи ван — 175
Реис, Артур Сесар Феррейра — 263
Рейналь, Гильом, аббат — 279
Рейнар, Марсель — 152
Рейнольдс, Эдуард — 182
Рейчодхури, Тапан — 162, 163, 185, 190
Рекорд, Р. Дж. — 12
Ремесла — 85, 177, 249, 292
Ремесленники — 46, 47, 88, 93, 96, 129, 133, 134, 148, 201, 287
Ренты — 18, 27, 53, 70, 71, 75, 77, 79, 85, 93, 100, 103, 106, 124, 126, 129, 149, 190, 191, 196, 200, 203
— *rentes perpetuelles* («вечные» ренты) — 103
— *rentes viagères* (пожизненные аннуитеты) — 103
Ресник, Дэниел П. — 180
Решид-паша, Мустафа — 219
Рёль, Рихард — 96
Ригли, И. А. — 5, 6, 13, 14, 22, 32, 73, 74
Римско-голландское гражданское право — 253
Рио-де-Жанейро — 311
Риппи, Дж. Фред — 282, 303, 305, 310
Рис — 179, 196, 257, 302
Рич, Э. Э. — 248
Ричардс, Алан — 174
Ричардс, Дж. Ф. — 190
Ричардс, У. А. — 232
Ричардсон, Дэвид — 179
Ричардсон, Томас Л. — 21
Ришар-Ленуар, Франсуа — 145
Рише, Дени — 50, 54–56, 59, 112, 134, 135
Робен, Регина — 43, 56, 57, 100
Робертс, Дж. М. — 50, 103
Робертс, Ричард — 29
Робертсон, М. Л. — 279
Робертсон, Уильям Спенс — 310
Робеспьер, Максимильтен — 46, 47, 55, 59, 60, 124, 134–136
Робинсон, Дональд Р. — 288
Робинсон, Седрик Ж., — 178
Робинсон, Эрик Х. — 140
Род-Айленд — 287
Роджерс, Джеймс И. Торольд — 148
Родни, Уолтер — 176, 181, 183, 184, 188, 204, 205
Родригес, Марио — 266, 304
Рождаемость (фертильность), см. Демография
Рожь — 140
Рокингем, Чарльз Уотсон-Вентворт, 2-й маркиз — 260, 298
Российская компания — 175
Россия — xiv, 70, 110, 111, 159, 160, 166, 168–170, 174–176, 187, 188, 192, 198, 199, 201, 207, 212, 213, 216–218, 227–231
— барщина — 198–200, 206, 207
— казаки — 230
— Нечерноземье — 192
— оброк — 192, 193, 198–200, 202
— Русская революция — 42, 49, 54, 56, 61, 62, 231
Ростоу У. У. — 5, 95
Ротермунд, Дитмар — 191, 222
Роуз, Дж. Холланд — 114, 144
Роуз, Р. Б. — 128, 136, 147
Роули, Джеймс А. — 182
Роулик, Джордж А. — 258, 259
Рош, Макс — 125, 217
Ру, Жак и его последователи, см. Франция, Французская (Великая) революция, «бешеные»
Руан — 88, 95, 109, 113, 179
Руве, Жозеф — 17
Руде, Георг — 45, 125, 128, 132, 133, 136
Рудники (шахты) и горное дело — 96, 119, 168, 175, 201, 202, 211, 270, 271
Румелия — 170, 214, 215
Румыния — 206, 215
Руссо, Жан-Жак — 122
Рут, Хилтон Льюис — 80, 119
Руццини, Карло — 215
Рушук — 215
Рыба, рыболовство — 87, 178, 193, 268, 290
Рынок — xii, xvi, 7, 13, 24, 28–31, 34, 35, 39, 46, 52, 61, 70–72, 78, 80–84, 86, 89, 91, 92, 97, 98, 106–108,

- 111—114, 121, 127, 131, 138, 141, 143, 146, 147, 154, 155, 160—165, 170, 171, 173, 178, 182—186, 188, 190, 192—196, 198, 199, 201, 205, 208, 218, 221, 226—230, 243, 255, 271, 279, 281, 302, 306
 — внутренний (домашний, национальный)
 — 7, 8, 81, 83, 84, 87, 97, 98, 114, 140, 154, 169, 185, 188
 — локальный (местный) — 71, 72, 163, 170, 184
 — мировой (международный) — xvi, 24, 29, 30, 34, 72, 75, 77, 143, 152, 154, 161, 174, 177, 194—196, 199, 232, 303
 — региональный — 163, 183, 211
 Рэзселл, П. И. — 12
 Рэмси, Джон Фрэйзер — 88
 Рэнсом, Роджер Л. — 243

С

- Саванна, см. Африка, Западная (а также Центральная)
 Савель, Макс — 259, 261, 267, 289
 Савиль, Джон — 6
 Сады, садоводство — 17
 Сазерленд, Дональд — 120, 130
 Сакраменто — 266
 Сакс, Уильям А. — 252
 Саксония — 191
 Сала-Молен, Луи — 295
 Сальвуччи, Ричард Дж. — 292
 Самнер, Б. Х. — 227
 Самори, Туре — 209
 Сан-Доминго, см. Гаити
 Сандаловые деревья — 222
 Санкт-Петербург — 176
 Санкюлоты — 47, 58, 59, 61, 62, 64, 123, 126, 129—135, 148
 Санта Фе де Богота — 272, 273, 296
 Санто-Доминго, см. Гаити
 Саппл, Барри — 23
 Саратога — 267
 Сатмарь, Давид П. — 291
 Саттон, Кейт — 90
 Сахар — 144, 177, 178, 179, 182, 186, 190, 238, 260, 280, 293, 296, 298, 309
 Сахара — 209
 Сахель, см. Африка, Западная (а также Центральная)
 Св. Елены, остров — 151
 Св. Лаврентия, река — 268, 282
 Север (северные штаты), см. Соединенные Штаты Америки
 Северная Каролина — 245, 284, 289
 Североамериканские колонии, см. Соединенные Штаты Америки

- Севиля — 261, 276, 305
 Севооборот (ротация) (трехпольный), см. Сельское хозяйство
 Сегюр-Дюпейрон, П. де — 109, 304
 Седильо, Рене — 152
 Сезар, Айме — 293, 295
 Сейшельские острова — 151
 Селим III, османский султан — 187, 217, 218
 Селитра — 198
 Сельское хозяйство — 4, 12—15, 17, 18, 20—24, 27, 32, 35, 37, 39, 46, 50, 52, 70—72, 74—78, 81, 82, 84, 85, 89—91, 94, 109, 110, 113, 116—119, 127—131, 138—142, 145, 148, 149, 154, 170, 175, 191—193, 195, 196, 199, 203, 211, 216, 296, 302, 308
 — земледелие — 13, 15—18
 — модели землевладения — 7, 20, 191, 196, 254, 300
 — общинные земли — 90, 91, 117, 118
 — открытые поля — 18, 19, 21, 61, 77, 79
 — пар — 15—17, 79, 91
 — пастбищное хозяйство — 13, 16, 18, 80, 91
 — прямые производители — 47, 75, 78, 93, 100, 161, 190, 194, 197, 221
 — пустоши — 18, 79, 90, 91, 117, 292
 — севооборот — 16, 20, 76, 192
 — сельскохозяйственная революция — 14, 17, 20—23, 76, 94
 — товарные культуры — 170, 172, 293, 205, 302
 — триаж — 90
 — удобрения — 16, 17, 76
 — урожайность — 12, 14—18, 20, 70, 71, 74, 76, 85, 94, 139, 140, 191, 195, 200
 — фуражные культуры — 16, 18, 94, 245
 — *droit de parcours* (право на выпас скота на пустошах другой коммуны) — 79, 91, 117
 — см. *тж.* названия различных сельскохозяйственных профессий
 Семилетняя война, см. Войны
 Семмель, Бернард — 150
 Сен-Жакоб, Пьер де — 93, 127
 Сен-Мартен, Франциск-Мартин-Франсуа Греньер — 236
 Сен-Симон, Клод-Анри де Рувре, герцог — 6
 Сенегал — 88, 183, 209
 Сенегал и Гамбия (Senegambia) — 188
 Сент-Винсент — 88
 Сент-Люсия — 151
 Сент-Марк — 294
 Сент-Огастин — 285
 Сентоян, Ж. — 294, 295
 Сеньориальная реакция, см. Аристократия, аристократическая реакция

- Сеньоры, см. Крупные землевладельцы (ленд-лорды)
- Сераджудин, А. С. — 138
- Сербия — 214, 285
- Серебро — 168, 171, 207, 208, 213, 224, 226, 260
- Сеспедес дель Кастильо, Гильермо — 266
- Сетон-Уотсон, Хью — 228, 229
- Сефевидская империя — 210
- Сибирь — 230
- Сиддики, Асия — 177, 189
- Сийес, Эммануэль-Жозеф, аббат — 58
- Силва, Андре-Мансуи Динис — 263
- Сингх, Н. П. — 198
- Синд — 173
- Синха, Наренда Кришна — 171—173, 185, 186, 195, 197, 207, 208, 224, 226
- Сипакира — 273
- Сирия — 170, 173, 187, 206, 218
- Сироткин, В. Г. — 230
- Система социальных пособий в Англии, см. Спинхемлендская система
- Сити, см. Великобритания
- Скемптон, А. У. — 84
- Скиотис, Деннис — 214
- Скот — 16, 18, 79, 90, 91, 117, 163, 296
- Скочпол, Теда — 61, 101, 123
- Слихер ван Бат, Б. Х. — 15, 16, 76, 94, 110
- Слоновая кость — 169, 181, 194
- Слоун, Уильям М. — 297
- Смелсер, Нил — 185
- Смилянская — 187
- Смит, Адам — 63, 92
- Смит, В. Керри — 104
- Смит, Пол К. — 250
- Смертность, см. Демография — 11, 13, 42, 73, 74, 153
- Собуль, Альбер — 42—47, 49, 56—60, 63, 69, 100, 118, 121, 126, 128—133, 139, 141, 144, 147
- Совани, Н. В. — 172
- Соединенное Королевство, см. Великобритания
- Соединенные Штаты Америки (США) — 99, 102, 103, 105, 114, 138, 140, 154, 168, 173, 174, 176, 186, 199, 218, 259, 267, 268, 277—286, 288, 292, 293, 295, 296, 297, 300—303, 306—308, 310, 312
- Акт об эмбарго (1808) — 303
- Американская революция (Американская война за независимость) — 97, 99, 101—103, 177, 188, 213, 255—258, 266—269, 278, 280—284, 288, 289, 291
- восстание Бэкона — 291
- восстание Шейса — 291
- Гербовый акт — 243, 249, 252, 260, 298, 299
- Гражданская война (1861—1865) — 173, 174
- Декларационный акт Рокингема — 299
- Декларация независимости — 255, 287
- закон о денежном обращении — 243, 244
- Законы Тауншенда — 299
- запад (западный фронт, пограничные земли, экспансия на запад) — 239, 245, 248, 259, 263—265, 281—284, 289, 307
- Конституционный конвент — 291
- Конституция США — 291
- Континентальный конгресс — 291
- Невыносимые законы — 254
- север (северные штаты) — 238, 249, 253, 254, 256, 277, 283—285, 287, 288, 290
- северо-запад — 248, 283, 284, 286
- северо-западные ордонансы (1787) — 283, 288
- Средние колонии — 252
- Статьи Конфедерации — 286
- тихоокеанское побережье — 307
- Чайный акт — 250
- юг (южные штаты) — 277
- Сокорро — 262
- Сокото, халифат — 210
- Сол, С. Б. — 11, 24, 28, 33, 37, 60, 83, 95, 97, 118, 121, 139, 143
- Соль — 198
- Сорель, Альбер — 61
- Спинхемлендская система, см. Великобритания
- Спиэр, Персиваль — 195, 221, 226
- Сполдинг, Карен — 308
- Способ производства, см. Производство
- Сраффа, Пьетро — 168
- Средиземное море, Средиземноморье — 68, 88, 151, 167, 217, 281
- Средние классы, см. Классы, средние
- Средний Восток, см. Левант
- СССР, см. Россия
- Стамбул (Константинополь) — 167, 215, 217, 285
- Староверы — 193, 230
- Стекло, стеклянные изделия — 109
- Стейн, Барбара, — 261, 292
- Стейн, Роберт Льюис — 97, 180
- Стейн, Стэнли Дж. — 261, 265, 292
- Стернз, Питер — 151
- Стивенс, Уэйн Эдисон — 249, 250, 254, 255, 284
- Стивенсон, Джон — 150, 233
- Стоддард, Т. Лотроп — 293, 294
- Стормонт, 7-й виконт, Дэвид Мюррей — 225
- Стоувер, Джон Ф. — 280
- Стоянович, Траян — 169, 174, 191, 206
- Страхование — 80, 108, 178, 228, 244
- Строительство зданий — 10

Стурм, Рене — 108
 Субсидии, см. Протекционизм
 Суверенные государства, см. Межгосударственная система
 Сундстрём, Ларс — 193
 Сурат — 171, 173, 185
 Суре-Каналь, Жан — 210
 Суфийские ордена, см. Ислам
 Суческа, Альдо — 213
 Сьерра Леоне — 151
 Сьюэлл, Уильям Х., мл. — 65, 117, 131, 153, 155
 Сэ, Анри, — 36, 52, 69, 79, 90, 91, 110, 112, 113, 294
 Сэмюел, Рафаэль — 21, 35

Т

Табак — 179, 183, 240, 241, 250, 262, 279, 286
 Таварес, Луис Энрике Диас — 311
 Тайдуотер — 283, 284
 Талейран (Перигор), Шарль-Морис де, герцог — 103
 Такер, Дж. С. Л. — 4, 73
 Такер, Р. С. — 86
 Талл, Джетро — 15, 29
 Танги де ла Буасьер, С. С. — 102, 106
 Тандетер, Энрике — 270
 Танзимат, см. Османская империя
 Тарифы, см. Протекционизм
 Тарле, Евгений — 188
 Таррад, Жан — 113
 Татары (крымские) — 216
 Тауншенд, Джордж — 299
 Тауншенд, Чарльз — 249, 252, 299
 Тевтонские рыцари — 298
 Тейлор, Артур Дж. — 153
 Тейлор, Джордж В. — 46, 51, 86, 103
 Тейлор, Джордж Робертс — 301
 Тейни, Роджер — 288
 Тейт, У. И. — 21
 Темперли, Харольд — 310
 Теннесси — 284
 Теремин, М. — 121
 Термидор, см. Франция, Французская (Великая) революция
 Терно, Луи Гильом, барон — 145
 Терраферма, см. Венесуэла
 Террор, см. Франция, Французская (Великая) революция
 Терьер, Огюст — 180
 Техас — 307
 Технологии — iv, 2, 5, 7, 8, 15, 23, 28—36, 38, 52, 72, 74, 76, 80, 82, 89, 90, 94, 77, 98, 139, 139, 143, 145, 155, 175, 176, 184, 185, 188, 193
 — технологическая революция, см. тж. Изобретения, Инновации (новшества) — 38, 39
 Тёрнер, Дж. А. — 198
 Тёрнер, Майкл А. — 76
 Тёрнер, Фредерик Дж. — 283, 284
 Тибет — 207
 Тилли, Луиза А. — 84
 Тилли, Ричард — 3
 Тилли, Чарльз — 49, 85, 96, 112, 125, 127, 130, 131
 Тиммер, С. Питер — 16, 17, 94
 Типу Султан — 222
 Тихий океан — 246
 Ткани (текстиль) и сырье для них, производство тканей — 7, 8, 24, 27, 29—32, 34, 35, 37, 71, 72, 89, 96—98, 108, 109, 111—113, 131, 139—144, 154, 163, 173, 179, 184—188, 191, 197, 201, 202, 208, 271, 273, 301, 303, 308
 — полотно — 29—31, 109, 114, 140
 — хлопок — 8, 10, 14, 17, 19—21, 24, 25, 27, 83, 88, 89, 95—98, 108, 109, 111, 113, 114, 140—144, 154, 170, 172—174, 179, 183—188, 190—192, 197, 198, 208, 209, 216, 224, 268, 269, 302, 308
 — шелк — 109, 132, 172, 173, 186, 187, 190
 — шерсть — 8, 29—31, 82, 91, 94, 95, 109, 137, 140, 191, 288
 Тобаго — 151
 Товарные культуры, см. Сельское хозяйство
 Товарные цепочки в мире-экономике — 160, 169, 189, 206, 207, 234, 246
 Тодоров, Николай — 215
 Тойнби, Арнольд (старший) — 4
 Токвиль, Алексис де — 46, 49, 54, 55, 65, 112, 116, 123, 134—136
 Томас, Дороти Суэйн — 160, 162
 Томас, Роберт Пол — 178—180, 193, 242, 243
 Томас, Уильям И. — 160, 162
 Томас, Хью — 298
 Томис, Малькольм И. — 150
 Томпсон, Эдвард П. — 98, 148, 150, 155, 156, 298, 300
 Тон, Вольф — 300
 Тоннессон, Каре Д. — 132, 133, 147
 Топливо (горючее), см. Энергия
 Топольский, Ежи — 15
 Торговля (коммерция) — xiii, xiv, 4, 7, 8, 11, 24, 30, 51, 53, 61, 72, 81—84, 86—89, 93, 94, 96—98, 101—114, 116, 121, 122, 124, 129, 131, 138, 142—145, 151, 152, 160—186, 190—194, 204—219, 222—234, 240—246, 249, 250, 252—255, 259—264, 266—268, 275, 279—287, 292, 293, 295, 296, 298, 301—308

- внешняя (экспортная) — 7, 8, 82, 86, 96—98, 101, 106, 142, 145, 151, 175, 181, 192, 193, 216, 228, 279, 280, 286, 302, 303
 - законная (работоторговля) — 163, 176, 178, 181, 193
 - колониальная — 83, 97, 144, 262, 292
 - контрабандная — 83, 84, 107, 108, 111, 112, 146, 178, 243, 260, 262, 268, 286, 292, 304
 - на дальние расстояния — 84, 163, 233
 - предметами роскоши — 162, 163, 169, 176
 - свободная — 108, 121, 129, 218, 219, 223, 234, 261, 275, 286, 305
 - «сельская» (внутрирегиональная, «провинциальная») — 167, 169
 - торговая революция — 112
 - торговый порт — 164, 165, 167
 - трехсторонняя, *см. тж.* Рабство, работоторговля
 - Тори — 180, 246, 257, 289, 290
 - Торке, Ханс Й. — 229
 - Траванкор — 222
 - Травопольное земледелие, *см.* Земледелие, плодосменное
 - Трансильвания — 216
 - Транспорт — 9, 10, 14, 22, 28, 32, 70—72, 83—85, 92, 100, 169, 181, 193, 202, 212, 228, 260, 302, 307
 - водный — 32, 84, 85, 96, 120, 169, 172, 193, 241, 281, 284, 302
 - дороги (наземный) — 85, 163
 - железные дороги — 28, 32
 - каналы — 32, 84, 85, 96, 120, 302
 - транспортная революция — 85, 86
 - Трафальгарская битва — 143
 - Трендли, Мэри — 296
 - Треска — 106
 - Третий Интернационал — 134
 - Третье сословие, *см.* Франция, Французская (Великая) революция
 - Три епископства (регион Франции) — 19
 - Тринадцать колоний, *см.* Соединенные Штаты Америки
 - Тринидад — 151
 - Трипати, Дживендра — 173, 226, 227
 - Триполи — 210
 - Тристан-да-Кунья — 151
 - Трудель, Марсель — 254, 278, 281, 282
 - Труильо, Мишель-Рольф — 294
 - Труильо, Энок — 298
 - Трэнтер, Н. Л. — 152
 - Тулуза — 19
 - Тунгасуа — 271
 - Тупак Амару — 269, 270
 - Турнепс — 16
 - Турция, *см.* Османская империя
 - Туссен-Лувертюр — 236, 296, 297
 - Тутен, Ж.-С. — 73
 - Тьер, Адольф — 143
 - Тэмбоу, Дэвид С. — 210
 - Тюдоры — 148, 248
 - Тюлар, Жан — 118, 139, 147
 - Тюрго, Анн-Робер-Жак — 93, 99, 101, 105, 106, 132, 267
- У**
- Уайтхед, Дональд — 7, 82
 - Уайтэккер, Артур П. — 264, 284—286, 292, 293, 297
 - Уатт, Джеймс — 7, 29, 31
 - Убичини, М. А. — 187
 - Уголь — 5, 32, 33, 119
 - Удобрения, *см.* Сельское хозяйство
 - Узоигве, Дж. Н. — 204
 - Уивер, Эмили П. — 259
 - Уида — 164, 165, 176
 - Уилкинсон, Джон — 32
 - Уилкс, Айвор — 209
 - Уилкс, Джон — 250
 - Уилсон, Ройел К. — 298
 - Уилсон, Чарльз — 36
 - Уильямс, Гвин А. — 133
 - Уильямс, Дж. Э. — 153
 - Уильямс, Джудит Блоу — 260, 280, 281, 286, 302
 - Уильямс, Реймонд — 4
 - Уильямс, Эрик — 177—180
 - Уильямсон, Джеффри Дж. — 38, 153
 - Уитсон, Агнес П. — 238
 - Украина — 199
 - Умар, Эль-Хадж — 210
 - Уодделл, Д. А. Дж. — 308, 311
 - Уодсворт, Альфред П. — 95
 - Уокер, Джеймс У. Ст. — Дж. — 288
 - Уолдмен, Мэрилин Робертсон — 210
 - Уолпол, Роберт, 1-й граф Оксфорд — 239, 247, 250
 - Уолтон, Гэри М. — 244, 252, 278, 280
 - Уорд, Дж. Р. — 104
 - Уорден, Дж. Б. — 241
 - Уорди, Дж. Р. — 19
 - Уорсли — 32
 - Уотсон, Иэн Брюс — 171, 221, 223, 224, 241
 - Уотсон, Ричард, епископ Лэндофф — 33
 - Уоттс, Джон — 238
 - Урал — 187, 201—203, 230
 - Уровень жизни (жизненные стандарты) — 15, 17, 85, 87, 153, 154, 195, 196, 220

Уровень рождаемости, см. Демография
 Уровень смертности, см. Демография
 Урожаи (хорошие, плохие) — 14—18, 20, 70, 71, 74, 79, 82, 94, 139, 140, 149, 175, 192, 195, 200, 206, 208, 252, 264
 — кризис Старого порядка — 46, 70, 71, 101, 107, 114
 Урожайность, см. Сельское хозяйство
 Уругвай, см. Ла Банда Ориенталь
 Усман дан Фодио — 209, 210
 Учредительное Собрание, см. Франция, Французская (Великая) революция
 Уэллс, Фернан — 253—255, 306, 307
 Уэлсли, Ричард Колби, маркиз — 223, 305

Ф

Фабрики — 6, 27, 34, 35, 133, 172, 191, 201—203
 Файндли, Картер В. — 218, 219
 Файф, Кристофер — 205
 Фалькус, М. Е. — 188, 201, 202
 Фамильный договор, см. Договоры (соглашения)
 Фанти — 232, 233
 Фарли, Дж. Льюис — 174, 187, 219
 Фасселл, Дж. Э. — 18
 Фауст, Клиффорд М. — 228
 Февр, Люсьен — 6
 Фей, С. Р. — 209
 Фейдж, Дж. Д. — 204
 Феликс, Дэвид — 9
 Феодализм — 20, 42, 44, 45, 47, 48, 50—52, 57—61, 63—65, 77, 78, 80, 90, 93, 94, 117, 119, 123—130, 137, 139, 155, 156, 202, 203, 229, 241
 — прусского типа, см. *Gutsherrschaft*
 — феодальная реакция, см. Аристократия, аристократическая реакция
 — феодальные повинности — 50, 51, 59, 77, 78, 80, 115, 119, 127, 128, 139, 199
 — феодальные привилегии (права) — 44, 51, 54, 61, 63, 77, 90, 117, 129, 241
 Фергюсон, Э. Джеймс — 244
 Фердинанд VII, король Испании — 305—307, 310
 Фермеры (хозяева), мелкие, см. Крестьяне
 Ферро, Марк — 43
 Ферштег, Кларенс Л. — 281
 Фессалия — 191
 Фехер, Ференс — 131, 132, 135
 Фёдоров, А. С. — 229
 Фёрбер, Холден — 169, 188, 189
 Физиократы, теории физиократов — 77, 92—94, 110, 122, 126
 Филадельфия — 114, 245, 254, 288, 291
 Филан, Джон Ледди — 263, 272, 312
 Филипп II, король Испании — 69
 Филиппи, Фридрих — 38
 Филиппс, С. Х. — 223, 226
 Финны — 285
 Фиттон, Р. С. — 303
 Фишер, Алан У. — 231
 Фишер, Дж. Р. — 271
 Фишер, Джон — 264, 304, 308
 Фишер, Колин М. — 190
 Фишер, Х. Э. С. — 89
 Фландрия — 94
 Флёрри, Андре-Эркуль, де — 99
 Флинн, М. У. — 73, 153
 Флинт, Дж. Э. — 176, 177, 189
 Флорескано, Энрике — 304
 Флорида — 257
 Флоридабланка, дон Франсиско Антонио Моньино де, граф — 296, 304
 Фокс, Чарльз Джеймс — 111
 Фолен, Клод — 81, 114, 143, 279
 Фолклендские (Мальвинские) острова — 88
 Фолкнер, С. А. — 131
 Фон Тунцельманн, Г. Н. — 140, 150
 Форбс, Р. Дж. — 33
 Форрест, Алан — 147
 Форстер, Роберт — 51, 77, 79, 80, 125
 Фостер, Джон — 150
 Фошо, Марсель — 131
 Франгакис, Хелен — 173, 174
 Франк, Андре Гундер — 87, 89
 Франко, Фрэнклин Дж. — 296
 Франко-британские войны 1792—1815 годов — 73, 101, 103, 104, 116, 177, 221, 297, 301, 306
 Франция — 3—8, 11, 17, 19, 20, 22, 24—27, 29, 31, 33, 36, 37, 39, 41—65, 68—99, 101—133, 136—156, 171, 173—177, 179—183, 186, 188, 189, 194, 198, 206, 210, 214, 216—218, 224—226, 230, 231, 233, 234, 236—241, 245, 248, 249, 253—255, 260, 261, 263, 264, 266—270, 275, 278—282, 284, 286, 288, 293—300, 302—306, 310—312
 — атлантическая (западная) — 88, 141
 — Гугенотские войны — 155
 — ордонанс Сегюра — 52, 63
 — Июльская монархия — 69
 — парламенты — 100, 104
 — Пять Больших откупов — 84
 — Революция 1830 года — 44, 155, 156
 — Регентство — 69
 — Реставрация — 60, 74,
 — северная (северо-восточная) — 14, 22
 — Старый порядок (Старый режим) (*Ancien Régime*) — 36, 45, 50, 51, 53, 54, 60, 63,

- 70—72, 90, 110, 117—119, 121—123, 129, 132, 134, 135, 138, 141, 142, 144, 217, 254
- финансисты (*financiers*), см. тж. Бюрократия — 53, 63, 100, 104
 - Французская (Великая) революция — iv, 3, 4, 17, 19, 29, 42—66, 75, 90, 95, 98, 99, 103, 115—152, 155, 156, 180, 225, 264, 270, 278, 284, 293, 294, 299, 300, 303, 304, 306, 311, 312
 - антикапиталистическая — 45, 58, 60, 132, 137, 149, 150
 - ассигнации (*assignats*) — 103, 131, 141
 - атлантическая доктрина — 42, 48, 49
 - «бешеные» (*Enragés*) — 147
 - брюмер (18-е брюмера) — 47, 143
 - Великий страх — 128
 - Генеральные штаты, созыв — 62, 98—100, 126, 127, 293
 - Декларация прав человека и гражданина — 43, 46, 125
 - Директория — 141, 300
 - жирондисты — 47, 55, 59, 131, 134, 136
 - заговор Равных, бабувизм — 59, 60, 147
 - закон Ле Шапелье — 132
 - Конвент — 103, 118, 121, 128, 135, 136, 295
 - Консульство — 118, 132, 141, 143
 - «контрреволюция» — 44, 119, 120, 130, 132, 150, 155, 246
 - либеральная (ревизионистская) интерпретация — 56, 60, 63, 96
 - указы 1789 года (*cahiers de doléance*) — 46, 113, 305
 - неизбежность — 54, 55, 116, 138
 - Общество друзей чернокожих — 180, 295
 - отмена феодальных прав — 50, 63, 90, 117—119, 128, 139
 - предреволюция — 104
 - социальная (классическая) интерпретация (антифеодалная) — 42—44, 48—53, 59, 124—126, 134, 136, 156
 - термидор — 47, 63, 64, 132
 - террор — 55, 100, 132, 135, 136
 - толпа — 93, 128, 135, 149
 - третье сословие — 47, 49, 51, 52, 64
 - Учредительное и Национальное собрания — 46, 55, 59, 100, 103, 109, 117, 118, 121, 128, 136, 147, 180, 295
 - шуаны — 120, 119—121
 - эбертисты — 47

- якобинцы — 42, 46—49, 55, 59, 123, 131, 132, 134—138, 155
- Фронда — 155
- центральная и восточная — 127
- южная (юго—восточная) — 79
- Юг Франции (Миди) — 17
- *domaine congéable* [аренда с возможностью расторжения договора] — 119
- *Guerre des farines* [мучная война] — 93, 132

Франш-Конте — 19, 91

Фрего, Ги — 268

Френсис, Филипп, сэр — 223

Фридрих, Чарльз Э. — 96

Фритаун — 205

Фрихлинг, Уильям У. — 288, 298

Фройденберг, Херман — 35

Фрэнкел, Джеффри А. — 303

Фрюкенберг, Роберт Эрик — 197, 227

Фужье, Андре — 145, 146

Фуллерд, Харольд — 151

Фюре, Франсуа — 50, 52, 54—56, 59, 62, 63, 112, 116, 126, 144, 145

Х

Хабаккук, Хротгар Джон — 10, 11, 39, 74, 82, 89, 106, 107, 142, 162

Хабиб, Ирфан — 172, 173, 183, 295, 220

Хаджнал, Дж. — 14

Хайам, Рональд — 207

Хайд, Чарльз К. — 33

Хамфри, Х. — 68

Хамфриз, Роберт Артур — 262, 265, 271, 298, 304, 309

Хант, Дэвид — 60, 129

Хант, Линн — 65

Харборн, Уильям — 215

Харгривс, Джеймс — 29

Хардвик, 2-й граф, Филипп Йорк — 239

Харди, Джордж — 183, 194

Харли, С. Ник — 140

Харлоу, Винсент Т. — 173, 208, 222, 225, 246, 250, 269, 283, 298, 299

Харпер, Лоуренс А. — 242, 257

Харрис, Роберт Д. — 103

Хартвелл, Р.М. — 5, 6, 39, 82, 116, 139, 153

Хартманн, Петер Клаус — 25

Хауса — 209

Хафтон, Олвен — 22, 76, 78, 81, 93, 128

Хед-Кёниг, Анна-Лиза — 76

Хейт, Д. С. — 8

Хейд, Уриэль — 167, 213

Хейлз, Дэниэл — 105
 Хейстингс (Гастингс), Уоррен — 223
 Хекшер, Эли Ф. — 112, 121
 Хеллайнер, Карл — 73
 Хендерсон, Арчибалд — 36
 Хендерсон, У.О. — 36, 107, 112, 151
 Хендерсон, Х. Джеймс — 282, 289
 Херр, Ричард — 278
 Хесс, Эндрю С. — 167
 Хестон, Алан У. — 195
 Хёрст, Уильям Рэндольф —
 Хилл, Кристофер — 81
 Хирш, Жан-Пьер — 117, 125, 129
 Хиршман, Альберт — 35, 36
 Хискетт, Мервин — 210
 Хитон, Герберт — 4, 39, 96
 Хитченс, Кейт — 174
 Химия (химическая промышленность) — 17, 29, 34, 96, 172
 Хлеб — xv, 40, 61, 70, 113, 115, 128, 129, 131, 150, 153
 — контроль над ценами, см. *Зерновой либерализм*
 — хлебные бунты — 128
 Хлебные законы, см. *Великобритания*
 Хлопок, см. *Ткани, хлопковые*
 Хобсбаум, Эрик Дж. — 4, 6, 8, 34, 40, 46, 103, 125, 139, 153
 Хогендорн, Ян С. — 176, 193
 Ходжкин, Томас — 210
 Ходжсон, Маршалл — 167, 216
 Хозелиц, Берт Ф. — 25
 Холкер, Джон — 109, 113
 Хон (купеческая гильдия), см. *Китай*
 Хопкинс, А. Дж. — 24, 51, 97, 114, 176, 194, 224
 Хорсмен, Реджинальд — 306
 Хоссаин, Хаида — 197
 Хоффманн, Вальтер Г. — 31, 32, 97
 Хоффманн, Рональд — 245
 Хоэрдер, Дирк — 257
 Христианство, христиане — 63, 167, 206, 210, 215, 259
 Хугли — 171
 Хунек, Фолькер — 60, 61
 Хуран, Альберт — 214, 217
 Хьюз, Джонатан Р.Т. — 5
 Хьюэлл, Гленн — 139, 153
 Хэкер, Луис М. — 238, 243
 Хэмилтон, Эрл Дж. — 8, 9, 268—269
 Хэмметт, Брайан Р. — 261
 Хэммонд, Л.Л. —
 Хэнкок, У.К. — 178
 Хэринг, Кларенс М. — 274

Ц

Цакер — 132
 Цейлон — 151, 183
 Цюрих — 95

Ч

Чай — 162, 207—209, 226, 262
 Чайный акт, см. *Соединенные Штаты Америки*
 Чайльд, Джосия, сэр — 222
 Чанг, Тан — 207—209, 226
 Чандра, Сатиш — 220
 Чарльз, Юнис А. — 183
 Чартизм, см. *Великобритания*
 Частные торговцы, см. *Индия*
 Чатем, архипелаг — 151
 Чекленд, С. Дж. — 296
 Челмер, Джордж — 4
 Чемберлин, Кристофер — 163, 194
 Чемберс, Дж.Д. — 16, 18, 19, 21, 73, 74, 149
 Чемпион, Эдн — 113
 Чендлер, Чарльз Лайон — 308
 Черкасова, А.С. — 202
 Черное море — 175, 200, 217, 231
 Чернокожие (негры) — 181, 237, 252, 271—274, 280, 282, 286—289, 295—297, 308—312
 Чероки — 285
 Чеснатт, Дэвид Р. — 257
 Четвертое сословие — 126, 128
 Чикасо — 285
 Чили — 303, 305
 Чиполла, Карло М. — 5
 Читхем, Джеймс — 303
 Чифтлик, см. *тж.* *Плантации* — 191, 192
 Чодхури, Биной Бхушам — 196
 Чодхури, К.Н. — 168, 171, 172, 184, 189, 221, 222
 Чэпмен, Стэнли Д. — 9, 10, 31, 140

Ш

Шабер, Александр — 118
 Шай, Джон Т. — 289
 Шампань — 19, 113
 Шамплейн, озеро — 272
 Шапиро, Гилберт — 125
 Шапаль, Жан-Антуан-Клод — 109, 112, 120, 152
 Шартр — 20
 Шассань, Серж — 138, 141, 145, 151
 Шатобриан, Франсуа-Рене де, виконт — 47, 123, 180
 Швейцария — 68, 81, 154, 191, 255, 287
 Швеция — 68, 74, 110, 166, 175, 201, 228, 268
 Шевалье, Доминик — 187
 Шелбурн, 1-й маркиз, 2-й граф, Уильям Петти Фицморис Лэнсдаун — 282

Шельда — 121
 Шервиг, Джон М. — 145
 Шеридан, Ричард Д. — 180, 244, 281, 298
 Шерсть, см. Ткани
 Шеферд, Джеймс Ф. — 241, 244, 252, 278, 280
 Шеффилд, лорд — 280
 Шёлк, см. Ткани
 Шлебекер, Джон Т. — 245
 Шлегель, Фридрих фон — 144
 Шлезингер, Артур М., ст. — 244, 251, 256, 257
 Шлоте, Вернер — 142
 Шмидт, Чарльз — 112, 142
 Шмитт, Эберхард — 42, 49
 Шмоллер, Густав фон — 38
 Шнаппер, Бернард — 183, 234
 Шони — 285
 Шоню, Пьер — 74, 248, 249, 262, 264, 269, 270—272, 275, 276, 285, 304, 306
 Шоссинан-Ногаре, Ги — 50, 64, 100, 133
 Шотландия — 31, 119, 176, 244, 247, 249, 278, 290
 Шотландско-ирландские переселенцы — 287
 Шоу, А. Дж. Л. — 151
 Шоу, Стэнфорд Дж. — 217, 218
 Шоуфилд, Р. С. — 13, 73
 Шуазель, Этьен-Франсуа, герцог — 87, 88, 99, 101, 238, 266, 267, 281
 Шуазель-Гуфьер, Мари-Габриэль-Флоран-Огюст де, граф — 217
 Шуаны, восстание (*chouannerie*), см. Франция, Французская (Великая) революция
 Шугер, Питер Ф. — 191, 216
 Шульгин, Александр — 50
 Шумпетер, Йозеф — 5, 40, 41, 63, 82
 Шумпетер, Элизабет Броуди — 40
 Шутц, Джон А. — 304

Э

Эверсли, Д. Е. С. — 8
 Эгнал, Марк — 240, 241, 244
 Эдвардс, Майкл М. — 111, 140
 Эдинбург — 4
 Эйзагирре, Хайме — 274
 Экклс, У. Дж. — 238
 Экпе, тайное общество — 206
 Экспорт, см. Торговля, внешняя
 Элверт, Георг — 164
 Эллис, Джеффри — 143, 146
 Элтис, Дэвид — 177
 Эльзас — 127, 143, 154
 Эмбри Эйнсли Т. — 223
 Эмсли, Клайв — 148
 Энгерман, Стэнли Л. — 116, 150, 153
 Энгельс, Фридрих — 4

Эндреи, Вальтер — 140
 Эндрюс, Джордж Рейд — 244, 308
 Эндрюс, Чарльз М. — 104, 237, 240
 Энергия, см. *тж.* Машины (механизмы) — 5, 22, 23, 140, 141
 Энкомьенда — 309
 Энсти, Роджер — 178
 Эпоха тюльпанов, см. Османская империя
 Эрл — 218
 Эрман, Джон — 107, 110, 111, 114
 Эрнст, Йозеф Альберт — 240, 241, 244, 251, 252
 Эскофье, Морис — 181
 Эстремадура — 276
 Эфик — 184
 Эшерсон, Нил — 122
 Эштон, Т. С. — 9, 24, 81, 101, 110, 153

Ю

Юг (южные штаты), см. Соединенные Штаты Америки
 Южная Америка, см. Америка, Испанская
 Юнг, Артур — 279
 Юристы — 53, 127

Я

Якобинцы, см. Франция, Французская (Великая) революция
 Ямайка — 260, 261, 268
 Яни, Джордж Л. — 198, 201, 228, 229
 Янина — 214
 Япония — 167, 217

А

Alcaldes mayores [старшие алькальды — *исп.*] — 265
Ancien Régime [Старый порядок, Старый режим во Франции], см. Франция

В

Blancos de orila [белые бедняки в Латинской Америке], см. Белые (белокожие)
Bras nus [голыми руками — *фр.*], см. Санкюлоты

С

Cahiers de doléance (наказы Генеральным штатам 1789 года), см. Франция, Французская (Великая) революция
Clasaşi [крестьяне в Румынии], см. Крестьяне
Comercio libre [свободная торговля — *исп.*], см. Торговля, свободная
Comercio neutral [нейтральная торговля — *исп.*], см. Нейтралитет

Conjuração Bahia (заговор в Баия в 1798 году), см. Бразилия

D

Dérapage (в ревизионистской интерпретации Французской революции: отклонение от ее основного курса) — 57, 65, 69, 135

Droit de parcours (право на выпас скота на пустошах другой коммуны), см. Сельское хозяйство

E

Engagés (система контрактного труда во французских колониях), см. Контрактный труд

F

Fermiers (Généraux) [откупщики (генеральные откупщики) — фр.] — 78, 93

Financiers [финансисты — фр.], см. Франция

G

Gachupin (насмешливое прозвище выходцев с Пиренейского полуострова в Испанской Америке), см. Испания, выходцы в Америке

Grundherrschaft (немецкое помещичье хозяйство феодального типа) — 191

Guerre des farines [мучная война — фр.], см. Франция

Gutsherrschaft (немецкое помещичье имение капиталистического типа) — 191

I

Inconfidência mineira (заговор в Минас-Жерайсе), см. Бразилия

Ilustración (испанская версия Просвещения), см. тж. Просвещение — 264

L

Laboureurs [земледельцы — фр.], см. тж. Крестьяне — 118, 130

Laissez-faire [невмешательство государства в экономику — фр.] — 24, 60, 98, 104

M

Manoouvriers [работники — фр.], см. Работники, сельскохозяйственные

Mantuanos (крупные землевладельцы в Испанской Америке), см. Крупные землевладельцы (ленд-лорды)

Miri (пограничные пустоши в Османской империи), см. Сельское хозяйство, пустоши

O

Obrajes [мастерские-мануфактуры в Испанской Америке] — 271, 292

Officiers [чиновники — фр.], см. Франция, Старый порядок (*Ancien Régime*)

P

Pacte colonial [колонияльный пакт — фр.] — 293

Pardos (мулаты в Испанской Америке), см. Мулаты

R

Resguardos (общинные земли индейцев в Латинской Америке) — 272, 273

V

Vaine pâture (право на выпас скота на неогороженном поле), см. Сельское хозяйство, система открытых полей

Vivre noblemen [благородная жизнь — фр.] — 53

Z

Zolleverein [таможенный союз — нем.] — 147

КНИГИ, ВЫПУЩЕННЫЕ ИЗДАТЕЛЬСТВОМ
УНИВЕРСИТЕТА ДМИТРИЯ ПОЖАРСКОГО
(РУССКИЙ ФОНД СОДЕЙСТВИЯ ОБРАЗОВАНИЮ И НАУКЕ)

**Более подробную информацию о наших книгах
(аннотации, оглавления, отдельные главы)
вы можете найти на сайте www.s-and-e.ru**

ГЕОПОЛИТИКА. СОЦИОЛОГИЯ.
НОВЕЙШАЯ ИСТОРИЯ. ВОЕННАЯ ИСТОРИЯ:

1. *Валлерстайн Иммануил. Мир-система Модерна. Том I. Капиталистическое сельское хозяйство и истоки европейского мира-экономики в XVI веке. Wallerstein Immanuel. The Modern World-System I. Capitalist Agriculture and the Origins of the European World-Economy in the Sixteenth Century* / предисловие Г.М. Дерлугьяна; пер. с англ., литер. редакт., комм. Н. Проценко, А. Черняева. М., 2015, 2016.
2. *Валлерстайн Иммануил. Мир-система Модерна. Том II. Меркантилизм и консолидация европейского мира-экономики, 1600—1750. Wallerstein Immanuel. The Modern World-System II. Mercantilism and the Consolidation of the European World-Economy, 1600—1750* / пер. с англ., литер. редакт., комм. Н. Проценко. М., 2015, 2016.
3. *Валлерстайн Иммануил. Мир-система Модерна. Том III. Вторая эпоха великой экспансии капиталистического мира-экономики, 1730—1840-е годы. Wallerstein Immanuel. The Modern World-System III. The Second Era of Great Expansion of the Capitalist World-Economy, 1730s—1840s* / пер. с англ., литер. редакт., комм. Н. Проценко. М., 2016
4. *Зверев В. О. Иностраннный шпионаж и организация борьбы с ним в Российской империи (1906—1914 гг.).* М., 2016.
5. *Кикнадзе В. Г. Невидимый фронт войны на море. Морская радиоэлектронная разведка в первой половине XX века.* М., 2011.
6. *Козлов Д. Ю. Нарушение морских коммуникаций по опыту действий российского флота в Первой мировой войне (1914—1917).* М., 2013.
7. *Котельников В. Р. Отечественные авиационные поршневые моторы 1910—2009.* М., 2010.
8. *Люттвак Эдвард Н. Стратегия: логика войны и мира. Luttwak Edward N. The Strategy: Logic of War and Peace* / пер. с англ. А. Н. Коваля. М., 2012, 2015.
9. *Люттвак Эдвард Н. Государственный переворот: практическое пособие. Luttwak Edward N. Coup d'Etat: Practical Handbook* / пер. с англ. Н. Н. Платошкина. М., 2012, 2015.
10. *Люттвак Эдвард Н. Возвышение Китая vs. логика стратегии. Luttwak Edward N. The Rise of China vs. the Logic of Strategy.* М., 2016.
11. *Мазов С. В. Холодная война в «сердце Африки». СССР и конголезский кризис, 1960—1964.* М., 2015.
12. *Многосторонняя дипломатия в биполярной системе международных отношений* / отв. ред. Н. И. Егорова. М., 2012.
13. *Петров П. В. Краснознаменный Балтийский флот накануне Великой Отечественной войны: 1935 — весна 1941 гг.* М., 2016.
14. *Платошкин Н. Н. Весна и осень чехословацкого социализма. Чехословакия в 1938—1968 гг. Часть 1. Весна чехословацкого социализма. 1938—1948 гг.* М., 2016.
15. *Платошкин Н. Н. Весна и осень чехословацкого социализма. Чехословакия в 1938—1968 гг. Часть 2. Осень чехословацкого социализма. 1948—1968 гг.* М., 2016.
16. *Рашид Ахмед. Талибан* / пер. с англ. М.В. Поваляева. М., 2003.
17. *Свойский Ю. М. Военнопленные Халхин-Гола. История бойцов и командиров РККА, прошедших через японский плен.* М., 2014.

18. Симонов Н. С. Военно-промышленный комплекс СССР в 1920—1950-е годы: темпы экономического роста, структура, организация производства и управление. М., 2015.
19. Симонов Н. С. Несостоявшаяся информационная революция: условия и тенденции развития в СССР электронной промышленности и средств массовой коммуникации. Часть I. 1940—1969 годы. М., 2013.
20. Симонов Н. С. Очерки истории банковской системы России. 1988—2013 гг. М., 2016.
21. Степанов А. С. Развитие советской авиации в предвоенный период (1938 — первая половина 1941 года). М., 2009.
22. Томиока Садатоси. Политическая стратегия Японии до начала войны. М., 2016.
23. Тумишис М. А. Щит и меч Советского Союза. Справочник: краткие биографии руководителей органов государственной безопасности СССР и союзных республик (декабрь 1922 — декабрь 1991 гг.). М., 2016.
24. Улунян Ар. А. Балканский «щит социализма». Оборонная политика Албании, Болгарии, Румынии и Югославии (середина 50-х гг. — 1980 г.). М., 2013.
25. Фомин А. М. Война с продолжением. Великобритания и Франция в борьбе за «Османское наследство», 1918—1923. М., 2010.
26. Хмурые будни холодной войны. Ее солдаты, прорабы и невольные участники / отв. ред. А. С. Степанов. М., 2012.

ИСТОРИЯ ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКИ:

27. Исэров А. А. США и борьба Латинской Америки за независимость, 1815—1830. М., 2011.
28. Платошкин Н. Н. История Мексиканской революции. Том 1: Истоки и победа. 1810—1917 гг. М., 2011.
29. Платошкин Н. Н. История Мексиканской революции. Том 2: Выбор пути. 1817—1828 гг. М., 2011.
30. Платошкин Н. Н. История Мексиканской революции. Том 3: Время радикальных реформ. 1828—1940 гг. М., 2011.
31. Платошкин Н. Н. Чили 1970—1973 гг. Прерванная модернизация. М., 2011.
32. Платошкин Н. Н. Интервенция США в Доминиканской республике 1965 года. М., 2013.
33. Платошкин Н. Н. Сандинистская революция в Никарагуа. Предыстория и последствия. М., 2015.

СРЕДНЕВЕКОВЬЕ. НОВОЕ ВРЕМЯ. ИССЛЕДОВАНИЯ. ИСТОЧНИКИ:

а) Сборники и хрестоматии:

34. Древняя Русь в свете зарубежных источников: хрестоматия. Том I. Античные источники / сост. А. В. Подосинов, под ред. Т. Н. Джаксон, И. Г. Коноваловой и А. В. Подосинова. М., 2009.
35. Древняя Русь в свете зарубежных источников: хрестоматия. Том II. Византийские источники / сост. М. В. Бибилов, под ред. Т. Н. Джаксон, И. Г. Коноваловой и А. В. Подосинова. М., 2010.
36. Древняя Русь в свете зарубежных источников: хрестоматия. Том III. Восточные источники / сост. Т. М. Калинина, И. Г. Коновалова, В. Я. Петрухин, под ред. Т. Н. Джаксон, И. Г. Коноваловой и А. В. Подосинова. М., 2009.
37. Древняя Русь в свете зарубежных источников: хрестоматия. Том IV. Западноевропейские источники / сост., пер., коммент. А. В. Назаренко, под ред. Т. Н. Джаксон, И. Г. Коноваловой и А. В. Подосинова. М., 2010.
38. Древняя Русь в свете зарубежных источников: хрестоматия. Том V. Древнескандинавские источники / сост. Г. В. Глазырина, Т. Н. Джаксон, Е. А. Мельникова, под ред. Т. Н. Джаксон, И. Г. Коноваловой и А. В. Подосинова. М., 2009.
39. Древняя Русь в свете зарубежных источников / под ред. Е. А. Мельниковой; авторы: М. В. Бибилов, Г. В. Глазырина, Т. Н. Джаксон, И. Г. Коновалова, Е. А. Мельникова, А. В. Назаренко, А. В. Подосинов. М., 2013, 2015.
40. Древнейшие государства Восточной Европы. 2006 год: Пространство и время в средневековых текстах / отв. ред. Г. В. Глазырина. М., 2010.

41. Древнейшие государства Восточной Европы. 2007 год: *Назаренко А. В.* Древняя Русь и славяне (историко-филологические исследования). М., 2009.
42. Древнейшие государства Восточной Европы. 2008 год: *Пацито В. Т.* Русь. Прибалтика. Папство. Избранные статьи. М., 2011.
43. Древнейшие государства Восточной Европы. 2010 год: Предпосылки и пути образования Древнерусского государства / отв. ред. Е. А. Мельникова. М., 2013, 2015.
44. Древнейшие государства Восточной Европы. 2011 год: Устная традиция в письменном тексте / отв. ред. Г. В. Глазырина. М., 2013.
45. Древнейшие государства Восточной Европы. 2012 год: Проблемы эллинизма и образования Боспорского царства / отв. ред. А. В. Подосинов, О. Л. Габелко. М., 2014.
46. Древнейшие государства Восточной Европы. 2013 год: Зарождение историописания в обществах Древности и Средневековья / отв. ред. Д. Д. Беляев, Т. В. Гимон. М., 2016.
47. Древнейшие государства Восточной Европы. 2014 год: Древняя Русь и средневековая Европа: возникновение государств / отв. ред. тома Т. Н. Джаксон; отв. ред. сер. Е. А. Мельникова. М., 2016.
48. Висы дружбы: Сборник статей в честь Т. Н. Джаксон / под ред. Н. Ю. Гвоздецкой, И. Г. Коноваловой, Е. А. Мельниковой, А. В. Подосинова. М., 2011.
49. Самые забавные лживые саги: Сборник статей в честь Галины Васильевны Глазыриной / под ред. Т. Н. Джаксон и Е. А. Мельниковой. М., 2012.
50. Именослов. История языка. История культуры. Сборник статей / отв. ред. Ф. Б. Успенский. М., 2012.
51. Многоликость целого: из истории цивилизаций Старого и Нового Света: Сборник статей в честь Виктора Леонидовича Малькова / отв. ред. О. В. Кудрявцева. М., 2011.
52. Немецкие анналы и хроники X—XI вв. / пер. И. В. Дьяконова, В. В. Рыбакова. М., 2012.
53. Полоцкие грамоты XIII—начала XVI в. Том 1 / под ред. А. Л. Хорошкевич, С. В. Полехова, В. А. Воронина, А. И. Груши, А. А. Жлутко, Е. Р. Сквайрс, А. Г. Тюльпина. М., 2015.
54. Полоцкие грамоты XIII—начала XVI в. Том 2 / под ред. А. Л. Хорошкевич, С. В. Полехова, В. А. Воронина, А. И. Груши, А. А. Жлутко, Е. Р. Сквайрс, А. Г. Тюльпина. М., 2015.
55. Формирование территории Российского государства. XVI—начало XX в. (границы и геополитика) / отв. ред. Е. П. Кудрявцева. М., 2015.

б) Русь и Россия. Славянский мир:

56. *Афанасьева Т. И.* Древнеславянские толкования на литургию в рукописной традиции XII—XVI вв.: исследование и тексты. М., 2012.
57. *Афанасьева Т. И.* Литургии Иоанна Златоуста и Василия Великого в славянской традиции (по служебникам XI—XV вв.). М., 2015.
58. *Бадаланова Геллер Ф.* Фольклорная Библия бессарабских и таврических болгар. Книга сущая в устах. М., 2016
59. *Березович Е. Л.* Русская лексика на общеславянском фоне: семантико-мотивационная реконструкция. М., 2012.
60. *Волков С. В.* Высшее чиновничество Российской империи. Краткий словарь. М., 2016.
61. *Волков С. В.* Офицеры казачьих войск. Опыт мартиролога. М., 2013.
62. *Гайда Ф. А.* Власть и общественность в России: диалог о пути политического развития (1910—1917). М., 2016.
63. *Евсеева Л. М.* Аналойные иконы в Византии и Древней Руси. Образ и литургия. М., 2013.
64. *Каиштанов С. М.* Исследование о молдавской грамоте XV века. М., 2012.
65. *Каиштанов С. М.* Московское царство и Запад: историографические очерки. М., 2015.
66. *Лидов А. М., Евсеева Л. М., Чугреева Н. Н.* Спас Нерукотворный в русской иконе. М., 2008.
67. Мария Фёдоровна, императрица, 1847—1928. Ксения Александровна, вел. кн., 1875—1960, Ольга Александровна, вел. кн., 1882—1960. Письма (1918—1940) к княгине А. А. Оболенской / подгот. текста, пер. с франц. М. Е. Сороки, под ред. Л. И. Заковоротной. М., 2013.
68. *Мельникова Е. А.* Древняя Русь и Скандинавия. Избранные труды / под ред. Г. В. Глазыриной и Т. Н. Джаксон. М., 2011.

69. Мендюков А. В. Русская Православная Церковь в Среднем Поволжье на рубеже XIX—XX веков. М., 2016.
70. Менькова И. Г. Блаженные кроткие... Священномученик Сергей Лебедев, последний духовник Московского Новодевичьего монастыря. Жизненный путь, проповеди, письма из ссылки. М., 2014.
71. Пётр II Петрович Негош и Россия (Русско-черногорские отношения в 1830—1850-е гг.). Документы / сост.: М. Ю. Анисимов, Ю. П. Аншаков, Р. Распопович, Н. Н. Хитрова. М., 2013.
72. Пихоя Р. Г. Записки археографа. М., 2016.
73. Пулюкин М. В. Самосожжения старообрядцев (середина XVII—XIX в.). М., 2013, 2015.
74. Рахеев Д. Я. Политика России на Северном Кавказе в первой четверти XVIII века. М., 2012.
75. Собрание проповедей протоиерея Валентина Амфитеатрова / сост. Е. В. Викторова, И. Н. Сергеевко. М., 2016.
76. Столярова Л. В., Каштанов С. М. Книга в Древней Руси (XI—XVI вв.) / отв. ред. С. М. Каштанов. М., 2010.

в) Западный мир. Восток:

77. Агишев С. Ю. Теодорик Монах и его «История о древних норвежских королях». М., 2013.
78. Ауров О. В., Марей А. В. Вестготская правда (Книга приговоров). Латинский текст, Перевод, Исследование. М., 2012.
79. Белозёрова В. Г. Традиционное искусство Китая: В 2 т. Том 1: Неолит — IX век / отв. ред. М. Е. Кравцова. М., 2016.
80. Большаков О. Г. Рождение и развитие ислама и мусульманской империи (VII—VIII вв.). М., 2016.
81. Ганина Н. А. Мехтильда Магдебургская. Струящийся свет Божества. Перевод и исследования. М., 2014.
82. Генрих Хантингдонский. История англос / пер. с лат., вступ. ст., примеч., библиография и указатели С. Г. Мереминского. М., 2015.
83. Гимон Т. В. Историописание раннесредневековой Англии и Древней Руси: сравнительное исследование / отв. ред. Л. В. Столярова. М., 2012.
84. Долеман Р. (Парсонс Роберт). Рассуждение о наследовании английского престола. 1594 г. / перевод А. Ю. Серёгиной. М., 2013.
85. Долгорукова Н. М. Сафо Средневековья. Мария Французская: Круг чтения и литературные принципы автора XII в. М., 2016.
86. Джаксон Т. Н. Исландские королевские саги о Восточной Европе. М., 2012.
87. Калинина Т. М. Проблемы истории Хазарии (по данным восточных источников). М., 2015.
88. Лидов А. М. Росписи монастыря Ахтала. История, иконография, мастера. М., 2014.
89. Марей Е. С. Энциклопедист, богослов, юрист: Исидор Севильский и его представления о праве и правосудии. М., 2014.
90. Мереминский С. Г. Формирование традиции: английское историописание второй половины XI — первой половины XII веков. М., 2016.
91. Святитель Хроматий Аквийский. Проповеди / пер., вступ. ст. С. С. Кима. М., 2014.
92. Юлиана Нориджская. Откровения Божественной Любви / пер., вступ. ст., примеч., подгот. среднеангл. текста Ю. Дресвиной. *Julian of Norwich. Revelations of Divine Love* / Edition, introduction, translation and commentaries by Juliana Dresvina. М., 2010.

1

ЭТНОГРАФИЯ. ФОЛЬКЛОРИСТИКА. АРХЕОЛОГИЯ:

93. Иванова Л. И. Персонажи карельской мифологической прозы. Исследования и тексты быличек, бывальщин, поверий и верований карелов. М., 2012
94. Иванова Л. И. Карельская баня: обряды, верования, народная медицина и духи-хозяева. М., 2016.
95. Криничная Н. А. Крестьянин и природная среда в свете мифологии. Былички, бывальщины и поверья Русского Севера: Исследования. Тексты. Комментарий. М., 2011.
96. Лобанова Н. В., Филатова В. Ф. Археологические памятники в районе Онежских петроглифов. М., 2015.

97. Лобанова Н. В. Петроглифы Онежского озера. М., 2015.
98. Логинов К. К. Обряды, обычаи и конфликты традиционного жизненного цикла русских Водлозерья. М., 2010.
99. Ольговский С. Я. Цветная металлообработка Северного Причерноморья VII—V вв. до н. э. По материалам Нижнего Побужья и Среднего Поднепровья. М., 2014.
100. Толстая С. М. Образ мира в тексте и ритуале. М., 2015.

АНТИЧНОСТЬ. ВИЗАНТИНИСТИКА. ФИЛОСОФИЯ. ФИЛОЛОГИЯ:

101. Гай Юлий Цезарь. Записки о войне с галлами. Книга 1 / введение и комментарии С. И. Соболевского. М., 2011.
102. Гай Юлий Цезарь. Записки о войне с галлами. Книга 2—4 / введение и комментарии С. И. Соболевского. М., 2011.
103. Квинт Смирнский. После Гомера / вступ. ст., пер. с др. греч. яз., прим. А. П. Большакова М., 2016.
104. Прокл Диадох. Комментарий к первой книге «Начал» Евклида / пер. А. И. Шетникова. М., 2013.
105. Древняя синагога в Херсонесе Таврическом: материалы и исследования Причерноморского Проекта 1994—1998 гг. Херсон. Том I / Золотарёв М. И. и др. М., 2013.
106. Латинские панегирики / вступ. ст., пер. и комм. И. Ю. Шабаги. М., 2016.
107. С Митридата дует ветер. Боспор и Причерноморье в античности. К 70-летию В. П. Толстикова / под ред. Д. В. Журавлева, О. Л. Габелко. М., 2015.
108. Хроника Симеона Магистра и Логофета / пер. со среднегреч. А. Ю. Виноградова, вступ. ст. и комм. П. В. Кузенкова. М., 2013.
109. Gaudeamus Igitur: Сборник статей к 60-летию А. В. Подосинова / под ред. Т. Н. Джаксон, И. Г. Коноваловой, Г. Р. Цецхладзе. М., 2010.
110. Виноградов А. Ю. Миновала уже зима языческого безумия. Церковь и церкви Херсона в IV веке по данным литературных источников и эпиграфики. М., 2010.
111. Виноградов А. Ю. «Деяния Андрея и Матфия в городе людоедов»: опыт прочтения одного апокрифа. М., 2014.
112. Ермолаева Е. Л. Гомер. Илиада. XVIII песнь «Щит Ахилла». М., 2011.
113. Жмудь Л. Я. Пифагор и ранние пифагорейцы. М., 2012.
114. Завойкина Н. В. Боспорские фиасы: между полисом и монархией. М., 2013.
115. Кузьмин Ю. Н. Аристократия Берои в эпоху эллинизма. М., 2013.
116. Куланда С. В. Скифы: язык и этногенез. М., 2016.
117. Лапырёнок Р. В. Наследие аграрного закона Тиберия Гракха: земельный вопрос и политическая борьба в Риме 20-х гг. II в. до н. э. М., 2016.
118. Люттвак Эдвард Н. Стратегия Византийской империи. Luttwak Edward N. The Grand Strategy of the Byzantine Empire / пер. с англ. А. Н. Ковалёва. М., 2010, 2012.
119. Межеричский Я. Ю. «Восстановленная республика» императора Августа. М., 2016.
120. Позднеев М. М. Психология искусства. Учение Аристотеля. М., 2010.
121. Ревзин Г. Путешествие в Античность. Комплект фотографий и чертежей античных памятников с комментариями. М., 2006.
122. Смирнов С. В. Государство Селевка I (политика, экономика, общество). М., 2013.
123. Сорочан С. Б. Византийский Херсон (вторая половина VI — первая половина X вв.). Том II. Часть I. М., 2013.
124. Сорочан С. Б. Византийский Херсон (вторая половина VI — первая половина X вв.). Том II. Часть II. М., 2013.
125. Сорочан С. Б. Византийский Херсон (вторая половина VI — первая половина X вв.). Том II. Часть III. М., 2013.
126. Суриков И. Е. Аристократия и демос: политическая элита архаических и классических Афин. М., 2009.
127. Суриков И. Е. Античный полис. М., 2010.
128. Суриков И. Е. Античная Греция: политики в контексте эпохи. Година междоусобиц. М., 2011.

129. Суриков И. Е. Античная Греция: политики в контексте эпохи. На пороге нового мира. М., 2015.
130. Суриков И. Е. Полис, логос, космос: мир глазами эллина. Категории древнегреческой культуры. М., 2013, 2015.
131. Файер В. В. Александрийская филология и гомеровский гекзаметр. М., 2010.
132. Файер В. В. Рождение филологии. «Илиада» в Александрийской библиотеке. М., 2013.

ЖУРНАЛ «АРИСТЕЙ»:

133. Аристей. Вестник классической филологии и античной истории / гл. ред. А. В. Подосинов. Т. I. М., 2010.
134. Аристей. Вестник классической филологии и античной истории / гл. ред. А. В. Подосинов. Т. II. М., 2010.
135. Аристей. Вестник классической филологии и античной истории / гл. ред. А. В. Подосинов. Т. III. М., 2011.
136. Аристей. Вестник классической филологии и античной истории / гл. ред. А. В. Подосинов. Т. IV. М., 2011.
137. Аристей. Вестник классической филологии и античной истории / гл. ред. А. В. Подосинов. Т. V. М., 2012.
138. Аристей. Вестник классической филологии и античной истории / гл. ред. А. В. Подосинов. Т. VI. М., 2012.
139. Аристей. Вестник классической филологии и античной истории / гл. ред. А. В. Подосинов. Т. VII. М., 2013.
140. Аристей. Вестник классической филологии и античной истории / гл. ред. А. В. Подосинов. Т. VIII. М., 2013.
141. Аристей. Вестник классической филологии и античной истории / гл. ред. А. В. Подосинов. Т. IX. М., 2014.
142. Аристей. Вестник классической филологии и античной истории / гл. ред. А. В. Подосинов. Т. X. М., 2014.
143. Аристей. Вестник классической филологии и античной истории / гл. ред. А. В. Подосинов. Т. XI. М., 2015.
144. Аристей. Вестник классической филологии и античной истории / гл. ред. А. В. Подосинов. Т. XII. М., 2015.

ЕГИПТОЛОГИЯ:

145. Aegyptiaca Rossica. Выпуск 1. Сборник статей / под ред. М. А. Чегодаева, Н. В. Лаврентьевой. М., 2013.
146. Aegyptiaca Rossica. Выпуск 2. Сборник статей / под ред. М. А. Чегодаева, Н. В. Лаврентьевой. М., 2014.
147. Aegyptiaca Rossica. Выпуск 3. Сборник статей / под ред. М. А. Чегодаева, Н. В. Лаврентьевой. М., 2015.
148. Лаврентьева Н. В. Мир ушедших. Дуат: Образ иного мира в искусстве Египта (Древнее и Среднее царства). М., 2012.
149. Прусаков Д. Б. Додинастический Египет. Лодка у истоков цивилизации. М., 2015.

СПЕЦИАЛЬНЫЕ ИСТОРИЧЕСКИЕ ДИСЦИПЛИНЫ:

150. Вопросы эпиграфики. Выпуск 1. Сборник статей / под ред. А. Г. Авдеева. М., 2006.
151. Вопросы эпиграфики. Выпуск 2. Сборник статей / под ред. А. Г. Авдеева. М., 2008.
152. Вопросы эпиграфики. Выпуск 3. Сборник статей / под ред. А. Г. Авдеева. М., 2009.

153. Вопросы эпиграфики. Выпуск 4. Сборник статей / под ред. А. Г. Авдеева. М., 2010.
154. Вопросы эпиграфики. Выпуск 5. Сборник статей / под ред. А. Г. Авдеева. М., 2011.
155. Вопросы эпиграфики. Выпуск 6. Сборник статей / под ред. А. Г. Авдеева. М., 2012.
156. Вопросы эпиграфики. Выпуск 7. Сборник статей в 2 ч. / под ред. А. Г. Авдеева. М., 2013.
157. Вопросы эпиграфики. Выпуск 8. Сборник статей / под ред. А. Г. Авдеева. М., 2015.
158. Антонец Е. В. Введение в римскую палеографию. М., 2009.
159. Вальков Д. В. Генуэзская эпиграфика Крыма. М., 2015.

ВЕСТНИК УНИВЕРСИТЕТА ДМИТРИЯ ПОЖАРСКОГО:

160. Вестник Университета Дмитрия Пожарского. Выпуск 1. Город: история и культура. М., 2014.
161. Вестник Университета Дмитрия Пожарского. Выпуск 1 (2). Русь и Византия. М., 2015.
162. Вестник Университета Дмитрия Пожарского. Выпуск 1 (3). Политические репрессии на севере России (материалы работы Соловецкого семинара). М., 2016.

СОБРАНИЯ СОЧИНЕНИЙ:

Четыре тома избранных произведений О.А. Седаковой:

163. Седакова О. А. Четырехтомное издание избранных произведений: Стихи (1-й том). М., 2010.
164. Седакова О. А. Четырехтомное издание избранных произведений: Переводы (2-й том). М., 2010.
165. Седакова О. А. Четырехтомное издание избранных произведений: Poetica (3-й том). М., 2010.
166. Седакова О. А. Четырехтомное издание избранных произведений: Moralia (4-й том). М., 2010.
167. ДВА ВЕНКА: Посвящение Ольге Седаковой. Сборник статей / под ред. А. В. Маркова, Н. В. Ликвинцевой, С. М. Панич, И. А. Седаковой. М., 2013.

Собрание сочинений В.В. Библихина:

168. Библихин В. В. Слово и событие. Писатель и литература. Собрание сочинений. Том I. М., 2010.
169. Библихин В. В. Введение в философию права. Собрание сочинений. Том II. М., 2013.
170. Библихин В. В. Новый ренессанс. Собрание сочинений. Том III. М., 2013.

УЧЕБНИКИ И УЧЕБНЫЕ ПОСОБИЯ:

171. Кизим А. В. Крымская война. Учебное пособие. М., 2016.
172. Девяткина К. С. Сборник упражнений к учебнику ENGLISH IX (под ред. О. В. Афанасьевой и И. В. Михеевой). М, 2016.
173. Девяткина К. С. Сборник упражнений к учебнику ENGLISH X (под ред. О. В. Афанасьевой и И. В. Михеевой). М, 2016.
174. Девяткина К. С. Сборник упражнений к учебнику ENGLISH XI (под ред. О. В. Афанасьевой и И. В. Михеевой). М, 2016.
175. Зайков А. В. Римское частное право в систематическом изложении. Учебник. М., 2012.
176. Поливанова А. К. Старославянский язык. Грамматика. Словари. М., 2013.
177. Рязановский А. Р. Математика. Подготовка к ОГЭ и ЕГЭ. Арифметика, алгебра, начала математического анализа. Очерки по истории математики с древнейших времён. М., 2015.
178. Смышляев А. Л. История Древнего Рима от Ромула до Гракхов. Учебное пособие. М., 2007.

***Если вы нашли в наших книгах опечатки,
просьба сообщить о них на электронный адрес knigiuaip@gmail.com.
В сообщении нужно указать книгу, страницу и абзац, где была обнаружена
опечатка. Благодарим за сотрудничество.***

Научное издание

Валлерстайн Иммануил

МИР-СИСТЕМА МОДЕРНА

Том III

Вторая эпоха великой экспансии
капиталистического мира-экономики, 1730—1840-е годы

Печатается по решению
Ученого совета Университета Дмитрия Пожарского

Редактор
Н. П. Проценко

Корректор
С. А. Давыдова

Дизайн макета
М. В. Григоренко

Верстка
А. А. Васильева

Дизайн обложки
Е. А. Горева

Подписано в печать 29.07.2016 г. Формат 70×100^{1/16}.
Бумага офсетная. Гарнитура Minion. Печать офсетная.
Тираж 3000 экз. Заказ № 1234

),

Русский фонд содействия образованию и науке
119435, Москва, Малая Пироговская, д. 13, стр. 1
www.s-and-e.ru

Типография «Наука»
121099, Москва, Шубинский пер., д. 6

